

БЫЛЫЕ ГОДЫ. 2019. 52(2)
РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Редакционная коллегия:

А. А. Черкасов (г. Волгоград, Россия)
гл. редактор – д-р ист. наук

Е. Ф. Кринко (г. Ростов-на-Дону, Россия)
зам. гл. редактора – д-р ист. наук

С. И. Дегтярев (г. Сумы, Украина)
д-р ист. наук

В. Г. Иванцов (г. Сочи, Россия)
канд. ист. наук

Т. А. Магсумов (г. Набережные Челны,
Россия)
канд. ист. наук

Журнал включен в базу
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Редакционный совет:

Д. Даровец (г. Венеция, Италия)

П. Джозефсон (г. Вотервилль, США)

Р. Марвик (г. Ньюкасл, Австралия)

Р. В. Метревели (г. Тбилиси, Грузия)

Б. Н. Миронов (г. Санкт-Петербург, Россия)

Дж. Санборн (Пенсильвания, США)

В. Сандерлэнд (г. Цинциннати, США)

С. Г. Суляк (г. Тирасполь, Молдавия)

С. Ф. Фоминых (г. Томск, Россия)

Г. Чжан (г. Чанчунь, Китай)

Ф. Б. Шенк (г. Базель, Швейцария)

М. Шмигель (г. Банска Быстрица, Словакия)

Учредитель – International Network Center for Fundamental and Applied Research, США
Издатель – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Словакия

Адрес для писем:

831 04, Словакия, г. Братислава – Нове Место,
ул. Стара Вайнорска, 1367/4

Подписано в печать 01.06.2019 г.
Формат 21 × 29,7/4.

Заказ № 57.

Тел.: +421 940 136139 (Словакия)
Тел.: +7 918 2019719 (Россия)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Сайт журнала: <http://ejournal52.com>

Выходит с 2006 г.
Периодичность – 1 раз в 3 месяца

Редактор, корректор,
редактор-переводчик В.С. Молчанова
Технический редактор, электронная
поддержка Н. А. Шевченко

На обложке слева направо:
Князь Владимир Мономах, в центре Император Николай I, княгиня Ольга
В нижней части обложки: герб Черноморской губернии
и фотография из серии «Виды Российской империи»

BYLYE GODY. 2019. 52(2)
RUSSIAN HISTORICAL JOURNAL

Editorial Staff:

A. A. CHERKASOV (VOLGOGRAD, RUSSIA)
Editor in Chief – Dr. (History)

E. F. KRINKO (ROSTOV-ON-DON, RUSSIA)
Deputy Editor in Chief – Dr. (History)

S. I. DEGTYAREV (SUMY, UKRAINE)
Dr. (History)

V. G. IVANTSOV (SOCHI, RUSSIA)
PhD (History)

T. A. MAGSUMOV (NABEREZHNYE CHELNY,
RUSSIA)
PhD (History)

This journal is listed in
Scopus,
Web of Science,
Directory of Open Access Journals,
Open Academic Journals Index.

Editorial Board:

D. DAROVEC (VENICE, ITALY)

S. F. FOMINYKH (TOMSK, RUSSIA)

P. JOSEPHSON (WATERVERVILLE, USA)

R. MARKWICK (NEWCASTLE, AUSTRALIA)

R. V. METREVELI (TBILISI, GEORGIA)

B. MIRONOV (ST. PETERSBURG, RUSSIA)

J. SANBORN (PENNSYLVANIA, USA)

F. B. SCHENK (BASEL, SWITZERLAND)

M. SMIGEL (BANSKA BYSTRICA, SLOVAKIA)

S.G. SULYAK (TIRASPOL, MOLDOVA)

W. SUNDERLAND (CINCINNATI, USA)

G. ZHANG (CHANGCHUN, CHINA)

Publisher – International Network Center for Fundamental and Applied Research, USA
Co-publisher – Academic Publishing House Researcher s.r.o., Slovak Republic

Postal Address:

1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava –
Nove Mesto, 831 04

Approved for printing 1.6.2019

Order № 57.

Тел.: +421 940 136139 (Slovak Republic)
Tel.: +7 918 2019719 (Russia)
E-mail: bylyegody@sutr.ru
Website: <http://ejournal52.com>

Editor, Proofreader
editor-translator
V. S. MOLCHANOVA

Issued from 2006
Publication frequency – once in 3 months

Technical Editor, Electronic support by
N. A. SHEVCHENKO

On the cover page from left to right:

Prince Vladimir Monomakh, the Emperor Nicholas I is in the centre, the Princess Olga
At the bottom of the cover page: Chernomorskaya Gubernia (Black Sea Province) emblem
and photo from the series «The views of the Russian Empire»

C O N T E N T S

ARTICLES

Civil Status of Members of Ethnolocal Groups in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries V.G. Afanas'ev, I.V. Voloshinova	460
The First "Fortified Town of Narym": the Problem of Localization and Search Prospects E.V. Barsukov	470
Reproductive Calendar of Komi-Perms in the XVII century O.N. Naumenko, E.A. Naumenko, N.K. Martynenko	482
Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries) S.I. Degtyarev, L.G. Polyakova, L.L. Balanyuk, J. Gut	491
On the Issue of Missionary Activity of Priests of the Russian Orthodox Church Among the Native Population of North-Eastern Siberia in the XVIII – XIX centuries A.V. Alepko	502
Russian Pre-Revolutionary Historiography of Religious Policy of the Mongolian Empire G.S. Bedelova, K.T. Zhumagulov	513
Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School D.N. Gergilev, N.L. Khait, E.A. Akhtamov	523
The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries V.V. Tsys', O.P. Tsys'	533
Spearhead of the Crimean Tatar Sultan Tokhtamysh from the Collection of the State Historical Museum L.A. Bobrov, S.Y. Kainov, V.V. Veselitskaya, A.V. Salnikov	542
«The Letters of the Russian Traveler» by N.M. Karamzin about Cultural and Social Development of the Countries of Western Europe and Russia I.V. Suchkov	559
The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Military Aspect E.V. Kryzhko, P.I. Pashkovsky, N.N. Chemodurov, T.A. Charusov	568
References of the Arabographic Manuscripts in Southern Urals in the XIX century N.R. Salikh	576
The Russian-Turkish and Russian-Persian Front Line on the Eve of and During the Patriotic War of 1812 A.A. Cherkasov, L.A. Koroleva, S. Bratanovskii, N. Ter-Oganov	585
Legal Landscape of the Russian Empire: the Experience of Interaction between the Center and the Regions (XVIII – beginning of the XX centuries) A.V. Popova, S.S. Gorokhova, M.G. Abramova	596
Don Cossack at the Turn of Eras: St. Petersburg Diary of I.I. Krasnov (1819) A.Y. Peretyatko	605
«If It Is Possible, Build into Khan's Dignity»: the Perception of the 1920s Reforms by the Ethno-Elite of the Middle Zhuz XIX century (according to Materials of Deputy Missions of Kazakh Sultans to Petersburg) Y.A. Lysenko	615

The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834 R.M. Begeulov	624
Proposals to Protect the Interests of the Indigenous Peoples of the Turukhansk District Presented in 1822–1917 S.T. Gaidin, G.A. Burmakina	634
Nikolai I and State Council: First Steps D.I. Raskin	645
Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIX th – early XX th centuries) G.A. Alpyspaeva, Z. Gulmira, S.A. Bagdatova, S.N. Sayahimova	655
Turkestan and the Steppe Krai Customs System’s Formation and Development in the second half of the XIX – early XX centuries: General Imperial Processes and Regional Features I.V. Anisimova	668
Bukhara Jews and Distillation in Turkestan in the late 1860s – 1890s I.B. Bochkareva, E.V. Tarasova	677
The Role of Outgoing Handicrafts in Capitalizing the Economy of the Central Chernozem Region in the second half of the XIX century N.A. Dushkova, A.V. Perepelitsyn, V.A. Grigorova	686
The Problem of Nihilism in the Conservative-Democratic Discourse of the 1860s – 1890s A.E. Kotov	695
Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II G. Rajović, E.F. Krinko, A.G. Vazerova, M. Trailovic	701
Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire A.K. Sadykova, S.S. Saifulmalikova	714
The Russian Newspapers and the Struggle for Independence of the German Population of Schleswig-Holstein 1863–1864 V.N. Baryshnikov, A.V. Smolin, N.O. Kozlov	726
Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia at the end of the 19 th – the beginning of the 20 th centuries: Strengthening of Educational Potential during the Modernization A.V. Blinov, Y.M. Goncharov	736
The Russian North in Search of Change in the end of 19 th – beginning of 20 th century V.I. Goldin, F.Kh. Sokolova, V.M. Kapitsyn, A.E. Shaparov	748
The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries G.K. Mukanova	757
Public Organizations of Russian Solving Socio-Economic Problems of the early of XX century M.L. Galas, P.S. Seleznev	766
Russian Resettlement Villages of the Semirechye in late 19th century – early 20th century F.N. Miymanbaeva, A.S .Abdiraiymova, N.K. Alpysbayeva, P.N. Nuskabay	779

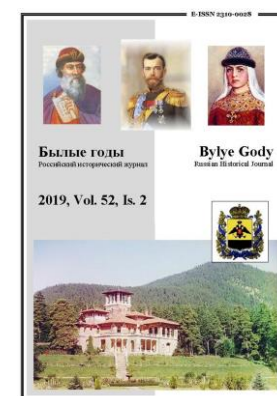
Specifics of Popular Education in Russian Province at the turn of the 20th century (based on the Materials of Volgograd State Archive) A.V. Ryazanov, A.A. Solovyev, A.V. Zakharov, L.S. Solovyeva	792
Unpublished Diaries of Scientific Travels by N.F. Katanov to Xinjiang (1891–1892) D.E. Martynov, Yu.A. Martynova, E.K. Khabibullina	800
The Navigation's Beginning on Izhevsk Pond on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants in 1892–1900 N.W. Mitiukov, S.L. Bautina, A.N. Loshkarev, M.A. Seliverstova	808
Notarial Institution and Notaries of the Yenisei Province from 1897 to 1917 T.G. Karchaeva, A.S. Zhulaeva, M.D. Severyanov	821
From the History of the Dawn of Aviation: Monoplanes of the early XX century V.B. Karataev, S.I. Adinyaev, S.F. Artemova, A.N. Volkov	830
Public Participation in Shaping the Tourist Attractiveness of Russian Territories at the turn of the XIX–XX centuries N.V. Medvedeva, E.V. Frolova, O.V. Rogach, T.M. Ryabova	838
On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships A.M. Mamadaliev, A.V. Venkov, N.V. Miku, A. Médico	848
The Activities of the Novorossiysk Committee of the Union of Railwaymen during the First Russian Revolution K.V. Taran, P.A. Byshkov	873
About Features of the Swedish Military Potential in Reports of the Russian Naval Agent A.K. Petrov in 1908–1911 S.N. Sinegubov, S.P. Shilov	880
The Problem of Organizing Care for the Wounded and Sick Soldiers During World War I G.K. Kokebayeva, R.S. Myrzabekova, A.M. Smanova, T.N. Mukhazhanova	892
Influence of the First World War on the Status of Women in the Russian Empire (on the Example of Governor-Generalship of the Steppe and Turkestan Territory) R.S. Zharkynbaeva, A. Abdiraiymova, A.M. Urazbaeva, A.T. Suinova	901

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 460-469. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.460
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

ARTICLES

Civil Status of Members of Ethnolocal Groups in Western Siberia in the 19th and early 20th centuries

Vladimir G. Afanas'ev^{a,*}, Irina V. Voloshinova^a

^a Saint-Petersburg Mining University (Mining University), Russian Federation

Abstract

Siberia's integration in the late 16th and first half of the 18th century proceeded in parallel with its settlement and economic development. First Poles and Jews took up residence here already in the second half of the 17th century. In the first half of the 18th century, Western Siberia witnessed Germans turning up as mining engineers and military personnel and first Gypsy caravans came. Over the 18th and 19th century, Western Siberia continued to be an environment for dynamic formation of various ethnolocal groups. Jews, Germans, Poles, Gypsies, Finns and others found themselves in the region as part of state migration campaigns or as convicts and political offenders sent here for penal servitude or exile. The diverse population mix required for the government to introduce and enforce legal regulations for rights and obligations. This gradually resulted in the formalized civil status of members of certain ethnolocal groups, which had an ethnic focus and was predominantly restrictive in nature. The outcome of the ongoing class policy was the registration of members representing ethnolocal groups under review mainly in the non-privileged social estates (*sosloviye*) (state peasants and townspeople (*meshchane*)). With the acquisition of a clearly defined legal status, Jews, Poles, Gypsies and others were able to engage in various types of economic activities, and this determined their economic “niches”. The scholarly paper is based on the materials of regulatory legal acts and documents collected in central and regional archives (Moscow, St. Petersburg and Tomsk).

Keywords: civil status, estate, Jews, Germans, Poles, Gypsies, Western Siberia.

1. Introduction

Over the 18 and 19 centuries, a variety of ethnolocal communities was established in Siberia (Jewish, Polish, German, Gypsy, etc.). The primary source supplying new members for the groups was migration flows from the European part of the country. The ratio of voluntary and forced migration varied from group to group.

For example, major contributors to the German community were officials and military personnel, who came to Siberia, and their descendants. At the turn of the 20th century, its size showed dramatic increase following the voluntary resettlement of former colonists. At the same time, the Polish community emerged in the first half of the 19th century through the relocation of political and ordinary criminals to Siberia. The Poles who came here on duty had a small proportion. It was not until the 1890s that the Polish community began predominated by labor migrants from the governorates in the Privislinsky krai (workers, clerks, peasants). The Gypsy community in Siberia was founded as several caravans, whose members settled in small groups from Tobolsk to Irkutsk, arrived in the region. The number of Gypsy exiles and convicts was small.

The state had to regulate the situation of different population groups in Siberia using preventive

* Corresponding author

E-mail addresses: vga.prof@mail.ru (V.G. Afanas'ev), viv10@yandex.ru (I.V. Voloshinova)

methods or without prior arrangement, on the spur of the moment. These steps took into account ethnic, confessional and other factors. The result of the activities implemented by the central authorities (the Senate, the Committee of Ministers, the ministries) was the formalization of the civil status that members of different ethnolocal groups enjoyed, and its transformation in later periods.

2. Materials and methods

The paper is aimed to explore the civil status of individual ethnolocal groups in Western Siberia in the 19th and early 20th century. These include the Jewish, German, Polish and Gypsy communities. Reconstructing this aspect of the ethnic history is critical, since the civil status not only determined a group's position in society, but also regulated the engagement and role of specific ethnic communities in the regional economy.

Such a study tracing the evolution of the civil status implies not only the review of legislative acts collected in three editions of the "Complete Code of Laws of the Russian Empire". We should take into consideration an important fact that some departmental documents, which actually became laws, were not included in this collection. Considering various categories of subjects who were deprived of rights and were present in ethnolocal groups, it is necessary to turn to different regulatory and legal collections and here we should highlight the "Exile Statute" and the "Statute of Estates". To understand the practice of enforcement, we should look at archival documents. We used materials from the fonds of the State Archive of the Russian Federation, Russian State Historical Archive and State Archive of the Tomsk Region.

The work with regulatory acts and documents of management and record keeping identified the tool kit of methods used, such as historical and comparative analysis, historical and chronological analysis, historical and legal analysis and historical and geographical analysis, which allowed us to achieve the goal.

So far, the Siberian history of the ethnic groups under review has only received a very inconsistent coverage, and the issue has been repeatedly pointed out by many researchers (Smirnova, 2008; Nam, 2009; Larina, Shaidurov, 2015). An analysis of the extensive historiography of the Siberian Judaica suggests that the key areas of interest included problems of demographic development (Goncharov, 2013), economic activity (Galashova, 2004; Shaidurov, 2014a; Kalmina, 2016) and intracommunal life (Kalmina, 2002; Rabinovich, 2002). Rare works raise the question of the legal status of Siberian Jews and its impact on their everyday life (Shaidurov, 2014b; Shaidurov, Norkina, 2015). The history of Siberian Germans is mainly viewed through the lens of the economic activities they carried on (Vibe, 2007; Krott, 2010; Skubnevsky, 2010; Shaidurov, 2017a). The historical past of the Siberian Polonia in the second half of the 19th and 20th century was mainly highlighted using a martyrological approach, which was typical of the Polish-language historiography (Shaidurov, 2017b). Soviet and Russian historians have focused on the repressive policies of the tsarist regime towards Poles who were involved in the national liberation movement in the 1830s and 1860s (Mitina, 1963), and on their adaptation to new conditions in Siberia (Mulina, 2012; Nedzeliuk, 2018; Nikulina, 2018). At the beginning of the 21st century historians study different aspects of life of poles in Siberia (Skubnevsky, 2009; Ostrovsky, 2016). With the growing interest in the history of ethnic minorities in Siberia, the lack of research on the Gypsy topic becomes particularly visible (Smirnova-Seslavinskaya, 2013; Naumenko, Naumenko, 2018; Shaidurov, 2018a). This distinctive feature is not only characteristic of historical Siberian studies, but also pertaining to Russian gypsology in general. On the other hand, we should give a more careful look to the publication by V. Sanarov, which came out in 1970 (Sanarov, 1970), but ideas it expressed did not go any further.

3. Results

The civil status of the non-titular population in the Russian Empire was built on two essential inherently connected aspects – inclusion into a social estate and type of economic activity undertaken. In the context of the estates hierarchy, which was in place in Russia in the 19th and early 20th centuries, belonging to a certain social class set forth eligible spheres of economic activity. The estate policy, which was put into practice at the time towards the Jewish, German, Gypsy and Polish population, had rather conservative and restrictive contents (Shchukina, Egorenkova, 2017: 377).

The economic activity that a Jew could take up in imperial Russia depended, first and foremost, on their estate. However, registration of exiled, settlers and their descendants in certain estates in the first half of the 19th century was a labyrinth of confusingly elaborate regulations that resulted from the peculiarities of their situation.

In 1804, the first Regulation "On the settlement of Jews" was published where one of the sections was entitled "On different estates and trades of Jews and their benefits" (PSZ – I. Vol. 28. No 21547). It defined and legislated the classes under which Jews could be registered, such as farmers, artisans, merchants or townspeople (*meshchane*). As we can see, they could not have nobility and clergy in their midst, and the group did not have any. However, there was a question in which social category rabbis should be ranked. The Regulation was legally binding both inside the Pale of Settlement and throughout Russia. Consequently, free Jews who resided in Western Siberia, could be registered with one of the above estates in the 19th and early 20th centuries. This Statute should be admitted to have been one of the most liberal documents in its class over the existence of the issue related to the Jewish situation in the Russian Empire. For example,

Jewish farmers, who were listed in the category of state peasants, might not be reduced to serfdom, and they had the right to purchase land and hire laborers under a contract. Artisans and merchants received the same rights as “other Russian subjects”, and their activities were regulated by laws common to all Russians. The general meaning of the document was totally free from any traces of segregation.

In Siberia, the population was divided into free subjects and those deprived of part of rights. The latter included various categories of exiles, convict settler and convict laborers. The legal status of these categories was often determined by special legislative acts. The position of exiles and their descendants was formalized only in 1822 by the “Exile Statute”. Jews were referred to in Article 195 of the Statute, which specified the classification into the categories of “exiles, deported for penal settlement”. Jews were assigned to the fourth category and were listed along with “house serfs” and “people with limited capacity for work”. Like other subjects, they were required to “remain in this estate for 8 years, and on expiry of which they were allowed to enter the class of townspeople and join guilds on general grounds” (Article 340); “Jews who have served their term without blame are granted, along with others, the freedom to register, wherever they wish, in all Siberian governorates and regions, both in towns and in villages, with the knowledge and consent of the authorities” (Article 401) (GARF. F. 102. D-2. Op. 76a. D. 2025. L. 4).

However, the law-enforcement practice that was effective at the time provided for significantly reduced times of stay in settlements in the guild class. This applied, above all, to Jews who converted to Christianity. For example, according to the definition of the Fifth Department of the Governing Senate, it was ordered in 1827 to send Jews to Siberia with no permission to register in any estate throughout their travel to the destination. As they arrived in Siberia, they were still registered as guildsmen, but they were installed in towns to ease living conditions; in addition, the term of the guildsmen status was reduced to four years for them (RGIA. F. 1149. Op. 1. 1827. D. 76. L.4).

Concerning the descendants of those exiled to Siberia, the children of convict settlers were to be registered in the census records (*revizia*), and children of convict laborers were to be listed as peasants in communities (*volosts*) near penal labor sites (Article 262) (GARF. F. 102. D-2. Op. 76a. D. 2025. L. 4).

In 1834, Jews were granted the right to be accepted in merchant guilds. The grounds that lay foundation for considering this matter were offered by the requests of Berkovich and Kaminer, submitted to the Siberian Committee that forged a corresponding provision. According to the document, the right was given to Jews why were convict settlers after their exile term ended, as well as their children who voluntarily came to Siberia with their parents. On the other hand, the provision stipulated a rule that restricted the progress of Jewish trade in Siberia – the final decision on whether to include a Jew into a Siberian merchant guild or not remained with the Ministry of Finance (Shaidurov, 2015a: 209). In 1840, the practice was prohibited. But by the time, according to the records of the Jewish Committee, this basis facilitated the merchantry categorization for 19 Jews in Siberian governorates (RGIA. F. 383. Op. 18. D. 23388. L. 50). At the same time, a ban was imposed on registering convict settlers in urban estates, including townspeople and artisans. Therefore, the overwhelming majority of the Jewish community in Siberia had only a possibility of joining the category of state peasants. Such a prohibitive measure was taken in line with the general spirit of the efforts to address the Jewish situation in Siberia. Still, it did not affect those, who lived in the region until 1837, and their descendants.

In the second half of the 1840s, the Jews who had served their settlement terms, as well as their children, sought to be registered in town communities and by this obtain the right to live in towns and engage in crafts. The authority to include new members in any communities was assigned to Governorate Treasury Chambers. However, the Tomsk and Tobolsk Treasury Chambers had different interpretations for a number of statutory requirements, which accordingly enabled or prevented the move of Jews from the category of state peasants to urban classes. For example, officials at the Tobolsk Treasury Chamber held the opinion that “peasants from the Jews, who, according to Article 1736, Volume XIV of the Exile Statute, are allowed to remain in Siberia, may not, by virtue of the Regulation of the Committee of Ministers, approved by His Imperial Majesty on November 11, 1847 (PSZ-II. Vol. 22. No 21701), be listed with town estates” (RGIA. F. 383. Op. 18. D. 23388. L. 4 ob.). On the other hand, officials at the Tomsk Treasury Chamber believed that “the aforementioned Regulation of the Committee of Ministers only prohibits the promotion of Jews to the merchants estate, but that re-registering them from one locality to another, or from peasants to townspeople is permissible under general laws” (RGIA. F. 383. Op. 18. D. 23388. L. 4 ob.).

These interpretations of the legislative acts were polar opposites, and this led to a series of petitions by Jews to the Council of the General Directorate of Western Siberia. Their petitions indicated that they planned to engage not in trade, but in crafts in the towns (Tomsk, Tyumen, etc.). The council preferred to avoid taking responsibility in handling these cases and re-directed them to capital officials. Eventually, decisions on various problems were made by the Ministries of Finance, State Property and the Interior, each of which had its own view of the situation. It should be noted that the first two ministries continued to regard Jews in Siberia as economic entities, while the latter adopted the already traditional restrictive position.

A similar situation persisted until 1855, when the manifesto “On the most gracious granting of favors and reliefs to the people” was published, and its Clause XV (2) stipulated a possibility of including convict settlers into the state peasant category and upper urban estates. The prerequisite for this was the consent of the Dispatch Office of Exiled Persons.

Therefore, initially no legal restrictions existed in regard to the rights of Jews exiled to Siberia; they fell within the scope of the general law applied to the entire convict population. On this basis, they could be registered either as state peasants or as merchants. Further on, the situation began to evolve in the highly unfavorable direction for the Jewish population in the region, and the trend was associated with the general policy intended to reduce the size of the community ([Shaidurov, 2014a: 21-35](#)).

In the second half of the 1850s, the issue of the Jewish situation in Siberia remained unaddressed. Central institutions located in the country's capital city (departments of the Senate, at the Ministry of the Interior, Ministry of Finance and in other) continued to work on the interpretation of the law enforcement practices with regard to the Jewish population in the region. These efforts were driven by the need to streamline the legal sphere, and the goal was propelled by both provincial officials and Jews themselves who sent numerous enquiries and petitions to St. Petersburg ([Shaidurov, Norkina, 2015: 626](#)).

We should note that at that time the authorities turned out to be a prisoner of the situation: on the one hand, they were committed to following the letter and the spirit of the law effective in the late 1830s and devised to remove the Jewish population from Siberia; on the other hand, the administrative exile of Jews retained its significance in this period and was one of the key sources replenishing the community. The situation became even more complicated with the formal division of Jews into three categories in the region: 1) those, who resided in Siberia until 1837, and their descendants, 2) convict settlers and 3) descendants of convict settlers. This classification was expressed in the rights of various groups to be listed in different estates in the second half of the 1850s and early 1860s.

As it was noted above, by the middle of the 19th century, Siberian Jews were most often registered in the category of state peasants. Already the first years of Alexander II's reign demonstrated a certain liberalization of the estate policy towards this group of the population. For example, February 23, 1857, saw a Senate decree ratified, regulating the procedure for including Jews into the Siberian merchant category ([Shaidurov, 2014b: 242](#)). From this point on, only Jews listed in the tax registers of Siberian governorates were entitled to join merchant guilds on general grounds. The merchant state extended to all family members, including sons. However, the regulation contained one essential reservation – it did not apply to convict settlers. This document significantly broadened the range of subjects who had the right to be listed in the merchantry.

In any way, this regulation was revised to become tougher already in 1858. In 1858, the Siberian Committee examined the case of Jews Zakhеров and Zerkovich, who requested permission to sign up to the urban (*meshchanskiye*) communities of Tomsk and Tyumen, respectively ([RGIA. F. 1265. Op. 13. D. 17. Stlb. 534](#)). By the time, they had already de facto lived in these towns and practiced crafts, but were de jure classified as state peasants. Their inclusion in the township would not be a problem unless they were descendants of convict settlers, who were prohibited to enter this estate by the Exile Statute and other regulatory acts. The General Directorate of Western Siberia and the Ministers of the Interior and Finance found that such re-classification could be done. As a result, a precedent was set finalized the form of the Regulation approved by His Imperial Majesty ([PSZ-II. Vol. 33. Is. 2. No 33702](#)). From this point on, the descendants of Jewish convict settlers were granted the right to be listed in the townspeople estate of Siberian cities, engage in crafts and carry on trade permitted to townspeople. However, merchant guilds were still inaccessible for them ([PSZ-II. Vol. 33. Is. 2. No 33702](#)). Still, this document helped legalize the position of those of the Siberian Jews, who by that time had lived in towns and cities and were engaged in crafts and petty trade.

Until the end of 1858, Jews had access to another social category the Cossacks, which implied military service.

As conscription was extended to them in the second half of the 1820s, Jews appeared among the enlisted military personnel and as lower ranks in the army and navy. Part of them had to be baptized, but some continued to follow Judaism.

Violations of the Military or Naval Regulations entailed various punishments ranging from corporal punishments to dispatching to units of the Special Corps of the Internal Guard and transportation to Siberia. According to statistics, a substantial group of “the vicious from the lower ranks” were annually dispatched to Western and Eastern Siberia. For example, in 1858 alone, around 5 thousand people were sent in several parties to the areas beyond the Urals ([RGIA. F. 1265. Op. 13. D. 17. Stlb. 748](#)). As they arrived at the new place of service, they were conscripted in the Siberian Cossack units.

This measure was also fully applied to the Jews dispatched to the region. In the same 1858, according to the Minister of War, all parties were composed of up to 400 people ([RGIA. F. 1265. Op. 13. D. 17. Stlb. 748](#)). As a consequence, Jews serving in the army became Cossacks and acquired all the rights and duties assigned to the Siberian Cossack Host. Importantly, the latter featured wide ethnic diversity in the middle of the 19th century. This had a link to the legislation that was in force at the time and that allowed to register their members of various faiths, including Pagans ([RGIA. F. 1265. Op. 13. D. 17. Stlb. 749](#)).

Governor General of Eastern Siberia N.N. Muravyov-Amursky in his report, addressed to the Siberian Committee, objected to this practice, arguing that the authorities had always sought to “reduce as much as possible the Jewish population in that region, which is already quite sizeable due to Jews sentenced to exile for crimes” ([RGIA. F. 1265. Op. 7. D. 274. L. 2](#)).

Initially, the Ministry of War, represented by Minister N.O. Sukhozanet opposed the introduction of this measure. The basis for this resistance was derived from His Imperial Majesty's edict dated August 26, 1856, which specified that "in the administration of conscription duty [Jews] are set equal with other estates" (RGIA. F. 1265. Op. 7. D. 274. L. 7). The Personnel Schedule, which was approved by His Imperial Majesty and attached to the ordinance for the military ministry, dated April 22, 1857, stipulated that the Jews were to be conscripted into the army in all types of troops, except for the guard, as well as training and exemplary troops (RGIA. F. 1265. Op. 7. D. 274. L. 7). In addition, the ministry also pointed to the fact that the Cossacks of Eastern Siberia, along with the Christians, also consisted of Muslims and pagans, and "proceeding from this, there is no sufficient reason to cancel the appointment of the vicious lower ranks of the Jewish origin to Eastern Siberia to turn into the Cossack estate" (RGIA. F. 1265. Op. 7. D. 274. L. 7). As a result, the military had no legal grounds to deny Jews the right to serve in Cossack units. In addition, some of the Jews sent to Siberia were already on the march. Some combined teams, as noted by the documents of the Ministry of War, not only passed Perm, but already left Tobolsk.

In this context, Governor-General Muravyov-Amursky continued to insist on the introduction of prohibitive instruments. Being aware that returning the Jews to the European part would prove a costly affair, he proposed to include them in the Western Siberian military units and register in the Cossack estate only those of them "who will receive baptism; as for those who remain in their faith, they would be either engaged in services or settled in any unit of the Cossack troops, where this will be most suitable given local circumstances" (RGIA. F. 1265. Op. 7. D. 274. L. 2).

Thus, the prohibitive approach, promoted by the representative of the Siberian administration, turned out to contradict the legal regulation in force at the time. However, his actions were quite consistent regarding his own views on the Jewish situation as applied to Siberia: Eastern Siberia should not be transformed into a region with a high concentration of Jewish offenders. This concerned, as we could see above, the issue of the balanced distribution of convict settlers between the two parts of Siberia. This was also reflected in the aspect of the estate structure. We should note that Muraviev-Amursky promoted the interests of the region and in line with them supported the idea of settling in Siberia and the Far East the Jews who belonged to the industrialist and merchant categories to boost economic colonization of the territory.

The final decision was made by the Siberian Committee which banned in 1859 to send lower rank Jews from the units of Special Corps of the Internal Guard to Siberia with their inclusion in the Cossack estate (PSZ-II. Vol. 33. Is. 2. No 33970).

The prohibitive measures had no impact on those Jews who by that time had already been registered as part of in the Siberian Cossacks. And as a result, between the second half of the 19th and early 20th century, Western and Eastern Siberia was home to a sufficient number of Jews and converts to Christianity, recorded in this estate. They had appropriate rights and obligations. According to the Statute of the Siberian Cossack Host (1846), "persons who once were conscripted for the military estate and their offspring, remain in the host for evermore" (PSZ-II. Vol. 21. Is. 1. No 21671). Separately, the Statute detailed the rights and benefits granted to Cossacks. For example, they had the right "to carry on trade and manufacturing activities inside and outside military units in their free time" (§ 103). They, like other Cossacks, also had responsibilities that in essence implied maintaining the roads, bridges, towers and ferries on the military lands; fulfilling local duties in the passage of troops, repairs and state transports across military lands; escorting prisoners (§ 321).

This Regulation was legally binding beyond the Urals until the early 1850s. In March 1851, the initiative of Muravyov-Amursky prompted the development and ratification of the Regulation on the Trans-Baikal Cossack Host (PSZ-II. Vol. 26. Is. 1. No 25039). It also enshrined that persons, once listed in the military estate, remained there together with their descendants forever (§ 12). It means that the Jews, who were sent to Siberia for penal settlement before 1859 and were recorded in the Cossack Host, further remained in this class and could not leave it.

In 1863, the government simplified the access to the ranks of hereditary honorary citizens for Jews, including those living in Siberia. Before this point, according to the Statute of Estates (1857 version), they could be included in this class only "in particularly notable cases, when they brought special benefit to the state" (Ustav o sostoyaniyach, 1857. St. 597) or after serving at least 15 years as an erudite Jew (*ucheniy yevrey*) under Governor Generals (Ustav 1857. St. 598). Now, based on the proposal by the Jewish Committee, hereditary honorary citizenship could be available to those Jews who had been in the first merchant guild for 10 years and in the second guild for 20 years (PSZ-II. Vol. 38. Is. 1. No 39158). Certainly, the regulation could be above all exercised by the Jewish merchants who lived in the European part of Russia, since none of the categories resided in Siberian governorates in the mid 1860s. But the introduction of the legal norm became a good incentive for some of the merchants to change their status by engaging in business.

As before, one of the most sizeable classes of the Siberian Jewry was formed by the descendants of convict settlers. In the middle of the 19th century, these were already those who came with their parents to live in penal settlements, and those who were born in Siberia. As we wrote above, they were deprived of certain rights as compared to the children of the Jews who lived freely in the region. But a gradual process streamlined the differences between them. The trend was probably engendered by the efforts made by

officials to unify the legal status of Jews, so as not to worsen complexity of the enforcement process.

April 1866 saw the release of the Opinion of the State Council as Approved by His Imperial Majesty (PSZ-II. Vol. 41. Is. 1. No 43169), which amended the rights of children of convict Jewish settlers and the Jews who were sentenced to penal settlement retaining their social rights, i.e. were left in their corresponding estates. This document, adopted on the basis of the opinion issued by the Minister of Finance, allowed the said persons to register in tax-paying classes and merchant estate. As it was previously the case, the regulation was not extended to convict settlers.

Thus, by the mid 1860s, a significant part of the Jewish population in Siberia received access to tax-paying classes (peasants, townspeople), as well as to the merchant estate. In addition, the government made it relatively easier to obtain hereditary honorary citizenship. The legal incapacitation affected only those who were sent to the region for penal settlement. But even the latter contingent received equal rights with other sub-groups after the term of penal settlement.

The dominating share of exiles in the Polish community in Siberia pre-determined their class status in new places of residence. In this period, the civil status of Polish convict laborers and settlers was specified in the Exile Statute (the 1822 edition) and their situation was similar to that of other subjects.

The position of Polish convict laborers and settlers after 1830 was defined not only by the severity of their punishment but by their previous social background as well. Nearly 2/3 of people exiled for political offences represented the nobility (Shaidurov, 2014c: 246). For example, a small group of insurgents were sentenced to 5 years or more of Siberian exile but were not deprived of their social ranks and property. After the term of exile ended, they had a right to settle down in Russia's European governorates. This measure was beneficial, first of all, to the aristocratic Polish gentry (shliakhetstvo). But the size of the group was not large.

A more sizeable group included another category of the exiled: settlers, who earlier belonged to various social classes (e.g. the nobility (shliakhetstvo), townspeople (meshchanstvo) and peasantry) but were deprived of their social estate and sentenced to the forfeiture of property. The category had the most under-privileged civil status. Hence settlers in this group faced with the most desperate situation in Western Siberia where "by law, they were required to remain within 10 versts (10.67 km or 6.6 miles) of a village or a town, in which they were ordered to be settled", Maksimov wrote (Maksimov, 1900: 342). Still, former aristocrats (shliakhtichi) were in more favorable circumstances in these masses. Their benefits helped them receive a yearly allowance of 57 rubles from the government and elderly and disable people were entitled to 114 rubles a year (Shaidurov, 2014c: 247). In fact, however, Poles had to go to great pains to receive the money due to them. They were at all times dependent on the goodwill of the local authorities who decided whether to pay the allowance or not, and this circumstance negated their nominal advantage over former townspeople (meshchane) and peasants who were not granted the allowance privilege.

The Exile Statute and its numerous revised editions regulated all specifics of the social position of convict settlers. For example, it ordained they should be settled either in already existing villages together with native inhabitants or in newly established localities (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 673). The situation was more beneficial for those exiled Poles who were sent to existing peasant communities. Old inhabitants had a right to house a convict settler and receive half of their monetary allowance for four months (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 677). The amount of the daily monetary allowance, paid to an arrested person (*arestantskaya dacha*), was revised by the Finance Ministry every year (Shaidurov, 2018c: 645) and thus was not a fixed sum.

Local administrations were interested in binding convict settlers to new places at any cost. For example, a local inhabitant who got married to a convict woman was to be paid 15 rubles in silver to set up a household without the need to repay the money and another 15 rubles as a loan on general terms (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 766). Local women of the free estate in case of marriage with convict settlers were given 50 rubles in silver as a monetary reward (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 766).

The term of being categorized as a convict settler was set at 10 years (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 682). Those stripped of rights established in their social estate and exiled under administrative procedures were offered an opportunity to enter the class of state peasants after serving part of their exile term. Nevertheless, it was prohibited for former convict settlers to return to European Russia. The Exile Statute (1857 edition) determined that persons who previously belonged to the estate of convict settlers "are free to settle down in places of their choice, namely, in all Siberian governorates and regions both in towns and in villages with the knowledge and consent of the local authorities except in the so called Siberian Line, in the Semipalatinsk region as well as in the region of Siberian Kirghizes" (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 728).

The end of the term did not automatically change the civil status of convict settlers. The Section "On the maintenance of convict settlers in their assigned places" of the Exile Statute defined the legally permissible number of convict settlers that could be registered in a peasant community. The state of affairs was only natural since the released person again moved to a tax-paying class and, as a result, was obliged to pay in full national and local taxes and carry out compulsory services. It was necessary to receive a written consent from a particular peasant community to become a state peasant (Ustav o ssyl'nykh, 1857. Art. 734). Later on, the acceptance resolution was registered in the local administration and was then sent to the provincial Treasury Chamber to put the newly joined member of the peasant community on the list of taxpayers (*rasklad podatei*). Nevertheless, candidates had also to pay a significant sum for the acceptance

certificate. Some Siberian historians wrote that “the acceptance certificates were exceedingly expensive” (Solov'eva, 1981: 72).

Besides, those who finished serving their exile term but did not receive a right to return to their previous place of residence had an opportunity either to join the townspeople estate or carry on trade. Yet, a permit for any of these opportunities was often a favor from the local government as over 10 years convict settlers should “remain loyal and do no wrong to the authorities” (Ustav o ssylnykh, 1857. Art. 735; Maksimov, 1900: 342).

Exclusion of Polish former aristocrats, townspeople and peasants from their estates changed their fiscal relations with the government. When they arrived in Siberia and settled down in a new place they became liable for specific tax provisions. For example, they were totally exempt from any taxation in the first three years, and in the following seven years, they were to pay half of poll and quit-rent (*obrok* – a rent payable to one's lord or the government instead of services that might otherwise have been required) tax money. Still, local provincial and district taxes (*zemskie podati*) as well as peasant community taxes (*volostnye podati*) did not apply to them. Other specific feature in the taxation policies towards convict settlers was levying annual 15 kopecks in silver on them into the so called economic fund for exiled persons, aimed to support elderly and disabled exiles (Ustav o ssylnykh, 1857. Art. 751).

In general, the civil status of Poles sentenced for exile in Siberia by court or under administrative proceedings in the second half of the 19th century corresponded to that in the pre-reform period. The bulk of the Poles were sent there for penal labor or penal settlement. This meant that they were deprived of their classes by court. Further on, their status was regulated by the articles of the “Code of Penalties” and the “Exile Statute” in later versions.

As before, the law opened only two categories to convict settlers – the peasant and townspeople estates. As early as in 1866, Poles, along with other convict settlers, were allowed to be registered in local peasant communities after they lived in exile for at least five years, and in communities of Siberian cities after ten years of exile (PSZ-II. Vol. 41. Is. 1. No 43784). On the other hand, the prohibition to register in merchant societies also persisted. Subsequently (1868), the time criterion, related to the requirement for political offenders convicted before January 1, 1866 to stay in Siberia, was abolished. This measure fully covered Poles sentenced to penal settlement in Siberian governorates. Clause 2 of the Edict “On granting relief to political offenders convicted before January 1, 1866”, made Poles, like other settlers who met the above requirement, automatically eligible for the “state settler category” and gave them the right, in accordance with Article 735 of the Exile Statute, to reside in cities and engage in craft and manufacturing. Despite this, they still remained stripped of civil rights and had no opportunity to vote and be elected to public service (PSZ-II. Vol. 43. Is. 1. No 45898).

This kind of indulgences did not mean the onset of a massive change-over from the settler class to state peasants or townspeople. Such a transition was associated not only with alternations in the legal status, but also with different fiscal relations between subjects and the government. As soon as the term of their settler status ended, the new peasant or townsman or townswoman was charged with the appropriate taxes and duties, which were higher comparing to other classes. In another case, when a settler early moved to a higher social category, they were not only subject to the corresponding taxes, but were also obliged to pay a kind of compensation in the amount of 15 kopecks in silver per year over a certain period as a contribution to the economic fund for exiled persons (Ustav o ssylnykh, 1857. Art. 743). Not everyone settler wishing to change their estate could afford the increased poll tax and assessed levies.

The paternalistic policy towards foreign migrants of the second half of the 18th and early 19th century led to the birth of a special category – the “colonists”, whose position was legally defined by the regulations ratified in the time of Catherine II, Paul I and Alexander I. By their civil status, they were close to state peasants. However, there were a number of privileges that differentiated them. For example, as farmers, they were protected from being moved to the serf estate. The conscript obligation did not apply to them. To manage the group, special offices were established in Saratov and Odessa. In the era of Alexander II, their status was amended to become even closer to that of state peasants. The Statute of 1871 reserved some privileges and benefits for them (Svod, 1871). For example, a special version of the general conscription was implemented for the Mennonites – they were to serve in sanitary and forestry teams, rather than in units of the regular army. This affected those Germans who moved to Siberia and founded their settlements here beginning in the late 19th century (Shaidurov, 2018b: 290).

The civil status of Siberian Gypsies was shaped within the framework of efforts to identify the place of Gypsies in the structure of the Russian Empire beginning in the second half of the 18th century, when the first regulatory acts were adopted. Being personally free, Gypsies roamed throughout the empire, despite prohibitive laws that the government ratified. In the 1780s, Gypsies were first registered in the state peasant estate (Shaidurov, 2017b: 1210). This practice was also introduced in Siberia. For example, in 1804, the Tobolsk Governorate recorded 81 Gypsies of both genders assigned to rural communities in Kurgan (4 males), Omsk (15 males and females) and Tomsk (57 males) districts (RGIA. F. 1285. Op. 3. D. 41. L. 133).

Year 1809 saw steps taken to sedentarize Gypsies and make them urban inhabitants (PSZ-I. Vol. 30. No 23597). However, activities to put the published edict into operation ran over time. While Russia's European governorates commenced the edict already in 1810-1811, the Siberian authorities began to register

the detained Gypsies urban communities only from 1814 (Shaidurov, 2018a: 207). However, only a small group of Siberian Gypsies was recorded as townspeople.

In the first half of the 19th century, the number of Siberian Gypsies increased through criminal and administrative exile. In 1840, Tomsk Governor Fedor Beger communicated to St. Petersburg that “the report of the Economic Department [Treasury Chamber] regarding the Gypsies registered in state volosts revealed that their number was 407 males, but only 5 of them, who belong to the communities of state peasants, have robust sedentary roots..., and the rest 402 people are convict settlers managed by the Dispatch Office of Exiled Persons” (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 14. L. 3). The situation of the latter was governed by the norms set forth by the “Exile Statute”.

The diverse social blend of the Gypsy community can be illustrated by the example of the Tobolsk governorate at the turn the 1840s. For example, according to the Tobolsk Treasury Chamber, several Gypsy families, who were recorded as guild merchants (3d guild), resided in Tyumen and Yalutorovsk, 9 townspeople families were registered in Kurgan and Yalutorovsk, and Gypsies classified as state peasants lived in various rural localities (RGIA. F. 383. Op. 2. D. 1413. Vol. 26. L. 4-21).

4. Conclusion

Thus, the period between the end of the 18th and 19th century brought about the formalization of the civil status for the ethnocultural groups under review. The analysis conducted of regulatory acts enables several conclusions. It is possible to sum up that all the cases considered here demonstrated the presence of dedicated lawmaking efforts related to a specific ethnocultural group. It could have either a prohibitive or permissive nature. Based on the then effective legislation, the government allowed social mobility within certain limits. However, moving from one estate category to another was fraught with numerous problems and required the mandatory consent of the authorities. Despite this, personally free Jewish, German, Polish and Gypsy populations of Western Siberia had been predominantly registered as peasants, townspeople and merchants by the beginning of the 20th century. This social categorization pre-determined the range of economic activities that were available to them.

References

- Galashova, 2004 – Galashova N.B. (2004). Evrei v Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (1860–1917) [Jews in the Tomsk guberniya in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries (1860-1917)]. Tomsk. [in Russian]
- GARF – Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation].
- GATO – Gosudarstvennyj arkhiv Tomskoj oblasti [The State Archive of the Tomsk Region].
- Goncharov, 2013 – Goncharov Yu.M. (2013). Yevreyskiye obshchiny Zapadnoy Sibiri (19 – nachalo 20 v.) [Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul. [in Russian]
- Kalmina, 2002 – Kalmina L. (2002). Yevrei Vostochnoy Sibiri: “dukhovnaya territoriya” (seredina 19 v. – 1917) [Jews of Eastern Siberia: “a spiritual territory” (mid-19th century – 1917)]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- Kalmina, 2016 – Kalmina L. (2016). Evrejskoe kupechestvo Zabajkal'ya v konce XIX – nachale XX v.: elita sosloviya [Jewish merchants in Transbaikal region at the end of the 19th to the early 20th Century: the merchant class elite]. *Siberian historical research*, Vol. 2, pp. 21-40. DOI: 10.17223/2312461X/12/3. [in Russian]
- Krott, 2010 – Krott I.I. (2010). Sel'skokhoziaistvennoe predprinimatel'stvo: povedencheskie strategii i praktiki v usloviakh transformatsii sibirskogo obshchestva (1914 – 1920 gody) [Agricultural entrepreneurship: behavioral patterns and strategies amidst the transformation of Siberian society (1914-1920)]. Omsk. [in Russian]
- Larina, Shaidurov, 2015 – Larina O., Shaidurov V. (2015). European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles). *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6, Is. 5(1): 460–466. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s1p460
- Maksimov, 1900 – Maksimov S.V. (1900). Sibir' i katorga [Siberia and penal labour]. St. Petersburg.
- Mitina, 1966 – Mitina N.P. (1966). Vo glubine sibirskikh rud [In the depths of Siberian mines]. M. [in Russian]
- Mulina, 2012 – Mulina S. (2012). Migranty ponevole: adaptatsiia ssyl'nykh uchastnikov Pol'skogo vosstaniia 1863 goda v Zapadnoj Sibiri [Reluctant migrants: Adaptation exiled participants of the Polish uprising of 1863 in Western Siberia]. SPb., Aletea Press.
- Nam, 2009 – Nam I.V. (2009). Nacional'nye men'shinstva Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyah revolyucii i Grazhdanskoj vojny (1917–1922) [Ethnic minorities of Siberia and Far East at the historic crucial point (1917–1922)]. Tomsk. [in Russian]
- Naumenko, Naumenko, 2018 – Naumenko O.N., Naumenko E.A. (2018). Transformation of Caste Consciousness of Siberian Gypsies in XVIII – at the beginning of XX centuries as a Factor of Their Cultural Socialization. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4, pp. 1397-1405. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1397. [in Russian]
- Nedzeliuk, 2018 – Nedzeliuk T.G. (2018). Pol'skie ssyl'nye v obshchestvennom mnenii rossiiyan vo

vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po materialam periodicheskikh izdaniy) [Polish exiles in public opinion of Russians in the second half of the XIX-early XX century. (based on periodicals)]. *Almanach hystorczny*, Vol. XX, pp. 77-84. [in Russian]

[Nikulina, 2018](#) – *Nikulina I.N.* (2018). Hozyajstvennaya deyatelnost' ssyl'nykh polyakov na Altae vo vtoroy polovine XIX v. [The economic activities of the exiled poles in the Altai in the second half of the XIX century]. *Polish explorers, explorers and travelers of Siberia and Central Asia (19th-early 20th century)*. Wroclaw, pp. 201-209. [in Russian]

[Ostrovskiy, 2016](#) – *Ostrovskiy L.K.* (2016). Polyaki v Zapadnoj Sibiri v konce XIX – pervoj chetverti XX veka [Poles in Western Siberia at the end of XIX-first quarter of XX century]. Novosibirsk. [in Russian]

[PSZ-I](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code I. St. Petersburg, 1830. [in Russian]

[PSZ-II](#) – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Code of Laws of the Russian empire]. Code II. St. Petersburg, 1830. [in Russian]

[Rabinovich, 2002](#) – *Rabinovich V.* (2002). Yevrei dorevolutsionnogo Irkutsk: menyayushcheyesya menshinstvo v menyayushchemsya obshchestve [Jews of pre-revolutionary Irkutsk: a changing minority in a changing society]. Krasnoyarsk. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

[Sanarov, 1970](#) – *Sanarov V.* (1970). The Siberian Gypsies. *Journal of the Gypsy Lore Society*. 3-th Series. Vol. XLIX: 126-136.

[Shaidurov, 2014b](#) – *Shaidurov V.* Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century. *Bylye gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 239-244.

[Shaidurov, 2014c](#) – *Shaidurov V.* (2014). Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century. *Bylye gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 245-251.

[Shaidurov, 2017a](#) – *Shaidurov V.* (2017). German industrial enterprises in Western Siberia in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*, Vol. 43, Is. 1, pp. 162-168.

[Shaidurov, 2017b](#) – *Shaidurov V.* (2017). The siberian polonia in the second half of the 19th – Early 20th century in the polish historiography. *Przeglad Wschodnioeuropejski*, Vol. VIII. Is. 1, pp. 11-21.

[Shaidurov, 2018a](#) – *Shaidurov V.* (2018). Gypsies in the Russian empire: Theories and practices addressing their situation during the eighteenth and first half of the nineteenth century. *Romani Studies*, Vol. 28, Is. 2, pp. 195-217. DOI: <https://doi.org/10.3828/rs.2018.8>

[Shaidurov, 2018b](#) – *Shaidurov V.* (2018). The German catholic community of Marienburg from the end of the 19th till the beginning of the 20th century: Some aspects of the local history. *Rusin*, Vol. 52, Is. 2, pp. 288-308. DOI: [10.17223/18572685/52/20](https://doi.org/10.17223/18572685/52/20)

[Shaidurov, 2014a](#) – *Shaidurov V.* (2014). Evrei i ikh mesto v khozyaystvennoy zhizni Zapadnoy Sibiri vo vtoroy polovine XIX v. [The jews and their place in the economic life of Western Siberia in the second half of the 19th century]. *Novyy Istoricheskiy Vestnik*, № 1 (39), pp. 21-35.

[Shaidurov, Norkina, 2015](#) – *Shaidurov V., Norkina E.* (2015). Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19 – Beginning of the 20th Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 37. Is. 3, pp. 623-632.

[Shchukina, Egorenkova, 2017](#) – *Shchukina D.A., Egorenkova N.A.* (2017). "Opyt ritoriki" I.S. Rizhskogo (1796 g.) v gornom universitete: istoriya i sovremennost' ["Rhetoric Practice" by I.S. Rizhsky (1796) at the Mining University: History and Contemporaneity]. *Zapiski Gornogo Instituta*, Vol. 225, pp. 376-384. DOI: <http://dx.doi.org/10.18454/pmi.2017.3.376> [in Russian]

[Skubnevskiy, 2009](#) – *Skubnevskiy V.A.* (2009). Poliaki v administratsii i khoziaistvennoi deiatel'nosti na Altae v XVIII – nachale XX v. [Poles in the administration and economic activity of the Altai region in the 18th – the Beginning of the 20th Centuries]. *World of Eurasia*, Vol. 3, pp. 66-71. [in Russian]

[Skubnevskiy, 2010](#) – *Skubnevskiy V.A.* (2010). Nemetskoe predprinimatel'stvo na Altae vo vtoroy polovine 19 – nachale 20 v. [German Free Entrepreneurship in Altai in the Second Half of 19th – the Beginning of 20th Centuries]. *The News of Altai State University*, Vol. 4, Is. 3, pp. 198-202. [in Russian]

[Smirnova, 2008](#) – *Smirnova T.B.* (2008). Etnicheskaya istoriya nemetskoj diasporoy v trudakh sibirskikh uchenykh [Ethnic History of the German Diaspora in the Works of Siberian Scientists]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, Vol. 3, pp. 63-68. [in Russian]

[Smirnova-Seslavinskaya, 2013](#) – *Smirnova-Seslavinskaya M.V.* (2013). Tsygane Zapadnoy Sibiri i Urala v istoriko-etnograficheskikh istochnikakh i issledovaniyakh 18 – nachala 21 v. [The Roma of Western Siberia and the Urals in Historical and Ethnographic Sources and Studies in the 18th – Early 21st Century]. *Gypsies in Orenburg society*. Orenburg, pp. 22-43. [in Russian]

[Solovyoeva, 1981](#) – *Solovyoeva Ye.I.* (1981). Promysly sibirskogo krestyanstva v poreformenny period [Crafts of the Siberian peasantry in the post-reform period]. Novosibirsk. [in Russian]

[Svod uzakoneniy..., 1871](#) – Svod uzakoneniy i rasporyazheniy pravitelstva po ustroystvu poselyan-sobstvennikov (byvshikh kolonistov), vodvorennykh na kazennykh zemlyakh v guberniyakh: Sankt-Peterburgskoy, Novgorodskoy, Samarskoy, Saratovskoy, Voronezhskoy, Chernigovskoy, Poltavskoy, Yekaterinoslavskoy, Khersonskoy i Tavricheskoy i v oblasti Bessarabskoy [Code of laws and orders of the government on the arrangements for owner villagers (former colonists), settled on state lands in the St. Petersburg, Novgorod, Samara, Saratov, Voronezh, Chernigov, Poltava, Yekaterinoslav, Kherson and Taurida governorates and in the Bessarabia region]. St. Petersburg, 1871. [in Russian]

[Ustav o sostoyaniyakh](#) – Ustav o sostoyaniyakh [Statute of estates]. Ed. of 1857. [in Russian]

[Ustav o ssylnykh](#) – Ustav o ssylnykh [Exile statute]. Complete Code of Laws of the Russian empire. Vol. XIV. St. Petersburg, 1857. [in Russian]

[Vibe, 2007](#) – *Vibe P.P.* (2007). Nemetskiye kolonii v Sibiri: sotsialno-ekonomicheskiy aspekt [German Colonies in Siberia: Socio-Economic Aspect]. Omsk. [in Russian]

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 470-481. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.470
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The First “Fortified Town of Narym”: the Problem of Localization and Search Prospects

Eugeny V. Barsukov ^{a, *}

^aNational Research Tomsk State University, Russian Federation

Abstract

“Russian archeology” is a trend that is becoming increasingly popular in Siberia. Of particular interest is the period of the initial colonization of Siberia. In the Middle Ob region it is known more than a dozen towns and forts, founded at the end of the XVI and in the XVII century. Three of them – Narym, Ket, Kungop were located on the banks of the Ket river, the vast basin of which connected Western and Eastern Siberia in the XVII-XVIII centuries. The circumstances and even the foundation dates of these fortified points due to the lack of sources are reconstructed with great difficulty. The Narym fortified town, which became the forerunner and the most important strategic point of the Russian development of the Narym Territory, has been “forgotten” by historians in recent decades. This is due to the limited available written sources, the overwhelming majority of which were introduced into scientific circulation by G.F. Mueller and P.N. Butsinisky. Although the potential for expanding the “written” base has not been drained, the most promising is the shift of emphasis towards local-historical and local-geographical research, based on a comprehensive analysis of sources of different types, including usage of the archaeological experience of studying the Russian time objects. The author implements this approach in solving the problem of the location determining of the first Narym fortified town. There is no doubt that this fortified point localization, as well as its archaeological study, will provide specialists with a body of new sources needed to recreate the exploration of the Narym Ob region.

The area of probable location of the first Narym fortified town is outlined in the article based on the correlation of written evidence, cartographic materials, features of the natural-geographical situation of the Narym Ob region.

Keywords: Western Siberia, the Narym Territory, the Narym fortified town, Ket River, the development of Siberia, late Middle Ages, New Time, Pinto Horde.

1. Введение

«Русская археология Сибири» – новое направление в сибиреведении – завоевывает все большую популярность. Широкий круг проблем, раскрывающих археологический контекст процесса освоения края русскими, включает также актуальную проблему локализации и поиска городов и острогов, расположение которых остается неизвестным (Черная, 2008; Черная, 2016b; Chernaya et al., 2018: 898). Первый Нарымский острог – административный центр обширного Нарымского края – входит в число городов, место основания которых «затеряно» во времени.

Не подлежит сомнению, что обстоятельства основания Нарымского острога представляют огромный интерес для изучения начального периода русского освоения Среднего Приобья. Острог как опорный пункт русских в Принарымье обеспечивал сбор ясака и контроль за ясачным населением, известным в конце XVI в. под собирательным названием «Пегаая орда». В этом контексте вполне закономерно обретение острогом прав города, что произошло, по одной версии, уже в 1601 г.

* Corresponding author

E-mail addresses: barsukovevg@mail.ru (E.V. Barsukov)

по другой – между 1612–1618 гг. (Черная, 1996: 94; Черная, 2009: 21–29; Резун, Василевский, 1989: 210; Буцинский, 1999: 100).

По мере расширения русского влияния на восток и административного закрепления новых территорий Нарым оказывался во все более глубоком «арьергарде» российских владений в Сибири, утрачивая свое стратегическое значение. Располагаясь в центре Западной Сибири, к концу XVIII в. он оказался на периферии Российского государства, получив в 1822 г. статус «заштатного» города Томской губернии. К сожалению, Нарым оказался в некотором «забвении» у историков. Посвященные ему немногочисленные публикации базируются на источниках, опубликованных Г.Ф. Миллером, и в основных моментах повторяют друг друга.

Неоднозначная ситуация сложилась относительно археологического изучения этого объекта. За более чем полуторавековую историю Нарымский острог неизбежно ветшал, что являлось следствием времени, пожаров и стихийных бедствий, связанных с гидрологическими особенностями бассейна Оби. В письменных источниках зафиксированы неоднократные ремонты и перестройки острога. К сожалению, из их содержания не всегда ясно, сохранялась ли преемственность в его местоположении. Информационная неоднозначность доступных свидетельств стала причиной отсутствия единой исследовательской позиции не только по вопросу места основания, но и по количеству переносов Нарымского острога. В литературе бытуют гипотезы о смене его местоположения от 1 до 5 раз, однако установить локализацию хотя бы одного из Нарымских острогов археологам не удалось.

2. Материалы и методы

В исследовательской литературе отмечалось, что актуальной в научно-методическом плане задачей является решение проблемы локализации исторических объектов, точное местоположение которых зачастую неизвестно, а также проблемы идентификации археологических памятников с имеющимися письменными и иконографическими свидетельствами (Черная, 2013). Письменные и картографические данные из-за неполноты и нечеткости описаний и низкой геометрической точности карт XVII–XVIII вв. ограничивают возможности привязки на местности исторических объектов, даже таких крупных, как города. Поэтому по письменным сведениям так и не удалось найти остроги, располагавшиеся в XVII в. в Среднем Приобье (Черная, 2016а: 21). Нарым не стал исключением. В немногочисленных письменных источниках сохранились лишь отрывочные упоминания, не имеющие конкретных географических привязок и не позволяющие установить его первоначальное местоположение. Одним из возможных путей в решении обозначенной проблемы является совокупное привлечение разнотипных по своей природе источников. Не подлежит сомнению, что потенциал расширения «письменной» базы не исчерпан, однако наиболее перспективным представляется смещение акцентов в сторону локально-исторических и локально-географических исследований с опорой на комплексный анализ разнотипных источников, в том числе археологического опыта изучения объектов русского времени.

Источниками исследования послужили картографические материалы, прежде всего «Чертежи» С.У. Ремезова, и сведения путешественников, проследовавших через Нарымский край в XVII – первой половине XVIII вв.: «путевой» дневник посланника в Китай Н. Спафария, а также данные Г.Ф. Миллера (Путешествие через Сибирь..., 1882; Сибирь XVIII века..., 1996). Критика этих свидетельств сквозь призму современной топографической ситуации и своеобразия природно-географической обстановки Принарымья позволяют очертить районы вероятного расположения первого Нарымского острога.

3. Результаты и обсуждение

В историографической традиции изучения Нарыма, берущей начало от Г.Ф. Миллера, прослеживается странная закономерность: дата его основания основывается на «догадках». Г.Ф. Миллер точных сведений о времени строительства первого Нарымского острога не обнаружил. Данные «Сибирских летописей», согласно которым Нарым был основан в один год с Сургутом, показали ему неубедительными. В доступных исследователю письменных источниках не упоминалось о строительстве Нарыма присланным из Москвы воеводой, зато четко указывалось на комплектование нарымского гарнизона сургутскими казаками, что, по мнению Г.Ф. Миллера, могло произойти только «по усмотрению» воевод Сургута. Следовательно, между основанием Сургута и Нарыма должно было пройти «года два», значит, строительство последнего можно отнести к (7104) 1596 г. (Миллер, 2005: 294–295; Краткое показание..., 1792: 48).

Схожий алгоритм рассуждений присутствует в работах П.Н. Буцинского, считавшего очевидным, что строительство Нарымского острога было начато в 1598 г., но не подкрепившего предложенную дату какими-либо аргументами, за исключением того, что в этот год был покорен Воя – князец Пегой орды (Буцинский, 1999: 96).

Еще одна точка зрения относительно даты основания Нарыма приведена в работе Д.Я. Резуна и Р.С. Василевского. По их мнению, Нарымский острог был основан в 1595 г. сургутским атаманом

Т. Федоровым (Резун, Василевский, 1989: 209). Каких-либо доводов в обоснование этой даты авторы также не представили.

Гипотезы о дате основания Нарыма в своей основе восходят к вышеупомянутым исследованиям, не имеют убедительных аргументов и ссылок на документы, подтверждающие ту или иную версию (Костров, 1872: 23; Дульзон, 1956: 207; Долгих, 1960: 87; Емельянов, 1981: 14). Можно констатировать, что по имеющимся источникам указать дату основания Нарыма можно только в виде хронологического отрезка: 1595–1598 гг.

Схожая ситуация и с установлением местоположения первого Нарымского острога. Согласно Г.Ф. Миллеру, изначально он располагался в 16 км ниже современного ему города Нарыма, в месте известном под названием «Старое городище» (Миллер, 2005: 297). П.Н. Буцинский считал эту гипотезу ошибочной и соотносил «Старое городище» с деревней Городищенской, которая располагалась к северо-западу от пос. Нарым (Рисунок 1) (Буцинский, 1999: 96). На топографических картах в хронологической ретроспективе этот населенный пункт фигурировал также под названиями «Городище», «Подгорная». Предания о том, что на месте деревни Городищенской располагался Нарымский острог, бытовали среди окрестного населения еще в середине XX в. и зафиксированы исследователями (Баронас, 1964: 53).

Рис. 1. Карта окрестностей Нарыма

Деревня Городищенская – одно из ранних русских поселений в Нарымском крае. Г.Ф. Миллер, посетивший эти места, сообщал следующее: «Дер. Городищенская, на острове, заключенном между двумя указанными рукавами р. Оби (князь-Иванова протока и Старая Обь; первая – с левой стороны, а вторая – с правой), недалеко от его верхнего конца, на Старой Оби, в 13 верстах от Нарыма. Имеет 7 дворов разночинцев» (Сибирь XVIII века..., 1996: 187). Однако описания Г.Ф. Миллера кардинально отличаются от современной природно-географической ситуации. На картах XX в. деревня находится на нехарактерном для русских поселений месте – в центральной части большого пойменного острова, на двух больших гривах, вытянутых параллельно цепочке обских стариц, соединяющихся с основным руслом только весной. Гривы делили «Городище» на две части – «Старое» и «Новое». Несмотря на то, что высота грив достигала 7–8 м, в большую воду значительная часть деревни затапливалась, что создавало для местного населения массу хлопот. На первый взгляд, место для обустройства острога

малопригодное еще и по причине отдаленности и труднодоступности основных речных потоков. Упомянутые Г.Ф. Миллером протоки «Князь-Иванова» и «Старая Обь» (кстати, по его данным, деревня располагалась на берегу последней) на современных картах отсутствуют, что вызывает правомерный вопрос: а эту ли деревню подразумевал исследователь?

Для ответа необходимо определиться с главными ориентирами Г.Ф. Миллера и локализовать их на современной карте. «Князь-Иванова» протока часто упоминается в литературе: о ней сообщал Н. Спафарий, проследовавший через Нарым в середине XVII в.; отметил на «Чертеже Нарымского города» С.У. Ремезов; одноименный «рыболовный песок» был известен даже в XIX в. По сведениям А.Ф. Плотникова, «Князь-Ивановский песок» получил свое название по имени владевшего им князя Ивана Кичеева. По преданию рода Кичеевых, Ванга Кичей, бывший еще язычником, оказал русскому царю какую-то важную услугу; в 1602 г. он ездил в Москву и был пожалован в вечное владение многими рыболовными местами. Среди них был и будущий «Князь-Иванов песок», расположенный недалеко от Нарыма, который в XIX в. стал объектом беспрестанной дележки между инородцами Ниже-Подгородной волости и крестьянами д. Городищенской (Плотников, 1901: 174). Таким образом, не приходится сомневаться в том, что эта протока существовала. Ее отсутствие на современных картах объясняется изменением гидрологической ситуации в пойме Средней Оби, что наглядно демонстрирует сравнительный анализ картографических материалов конца XIX в. и второй половины XX в. (Рисунок 2).

Рис. 2. Изменение гидрологической ситуации в месте расположения д. Городище

Корреляция письменных и картографических данных позволяет констатировать, что д. Городище в недалеком прошлом располагалась на действующей протоке, которая у Г.Ф. Миллера называется «Старая Обь». В XIX в. эта протока упоминается под другим названием – «Лука» (Плотников, 1901: 237). Левый рукав Оби, образующий этот остров, назывался Князь-Ивановой протокой.

С учетом отмеченных гидрологических изменений местоположение д. Городище уже не выглядит бесперспективным для поиска острога. Конечно, деревня Городище, связываемая с первым Нарымом не только местным «фольклором», но и авторитетными исследователями, не могла остаться без внимания археологов. В 1964 г. А.П. Баронас, проводивший археологическую разведку в этом районе, обнаружил в окрестностях деревни 5 поселений, связанных с инородческим населением. Археологических памятников, имеющих отношение к русским, он не зафиксировал. Но местные жители ему сообщили, что в 1,5–2 км к северо-западу от деревни находится «Старое городище», которое в 1964 г. было занято колхозными огородами (Баронас, 1964: 53). Проверить эту информацию из-за недостатка времени не удалось. Только в 1971 г. В.И. Матющенко провел разведку, чтобы «обследовать окрестности Нарыма с целью обнаружения археологических памятников и прежде всего попытаться определить местонахождение первого Нарымского острога» (Матющенко, 1971: 4). Основным пунктом работ стала д. Городище.

На юго-западном конце деревни, носившей название «Старое городище», был заложен шурф. Зафиксированы культурные напластования, связанные с ранним периодом функционирования деревни. Основная масса находок – обломки русской керамики и фрагменты бревен (Матющенко, 1971: 10-11). Результаты рекогносцировки позволили сделать заключение о «большой древности» этой деревни. Однако для вывода о наличии здесь острога аргументов было недостаточно (Матющенко, 1971: 12).

В 1973 г. археологические исследования в д. Городище с целью «углубленной разведки Нарымского острога» продолжила Г.В. Ложникова. Раскоп в 40 кв. м заложили в жилой черте д. Городище, с восточной стороны от местного магазина, на возвышении примерно в 40 м от берега старицы (Ложникова, 1973: 2, план вкладка №3). Уже на глубине 1 штыка была найдена часть неорнаментированного черноглиняного сосуда, изготовленного без применения гончарного круга. Но уже на следующем горизонте стало ясно, что раскоп разбит на месте недавно существовавшей постройки, от которой сохранились сваи, фрагменты бревен и слой щепы, встречающейся в верхних штыках. Основная толща культурного слоя состояла из перегнойной мощностью более 1,5 м. В его заполнении встречались современные находки, фрагменты гончарной керамики и кости животных. Навоз подстилала незначительная по мощности прослойка «пережженной земли», в которой найдены фрагменты гончарной керамики, кости, каменные грузики (Ложникова, 1973: 2-10).

Полученные материалы не дали аргументов для однозначных выводов, поэтому в деревне заложили второй раскоп площадью 21 кв. м. В процессе выборки выявили «три ряда идущих параллельно друг другу строений», однако сопутствующий материал (оконное стекло, поливная керамика) также указывали на относительно «молодой возраст» вскрытой конструкции (Ложникова, 1973: 14). Результаты шурфовочных работ 1973 г. не подтвердили наличие здесь Нарымского острога и позволили констатировать отсутствие на вскрытых участках слоя XVII в. (Ложникова, 1973: 14-16).

Нужно заметить, что топонимы, производные от термина «город», не всегда указывают на связь с русским городом или острогом. В окрестностях Нарыма существовало несколько населенных пунктов и географических объектов, в наименовании которых используются производные этого слова. Причем это как русские, так и инородческие названия, последние никоим образом не связанные с русскими острогами. Например, недалеко от д. Пыжино находится грива, известная местному населению под названием «Кочельгу» или «Городской остров». В 1964 г. А.П. Баронас обнаружил на гриве городище, о котором старожилы рассказывали следующую легенду: «Очень давно на городище жили могущественные богатыри, покорившие всю округу и взимающие дань с жителей ее» (Баронас, 1964: 53). Не исключено, что д. Городищенская также получила свое название от одного из таких объектов. А.Ф. Плотниковым зафиксировано предание о том, что на месте, где стоит д. Черная (недалеко от Нарыма), был бугор, на котором жили три брата-богатыря. Один из них ушел и поселился на месте д. Кузьминой, а третий брат жил в четырех верстах от того места, где в настоящее время построена д. Городищенская. Бугор, на котором жил последний богатырь, имеет 1,5–2 сажени вышины и сажень 15 длины (Плотников, 1901: 239). Сам А.Ф. Плотников связывал происхождение названия деревни с инородческим городком: «название этой деревни произошло, наверное, от того, что на том самом месте, где расположено селение, находилось жилье-городок какого-нибудь инородческого князя, может быть князя Пегой орды Вони» (Плотников, 1901: 237). На «Чертеже Нарымского города» в бассейне Оби и Кети отмечено как минимум 7 инородческих «острогов», которые без сомнений, оказали влияние на формирование местного топонимического пласта.

Археологически гипотеза о размещении русского острога на территории д. Городище не подтверждена. Парадокс заключается в том, что автор гипотезы Г.Ф. Миллер, объяснявший название «Городище» связью этой местности с первым Нарымским острогом, локализовал его не рядом с деревней, а на противоположном ей правом берегу протоки. «Старое городище – название места, где раньше стоял город Нарым. Это место находится на северном берегу... протоки Старая Обь на широте озера Карадишного, остяцкое название которого (*Kuotsch-Koptel-tu*) также основано на этом, так как *Kuotsch* на языке нарымских остяков означает город или острог, а *Koptel* – нечто бывшее... От Нарыма досюда по прямой сухопутной дороге насчитывается 12 верст» (Сибирь XVIII века..., 1996: 187).

На современных картах озеро «Городищенское» расположено в 10–12 км к северу от Нарыма, действительно, на противоположном от д. Городище берегу. Недалеко от озера находилась д. Песчанка, напоминает о которой урочище «Песчаное» – на берегу Безымянной протоки. Городищенское озеро находится приблизительно в 1 км от кромки береговой террасы, входит в систему озер, из которой два наиболее крупных соединяются истоком, устье которого под названием «Тигоска» (Г.Ф. Миллер приводит остяцкое название этой речки «*Kugga-badde*») впадает в Безымянную протоку немного выше урочища Песчаного (Сибирь XVIII века..., 1996: 187).

Видимо, обозначенное на современных картах озеро «Городищенское» является озером Карадишным, упомянутым Г.Ф. Миллером. Это подтверждает не только созвучность названий («Карадишное» – «Городишное»), но и сравнительный анализ топографической ситуации на современных картах со сведениями из путевого дневника Г.Ф. Миллера, где сказано следующее:

«Карадишное озеро, по-остяцки *Kuotsch-Koptel-tu*, на северной стороне, в 2 верстах от берега... имеет 2 версты в поперечнике. Это озеро посредством маленькой речки связано с предыдущим озером *Sagar mol-tu*, которое расположено лишь в одной версте к северу отсюда. Между озером и берегом р. Оби имеется небольшой лес» (Сибирь XVIII века..., 1996: 187).

Можно констатировать, что Г.Ф. Миллер поместил первый Нарымский острог на правом берегу протоки Безымянной, в месте ее поворота в сторону Оби, на участке между руслом протоки и озером Городищенским. В период его посещения Нарыма это урочище было известно под названием «Старое городище». Приводимые Г.Ф. Миллером в разных трудах расстояния от Нарыма до урочища разнятся: 16 верст в «Истории Сибири», 12 – в путевом дневнике. Расхождения можно объяснить тем, что в первом случае могло быть дано расстояние по воде, во втором – «по прямой сухопутной дороге». Причина переноса Нарыма с этого места, по Г.Ф. Миллеру, – низменное положение, что весной приводило к частому затоплению (Миллер, 2005: 297; Сибирь XVIII века..., 1996: 187).

Район озера Городищенского обследован в 1971 г. экспедицией В.И. Матющенко. Маршрут разведки пролегал по правому берегу протоки Безымянной между пос. Нарым и пос. Талиновка. Обследование обнажений и визуальный осмотр берега не выявили каких-либо памятников (Матющенко, 1971: 7). Таким образом, в самой деревне Городищенская и в районе озера Городищенского, указанного Г.Ф. Миллером как месторасположение первого Нарымского острога, объектов, связанных с периодом русского освоения этого края, зафиксировано не было.

П.Н. Буцинский придерживался отличного от Г.Ф. Миллера мнения о локализации первого Нарымского острога. В документах о ранней истории Нарыма он обнаружил иные указания на его первоначальное местоположение. Он замечает, что острог предполагалось построить и использовать в течение одной осени, на период покорения «Пегой орды». Опорный пункт был необходим до того момента, пока не «приведут волости под царскую руку, возьмут ясак и закладчиков из лучших людей». По мнению царской администрации, содержать острог в «Пегой орде» больше этого времени было нецелесообразно. Во-первых, в конце XVI в. эта местность представлялась крайне отдаленной, что создавало трудности в сообщении с Сургутом. Во-вторых, неблагоприятный гидрологический режим и особенности местных ландшафтов, на тот момент еще неизвестные русским, создавали трудности для выбора подходящего для размещения острога участка, позволяющего не опасаться весенних половодий и отвечать требованиям удобства при доставке запасов. «Запасов» требовалось много: для обеспечения солидного воинского контингента, способного противостоять «Пегой орде» и князю Воне, который мог собрать до 400 воинов (Буцинский, 1999: 96).

События в Нарымском крае развивались по благоприятному для русских сценарию: Пегая орда была покорена, а входящее в ее состав население организовано в волости. Острог не был оставлен служилыми людьми, как предписывал царский наказ, более того, необходимость контроля за сбором ясака с отдаленных нарымских волостей потребовала от сургутских воевод ежегодной отправки в Нарым годовальщиков в количестве 20 человек (Буцинский, 1999: 97). Возможно, поскольку сначала предполагалось использовать острог в течение одной осени, а также по причине незнания местных природных особенностей, место для первого Нарымского острога было выбрано неудачно. Участок берега, занятый острогом, размывало рекой, поэтому возникла потребность в его переносе. Анализируя переписку «сибирских начальных людей» по данной проблеме, П.Н. Буцинский обнаружил указания на первоначальное расположение Нарымского острога, что в комплексе с данными чертежей С.У. Ремезова привело его к выводу о нахождении острога «при Оби», на острове между нижним и средним устьями р. Кети, где проживало население трех инородческих волостей (Буцинский, 1999: 97-98). На «Чертеже Нарымского города» между нижним и средним кетскими устьями располагаются юрты Подгородной, Первой Парабельской и Ларпидской волости (Рисунок 3) (Ремезов, 1701).

Река Кеть впадает в Обь несколькими протоками, наиболее полноводные из которых были известны в XVII–XVIII в. как три кетских устья. Они обозначены на «Чертеже Нарымского города» С.У. Ремезова, где указано расстояние между ними по Оби в днях пути. Согласно этим данным, от нижнего до среднего устья Кети путь по обскому руслу занимал 4 дня, от среднего до верхнего 2 дня. Сопоставив эти указания со сведениями письменных источников начала XVII в., которые помещают Старый Нарым на реке Оби, на расстоянии трех дней пути до верхнего «тогурского» устья, П.Н. Буцинский пришел к логичному выводу, что местоположение первого острога находится на половине указанного Ремезовым маршрута, то есть между нижним и средним устьями Кети.

Учитывая, что на этом участке Обь изобилует большим количеством протоков, а гидрологическая ситуация нестабильна, точно определить середину этого водного пути для XVII в. практически невозможно. Следуя логике П.Н. Буцинского, от первого Нарымского острога до среднего устья Кети путь против обского течения должен занимать один день. Соответственно, выяснив, какое устье Кети является средним, можно определить отрезок реки, где располагался острог.

Рис. 3. Чертеж Нарымского города С.У. Ремезова (фрагмент)

Река Кеть соединяется с Обью несколькими крупными и мелкими протоками. Относительно нижнего и верхнего устья никаких сомнений быть не может, поскольку географическая ситуация четырехвековой давности согласуется с современной картой. Нижним устьем является Нарымская протока, верхним – Тогурская. Эта же ситуация была актуальна для конца XIX в. А.Ф. Плотников об устье Кети сообщает: «...Впадает в Обь двумя устьями, кроме других мелких притоков. Первое устье находится выше города Нарыма (по старинному измерению 700 сажеными верстами) в 110 верстах при селе Тогурском; второе устье около Нарыма» (Плотников, 1901: 8). Проблема возникает при определении среднего устья, на роль которого может претендовать несколько крупных рукавов: Чиряевская, Басмасовская, Копыловская и т.д. Чертеж и описания С.У. Ремезова, использованные П.Н. Буцинским, не дают однозначного ответа. В исследованиях XIX в. ни одна из проток не выделяется как среднее устье, все они (кроме Нарымского) считаются «неправильными», потому что некоторые из них, по убыли весенней воды, высыхают, некоторые мелеют (Плотников, 1901: 8; Костров, 1872: 4).

Только Г.Ф. Миллер в описании пути от Томска до Нарыма упоминает на этом отрезке две основные протоки. Первая протока – Burianga, или Buriak. Этот рукав по соседней Иванкиной волости называют также по-русски Иванкиной протокой. На восточном ее берегу, в полуверстах ниже устья, находились Иванкины юрты, по-остяцки Pi-jet (Pigl-et) (Сибирь XVIII века..., 1996: 182). Второе – «кецкое срединное устье, по-остяцки Koten-ang, имеет два рукава, посредством которых соединяется с Обью. В этом районе располагались юрты Сагандины, по-остяцки Sagandin-et, и Басмасовы, по-остяцки Dschorsul-et (Сибирь XVIII века..., 1996: 183). Сравнительный анализ этих данных с современными картами и логичными указаниями указывает, что это протоки Пурянга (Иванкина, Копыловская) и Басмасовская (Koten-ang). Вероятно, в XVII – начале XVIII вв. одна из них считалась средним кетским устьем. Г.Ф. Миллер в путевом дневнике называет срединным устьем Басмасовскую протоку. По данным С.У. Ремезова, это, скорее, Пурянга. Имеющиеся материалы не позволяют сделать однозначный вывод, какая из проток средняя. Можно констатировать, что, согласно логике П.Н. Буцинского, острог находился приблизительно в 1 дне пути от устья одной из них.

Расстояния, обозначенные в XVII–XVIII вв. в днях пути, являются примерными, они могли увеличиваться/сокращаться в зависимости от времени, когда были зафиксированы, и от конкретных обстоятельств. Вызывает большой вопрос возможность соотнесения данных из документов начала XVII в. о «3 днях пути на обласе от Старого Нарымского острога до Тогурского устья» и сведений С.У. Ремезова, относящихся к концу XVII в. Во-первых, эти данные разделяет хронологический пробел почти вековой продолжительности. Во-вторых, в источниках есть и другие сведения о времени пути между кетскими устьями. Например, по «Книге большой чертеж» путь от Нарыма до устья Кети составляет 1 день (Окладная книга..., 2015: 86). Более того, весь путь от Нарыма до томского устья по

Оби определен в 9 дней (Окладная книга..., 2015: 92). Тогда как по данным С.У. Ремезова, только маршрут между устьями Кети занимал 6 дней.

По нашему мнению, точка зрения П.Н. Буцинского заслуживает внимания, но требует дополнений, которые можно обнаружить у Н. Спафария. В 1675 г., следуя с посольством из Москвы в Китай, он проезжал через Нарым и оставил описание. «А вышед из Быстрые протоки на плесо Обское, на левой стороне деревня русская. И посередь того плеса остров. А от того плеса до Князь-Иванова протоки ходу 11 верст. А в протоке Князь-Ивановой на правой стороне юрты остяцкие. Да повыше тех юрт двои юрты на левой стороне остяцкие ж. А протокою Князь-Ивановой ходу 10 верст. И из той протоки вышед на плесо Обское, и на левой стороне юрты, от протоки Князь-Ивановой с версту.

Да против тех юрт на левой стороне протока небольшая, а выше той протоки версты с 2 юрты ж остяцкие.

Да на левой стороне реки Оби старой город Нарым, а людей в нем никого нет. А ниже того старого города поставлен новой город Нарым же, от старого города в 10 верстах (Путешествие через Сибирь..., 1882: 66).

В период посещения Н. Спафарием этих мест Нарымский острог располагался в районе современного села Нарым. Это означает, что «старой город Нарым» находился на правобережье Оби (Спафарий обозначал берега по ходу движения против течения р. Оби), приблизительно в 10 верстах вверх по течению от современного одноименного села. В настоящее время этот отрезок реки характеризуется низкими гипсометрическими отметками, заливается весенними водами. Возвышенные участки в виде грив встречаются только по берегам многочисленных стариц, которые ориентированы параллельно основному руслу. Однако это не исключает возможность расположения здесь острога. Судя по письменным источникам, он мог находиться на участке с низкими гипсометрическими отметками, из-за чего подвергался подтоплениям.

Найти объяснение выбору для острога именно этого участка Оби не составляет большого труда. По ясачной книге 1629 г. в Нарымском уезде значилась «Нарымская верхняя при Оби волость», переименованная впоследствии в «Верхне-Подгородную» (Плотников, 1901: 33-34). В конце XIX в. ее население проживало и имело во владении территории, граничащие на севере и западе с Нарымом. В этот период волость состояла из двух юртовых селений: Ласкиных и Чиряевых, расположенных на левом и правом берегу Оби в «водотопных» местах. Юрты Чиряевы, население которых входило в состав этой волости, располагались в 15 верстах от Нарыма, на левом берегу Оби. На современных картах это остров Чиряевский, образованный Копыловской Кетью, Обью и протокой Чиряевской. А.Ф. Плотников сообщает, что не располагает информацией о времени появления здесь первых инородцев, однако, по преданиям, предки этого населения жили на том же самом месте, но только не в домах, а в «корамах» – землянках (Плотников, 1901: 166).

В 1600 г. во главе этой волости стоял «лучший человек» – князец Тайбохта – сын легендарного князя Вони, возглавившего Пегую орду в борьбе против русских. Первый Нарымский острог, согласно нашим предположениям, находился на территории именно этой волости, которая, по-видимому, в конце XVI в. принадлежала князю Воне, а затем его сыну Тайбохте. Исторически логично, что после подчинения Пегой орды русский опорный пункт располагался в ее «главной волости». Во-первых, таким образом обеспечивалась преемственность в управлении населением обширного Нарымского края, во-вторых, это позволяло осуществлять контроль над наследниками князя Вони, прежде всего его сыном Тайбохтой, которого русская администрация старалась всячески расположить к себе. Тайбохта, в отличие от других инородцев, по указу сургутского воеводы в 1610 г. «за свои службы» был избавлен от уплаты ясака и пожалован годовым окладом по 3 рубля да провиантом по 4 четверти муки, по 1 четверти круп, по 1 четверти толокна, по 1 пуду соли, с тем, чтобы он проживал в Нарымском остроге (Андреевич, 1889: 36). Еще в 1625 г. в Нарыме, население которого состояло из 42 человек, значился только один язычник, это был князь Тайбохта (Буцинский, 1999: 100). На отрезке реки Оби между нижним и средним устьями располагалось несколько инородческих «острогов». Они существовали еще в период составления С.У. Ремезовым своих атласов. Так, на чертеже Нарымского города на этом участке располагались два «острога», относящихся к Первой Парабельской волости и Ларпитской волости (Рисунок 3) (Ремезов, 1701: л. 10).

Острова, особенно, когда это низкие заливаемые весенними водами пойменные сегменты, считаются неперспективными для размещения археологических памятников и, как правило, не привлекают внимания археологов. В окрестностях Нарыма острова специалистами не обследовались. В.И. Матющенко в поисках первого Нарымского острога осмотрел рядом с поселком несколько фрагментов высоких боровых террас, прежде всего местечко «Колин бор», в северо-восточном конце Нарыма, где находилось современное кладбище. Природно-географическая ситуация подходит для размещения здесь археологических памятников. Но ничего примечательного, кроме нескольких могил политических ссыльных, зафиксировано не было (Матющенко, 1971: 14-15). После обследования местечка Колин бор разведка переместилась южнее Нарыма. Этот район представляет несомненный интерес для изучения начального периода русского освоения Нарымского края. Здесь располагались заимки первых поселенцев, освоивших участки в окрестностях Нарыма

еще в XVII в.: заимки служилого человека Родки Соснина и Ивашки Логовского (Ремезов, 1701: л. 10). В ходе обследования обнаружено 2 поселения, однако подъемные материалы и результаты шурфовки указывали на «дорусский» возраст этих объектов (Матющенко, 1971: 16).

4. Заключение

Анализ сведений письменных источников указывает на возможность локализации первого Нарымского острога в пределах следующих фрагментов долины Оби:

1. Окрестности существовавшей еще в середине XX в. деревни Городище, расположенной на острове приблизительно в 10 км к северо-западу от Нарыма.
2. Фрагмент правого берега обской протоки, известной на современных картах под названием Безымянная, между ее руслом и озером Городищенским, в районе урочища Песчановка.
3. На Чиряевском острове, образованном основным руслом р. Обь, нижним устьем Кети и протокой Чиряевской.

Археологическими разведками 1970-х гг. два из перечисленных районов были обследованы, что полностью не исключает возможности его расположения в этих местах, однако делает это маловероятным. Из поля зрения археологов выпал остров Чиряевский. Еще в начале XX в. здесь располагались юрты Верхне-Подгородной волости, связанной с князем Воней и его сыном Тайбохтой. При определении местонахождения первого Нарымского острога обследование западной части этого острова будет первоочередной задачей. Не подлежит сомнению, что локализация этого укрепленного пункта, как и других острогов в Прикетье, а также их археологическое изучение обеспечит специалистов корпусом новых источников, необходимых для воссоздания освоения Нарымского Приобья – значимого района в общей картине истории Сибири в составе Российского государства.

5. Благодарности

Работа выполнена при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Литература

- Андреевич, 1889 – Андреевич В.К. История Сибири. Ч. 1. СПб.: Типография и литография В.В. Комарова. 1889. 220 с.
- Баронас, 1964 – Баронас А.П. Отчет об археологической разведке в Каргасокском и Парабельском районах Томской области // Матющенко В.И. Отчет о полевых археологических исследованиях кафедры археологии и этнографии Томского государственного университета им. В.В. Куйбышева летом 1964 г. / Архив МАЭС ТГУ (Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета). №281.
- Буцинский, 1999 – Буцинский П.Н. Сочинение в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики. 1999. 328 с.
- Долгих, 1960 – Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. LV. М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. С. 87-90.
- Дульзон, 1956 – Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (Материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды ТОКМ. Т. 5. Томск, 1956. С. 89-316.
- Емельянов, 1981 – Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 180 с.
- Костров, 1872 – Костров Н. Нарымский край. Томск. Типография губернского правления. 1872. 96 с.
- Краткое показание..., 1792 – Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех Сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства, воеводах и губернаторах, и прочих чинах, и кто они имянно, и в каких городах были, и кто какой город строил, и когда. Писанное в Тобольском доме Архиерейском. 1791. Тобольск: Типография у Василья Корнильева. 1792. 84 с.
- Ложникова, 1973 – Ложникова Г.В. Дневник углубленной разведки Нарымского острога в 1973 г. / Архив МАЭС ТГУ, №596.
- Матющенко, 1971 – Матющенко В.И. Дневник разведки в окрестностях Нарыма в 1971 году / Архив МАЭС ТГУ, №510.
- Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Вост. лит., 1999. 628 с.
- Окладная книга, 2015 – Окладная книга Сибири 1697 года. М.: Исторический музей, 2015. 296 с.
- Плотников, 1901 – Плотников А.Ф. Нарымский край (5 стан Томского уезда, Томской губернии). Историко-статистический очерк. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, м-ва Финансов, на Дворц. площ. 1901. 366 с.
- Путешествие через Сибирь, 1882 – Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с

введением и примечанием Ю.В. Арсеньева. СПб.: Типография В. Киришбаума, в д. М-ва Финанс., на Дворц. площ. 1882. 214 с.

Резун, Василевский, 1989 – Резун Д.Я., Василевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск. Новосибирское книжное изд-во. 1989.

Ремезов, 1701 – Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 26 листов. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Drawing_Book_of_Siberia

Сибирь XVIII века..., 1996 – Сибирь XVIII века в описаниях Г.Ф. Миллера / История Сибири. Первоисточники. Вып. 6. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 321 с.

Черная, 1996 – Черная М.П. Нарымский острог // Земля Парабельская. Сборник научно-популярных очерков к 400-летию Нарыма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 94-116.

Черная, 2008 – Черная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 482-515.

Черная, 2009 – Черная М.П. О строениях Нарыма с некоторыми до сих пор мест касающимися прежних времен приключениями // Тобольск и вся Сибирь. №11: Нарым; Тобольск, 2009. С. 21-29.

Черная, 2013 – Черная М.П. Методико-источниковедческие подходы к решению проблемы локализации исторических объектов // Вестник Томского государственного университета. Серия «История». 2013. №3 (23). С. 81-90. [Электронный ресурс]. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=900&article_id=1339

Черная, 2016a – Черная М.П. О чем «рассказывает» история и что «показывает» археология: источники и методы изучения русской культуры Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. 2016. №1. С. 114-122. [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.nsc.ru/journarticleru/65/991>

Черная, 2016b – Черная М.П. Сибирский опыт освоения пространств в историко-археологическом контексте // От Смуты к Империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв.: Материалы науч. конф. М.; Вологда: Древности Севера, 2016. С. 14-23. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26610413> <https://yadi.sk/mail?hash=EaVYgVWZk5z8TMD5YVou3ofm6BeCxHUBtGmnUXlajME%3D>

Chernaya et al., 2018 – Chernaya M.P., Barsukov E.V., Chernaya L.V. Urban Archeology in Taiga Siberia: Problems of Search and Localization // 24th EAA Annual Meeting (Barcelona, 5-8 September 2018) – Abstract Book. Vol. II. Barcelona, 2018. P. 898.

References

Andrievich, 1889 – Andrievich V.K. (1889). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Pt. 1. Saint Petersburg. [in Russian].

Baronas, 1964 – Baronas A.P. (1964). Otchet ob arheologicheskoy razvedke v Kargasokskom i Parabel'skom rajonah Tomskoj oblasti [Report of archaeological exploration in Kargasok and Parabel'sky districts of the Tomsk oblast (region)]. Matyushchenko V.I. Otchet o polevykh arheologicheskikh issledovaniyakh kafedry arheologii i etnografii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Kuybysheva letom 1964 g. Archive of MAES TSU (Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University). № 281. [in Russian]

Bucinskiy, 1999 – Bucinskiy P.N. (1999). Sochinenie v dvuh tomah [Writing in two volumes]: Vol. 2. Mangazeya, Surgut, Narym i Ketsk. Tyumen. [in Russian]

Chernaya et al., 2018 – Chernaya M.P., Barsukov E.V., Chernaya L.V. (2018). Urban Archeology in Taiga Siberia: Problems of Search and Localization. 24th EAA Annual Meeting (Barcelona, 5-8 September 2018) – Abstract Book. Vol. II. Barcelona. P. 898.

Chernaya, 1996 – Chernaya M.P. (1996). Narymskiy ostrog [The fortified town of Narym]. Zemlya Parabel'skaya. Sbornik nauchno-populyarnykh ocherkov k 400-letiyu Naryma. Tomsk: TSU: 94–116. [in Russian]

Chernaya, 2008 – Chernaya M.P. (2008). Russkaya arheologiya kak novoe napravlenie v sibirevedenii [Russian Archeology as a New Direction in Studying of Siberia]. Moskovskaya Rus'. Problemy arheologii i istorii arhitektury. M. pp. 482-515.

Chernaya, 2009 – Chernaya M.P. (2009). O stroenii Naryma s nekotorymi do sih mest kasayushchimisya prezhnih vremen priklucheniyami [About building of Narym with some adventures of the old times to these places concerning]. Tobol'sk i vsya Sibir'. N. 11: Narym; Tobol'sk: 21–29. [in Russian]

Chernaya, 2013 – Chernaya M.P. (2013). Metodiko-istochnikovedcheskie podhody k resheniyu problemy lokalizatsii istoricheskikh ob"ektov [Methodical and source-studying approaches to a solution of the problem of historical objects' localization]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». N. 3 (23): 81–90. [Elektronnyi resurs]. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=900&article_id=1339 [in Russian]

Chernaya, 2016a – Chernaya M.P. (2016). O chem «rasskazyvaet» istoriya i chto «pokazyvaet» arheologiya: istochniki i metody izucheniya russkoy kultury Sibiri [What History Says Versus What Archaeology Shows: Sources and Methods in the Study of Russian Culture in Siberia]. Arheologiya,

etnografiya i antropologiya Evrazii. Vol. 44. Is. 1: 114–122. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://archaeology.nsc.ru/journarticleru/65/991> [in Russian and English]

Chernaya, 2016b – *Chernaya M.P.* (2016). Sibirskiy opyt osvoyeniya prostranstv v istoriko-arkheologicheskom kontekste [Siberian experience of space development in the historical and archaeological context]. Ot Smuty k Imperii. Novyye otkrytiya v oblasti arkheologii i istorii Rossii XVI–XVIII vv. [From the Troubles to the Empire. New discoveries in the field of archeology and history of Russia in the XVI–XVIII centuries]. Moscow; Vologda, 2016. pp. 14–23. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26610413> URL: <https://yadi.sk/mail?hash=EaVYgVWZk5z8TMD5YVou3ofm6BeCxHUBtGmnUXlajME%3D> [in Russian]

Dolgih, 1960 – *Dolgih B.O.* (1960). Rodovoy i plemennoy sostav narodov Sibiri v XVII v. [Genus and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII century]. Trudy instituta etnografii im. N.N. Mikluho Maklaya. Moscow: USSR Academy of Sciences. Novaya seriya (new series), Vol. LV. 1960: 87–90. [in Russian]

Dul'zon 1956 – *Dul'zon A.P.* (1956). Arheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (Materialy k arheologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of the Tomsk region (Materials for the archaeological map of the Middle Ob region)]. Trudy TOKM. Vol. 5. Tomsk. pp. 89–316 [in Russian]

Emel'yanov, 1981 – *Emel'yanov N.F.* (1981). Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nyu ehposu [Russian settlement of the Middle Ob region in the feudal era]. Tomsk: TSU. [in Russian]

Kostrov, 1872 – *Kostrov N.* (1872). Narymskiy kray [Narym Region]. Tomsk. 1872. [in Russian]

Kratkoe pokazanie o byvshikh..., 1792 – *Kratkoe pokazanie o byvshikh kak v Tobol'ske, tak i vo vseh Sibirskikh gorodakh i ostrogakh s nachala vzyatiya Sibirskago gosudarstva, voevodakh i gubernatorakh, i prochih chinakh, i kto oni imyanno, i v kakih gorodah byli, i kto kakoy gorod stroil, i kogda. Pisannoe v Tobol'skom dome Arhiereyskom. 1791.* [A brief testimony about the former both in Tobolsk and in all Siberian towns and forts since taking of the Siberian State, about voevods, governors, and other ranks, and who they are, and in which towns they were, and who built what city, and when. Written in the Tobolsk House of Bishops. 1791]. Tobol'sk, 1792. [in Russian]

Lozhnikova, 1973 – *Lozhnikova G.V.* (1973). Dnevnik uglublennoy razvedki Narymskogo ostroga v 1973 g. [Diary of in-depth exploration of the fortified town of Narym in 1973]. Archive of MAES TSU. N. 596. [in Russian]

Matyushchenko, 1971 – *Matyushchenko V.I.* (1971). Dnevnik razvedki v okrestnostyakh Naryma v 1971 godu [Exploration diary in the vicinity of Narym in 1971]. Archive of MAES TSU. N. 510. [in Russian]

Mueller, 1999 – *Mueller G.F.* (1999). Istoriya Sibiri [History of Siberia]. Vol. 1. Moscow. [in Russian]

Okladnaya kniga Sibiri, 2015 – *Okladnaya kniga Sibiri 1697 goda* [The salary book of Siberia of 1697]. M., 2015. [in Russian]

Plotnikov, 1901 – *Plotnikov A.F.* (1901). Narymskiy kray (5 stan Tomskogo uezda, Tomskoy gubernii). Istoriko-statisticheskoy ocherk [Narym Region (the 5th camp of the Tomsk district of Tomsk province). Historical statistical essay]. SPb. [in Russian]

Puteshestvie cherez Sibir, 1882 – *Puteshestvie cherez Sibir' ot Tobol'ska do Nerchinska i granits Kitaya russkogo poslannika Nikolaya Spafariya v 1675 godu. Dorozhniy dnevnik Spafariya s vvedeniem i primechaniem Yu.V. Arsen'eva* [Journey through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Spafari's travel diary with an introduction and note by Yu.V. Arsenyev]. SPb, 1882. 214 p. [in Russian]

Remezov, 1701 – *Remezov S.U.* (1701). Chertezhnaya kniga Sibiri [Drawing Book of Siberia]. 26 sheets. [Elektronnyi resurs]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Drawing_Book_of_Siberia [in Russian]

Rezun, Vasilevskiy, 1989 – *Rezun D.Ya., Vasilevskiy R.S.* (1989). Letopis' sibirskikh gorodov [Chronicle of siberian towns]. Novosibirsk. [in Russian]

Sibir' XVIII veka..., 1996 – *Sibir' XVIII veka v opisaniyakh G. F. Millera* [Siberia of the 18th century in travel notes by G. F. Mueller]. Istoriya Sibiri. Pervoistochniki. Is. 6. Novosibirsk, 1996. [in Russian]

Первый «Нарымский острог» и перспектива его поиска

Евгений Владимирович Барсуков ^{а, *}

^а Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация

Аннотация. «Русская археология» – направление, завоевывающее в Сибири все большую популярность. Особый интерес представляет период начального освоения Сибири. В Среднем

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: barsukovevg@mail.ru (Е.В. Барсуков)

Приобье известно более десятка городов и острогов, основанных в конце XVI–XVII вв. Три из них – Нарымский, Кетский, Маковский – располагались на берегах р. Кети, обширный бассейн которой соединял Западную и Восточную Сибирь. Нарымский острог, ставший предтечей и важнейшим стратегическим пунктом русского освоения Нарымского края, оказался в последние десятилетия в «забвении» у историков. Это обусловлено ограниченностью доступных письменных источников, подавляющее большинство которых введено в научный оборот еще Г.Ф. Миллером и П.Н. Буциным. Хотя потенциал расширения «письменной» базы не исчерпан, наиболее перспективным представляется смещение акцентов в сторону локально-исторических и локально-географических исследований. Данный подход автор реализует в решении проблемы определения местонахождения первого Нарымского острога. В статье на основании корреляции письменных свидетельств, картографических материалов, особенностей природно-географической обстановки Нарымского Приобья очерчен район вероятного расположения первого Нарымского острога.

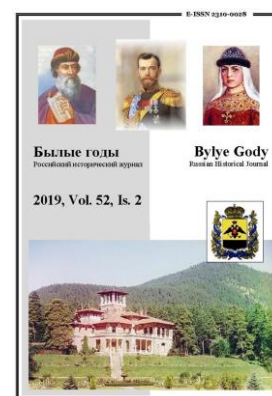
Ключевые слова: Западная Сибирь, Нарымский край, Нарымский острог, река Кеть, освоение Сибири, позднее Средневековье, Новое время, Пегая орда.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 482-490. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.482
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Reproductive Calendar of Komi-Perms in the XVII century

Olga N. Naumenko ^{a,*}, Evgeny A. Naumenko ^b, Nadezhda K. Martynenko ^c

^aYugra State University, Russian Federation

^bTyumen State University, Russian Federation

^cTyumen Industrial University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes a previously unknown calendar from the funds of the Perm State Art Gallery: the symbols have not been deciphered to date, scientists have not yet considered them in relation to the chronology. The calendar is depicted on a white scarf, which is on the shoulders and head of the Orthodox sculpture "Paraskeva Friday with the upcoming Barbara and Catherine". The sculpture dates from the XVII century, refers to the period of active Christianization of the Komi-Permian population and reflects religious syncretism. The treatment of the signs of the Glagolitic alphabet and the solar symbolism underlying the analysis. The symbolism is depicted in this version, which has no analogues in the culture of the Finno-Ugric peoples: this copy is the only one so far. The authors compared it with other well-known calendars of the Komi-Permian (for example, the calendar of hunters) and more ancient artifacts, which led to the conclusion: the calendar of the Komi-Permian women is depicted on the white Board of Paraskeva Friday. It regulated the reproduction of children, the favorable periods for conception and birth, including behavior during fasts of the Orthodox cult of the "Twelve Fridays". This conclusion corresponds to the religious meaning of Paraskeva Friday as "female intercessor", "grandmother-mid wife" and "mother and child". Only a part of the calendar is on this sculpture, which indicates that the calendar has an earlier origin, the Komi-Perms knew it and used it in everyday life. The symbolism of the calendar has a unique and complex character, it goes beyond the usual images. This may indicate that in the culture of the Komi-Perms of the XVII centuries its own writing was born.

Keywords: Reproductive calendar, Finno-Ugric peoples, Komi-Perms, Ural, Siberia, Christianization, Paraskeva Friday, Perm wooden sculpture, Perm region.

1. Введение

Коми-пермяки – народ, относящийся к финно-угорской группе; в настоящее время наблюдается сокращение их численности, причем не только за счет ассимиляции с русским населением, но во многом по причине снижения уровня рождаемости. За восемь лет (с 2004 по 2012 гг.) численность коми-пермяков сократилась на 30799 человек, т.е. почти на 25 % (Перепись, 2019). Между тем история этого народа включает периоды, когда наблюдался их численный рост, причем здоровье рождавшихся поколений обеспечивало не только сохранение, но воспроизводство рода; в необходимых случаях, наоборот, происходило ограничение рождаемости. Поэтому причины столь резкого сокращения численности коми-пермяков могут лежать в древних нормах традиционной культуры, которые активизируются в определенных социально-экономических и политических условиях, ограничивая воспроизводство рода. В фондах Пермской государственной художественной галереи обнаружен соответствующий репродуктивный календарь коми-пермяков.

* Corresponding author

E-mail addresses: oolgann@mail.ru (O.N. Naumenko), hea2004@mail.ru (E.A. Naumenko), nkmtltru1@mail.ru (N.K. Martynenko)

Календарь находится на одном из элементов православной скульптуры XVII в. с названием «Параскева Пятница с предстоящими великомученицами Екатериной и Варварой» (Рисунок 1) из коллекции Пермской деревянной скульптуры и представляет собой комплекс символов на «белом платке» (платке), покрывающем плечи и голову Святой. Наличие такого плата предусмотрено иконописным каноном: «...и святые великомученицы Парасковии нареченныя Пятницы, риза киноварь, испод лазорь, на главе плат бел, а в руке свиток...» (Цит по: Тихомирова, 2008: 223). Канон умалчивает о написании на «белом платке» каких-либо символов, поэтому можно утверждать, что они были нанесены по инициативе местного священника (или епархии) в соответствии с этническими традициями паствы.

Рис. 1. Скульптура Параскевы Пятницы. XVII в.
Пермская государственная художественная галерея. Постоянная экспозиция. Фото авторов.

До 1920-х гг. скульптура входила в пантеон Никольской церкви с. Нырб Чердынского района современного Пермского края и стала экспонатом музея после закрытия храмов большевиками. Церковь, где стояла скульптура Параскевы Пятницы, имела политическую историю: она была построена сразу после воцарения Романовых в память о мученической кончине в пермской ссылке М.Н. Романова, родного дяди первого царя из новой династии (Копытова, 2015: 177). Соответственно, через церковь проходило множество паломников и исследователей разного уровня, в том числе историков; ее посещали и представители Дома Романовых. В течение более чем 300 лет репродуктивный календарь на «белом платке» Параскевы находился на виду у посетителей и ученых, но воспринимался как группа неразгаданных символов. В 1967 г. автор первых двух монографий по истории Пермской деревянной скульптуры Н.Н. Серебренников назвал эти знаки «красочными орнаментами на белом платке» (Серебренников, 1967: 15). В 2018 г. хранитель и исследователь коллекции Пермской деревянной скульптуры Е. Шабурова описала экспонат так: «Согласно иконографии, на ней [Параскеве Пятнице – авт] – красный мафорий (женское покрывало) с цветочным орнаментом. Поверх мафория – белый плат с загадочными знаками, напоминающими не

то древние славянские языческие символы, не то нерасшифрованную коми-письменность» (Святая, 2018: 3) (Рисунок 2).

Цель статьи – проанализировать символы на белом платке Параскевы Пятницы из коллекции Пермской деревянной скульптуры в их взаимосвязи с регулированием рождаемости в коми-пермяцком обществе XVII в.

Рис. 2. Фрагмент календаря на «белом платке» Параскевы Пятницы

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает две группы:

1) Материальные источники – скульптура Параскевы Пятницы и (для сопоставления) более ранние коми-пермяцкие календари: всего их известно три (Врганесян, 2014: 97). Сложность сравнения состояла в том, что все предыдущие календари имеют кольцевой характер и зооморфные изображения (напр. Рисунок 3), а символы на «белом платке» расположены в виде пяти полос и выполнены графически. Однако среди исследуемых знаков также встречаются «кольцевые» изображения, совпадающие по принципам построения с более ранними календарями.

Рис. 3. Древний «Промысловый календарь» коми-пермяков (Коми, 2019)

2) Материалы Государственных архивов Тюменской области (в г. Тобольске) и Пермского края, содержащие данные об особенностях христианизации финно-угорских народов. Документы

показывают, что условия, в которых работали православные священники, вынуждали учитывать, принимать и вписывать в православные каноны местные этнические и религиозные нормы.

Методологической основой исследования является теория культурного фронта (Terнер, 1962). Фронт как подвижная граница между традиционной и воздействующей на нее культурой всегда имеет региональную специфику; на традиционную культуру финно-угорских народов Пермского края поэтапно оказывали воздействие мусульманские и христианские миссионеры. Учитывая православный характер Российского государства, влияние христианства оказалось несоизмеримо сильнее, что в результате привело к появлению уникальных форм религиозного синкретизма, отразившегося в произведениях декоративно-прикладного искусства, каким является скульптура Параскевы Пятницы.

Среди методов исследования использованы: 1) метод актуализации, позволивший спроецировать современные явления, происходящие в культуре коми-пермяков, на их прошлое и выявить общие закономерности, характерные для динамики демографических процессов в их среде, в том числе в сфере регулирования рождаемости; 2) сравнительно-исторический метод: сопоставление символов на «белом плате» Параскевы Пятницы с иными календарями и древней соляной символикой, характерной для коми-пермяцкой и иных культур региона, позволило атрибутировать экспонат как репродуктивный календарь.

3. Обсуждение

На настоящий момент частично расшифрованы три календаря коми-пермяков; наиболее значимым из них считается «промысловый» (Конаков, 1990; Чувьуров, 1999; Ларичев 2002; Вртанесян, 2014 и др.), хотя он не ясен полностью; остается множество вопросов и по остальным двум календарям. Попытки расшифровать символы на «белом плате» Параскевы ранее не приводили к успеху даже на уровне их атрибуции, но сама скульптура является излюбленной темой исследователей, т.к. считается одним из самых ранних образцов коллекции. Ученые проанализировали ее с искусствоведческих и культурологических позиций (Власова, Шаратов, 2011; Серебренников, 1928; Серебренников, 1967; Тихомирова, 2008 и др.), обратив внимание на православно-языческий характер образа, его художественный стиль, сюжет композиции, а также региональный культ Параскевы и связанные с ней легенды. Подобные синкретичные образцы, возникавшие в период активной работы миссионеров, встречаются в культуре и других финно-угорских народов Урало-Сибирского региона (Главацкая, 1999; Moldanova 2007; Хригина, 2016; Naumenko and ect. 2018; Рындина и др., 2018 и др.). Во многом это было связано со сложными климатическими условиями жизнедеятельности народов Севера, в которых возникала потребность в культурных заимствованиях (Bogomolova et al., 2017; Tkachev et al., 2018; Лискевич Н.А. и др., 2018 и др.). Однако, несмотря на внушительный научный задел, пока не обнаружены аналоги не только анализируемого календаря, но и большинства символов, составляющих его, – экспонат уникален, что стало главным препятствием в его понимании.

4. Результаты

Христианизация коми-пермяцкого населения имеет длительную историю, и к XVII столетию в культуре народа уже сложился комплекс соответствующих религиозных представлений. Этот период совпал с активизацией миссионерской деятельности, когда сопредельный регион – Западная Сибирь – постепенно приобретал статус неотъемлемой части православного Российского государства. Как показал опыт, если христианизация имела непродуманный и насильственный характер, то она встречала мощное сопротивление коренных народов Севера: в частности, в источниках сохранилось свидетельство о нападении 130 самоедов на православный поселок; они «сожгли и разграбили церковь, совершили несколько убийств крещеных остяков, а их трупы предали поруганию» (ГАТО в г. Тобольске. Ф. 144. Оп. 1. Д. 48. Л. 37-38). Клировые ведомости церквей Чердынского уезда, где располагалась церковь со скульптурой Параскевы Пятницы, также отразили проблему: штат священников-миссионеров менялся в силу разных причин, в том числе из-за необходимости лавирования между требованиями епархии и реальной возможностью их выполнения (ГА ПК. Ф. 258. Оп. 1. Д. 2). В условиях удаленности от центра, многонациональности и многоконфессиональности населения местным священникам приходилось учитывать особенности традиционных культур своей паствы, и более того – умело использовать накопленный этнический опыт для укрепления православной веры. Особую значимость такие знания приобретали в ситуации, когда они логично вписывались в православные каноны: анализируемая символика стала именно таким случаем. При этом слияние языческих и христианских представлений было обусловлено географическими и социально-экономическими особенностями региона.

Природно-климатические условия требовали как определенных периодов для рождения детей, так и нужного состояния здоровья родителей. Наиболее сложными для выживания были весенние периоды, когда фактически продолжалась зима, сельскохозяйственные запасы заканчивались, а охота была ограничена по причине новорожденного потомства у лесных зверей: на добычу зверя в эти периоды существовало табу. В частности, промысловый календарь четко указывает на время

добычи белки – февраль (Вртанесян, 2014: 96), который в северных широтах не является периодом выращивания детенышей. Коми-пермяцкий язык даже отразил название февраля как *урсимот урасьом* – «охота на белок» (Подюков, 2017: 48). Эти свидетельства указывают на существование определенных запретов при добыче лесных зверей в период воспроизводства потомства.

Суровые условия жизни ставили задачу выживания и перед людьми, что объективно влекло регулирование численности рода. В полуарктических условиях это осуществлялось по-разному, но крайней мерой, наблюдаемой у всех народов Севера, была практика суицидов. Н. Витсен в конце XVII в. зафиксировал следующий факт: «...они *часто* [выделено авторами] ... снимают свой кафтан, бросаются ногами в глубокий снег и замерзают, как бы добровольно» (Витсен, 2019). У некоторых народов существовала традиция: немощные старики сами уходили в тундру и там замерзали. Это было одной из серьезных проблем для священников: «Один из миссионеров, проповедовавших христианство, убедил свою паству отказаться от варварской традиции. Несколько лет спустя он вернулся в те же места, но обнаружил, что род вымер от недостатка пропитания» (Национальный акцент, 2019). Таким образом, в подобных случаях священники сами были заинтересованы в регулировании рождаемости, чтобы принятие христианства не повлекло невольную гибель паствы. Для решения этих задач должны были создаваться календари.

Принадлежность символов на «белом платке» Параскевы Пятницы к календарю определяется по двум признакам. Во-первых, наличие так называемых «четырёхчастных» элементов – кругов, разделенных на четыре равные части. В древних культурах это чаще всего означало четыре времени года, но для большинства народов Севера таких периодов было только два: холодный и теплый (зима и лето), причем зима доминировала, и возраст (годы) считался не по годам, а по зимам. Переход от зимы к лету (и обратно) делился на несколько микросезонов (Рындина и др., 2019: 145). В коми-пермяцкой культуре «четырёхчастный» символ (Рисунок 4) означал не четыре времени года, а цикл из четырех лет. На «белом платке» этот символ сочетается с крупными точками («солнцем»), которое находится высоко (лето) и низко (зима). Расположенные рядом «звездочки» также напоминают изображение «рваных» краев солнца, характерное для традиционных культур в целом и других коми-пермяцких календарей: там солнце изображалось в виде розетки с неровными краями (Вртанесян, 2014: 97).

Рис. 4. Элемент календаря, обозначающий четырехлетний цикл

Во-вторых, на «белом платке» Параскевы есть схематическое изображение Луны в виде кругов, которые в четкой последовательности заполняются поперечными линиями: вначале круг пустой (белый, без разделительных полосок), затем происходит деление на три части, на две и т.д., что напоминает фазы Луны (полнолуние, новолуние, четверть Луны и т.д.). Рядом с Луной изображены точки, напоминающие звезды. Таким образом, отнесение артефакта к календарю не вызывает сомнений, и основным является вопрос о его принадлежности.

Знаки на «белом платке» имеют ряд особенностей, отличающих их от солярной символики как финно-угорских, так и славянских народов. Прежде всего, это открытое использование ромба в качестве не просто «женского знака», а символа, указывающего на расположение репродуктивных органов (обычно ромб как «женский знак» не имеет столь прямого значения). Однако в коми-пермяцкой орнамент, украшающий зеленое платье скульптуры Параскевы, вписан единственный ромб, расположенный на месте детородного органа; этот знак – ключ к пониманию символов на «белом платке». Там ромбы уже многочисленны, они являются основным элементом и могут быть сгруппированы в два вида: первый – ромбы с очерченными краями, имеющими внутри «решетку»; вторые – ромбы без очерченных краев: их «решетка» состоит из извилистых линий, которые в древних культурах символизировали воду, свободу, движение. Если отталкиваться от концепции «разрешение / запрет», то ромб с ограниченными краями означает «нельзя», без очерченных краев – «можно», при этом количество ячеек в ромбе можно трактовать как количество дней. Кроме этого, «решетки» состоят из трех или четырех линий, что на каждом из символов дает несколько «четырёхдневок», зафиксированных также на «промысловом календаре» (Вртанесян, 2014: 98), по всей вероятности, с такими «четырёхдневками» была связана повседневная жизнь коми-пермяцкого общества.

Это цикл логично укладывался в народный культ Параскевы Пятницы, когда после четырех дней работы особо чтился пятый день: в пятницу женщинам запрещалось ткать, шить и прочее (Святая, 2018: 8), а также предполагался пост, в том числе воздержание от брачных связей. Некоторые набожные прихожанки начинали соблюдать правило уже за неделю до такой пятницы, а также после нее (Воронина, 2011: 169), в результате чего из возможности супружеских отношений автоматически исключалось три месяца (в дополнение ко всем остальным официальным христианским постам). В этом был практический смысл: праздники сопровождались употреблением алкоголя (что было особой проблемой для народов Севера), и зачатие в таких условиях могло привести к рождению неполноценного ребенка. Ограничения имели религиозную окраску; считалось, что нарушение запрета будет наказано Параскевой и приведет к рождению мертвых, больных и вообще «нехороших» детей: «Зародится от них детище недоброе, либо вор, либо плут, либо пьяница, клеветник, еретник, или душем пагубник» (Цит. По: Воронина, 2011: 169).

Ограничения были связаны со «Сказанием о 12 Пятницах»: предполагалось, что дни двенадцати религиозных праздников (Рождество, Пасха и др.), попадая на пятницу, обязательно должны быть постными и скорбными (т.к. именно в пятницу Иисус Христос был распят на кресте). Этот культ обычно не поддерживался православной церковью и считался народным. Отражение культа показывает и головной убор Параскевы, состоящий из 12 металлических элементов, которые расположены в пять рядов. Пять рядов мы видим и на «белом платке» скульптуры.

В целом эта атрибутика соответствует предназначению Святой Параскевы: ей как своей покровительнице девушки молились о хороших женихах; ее считали «женской заступницей» и помощницей в любви; она часто представляла повивальной бабкой в народных поверьях (Святая, 2018: 5). Обратим внимание, что заднюю часть «белого платка» не видно (сзади нет символов); знаки уменьшаются, обрываются, а в некоторых местах являются неразборчивыми. Это значит, что на «платке» отражен уже используемый, знакомый календарь, а само изображение носит символический характер. Такой календарь коми-пермяков мог иметь отдельную материальную форму, и возможно – кольцевую, как и предыдущие три календаря.

Анализ атрефакта приводит к ряду выводов: во-первых, христианизация коми-пермяков к XVII столетию уже имела ощутимый результат; во-вторых, этот народ имел собственную, сложную систему соотношения своей жизни с фазами Луны и природными циклами, включая представление о группировке дней («четырёхдневков»). Кроме этого, на «белом платке» Параскевы изображены символы, схожие с буквами глаголицы, которая функционировала не просто как алфавит, а как знаковая система, обозначающая образы и числа (на Рисунке 2 – второй ряд справа внизу). Эти знаки схожи с буквами «Э» (Есть) и «Є» (Ело), что означает «есть» (существовать); по смыслу их можно трактовать как «можно», «разрешается», что вполне вписывается в логику репродуктивного календаря. Однако это «другая» глаголица: в нее включены дополнительные извилистые знаки, которые требуют отдельного исследования. Сочетание глаголицы с солярной символикой свидетельствует, что она в культуре коми-пермяков появилась раньше, чем кириллица (на кириллице написан свиток «Символ веры» в руке Параскевы). Уникальность символики в целом наводит на мысль о возможном существовании у коми-пермяков древней протописьменности на базе глаголицы или, наоборот, о включении глаголицы в уже существовавшее письмо.

5. Заключение

Символика на «белом платке» Параскевы Пятницы является четвертым обнаруженным календарем коми-пермяков и соответствует особенностям предыдущих трех. Во-первых, ни один из четырех календарей нельзя отнести непосредственно к лунному, звездному или солнечному, т.к. все они носят смешанный характер и, соответственно, сложны для расшифровки, что свидетельствует о развитых астрономических представлениях создавшего их народа. Во-вторых, все календари коми-пермяков имеют комплексное предназначение: регулируя какую-либо отдельную сферу, они обязательно отражают общие представления о хронологии, сезонах, годах и циклах. В-третьих, все четыре календаря связаны с миром природы и воспроизводством потомства, с поддержанием, регулированием или ограничением рождаемости. Таким образом, обнаруженный репродуктивный календарь является одним из звеньев сложной системы взаимодействия человека с природой, облеченной во внешнюю форму христианской религии.

Нормы традиционных северных культур могут проецироваться на современные отношения через длительные промежутки времени, поэтому практика ограничения (регулирования) рождаемости, характерная для определенных жизненных периодов, может проявиться в схожих социально-исторических условиях. Следовательно, одну из причин стремительного сокращения коми-пермяцкого народа в настоящее время вполне можно искать в активизации этих внутренних норм, и следующей научной задачей должен стать анализ социально-экономических и иных факторов окружающей среды, приводящих в действие традиционно-исторические механизмы ограничения рождаемости.

Литература

- Витзен, 2019** – *Витзен Н.* Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии [Электронный ресурс] / URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (дата обращения: 10.11.2018).
- Власова, Шарапов, 2011** – *Власова В.В., Шарапов В.Э.* Храм, образ и праздник св. Параскевы Пятницы у современных угорских коми // *Этнографическое обозрение*. 2011. №4. С. 56-63.
- Воронина, 2011** – *Воронина Т.А.* Практика поста в «сказаниях о 12-ти пятницах» (XIX – начало XX вв.) // *Россия и современный мир*. 2011. №1 (70). С. 163-171.
- Вртанесян, 2014** – *Вртанесян Г.С.* Средневековые кольцевые календари Урала и Сибири // *Вестник уgroведения*. 2014. №2 (17). С. 96-108.
- ГА ПК** – Государственный архив Пермского края.
- ГАТО в г. Тобольске** – Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске.
- Главацкая, 2009** – *Главацкая Е.М.* Православная колонизация и изменение религиозного ландшафта Урала в XVIII в. // *Уральский исторический вестник*. 2009. №2 (23). С. 100-108.
- Коми, 2019** – Коми. Промысловый календарь охотника [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kamwa.ru/news/showroom-kamwa/2006-komi-fishing-calendar-hunter.html> (дата обращения: 20.02.2019).
- Конаков, 1990** – *Конаков Н.Д.* Промысловый календарь в мировоззрении древних коми // *Мировоззрение финно-угорских народов*. Новосибирск: Наука, 1990. С. 103-121.
- Копытова, 2015** – *Копытова И.Н.* Почитание М.Н. Романова в Чердынском крае // XV Романовские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во «Квадрат», 2015. С. 177-183.
- Ларичев, 2002** – *Ларичев В.Е.* Средневековые календари финно-угров // *История и культура Востока Азии*. Т. 1. Новосибирск, 2002. С. 163-173.
- Лискевич и др., 2018** – *Лискевич Н.А., Копыльцова И.Ю., Поршуннова Л.С.* Роль погодных условий в производственной практике оленеводов Приполярного Урала // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2018. №4 (43). С. 156-164.
- Молданова, 2006** – *Молданова Т.А.* Сновидения в культуре хантов // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 6. С. 38-47.
- Национальный акцент, 2019** – Национальный акцент. Медиапроект «Гильдии межэтнической журналистики» войны [Электронный ресурс]. URL: <http://nazaccent.ru/content/11318-samoubijstva-u-narodov-rossii.html> (дата обращения: 27.01.2019).
- Перепись, 2019** – Перепись населения Коми-пермяцкого округа. URALISTICA. The world of Finno-ugric and Samoyed peoples
- Подюков, 2017** – *Подюков И.А.* О некоторых особенностях коми-пермяцкой хрононимии // *Филологические заметки*. 2017. Т. 2. №15. С. 47-55.
- Рындина и др., 2018** – *Рындина О.М., Колесникова С.Ю., Кулемзин В.М.* Время и пространство в самодийской традиции: календарь и нарта // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. №56. С. 143-150.
- Святая, 2018** – Святая Параскева Пятница с предстоящими великомученицами Екатериной и Варварой из коллекции Пермской деревянной скульптуры XVIII – нач. XX вв. Пермь: Пермская государственная художественная галерея, 2018. 8 с.
- Серебренников, 1928** – *Серебренников Н.Н.* Пермская деревянная скульптура. Материалы предварительного изучения. Пермь: Окрит, 1928. 213 с.
- Серебренников, 1967** – *Серебренников Н.Н.* Пермская деревянная скульптура. Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. 103 с.
- Тихомирова, 2008** – *Тихомирова Е.Л.* К вопросу об атрибуции деревянной скульптуры великомученицы Параскевы Пятницы из Пятницкой церкви Рыбной слободы г. Галича // *Вестник Костромского государственного университета*. 2008. Т. 14. №5. С. 223-228.
- Харина, 2016** – *Харина Н.С.* Начало христианизации коренных народов Обского севера // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2016. Т. 8. №6–1. С. 105-110.
- Чувьюров, 1999** – *Чувьюров А.А.* Время и календарь в традиционной культуре коми верхней и средней Печоры // *Время и календарь в традиционной культуре*. М.: Российский этнографический музей. 1999. С. 81-84.
- Bogomolova et al., 2017** – *Bogomolova L.L., Takmasheva I.V., Araslanov R.K., Zelinskaya A.B.* (2017). Priority guidelines in the socio-economic development of the northern oil and gas regions of Russia // *Academy of Strategic Management Journal*. Vol.16. Is. 1. pp. 1-9. [Electronic resource]. URL: <http://uralistica.com/group/komipermsians/forum/topics/2161342:Topic:138845> (date of access: 15.02.2019).
- Naumenko et al., 2018** – *Naumenko O.N., Naumenko E.A.* The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 49. Is. 3. pp. 931–939.

Tkachev et al., 2018 – Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T. Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra // *SHS Web of Conferences*. 2018. 50. 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (дата обращения: 10.11.2018).

Turner, 1962 – Turner F. The Frontier in American History. New York. 1962.

References

Bogomolova et al., 2017 – Bogomolova L.L., Takmasheva I.V., Araslanov R.K., Zelinskaya A.B. (2017). Priority guidelines in the socio-economic development of the northern oil and gas regions of Russia. *Academy of Strategic Management Journal*. Vol. 16. Is. 1. pp. 1-9.

Chuvyurov, 1999 – Chuvyurov A.A. (1999). Vremya i kalendar v tradicionnoj kulture komi verxnej i srednej Pechory [Time and calendar in traditional culture of Komi upper and middle Pechora]. Vremya i kalendar v tradicionnoj kulture. Moscow: Rossijskij etnograficheskij muzej. pp. 81-84. [in Russian]

GA PK – Gosudarstvennyj arxiv permskogo kraja [The state archive of the Perm region].

GATO in Tobolsk – Gosudarstvennyj arxiv Tyumenskoj oblasti v g. Tobolske [The state archive of the Tyumen region in Tobolsk].

Glavaczkaya, 2009 – Glavaczkaya E.M. (2009). Pravoslavnaya kolonizaciya i izmenenie religioznogo landshafta Urala v XVIII v. [Orthodox colonization and changing religious landscape of the Urals in the XVIII century]. *Uralskij istoricheskij vestnik*. No 2 (23). pp. 100-108. [Electronic resource]. URL: <http://uralistica.com/group/komipermians/forum/topics/2161342:Topic:138845> (date of the address: 15.02.2019). [in Russian]

Komi, 2019 – Komi. Promyslovyy kalendar oxotnika [The fishing calendar of the hunter]. [Electronic resource]. URL: <http://www.kamwa.ru/news/showroom-kamwa/2006-komi-fishing-calendar-hunter.html> (date of the address: 20.02.2019). [in Russian]

Konakov, 1990 – Konakov N.D. (1990). Promyslovyy kalendar v mirovozzrenii drevnix komi [The fishing calendar in the worldview of the ancient Komi]. Mirovozzrenie finno-ugorskix narodov. Novosibirsk: Nauka. pp. 103-121. [in Russian]

Kopytova, 2015 – Kopytova I.N. (2015). Pochitanie M.N. Romanova v Cherdynskom krae [Honoring M. N. Romanova in Cherdyn region]. XV Romanovskie chteniya. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Ekaterinburg: «Kvadrat». pp. 177-183. [in Russian]

Larichev, 2002 – Larichev V.E. Srednevekoveye kalendari finno-ugrov [Medieval calendars of Finno-Ugric peoples]. Istoriya i kultura Vostoka Azii. Vol. 1. Novosibirsk, 2002. Pp. 163–173. [in Russian]

Liskevich et al., 2018 – Liskevich N.A., Kopylcova I.Yu., Porshunova L.S. (2018). Rol pogodnyx uslovij v proizvodstvennoj praktike olenevodov Pripolyarnogo Urala [The Role of weather conditions in the production practice of reindeer breeders of the polar Ural]. *Vestnik arxeologii, antropologii i etnografii*. No 4 (43). pp. 156-164. [in Russian]

Moldanova, 2006 – Moldanova T.A. (2006). Snovideniya v kulture xantov [The Dreams in the culture of the Khanty]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No 6. pp. 38-47. [in Russian]

Nacionalnyj akcent, 2019 – Nacionalnyj akcent. Mediaproekt «Gildii mezhetnicheskoy zhurnalistiki» vojny [National accent. Media project "Guild of interethnic journalism" war]. [Electronic resource]. URL: <http://nazaccent.ru/content/11318-samoubijstva-u-narodov-rossii.html> (date of access: 27.01.2019). [in Russian]

Naumenko et al., 2018 – Naumenko O.N., Naumenko E.A. (2018). The Ob Ugrians-Muslims: Historical and Psychological Factors of the Islam Penetration in the Traditional Culture. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3. pp. 931–939.

Perepis, 2019 – Perepis naseleniya Komi-permyaczkoj okruga. URALISTICA. The world of Finno-ugric and Samoyed peoples [Census of the Komi-Permian district. URALISTICA. The world of Finno-ugric and Samoyed peoples].

Podyukov, 2017 – Podyukov I.A. (2017). O nekotoryx osobennostyax komi-permyaczkoj xrononimiki [A some features of the Permian Komi chromosomique]. *Filologicheskie zametki*. Vol. 2, No 15. pp. 47-55. [in Russian]

Ryndina et al., 2018 – Ryndina O.M., Kolesnikova S.Yu., Kulemzin V.M. (2018). Vremya i prostranstvo v samodijskoj tradicii: kalendar i narta [Time and space in Samoyedic traditions: the calendar and Narta]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. Istoriya. No 56. pp. 143-150. [in Russian]

Serebrennikov, 1928 – Serebrennikov N.N. (1928). Permskaya derevyannaya skulptura. Materialy predvaritelnogo izucheniya [Perm wooden sculpture. The materials of the preliminary study]. Perm: Okrlit. 213 p. [in Russian]

Serebrennikov, 1967 – Serebrennikov N.N. (1967). Permskaya derevyannaya skulptura [Perm wooden sculpture]. Perm: Permskoe knizhnoe izdatelstvo. 103 p. [in Russian]

Svyataya, 2018 – Svyataya Paraskeva Pyatnicza s predstoyashhimi velikomucheniczami Ekaterinoj i Varvaroj iz kollekcii Permskoj derevyannoj skulptury XVIII – nach. XX vv. [Saint Paraskeva Friday with the upcoming great martyrs Catherine and Barbara from the collection of Perm wooden sculpture of the XVIII – beginning at XX centuries]. Perm: Permskaya gosudarstvennaya xudozhestvennaya galereya, 2018. 8 p. [in Russian]

Tihomirova, 2008 – *Tihomirova E.L.* (2008). K voprosu ob atribucii derevyannoj skulptury velikomuchenicy Paraskevyy Pyatnicy iz Pyatniczkoj cerkvi Rybnoj slobody g. Galicha [On the issue of attribution of wooden sculpture of the great Martyr Paraskeva Friday from the Pyatnitskaya Church of the Fish settlement of Galich]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 14. Vol. S, pp. 223-228. [in Russian]

Tkachev et al., 2018 – *Tkachev B., Fedulov I., Moldanova T., Tkacheva T.* Everyday Ethnocultural Adaptation of Newly Arrived and Indigenous Populations in Yugra // SHS Web of Conferences. 2018. 50. 01184. [Electronic resource]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2018/11/shsconf_cildiah2018_01184.pdf (date of access: 10.11.2018).

Turner, 1962 – *Turner F.* (1962). *The Frontier in American History*. New York.

Vitzen, 2019 – *Vitzen N.* (2019). Severnaya i Vostochnaya Tartariya, vklyuchayushhaya oblasti, raspolozhennyye v severnoy i vostochnoy chastyax Evropy i Azii [Northern and Eastern Tartary, including areas located in the Northern and Eastern parts of Europe and Asia]. [Electronic resource]. URL: <http://zz-project.ru/n-vitsen-severnaya-i-vostochnaya-tartariya/923-o-narodakh-ostyakakh-ili-o-zemle-ostyakii> (date of access: 11.11.2018). [in Russian]

Vlasova, Sharapov, 2011 – *Vlasova V.V., Sharapov V.E.* (2011). Xram, obraz i prazdnik sv. Paraskevyy Pyatnicy u sovremennykh udorskix komi [The Temple, the image and the feast of St. Paraskeva Friday in modern Udora Komi]. *Etnograficheskoe obozrenie*. No 4. pp. 56-63. [in Russian]

Voronina, 2011 – *Voronina T.A.* (2011). Praktika posta v "skazaniyax o 12-ti pyatniczah" (XIX – nachalo XX v.) [The Practice of fasting in "legend of 12 Fridays" (XIX – beginning of XX century)]. *Rossiya i sovremennyy mir*. No 1 (70). pp. 163-171. [in Russian]

Vrtanesyan, 2014 – *Vrtanesyan G.S.* (2014). Srednevekovyye kolcevye kalendari Urala i Sibiri [Medieval ring calendars of the Urals and Siberia]. *Vestnik ugrovedeniya*. No 2 (17). pp. 96–108. [in Russian]

Xarina, 2016 – *Xarina N.S.* (2016). Nachalo khristianizatsii korennykh narodov Obskogo severa [The beginning of christianization of the indigenous peoples of the Ob North]. *Istoricheskaya i socialno-obrazovatel'naya mysl*. Vol. 8, No 6–1. pp. 105-110. [in Russian]

Репродуктивный календарь коми-пермяков в XVII в.

Ольга Николаевна Науменко ^{a,*}, Евгений Александрович Науменко ^b,
Надежда Константиновна Мартыненко ^c

^a Югорский государственный университет, Российская Федерация

^b Тюменский государственный университет, Российская Федерация

^c Тюменский индустриальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье дается анализ ранее неизвестного календаря из фондов Пермской государственной художественной галереи: до настоящего времени символы оставались нерасшифрованными, а их соотнесение с хронологией замечено не было. Календарь изображен на белом платке, обрамляющем плечи и голову православной скульптуры «Параскева Пятница с предстоящими Варварой и Екатериной». Скульптура датирована XVII вв., относится к периоду активной христианизации коми-пермяцкого населения и отражает религиозный синкретизм. В основу анализа авторы положили трактовку знаков глаголицы и солярной символики, изображенной в варианте, пока не имеющем аналогов в культуре финно-угорских народов, так как данный экземпляр является единственным. Он сопоставлен с иными известными календарями коми-пермяков (в частности, «промысловым») и более древними артефактами, что позволило сделать вывод: на белом платке Параскевы Пятницы изображен календарь коми-пермяцких женщин, связанный с воспроизводством потомства, благоприятными периодами для зачатия и рождения детей, а также воздержанием во время постов в рамках народного культа «двенадцати пятниц». Этот вывод соответствует религиозному предназначению образа Пелагеи Пятницы как «женской заступницы», «бабки-повитухи» и «матери с младенцем». На исследуемой скульптуре отражена лишь часть календаря, что свидетельствует о его более раннем характере, традиционном знании и привычном использовании в повседневной жизни. Уникальный и сложный характер символики, выходящей за рамки привычных изображений, может указывать на наличие (зарождении) в культуре коми-пермяцкого населения XVII вв. собственной протописьменности.

Ключевые слова: репродуктивный календарь, финно-угорские народы, коми-пермяки, Урал, Сибирь, христианизация, Параскева Пятница, пермская деревянная скульптура, Пермский край.

* Корреспондирующий автор

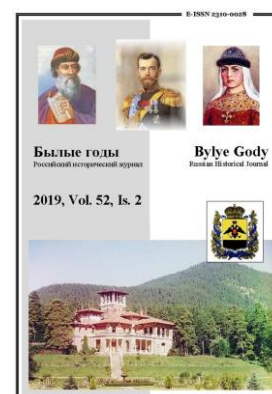
Адреса электронной почты: oolgann@mail.ru (О.Н. Науменко), hea2004@mail.ru (Е.А. Науменко), nkmtltru1@mail.ru (Н.К. Мартыненко)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 491-501. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.491
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Justice System of Northeastern Ukraine and the Influence of Russian Judicial Practice (middle XVII – XVIII centuries)

Sergey I. Degtyarev ^{a, b, *}, Lybov G. Polyakova ^{b, c, d}, Leonid L. Balanyuk ^e, Jasmin Gut ^f

^a Sumy State University, Sumy, Ukraine

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^d East European History Society, Russian Federation

^e Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^f University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

The article is devoted to the Ukrainian legal proceedings at the end of the XVII – in the XVIII centuries and the influence on him of Russian judicial practice. Since the emergence of the Ukrainian Cossack statehood in the middle of the seventeenth century, its own model of legal proceedings appeared on the lands of northeastern Ukraine, which in its activities was based on the regulatory framework of the Lithuanian-Polish period and early European times. But since the beginning of the XVIII century, the Russian government has pursued a policy of incorporation of Ukrainian lands. During the XVIII century, Russian imperial legislation was extended to Ukrainian judicial practice. Judicial or controlling institutions are created on these lands, subordinated to the Russian administration. The very nature of the judicial process changes, even the language of keeping records from the old Ukrainian changes to Russian. All these processes have had a direct impact on the formation and further development of civil society in the Ukrainian lands.

Keywords: North-Eastern Ukraine, Hetmanshchina, Slobodskaya Ukraine, Russian Empire, court, officials, XVII-XVIII centuries.

1. Введение

Многие вопросы, касающиеся истории развития судебной отрасли на украинских землях, которые со временем вошли в состав Российского государства, остаются малоизученными. Но учитывать опыт прошлого в современном обществе крайне необходимо. Это дает возможность, с одной стороны, выявить национальные и региональные особенности развития той или иной сферы жизнедеятельности (в нашем случае судебной) и развиваться соответственно этим особенностям, а с другой – позволит учитывать и наиболее положительные практики, заимствованные у других государств (или навязанные ими) в процессе взаимодействия с ними.

Национальная специфика была характерна для украинской судебной отрасли. Украинское казацкое государство XVII–XVIII вв. смогло создать собственную управленческую модель, которая включала административную, финансовую, военную, судебную отрасли. Эта модель функционировала, опираясь на украинские обычаи и правовые традиции. Но уже с конца XVII в. московское правительство начало распространять свою власть на северо-восточные украинские земли, вытесняя местные управленческие практики и заменяя их на российские. Система судопроизводства Украины-Гетманщины также подверглась такому влиянию.

* Corresponding author

E-mail addresses: starsergo@bigmir.net (S.I. Degtyarev)

В связи с этим целью данной статьи является изучение украинской модели судопроизводства, которая функционировала на землях Северо-Восточной Украины в конце XVII–XVIII вв. В то же время мы рассмотрим и процесс постепенного замещения украинского судопроизводства российскими правовыми практиками.

2. Материалы и методы

В данной статье нами использованы научные наработки ряда исследователей истории Северо-Восточной Украины (так называемых Слобожанщины и Гетманщины) XVII–XVIII вв. Источниковой базой исследования стали нормативные акты указанного периода, регулирующие отношения в судебной сфере и опубликованные в первом собрании «Полного собрания законов Российской империи». Были использованы также архивные материалы из фондов Центрального государственного исторического архива Украины (ЦГИАК) (Киев, Украина), Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУ) (Киев, Украина).

Специфика предмета исследования и исследовательских задач обусловила комплексное использование ряда разных принципов и методов научного познания. В процессе работы использованы принципы историзма и объективности, которые в первую очередь предусматривают непредвзятое рассмотрение событий и явлений прошлого в их развитии и диалектической взаимосвязи. Принцип историзма был реализован в процессе анализа конкретных исторических обстоятельств, при которых украинские судебные практики переформатировались по российскому имперскому образцу. Принцип объективности использован во время анализа исторических фактов и источников.

3. Обсуждение

Многие вопросы, касающиеся истории украинского судопроизводства XVII–XVIII вв., до сих пор недостаточно изучены и освещены в научной литературе, хотя в разной мере исследователи затрагивали эту проблематику еще с XIX в. Например, в конце XIX – начале XX вв. о старинных судах, функционировавших на украинских землях, писали А. Андриевский, А. Лазаревский, Н. Бакай (Андриевский, 1891; Бакай, 1886; Лазаревский, 1898). Работы этих ученых носили, скорее, описательный характер.

Западные исследователи уделяли внимание бюрократическому аппарату Российской империи, его развитию в XVIII–XIX вв. (LeDonne John, 1983; Givens, 1993; Raeff, 1994; Alexander, 1969; Alexander, 2000; Уортман, 2004). Но они практически не рассматривали процесс бюрократизации национальных регионов империи, особенности функционирования там российских государственных учреждений, в частности судебных, и т.п. Украинские и некоторые российские ученые указанным вопросам уделили несколько больше внимания, хотя говорить о разработанности данной проблематики пока еще рано. В большей или меньшей степени судебные органы и особенности их функционирования на северо-востоке Украины в XVII–XVIII вв. изучали Я. Падох, В. Шандра, Н. Сиза, П. Бушкович и другие (Bushkovitch, 1991; Падох, 1994; Сиза, 1999; Сиза, 2000; Шандра, 2011).

Вопросы, связанные с замещением украинских национальных административных и судебных практик российскими, затрагивались в работах ряда современных украинских исследователей, в частности В. Маслійчука, В. Брехуненко, В. Горобца, С. Дегтярева (Брехуненко, 2014; Горобець, 1993; Горобець, 2007; Маслійчук, 2007а; Маслійчук, 2007б; Dyagterev, 2013; Degtyarev, 2014; Degtyarev, 2016).

4. Результаты

По словам украинского историка В. Брехуненко, высокий уровень самостоятельности Украины-Гетманщины в конце XVII в. – в первые годы XVIII в. обеспечивали собственная административная система, финансы, суд, самобытная культура, полноправие элиты в имущественных и хозяйственных делах и т.д. Они же были опорой «украиноцентричного сознания казацкого народа» (Брехуненко, 2014: 334). Российскому правительству это мешало интегрировать территорию и общество Украинского государства в российскую административную и социальную среду.

Считается, что одной из причин неудовольствия польско-шляхетскими порядками в Украине перед войной Б. Хмельницкого было сословное судоустройство (Сиза, 1999: 64). Судебная система Украины-Гетманщины сформировалась на основе обычаев, гетманских распоряжений в процессе и после войны 1648–1654 гг. В значительной мере она также базировалась на Литовском статуте. Одним из положительных признаков этой системы судопроизводства было то, что между функциями судов разных уровней (рангов) была очень небольшая разница.

В «мартовских статьях» 1654 г. и их редакции 1659 г. гарантировалось невмешательство царской администрации в украинское судопроизводство (Горобець, 2007: 291). Некоторые историки также указывали, что с 1654 г. в Гетманщине обеспечивалась автономия судопроизводства. В статьях Переяславского договора говорилось: «В судах чтоб ни воевода, ни стольник в Суды Войсковые не вступались: где три человека казаков, тогда два третьего должны судить». Но эта судебная автономия все больше ограничивалась российским законодательством. Хотя, говоря о правовой жизни в Украине конца XVII – первой половины XVIII вв. и российских влияниях на нее, Я. Падох отмечал,

что «правовая жизнь Московщины была мало развита», а Украина в этом плане «стояла намного выше» (Падох, 1994: 17).

Сам судебный процесс Гетманщины был основан на демократических началах: соревновательности, выборности судей, гласности и коллегиальности в рассмотрении дел и т.п. Большое внимание уделялось компенсации материальных убытков потерпевшего (Сиза, 2000: 49). Как для коренного населения, так и для чужестранцев действовали одни и те же судебные учреждения. Даже в городах, наделенных магдебургским правом, дела мещан могли рассматривать объединенные казацко-мещанские суды. Некоторые изменения произошли лишь после судебной реформы К. Разумовского в 1760-х годах.

Существовали и некоторые негативные моменты в судопроизводстве Гетманщины:

- зависимость судов от административной власти (сотники, полковники руководили не только администрацией соответствующих округов, но и судами на этих территориях);
- судебная тяжба (медленность в решении дел производила к значительному количеству апелляций или же одно дело могло проходить через десятки разных судов – от низших к высшим) (Падох, 1994: 180-181).

В казацком государстве основная судебная функция возлагалась на выборного войскового судью. Он рассматривал уголовные и гражданские дела, которые возникали в Войске Запорожском. Но окончательно приговор утверждался кошевым атаманом или войсковым советом.

Система судопроизводства для населения состояла из казацких, сотенных, полковых судов и генерального суда. Казацкие суды (нижнее звено) рассматривали дела и принимали решения при участии всего общества. В полковых и сотенных судах судопроизводство могли совершать полковники и сотники, а также полковые и сотенные судьи. Они рассматривали дела казаков, крестьян, мещан. Генеральный суд был высшей инстанцией суда. В него входили два генеральных судьи и судебный писарь. Этот суд был апелляционным учреждением для сотенных и полковых судов. В городах существовали городские суды, которые опирались на магдебургское право (Сиза, 1999: 66-67). Существовали и другие судебные институты. Их деятельность и функции рассмотрим более детально.

Сельские суды занимались делами казаков и посполитых. Они были разделены на суды атаманов (атаманы совместно с двумя-тремя казаками решали споры рядовых казаков) и суды войтов (войты вместе с двумя-тремя крестьянами рассматривали дела посполитых).

В местечках и городах функционировали ратушные, городские и магистратские суды.

Ратушные суды были коллегиальными учреждениями в небольших непривлеклированных городах. Входили в их состав войт, бурмистр и ратушный писарь.

Магистратские суды также были коллегиальными и действовали в городах, которые имели привилегии самостоятельного самоуправления. В их состав входили войт, «гродская коллегия» из бурмистра, райцев и лавников (присяжных).

И ратушные, и магистратские суды рассматривали дела мещан и посполитых, которые жили в городах. Но особенности общественной структуры Гетманщины и постоянный рост влияния казацкой старшины на городское самоуправление обусловили постепенную ликвидацию различий между городскими судами и казацкими. В частности, представителей казацкой старшины, которые входили в состав городских судов, называли первыми среди других членов этих учреждений. Я. Падох подтверждал этот факт, опираясь на значительный архивный материал. Так, если до 1670 г. в большинстве судебных документов первым в списке членов суда чаще фигурировал войт, то после 1670 г. «вперед проставлены наименования казацких старшин» (почти в каждом деле) (Падох, 1994: 36-40).

Сотенные суды функционировали в городах – центрах сотен. Эти суды состояли из сотника, городского атамана, писаря, хорунжего и есаула. Там, где не было городского атамана, его замещал куренной атаман. Сотенные суды рассматривали дела сотенной старшины и казаков сотни, а после слияния с ратушными судами – дела всех жителей сотни.

Полковые суды действовали в центрах полков. Сначала председательствовал в таком суде полковник, а должность полкового судьи не была постоянной (стала таковой лишь со временем). Процесс происходил коллегиально в составе полковника (председательствовал), полкового судьи, двух представителей от полковой старшины и одного значкового товарища. На постоянной основе свои функции выполняли в суде полковник или судья и судебный писарь. Все остальные сменялись каждые три месяца и избирались среди двух есаулов и двух хорунжих. Приговоры утверждались полковником, даже если он не принимал участия в заседании суда. В работе полкового суда могли принимать участие представители городского самоуправления. Полковые суды рассматривали дела полковой старшины, сотников и значковых товарищей. С 1730-х годов эти суды начали вести дела мещан (Падох, 1994: 43-47). Апелляционной инстанцией для полковых судов были полковые канцелярии, которые выполняли судебные действия в составе полковников и некоторых членов старшины.

Генеральный войсковой суд состоял из генеральных судей, других представителей генеральной старшины и наиболее уважаемых бунчуковых товарищей. Во времена П. Полуботка с целью

повышения эффективности этого суда в него были введены должности четырех ассессоров (согласно нормам Литовского статута), но их вскоре ликвидировали. А. Лазаревский указывал, что споры в этом суде часто решались единолично судьей при участии судебного писаря. Но после реформы К. Разумовского в рассмотрении дел здесь должны были принимать участие двое судей и 10 депутатов (по одному из каждого полка).

Этот суд был первой инстанцией в делах генеральной старшины, полковников и бунчуковых товарищей, хотя рассматривал часто и дела, которые должны были бы решаться низшими судами. Часто этот суд выезжал на места (в полки и сотни) для решения споров (Kryvosheia, Degtyarev, 2016: 1120-1121).

Имела определенные судебные функции и генеральная войсковая канцелярия. Она была более высокой инстанцией, чем генеральный войсковой суд. Заседали здесь гетман и несколько представителей генеральной старшины, назначаемых гетманом. Канцелярия в значительной мере зависела от гетмана, что было причиной попыток российского правительства ограничить компетенцию этого органа (и гетмана тоже). Генеральная войсковая канцелярия была исключительно апелляционной инстанцией. Ее еще называли гетманским судом. Это учреждение утратило судебные функции после реформы К. Разумовского.

Существовал при гетмане третейский суд для мирного урегулирования судебных дел, подлежащих компетенции генерального войскового суда. В его состав входили три судьи.

После 1648 г. в Украине был создан домениальный (помещичий, панский) суд. Фактически это право землевладельцев (монастырей, городов и физических лиц, которые владели землями с подданными) вершить над своими подчиненными суд. Вместе с помещиком в рассмотрении судебных дел (исключительно гражданских и мелких уголовных) участвовали представители от подданных и войт.

Споры, которые возникали во время торгов, могли решаться в купеческих или ярмарочных судах. Судопроизводство совершалось войтом и купцами под присмотром казацкой старшины. Согласно статута 1758 г. эти суды были словесными, а назначались в них теперь «русские купцы и магистратские чиновники».

Существовали также духовные суды, которые руководствовались церковным правом. В светских делах эти суды отвечали перед общими казацкими судами (Падох, 1994: 47-53).

В украинском судебном процессе важную роль играло местное общество, которое могло повлиять на приговор, взять осужденного на поруки и т.п. То есть значительным был общественный фактор, который фактически был нивелирован вмешательством российского правительства в судопроизводство Гетманщины. Схематически именно так выглядела судебная система Украины-Гетманщины во второй половине XVII – в начале XVIII вв. Далее рассмотрим процесс постепенного проникновения российских судебных практик в судопроизводство этого региона с последующей полной заменой украинского судебного законодательства на имперское.

В. Горобец считает, что инкорпорация украинского судопроизводства в общеимперскую судебную систему началась с введения в действие царского указа «О суде по новоучиненной форме» (1724 г.) (Горобець, 2007). Украинский советский исследователь А. Путро считал, что замена украинского законодательства на российские нормы началась с царского указа от 22 августа 1728 г. («Решительные пункты гетману Данилу Апостолу»). В главе 20-й указывалось, что следует перевести на русский язык действующие в Украине «правные книги» (Путро, 1988: 68-69).

Но, по нашему мнению, достаточно тяжело определить конкретную дату или событие, с которых можно начать отсчет процесса замещения украинских судебных практик российскими имперскими. Наверное, можно сказать, что вмешательство представителей российской администрации в судопроизводство Гетманщины стало активизироваться после событий 1708–1709 гг.

Со времен правления Петра I Российское государство пыталось приобрести черты, присущие европейским странам того времени. Вообще в XVIII в. российское самодержавие изменило свою форму. Оно стало выступать в роли динамической светской силы в жизни государства. Российский монарх вышел за рамки, возложенные на него традицией. Он наделил себя новыми широкими полномочиями – заботиться об экономическом развитии, усиливать учреждения, беспокоиться о моральном состоянии подданных. Российские правители XVIII в. следовали примеру западных монархий. При них российское самодержавие вступило в свою абсолютистскую фазу развития. Образцом для российского правительства стало европейское «полицейское» государство, которое могли представлять собой Швеция, Пруссия или наполеоновская Франция (Уортман, 2004: 54). Все это происходило в условиях наступления на остатки автономии тех «окраин», которые входили в состав империи, в том числе и на украинские земли.

Эти процессы требовали максимального внимания к вопросу установления законности в государстве и, в частности, необходимым было применение писаных законов для руководства ведомством юстиции. Кодификация таких законов была сложным заданием и ее попытки предпринимались много раз в течение XVIII и начала XIX вв. Для этого периода было характерно большое количество жалоб на неэффективность судебной системы.

Далее в течение всего XVIII в. происходит наступление российского имперского правительства на автономные права Гетманщины. Началось давление на административную систему, целью которого была ликвидация украинских государственных институций. В том числе навязываются российские судебные практики, которые постепенно вытесняют местное судопроизводство.

По причине принципиальных отличий судебных систем Гетманщины (соревновательный процесс) и России (инквизиционный процесс) формирование «единого имперского судебного пространства происходило медленно и до падения Гетманщины так и не было доведено до конца» (Брехуненко, 2014: 345). Хотя в 20-х годах XVIII в. в связи с усилением вмешательства России в украинское судопроизводство состязательный процесс все же был постепенно вытеснен. Доказательствами теперь стал распоряжаться сам суд, а стороны были уже не субъектами, а объектами процесса (Шандра, 2011: 82).

В течение 1721–1723 гг. предпринимались две попытки ввести ряд норм российского судопроизводства и полностью подчинить суды московскому правительству. Они оказались неудачными по причине сопротивления казацкой старшины. Но указом Петра I от 5 ноября 1723 г. все же было введено на Гетманщине судопроизводство по российским правилам (Брехуненко, 2014: 345).

В 1722 г. Петр I учредил своим указом в Глухове Малороссийскую коллегия как высшее судебно-административное учреждение в Гетманщине. Ее президентом был назначен на постоянной основе российский чиновник С. Вельяминов. Все члены коллегии переизбирались раз в год. Вся делопроизводственную часть в Малороссийской коллегии вели канцелярские служащие в количестве 31 человека – все откомандированные в Украину из воеводских канцелярий Белгородской, Севской и Курской провинций и канцелярии киевского генерал-губернатора (Горобець, 2007: 298, 301).

Цель, с которой якобы и создавалась Малороссийская коллегия, определялась следующая: «дабы малороссийский народ ни от кого... утесняем не был» (ПСЗ-1, Т. VI: 681). Коллегия принимала к рассмотрению апелляции на решения местных судебных инстанций; решала судебные дела, которые не рассматривались в судах Гетманщины. С учреждением Малороссийской коллегии украинское судопроизводство быстро утрачивает состязательный характер процесса. Утвердилась форма суда, закрепленная в России еще «Судебником» 1497 г. (Горобець, 2007: 364). К тому же с осени 1722 г. в больших украинских городах появляются коменданты, к которым практически полностью переходят властные полномочия на местах, которые были довольно широкими, в том числе они принимали участие в судебных процессах, которые проводились Малороссийской коллегией (Брехуненко, 2014: 343-344).

В целом Коллегия была ориентирована в первую очередь на защиту именно имперских интересов в регионе. Руководствовалась она исключительно царскими инструкциями и регламентами. Ключевую роль здесь играл президент. Согласно характеристике, данной Малороссийской коллегии украинским историком В. Горобцом, она «была исключительно имперским государственным органом петровского времени, имплантированным в государственное тело Украины» (Горобець, 2007: 305). Судопроизводство стало одним из орудий российского царского правительства в деле инкорпорации украинских земель, социума в имперскую среду в XVIII в.

Представители российской власти в Украине пользовались противоречиями внутри украинского общества. Таким образом, стимулировалась идея о несовершенстве местного судопроизводства, предлагался «более справедливый царский суд». Поскольку казацкая старшина была чуть ли не основным противником Малороссийской коллегии, то последняя и направляла свои мероприятия часто именно против местных элит. В частности, требовалось от генеральной старшины привлекать к судебной ответственности местных казацких администраторов. Простым обывателям предлагалось подавать челобитные в Коллегию с жалобами на старшину, которая их притесняла. За первый же месяц функционирования Малороссийской коллегии ней было принято 34 решения (все отправлены в Генеральную войсковую канцелярию), из которых 10 судебных – в основном о привлечении казацкой старшины к ответственности. 14 августа 1722 г. С. Вельяминов отчитывался перед Сенатом о том, что украинское население довольно работой коллегии и что «многие из них приходят и подают на старшину и на прочих знатных людей в своих обидах челобитные» (Горобець, 2007: 309-311).

Стараясь сопротивляться политике Малороссийской коллегии, лидер казацкой старшины того времени П. Полуботок призвал бойкотировать все ее решения, в том числе и в сфере судопроизводства. В частности, он бойкотировал решения коллегии о привлечении к ответственности казаков, дела которых сразу передавали в это учреждение, но не рассматривали в местных судах низшего уровня. Противостояние П. Полуботка и С. Вельяминова сначала привело к определенным уступкам со стороны царской администрации. Петр I даже приказал не принимать к рассмотрению Малороссийской коллегией судебные дела, которые не были «апробированы в судебных инстанциях Гетманата» (10 ноября 1722 г.) (Горобець, 2007: 318, 321).

Эта и некоторые другие победы гетманцев оказались временными. С. Вельяминов разработал проект углубления реформ, направленных на ограничение автономии Гетманщины в сфере

управления, в том числе и в судопроизводстве. Проект был утвержден Петром I в 1723 г. Наступление на автономию Гетманщины активизировалось сразу после смерти П. Полуботка 18 декабря 1724 г.

Суды Гетманщины не были совершенными. Это лишь помогало царскому правительству через Малороссийскую коллегия повышать популярность судебных практик согласно с российскими порядками. В манифесте от 16 мая 1722 г. указывалось, что в «судах Генеральных чинятца ради взятков и великих накладов многие неправды» (Горобець, 2007: 351). Реакцией казацкой администрации стал универсал от 19 августа 1722 г., который имел целью поднятие престижа украинского судопроизводства, законодательно закрепил принцип коллегиальности в судебном процессе. Полковникам и судьям запрещалось теперь единолично принимать решения в судебных делах. Это можно было делать лишь в присутствии других представителей местной старшины. Вводился этим универсалом и ряд других нововведений в судебный процесс.

Хотя реформа П. Полуботка в сфере судопроизводства и опиралась на местные традиции и учитывала европейский правовой опыт, на местах она не нашла поддержки.

После распространения на территории Гетманщины действия указа Петра I «О суде по новоучиненной форме» от 5 ноября 1723 г. начался качественно новый этап в процессе слияния украинского судопроизводства с судебной системой Российской империи.

Для судебной документации вводились единые формы. Происходила формализация судебного процесса. Украинские национальные традиции в этой сфере не учитывались. Даже Генеральный войсковой суд, вынося смертный приговор, согласовывал его с Малороссийской коллегией.

Когда Коллегия была ликвидирована, Генеральный войсковой суд оставался высшим судебным учреждением в Гетманщине. Он разбирал дела по апелляциям и как первая инстанция дела знатного товарищества (Сиза, 2000: 65). К местным судебным учреждениям Гетманщины относились полковые, сотенные, сельские, копные, городские, домениальные суды. Но имперское правительство не отказалось от контроля над украинской судебной сферой. В Генеральный суд были введены три российских чиновника, которые контролировали не только судебный процесс, но и совершали политический надзор. Одновременно в делопроизводство вводились новые порядки, которые были типичными для судопроизводства России (Горобець, 2007: 419).

В 1727 г. гетманом Украины стал Д. Апостол, который еще с 1722 г. вместе с П. Полуботком выступал против Малороссийской коллегии. Эти настроения, в частности, были отражены в Коломацких петициях 1723 г., одним из авторов которых был и Д. Апостол. Он добился от российского правительства для Гетманщины «Решительных пунктов». Этот документ историк украинского права А. Мироненко даже назвал «короткой конституцией для Украины», поскольку в нем содержались положения, которые определяли характер существования казацкого государства, его отношений с российской администрацией и т.п. (Мироненко, 1998а: 133). Пунктами восстановлен старый принцип: «где три казака, там двое третьего должны судить». Атаманы должны были судить рядовых казаков, а войты – мещан. Второй инстанцией становились сотенные и городские суды. Генеральный суд теперь уже не был высшим судебным органом. В нем «для лутшого между ими Малороссийского народа в судах доброго порядка быть при том Генеральном суде из Великороссийских трем персонам, да из Малороссийских трем же персонам...». Решения этого органа могли быть обжалованы гетманом. Он, если имел сомнения касательно правильности решения, мог собрать старшинскую раду (совет), которая могла отменить приговоры Генерального суда, налагать штрафы на судей и т.д. (Мироненко, 2003: 336). К тому же Пунктами определялось, что, «ежели же кто Генерального суда решением не будет вдоволен, и таким бить челом Его Императорскому Величеству и Коллегии иностранных дел».

После смерти гетмана Д. Апостола в 1734 г. как судебно-административный орган высшей инстанции в Гетманщине было создано «Правление гетманского правительства», где также заседали три украинца и три россиянина. Возглавил это учреждение князь А. Шаховский. «Правление гетманского правительства» сразу возобновило действие указа 1723 г. о введении российского судебного процесса (он не действовал, пока гетманом был Д. Апостол). Российское правительство подготовило князю А. Шаховскому ряд инструкций, в частности об отборе кандидатов в генеральный суд Гетманщины. К ним выдвигались стандартные требования – «правдивые и на взятки не падкие». А также была сформулирована основная цель преобразований, которые должен был совершить А. Шаховский – «чтобы тот малороссийский народ судопроизводством этих великороссийских судей был доволен и привыкал к великороссийскому правлению» (Маслійчук, 2007а, 122).

Комиссия Шаховского действовала по принципу Малороссийской коллегии. Она принимала к рассмотрению жалобы от казацкой старшины или на старшину, создавая вид объективного царского суда.

Еще 7 июня 1733 г. вышел царский указ, инициированный А. Шаховским, направленный в том числе на изменение процедуры замещения старшинских должностей. Вводилась практика так называемой аттестации старшины. Количество служебных должностей было ограничено, а Военной коллегией созданы такие неурядовые (имевшие полуофициальный характер) старшинские чины, как «ваканс-полковники», «ваканс-судьи», «ваканс-сотники» и т.п. Носители таких «чинов», претендуя на должности, которые освобождались, пытались занять их любой ценой. Для этого они использовали взятки, доносы на конкурентов и т.п. Все это усиливало раздор в старшинской среде и

позволяло российской администрации внедрять свои порядки на украинских землях, в том числе и в сфере судопроизводства (Маслійчук, 2007а: 130-131).

Подобная ситуация была характерна и для Слободской Украины.

Судебные полномочия слободской старшины были ограничены в 1720-х годах после создания высшей судебной инстанции – Белгородской губернской канцелярии. На Слобожанщине в 1733–1734 гг. полковые ратуши были преобразованы в полковые канцелярии. Теперь они должны были руководствоваться в своей судебной деятельности российским «Соборным Уложением» (Брехуненко, 2014: 447). С заменой полковых ратуш на полковые канцелярии в ведение последних перешли фискальные, а со временем и судебные полномочия. С 23 октября 1733 г. недовольные решениями полковой канцелярии могли просить о передаче своего дела в другую канцелярию. Должность полкового судьи становилась ненужной. В 1745 г. сумской полковник А.В. Кондратьев предпринимал попытки возродить «старый суд» (Маслійчук, 2007а: 135), но, вероятно, безуспешно.

Решение комиссии Е. Щербинина окончательно определило юридический статус полковых канцелярий. Теперь (1763 г.) это была низшая ступень суда. Если до этого времени судебная функция в этих канцеляриях еще в значительной степени принадлежала старшине, то с 31 декабря 1763 г. ее судебные полномочия были ликвидированы – туда были назначены новые судьи (Маслійчук, 2007б: 148).

С 1765 г. устройство на Слобожанщине окончательно заменяется на имперскую модель. Соответственно была перестроена на этих землях и система судопроизводства.

Еще с появлением «Решительных пунктов» была создана украинская кодификационная комиссия из 12-ти лиц во главе с генеральным судьей И. Борозной, которая в 1743 г. составила сборник законов «Права, по которым судится малороссийский народ» (состав Комиссии изменялся в 1732, 1736, 1738 и 1741 годах). Этот кодекс опирался на ряд европейских правовых памятников (Литовский статут, магдебургское право и др.). Система судопроизводства и процесс, которые были отображены в «Правах...», были разработаны одним из известнейших правоведов-практиков В. Лисаневичем, который занимал должности сначала мглинского сотника, а затем полкового судьи. Вообще судьи и другие служащие судебных учреждений Левобережной Украины середины XVIII в. имели хорошее образование, что позволяло им принимать участие в законотворческой деятельности. Например, лубенский полковой судья В. Стефанович получал образование в Киеве, Германии, Силезии, Моравии, Богемии (Прага), Австрии (Вена), Италии (Медолиана, Венеция, Рим) (Падох, 1994: 9-10). Многие обучались в Киевской духовной академии, за границей, знали по несколько языков. Поэтому к составлению «Прав...» были привлечены опытные профессионалы не только с хорошим образованием, но и с богатой юридической практикой. За все время над этим кодексом работали 43 представителя казацкой старшины, 21 – духовенства, 6 – мещан (Жолковський, 2002, 708-710).

Как мы уже отмечали, для Гетманщины было характерно незначительное количество судебных инстанций, а процесс был относительно однородным. Благодаря этому между ними не возникали конфликты касательно вопроса о компетенции (Падох, 1994: 177-178). Суд Гетманщины не начинал процесс без иска заинтересованного лица. «Права, по которым судится малороссийский народ» предусматривали исключения из этого правила: с целью борьбы с уголовными правонарушениями суды имели право без жалобы потерпевших арестовывать и судить преступников за: 1) нападение на дом, хутор, хозяйственные постройки; 2) нападение на церкви и монастыри; 3) изнасилования и явный разврат; 4) разбой и воровство; 5) изготовление фальшивых денег и документов; 6) поджоги; 7) колдовство; 8) убийство и отравление; 9) угрозы преступлением против здоровья; 10) преступления с задержанием на месте совершения преступления (Сиза, 2000: 87). Но «Права...» не были утверждены российским Сенатом. Через 12 лет этот документ был возвращен царской администрацией в Гетманщину на доработку.

В целом попытки украинских управленцев использовать «Права, по которым судится малороссийский народ» оказались безуспешными, поскольку нормы, зафиксированные в этом кодексе, слишком отличались от российского права (Брехуненко, 2014: 347). 31 августа 1761 г. вышел сенатский указ «О рассмотрении изменений и дополнений Статута, по коему в Малороссии суд и расправа производится...» (ПСЗ-1, Т. XV: 775-776). Этот указ должен был ускорить процесс доработки «Прав...». Но они так и не стали официальным кодексом в Гетманщине (Путро, 1988: 69-70), хотя и использовались иногда в судебном процессе.

После ликвидации Правления гетманского правительства, с избранием гетманом К. Разумовского изменилась структура управления Гетманщины. Высшим управленческим органом теперь стала Рада (совет) старшины, в компетенцию которой входили в том числе и наиболее важные вопросы судебного характера (в совет входили члены Генерального войскового суда). На местах высшая судебная власть принадлежала полковникам, назначение которых зависело от царского правительства. До 1763 г. они председательствовали в полковом суде.

В 1763 г. в Левобережной Украине была проведена судебная реформа, в результате которой в каждом полку создавалось по два суда – земский и подкоморский. Лишь в Нежинском полку как самом большом по площади было три суда. Каждый из них состоял из судьи, подсудка и писаря. В Полтавском полку были созданы только подкоморские суды. А полковые суды были

реорганизованы в городские, где председательствовал полковник, а в состав входили 2-3 представителя от полковой старшины, среди которых обязательно был и полковой судья. Высшей инстанцией для этих судов был Генеральный суд. Эти учреждения разделили между собою дела, которыми занимались полковые канцелярии. С введением новых судов сотенные правления, полковые суды и канцелярии, а также Генеральный войсковой суд уже не имели права рассматривать дела, отнесенные к компетенции новых учреждений. Генеральный войсковой суд остался апелляционной инстанцией также для земских, городских и подкоморских судов (ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2966: 1; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2968: 1; ЦГИАУК. Ф. 54. Оп. 1. Д. 3404: 2; ЦГИАУК. Ф. 193. Оп. 1. Д. 78: 5; ЦГИАУК. Ф. 763. Оп. 1. Д. 687: 62).

По реформе К. Разумовского служащие новых судебных учреждений приобретали довольно высокий статус в старшинской иерархии. Так, подкоморский судья (подкоморий) фактически становился вторым лицом в полку после полковника. Земский судья имел более высокий статус, чем бунчуковые товарищи. А земские писари приравнивались к полковым есаулам (Kryvosheia, Degtyarev, 2016: 1120; ИР НБУ. Ф. 61. № 1084).

Земские суды разбирали дела касательно заложенных имений, побегов слуг, раздела имущества, долгов и др. В подкоморских судах рассматривались земельные споры между представителями высших сословий. А городские суды занимались уголовными делами о грабежах имений, разбое, воровстве, убийствах, пожарах и т.д. Просуществовали подкоморские, земские и городские суды вплоть до 1783 г. На уровне сотни судебную власть имел сотник. Но после судебной реформы 1763 г. эти его функции были значительно ограничены – за ним оставалось лишь право рассмотрения мелких споров между рядовыми казаками, а решения выносились только словесно (Путро, 1988: 75-79).

В это время российским правительством был предпринят следующий шаг касательно ликвидации остатков автономии северо-восточных украинских земель. Екатерина II дала задание Теплому написать о гетманском управлении Малороссией доклад. По словам Теплова, Малороссия управлялась не законом, а силой и кредитом старшин.

В 1764 г. была отменена должность гетмана, ликвидирован был и сам институт гетманства. Управление Украиной передавалось возобновленной Малороссийской коллегии во главе с ее президентом генералом П.А. Румянцевым-Задунайским (ПСЗ-1, Т. XVI: 961-962). Членами ее были назначены четыре российских чиновника и четыре представителя от украинской старшины. Уже в 1765 г. этот орган подчинил себе Генеральный войсковой суд. Функции подкоморских, земских и городских судов не изменились. Но высшей судебной инстанцией теперь стала сама коллегия, в частности ее президент.

В 1775 г. в Российской империи была проведена административная реформа, которая распространилась и на земли Северо-Восточной Украины. С этого времени все судебные практики, судебное делопроизводство в этом регионе были полностью заменены на российские.

5. Заключение

Таким образом, с появлением украинской казацкой государственности в середине XVII в. на землях Северо-Восточной Украины появилась и собственная модель судопроизводства, которая в своей деятельности опиралась на опыт и в значительной мере нормативную базу литовско-польского периода и Европы раннего Нового времени в целом. Судебный процесс, хотя и не был лишен ряда недостатков, все же имел много положительных признаков, к которым следует отнести в первую очередь соревновательный характер судебного процесса и упрощенную схему, по которой рассматривались иски, решались споры и т.п. Но уже с начала XVIII в. российские правители предпринимают шаги, направленные на инкорпорацию украинских земель. При этом происходит и постепенная ассимиляция различных сфер жизнедеятельности Украины-Гетманщины, в частности судебной сферы. В течение всего XVIII в. происходит распространение российского имперского законодательства на украинские судебные практики; на этих землях создаются судебные или контролируемые их учреждения, подчиненные российской администрации; изменяется сам характер судебного процесса (на инквизиционный), даже язык ведения документации со староукраинского заменяется на русский.

Политика правительства Российской империи в XVIII в. была направлена на ликвидацию любых отличий в юридических нормах в разных регионах этого многонационального государства. Главной целью была централизованная, унитарная страна. Введение единого для всей империи судопроизводства российского образца было одним из многих элементов достижения этой цели. Тем более, что сам судебный процесс имел инквизиционный характер, законодательство фактически не допускало толкования права в системе юстиции. Судья должен был придерживаться законов, а в случае сомнений обращаться в высшие государственные инстанции. Это в значительной мере ставило общество в зависимость от государственного управленческого аппарата, а особенно его судебной составляющей. Окончательное преобразование всей судебной сферы Северо-Восточной Украины (бывших Гетманщины и Слобожанщины) по общеимперскому образцу произошло в конце XVIII в.

Литература

- Андрієвський, 1891** – Андрієвський А. Деятельность киевского совестного суда в первый год его существования (1782 г.) // *Киевская старина*. 1891. Т. 34. № 7. С. 119-129.
- Бакай, 1886** – Бакай Н. Значение сельской громады в судебном процессе конца XVII в. // *Киевская старина*. 1886. Т. 16. № 11. С. 567-569.
- Брехуненко, 2014** – Брехуненко В. Східна брама Європи. Козацька Україна в середині XVII–XVIII ст. Київ: Темпора, 2014. 504 с.
- Горобець, 1993** – Горобець В. Малоросійська колегія і реформа державного устрою України 1722–1727 рр.: Дис. ... канд. істор. наук. Київ, 1993.
- Горобець, 2007** – Горобець В. «Волимо царя східного...». Український Гетьманат та російська династія до і після Переяслава. Київ: Критика, 2007. 464 с.
- Жолковський, 2002** – Жолковський К. «Права, за якими судиться малоросійський народ» // Юридична енциклопедія: В 6 т. Київ: «Укр. енцикл.», Т. 4: Н-П. 2002. С. 708-710.
- ИР НБУ** – Інститут рукописи Національної бібліотеки України імені В.И. Вернадського.
- Лазаревський, 1898** – Лазаревський А. Суды Старой Малороссии (Замечания на монографию Д.П. Миллера «Суды земские, городские и подкоморские в XVIII в.») // *Киевская старина*. 1898. Т. 62. № 7–8. Отд. 1. С. 75-115.
- Маслійчук, 2007а** – Маслійчук В. Радикальна реформа і старий звичай (Князь Олексій Шаховський та реформування слобідських полків 1733–1735 рр.) // Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст. Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2007. С. 105-140.
- Маслійчук, 2007б** – Маслійчук В. Щербінінська комісія та скасування слобідських полків 1762–1764 рр. // Провінція на перехресті культур: Дослідження з історії Слобідської України XVII–XIX ст. Харків: Харківський приватний музей міської садиби, 2007. С. 141-156.
- Мироненко, 1998** – Мироненко О. Апостол Данило Павлович / Юридична енциклопедія: В 6 т. Київ: «Укр. енцикл.», 1998. Т. 1: А-Г. С. 133.
- Мироненко, 2003** – Мироненко О. «Рішительні пункти» 1728 // Юридична енциклопедія: В 6 т. Київ: «Укр. енцикл.». Т. 5: П-С. 2003. С. 336.
- Падох, 1994** – Падох Я. Грунтове судочинство на Лівобережній Україні у другій половині XVII–XVIII столітті. Львів, 1994. 196 с.
- ПСЗ-1** – Полное собрание законов Российской империи, собрание 1.
- Путро, 1988** – Путро А. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII в. (Некоторые вопросы социально-экономического и общественно-политического развития). Киев: Выща шк. Головное изд-во, 1988. 142 с.
- Сиза, 1999** – Сиза Н. Формування незалежного судочинства України в період гетьманства Богдана Хмельницького // На пошану 80-річчя професора Теодора Мацьківа: Наук. збірник. Київ: Твім інтер, 1999. С. 63-70.
- Сиза, 2000** – Сиза Н. Суди і кримінальне судочинство України в добу Гетьманщини. Київ: Українська видавнича спілка, 2000. 119 с.
- Уортман, 2004** – Уортман Р. Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 520 с.
- ЦГИАУК** – Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев).
- Шандра, 2011** – Шандра В. Совісні суди в Україні (остання чверть XVIII – середина XIX ст.). Київ: Інститут історії України НАН України, 2011. 266 с.
- Alexander, 1969** – Alexander J.T. Autocratic politics in national crisis: The imperial Russian government and Pugachev's revolt (1773–1775). Bloomington-London: Indiana University Press, 1969. XII. 346 p.
- Alexander, 2000** – Alexander J.T. The modernization of Russia, 1676–1825 // *Russian Review*, 59, 3: 457-458.
- Bushkovitch, 1991** – Bushkovitch P. The Ukraine in Russian Culture 1790–1860: The Evidence of the Journals // *Jahrbucher Fur Geschichte Osteuropas*. Bd. 39. H. 3. 1991. Pp. 339-363.
- Dyagterev, 2013** – Dyagterev S.I. Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II // *Bylye Gody*. 2013. Vol. 27. Is. 1. Pp. 16-25.
- Degtyarev, 2014** – Degtyarev S.I. Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiya during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent. // *Rusin*. 2014. №35. pp. 91-104.
- Degtyarev, 2016** – Degtyarev S.I. Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian empire in the left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries) // *Rusin*. 2016. №43. pp. 177-195.
- Givens, 1993** – Givens R.D. Eighteenth-century nobilitary career patterns and provincial government // *Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. London, 1993. pp. 106-129.

[Kryvosheia, Degtyarev, 2016](#) – *Kryvosheia I.I., Degtyarev S.I.* The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 42, Is. 4. pp. 1118-1126.

[LeDonne John, 1983](#) – *LeDonne John P.* The territorial reform of the Russian Empire, 1775-1796 [II. The borderlands, 1777-1796] // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1983. Vol. 24. Is. 4. pp. 411-457.

[Raeff, 1994](#) – *Raeff M.* The Russian autocracy and its officials // *Political ideas and institutions in imperial Russia*. Westview press, 1994. pp. 77-91.

References

[Alexander, 1969](#) – *Alexander J.T.* (1969). Autocratic politics in national crisis: The imperial Russian government and Pugachev's revolt (1773-1775). Bloomington-London: Indiana University Press, 1969. XII, 346 p.

[Alexander, 2000](#) – *Alexander J.T.* (2000). The modernization of Russia, 1676-1825. *Russian Review*, 59, 3: 457-458.

[Andriyevskiy, 1891](#) – *Andriyevskiy A.* (1891). Deyatel'nost' kiyevskogo sovestnogo suda v pervyy god yego sushchestvovaniya (1782 g.) [Activities of the Kiev Sovestny Court in the first year of its existence (1782)]. *Kiyevskaya starina*. T. 34. №7. pp. 119-129. [in Russian]

[Bakay, 1886](#) – *Bakay N.* (1886). Znachenije sel'skoy gromady v sudebnom protsesse kontsa XVII v. [The significance of the rural community in the judicial process of the end of the 17th century. *Kiyevskaya starina*. T.16. №11. pp. 567-569. [in Russian]

[Brekhunenko, 2014](#) – *Brekhunenko V.* (2014). Skhidna brama Yevropy. Kozats'ka Ukrayina v seredyni XVII – XVIII st. [The Eastern Gate of Europe. Cossack Ukraine in the middle of the XVII – XVIII centuries]. Kyiv: Tempora, 504 p. [in Ukrainian]

[Bushkovitch, 1991](#) – *Bushkovitch P.* (1991). The Ukraine in Russian Culture 1790-1860: The Evidence of the Journals. *Jahrbucher Fur Geschichte Osteuropas*. Bd. 39. H. 3. pp. 339-363.

[Degtyarev, 2014](#) – *Degtyarev S.I.* (2014). Unification of bureaucratic systems of Bessarabia and Malorossiia during their integration into the Russian Empire in the late of XVIII – the first third of the XIX cent. *Rusin*. №35. pp. 91-104.

[Degtyarev, 2016](#) – *Degtyarev S.I.* (2016). Ranks (chiny) as an instrument of national and unification policy of the Russian empire in the left-bank Ukraine, Caucasus and Bessarabia (the end of XVIII – the first half XIX centuries). *Rusin*. №43. pp. 177-195.

[Dyagterev, 2013](#) – *Dyagterev S.I.* (2013). Incorporation of Ukrainian officialdom into bureaucratic system of the Russian empire during under the rule of Catherine II. *Bylye Gody*. Vol. 27. Is. 1. pp. 16-25.

[Givens, 1993](#) – *Givens R.D.* (1993). Eighteenth-century nobilitary career patterns and provincial government. *Russian officialdom: the bureaucratization of the Russian society from the seventeenth to the twentieth century*. London, pp.106-129.

[Horobets', 1993](#) – *Horobets' V.* (1993). Malorosyiys'ka kolehiya i reforma derzhavnoho ustroyu Ukrayiny 1722-1727 rr. [Malorussian Collegium and the Reform of the State System of Ukraine 1722-1727]: dys. ... kand. istor. nauk. Kyiv. [in Ukrainian]

[Horobets', 2007](#) – *Horobets' V.* (2007). «Volymo tsarya skhidnoho...». Ukrayins'kyi Het'manat ta rosiys'ka dynastiya do i pislya Pereyaslava ["We want the king of the east...". Ukrainian Hetmanate and Russian dynasty before and after Pereyaslav]. Kyiv: Krytyka. 464 p. [in Ukrainian]

[IR NBU](#) – Institut rukopisi Natsional'noy biblioteki Ukrainy imeni V.I. Vernadskogo [Institute of manuscripts of the national library of Ukraine named after V.I. Vernadsky].

[Kryvosheia, Degtyarev, 2016](#) – *Kryvosheia I.I., Degtyarev S.I.* (2016). The Incorporation of Bunchukovogo Partnership in Part of Service and Social Elite of the Russian Empire in the last third of the XVIII century. *Bylye Gody*, Vol. 42, Is. 4. pp. 1118-1126.

[Lazarevskiy, 1898](#) – *Lazarevskiy A.* (1898). Sudy Staroy Malorossii (Zamechaniya na monografiyu D.P. Millera «Sudy zemskie, grodskie i podkomorskiye v XVIII v.») [The Courts of the Old Little Russia (Remarks on D. Miller's monograph "Courts of the Zemstvo, Grodsky and Podkomorskie in the XVIII Century")]. *Kiyevskaya starina*. T. 62. №7-8. Otd.1. pp. 75-115. [in Russian]

[LeDonne John, 1983](#) – *LeDonne John P.* (1983). The territorial reform of the Russian Empire, 1775-1796 [II. The borderlands, 1777-1796]. *Cahiers du monde russe et soviétique*. Vol. 24. Is. 4. pp. 411-457.

[Masliychuk, 2007a](#) – *Masliychuk V.* (2007). Radykal'na reforma i staryy zvyчай (Knyaz' Oleksiy Shakhovs'kyi ta reformuvannya slobids'kykh polkiv 1733-1735 rr.) [Radical reform and old custom (Prince Alexei Shakhovskiy and reformation of the settlement regiments of 1733-1735 gg.)]. *Provintsiya na perekhresti kul'tur: Doslidzhennya z istoriyi Slobids'koyi Ukrayiny XVII-XIX st.* Kharkiv: Kharkivs'kyi pryvatnyy muzey mis'koyi sadyby, pp. 105-140. [in Ukrainian]

[Masliychuk, 2007b](#) – *Masliychuk V.* (2007). Shcherbinins'ka komisiya ta skasuvannya slobids'kykh polkiv 1762-1764 rr. [Scherbiniin's commission and the abolition of the settlement regiments of 1762-1764]. *Provintsiya na perekhresti kul'tur: Doslidzhennya z istoriyi Slobids'koyi Ukrayiny XVII-XIX st.* Kharkiv: Kharkivs'kyi pryvatnyy muzey mis'koyi sadyby, pp. 141-156. [in Ukrainian]

[Myronenko, 1998](#) – *Myronenko O.* (1998). Apostol Danylo Pavlovykh [Apostol Danilo Pavlovich]. *Yurydychna entsyklopediya: V 6 t.* Kyiv: «Ukr. entsykl.». T.1: A-H. P. 133. [in Russian]

- Myronenko, 2003** – *Myronenko O.* (2003). «Rishytel'ni punkty» 1728 ["Decisive points" 1728]. Yurydychna entsyklopediya: V 6 t. Kyiv: «Ukr. entsykl.», T. 5: P-S. P. 336. [in Ukrainian]
- Padokh, 1994** – *Padokh Ya.* (1994). Hruntove sudochnystvo na Livoberezhniiy Ukrayini u druhiy polovyni XVII-XVIII stolitti [Soil Justice in Left-Bank Ukraine in the second half of the XVII-XVIII centuries]. L'viv, 196 p. [in Ukrainian]
- PSZ-1** – Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, sobraniye 1 [Complete collection of laws of the Russian Empire, Collection 1].
- Putro, 1988** – *Putro A.* (1988). Levoberezhnaya Ukraina v sostave Rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVIII v. (Nekotoryye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya) [Left-Bank Ukraine as part of the Russian state in the second half of the 18th century. (Some issues of socio-economic and socio-political development)]. Kiyev: Vyshcha shk. Golovnoye izd-vo. 142 p. [in Russian]
- Raeff, 1994** – *Raeff M.* (1994). The Russian autocracy and its officials. Political ideas and institutions in imperial Russia. Westview press, pp. 77-91.
- Shandra, 2011** – *Shandra V.* (2011). Sovisni sudy v Ukrayini (ostannya chvert' XVIII – seredyna XIX st.) [Conspiracy Courts in Ukraine (the last quarter of the XVIII century - the middle of the XIX century)]. Kyiv: Instytut istoriyi Ukrayiny NAN Ukrayiny, 266 p. [in Ukrainian]
- Syza, 1999** – *Syza N.* (1999). Formuvannya nezalezhnoho sudochnystva Ukrayiny v period het'manstva Bohdana Khmel'nyts'koho [Formation of independent judicial proceedings of Ukraine during the hetman's period of Bogdan Khmelnytsky]. Na poshanu 80-richchya profesora Teodora Mats'kiva: Nauk. zbirnyk. Kyiv: Tvim inter, pp. 63-70. [in Ukrainian]
- Syza, 2000** – *Syza N.* (2000). Sudy i kryminal'ne sudochnystvo Ukrayiny v dobu Het'manshchyny [Courts and criminal proceedings of Ukraine on the day of Hetmanate]. Kyiv: Ukrayins'ka vydavnycha spilka. 119 p. [in Ukrainian]
- TSGIAUK** – Tsentral'nyy gosudarstvennyy istoricheskyy arkhiv Ukrainy (g. Kyiv) [Central State Historical Archive of Ukraine].
- Wortman, 2004** – *Wortman R.* (2004). Vlastiteli i sudii: Razvitiye pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii [Overlords and judges: the development of legal consciousness in imperial Russia]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 520 p. [in Russian]
- Zholkovs'ky, 2002** – *Zholkovs'ky K.* (2002), «Prava, za yakymy sudyt'sya malorosyys'ky narod» ["The rights that the Little Russian people are condemning"]. Yurydychna entsyklopediya: V 6 t. Kyiv: «Ukr. entsykl.», T.4: N-P. pp. 708-710. [in Ukrainian]

Система судопроизводства Северо-Восточной Украины в середине XVII – XVIII вв. и влияние на нее российских судебных практик

Сергей Иванович Дегтярев ^{a, b, *}, Любовь Георгиевна Полякова ^{b, c, d}
Леонид Леонидович Баланюк ^e, Ясмин Гут ^f

^a Сумский государственный университет, Сумы, Украина

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^d Восточноевропейское историческое общество, Российская Федерация

^e Российский экономический университет им Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

^f Университет г. Женева, Женева, Швейцария

Аннотация. Статья посвящена украинскому судопроизводству в конце XVII–XVIII вв. и влиянию на него российских судебных практик. С появлением украинской казацкой государственности в середине XVII в. на землях Северо-Восточной Украины появилась и собственная модель судопроизводства, которая в своей деятельности опиралась на нормативную базу литовско-польского периода и Европы раннего Нового времени. Но уже с начала XVIII в. происходит распространение российского имперского законодательства на украинские судебные практики; на этих землях создаются судебные или контролирующие их учреждения, подчиненные российской администрации; изменяется сам характер судебного процесса, даже язык ведения документации со староукраинского меняется на русский. Все эти процессы оказали непосредственное влияние на формирование и развитие в дальнейшем гражданского общества на украинских землях.

Ключевые слова: Северо-Восточная Украина, Гетманщина, Слободская Украина, Российская империя, суд, чиновники, XVII–XVIII века.

* Корреспондирующий автор

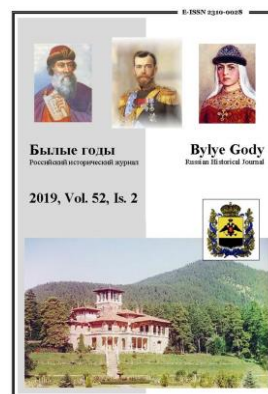
Адреса электронной почты: starsergo@bigmir.net (С.И. Дегтярев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 502-512. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.502
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

On the Issue of Missionary Activity of Priests of the Russian Orthodox Church Among the Native Population of North-Eastern Siberia in the XVIII – XIX centuries

Alexandr V. Alepko ^{a, *}

^a Khabarovsk State Institute of Culture, Russian Federation

Abstract

The article discusses the activities of the spiritual missions of the Russian Orthodox Church among the aboriginal population of North-Eastern Siberia in the XVIII-XIX centuries. The role of Okhotsk, as the initial point of the Russian Orthodox mission on the shores of the Pacific coast of Russia, is defined. The role of the Orthodox clergy in the education of the Itelmen and the Ainu, as well as in the construction of churches and chapels in the Kamchatka Peninsula, is shown. The names of the outstanding spiritual pastors of the Russian Orthodox Church, who began the first Orthodox sermon among the aborigines of the Far East, were named. The issue of building the first Orthodox churches on the Chukchi Peninsula has been studied. There is revealed the problematic issues in the activities of Orthodox priests among the nomadic tribes of the Chukchi and Koryaks of the Anadyr and Gizhiga territorial districts. The importance of primitive beliefs: animism, totemism and fetishism in the daily life of the indigenous people of Northeast Siberia is shown. The special role of tribal pagan priests – shamans in the spiritual and everyday life of the peoples of the Far North is revealed. The opinions of Russian and foreign government officials on the influence of pagan beliefs on the natives who adopted Orthodoxy are given. The role of Orthodoxy in uniting the aboriginal peoples of the North of the Russian Far East and introducing them to the Russian civilization is defined.

Keywords: foreigners, baptism, missionaries, Orthodoxy, priest, Christians, church, chapel, shaman, paganism.

1. Введение

Проблемы современного развития Дальневосточного региона Российской Федерации во много связаны с недостатком населения, проживающего на его территории. На фоне продолжающегося устойчивого переселения дальневосточников в западные регионы страны падает уверенность жителей Северо-Восточной Сибири и Дальнего Востока в положительных перспективах дальнейшего проживания в Дальневосточном Федеральном округе.

В то же время ближайшие дальневосточные соседи России – многонаселенные Китай, Япония и Корея – проявляют особый интерес к ее территориям. В частности правительство Китая видит возможную перспективу переселения части своих граждан на территории Приморского и Хабаровского краев, а также Амурской области. Японское правительство предъявляет территориальные претензии на ряд островов Курильской гряды к Сахалинской области. На Северо-Востоке Дальневосточного региона среди части чукчей и эскимосов, которые теперь могут свободно посещать своих родственников, проживающих на территории штата Аляска, растет иностранное влияние и приобщение их к ценностям американской культуры.

Важную роль в закреплении населения в Тихоокеанском регионе России в досоветский период играли представители Русской православной церкви, которые своей проповедью поддерживали переселенцев в деле сельскохозяйственного, промышленного и транспортного освоения

* Corresponding author

E-mail addresses: alexandr.alepko@yandex.ru (A.V. Alepko)

дальневосточных территорий, строительства новых населенных пунктов, а также в деле просвещения туземного населения региона, обучения его грамоте и приобщении к цивилизованной жизни.

Поэтому изучение исторического опыта миссионерской деятельности представителей Русской православной церкви на Дальнем Востоке в досоветский период представляется актуальным.

2. Материалы и методы

В ходе исследования были изучены отчеты и записки официальных представителей правительства Российской империи, чиновников администрации Приамурского генерал-губернаторства, путевые и дневниковые записки французского дипломатического представителя, труды офицеров Военного и Морского министерств России, а также ряд других документов изучаемого периода.

Решение исследовательских задач осуществлено на принципах объективности и историзма. При работе с историческими источниками использованы следующие методы: сравнительно-исторический, анализа статистической информации. Помимо общелогических методов, в работе использованы и такие специальные методы, как проблемно-хронологический, а также методы междисциплинарного анализа – структурно-функциональный, статанализ, элементы семиотико-культурологического анализа.

3. Обсуждение

Интерес при этом представляют всеподданнейшие отчеты обер-прокурора Священного синода К.П. Победоносцева, Приамурских генерал-губернаторов С.М. Духовского и Н.И. Гродекова, сведения начальника Анадырской округи Н.Л. Гондатти, а также сведения из отчета адъютанта командующего Приамурским военным округом А.В. Олсуфьева о поездке в Анадырскую округу. Особый интерес у автора вызвали дневниковые записки о коренных жителях Камчатки члена кругосветной экспедиции Ж.-Ф. Лаперуза французского консула в России Ж.Б. Лессепа, опубликованные в 1801 г. в Москве. Среди других источников по изучаемой проблеме необходимо отметить экспедиционные отчеты и записки российских правительственных чиновников: доктора медицины Н.В. Слюнина, Г. Майделя, и К. Дитмара, опубликованные в 1894–1901 гг. в типографиях г. Санкт-Петербурга.

При анализе исторического материала были учтены отдельные мнения из работ современных российских историков дальневосточного региона, таких как Н.И. Дубинина, А.Р. Артемьев и В.Н. Зуев. Тем менее, заявленная в статье проблема на сегодняшний день изучена фрагментарно и требует дальнейшего исследования.

4. Результаты

Освоение русскими людьми Северо-Востока Сибири было непосредственно связано с выходом русских людей на побережье Тихого океана, где в 1649 г. был построен Охотский острог, ставший одним из центров распространения православия среди коренных народов северного побережья Охотского моря. Именно в нем в XVII в. русскими казаками из отряда Семена Шелковникова была сооружена первая православная часовня на тихоокеанском побережье России (Сгибнев, 1869: 4).

В 1728 г. капитан 1 ранга Витус Беринг по возвращении в Санкт-Петербург из Первой Камчатской экспедиции подал на имя императрицы Анны Иоановны служебную записку, в которой просил послать священника к якутам «для распространения между ними христианства», а также направить на Камчатку священников в помощь находившемуся там одному священнику. Кроме того, он ходатайствовал об устройстве в Охотске вместо ясачной избы Охотского управления, независимого от Якутского воеводства, а при устье р. Охоты – морского порта (Сгибнев, 1869: 16).

В мае 1733 г. в соответствии с указом императрицы Охотское управление было отделено от якутской воеводской канцелярии и подчинено иркутской провинциальной канцелярии. В связи с этим в инструкции, данной Сибирским приказом, предписывалось построить церковь в Камчатском остроге и определить штат священников и «причетников с ругою». Сибирский приказ также определял, «чтобы священники во всяком остроге склоняли аманатов и других охотников учиться грамоте и показывали закон христианский, понеже тамошний народ никакой веры и закону не знает, ... а в Охотске хотя бы народную школу не для одной грамоты, но и для цифры и навигации завести». Инструкция также предписывала Охотскому управлению определить, «где и сколько повелено будет построить церквей и при оных сколько быть священников и других церковников», размер их денежного и хлебного жалованья и объем всех церковных расходов (Сгибнев, 1869: 17, 21).

В 1739 г. в Охотске была построена первая деревянная церковь во имя Преображения Господня. Однако в январе 1744 г. она сгорела в результате пожара (Сгибнев, 1869: 30). Строительство нового здания храма начал назначенный начальником духовной миссии на Камчатку архимандрит И. Хотунцевский¹, прибывший в июне 1744 г. в Охотск в сопровождении священников. Архимандрит

¹ Епископ Иоасаф (Хотунцевский или Хотуневич) (ок. 1700 – 29 апреля (10 мая) 1759) – епископ Русской православной церкви, епископ Кексгольмский и Ладожский, викарий Новгородской епархии. Родился в Малороссии. Окончил Киево-Могилянскую духовную академию и был пострижен в

прожил в городе около года и занимался крещением тунгусов (эвенов), кочевавших в районе Охотска. На р. Иче он крестил 151 эвена, где до его прибытия проживало 40 крещеных тунгусов и 6 крестьянских семейств. Кроме того, за зиму 1744–1745 г в охотской часовне он крестил 365 эвенов (Сгибнев, 1869: 34).

Новое здание храма во имя Преображения Господня было построено в Охотске в 1745 г., к которому в 1747 г. была пристроена колокольня. При храме служило 2 священника с причтом. В соответствии с указом Правящего сената от 13 июля 1743 г. священники получали жалование по 80 руб., а дьячок и пономарь по 40 руб. в год (Сгибнев, 1869: 4).

Деятельность православных священников на Камчатке началась в 1703 г., когда в Большерецкий острог митрополитом Тобольским и Сибирским Филофеем Лещинским была направлена первая православная миссия под руководством архимандрита Мартиниана. Однако она не принесла успеха вследствие распрей и смуты между камчатскими казаками и вооруженных выстулений камчадалов. В 1717 г. вновь крещенными ительменами был убит архимандрит Мартиниан (Артемьев, 2005: 85-86). Тем не менее, в период деятельности первой православной миссии на Камчатке в 1713 г. был построен первый православный храм, основана Успенская пустынь с опытным сельскохозяйственным полем, а также крещено 100 камчадалов (Записки ПО ИРГО, 1899: 18; Русская церковь на Камчатке). Хотя деятельность миссии принесла скромные результаты, но заставила задуматься о сложностях проповеди православия, связанных с языковым барьером, а также особенностями обычаев и традиционного уклада жизни аборигенного населения.

Вторая православная миссия была направлена на Камчатку в 1732 г. под руководством игумена Варфоломея Филевского. Кроме игумена, в ее составе были иеромонах, иеродиакон, а также несколько ссыльных новгородских священников, проживавших в Якутске. Надо заметить, что сам игумен В. Филевский так и не доехал до Камчатки по неизвестным причинам. Все же остальные члены духовной миссии прибыли на полуостров и привезли «необходимые принадлежности для церквей и школ, которые были доставлены в Камчатку ссыльными новгородскими священниками, прибывшими туда по собственному желанию» (Записки ПО ИРГО, 1899: 18-19). Эта миссия также не имела существенных успехов.

Только третья миссия, назначенная в 1742 г. благодаря энергичной деятельности по ее снаряжению архимандрита Иоасафа Зенкевича, обеспечившего миссию большими запасами книг, иконами латинской и французской работы и церковными принадлежностями, и, главным образом, миссионерской деятельности вышеупомянутого архимандрита Иоасафа Хотунцевского (Записки ПО ИРГО, 1899: 19). Прибыв на Камчатку, он сделал особый акцент на развитии церковно-славянского школьного образования. Третья миссия за короткий срок достигла существенных результатов, обратив в православие большую часть коренных жителей Камчатки.

Наряду с миссией, И. Хотунцевскому было поручено просвещать проповедью одичавший местный гарнизон. Конфликт с анархически настроенными камчатскими казаками оказался неизбежен, но при этом даже главный зачинщик бунта говорил об И. Хотунцевском: «Архимандрит добр до нас был». Иоасаф принадлежал к видным российским миссионерам XVIII в.; его влияние на новокрещеных было гораздо глубже, чем в других миссиях. По его подсчетам, население полуострова составляло тогда 11,5 тыс. человек. Миссией, возглавляемой И. Хотунцевским, было крещено примерно 4719 инородцев, а общее число крещенных на Камчатке к 1750 г. составило 11574 чел. Благодаря его деятельности, на полуострове строились новые церкви на реках Ича, Тигиль и Ука; до 1745 г. их было на Камчатке всего три (Русский биографический словарь, 1897: 293).

Для детей ительменов и казаков были основаны три церковно-приходские школы: в Большерецке, Верхнекамчатске и Нижнекамчатске. Детей обучали чтению, письму, рисованию, знакомили с часословом, псалтирем и катехизисом. К 1749 г. миссией были открыты новые школы на реках Ича, Тигиль, Ука, в Шемячинском острожке. Число обучавшихся в них достигло более 200 чел. (Русский биографический словарь, 1897: 293).

Тем не менее в период деятельности третьей православной миссии в январе – феврале 1746 г. на севере Камчатки произошел бунт оленных коряков, юкагигов и олюторцев, к которым присоединились крещенные ительмены. Причиной бунта послужили злоупотребления казаков и сборщиков ясака. Во время беспорядков были убиты иеромонах Флавиан, студент-семинарист

монашество. С 1739 г. в сане иеродиакона, а затем в сане иеромонаха был проповедником в Московской славяно-греко-латинской академии. С 1741 г. – экзаменатор Крутицкой епархии. В 1742 г. возведен в сан архимандрита и назначен начальником духовной миссии, отправлявшейся на Камчатку. После остановки в Охотске летом 1745 г. прибыл на Камчатку, где оставался до 1 января 1750 г., когда был вызван в Санкт-Петербург для хиротонии во епископа Иркутского, которая не состоялась по его болезни. С 18 февраля 1754 г. – ректор Московской славяно-греко-латинской академии и архимандрит Заиконоспасского монастыря. 12 мая 1757 г. перемещен в Московский высокопетровский монастырь. 24 мая 1758 г. хиротонисан во епископа Кексгольмского и Ладожского, викария Новгородской епархии. Скончался 29 апреля 1759 г. См. (Иоасаф (Хотунцевский или Хотунцевич); Русский биографический словарь, 1897. Т. 8.: С. 293).

Кочуров, дьячок Ф. Смирнов и пономарь В. Решетков, а также 40 солдат и 12 сборщиков ясака. В мае 1746 г. организаторы бунта сдались властям. Архимандрит настоял на наказании не только восставших, но и сборщиков ясака ([Русский биографический словарь, 1897: 293](#)).

В 1747 г. архимандрит Камчатский И. Хотунцевский отправил иеромонаха Иоасафа на Курильские острова для проповеди христианского вероучения. Посланный священник обнаружил на островах Шумшу и Итуруп 153 крещеных айна и сам крестил 56 чел. В то же время для детей айнов на острове Шумшу была открыта начальная церковно-приходская школа ([Географическо-статистический словарь, 1894: 220](#)).

К 1760 г. на Камчатском полуострове миссионерами было устроено 5 церквей и 13 церковно-приходских школ, в которых обучалось 300 детей инородцев ([Записки ПО ИРГО, 1899: 19](#)). В 1761 г. Камчатская православная миссия была упразднена.

В 1787–1788 гг. на Камчатке побывал французский генеральный консул в Российской империи Жан-Батист-Бартелеми Лессепс ([Коротков](#)), состоявший при руководителе французской кругосветной морской экспедиции графе Ж.-Ф. Лаперузе в должности королевского переводчика русского языка. Отправленный Ж.-Ф. Лаперузом с донесением и документами сухопутным путем из Петропавловска через Сибирь в Санкт-Петербург, в дороге он сообщал в т.н. «историческом журнале» своего путешествия, что на Камчатском полуострове 8 православных храмов, к которым «можно добавить Гижигинскую церковь, устроенную в местности, заселенной коряками». Он также писал о 220 православных айнах, проживавших на Курильских островах, которые относились к Паратунскому приходу ([Лессепсово путешествие, 1801: 132](#)).

В то же время французский консул писал, что православные камчатские аборигены «могут только называться крещеными, а не христианами, ибо они весьма далеки от исполнения тех обязанностей, какие налагает на них сие таинство. Знают ли они начальные правила христианства, сомневаюсь, ... вспоминают о вере единственно для одной благопристойности или выгоды, или когда обстоятельства требуют того» ([Лессепсово путешествие, 1801: 130](#)). Далее он заключал, что «сие служит доказательством великого недостатка в наставлении сих народов и должно обвинять в этом ... их духовенство, долг которого есть выводить их из мрака и невежества» ([Лессепсово путешествие, 1801: 131](#)).

Ж.-Б. Лессепс замечал, что представители местного язычества – камчадалские шаманы – «чрезвычайно боятся русских священников и совершенно их ненавидят; почему всегда ищут случая убежать от встречи с ними; когда же этого сделать нельзя, то, видя их на дороге, закрывают свое лицо и, не мешкая, скрываются» ([Лессепсово путешествие, 1801: 185](#)). Переводчику французского короля удалось наблюдать языческие богослужения, осуществляемые шаманами камчадалов. В связи с этим он писал, что шаманы «не знают и сами, о чем говорят, и употребляют свое таинственное и обманчивое учение для того, чтобы укрепить в идолопоклонстве простодушных своих слушателей» ([Лессепсово путешествие, 1801: 190](#)).

Согласно записям журнала Ж.-Б. Лессепса, при совершении языческих обрядов камчадалские шаманы выдавали все свои слова как «действие вдохновения» бога Кутки. Он также писал, что «обыкновенно оратор (т.е. шаман – *Авт.*) сопровождает свою речь или плачем, или смехом, смотря по тому, доброе или худое он возвращает, а изъяснительные движения его переменяются сообразно с его чувствованиями» ([Лессепсово путешествие, 1801: 189](#)). При этом французский консул проводит аналогию между языческим богослужением камчадалских шаманов и протестантской сектой североамериканских квакеров. В связи с этим он отмечал, что квакеры «также присваивают себе право вдохновения и что некоторые из них, не имея силы противиться побуждению, начинают говорить в молчаливом своем собрании или, проливая горькие слезы, ... вдруг оказывают знаки радости» ([Лессепсово путешествие, 1801: 189](#)).

Французский консул также отмечал приверженность камчатских аборигенов к язычеству, магии и колдовству. Это, в частности, проявлялось в том, что православные камчадалы перед тем, как идти на охоту не молились и крестились, а выполняли языческие обряды, тайно почитая племенного бога Кутку. Причинами подобного положения вещей, по мнению Ж.-Б. Лессепса, с одной стороны, было распространение шаманами среди соплеменников мнения о том, что русские православные священники, желая обратить камчадалов в христианскую веру, имели только одну цель: уничтожение их языческих идолов. С другой стороны, королевский переводчик считал, что православные священники «не подают собою примера тех добрых дел, о которых проповедуют» среди туземцев. Он писал, что некоторые священники на Камчатке имели желание обогатиться, а также склонность к пьянству ([Лессепсово путешествие, 1801: 185–186](#)).

Служивший в 1851–1855 гг. чиновником для особых поручений по горному делу при губернаторе Камчатки Вольдемар Фридрих Карл фон Дитмар писал, что «камчадалы, несмотря на поголовное крещение, усвоили себе только внешность православия и считают его особым, ныне прочно установленным, родом шаманства. В результате у них возникает невообразимая путаница из смеси древнего языческого суеверия и внешних обрядов православной церкви» ([Дитмар, 1901: 159](#)). В своих дневниковых записках он также заметил, что в «важных случаях камчадалы прибегают к шаманству, хотя, боясь священника, делают это под большим секретом» ([Дитмар, 1901: 329](#)).

Начало распространения православия среди аборигенов Чукотского полуострова было связано с основанием по указанию Семена Дежнева казачьим приказчиком К.А. Ивановым в 1660 г. Анадырского острога, в котором вскоре была построена часовня, а в 1746 г. возведена Спасская церковь. В то же время необходимо отметить, тот факт, что в вышеупомянутом регионе в этот период проживали племена чукчей и коряков, отказывавшихся подчиняться российским властям. Нередким явлением в первой половине XVIII в. были военные конфронтации между пришлым русским населением и туземцами. Поэтому Анадырский острог был обнесен деревянными рублеными стенами высотой в 4,5 аршина с 4 башнями по углам и 5-й – над проезжими воротами, на стенах стояли 3 артиллерийские батареи. В остроге располагался воинский гарнизон, численность которого к 1759 г. составила 757 чел. солдат и служилых казаков ([Анадырский острог, 2009](#)).

Непокоренные чукчи в вышеупомянутый период служили источником напряженности, периодически восставали против местной администрации и ясака. Восстания аборигенов произошли в 1701 и 1711 гг., но наиболее крупным и кровопролитным стало восстание 1746–1747 гг., в котором приняли участие племенные объединения чукчей и коряков. В результате коряки уничтожили Акланский острог, а объединенные отряды чукчей и коряков разбили направленную из Анадырского острога против восставших аборигенов военную экспедицию майора Д. Павлуцкого ([Зуев, 1995: 232-233](#)).

В 1764 г. в соответствии с указом Сената, утвержденном императрицей Екатериной II, была упразднена Анадырская военная партия, а в 1766 г. гарнизон и большая часть жителей Анадырского острога была переведена и выселена в Гижигинскую крепость и Нижнеколымский острог ([Анадырский острог, 2009](#)). Колокол упраздненной Спасской церкви весом 40 пуд. был перевезен в Нижнеколымский храм ([Записки ОИАК, 1893: 40](#)).

В 1784 г. недалеко от бывшего Анадырского острога в урочище Марково возникло село с одноименным названием, первыми жителями которого стали немногочисленные русские и чуванцы, представители племени юкагиров. По сведениям начальника Анадырской округи Н.Л. Гондатти¹, новых православных церквей на ее территории вплоть до 1839 г. не было. Только в 1839 г. в Анадырском остроге была построена часовня, куда в 1844 г. «прибыл первый притч для нужд местного оседлого населения и обращения чукчей в христианство» ([Гондатти, 1897: 84](#)). В 1862 г. в селе Марково был построен первый православный храм. Интересно заметить, что его строительство было предпринято и осуществлялось, главным образом, чукотскими инородцами, преимущественно чуванцами. После ее устройства и начала богослужения, по свидетельствам Н.Л. Гондатти, в с. Марково стали переезжать из Анадырского острога мещане и крестьяне, а также инородцы из близлежащих стойбищ и населенных пунктов. В 1883 г. по ходатайству жителей села в Марково была открыта по распоряжению Якутского епархиального начальства церковно-приходская школа для детей. Село стало своеобразным культурным и торговым центром для населения округи ([Гондатти, 1897: 84, 90](#)).

В то же время, по сведениям адъютанта командующего Приамурским военным округом А.В. Олсуфьева, «обращение чукчей в православие» началось еще в начале XIX в., но «пока не дало никаких ощутительных результатов». В частности, он писал, что, хотя 700 чукчей Анадырской округи «числятся православными», они «остались верны прежним языческим традициям, ... часто живут в многоженстве, неохотно исполняют христианские обряды, с прежними церемониями сжигают покойников, преданы шаманству и нередко добровольно кончают жизнь зверским обычаем убийства, совершаемого над ними по их просьбе ближайшими родственниками» ([Олсуфьев, 1896: 95](#)). Адъютант командующего округом также писал, что принятие аборигенами христианства «совершенно внешнее и шаманство встречается повсюду. Впрочем, чего же требовать от чукчи, когда поголовно все русские и даже лица духовного звания вызывают страх и слепое доверие шаманству» ([Извлечение из отчета Олсуфьева, 1894: 6](#)).

Поручик А.В. Олсуфьев также отмечал, что единственным «врожденным и неискоренимым пороком» туземного населения Анадырской округи является «непреодолимая страсть тем или другим способом забыться, унести в мир грез, они страстно ищут удовлетворения этого чувства в вине, в сильном впечатлении, доставляемом шаманом, ... игре в карты», которые выменивались чукчами у американских скупщиков пушнины. Причину вышеупомянутой «страсти» автор видел в бедности окружающей аборигенов природы, кратковременности летнего периода, долгой и продолжительной зимы и полярной ночи. Поэтому «вследствие тяжелых жизненных условий и мрачной природы» в мирозерцании чукчей, по мнению А.В. Олсуфьева, преобладали «карающие начала» ([Олсуфьев, 1896: 82-83, 96](#)).

¹ Николай Львович Гондатти (3 декабря 1860 – 5 апреля 1946) – русский государственный деятель, исследователь Северной и Северо-Восточной Сибири. Шталмейстер Двора е.и.в. Николая II, действительный статский советник, губернатор Томской губернии (1908–1911), Приамурский генерал-губернатор (1911–1917). С 1918 г. проживал в Китае в г. Харбине, где занимал административные и общественные посты в диаспоре российских эмигрантов. Один из основателей Харбинского политехнического института. Умер в 1946 г. в г. Харбине ([Дубинина, 1997](#)).

Тем не менее, миссионерская деятельность православных священников среди аборигенов Чукотки не прекращалась. Одним из первых проповедников христианства в регионе был протоиерей Григорий Слепцов, осуществивший свою миссию среди чукчей в 1812 г. в Чаунской губе (Олсуфьев, 1896: 95). Целеустремленным подвижником в деле обращения чукчей в христианскую веру проявил себя в 1843–1848 гг. нижнеколымский миссионер священник Андрей Аргентов. Осуществляя свою проповедь, он совершал поездки в отдаленные кочевья инородцев, где подолгу жил с ними. Отец Андрей научился чукотскому языку, построил две часовни. При обращении чукчей в православие он ввел обычай давать вновь окрещенному крестик и рубашку. Следует заметить, что из желания получить эти предметы некоторые чукчи принимали крещение во второй и третий раз. Некоторые преданные шаманизму чукчи по наблюдениям А. Аргентова держались «суеверия, что принятие христианства не раз было причиной падежа оленей и часто влекло за собой обеднение чукчей» (Олсуфьев, 1896: 96).

Интересно мнение этого знаменитого колымского миссионера относительно языческих верований чукчей. Отец Андрей Аргентов прямо высказывался о том, что «шаман совершенно необходим как нравственная поддержка дикаря в той трудной борьбе с природой, которая выпала на его долю» (Извлечение из отчета Олсуфьева, 1894: 6).

Служивший в православном храме в с. Марково священник Митрофан Шипицын осуществлял свою миссию не только среди чукчей и чуванцев, но и среди коряков. Надо заметить, что среди оседлых коряков, проживавших на юге Анадырской округи и севере Камчатского полуострова, было немало христиан. Коряки-кочевники, как правило, были язычниками.

Посетивший в 1869 г. с. Пенжинское начальник правительственной Чукотской экспедиции Гервард Майдель писал: «Коряки на мои вопросы, сильно ли они стоят за свои старинные обычаи, они отвечали с невообразимым равнодушием. Один из них ... сказал мне, что если я уж этого так желаю, то он согласен креститься, но что сначала должен получить на то разрешение своего отсутствующего отца»; между тем он «имел вид 50–60-летнего человека и жил со своим стадом вполне самостоятельно» (Путешествие Майделя, 1894: 229). Он также отметил тот факт, что проповеди архиепископа Камчатского, Курильского и Алеутского Иннокентия¹ и его приемника епископа Павла перед собранием кочевых коряков в с. Пенжинском относительно принятия ими христианства, по воспоминаниям жителей вышеупомянутого села, «не произвели на этих грубых людей никакого впечатления» (Путешествие Майделя, 1894: 229).

В 1885 г. в своем всеподданнейшем отчете обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев сообщал императору Александру III, что «...в пределах Гижигинского и Анадырского (миссионерских – авт.) станов остается тысяч до двух полудиких коряков и чукоц, еще блуждающих во тьме язычества» (Всеподданнейший отчет Победоносцева, 1885: 195).

Как и чукчам, корякам была присуща страсть забыться от суровой действительности и «уйти в мир грез». Это достигалось ими при употреблении в пищу сушеных мухоморов, которые у коряков высоко ценились «благодаря своей способности вызывать одуряющее воздействие». Г. Майдель сообщал, что «коряк жует сухой гриб, запивает его водой и проглатывает». Через некоторое время у него наступало «возбуждение и галлюцинации» (Путешествие Майделя, 1894: 246). Во время пребывания в с. Марково Г. Майделю местные священники говорили, что коряки не отказываются от сушеного мухомора и время от времени прибегают к нему «в том случае, если не могут достать водки» (Путешествие Майделя, 1894: 246).

Побывавший в 1895–1898 гг. на Северо-Востоке Сибири член Охотско-Камчатской горной экспедиции доктор медицины Н.В. Слюнин писал, что один из двух священников в гижигинской округе «считается миссионером специально для коряков и живет не в центре оседлых и бродячих инородцев, а вдали от них в самой Гижиге» и что «духовные нужды инородцев предоставлены на произвол судьбы или находятся под паническим обаянием шаманов» (Слюнин, 1900: 512). Обеспокоенный подобным положением дел, Н.В. Слюнин отмечал, что «...о нравственном просвещении тут не может быть и речи: отправление церковной службы без объяснения принципов христианского учения и нравственных основ далеко не достигает своей цели, а внутренняя жизнь инородца без постоянного пастырского слова часто управляется случайностями непохвального качества. Достаточно будет указать на число незаконнорожденных детей и вольность нравов, оставшуюся у большинства инородцев от первобытных времен» (Слюнин, 1900: 512).

¹ Митрополит Иннокентий (в миру Иван Евсеевич Попов-Вениаминов; 26 августа 1797, село Анга, Верхотурский уезд, Иркутская губерния – 31 марта 1879, Москва) – епископ Православной российской церкви; с 5 января 1868 г. митрополит Московский и Коломенский. Первый православный епископ (впоследствии архиепископ) Камчатки, Якутии, Приамурья и Северной Америки, сподвижник генерал-губернатора Восточной Сибири графа Николая Муравьева-Амурского в освоении Дальнего Востока и просвещения его коренных народов. В октябре 1977 г. был прославлен в лике святых Русской православной церковью и Православной церковью в Америке в лике святителей как апостол Сибири и Америки. В 1994 г. Иннокентий (Вениаминов) был прославлен в лике святых Русской православной церковью за границей (Иннокентий).

Представление о количестве православных в северо-восточных округах Приморской области, 98 % населения которых составляло аборигенное население, дает приведенная [Таблица 1](#).

Таблица 1. Сведения о численности православных в 1889 г. (чел.)

Округа	Общая численность населения	Численность лиц православного вероисповедания
Охотская	3792	3792
Петропавловская	6089	5681
Гижигинская	5399	3038
Анадырская	10350	1200
Командорские острова	675	667

Составлено по: Ведомость по разделению населения по вероисповеданиям // Обзор Приморской области за 1889 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. Крепость Владивосток, 1891 ([Обзор ПО, 1891](#)).

Во всеподданнейшем отчете обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева за 1890–1891 гг., составленном на основе сведений, полученных от Камчатского миссионерского отдела, сообщалось, что «в религиозно-нравственном отношении инородцы Камчатской епархии, особенно бродячие, крайне грубы и не развиты. В душе и жизни они истые язычники... Совместная жизнь в одной юрте вместе с некрещеными и всегдашние насмешки со стороны последних над иконами, крестами и другими христианскими святынями в высшей степени губительно действуют на новокрещенных, ... иконы скоро убираются из юрт, уступая место языческим истуканам, а вместе с этим прекращается и совершение христианских молитвословий...» ([Всеподданнейший отчет Победоносцева, 1893: 300-301](#)).

В вышеупомянутом отчете также говорилось, что членам Камчатской миссии «приходится заботиться не только о проповедовании слова Божьего пребывающим в язычестве и о назидании крещеных, но и содействовать улучшению гигиенических условий их существования» ([Всеподданнейший отчет Победоносцева, 1893: 302](#)). Миссионеры сообщали, что инородческие юрты «вечно дымны, пропитаны отвратительными зловониями и переполнены всякими паразитами. Духота, грязь, нестерпимая вонь делают юрту совершенно невыносимую даже привыкшим сравнительно к ней миссионерам, из которых редко кто может оставаться в ней больше часа» ([Всеподданнейший отчет Победоносцева, 1893: 301](#)). Поэтому все камчатские миссионеры в обязательном порядке снабжались специальными медицинскими аптечками и при случае могли оказать необходимую медицинскую помощь аборигенам и их детям.

В конце XIX в. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, под управлением которого находились дальневосточные области, писал, что «главным тормозом распространения среди них (аборигенов – авт.) Евангелия служит, как видно из сведений, помещенных в местных епархиальных ведомостях, недостаточная подготовленность к миссионерскому служению самих миссионеров, не успевающих благодаря частым переменам, происходящим в составе миссий, свыкнуться с бытом инородцев и приобрести доверие к себе со стороны последних, а главное, изучить инородческий язык» ([Всеподданнейший отчет Гродекова, 1901: 23](#)). В связи с этим генерал от инфантерии Н.И. Гродеков говорил о необходимости подготовки в духовных семинариях священников из числа принявших православие «местных уроженцев» ([Всеподданнейший отчет Гродекова, 1901: 23](#)).

Следует заметить, что официальные государственные лица Приамурского генерал-губернаторства уделяли особое внимание христианской религии и консолидирующей роли «в лице служителей Православной церкви» в объединении «разнородного состава» населения российского Дальнего Востока «на почве единого православного вероучения» ([Всеподданнейший отчет Духовского, 1895: 30](#)). В 1895 г. Приамурский генерал-губернатор генерал-лейтенант С.М. Духовской писал во всеподданнейшем отчете, направленном российскому императору Николаю II, что «религия поддерживает и ободряет здешних новоселов в трудной борьбе с незнакомыми условиями природы и жизни девственного края» ([Всеподданнейший отчет Духовского, 1895: 30](#)).

5. Заключение

Вполне очевидно, что миссионерская деятельность священников Русской православной церкви на северо-восточных территориях Российской империи среди аборигенного населения ряда удаленных малонаселенных территорий не всегда приводила к желаемым результатам. Основными проблемами при обращении туземцев Чукотского и Камчатского полуострова в христианство были приверженность их к шаманизму. В частности, принятие православной религии чукчами и коряками носило практически символический характер, а часть туземцев отказалась от обряда крещения и оставалась преданной языческим божествам. Причиной этому были слабая заселенность огромных пространств региона, почти полное отсутствие на Чукотке российского православного населения,

значительная отдаленность региона от влиятельных центров русской традиционной культуры, неспособность российского правительства обустроить социально-экономическую инфраструктуру Чукотки и прилегающих к ней территорий Колымы и северной части Охотского моря, а также крайне холодный и суровый климат этих территорий.

Несколько лучшими были результаты последовательной деятельности русских православных миссий на Камчатском полуострове, который находился в более мягких климатических условиях, чем вышеупомянутые северные регионы. К концу XVIII в. были крещены практически все камчадалы. Кроме того, в Центральной Камчатке возникли села русских переселенцев, прибывших из православных регионов России. По отношению к другим регионам Северо-Востока Камчатка имела самое большое количество православных храмов и церковно-приходских школ. Благодаря этому, а также подвижнической деятельности архиепископа Иннокентия (Вениаминова) именно отсюда православие последовательно распространилось среди айнов и алеутов на архипелагах Курильских, Командорских, Алеутских островов и на побережье Северо-Западной Америки.

Однако материал изученных исторических источников позволяет утверждать, что православие в среде камчадалов носило своеобразный характер. Их религиозные взгляды сочетались с элементами анимизма, тотемизма, фетишизма и шаманизма. Причем языческие обряды преобладали в наиболее отдаленных от российских сел поселениях камчадалов.

Тем не менее, оценивая подвижническую деятельность российских православных миссионеров и священников на Северо-Востоке Азиатского континента нельзя не отметить их важную и в то же время существенную роль в распространении русской культуры и традиций в среде туземного населения, а также приобщении его к православной культуре Европейской России.

6. Благодарности

Автор выражает особую благодарность работникам Дальневосточной государственной научной библиотеки (г. Хабаровск), и прежде всего ее директору Татьяне Юрьевне Якуба, а также сотрудникам центра консервации документов и книжных памятников Хабаровского края, оказавших существенную помощь в поиске и подготовке уникальных документов и материалов, использованных для написания данной статьи.

Литература

Анадырский острог, 2009 – Анадырский острог // «Историческая энциклопедия Сибири» (2009). [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/anadyrskiy_ostrog_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009.

Артемьев, 2005 – *Артемьев А.Р.* Из истории крещения Камчатки. К трехсотлетию первой православной миссии // *Вестник ДВО РАН.* 2005. №4. С. 85-94.

Всепопданнейший отчет Победоносцева, 1885 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева по ведомству Православного вероисповедания за 1883 год. СПб.: Синод. тип-я, 1885. 421 с. Прилож. 127 с.

Всепопданнейший отчет Победоносцева, 1893 – Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева по ведомству Православного вероисповедания за 1890–1891 годы. СПб.: Синод. тип-я, 1893. 511 с. Прилож. 235 с.

Всепопданнейший отчет Гродекова, 1901 – Всепопданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Н.И. Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 148 с.

Всепопданнейший отчет Духовского, 1895 – Всепопданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1893, 1894 и 1895 годы. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлиха, 1895. 172 с.

Географическо-статистический словарь, 1894 – Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской области со включением некоторых пунктов сопредельных с ним стран / Составил А. Кириллов. Благовещенск: Тип. Тов-ва «Д.О. Мокин и К^о», 1894. 541 с.

Гондатти, 1897 – *Гондатти Н.* Сведения о поселениях по Анадыру // Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Том III. Выпуск I. Хабаровск: Типография при канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 71-110.

Дитмар, 1901 – *Дитмар К.* Поездки и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть первая. Исторический очерк по путевым дневникам. СПб., 1901. 756 с.

Дубинина, 1997 – *Дубинина Н.И.* Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. 208 с., ил.

Записки ОИАК, 1893 – Записки общества изучения Амурского края. Том II. Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г. Дьячкова. С предисловием Ф.Ф. Буссе. Владивосток: Типография Сибирского флотского экипажа, 1893. 158 с.

Записки ПО ИРГО, 1899 – Записки Приамурского отдела Императорского русского географического общества. Т. V. Вып. 1. Маргаритов В. Камчатка и ее обитатели. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1899. 141 с.

Зуев, 1995 – Зуев В.Н. К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30–70 гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. / Под ред. Артемьева А.Р. Владивосток: ИИАЭНДВ, 1995. С. 231-237.

Извлечение из отчета Олсуфьева, 1894 – Извлечение из отчета адъютанта командующего войсками Приамурского военного округа поручика Олсуфьева по командировке его в Анадырскую округу в 1893 году // Приложение №10 «Приамурских ведомостей» за 1894. Хабаровск, 1894. 7 с.

Иннокентий – Иннокентий // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/389619.html>

Иоасаф (Хотунцевский или Хотунцевич) – Иоасаф (Хотунцевский (Хотунцевич) // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/578110.html>

Коротков – Коротков С.Н. Жан-Батист Лессепс в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-batist-lesseps-v-rossii.pdf>

Лессепсово путешествие, 1801 – Лессепсово путешествие по Камчатке и по Южной стороне Сибири. Перевод с французского. Часть I. М.: Губернская типография у А. Решешникова, 1801. 209 с.

Обзор ПО, 1891 – Обзор Приморской области за 1889 г. Приложение ко всеподданнейшему отчету. Крепость Владивосток: Типография Приморского областного Правления, 1891. 32 с.; прил. 22 с.

Олсуфьев, 1896 – Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1896. 213 с., прилож.

Путешествие Майделя, 1894 – Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868–1870 годах барона Герварда Майделя / Перевод с немецкого В.Л. Бианки. Приложение к LXXIV тому записок Императорской академии наук. №3. СПб., 1894. 595 с.

Русская церковь на Камчатке – Русская церковь на Камчатке // Русская православная церковь. Официальный сайт Московского патриархата [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/52576.html>

Русский биографический словарь, 1897 – Русский биографический словарь. Т. 8. Ибак Ключарев / Под наблюдением председателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцева. СПб.: Типография Главного управления уделов, Моховая, 40. 1897. 756 с.

Сгибнев, 1869 – Сгибнев А.С. Охотский порт с 1649 по 1852 гг. (Исторический очерк) // Неофициальный отдел // Морской сборник. Издаваемый под наблюдением Морского технического комитета ученого отделения. Том CV. №11. Ноябрь. СПб., 1869. С. 1-92.

Слюнин, 1900 – Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т. I. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1900. 689 с.

References

Anadyrskiy ostrog, 2009 – Anadyrskiy ostrog [Anadyr jail]. «Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri» (2009) [Elektronnyi resurs]. URL: http://irkipedia.ru/content/anadyrskiy_ostrog_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009. [in Russian]

Artem'ev, 2005 – Artem'ev A.R. (2005). Iz istorii krescheniya Kamchatki. K trehsotletiyu pervoy pravoslavnoy missii [From the history of the baptism of Kamchatka. To the 300th anniversary of the first Orthodox mission]. Vestnik DVO RAN. №4. pp. 85-94. [in Russian]

Ditmar, 1901 – Ditmar K. (1901). Poezdki i prebyvanie v Kamchatke v 1851-1855 gg. Chast' pervaya. Istoricheskiy ocherk po putevym dnevnikam [Trips and Stay in Kamchatka in 1851-1855. Part one. Historical essay on travel diaries]. SPb. 756 p. [in Russian]

Dubinina, 1997 – Dubinina N.I. (1997). Priamurskiy general-gubernator N. L. Gondatti [Amur Governor-General N.L. Gondatti]. Habarovsk: Priamurskoe geograficheskoe obschestvo. 208 p., il. [in Russian]

Geograficheskostatisticheskii slovar', 1894 – Geograficheskostatisticheskii slovar' Amurskoy i Primorskoy oblasti so vklyucheniem nekotorykh punktov sopredel'nykh s nim stran [Geographical-statistical dictionary of the Amur and Primorsky regions with the inclusion of some items of neighboring countries]. Sostavil A.Kirillov. Blagoveschensk: Tip. Tov-va «D.O. Mokin i K^o», 1894. 541 p. [in Russian]

Gondatti, 1897 – Gondatti N. (1897). Svedeniya o poseleniyah po Anadyru [Information about settlements in Anadyr]. Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obschestva. Tom III. Vypusk I. – Habarovsk: Tipografiya pri kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1897. pp.71-110. [in Russian]

Innokentiy – Innokentiy. Pravoslavnaya enciklopediya pod redakciey Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla [Orthodox Encyclopedia, edited by Patriarch of Moscow and All Russia Cyril]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/389619.html> [in Russian]

Ioasaf (Hotuncevskiy ili Hotuncevich) – Ioasaf (Hotuncevskiy (Hotuncevich). Pravoslavnaya enciklopediya pod redakciey Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. [Orthodox Encyclopedia, edited by Patriarch of Moscow and All Russia Cyril]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/578110.html> [in Russian]

Iz vlechenie iz otcheta Olsuf'eva, 1894 – Iz vlechenie iz otcheta ad'yutanta Komanduyuschego voyskami Priamurskogo voennogo okruga poruchika Olsuf'eva po komandirovke ego v Anadyrskuyu okrug v 1893 godu [Extract from the report of the adjutant of the Commander of the Amur Military District, Lieutenant Olsufyev on his mission to the Anadyr district in 1893]. Prilozhenie №10 «Priamurskih vedomostey» za 1894. Habarovsk, 1894. 7 p. [in Russian]

Korotkov – *Korotkov S.N.* Zhan-Batist Lesseps v Rossii [Jean-Baptiste Lesseps in Russia]. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhan-batist-lesseps-v-rossii.pdf> [in Russian]

Lessepsovo puteshestvie, 1801 – Lessepsovo puteshestvie po Kamchatke i po Yuzhnoy storone Sibiri. [Lesseps travel on Kamchatka and on the southern side of Siberia]. Perevod s francuzskogo. Chast' I. M.: Gubernskaya tipografiya u A. Resheshnikova. 209 p. [in Russian]

Obzor PO, 1891 – Obzor Primorskoy oblasti za 1889 g. [Survey of the Primorsky region for 1889]. Prilozhenie ko vsepoddanneyshemu otchetu. Krepost' Vladivostok: Tipografiya Primorskogo oblastnogo Pravlenniya, 1891. 32 p.; pril. 22 p. [in Russian]

Olsuf'ev, 1896 – *Olsuf'ev A.V.* (1896). Obschiy ocherk Anadyrskoy okrugi ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya [A general essay on the Anadyr region of its economic condition and life of the population]. SPb: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nak. 213 p., prilozh. [in Russian]

Puteshestvie Maydelya, 1894 – Puteshestvie po severo-vostochnoy chasti Yakutskoy oblasti v 1868–1870 godah barona Gervarda Maydelya [Journey through the northeastern part of the Yakutsk region in 1868–1870 by Baron Gervard Meidel]. Perevod s nemeckogo V.L. Bianki. Prilozhenie k LXXIV tomu zapisok Imperatorskoy Akademii nauk №3. SPb., 1894. 595 p. [in Russian]

Russkaya cerkov' na Kamchatke – Russkaya Cerkov' na Kamchatke [Russian Church in Kamchatka]. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' Oficial'nyy sayt Moskovskogo patriarhata [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/52576.html> [in Russian]

Russkiy biograficheskiy slovar', 1897 – Russkiy biograficheskiy slovar' [Russian biographical dictionary]. T.8. Ibak' – Klyucharev'. / pod nablyudeniem predsedatelya Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obschestva A.A. Polovceva. SPb.: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov, Mohovaya, 40., 1897. 756 p. [in Russian]

Sgibnev, 1869 – *Sgibnev A.S.* (1869). Ohotskiy port s 1649 po 1852 g. (Istoricheskiy ocherk) [Okhotsk port from 1649 to 1852 (Historical essay)]. Neoficial'nyy otdel. Morskoy sbornik. Izdavaemyy pod nablyudeniem Morskogo tehničeskogo komiteta uchenogo otdeleniya. Tom CV. №11. noyabr'. SPb. pp. 1–92. [in Russian]

Slyunin, 1900 – *Slyunin N.V.* (1900). Ohotsko-Kamchatskiy kray. Estestvenno-istoricheskoe opisanie. [Okhotsk-Kamchatka region. Natural historical description]. T. I. SPb.: Tip. A.S. Suvorina, 689 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet Duhovskogo, 1895 – Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Duhovskogo. 1893, 1894 i 1895 gody. [The most generic report of the Priamursky Governor-General, Lieutenant-General Duhovsky. 1893, 1894 and 1895]. SPb.: Tip Yu.N. Erlih, 1895. 172 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet Grodekova, 1901 – Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora generala ot infanterii N.I. Grodekova. 1898–1900 gody. [The most generic report of the Priamursky Governor-General of the General Infantry N.I. Grodekov. 1898–1900]. Habarovsk: Tipografiya kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1901. 148 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet Pobedonosceva, 1885 – Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K.P. Pobedonosceva po vedomstvu Pravoslavnogo veroispovedaniya za 1883 god. [The most generic report of the Chief Prosecutor of the Most Holy Synod, K.P. Pobedonostsev on the department of the Orthodox religion for 1883]. SPb.: Sinod. Tip-ya, 1885. 421 p. Prilozh. 127 p. [in Russian]

Vsepoddanneyshiy otchet Pobedonosceva, 1893 – Vsepoddanneyshiy otchet ober-prokurora Svyateyshego Sinoda K.P. Pobedonosceva po vedomstvu Pravoslavnogo veroispovedaniya za 1890–1891 gody. [The most generic report of the Chief Prosecutor of the Most Holy Synod, K.P. Pobedonostsev on the department of the Orthodox religion for the years 1890–1891]. SPb.: Sinod. Tip-ya, 1893. 511 p. Prilozh. 235 p. [in Russian]

Zapiski OIAK, 1893 – Zapiski obschestva izucheniya Amurskogo kraja [Notes of the society for the study of the Amur region]. Tom II. Anadyrskiy kray. Rukopis' zhitelya sela Markova G. D'yachkova. S predisloviem F.F. Busse. Vladivostok: Tipografiya Sibirskogo Flotskogo ekipazha, 1893. 158 p. [in Russian]

Zapiski PO IRGO, 1899 – Zapiski Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obschestva [Notes of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society]. T.V. Vyp. 1. Margaritov V. Kamchatka i ee obitateli. Habarovsk: Tipografiya kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora, 1899. 141 p. [in Russian]

Zuev, 1995 – *Zuev V.N.* (1995). K voprosu ob izuchenii tak nazyvaemoy «chukotskoy voyny» (30–70 gg. XVIII v.) [On the study of the so-called "Chukchi war" (30–70 years of the XVIII century.)]. Russkie pervoprophodcy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv. (Istoriko-arheologicheskie issledovaniya). T.2. / pod red. Artem'eva A.R. Vladivostok: IIAENDV, pp. 231–237. [in Russian]

К вопросу о миссионерской деятельности священников Русской православной церкви среди туземного населения Северо-Восточной Сибири в XVIII–XIX вв.

Александр Валентинович Алепко ^{a, *}

^aХабаровский государственный институт культуры, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность духовных миссий Русской православной церкви среди аборигенного населения Северо-Восточной Сибири в XVIII–XIX вв. Определена роль Охотска как изначального пункта российской православной миссии на берегах тихоокеанского побережья России. Показана роль православного духовенства в просвещении ительменов и курильских айнов, а также в строительстве церквей и часовен на Камчатском полуострове. Названы имена выдающихся духовных пастырей Русской православной церкви, начавших первыми православную проповедь среди аборигенов Дальнего Востока. Изучен вопрос строительства первых православных храмов на Чукотском полуострове. Раскрыты проблемные вопросы в деятельности православных священников среди кочевых племен чукчей и коряков Анадырской и Гижигинской территориальных округ. Показано значение первобытных верований: анимизма, тотемизма и фетишизма в повседневной жизни коренных жителей Северо-Восточной Сибири. Раскрыта особая роль племенных языческих жрецов – шаманов – в духовной и повседневной жизни народов Крайнего Севера. Приведены мнения российских и иностранных государственных лиц относительно влияния языческих верований на принявших православие туземцев. Определена роль православия в объединении аборигенных народов Севера российского Дальнего Востока и приобщении их к российской цивилизации.

Ключевые слова: инородцы, крещение, миссионеры, православие, священник, христиане, церковь, часовня, шаман, язычество.

* Корреспондирующий автор

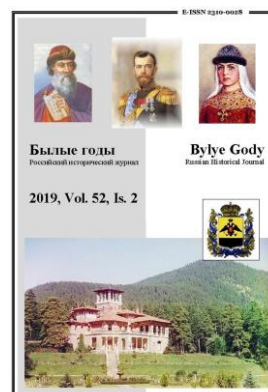
Адреса электронной почты: alexandr.alepko@yandex.ru (А.В. Алепко)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 513-522. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.513
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Pre-Revolutionary Historiography of Religious Policy of the Mongolian Empire

Gulzhan S. Bedelova ^{a, *}, Kalkaman T. Zhumagulov ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

The article is a historiographical review of pre-revolutionary works on religious policy of the Mongolian empire. The authors note that, despite the scarcity of works and their peculiarity, pre-revolutionary historians managed to solve number of complex tasks: more or less objective view on religious policies of Mongol khans has appeared; due to the implementation of sources into scientific circulation the critical view on problems has appeared; an understanding has emerged that the relations between Mongol khans and conquered people were not unequivocal; more sensible view on activities of Mongol rulers has appeared, including in the field of religious politics. But, nevertheless, as the authors show, on some issues there is still no comprehensive answer: origins and causes of the attitude of Mongolian conquerors to denominations of conquered people, reasons for religious tolerance, influence of religion of medieval Mongols on the state policy of the Mongolian empire in relation to different denominations, and so on.

Historiography is divided into three groups by the authors: review studies; special works devoted to the study of sources; works of church authors. Based on the analysis, features of the evaluation of Mongolian religious policy were determined by researchers. The approach of pre-revolutionary scientists to this problem has been clarified. Pre-revolutionary conceptual approach has been characterized and comparative analysis of religious policy of Mongols in the modern period has been carried out. It is shown that the conclusions of pre-revolutionary authors became the base for subsequent works in this direction. The authors attempt to show the continuity of scientific views and those aspects of this problem that have yet to be revealed.

Keywords: religious policy, toleration, the Mongolian empire, historiography, pre-revolutionary period, denominations, oriental studies.

1. Введение

Монгольский вопрос всегда был актуальной темой для исследований. Известно, что в советское время значительное количество трудов касалось монгольских завоеваний, последствий этих событий. Сегодня круг исследований расширился, больше внимания уделяется проблемам внутренней, повседневной жизни улусов, культуре, социальным отношениям, влиянию Монгольской империи на подвластные государства, вопросам религии.

Монгольская империя была полиэтническим и многоконфессиональным государством. Религиозная терпимость монголов редкое явление для средневекового общества, и этим она уникальна. Поэтому данный вопрос сегодня занимает умы многих специалистов: историков, востоковедов, политологов и др. Но интерес к данной проблеме не возник только сейчас, она была рассмотрена и прежде дореволюционными российскими учеными. Ими сделаны первые шаги анализа, оценки религиозной политики монголов, истолкование и использование источников. Интересен концептуальный подход этих исследователей к данной проблеме. Обобщая и осмысливая

* Corresponding author

E-mail addresses: gulzhanbedelova@gmail.com (G.S. Bedelova),
Kalkaman.Zhumagulov@kaznu.kz (K.T. Zhumagulov)

опыт, накопленный этими выдающимися учеными, мы не только можем узнать степень разработанности, но и выяснить слабоизученные стороны этой проблемы.

2. Материалы и методы

Источниковую базу данной статьи прежде всего составляют историографические источники – труды дореволюционных российских исследователей. Вместе с тем для успешного решения вопроса автором были рассмотрены летописные источники, опыт работы ориенталистов, изучавших восточные источники. Все это позволило нам понять концептуальные выводы исследователей.

В решении исследовательских задач применялся принцип историзма, который позволяет сделать объективный комплексный анализ дореволюционной историографии. Его реализация дает возможность рассмотреть изменения во взглядах дореволюционных авторов, когда приращение знаний, открытие новых источников, изменение общественно-политической среды, философских систем побуждало историков менять суждения, корректировать прежние представления.

Все вышесказанное предполагает применение и других методов в их совокупности и взаимосвязи: проблемно-хронологического, системно-структурного, историко-логического, сравнительно-исторического. Они служат ключом в освещении важных аспектов русской дореволюционной историографии религиозной политики монгольской империи.

3. Обсуждение

Одной из широко исследуемых проблем в мировой истории до сих пор остается вопрос монгольских завоеваний в Евразии и история образовавшихся здесь государств в рамках громадной империи Монголов. В течение долгих лет исследований религиозная политика Монгольской империи также изучалась и освещалась, но очень прерывисто. Заметный интерес в данном вопросе нынешние историографы проявляют к изучению науки советской эпохи, взглядов евразийцев, не отдавая должного внимания трудам дореволюционного периода.

Дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее, условно разделив на три группы: крупные обзорные исследования ([Карамзин, 1816](#); [Соловьев, 1993](#); [Ключевский, 1904](#)); специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников ([Фишер, 1755](#); [Григорьев, 1842](#); [Березин, 1850](#); [Веселовский, 1916](#); [Тизенгаузен, 1884](#); [Бартольд, 1918](#); [Гомбоев, 1859](#)); работы церковных авторов ([Макарий, 1885](#); [Соловьев, 1894](#); [Голубинский, 1900](#); [Приселков, 1916](#)). Труды дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих работ, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены их влиянию. Но в науке советского периода было мнение о противоположности до и послереволюционной историографии, когда было принято считать, что «дворянско-буржуазные» исследователи не в состоянии понять суть освободительных войн народов против захватчиков и тем более оценить вклад простых людей в эту борьбу. Была и точка зрения, что русская дореволюционная историография, «оказавшаяся не в состоянии преодолеть свойственные буржуазной исторической мысли ограниченности, формализма и методологической слабости, не была в состоянии осилить такую важную задачу» ([Петрушевский, 1952: 12](#)). И это был ограниченный взгляд, не учитывающий весомый вклад предшествующих поколений историков в эту проблему.

Анализ дореволюционной историографии проводил А.Н. Насонов. Ученый рассматривал основные идеи историков по монгольскому вопросу ([Архив РАН](#)). Необходимо назвать в этом плане и работу А.Ю. Якубовского ([Якубовский, 1953](#)). Несмотря на то, что им тоже была сделана типичная советская оценка научных взглядов некоторых дореволюционных историков, в целом его труд остается наиболее полным и объективным исследованием. К наиболее подробным работам советского периода можно отнести труды В.В. Каргалова, Н.С. Борисова и др. ([Каргалов, 1967](#); [Борисов, 1976: 129-130](#)). Нужно отметить активизацию в последнее время исследований в данном направлении. Это монография К.А. Соловьева ([Соловьев, 2001](#)), труды таких современных историков, как О.В. Лушников, Ф.Ф. Мухаметов, Э.О. Борисова, Р.Ю. Почекаев и др. ([Лушников, 2009: 330-338](#); [Мухаметов, 2006](#); [Борисова, 2012](#); [Почекаев, 2009: 106-113](#)). Но, учитывая значимость данной темы, можно сказать, что ныне нет комплексной, обобщающей историографической работы, охватывающей историю религиозной политики монгольских государств, в том числе вопросы религиозной терпимости монгольских правителей.

4. Результаты

В дореволюционный период началом научного исследования монгольской проблематики считается рубеж XVIII–XIX вв., то есть время становления русской исторической науки. В дореволюционной историографии можно выделить крупные обзорные исследования М.М. Щербатова, Н.И. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Уже тогда российские историки особо отмечали заметную веротерпимость монгольских завоевателей. Первый российский историограф Н.М. Карамзин, в своей книге передает слова Плано Карпини: «Что касается до их Закона, то они веруют в Бога, Творца Вселенной, награждающего людей по их достоинству; но приносят жертвы идолам, сделанным из войлока или шелковой ткани, считая их покровителями

скота; обожают солнце, огонь, луну, называя оную великою царицею, и преклоняют колена, обращаясь лицом к Югу; славятся терпимостию и не проповедают Веры своей; однако ж принуждают иногда Христиан следовать обычаям Могольским» (Карамзин, 1816). Далее, рассказывая об освобождении монголами русского духовенства от уплаты налогов во время переписи Северо-Восточной Руси в 1257 г., их поступок он называет «хитростью, достойной замечания» и объясняет причины этого действия: «узнав же власть духовенства над совестью людей, вообще усердных к вере, моголы старались задобрить его, чтобы оно не возбуждало россиян противоборствовать игу татарскому и чтобы хан тем спокойнее мог повелевать нами» (Карамзин, 1993: 198).

Еще один классик русской исторической науки, С.М. Соловьев, на основе подробного анализа и сравнения свидетельств католических монахов Плано Карпини и Вильгельма Рубрука с восточными источниками, говорит о «необыкновенной терпимости... относительно чуждых вероисповеданий» монгольского великого хана. «Терпимость эта была предписана законом: в самом семействе хана были христиане; на собственном иждивении содержал он христианских духовных греческого исповедания, которые открыто отправляли свое богослужение в церкви, помещавшейся перед большою его палаткою», – писал историк. Далее пишет автор: «...Перед ханом Мангу совершали службу сперва христианские несторианские духовные, потом муллы магометанские, наконец языческие жрецы» (Соловьев, 1993а). Ученый указал на законодательный характер религиозной снисходительности завоевателей – «устав» Чингисхана, то есть «Ясу». «По уставу Чингисхана и Октая (Угедая), подтвержденному впоследствии, – пишет С.М. Соловьев, – служители всех религий были освобождены от платежа дани» (Соловьев, 1993б).

Авторы данных трудов не считали нужным изучать мелкие, как они считали, обстоятельства. В трудах историка В.О. Ключевского оценки монгольского периода не так уж расходились с его предшественниками (Ключевский, 1904).

В дореволюционной историографии существуют также специальные труды, направленные на изучение источников, а также истории Золотой Орды и возникших на ее основе государств (Фишер, 1755: 421-450). Данный период не выделяется особым многообразием исторических подходов к исследованию Орды. Тем не менее к концу XIX – началу XX вв. вследствие внедрения в общенаучное обращение значительного количества источников и формирования методов исторического исследования сложилось представление о том, что история монгольских завоеваний, Золотой Орды, тюркского мира, их внешняя политика намного обширнее, чем до этого полагалось.

Отмеченная нами проблема нашла свое значительное место в трудах блестящего российского востоковеда, первого руководителя кафедры истории Востока в Петербургском университете В.В. Григорьева. Ученый обосновал важное значение для изучения истории взаимоотношений Золотой Орды и Руси такового оригинального источника, как ярлыки золотоордынских ханов русскому духовенству. Анализируя содержание ярлыков, Григорьев пишет, что дают они русскому духовенству права и преимущества, освобождают от пошлин, даней и повинностей, митрополитам обеспечивается право суда и расправы над всем духовенством и подведомственными людьми, право распоряжаться церковным и монастырским имуществом. Говоря о политике правителей Золотой Орды по отношению к поработанным ими народам и их религиям, он акцентировал внимание на полной веротерпимости завоевателей. А за все эти преимущества, даруемые духовенству, ханы лишь просят возносить молитву за себя и благосостояние собственного семейства и племени, констатирует исследователь (Григорьев, 1842а: 27).

Ища причины веротерпимости монголов, В.В. Григорьев спрашивает себя о том, как правители Золотой Орды, исповедуя ислам, покровительствовали христианству, к тому же подчеркивал он, что все это делалось не только без выгоды, но и в ущерб ханской казне. Сравнивает ученый их отношение к вере с притеснениями христиан вообще в Азии со стороны мусульманства, приводит в пример русские летописи, где сказано о мученической смерти русских князей от рук тех же ханов за твердость в своей вере. Подвергает сомнению содержание ярлыков. Рассуждая о целях такой политики, он сомневается в существовании ярлыков во время монгольского владычества, говоря, что они могли появиться в более позднее время с целью подвинуть своих же царей на ту же высокую благосклонность, которая оказывалась со стороны ханов. Но, включая свой трезвый и объективный взгляд, ученый-ориенталист себе же отвечает «нет», доказывая это тем, что за много лет своего существования в целом духовенство России показало свою честность (Григорьев, 1842б: 30-31).

В России ярлыками пользовались и потом, после упадка монгольского владычества. Об этом также говорит В.В. Григорьев, подтверждая свои слова другими источниками. Карамзин и другие исследователи в своих трудах пытались растолковать такую религиозную политику монгольских ханов, но, как указывает Григорьев, «вместо того, чтобы отыскивать ее причины, их придумывали, вместо того, чтобы проникнуть основательно в сущность дела, ограничивались предположениями без доказательств и противоречили сами себе» (Григорьев, 1842с: 31-32).

Ученый предполагает, что причина покровительства, веротерпимости монголов политическая, то есть, учитывая влияние духовенства, церкви на народ, они предпочитали с ними дружить, превратив их в своих заступников. Но далее, сомневаясь в умственных способностях золотоордынских ханов, Григорьев отгоняет эту мысль и приходит к мнению, что такая умная, но в то же время простая

политика не могла прийти им в голову. По мнению Григорьева, из истории правления монголами Русью видно, что они не были хитрыми, дальновидными, потому как допускали элементарные ошибки: позволили усилиться московским князьям, способствовали соединению Руси, когда она была раздроблена. Он считает, что настоящая причина в другом: «отсутствие в них религии, а вследствие того и всякой религиозной ревности, величайшая веротерпимость и вместе с тем беспредельное суеверие» (Григорьев, 1842d: 32-33).

Ученый отмечает, что национальной религии у монголов не было, а поклонялись они «Высочайшему Существу, (которое, равно, как и небо, они означали словом Тенгри)» – и дальше продолжает Григорьев – «...у них был тот род религии, который некогда существовал у всех средне- и северо-восточных Азийских народов, и ныне называется шаманством, которого держатся еще и теперь все дикари северной Азии...» (Григорьев, 1842e: 34). Тут нужно сказать, что автор этих строк недооценил «черную религию» монголов, которая служила политико-религиозной идеологией для них. Это отмечают и современные исследователи: «Небо (Тенгри) – «безначальное, несотворенное, создатель всего сущего, владыка мира; оно определяет судьбы человека, санкционирует государственную власть» (Неклюдов, 1992: 171). О том, что важнейшей составляющей жизни монголов, их понимания окружающего мира являлась безусловная вера в сакральность, присущая этому миру, то есть пропитанность его неким божественным духом, говорит и Т.Д. Скрынникова (Скрынникова, 1997).

Историк-ориенталист Григорьев обращает внимание и на личность Чингисхана, называет его «чем-то вроде пророка» для соплеменников. В оценке ученого его приказы и слова были самыми святыми, почти религиозными догматами. Недооценивая ситуацию с шаманизмом или тенгрианством, ученый тем не менее указывает, что все предписания Чингисхана, основанные большей частью на древних обычаях и суевериях монголов, собраны были в одну книгу (имеется в виду Яса). Также он отмечает, что в соответствии с этими законами все преемники Чингисхана покровительствовали равно всем религиям. Приводя свидетельства путешественников и западных, и восточных, Григорьев пишет о диспутах, которые устраивали монгольские ханы, как они, придерживаясь одной религии, покровительствовали другой. Тщательно анализируя всю эту ситуацию, Григорьев заключает, что принятие религии было для них мерой политической, а не делом убеждения (Григорьев, 1842f: 41). На основе сравнительно-сопоставительного анализа различных источников историк выявляет следующие моменты: религия служила для них только средством для исполнения замыслов честолюбия. Законы Чингисхана (касательно веры тоже) пользовались слишком большим уважением, чтобы нарушать их (Григорьев, 1842g: 46). Таким образом, ученый приходит к мнению, что причина веротерпимости монгольских правителей – политическая, но не в том плане, что они дальновидные политики, а в том, что они имели законодательное основание (Ясу) для веротерпимости. Законодательное основание веротерпимости монгольских завоевателей подчеркивает, как мы уже отметили, и С.М. Соловьев, но Григорьев делает это более глубже.

Историк утверждает, что ханы Золотой Орды не были яркими приверженцами ислама, ярлыки, данные русскому духовенству, не были чем-то необыкновенным, исключительным, а было это проявлением общего закона толерантности в вере, покровительством всех вероисповеданий. В этой своей точке зрения он отмечает, что это предписание Чингисхана соблюдалось его потомками везде (Григорьев, 1842h: 53).

В связи с этим, согласно Григорьеву, можно заключить, что ключевым для понимания данных процессов является правитель монголов, в конкретном случае – Чингисхан (правда, прямо на это Григорьев не указывает), а все остальные его преемники просто исполнители его волю, слова, законы. И главной движущей силой разных процессов, в том числе и дальновидной, хитрой религиозной политики, является тоже он. Похожего мнения придерживается и современный историк Т.Д. Скрынникова, говоря о харизме Чингисхана (Скрынникова, 1997).

Ученый в своей книге раскрывает еще одну сторону проблемы, то есть гибель русских князей за веру при высокой веротерпимости монголов. Объясняет он это так: «... смертная казнь назначалась там наказанием за хулу всякой религии, а не одной христианской, следственно и за хулу магометанской. За что на примере замучен в Орде Роман Ольгович Рязанский? За то, что хулил закон Магометов, говорят летописи; по понятиям же Монголов, наказывать за хулу одной веры было совсем не то, что за приверженность к другой. Тут есть большая разница» (Григорьев, 1842i: 55-56). Таким образом, историк заключает, что убивали князей в Орде не за приверженность христианству, не из-за мусульманского фанатизма, а за то, что ослушались закона (не принижать и ругать другие религии), казнили их за политические преступления как изменников и бунтовщиков. Но при этом он также отмечает, что жертвы князей были благородными, были вызваны от большой любви к родине. Насчет грабежей монголами церквей и монастырей пишет: «Это имело место в военное время, во владениях ослушных князей, а когда надлежало наказывать ослушных, то, по Чингисовым же законам, Монголы ничего не должны были щадить» (Григорьев, 1842j: 57).

В доказательстве достоверности ярлыков, актов как источников заслуга В.В. Григорьева велика. Он одним из первых показал важность изучения этих источников для исследования разных сторон монгольского Средневековья, включая религиозную политику монголов. Потому как такие

исследования посвящены конкретным проблемам, то их исторические воззрения оказывались основательнее и подразумевали всесторонний, глубокий анализ большого количества мелочей, которые прежде никак не притягивали интерес исследователей. Эти труды дают понять причины определенных действий монгольских правителей.

Вместе с работами В.В. Григорьева особо выделяющимися являются специальные труды И.Н. Березина, которые относятся к устройству Улуса Джучи (Березин, 1850а). Исследовав и опубликовав ряд ярлыков золотоордынских ханов, отмечая их «как прекрасные источники для Истории Золотой Орды», Березин продемонстрировал великолепное знание данной темы, проанализировал внутреннюю структуру государства и сделал акцент на кочевом характере Золотой Орды. Касательно религии в примечаниях он пишет: «Гказы муфти-ларигга мышаиххъ суфи-ларигга». Это духовные мусульманские звания упоминаются в первый раз в ярлыке Узбека, где они переведены как «книжник, уставодержательник и учительный людской», по-видимому, с некоторыми изменениями. Несмотря на то, что мусульманские ханы Золотой Орды старались поддерживать веротерпимость, сообразно древнему вероучению монголов, мусульманское духовенство, по-видимому, пользовалось в Орде некоторыми особыми правами, потому что духовные лица ислама находятся, и притом на почетном месте, между должностями и званиями Золотой Орды. Так как в Орде было свое управление, то перевод титула «кази», означающего духовного судью, словом «книжник» в Узбековом ярлыке должен быть правилен, и звание кази в Золотой Орде давало право лишь на решение духовных дел, так как муфти должен был заботиться лишь о духовном наставлении своей паствы: вмешательство в общественные и политические события не видно и не допускалось» (Березин, 1851: 27).

Исследуя историю Золотой орды, Березин подходил к этому вопросу в соответствии с идеалистическими принципами методологии того времени. Историк рассмотрел первоначально строение государственного механизма, систему рангов. Научная прозорливость ученого позволила ему сделать несколько ценных обобщений, которые имели высокое научное внимание. Так, описывая общую таблицу ордынских чинов и податей на основе перевода тарханных ярлыков, данных ханами духовенству, Березин писал: «Обычай давать за услуги разные привилегии существовал во всех Чингизидских владениях, и о тарханах говорят все европейские путешественники, посещавшие монгольских императоров, именуя их баронами. На освобождение от податей и налогов давались особенные ярлыки, формою вообще сходные: сначала идет исчисление чинов, к которым Хан обращается с своею заповедью, а потом исчисляются тарханные привилегии. Русское духовенство постоянно получало от ордынских ханов тарханные ярлыки, коих подлинники утрачены, а сохранились лишь переводы». Далее говоря о последствиях монгольского влияния, историк пишет: «Обычай тарханных льгот перешел и в Россию: как на образец Русской тарханной грамоты можно указать на ружную грамоту Василия Иоанновича священно- и церковно-служителям Волоколамского Воскресенского собора, в которой исчисляются разные Русские подати и налоги... Начало уничтожения тарханных льгот в России сделано около 1549 года; при Федоре Иоанновиче повелено временное уничтожение. Алексей Михайлович отменил тарханство в 1672 г.; окончательно же тарханская льгота уничтожена в России Петром Великим» (Березин, 1850b: 5-6).

Историк полагал, что для наиболее углубленного представления золотоордынской истории, выявления сущности, обнаружения особенностей взаимоотношений кочевых и оседлых культур нужно последующее, детальное изучение этой темы. Работа Березина, невзирая на некоторые моменты, связанные с методологией, играют важную роль в развитии данной проблематики. Собранный и изученный ученым огромный фактический материал свидетельствует о его важном вкладе в науку в дореволюционный период.

Свою немалую лепту в эту проблему внес Н.И. Веселовский, исследовавший тему монгольского влияния. Известный ученый, работая в Петербургском университете, подготовил курс лекций о монгольских завоеваниях, написал статьи о религии монголов, для этого использовал источники, в частности русские летописи (Веселовский, 1916: 81-101; 1917). В этих трудах он, сопоставляя летописи и восточные источники, истолковал монгольский политизм. Религиозную политику монгольских ханов ученый толковал так: «освобождение русского духовенства, как и всякого другого, от податей и повинностей исходило у монгольских ханов из страха перед колдовством, которым обладали, по мнению монголов, все церковнослужители, почему и надо было их задобрить. Все церемонии при дворе ханов, обязательные для русских князей, основывались на шаманских верованиях» (Веселовский, 2010: 99). Данные работы были добротными, достаточно обоснованными, практически опирающимися на первоисточники, но, потому как были посвящены узкопрофильным темам, некоторое время не так уж широко были известны.

Огромный вклад в изучение истории Золотой Орды был сделан крупнейшим востоковедом, археологом, нумизматом В.Г. Тизенгаузенем. Составленный ученым «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды» и сегодня остается наиболее ярким и полным изданием письменных источников (Тизенгаузен, 1884а).

Не желая ограничиваться только арабскими авторами, Тизенгаузен подготовил подборку извлечений и из персидских авторов средневекового периода, но это работа, пролежав долгое время в

архивах, вышла в свет только в 1941 году. Труд выдающегося ученого исключителен тем, что ранее такие работы просто не издавались. Понимая необходимость поиска и выявления еще большего количества источников по истории Золотой Орды, Тизенгаузен не соглашался с мнением В.В. Григорьева о том, что нет надежды на успех в дальнейших поисках новых материалов в этом направлении и только золотоордынская нумизматика может пролить свет на эти исследования (Тизенгаузен, 1884b: XIII). Сборники В.Г. Тизенгаузена и сегодня являются платформой, на которой строится любое исследование монгольской, золотоордынской истории как в нашей стране, так и за рубежом. Мотивируя современных исследователей к глубокому изучению данной темы, поиску и включению в научный оборот еще новых источников, двухтомник ученого опять доказывает свою уникальность.

К отмеченному нами периоду относятся фундаментальные труды В.В. Бартольда, который изучил большой массив арабских, персидских источников. Из числа трудов знаменитого ориенталиста, время работы которого относится на до- и послереволюционный период, можно выделить целый ряд исследований по нашей теме. Бартольд подходил к рассмотрению истории в контексте глобальных процессов, делал очень глубокие сравнительно-сопоставительные анализы, писал свои труды беспристрастно и добросовестно. В исследованиях ученого затрагивается вопрос о столкновении исламской цивилизации с монгольским фактором. Несколько статей В.В. Бартольда посвящены монгольской империи в Средневековье и ее ханам: Сартаку, Берке, Бату – вместе с тем значительный акцент он сделал на конфессиональную особенность данных правителей (Бартольд, 1918). В послереволюционных исследованиях ученый систематически касался вопроса конфессиональной жизни Орды и некоторых других монгольских государств (Бартольд, 1963).

Значительных достижений в исследовании темы религии достиг талантливый востоковед, этнограф Д. Банзаров. Его перу принадлежит объемный труд о монгольском шаманизме (Банзаров, 1955), его работы до сих пор остаются актуальными. Многие его теоретические формулировки получили высокую оценку. На его труды исследователи ссылаются и сейчас. Определенным хронологическим периодом исследование ученого не было разграничено, и тем не менее вполне допустимо использование его умозаключений касательно религии монголов XIII–XIV вв. Данные, которые ученый использовал в своих трудах, многообразны. Входят туда рукописи, этнографические наблюдения, письменные источники и др.

Банзаров высказал интересные мысли о происхождении шаманства: «Черная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир – природа, внутренний мир – дух человека, и явления того и другого – вот что было источником черной веры» (Банзаров, 1955a: 52). По мнению ученого, суть черной веры – это поклонение небу, земле, огню, онгонам, душам умерших людей. А функция шамана во всем этом быть «жрецом, врачом, и волхвом или гадателем» (Банзаров, 1955b).

Этнограф, крупный знаток жизни и быта монгольских народов Галсан Гомбоев, поясняя сведения итальянского францисканца Плано Карпини о некоторых монгольских обычаях и верованиях, в свою очередь сравнил их с обычаями современных бурятов и монголов (Гомбоев, 1859). Галсан Гомбоев стал известным ученым в одном из ключевых направлений развития монголоведения – изучении и переводе источников. Источники, с которыми работал ученый, позволяли ему рассматривать разные аспекты монгольской истории, что было свойственно ориенталистике первой половины XIX в.

Монгольский период в истории Руси была значимой темой и для русской церкви дореволюционного периода. Митрополит Макарий (Булгаков) в своем фундаментальном труде «История русской церкви» исследовал состояние церкви, духовенства, привилегии, данные русской церкви в эпоху монгольского владычества. Он отмечал, что монголы отличались веротерпимостью, так как руководствовались Ясой, «Книгой запретов». Грабеж и разорение церквей он объясняет тем, что это соответствовало их закону, понятиям о войне и никак не шло в противовес их веротерпимости в мирной жизни (Макарий, 1885: 116-119). Рассказывая о значении льгот, данных русской церкви монгольскими ханами, Макарий подчеркивает: «И если монгольские ханы в своих ярлыках русскому духовенству предоставляли льготы и нашим монастырям, то отнюдь не новые, которыми бы прежде они не пользовались» (Макарий, 1886).

Свою лепту в расширение данной темы внес священник Н.А. Соловьев. В своем труде об истории Сарайской и Крутицкой епархии, он, обращая внимание на данные русских источников о сарайских епископах, определяет период их властвования (Соловьев, 1894). Его труд является наиболее подробным исследованием по истории Сарайской епархии, остающийся таким и поныне.

Замечательный ученый, историк Е.Е. Голубинский в своем труде «История русской церкви» подробно остановился на истории взаимоотношений правителей Золотой Орды и русской церкви. Е.Е. Голубинский в своем труде так же, как и В.В. Григорьев, отмечает, что во время войны со стороны монголов государство терпело огромные бедствия и церковь в этом плане не была исключением. Но после завоевания ситуация изменилась: монголы стали к вере и духовенству русских очень терпимы. «Таким образом», – заключает он, – «этот Бич Божий (Чингисхан), обрушившийся на наше отечество, не явился по крайней мере бичом для церкви» (Голубинский, 1900a: 17). Ученый

правильно раскрыл и то, что в терпимости монголы не делали исключение русской вере, политика монголов была одинакова к вере любого покоренного народа. Крайне интересными являются рассуждения Голубинского о причинах веротерпимости монгольских правителей, он отмечает три: 1. Монголы являются язычниками, а потому верят, что все религии одинаковы и исходят от одного бога. 2. Вторая причина политическая. То есть, глубокая убежденность Чингисхана в своей богоизбранности для покорения всего мира и создания единого государства. А в этом едином государстве не должно было быть религиозного недружелюбия, и утверждалась это Ясой. Преемники Чингисхана, соблюдая эту политику, не только проявляли терпимость, но и вели себя так, что последователи каждой веры считали, что они на их стороне. 3. Третья причина – суеверие. Считали, что шаманы обладают сверхъестественными силами, как и все служители всяких разных вер. Поэтому, уважая и где-то даже боясь их, старались умиловить и всячески показать, что принадлежат ко всем конфессиям (Голубинский, 1900b: 19-20).

Ученый привел свое объяснение ханских ярлыков, которые являются очень значимыми в исследовании этой темы. Нужно сказать, что такие труды сбрасывать со счетов никак нельзя. Безусловно, в них содержатся недочеты, свойственные тому времени, но это основательные работы, в которых задействован огромный пласт источников, и пользоваться ими необходимо.

Из числа работ дореволюционного периода следует отметить солидный труд М.Д. Приселкова, посвященный такому немаловажному вопросу, как ярлыки золотоордынских правителей русским митрополитам. Проведя глубокий анализ текстов и источниковедческую оценку, ученый ввел в научный оборот этот своеобразный, весьма непростой документ (Приселков, 1916a). Им была разработана грамота Менгу-Тимура, данная безымянному митрополиту. Эта грамота, как пишет автор, разъясняет положение церкви в отношении ханской власти. Приселков сообщает: «Он (Менгу-Тимур) признал неприкосновенность церковных недвижимостей с требованием к своим чиновникам о возвращении захваченного...; под страхом смерти оградил от хулы веру и предметы культа от порчи и захвата; определил точный состав церковного общества, освобожденного от повинностей; ...Грамота заключена ссылкой на «великую ясу», по которой нарушителям церковных льгот, какое бы высокое положение они ни занимали, грозит смерть» (Приселков, 1916b: 85).

Рассказывая о преимуществах, данных монгольскими ханами церкви, М.Д. Приселков считает, что это во многом не могло защитить церковь от нападков светских владетелей, а все это вело в свою очередь к борьбе между митрополитами и князьями, которые пытались периодически захватить богатства церкви (Приселков, 1916c: 35-36).

Невзирая на немногочисленность трудов и их специфичность, можно сказать, что дореволюционным историкам удалось решить ряд сложных задач: сформировался более или менее объективный взгляд на религиозную политику монгольских ханов; в связи с внедрением в научный оборот большого количества разных источников сформировался критический взгляд на проблему; возникло понимание того, что взаимоотношения монгольских ханов с покоренными народами не были однозначными; появились методы изучения истории (позитивизм); сложился более спокойный взгляд на деятельность монгольских правителей, в том числе и в области религиозной политики. Но тем не менее по некоторым вопросам данной проблемы до сих пор нет исчерпывающего ответа: истоки и причины отношения монгольских завоевателей к конфессиям покоренных народов, причины веротерпимости, роль Ясы в этом вопросе как законодательной базы, влияние религии средневековых монголов на государственную политику Монгольской империи в отношении к различным конфессиям и т.д.

5. Заключение

Таким образом, дореволюционная историография разнообразна, не представляет собой единого целого. Мы рассмотрели ее, условно разделив на три группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные исследованию, переводу источников; работы церковных авторов. Проанализировав данные работы, определили особенности оценки монгольской религиозной политики исследователями. Выяснили подход дореволюционных ученых к проблеме. Охарактеризовали дореволюционный концептуальный подход и провели сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Умозаключения дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении, мнения и гипотезы многих современных авторов тоже подвержены влиянию этих работ. Поэтому мы попытались показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет программно-целевого финансирования Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (BR05233709 «История и культура Великой степи»).

Литература

Архив РАН – Архив Российской академии наук. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 92. Тезисы к диссертации А.Н. Насонова «Монголы и Русь. История татарской политики на Руси».

- Банзаров, 1955** – *Банзаров Д.* Черная вера или шаманство у монголов / Собрание сочинений. Москва, 1955.
- Бартольд, 1918** – *Бартольд В.В.* Культура мусульманства. Общий очерк. Петроград, 1918.
- Бартольд, 1963** – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // *Writings*. Т. 1. Москва, 1963.
- Березин, 1850** – *Березин И.Н.* Внутреннее устройство Золотой Орды: (по ханским ярлыкам). СПб., 1850.
- Березин, 1851** – *Березин И.Н.* Тарханные ярлыки Тохтамышша, Тимур-Кутлука и Салдет-Гирея. Казань, 1851.
- Борисов, 1976** – *Борисов Н.С.* Отечественная историография о влиянии татаро-монгольского нашествия на русскую культуру // *Проблемы истории СССР*. Москва, 1976. Вып. V. С. 129-130.
- Борисова, 2012** – *Борисова Э.О.* Культ обоо в трудах отечественных исследователей // *Современные научные исследования: электронный научный журнал*. 2012. № 10.
- Веселовский, 1916** – *Веселовский Н.И.* Рецензия на книгу М.Д. Приселкова «Ханские ярлыки русским митрополитам» // *Журнал Министерства народного просвещения*. Петроград, 1917. № 3-4.
- Веселовский, 2010** – *Веселовский Н.И.* О религии татар по русским летописям // *Труды по истории Золотой Орды*. Казань, 2010.
- Голубинский, 1900** – *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. 2. Ч. 1. СПб., 1900.
- Гомбоев, 1859** – *Гомбоев Г.* О древних монгольских обычаях и суевериях, описанных у Плано Карпини // *Труды Восточного отделения Имп. Археологического общества*. СПб., 1859. Ч. 4. Вып. 1. С. 236-256.
- Григорьев, 1842** – *Григорьев В.В.* О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой Орды русскому духовенству. Историко-филологические исследования. Москва, 1842.
- Карамзин, 1816** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. Гл. 1. СПб., 1816.
- Карамзин, 1993** – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Москва, 1993.
- Каргалов, 1967** – *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития Феодальной Руси. Москва, 1967.
- Ключевский, 1904** – *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904.
- Лушников, 2009** – *Лушников О.В.* Монгольская империя в историографии XVIII–XX вв. Казань, 2009. 116 с.
- Макарий, 1885** – *Макарий* (Булгаков М.П.). История русской церкви. В период постепенного перехода ее к самостоятельности 1240–1589. Т. IV. СПб., 1885.
- Макарий, 1885** – *Макарий* (Булгаков М.П.). История русской церкви. В период монгольский. Т. V. СПб., 1886.
- Мухаметов, 2006** – *Мухаметов Ф.Ф.* Отечественная историография монгольских завоеваний и Золотой Орды (XIII–XIV вв.). Челябинск, 2006.
- Неклюдов, 1992** – *Неклюдов С.Ю.* Монгольских народов мифология // *Мифы народов мира: Энциклопедия*. Т. 2. Москва, 1992.
- Петрушевский, 1952** – *Петрушевский И.П.* Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. М.-Л., 1952.
- Почакаев, 2009** – *Почакаев Р.Ю.* Вторая империя Монголов: притязания и действительность // *Монгольская и российская историография Великой Монгольской империи*. Улан-Батор, 2009. С. 106-113.
- Приселков, 1916** – *Приселков М.Д.* Ханские ярлыки русским митрополитам. Пг., 1916.
- Скрынникова, 1997** – *Скрынникова Т.Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. Москва, 1997.
- Соловьев, 1894** – *Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархии. Материалы, собранные священником Н.А. Соловьевым // *Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских*. 1894. Кн. 3. С. 1-226.
- Соловьев, 1993** – *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 3. Гл. 2. Москва, 1993.
- Соловьев, 2001** – *Соловьев К.А.* Дело власти: отечественные истории о властных отношениях в Древней и Средневековой Руси (IX – перв. пол. XV вв.). Москва, 2001.
- Тизенгаузен, 1884** – *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. 1. XVI. СПб., 1884.
- Фишер, 1755** – *Фишер И.* О народе и имени татарском, также о древних Могольцах и их языке // *Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие*. СПб., 1755. С. 421-450.
- Якубовский, 1953** – *Якубовский А.Ю.* Из истории изучения монголов периода X–XIII вв. Москва, 1953.

References

- Архив РАН** – *Архив Rossiiskoi akademii nauk*. [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 1547. Op. 1. D. 92. Abstracts for the thesis of A.N. Nasonov «Mongols and Rus. The history of the Tatar policy in Russia». [in Russian]
- Banzarov, 1955** – *Banzarov D.* (1955). Chernaya vera ili shamanstvo u mongolov [Black faith or shamanism among the Mongols]. *Sobranie sochinenii*. M. [in Russian]

- Bartol'd, 1918** – *Bartol'd V.V.* (1918). Kul'tura musul'manstva. Obshchii ocherk. [Culture of Islam. General essay]. Petrograd. [in Russian]
- Bartol'd, 1963** – *Bartol'd V.V.* (1963). Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya [Turkestan in the era of the Mongol invasion]. Sochineniya. T.1. M. [in Russian]
- Berezin, 1850** – *Berezin I.N.* (1850). Vnutrennee ustroistvo Zolotoi Ordy: (po khanskim yarlykam). [The internal structure of the Golden Horde: (according to Khan labels)]. SPb. [in Russian]
- Berezin, 1851** – *Berezin I.N.* (1851). Tarkhanye yarlyki Tokhtamysha, Timur-Kutluka i Saldet-Gireya. [Tarkhan labels of Tokhtamysh, Timur-Kutluk and Saldet-Giray]. Kazan'. [in Russian]
- Borisov, 1976** – *Borisov N.S.* (1976). Otechestvennaya istoriografiya o vliyani tataro-mongol'skogo nashestviya na russkuyu kul'turu [National historiography on the influence of the Tatar-Mongol invasion on Russian culture]. Problemy istorii SSSR. M. Vyp. V. pp. 129-130. [in Russian]
- Borisova, 2012** – *Borisova E.O.* (2012). Kul't obooo v trudakh otechestvennykh issledovatelei [Cult obo in the writings of national researchers]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal* №10. [in Russian]
- Fisher, 1755** – *Fisher I.* (1755). O narode i imeni tatarskom, takzhe o drevnikh Mogol'tsakh i ikh yazyke [On the people and the name of the Tatar, as well as the ancient Mogolians and their language]. Ezhemesyachnye sochineniya k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. SPb. pp. 421-450. [in Russian]
- Golubinskii, 1900** – *Golubinskii E.E.* (1900). Istoriya russkoi tserkvi [History of the Russian Church]. T. 2. Ch. 1. SPb. [in Russian]
- Gomboev, 1859** – *Gomboev G.* (1859). O drevnikh mongol'skikh obychayakh i sueveriyakh, opisannykh u Plano-Karpini [About the ancient Mongol customs and superstitions described in Plano-Carpini]. Trudy Vostochnogo otdeleniya Imp. Arkheologicheskogo obshchestva. SPb., 1859. Ch. 4. Vyp. 1. pp. 236-256. [in Russian]
- Grigor'ev, 1842** – *Grigor'ev V.V.* (1842). O dostovernosti yarlykov, dannykh khanami Zolotoi Ordy russkomu dukhovenstvu. Istoriko-filologicheskie issledovaniya. [On the credibility of the labels given by the khans of the Golden Horde to the Russian clergy. Historical and philological studies]. M. [in Russian]
- Karamzin, 1816** – *Karamzin N.M.* (1816). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. T.4. Gl. 1. SPb. [in Russian]
- Karamzin, 1993** – *Karamzin N.M.* (1993). Istoriya gosudarstva Rossiiskogo [History of Russian Government]. M. [in Russian]
- Kargalov, 1967** – *Kargalov V.V.* (1967). Vneshnepoliticheskie faktory razvitiya Feodal'noi Rusi. [Foreign policy factors of development of Feudal Russia]. M. [in Russian]
- Klyuchevskii, 1904** – *Klyuchevskii V.O.* (1904). Kurs russkoi istorii. [Russian history course]. SPb. [in Russian]
- Lushnikov, 2009** – *Lushnikov O.V.* (2009). Mongol'skaya imperiya v istoriografii XVIII–XX vv. [Mongolian empire in historiography of the XVIII – XX centuries]. Kazan'. 116 p. [in Russian]
- Makarii, 1885** – *Makarii* (Bulgakov M.P.). (1885). Istoriya russkoi tserkvi. V period postepen'nogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti 1240–1589. [History of the Russian Church. In the period of its gradual transition to independence 1240–1589]. T. IV. SPb. [in Russian]
- Makarii, 1885** – *Makarii* (Bulgakov M.P.). (1885). Istoriya russkoi tserkvi. V period mongol'skii. [History of the Russian Church. In the Mongolian period]. T. V. SPb. [in Russian]
- Mukhametov, 2006** – *Mukhametov F.F.* (2006). Otechestvennaya istoriografiya mongol'skikh zavoevanii i Zolotoi Ordy (XIII-XIV vv.) [National historiography of the Mongol conquests and the Golden Horde (XIII-XIV centuries)]. Chelyabinsk. [in Russian]
- Neklyudov, 1992** – *Neklyudov S.Yu.* (1992). Mongol'skikh narodov mifologiya [Mongolian peoples mythology]. Mify narodov mira: Entsiklopediya. T. 2. M. [in Russian]
- Petrushevskii, 1952** – *Petrushevskii I.P.* (1952). Rashid ad-Din. Sbornik letopisei. [Rashid ad-Din. Collection of chronicles]. T. 1. M.- L. [in Russian]
- Pochekaev, 2009** – *Pochekaev R.Yu.* (2009). Vtoraya imperiya Mongolov: prityazaniya i deistvitel'nost' [The Second Empire of the Mongols: Claims and Reality]. Mongol'skaya i rossiiskaya istoriografiya Velikoi Mongol'skoi imperii. Ulan-Bator, pp. 106-113. [in Russian]
- Priselkov, 1916** – *Priselkov M.D.* (1916). Khanskie yarlyki russkim mitropolitam [Khan labels to Russian metropolitans]. Pg. [in Russian]
- Skrynnikova, 1997** – *Skrynnikova T.D.* (1997). Kharizma i vlast' v epokhu Chingis-khana [Charisma and power in the era of Genghis Khan]. M. [in Russian]
- Solov'ev, 1894** – *Solov'ev H.A.* (1894). Saraiskaya i Krutitskaya eparkhii. Materialy sobrannye svyashchennikom N.A. Solov'evym [Saray and Krutitsy dioceses. Materials collected by priest N.A. Solovyov]. Chteniya v Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh Kn. 3. pp. 1-226. [in Russian]
- Solov'ev, 1993** – *Solov'ev S.M.* (1993). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [History of Russia since ancient times]. T. 3. Gl. 2. M. [in Russian]
- Solov'ev, 2001** – *Solov'ev K.A.* (2001). Delo vlasti: otechestvennye istoriki o vlastnykh otnosheniyakh v Drevnei i Srednevekovoi Rusi (IX – perv. pol. XV vv.). [The case of power: Russian historians about power relations in Ancient and Medieval Russia (9th-first half of the 15th centuries)]. M. [in Russian]

Tizengauzen, 1884 – *Tizengauzen V.G.* (1884). Sbornik materialov, odnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy. Izvlecheniya iz sochinenii arabskikh. [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde. Extracts from Arab writings]. T.1. XVI. SPb. [in Russian]

Veselovskii, 1916 – *Veselovskii N.I.* (1917). Retsenziya na knigu M.D. Priselkova «Khanskie yarlyki russkim mitropolitam» [Book review md Priselkova "Khan labels to Russian metropolitans"]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Petrograd, № 3-4. [in Russian]

Veselovskii, 2010 – *Veselovskii N.I.* (2010). O religii tatar po russkim letopisyam [On the religion of the Tatars in the Russian chronicles]. *Trudy po istorii Zolotoi Ordy*. Kazan'. [in Russian]

Yakubovskii, 1953 – *Yakubovskii A.Yu.* (1953). Iz istorii izucheniya mongolov perioda X-XIII vv. [From the history of the study of the Mongols of the period X-XIII centuries]. M. [in Russian]

Русская дореволюционная историография религиозной политики монгольской империи

Гульжан Сейдуалиевна Беделова ^{a,*}, Калкаман Турсунович Жумагулов ^a

^a Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. Статья представляет собой историографический обзор дореволюционных трудов, посвященных религиозной политике монгольской империи. Авторы отмечают, что, невзирая на немногочисленность трудов и их специфичность, дореволюционным историкам удалось решить ряд сложных задач: сформировался более или менее объективный взгляд на религиозную политику монгольских ханов; в связи с внедрением в научный оборот источников сформировался критический взгляд на проблему; возникло понимание того, что взаимоотношения монгольских ханов с покоренными народами не были однозначными; сложился более спокойный взгляд на деятельность монгольских правителей, в том числе в области религиозной политики. Но тем не менее, как показывают авторы, по некоторым вопросам до сих пор нет исчерпывающего ответа: истоки и причины отношения монгольских завоевателей к конфессиям покоренных народов, причины веротерпимости, влияние религии средневековых монголов на государственную политику Монгольской империи в отношении к различным конфессиям и т.д.

Историография автором условно разделена на три группы: обзорные исследования; специальные труды, посвященные изучению источников; работы церковных авторов. На основе анализа определены особенности оценки монгольской религиозной политики исследователями. Выяснен подход дореволюционных ученых к данной проблеме. Охарактеризован дореволюционный концептуальный подход и проведен сравнительный анализ религиозной политики монголов в современный период. Показано, что умозаключения дореволюционных авторов стали фундаментом для последующих трудов в этом направлении. Сделана попытка показать преемственность научных воззрений и те аспекты данной проблемы, которые предстоит еще раскрыть.

Ключевые слова: религиозная политика, веротерпимость, монгольская империя, историография, дореволюционный период, конфессии, востоковедение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: gulzhanbedelova@gmail.com (Г.С. Беделова), Kalkaman.Zhumagulov@kaznu.kz (К.Т. Жумагулов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 523-532. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.523
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Formation of Educational System in the Yenisei Siberia in XVIII century: from Latin School to Small People's School

Denis N. Gergilev ^a, Nadezhda L. Khait ^a, Evgeny A. Akhtamov ^{a, *}

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article covers the problems of formation of educational traditions in Yenisei region in Siberia by the example of Krasnoyarsk educational system. The article has been based on the materials of State historical archive, Russian state archive of ancient documents, State archive of Tobolsk and Krasnoyarsk State regional archival agency.

The issue of distinctive features of Siberian educational institutions' development has been emphasized in the article. The wide range of literature and sources has demonstrated the process of transition from home educational system to the system of initial and middle educational institutions. It should be mentioned, the first educational institutions were Latin schools. The major academic subjects were Theology, Latin and the Humanities. The article shows the peculiarities of formation and development of Latin school in Krasnoyarsk. The authors have collected the information concerning the people who had considerable influence on this process. It has been shown the formation of People's School became the next step in development of educational institutions in Krasnoyarsk. The essential trait of educational program in People's School was more secular character. On the whole, it should be mentioned that the forming educational system in Siberia was more democratic, than the educational system in European part of Russia. The article concerns the problems of first educational institutions: the lack of teachers, difficulties in material security. The difficulties in material security became the main reasons for closing the first schools in Krasnoyarsk. The authors have noted the role of theological seminaries in pedagogical specialists training.

The authors have come to the conclusion that the basis of educational tradition in Krasnoyarsk was established in the period of Latin School.

Keywords: Siberia, educational system, Latin school, the main people's school, the small people's school, Krasnoyarsk, priesthood, theological seminary, teachers, educational tradition, material difficulties, peculiarities of development.

1. Введение

В последнее десятилетие Красноярский край находится под пристальным вниманием государства, что связано с задачами по развитию края, его реформирования, в том числе и в области образования. На современном этапе г. Красноярск является одним из важных центров образования в Российской Федерации. Именно в нем создан один из крупнейших федеральных университетов – Сибирский, который стал первым в России.

Система образовательных учреждений г. Красноярска складывалась на протяжении нескольких столетий. Важной вехой в истории образования Красноярска можно считать вторую половину XVIII века. Именно в это время в городе появляются первые учебные заведения. Актуальность процессов, происходящих в области образования в XVIII столетии, не вызывает сомнения, поскольку

* Corresponding author

E-mail addresses: akhtamov@gmail.com (E.A. Akhtamov), turilak@yandex.ru (D.N. Gergilev), nkhait@yandex.ru (N.L. Khait)

и сегодня в этой сфере можно наблюдать аналогичные процессы. Прежде всего, как и на современном этапе, начиная с правления Петра I, власти уделяли повышенное внимание вопросам народного просвещения. В большей степени эта тенденция проявилась во второй половине XVIII столетия. Кроме того, система образования в течение изучаемого периода все более преобразовывалась правительством в систему, которая существует и по сей день. Современное образование изменяется в сторону личностно-ориентированного подхода, такого же, каким оно зарождалось в Приенисейском крае в XVIII веке. В связи с этим изучение истории народного образования в г. Красноярске в XVIII веке приобретает большую значимость.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено по документам нескольких российских архивов. В Российском государственном историческом архиве (ФКУ РГИА) были изучены два фонда. Фонд 730 «Комиссия об учреждении народных училищ» содержит документы об организации и открытии главных и малых училищ, их материальном состоянии, количестве учеников. В фонде 796 «Канцелярия Синода» содержатся указы и распоряжения правительства в области образования; документы, показывающие условия работы учебных заведений Сибири; текущая и отчетная документация, которая позволяет проследить динамику численности учебных заведений, назначения и отставки учителей. В Российском государственном архиве древних актов (ФКУ РГАДА) были изучены фонды 17 и 18. Фонд 17 «Наука, литература и искусство – (коллекция) Государственного архива Российской империи» содержит сведения о расходах на просвещение в Российской империи, количестве обучающихся в разных губерниях, проекты образовательной системы, предлагавшиеся различными государственными деятелями, бумаги об учреждении народных училищ. Фонд 18 «Духовное ведомство – (коллекция) Государственного архива Российской империи» содержит сведения о духовных училищах, о жалованье церквям и руге монастырям. Выявление материалов по избранной теме также велось в Государственном архиве Тобольска (ГБУТО ГАТ). Объектом изучения в этом архиве стал фонд 156 «Тобольская духовная консистория», в частности документы об открытии первой школы в Красноярске, назначении в нее учителя. Некоторая часть материалов хранится в фонде 47 «Красноярский городской магистрат» и фонде 592 «Красноярское духовное правление» Государственного архива Красноярского края (КГКУ ГАКК). Для изучаемой темы интересны указы Святейшего Синода, манифесты императоров, указы Тобольской духовной консистории, Красноярского духовного правления, промемории, рапорты и донесения церковнослужителей, ведомости о приходе и расходе денег по церквям ведомства Красноярского духовного правления.

Решение исследовательских задач основано на принципах объективности и историзма. Принцип объективности позволил непредвзято изучить ситуацию, сложившуюся в сфере народного образования в Красноярске в XVIII веке. Принцип историзма дал возможность в динамике проанализировать смысл и значение всех происходивших событий, связанных с созданием первой системы народного образования в Красноярске в изучаемый период. Использование сравнительного метода позволило рассмотреть состояние народного образования в Красноярске на фоне развития этой области в других городах Сибири.

3. Обсуждение

Некоторые аспекты становления образования в г. Красноярске нашли отражение в научной литературе. В дореволюционной историографии вопросы зарождения образования в Сибири рассматривались фрагментарно. В этот период среди историков и обществоведов было распространено мнение, что интеллектуальный и культурный уровень населения сибирских городов, находился на низком уровне: «Самостоятельная разумная критика общественных понятий и нравов в сибирском обществе, как и во всем русском обществе 2-й половины XVIII в., разумеется, еще немыслима была...», – отмечал историк (Щапов, 1874: 35). Часто в дореволюционной исторической литературе встречалось утверждение о «паразитическом невежестве, безграмотности и полном отсутствии образования» сибиряков.

Позже, в советский период, появляются работы общего характера, посвященные истории просвещения Сибири. Среди них следует отметить исследования Н.С. Юрцовского, А.Н. Копылова, в которых упоминается образование в Приенисейском крае в целом, в том числе и Красноярске. (Юрцовский, 1923; Копылов, 1974).

Вопросы зарождения образования на Красноярской земле затрагивали такие современные исследователи, как В.Ю. Софронов, Е.В. Комлева (Софронов, 1996; Комлева, 2005, 2006). В работе В.Ю. Софронова рассматривается процесс становления образовательных учреждений в Сибири и в Приенисейском крае, фрагментарно касаясь г. Красноярска. Е.В. Комлева, исследуя становление образования в Красноярске, сделала особый упор на учебные заведения и учительство начала XIX столетия, не изучая подробно становление образования в XVIII столетии. Большое внимание зарождению и развитию образования в Приенисейском крае уделил красноярский историк Г.Ф. Быконя (Быконя, 1981, 2014, 2015).

Материалы источников по избранной теме не в полной мере введены в современный научный оборот. Исходя из этого, авторы определяют актуальность статьи, опираясь на ряд материалов и источников второй половины XVIII века.

4. Результаты

В Российской империи XVIII век был отмечен значительными изменениями в развитии системы образования. На смену домашнему образованию, доступному главным образом представителям привилегированных сословий, стали приходиться начальные и средние учебные заведения, в которых могли учиться дети из разных сословий. Среди первых учебных заведений России XVIII века следует отметить так называемые «латинские школы». Славяно-латинская школа – низшее учебное заведение, готовившее церковнослужителей и миссионеров. В них основной упор делался на изучение латинского языка и основ гуманитарных наук. Выпускники латинских школ владели иностранными языками, приемами риторики и пиитики. Данное образование было очень востребованным, что было обусловлено социальными процессами, происходившими в обществе в изучаемый период. Это время было отмечено культурным и экономическим сближением Российской империи с Западной Европой, что в системе образования вызвало переход от старой русской книжности, сформированной под влиянием византийской традиции, к новой системе образования, в большей степени ориентированной на практическую деятельность.

Система образования в Сибири проделала большой путь, прежде чем здесь появились первые высшие учебные заведения. Процесс формирования образования в Приенисейском крае в целом начался не на основе научно-светской мысли, а с теологических позиций. Важный шаг в развитии профессионального духовного образования в Сибири сделал новый митрополит Павел Конюскович, прибывший в Сибирь в конце 1758 года. Он считал важным упорядочить домашнее образование. Для этого в 10 заказах был проведен опрос о состоянии грамотности детей клира от 8 до 15 лет. Учитывая мнение некоторых духовных заказчиков, он открывал в заказах русские и латинские школы. Следует отметить, что первая славяно-латинская школа в Приенисейской Сибири была открыта при Туруханском мужском монастыре в 1751 г. для подготовки миссионеров-учителей в школах северных окраин (Туруханск, Игарка, Хатанга).

В 1759 г. подобная школа была открыта и в г. Красноярске. Инициативу открытия русской и латинской школы для духовенства Енисейской провинции проявил красноярский духовный заказчик и протопоп соборной Преображенской церкви Алексей Михайлович Михайловский. По его мнению, в школе должны были обучаться дети духовенства трех духовных правлений Приенисейского края: Красноярского, Енисейского и Туруханского. Для проведения занятий в городе был куплен дом, который и стал зданием школы. Сами ученики жили в съемных квартирах. Проживание оплачивали родители учеников. В среднем оплата аренды квартиры за год составляла 10 руб. 40 коп. за человека (Быконя, Шорохов, 1981: 179).

Учителями славяно-латинских школ являлись представители духовенства. Их служба на поприще просвещения часто зависела от личной инициативы. Одним из первых учителей в латинской школе Красноярска стал дьякон тобольской Благовещенской церкви Г.Ф. Скрыбин. В архиве Тобольска сохранился интересный документ, представляющий собой прошение Г.Ф. Скрыбина от 2 октября 1760 года о переводе его учителем в Красноярск: «По резолюции Вашего высокопреосвященства учреждена в городе Красноярском для обучения латинского диалекта священно и церковнослужительских детей семинария, а учителя еще никакого не определено. Где я нижайший желаю быть для обучения оных церковнослужительских детей на таком содержании, на каком и в других Тобольской епархии заказах быть учреждено учителям...» (ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 229. Л. 2).

Из документов следует, что первые школы сталкивались с рядом существенных проблем. Прежде всего, такие школы содержались на доходы местного духовенства, что приводило к крайней нужде. Еще одной проблемой стала острая нехватка учителей. В вышеуказанном прошении Г.Ф. Скрыбина среди прочего значится: «А понеже и Енисейский заказ не в дальном от вышеупомянутого оного состоит расстоянии, в котором тако ж де учреждена быть семинария, а учителя еще не имеетца, того ради прошу, дабы соблаговолено было со оного заказу церковнослужительских детей собрать и выслать в Красноярский город для обучения во единой семинарии. О чем прошу, дабы соблаговолено было меня нижайшего перевести во оной Красноярской город из соборной Преображенской церкви диаконом на место имеющагося там диакона Семена Кузнецова для обучения вышеозначенных церковнослужительских детей (ГАТ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 229. Л. 2 об.).»

С именем Г.Ф. Скрыбина связано не только начало просвещения в Красноярске, но и зарождение литературной и театральной жизни города. Учитель латинской школы привлекал учащихся для театральных постановок, помимо этого, Григорий Скрыбин являлся автором обличительных и острых эпиграмм, текст которых дошел до наших дней. Их главными героями были чиновники, красноярский полицмейстер, глава духовного правления А. Михайловский и другие лица. В 1762 г. Г.Ф. Скрыбин написал «Эпиграмму о городе Красноярске»:

«Что город Красноярск не славен,
 Многим вить ето известно,
 И началом он недавен,
 Ничево в нем не прелестно,
 Что ни мужик – мнится быти сын боярск
 Моду ту имеет Красноярск» (Быконя, Шорохов, 1981: 166).

В образовательной программе большое внимание уделялось пению или «пению по ноте». Это было связано с тем, что во время проведения церковных служб большую роль играло «омузыкаленное» интонирование. Г.Ф. Скрыбин также подбирал музыку к стихам. В 1762 г. его ученики пели не только канты, но и хором исполняли сатирическое произведение своего учителя на полицейстера Кристенсона:

Шелковистая глаткая плешь, что ты размышляешь?
 Для чего тебе сидет(ь), что ты составляешь?
 Есть ли путь в твоём гнезде, ведь ты сыщут и везде.
 Хоть и долго ты сидишь, право, город не смешишь... (Прыгун, 2007: 64)

Эпиграммы вызвали острое недовольство заказчика А. Михайловского. Г.Ф. Скрыбин был отстранен от преподавания. Началось следствие, во время которого, по свидетельствам современников, дьякона держали в духовном правлении «на цепи». По решению тобольского митрополита Павла Конюскевича в 1762 г. Г.Ф. Скрыбин был переведен в г. Енисейск. Школа была закрыта, а ученики распущены по домам.

Помимо этого, в школе существовали и другие проблемы, связанные с материальной стороной дела. Духовные правления Енисейска и Туруханска обратились к митрополиту с просьбой перевести школу в г. Енисейск из-за «дорогих харчевных припасов» в г. Красноярске. В 1763 г. это прошение было удовлетворено, и школа была переведена в Енисейск на Абалацкое подворье туруханского Троицкого монастыря. Учителем был назначен священник из г. Енисейска Андрей Кудрин. В 1764 г. Г.Ф. Скрыбину было разрешено вернуться к преподавательской деятельности. Однако Г.Ф. Скрыбин в педагогической сфере прослужил недолго. В 1765 г. он стал полковым священником и покинул г. Енисейск. В 1775 г. Абалацкое подворье было упразднено, и школа была переведена в енисейский Спасский монастырь. В 1780 г. латинская школа была преобразована в духовное училище.

После первого не вполне удачного опыта организации школы дело просвещения в г. Красноярске на некоторое время затихает. Кытмановская летопись сообщает, что депутат екатерининской комиссии по составлению Нового уложения Самойлов в 1767 г. отмечал: «Сибирское духовенство того времени было на низком уровне нравственности и умственном, чему примеров было уже много. Наравне с духовенством коснели в невежестве и светские люди. Часто были неграмотны представители разных учреждений. Не удивительно, что разные ссыльные воры, подьячие в силу своей грамотности приобретали большое влияние на дела. Купцы и посадские жили без книг, без чтения. На весь Енисейский и Красноярский уезд была одна школа в г. Енисейске, в которой учились грамоте несколько детей, отдаваемых родителями в приказные, а учил отставной унтер-офицер». Понятно, почему енисейцы на предложение Самойлова хлопотать об открытии в г. Енисейске школы ответили, что это ненужная роскошь. «И сие нужно отнести, – пишет Самойлов, – только к единому их невежеству» (Кытманов, 2016: 123).

Вместе с тем привилегированные слои российского общества к этому времени уже осознали необходимость народного просвещения для развития государства. Вот что об этом писал Иоанн Георг Зульцер, работы которого были переведены на русский язык и пользовались популярностью при императорском дворе: «...Сельские и городские народные училища плотнятся по тому, чтобы юношество научалось употреблять силы своего разума, равно как и душевные, – каждый по своему состоянию и знанию. Чтобы природная глупость и леность заблаговременно истребляема была, а напротив того была бы вперяема охота к трудам и способность к понятию дел своих и к исправлению каждого из оных разумным образом. Сие почитаю я главнейшим предметом, для которого школы учреждаемы бывают: а что, впрочем, в оных преподается, как то считать, писать, арифметика и проч: то сие надлежит почитать таким только средством, которое на достижению оного всеобщего намерения наиболее способствует» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1м. Д. 70. Л. 2).

Стоит отметить, что именно духовным семинариям отводилась особая роль в миссии просвещения, именно они должны были стать кузницей по подготовке учителей, «которые бы науки свои знали твердо» (РГАДА. Ф. 17. Оп. 1м. Д. 76. Л. 13). При этом отмечалось, что нередко молодые люди – выпускники духовных семинарий, которые направлялись на работу в народные школы – не имеют достаточных знаний для преподавания в третьем и четвертом классах. Связано это было с тем, что наиболее способные к наукам молодые люди направлялись на гражданскую государственную службу, что в целом было для них выгоднее.

С 70-х годов XVIII века связь Приенисейского края с европейской частью России, а также развитие народного образования в нем стали постепенно меняться в положительную сторону. Государственная политика в области образования в России начала формироваться еще в начале XVIII столетия. Самым приоритетным направлением в этой сфере правительство считало смену

ориентиров с церковно-приходского образования к профессионально-светскому. Это было непростое, но вместе с тем и очень значимое время в развитии сибирского образования. На основании губернской реформы 1775 г. в 1779 г. вновь по церковным приказам Сибири, в том числе в г. Енисейске, открылись двухклассные русские школы, готовившие детей духовенства к обучению в Тобольской семинарии. Красноярцы вновь не захотели отправлять своих детей в Енисейск и добились, чтобы у них была своя школа, на что и было получено разрешение в начале 1780 года. Эта русская школа существовала до 1795 г., затем из-за материальных затруднений и отсутствия учителей занятия временно прекращались в 1796, 1797, 1799 гг.

Следующий этап развития образования в г. Красноярске связан с государственной реформой в области просвещения, начатой правительством Екатерины II в 1782 г. К 1786 г. был сформирован и введен в действие Устав для народных училищ. Согласно ему, в каждом губернском городе России организовывалось училище, в котором обучение составляло 4 года. В малых же уездных городах учреждались малые народные училища, где обучение занимало 2 года. Об этой знаменитой реформе журнал «Русская старина» в 1887 г. писал: «В то время по указу императрицы Екатерины II открывались в губернских городах главные народные училища, а в уездных – малые народные училища. В последних преподавали священную историю, катехизис, знание цифр церковных и римских, арифметику, чтение и письмо, первоначальные правила грамматики, чтение книги «О должностях человека и гражданина», чистописание и рисование» (Кытманов, 2016: 136).

Школы, созданные в результате реформы Екатерины II, существенно отличались от более ранних учебных заведений. В данном случае имела место целенаправленная политика государства по созданию учебных заведений, базировавшихся на нескольких важных принципах. Прежде всего школы создавались во всех губернских и уездных городах. Они основывались на классно-урочной системе, единообразных программах обучения и светском характере преподавания. В отличие от латинских школ, рассчитанных на детей духовенства, в губернские и уездные училища принимали детей из разных сословий. В Европейской России в училищах не могли учиться только дети крепостных крестьян. Что же касается Сибири, то здесь могли учиться все дети без исключения.

Красноярское Малое народное училище сыграло важную роль в формировании системы образования в Приенисейском крае. Оно было открыто в 1790 году и стало одним из десяти малых народных училищ Сибири.

Следует отметить, что губернские главные народные училища оказались в более выгодном материальном положении: заботиться о них было предписано приказом общественного призрения, а учителей в них подыскивали из числа выпускников специально основанной учительской семинарии. Малые народные училища во многом должны были самостоятельно решать эти проблемы. В сибирских уездах городские общества сами брали на себя содержание малых народных училищ, что составляло 200 рублей в год. В эту сумму не входили частные пожертвования. Некоторые состоятельные горожане отдавали свои дома для размещения в них училищ. Документы показывают, что малые училища располагались в домах чиновников, купцов, казенных зданиях при церквях (РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1942. Л. 9-14). В Красноярске училище располагалось в трапезной Воскресенской церкви (Рисунок 1).

Рис. 1. Трапезная Воскресенской церкви, где располагалось Красноярское малое народное училище

Фонд учебной литературы училищ также зачастую формировался во многом благодаря добровольным пожертвованиям горожан. Об этом говорят списки книг, составленные дарителями. Так, например, 2 апреля 1784 г. коллежский секретарь Кошкарев в письме Красноярскому городскому магистрату писал о важности воспитания молодого поколения так: «Нужно прилагати всякое тщание об отрочестве, о юношестве, яко о времени сеяние производящего гражданскую жатву. Я отделяю из

числа своего имущества книжного двадцать книг для заведения в городе Красноярске народного училища, в котором учителем будет доброхотный датель, как скоро учреждение последует. На подлинном подпись: секретарь Кошкарев» (ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 34. Л. 68). К письму прилагался список книг, отобранных дарителем для будущего училища: «Роспись книгам, коими пользоваться городу Красноярску под призрением магистрата: 3 книги Академических известий, 1 книга путешествия Гмелинова, 1 Иосиф Флавий, 1 Лепехино путешествие, 1 Китайская война, 1 ода на день рождения премудрыя императрицы всероссийския Екатерины Второй, 1 Сугубое блаженство, 1 Слово Ломоносова, 1 Плутарх о воспитании детей, 1 Сочинение о распространении знаний, 1 Детская история, 1 Примечания китайские, 1 политическая география и др.» (ГАКК. Ф. 47. Оп. 1. Д. 34. Л. 68 об.).

Еще одним новшеством в деле работы училищ стало то, что впервые ежегодно составлялись ведомости о их состоянии. В нее вносились сведения о помещениях, в которых располагались школы, об учителях и их жалованье и о количестве учеников. Сведения в этих ведомостях не отличаются полнотой, но из них все же можно почерпнуть информацию о том, как было устроено образование в малых училищах и с какими проблемами они сталкивались.

При этом, если в училище не хватало учителей, то комиссия, составлявшая ведомость, могла направить в учебное заведение недостающих специалистов. Это правило действовало в отношении главных училищ. Что же касается малых училищ, то предполагалось, что недостающие учителя будут найдены на местах. Позже учителями в них должны были стать выпускники главных народных училищ. В малых народных училищах Сибири первыми преподавателями стали воспитанники духовных семинарий, главным образом – Тобольской. Жалованье учителей в малых народных училищах составляло 150 рублей (РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1942. Л. 7-8).

Первым учителем Малого народного училища в г. Красноярске стал Никита Звонников, окончивший Петербургскую главную учительскую семинарию по «математическим наукам». В городе учителя ценили как умного и творческого человека. Преждевременная смерть Никиты Звонникова 5 июня 1792 г. стала большой утратой для красноярского общества. Его похоронили на Всехсвятском кладбище, а на могильном холме положили чугунную плиту с надписью: «Здесь покоится тот, которого и малые дети знают» (Быконя, Шорохов, 1981: 40)

После смерти учителя Красноярского училища его руководство потребовало найти нового человека на освободившееся вакантное место. Директор Кольванского Главного народного училища советник Иван Ломачевский писал в рапорте о назначении учителя в г. Красноярск: «Из гимназии учительской неохотно, я думаю, согласится кто в учителя ехать в столь отдаленный край, не зная, каковы тут обыватели. На опровержение такого сомнения прошу приказать прочесть в оной прилагаемый рапорт, который может их уверить, что не токмо жители здешние, но и кочующие вблизи татары познали уже цену нового образа учения, и для умершего учителя, любимого всеми, соорудили в благодарных своих сердцах памятник. Погребли с великой для него честью и прах почтут подписью, добродетели его изображающие...» (РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 124. Л. 18-19).

Из ведомости мы узнаем, что в Красноярском малом училище в 1791 г. обучалось 100 учащихся, в 1792 г. количество учеников сократилось. В этот период обучались: 40 детей солдат и казаков; 17 детей из сословия мещан; 14 детей обер-офицеров; 13 детей из купеческого сословия; 4 ребенка из семей приказчиков; 2 ребенка из семей церковнослужителей и 1 ребенок из крестьянского сословия. Примечательно, что среди учащихся было 11 девочек. Всего в этот период в Красноярском малом народном училище обучался 91 ученик, что превосходило по численности количество учащихся других малых народных училищ Сибири. Ведомость показывает, что в соседнем Енисейском малом народном училище в 1791 году обучался 31 ученик, а в 1792 – лишь 18 человек (РГИА. Ф. 730. Оп. 2. Д. 1942. Л. 14-15). Сокращение количества учеников стало общей проблемой всех сибирских малых училищ.

Стоит отметить, что по сравнению с губернскими городами, уезды меньше нуждались в выпускниках училищ и системе образования в целом. Открытие и содержание школ находилось в зависимости от готовности городских дум оплачивать их деятельность. Со временем думы начали тяготиться содержанием учебных заведений, поэтому ранее открытые школы стали местами закрываться. Красноярская городская дума постановила производить содержание училища только до конца 1795 г. Красноярское училище было закрыто в декабре 1795 г., что было связано с материальными проблемами.

Таким образом, на примере Красноярского малого народного училища очевидно, что период становления системы светского образования был связан с рядом трудностей. Одной из главных стало недостаточное финансирование учебных заведений. Согласно уставу 1786 г., содержание малых народных училищ ложилось на плечи городских обществ. Недостаток финансирования способствовал появлению других проблем: низкое жалованье учителей, неблагоприятные условия для обучения, поскольку помещения для училищ не всегда были приспособлены для нужд учеников. Все это вело к вынужденным перерывам в деятельности учебных заведений. Отдаленное положение г. Красноярска также затрудняло развитие образования. Для г. Красноярска того периода была характерна высокая текучесть кадров в системе народного образования и преимущественно молодой возраст учителей. Молодой возраст свидетельствовал о том, что учителя, как правило, имели небольшой опыт

педагогической работы, с другой же стороны говорил о большей степени открытости чему-то новому. Стоит отметить, что присущая сибирскому обществу демократичность, развитая в большей степени, чем в Европейской России, влияла и на местное образование. Так, в одном и том же классе за партами сидели дети из самых разных сословий: от купеческого до крестьянского. Также сложностью в развитии екатерининских училищ в провинции в некоторой степени стали патриархальные семейные традиции. При этом идея создания системы училищ на практике была воплощена не полностью в том виде, в каком планировалась изначально.

Тем не менее, несмотря на существенные трудности и проблемы, система образования в г. Красноярске в XVIII веке продолжала развиваться. Она была построена так же, как в других провинциях, ее основные принципы – наличие классно-урочной системы, бессословность, светский характер – сохранились и развились впоследствии. Рациональное зерно начинания было сбережено для лучшей обработки и применения дальнейшим поколением.

5. Заключение

История народного образования в Приенисейской Сибири насчитывает более 250 лет. При этом, что было закономерно для XVIII века, формирование образования началось не на основе светской, а на основе теологической мысли. Подобно тому, как в 1685–1687 гг. в г. Москве была учреждена Славяно-греко-латинская академия, образовательная традиция которой была основана греческими учеными-монахами, так и в 1759 г. в г. Красноярске была открыта латинская школа, у истоков которой стояли представители сибирского духовенства. При этом нужно отметить, что г. Красноярск как региональный центр Приенисейской Сибири окончательно закрепил свое лидерство только в результате реформы М.М. Сперанского 1822 г., став центром образованной Енисейской губернии (Гергилев, 2016: 41).

Новый толчок к развитию просвещения в г. Красноярске дала реформа Екатерины II, подразумевавшая открытие народных училищ для детей разных сословий. При этом преподавание носило светский характер. В г. Красноярске Малое народное училище было открыто в 1790 г. и просуществовало до 1795 г.

На начальном этапе развития системы образования в Приенисейской Сибири и духовные, и светские учебные заведения сталкивались с одинаковыми проблемами: прежде всего – материального обеспечения.

Необходимо отметить, что первой школой в г. Красноярске стала латинская школа, созданная по инициативе Алексея Михайловича Михайловского. Она не только дала возможность детям духовенства получать образование ближе к дому, не выезжая за пределы Приенисейского края, но и благодаря этой школе красноярская общественность впервые приобрела опыт устройства образовательного учреждения, сама же школа дала толчок к развитию литературной и театральной жизни города, во многом благодаря деятельности одного из первых учителей латинской школы – Григория Скрябина. Латинская школа заложила основу для последующего развития всех ступеней системы образования г. Красноярска и Приенисейского края.

6. Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет»: «Разработка и проведение таргетированного продвижения университета среди иностранных студентов, за исключением мероприятий по продвижению через представительства университета в других странах». Мероприятие 5.2.2 «Царь-просветитель».

Литература

Александров, 1964 – Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII вв. // Енисейский край. М., 1964. 303 с.

Бахрушин, 1959 – Бахрушин С.В. Очерки истории Красноярского уезда в XVII веке // *Научные труды*. Т. IV. М.: Наука, 1959.

Быконя, 2015 – Быконя Г.Ф. История народного образования в центральной Сибири (XVII – середина XIX века). Красноярск, 2015. 262 с.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

ГАТ – Государственный архив Тобольска.

Гергилев, 2016 – Гергилев Д.Н. Административное управление Сибирью в XVIII – первой трети XIX вв. Монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2016. 171 с.

Город у Красного Яра... – Город у Красного Яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. Сост. Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов. Красноярск, 1981. 280 с.

Желенкова, Хаит, 2017 – Желенкова Н.О., Хаит Н.Л. Динамика численности учащихся в главных и малых народных училищах Сибири при Екатерине II / *Актуальные проблемы современной науки в 21 веке: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции*. Махачкала: Апробация. 30 апреля 2017 г. С. 68–70.

- Окладников, 1968** – Окладников А.П. История Сибири с древнейших времен до наших дней. Том 2. Сибирь в составе феодальной России. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1968. 458 с.
- Очерки истории...** – Очерки истории народного образования Красноярского края (XVII – начало XXI вв.). Г.Ф. Быконя, В.И. Федорова, С.Н. Ценюга. Красноярск, 2014. 580 с.
- Комлева, 2005** – Комлева Е.В. (2005) Народное образование на красноярской земле: первые шаги (Енисейское и Красноярское уездные училища в первой четверти XIX в.) / *История науки и образования в Сибири: Сб. мат. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. 15–16 ноября 2005 г.* Красноярск: Крас. гос. пед. ун-т, 2006. С. 91–97.
- Комлева, 2006** – Комлева Е.В. Сибирское учительство в конце XVIII – первой половине XIX вв.: проблемы социокультурной адаптации / *Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: Сб. науч. тр. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2006. С. 76–95.*
- Копылов, 1974** – Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII – начала XIX вв. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.
- Кытманов, 2016** – Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594–1893 гг. Вступ. статья Л.П. Бердникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 888 с.
- Прыгун, 2007** – Прыгун Е.В. Из истории музыкальной культуры Красноярска: от "бесовских игр" скоморохов – к Народной консерватории (1628–1920). Красноярск, 2007. 237 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Софронов, 1996** – Софронов В.Ю. Откуда земля сибирская пошла: Монография. Тобольск, 1996. 288 с.
- Хаит, 2017** – Хаит Н.Л. Конфессиональная политика в Сибири в правление Екатерины II // *Проблемы социально-экономического развития Сибири.* Братск: Братский государственный университет. № 4 (30) 2017. С. 120–127.
- Щапов, 1874** – Щапов А.П. Сибирское общество до Сперанского. Изв. Сиб. отд. русс. геогр. о-ва: 1874. Т.V. 35 с.
- Юрцовский, 1923** – Юрцовский Н.С. Очерки по истории просвещения в Сибири. Новониколаевск, 1923. 268 с.
- Worobec, 2009** – Worobec C.D. The Human tradition in Imperial Russia. Rowman & Littlefield Publishing, 2009. 179 p.

References

- Aleksandrov, 1964** – Aleksandrov V.A. (1964). Russkoe naselenie Sibiri XVII – nachala XVIII vv. [Russian settlement in Siberia XVII – the beginning XVIII centuries]. Eniseiskii krai. M. 303 p. [in Russian]
- Bakhrushin, 1959** – Bakhrushin S.V. (1959). Ocherki istorii Krasnoyarskogo uezda v XVII veke [The history essays concerning the Krasnoyarsk region in XVII century]. *Nauchnye trudy.* T. IV. [Vol. IV]. M.: Nauka. [in Russian]
- Bykonya, 2015** – Bykonya G. F. (2015). Istoriya narodnogo obrazovaniya v tsentral'noi Sibiri (XVII – seredina XIX veka) [The history of Public Education in Central Siberia (XVII – the middle XIX centuries)]. Krasnoyarsk, 262 p. [in Russian]
- GAKK** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State archive of Krasnoyarsk Krai].
- GAT** – Gosudarstvennyi arkhiv Tobol'ska [State archive of Tobolsk].
- Gergilev, 2016** – Gergilev D.N. (2016). Administrativnoe upravlenie Sibir'yu v XVIII – pervoi treti XIX vv. [Management control in Siberia in XVIII – the first third of XIX centuries]. Monograph. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 171 p.
- Gorod u Krasnogo Yara...** – Gorod u Krasnogo Yara: Dokumenty i materialy po istorii Krasnoyarska XVII-XVIII vv. [The town at Krasnyi Yar: Documents and materials on history of Krasnoyarsk in XVII-XVIII centuries]. Sost. G.F. Bykonya, L.P. Shorokhov. Krasnoyarsk, 1981. 280 p. [in Russian]
- Zhelenkova, Khait, 2017** – Zhelenkova N.O., Khait N.L. (2017). Dinamika chislennosti uchashchikhsya v glavnykh i malykh narodnykh uchilishchakh Sibiri pri Ekaterine II [Dynamic of quantity of pupils studying in principal and small people's schools during Catherine II government]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki v 21 veke: sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii.* Makhachkala: Aprobatsiya. 30 April. pp. 68–70. [in Russian]
- Okladnikov, 1968** – Okladnikov A.P. (1968). Istoriya Sibiri s drevneishikh vremen do nashikh dnei. [The history of Siberia from ancient time to present]. Tom 2. Sibir' v sostave feodal'noi Rossii. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie. 458 p. [in Russian]
- Ocherki istorii...** – Ocherki istorii narodnogo obrazovaniya Krasnoyarskogo kraia (XVII – nachalo XXI vv.) [The historical essays concerning people's education in Krasnoyarsk region (XVII – the beginning of XXI centuries)]. G.F. Bykonya, V.I. Fedorova, S.N. Tsenyuga. Krasnoyarsk, 2014. 580 p. [in Russian]

Komleva, 2005 – *Komleva E.V.* (2005). Narodnoe obrazovanie na krasnoyarskoi zemly: pervye shagi (Eniseiskoe i Krasnoyarskoe uezdnye uchilishcha v pervoi chetverti XIX v.) [The people's education in Krasnoyarsk region: the first steps (Yenisei and Krasnoyarsk uyezd schools in the first quarter of XIX century)]. *Istoriya nauki i obrazovaniya v Sibiri* : sb. mat. vseros. nauch. konf. s mezhdunar. Uchastiem 15-16 November 2005. Krasnoyarsk: Kras. St. Ped. Un-ty, pp. 91-97. [in Russian]

Komleva, 2006 – *Komleva E.V.* (2006). Sibirskoe uchitel'stvo v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.: problemy sotsiokul'turnoi adaptatsii [Siberian teaching at the end of XVII – the first part of XIX centuries]. *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh*: Sb. nauch. tr. Novosibirsk: Novosib. State Un-ty, 2 pp. 76-95. [In Russian]

Kopylov, 1974 – *Kopylov A.N.* (1974). Ocherki kul'turnoi zhizni Sibiri XVII – nachala XIX v. [The essays of cultural life of Siberia in XVII – the beginning of XIX centuries]. Novosibirsk: Nauka, 252 p. [in Russian]

Kytmanov, 2016 – *Kytmanov A.I.* (2016). Kratkaya letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraja Eniseiskoi gubernii 1594-1893 gg. Vstup. stat'ya L.P. Berdnikova [The brief chronicle of Yenisei uyezd and Turuchansk region of Yenisei province. Opening article of L.P. Berdnikov]. Krasnoyarsk: Sib. Feder. Un-ty. 888 p. [in Russian]

Prygun, 2007 – *Prygun E.V.* (2007). Iz istorii muzykal'noi kul'tury Krasnoyarska: ot "besovskikh igr" skomorokhov – k narodnoi konservatorii (1628-1920) [From the history of music culture of Krasnoyarsk: from skomorokhs demon games to National Conservatory (1628-1920)]. Krasnoyarsk, 237 p. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State History Archive].

RGADA – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Documents].

Sofronov, 1996 – *Sofronov V.Yu.* (1996). Otkuda zemlya sibirskaya poshla: Monografiya [From which Siberian land has started]. Tobol'sk, 288 p. [in Russian]

Khait, 2017 – *Khait N.L.* (2017). Konfessional'naya politika v Sibiri v pravlenie Ekateriny II [Confessional policy in Siberia during the government of Catherine II]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. Bratsk: Bratskii gosudarstvennyi universitet*. № 4 (30), pp. 120-127. [in Russian]

Shchapov, 1874 – *Shchapov A.P.* (1874). Sibirskoe obshchestvo do Speranskogo [Siberian society before Speransky]. *Izv. Sib. otd. russ. geogr. o-va*. T. V. 35 p. [in Russian]

Yurtsovskii, 1923 – *Yurtsovskii N. S.* (1923). Ocherki po istorii prosveshcheniya v Sibiri [The studies on the enlightenment in Siberia]. Novonikolaevsk, 268 p. [in Russian]

Worobec, 2009 – *Worobec C.D.* (2009). The Human tradition in Imperial Russia. Rowman & Littlefield Publishing, 179 p.

Создание системы образования в Приенисейской Сибири в XVIII в.: от латинской школы до малого народного училища

Денис Николаевич Гергилев ^a, Надежда Леонидовна Хаит ^a, Евгений Александрович Ахтамов ^{a,*}

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы становления образовательной традиции в Приенисейской Сибири на примере Красноярска во второй половине XVIII века. Статья основана на материалах Российского государственного исторического архива, Российского государственного архива древних актов, Государственного архива Тобольска, а также Государственного архива Красноярского края.

Значительное внимание в статье уделено особенностям развития образовательных учреждений в Сибири. На основании широкого круга источников и литературы показаны причины, условия, а также последствия перехода от системы домашнего воспитания к системе начальных и средних учебных заведений. При этом одними из первых учебных заведений в Сибири были латинские школы, в которых основной акцент делался на изучение богословия, латинского языка и основ гуманитарных наук. Показаны особенности становления и развития латинской школы в г. Красноярске, собраны сведения о людях, оказавших наибольшее влияние на этот процесс. Показано, что следующим шагом в развитии учебных заведений г. Красноярска стало создание народного училища, образование в котором носило уже более светский характер. В целом, следует отметить, что формирующаяся система образования в Сибири была более демократичной, чем образовательная система в Европейской России. В статье рассмотрены основные проблемы,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: akhtamov@gmail.com (Е.А. Ахтамов), turilak@yandex.ru (Д.Н. Гергилев), nkhait@yandex.ru (Н.Л. Хаит)

с которыми сталкивались первые образовательные учреждения: нехватка учителей и сложности с материальным обеспечением. Во многом именно материальные трудности привели к закрытию первых красноярских школ. Отмечена ведущая роль духовных семинарий в подготовке педагогических кадров.

Авторы приходят к выводу о том, что основы образовательной традиции в Красноярске были заложены в период деятельности латинской школы.

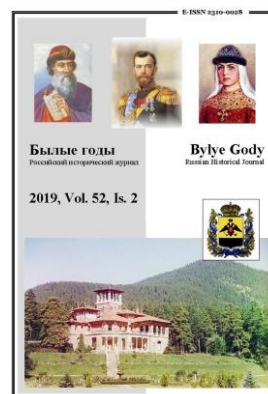
Ключевые слова: Сибирь, система образования, латинская школа, главное народное училище, малое народное училище, Красноярск, духовенство, семинария, учителя, образовательная традиция, материальные трудности, особенности развития.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 533-541. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.533
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Struggle of the Russian Orthodox Church and Secular Authorities against the Pagan "Remnants" of The Peoples of the Tobolsk North in the XVIII – XIX centuries

Valery V. Tsys' ^{a,*}, Olga P. Tsys' ^a

^aNizhnevartovsk State University, Russian Federation

Abstract

The article reveals the methods of struggle between the secular authorities and the Russian Orthodox Church against the remnants of paganism in the Christianization of the indigenous population of the Tobolsk North, their evolution during the XVIII – XIX centuries. It is indicated that in the 1710s – 1760s hard pressure on the newly baptized is used to completely eradicate all manifestations of idolatry. This was facilitated by current legislation and the practice of its enforcement. The following punishments were used to eradicate the remnants of paganism: whipping or whipping; link to Kondinsky monastery; the imposition of penance (to study the prayers, put a certain number of bows in the church every day, etc.). The period of "enlightened absolutism" and the first quarter of the XIX century (1770s – 1822) are characterized by a gradual softening of the state policy towards new converts. The approach to understanding what pagan "vestiges" are has changed. Now it is not "devil worship", but a delusion, a consequence of the ignorance of "aliens". In the future, there is a complete rejection of any form of discrimination and persecution for pagan "superstitions", the desire to influence the "misguided" only by persuasion, and the prevention of violence. By the end of the period under review, only measures of pastoral exhortation remained at the disposal of Orthodox clerks and missionaries. The overall evolution of the policy of the state and the Russian Orthodox Church in the fight against idolatry was to gradually mitigate the practice of law in identifying pagan rituals in the newly baptized. These changes were due to the humanization of Russian society, a more tolerant attitude towards foreign faith.

Keywords: Tobolsk and Siberian diocese, missionary work, Tobolsk North, clergy, paganism, idolatry, newly baptized, indigenous peoples.

1. Введение

Христианизация Тобольского Севера (Север Западной Сибири, в современных границах – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа) положила начало глубоким социокультурным сдвигам на территории региона, привела к изменению повседневных практик, антропонимической системы коренного населения, религиозному синкретизму и мн. др.

Помимо крещения «инородцев», привлечения их к исполнению православной обрядности, проповеди христианских догматов, важной задачей миссионеров являлось выявление и искоренение отдельных элементов язычества, прочно укорененных в жизни и быту новообращенных, не допущение их возврата к идолопоклонству.

Изучение особенностей и эволюции методов борьбы православного духовенства и светской власти с «пережитками» язычества на протяжении двух столетий позволяет понять модернизационные и трансформационные процессы, протекавшие в нашей стране в целом, и на ее периферийных территориях в частности.

* Corresponding author

E-mail addresses: tsysv@rambler.ru (V.V. Tsys')

2. Материалы и методы

Настоящее исследование выполнено на базе документов Государственного архива в г. Тобольске (ГАТ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), законодательных актов, освещающих формы и методы борьбы государства и Русской православной церкви против языческих «пережитков» среди населения Тобольского Севера.

Основой работы служат принципы историзма, целостности, объективности, всесторонности. Автор опирается на модернизационный подход, позволяющий проследить изменения в сфере культуры и быта, повседневной жизни на территории Тобольского Севера в XVIII – XIX вв.

Используются как общенаучные, так и традиционные для любого исторического исследования методы: системный, историко-сравнительный, синхронный, проблемно-исторический. Междисциплинарность представлена в исследовании сочетанием исторического и религиоведческого подходов, что создает условия для более конкретного изучения темы. Первый – дает возможность многоаспектно проследить обусловленность каждого направления деятельности православного духовенства, второй – помогает понять внутренние мотивы людей, способствует более точному анализу взаимодействия Русской православной церкви с другими социально-политическими институтами, прежде всего с государственной властью.

3. Обсуждение

Основы изучения истории христианизации коренных народов Тобольского Севера, борьбы с «пережитками» язычества были заложены в дореволюционный период церковными историками. Преимущественное внимание уделялось самому факту крещения, проведенному «апостолом» Сибири митрополитом Филофеем (Лещинским), а также деятельности миссий XIX века. Так, протоиерей А.И. Сулоцкий утверждал, что упреки «скептиков» в адрес миссионеров в применении принуждения при обращении «инородцев» несправедливы, т.к. при крещении якобы использовались только сила убеждения и евангельская проповедь (Сулоцкий, 2000). Во многом аналогичные выводы делаются современником А.И. Сулоцкого Н.А. Абрамовым, а также П.Н. Буцинским (Абрамов, 1851; Буцинский, 1893). Указывается на «пастырскую заботу» духовенства о новообращенных. Политика светских властей, зачастую препятствовавшая борьбе с языческими «пережитками», подвергается осуждению.

Советская историческая наука крайне тенденциозно подходила к решению многих вопросов, связанных с историей православия, в том числе и к теме христианизации народов Севера Западной Сибири. В частности, А.Г. Базанов в качестве основного метода обращения в новую веру признает насилие. Якобы миссионеры являлись в юрты аборигенов в сопровождении вооруженных казаков, с пушками, от грохота которых дрожала «мать-земля» (Базанов, 1936: 17). О принуждении как основном методе христианизации остяков и вогулов говорится в работе И.И. Огрызко (Огрызко, 1941). В то же время автором подчеркивается, что «христианизация крепила связи между народами Тобольского Севера и централизованным многонациональным русским государством», способствовала борьбе с такими явлениями, как калым и многоженство (Огрызко, 1941: 141). Особое место в раскрытии темы занимают работы Н.А. Миненко, сумевшей показать двойственность, противоречивость политики государства и Русской православной церкви в деле христианизации коренного населения региона (Миненко 1975: 230-282). В целом же для советской историографии, в отличие от дореволюционной, характерно осуждение деятельности «церковников» и определенное оправдание политики светской власти в отношении «инородцев» Тобольского Севера.

С начала 1990-х гг. появляются многочисленные работы по самым различным проблемам истории Русской православной церкви XVIII–XIX вв., в том числе миссионерской деятельности на Севере Западной Сибири. Можно выделить монографию Е.М. Главацкой, где предпринята попытка систематизировать данные о формах и результатах миссионерской работы среди хантов на протяжении XVII–XX вв. (Главацкая, 2005) Автор указывает на наличие существенных сдвигов в методах борьбы с религиозными традициями коренного населения с началом эпохи просвещения (Главацкая, 2005: 255-256). Продолжила свои исследования истории православия на югорской земле Н.А. Миненко (Миненко, 2000). Примеры жестоких наказаний новокрещенных за возврат к идолопоклонству приводятся в статье Е.В. Переваловой (Перевалова, 2000). Особое значение, прежде всего в деле расширения источниковой базы исследования, имеют работы В.Я. Темплинга (Темплинг, 2004; Церкви..., 2007). Автор опубликовал серию документальных сборников, материалы которых отражают различные аспекты истории миссионерства на Тобольском Севере в XIX в. Теоретическое осмысление процесса христианизации региона содержится в статье А.М. Аблажей (Аблажей, 2010).

Однако до настоящего времени комплексного исследования, посвященного борьбе церковных и светских властей с языческими «пережитками» среди коренного населения региона на протяжении XVIII–XIX вв., не создано.

4. Результаты

В петровскую эпоху основной формой христианизации были массовые крещения в том же стиле, в каком это практиковалось во времена равноапостольного князя Владимира (подробнее см.: Абрамов, 1851; Буцинский, 1893; Новицкий, 1941). Чтобы укрепить новообращенных в вере,

предпринимались следующие шаги: 1) выявление и уничтожение идолов и др. объектов поклонения; 2) возведение на месте разоренных капищ православных храмов, которые становились центрами вновь образуемых приходов; 3) полицейский надзор за новокрещеными со стороны светских и духовных властей.

Хотя формально в течение 1710-х – 1720-х гг. большая часть остяков и вогулов Тобольского Севера приняла православие, документы свидетельствуют, что традиционная религия сохраняла прочные позиции в их среде. В первые десятилетия после христианизации принимались весьма жесткие меры по отношению к тем, кто практиковал языческие обряды. Этому способствовало законодательство и практика его правоприменения. По указу от 29 апреля 1722 г. предписывалось «всем православным христианам... иной веры не принимать..., таких отступивших исправлять..., и буде по увещанию исправиться не хотят..., посылать в дальние монастыри, где содержать их до самой их смерти неисходно» (Проекты..., 1882: 71). Тем же, кто совращает в иную веру и будет изобличен и после увещания не раскается и не примет обратно «греко-российскую веру», грозила смертная казнь через сожжение, что устанавливалось разными законодательными актами, в частности указом от 22 февраля 1735 г. и сенатским указом от 23 марта 1750 г. (ПСЗРИ, №6693; ПСЗРИ, №9722), а также проектом Уложения 1754 г. (Проекты..., 1882: 71). За кликушество, «разные суеверия и тому подобное обманство» по Духовному регламенту, указам от 14 апреля 1737 г., 26 ноября 1739 г., проектом Уложения 1754 г. предполагалось «по важности их вины и обманства чинить наказание кнутом или плетьюми» (ПСЗРИ, №7959; Проекты..., 1882: 72).

Священники должны были следить, своевременно доносить и по возможности пресекать различные проявления язычества среди новокрещеных. В основном обращенные в православие «инородцы» замечались в «ворожбе», поклонении идолам («шайтанам»). Особое внимание уделялось сожителству без венчания и двоеженству. Так, по донесению ясажных сборщиков Ивана Макушина «с товарищи» в лумпокольских волостях «двоеженцов новокрещеных остяков Семена Пилина сына родного а имяни и де не знают да Ивана Сенкина которые де поженились от живых жен повенчаны тех Лунпокольских волостях Христорожественской церкви попом Петром...». Воевода 12 марта 1741 г. приказал разобраться в этом деле и если обвинение подтвердится, то «других жен» отдать родителям, «чтобы не могли иметь с теми беззаконными женами сожития и оным остяком велеть жить со своими женами законно и в том их запоручить...» (РГАДА. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7. Л. 3-3 об.).

В отличие от мусульман «инородцы» Тобольского Севера, как правило, не упорствовали в своих «заблуждениях» и готовы были признать вину, отказаться от деяний, в которых их изобличали. Собственно говоря, языческое мировоззрение в данном отношении отличалось гибкостью, склонностью к подобного рода компромиссам.

В 1746 г. митрополитом Антонием (Нарожницким) было получено донесение от градосургутского духовного правления, что, по сведениям священника Верхне-Лумпокольской церкви Гавриила Кайдалова, в его приходе объявились «волхвы, которые де по древнему своему суеверию явно волхвуют»: предсказывают, сколько кому жить и кто скоро умрет, о промыслах, кто сколько добудет, «от сего де получают себе великие прибитки», а некоторые «учинят разврат от веры православной» и имеют по две жены, а сам «он, священник Кайдалов, многократно всячески увещевал и от волхования запрещал, тако ж и оным беззаконникам, которые имеют у себя по две жены, чтобы они такого беззаконства лишились и впредь творить не дерзали. И о сем де остяки ево священника не слушают и чинят по своему изволению» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-1 об.).

Против «заблудших» были приняты самые жесткие меры. К расследованию привлекаются светские власти. Митрополит отсылает промеморию в Сибирскую губернскую канцелярию, потребовавшую от Сургутского воеводы «секретнейшим образом сыскав и заковав волхвов в ручные и ножные, а остяка Мурасова и беззаконных женок в ножные крепкие кандалы под крепким и секретным караулом порознь прислать в сибирскую губернскую канцелярию в самой крайней скорости» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 7).

Вскоре арестованные прибыли в Тобольск: три «волшебника», две женщины, отец одной из женщин и еще несколько проходивших по делу остяков. В ходе дознания выяснилось, что все они были крещены еще в конце 1710-х – первой половине 1720-х гг. схимонахом Феодором (Филофеем Лещинским) или приходским священником. Ни один из допрашиваемых не упорствовал в своих «заблуждениях», готов был раскаяться и отказаться от «ворожбы» или двоеженства. Само пребывание вдали от привычной обстановки и в весьма тяжелых тюремных условиях не могло не сказаться на арестованных. В процессе следствия одна из женщин и четверо мужчин умерли. Оставшимся присудили отправить обратно в Сургут, где «при собрании протчих остяков наказать кнутом без всякой пощады» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 107). Решением Тобольской духовной консистории от 20 июля 1747 г. женок «по учинении им в консистории... жестокого плетьюми наказания от остяков Кычаги и Мурасова отлучить и отпустить при пашепортах в город Сургут, а сургутскому закащику послать указ, коим велеть ему оных женок выдать в замужество в отдаленные от прежних их жилищ места за остяков же...» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 27-27 об.). Кроме того, была послана целая военная экспедиция в составе двух солдат и десяти казаков с целью найти и сжечь «шайтана», находящегося, по словам подследственных, где-то на реке Кыйс-Еган.

Подобного рода дел в 1740-х – 1750-х гг. встречалось множество (Подробнее, см: [Огрызко, 1941](#); [Миненко, 2000](#)). Например, только в январе–сентябре 1751 г. более 500 новокрещенных признались, что держат у себя «шайтанов». Выявленных идолопоклонников приговорили к церковной епитимье. В середине 1740-х г. двух остяков Нагаркарского и Шоркальского городков приговорили к битью «плетьюми нещадно» и отправке в Кондинский Свято-Троицкий монастырь «в тяжкие вечные монастырские труды». В 1758 г. 17 остяков Казымской волости приговорены Березовским духовным правлением к епитимье за поклонение «диаволу» в образе найденной ими на берегу реки сабли ([Миненко, 2000: 233, 236, 237](#)).

В целом же для искоренения «пережитков» язычества применялись следующие наказания: 1) битие кнутом или плетьюми; 2) ссылка в Кондинский монастырь; 3) наложение епитимьи (изучить молитвы, ежедневно класть определенное число поклонов в церкви и т.п.).

Отмечен случай использования и такой крайней меры, как сожжение на костре. К этому виду казни был приговорен в 1757 г. казымский шаман князец айвасидских ненцев Енора Пучиндин ([Миненко, 1975: 280](#)).

Со времен Екатерины II религиозная политика в отношении новокрещеного населения существенно смягчается. «Наказ» императрицы говорил о недопустимости давления на иноверцев для их обращения в христианство. Осуждалась практика вознаграждения за принятие крещения (ПСЗРИ, №12949). На «заблудших» следовало воздействовать исключительно мерами пастырского увещания, не прибегая к принуждению. В 1764 г. вводятся должности проповедников, которые должны были назначаться из числа «ученых людей» и утверждать в вере крестившихся. Основной импульс в этом отношении шел не от церкви, а от светской власти, с одной стороны, руководствовавшейся все более популярными гуманистическими принципами, с другой – опасавшейся затруднений со сбором ясака. Уже в работе В.Ф. Зуева начала 1770-х гг. об идолопоклонстве остяков говорится как о «дурачестве», которое описывается с иронией. Этот народ якобы «по своему малоумию... пужлив». Приводятся примеры, когда объектами поклонения служили коробки, ящики «и прочие мелочи». «Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал», – замечает исследователь ([Зуев, 1947: 48-49](#)). Соответственно такие невежественные люди заслуживают жалости и снисхождения, а никак не жестокого наказания.

В июле 1773 г. на имя преосвященного Тобольского и Сибирского Варлаама (Петрова) поступила жалоба остяков Куноватской волости, что местный священник с дьячком якобы «ездят по волости, умерших разрывают, платье с них снимают, а их нагих оставляют» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 2](#)). Случай оказался экстраординарным, т.к. причт обвинялся в невиданном ранее кощунстве. В Тобольск вызвали дьячка Куноватского прихода, который на следствии показал, что он со священником узнал от крещеной остячки Марии об обычае некоторых ее соплеменников хоронить вместе с покойниками большое количество различного имущества. Найдя одно из таких захоронений, они его раскопали, откуда извлекли «по идолопоклонническому обычаю... платья и протчаго немало..., умершаго тело положено в лотке на оленьей шкуре и в головах подушка ровдужная, а на теле оболочена заячья шуба и сверх оной краснова сукна зипун, подпоясан ремнем ровдужным, на поясе в ножнах ножик, на голове шапка, и лицо покрыто платом шолковым...» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 5](#)). Кроме того, в могиле находились две малицы, котел, топор, пимы, оленья упряжь, лук со стрелами, лыжи, часть хлеба, сало оленье в чашке, табаку 20 листов, рожок с табаком, огнивица с огнивом и мн. др. Тело и одежду на умершем не тронули, но все прочее члены причта забрали. При расспросе отец умершего показал, что он сам все положил в могилу «по прежнему идолопоклонническому обычаю из жалости, смотря на прочую свою братию той же волости ясашных остяков» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 7](#)).

Казалось бы, вина налицо. Дважды десятилетиями ранее остяку могло грозить суровое наказание. Однако в этот раз все обошлось без последствий. Резолюция архипастыря не касалась «инородца», а требовала лишь извлеченные из могилы платье и прочее имущество, которое при мертвом теле «вредным воздухом заразилось», сжечь, а со священника и дьячка взять подписку, что они, даже если будут поступать подобные доносы, «умерших из могил ни под каким видом не разрывали и платья не обирали» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 9 об.](#)). Документы были пересланы губернатору Д.И. Чичерину, который обещал обеспечить «крепкое смотрение» за ясашными, чтобы те в могилы ничего лишнего не клали ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 3. Д. 123. Л. 13](#)).

Еще один случай произошел около села Нижне-Лумпокольского в 1810 году. Брат местного священника сургутский мещанин Николай Кайдалов обнаружил место «идолослужения» с прикладами, развешанными на дереве. В ходе следствия один из допрошенных остяков показал, что он слышал, что якобы в Тром-Юганской волости умерла женщина, которая вскоре ожила и сказала «обвести все волости, дабы делали по старому их остяцкому обыкновению... из имения к деревьям, а буде сего не сделают, то не будет щастия в звериных рыбных и протчих промыслах» ([ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 15](#)), а также их сожгут небесным огнем. Слух об этом разнесся среди местных ясашных, решивших выполнить требование «покойной». Привлеченные по данному делу остяки на вопрос, почему же они не попросили своего священника, чтобы он «сделал об оном от них Богу христианское молебствие», ответили, что были тогда «в безумстве», а также заявили: «Российскою и святую

церковь, в которую крещены, твердо сохраним и впредь в ней непоколебимо остаемся и отныне более идолослужения чинить отнюдь не будем» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 17-17 об.). Аналогичные обязательства затем собрали с глав семей всех окрестных волостей.

Примечательна резолюция архипастыря на этом деле от 23 сентября 1810 г. «Совращение к первобытному заблуждению ясаших Бог взыщет на священнике, который, видно, не прилагает попечения в наставлении их и других прихожан своих в догматах христианской веры. Ему бы надлежало, узнав о сем их действии, тотчас отправиться к ним и своими пастырскими советами и наставлениями произвести в них раскаяние и на единого Бога в своих делах упование; но наемник яко наемник есть и нерадив о овцах, по сему случаю предписать как Сургутским, так и Березовским священникам, но дабы они непременно исполняли долг свой под опасением и здесь и в вечности истязания» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 7. Д. 10. Л. 2).

Таким образом, в соблюдении остояками языческих обрядов оказываются виноваты сами священники. Чем далее, тем более снисходительны были к проступкам «инородцев» в делах веры духовные и светские власти. Под влиянием идей просвещения изменился сам подход к пониманию того, что есть языческие «пережитки». Теперь это не «поклонение дьяволу», а заблуждение, следствие невежества «темных» аборигенов.

«Устав об управлении инородцев» 1822 г. ввел для коренных жителей Сибири свободу вероисповедания и богослужения, что привело к дальнейшему сужению мер административного воздействия на тех, кто придерживался языческих обычаев. «Устав» при обращении в православие предписывал духовенству «поступать по правилам кротким, одними убеждениями, без малейших принуждений». Тех же, кто уже принял христианство, запрещалось подвергать каким-либо взысканиям, «если они... окажутся в упущении церковных обрядов. Внушения и убеждения суть одни приличные в сем случае меры» (Сословно-правовое..., 1999: 104). Это в какой-то степени способствовало консервации языческих верований в отдаленных от центров приходов юртах, среди слабо контактировавших с русскими коренных жителей.

Заметно изменение позиции местной знати по отношению к миссионерам и духовенству в целом. Если в середине XVIII в. за противодействие в поисках «шайтана» князца Ивана Пирчина было приказано держать в Сургутской воеводской канцелярии «скована под крепким арестом», а затем «наказать жестоко кнутом» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 1. Д. 253. Л. 108), то менее чем через сто лет Обдорский князь Матвей Тайшин открыто мешал крещению своих соплеменников, встречая лишь робкие возражения миссионеров (Записки..., 1866). В этот период идеи христианизации коренного населения Сибири вызвали противоречивую реакцию светской власти. Губернатор опасался волнений «инородцев», осложненных с выплатой ясака, поэтому вмешательство в их внутренние дела воспринималось как покушение на привычный миропорядок, сложившийся в предшествующие десятилетия status quo.

Играла роль и гуманизация системы правосудия, не прибегавшего к допросам «с пристрастием» и требовавшего четких и безусловных доказательств в случае обвинения в идолопоклонстве. Характерный случай произошел в 1850-х гг. По распоряжению священника самаровской Покровской церкви местными русскими крестьянами в марте 1854 г. был задержан и препровожден в волостное правление житель с. Нахрачи вогул И.Г. Ишеняков, как якобы «жрец идольский» языческого бога Анаурта, собиравший приклады и приношения со своих соплеменников во время ежегодных поездок по Конде, низовьям Иртыша и средней Оби. В своем рапорте священник сообщал, что арестованный и его помощник Пакин «проезжают, отклоняя остояков от православия, посеявая плевелы, противные вере христианской, и поддерживая и усиливая идолопоклонство» (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 7). Несколькою годами ранее настоятель нахрачинской Троицкой церкви лично наблюдал за языческим жертвоприношением («закланием тельца» и употреблением жертвенной крови, смешанной с брагой) при непосредственном участии И.Г. Ишенякова (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 142). Проблема была в том, что сам И.Г. Ишеняков не сознался в инкриминируемом ему преступлении, а все доказательства его вины носили косвенный характер: показания крестьян; наличие у арестованного большого числа разнородных и разноцветных кусков ткани, которые не могли использоваться для изготовления одежды, а скорее всего, являлись собранными у «инородцев» подношениями идолу. Проведенное расследование не нашло убедительных доказательств правонарушения языческого «жреца», т.к. по определению Тобольского окружного суда «все эти улики, при непризнании подсудимых, юридического обвинения не составляют» (ГАТ. Ф. И-378. Оп. 1. Д. 99. Л. 319). И.Г. Ишеняков был «оставлен в подозрении», но никакого наказания не понес.

С середины XIX в. тобольские и сибирские преосвященные неоднократно бывали на Севере Западной Сибири, имея возможность лично оценить религиозность новокрещеных (Подробнее см.: Tsys', 2017). Так, епископ Варлаам (Успенский) в путевом журнале 1866 г. писал, что остояки – это «дети только природы, общественной жизни не знающие и действующие машинально, по указанию русских или священников» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102). Поэтому не следует ожидать и требовать от них многого. Так, при обозрении Юганского прихода выяснилось, что местные «инородцы» исповедуются почти все, но приобщаются Св. Тайн лишь 12-я или 15-я части,

а т.к. они не могут и одной недели провести в посте и воздержании, преосвященный постановил «объявить им пост, хотя бы на три дня» (ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 102 об.).

В Указе его преосвященства от 11 июля 1866 г., последовавшем после обозрения Березовского округа в 1865–1866 гг., содержалось требование «от соблюдения языческих суеверий и обрядов удерживать инородцев всеми способами, сообщая о прекращении их формулярно, и самим старшинам или головам их, а также и князкам там, где они утверждены Правительством» (ГАТ. Ф. И-708. Оп. 1. Д. 3. Л. 510-511). Однако никаких мер воздействия на «заблудших», кроме проповеди Слова Божия, не предусматривалось. Другим указом от 23 ноября 1866 г. предписывалось с помощью полиции отбирать у новокрещеных идолов, если таковые будут обнаружены. Но опять же никакого наказания за это не предполагалось (Церкви..., 2007: 212-213).

О том, как за сто лет изменились методы воздействия на «заблудших», можно понять по случаю, описанному в рапорте ларьякского священника Е.М. Словцова за 1884 год. О «ворожбе», произошедшей в ночь с 30 на 31 мая в юрте за с. Ларьяк Ваховской волости недалеко от ярмарочной площади, настоятель узнал от казака Прохора Кайдалова, видевшего всех участников языческого действа и назвавшего даже главного зачинщика – остяка Кульеганских юрт Алексея Кунина. Приглашенный и опрошенный через переводчика А.В. Кунина не отрицал своей «вины». Священнику ничего не оставалось, как урезонивать своего собеседника, а также сетовать на то, что П. Кайдалов не разбудил его в ночь ворожбы и не заявил об этом происшествии вовремя (ГАТ. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 15. Л. 90-93 об.). Никаких других способов, кроме «увещевания заблудшего», у Е.М. Словцова не имелось.

5. Заключение

Таким образом, в политике государства и РПЦ в отношении борьбы с языческими «пережитками» коренного населения Тобольского Севера можно выделить несколько основных этапов.

1. Время с начала христианизации до первых лет правления Екатерины II (1710-е – 1760-е гг.) отмечается жестким давлением на новокрещеных с целью полного искоренения всех проявлений язычества.

2. Период «просвещенного абсолютизма» и до принятия «Устава о правлении инородцев» (1770-е – 1822 гг.) характеризуется постепенным смягчением государственной политики в отношении новообращенных.

3. С начала действия положений «Устава» происходит полный отказ от каких-либо форм дискриминации и преследования за языческие «пережитки», наблюдается стремление воздействовать на «заблудших» исключительно убеждением, не допускать насилия по отношению к «инородцам».

Общая эволюция политики государства и Русской православной церкви в борьбе с идолопоклонством заключалась в постепенном смягчении как законодательных норм, так и их правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещеных. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию. Многие представители церкви, прежде всего миссионеры и приходские священники, были не согласны с подобного рода ограничениями, связывавшими им руки в деле христианизации. Тем не менее, даже в период гонений на язычников власть старалась избегать крайних мер, возможных по действующему законодательству. В конечном счете в распоряжении причтов и миссионеров к концу рассматриваемого периода остались только меры пастырского увещевания, используя которые они иногда вынуждены были идти на уступки против правил, лишь бы не допустить отпадения прихожан от церкви.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 18-49-860002 p_a.

Литература

Аблажей, 2010 – Аблажей А.М. Христианизация коренных народов Сибири в XVIII – начале XX веков: опыт теоретического комментирования // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия*. 2010. Т. 8. Вып. 2. С. 65-70.

Абрамов, 1851 – Абрамов Н.А. О введении христианства у березовских остяков // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1851. №12. С. 1-22.

Базанов, 1936 – Базанов А.Г. Очерки по истории миссионерских школ на Крайнем Севере. Л.: Ин-т народов севера им. П.Г. Смиловича Главсевморпути при СНК СССР, 1936. 134 с.

Буцинский, 1893 – Буцинский П.Н. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков: Тип. губ. правления, 1893. 93 с.

Главацкая, 2005 – Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург; Салехард: Изд. «РА АРТмедиа», 2005. 360 с.

ГАТ – Государственный архив в г. Тобольске.

Записки..., 1866 – Записки находившихся в Березовском округе Тобольской епархии для обращения иноверцев к христианству иеромонаха Макария и помощников его 1832 года / Сост. Н.А. Абрамов // *Странник*. 1866. №8. С. 11–24.

Зуев, 1947 – *Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771–1772). М., Л.: Изд-во и 1-я тип. изд-ва Акад. наук СССР, 1947. 96 с.

Миненко, 1975 – *Миненко Н.А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Миненко, 2000 – *Миненко Н.А.* Судьба православия на Обском севере (XVIII – начало XX веков) // *Очерки истории Югры / Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев.* Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2000. С. 209–259.

Новицкий, 1941 – *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остячком 1715 / Предисл. П.Н. Скороспеловой. Новосибирск: Новосибиргиз, 1941. 106 с.

Огрызко, 1941 – *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л.: Учпедгиз, Ленингр. отделение, 1941. 148 с.

Перевалова, 2000 – *Перевалова Е.В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // *Древности Ямала. Вып. 1.* Екатеринбург-Салехард: УрО РАН, 2000. С. 152–190.

ПСЗР – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).

Проекты..., 1882 – Проекты уголовного уложения 1754–1766 годов новоуложенной книги, часть вторая: о розыскных делах и какие за разные злодейства и преступления казни, наказания и штрафы положены / Под ред. А.А. Востокова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. 1882. 208 с.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Сословно-правовое..., 1999 – Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX веков): Сб. правовых актов и документов / Ред.-сост. А.Ю. Конев. Тюмень: Изд-во Ин-та пробл. освоения Севера СО РАН, 1999. 237 с.

Сулоцкий, 2000 – *Сулоцкий А.И.* Миссионерства Березовского края – Обдорская, Кондинская и в особенности Сургутская // *Сочинения. В 3 т. Тюмень: Мандр и Ка, 2000. Т. 2. С. 789–801.*

Темплинг, 2004 – *Темплинг В.Я.* «Я не находил лучшего для себя мира, какой я чувствовал в кочевьях суровых детей суровой тайги» // *Из истории Обдорской миссии: Источники.* Тюмень: Мандр и Ка, 2004. С. 10–30.

Церкви..., 2007 – Церкви Обдорска: летопись в документах / Ред.-сост. В.Я. Темплинг. Тюмень: Б. и., 2007. Вып. II: Петропавловская церковь (1824–1894). Ч. I. 304 с.

Tsys', 2017 – *Tsys' O.P.* Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 44, Is. 2. P. 478–486.

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press, 1983. 507 p.

References

Ablazhei, 2010 – *Ablazhei A.M.* (2010). Khristianizatsiia korennykh narodov Sibiri v XVIII – nachale XX veka: opyt teoreticheskogo kommentirovaniia [Christianization of the Indigenous Peoples of Siberia in the XVIII – early XX Century: The Experience of Theoretical Commenting]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Filosofii*. Vol. 8. Vyp. 2. pp. 65–70. [in Russian]

Abramov, 1851 – *Abramov N.A.* (1851). O vvedenii khristianstva u berezovskikh ostiakov [On the introduction of Christianity in Ozyakov Berezovsky]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. № 12, pp. 1–22. [in Russian]

Bazanov, 1936 – *Bazanov A.G.* (1936). Ocherki po istorii missionerskikh shkol na Krainem Severe [Essays on the history of missionary schools in the Far North]. Leningrad: In-t narodov severa im. P.G. Smidovicha Glavsevmorputi pri SNK SSSR. 134 p. [in Russian]

Butsinskii, 1893 – *Butsinskii P.N.* (1893). Kreshchenie ostiakov i vogulov pri Petre Velikom [Christening of ostyaks and voguls under Peter the Great]. Khar'kov: tip. gub. pravleniia. 93 p. [in Russian]

Freeze, 1983 – *Freeze G.L.* (1983). The Parish Clergy in Nineteenth-Century Russia: Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton: Princeton University Press. 507 p.

ГАТ – Gosudarstvennyi arkhiv v g. Tobol'ske [State Archives in Tobolsk].

Glavatskaya, 2005 – *Glavatskaya E.M.* (2005). Religioznye traditsii khantov XVII – XX vv. [Khanty religious traditions in XVII – XX centuries]. Ekaterinburg; Salekhard: izd. «RA ARTmedia». 360 p. [in Russian]

Minenko, 1975 – *Minenko N.A.* (1975). Severo-Zapadnaia Sibir' v XVIII – pervoi polovine XIX v. Istoriko-etnograficheskii ocherk [North-Western Siberia in the XVIII – first half of the XIX century. Historical and ethnographic essay]. Novosibirsk: Nauka. 308 p. [in Russian]

Minenko, 2000 – *Minenko N.A.* (2000). Sud'ba pravoslaviia na Obskom seвере (XVIII – nachalo XX veka) [The fate of Orthodoxy in the Ob North (XVIII – early XX century)]. *Ocherki istorii Iugry*. Отв. ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург: Изд-во «Волот». pp. 209–259. [in Russian]

- Novitskii, 1941** – *Novitskii G.* (1941). *Kratkoe opisaniie o narode ostiatskom 1715* [A brief description of the people of Ostyak 1715]. Predisl. P.N. Skorospelovoi. Novosibirsk: Novosibgiz. 106 p. [in Russian]
- Ogryzko, 1941** – *Ogryzko I.I.* (1941). *Khristianizatsiia narodov Tobol'skogo Severa v XVIII v.* [Christianization of the peoples of the Tobolsk North in the XVIII century]. Leningrad: Uchpedgiz, Leningr. otделение. 148 p. [in Russian]
- Perevalova, 2000** – *Perevalova E.V.* (2000). *Obdorskii kniaz'ia Taishiny (istoriko-etnograficheski ocherk)* [Obdorsk princes Taishin (historical and ethnographic essay)]. *Drevnosti Iamala*. Dep. 1. Ekaterinburg-Salekhard: UrO RAN. pp. 152–190. [in Russian]
- Proekty..., 1882** – *Proekty ugolovno go ulozheniia 1754–1766 godov novoulozhennoi knigi chast' vtoraia: o rozysknykh delakh i kakie za raznye zlodeistva i prestupleniia kazni, nakazaniia i shtrafy polozheny* [The drafts of the criminal code of 1754–1766 of the newly laid-out book, part two: on investigative cases and what kind of punishment and crime for various villainy and crimes, punishments and fines]. Pod red. A.A. Vostokova. Sankt-Peterburg: tipografiia M.M. Stasiulevicha. 1882. 208 p. [in Russian]
- PSZRI** – *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire] (PSZRI). 1. Vol. IX. No 6693. [in Russian]
- RGADA** – *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [Russian state archive of ancient acts].
- Soslovno-pravovoe..., 1999** – *Soslovno-pravovoe polozhenie i administrativnoe ustroistvo korennykh narodov Severo-Zapadnoi Sibiri (konets XVI – nachalo KhKh veka): Sb. pravovykh aktov i dokumentov* [Legal status and administrative structure of the indigenous peoples of North-Western Siberia (late XVI – early XX century): Collection of legal acts and documents]. Red.-sost. A. Iu. Konev. Tiumen': Izd-vo In-ta probl. osvoeniia Severa SO RAN, 1999. 237 p. [in Russian]
- Sulotskii, 2000** – *Sulotskii A.I.* (2000). *Missionerstva Berezovskogo kraia – Obdorskaiia, Kondinskaiia i v osobennosti Surgutskaiia* [Missions of the Berezovsky Territory – Obdorskaya, Kondinskaya and especially Surgut]. *Sochineniia*. V 3 tt. Tiumen': Mandr i Ka. Vol. 2. pp. 789–801. [in Russian]
- Templing, 2004** – *Templing V.Ia.* (2004). «*Ia ne nakhodil luchshego dlia sebii mira, kakoi ia chuvstvoval v kochev'iakh surovyykh detei surovoi taigi*» [I didn't find a better world for myself, as I felt in the nomadic harsh children of the harsh taiga]. *Iz istorii Obdorskoi missii: Istochniki*. Tiumen': Mandr i Ka. pp. 10–30. [in Russian]
- Tserkvi..., 2007** – *Tserkvi Obdorska: letopis' v dokumentakh* [Churches of Obdorsk: the annals in documents]. Red.-sost. V.Ya. Templing. Tyumen'. 2007. Vol. II: *Petropavlovskaya tserkov' (1824–1894)*. Dep. I. 304 p. [in Russian]
- Tsys', 2017** – *Tsys' O.P.* (2017). *Visits of Tobolsk Diocesan Bishops to the North of Western Siberia in XVIII – early XX centuries*. *Bylye Gody*, Vol. 44, Is. 2. pp. 478–486.
- Zapiski..., 1866** – *Zapiski nakhodivshikhsia v Berezovskom okruge Tobol'skoi epar-khii dlia obrashcheniia inovertsev k khristianstvu ieromonakha Makariia i pomoshchnikov ego 1832 goda* [Notes of the Tobolsk diocese in the Berezovsky district for the conversion of foreigners to Christianity by hieromonk Makarii and his assistants in 1832]. Sost. N.A. Abramov. Strannik. 1866. No 8. pp. 11–24. [in Russian]
- Zuev, 1947** – *Zuev V.F.* (1947). *Materialy po etnografii Sibiri XVIII veka (1771–1772)* [Materials on the ethnography of Siberia of the XVIII century (1771–1772)]. Moscow, Leningrad: izd-vo i 1-ia tip. Izd-va Akad. nauk SSSR. 96 p. [in Russian]

Борьба Русской православной церкви и светской власти с языческими «пережитками» народов Тобольского Севера в XVIII–XIX вв.

Валерий Валентинович Цысь ^{a, *}, Ольга Петровна Цысь ^a

^a Нижневартковский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье раскрываются методы борьбы Русской православной церкви и светской власти с «пережитками» язычества у подвергшегося христианизации коренного населения Тобольского Севера, их эволюция на протяжении XVIII–XIX вв. Указывается, что в 1710-е – 1760-е гг. используется жесткое давление на новокрещенных с целью полного искоренения всех проявлений идолопоклонства. Этому способствовало действующее законодательство и практика его правоприменения. Для искоренения языческих «пережитков» применялись следующие наказания: битье кнутом или плетью; ссылка в Кондинский монастырь; наложение епитимьи (изучить молитвы, ежедневно класть определенное число поклонов в церкви и т.п.). Период «просвещенного абсолютизма» и первая четверть XIX в. (1770-е – 1822 гг.) характеризуются постепенным смягчением государственной политики в отношении новообращенных. Изменился подход к пониманию того, что есть языческие «пережитки». Теперь это не «поклонение дьяволу», а заблуждение, следствие

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tsysv@rambler.ru (В.В. Цысь)

невежества «инородцев». В дальнейшем происходит полный отказ от каких-либо форм дискриминации и преследования за языческие «суеверия», стремление воздействовать на «заблудших» исключительно убеждением, недопущение насилия. В распоряжении православных причтов и миссионеров к концу рассматриваемого периода остались только меры пастырского увещания. Общая эволюция политики государства и Русской православной церкви в борьбе с идолопоклонством заключалась в постепенном смягчении правоприменительной практики при выявлении языческой обрядности у новокрещеных. Эти изменения были обусловлены гуманизацией российского общества, более толерантным отношением к иноверию.

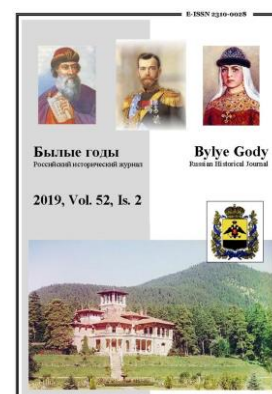
Ключевые слова: Тобольская и Сибирская епархии, миссионерство, Тобольский Север, духовенство, язычество, идолопоклонство, новокрещеные, коренные народы.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 542-558. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.542
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Spearhead of the Crimean Tatar Sultan Tokhtamysh from the Collection of the State Historical Museum

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Sergey Y. Kainov ^b, Victoria V. Veselitskaya ^b, Alexey V. Salnikov ^c

^a Novosibirsk State University, Russian Federation

^b State Historical Museum, Russian Federation

^c Moscow International University, Russian Federation

Abstract

The article deals with the spearhead (or 6313) from the collection of the State Historical Museum (Moscow). According to the Russian historian of the early XXth century, V. A. Gorodtsov, it was purchased "...in the Crimea, at the marketplace." The total length of the spearhead is 25.8 cm (including the length of the blade – 14.3 cm). The socket diameter is 3.4 cm. The weight is 226 gr. The socket of the spearhead is decorated with floral ornaments and the inscription: "Tokhtamysh Kerey Sultan the son of Mengli Kerey Khan".

On the basis of typological analysis it was found that the sample is part of a small group of spearheads used by warriors in Eastern Europe of the XV–XVIII centuries. The study of the structure and inlay confirmed the hypothesis of I.V. Zaitsev that the spearhead belonged to Sultan Tokhtamysh (?–1742) – the son of Mengli Giray II (1678–1739), who twice occupied the Khan's throne (1724 – October 1730, September 1737–December 1739). The most accurate stylistic analogues of the ornament (made simultaneously with the inscription) are found on the Ottoman bladed weapons of the second half of the XVIIth – the first half of the XVIIIth centuries.

For some time Tokhtamysh Kerey held the position of Nureddin, which formally was the third most important in the hierarchy of the Crimean khanate (after the Khan and kalga – heir to the throne). Taking into account that on the spearhead the Sultan is mentioned as the son of Khan Mengli Giray, the time of application of the inscription on the socket can be localized in 1724 – early February 1742 (the year of the accession of Mengli Giray II to the throne and the death of Tokhtamysh, respectively). It is most likely that this happened in 1724–1730, or in 1737–1739, that is, in those periods when the father of Tokhtamysh occupied the Khan's throne. The features of the image suggest that it could be inlaid by masters of the Crimean khanate or adjacent territories on the Ottoman model. In this case, the spearhead itself could be made a few years previously the specified dates. In favor of this it is evidenced by the fact that the inlay was applied to the surface of the sleeve after the latter was covered with oxides.

The numerous through holes on the socket may have served not only for fixing it on a wooden shaft, but also for fixing the convex side metal strips ("pozhilliny") and (or) horsetail. Depending on the length of the shaft, the weapon could be used as a long or short peak. The use of it as a dart-Jarid, is possible, but unlikely.

The spearhead (or 6313) is the first known example of a long-shaft stabbing weapon, which can be correlated with a complex of weapons of the aristocracy of the Crimean khanate of the mid 20s – early 40s of the XVIIth century.

Keywords: Crimean khanate, weapons of Crimean Tatars, Tatar spear, Tokhtamysh Kerey.

* Corresponding author

E-mail addresses: spsml@mail.ru (L.A. Bobrov), skainov@mail.ru (S.Y. Kainov), veselitskaya@mail.ru (V.V. Veselitskaya), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

1. Введение

В фондах Государственного исторического музея (ГИМ) хранится инкрустированный золотом наконечник копья (Инв. № ор 6313), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружейников и военных историков.

Первое описание наконечника было выполнено в 1913 г. выдающимся российским и советским исследователем В.А. Городцовым: «Наконечник железного копья, купленный в Крыму, на торгу. Перо четырехгранное, желобчатое, трубка овально-четырёхгранная, внизу круглая; низ трубки с семью скважинами, в двух из которых сохранились железные шпильки, служившие для скрепления наконечника с рукояткой копья. На трубке наведены золотом травы, а ниже их сделана также золотом татарская надпись: «Тохтамыш Гирей Султан сын Менгли Гирей Хана». Менгли Гирей царствовал с 1466 по 1515 годы (Городцов, 1913: 4). В той же публикации, но несколькими страницами ниже, В.А. Городцов вновь обращается к крымскотатарскому наконечнику, рассматривая его как аналог русской рогатины первой половины XVI в., найденной в Ипатьевском переулке Москвы: «Рогатина четырехгранная, плоская, обоюдоострая, с желобчатыми долами по граням. Трубка в основании круглая, кверху овальная с неясно выраженными ребрами, составляющими продолжение средних граней пера. Интересно, что *такой же формы тулея имеется у копья Тохтамыша султана, сына крымского хана Менгли-Гирея, царствовавшего в 1466–1515 годах* (здесь и далее курсив наш – авт.)» (Городцов, 1913: 13). К сожалению, описание крымскотатарского копья в издании 1913 г. не было проиллюстрировано его изображением.

Почти через сто лет с момента публикации работы В.А. Городцова предложенная им атрибуция крымскотатарского наконечника была оспорена российским исследователем И.В. Зайцевым. Проанализировав материалы письменных источников, он пришел к выводу, что «...владелец копья не мог быть сыном Менгли-Гирея I», так как у данного правителя не было наследника с таким именем (Зайцев, 2008: 147, 148). Согласно реконструкции И.В. Зайцева, владельцем копья являлся султан Тохтамыш – сын хана Менгли Гирея II (1724–1730, 1737–1740), «...а значит, сам предмет нужно датировать 20–40 гг. XVIII в.» (Зайцев, 2008: 148). Статья была проиллюстрирована черно-белыми фотографиями наконечника: общий вид (с одной стороны) и две фотографии надписей.

Таким образом, наконечник копья крымскотатарского аристократа неоднократно привлекал внимание отечественных исследователей. Однако основанием для датировки оружия выступала надпись, указывавшая на возможного владельца (или заказчика) копья. В то же время рассматриваемый наконечник еще ни разу не становился объектом специального оружейно-исторического исследования, не были указаны его размеры, не проанализированы особенности конструкции, декоративного оформления и т.д.

Целью данной статьи является подробное описание наконечника ор 6313 из собрания ГИМ, а также уточнение его датировки и атрибуции.

2. Материалы и методы

Методологической базой научных работ по изучению защитного и наступательного вооружения являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

При применении системного подхода отдельные предметы вооружения, а также их комплексы изучаются как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов. Последние обладают способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения диффузионизма (заимствование, перенос, смешение) и эволюционизма (изменчивость и наследственность). Методика обработки источников определяется задачами исследования. В оружейно-исторических работах на этапах интерпретации и анализа материалов применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. При реконструкции вариантов первоначального внешнего вида предмета вооружения используется комплексный подход, основанный на сопоставлении различных видов источников.

3. Обсуждение

По материалу изготовления наконечник относится к классу железных, по способу насада на древко – к отделу втульчатых, по сечению пера – к группе ромбических (с широкими долами), по форме пера – к типу удлинненно-треугольных (Рисунок 1).

Рис. 1. Наконечник ор 6313 из собрания ГИМ. Крымское ханство, середина 20-х – начало 40-х гг. XVIII в. (время выполнения инкрустации)

Наконечник (общая длина – 25,8 см) состоит из пера (боевого проникателя) и конической втулки. Общий вес наконечника – 226 гр.

Грани (плоскости) кинжаловидного пера (длина – 14,3 см) снабжены широкими «желобчатыми» долами, благодаря которым боевой проникатель имеет характерное «звездообразное» сечение. Глубина дола неравномерна. Если у плечиков она составляет около 0,7 мм, то у острия практически сходит на нет. Ширина пера в районе плечиков – 2,2 см, в центральной части – 1,8 см, в верхней (1 см от острия) – 0,7 см. Толщина пера (ширина по продольным лопастям) в районе плечиков – 1,55 см, в центральной части – 1,05 см, в верхней – 0,5 см.

Втулка наконечника представляет собой коническую трубку, края которой аккуратно сведены встык, образуя вертикальный шов (при этом следы пайки визуальнo не прослеживаются). Благодаря

уплощенным плечикам и слабо выраженной шейке (толщина – 1,7 см), переход от пера к втулке плавный, что придает наконечнику обтекаемый силуэт. Длина втулки – 11,5 см, однако глубина отверстия составляет 12,5 см (часть полого конуса насада находится в основании пера наконечника).

Характерной особенностью оформления верхней части втулки являются четыре ребра жесткости, представляющие собой продолжение лопастей пера наконечника. Постепенно уменьшаясь в размерах, ребра проходят через шейку и сходят на нет лишь в нижней части втулки. Благодаря ребрам, верхняя часть конической трубки имеет ромбическое сечение. Диаметр втулки у шейки 2,0 на 1,7 см. В центральной части (на расстоянии 5,7 см от нижнего края) 2,7 на 2,8 см.

Нижняя часть втулки представляет собой круглый в сечении уступ шириной 0,5 см и глубиной 0,2 мм (Рисунок 1; 2, 1, 2). Диаметр раструба втулки – 3,4 см. В плоскость уступа вбиты две заклепки (длина – 3,5–3,8 мм, диаметр стержня – 2,2 мм) и пробиты пять сквозных отверстий (Рисунок 2, 4). Вероятно, в одно из них (диаметр – 1,8 мм) также вставлялась заклепка, в настоящее время утерянная.¹ Четыре других отверстия имеют значительно больший диаметр – 3,5 мм. Около одного из них можно наблюдать вдавленность подквадратной формы (7,0 на 6,0 мм), возможно, от шляпки гвоздя. В отверстия вставлялись заклепки, дополнительно фиксировавшие наконечник на деревянном древке. Кроме того, не исключено, что некоторые из них служили для крепления более или менее выпуклого накладного бортика, располагавшегося поверх уступа вдоль нижнего края втулки и (или) металлических полос-пожиллин, защищавших древко от рубящих ударов противника.

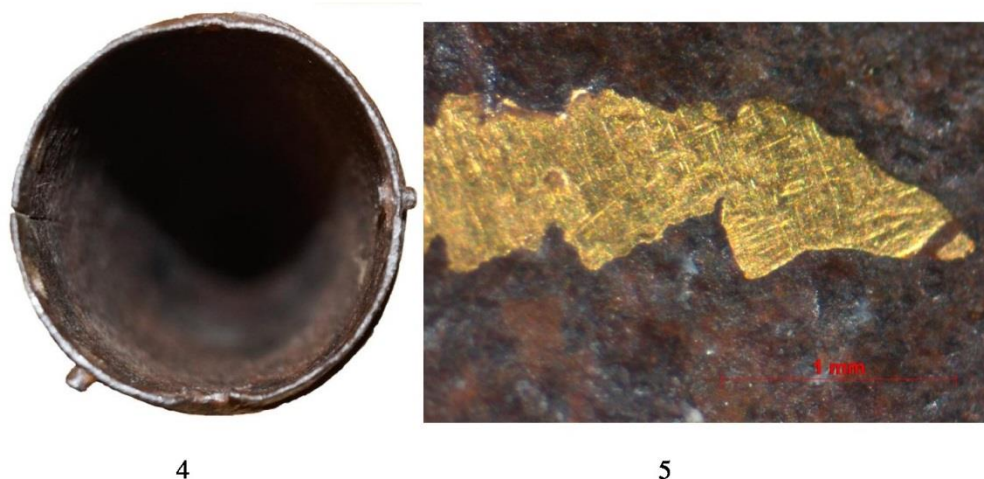

Рис. 2. Наконечник ор 6313 из собрания ГИМ: 1, 2. Надписи на втулке; 3. «Цветочный куст»; 4. Раструб втулки (вид снизу); 5. Золотая инкрустация

Поверхность граненой части втулки украшена инкрустацией в виде четырех стилизованных цветочных кустов или «букетов», под которыми располагается надпись, выполненная арабией (Рисунок 1; 2, 1–3). Перед началом работ по линии будущего изображения один за одним наносились

¹ Судя по наблюдениям В.А. Городцова, заклепка («шпилька») отсутствовала на наконечнике уже в начале XX в. (Городцов, 1913: 4).

мелкие треугольные углубления, в которые затем забивалась проволока (Рисунок 2, 5). Цветочный куст представляет собой вертикальный стебель с пятью трехлепестковыми бутонами и парой загибающихся вверх С-образных «корней» (Рисунок 2, 3). Стебли одного из «букетов» дополнительно украшены парой миниатюрных листьев (Рисунок 2, 2).

Поверхность наконечника покрыта плотной стабильной коррозией темно-коричневого цвета, из-под которой в некоторых местах проглядывает чистый металл. Весьма вероятно, что инкрустация была нанесена на втулку не в момент изготовления наконечника, а несколько позднее, уже после того, как его поверхность покрылась окислами.

Рентгенофлуоресцентный анализ орнамента и надписей выявил, что они изготовлены из высокопробного золота с незначительной примесью серебра¹:

	Sn	Pb	As	Zn	Hg	Au	Ag	Cu	Mn
надпись	0,04	-	0,05	0,07	0,13	94,59	4,18	0,64	0,3
орнамент	0,04	0,04	-	-	0,24	94,46	4,25	0,59	0,33

Датировка и атрибуция

Точные аналоги рассматриваемого наконечника в настоящее время не известны. Однако многие элементы его конструкции встречаются на азиатском и европейском длиннодревковом оружии Средневековья и раннего Нового времени.

Удлиненно-треугольная («кинжаловидная») форма пера со слабовыраженными уплощенными плечиками была хорошо известна жителям Восточной Европы X–XIV вв. (Кирпичников, 1966: 15-17. Табл. IV, рис. 10, табл. VIII, рис. 12, 13, табл. IX, рис. 7-9, 11-13; Измайлов, 2008: 48-50; Кочкаров, 2008: 150. Табл. XXI, рис. 6, 8, с. 153, табл. XXIV, рис. 24, 25, с. 154, табл. XXV, рис. 33, 36, 41, с. 156, табл. XXVII, рис. 50, 56, 57). Однако сечение боевого проникателя, оформление шейки и втулки свидетельствуют в пользу более позднего происхождения изучаемого образца.

Широкие доли, придающие перу копья характерное «звездообразное» сечение, в целом не типичны для колющего длиннодревкового оружия кочевников Евразии раннего и развитого Средневековья. Рост их популярности приходится на эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, когда подобные наконечники начали активно использоваться населением Центральной, Средней, Западной Азии, а также Восточной Европы и некоторых других территорий (Квитковский, 2005: 46; LaRocca, 2006: 178-180; Бобров, Борисенко, Худяков, 2012: 21. Рис. 1, 21-23; Двуреченский, 2015: 85, рис. 29, 4, 5, с. 89, рис. 33, 2, с. 99, рис. 42, 3, с. 100, рис. 43, 3, с. 102, 107, рис. 48, 1).² По мнению известного оружейника и военного специалиста первой половины XX в. В.Г. Федорова, широкие доли служили для уменьшения веса оружия и облегчения погружения боевого проникателя в тело противника: «Копье и наконечник изготавливаются из стали, копье³ имеет острие и доли – для облегчения копья и для лучшего разрезания (своими углами) волокон при проникновении» (Федоров, 1905: 40).

Относительно редко встречающейся деталью втулки наконечника из ГИМ являются четыре ребра жесткости, представляющие собой продолжение лопастей «звездообразного» в сечении пера наконечника. Схожее конструктивное решение фиксируется на восточноевропейских рогатинах XV–XVI вв. (Городцов, 1913: 13, рис. 85; Государева Оружейная Палата, 2002: 353, 354; Двуреченский, 2015: 104-107; Измайлов, 2017: 207. Рис. 3), а также некоторых копьях и пиках XVI–XVIII вв.⁴

Сбор и систематизация профильных материалов позволяет выделить несколько образцов колющего длиннодревкового оружия, которые имеют три и более конструктивных и оформительских элемента, присутствующих на интересующем нас крымскотатарском наконечнике (Рисунок 3).

¹ Анализы химического состава выполнены с помощью микрорентгенофлуоресцентного спектрометра Bruker M1 Mistral.

² На вооружении российской кавалерии пики, снабженные пером с широкими долами, продолжали активно применяться вплоть до начала XX в. См., например, наконечники образца 1798 г., 1806 г., 1839 г., 1843 г., 1862 г., 1901 г., 1910 г. (Леонов, Устьянов, 2017: 470-482).

³ В данном случае под «копьем» подразумевается перо наконечника пики.

⁴ Граненые втулки встречаются и на других образцах восточноевропейского и азиатского длиннодревкового оружия, однако в большинстве случаев ребра втулки таких наконечников не продолжают лопасти проникателя, а напротив, размещены под гранями (плоскостями) пера (Бобров, Борисенко, Худяков, 2012: 21, рис. 1, 21; Двуреченский, 2015: 79, рис. 3, 1, с. 83, рис. 27, 3, с. 85, рис. 29, 3, 5, с. 86, рис. 30, 2, 3, с. 97, рис. 40, 1, с. 99, рис. 42, 1, с. 109, рис. 51, 1, 2).

Рис. 3. Наконечник ор 6313 и его аналоги XV–XVIII вв.: 1. ор 6313, ГИМ; 2. Случайная находка с территории Черниговской области, частная коллекция; 3. Из собрания ВКН, начало XVIII в. (по: Кулаков и др., 2013); 4. Из Ипатьевского переуллка г. Москвы, ор 7735, ГИМ, первая половина XVI в.; 5. Из собрания НМ РТ, XV–XVI вв. (по: Измайлов, 2017); 6. Рогатина Великого князя Тверского Бориса Александровича, первая половина – середина XV в. (по: Государева Оружейная Палата, 2002)

В первую очередь, необходимо отметить упомянутые выше рогатины из собрания ММК и НМ РТ (Рисунок 3, 5, 6). Грани (лопасти) боевых проникателей указанных наконечников снабжены широкими «желобчатými» долами, придающими перу «звездообразное» сечение. Лопасти пера переходят на шейке наконечников в ребра жесткости, доходящие до края втулок. Поверхность последних украшена орнаментом. На основании надписи на наконечнике из ММК (Инв. № ор 57) он традиционно атрибутируется как рогатина Великого князя Тверского Бориса Александровича и датируется первой половиной – серединой XV в. (Государева Оружейная Палата, 2002: 198, 199, 353, 354). Рогатина из собрания НМ РТ датирована И.Л. Измайловым XV–XVI вв. и соотнесена с комплексом вооружения воинов Казанского ханства (Измайлов, 2017: 207. Рис. 3). К двум указанным наконечникам примыкает рогатина из собрания ГИМ (Инв. № ор 7735), найденная в 1895 году в Ипатьевском переулке Москвы и датируемая первой половиной XVI в. (Рисунок 3, 4).¹ Данный образец длиннодревкового оружия снабжен листовидным пером с широкими долами и остроугольными лопастями, переходящими на втулке в слабо выраженные ребра.²

Однако, несмотря на схожие конструктивные решения, указанные наконечники сложно назвать совершенно идентичными с изучаемым образцом. В первую очередь необходимо отметить, что по своим размерам рогатины значительно превосходят копье Тохтамышя Гирея.³ Существенно разнятся силуэты, пропорции элементов наконечников, а в случае с рогатинами из НМ РТ и ГИМ еще и форма

¹ Авторы выражают благодарность сотруднику отдела оружия Государственного исторического музея Т.В. Чистоновой за возможность ознакомиться в наконечником рогатины.

² На сходство некоторых элементов оформления данной рогатины из ГИМ с наконечником копья Тохтамышя Гирея обратил внимание еще В.А. Городцов (Городцов, 1913: 4, 13).

³ Так, например, длина рогатины из собрания ММК достигает 45,7 см. Длина рогатины из Ипатьевского переуллка – 31,0 см (в т.ч. длина пера – 20,5 см, ширина – 4 см). Диаметр втулки – 4,3 см.

пера (листовидная вместо удлинненно-треугольной). Декоративное оформление рогатины из ММК принципиально отличается от рассматриваемого образца. Что же касается узора на втулке наконечника из НМ РТ, то он, хотя и представляет собой растительный орнамент, но выполнен в иной стилистической манере, чем цветочные «букеты» на крымскотатарском оружии из ГИМ.

Удлинненно-ромбическим пером с широкими долами и уплощенными плечиками снабжен копейный наконечник из собрания Воронежского краеведческого музея (ВКН). Вдоль края конической втулки приклепан накладной валикообразный бортик (сохранился фрагментарно) (Рис. 3, 3). Наконечник датирован сотрудниками музея периодом восстания Кондратия Булавина, то есть 1707–1709 гг. (Кулаков и др., 2013: 54). Неподалеку от «старых казачьих станиц» в районе г. Константиновска (Ростовская область) был найден копейный наконечник, снабженный удлинненно-ромбическим пером с широкими долами и уплощенными плечиками. В отличие от наконечника из ВКН его «ростовский» аналог отличается длинной и массивной конической втулкой, покрытой рельефным орнаментом. Лопаста пера переходят на втулке в выпуклые полосы. По краю втулки пропущен железный бортик.

Один из ближайших аналогов наконечника из ГИМ происходит из числа случайных находок с территории Черниговской области (Рисунок 3, 2). От рассматриваемого образца он отличается несколько иными пропорциями, более крупными размерами (общая длина – 32,0 и 25,8 см соответственно), а также особенностями инкрустации. Грани (плоскости) пера (длина – 18,5 см, ширина – 3,2 см)¹ снабжены широкими долами, благодаря которым боевой проникатель имеет характерное «звездообразное» сечение. Лопаста пера переходят в ребра жесткости, постепенно сходящие на нет в нижней части втулки. Уплощенные плечики придают наконечнику обтекаемый силуэт. Вдоль нижнего края втулки (диаметр – 3,2 см) приклепан широкий выпуклый бортик, возможно, утерянный на «крымском» аналоге. Втулка и перо наконечника украшены желтым металлом. Орнамент на втулке, к сожалению, трудно различим. Боевой проникатель украшен прорезными квадратами из желтого металла, симметрично расположенными по широким плоскостям пера.

Важное значение для датировки рассматриваемого образца длиннодревкового оружия из собрания ГИМ имеют узоры и надпись на поверхности втулки наконечника. Последние выполнены в технике *зарнашин/зарнишан* (перс. «золотой знак»). Особенностью данной техники является способ фиксации золотой проволоки, при котором она закрепляется в выемках или желобках и шлифуется заподлицо, практически не выступая над железной поверхностью (Хайдаков, 2016: 27, 30, 37).² Анализ надписи и орнамента позволяет предположить, что они были выполнены единовременно, вероятно, в одной и той же мастерской.

Цветочный куст или букет, состоящий из прямого центрального стебля, увенчанного тремя бутонами или распустившимися цветками, обрамленного вьющимися листьями, побегами и др., являлся достаточно популярным орнаментальным мотивом у многих народов мусульманского Востока и сопредельных территорий эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Так, в частности, он нередко встречается на предметах наступательного и защитного вооружения, амуниции, конского снаряжения, тканях, ювелирных украшениях Западной, Средней и Южной Азии, Северной Африки, Кавказа и реже Восточной Европы XVI–XIX вв. (Старинное оружие..., 1993: 13, 66; Царскосельский арсенал, 2000. С. 62, 65, 71, Аствацатурян, 2002: 52-55; Введенский, 2003: 113, 116; Anthony, 2003: 225, 284, fig. 206C; Аствацатурян, 2004: 105, Шедевры и раритеты..., 2004: 210; Искусство..., 2008: 75, 83, 119; The Arts..., 2008: 18, 60, 68, 77, 308, 309, 346; Кин, Каукджи, 2009: 59, 74, ил. 6.30, с. 75, 78, ил. 6.37, с. 80, ил. 6.41, с. 90, ил. 7.8, с. 91, ил. 7.10, с. 126; Художественное оружие, 2010: 111, ил. 219; Khorasani, 2006: 431, 537, 569, 583, 590, 600, 696; Hilmi, 2012: 45, 47, 96; Анисимова, 2013: 118-121, 165, 174, 175; Восточное оружие..., 2013: 242, 249; Кулаков и др., 2013: 114; Хайдаков, 2013: 181; Бобров, 2014: 263-270; Образцов, 2015: 102, 185, 222, 223; Alexander, 2015: 162, 164, 165, 167; Rivkin, 2015: 152, 172; Хайдаков, 2016: 111, 119, 127; Bobrov, Salnikov, 2016: 1079, 1080, 1082; Rivkin, Isaac, 2017: 108, 172, 284, 285, 344, fig. 180g).

Вероятно, наибольшей популярностью данный орнаментальный мотив пользовался среди мастеров Османской империи. Последние весьма охотно украшали свои изделия изображениями цветочных кустов или букетов тюльпанов, гвоздик, роз, гиацинтов, амариллисов, цветов жимолости, груши, персика, ирисов и др. (Аствацатурян, 2002: 52-55; Введенский, 2003: 113, 116; Искусство..., 2008: 75, 83, 119; Художественное оружие, 2010: 111, ил. 219; Hilmi, 2012: 45, 47, 96; Анисимова, 2013: 118-121, 165; Восточное оружие..., 2013: 242, 249; Alexander, 2015: 162, 164, 165, 167; Rivkin, 2015: 172; Bobrov, Salnikov, 2016: 1079, 1080, 1082; Rivkin, Isaac, 2017: 108, 344, fig. 180g). При этом на протяжении XVII в.

¹ Ср. с длиной и шириной пера наконечника оп 6313 – 14,3 см и 2,2 см соответственно.

² Последний факт отличает *зарнишан* от другой техники инкрустации, известной под персидским названием *зарбуланд* (досл. «выступающее золото»), при которой на поверхности оружия остается заметный золотой рельеф. В свою очередь, основное отличие *зарнишан* от *кофтгари* заключается в том, что в первом случае золотая проволока забивается в желобки, а во втором – укладывается и вколачивается на предварительно подготовленный фон из глубоких царапин, после чего поверхность нагревается, обрабатывается молотком и полируется (Хайдаков, 2016: 27, 30, 31).

изображения цветов постепенно становились все более условными и стилизованными. Согласно исследованиям Э.Г. Аствацатурян, «во второй половине XVI – начале XVII веков в турецкой керамике появляется изображение «цветущего куста» или букета... гвоздики, тюльпаны, букеты гиацинтов, затем розы, цветы и плоды граната, кипарис. Они изображались или в виде букетиков из нескольких цветов, или отдельными цветами, как тюльпан или гвоздика. Техника исполнения, как правило, – инкрустация тонкой золотой нитью, выступающей над поверхностью металла. «...В конце XVII века в орнаментике оружия происходят большие изменения. Прежде всего, изменяется набор цветов. Исчезают почти все прежние цветы, остаются лишь редкие гвоздики и тюльпаны, трактовка которых теряет свой прежний реалистичный характер и становится очень условной, иногда трудно узнаваемой» (Аствацатурян, 2002: 55).

Наиболее близкие аналоги цветочного куста на втулке наконечника из ГИМ (Рисунок 4, 1) фиксируются на османском длинноклинковом оружии второй половины XVII – середины XVIII вв. (Рисунок 4, 2-8).

Рис. 4. Образ «цветочного куста» на наконечнике ор 6313, османских саблях и ножнах второй половины XVII – середины XVIII вв.: 1. Наконечник ор 6313, ГИМ, 1724–1742 гг.; 2. Частная коллекция, 1650–1685 гг.; 3,7. Частная коллекция, 1713 г.; 4, 6. Частная коллекция, 1706 г.; 5. Частная коллекция, первая половина – середина XVIII в.; 8. Наконечник сабельных ножен, Королевская Оружейная палата, г. Стокгольм, вторая половина XVII – начало XVIII вв. (2, 8 – по: Rivkin, Isaac, 2017; 3–7 по: Восточное оружие в частных собраниях, 2013).

Так, например, золотой «букет», увенчанный тремя цветочными бутонами в обрамлении изогнутых лепестков и характерными С-образными «корнями» изображен на клинке османской сабли из частной коллекции, датированной 1650–1685 гг. (Рисунок 4, 2). Схожий орнаментальный мотив присутствует и на сабле, снабженной *картушем* с надписью: «Сделано в Константинополе» и датой – 1125 год по хиджре, что соответствует 1713 г. (Рисунок 4, 3). Менее точные, но стилистически близкие изображения нанесены на клинки турецких сабель, датированных 1118 годом по хиджре (1706 г.) и первой половиной – серединой XVIII в. соответственно (Рисунок 3, 4, 5). Стилизованные изображения цветочных кустов и

букетов указанного образца, выполненных в технике *зарнишан*, *зарбуланд* и *кофтагри*, встречаются и на других образцах османского вооружения второй половины XVII – первой половины XVIII в. При этом для изделий турецких ювелиров более ранних исторических периодов указанный способ и стилистика изображения цветочных букетов описываемого образца в целом не характерны.

При сопоставлении орнаментов на упомянутых клинках и втулке наконечника из ГИМ нельзя не заметить, что последний значительно более лаконичен и прост в исполнении. Данный факт позволяет предположить, что узор на наконечник мог быть нанесен провинциальными оружейниками, использовавшими в качестве эталонного образца изделия столичных мастеров Османской империи.

Как уже было отмечено выше, надпись на втулке наконечника была прочитана В.А. Городцовым следующим образом: «Тохтамыш Гирей Султан сын Менгли Гирей Хана» (Городцов, 1913: 4). Согласно предположению И.В. Зайцева, речь идет о султанине Тохтамыше (?–1742) – сыне Менгли Гирея II (1678–1739), дважды занимавшего ханский престол: с 1724 г. до октября 1730 г. и с сентября 1737 г. до 31 декабря 1739 г. (Зайцев, 2008: 148; Смирнов, 2014: 38–41). Во время своего первого правления Менгли Гирей показал себя как расчетливый и умелый политик, эффективно расправившийся сначала со своими противниками в Крыму, а затем и с ногаями Буджакской орды. Дворцовый переворот в Стамбуле привел к смещению Менгли Гирея с престола. Однако разгром Крыма российскими войсками в 1736 г., а затем и в 1737 г. вынудили османского султана Махмуда I вернуть ему ханский титул. Возвратившись в Крым, Менгли Гирей организовал оборону полуострова и вел активные (подчас успешные) боевые действия против российских войск (Смирнов, 2014: 53–56).

В период правления отца Тохтамыш Гирей некоторое время занимал должность *нуреддина*, которая формально являлась третьей по значимости в иерархии Крымского ханства (после самого хана и *калги* – наследника престола). Из письменных источников известно, что в апреле 1729 г. Менгли Гирей II и его сын Тохтамыш Гирей посещали Стамбул, где им были поднесены различные подарки. Вероятно, как и другие лица, занимавшие пост *нуреддина*, Тохтамыш правил западной частью Крыма, а в сражении (проходившем с участием хана и *калги*) мог командовать левым флангом армии. Согласно эпитафии, султан Тохтамыш скончался в зулькаде 1154 года хиджры, то есть в январе – начале февраля 1742 г. (Зайцев, 2008: 148, 149; Смирнов, 2014: 38). Учитывая, что на наконечнике копья султан поименован сыном хана Менгли Гирея II, логично предположить, что надпись на втулку копья была нанесена в промежуток между 1724 г. (год восшествия Менгли Гирея II на престол) и началом 1742 г. (смерть Тохтамыша). Наиболее вероятно, что это произошло в 1724–1730 гг. или в 1737–1739 гг., то есть в те периоды, когда отец Тохтамыш занимал ханский трон. Техника нанесения надписи и стилистика орнамента подтверждают данную датировку. При этом сам наконечник мог быть изготовлен несколько ранее указанных дат. В пользу этого свидетельствуют некоторые особенности его внешнего вида, которые указывают на то, что инкрустация была нанесена на поверхность втулки уже после того, как последняя покрылась окислами (см. выше).

Лаконичность и относительная простота украшения наконечника, принадлежавшего ханскому сыну, не должна смущать современного читателя. Как показало изучение образцов защитного и наступательного вооружения крымскотатарской знати, многие из этих предметов (за исключением шлемов, сабель и саадаков) в отличие от синхронных османских аналогов оформлены достаточно скромно (Gutowski, 1997: 89, 94, 95; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, 90; Bobrov, Salnikov, 2016: 323–334; Bobrov, Salnikov, 2018: 19, 20).

Особенности боевого применения

Значительный интерес представляют возможные варианты первоначального внешнего вида оружия, снабженного рассматриваемым в настоящей статье наконечником, а также особенности его боевого применения.

В первую очередь необходимо отметить, что эволюция колющего длиннодревкового оружия в войсках Крымского ханства отличалась значительным своеобразием. Как показали специальные исследования, в крымскотатарских войсках конца XV – первой половины XVII вв. ударные копья и пики, предназначенные для ближнего боя, имели весьма ограниченное распространение. Они значительно уступали по популярности саадакам, саблям и, возможно, ударно-дробящему оружию (Бобров, 2016: 221–237; Bobrov et al., 2018: 884–914).¹ В XVI в. значение конного копейного боя в крымскотатарской боевой практике снизилось настолько сильно, что многие европейские авторы не посчитали нужным включить пики и копья в перечень основного вооружения воинов ханства (П. Иовий, М. Бельский, А. Тарановский и др.), а некоторые даже прямо отрицали само их наличие у тюркских номадов региона (С. Герберштейн, М. Литвин, Б. Вижинер).

Тем не менее известные материалы позволяют сделать вывод, что колющее длиннодревковое оружие все же применялось в войсках Крымского ханства XVI в., хотя и в относительно небольших количествах. Основными его потребителями являлись состоятельные татарские воины, «к сабле и

¹ Под ударно-дробящим оружием мы понимаем как цельнодеревянные дубины, так и древковое оружие с костяным (*маслак*) или металлическим ударником (булавы, перначи, кистени и т.д.). Если последние применялись состоятельными татарами, то дубины и *маслаки* широко использовались многочисленными бедными ополченцами и нонкомбатантами (Bobrov et al., 2018: 901).

копью пригожие», то есть обученные искусству конного боя с применением клинкового и древкового оружия, а также отдельные ополченцы. Данные о существовании в крымскотатарских войсках отрядов конных копейщиков в известных письменных материалах отсутствуют. В целом, нет оснований полагать, что всадники с пиками оказывали сколько-нибудь существенное влияние на тактику крымскотатарской конницы XVI в., основанной на сочетании маневренного лучного и сабельного боя (Бобров, 2016: 233-237, 352).

Немногочисленные татарские всадники, вооруженные копьями и пиками, могли участвовать как в дистанционном бою¹, так и в последующей атаке с холодным оружием (в качестве поддержки конных сабельщиков и воинов с булавами, дубинами, топорами и *маслаками*). «Преломив копья», состоятельные крымцы имели возможность продолжить бой, используя саадак и клинковое оружие (Bobrov et al., 2018: 884-914).

Некоторый рост значения пик и копий фиксируется в первой половине XVII в. (сообщение Д. Смита, сражения под Зборовом в 1649 г., Берестечком в 1651 г., Варшавой в 1656 г. и др.). Однако данные изменения еще не носили по-настоящему масштабного характера и остались незамеченными многими современниками (сообщения Ж. Маржерета, П. Петрея, Д. Лукка, г. Боплан, М. Сенаи и др.). Весьма вероятно, что в первой половине XVII в. идея дооснащения всадников колющим длиннодревковым оружием была усвоена лишь отдельными степными (в первую очередь ногайскими) командирами, оценившими преимущества калмыцкого «копийного напуска» (Bobrov et al., 2018: 902). Распространение практики использования ударных копий и пик шло в армии Крымского ханства весьма неравномерно. Характерно в данной связи, что если под Берестечком (1651 г.) и Варшавой (1656 г.) татарско-ногайские копейщики обратили на себя внимание современников, то в битве под Конотопом (1659 г.) они были практически не заметны. Из 670 ранений, нанесенных русским воинам в преимущественно кавалерийском сражении 29 июня 1659 г., нет ни одной раны, нанесенной копьем или пикой. С некоторой долей осторожности к ранениям колющим длиннодревковым оружием можно отнести удары «бунчуком» и «знаменем», которые составляют лишь 0,75 % от общего числа ранений русских воинов в данном сражении (Бабулин, 2015: 342-344; Bobrov et al., 2018: 895, 896).

Резкий рост значения длиннодревкового оружия и конного копейного боя в крымскотатарских войсках произошел в 60-х гг. XVII в. На наш взгляд, централизованная политика стремительного и массового оснащения татар копьями и пиками в данный период была обусловлена в первую очередь необходимостью противодействия калмыцкой коннице, воины которой исключительно широко применяли колющее длиннодревковое оружие (Бобров, 2016: 245, 246, 280, 356; Bobrov, Sheykhumerov, Salnikov, 2018: 902-905).²

В 50-х гг. XVII в. военные конфликты крымских татар и калмыков еще носили эпизодический характер. Однако в начале 60-х гг. XVII в. частота боевых столкновений резко возросла, а калмыки начали угрожать непосредственно Крыму. В сентябре–декабре 1661 г. татарские улусы подверглись целой серии разорительных нападений, в ходе которых были захвачены многочисленные пленные, а также огромные табуны лошадей. В числе крымцев, погибших в схватках с калмыками, был и знаменитый Сары-мирза, который много лет являлся «головной болью» российских властей. Наибольших успехов в ходе осенней кампании 1661 г. добился калмыцкий отряд Будан-Церена. Астраханский воевода Г.С. Черкасский сообщал в Москву: «Калмыцкого Мончака тайши ратные люди Будан и Черен, да Серен с товарищами убили под Крымом крымского Сары-мирзу, который хаживал в твои в.г., украинные города войною с многими крымскими людьми, да крымских людей, которые с ним и с Крыма выезжали на бой, побили семь тысяч, и многие улусы в полон поимали, и животные стада отбили» (Бобров, 2014: 239-249; Бобров, Рюмшин, 2015: 373).

По всей видимости, калмыцкие копейщики во время данных набегов произвели впечатление на крымское командование, так как уже в декабре 1661 г. хан Мухаммед Гирей лично инициировал размещение масштабного заказа на 4 500 копий у «горских черкесов». Интересно, что северокавказским оружейникам был отправлен специальный образец, по которому следовало выполнить все остальные наконечники.³ Заявленного количества копий, по всей видимости, показалось недостаточно, поэтому массовое производство длиннодревкового оружия было развернуто во владениях перекопского бея. Назначение программы перевооружения не являлось секретом для современников: «...а биться им с копья против калмыков. А перекопский де Мустафа бей копий сделал немало» (Бобров, 2016: 280). В дальнейшем программа перевооружения татарской и ногайской конницы была продолжена, в результате чего в войсках Крымского ханства появились

¹ В ходе лучной перестрелки копье традиционно размещалось за спиной воина. Вертикальное положение древку обеспечивали пара кожаных петель на древке, в которые продевались рука и лодыжка всадника.

² В числе других причин можно назвать стремление крымских военачальников повысить устойчивость своих кавалерийских подразделений в боях с русскими и поляками.

³ В.Т. Тепкеев, на наш взгляд, совершенно справедливо предположил, что присланный ханом образец представлял собой трофейную калмыцкую пикку (Тепкеев, 2012: 321).

собственные контингенты легких копейщиков, что сразу же получило отражение в сообщениях современников и служебной документации.

Если в письменных источниках XVI – первой половины XVII вв. копьё на вооружении воинов ханства упоминаются редко или вообще не упоминаются, то, начиная с 60-х гг. XVII в., они постепенно входят в состав основного оружейного комплекса крымских татар. Так, в частности, они упомянуты в сообщениях Я.Т. Юзефовича, Ф. Дюпона, И. Сарнецкого, Д. Вильчка, О. де Ла Мотре, А. Лызлова, Н. Витзена, Л.Ф. Марсилли, Ф. Альгоротти, А. Давыдова, П.И. Панина, И.Я. Лерхе, И. Тунманна, В. Итона, П.П. Веселицкого, И.Ф. Бринка и др. Значительную ценность некоторым из письменных свидетельств придает тот факт, что их авторы наблюдали татар в ходе боевых действий или даже непосредственно сражались с ними. Также весьма характерно, что если в битве под Конотопом 1659 г. нет ни одного ранения, нанесенного татарским копьём или пикой, то в более поздних материалах фразы «поколот копьём», «пробит копьём» и т.д. встречаются все чаще и чаще. В некоторых боях с крымской конницей число раненых, пораженных татарским и ногайским длиннодревковым оружием, начинает превышать число пострадавших от сабель и даже стрел. Так, например, в боевых столкновениях под Азовом 24 июня 1696 года между татарскими и русскими войсками ратные люди Большого полка получили следующие ранения: «князь Петр княж Михайлов сын Гагарин, копьём в спину, под правое плечо, да по голове в правой висок, да в спину застрелен ж из лука, все раны тяжелы. Иван Дмитриев сын Тихменев *поколот в шею копьём насквозь, да в левую руку в ладонь копьём насквозь, да по правой руке по большому пальцу порублен саблей; он же порублен саблей в левое плечо по лопатке, раны тяжелы...* Федор Степанов, сын Хрущев, в левую руку выше локтя, да в правую ногу в стегно *поколот копьём, да в поясницу застрелен из лука, раны тяжелы...* Семен Прокопьев сын Карпов, рублен по голове, по затылку саблей, *да в спину ниже поясницу поколот копьём, раны тяжелы...* Семен Осипов сын Тургенев, *в правый бой в пах пробит копьём, рана тяжела»* (Рубан, 1777: 100-104). Всего стольники, стряпчие и жильцы Большого полка получили 25 ран от копий, 23 – от стрел и 19 – от сабель. В боях 2 июля 1696 г. в русских войсках также отмечены раненные копьями (Рубан, 1777: 111-113). Вплоть до падения Крымского ханства и даже позднее среди жителей полуострова копьё и пики продолжали оставаться одним из самых популярных видов оружия ближнего боя.

Известные материалы позволяют сделать вывод, что крымскими татарами XVI – середины XVIII вв. использовались различные виды колющего длиннодревкового оружия, предназначенные для ближнего боя (копьё, пики и, возможно, рогатины), а также метательные дротики. В латинских текстах длиннодревковое оружие татар фигурирует под названием: «hasta», в английских – «lance», «horseman's staff», итальянских – «lanza», русских – «копьё». Польские авторы XVI – первой половины XVII вв. обычно использовали термин «коріе». Однако позднее, во второй половине XVII в., общепотребительным названием длиннодревкового оружия тюрко- и монгольязычных nomads в письменных источниках Речи Посполитой становится калмыцкий термин «dzid» (Bobrov et al., 2018: 902). К сожалению, большинство авторов не оставили сколько-нибудь подробного описания татарского длиннодревкового оружия. К числу немногочисленных исключений можно отнести сообщение Д. Флетчера, который сравнил татарское оружие с копьями английских кавалеристов второй половины XVI в. («horseman's staff») и одновременно с рогатиной, с которой ходят на медведя (Флетчер, 1991: 91, 109, 110). Таким образом, описанные Флетчером татарские копьё могли иметь наконечник с широким листовидным пером, который насаживался на достаточно длинное деревянное древко.

Сопоставление наконечника из ГИМ с другими образцами длиннодревкового оружия кочевников Великой степи позволяет предположить, что он мог насаживаться на древко различной длины и использоваться как в качестве ударной пики¹, так и более легкого и короткого оружия (упомянутого в европейских источниках под названиями «hasta» и «dzid»²), которым можно было не только колоть, но и метать в противника. При этом особо подчеркнем, что относительно небольшие размеры наконечника ор 6313 сами по себе не могут свидетельствовать о его принадлежности к легким копьям. Диаметр втулки, а также размеры пера типичны для некоторых разновидностей ударных копий и пик кочевников Центральной и Средней Азии, общая длина которых могла составлять три и более метров (Ахметжан 2007: 111, 112; Бобров, Худяков, 2008: 297-308).³ Атрибуция ор 6313 как наконечника метательного дротика-джериды представляется возможной,

¹ Ширина узкого и вытянутого граненого пера наконечника ор 6313 из ГИМ (0,7–2,2 см), значительно меньше диаметра его втулки (3,4 см), что согласно существующей историографической традиции позволяет отнести его к числу наконечников пик (Кирпичников, 1966: 15-21; Бобров, Худяков, 2008: 297-308). Среди тюркских кочевников позднего Средневековья и Нового времени, в частности казахов, ногайцев и др., подобное оружие именовалось «сунги» и отделялось от копий «найза», имевших более широкое перо.

² Отметим, что у самих монголов и калмыков термин «dzid» применялся не только к колющему оружию на укороченном древке, но и к длинным ударным пикам.

³ Также весьма показательно, что длина наконечника ор 6313 (25,8 см) превышает длину наконечника казачьей пики обр. 1798 г. (24,0 см), который насаживался на весьма длинное деревянное древко (Леонов, Устьянов, 2017: 470).

но маловероятной. Известные авторам наконечники восточноевропейских и западноазиатских *джеридов* имеют иную конструкцию, размеры и систему оформления.

Отсутствие ограничителя-«яблока» на втулке наконечника указывает на то, что владелец оружия не опасался того, что оно погрузится в тело противника слишком глубоко, что затруднит его последующее извлечение в ходе динамичного конного боя. Возможно, что обтекаемая форма наконечника с почеркнуто небольшими уплощенными плечиками вкупе с «звездообразным» сечением пера облегчало вынимание оружия после нанесения удара.

Многочисленные отверстия по нижнему краю втулки, позволяют предположить, что к ней мог приклепываться выпуклый бортик и (или) железные полосы-*пожилыны*, защищавшие древко от рубящих ударов оружия противника. Также не исключено, что через одно из отверстий к пики подвешивалась волосяная кисть.¹

4. Заключение

На основании проведенного анализа уточнена атрибуция и датировка наконечника ор 6313 из собрания ГИМ. Так, в частности, установлено, что рассматриваемый образец входит в состав относительно небольшой группы колющего длиннодревкового оружия XV–XVIII вв. Отличительной особенностью наконечников серии является вытянутое удлинненно-треугольное, листовидное или реже удлинненно-ромбическое перо, снабженное широкими желобчатыми долами, придающими боевому проникателю характерное «звездообразное» сечение. Плечики наконечников – уплощенные. Втулки некоторых рогатин и пик украшены орнаментом, на позднейших образцах серии вдоль края втулки приклепан выпуклый бортик.

Изучение золотой инкрустации (технологии нанесения и стилистики изображения орнамента и надписи) подтвердили предположение И.В. Зайцева о том, что наконечник принадлежал султану Тохтамышу (?–1742) – сыну Менгли Гирея II (1678–1739), который дважды занимал ханский престол (1724 г. – октябрь 1730 г., сентябрь 1737 г. – декабрь 1739 г.). Наиболее точные стилистические аналоги орнамента (выполненного одновременно с надписью) встречаются на османском клинковом оружии второй половины XVII – середины XVIII вв. Таким образом, на основании комплексного изучения письменных и вещественных источников версию В.А. Городцова о том, что копьё могло принадлежать сыну Менгли Гирея I, который «...царствовал в 1466 по 1515 год» (Городцов, 1913: 4), следует признать ошибочной.

В период правления отца Тохтамыш Гирей некоторое время занимал должность *нуреддина*, которая формально являлась третьей по значимости в иерархии Крымского ханства (после самого хана и *калги* – наследника престола). Учитывая, что на наконечнике копьё султан упомянут как сын хана Менгли Гирея II, время нанесения надписи на втулку может быть локализовано 1724 г. – началом февраля 1742 г. (год восшествия Менгли Гирея II на престол и смерть Тохтамыша соответственно). Наиболее вероятно, что это произошло в 1724–1730 гг., или в 1737–1739 гг., то есть в те периоды, когда отец Тохтамыша занимал ханский трон. Особенности изображения позволяют предположить, что оно могло быть нанесено мастерами Крымского ханства или сопредельных территорий по османскому образцу. При этом сам наконечник мог быть изготовлен несколько ранее указанных дат. В пользу этого свидетельствуют некоторые особенности его внешнего вида, которые указывают на то, что инкрустация была нанесена на поверхность втулки уже после того, как последняя покрылась окислами.

Многочисленные сквозные отверстия на втулке наконечника, возможно, служили не только для его фиксации на деревянном древке, но и для крепления выпуклого бортика, металлических «пожилын» и (или) волосяной кисти. В зависимости от длины древка оружие могло применяться в качестве длинной или короткой пики. Использование его в качестве дротика-*джериды*, учитывая особенности конструкции и системы оформления наконечника, возможно, но маловероятно.

Научная ценность наконечника ор 6313 из собрания ГИМ весьма велика. Он представляет собой первый известный образец колющего длиннодревкового оружия, который может быть с высокой степенью уверенности соотнесен с комплексом вооружения крымскотатарской знати середины 20-х – начала 40-х гг. XVIII в.

5. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/8.9).

¹ Согласно сведениям изобразительных и письменных источников, копьё и пики представителей командного состава крымскотатарской армии могли снабжаться специальным значком, представлявшим собой флажок или небольшой бунчук. Во время боя воины подразделения двигались за своим командиром, ориентируясь на полотнище или волосяную кисть его значка. Польский автор «Виршованной хроники» сообщал по этому поводу: «Без шеренг ордынец мчит, идет куда захочет, смотря больше на то, куда повернет значок, туда и он направляется» (Bobrov et al., 2018: 901).

Литература

- Анисимова, 2013** – Анисимова М.А. Оружие Востока XV – первой половины XX веков: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.
- Аствацатурян, 2002** – Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2002. 336 с.
- Аствацатурян, 2004** – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: Атлант, 2004. 432 с.
- Бабулин, 2015** – Бабулин И.Б. Борьба за Украину и битва под Конотопом (1658–1659 гг.). М.: Фонд «Русские Витязи», 2015. 400 с.
- Бобров, 2014** – Бобров Л.А. Шлем «кула-худ» из «Арсенала хана Джангира» // *Вестник НГУ*. 2014. Сер.: История, филология. Т. 13. Вып. 5. С. 263-270.
- Бобров, 2014** – Бобров Л.А. «Воронья стая» над Крымом. Татарско-калмыцкое противоборство в степях Северного Причерноморья (сентябрь 1661 – январь 1663 гг.). // *Средневековые тюрко-татарские государства*. Казань, 2014. № 6. С. 239-249.
- Бобров, Рюмшин, 2015** – Бобров Л.А., Рюмшин М.А. «...И против них не ставили они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // *Золотоордынская цивилизация*. 2015, №8. С. 357-378.
- Бобров, 2016** – Бобров Л.А. Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // *История военного дела: исследования и источники*. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210-388 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.milhist.info/2016/03/28/bobrov> (28.03.2016).
- Бобров, Худяков, 2008** – Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII вв.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с.
- Введенский, 2003** – Введенский Г.Э. Янычары. СПб.: ООО «ТПГ «Атлант», 2003. С. 176.
- Восточное оружие, 2013** – Восточное оружие в частных собраниях. СПб.: Русская коллекция, 2013. 368 с.
- Городцов, 1913** – Городцов В.А. Описание холодного оружия Исторического музея // *Труды Исторического музея*. М.: Синодальная типография, 1913. 38 с.
- Государева Оружейная палата, 2002** – Государева Оружейная палата. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.
- Двуреченский, 2015** – Двуреченский О.В. Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула: Государственный музей-заповедник «Куликово поле», 2015. 498 с.
- Зайцев, 2008** – Зайцев И.В. Три заметки к эпиграфике крымских Гиреев // *Эпиграфика Востока*. М., 2008. №XXVII С. 147-155.
- Измайлов, 2008** – Измайлов И.Л. Защитники «Стены Искандера». Казань: Татарск. книжн. изд-во, 2008. 207 с.
- Измайлов, 2008** – Измайлов И.Л. Вооружение и военное искусство Казанского ханства XV–XVI вв.: комплексный анализ источников // *Военная археология: древнее и средневековое вооружение Евразии*. Казань, 2007. №5. С. 196-209.
- Искусство Блистательной Порты, 2008** – Искусство Блистательной Порты. М.: ФГУК «Государственный историко-культурный музей заповедник «Московский Кремль», 2008. 212 с.
- Квитковский, 2002** – Квитковский Ю.В. Великолепные латники // *Армии и битвы*. 2002, С. 34-44.
- Кин, Каукуджи, 2009** – Кин М., Каукуджи С. Коллекция Аль-Сабах. Сокровищница мира. Ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов. М.: Дар аль-Асар аль-Исламия, Национальный музей Кувейта, 2009. 160 с.
- Кирпичников, 2008** – Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.-Л.: Наука, 1966. 182 с.
- Кочкаров, 2008** – Кочкаров У.Ю. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: «ТАУС», 2008. 176 с.
- Кулаков и др., 2013** – Кулаков О., Сарычев М., Воронцов М., Гвоздев А. Холодное оружие донских казаков. *Воронеж*: «Казачий стан», 2013. 260 с.
- Кулланда, 2014** – Кулланда М.В. Османское художественное ремесло второй половины XVI–XIX вв.: Эволюция производства как отражение перемен в жизни империи. Москва: ГМВ, 2014. 216 с.
- Леонов, Устьянов, 2017** – Леонов О.Г., Устьянов А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота 1700–1881. Справочник. М.: Фонд «Русские витязи», 2017. 496 с.
- Ривкин, Пинчо, 2011** – Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Запорожье: ООО «Роял Принт», 2011. 128 с.
- Рубан, 1773** – Рубан В. Поход боярина и большого полка воеводы Алексея Семеновича Шейна к Азову. СПб., 1773. 244 с.
- Смирнов, 2014** – Смирнов В. Крымское ханство в XVIII веке. М.: Ломоносовъ, 2014. 232 с.
- Старинное оружие, 1993** – Старинное оружие из собрания Государственного исторического музея. М.: НПП «Менатеп-траст», 1993. 144 с.

- Тепкеев, 2012 – *Тепкеев В.Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста, 2012. 376 с.
- Федоров, 1905 – *Федоров В.Г.* Холодное оружие. СПб.: Главное артиллерийское управление, 1905.
- Флетчер, 1991 – *Флетчер Д.* О государстве русском // Проезжая по Московии. М.: Международные отношения, 1991. С. 25-138.
- Хайдаков, 2013 – *Хайдаков К.С.* Шамширы. Старые сабли и тайны древних мастеров. М.: «Барс», 2013. 215 с.
- Хайдаков, 2016 – *Хайдаков К.С.* Персидские сабли. Некоторые вопросы атрибуции. М.: Фронткнига, 2016. 160 с.
- Холодное оружие, 2006 – Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПб., 2006. 248 с.
- Художественное оружие, 2010 – Художественное оружие из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2010. 272 с.
- Царскосельский арсенал, 2000 – Царскосельский арсенал. СПб.: Издательский дом «Балтика», 2000. 136 с.
- Шедевры и раритеты, 2004 – Шедевры и раритеты клинкового оружия из фондов музеев Санкт-Петербурга, художественных мастерских и частных коллекций. СПб.: «Издательство «Атлант», 2004. 320 с.
- Alexander, 2015 – *Alexander D.G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.
- Anthony, 2003 – *Anthony C. Tirri.* Islamic Weapons. Magrib to Moghul. New York: Indigo Publishing, 2003. 483 p.
- Armaments and Military, 2008 – Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing, 2008. 264 p.
- Bobrov, Salnikov, 2016a – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use // *Bylye Gody.* 2016. Vol. 40. Is.2. pp. 323-334.
- Bobrov, Salnikov, 2016b – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* Helmet "tang" from the Metropolitan Museum of Art (New York City, United States). Features of Construction, Design and Operational Use // *Bylye Gody.* 2016, Vol. 42, Is. 4. pp. 1077-1086.
- Bobrov, Salnikov, 2018 – *Bobrov L. A., Salnikov A.V.* "Circassian" Helmets with Plated Mailavetails of the Late Middle Ages and Early Modern Times // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 5-33.
- Bobrov et al., 2018 – *Bobrov L.A., Sheykhumerov A.A., Salnikov A.V.* Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources) // *Bylye Gody.* 2018. Vol. 49. Is. 3. pp. 884-914.
- Gutowski, 1997 – *Gutowski J.* Bron I uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich. Tom I. Warszawa: Res Publica Multiethnica, 1997.
- Hilmi, 2012 – *Hilmi Aydin.* Sultanlarin Silahlari. Topkapi Sarayi Silah Koleksiyonu. Ankara, 2012. 227 p.
- Khorasani, 2006 – *Khorasani M.M.* Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat-Verlag GmbH & Co. KG, 2006. 776 p.
- Khorasani, 2010 – *Khorasani M.M.* Lexicon of Arms and Armor from Iran. Tubingen: Legat, 2010. 560 p.
- LaRocca, 2006 – *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y., 2006. 307 p.
- Rivkin, 2015 – *Rivkin K.* Arms and Armor of Caucasus. 2015. 328 p.
- Rivkin, Isaac, 2017 – *Rivkin K., Isaac B.* A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato, 2017. 360 p.
- The Arts, 2008 – The Arts of the Muslim Knight. The FuruSiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p.

References

- Alexander, 2015 – *Alexander D.G.* (2015). Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art. 336 p.
- Anisimova, 2013 – *Anisimova M.A.* (2013). Oruzhiye Vostoka XV – pervoy poloviny XX veka: iz sobraniya Voyenno-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voysk i voysk svyazi [The Arms of the East of the XV – the first half of the 20th century: from the collection of the Military History Museum of Artillery, Engineers and Communications]. SPb.: Atlant. 527 p. [in Russian]
- Anthony, 2003 – *Anthony C.* (2003). Tirri. Islamic Weapons. Magrib to Moghul. New York: Indigo Publishing. 483 p.
- Armaments and Military, 2008 – Armaments and Military Provisions. The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum. Beijing. 264 p.
- Astvatsaturyan, 2002 – *Astvatsaturyan E.G.* (2002). Turetskoye oruzhiye. [Turkish weapons]. SPb. : LLC Publishing House "Atlant". 336 p. [in Russian]
- Astvatsaturyan, 2004 – *Astvatsaturyan E.G.* (2004). Oruzhiye narodov Kavkaza. [The weapon of the peoples of the Caucasus]. SPb.: Atlant. 432 p. [in Russian]

Babulin, 2015 – *Babulin I.B.* (2015). Bor'ba za Ukrainu i bitva pod Konotopom (1658–1659 gg.). [The struggle for Ukraine and the battle of Konotop (1658–1659)]. M.: Russian Knights Foundation. 400 p. [in Russian]

Bobrov, Ryumshin, 2015 – *Bobrov L.A., Ryumshin M.A.* (2015). «...I protiv nikh ne stivali oni nigde i bit'sya s nimi ne umeyut». Oruzheynyy i voyenno-takticheskiy aspekt kalmytsko-nogayskikh i kalmytsko-tatarskikh voyn pervoy poloviny – sere diny XVII v. “... And they didn't put up against them anywhere and couldn't fight them.” The arms and military-tactical aspects of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars of the first half – middle of the XVII century. *Golden Horde civilization*, №8. pp. 357–378. [in Russian]

Bobrov, Salnikov, 2016a – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets from the Crimean Tatar Nobility from the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design Features, Design and Combat Use. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is.2. pp. 323–334.

Bobrov, Salnikov, 2016b – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2016). Helmet "tang" from the Metropolitan Museum of Art (New York City, United States). Features of Construction, Design and Operational Use. *Bylye Gody*. Vol. 42, Is. 4. pp. 1077–1086.

Bobrov, Salnikov, 2018 – *Bobrov L.A., Salnikov A.V.* (2018). "Circassian" Helmets with Plated Mailventails of the Late Middle Ages and Early Modern Times. *Bylye Gody*. Vol. 47. Is. 1. pp. 5–33.

Bobrov, 2014 – *Bobrov L.A.* (2014). Shlem «kula-khud» iz «Arsenala khana Dzhangira» [Helmet "Kula-Hood" from "Arsenal of Khan Dzhangir"]. *Bulletin of the NSU*. Ser.: History, philology. V. 13. Is. 5. pp. 263–270. [in Russian]

Bobrov, 2014 – *Bobrov L.A.* (2014). «Voron'ya staya» nad Krymom. Tatarsko-kalmytskoye protivoborstvo v stepyakh Severnogo Prichernomor'ya (sentyabr' 1661 –yanvar' 1663 gg.) ["Crowd flock" over the Crimea. Tatar-Kalmyk confrontation in the steppes of the Northern Black Sea region (September 1661 – January 1663)]. Medieval Turkic-Tatar states. Kazan. No. 6. pp. 239–249. [in Russian]

Bobrov, 2016 – *Bobrov L.A.* (2016). Takticheskoye iskusstvo krymskikh tatar i nogayev kontsa XV – sere diny XVII vv. [Tactical art of the Crimean Tatars and Nogai of the end of the XV – the middle of the XVII centuries]. History of military affairs: studies and sources. Special Edition V. Standing on the Ugra River 1480–2015. Part II. pp. 210–388. [in Russian]

Bobrov, Khudyakov, 2008 – *Bobrov L.A., Khudyakov Yu.S.* (2008). Vooruzheniye i taktika kochevnikov Tsentral'noy Azii i Yuzhnoy Sibiri v epokhu pozdnego Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni (XV – pervaya polovina XVIII v.) [Armament and tactics of the nomads of Central Asia and Southern Siberia in the late Middle Ages and Early Modern Periods (XV – the first half of the XVIII century)]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University. 776 p. [in Russian]

Bobrov et al., 2018 – *Bobrov L.A., Sheykhumerov A.A., Salnikov A.V.* (2018). Stabbing Long-Shafted Pole Weapons of the Crimean Tatars and Nogais in 1440s – 1650s. (According to the Written Sources). *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3. pp. 884–914.

Dvurechenskiy, 2015 – *Dvurechenskiy O.V.* (2015). Kholodnoye oruzhiye Moskovskogo gosudarstva XV– XVII vekov [The cold weapon of Muscovy of the XV– XVII centuries]. Tula: State Museum-Reserve “Kulikovo Field”. 498 p. [in Russian]

Fedorov, 1905 – *Fedorov V.G.* (1905). Kholodnoye oruzhiye [Cold weapon]. SPb.: Main Artillery Directorate. 38 p.

Fletcher, 1991 – *Fletcher D.* (1991). O gosudarstve russkom [On the Russian state]. Driving through Muscovy. M.: International Relations. pp. 25–138. [in Russian]

Gorodtsov, 1913 – *Gorodtsov V.A.* (1913). Opisanie kholodnogo oruzhiya Istoricheskogo muzeya [Description of cold arms of the Historical Museum]. Proceedings of the Historical Museum. M.: Synodal Printing House. 38 p. [in Russian]

Gosudareva Oruzheynaya palata, 2002 – Gosudareva Oruzheynaya palata [Gosudareva Armory Chamber]. SPb.: Atlant, 2002. 408 p. [in Russian]

Gutowski, 1997 – *Gutowski J.* (1997). Bron I uzbrojenie tatarow. Katalog zabytkow tatarskich. Tom I. Warszawa: Res Publica Multiethnica. 618 p. [in Polish]

Hilmi, 2012 – *Hilmi Aydin* (2012). Sultanlarin Silahlari. Topkapi Sarayi Silah Koleksiyonu. Ankara. 227 p. [in Turkish]

Iskusstvo Blistatel'noy Porty, 2008 – *Iskusstvo Blistatel'noy Porty* [The Art of the Brilliant Ports]. M.: FSUK "State Historical and Cultural Museum Reserve" Moscow Kremlin". 212 p. [in Russian]

Izmaylov, 2008 – *Izmaylov I.L.* (2008). Vooruzheniye i voyennoye iskusstvo Kazanskogo khanstva XV–XVI v.: kompleksnyy analiz istochnikov [Arms and military art of the Kazan Khanate of the XV–XVI centuries: a comprehensive analysis of the sources]. Military archeology: ancient and medieval weapons of Eurasia. Kazan, 2007. No. 5. pp. 196–209. [in Russian]

Izmaylov, 2008 – *Izmaylov I.L.* (2008). Zashchitniki «Steny Iskandera» [Defenders of the "Wall of Iskander"]. Kazan: Tatarsk. Book Publishing house. 207 p. [in Russian]

Khaydakov, 2013 – *Khaydakov K.S.* (2013). Shamshiry. Saryye sabli i tayny drevnikh masterov [Old sabers and secrets of the ancient masters]. M.: "Bars". 215 p. [in Russian].

Khaydakov, 2016 – *Khaydakov K.S.* (2016). Persidskiye sabli [Nekotoryye voprosy atributsii. Persian sabers. Some issues of attribution]. M.: Frontbook. 160 p. [in Russian].

- Kholodnoye oruzhiye, 2006** – Kholodnoye oruzhiye v sobranii Rossiyskogo etnograficheskogo muzeya. [Cold weapons in the Collection of the Russian Museum of Ethnography]. SPb., 2006. 248 p. [in Russian]
- Khorasani, 2006** – *Khorasani M.M.* (2006). Arms and Armor from Iran. The Bronze Age to the End of the Qajar Period. Tubingen: Legat-Verlag GmbH & Co. KG. 776 p.
- Khorasani, 2010** – *Khorasani M. M.* (2010). Lexicon of Arms and Armor from Iran. Tubingen: Legat. 560 p.
- Khudozhestvennoye oruzhiye, 2010** – Khudozhestvennoye oruzhiye iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki [Artistic weapon from the collection of the State Hermitage Museum. Catalog of the exhibition]. SPb.: Slavia, 2010. 272 p. [in Russian]
- Kin, Kaukudzhi, 2009** – *Kin M., Kaukudzhi S.* (2009). Kolleksiya Al'-Sabakh. Sokrovishchnitsa mira. Yuvelirnoye iskusstvo Indii v epokhu Velikikh Mogolov [Al-Sabah Collection. Treasury of the world. The jewelry art of India in the era of the Mughal]. M.: Dar al-Asar al-Islamiya, National Museum of Kuwait. 160 p. [in Russian]
- Kirpichnikov, 1966** – *Kirpichnikov A.N.* (1966). Drevnerusskoye oruzhiye [Old russian weapons]. Issue 2. Spears, sulits, battle axes, maces, tassels of the 9th – 13th centuries. M.–L.: Science. 182 p. [in Russian]
- Kochkarov, 2008** – *Kochkarov U.Yu.* (2008). Vooruzheniye voinov Severo-Zapadnogo Predkavkaz'ya VIII – XIV vv. (oruzhiye blizhnego boya) [The armament of the soldiers of the North-Western Ciscaucasia of the VIII-XIV centuries (melee weapons)]. M.: "TAUS". 176 p. [in Russian]
- Kulakov et al., 2013** – *Kulakov O., Sarychev M., Vorontsov M., Gvozdevich A.* (2013). Kholodnoye oruzhiye Donskikh kazakov [Cold weapon of Don Cossacks]. Voronezh: "Cossack Stan". 260 p. [in Russian]
- Kullanda, 2014** – *Kullanda M.V.* (2014). Osmanskoye khudozhestvennoye remeslo vtoroy poloviny XVI–XIX vv.: Evolyutsiya proizvodstva kak otrazheniye peremen v zhizni imperii [Ottoman art craft of the second half of the XVI – XIX centuries: The evolution of production as a reflection of changes in the life of the empire]. Moscow: GMV. 216 p. [in Russian]
- Kvitkovskiy, 2002** – *Kvitkovskiy Yu.V.* (2002). Velikolepnyye latniki [Gorgeous latniks] Army and battle. No. 1. pp. 34-44. [in Russian].
- LaRocca, 2006** – *LaRocca D.* (2006). Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. N. Y. 307 p.
- Leonov, Ust'yanov, 2017** – *Leonov O.G., Ust'yanov A.L.* (2017). Stroyevoye kholodnoye oruzhiye russkoy armii i flota 1700–1881. Spravochnik [Cold steel weapons of the Russian army and navy 1700-1881. Directory]. M.: Russian Knights Foundation. 496 p. [in Russian]
- Rivkin, 2015** – *Rivkin K.* (2015). Arms and Armor of Caucasus. 328 p.
- Rivkin, Isaac, 2017** – *Rivkin K., Isaac B.* (2017). A Study of the Eastern Sword. Printed in Mankato. 360 p.
- Rivkin, Pincho, 2011** – *Rivkin K., Pincho O.* (2011). Oruzhiye i voyennaya istoriya Kavkaza [The weapon and military history of the Caucasus]. Zaporozhye: Royal Print LLC. 128 p. [in Russian]
- Ruban, 1773** – *Ruban V.* (1773). Pokhod boyarina i bol'shogo polka voyevody Alekseya Semenovicha Sheyna k Azovu. [A hike of a boyar and a large regiment of voivode Alexei Semenovich Shein to Azov]. SPb. 244 p. [in Russian]
- Shedevry i raritety, 2004** – Shedevry i raritety klinkovogo oruzhiya iz fondov muzeyev Sankt-Peterburga, khudozhestvennykh masterskikh i chastnykh kollektsey. [Masterpieces and rarities of bladed weapons from the collections of museums in St. Petersburg, art workshops and private collections]. St. Petersburg: Atlant Publishing House, 2004. 320 p. [in Russian]
- Smirnov, 2014** – *Smirnov V.* (2014). Krymskoye khanstvo v XVIII veke. [The Crimean Khanate in the XVIII century]. M.: Lomonosov. 232 p. [in Russian]
- Starinnoye oruzhiye, 1993** – Starinnoye oruzhiye iz sobraniya Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya. [Ancient weapons from the collection of the State Historical Museum]. M.: Scientific and Production Enterprise Menatep Trust, 1993. 144 p. [in Russian]
- Tepkeyev, 2012** – *Tepkeyev V.T.* (2012). Kalmyki v Severnom Prikaspii vo vtoroy treti XVII veka. [Kalmyks in the Northern Caspian in the second third of the XVII century]. Elista. 376 p. [in Russian]
- The Arts, 2008** – The Arts of the Muslim Knight. The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p.
- Tsarskosel'skiy arsenal, 2000** – Tsarskosel'skiy arsenal. [Arsenal of Tsarskoe selo]. SPb.: Baltika Publishing House, 2000. 136 p. [in Russian]
- Vostochnoye oruzhiye, 2013** – Vostochnoye oruzhiye v chastnykh sobraniyakh [Oriental weapons in private collections]. SPb.: Russian collection, 2013. 368 p. [in Russian]
- Vvedenskiy, 2003** – *Vvedenskiy G.E.* (2003). Yanychary [Janissary]. St. Petersburg: TPG Atlant LLC. 176 p. [in Russian]
- Zaytsev, 2008** – *Zaytsev I.V.* (2008). Tri zametki k epigrafike krymskikh Gireyev [Three notes to the epigraphy of the Crimean Girey]. Epigraphics of the East. Moscow. No. XXVII. pp. 147–155. [in Russian]

Наконечник копья крымскотатарского султана Тохтамыша из собрания Государственного исторического музея

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Сергей Юрьевич Каинов ^b, Виктория Владимировна Веселитская ^b, Алексей Викторович Сальников ^c

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Государственный исторический музей, Российская Федерация

^c Московский международный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен наконечник копья (ор 6313) из собрания Государственного исторического музея (г. Москва). Согласно данным российского историка начала XX в. В.А. Городцова, он был приобретен «...в Крыму, на торгу». Общая длина наконечника – 25,8 см (в том числе длина пера – 14,3 см). Диаметр втулки – 3,4 см. Вес – 226 гр. Втулка наконечника украшена растительным орнаментом и надписью: «Тохтамыш Гирей Султан сын Менгли Гирей Хана».

На основании типологического анализа установлено, что рассматриваемый образец входит в состав небольшой группы наконечников, применявшихся воинами Восточной Европы XV–XVIII вв. Изучение конструкции и инкрустации подтвердили предположение И.В. Зайцева о том, что наконечник принадлежал султану Тохтамышу (?–1742) – сыну Менгли Гирея II (1678–1739), который дважды занимал ханский престол (1724 г. – октябрь 1730 г., сентябрь 1737 г. – декабрь 1739 г.). Наиболее точные стилистические аналоги орнамента (выполненного одновременно с надписью) встречаются на османском клинковом оружии второй половины XVII – первой половины XVIII вв.

Тохтамыш Гирей некоторое время занимал должность *нуреддина*, которая формально являлась третьей по значимости в иерархии Крымского ханства (после самого хана и *калги* – наследника престола). Учитывая, что на наконечнике копья султан упомянут как сын хана Менгли Гирея, время нанесения надписи на втулку может быть локализовано 1724 г. – началом февраля 1742 г. (год восшествия Менгли Гирея II на престол и смерть Тохтамыша соответственно). Наиболее вероятно, что это произошло в 1724–1730 гг. или в 1737–1739 гг., то есть в те периоды, когда отец Тохтамыша занимал ханский трон. Особенности изображения позволяют предположить, что оно могло быть нанесено мастерами Крымского ханства или сопредельных территорий по османскому образцу. При этом сам наконечник мог быть изготовлен несколько ранее указанных дат. В пользу этого свидетельствует тот факт, что инкрустация была нанесена на поверхность втулки уже после того, как последняя покрылась окислами.

Многочисленные сквозные отверстия на втулке наконечника, возможно, служили не только для его фиксации на деревянном древке, но и для крепления выпуклого бортика, металлических полос «пожилин» и (или) волосяной кисти. В зависимости от длины древка, оружие могло применяться в качестве длинной или короткой пики. Использование его в качестве дротика-*джериды*, возможно, но маловероятно.

Наконечник ор 6313 представляет собой первый известный образец колющего длиннодревкового оружия, который может быть соотнесен с комплексом вооружения аристократии Крымского ханства середины 20-х – начала 40-х гг. XVIII в.

Ключевые слова: Крымское ханство, оружие крымских татар, татарское копьё, Тохтамыш Гирей.

* Корреспондирующий автор

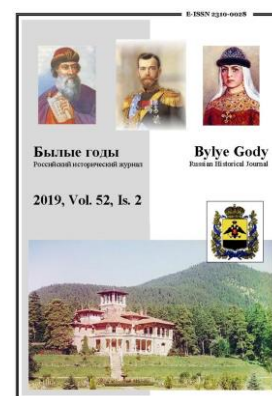
Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), skainov@mail.ru (С.Ю. Каинов), veselitskaya@mail.ru (В.В. Веселитская), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 559-567. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.559
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«The Letters of the Russian Traveler» by N.M. Karamzin about Cultural and Social Development of the Countries of Western Europe and Russia

Igor V. Suchkov ^{a, *}

^a Russian State Social University (RSSU), Russian Federation

Abstract

The article considers “The letters of the Russian Traveler” by N.M. Karamzin”, which reflected in them the cultural and social development of the countries of Western Europe and Russia in the late XVIII century. In “The letters” N.M. Karamzin compares the cultural and social development of individual countries of Western Europe, assesses the level of similar development of Russia, characterizes the personality of the Traveler. The author of the article shows the value of “The letters” as a source for determining the level of culture and social relations of the countries of the Western world and Russia.

The article shows peculiarities of modern Russia literature dedicated to “The letters” by N.M. Karamzin and the place of this work in the works of noble historian. The author of the article draws attention to the actuality of the topic related, on the one hand, to the preservation and further development of the common traditions of cultural and social development of Western Europe and Russia, and on the other hand, with a clear vision of their distinctive Features. Particular attention in the article is given to the consideration of those letters, which are devoted to the French Revolution, which has had a great impact not only on France, but also on other countries of the West, as well as on Russia.

The author of the article evaluates the value of personal qualities of the Russian Traveler in which it possible to see N.M. Karamzin and determines his contribution to the formation of the literary Russian language and in general to the development of culture. He emphasizes that the study of “The letters of the Russian Traveler” allows to better understand the peculiarities of scientific views of N.M. Karamzin and their place in historical science, as well as in general in the culture of Russia.

Keywords: N.M. Karamzin, letters, Russia, traveler, countries, Western Europe, cultural, social, development.

1. Введение

Имя российского историка Николая Михайловича Карамзина привлекает внимание исследователей по ряду причин. Он создал первый многотомный труд по истории Российского государства, написанный живым русским литературным языком и поэтому востребованный обществом. К моменту создания «Истории государства Российского», т.е. к началу XIX века, Н.М. Карамзин был уже признанным писателем, и именно поэтому ему удалось так органично соединить все достоинства русского литературного языка с историческими знаниями. Его 12-томный труд базировался на огромном количестве источников, в том числе архивных. Наконец, к написанию своей «Истории» Н.М. Карамзин приступил, имея уже такие ранние исторические произведения, как «Письма русского путешественника» и «Записка о древней и новой России».

Значение темы определяется актуальностью проблемы, заключающейся в необходимости определения общего и специфичного в культурном и социальном развитии стран Западной Европы и России с точки зрения одного из выдающихся деятелей культуры рубежа XVIII–XIX вв. –

* Corresponding author

E-mail addresses: ig.suchckov2015@yandex.ru (I.V. Suchkov)

Н.М. Карамзина. Оригинальность «Писем русского путешественника» заключается в том, что они были написаны очевидцем рассматриваемых в них событий, происходивших в Западной Европе в конце 80-х гг. XVIII века.

Не странным, а вполне естественным является тот факт, что вопросы, поднятые дворянским историком в «Письмах» остаются актуальными по истечении 230 лет со времени его поездки в Западную Европу. И сегодня, как и раньше, более двух веков назад, в культурном и социальном развитии стран Западной Европы и России обнаруживаются как общие моменты, так и несомненные различия, объясняемые прежде всего отличительными особенностями их предыдущего исторического развития. Выявление этого общего и особенного может способствовать лучшему пониманию перспектив развития российского общества.

2. Материалы и методы

Материалы. Все материалы, используемые в статье подразделяются на несколько групп. В следующем разделе статьи – «Обсуждение» – представлены три группы материалов: научные работы, в которых дается развернутая характеристика «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина; научные работы, в которых дана обобщенная оценка вклада Н.М. Карамзина в отечественную науку и культуру; учебные пособия и учебники, в которых авторы дают оценку «Писем русского путешественника». Наконец, особую группу материалов составляют труды самого Н.М. Карамзина и прежде всего главный источник для написания статьи – «Письма русского путешественника», в очередной раз изданные в 1980 г.

Методы. Теоретико-методологическую основу статьи составляют принципы историзма, научной объективности, системности и комплексности, которые позволяют исследовать исторические взгляды Н.М. Карамзина на культурное и социальное развитие стран Западной Европы и России в конце XVIII века, отразившиеся в его «Письмах русского путешественника». В соответствии с данными принципами в исследовании были использованы общеисторические методы: проблемно-хронологический, историко-сравнительный, историко-ретроспективный, позволившие с различных сторон проанализировать указанные аспекты исторических взглядов дворянского историка.

3. Обсуждение

К настоящему времени сложилась определенная историография первого крупного исторического произведения Н.М. Карамзина. В труде известного советского литературоведа Д.Д. Благого «История русской литературы XVIII века», вышедшего в середине 40-х гг. XX в., подчеркнуто, что «Письма» полностью примыкают к традиции сентиментальных путешествий – популярному жанру в литературе европейского сентиментализма. Автор не только показывает место сочинения Карамзина среди аналогичных произведений европейских писателей, но и отмечает его большое своеобразие. Д.Д. Благой замечает, что Карамзин впервые представил целую портретную галерею знаменитых европейцев, «писанных прямо с натуры». Им подробно описываются памятники мирового искусства: Дрезденская картинная галерея, библиотеки, музеи, университеты, академии, древние соборы, сады Версаля, вольтеровский Ферней, Вестминстерское аббатство. Пытливое внимание «русского путешественника» привлекает не только интеллектуальная и художественная, но и общественная, политическая жизнь Европы, быт, нравы и развлечения европейцев. Литературовед называет произведение Карамзина «замечательным источником знакомства русских читателей с европейской культурой» (Благой, 1945: 390-393). Г.П. Макогоненко в вступительной статье к очередному изданию «Писем русского путешественника» очень высоко оценил вклад Н.М. Карамзина в развитие отечественной культуры. Он справедливо подчеркивает, что о Западе русские люди знали недопустимо мало, но Запад знал о России еще меньше. Автор считает, что Карамзин видел свой долг в том, чтобы преодолеть это «взаимное незнание». Поэтому его «Письма», по мнению Г.П. Макогоненко, открывали Запад широкому русскому читателю и знакомили Запад с Россией. Автор статьи подчеркивает, что «Письма» оказали большое влияние на несколько поколений писателей. Они очень скоро стали известны на Западе: в начале XIX в. вышли на немецком языке, в 1802 г. были переведены на польский, в 1803 г. – на английский, в 1815 г. – на французский языки (Карамзин, 1980: 4, 6, 13-15).

С.Ф. Смирнов во вступительной статье к новому изданию трудов Н.М. Карамзина «Избранные статьи и письма» справедливо сравнивает по своей значимости «Письма русского путешественника» с самым крупным произведением дворянского историка – 12-томной «Историей государства Российского». По сравнению с другими исследователями его творчества С.Ф. Смирнов выделяет такой аспект, как большое внимание Карамзина к мировоззренческим проблемам. Он отмечает, что Карамзин дает высокую оценку Вольтеру, выступившему в защиту жертв церковного мракобесия, за свободу совести и слова, видит заслугу Лютера, бросившего в свое время смелый вызов господствующей церкви. Смирнов делает важный вывод о том, что Карамзин как бы предвосхищает позднейший и более четко сформулированный и развитый Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым тезис о том, что главное в человеке – богатство внутренней духовной жизни и ее чистота (Карамзин, 1982: 8-9).

Особой глубиной анализа «Писем русского путешественника» отличается монография Н.В. Минаевой «Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века». Автор доказывает, что «Письма» Карамзина исходят из западной и русской традиции эпистолярного жанра. Она первой сделала вывод, что это научный труд, написанный на основе личной переписки автора «Писем» с А.А. Плещеевым, записных книжек Карамзина, современных ему географических и исторических описаний. Н.В. Минаева замечает, что Карамзин взялся поставить перед русским человеком вопросы о ценности человеческой личности, историческом прогрессе. На наш взгляд, Минаева впервые обращает внимание на исследование Карамзиным темы народа. Последняя, по ее мнению, сопряжена с авторскими раздумьями о правомерности, возможностях и характере народного представительства в государственном управлении. Достоинством логики Н.В. Минаевой как ученого является то, что она представила исторические взгляды Карамзина в развитии, что особенно заметно на оценке последним событий Французской революции (Минаева, 1982:73-82).

Чрезвычайно интересный подход к исследованию творчества Н.М. Карамзина осуществил Ю.М. Лотман в своем романе-реконструкции «Сотворение Карамзина». Автор объясняет, что «роман-реконструкция» – особый жанр, который предполагает наличие вымысла, строго обоснованного научно истолкованным документом. По существу, все его исследование «Писем русского путешественника» построено на аргументированных, строго выверенных предположениях о передвижении и встречах Карамзина в Германии, Швейцарии, Франции и Англии (Лотман, 1987: 13).

Интересным историографическим трудом является книга «Историки России. XVIII – начало XX века», изданная Институтом российской истории в 1996 г. В ней, по словам одного из авторов и ответственного редактора этого издания А.Н. Сахарова, были воссозданы научные биографии крупных историков России. По его мнению, в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзин, пусть фрагментарно и несистематизированно, начертал свою программу создания истории России, включив в нее живительный патриотизм, критическое восприятие этой истории, ее сопоставление с историей других стран и народов (Сахаров, 1996: 4-5, 85).

Своеобразием подхода к исследованию истории развития исторической науки в России отличается труд Г.В. Вернадского «Очерки по русской историографии» (русский вариант названия – «Русская историография»), вышедший в США в 1971–1975 гг. и впервые опубликованный на русском языке на родине историка в конце 1990-х гг. Вернадский выделяет такой важный аспект заграничной поездки Карамзина, который, пожалуй, не отмечает ни один из исследователей его творчества. «Результатом ее, – пишет он, – была реформа русского литературного языка» (Вернадский, 1998: 70).

В.Б. Муравьев во вступительной статье к книге, включающей сочинения Н.М. Карамзина разных лет, отмечает высокий уровень знаний автора «Писем», подчеркивая, что тот во время путешествия на равных беседует с крупнейшими писателями, учеными, философами и разбирается в политической ситуации европейских стран, как опытный политик (Карамзин, 2002: 8).

В журнале «Историк и художник» (главный редактор С.С. Секиринский), первые номера которого вышли в 2004 г., одна из рубрик называлась «Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное в слове: дорога!». В открывающей рубрику статье П. Куприянова было рассмотрено русское заграничное путешествие начала XIX века. Несмотря на то, что путешествие Карамзина состоялось в конце предыдущего века, автор статьи не мог не сказать о нем. Куприянов подчеркнул тот факт, что «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина послужили мощнейшим импульсом для развития литературы путешествий в России (Куприянов, 2004: 64).

Несмотря на то, что центром повествования книги «Последний летописец» историка Н.Я. Эйдельмана стал главный труд Н.М. Карамзина «История государства Российского», в ней определенное внимание уделено его «Письмам». Эйдельман говорит об их читателях, по достоинству оценивших сочинение талантливого автора: студентах, молодых офицерах, чиновниках, архивных юношах (Эйдельман, 2004: 29).

В целом ряде книг в той или иной степени дана оценка научному творчеству Н.М. Карамзина и его вкладу в российскую науку и культуру. Так, в книге «Историография, мемуаристика, эпистолярная» объединены труды и материалы историка М.М. Богословского. Ученик В.О. Ключевского дает дворянскому историку следующую критическую оценку: «Карамзин одинаково не был ни историком-мыслителем, ни историком-художником. История для него – особый разряд изящной словесности, и ничего более» (Богословский, 1987: 14).

В еще одной книге Н.Я. Эйдельмана «Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз...» представлены две работы, объединенные единым замыслом – поиском исторической истины, раскрытием исторических судеб известных людей России в переломные годы ее развития. Автор пишет об уникальном влиянии Н.М. Карамзина на личность молодого Александра Пушкина (Эйдельман, 1991: 304). Научный редактор и один из авторов сборника статей «Образы историографии» А.П. Логунов дает следующую оценку влияния Французской революции конца XVIII века на развитие профессиональной исторической науки: «Историки (как и в целом интеллектуальная элита Европы) пытались понять смысл и предназначение собственных стран и

народов, опираясь на соответствующим образом восстановленное и интерпретированное прошлое. ...Именно в это время Н.М. Карамзин делает вывод о том, что в центре нашей национальной истории находятся власть и государство, что вокруг них и в связи с ними ставятся и решаются все национальные проблемы» (Логунов, 2001: 36).

Автор вступительной статьи в Приложении к юбилейному тому журнала «Вестник Европы» Н.А. Разманова таким образом оценивает вклад Н.М. Карамзина в развитие отечественной культуры: «Русский путешественник по Европе Карамзин, начиная «Вестник Европы», брался за воспитание высокого вкуса и просвещенных политических убеждений у своих соотечественников в соответствии с европейскими веяниями» (Разманова, 2002: XI). О большом влиянии Н.М. Карамзина на развитие исторической науки в русской провинции второй половины XIX в. пишет в монографии «Уездные историки: русская провинциальная историография» В.А. Бердинских (Бердинских, 2003: 257).

Особую часть историографической литературы составляют учебные пособия и учебники. К лучшим из них, видимо, можно отнести следующие: в учебном пособии петербургского ученого А.Л. Шапиро «Русская историография с древнейших времен до 1917 г.», включающем 43 лекции по истории исторической науки в России, одна посвящена Н.М. Карамзину. Автор пособия, рассматривая «Письма русского путешественника», выделяет в них два аспекта: двойственное отношение дворянского историка к Французской революции и трагический характер завершения века Просвещения (Шапиро, 1993: 295-296).

Д.В. Ермашов и А.А. Ширинянец, как авторы учебного пособия «У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин», характеризуя «Письма» Карамзина, подчеркивают его слова о том, что хорошая Российская история должна быть написана «с философским умом, с критикою, с благородным красноречием» (Ермашов, Ширинянец, 1999: 62). В учебнике «Историография истории России до 1917 года», вышедшем в двух томах под редакцией М.Ю. Лачаевой, также дана оценка «Писем» Н.М. Карамзина. Один из авторов учебника, Н.М. Рогожин, отмечает, что во время своего путешествия Карамзин посетил страны, где формировались просветительская философия, литература, эстетика, политэкономия, история, и, таким образом, он мог чувствовать пульс гуманистической мысли (Лачаева, 2003: 196). Авторы учебного пособия «История исторического знания», оценивая историческую концепцию Н.М. Карамзина, подчеркивают, что Россия и Запад не противопоставлялись им друг другу. С позиций романтизма он полагал, что различные народы были частями единой исторической картины, где каждый воплощал определенный этап становления человечества (Репина и др., 2006: 163).

В коллективном учебном пособии «История и философия отечественной исторической науки» авторы при рассмотрении «Писем» Карамзина делают важный вывод, что он поставил перед собой задачу изучения черт и свойств русского народа, характера его древних героев – «отменных людей» и что историк определяет важнейшие эпохи русской истории: от Владимира до Петра Великого (Пихоя, Чернобаев, 2006: 107). Авторы учебного пособия «Историография истории России» Г.Р. Наумова и А.Е. Шикло обратили внимание не только на положительные оценки автора «Писем», но и на его отрицательные впечатления от увиденного в Западной Европе. Они пишут, что Французская революция разрушила веру Карамзина и многих деятелей этой эпохи в оптимистические и рациональные схемы эпохи Просвещения, в возможность соединить умозрение с действительностью. С их точки зрения, Карамзин пережил разочарование в идеях века Просвещения, что нашло отражение в его «Письмах» (Наумова, Шикло, 2008: 105).

Анализ представленной научной и учебной литературы, в которой прямо или косвенно дана оценка Н.М. Карамзину как ученому и исследователю, рассмотрены различные аспекты его «Писем русского путешественника», позволяет сделать следующие выводы. По существу, за рамками внимания исследователей остался ряд важных проблемных вопросов: сравнительное исследование Карамзиным в его «Письмах» культурного и социального развития стран Западной Европы в конце XVIII века; оценка историком уровня аналогичного развития России; характеристика личности самого путешественника, за которым, конечно, угадывается образ Карамзина; выявление источниковой ценности его первого крупного исторического сочинения.

Автор статьи не претендует на исчерпывающее освещение поставленных вопросов. Вместе с тем необходимо отметить, что новизна подхода к их изучению заключается в том, что впервые в научной и учебной литературе они исследуются комплексно и также впервые обозначена указанная в заглавии статьи тема.

4. Результаты

«Письма русского путешественника» создавались Н.М. Карамзиным уже по завершении своего путешествия, на протяжении десяти лет – с 1791 по 1801 гг. Первая часть «Писем» появилась в издаваемом Карамзиным «Московском журнале» в 1791–1792 гг. Затем некоторые разделы «Писем» были опубликованы им в первой и второй книгах альманаха «Аглая» в 1794–1795 гг. Отдельно удалось издать «Письма» только в 1797 г., причем лишь первую их часть – без описания впечатлений о Париже и Англии, так как вторую часть запретила цензура. Наконец, полное издание «Писем русского путешественника» появилось только в 1801 г. В дальнейшем при жизни писателя «Письма»

печатались трижды в составе собрания его сочинений. В классическом варианте этого произведения указано 159 писем.

17 мая 1789 г. из Твери через Петербург, Нарву, Дерпт и Ригу молодой русский писатель Николай Карамзин выехал в путешествие по Европе. Там он посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию, Англию и вернулся в Россию в сентябре 1790 г.

Вопрос о сравнении различных стран возникает у Карамзина не в начале путешествия, а только по прошествии нескольких месяцев. Так, путешественник въезжает в Пруссию 15 июня 1789 г., но только в сентябре, оказавшись уже в Швейцарии, точнее в Лозанне, он позволяет себе сделать первые сравнения. Они касаются сферы образования. Карамзин не советует посылать детей получать его в Лозанне, «где разве только одному французскому языку можно хорошо выучиться». Он пишет, что все прочие науки преподаются в немецких университетах гораздо лучше, чем в Швейцарии. Карамзин подчеркивает: «Нигде способы учения не доведены до такого совершенства, как ныне в Германии» (Карамзин, 1980: 40, 218).

Значительную часть осени и всю зиму Карамзин провел в Швейцарии и только в начале марта оказался во Франции, которая приютила его на 4 месяца. Забегая вперед, можно констатировать, что именно Франция оказала на путешествующего молодого Карамзина особенно сильное впечатление из всех посещенных им стран. Объяснить это можно не столько революционными событиями, происходившими там, сколько особенностями национального характера французов, которые поразили путешественника. Главной чертой в характере Парижа он назвал «отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах». Парижане, по мнению Карамзина, являются полной противоположностью важных швейцарцев, «которые ходят всегда размеренными шагами, слушают вас с величайшим вниманием... А парижский житель хочет всегда отгадывать: вы еще не кончили вопроса, он сказал ответ свой, поклонился и ушел!» (Карамзин, 1980: 310).

Большое внимание в описании жизни парижан Карамзин уделяет театру. Рассказывая о нем, Карамзин, пожалуй, первым из российских писателей ставит такой важный вопрос, как доступность достижений культуры (в данном случае – театра) самым обычным людям. Кроме пяти главных театров, путешественник отмечает существование в столице Франции множества других, действующих на бульварах. Уровень развития театральной культуры таков, что «для всякого спектакля находятся особливые зрители». Карамзина, конечно, не удивляет, что богатые люди интересуются новинками театра. Другое дело – люди низкого состояния, как их называет автор «Писем». «Самые бедные ремесленники, савояры, разносчики, – пишет Карамзин, – почитают за необходимость быть в театре два или три раза в неделю; плачут, смеются, хлопают, свищут и решают судьбу пьес». Эта увлеченность французов театром позволяет русскому путешественнику сделать такое сравнение: «Англичанин торжествует в парламенте и на бирже, немец – в ученом кабинете, француз – в театре» (Карамзин, 1980: 338-339).

Сравнение французов с англичанами, так же как сравнение Франции с Англией является главным и наиболее частым в «Письмах» Карамзина. В июне 1790 г. он оказывается в Англии, в которой сразу же замечает отличительные особенности и поэтому не может не сравнивать ее с другими странами. Путешественник, проехав почти всю Европу, уверенно делает вывод о том, что Париж и Лондон можно считать двумя первыми городами в Европе. В целом, Карамзин проявляет объективность в своих оценках Англии и ее культуры. Это, например, заметно в его отношении к английскому языку, который он, с одной стороны, считает грубым и неприятным для слуха, а с другой – богатым и обработанным во всех отношениях для письма. Так, он выделяет еще и следующие положительные стороны этого языка: «Пестрота английского языка не мешает ему быть сильным и выразительным, а смелость стихотворцев удивительна» (Карамзин, 1980: 503-504).

Карамзин не оставляет без внимания и такой факт, как насыщенность политической жизни обеих стран. Писатель, оказавшись во Франции в начальный период развития революции, естественно, идеализировал происходившие в ней события, пока что не отмеченные трагическими чертами. Он, видимо, не мог, как и все остальные очевидцы бурных политических событий, не быть в какой-то степени вовлеченным в них и не чувствовать всеобщего общественного подъема. Пройдет время и в середине 90-х гг. Карамзин резко изменит свое отношение к Французской революции, обратив внимание на ее разрушительный характер, так как насильственно разрушалось старое, феодальное общество. Эти аспекты революции во Франции Карамзин принять не мог. Скорее всего, нижеследующие слова были более поздней вставкой в карамзинские «Письма»: «Не думайте, однако ж, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует, все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освищывают, как в театре!» (Карамзин, 1980: 320-321).

А тогда, на грани 80–90-х гг. XVIII века Карамзин определил различие политической жизни между Францией и Англией. «Разница между парижским народным собранием и английским парламентом, – подчеркивает путешественник, – есть та, что первое шумнее; впрочем, и парламентские собрания довольно беспорядочны» (Карамзин, 1980: 508).

В своих «Письмах» Карамзин не дает общей оценки культурного и социального развития западного мира, но этот обобщенный портрет вырастает из всего его повествования. Лучшими сторонами западного мира, которые в той или иной степени проявляются в различных странах, он

считает развитие общественной жизни в клубах, наличие большого количества публичных библиотек, успешное развитие книжной торговли, наличие университетов в ряде городов (немецкие земли, или Германия, как пишет Карамзин); участие граждан в развитии республиканской формы власти, свободу, независимость крестьян и даже богатство граждан, развитие начального женского образования (Швейцария); доступность для народа достижений культуры, деятельность двух Академий – Французской академии, учрежденной для обогащения французского языка, и Академии наук, огромное количество книг в Королевской библиотеке, а также кипение политической жизни и активное, свободное участие в ней различных слоев общества (Франция); успешное развитие парламентаризма, прогрессивной системы суда присяжных, благотворительности, просвещенность и рассудительность людей, их «строгая честность... в своей торговле, политике и частных отношениях между собою», общий вид довольства и изобилия этого «кирпичного царства» (Англия) (Карамзин, 1980: 107, 148, 155, 180, 191, 311-312, 338-339, 358-359, 376-377, 446, 449, 463-464, 507, 518).

Однако восприятие Карамзиным положительных сторон в развитии стран Западной Европы нередко сменяется сильным разочарованием, так как в них он отчетливо видит настоящие язвы общества (Карамзин, 1980: 452, 460, 505).

Вторым важным вопросом, находящимся в поле зрения путешественника, является вопрос, связанный с его родиной, подчас произвольным, а чаще намеренным сравнением ее с западными странами. Объектами сравнения и изучения становятся правители, культура стран, их история, качества народа и др.

Тема родины начинает отчетливо звучать в «Письмах» в период пребывания автора во Франции. Очень интересным надо признать сравнение Карамзиным Людовика XVI и Петра I. Он называет этих «двух героев» неравными «в великости духа и дел своих», отдавая явное предпочтение второму (Карамзин, 1980: 284). В другом письме, сравнивая Карла Великого с Владимиром I, Людовика XI с Иваном IV, Кромвеля с Борисом Годуновым, Карамзин проводит параллели, считая, что «время их правления составляет важнейшие эпохи в нашей истории и даже в истории человечества» (Карамзин, 1980: 353).

Историк прямо и откровенно говорит об особенностях исторического развития России, долгое время отстававшей от Запада: «Немцы, французы, англичане были впереди русских по крайней мере шестью веками; Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет почти догнали их» (Карамзин, 1980: 354). Эта сильная самодержавная власть может считаться особенностью исторического развития России.

Карамзин высказывает очень интересную мысль о допустимой степени самостоятельности в развитии государства, культуры, цивилизации. Рассуждая об общих основах западной и российской цивилизаций, он утверждает: «Путь образования или просвещения один для народов; все они идут им вслед друг за другом... Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских, и что англичане или немцы изобрели для пользы, выгоды человека, то мое, ибо я человек» (Карамзин, 1980: 353-355). Таким образом, российская цивилизация, по мнению Карамзина, перенимала то лучшее, что было в развитии западной цивилизации и это было естественным, чтобы создавать общие основы для культурного и социального развития. А особенные черты в нашем историческом развитии возникали из-за своеобразного географического положения России, находившейся между Западной Европой и Азией, огромной территории, малонаселенности, постоянного натиска завоевателей.

Можно сделать вывод, что Карамзин, скорее всего, намеренно идеализирует Россию. В его «Письмах» почти нет негативных оценок, связанных с нею. Наоборот, он постоянно подчеркивает положительные стороны русских людей и дает разностороннюю характеристику России того времени. Молодой путешественник оптимистично пишет о том, что холодный климат не страшен русским людям, дает оценку проявления у себя на родине всех времен года, достаточно сдержанно оценивает основы общественной жизни, но зато с большой теплотой и благодарностью говорит об иностранцах – «за просвещение, за множество умных идей и приятных чувств, которые были неизвестны предкам нашим до связи с другими европейскими землями». Карамзин называет гостеприимство добродетелью русских людей, а на вопрос, касающийся уважения в России женщин, отвечает, что в его стране женщина пребывает на троне (Карамзин, 1980: 401-403).

Карамзин как блестящий филолог дает оценку не только качествам иностранных языков, но и, конечно, не может обойтись без рассмотрения достоинств своего родного языка, отмечая его самые лучшие стороны. Путешественник, находясь в июле 1790 г. в Лондоне, пишет, защищая русский язык: «У нас всякий... коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски, а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем. Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не хуже других...» (Карамзин, 1980: 462).

Не меньший интерес представляет и такой вопрос, как характеристика личности путешественника. Некоторые исследователи искусственно разделяют путешественника и автора «Писем» – Николая Михайловича Карамзина, считают их чуть ли не разными людьми. Однако в своем предисловии к «Письмам» Карамзин не отделяет себя от путешественника. Чтобы понять, кто

такой путешественник, конечно, нужно не только внимательно проанализировать текст предисловия, но и увидеть главные его черты, запечатленные в рассказе о путешествии. Путешественник для Карамзина – это он сам, попадающий как в реальные, так и предполагаемые, фактически выдуманные автором ситуации. Основой «Писем», конечно, стали действительные путешествия Карамзина, но они были художественно дополнены его гипотетическими странствиями.

Несмотря на молодость, а Карамзину во время путешествия исполнилось 23 года, он в своих «Письмах» проявляет мудрость и философичность. Они объясняются начитанностью, солидной образовательной подготовкой и зрелостью личности Карамзина. И та, и другая являются прочной основой его эпистолярного произведения. «Жизнь наша, – пишет автор «Писем», – делится на две эпохи: первую проводим в будущем, а вторую в прошедшем». Почти все исследователи творчества Карамзина, цитируя эти афористичные слова, не продолжают их следующими фразами и, таким образом, ограничивают смысл сказанного. Однако автор именно после этих выразительных слов объясняет, какое отношение они имеют к формированию личности, выбирающей те или иные жизненные ценности. «Где сливаются сии две эпохи? – задает вопрос путешественник через несколько строк своего письма. – Ни глаз не видит, ни сердце не чувствует... Таким образом мыслил я в Виндзорском парке, разбирая свои чувства и угадывая те, которые со временем будут моими!» (Карамзин, 1980: 484).

5. Заключение

Завершая изучение «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, можно сделать следующие выводы. Прежде всего необходимо констатировать, что они являются не только ценным, но и очень разносторонним источником по истории стран Западной Европы, а также России, прежде всего по истории их культуры и развития социальных отношений, эволюции развития личности, а также исторических, философских и художественных взглядов выдающегося историка.

Западный мир предстает в описании Карамзина, действительно, как яркая мозаика своеобразных центров цивилизации, культурного и социального развития. Каждый из них, по мнению путешественника, имеет свою специфику и ту или иную привлекательность. Немецкие земли отмечены высоким уровнем развития образования, прежде всего университетов, так называемого книжного знания, основой чего является повсеместное развитие книжной торговли; Швейцария – отличается спокойной, благополучной и уверенной жизнью граждан, не только не отстраненных от участия в политическом управлении, но и имеющих возможность проявить в нем свою активность; Франция – это страна, до предела насыщенная культурной жизнью, представительством народа в политической сфере, с одной стороны, и усиливающимися противоречиями между привилегированным дворянством и народом, с другой стороны; наконец, Англия – характеризуется гармоничным развитием политической системы и цивилизационных основ общества. Карамзин, несмотря на смутенное состояние французского общества, вызванное революционными событиями, из всех названных стран именно Франции отдает не столько свои симпатии, сколько свои очень эмоциональные переживания.

Можно уверенно считать, что, подробно описывая культурное и социальное развитие стран Западной Европы, подчеркивая его высокий уровень, Карамзин не только видит, но и неоднократно отмечает в своих «Письмах» общие для Запада и России цивилизационные пути развития. Страны Запада, по мнению автора «Писем», всегда являлись для России своеобразным ориентиром, и их опыт наша страна успешно усваивала с учетом своих особенностей. Предположительно, что Карамзин, конечно, понимал, что к этим особенностям прежде всего относятся сильная монархическая (а с начала XVIII века – абсолютная) власть, наличие крепостного права (которого на Западе к XVI веку уже не было) и, соответственно, культурная и социальная пропасть между дворянством и народом, могущественные правители (губернаторская власть) на местах, развитие всего лишь первых ростков общественной жизни и полное отсутствие надежд на возникновение в русском обществе начал свободы и демократизма (судьба Н.И. Новикова и А.Н. Радищева). В последующем в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзин попытался по-своему объяснить некоторые из этих особенностей. Поэтому можно утверждать, что «Письма» как одно из ранних исторических произведений дворянского историка стали одной из основ его многолетнего труда.

Тема родины возникает у Карамзина не только как дань его ностальгии. Для него Россия, ее природа, люди, общество являются своеобразным камертоном, который в данном случае необходим для понимания противоречивого, в чем-то чужого Запада.

Конечно, оценки Карамзиным России можно считать неполными и достаточно сдержанными в характеристике основ российского общества. Но, учитывая, что все-таки главной задачей молодого писателя было стремление понять, что представляет собой западное общество, что путешественник наблюдал его развитие впервые, что начавшаяся во Франции революция бумерангом затрагивала и другие страны, можно сказать, что Россия как будто отражалась Карамзину в зеркале западного мира, и он считал, что это отражение имеет больше положительных черт.

Сам автор «Писем» – Николай Михайлович Карамзин – предстает в них как человек своего времени – века Просвещения. В полной мере его можно уверенно назвать достойным представителем этого века. Главная особенность личности и характера Карамзина, проявляющаяся во всех его письмах, – это изысканность восприятия действительности. Далее следуют уже другие, связанные с

нею черты: интеллектуальность, глубина и образность мышления. Именно эти стороны личности Карамзина позволили ему понять сложный мир западного общества, сопоставить его с развитием России и выразить свое мнение прекрасным, очень доступным русским языком, внося, таким образом, замечательный вклад в его дальнейшее формирование.

В последнем письме Карамзин, как и любой другой автор, ставит перед собой вопрос о ценности для читателей своего произведения, которое он скромно называет «эскизами». Эти «эскизы» Н.М. Карамзина стали ярким, замечательным полотном отечественной исторической науки, подняв ее развитие на новую высоту и явившись предтечей золотого века российской культуры.

Литература

- [Бердинских, 2003](#) – *Бердинских В.А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. 528 с.
- [Благой, 1945](#) – *Благой Д.Д.* История русской литературы XVIII века. М., 1945. 424 с.
- [Богословский, 1987](#) – *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (Научное наследие). М. 1987. 216 с.
- [Вернадский, 1998](#) – *Вернадский Г.В.* Русская историография. М., 1998. 448 с.
- [Ермашов, Ширинянц, 1999](#) – *Ермашов Д.В., Ширинянц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин: Учебное пособие. М., 1999. 240 с.
- [Карамзин, 1980](#) – *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Повести. М. 1980. 608 с.
- [Карамзин, 1982](#) – *Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. 351 с.
- [Карамзин, 2002](#) – *Карамзин Н.М.* О древней и новой России. М., 2002. 480 с.
- [Куприянов, 2004](#) – *Куприянов П.* Русское заграничное путешествие начала XIX века // *Историк и художник.* 2004. № 1. С. 64.
- [Лачаева, 2003](#) – *Лачаева М.Ю.* Историография истории России до 1917 года: Учебник. В двух томах / Под ред. М.Ю. Лачаевой. М., 2003. Т. 1. 384 с.
- [Логунов, 2001](#) – *Логунов А.П.* Образы историографии: Сборник статей. Научный редактор А.П. Логунов. М., 2001. С. 36.
- [Лотман, 1987](#) – *Лотман Ю.М.* Сотворение Карамзина. М., 1987. 336 с.
- [Минаева, 1982](#) – *Минаева Н.В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. 291 с.
- [Наумова, Шикло, 2008](#) – *Наумова Г.Р., Шикло А.Е.* Историография истории России: Учебное пособие. М., 2008. 472 с.
- [Пихоя, Чернобаев, 2006](#) – *Пихоя Р.Г., Чернобаев А.А.* История и философия отечественной исторической науки: Учебное пособие. Научные редакторы Пихоя Р.Г., Чернобаев А.А. М.: 2006. 344 с.
- [Разманова, 2002](#) – *Разманова Н.А.* Три жизни «Вестника Европы» // *Вестник Европы.* Избранное. 1802–1881. М., 2002. С. XI.
- [Репина и др., 2006](#) – *Репина Л.П. и др.* История исторического знания: Пособие для вузов. М., 2006. 288 с.
- [Сахаров, 1996](#) – *Сахаров А.Н.* Историки России. XVIII – начало XX века. Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 1996. 688 с.
- [Шапиро, 1993](#) – *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. М., 1993. 761 с.
- [Эйдельман, 1991](#) – *Эйдельман Н.Я.* Твой восемнадцатый век. Прекрасен наш союз... М., 1991. 397 с.
- [Эйдельман, 2004](#) – *Эйдельман Н.Я.* Последний летописец. М., 2004. 256 с.

References

- [Aydelman, 1991](#) – *Aydelman N.Ya.* (1991). Tvoi vosemnadtsatyi vek. Prekrasen nash soyuz... [Your eighteenth century. Our Union is Beautiful...]. М. 397 p. [in Russian]
- [Aydelman, 2004](#) – *Aydelman N.Ya.* (2004). Poslednii letopisets [The Last chronicler]. 256 p. М. [in Russian]
- [Berdinskikh, 2003](#) – *Berdinskikh V.A.* (2003). Uezdnye istoriki: Russkaya provincialnaya istoriografiya [District historians: Russian provincial historiography]. М. 528 p. [in Russian]
- [Blagoy, 1945](#) – *Blagoy D.D.* (1945). Istoriya russkoi literatury XVIII veka [History of Russian literature of the XVIII century]. М. 424 p. [in Russian]
- [Bogoslovskiy, 1987](#) – *Bogoslovskiy M.M.* (1987). Istoriografiya, memuaristika, epistolariya (Nauchnoe nasledie) [Historiography, Memoirs, Epistolaria (Scientific heritage)]. М. 216 p. [in Russian]
- [Ermashov, Shirinyanz, 1999](#) – *Ermashov D.V., Shirinyanz A.A.* (1999). U istokov rossiyskogo konservatizma: N.M. Karamzin: Uchebnoye posobie [At the origins of Russian conservatism: N.M. Karamzin: Textbook]. М. 240 p. [in Russian]
- [Karamzin, 1980](#) – *Karamzin N.M.* (1980). Pis'ma russkogo puteshestvennika. Povesti [Letters of the Russian traveler. Story]. М. 608 p. [in Russian]
- [Karamzin, 1982](#) – *Karamzin N.M.* (1982). Izbrannye stat'i i pis'ma [Featured articles and letters]. М. 351 p. [in Russian]

- Karamzin, 2002** – *Karamzin N.M.* (2002). O drevney i novoy Rossii [About Ancient and new Russia]. M. 480 p. [in Russian]
- Kupriyanov, 2004** – *Kupriyanov P.* (2004). Russkoye zagranichnoye puteshestviye nachala XIX veka [Russian foreign journey of the beginning of XIX century]. *Istoriik i hudozhnik*. № 1. P. 64. M. [in Russian]
- Lachaeva, 2003** – *Istoriografiya istorii Rossii do 1917 goda: Uchebnik. V dvukh tomakh. Pod redakziye M.Yu. Lachaevoi* (2003) [Historiography of the history of Russia until 1917: Textbook. In two volumes. Volum 1. Editor M.Yu.Lachaeva]. M. 384 p. [in Russian]
- Logunov, 2001** – *Obrazy istoriografii: Sbornik statei. Nauchnyi redactor A.P. Logunov* (2001) [Images of Historiography: Collection of articles. Scientific Editor A.P.Logunov]. M. P. 36. [in Russian]
- Lotman, 1987** – *Lotman Yu.M.* (1987). Sotvorenie Karamzina [Creation of Karamzin]. M. 336 p. [in Russian]
- Minaeva, 1982** – *Minaeva N.V.* (1982). Pravitel'stvennyi konstitusionalizm i peredovoe obshhestvennoe mnenie Rossii v nachale XIX veka [Government constitutionalism and advanced public opinion of Russia in the beginning of XIX century]. Saratov. 291 p. [in Russian]
- Naumova, Shiklo, 2008** – *Naumova G.R., Shiklo A.E.* (2008). Istoriografiya istorii Rossii: uchebnoe posobie [Historiography of the history of Russia: Textbook]. M. 472 p. [in Russian]
- Pikhoya, Chernobaev, 2006** – *Istoriya i filosofiya otechestvennoi istoricheskoi nauki: Uchebnoe posobie. Nauchnye redaktory Pirkhoya R.G., Chernobaev A.A.* (2006). [History and philosophy of the National Historical Science: Textbook. Scientific editors of Pikhoea R.G., Chernobaev A.A.]. M. 344 p. [in Russian]
- Razmanova, 2002** – *Razmanova N.A.* (2002). Tri zhizni "Vestnika Evropy" [Thee lives of the "Herald of Europe". "Vestnik Evropy". Izbrannoe. 1802-1881. P.XI. M. [in Russian]
- Repina i dr., 2006** – *Repina L.P. i dr.* (2006). Istoriya istoricheskogo znaniya: posobie dlya vuzov. [History of Historical Knowledge: Handbook for universities]. M. 288 p. [in Russian]
- Sakharov, 1996** – *Istoriki Rossii. XVIII – nachalo XX veka. Otvetstvennyi redactor Sakharov A.N.* (1996). [Historians of Russia. XVIII – Early XX century. Responsible Editor Sakharov A.N.]. M. 688 p. [in Russian]
- Shapiro, 1993** – *Shapiro A.L.* (1993). Russkaya istoriografiya s drevneishikh vremen do 1917: Uchebnoe posobie [Russian historiography from ancient times to 1917: Textbook]. M. 761 p. [in Russian]
- Vernadsky, 1998** – *Vernadsky G.V.* (1998). Russkaya istoriografiya [Russian historiography]. M. 448 p. [in Russian]

«Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина о культурном и социальном развитии стран Западной Европы и России

Игорь Викторович Сучков ^{a, *}

^a Российский государственный социальный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, отразившего в них культурное и социальное развитие стран Западной Европы и России в конце XVIII века. В «Письмах» Н.М. Карамзин сравнивает культурное и социальное развитие отдельных стран Западной Европы, оценивает уровень аналогичного развития России, характеризует личность самого путешественника. Автор показывает ценность «Писем» как источника, позволяющего определить уровень культуры и социальных отношений стран западного мира и России.

В статье показывается особенности современной российской литературы, посвященной «Письмам» Н.М. Карамзина, и место этого произведения в творчестве дворянского историка. Автор статьи обращает внимание на актуальность темы, связанную, с одной стороны, с сохранением и дальнейшей эволюцией общих традиций культурного и социального развития Западной Европы и России, а с другой – с четким видением их особенностей. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению тех писем, которые посвящены Французской революции, оказавшей большое влияние не только на Францию, но и другие страны Запада, а также Россию.

Автор статьи оценивает значение личных качеств русского путешественника, в котором можно видеть самого Н.М. Карамзина, и определяет его вклад в формирование литературного русского языка и в целом в развитие культуры.

Он подчеркивает, что исследование «Писем русского путешественника» позволяет лучше понять особенности научных взглядов Н.М. Карамзина и их место в исторической науке, а также в целом в культуре России.

Ключевые слова: Н.М. Карамзин, письма, Россия, путешественник, страны, Западная Европа, культурный, социальный, развитие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ig.suchckov2015@yandex.ru (И.В. Сучков)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 568-575. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.568
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The British Russophobia in the first half of the XIX century: the Military Aspect

Evgeniy V. Kryzhko ^{a,*}, Petr I. Pashkovsky ^a, Nickolay N. Chemodurov ^a, Timofey A. Charusov ^a

^aV.I. Vernadsky Crimean Federal University, Russian Federation

Abstract

The article considers the problem of the military aspect of the British Russophobia in the first half of the XIX century. It is established that in this period the foreign policy strategy of Great Britain was guided by the logic of the need to counter the growing military-political power of the Russian empire, demanding the development of appropriate ideological tools to give legitimacy to such a course and reach a public consensus on its implementation. Therefore, the British elites are beginning to develop and implement a large-scale anti-Russian information campaign, contributing to the emergence of the phenomenon of Russophobia, an important component of which was the military aspect. At the same time, the views of the military, on the one hand, seem to be rather restrained, reflecting the positive image of the Russian soldier, which was probably the result of the memory of the British-Russian allied relations during the Napoleonic wars. On the other hand, the first resident reports are being published on the possible directions of Russian aggression against British India and the need to neutralize this threat by diplomatic and military methods. Based on the analysis of a broad source base and numerous studies, it is revealed that in the period under review, the genesis and spread of Russophobic sentiments among the political elite of Great Britain and their projection regarding the foreign policy aspirations of the Russian empire in the context of their interpretation as a direct or indirect threat to British society, the state and Europe as a whole can be traced. Such imperatives, which emanated from the British officers, were directed to the formation of stable Russophobic attitudes among the population of Great Britain so that the people would support the government's political line to increase geopolitical pressure towards the Russian Empire.

Keywords: Russia, Great Britain, russophobia, «Great Game», geopolitics.

1. Введение

Политика Великобритании в отношении Российской империи в начале XIX в. характеризовалась стремлением к ее сдерживанию в контексте конкуренции двух великих держав за сферы влияния. Внешнеполитическая стратегия Лондона руководствовалась логикой необходимости противодействия растущей военно-политической мощи Петербурга, требуя выработки соответствующего идеологического инструментария для придания легитимности подобному курсу и достижения общественного консенсуса по вопросам его реализации. Императив данных действий определялся тем, что, начиная с XVIII в., общественное мнение играло важную роль в британской внешней политике. Поскольку внешняя политика Великобритании формировалась в условиях открытых дебатов, ее народ проявлял исключительное единение во время войны и готовность к диаметральному перемене позиции при смене премьер-министра (Киссинджер, 1997: 86).

В связи с этим британские элиты начинают разрабатывать и воплощать масштабную антироссийскую информационную кампанию (Коник, 2014: 171), способствуя возникновению феномена русофобии, важной составляющей которой являлся военный аспект.

* Corresponding author

E-mail addresses: jeyson1030@gmail.com (E.V. Kryzhko), petr.pash@yandex.ru (P.I. Pashkovsky), pasternatskiy@bk.ru (N.N. Chemodurov), tima.charusov@mail.ru (T.A. Charusov)

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования представлена материалами воспоминаний и сочинений британских авторов: военного Ф. Мола (Maule, 1816), военного хирурга Э. Уолша (Walsh, 1800: 46), военного и дипломата Р. Вильсона (Wilson, 1817) и его племянника Х. Рэндольфа (Randolph, Vol. I, 1862; Randolph, Vol. II, 1862), военного, дипломата и путешественника Дж. Киннейра (Kinneir, 1813; Kinneir, 1818), военного У. Сартиса (Surtees, 1833), военного ветеринарного врача У. Муркрофта и его помощника картографа Дж. Требека (Moorcroft, Trebeck, 1841), военных Дж. Эванса (Evans, 1828) и Г. Банбери (Bunbury, 1854).

Методологической основой исследования является системный подход, позволивший связать определенные тенденции в целостную картину зарождения и формирования военного аспекта феномена британской русофобии. Системный подход обусловил применение следующих исследовательских методов: при помощи социально-психологического метода были определены общие и частные характеристики британских элит, оказавших непосредственное влияние на генезис и развитие британской антироссийской пропаганды, а также специфику отношений Британской и Российской империй. Историко-генетический метод способствовал изучению событий в последовательном временном развитии и раскрытию связей между разными этапами британской русофобии. Определение зависимости между сферами общественной жизни и государственными институтами в процессе формирования и реализации британской антироссийской пропаганды осуществлялось при помощи функционального метода. Нормативно-ценностный метод использовался для определения влияния конкретных факторов на процесс формирования военного аспекта британской русофобии. Анализ источников и научных публикаций позволил выявить первопричины определенных событий, основные тенденции исследуемой проблемы, сформировать теоретическую и источниковую базу исследования.

3. Обсуждение

Глубинный анализ происхождения и сущности различных аспектов взаимоотношений России и Запада осуществлен в трудах А. Уткина (Уткин, 2008). В отечественной историографии знаковой в области изучения антироссийской пропаганды представляется работа И. Шафаревича (Шафаревич, 2019) «Русофобия», в которой дается обширная характеристика русофобских проявлений внутри страны в сравнении с негативным восприятием образа русской государственности на Западе. Тенденции и специфика феномена русофобии освещаются в трудах О. Неменского (Неменский, 2013) и М. Леонтьева (Леонтьев, 2012). Особенности восприятия России западноевропейцами раскрывались в исследовании С. Коник (Коник, 2014). Вопросам антироссийской пропаганды в контексте противостояния Великобритании и Российской империй в Туркестане и на Кавказе посвящена работа М. Ниязматова (Ниязматов, 2014). Отдельные аспекты британской антироссийской пропаганды в процессе конкуренции империй в Средней Азии в XIX в. изучались в труде Н. Халфина (Халфин, 1960). В исследованиях П. Пашковского, Е. Крыжко, С. Щевелева и Е. Бебешко (Bebeshko et al., 2017; Kryzhko et al., 2018) рассматривались проблемы происхождения и особенностей геополитической конкуренции Британской и Российской империй в Туркестане в первой половине XIX в.

Различные аспекты российско-британского соперничества в исследуемый период в общих чертах освещаются в трудах Г. Киссинджера (Киссинджер, 1997). Широкий спектр вопросов «Большой игры» Британской и Российской империй в Азии изучался П. Хопкиром (Hopkirk, 2006). Особое место в западной историографии занимает исследование «Запад – Россия: тысячелетняя война», принадлежащее перу Г. Меттана (Меттан, 2017), в котором характеризуется содержание, исторические основы, страновая стратиграфия и методология русофобии. Д. Къеза (Къеза, 2016) в книге «Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада?» рассматривает эволюцию и изменчивость фобий Запада по отношению к определенным странам или общностям, отмечая глубину исследуемого явления.

Вместе с тем в отечественной и зарубежной историографии зачастую уделяется недостаточно внимания генезису западной русофобии, в частности изучению происхождения и сущности военного аспекта британской антироссийской пропаганды как составной части этого многогранного феномена, актуализируя необходимость комплексного изучения данной проблемы.

4. Результаты

Значительную роль в формировании британского общественного мнения и складывании общего вектора в восприятии Российской империи играли взгляды представителей офицерского состава, обладавших, как считалось, точной и актуальной информацией, от интерпретации которой зависела реализация государственной внешней политики. Появление негативного образа России в британском обществе стало следствием намеренного формирования в его рамках антироссийских настроений с целью легитимации действий Лондона в условиях обострения геополитической конкуренции с Петербургом.

Впервые видимый интерес к Российской империи и ее вооруженным силам британские военные проявили в ходе совместной русско-британской экспедиции в Голландии в 1799 г., что было

вызвано рядом причин. Отражение событий экспедиции, в частности впечатлений как рядовых, так и старших воинских чинов о русских, обусловлено ее важностью для британских интересов. Кроме того, в данной кампании впервые в истории приняли участие армии двух империй. А славные победы русской армии в последней четверти XVIII в. вызывали заинтересованность со стороны британцев, учитывая усиление роли Франции в Европе.

Выводы о русских солдатах и их командовании были достаточно разнообразными. Среди них встречались и восхищенные отзывы об их героизме и выдержке. В частности, в своих мемуарах майор пехотного полка Ф. Мол отмечал, что англичане возлагали большие надежды на прибытие корпуса союзников, подчеркивая доблесть русских солдат и «храбрость их нации в целом» (Maule, 1816: 16). Другие, среди них военный хирург Э. Уолш, иначе оценивали вклад русской армии и обвиняли ее командование в провале экспедиции (Walsh, 1800: 46). Несмотря на акцентирование в ряде воспоминаний просчетов в координации усилий сторон, в целом в них складывалось восприятие русских как союзников и храбрых солдат.

Возникновению образа Российской империи как угрозы британским владениям способствовала резкая перемена во внешнеполитическом курсе Павла I. Хотя сближение с Францией и стягивание вооруженных формирований на российском юге было кратковременным и не имело серьезных последствий для Великобритании, но в результате этого среди британских элит сохранялись опасения относительно возможности вторжения России в Британскую Индию. Вопрос о недопущении нового франко-русского сближения стоял на повестке дня в правительстве Великобритании до окончательной победы над Наполеоном.

Характерным источником для рассмотрения изменений в представлениях англичан, касающихся Российской империи, являются работы Р. Вильсона, направленного в 1812 г. в генштаб русской армии в качестве британского комиссара. Помимо прочего, его задачей было не допустить заключения мира либо перемирия между Петербургом и Парижем. Его перу принадлежат несколько книг мемуарного содержания, среди которых наибольший интерес представляет «Очерк о военном и политическом могуществе России в 1817 году» (Wilson, 1817).

Очерк представляет собой краткое изложение истории Российской империи со времен Петра I до событий, происшедших в Европе и мире в годы наполеоновских войн. Автором анализируется постепенное усиление мощи российской армии. Работа начинается с рассмотрения статьи в журнале «Frankfort», открывавшейся утверждением: «Кажется необходимым, чтобы Европа знала о существующей для нее угрозе. Эта угроза исходит и будет исходить не от Англии, Франции или Австрии. Она будет исходить с севера – от России». Приведя полный текст статьи, Р. Вильсон отмечал, что представленное в ней мнение имеет право на существование. Однако в итоге он не соглашается с указанными опасениями (Wilson, 1817: 13-20).

Р. Вильсон делает вывод, что Россия «должна воспринимать эту непрошенную публикацию мнения, враждебного ее деятельности, и замечаний, оскорбительных для ее могущества как бестактный поступок, демонстрирующий зависть и страх» (Wilson, 1817: 5). В ходе изложения истории Российской империи автор останавливается на вопросе, связанном с планом вторжения русской армии в Индию в 1801 г. Вину за ухудшение российско-британских отношений Р. Вильсон приписывает исключительно личности Павла I, бывшего «жестоким и своенравным, хотя, по словам его врагов, «по трезвому рассуждению желавшего защитить свою страну от поражений и бед» (Wilson, 1817: 11).

Описывая русских солдат, Р. Вильсон однозначно положительно отзывается об их стойкости и отваге. По-иному автор характеризует действия русского командования в 1812 г. В его видении кампания в Российской империи была таковой, «когда все участники так часто имели возможность одержать верную победу и добиться полного поражения оппонента без какого-либо риска и потерь», но не реализовали эту возможность по тем или иным причинам. В работе значительной критике подвергается роль главнокомандующего М. Кутузова, который обвиняется в том, что из-за неспешных действий командования в плен не был взят Наполеон, хотя такая возможность, по мнению автора, существовала.

Не менее интересным для понимания представлений британских военных о Российской империи является пассаж Р. Вильсона об информированности Наполеона в отношении обустройства российских территорий: «Он принципиально ошибался, полагая, что в России нет хороших дорог, но плотный наст снега делает поверхность твердой, что возделывание земли находится в упадке и что население России живет рассредоточенно. Однако он обнаружил прекрасные и даже более широкие дороги, чем во Франции, <...> земли в России были удобрены и давали богатый урожай; а провинции вокруг Москвы весьма плотно заселены, не уступая по количеству жителей любой части Европы! Он также обнаружил, что качество жилья крестьян лучше, чем он считал, они лучше обеспечены топливом, лучше одеты и питаются лучше, чем крестьяне на континенте и даже в современной Англии!» (Wilson, 1817: 36).

Работа Р. Вильсона представляется определенной вехой в истории формирования негативных представлений о России. При значительной степени объективности и воздании должного подвигу русской армии британский генерал впервые акцентирует чрезмерный рост мощи Российской

империи. Задавая вопрос о том, может ли Россия при невероятно быстрых темпах роста ее армии и развития государства, после разрушений, принесенных войной, в скором времени восстановиться и получить новые преимущества, автор заключает: «Ответ: Она может; и Европа, и Азия должны признать правду об этом... <...> Имея огромную армию, вполне вероятно, что она будет использоваться не только в целях обороны» (Wilson, 1817: 148).

Труд Р. Вильсона генерировал русофобские взгляды в политической элите Великобритании, о чем свидетельствует тот факт, что только в 1817 г. он претерпел четыре переиздания и скоро был переведен на другие европейские языки. Работа вызвала большой интерес еще и потому, что ее автор был довольно известен в Европе. Так, собираясь в поход в Российскую империю, Наполеон имел в своей библиотеке обзор Р. Вильсона кампании 1806–1807 гг. На волне популярности в 1818 г. он прошел в британский парламент от радикалов, что укрепило его позицию как парламентария. Однако не стоит утверждать, что реализация политических амбиций являлась единственным фактором, повлиявшим на взгляды Р. Вильсона, учитывая его осведомленность о сфальсифицированном МИД Франции «завещании Петра I» и других трудах русофобской направленности (Ниязатов, 2014: 30-31).

Следует отметить, что в 1860 и 1862 г. племянник Р. Вильсона издал два тома воспоминаний генерала за 1812–1814 гг. (Randolph, Vol. I. 1862; Randolph, Vol. II. 1862). Книги содержали многочисленные критические замечания в отношении России и ее армии. Однако издания были подготовлены уже после смерти Р. Вильсона, значительным образом исказив прижизненные взгляды автора.

Представляется, что сочинения Р. Вильсона способствовали распространению русофобских настроений в британском обществе относительно «русской угрозы» колониальному могуществу Великобритании. Это вызвало ответную реакцию правящей элиты, которая выразилась в активизации резидентурой деятельности, в особенности на южных границах России с Персией и в Туркестане.

В 1818 г. в британской печати появилась работа путешественника, дипломата и офицера Ост-Индской кампании, сэра Дж. Киннейра «Рассказ о путешествиях в Малую Азию, Армению и Курдистан в 1813–1814 годах с замечаниями о маршах Александра Македонского и десяти тысяч греков» (Kinneir, 1818), которой предшествовал его «Персидский вестник, с картой» (Kinneir, 1813). Оценивая изменения, происходившие в Европе, и будучи знакомым с трудами Р. Вильсона, особый акцент он делал на опасности, связанных с возможным вторжением в Индию.

Дж. Киннейр выделял несколько возможных путей, воспользовавшись которыми можно было осуществить нападение на британскую колонию. Одним из них являлось северное направление, по которому, в частности, Российская империя могла нанести удар, перебросив войска через Центральную Азию и Афганистан. Вместе с тем Дж. Киннейр не был уверен в существовании намерений российского правительства в скором времени осуществить поход в Индию, но такие опасения имелись и подкреплялись начинаниями Павла I. «Я подозреваю, – писал Дж. Киннейр, – что русские, вне всякого сомнения, горят желанием расширить свою империю в этом направлении, но она и так уже весьма громоздка и неуправляема и, вполне возможно, может вскоре развалиться из-за своей чрезмерной величины на части» (Kinneir, 1818: 541).

Однако офицер Ост-Индской кампании усматривал угрозу в увеличении влияния России в Персии, где к моменту написания книги скончался шах, и на его место претендовали многочисленные наследники, одного из которых могла бы поддержать русская армия. В таком случае, заключал Дж. Киннейр, русским «не составило бы труда спровоцировать известных любовью к грабежам персов двинуться на Индию. Вторжение могло бы даже быть спланировано русскими офицерами, хотя их войска не участвовали бы в походе, что позволило бы царю умыть руки» (Kinneir, 1818: 545). Очевидно, что в рассматриваемый период усилиями британской дипломатии угроза со стороны Российской империи была нивелирована. Но повышенный интерес к «русскому фактору» в Азии свидетельствует о доминировании в среде британских элит предвзятого взгляда относительно якобы агрессивных намерений Петербурга.

Вместе с тем в некоторых воспоминаниях британских военных встречаются достаточно сдержанные и в целом позитивные характеристики Российской империи и ее населения. Так, У. Сартис в работе «Двадцать пять лет в стрелковой бригаде» (Surtees, 1833), вышедшей в 1833 г. и охватывавшей период с 1799 по 1826 гг., практически не обращается к «русскому вопросу». Упоминая о торжественном параде 1814 г. в Париже, автор восхищается внешним видом русских солдат, «высоких и крепких северных людей». Косвенно он отмечает деспотизм правления в империи, повествуя о том, что во время парада полковника одного из полков, чей строевой шаг не понравился императору Александру I, вывели из строя и увели в казарменное помещение. О дальнейшей судьбе русского полковника У. Сартису пришлось только догадываться, поскольку, попытавшись разузнать об этом, он получил лишь заверение в том, что «таков есть русский обычай» (Surtees, 1833: 475).

Заслуживает внимания исследование британского военного ветеринарного врача У. Муркрофта и его помощника картографа Дж. Требека, которые осуществляли неоднократные визиты в приграничные районы Британской Индии и Туркестана. В период с 1819 по 1825 гг. У. Муркрофт

возглавлял разведывательную группу, направлявшуюся в Бухарский эмират, оставив эпистолярное наследие (Moorcroft, Trebeck, Vol. I, 1841; Moorcroft, Trebeck, Vol. II, 1841). В своих наблюдениях британский офицер приходит к выводу об угрозе со стороны Российской империи для Британской Индии. Он аргументирует неизбежность политического и экономического столкновения империй в Туркестане и обвиняет правительство в Лондоне в излишней нерешительности в отношении Петербурга (Moorcroft, Trebeck, Vol. I, 1841: 358-359, 421). Также разочарованный сдержанной политикой Калькутты в северном направлении, У. Муркрофт декларирует фанатичную преданность Родине, проявляя видимую ненависть к России.

Согласно официальной информации, У. Муркрофт умер от лихорадки в августе 1825 г., а через некоторое время умер и Дж. Требек. Обе смерти выглядели вызванными естественными причинами. Однако после того как скончался и переводчик данной экспедиции, в Индии возникли слухи, что их отравили русские агенты (Hopkirk, 2006: 128-129). Геополитические установки У. Муркрофта стали примером для последующих поколений офицеров в Британской Индии.

Кульминацией в формировании антирусских воззрений в британском обществе становится исследование полковника Дж. Эванса «Замыслы России» (Evans, 1828), которое, в отличие от предшествующих трудов представителей офицерского состава, акцентирует открытую военную угрозу Великобритании со стороны Российской империи. Подобное спровоцировало панические настроения у отдельных парламентариев в вопросе «русской угрозы» Индии и способствовало оформлению русофобской направленности во взглядах британских элит и общественности.

Характерным примером изменения мировоззренческих позиций с течением времени стало наследие генерал-лейтенанта сэра Г. Банбари. В опубликованной корреспонденции он лишь кратко останавливается на «русском вопросе». Упоминания эти касаются совместной экспедиции русских и англичан в Голландию, заметок о действиях русской армии в годы войны Шестой коалиции и его впечатлений от упоминаемого парада в Париже, в которых автор с должным уважением отзывается о доблести русских солдат. Но уже в 1850-е гг. Г. Банбари оправдывает начало Крымской войны «непременной необходимостью умерить многочисленные амбиции России» (Bunbury, 1854: 344), что свидетельствует о трансформации его взглядов в отношении восприятия Российской империи под воздействием социальной среды.

5. Заключение

В первой половине XIX в. в британском обществе происходит зарождение и становление представлений о военной угрозе со стороны Российской империи. При этом взгляды военных представляются достаточно сдержанными, отражая позитивный образ русского солдата, что, вероятно, было следствием исторической памяти, хранившей примеры британско-русских союзнических отношений в годы наполеоновских войн. Однако в это время издаются и первые резидентурные доклады о возможных направлениях русской агрессии в отношении Британской Индии и необходимости нейтрализации этой угрозы упреждающими дипломатическими и военными методами.

В этот период прослеживается генезис и распространение русофобских настроений среди политической элиты Великобритании, а также их проекция относительно внешнеполитических устремлений Российской империи в контексте трактовки таковых как прямой или косвенной угрозы британскому обществу, государству и Европе в целом. Подобные императивы, исходившие от британского офицерского состава, были направлены на формирование устойчивых русофобских настроений среди населения Великобритании в целях поддержки народом политической линии правительства по развязыванию геополитического соперничества двух империй в виде «Большой игры».

6. Благодарности

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГО8/2018.

Литература

- Киссинджер, 1997 – Киссинджер Г. Дипломатия; Пер. с англ. М.: Ладомир, 1997. 848 с.
 Коник, 2014 – Коник С. В. Россия в представлении западноевропейцев // Россия и Европа. История, традиции и современность. Т. 1 / Сост. А.А. Музафаров. М.: Вече, 2014. С. 163-209.
 Къеза, 2016 – Къеза Д. Русофобия 2.0: болезнь или оружие Запада? М.: Издательство «Э», 2016. 288 с.
 Леонтьев, 2012 – Леонтьев М. Большая игра. Британская империя против России и СССР. М.: Астрель, 2012. 347 с.
 Меттан, 2017 – Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война; Пер. с англ. М.: Паулсен, 2017. 468 с.

- [Неменский, 2013](#) – *Неменский О.Б.* Русофобия как идеология // *Вопросы национализма*. 2013. № 13. С. 26-65.
- [Ниязматов, 2014](#) – *Ниязматов М.* Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. 640 с.
- [Уткин, 2008](#) – *Уткин А.И.* Подъем и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.
- [Халфин, 1960](#) – *Халфин Н.А.* Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. 272 с.
- [Шафаревич, 2019](#) – *Шафаревич И.П.* Русофобия. М.: Родина, 2019. 352 с.
- [Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.
- [Bunbury, 1854](#) – *Bunbury H.* Narratives of some passages in the Great War with France from 1799 to 1810. London: Richard Bentley, 1854. 471 p.
- [Evans, 1828](#) – *Evans G.* On the designs of Russia. L., 1828. 265 p.
- [Hopkirk, 2006](#) – *Hopkirk P.* The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y., 2006. 576 p.
- [Kinneir, 1813](#) – *Kinneir, J.M.* A geographical memoir of the Persian empire, accompanied by a map. London: John Murray, 1813. 508 p.
- [Kinneir, 1818](#) – *Kinneir, J.M.* Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814, with Remarks on the Marches of Alexander and retreat of the Ten Thousand. London: John Murray, 1818. 603 p.
- [Kryzhko et al., 2018](#) – *Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I.* The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties // *Bylye Gody*, 2018, Vol. 49, Is. 3, pp. 1084-1091.
- [Maule, 1816](#) – *Maule F.* Memoirs of the principal events in the campaigns of North Holland and Egypt, together with a brief description of islands of Crete, Rhodes, Syracuse, Minorca and the voyage in the Mediterranean. London: f. C. and L. Rivington, 1816. 313 p.
- [Moorcroft, Trebeck, 1841](#) – *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray, 1841. Vol. I. 459 p.
- [Moorcroft, Trebeck, 1841](#) – *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray, 1841. Vol. II. 508 p.
- [Randolph, Vol. I, 1862](#) – *Randolph H.* Life of General Sir Robert Wilson, Commander of the Imperial Military Orders of Maria Theresa of Austria and St. George of Russia, Knight Grand Cross of the Order of the Red Eagle of Prussia and of the Military Order of St. Anne of Russia, Knight Commander of the Royal Portuguese Military Order of the Tower and the Sword of the Turkish Crescent and of the Order of Merit of Saxony, Count of the Holy Roman Empire, etc., etc., etc. from autobiographical memoirs, journals, narratives, correspondence, etc. London: John Murray, 1862. Vol. I. 432 p.
- [Randolph, Vol. II, 1862](#) – *Randolph H.* Life of General Sir Robert Wilson, Commander of the Imperial Military Orders of Maria Theresa of Austria and St. George of Russia, Knight Grand Cross of the Order of the Red Eagle of Prussia and of the Military Order of St. Anne of Russia, Knight Commander of the Royal Portuguese Military Order of the Tower and the Sword of the Turkish Crescent and of the Order of Merit of Saxony, Count of the Holy Roman Empire, etc., etc., etc. from autobiographical memoirs, journals, narratives, correspondence, etc. London: John Murray, 1862. Vol. II. 444 p.
- [Surtees, 1833](#) – *Surtees W.* Twenty-five years in the Rifle brigade. Edinburgh; London: William Blackwood, 1833. 435 p.
- [Walsh, 1800](#) – *Walsh E.* A narrative of the expedition to Holland in the autumn of the year 1799. London: printed for G.G. and J. Robinson; by S. Hamilton, 1800. 164 p.
- [Wilson, 1817](#) – *Wilson R.T.* A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817. London: Ridgway, 1817. 212 p.

References

- [Kissinger, 1997](#) – *Kissinger G.* (1997). Diplomatiya [Diplomacy]; Per. s angl. M.: Lodomir. 848 p. [in Russian]
- [Konik, 2014](#) – *Konik S.V.* (2014). Rossiya v predstavlenii zapadnoevropejcev // *Rossiya i Evropa. Istoriya, tradicii i sovremennost'* [Russia in the View of Western Europeans]. T. 1. Sost. A. A. Muzafarov. M.: Veche. pp. 163-209. [in Russian]
- [K'eza, 2016](#) – *K'eza D.* (2016). Rusofobiya 2.0: bolezni ili oruzhie Zapada? [Russophobia 2.0: a Disease or Weapon of the West]. M.: Izdatel'stvo «EH». 288 p. [in Russian]
- [Leont'ev, 2012](#) – *Leont'ev M.* (2012). Bol'shaya igra. Britanskaya imperiya protiv Rossii i SSSR [Great Game. The British Empire against Russia and the USSR]. M.: Astrel'. 347 p. [in Russian]
- [Mettan, 2017](#) – *Mettan G.* (2017). Zapad – Rossiya: tysyacheletnyaya vojna [West – Russia: the Millennial War]; Per. s angl. M. Anninskaya, S. Bulgakova, YU. Oboznyi. M.: Paulsen. 468 p. [in Russian]

- [Nemenskij, 2013](#) – *Nemenskij O.B.* (2013). Rusofobiya kak ideologiya [Russophobia as an Ideology]. *Voprosy nacionalizma*. № 13. pp. 26-65. [in Russian]
- [Niyazmatov, 2014](#) – *Niyazmatov M.* (2014). Rossiya na Vostoke: protivostoyanie velikih derzhav (XIX vek) [The Russia in the East: the Confrontation of the Great Powers (XIX Century)]. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie. 640 p. [in Russian]
- [Utkin, 2008](#) – *Utkin A.I.* (2008). Pod"yom i padenie Zapada [The Rise and Fall of the West]. M.: AST: AST M. 761 p. [in Russian]
- [Halfin, 1960](#) – *Halfin N.A.* (1960). Politika Rossii v Srednej Azii (1857–1868) [Russia's policy in Central Asia (1857–1868)]. M. 272 p. [in Russian]
- [Shafarevich, 2019](#) – *Shafarevich I.R.* (2019). Rusofobiya [Russophobia]. M.: Rodina. 352 p. [in Russian]
- [Bebeshko et al., 2017](#) – *Bebeshko E.V., Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Shchevelev S.S.* (2017). The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 853-860.
- [Bunbury, 1854](#) – *Bunbury H.* (1854). Narratives of some passages in the Great War with France from 1799 to 1810. London: Richard Bentley. 471 p.
- [Evans, 1828](#) – *Evans G.* (1828). On the designs of Russia. L. 265 p.
- [Hopkirk, 2006](#) – *Hopkirk P.* (2006). The Great Game: On Secret Service in High Asia. N.Y. 576 p.
- [Kinneir, 1813](#) – *Kinneir J.M.* (1813). A geographical memoir of the Persian empire, accompanied by a map. London: John Murray. 508 p.
- [Kinneir, 1818](#) – *Kinneir, J.M.* (1818). Journey through Asia Minor, Armenia, and Koordistan in the years 1813 and 1814, with Remarks on the Marches of Alexander and retreat of the Ten Thousand. London: John Murray. 603 p.
- [Kryzhko et al., 2018](#) – *Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I., Natalevich S.I.* (2018). The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties. *Bylye Gody*. Vol. 49. Is. 3. pp. 1084-1091.
- [Maule, 1816](#) – *Maule F.* (1816). Memoirs of the principal events in the campaigns of North Holland and Egypt, together with a brief description of islands of Crete, Rhodes, Syracuse, Minorca and the voyage in the Mediterranean. London: f. C. and L. Rivington. 313 p.
- [Moorcroft, Trebeck, Vol. I, 1841](#) – Moorcroft W., Trebeck G. (1841). Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray. Vol. I. 459 p.
- [Moorcroft, Trebeck, Vol. II, 1841](#) – Moorcroft W., Trebeck G. (1841). Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara; by William Moorcroft and George Trebeck, from 1819-1825. London: John Murray. Vol. II. 508 p.
- [Randolph, Vol. I, 1862](#) – *Randolph H.* (1862). Life of General Sir Robert Wilson, Commander of the Imperial Military Orders of Maria Theresa of Austria and St. George of Russia, Knight Grand Cross of the Order of the Red Eagle of Prussia and of the Military Order of St. Anne of Russia, Knight Commander of the Royal Portuguese Military Order of the Tower and the Sword of the Turkish Crescent and of the Order of Merit of Saxony, Count of the Holy Roman Empire, etc., etc., etc. from autobiographical memoirs, journals, narratives, correspondence, etc. London: John Murray. Vol. I. 432 p.
- [Randolph, Vol. II, 1862](#) – *Randolph H.* (1862). Life of General Sir Robert Wilson, Commander of the Imperial Military Orders of Maria Theresa of Austria and St. George of Russia, Knight Grand Cross of the Order of the Red Eagle of Prussia and of the Military Order of St. Anne of Russia, Knight Commander of the Royal Portuguese Military Order of the Tower and the Sword of the Turkish Crescent and of the Order of Merit of Saxony, Count of the Holy Roman Empire, etc., etc., etc. from autobiographical memoirs, journals, narratives, correspondence, etc. London: John Murray. Vol. II. 444 p.
- [Surtees, 1833](#) – *Surtees W.* (1833). Twenty-five years in the Rifle brigade. Edinburgh; London: William Blackwood. 435 p.
- [Walsh, 1800](#) – *Walsh E.A.* (1800). Narrative of the Expedition to Holland in the Autumn of the Year 1799. London: printed for G.G. and J. Robinson; by S. Hamilton. 164 p.
- [Wilson, 1817](#) – *Wilson R.T.* (1817). A Sketch of the Military and Political Power of Russia in the year 1817. London: James Ridgway. 212 p.

Британская русофобия в первой половине XIX века: военный аспект

Евгений Владимирович Крыжко ^{а, *}, Петр Игоревич Пашковский ^а, Николай Николаевич Чемодуров ^а, Тимофей Александрович Чарусов ^а

^а Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрена проблема военного аспекта британской русофобии в первой половине XIX века. Установлено, что в этот период внешнеполитическая стратегия Великобритании руководствовалась логикой необходимости противодействия растущей военно-политической мощи Российской империи, требуя выработки соответствующего идеологического инструментария для придания легитимности подобному курсу и достижения общественного консенсуса по вопросам его реализации. Поэтому британские элиты начали разрабатывать и воплощать масштабную антироссийскую информационную кампанию, способствуя возникновению феномена русофобии, важной составляющей которой являлся военный аспект. При этом взгляды военных, с одной стороны, представляются достаточно сдержанными, отражая позитивный образ русского солдата, что, вероятно, было следствием памяти о британско-российских союзнических отношениях в годы наполеоновских войн. С другой стороны, издаются первые резидентурные доклады о возможных направлениях русской агрессии в отношении Британской Индии и необходимости нейтрализации этой угрозы дипломатическими и военными методами. На основании анализа широкой источниковой базы и многочисленных исследований выявлено, что в рассматриваемый период происходит генезис и распространение русофобских настроений среди политической элиты Великобритании, а также их проекция относительно внешнеполитических устремлений Российской империи в контексте трактовки таковых как прямой или косвенной угрозы британскому обществу, государству и Европе в целом. Подобные императивы, исходившие от британского офицерского состава, были направлены на формирование устойчивых русофобских настроений среди населения Великобритании в целях поддержки народом политической линии правительства по усилению геополитического давления в отношении Российской империи.

Ключевые слова: Россия, Великобритания, русофобия, «Большая игра», геополитика.

* Корреспондирующий автор

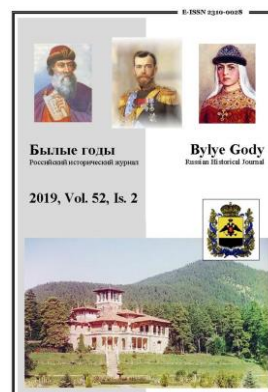
Адреса электронной почты: jeyson1030@gmail.com (Е. В. Крыжко), petr.pash@yandex.ru (П. И. Пашковский), pasternatskiy@bk.ru (Н. Н. Чемодуров), tima.charusov@mail.ru (Т. А. Чарусов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 576-584. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.576
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

References of the Arabographic Manuscripts in Southern Urals in the XIX century

Nadir R. Salikh ^{a, *}

^a Bashkir State University, Russian Federation

Abstract

The issue of copying and distribution of Arabic manuscripts in the Southern Urals during the XIXth century is considered in the article. At the same time, the role of copyists of these sources in this process is revealed.

The research work is based on the materials of two collections of Arabic manuscripts of Ufa: the Department of manuscripts and rare editions of the National library. Ahmet-Zaki Validi and the Department of rare books of scientific library, Ufa, Federal research center Russian Academy of Sciences. As a result of the study, the circle of persons whose names were most often found among the scribes of arabographic sources stored in the funds was determined, as well as the themes and names of the works they copied were established.

It is established that the distribution of Arabic manuscripts in the southern Urals is associated with the adoption of the Muslim religion by the Turkic-speaking peoples of the region. The process of creation and dissemination of these sources can be described as spontaneous until the end of the XVIII century, and later there is a tendency to systematize them in connection with the development of the Institute regulating the activities of the Muslim spiritual elite – the Orenburg Mohammedan spiritual Assembly. In this process, an important role was played by the religious policy of tsarist Russia of the XVIII century, which led to the emergence of a number of spiritual ranks of Islam, which were necessary for the improvement of this religious policy. The Muslim spiritual elite functioning in these conditions acted, as well as earlier, as the main customer of manuscripts. Analysis of the sources gives grounds to assert that the executors of orders for copying Arabic manuscripts were, as a rule, mullahs and shakirds of madrassas, as well as professional scribes. This once again confirms the idea that these works were a fundamental basis in the process of education and spiritual enlightenment of the Turkic peoples of the southern Urals.

Keywords: Southern Urals, pre-revolutionary period (XIX century) Arabographic manuscripts, Arabic handwritten tradition, fund, source, copyists of Arabic manuscripts, distribution of arabographic sources, religion, the Muslim spiritual elite.

1. Введение

Арабское письменное наследие является одним из крупнейших в мире. Его истоки ведут в арабские страны, где утверждение арабского языка в различных сферах общественной и государственной жизни на всей территории халифата, а также расцвет науки, литературы и религиозно-политической мысли в VIII–X вв. обусловили появление большого количества рукописных книг и документов.

Литературный арабский язык и рукописная книга на арабском языке перешагнули границы областей, где когда-либо устанавливалось политическое господство арабов. На протяжении веков литературная и рукописная традиции старательно поддерживались везде, куда проникали арабский

* Corresponding author

E-mail addresses: nadir_ufa@mail.ru (N.R. Salikh)

язык и ислам. Другие конфессиональные общины на Востоке, в частности христианские и иудейские, также пользовались арабским языком и вносили свою лепту в арабскую письменность.

В результате арабских завоеваний VII–X вв. основная часть населения Ирана, Средней Азии и Кавказа приняла ислам. С новой религией местные народы переняли не только язык, но и письменность. Это послужило причиной появления персидской и тюркской письменности на основе арабской графики, а в дальнейшем – большого количества рукописей на этих языках (Большаков, 1991: 3).

Вплоть до конца XV в. арабские рукописные книги оставались там, где их создавали из века в век и повседневно ими пользовались. За пределы арабо-мусульманского мира арабографичные рукописи попадали случайно и если сохранялись, то только в переводах, как, например, в средневековой Европе.

Положение изменилось в XVI–XVII вв., когда европейские страны, вставшие на путь капиталистического развития, начали активное проникновение на Восток, а их образованные представители заинтересовались языком и культурой восточных народов. Миссионеры и дипломаты, путешественники и торговцы покупали арабографичные рукописи и переправляли их в библиотеки и научные учреждения у себя на родине. Так возникли десятки собраний арабографичных рукописей в Испании, Италии, Нидерландах, Франции и Великобритании.

До середины XVI в. территорию Южного Урала в основном заселяли башкиры. Распространение первых рукописных книг на территории Южного Урала, куда входили башкирские земли, также связано с появлением здесь новой религии. Ислам начал распространяться в X в. на западных территориях современного Башкортостана благодаря миссионерству. Мусульманские проповедники и миссионеры из различных уголков Арабского халифата привозили с собой религиозную литературу – первые рукописные арабографичные книги. Распространению ислама и религиозной литературы способствовали и обширные торгово-экономические связи с исламским миром. В XIV в. ислам становится господствующей религией Золотой Орды, в состав которой входили и башкирские земли. Известный исследователь этнографии Р. Г. Кузеев писал, что «распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось только в XIV–XV веках» (Кузеев, 1978: 203). С принятием ислама башкирами Южного Урала связано развитие письменности на основе арабской графики. В дальнейшем начали появляться письменные памятники в виде надгробных надписей, рукописных книг, шежере (родословных), ярлыков, указов, договоров и других материалов на различных языках: арабском, персидском, тюркском.

В середине XVI в. в истории башкир происходят кардинальные преобразования. Под гнетом Ногайского и Казанского ханств башкиры добровольно принимают подданство Русского государства. Одним из положительных моментов данного события является тот факт, что, включая башкир в число подданных, Русское государство брало на себя их защиту от разорительных набегов и грабежей со стороны соседних племен и народов, от попыток кочевых ханов подчинить башкир своему господству, а также гарантировало земельные права башкир, признав за их общинами вотчинное право на занимаемые ими земли (История Башкортостана, 147). Принятие русского подданства положило конец жестокому господству ногайских, казанских и сибирских ханов, покончило с политической раздробленностью края и бесконечными феодальными войнами, которые пагубно отражались на культурном и экономическом развитии края. Нахождение в пределах единого государства благоприятствовало этническим, культурным и хозяйственным связям между башкирскими племенами.

В составе Русского государства башкирский народ получил возможность для сближения с другими народами. В результате христианизации из Казани на территорию Южного Урала начали массово переселяться татарские семьи, в рядах которых были и представители интеллигенции (имамы, муллы).

С падением Казанского и Астраханского ханств произошло заметное оживление в отношениях России со Средней Азией и Казахстаном. Через Южный Урал пролегал один из основных сухопутных торговых путей в страны Востока, что сыграло важную роль в книготорговле и способствовало массовому появлению арабографичных рукописей на территории региона. Таким образом, устанавливалась связь тюркоязычных народов Башкирии (башкиры и татары) с арабо-мусульманским миром. Рукописные произведения литературы и исторические документы завозились на территорию Башкирии, размножались переписчиками (катибами) или создавались местными авторами.

В наше время на территории Башкортостана в различных учреждениях хранится около тысячи арабографичных рукописей. Значительное количество из них находится в отделе рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. Заки Валиди и в отделе редких книг Научной библиотеки Уфимского научного центра РАН (Салих, 2011: 153).

Несколько слов о фондах хранения арабографичных рукописей. Первый фонд представляет собой материалы отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки РБ им. Ахмет-Заки Валиди, созданного в 1996 г. Основной задачей отдела является научно-исследовательская и научно-методическая работа, организация и ведение справочно-поискового аппарата, организация и

хранение фондов редких и рукописных книг, их библиографическое описание, обслуживание читателей и популяризация книжной культуры. В фонде насчитывается 214 арабографических рукописей.

Второй фонд изучен нами в Научной библиотеке УФИЦ РАН, которая была основана в 1951 году на базе Башкирского филиала Академии наук СССР. При Научной библиотеке был открыт отдел редких книг, деятельность которого заключалась в хранении, научной обработке ценных рукописных книг и сборе новых источников на арабской графике. На сегодняшний день в фонде хранится 226 арабографических рукописей.

Большинство из этих источников датируются XVIII–XIX вв. и являются переписками различных произведений X–XVI вв., относящихся к фундаментально-религиозным разделам (мусульманское право, исламское вероубеждение, корановедение, хадисология, религиозная философия, нравоучение, суфизм) и светско-религиозным разделам (грамматика арабского языка, логика, риторика, история и медицина). Однако были выявлены и более ранние рукописи XVI–XVII вв., которые, по всей видимости, создавались и переписывались за пределами Южного Урала.

Важным является вопрос о копировании и распространении данных источников на территории Южного Урала в указанный период. Нами уже делались выводы о том, что ключевую роль в данном процессе играли заказчики и потребители арабографических рукописей в лице муфтиев, имам-хатибов, мударрисов и кади, которые в результате своей деятельности обеспечили востребованность тех или иных произведений, необходимость их копирования и распространения на территории региона в XVIII–XIX вв. (Горбунов, Салих, 2018: 70). В связи с вышеизложенным актуальным становится вопрос об установлении личностей исполнителей заказов по переписке (переписчиках) арабографических рукописей. Из актуальности исходит цель данной статьи, которая заключается в определении роли переписчиков в распространении арабографических рукописей на территории Южного Урала в указанный период.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для написания статьи послужили материалы двух фондов хранилищ арабографических рукописей: отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки Республики Башкортостан им. Ахмет-Заки Валиди (далее ОРРИ НБ РБ) и отдела редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН (далее ОРК НБ УФИЦ РАН).

2.2. Объективность и достоверность результатов данного исследования обусловлены использованием принципов историзма, объективности и системности. Принцип историзма определяет исторические условия, при которых происходило становление и развитие арабографической рукописной традиции на территории Южного Урала. Принцип объективности отражает необходимость критического отношения к используемым в статье источникам, а также понимание субъективности исследовательских оценок. Принцип системности предполагает решение задач как упорядоченного целого.

Также в работе был использован принцип комплексного подхода, предполагающий всестороннее изучение проблемы, выявление связи всех ее аспектов и вопросов в единой системной структуре.

3. Обсуждение

В целом историография изучения арабографических рукописей в отечественной исторической науке недостаточно разработана. В различные периоды времени к ним обращались главным образом филологи, краеведы и этнологи, которые в большей степени ограничивались лишь изучением содержания рукописей.

Из дореволюционных исследователей, которые в какой-то степени изучали арабографические рукописи Южного Урала, следует выделить таких историков-востоковедов, как П.И. Рычков (1712–1777) и Р.Г. Игнатъев (1818–1886).

В 1734 г. впервые П.И. Рычков обнаружил у башкир, населяющих Южный Урал, написанные на бумаге родословные записи – шежере, которые были позднее использованы им в исторических исследованиях (Рычков, 1887: 371–389).

В 1864 г. в Троицком и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии краевед Р.Г. Игнатъев собрал пятнадцать рукописных книг. Источники представляли собой песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометян Оренбургского края (Игнатъев, 1875: 188–236).

В конце XIX – начале XX вв. глубокий интерес к сбору письменных памятников проявили представители местной национальной интеллигенции – Мухаметсалим Уметбаев (1841–1907), Гарифулла Кииков (1861–1918), Ризаитдин Фахретдинов (1859–1936) и др. Но следует отметить, что интерес исследователей в данной области строился на основе изучения литературы и истории родного края. По этой причине объектами их изучения становились в основном рукописные

произведения местных авторов, в то время как большинство арабографичных книг представляли собой произведения зарубежных авторов и были завезены извне.

Советский период в судьбе арабографичных рукописей Башкортостана являлся не самым благоприятным временем. Под натиском антирелигиозной политики советской власти закрывались мечети и медресе, где хранилось большинство религиозных и научных рукописных источников на арабской графике. По этой причине процесс изучения рукописей в данный период был отложен на многие годы.

Лишь в период ослабления атеистической политики СССР (1950-е годы) начинают складываться фонды хранения арабографичных рукописей в научных учреждениях Башкирской АССР, которые стали впоследствии рукописным фондом Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, фондом арабографичных рукописей отдела редких книг Научной библиотеки УФИЦ РАН, фондом арабографичных рукописей Национального музея РБ.

Проблемам археографии арабографичных рукописей Башкортостана посвящено несколько статей (Муратов, 1977: 7-13; Надергулов, 2003: 102-104; Шарипова, 1985: 42-47; Халикова, 1973: 128-132).

Подробному анализу истории распространения ислама в Башкортостане посвящена работа А.Б. Юнусовой (Юнусова, 1999: 19-124).

Существенный вклад в изучение арабографичных рукописей в Башкортостане внесли филологи-литературоведы, которые опубликовали ряд научных статей, посвященных выявлению и сбору арабографичных рукописей на территории республики, а также проблемам их исследования и описания (Галютдинов, 2011: 43-46; Харисов, 1974: 268-274; Хусаинов, 1973: 46-57; Кунафин, 1979: 27-35; Булгаков, 2001: 63-78).

В результате анализа историографии арабографичных рукописей в России и республиках бывшего СССР мы выяснили, что во все периоды ученые делали акцент на проблемах археографии арабографичных рукописей (сбор, конвоирование, каталогизация), а среди подходов выделялись лингвистический и культурологический. Практически отсутствуют работы, где дается исторический анализ содержания арабографичных рукописей, их хронология, а также этапы и причины их распространения на территории Южного Урала.

4. Результаты

На всех территориях, где встречаются арабографичные рукописи (Кавказ, Средняя Азия, Турция и др.), их распространение и влияние имели свои особенности. Это также касалось и территории Южного Урала. Важным моментом в этом процессе сыграло создание в регионе Оренбургского магометанского духовного собрания (далее ОМДС), которое было создано в 1788 г. для организации органов управления мусульманами края. Кадровый состав ОМДС полностью утверждался официальной властью. Это послужило формированию особых чинов мусульманской духовной элиты, таких как муфтий (лидер ОМДС), мухтасип (лидер нескольких мечетей округа), ахун (лидер мусульманской общины в рамках уезда), имам-хатип (лидер общины мечети), мударрис (заведующий медресе), мугаллим (преподаватель медресе), казый (шариатский судья). ОМДС обеспечивало контроль государства над мусульманской духовной элитой, проведение российской политики среди мусульманского населения.

Следует отметить, что до создания ОМДС процессы внедрения в реальную жизнь тюркоязычных народов Башкортостана основ шариата, по всей видимости, протекали в разных частях региона по-разному, а имам-хатипы, ахуны и мударрисы не имели официального статуса.

С созданием ОМДС начался новый этап в распространении ислама. Функции данного учреждения заключались в широкой пропаганде исламской идеологии не только на Южном Урале, но и в Поволжье и Сибири. С этим наступает новый этап в распространении арабографичных рукописей на территории Южного Урала, тематика которых в основном была религиозной. Об этом свидетельствует количественная характеристика рукописей фондов ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН.

Необходимость в размножении арабографичных рукописей среди представителей мусульманской духовной элиты Южного Урала привела к появлению отдельной категории людей – переписчиков, которая также являлась частью этой элиты.

В результате исследования фондов арабографичных рукописей ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН выявлено, что по мере появления на территории Южного Урала источники на арабской графике можно разделить на следующие группы:

- произведения, завезенные извне и созданные за его пределами;
- рукописи, завезенные извне и переписанные местными переписчиками;
- произведения, созданные местными авторами.

Изучая эти группы рукописей, мы столкнулись с весьма непростой проблемой, которая заключается в том, что у значительного количества списков отсутствуют подлинники. Поэтому можно предположить, что местные переписчики в большинстве случаев переписывали не подлинники, созданные за пределами Южного Урала, а уже привезенные сюда копии различных произведений. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что при отсутствии в коллекциях фондов подлинников или копий произведений мы часто сталкиваемся с текстами комментариев этих

произведений. К примеру, произведение Абу Ханифы под названием «Аль-фикх аль-акбар» – «Великий фикх»), которое считается основополагающим трудом по мусульманскому праву, не имеет в фондах списков, но имеет множество комментариев.

Трудно установить, сколько в количественном отношении было рукописей, завезенных извне и созданных за пределами Южного Урала, и сколько рукописей, завезенных извне и переписанных местными переписчиками. Это объясняется тем, что во многих рукописях фондов не установлены имена авторов и переписчиков произведений. Но если судить по рукописям фондов ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УФИЦ РАН, где данные автора и переписчика известны, то становится ясным, что рукописей, завезенных извне и переписанных местными переписчиками, значительно больше (около 300), в то время как произведений, завезенных извне и созданных за пределами Башкирии, насчитывается около сорока.

В этой связи можно предположить, что произведения, завезенные на Южный Урал извне, имели большой спрос и поэтому возникла потребность в размножении этих рукописных книг, что в свою очередь повлекло за собой появление целой плеяды переписчиков, которых называли катибами.

Работа переписчика была трудной и долгой. Она требовала грамотности, аккуратности почерка и четкости написания букв. Рукопись необходимо было переписать от начала и до конца единым каллиграфически совершенным почерком, учитывая все правила соединения букв между собой.

Следует напомнить, что первые переписчики рукописных книг появились еще во время правления Омейядов в Арабском халифате (VII–IX вв.). В те времена были выделены две категории переписчиков: профессиональные и непрофессиональные. Довольно широкую традицию имела переписка Корана, так как переписать его хоть раз в жизни считалось очень благим делом для тех верующих, кто владел грамотой. Переписчики Южного Урала, по всей видимости, также могли делиться на профессиональных и непрофессиональных.

Как правило, на начальных страницах переписчики указывали данные авторов произведения, а на последних страницах – краткую информацию о себе (имя, фамилию, место переписки).

Мы подробнее остановимся на характеристике тех переписчиков, чьи имена чаще всего встречаются в рукописных книгах исследованных фондов.

При исследовании данных о переписчиках рукописей, хранящихся в указанных фондах, чаще всех встречалось имя *ابن خليل الله الاوفي الدين زين* (Халил Алла ибн Зайн ад-Дин аль-Уфи), который переписал 13 рукописей из фондов, тематически относящихся как к фундаментально-религиозным (4 экз.) (ФАР ОРРИ НБ РБ, P-№ 71, P-№ 5, P-№ 80, P-№125), так и к светско-религиозным разделам (9 экз.) (ФАР ОРРИ НБ РБ, P-№ 11, P-№ 32, P-№ 80, P. 24, P-№ 104, P-№ 114, P-№ 15, P-№ 107; ФАР ОРК УФИЦ РАН, РНБ 3610, РНБ 3665, РНБ 3675). Большинство указанных рукописей хранится в фонде ОРРИ НБ РБ (10 экз.).

Из фундаментально-религиозных рукописей данный переписчик переписал произведения по мусульманскому праву «Мухтасар аль-викаят фи масаил аль-хидаят – «Комментарий на аль-викаят в вопросах аль-хидаят», «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар аль-манар» – «Раскрытие тайн», по акаиду комментарий к произведению «Аль-акаид ан-насафиййа» – «Акаид ан-Насафа» и религиозной философии «Хикмат аль-айн» – «Чудо глаза».

Из светско-религиозных рукописей Халил Алла ибн Зайн ад-Дин переписал произведения по грамматике арабского языка «Миат амил» – «Сто управляющих частиц», «Каваид ан-наху» – «Грамматика арабского языка», «Аль-унмузадж финн-нахв» – «Образец синтаксиса» в трех экземплярах, по логике «Шарх Исагуджи» – «Комментарий на Эйсагоге» в трех экземплярах и сочинение по риторике. Примечательно, что произведения «Аль-унмузадж финн-нахв» и «Шарх Исагуджи» были переписаны им в разные годы: «Аль-унмузадж финн-нахв» в 1873, 1879 и 1886 гг., «Шарх Исагуджи» в 1855, 1863 и 1891 гг. Возможно, такая частота копирования рукописей связана с тем, что некоторые произведения имели особую актуальность среди заказчиков на протяжении длительного времени.

Подробные сведения о данном переписчике нами найдены не были, но даты переписок, указанные в рукописях, свидетельствуют о том, что Халил Алла ибн Зайн ад-Дин жил и трудился в 1840–1890-е гг. Места переписки в его рукописях указываются разные: чаще всего встречается деревня Куганакбаш Стерлитамакского уезда.

В ОРК УФИЦ РАН были найдены рукописи с пометками о том, для кого была переписана данная книга, например, в конце рукописи «Аль-унмузадж финн-нахв» написано «Мухаммад Зариф ибн Асфандияр для Халил Алла ибн Зайн ад-Дина. 1874». Рукопись с подобной надписью хранится и в фонде ОРРИ НБ РБ (ФАР ОРРИ НБ РБ, P-№ 33). Стоит предположить, что Халил Алла ибн Зайн ад-Дин был одним из крупных переписчиков арабографических рукописей второй половины XIX в. Имея большой объем работы, возможно, он поручал переписки некоторых произведений своим помощникам, одним из которых мог быть Мухаммад Зариф ибн Асфандияр.

В ОРРИ НБ РБ было найдено пять рукописей, переписчиком которых является *عبد القدير ابن عبيد الله* (Абд аль-Кадир ибн Убайдулла). В основном это базовые труды по мусульманскому праву, переписанные в 1826–1858 гг. (ФАР ОРРИ НБ РБ, P-№ 44, P-№ 44 (ч.2), P-№ 119, P-№ 199). К ним относятся: комментарий на произведение «Аль-фикх аль-акбар» – «Великий фикх», «Рисале ас-

саяти» – «Трактат о намазе», комментарии на произведение «Фикх аль-Кайдани» – «Фикх Кайдани» и сборник по фикху. Примечательно, что одну рукопись по литературе под названием «Халид» данный переписчик переписал на персидском языке (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 75). Данный факт свидетельствует о том, что переписчики владели несколькими языками. Во всех рукописях указывается одно место переписки – д. Балыклькуль, медресе Хусн ад-Дина.

Переписчиком Изгиляу ибн Дутил было копировано четыре рукописи фондов, три из которых относятся к светско-религиозным (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 45, Р-№ 89, Р-№ 26). По грамматике арабского языка – субкомментарий на произведение «Аль-кафия» – «Рифма», по логике – комментарий на произведение «الاساغوجي» «Аль-исагуджи» – «Эйсагоге» и произведение «تحزيب المنطق» «Тахзиб аль-мантык» – «Воспитание логики». К фундаментально-религиозным относится субкомментарий на произведение по акаиду «Аль-акаид аль-дудийа» – «Акаид Адуд ад-Дина» (ФАР ОРК УФИЦ РАН, РНБ 3656). Рукописи переписаны в период 1885–1887 гг. Следует отметить, что все четыре рукописи переписаны указанным мастером в разных местах: медресе Мухаммада ибн Аййид-бая, медресе Хусн ад-Дина, медресе имам-хатыба Абд аль-Халика ибн Байнизара и медресе имам-хатыба Абд аль-Халика ибн Мухаммаджана. Возможно, это объясняется тем, что переписчики часто находились в разных местах, возможно, не были привязаны к одному месту, а всегда находились там, где они были наиболее востребованы.

Переписчик احمد ابن احمد (Ахмад ибн Ахмад) переписал два сборника, содержащих различные разделы фундаментально-религиозных и светско-религиозных произведений. Оба источника хранятся в ОРРИ НБ РБ. Из фундаментально-религиозных следует выделить труд по корановедению («Рисала фи тажвид аль-Коран» – «Трактат о правильном чтении Корана») (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 31); из светско-религиозных произведений – религиозную поэму о Судном дне («Аль-истидад ли йаум аль-миад» – «Подготовка к Судному дню») (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 37). Следует отметить, что оба сборника были переписаны данным мастером в 1853 г. В качестве места переписки в трех источниках, переписанных Ахмад ибн Ахмадом, указывается одно медресе муллы Ирфана ад-Дина ибн Абд ас-Саяма. Уникальность этих сборников состоит в том, что, как было указано выше, все их произведения относятся к различным тематическим разделам (хадисология, литература, фикх, корановедение). Должно быть, переписчики создавали сборники в целях выделения наиболее значимых произведений, а также для облегчения процесса хранения источников их владельцам. Этот сборник в известной степени можно отнести к категории хрестоматий.

Судя по записям, Ахмад ибн Ахмад являлся как переписчиком, так и владельцем данных рукописных сборников. Возможно, было время, когда переписчик копировал произведение для собственных нужд и хранил ценные книги у себя.

Переписчик по имени محمد ابن محمد (Мухаммад ибн Мухаммад) переписал две рукописи фундаментально-религиозного содержания по разделам фикх «Тухфат аль-мулюк» – «Подарок царям» (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 75) и религиозная философия «Хикмат аль-айн» – «Чудо глаза» (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 52). Источники переписаны в период 1800–1810 гг. Места переписок в рукописях не указаны.

Переписчиком محمد حسان ابن سليمغري (Мухаммадом Хасаном ибн Салимгареем) было переписано две рукописи по мусульманскому праву: «Манар аль-анвар фи усул аль-фикх» – «Лучезарные минареты в основах фикха» (ФАР ОРРИ НБ РБ, Р-№ 25) и «Зубдат аль-асрар шарх мухтасар аль-манар» – «Раскрытие тайн». Обе рукописи переписаны в 1874 г. В источниках не указаны места переписок.

Таким образом, нами был представлен небольшой круг переписчиков, многие из которых были профессионалами в своем деле. Например, житель с. Алмен Челябинского уезда عيد الناصر (Габденнасыр) (умер в 1841 г.), получивший образование в Дагестане, переписал 223 тома книг. Очень часто владельцами рукописей становились дети переписчиков. Рукописи передавались из поколения в поколение. Так, сын Габденнасыра عيد الاحد Габдельахад (умер в 1870 г.) по книгам, переписанным отцом, в своем медресе обучал шакирдов. Примером данной традиции может служить такое произведение, как «Шарх нухба аль-фикр фи мусталахат ахль аль-асар» – «Комментарий на труд «Размышления по произведениям о расхождении в религии» выдающегося правоведа и мухаддиса Шахаба ад-Дина Ахмада ибн Хаджра аль-Аскалани (773–852), переписчиком которого является мулла حب الله ابن الموزل Хиба Алла ибн аль-Муаввал. В книге отмечено, что владелицей рукописи является дочь муллы – Азиза бинт муллы Хиба Алла ибн аль-Муаввал.

А.Б. Халидов приводит данные о среднем количестве страниц, которые переписчики производили ежедневно: «40 листов в день надо признать очень большой нормой, а 100 листов – чем-то чрезвычайным, почти невероятным» (Халидов, 1985: 136).

Каждый мастер-переписчик имел свой футляр для некоторых принадлежностей (перья, чернила). В рукописных фондах ОРРИ НБ РБ и ОРК НБ УНЦ РАН хранятся книги с глоссами красного и зеленого цветов, что говорит об изготовлении и использовании переписчиками цветных чернил.

Главными материалами для переплета книг являлись картон и кожа. От качества переплета зависела цена рукописей. Чем качественнее был материал для переплета, тем дороже была сама книга. Переплеты, как правило, украшались каллиграфическими рисунками.

5. Заключение

В результате исследования была выделена значимость некоторых представителей мусульманской духовной элиты и среди тюркоязычных народов Южного Урала в распространении арабографичных текстов на территории региона в XIX в. К их числу относилась образованная категория, представляющая собой знатоков-энтузиастов, получивших духовное образование самостоятельно или в учебных заведениях. Речь идет о появлении профессиональных переписчиков, которые владели языками и арабографичным письмом. Зная об этом, заказчики могли обращаться к ним в том случае, когда возникала необходимость переписать или скопировать тот или иной арабографичный текст. По всей видимости, профессиональные переписчики занимались копированием рукописей по разным причинам: и для личного пользования, и для торговли или дарения своим близким родственникам и друзьям.

Итак, можно сделать вывод о том, что в XIX в. на Южном Урале существовала устойчивая традиция переписки арабографичных рукописей. Выбор тематики рукописей для переписки не был случайным: заказчики в лице представителей мусульманской духовной элиты (муфтии, муллы, мударрисы и др.) хотели иметь копии наиболее актуальных произведений, необходимых для их деятельности.

Таким образом, нами установлен круг заинтересованных лиц в копировании и распространении арабографичных источников на территории Южного Урала в XIX в. – это заказчики копирования (представители мусульманского духовенства) – исполнители заказов по переписке (профессиональные переписчики) – потребители (в лице тех же заказчиков).

Литература

- Большаков, 1991 – Большаков О.Г. История халифата. М., 1991. 294 с.
- Булгаков, 2001 – Булгаков Р.М. Башкирские родословные: какой глубины археографической обработки заслуживают генеологические источники? / *Материалы Межрегиональной научно-практической конференции «Археография Южного Урала»*. Уфа. 2001. С. 63-78.
- Галяутдинов, 2011 – Галяутдинов И.Г. Восточные рукописи и творческое наследие Алишера Навои // *Проблемы востоковедения*. 2011. № 3 (53). С. 43-46.
- Горбунов, Салих, 2018 – Горбунов В.С., Салих Н.Р. Заказчики фундаментально-религиозных арабографичных рукописей в дореволюционной Башкирии // *Проблемы востоковедения*. 2018. № 1 (79). С. 66-70.
- Игнатъев, 1875 – Игнатъев Р.Г. Сказания, сказки и песни, попадающиеся в рукописях татарской письменности // *Записки Оренбургского отделения императорского Русского географического общества*. Оренбург, 1875. С. 188-236.
- История Башкортостана, 1996 – История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX века / Под ред. Х.Ф. Усманова. Уфа: Китап, 1996. 520 с.
- Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Издательство Уфа, 1978. 263 с.
- Кунафин, 1979 – Кунафин Г.С. Археография и источниковедение на Южном Урале // *Материалы М.И. Уметбаева – ценный источник башкирской литературы*. Уфа, 1979. С. 27-35.
- Муратов, 1977 – Муратов А.М. Из опыта описания тюркских рукописей. Археография и лингвистическая текстология Южного Урала / *Материалы Межрегиональной научно-практической конференции*. Уфа, 1977. С. 7-13.
- Надергулов, 2003 – Надергулова М.Х. Археография Башкортостана. Археография Южного Урала / *Материалы Межрегиональной науч.-практ. конф.* Уфа, 2003. С. 102-104.
- Рычков, 1887 – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1887. 439 с.
- Салих, 2011 – Салих Н.Р. Арабографичные письменные памятники Республики Башкортостан // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*. 2011. № 1 (24). С. 153-161.
- ФАР ОРК НБ УФИЦ РАН – Фонд арабографичных рукописей отдела редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН.
- ФАР ОРРИ НБ РБ – Фонд арабографичных рукописей отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди.
- Халидов, 1985 – Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука ГРВЛ, 1985. 382 с.
- Халикова, 1973 – Халикова Р.Х. К исследованию и публикации письменных памятников башкир XVII–XIX вв. на старотюркском языке // *Южноуральский археографический сборник*. Уфа, 1973. Вып 1. С. 128-132.

Харисов, 1974 – Харисов А.И. Коллекция рукописей Ризаэтдина Фахретдинова в научном архиве башкирского филиала АН СССР // *Материалы Южноуральского археографического сборника*. С. 268-274.

Хусаинов, 1973 – Хусаинов Г.Б. Археографическая экспедиция башкирского филиала АН СССР в 1973 г. // *Материалы Южноуральского археографического сборника*. Уфа, 1976. Вып. 2. С. 46-57.

Шарипова, 1985 – Шарипова З.Я. Башкирская рукопись и некоторые аспекты ее научного описания // *Вопросы описания и каталогизации восточных рукописей Южного Урала: Материалы сб.* Уфа, 1985. С. 42-47.

Юнусова, 1999 – Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат. 1999. 352 с.

References

Bolshakov, 1991 – Bolshakov O.G. (1991). *Istoriya khalifata* [the history of the Caliphate]. М.: 262 p. [in Russian]

Bulgakov, 2001 – Bulgakov R.M. (2001). Bashkirskie rodoslovnye: kakoi glubiny arkheograficheskoi obrabotki zasluzhivayut geneologicheskie istochniki? [Bashkir genealogies: what is the depth of the archaeological treatment deserve genealogical sources?]. *Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Arkheografiya Yuzhnogo Urala»*. Ufa. pp. 63–78. [in Russian]

FAR ORK NB UFITS RAN – Fond arabografichnykh rukopisei otdela redkikh knig Nauchnoi biblioteki Ufimskogo federalnogo issledovatel'skogo tsentra RAN [Fund of arabographic manuscripts of the rare books Department of the Scientific library of the Ufa Federal research center of RAS].

FAR ORRI NB RB – Fond arabografichnykh rukopisei otdela rukopisei i redkikh izdaniy Natsional'noi biblioteki im. Akhmet-Zaki Validi [Fund of Arabic manuscripts of the Department of manuscripts and rare editions of the National library named after Akhmet-Zaki Walidi].

Galyautdinov, 2011 – Galayautdinov I.G. (2011). Vostochnye rukopisi i tvorcheskoe nasledie Alishera Navai [Eastern manuscripts and the creative heritage of Alisher Navoi]. *Problemy vostokovedeniya*. №3 (53). pp. 43-46. [in Russian]

Gorbunov, Salikh, 2018 – Gorbunov V.S., Salikh N.R. (2018). Zakazchiki fundamentalno-religioznykh arabografichnykh rukopisei v dorevolutsionnoi Bashkirii [Customers of fundamentally religious Arabographic manuscripts in pre-revolutionary Bashkiria]. *Problemy vostokovedeniya*. №1 (79). pp. 66-70. [in Russian]

Ignat'ev, 1875 – Ignat'ev R.G. (1875). Skazaniya, skazki i pesni, popadayushchiesya v rukopisyakh tatarskoi pismennosti [Legends, tales and songs found in the manuscripts of the Tatar writing]. *Zapiski Orenburgskogo otdeleniya imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Orenburg. pp. 188-236. [in Russian]

Istoriya Bashkortostana, 1996 – *Istoriya Bashkortostana s drevneishikh vremen do 60-kh godov XIX veka* [History of Bashkortostan from ancient times to the 60s of the XIX century]. Pod redaktsiei Usmanovoi Kh.V. 1996. Ufa: Kitap. 520 p. [in Russian]

Khalidov, 1985 – Khalidov A.B. (1985). *Arabskie rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya* [Arabic manuscripts and Arabic manuscript tradition]. М.: Nauka GRVL. 382 p. [in Russian]

Khalikova, 1973 – Khalikova R.Kh. (1973). K issledovaniyu i publikatsii pismennykh pamyatnikov bashkir XVII–XIX vv. na starotyurkskom yazyke [To the study and publication of written monuments of the Bashkirs from the XVII–XIX-th centuries, a Turkic language]. *Yuzhnoural'skii arkheograficheskii sbornik*. Ufa. №1. pp. 128-132. [in Russian]

Kharisov, 1974 – Kharisov A.I. (1974). Kolleksiya rukopisei Rizaetdina Fakhretdinova v nauchnom arkhive bashkirskogo filiala AN SSSR [Collection of manuscripts Rizaetdin Fahretdinov in the scientific archive of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences]. *Materialy Yuzhnoural'skogo arkheograficheskogo sbornika*. Ufa. pp. 268-274. [in Russian]

Khusainov, 1973 – Khusainov G.B. (1973). Arkheograficheskaya ekspeditsiya bashkirskogo filiala AN SSSR v 1973 g. [Archaeological expedition of the Bashkir branch of the USSR Academy of Sciences in 1973]. *Materialy Yuzhnoural'skogo arkheograficheskogo sbornika*. Ufa, Vyp. 2. Ufa. pp. 46-57. [in Russian]

Kunafin, 1979 – Kunafin G.S. (1979). Arkheografiya i istochnikovedenie na Yuzhnom Urale [Archeography and source studies in the southern Urals]. *Materialy M.I. Umetbaeva – tsennyi istochnik bashkirskoi literatury*. Ufa, pp. 27-35. [in Russian]

Kuzeev, 1978 – Kuzeev R.G. (1978). *Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda* [Historical Ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Izdatel'stvo Ufa. 263 p. [in Russian]

Muratov, 1977 – Muratov A.M. (1977). Iz opyta opisaniya tyurkskikh rukopisei. Arkheografiya i lingvisticheskaya tekstologiya Yuzhnogo Urala [From the experience of the description of Turkic manuscripts. Archaeology and linguistic textual criticism of the southern Urals]. *Materialy Mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ufa. pp. 7-13. [in Russian]

Nadergulov, 2003 – Nadergulova M.Kh. (2003). Arkheografiya Bashkortostana. Arkheografiya Yuzhnogo Urala [Archaeology of the Republic of Bashkortostan. Archaeography of the South Urals]. *Materialy Mezhhregional'noi nauch.-prakt. konf.* Ufa. pp. 102-104. [in Russian]

Rychkov, 1887 – *Rychkov P.I.* (1887). Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of Orenburg province]. Orenburg: Tipografiya B. Breslina. 439 p. [in Russian]

Salikh, 2011 – *Salikh N.R.* (2011). Arabografichnye pismennye pamyatniki Respubliki Bashkortostan [Arabic written monuments of the Republic of Bashkortostan]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. M. Akmully.* №1 (24). pp. 153-161. [in Russian]

Sharipova, 1985 – *Sharipova Z.Ya.* (1985). Bashkirskaya rukopis i nekotorye aspekty ee nauchnogo opisaniya [Bashkir manuscript and some aspects of its scientific description]. *Voprosy opisaniya i katalogizatsii vostochnykh rukopisei Yuzhnogo Urala: Materialy sb.* Ufa. pp. 42-47. [in Russian]

Yunusova, 1999 – *Yunusova A.B.* (1999). Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa: Ufimskii poligrafkombinat. 352 p. [in Russian]

Переписчики арабографичных рукописей на Южном Урале в XIX в.

Салих Надир Рамилевич ^{a, *}

^a Башкирский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена теме копирования и распространения арабографичных рукописей на Южном Урале в XIX в. При этом раскрывается роль переписчиков этих источников в данном процессе.

Исследовательская работа основана на материалах двух фондов хранилищ арабографичных рукописей г. Уфы: отдела рукописей и редких изданий Национальной библиотеки им. Ахмет-Заки Валиди и отдела редких книг Научной библиотеки Уфимского федерального исследовательского центра РАН. В результате исследования был определен круг лиц, имена которых наиболее часто встречались среди переписчиков арабографичных источников, хранящихся в фондах, а также установлены тематика и названия переписанных ими произведений.

Установлено, что распространение арабографичных рукописей на Южном Урале связано с принятием мусульманской религии тюркоязычными народами региона. Процесс создания и распространения данных источников можно охарактеризовать как спонтанный до конца XVIII века, а позднее наблюдается тенденция к их систематизации в связи с развитием института, регулирующего деятельность мусульманской духовной элиты – Оренбургского магометанского духовного собрания. В этом процессе немаловажную роль сыграла религиозная политика царской России XVIII века, которая привела к появлению ряда духовных чинов ислама, которые были необходимы для совершенствования указанной религиозной политики. Функционирующая в этих условиях мусульманская духовная элита выступала, как и ранее, в качестве основного заказчика рукописей. Анализ источников дает основание утверждать, что исполнителями заказов по копированию арабографичных рукописей становились, как правило, муллы и шакирды медресе, а также профессиональные переписчики. Это в очередной раз подтверждает мысль о том, что данные произведения представляли собой фундаментальную основу в процессе образования и духовного просвещения тюркоязычных народов Южного Урала.

Ключевые слова: Южный Урал, дореволюционный период (XIX в.), арабографичные рукописи, арабографичная рукописная традиция, фонд, источник, переписчики арабографичных рукописей, распространение арабографичных источников, религия, мусульманская духовная элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nadir_ufa@mail.ru (Н.Р. Салих)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 585-595. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.585
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian-Turkish and Russian-Persian Front Line on the Eve of and During the Patriotic War of 1812

Aleksandr A. Cherkasov ^{a, b, *}, Larisa A. Koroleva ^c, Sergei Bratanovskii ^{d, e}, Nugzar Ter-Oganov ^f

^a Volgograd state university, Volgograd, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^c Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^d Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

^e Institute of State and Law of RAS, Moscow, Russian Federation

^f Tel Aviv University, Israel

Abstract

The research paper examines the attempts by the Ottoman and Persian Empires to destabilize the situation in the North-Western Caucasus and Transcaucasia on the eve and during the Patriotic War of 1812. It focuses on countermeasures against the Turkish plans, taken by peaceful Circassian princes and Russian regional administration. With the use of new archival documents, we were able to reconstruct the picture of Circassian raids on the Russian territory in 1812–1814. The paper also retraces the picture of the Kakhети uprising and its orchestrating process considering Napoleon's invasion of the Russian Empire.

The sources used to prepare the work include archival documents stored at the State Archives of the Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia, and the Central State Historical Archives of Georgia, Tbilisi, Georgia. A considerable part of the archival material has never been published before.

In conclusion, the authors note that both Persia and Turkey strove to widely leverage the war between Russia and France to their own advantage. The consolidated efforts of the Russian administration thwarted the attempt by Turkish intelligence agents in Circassia to use the anti-Russian Circassian militia in combat operations against Russia. At the same time, Persia achieved impressive progress in destabilizing the situation in Transcaucasia. The uprising was led by Georgian Tsarevich (An heir apparent of a tsar) Alexander, and the region of the uprising comprised Kakheti. In the area, Russian troops had small garrisons that were to protect Kakheti and central Georgia from Lezgin attacks. It was them who fell victim to insurgents. In terms of the number of casualties among the Russian army soldiers, the uprising in Kakheti in 1812 can be described as the deadliest incident in Transcaucasia in the 19th century. At the same time, the Treaty of Bucharest and Treaty of Gulistan, which ended the Russo-Turkish (1806–1812) and Russo-Persian (1804–1813) wars, were the first diplomatic acts that legally formalized a *fait accompli* – the annexation of a large part of Transcaucasia to Russia.

Keywords: Circassia, Georgia, Persia, Dagestan, Ottoman Empire, Black Sea Cossack Host, uprising, Patriotic War of 1812, Russian Empire.

1. Introduction

In the result of incorporation of Georgia by the Russian Empire, in 1801 the latter became a close neighbor of the Ottoman and Persian Empires in the Caucasus. Lately this fact led to the Russian-Persian (1804–1813) and Russian-Turkish (1806–1812) wars. While the Russian Empire got involved in these wars, it had to fight also against Napoleon's invasion into Russia, in 1812. So, in 1812, the Russian Empire went to the

* Corresponding author

E-mail addresses: incfar.center@gmail.com (A.A. Cherkasov)

Patriotic War against Napoleon. The war which broke out seriously weakened the units of the Russian army in the Caucasus, including those stationed in the area of the Black Sea Cossack Host. It was believed for a long time that during the war and some time after it Circassians, who were under protectorate of the Ottoman Empire, virtually did not disturb the Russian territory. For example, F.A. Shcherbina wrote in his 2-volume "History of the Kuban Cossack Host" that active actions of Circassians were rather common in 1812, while complete calm settled in 1813 and 1814. (Shcherbina, 1913: 178-179). Moreover, the author in his fundamental research noted that the army archives registered only two cases regarding Circassian attacks over the entire 1814 (Shcherbina, 1913: 179). Nevertheless, recently discovered documents show the opposite, namely, in the facts related to the Ottoman Empire's preparation for active combat operations in 1811, to the disruption of these preparation activities by the Russian Empire and to the increased activity of Circassians in 1813-1814.

The Persian Empire also showed its activity, which financed the internal uprising in Georgia (the Tsarevich Alexander's uprising) and introduced its troops into the region (Markova, 1951). It should be noted that because of ideological attitudes, this topic has not received further study among the Soviet historians. The study has to show how the wars dramatically changed the front line on the background of Napoleon's invasion and the insurrection in Circassia and Kakheta regions, as well as what was the position of the Caucasian ethnic groups in these wars. Fundamentally, the study of these issues has not changed in the post-soviet period. Today there are only a few works with an occasional mention of our research topic. So, in 2008 the work of A.D. Panesh about the geopolitical position of Circassia in 1806-1812 (Panesh, 2008) released, in 1999 the work of O.N. Bortnikovoi appeared about the exiled participants in the Kakheta uprising in Siberia, as well as the work of N.S. Perepelitsina, A.V. Shipunova, A.Yu. Sergeeva about the little-known pages of the Russo-Persian war of 1804-1813 (Perepelitsin et al., 2018).

2. Materials and methods

The sources used to prepare the work include archival documents stored at the State Archives of the Krasnodar Krai, Krasnodar, Russia, and the Central State Historical Archives of Georgia, Tbilisi, Georgia. A considerable part of the archival material has never been published before.

The methodology of the research was based on the traditional historiographical principles – historicism, objectivity and a systematic analysis. As we worked with the material, we used a range of general historical methods, such as a problematic/chronological approach that enabled us to study individual facts in their chronological order; a historical and genetic approach that helped re-trace the history of Russia's counteraction in the North-Western Caucasus and Transcaucasia; a historical and comparative approach that made it possible to compare the goals and nature of individual centers of anti-Russian resistance in the overall picture of global confrontation.

3. Discussion and results

1. Russian-Turkish front line

It is known that already at the end of 1810, the European diplomatic community started vigorously discussing the topic of the war between Russia and Napoleonic France. It was obvious as early as in 1811 that Paris and St. Petersburg could not agree on key political issues. In the autumn of 1811, the Russian ambassador in Paris, Prince Kurakin, reported to St. Petersburg that there were signs of an inevitable war (Tarle, 1959: 454). At the time, Russia was at war with the Ottoman Empire (the Russo-Turkish War of 1806-1812). From the very beginning, Turkey had no success in the war. After a short peace in 1807–1809, military operations were resumed, but Turkey wanted to capitulate already by 1810, but the events were influenced by intervening France and Austria that persuaded Turkey to continue the war. As a result, in addition to the Balkan battlefield, the Ottoman Empire embarked on the creation of a large zone of anti-Russian resistance in Circassia.

For example, in the autumn of 1811, the Russian administration began to receive reports that the former Anapa Pasha had started to form militia beyond the Kuban by engaging Natukhais, Shapsugs and Abadzekhs to mount combat operations against Russia. In November, the size of the militia reached 10 thousand people that were a serious force. However, the Turkish attempt to destabilize the situation did not succeed, as part of Circassian princes (Alkas, Khanuk, Akhmetuk and Misheost) refused to act against Russia and informed the Russian side of these plans and asked for military support to repel a potential attack. The command of the Black Sea Cossack Host sent a 1 thousand-strong detachment of Cossacks with 3 cannons to assist the peaceful Circassian princes. The peaceful princes strengthened the Russian detachment with 8 thousand of their subjects. This resulted into the creation of two highland militia groups. They began peace talks that continued until December 7. After that, the warring parties made their way homeward, and the Cossack detachment returned to the border line (Shcherbina, 1913: 177-178). As a result, the agents of the Ottoman Empire not only failed to establish a single Circassian front against the Russian Empire, but over 1812, no major incursions into the territory of the Black Sea Cossack Host could be seen. We believe that the causes for this were peace agreements (between the two Circassian camps) that were reached in early December 1811. In total, Russian troops lost 126 people killed, wounded and captured in the clashes on the Caucasus Line in 1812 (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 13; Cherkasov et al., 2017).

For comparison, the army's casualties in 1811 amounted to 69 people on the Caucasus Line ([Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 13](#)). The casualty figure did not include the service personnel of the Black Sea Cossack Host.

An important fact is that in January 1811 – on the eve of the war of 1812 – the Russian troops mounted an expedition against Shapsugs, intended to return Russian captives and give back the cannon gun to Shapsugs seized at the Olginsky outpost the day before ([Shcherbina, 1913: 177](#)). Almost simultaneously with these events, Circassians crossed the Kuban River and attacked the Kopanskaya postal station, where they took prisoner two people and wounded another two. Alerted Cossacks succeeded in blocking the retreat path of the attacking party and the battle the killed and wounded up to 35 Circassians, while the Cossack losses were 5 people killed and 7 wounded. At the same time, the Russian side experienced another clash with Circassians between the Olginsky and Slavyansky cordons. This attack killed 30 Circassians and made another 7 prisoner, while Cossack losses amounted to 7 people wounded ([Shcherbina, 1913: 177](#)). The January expedition beyond the Kuban, launched by Russian troops, stabilized the situation among Circassians, and the summer passed almost without incidents.

However, in addition to military measures, continuous stability on the border should be contributed to by other steps as well. In the same January 1811, the authorities began to consider the possibility of setting up a barter yard in the Ust-Labinsk fortress to carry on duty-free salt barter ([AKAK, 5: 836](#)). Additionally, January 5, 1811, the commander of the Russian troops in Georgia and the Caucasus Line, General Tormasov, issued an appeal to the Zakubantsy (those across the Kuban) peoples. In this appeal, the general called on highlanders to maintain peace and prosperity ([AKAK, 5: 889-890](#)). The news of the appeal by the Russian general reached Constantinople. As a consequence, according to the information from Major General Sultan Mengli-Giray, as early as April numerous gifts and a firman¹ of the Turkish Sultan were delivered to the Zakubantsy peoples, which insisted that they should not choose good-neighborly relations with Russians, and promised to dispatch 70,000-strong auxiliary force in May ([AKAK, 5: 890](#)). It is important to note that similar firmans were also sent to the regions of Imereti, Abkhazia, Mingrelia, Guria ([AKAK, 6: 189](#)).

In 1811, the troops of the Ottoman Empire faced a series of defeats on the southern bank of the Danube (in Bulgaria), and by October, Turkey had been forced to concede to peace. Later, May 16 (28), 1812, witnessed the Treaty of Bucharest concluded ([Petrov, 1887](#)). The Treaty of Bucharest² ensured the security of the Empire's south-western borders virtually on the eve (one month before) of the invasion of Napoleon I into Russia. The Russian Danube Army was moved to reinforce troops on the Russian western border.

Nevertheless, in 1812-1814, considerable Circassian activity was recorded in the adjoining Russian territory. At that time, 93 people were brought into captivity alone. Almost all of them belonged to the Cossack population, and 37 of them were under 17 ([Table 1](#)).

Table 1. A list of Russians captured by Circassians between 1812 and 1814 ([GAKK. F. 249. Op. 1. D. 681. L. 160b.-240b.](#))

N o.	Full name of captive	Gender	Age	When and under what circumstances	Subsequent fate
1812					
1	Petr Gusarenko, Cossack	M	-	Captured February 1 in the Ivonivsky village, Poltava Kuren	Ransomed
2	Nataliya Zhitnaya, Cossack	F	-	Captured February 1 in the Ivonivsky Kuren	-
3	Efim Naumenko, Cossack	M	-	Captured May 13 in an attack on a mounted patrol	-
4	Grigorii Sirota, Cossack	M	-	Captured May 25 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
5	Kirill Titenko, Cossack	M	-	Captured May 30 in the range of the Novoekaterinovskiy cordon	-
6	Nikolai Maloi, Cossack	M	-	Captured May 30 in the Vedmedovskiy Kuren	-

¹ Firman (ferman) – a mandate or decree issued by sultans, shahs and other sovereigns in certain Islamic states in the Near and Middle East.

² Under the terms of the Treaty of Bucharest, Russia received Bessarabia, which relocated the border with European Turkey – from the Dniester to the Prut. In Asia, Russia returned to the Sublime Porte all possessions and fortresses, conquered by Russian troops, holding all the regions in Transcaucasia up to Arpaçay, Adzhar Mountains and the Black Sea.

1813					
7	Afanasii Chernyi, Cossack	M	-	Captured February 10 in the range of the Ekaterinodarsky cordon	Ransomed
8	Maksim Kasyan, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Olginsky cordon	-
9	Ivan Seleski, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	Ransomed
10	Stepan Zagina, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	Escaped
11	Osip	M	10	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	Ransomed
12	Yakim Tarasenko, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	-
13	Ivan Suchka, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	-
14	Ivan Partezh, Cossack	M	-	Captured May 31 in the range of the Novoekaterinovsky cordon when felling of firewood	-
15	Ulyana Trukhlyanova, Cossack	F	5	Captured May 31 in the range of the Aleksandrovsy cordon	-
16	Petr Vasilchenko	M	-	Captured June 8 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
17	Semen Gvozdy	M	-	Captured June 6	Ransomed
18	Martin Naboka	M	-	Captured June 6	-
19	Stepan Drugalya	M	Age unknown ¹	Captured June 17	Escaped
20	Fedor Khurda, Cossack	M	-	Captured June 20	Escaped
21	Vasilii Serdyuk	M	-	Captured July 3 in a khutor of the Ivonivsky Kuren	-
22	Matvei Serdyuk	M	16	Captured July 3 in a khutor of the Ivonivsky Kuren	-
23	Karp Serdyuk	M	9	Captured July 3 in a khutor of the Ivonivsky Kuren	-
24	Danila Serdyuk	M	7	Captured July 3 in a khutor of the Ivonivsky Kuren	-
25	Evdokiya Serdyuk	F	4	Captured July 3 in a khutor of the Ivonivsky Kuren	-
26	Stepan Kravchenko	M	-	Captured July 12 in the range of the Novoekaterinovsky cordon	-
27	Maksim Kuks	M	-	Captured July 12 in the range of the Novoekaterinovsky cordon	-
28	Pavel Mishchenko	M	-	Captured July 13 in the range of the Andreevsky cordon	Ransomed
29	Marko Gorbenko	M	-	Captured July 18 in the range of the Voronezhsky cordon	-
30	Andrei Povstyanyi	M	-	Captured July 18 in the range of the Voronezhsky cordon	-

¹ The age is unknown. A son of a Cossack.

31	Stepan Taranenko	M	-	Captured July 9 in the range of the Elinsky cordon	Ransomed
32	Wife of Cossack Mikhail Khil	F	-	Captured August 12	-
33	Son of Cossack Mikhail Khil	M	5	Captured August 12	-
34	Daughter of Cossack Mikhail Khil	F	7	Captured August 12	-
35	Potap Dezhkalo	M	7	Captured August 18	Ransomed in 1815
36	Fedor Dezhkalo	M	5	Captured August 18	-
37	Irina Dezhkalo	F	3	Captured August 18	-
38	Ustinya	F	12	Captured August 18	Ransomed
39	Paraskeva Chudnaya	F	-	Captured August 18	Ransomed
40	Widow of the sotnik	F	-	Captured August 18	-
41	Darya Zavalnaya	F	-	Captured August 16	Ransomed
42	Yakov Zavalnyi	M	Inf. ¹	Captured August 16	-
43	Petr, a son of a Cossack	M	Inf.	Captured August 26	-
44	Petr Seletinsky	M	Inf.	Captured August 26	-
45	Matrona Kalyuzhnaya	F	-	Captured September 8 in a khutor	Ransomed
46	Maksim Kalyuzhnyi	M	2	Captured September 8 in a khutor	-
47	Agafya Veselaya, Cossack	F	4	Captured September 8 in the Pashkovskoe village	-
48	Vasilii Veselyi, Cossack	M	6	Captured September 8 in the Pashkovskoe village	-
49	Semen, Cossack	M	13	Captured October 4 in the range of the Olginsky cordon	-
50	Petr Pergatenko, Cossack	M	16	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
51	Vasilii Zhuravlenko, Cossack	M	9	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
52	Dmitrii Sharmikha, Cossack	M	15	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
53	Mikhail Sokolenko, Cossack	M	11	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
54	Gerasim, worker	M	16	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
55	Yakim Shamka, Cossack	M	12	Captured October 10 near Ekaterinodar	-
56	Demid Timoshenko, Cossack	M	-	Captured October 17 in the range of the Staroredutsky cordon	-
57	Grigorii Makukha, Cossack	M	-	Captured October 17 in the range of the Staroredutsky cordon	-
58	Ignat Vasilchenko, Cossack	M	-	Captured October 17 in the range of the Staroredutsky cordon	-
59	Grigorii Denisenko, Cossack	M	-	Captured October 17 in the Davydovka village	-
60	Grigorii Brizha, Cossack	M	-	Captured November 16	Ransomed
61	Aleksei Ogol, Cossack	M	-	Captured November 28	-
62	Larion Konovalenko, Cossack	M	-	Captured November 28	Returned ²
63	Ivan Kapustyan, Cossack	M	-	Captured December 30	Ransomed
64	Efrosiniya Kapustyan, wife	F	-	Captured December 30	Ransomed
65	Ivan Kapustyan, son	M	Age unknown	Captured December 30	Ransomed

¹ Infant.

² Returned by peaceful Circassian prince Khanuk.

66	Emelyan Kapustyan, son	M	Age unknown	Captured December 30	Ransomed
67	Yakov Chernenko, Cossack	M	-	Captured December 30	Ransomed
68	Petr Solokha, Cossack	M	-	Captured December 30	Ransomed
1814					
69	Tatyana Shved, Cossack, daughter of Cossack Naum Shved	F	Age unknown	Captured April 7	-
70	Gapon Lazka, Cossack	M	-	Captured April 16	Ransomed
71	Semen Belokur, Cossack	M	-	Captured April 16	Ransomed
72	Marya Gladchenko, Cossack girl	F	13	Captured May 12 in the range of the Smolyanoy cordon	-
73	Andrei Polulyakh, Cossack	M	15	Captured May 12 in the range of the Smolyanoy cordon	-
74	Lavrentii Ivanov, Private	M	-	Captured May 23 in the range of the Olginsky cordon	-
75	Ivan Tabanets, Cossack	M	-	Captured May 27 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
76	Ivan Maloi, Cossack	M	-	Captured May 27 in the range of the Olginsky cordon	-
77	Mikhail Bei, Cossack	M	-	Captured May 29 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
78	Nikita Chernyi, Cossack, son of Vasilii Chernyi	M	Age unknown	Captured June 4 in the range of the Olginsky cordon	-
79	Ivan Bychenko, Cossack	M	-	Captured June 4 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
80	Stepan Gadechka, Cossack	M	-	Captured June 13 in the range of the Olginsky cordon	Ransomed
81	Samoil Torenin, Cossack	M	-	Captured June 29	Ransomed
82	Mikhail Kravchenko, Cossack	M	-	Captured June 29 in the range of the Velikolagerny cordon	Ransomed
83	Ivan Gots, Cossack 4th mounted regiment	M	-	Captured August 1 in the range of the Elinsky cordon	Escaped
84	Anisiya, worker	F	12	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
85	Nataliya, orphan	F	13	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
86	Nataliya Naidenikha	F	-	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	Ransomed
87	Osip Torinenko, Cossack	M	-	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
88	Mikhail Iskra, son of Cossack Iskra	M	6	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
89	Ilya Iskra, son of Cossack Iskra	M	4	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
90	Sofiya Iskra, daughter of Cossack Iskra	F	10	Captured September 5 in the khutor of Army Colonel Barabash near the Ponurka	-
91	Ivan Yakubovich, Cossack	M	-	Captured July 27 during a mounted patrol	Ransomed
92	Fedor Gladkii, Cossack	M	-	Captured July 27 during a mounted patrol	Ransomed
93	Petr Khmelnitskii, Cossack	M	-	Captured July 27 during a mounted patrol	Ransomed

Table 1 shows the data only related to the attacks in which Black Sea Cossacks were captured. Besides it, there were still a considerable number of attacks in which either Circassians seized only property or they were repelled. For example, on the night of July 7-8, 1812, Circassians launched another attack on the Ivanovskoye village. Around 100 Circassians participated in the raid. The attackers already seized several

heads of cattle when Cossacks arrived in the village upon alarm. The clash killed 18 Circassians, and the rest retreated. At the crossing over the Kuban River, the attackers were overtaken by another Cossack detachment, and this resulted in further losses by Circassians – 20 more were killed and 2 taken prisoner (Shcherbina, 1913: 178-179).

Of the 93 people captured, 19 were women, and 74 were men. Six were captured in 1812, 62 – in 1813 and 25 – in 1814. 33 people were subsequently ransomed, 4 escaped without help and 1 was returned by peaceful princes.

The increased activity of Circassians in 1813 can be explained by propaganda efforts made by Turkish emissaries. For example, according to Russian intelligence, in the summer of 1813, Turkish nazyr Seid-efendi, who lived with Zakubantsy ethnic groups, stirred up the local population using various false documents from the Turkish Sultan and Anapa Pasha to such a great extent that the Zakubantsy started gathering into large groups, threatening to invade Russia (AKAK, 6: 872). To prevent the invasion, the Narva Dragoon Regiment and the Don Cossack Regiment, commanded by Sychev the 3rd, were deployed on the Caucasus Line.

Thus, during the Russo-French War of 1812, the Ottoman Empire tried to incite some of Circassians into waging a war against Russia (pursuing their own interests). However, with the preventive measures timely taken – the pro-Russian militia created in Circassia, this attempt was foiled. As a result, 1812 saw very low raiding activity. Nevertheless, in addition to units of the Black Sea Cossack Host, the Russian Empire had to keep other regular units on its borders with the Caucasus, distracting these troops from combat operations against Napoleon.

2. Russian-Persian front line

At the time of the Patriotic War of 1812, the Russian Empire was also at war with the Persian Empire (the Russo-Persian War of 1804–1813). In May 1807, Persia entered into an anti-Russian alliance with Napoleon I, but it broke off the treaty with France in 1809 and restored an alliance with Great Britain that initiated the conclusion of a Persian-Turkish agreement on joint operations on the Caucasus front line. In May 1810, the army commanded by Abbas Mirza invaded Karabakh, but a small battalion of the 17th Jager Regiment led by Colonel Kotlyarevsky defeated it at the Migri fortress in June and on the Aras River in July. In September 1810, Persians suffered a defeat at Akhalkalaki, and this allowed Russian troops to prevent Persians from joining forces with Turks.

In late January 1811, Abbas Mirza, the Persian Heir Apparent and Governor of Azarbaijan province of Persia, sent an appeal to Dagestan tribes, inviting them to unanimously take part in the war against Russians, and at the same time he promised to support by the Persian troops (Petrov, 1887: 410). However, while Persians were engaged in deploying troops in November 1811, two clashes outside the Ziakhur village November 6 and outside the Rustov village November 22 inflicted two defeats to Dagestanis. For Russian troops, casualties amounted to 38 people killed and 262 wounded (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 141). In addition, December 8, 1811, Russian troops, consisting of two battalions of the Georgian Grenadier Regiment and one hundred Cossacks and having no artillery, unexpectedly stormed and seized the Turkish fortress of Akhalkalaki considered unassailable (Petrov, 1887: 415). This attack killed 1 Russian and wounded 29 (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 141). Of 200 people in the garrison, only 47 were taken prisoner, the rest were killed in the 1.5 hour battle. As trophies, Russian troops seized 16 guns and 40 poods of gunpowder (Petrov, 1887: 415).

In late January 1812, deployed Persian troops, under the command of Abbas Murza, again invaded Karabakh. Here, they took prisoner the battalion of the Troitsky Infantry Regiment in Sultan-Buda village February 1 (Petrov, 1887: 417). Before surrendering, Russian troops took part in clashes that killed 52 soldiers and one officer, and made 518 people prisoner (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 142). There is information that the battalion's surrender was sanctioned by Colonel of the Russian Army Jafar-Quli-Aga, the eldest son of the heir of the Karabakh region. In all probability, later Jafar-Quli-Aga was acquitted for surrendering the battalion and continued to serve in the Russian army. However, the capture of the battalion of the Troitsky Infantry Regiment acted as a catalyst for social unrest in the region.

The so-called Kakheti uprising ensued. To destabilize the situation, Persians used Georgian Tsarevich Alexander. In the initial phase of the uprising, Tsarevich Alexander sent numerous letters to members of the local aristocracy, both Georgians and Lezgins, in which he called for the overthrow of the Russian control over Transcaucasia (TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1282. L. 1-3). The uprising continued from January to November 1812 (AKAK, 6: 362-364) and affected Kakheti. The insurrection broke out unexpectedly and destroyed few Russian garrisons stationed in the region. Based on its scope and number of casualties, the uprising in Kakheti was the most severe uprising in Transcaucasia in the 19th century (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901) (Table 2).

Table 2. Losses of the Russian army in the Kakheti uprising in 1812
(*Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 11-13*)

Stages of the uprising	Officers			Lower ranks		
	the killed	the wounded	captives	the killed	the wounded	captives
First stage (January 31 – March 10)	16	9	-	408	189	61
Second stage (May)	1	3	-	12	23	-
Third stage (September 20 – November 30)	6	16	-	96	273	23
Total	23	28	-	516	485	84
Total	1,136					

Hence, the data in [Table 2](#) indicate that the Russian army suffered the greatest losses in the first stage of the uprising. The total losses of the Russian army amounted to 1,136 people killed, wounded and taken prisoner (*Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 11-13*). However, the figures showing losses can be viewed as debatable. O.P. Markova noted that the losses should have been much heavier than those reported in official documents. According to commanding officers of expeditionary forces, the uprising killed 636 people (151 in Telavi, 212 in Bodbiskhevi, 109 in Signakhi), made 510 people prisoner and wounded 206 – the total losses were to be 1,352 (*Markova, 1951: 83*). Another important factor is that the Russian units in Kakheti were deployed there to protect the local population from the Lezgin incursion, who in the region engaged in capturing people and selling them in coastal port cities to Turks and Persians long before the arrival of Russians (*Bronevskii, 1823: 314*).

The uprising sparked off in Telavi and Khevsureti in the north-east part of the former Kartli-Kakheti Kingdom, on the borders with Dagestan. Lezgin mercenaries started to appear among insurgents already in the middle of February. For example, a detachment of 1,000 Avar Lezgins arrived February 20 (*Markova, 1951: 69*).

In May, in Kakheti, Persian agents widely distributed the letters by Tsarevich Alexander, the reports by Georgian aristocrats evidenced (*TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1446. L. 1-10*). In some cases even priests served as distributors of Tsarevich Alexander's letters. For example, May 2, 1812, priest Shukhashvili was defrocked and exiled to the Kherson governorate for reading out the letters which called for the insurrection in the church (*TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1448*). We should understand that Tsarevich Alexander was bolstered by a part of the Georgian aristocracy, which led its subjects to fight with Russians. For example, in July, Georgian princes, Joseph, Osman and Garsevan Cholokashvili fled to Tsarevich Alexander (*TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1286. L. 1-3*). And these were not the only cases – at the time, Alexander was joined by princes Amilakhvarov and Avalov (*TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1288. L. 1-75*). The Russian administration gave 15 days the princes to return to their home lands, and after the period expires, princely estates became property of the state (*TsGIAG. F. 16. Op. 1. D. 1286. L. 1-3*). This became a compelling reason for the princes to return to their lands.

It was mentioned above that in May 1812, Tsarevich Alexander sent letters not only in Georgia and Ossetia, but also in Dagestan, striving to orchestrate an uprising. The letters confirm the fact that Tsarevich Alexander, Persia and Turkey carried out a coordinated campaign against Russia. For example, in his letter dated May 12, 1812, Tsarevich Alexander wrote that "... I am informing you of the circumstances here, which, I am sure, you would like to know.... The Shah-Zade (Crown Prince; here the author means Abbas Mirza) arrived with a large force and funding to Goncha (may be Gokcha?); we intend to march to the Qazakh mountains with 12,000 infantry sarbabs (regular soldiers), cannons and 30,000 units of other troops; from the other side, from the Turkish side, a seraskir with great provision, artillery and 60,000 troops, of which half already penetrated the Akhaltsikhe land. Another Shah-Zade is to move from Persia to the Elisavetpol direction with 30,000 troops" (*AKAK, 5: 358*). In addition to Tsarevich Alexander, an active role in the uprising was also played by Georgian Tsarevich George (*Markova, 1951: 76*).

Russian troops had to fight on two fronts: on the interior front – quelling the uprising and on the exterior front – against regular Persian troops. Following the tragic fate of the battalion of the Troitsky Infantry Regiment, it was vital to urgently re-build the reputation of the Russian troops. This task was entrusted to Major General Kotlyarevsky, who moved in March to meet Persians with 1.25 thousand infantry and 200 Cossacks (*Petrov, 1887: 418*). Nevertheless, Persians, after they plundered Karabakh and took many people prisoner, began to withdraw. Russians set off on a forced march in pursuit and managed to retake about 15,000 heads of cattle and liberated about 400 families captured by Persians.

In June 1812, British General Malcolm arrived in Persia and brought 350 English soldiers who were to serve as instructors in the Persian army. In addition, the British transported 30 thousand rifles and 12 guns to the region (*Kuznetsov, 2013: 150-151*). The second incursion in 1812 was mounted by Abbas Mirza after he had received intelligence data about Napoleon's invasion of Russia (*Beskrovnui, 1974: 17*) and seized

the Lankoran area. In the first half of September, Tsarevich Alexander with a 100-strong retinue left Yerevan and arrived in Kakheti (AKAK, 5: 365). Thus began the next active phase of the uprising.

The situation was critical. As Russia consolidated almost all its resources in the war with Napoleon, it practically had nothing to fight with in the Caucasus. It made an attempt to agree on a truce with Persians, but the latter required the return of Georgia as a condition for a truce. Meanwhile, October 10, 1812, the Persian army approached the Aras River near the Aslanduz ford. According to various estimates, it numbered from 14 to 30 thousand people. The Russian army was able to counteract Persians with a combined squad of 2,221 people with 6 guns under the command of Major General Kotlyarevsky. As the squad mounted a surprise night attack on the Persian camp, it victoriously routed Persians in the 2-day battle (October 19 and October 20). It took 12 English guns out of 14, 36 falconets and property (Potto, 1887: 528). 537 people were taken prisoner. Russians lost 28 people killed and 99 wounded (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 142). Following this defeat, Persia no longer posed any danger to the Russian Empire – the latter actually won the war. In January 1813, a 1.5-thousand-strong squad of Lieutenant General Kotlyarevsky victoriously stormed Lankoran (with 950 soldiers and officers killed and wounded) (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 142), and in the spring of 1813, Colonel Pestel with two battalions of the Tiflis Musketeer Regiment inflicted a defeat against the khan of Yerevan (Fadeev, 1960: 166-167). Seeing the situation that developed in the summer of 1813, Persia initiated peace talks with Russia. Having no France and Great Britain as its supporters, the state could not continue the war. The outcome was the Treaty of Gulistan that was concluded between the Russian and Persian Empires October 12 (24), 1813 in the village of Gulistan near the Zeiva River. The document stipulated that the significant part of Transcaucasia should be de jure added to Russia.¹

We should note that parallel to the events, there were combat operations conducted in Kakheti. Importantly, in the reign of Tsarevich Alexander, the leading role was given to Lezgins. Lezgins were a driver behind the uprising at all three stages of the hostilities. There are illustrations of the statement. For example, at the beginning of the uprising, after attacks on Russian military units in the Signakhi area, surviving soldiers alone and in groups began coming up to the fortress of Karagadzhi, a stronghold of the Russian army. The insurgents surrounded the fortress, but delayed assault as they waited for Lezgin reinforcements that were summoned by the princes (Markova, 1951: 59). October 10, 1812, in the development near the Shilda village, the Tsarevich's group numbered 6,000 people, of whom 2,000 were Lezgins (AKAK, 5: 362). As a matter of fact, Lezgins accounted for 1/3 among the insurgents, and the rest were Georgians and other ethnic groups (for example, Ossetians, Circassians, etc.). The insurgents were brought down in the battle near the Shilda² village and scattered as a result. By October 13, another 2 thousand Lezgins joined the Tsarevich (AKAK, 5: 363). The Tsarevich's overall force included 3 thousand Lezgins plus 2 thousand Georgians and members of other ethnic groups. So, by October 13, Lezgins were the majority of the insurgents. October 13, the insurgents suffered another defeat. It is also interesting that October 18-21, the insurgents, supported by Lezgins, laid siege to the Signakhi town, while Georgians, who took part in the uprising, more and more often came with resignation and said that they were frightened into playing a role in the uprising (AKAK, 5: 367). There are strong reasons to believe that a significant portion of the insurgents were not involved voluntarily, but were scared into submission by reprisals from Lezgins. It is known that Lezgins plundered the Kdesi village in Imereti in May. Several houses were burned, and 16 people were taken prisoner (Markova, 1951: 95). In addition to Lezgins, the tsarevich's troops also used Circassians as mercenaries. Moreover, we can suggest that this explained the low activity of Circassians in the Kuban region in 1812, because the most active group of Circassians were involved in the Kakheti uprising. After the Kakheti uprising was quelled, in the autumn of 1812, Circassians returned to the Kuban, and 1813 marked a multiple increase in raids on the Russian territory.

In January 1813, Tsarevich Alexander was in Shatili, the inner Khevsureti. The Tsarevich had about 80,000 mercenary troops from Dagestan, Circassia and Tagaur-Kurtauli. At the same time, he had no financial resources. He wrote about his position to Persian Mirza Bozorg, the Persian Grand Vizier: "There are military preparations everywhere, we are also massively consolidating our forces so that with God's help, at the end of the this moon, we and Russians will meet in a battle. But what should I do, a man without means? I should give (money) to people of honor; whether they bring a prisoner or present me with a severed head – everyone should be paid, and we do not have a single para³" (AKAK, 5: 370).

What are the root causes that lie in Lezgins' participation in the Kakheti uprising? There are several factors behind this. The first one is the counter efforts by Russian troops to stop Lezgin raids on Georgia. The traditional method of earning money by capturing captives in the Georgian territory and selling them was checked by Russian troops. As a reminder, before Russians established their presence in the area, it was Kakheti that suffered the greatest harm from Lezgin raids. The second reason was that Lezgins were

¹ According to the Treaty of Gulistan, Russia ultimately obtained the Qarabagh, Ganja, Sheki, Shirvan, Derbend, Quba, Baku and part of Talysh Khanates, as well as Dagestan, Georgia, Imereti, Guria, Mingrelia, Abkhazia and gained the exclusive right to have the Navy in the Caspian Sea.

² The Shilda village was located on the Lezgin border.

³ A Turkish coin.

recruited as mercenaries to whom becoming part of the uprising was a dashing affair that created possibilities of getting rich. One example can illustrate this. In the early summer of 1813, a development took place when Tsarevich Alexander stayed in Dagestan in the Koisubuli estate. The Tsarevich invited Lezgins to help him seize Tiflis and entire Georgia, promising each soldier to pay 50 rubles in silver after the seizure of Georgia. However, in addition to this, Lezgins set out a condition – in case of failure to take Tiflis, they demanded the right to plunder and loot everything in the Georgian territory during their withdrawal movement to satisfy themselves for participating in the campaign. The Tsarevich willingly agreed to this (AKAK, 5: 376). One can imagine the situation of the Georgian population, if the tsarevich emerged victorious, Georgians would be obliged to pay considerable sums¹ to the mercenaries. On the other hand, if the Tsarevich lost, Lezgins would plunder north-eastern Georgia under the agreement with him. However, while Alexander mobilized forces for the invasion, Russian troops entered Khevsureti² and inflicted the complete defeat on the Tsarevich. The expedition led by Major General Simonovich routed the insurgents in the period from May 23 to June 7, 1813, incurring casualties of 45 killed and 82 wounded (Sbornik svedenii o poteryakh, 1901: 13).

4. Conclusion

Summarizing the consequences, we have to conclude that both Persia and Turkey strove to widely leverage the war between Russia and France to their own advantage. The efforts taken by the Russian administration thwarted the attempt by Turkish intelligence agents in Circassia to use the anti-Russian Circassian militia in combat operations against Russia. At the same time, Persia achieved impressive progress in destabilizing the situation in Transcaucasia. The uprising was led by Georgian Tsarevich Alexander, and the region of the uprising comprised Kakheti. In the area, Russian troops had small garrisons that were to protect Kakheti and central Georgia from Lezgin attacks. It was them who fell victim to insurgents. In terms of the number of casualties among the Russian army soldiers, the uprising in Kakheti in 1812 can be described as the deadliest incident in Transcaucasia in the 19th century. At the same time, the Treaty of Bucharest and Treaty of Gulistan, which ended the Russo-Turkish (1806–1812) and Russo-Persian (1804–1813) wars, were the first diplomatic acts that legally formalized a fait accompli – the annexation of a large part of Transcaucasia to Russia.

References

- AKAK, 5 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 5. Tiflis, 1870. [in Russian]
- AKAK, 6 – Akty Kavkazskoi arkheograficheskoi komissii [Acts of the Caucasus archaeological commission]. V 12 t. T. 6. Tiflis, 1873. [in Russian]
- Beskrovnui, 1974 – *Beskrovnui, L.G.* (1974). Russkoe voennoe iskusstvo XIX v. [Russian military art of the XIX century]. Moskva. 360 p.
- Bortnikova, 1999 – *Bortnikova, O.N.* (1999). Uchastniki kakhetskogo vosstaniya v Sibiri [Participants of the kakhethian uprising in Siberia]. *Yugra*, 9: 26-27. [in Russian]
- Bronevskii, 1823 – *Bronevskii, S.* (1823). Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze [The newest geographical and historical news of the Caucasus]. V 2 ch. Ch. 1. Moskva. [in Russian]
- Cherkasov et al., 2017 – *Cherkasov, A.A., Ivantsov, V.G., Smigel, M., Molchanova, V.S.* (2017). The Losses of the Russian army during the Caucasian war (1801-1864): Historical and statistical research. *Bylye Gody*. 43(1): 68-85.
- Fadeev, 1960 – *Fadeev, A.V.* (1960). Rossiya i Kavkaz v pervoy treti XIX veka [Russia and the Caucasus in the first third of the XIX century]. Moskva. [in Russian]
- GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The state archives of the Krasnodar territory].
- Kuznetsov, 2013 – *Kuznetsov, O.* (2013). The Treaty of Gulistan: 200 years after (the Russo-Persian war of 1804–1813 and the Treaty of Gulistan in the context of its 200th anniversary). *The Caucasus & Globalization*. 7, 3-4: 141-156.
- Markova, 1951 – *Markova, O.P.* (1951). Vosstanie v Kakhethi 1812 g. [The uprising in Kakheti in 1812]. Moskva. [in Russian]
- Panesh, 2008 – *Panesh, A.D.* (2008). Geopoliticheskoe polozhenie Cherkessii v period rusko-turetskoi voiny 1806-1812 gg. [The geopolitical position of Circassia during the russo-turkish war of 1806-1812]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennye nauki*, 3: 60-62. [in Russian]

¹ If we suggest that the campaign was to engage 80 thousand people, and this is the figure that was indicated in 1813, it means that Alexander was to return at least 4 million rubles to the mercenaries. Another important fact was that by the time the Kartli-Kakheti Kingdom was merged in Russia, Georgia had been no longer able to defend itself against Lezgin raids (Ter-Oganov, 2018: 55).

² Highland areas in north-eastern Georgia formed the hotbed that triggered the uprising in Kakheti.

[Perepelitsin et al., 2018](#) – *Perepelitsin, N.S., Shipunov, A.V., Sergeev, A.Yu.* (2018). Maloizvestnye stranitsy voennoi istorii russko-persidskoi voiny (1804-1813). Podvig 17-go egerskogo polka [Little-known pages of the military history of the russian-persian war (1804-1813). Feat of the 17th jaeger regiment]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*, 12-2 (12): 46-50. [in Russian]

[Petrov, 1887](#) – *Petrov, A.N.* (1887). Voina Rossii s Turtciei 1806-1812 gg. [Russia's war with Turkey 1806-1812 years.: 3 volumes]: v 3 tomakh. T. 3. SPb.: Voen. tip. [in Russian]

[Potto, 1887](#) – *Potto, V.A.* (1887). Kavkazskaia voina v otdelnykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiakh: v 5 tomakh [The Caucasian war in separate essays, episodes, legends and biographies: in 5 volumes.]. 2-e izd. SPb. T. 1. 738 p. [in Russian]

[Sbornik svedenii o poteryakh, 1901](#) – Sbornik svedenii o poteryakh Kavkazskikh voisk vo vremya voin Kavkazsko-gorskoi, persidskikh, turetskikh i v Zakaspiiskom krae 1801–1885 gg. [The collection of data on the losses of the Caucasian troops during the wars of the Caucasian-Gorskiy, Persian, Turkish and in the Transcaspian region 1801–1885 years]. Sostavlen A.L. Gizetti. Tiflis, 1901. 222 p. [in Russian]

[Shcherbina, 1913](#) – *Shcherbina, F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego voiska [The history of the Kuban cossack army]. V 2 t. T. 2. Ekaterinodar. [in Russian]

[Tarle, 1959](#) – *Tarle, E.V.* (1959). Nashestvie Napoleona na Rossiyu [Napoleon's invasion of Russia. 1812]. 1812 god. Moskva. [in Russian]

[Ter-Oganov, 2018](#) – *Ter-Oganov, N.* (2018). Concerning the Iranian Influence on the Georgian Military Organization (According to the example of «Morighe Lashkari» or «Morighe» – second half of XVIII c.). *Bylye Gody*. 47, 1: 53-59. [in Russian]

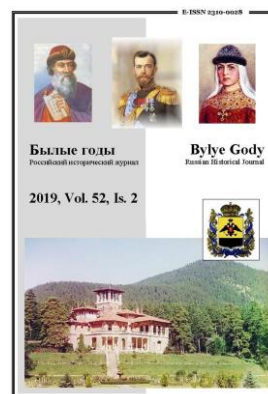
[TsGIAG](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Gruzii [The Central state historical archive of Georgia].

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 596-604. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.596
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Legal Landscape of the Russian Empire: the Experience of Interaction between the Center and the Regions (XVIII – beginning of the XX centuries)

Anna V. Popova ^{a,*}, Svetlana S. Gorokhova ^a, Marianna G. Abramova ^b

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

^b Lomonosov Moscow State University, Russian Federation

Abstract

The authors carried out a comparative legal analysis on the basis of the main Russian legal sources and have come to the following conclusion: the legal policy of the Russian Empire in the late XIX – early XX centuries (until February 1917) was directed to a gradual transition from a Union of territories with equal rights into autonomous entities within a United Russia based on the principles of the legal subordinate of the national territories to the Imperial center in order to create a single legal landscape.

The Imperial style structure in Russia in the early twentieth century was characterized, on the one hand, by the preservation of the national features of individual territories within the Russian state, having historical, religious – confessional and other differences, and on the other hand, smoothly coordinated system of governance in the national territories. This system was based on special executive bodies: top-ranking committees, local executive bodies (namestnichestva) and permanent governor-generals, as well as an agency monitoring the population, taking into account the specific characteristics of each territory. Particular attention was given to the creation of a system of interaction between general and local (regional) legislation. This was done in order to provide the state with a unified legal system taking into account the preservation of national traditions and mentality characteristics.

Keywords: state legal policy, system of legislation, local legislation, national regions, legal landscape, unification, local customs, code of local laws, general legislation of the Russian Empire.

1. Введение

Проблема перераспределения законотворческих полномочий между федеральным центром и субъектами Российской Федерации приобретает сегодня особую значимость и остроту. Роль законотворчества субъектов растет, и при этом соотношение федерального и регионального законодательства является показателем развития федеральной системы права. В силу этого вопрос системной гармонизации представляется основополагающей задачей современного этапа государственно-правового развития России, ибо ее отсутствие создает конфликтность внутри российского федерализма, является причиной кризиса в правовой сфере регулирования практически всех сфер жизни российского общества.

Необходимость решения этих проблем позволяет обратиться к отечественному опыту истории взаимодействия центрального и местного законодательства в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Авторы настоящего исследования анализируют способы и методы создания единого правового пространства в такой сложной форме государственного устройства, как империя, рассматривают особенности центрального и местного законодательства в различных частях Российской империи, ставят цель выявить, каким образом строилась законодательная политика

* Corresponding author

E-mail addresses: anna0710@yandex.ru (A.V. Popova), swettalana@yandex.ru (S. S. Gorokhova), abramova-m@mail.ru (M.G. Abramova)

того времени. Решить задачу формирования единого гармоничного правового пространства в современной России невозможно без использования богатого историко-правового опыта Российской империи.

2. Материалы и методы

2.1. Источниками для написания статьи послужили: Манифест «Об издании Свода законов Российской империи» (31.01.1833), Свод основных государственных законов Российской империи (23.04.1906), Высочайше утвержденный, одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (17(30).06.1910); Свод местных узаконений губерний Остзейских 1845–1864 гг.; Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный (20.07.1906), Дневник законов Царства Польского» (1815–1871); Положение о внутреннем управлении Грузии (12.09.1801); а также научные публикации отечественных авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

2.2. Решение исследовательских задач обозначенной темы основано на использовании принципа историзма. Вопросы соотношения центрального и местного законодательства, возможность их гармонизации, особенно в части совместного ведения между т.н. «центром» и «национальными» окраинами, рассматриваются как следствие конкретных социально-исторических условий, в формировании которых важную роль играли внешние факторы, а также консервативность ментальности различных народов Российской империи.

Авторы статьи полагают возможным использование цивилизационно-культурного подхода (Немытина и др., 2017: 1417), в соответствии с которым Россия рассматривается как цивилизационное пространство.

3. Обсуждение

Большинство современных государствоведов (Гуляков, Саломатин, 2016; Гошуляк, 2016; Гуляков, 2016) утверждают, что не существует двух одинаковых федераций, т.к. их характерные черты обусловлены исторической, политической, национальной, конфессиональной и иными особенностями развития. М.М. Михайлов, известный дореволюционный государствовед, писал, что, история создания такого государства, как Россия (соединение различных территорий, населенных народами, имеющими различный менталитет, а вследствие этого и правовое пространство), является причиной соблюдения интересов центра и присоединенных территорий, что порождает необходимость в сохранении местного законодательства, имеющего зачастую национальный характер (Михайлов, 1860: 4).

В рассматриваемый исторический период местные законы в соответствии с государственной правовой политикой Российской империи сохраняли свое значение и юридическую силу в той части, которая отражала особенности этнического сознания и духовных ценностей отдельных национальных групп населения каждой из территорий, входящих в состав России. Однако царское правительство не отказывалось от влияния на системы местного права в национальных окраинах в публичной и частной сферах правового регулирования. По мнению исследователей, согласование центрального и местного законодательства происходило с учетом необходимости создания единого правового пространства страны, но при условии обязательного сохранения источников права, действующих на различных территориях Российской империи. При этом имперское законодательство часто подвергалось изменению из-за особой правовой политики царского правительства, требующей признания за санкционированным на определенных в законе условиях местного законодательства и обычного права приоритета в области частноправовых отношений (Кодан, Февралев, 2012b: 230-231).

Сегодня гармонизация системы российского законодательства в сфере совместного ведения федерального центра и субъектов является исторически необходимой в целях дальнейшего государственно-правового развития страны. Для реализации такого процесса, на наш взгляд, необходимо обратиться к истории становления государственного устройства в целом, и к особенностям реализации законотворческой политики в многонациональном и многоконфессиональном государстве, каковым является наша страна с XVII в., в частности. Поэтому вопросы взаимодействия партикулярного (центрального) и местного законодательства в конце XIX – начале XX вв. являются предметом настоящей статьи. Хронологически исследование доводится до февраля 1917 г., что связано с началом буржуазных преобразований в Российской империи.

4. Результаты

Территория Российской империи состояла из исторической исконной территории, населенной русским народом – Европейской России (разделенной на административно-территориальные части – губернии), и присоединенных к ней национальных окраин, к числу которых относились: Привислинский край (Царство Польское), Кавказский край, Сибирь, Среднеазиатские владения в составе Туркестана и Степного края, Великое княжество Финляндское. В административном плане

страна была разделена на семьдесят две губернии, двадцать одну область и два самостоятельных округа (*Wirtschaftung Statistik*, 1933: 517; 1943: 113; *Rocznik Statystyki*, 1927). С 1832 г. все законодательные акты, принятые на ее территории, подлежали обязательному включению в Свод законов Российской империи (далее по тексту – Свод законов), где Раздел I заключал в себе текст Основных государственных законов Российской империи, октроированных 23 апреля 1906 г. (далее по тексту – Основные государственные законы), являющихся основополагающим законом для всей страны (отдельные авторы считают их конституционным актом) (*Свод законов*, 1906). В Манифесте императора Николая I №3 «Об издании Свода законов Российской империи» (*ПСЗРИ т. VIII, 1833: 68-69*) определялось, что тот представляет собой акт систематизации законодательства, «свод» общеимперских законов, но при этом на территории национальных окраин они имеют юридическую силу и применяются до момента создания на их основе специальных сводов, их санкционирования и включения в специальные разделы Свода законов (*Манифест т. VIII, 1833: 71-72*).

Ст. 53 Основных государственных законов с 1906 г. вплоть до февраля 1917 г. определяла перечень юридических документов, определяемых как имперское законодательство, а также местные узаконения, к числу которых были отнесены местные обычаи и законодательные акты национальных окраин, которые так же, как и имперские, подлежали обязательному включению в Свод законов. Примечательно, что, исходя из толкования ст. 88, местное законодательство не может быть отменено имперским, кроме специально оговоренных случаев (*Свод законов*, 1906).

Юридическую силу законодательство «национальных окраин» так же, как и иные источники местного национального права, получали только после исполнения следующих условий:

1) обязательное их санкционирование государственной властью Российской империи, по ст. 90 Основных государственных законов все местное законодательство подлежало внесению в Правительствующий сенат в виде подлинников или заверенных копий (*Свод законов*, 1906);

2) издание на русском языке как государственном языке, обязательном для использования в государственных органах, общественных организациях, в армейских и флотских подразделениях. При этом в ст. 3 идет речь о возможности использования национальных языков в национальных окраинах в случае установления такого порядка в специальном законодательстве (*Свод законов*, 1906);

3) установление в Основных государственных законах Российской империи и отраслевом законодательстве принципов действия нормативных актов в пространстве и права на внесение необходимых изменений в местное законодательство в целях создания единого правового пространства;

4) включение конкретного нормативного правового акта в текст Свода означало санкционирование его со стороны центральной государственной власти, а следовательно, легальное использование этого источника местного права на соответствующей территории.

Местные акты, систематизированные в особые своды, действовали по кругу лиц, т.е. распространяли свое действие на население национальных окраин или регионов. Особенность законотворческой деятельности состояла в том, что правовому регулированию подлежали спорные вопросы, поэтому одновременно разрабатывалось несколько законопроектов, которые при последующем рассмотрении имели конкурирующий характер. Опубликованию подлежали также все редакции нормативных правовых актов с полными или частичными правками, предлагаемые в ходе обсуждений в уполномоченных государственных органах и межведомственных комиссиях (*Ильин, 2015: 6; Медушевский, 2010: 302-399*).

Правовой статус «национальных окраин» в составе Российской империи, официально закрепленный в Своде законов, свидетельствовал о том, что в дореволюционной России существовали отдельные черты федерализма. К их числу следует отнести разграничение предметов ведения между центром и национальными окраинами, а также разделение законов по территориальному принципу действия на имперские и местные. Привилегированность отдельных территорий, изначально присоединявшихся к России на основе уний (Великое княжество Финляндское (далее по тексту – Польша) и др.), в конечном итоге привела в них к национальным восстаниям с целью обрести независимость.

Таким образом, правовая политика Российской империи была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии, когда объединяются суверенные государства (примером чему может служить процесс образования США) в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин центру в целях формирования единого правового пространства. Процесс гармонизации фактического совместного ведения между русским центром и присоединенными новыми территориями строился на основе формирования общероссийского правосознания при сохранении религиозных и иных особенностей и местных обычаев.

Объем местного (регионального) законодательства зависел напрямую от условий предоставления автономии отдельной национальной территории в составе Российской империи. Учет исторических реалий присоединения национальных окраин (регионов) позволяет выделить, в свою очередь, две системы местного законодательства:

1) местное право административно-национальных автономий получило свое развитие в XVII–XIX вв. в силу того что местное управление и система права, так же, как и система законодательства на этих территориях, строилось по принципам тех стран, в состав которых они входили до присоединения к Российской империи;

2) законодательство особых национально-территориальных автономий как территорий, обладающих особым законодательно закрепленным правовым статусом.

Административно-национальные автономии отличались от национально-территориальных автономий тем, что практически вся сфера публичного права, в первую очередь система государственного управления (административное право), относилась к правовому регулированию имперского законодательства, правда с учетом местных обычаев и привлечением национальных кадров. При этом частное право было отнесено к сфере фактического совместного ведения с приоритетом местных узаконений. В последнем случае применение имперского законодательства носило субсидиарный характер.

Со второй половины XIX в. на территории автономий было распространено действие имперского законодательства. Российская империя признавалась единым и неделимым государством (ст. 1 Основных государственных законов). Решение об особом статусе национального региона, присоединенного к России либо добровольно, либо путем завоеваний, принималось исключительно Государем Императором. Он как суверен самостоятельно определял всю систему управления и правовое регулирование в новом регионе, исходя из принципов «справедливости и политической целесообразности», а не из установлений позитивного права (Берендтс, 1915: 18).

С 1832 г. единственной национальной автономией оставалась Финляндия, которая, исходя из смысла ст. 2 Основных законов, имела право во «внутренних делах своих» применять собственное законодательство (Свод законов, 1906). В целях разрешения разногласий и гармонизации имперского и местного законодательства Законом о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения (далее по тексту – Закон от 17 июня 1910 г.) была установлена совместная компетенция – разряды общеимперских дел, которые подлежали установлению только имперским «парламентом», но с обязательным участием представителей от Финляндии. Ст. 3–4 Закона 17 июня от 1910 г. устанавливали, что эти представители избирались Финляндским сеймом, а критерием их отбора становилось обязательное знание русского языка. Материальное содержание депутатов Государственной Думы и членов Государственного совета от Финляндии шло из государственной казны с возмещением из местного бюджета.

В отличие от других административно-территориальных автономий Финляндия, по содержанию ст. 2 Закона от 17 июня 1910 г., обладала правом на принятие местных законов не только в сфере частного, но и публичного права. Всего упоминалось девятнадцать сфер правового регулирования. Так, для Финляндии было дополнительно разрешено: установление местных налогов и сборов; воинская обязанность для граждан Финляндии; предоставление гарантий осуществления прав российских подданных на ее территории; использование финского языка в качестве государственного; установление правового статуса государственных служащих в органах власти; право приведения приговоров и решений имперских и местных судебных органов; вносить необходимые изменения или дополнения в нормы уголовного и процессуального законодательства в интересах местного населения; развивать собственную систему образования на территории Финляндии; устанавливать нормы права, обеспечивающие права граждан на собрания, объединения, свободу печати, правила провоза товаров через границу, включая таможенные пошлины, права на интеллектуальную собственность, включая охрану авторского права и права промышленной собственности и др.; определять правовой статус общественных организаций и иных юридических лиц, созданных не на ее территории; создавать собственные системы связи, финансовую систему; организовывать воздушное, морское и железнодорожное сообщение для поддержания необходимого уровня связи Финляндии с остальной территорией Российской империи и иными странами; гарантировать права иностранцев на территории этого княжества. Однако все законодательство, принятое сеймом Финляндии, подлежало повторному прохождению через имперский парламент.

Примерно такими же правами в соответствии с основами конституции Царства Польского, принятой еще в 1815 г., была наделена и Польша. Однако после польского восстания 1830 г. действие польской конституции было отменено. Ст. 1 Манифеста «О новом порядке управления и образования Царства Польского», датированного февралем 1832 г., было установлено, что территория Польши является неотъемлемой частью Российской империи, на которой разрешено местное законодательство, в том числе регулирующие гражданско-правовые и уголовно-правовые отношения, и особое государственное управление в интересах местного населения, за которым сохранялись все прежние права и свободы (Манифест т. VII, 1832: 83).

Таким образом, разграничение компетенции между органами верховной власти российского государства и национальными окраинами зависело от предмета правового регулирования и системы партикулярного права империи. Государственное право находилось в исключительном ведении верховной власти Российской империи. Первоначально такие публичные отрасли права, как уголовное и уголовно-процессуальное право, и все частное право (гражданское, семейное и гражданско-

процессуальное право) находилось либо в совместном ведении империи и национальных регионов, либо в исключительном ведении местных органов власти. Ставя перед собой цель создания единого правового пространства, верховная власть изначально на всех территориях, за исключением национально-территориальных автономий, максимально сокращала действие местных правовых актов по территориальному принципу.

После череды национальных восстаний в 1840–1860-е гг. начался процесс унификации имперского и местно-национального правового регулирования. Особое значение имела обязательность опубликования всех узаконений национальных регионов на русском языке для всеобщего ознакомления, что позволяло не только санкционировать процесс их принятия, но и способствовать их реализации в деятельности не только общеимперских, но и местных государственных органов управления, а также судебных инстанций всех уровней.

Для территорий с особым статусом – Финляндии и Польши, где в соответствии с имперским законодательством сохранялась национальная локализованная система права, обязательным была публикация не только местного законодательства по соответствующим предметам ведения, но и текста общеимперских законов, относящихся к каждому из этих регионов.

В случае коллизии между общеимперским и региональным законодательством Правительствующий Сенат предписывал отдавать приоритет местным источникам права, т.к. общеимперское законодательство имело субсидиарный характер, что обосновывало его использование лишь при наличии пробелов (наподобие действия «Каролины» в Священной Римской империи германской нации). В соответствии со ст. 79 Основных государственных законов местное законодательство, созданное для конкретной территории, определенной нации или национальности, не может быть отменено иначе, как по прямому указанию имперского закона. Кроме того, высказывалась обязательность буквального с прямым запрещением расширительного или узкого толкования норм права, содержащихся в статьях местных законов ([Свод законов, 1906](#)).

При коллизии между законом, изданным на национальном языке региона, и тем же, но официально изданным на русском языке, приоритет при реализации права отдавался всегда последнему варианту, т.к. издание на государственном языке означало его санкционирование имперской верховной властью. В том случае, если местные законы, сходные по содержанию, были изданы на русском языке, но в разное время, применялся последний по времени издания закон, что и сегодня является правилом при разрешении коллизий в общей теории права. При рассмотрении гражданских дел Правительствующий сенат настаивал на исключительном применении регионального права или предписывал «обращаться к истокам формирования местного права», действующего на отдельной национальной территории в момент наступления юридического факта (юридического состава).

Процесс систематизации местного законодательства должен был служить развитию системы регионального права, что достигалось путем согласования норм права регионов с общегосударственной системой законодательства. В XVIII – первой половине XIX вв. была предпринята попытка создания сводов местного законодательства, которая так и не претворилась в жизнь. Однако даже начало такой работы позволило оценить весь объем подобных узаконений, но, главное, выработать меры по согласованию правового регулирования на общеимперском и региональном уровнях. К сожалению, единственным примером этого является Свод местных законов Остзейских губерний, который действовал «в губерниях Лифляндской, Эстляндской и Курляндской и в городе Нарве» ([СМУТО, 1845](#)) и основывался на источниках права принятых до и после присоединения к Российской империи. Следует отметить, что если 1-я и 2-я части Свода, утвержденные Высочайшим указом 1 июня 1845 г., были опубликованы и на немецком, и на русском языках, то 3-я по Высочайшему указу 12 ноября 1864 г. – только на русском языке.

Нормы местного законодательства административно-территориальных автономий (Малороссия, Белоруссия, Северный Кавказ) были включены в текст Свода законов Российской империи. На отдельные национальные окраины (Бессарабия, Царство Польское) распространялось действие общеимперского уголовного и уголовно-процессуального права. При этом продолжали издаваться не только сборники региональных узаконений, но и комментарии к ним с использованием местной судебной практики.

Свод законов обладал большей юридической силой по отношению к региональному законодательству и актам его систематизации. В его нормах, касающихся основ местного управления и самоуправления, правового статуса различных категорий населения, особенностей правового регулирования частноправовых, уголовно-правовых, процессуальных отношений были определены правовые пределы действия местного правопорядка ([Кодан, Февралев, 2014а: 65](#)). По этим вопросам общеимперское право носило субсидиарный характер по отношению к региональному, что может свидетельствовать о наличии совместного ведения. При этом именно Свод законов являлся главным правовым средством унификации системы законодательства.

Судебные органы могли применять как общеимперское, так и региональное законодательство, хотя правоприменительный процесс различался в зависимости от конкретной автономии в составе Российской империи. Так, например, на территории Северного Кавказа, Белоруссии, Малороссии и

Бессарабии больше использовались нормы общеимперского законодательства, лишь с небольшим процентом применения местного законодательства по гражданским делам. Чаще всего это было связано с нежеланием судебных чинов изучать местные источники права, их непрофессионализмом, а также с наличием пробелов в региональном законодательстве или с его несоответствием нормам общероссийского права. Все это привело в 1830–1850-х гг. к полной замене местного законодательства общеимперским на территории Малороссии, Кавказского региона и Белоруссии, а в Бессарабии общеимперское право стало применяться при разрешении большинства дел в гражданском судопроизводстве.

В Остзейских губерниях, Великом княжестве Финляндском и Царстве Польском в силу особого правового статуса этих регионов, напротив, местное законодательство применялось судебными установлениями гораздо чаще, чем в иных национальных окраинах. В конце XIX – начале XX вв. вопрос о соотношении местного и общеимперского права обсуждался государствоведами, в том числе и на заседаниях Государственной Думы. Высказывалось мнение о необходимости в целях гармонизации заменить всю систему местного права на общеимперскую, но с обязательным учетом местных национальных особенностей.

Во второй половине XIX в. уголовное и уголовно-процессуальное право было практически полностью унифицировано, и на все автономии (регионы), кроме Финляндии, было распространено действие процессуальных норм Судебной реформы 1864 г. К 1917 г. региональное законодательство практически прекратило действовать в автономиях, что позволяет говорить об унификации системы правового регулирования в Российской империи. На тех территориях, где нормы местных законов еще продолжали действовать, их реализация была поставлена под контроль органов общеимперской государственной власти. В сфере частного права региональное законодательство продолжало применяться чаще по сравнению с общеимперским, однако во второй половине XIX в. началась активная подготовка к изданию проекта Гражданского уложения Российской империи. Его цель заключалась в кодификации и приведении в соответствие общеимперского и регионального гражданского законодательства.

Таким образом, до февраля 1917 г. существование национальных окраин в виде особого типа имперских автономий не было противопоставлением единому правовому пространству российского государства. Как отмечал Б. Э. Нольде, национальные окраины Российской империи можно было определить как особую систему самостоятельного самоуправления на основе местного национального права, которое «существует, пока государство его не отменило» (Нольде, 1911: 272-277). Модель взаимодействия исторического центра и присоединяемых территорий России на всем протяжении существования имперского типа ее государственности основывалась на представлении Российской империи как единого государства со сложным многонациональным и сложносоставным характером. Все национальные регионы, за исключением Великого княжества Финляндского, Бухары и Хорезма (последние были связаны с Российской империей международно-правовыми актами), были инкорпорированы в общеимперскую административно-правовую систему.

В начале XX в. имперский тип государственного устройства характеризовался, с одной стороны, сохранением национальных особенностей для отдельных территорий, обусловленных историческими, религиозными, конфессиональными и иными факторами, а с другой – слаженной системой управления национальными окраинами. Такой тип государственности базировался на особых органах государственной власти – высших комитетах, наместничествах и генерал-губернаторствах, а также на системе надзора за населением и на особой системе взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства. Таким образом, Российская империя представляла собой особый вид государственного устройства, определяющий характер существования «локальной цивилизации», под которой следует понимать объединенную одной историей, ментальными ценностями, образом жизни, стилем хозяйствования, культурой определенную общность, состоящую из различных наций и национальностей на конкретной территории (Грачев, 2015: 133). Правовой основой существования такого типа государственного устройства следует считать систему имперского позитивного законодательства совместно с местными узаконениями, порядок взаимодействия между которыми определялся Сводом законов 1906 г.

5. Заключение

Правовая политика Российской империи была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин центру в целях формирования единого правового пространства. Процесс гармонизации фактического совместного ведения между русским центром и присоединенными новыми территориями строился на основе формирования общероссийского правосознания при сохранении религиозных и иных особенностей и местных обычаев. Ставя перед собой цель создания единого правового пространства, верховная имперская власть изначально на всех территориях, за исключением национально-территориальных автономий, максимально сокращала действие местных нормативных правовых актов по территориальному принципу. Имперский тип государственного устройства характеризовался сохранением национальных особенностей отдельных

территорий, слаженной системой управления национальными окраинами, особой системой взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства.

Литература

- Берендтс, 1915** – Берендтс Э.Н. К вопросу о юридической силе старых шведских Основных законов в Финляндии // *Журнал Министерства юстиции*. 1915. №2 (февраль). С. 1-72.
- Верхоланцева, 2006** – Верхоланцева Т.Ю. Местное законодательство Российской империи: краткий обзор источников // Румянцевские чтения: Материалы междунар. конф. (Москва, 11–13 апр. 2006) / Сост. Л.Н. Тихонова [и др.]. М.: Пашков дом, 2006. С. 43-49.
- Гошуляк, 2016** – Гошуляк В.В. Доклады Венецианской комиссии по вопросам федерализма // *Lex Russia*. 2016. № 7 (116). С. 156-159. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.156-159
- Грачев, 2015** – Грачев Н.И. Империя как объект политико-правового анализа // *Российский журнал правовых исследований*. 2015. №1. С. 129-139.
- Гуляков, 2016** – Гуляков А.Д. Множественность моделей федерализма и использование компаративистского подхода в их исследовании // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2016. №1. С. 37-41.
- Гуляков, Саломатин, 2016** – Гуляков А.Д., Саломатин А.Ю. Конституционные акты федеративных государств: особенности сравнительного диахронного и синхронного анализа // *Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство»*. 2016. Т. 4. №3 (15). [Электронный ресурс]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (дата обращения: 24.02.2019).
- Закон о порядке издания, 1910** – Высочайше утвержденный 17 (30) июня 1910 года, одобренный Государственным советом и Государственной Думой Закон о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения / Сеймовый устав для Великого княжества Финляндского, высочайше утвержденный 20 июля 1906 года. С приложением и алфавитным указателем. СПб., 1913. С. 212-226.
- Ильин, 2015** – Ильин А.В. Юридическая техника реформаторского законопроекта в России XIX в.: основные подходы к исследованию // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 14. Право*. 2015. №2. С. 5-12.
- Исаев, 2002** – Исаев И.А. История государства и права России: Учебник для вузов. М.: Юристъ, 2002.
- Карнишина, 2013** – Карнишина Н.Г. Правовой статус Царства Польского в оценках русских дореволюционных государствоведов // *Юридические записки*. 2013. №2. С. 28-34.
- Кодан, Февралев, 2014** – Кодан С.В., Февралев С.А. Местное право национальных регионов в Российской империи (вторая половина XVII – начало XX вв.): Монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 288 с.
- Манифест т. VII, 1832** – Манифест о новом порядке управления и образования Царства Польского. 14 февраля 1832 г. // Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр.: В 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 7. 1832. №5165. С. 83-90.
- Манифест т. VIII, 1833** – Манифест «Об издании свода законов Российской империи». 31 января 1833 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. С-Пб.: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. Канцелярии, 1830–1885. Т. 8: 1833. Отд-ние 1. № 947. С. 68-69.
- Медушевский, 2010** – Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков / Сост. А.Н. Медушевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 638 с.
- Михайлов, 1860** – Михайлов М.М. Лекции местных гражданских законов М.М. Михайлова [читанные в Санкт-Петербургском университете, 1859–1860] С-Пб.: Тип. С. Бекенева, 1860. Вып. 1. 67 с.
- Нольде, 1911** – Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб.: Тип. «Правда», 1911. 564 с.
- ПСЗРИ т. VIII, 1833** – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Санкт-Петербург: в Тип. 2 Отд-ния Собств. е.и.в. Канцелярии, 1830–1885. Т. 8: 1833. Отд-ние 1. От №5877–6684. 1834. 832 с.
- Свод законов** – Свод законов Российской империи: Свод законов гражданских: с примечаниями и ссылками на позднейшие узаконения и оглавлением. Т. 10: Ч. 1. С.-Пб.: Рус. кн. товарищество «Деятель», БГ. 441 с.
- Свод основных законов, 1906** – Свод основных государственных законов Российской империи / Полное собрание законов Российской империи. Полный текст всех 16 томов, согласованный с последними продолжениями, постановлениями, изданными в порядке ст. 87 Зак. Осн., и позднейшими узаконениями. В пяти книгах. Книга первая. Т. I–III. (Изд. неоффич., под ред. и с прим. И.Д. Мордугсай-Болтовского. СПб., 1912. [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/37.html> (дата обращения: 24.02.2019).
- СМУГО, 1845** – Свод местных узаконений губерний Остзейских. 1845–1864. Ч. 1: Учреждения. СПб.: [б. и.], 1845 (В типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/ostzei.html> (дата обращения: 12.02.2019).
- Февралев, 2011** – Февралев С.А. Местное законодательство в государственно-правовом развитии России (вторая половина XVII – начало XX вв.) // *Право и политика*. 2011. №7. С. 1171-1181.
- Nemytina et al., 2017** – Nemytina M.V., Efremova N.N., Mikheeva T.Ts. Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 46, Is. 4. pp. 1416-1432.

Wirtschaftung Statistik, 1933 – *Wirtschaftung Statistik*. № 13. Berlin, 1933. P. 517; Berlin, 1943, № 3. S. 113; *Rocznik Statystyki Rzeszypospolitey Polskiej*, 1927, Rok V. Warszawa, 1927, pp. 538–541, 574–576. [Electronic resource]. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/> (date of access: 08.02.2019).

References

Berendts, 1915 – *Berendts E.N.* (1915). K voprosu o yuridicheskoi sile starykh shvedskikh osnovnykh zakonov v Finlyandii [To the issue of validity of old Swedish basic laws in Finland]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. No 2, (fevral'), pp. 1–72. [in Russian]

Fevralev, 2011 – *Fevralev S.A.* (2011). Mestnoe zakonodatel'stvo v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX vv.) [The local legislation in state and legal development of Russia (the second half of XVII – the beginning of the 20th centuries)]. *Pravo i politika*, No 7, pp. 1171–1181.

Goshulyak, 2016 – *Goshulyak V.V.* (2016). Doklady Venetsianskoi komissii po voprosam federalizma [Reports of the Venetian commission on questions of federalism]. *Lex Russia*, No 7 (116), pp. 156–159. DOI: 10.17803/1729-5920.2016.116.7.156-159 [in Russian]

Grachev, 2015 – *Grachev N.I.* (2015). Imperiya kak ob"ekt politiko-pravovogo analiza [Empire as subject of the political and legal analysis]. *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy*, No 1, pp. 129–139. [in Russian]

Gulyakov, 2016 – *Gulyakov A.D.* (2016). Mnozhestvennost' modelei federalizma i ispol'zovanie komparativistskogo podkhoda v ikh issledovanii [Plurality of models of federalism and use of komparativistsky approach in their research]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, No 1. pp. 37–41. [in Russian]

Gulyakov, Salomatin, 2016 – *Gulyakov A.D., Salomatin A.Yu.* (2016). Konstitutsionnye akty federativnykh gosudarstv: osobennosti sravnitel'nogo diakhronnogo i sinkhronnogo analiz [Constitutional acts of federal states: features comparative diakhronny and synchronous analysis]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»*, Vol. 4, No 3 (15). [Electronic resource]. URL: <http://esj.pnzgu.ru> (data obrashcheniya: 24.02.2019) [in Russian]

Il'in, 2015 – *Il'in A.V.* (2015). Yuridicheskaya tekhnika reformatorskogo zakonoproekta v Rossii XIX v.: osnovnye podkhody k issledovaniyu [Legal technology of the reformatory bill in Russia 19th century: main approaches to a research]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 14, Pravo*. No 2. pp. 5–12. [in Russian]

Isaev, 2002 – *Isaev I.A.* (2002). Istoriya gosudarstva i prava Rossii: Uchebnik dlya vuzov [History of state and law of Russia]. M.: Yurist", 800 p. [in Russian]

Karnishina, 2013 – *Karnishina N.G.* (2013). Pravovoi status Tsarstva Pol'skogo v otsenkakh russkikh dorevolutsionnykh gosudarstvovedov [Legal status of the Kingdom Polish in estimates of the Russian pre-revolutionary gosudarstvoved]. *Yuridicheskie zapiski*, No 2, pp. 28–34 [in Russian]

Kodan, Fevralev, 2014 – *Kodan S.V., Fevralev S.A.* (2014). Mestnoe pravo natsional'nykh regionov v Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XVII – nachalo XX v.) [The local right of national regions in the Russian Empire (the second half of XVII – the beginning of the 20th century)]: monografiya. M.: Yurlitinform, 288 p. [in Russian]

Manifest t. VII, 1832 – Manifest o novom poryadke upravleniya i obrazovaniya Tsarstva Pol'skogo. 14 fevralya 1832 g. [Manifesto on a new order of management and formation of the Kingdom Polish. February 14, 1832] Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2-e sobr.: V 55 t. SPb., 1830–1885. Vol. 7, No 5165, pp. 83–90. [in Russian]

Manifest t. VIII, 1833 – Manifest «Ob izdanii Svoda zakonov Rossiiskoi imperii». 31 yanvarya 1833 g. [Manifesto "About the Publication of the Code of Laws of the Russian Empire". January 31, 1833]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2. S-Pb.: v Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830–1885. Vol. 8: 1833. Otd-nie 1, No 5947, pp. 68–69. [in Russian]

Medushevskii, 2010 – *Medushevskii A.N.* (red.) (2010). Konstitutsionnye proekty v Rossii XVIII – nachala XX veka [The constitutional projects in Russia XVIII – the beginnings of the 20th century]. M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 638 p. [in Russian]

Mikhailov, 1860 – *Mikhailov M.M.* (1860). Lektsii mestnykh grazhdanskikh zakonov M.M. Mikhailova [chitanye v Sankt-Peterburgskom universitete], 1859–1860. [[Lectures of local civil laws of M.M. Mikhaylov [chitanye at the St. Petersburg university] 1859–1860] SP-b.: Tip. S. Bekeneva, Vyp. 1, 67 p. [in Russian]

Nemytina et al., 2017 – *Nemytina M.V., N.N. Efremova, Mikheeva T.Ts.* (2017). Evolution of Judicial System of the Russian Empire: from Estate Court to All-Estates Court. *Bylye Gody*, Vol. 46, Is. 4. pp. 1416–1432.

Nol'de, 1911 – *Nol'de B.E.* (1911). Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava [Sketches of the Russian state law]. SPb.: Tip. «Pravda», 564 p. [in Russian]

PSZRI t. VIII, 1833 – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobranie 2. Sankt-Peterburg : v Tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. Kantselyarii, 1830–1885. Vol. 8: 1833. Otd-nie 1. Ot № 5877–6684. 1834. 832 p. [in Russian]

SMUGO, 1845 – Svod mestnykh uzakoneniy gubernii Ostzeiskikh. 1845–1864. Ch. 1: Uchrezhdeniya. SPb.: [b. i.], 1845 [Arch of local legalizations of the Provinces of Ostzeyskikh. 1845–1864] (V tipografii Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva). [Electronic resource]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/ostzei.html> (data obrashcheniya: 12.02.2019) [in Russian]

Svod osnovnykh zakonov, 1906 – Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov Rossiiskoi Imperii Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire: Code of laws of civil: With notes and references on a pozdneyshiya of legalization and the table of contents]. Polnyi tekst vsekh 16 tomov soglasovannyi s poslednimi prodolzheniyami, postanovleniyami, izdannymi v poryadke st. 87 Zak. Osn., i pozdneishimi uzakoneniymi. V pyati knigakh. Kniga pervaya. Vol. I-III. (Izd. neoffits., pod red. i s prim. I.D. Mordugsai-Boltovskogo. SPb., 1912. [Electronic resource]. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/169/37.html> (data obrashcheniya: 24.02.2019). [in Russian]

Svod zakonov – Svod zakonov Rossiiskoi Imperii: Svod zakonov grazhdanskikh: s primechaniyami i ssylkami na pozdneishiya uzakoneniya i oglavleniem [Code of laws of the Russian Empire: Code of laws of civil: With notes and references on a pozdneyshiya of legalization and the table of contents] Vol. 10: Ch. 1. S.-Pb.: Rus. Kn. Tovarishchestvo «Deyatel'», b.g. 441 p. [in Russian]

Verkholantseva, 2006 – *Verkholantseva T.Yu.* (2006). Mestnoe zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii: kratkii obzor istochnikov [Local legislation of the Russian Empire: short review of sources]. *Rumyantsevskie chteniya: materialy mezhdunar. konf.* (Moskva, 11-13 apr. 2006). Sost. L.N. Tikhonova [i dr.]. M.: Pashkov dom, pp. 43-49. [in Russian]

Wirtschaftung Statistik, 1933 – *Wirtschaftung Statistik* (1933). No 13, P. 517. [Electronic resource]. URL: <http://www.mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/> (date of access: 08.02.2019).

Zakon o poryadke izdaniya, 1910 – Vysochaishe utverzhdenyi 17 (30) iyunya 1910 goda odobrennyi Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoi Dumoi Zakon o poryadke izdaniya kasayushchikhsya Finlyandii zakonov i postanovlenii obshchegosudarstvennogo znacheniya [Most highly approved 17 on June (30), 1910 the Law on an order of the publication of the laws concerning Finland and resolutions of nationwide value approved by the State Council and the State Duma]. *Seimovyi ustav dlya Velikogo Knyazhestva Finlyandskogo vysochaishe utverzhdenyi 20 iyulya 1906 goda. S prilozheniem i alfavitnym ukazatelem.* SP-b, pp. 212-226. [in Russian]

Правовое пространство Российской империи: опыт взаимодействия центра и регионов (XVIII – начало XX вв.)

Анна Владиславовна Попова ^{a,*}, Светлана Сергеевна Горохова ^a, Марианна Григорьевна Абрамова ^b

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

^b Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. На основе сравнительно-правового анализа основных российских правовых источников авторы статьи утверждают, что правовая политика Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (до февраля 1917 г.) была направлена к постепенному переходу от унии на равном праве к автономии в составе единой России на принципах законодательно определенного подчинения национальных окраин имперскому центру в целях формирования единого правового пространства. Имперский тип государственного устройства России в начале XX в. характеризовался, с одной стороны, сохранением национальных особенностей отдельных территорий, входящих в состав Российского государства, обусловленных историческими, религиозными, конфессиональными и иными факторами, а с другой – слаженной системой управления национальными окраинами, основу для которой составляли особые органы государственной власти – высшие комитеты, наместничества и генерал-губернаторства, а также система надзора за населением, учитывающая конкретные особенности каждой территории. Особое внимание для объединения страны в правовом плане с учетом сохранения национальных традиций и ментальных особенностей уделялось созданию системы взаимодействия общеимперского и местного (регионального) законодательства.

Ключевые слова: государственная правовая политика, система законодательства, местное законодательство, национальные окраины, правовое пространство, унификация, местные обычаи, свод местных узаконений, общеимперское законодательство.

* Корреспондирующий автор

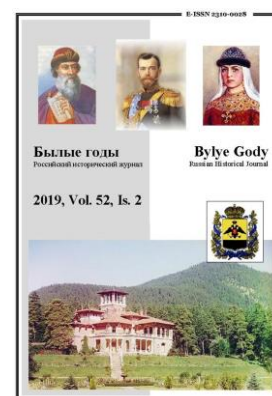
Адреса электронной почты: anna0710@yandex.ru (А.В. Попова), swettalana@yandex.ru (С.С. Горохова), abramova-m@mail.ru (М.Г. Абрамова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 605-614. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.605
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Don Cossack at the Turn of Eras: St. Petersburg Diary of I.I. Krasnov (1819)

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, c, *}

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c American Historical Association, Washington, USA

Abstract

I.I. Krasnov was a famous Don public figure, a hero of the Crimean War, one of the first Cossack poets. Besides this, he was author of a detailed diary for 1817–1821, a unique source about the life and moods of the educated minority of the Don Cossacks in the era of Alexander I. The fact of the essence of this diary is known to historians, but its detailed analysis has not yet been conducted, and this article attempts to fill this historiographical gap.

The author shows that I.I. Krasnov was not like the image of the Don Cossack of previous years, characteristic of conservative historiography of the second half of the XIX century. The figure of the emperor had no sacred significance for him; religiosity of I.I. Krasnov was strong and sincere, but fairly free; art worried him no less, and perhaps more military service; finally, his relationship with girls appears far from chastity. The diary predictably contains sympathies for liberal ideas, and it explains why in the following decades the Imperial authorities tried to restore «patriarchalism» on Don, with caution regarding the development of education.

Keywords: I.I. Krasnov, the Don Cossacks, the traditions of the Cossacks, the life of the Cossacks, the Don intelligentsia.

1. Введение

Имя Ивана Ивановича Краснова известно любому человеку, увлекающемуся историей донского казачества, не говоря уже о профессиональных историках. Герой обороны Таганрога в Крымскую войну, лидер донских либералов-прогрессистов в 1860 гг., один из первых донских поэтов – уже младшие современники включали его в число наиболее выдающихся донцов XIX в. (Донцы, 2003: 237-239). Однако со времени победы на Дону советской власти фигура деда одиозного атамана П.Н. Краснова оказалась полузабыта, и если его и упоминали, то, как правило, с негативными комментариями, называя, например, «хищником», для которого «интересы своей мощны стояли выше всего» (Королев, 1991: 233). Только в годы перестройки известный донской историк В.Н. Королев посвятил роду Красновых главу в своей книге «Старые Вешки», не свободную от определенных неточностей, однако, без преувеличения, этапную в донской историографии (Королев, 1991: 190-255).

В.Н. Королев несколько раз упомянул дневник И.И. Краснова, относящийся к рубежу 1810–1820 гг. (Королев, 1991: 221). В это время еще совсем молодой офицер начинал свою службу в лейб-гвардии казачьем полку и, по-видимому, тщательно фиксировал впечатления от непривычной ему среды сначала Москвы, а затем и Санкт-Петербурга. С учетом сравнительной малочисленности первоисточников, описывающих донской быт этой эпохи, и тенденции к идеализации прошлого, характерной для позднейших поколений казаков, дневник И.И. Краснова должен был представлять

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

интерес как для раскрытия его собственной личности, сыгравшей заметную роль в истории Дона, так и для составления психологического портрета молодого казака конца правления Александра I. Однако В.Н. Королев не указал, где ему удалось найти такой интересный документ, а попытки его поиска в местных архивах не увенчались успехом. Только благодаря А.В. Захаревичу, коллеге покойного В.Н. Королева, нам удалось узнать, что последний обнаружил материал по Красновым в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. И действительно, в этом архивохранилище оказалось достаточно много документов, связанных с семейством Красновых, однако большая их часть была изъята на спецхранение (очевидно, в связи с пособничеством П.Н. Краснова немцам в годы Великой Отечественной войны). Тем не менее, искомый дневник оказался в свободном доступе, и благодаря ему мы смогли взглянуть на Петербург эпохи Александра I, А.С. Пушкина, декабристов глазами донского казака.

Так о чем же писал в своем дневнике И.И. Краснов? Какое впечатление произвела столица Российской империи на совсем молодого офицера лейб-гвардии казачьего полка? И каким человеком был он сам, пришелец с Дона на берега Невы, младший современник героев войны 1812 г.? На эти вопросы мы и постараемся ответить в своей статье.

2. Материалы и методы

Основным источником для нашего исследования будет, разумеется, дневник И.И. Краснова. Однако до наших дней дошли только отдельные тетрадки из него, охватывающие обычно всего несколько дней. Поскольку самые ранние из этих тетрадок относятся к 1817 г. (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 1), а наиболее поздние к 1821 г. (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 15), причем за это время молодой казак успел побывать в обеих столицах, начать службу в гвардейском полку, и вообще на эти годы в значительной степени приходилось его становление как личности, не удивительно, что дневник производит крайне фрагментарный характер. Поэтому мы решили взять последний год, 1819, от которого дошло несколько тетрадок, когда И.И. Краснов по современным меркам либо уже был совершеннолетним, либо приближался к совершеннолетию, и выделить наиболее значимые сюжеты из тех, к которым он достаточно регулярно обращался на страницах своего дневника. Мы сочли интересным обратиться для сравнения к некоторым текстам младших представителей семьи Красновых, Н.И. Краснова и П.Н. Краснова, в которых рисуется образ казака прошлых лет и этот образ очень далек от их предка. В ходе этого сравнения мы будем, разумеется, использовать историко-сравнительный метод. Кроме того, нами будет использован метод историко-описательный, поскольку большую часть информации из дневника И.И. Краснова мы вводим в научный оборот впервые.

3. Обсуждение

Прежде всего, нужно отметить, что И.И. Краснов никак не мог считаться обычным казаком своей эпохи. Он родился в 1800 или 1802 гг., на стыке двух времен, и его сын, Н.И. Краснов, приводил следующую цитату из «записок одного современника» этих лет, возможно, своего отца: «До Платова – господствовало на Дону старинное житье-бытье, со всеми строгими требованиями патриархальности: точное посещение всех церковных служб от начала их и до конца; неукоснительное соблюдение постов; непременно поздравление служебных, уважаемых и родственных лиц с праздниками и именинами; молчаливое или разгульное препровождение времени в кругу семейств и близких родных. При Платове – стали являться некоторые нововведения в общественной жизни донцов: конские скачки и волтижирование; большие охоты на волков, зайцев и лисиц; народные праздники с призами на матчах и тому подобное. Иловайский – стал вводить разумное подражание жизни губернских городов, вечерние собрания, танцы, театральные зрелища...; при Иловайском также было поощрение всякому образованному донцу: в штабе его была лучшая наша молодежь – Сухоруков, Селиванов, Кушнарев, Кучеров, Колесников и другие университетские питомцы» (Краснов, 1875: 718). И действительно, А.В. Захаревич, работавший с формулярными списками донских офицеров 1800 гг., отмечает, что в них обычно содержатся пометы «неграмотен» или, в лучшем случае, «российской грамоте читать и писать знает, а остальных наук не умеет» (Захаревич, 2005: 67). Однако даже в среде донцов старшего поколения появлялись первые люди, скорее интуитивно, чем осознанно принимающие идеи эпохи Просвещения и желающие расширить свой кругозор, несмотря на зрелый возраст и высокие чины.

Одним из них был глава многочисленного клана Красновых, дед И.И. Краснова, генерал-майор Иван Козьмич Краснов. Хотя он не получил никакого образования и выучился грамоте на службе, уже в зрелом возрасте И.К. Краснов полюбил читать и даже составил одну из первых частных библиотек на Дону (Воспоминания..., 1873: 365-368, 372-373). Внук так описывал досуг своего деда: «Более всего он проводил время в чтении. Когда уставал читать сам, то заставлял читать кого-нибудь из нас. Припоминаю, что он с особенным вниманием слушал, когда читали ему две книги: «Конституция Англии» и «Вольтерианцы, или история о якобинцах»; видно, его занимало желание ближе ознакомиться с движением умов в Европе и с управлением одной из сильнейших держав ее» (Воспоминания..., 1873: 374). Разумеется, такой человек не мог не озаботиться о том, чтобы его родственники получали хорошее образование, и, не доверяя Новочеркасской гимназии, он даже

организовал домашний пансион, единственным свидетельством существования которого, к сожалению, остались слова все того же И.И. Краснова: «Сначала был у нас учителем один молодой казак Букановской станицы, Авиллов; а после приехал один из старших братьев наших из Одессы, кончивший курс воспитания в Ришельевском лицее. Не могу не сказать несколько слов об этом молодом человеке, который, при отличном образовании, говорил свободно на трех иностранных языках – явление на Дону в тогдашнее время единственное» (*Воспоминания...*, 1873: 365-366). Продолжил свое обучение И.И. Краснов в пансионе при Харьковском университете, однако об этом периоде его жизни известно еще меньше, только то, что молодой казак «хорошо изучил иностранные языки, историю философии и русскую литературу» (*Донцы*, 2003: 237).

И все же, хотя И.И. Краснов не был обычным, среднестатистическим казаком своего времени, рассматривать его фигуру как нечто исключительное в истории Дона было бы неправильно. Именно в 1810–1820 гг. в среде донского казачества начал складываться круг хорошо образованных людей, часто получавших образование за пределами войска. Самым известным представителем этого круга, бесспорно, был историк В.Д. Сухоруков, корреспондент А.С. Пушкина, участник движения декабристов и автор признанного шедевра донской историографии – «Исторического описания Земли Войска Донского» (*Коршиков, Королев*, 2001: 7-18). Однако к нему относился и А.П. Чеботарев, друг И.И. Краснова, которого «Русский биографический словарь» характеризовал следующей сентенцией: «В своем доме Чеботарев группировал многих выдающихся людей своего времени, каковы его приятели, казацкие генералы: Краснов и Бакланов, а также литераторы: Греч и Кукольник и композитор Глинка. Чеботарев был знаком с Пушкиным и Жуковским» (*Русский биографический словарь*, 1905: 73). Несколько младше был родившийся вскоре после завершения Отечественной войны 1812 г. А.А. Леонов, на стихотворения которого довольно доброжелательную рецензию написал сам В.Г. Белинский (*Белинский*, 1953).

Таким образом, И.И. Краснов был одним из первых европейски образованных казаков, любителем философии и литературы, выросшим, однако, в местах, где даже офицеры и чиновники были неграмотны. Он был плотью от плоти этих мест, и в его дневнике есть почти смешные в своей наивности проявления любви к далекому Дону. Вот что, например, писал он о Волковом поле в Санкт-Петербурге: «Я остановился и посмотрел на Лазареву рощу, которую я люблю душевно, и на Волково поле, которое своей обширностью напоминает мне милую родину, – и поехал по Волкову полю. Рощи, которые на конце его виднеются, придают ему вид, похожий на наши поля, и если бы еще кое-где проглядывал наш Хопер и возвышались наши горы!» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.*). Но многие другие замечания выдаются в нем человека, уже далекого от патриархальности, человека даже не эпохи Просвещения, но бурного и революционного XIX в. Теперь, после этого необходимого предисловия, мы можем остановиться на некоторых сюжетах из его дневника подробнее.

Казак и император.

Миф о природной преданности казаков российским императорам активно культивировался в дореволюционной монархической историографии, и заметный вклад в него внес уже упомянутый нами внук И.И. Краснова, П.Н. Краснов. В изданной в 1909 г. по указанию властей книге «Картины былого Тихого Дона» он писал о донцах прошлых лет: «Их сила была в горячей любви к Тихому Дону, в твердом исполнении заветов предков, в служении Царю по обычаю отцов и дедов» (*Краснов*, 1909: 520). Однако дневник его собственного деда не содержит даже следов подобного несколько нарочитого монархизма.

Александр I несколько раз появляется на страницах этого дневника в качестве эпизодической фигуры, к которой И.И. Краснов относится без особенного уважения. Например, достаточно развернутый эпизод связан с парадом 6 января 1819 г., после которого император выразил войскам свое неудовольствие. «Царь был сердит чрезвычайно и всем недоволен. После сего отдал он строгий выговор всем почти полкам, а в особенности обер-офицерам. Но это никак не от того, чтобы вся гвардия испортилась в треть года; может быть, посторонние сердечные неудовольствия тому причиной, а может быть, он узнал о смерти или по крайней мере о опасной болезни любимой сестры своей» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 3*). Как мы видим, к царскому гневу И.И. Краснов относился со здоровым скепсисом, а сам Александр I предстал в его дневнике, скорее, капризным начальником, чем сколько-либо сакральной фигурой. Вообще И.И. Краснов словно десакрализирует всю царскую семью, описывая ее подчеркнуто просто, так же, как и семьи своих знакомых: например, императрица и великая княгиня во время парада в его глазах «чрезвычайно милы», и молодой казак уделяет их описанию больше места, чем описанию самого монарха, даже специально отмечая, во что они были одеты, но эти описания ничем не отличаются от описаний других женщин и девушек (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2 об.*).

По долгу службы И.И. Краснов стоял и в карауле в Зимнем Дворце. С почти детской непосредственностью он пишет, что «в первый раз ставили в августе месяце, я почти целый день продремал тогда» (*ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 3 об.-4*). Охрана высочайшей особы не вызывала у донского офицера никаких чувств, кроме скуки. Свой второй караул он решил описать подробно, и это описание столь образно и показательно, что мы приведем его целиком. «После обеда стала у

меня давить портупея, а к вечеру сапоги. Портупею я отпустил, а сапоги давили всю ночь. До третьего часа читал я книгу «Милый гость» Лафонтенову, но боялся, как бы зараз не прочесть. От 4 до 12 часов кончил я уже три части, осталась одна, и я ее читал пополам с проходкой и с казачьими рассказами. В 4 часу я немножечко вздремнул, оттого, что 4 часов царствовала во дворце глубокая тишина. Ничто не шевелилось, и часовой казак, упустивши саблю, наделал шуму на весь дворец, гул отозвался во всех коридорах его. В 4 часу начали топить печки, начали шататься люди. Сон у меня прошел, и сапог стал не так давить ногу. В шестом мы все отправились в депо и обчистились как должно. В 8 пришел ко мне полковой адъютант. Я ему рад был как бы родному брату, пришедшему с дальней стороны навестить меня. Весь десятый час прошел в каком-то радостном ожидании; ах, как мы рады были, когда увидели смену, и с каким восхищением вышли вон в последний раз» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 4).

П.Н. Краснов утверждал, что посещение членами царской семьи Земли Войска Донского всегда было «великим праздником для Дона» (Краснов, 1909: 450). Однако для образованного меньшинства донской элиты начала XIX в. подобное отношение к царской власти, судя по дневнику его деда, было совершенно не характерно. С учетом этого становятся ясны и близость В.Д. Сухорукова к декабристам, и неоднократно отмечавшаяся историками терпимость донских властей к самому опальному В.Д. Сухорукову (Королев, 1991: 226-227). В дневнике И.И. Краснова нет и следов симпатий к революционным настроениям или республиканским взглядам. Тем не менее личность императора не вызывает у молодого казака, по сути, никаких чувств, и даже почетная, но скучная охрана императорской особы превращается для эмоционального юноши в настоящее мучение.

Казак и религия.

Однако было бы неверно считать И.И. Краснова легкомысленным молодым человеком, интересующимся только светской жизнью и искусством. Дореволюционные авторы консервативного направления, кроме любви к царю, выделяли и другую особенность казачьей психологии – искреннюю религиозность, и, например, М.Х. Сенюткин вкладывал в уста обобщенных донских казаков следующую фразу: «Мы холопы твои, готовы сложить головы за православную веру и за тебя, Государь!» (Сенюткин, 1866: 160). И действительно, Религия (часто с большой буквы) занимает в дневнике И.И. Краснова существенное место, а своеобразным идеалом в этом отношении для него служит отец одного из товарищей, Осип Иванович. Любопытно, что у молодого офицера, пришедшего в гости к сослуживцу, не только не вызывает протестов желание малознакомого «старика» поговорить о Библии, но и напротив, И.И. Краснов замечает: «Счастлив бы я был, если бы почаще можно было слышать такие рассуждения. Мне кажется, что вся душа его исполнена Богом, что все поступки располагает он не по суетному разуму человеческого, но по своей вере» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4).

Но религиозность образованного казака была далека от патриархальной. В его дневнике встречаются далеко неоднозначные моменты: то он уходит из церкви во время чтения ектеньи, опасаясь «большого греха» из-за «противного чтения» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 1), то рассуждает с товарищами о самоубийстве, ругая самоубийц не за нарушение заповедей, но за «слабость» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3 об.). Особый интерес у И.И. Краснова вызывают трактовки библейских притч, порой далекие от общепринятых (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4). Любопытно, что в большинстве мест Бог и Религия упоминаются без всякой связи со священниками и только иногда связываются с элементами церковного обихода, вроде упомянутой выше ектеньи или певчих (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2 об.).

Но, пожалуй, интереснее всего в дневнике И.И. Краснова связь Бога и императора, связь сложная и неоднозначная. Описывая упомянутый выше парад 6 января 1819 г., молодой офицер замечает следующее: «Из всех парадов наших я почитаю один только сегодняшней. Он освящен религией самой. Православный царь с христоробивым воинством выходит для отдания чести святыне на Иордане. Он командует здесь парадом, как генерал; так и должно быть: он генерал Всевышнего» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 1 об.). Таким образом, все другие парады не вызывали у И.И. Краснова особого восторга как относящиеся исключительно к светской власти и не имеющие сакрального смысла. «Православным царем» император становился только тогда, когда его действия были напрямую связаны с религиозной традицией.

Впрочем, и в этом случае Александр I представал скорее в роли исполнителя символической функции, а не символической фигуры. Символы И.И. Краснов искал, возможно, в другом месте: в его дневнике с подчеркнута обыденным описанием царской семьи, гнева Александра I на гвардейские полки и одежды великой княгини соседствует восторженное описание прекрасного петербургского зимнего дня. «Было тепло, солнце светило, и притом снег прошлой ночи выпал изрядный; не было ни грязи, ни луж. <...>. Вид был очень хороший, все было велико и торжественно. Певчие пели, музыки играли, били в барабаны, трубили и все на свете. Природы сами благоприятствовали этому. Такого прекрасного дня давно у нас не было. <...>. Ни один парад так мне не понравился, как этот Крещенский. Я был так весел, так доволен, как в театре при представлении Синдриллионы» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2-3). Считал ли казак, что хорошая погода была послана свыше? Возможно, да; во всяком случае, в другом месте он без комментариев приводил мнение упомянутого выше Осипа

Ивановича о том, что «мы действуем по предопределению, которое слушает одни молитвы и покаяния» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 4 об.). В любом случае, образ царя как «генерала Всевышнего» так и не получил в дневнике И.И. Краснова развития, и подъем духа молодого казака после крещенского парада оказывался связан с «природами», с совершающими службу священниками, даже с «чрезвычайно милыми» женщинами из царской семьи, но не с Александром I. Возможно, И.И. Краснова огорчило поведение императора, явно не впечатлившегося торжественностью момента и объявившего упомянутый выше незаслуженный выговор гвардии. Записывающий свои ощущения и не рефлексирующий над ними молодой человек так и не сформулировал до конца связанные с этим мысли, но, на наш взгляд, важная для него символическая фигура «православного царя» не слилась с реальным Александром I, и в итоге свои религиозные рассуждения И.И. Краснов связал с зимней природой Санкт-Петербурга.

Гораздо яснее донской казак формулировал свои чувства от религиозной живописи. Но и здесь его привлекали не иконы, а картины западных художников в Эрмитаже. Особенно нравилась ему трактовка образа Христа П. Рубенсом: «Лицо Иисуса божественно, и во взоре, обращенном на книжников, премудрость и строгость, а лица спутников самые смиренные. В том – необузданная гордость, в другом – досада, что посрамили его, третий разинул рот, и все это в сравнении с Божественным учителем смешно и стыдно» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6).

Нам остается констатировать, что для молодого И.И. Краснова была характерна искренняя и горячая религиозность, и даже те элементы оставляющей его в целом равнодушной монархии, которые были связаны с христианством, трогали глубинные струны в душе казака. Но эта религиозность не имела ничего общего с той патриархальной религиозностью, которую позднее приписывали казачеству консервативные авторы. И.И. Краснов видел образ Христа в картинах П. Рубенса, считал императора «генералом Всевышнего» только на парадах в честь церковных праздников и вел, как мы увидим ниже, достаточно свободный образ жизни.

Казак и искусство.

Обращение к картинам П. Рубенса для И.И. Краснова было далеко не случайным. Он неоднократно посещал Эрмитаж и описывал его в следующих взволнованных строках: «Ах, Бог ты мой! Сколько можно получить удовольствия в два часа. Но два часа пролетели так быстро, что показались прелестнейшим мгновением. Я растерял все глаза, и чрез глаза эти столько влилось сладостных мыслей в душу мою» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5).

Безусловно, с точки зрения современного искусствоведения отношение донского офицера к изобразительному искусству было несколько наивным. Он детально описывал изображенное на картинах, интересуясь в большей степени их сюжетом, и порой высказывал откровенно анекдотические умозаключения. Так, хотя его ничуть не возмущали языческие темы, свое описание, например, одного из живописных воплощений Парисова суда¹ он завершал следующей сентенцией: «Я бы отдал яблоко Минерве, потому что в ней одной стыдливость, приличная женскому полу. Юнона по крайней мере закрылась, а Венера хуже Купидона открыта» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6 об.). Подобное личное отношение к героям картин, выбор из их числа симпатичных и несимпатичных вообще крайне характерно для дневника И.И. Краснова. При этом им часто откровенно двигали симпатии и антипатии: например, описывая портрет «двух миленьких барышень Геразовых», он признавал, что их лица «восхитительны», однако далее с неодобрением писал о слишком «новой и чистой», явно дорогой одежде (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6 об.).

Тем не менее отношение И.И. Краснова к живописи не было отношением дилетанта, ищущего в картинах только знакомые сюжеты и прелестных девушек. Пришелец с Дона искренне пытался понять, в чем же именно заключались достоинства тех или иных сокровищ Эрмитажа. С учетом описанного выше внимания к сюжетам понятно, что легче всего ему это удавалось, если замысел художника предполагал психологические элементы. Кроме примера с четким противопоставлением «премудрого и строгого» Христа «смешным и жалким» книжникам на картине П. Рубенса, заслуживает внимания анализ Н.И. Красновым «вернетовых ландшафтов» (очевидно, картин К.Ж. Верне). Описывая картину бури, казак особое внимание уделил лицам, застигнутым ей, отмечая, что художник передал не только скорбь и отчаяние людей, но и их надежду на спасение (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5 об.). Зачастую И.И. Краснов восхищался психологическим мастерством авторов тех картин, неприязни к героям которых он не мог преодолеть. Так, он считал образцовым изображением П. Рубенсом бешенства и пьянства, «которые даже производили омерзение» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6). Приведем описание еще одной картины П. Рубенса, произведшей на И.И. Краснова огромное впечатление. «Рубенсово бешенство превосходно. Свирепый злодей с запекшимися губами, с красными, огромными глазами, с видом, от которого мороз по коже подпирает, заносит меч на спящего невинного младенца. Какая противоположность!» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 6).

¹ Выбор древнегреческим героем Парисом прекраснейшей из трех богинь (Афины, Геры, Афродиты, или в латинской традиции – Минервы, Юноны, Венеры), повлекший из-за ревности поражение в Троянской войне.

В том случае, если достоинства картины не имели ничего общего с психологией, И.И. Краснову было куда тяжелее. Он пытался отмечать «чистоту работы» и «чрезвычайную красоту» некоторых изображений, однако ему явно не хватало слов, чтобы в полной мере передать свои ощущения (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5-5 об.). В этом отношении показательно как раз отношение казака к «Геразовым барышням»: он особенно выделил эту картину из числа увиденных им, однако так и не смог написать о ней ничего, кроме пары мыслей о запечатленных на ней героинях.

Заслуживает внимания также то, что из всех художников И.И. Краснов особенно выделял П. Рубенса и Ж.К. Верне. Первый, судя по приведенным выше цитатам, нравится молодому донцу своим психологизмом, а второй – атмосферностью и эмоциональностью пейзажей. Рафаэль, картины которого хотел посмотреть спутник И.И. Краснова во время одного из походов в Эрмитаж, вызывал у донского офицера куда меньше эмоций. В дневнике описана только одна из его картин, «какой-то мученицы с бледным и смиренным лицом», и из-за того, что зал с большинством картин Рафаэля оказался закрыт, И.И. Краснов, по-видимому, не расстроился (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 5 об.-6).

Любопытно, что любовь И.И. Краснова к живописи проявлялась не только в посещении Эрмитажа. Он раздумывал над тем, чтобы купить картины себе домой, хотя и жил на съемной квартире. Однако здесь ему мешала разборчивость: доступные по цене работы казались ему малопривлекательными, а та, что понравилась, стоила 3 000 руб. На ней был изображен «Наполеон с генералами своими» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 7 об.). Подобный выбор особенно интересен в связи с тем, что любимый дед И.И. Краснова, упомянутый выше И.К. Краснов, был убит в Отечественную войну 1812 г. (Королев, 1991: 226-227). Нужно заметить, что далеко не все земляки молодого офицера проявляли подобную терпимость к иностранным влияниям в искусстве. Друг и корреспондент И.И. Краснова, И.С. Ульянов, в 1829 г. сетовал на некоего Дмитриева, посвятившего свои литературные произведения все тому же Наполеону, и писал дословно следующее: «Если бы господин Дмитриев был бы благоразумнее в выборе, то он взял бы предметом песнопения не Наполеона, а одного из героев отечественной истории» (ГАРО. Ф. 243. Оп. 1. Д. 28. Л. 13 об.). Однако И.И. Краснов, очевидно, был совершенно чужд подобного национализма. Как мы видели выше, он предпочитал иностранных художников, а уже в зрелом возрасте современники отмечали, что его любимыми поэтами были Ф. Шиллер и И. Гете (Королев, 1991: 222).

Помимо живописи и литературы, молодого казака привлекала и музыка. Он играл ее сам (к сожалению, в дневнике не указано, на каком инструменте), а его брат Семен был одним из первых донских композиторов-дилетантов, и летом 1819 г. написал вариации «Выходя на реченьку», впрочем, очевидно, не снискавшие особенного успеха: о них говорится только то, что играть их было «почти не можно» из-за трудности (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3). В целом, вопросы искусства волновали И.И. Краснова куда больше службы, и писал о них он так же восторженно, как и о религии. Безусловно, в отношениях пришельца с Дона с столичным и зарубежным искусством было много наивного, а его любовь к «прекрасным» картинам была любовью неопита, открывающего для себя новый, почти не известный на его родине мир. И все же дневник И.И. Краснова показывает, что обращение его автора к поэзии не было случайностью или проявлением стихийного таланта. Искусство было для юного лейб-гвардейца важнейшей, хотя и не всегда понятной сферой жизни, постоянно манящей его, и здесь тоже можно наблюдать разрыв с патриархальными традициями и малограмотным старшим поколением донских казаков.

Казак и девушки.

Пожалуй, именно любовные и околосексуальные сюжеты дневника И.И. Краснова описаны наиболее живо и вызывают наибольшую симпатию к автору. В них снова нет никакой патриархальной целомудренности и религиозности, скорее напротив, блестящий гвардеец пытается казаться циничнее, чем есть на самом деле. Вероятно, в этом сказывалось влияние среды: так, один из сослуживцев хвастался перед И.И. Красновым письмами своей любовницы, «посвятившей себя тайному служению Венере» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2). Сам И.И. Краснов был не против подобных же амурных приключений и неоднократно ездил по городу в надежде «увидеть хорошенькую» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3). Однако то ли из-за неопытности, то ли из-за волнения с ним все время происходили какие-то злоключения, с долей юмора описанные в дневнике. Например, однажды И.И. Краснов «поехал по Смоленской», рассчитывая, что барышни будут смотреть за ним из окон. Однако ни одна девушка не удостоила его своим вниманием, и закончив свой променад, казачий офицер возрадовался этому: оказалось, что у него седло съехало назад, а он и не заметил (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.). В другой раз донцу повстречалась, наконец, «хорошенькая», но он, как назло, был на той своей лошади, которую описывал как «крепко некрасивого бурку», и поэтому молодой человек «за благо иссудил проскакать мимо нее пошибче» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 4).

Впрочем, когда И.И. Краснову улыбнулась, наконец, удача, и его ухаживания были восприняты благосклонно «хорошенькой Пелагеей», судя по всему, родственницей одного из сослуживцев, это вызвало у него, скорее, удивление, чем радость. «Были у нас порядочные амурсы, и, удивительнее всего, она мне отвечала на оные» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3-3 об.). Пожалуй, подобное легкомыслие со стороны девушки вызвало у донского казака, скорее, неодобрение, что переключается

с его оценкой древнеримских богинь с картины Парисова суда. «Она хороша, но крайне ветрена; это зло было бы не лихо большой руки, но, кажется, немного дурно воспитана. Это причина, по которой я могу смело волочиться за ней; потому что от этого не выйдет бед ни мне, ни ей» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 11. Л. 3 об.). Как мы видим, Пелагея была интересна И.И. Краснову, скорее, как объект для ухаживания, а ее личность не вызывала у казака каких-то эмоций. Но легкомысленные забавы петербургской молодежи привлекали гвардейского офицера, и он хотел амурных побед.

Однако на страницах его дневника есть и девушка, о которой молодой человек пишет совсем иначе. Из-за фрагментарности уцелевшей части текста не вполне ясны ее статус и социальное происхождение, но звали ее Каролиной и встречался с ней И.И. Краснов у своего полкового командира, В.В. Орлова-Денисова. «Я опять провел в разговорах с Каролиной приятнейших минут пять, больше не можно было, но ожидаю доброго часа. Премилая девушка! Я не знаю..., какое-то удивительное участие сердце мое берет в ней. <...>. Она не хороша, при том у нее болит правый глаз, но это забываешь в минуту, видишь ум только и ее неочтенное сердце» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 1 об.). Ей посвящено одно из самых неоднозначных мест дневника: однажды И.И. Краснов поехал в другую часть Санкт-Петербурга, и там всю ночь бродил по саду. «Ночь имеет прелести необыкновенные. Я ходил, задумавшись, мечтал кое о чем, вспоминал про разное и вспомнил Каролину. Она мне хвалилась, что иногда прогуливается в полночь по саду: как бы хорошо было, если бы это было сегодня! Как хорошо в такую прекрасную ночь поговорить с такою девушкой» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2 об.). На наш взгляд, трудно представить, чтобы И.И. Краснов абсолютно случайно всю ночь пробродил по тому же саду, по которому иногда гуляла Каролина. Скорее, он отправился туда осознанно, надеясь на встречу с ней, но почему-то даже в дневнике не стал писать об этом. Возможно, на фоне цинизма товарищей, хвастающихся письмами от любовниц, ему было стыдно признаваться в том, что он всю ночь провел под окнами некрасивой девушки; или, может быть, сама попытка встретиться с Каролиной ночью представлялась столь высоко ценящему женскую стыдливость казаку чем-то неприличным, и он надеялся обставить такую встречу случайностью. Ни о каких «амурах» или «волочении» за Каролиной в дневнике, конечно, нет и речи, И.И. Краснов позволяет себе только мечтать, как «я гуляю с моею милою дома» или как «мы в Лазаревой роще будем завтракать» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 3 об.).

Снова дадим слово младшему представителю семейства Красновых, на сей раз сыну И.И. Краснова, Н.И. Краснову. Отмечая традиционно низкий статус женщин на Дону, он писал в одном из своих сочинений: «Донские казаки усвоили себе понятие, что женщина есть низшее создание, немного умнее домашнего животного» (Краснов, 1884: 18). Безусловно, со временем статус женщины повышался, но, как мы видим, в дневнике И.И. Краснова Каролина вообще выступает в качестве своеобразного идеала, девушки умной и с прекрасным сердцем. Да и к своим объектам для ухаживаний, «хорошеньким», гвардейский офицер относится хотя и без подобного восхищения, но более чем благожелательно, стараясь выбирать для романов таких, которые сами не против ухаживаний и не будут иметь от этого проблем. Более того, несмотря на уважение к женской стыдливости, И.И. Краснов отмечал даже в любовнице одного из своих товарищей «порядочное воспитание» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 12. Л. 2). Точнее всего будет сказать, что он не презирал легкомысленных женщин, но с особым уважением относился к тем представительницам прекрасного пола, которые вели себя целомудренно. В этом еще можно видеть определенный пережиток патриархальности, однако в целом и здесь дневник И.И. Краснова демонстрирует разрыв с историческими донскими традициями.

4. Заключение

Через пятнадцать лет после написания И.И. Красновым его дневника, Николай I напутствовал нового донского атамана, М.Г. Власова, такими словами: «Я люблю казаков, но не желал бы видеть их не казаками: надобно, чтобы на Дон не доходила никакая реформа ни в правах, ни в обычаях, ни в самом служении. Пускай казаки останутся славными казаками Отечественной войны двенадцатого года» (Volvenko, 2015: 109). Военный министр А.И. Чернышев также не оставил атамана своими попечениями и вручил ему специальный приказ с перечислением важнейших задач, стоящих перед донской администрацией. Был в этом приказе и пункт о «патриархальности как главной основе всех стремлений донского начальства», причем устно министр так разъяснил его: «Ученых уже и у вас много, и желать их больше не нужно, а надобно желать побольше старинной доброты да старинной простоты» (Volvenko, 2015: 109).

И действительно, распространение на Дону образования и европейских идей привело уже к 1820 гг. к неожиданным для имперской власти последствиям. Неоднократно упоминавшийся нами В.Д. Сухоруков основал в декабре 1825 г. в Новочеркасске литературное общество, которое ряд историков трактует как связанное с декабристскими организациями (Коршиков, 2005). В это общество оказались втянуты люди из круга атамана А.В. Иловайского, и сообщивший о его существовании доносчик так писал об этом: «Дежурный штаб-офицер Шумков и командир артиллерийской роты Поляков, к коим атаман имеет неограниченную доверенность, суть искреннейшие друзья Сухорукова. Сын атамана Н. Иловайский пред сим, кажется, вызванный на

Дон, имеет также дружеские связи с Сухоруковым; Кушнарев, Кучеров и Колесников, коренные друзья Сухорукова, находятся по особым поручениям атамана и пользуются атаманской доверенностью. Письмоводитель Марушенков, помощники его Петровский и Селивановский обязаны Сухорукову во многом и почитают его своим покровителем и наставником. Адьютанты атаманские также имеют к Сухорукову уважение и привязанность» (Коршиков, 2005). Да и сам А.В. Иловайский в 1826 г. вступил в конфликт с А.И. Чернышевым, требуя, помимо прочего, чтобы разработка нового «Положения об управлении Донского Войска» велась с участием выборных депутатов, так как «члены, избранные всем войском и облеченные доверием всего общества, знали бы пользы его и внутреннее положение вернее и точнее, нежели назначенные по выбору кого-либо» (Краснов, 1875: 706). А.И. Чернышев ответил на подобное заявление развернутым письмом, в котором писал, что А.В. Иловайский «присвоит небывалое в России право избрания доверенных членов общества или народных представителей, которые бы, составляя для себя законы, находились бы в непосредственном отношении к государственному совету; себе же лично наименование «правительствующего». В государстве, где всякий закон и всякое начальство проистекают от единой, самодержавной власти государя, подобные присвоения и даже самые мысли об оных не должны быть терпимы, наипаче в лице начальника военной области, где безмолвное повиновение есть существенная основа всех действий» (Краснов, 1875: 711). В итоге А.И. Иловайский был отдан под суд за «внезапно» открывшиеся злоупотребления и отправлен в отставку (Краснов, 1875: 717). Понятно, что после этого император и военный министр желали видеть Дон возможно более патриархальным, чтобы демократические и революционные идеи в казачьей среде исчезли.

И дневник И.И. Краснова наглядно демонстрирует, что страх имперской власти перед тем, что образование разрушит патриархальные устои Дона, был более чем обоснован. Мы имеем дело с документом, принадлежащим не человеку из круга декабристов, а будущему командиру лейб-гвардии казачьего полка в годы правления все того же Николая I. Тем не менее, персона императора для него лишена сакральности, религиозные вопросы он трактует достаточно свободно, искусство влечет молодого казака больше военной службы, а его отношения с девушками далеко не целомудренны. Не удивительно, что при подобном современном, в смысле отсутствия всякой патриархальности, стиле мышления И.И. Краснов порой задавал вопросы, которых житель «военной области, где безмолвное повиновение есть существенная основа всех действий» задавать никак не должен был. Приведем цитату, ярко демонстрирующую, например, его сочувствие к низшим сословиям Российской империи и возмущение солдатской службой: «Три человека, служащих в будке, сменяются три раза в день. Столь малое жалование, трудная служба и подчинение крючком заставили меня пожалеть о них, но будочник, напротив, сказал, что фрунтовая служба и еще хуже. Боже мой, человек, сидящий в углу маленькой темной лачужки, в которой должен пригнать голову, предпочитает свою жизнь солдатской. Что же значит солдат? Защитник отечества, вечно льющий за него кровь и пот кровавый?» (ОР РГБ. Ф. 218. Кар. 58. Ед. 10. Л. 2). Подобных мест в дневнике И.И. Краснова совсем немного, поэтому мы не останавливались на них специально, однако, на наш взгляд, они показывают, что либеральные идеи были востребованы в среде донской образованной молодежи уже в 1820 гг., что и объясняет популярность в этой среде В.Д. Сухорукова. Интересно отметить и то, что преданность подобным идеям И.И. Краснов пронес через всю свою жизнь, и уже в старости, в 1860 гг., был, как мы писали в начале своей статьи, лидером донских либералов-прогрессистов.

Однако является ли дневник И.И. Краснова репрезентативным не только для взглядов немногочисленного первого поколения по-настоящему образованных донцов, но и казачьей массы первой половины XIX в.? Хотя в этом дневнике и чувствуется связь с Доном, тоска по дому и любовь к родному краю, специфически-казачьего в нем крайне мало. С нашей точки зрения, подобный дневник мог бы принадлежать выходцу из любой губернии Российской империи, образованному дворянину, приехавшему служить в Санкт-Петербург, и от этого поменялись бы только названия упоминаемых И.И. Красновым местных рек. В этой связи интересно отметить, что донские консерваторы жаловались на оторванность богатейших донских дворян от казачьих реалий, на своеобразное предательство ими донских интересов. Дело доходило до прямых обвинений, и, например, А.М. Дондуков-Корсаков, идейный оппонент И.И. Краснова в 1860 гг., писал: «Странно слышать в обществе выражение, что казаки «хотят того-то» или «тяготятся тем-то», когда знаем, что мнения эти подчерпнуты из слов какого-нибудь богатого помещика или служащего, никогда не живущего на Дону, или молодого офицера, считающего лучшим средством доказать свое образование и современные понятия порицанием идеи казачества» (Карасев, 1896: 587). Собственный дневник И.И. Краснова показывает, что в подобных обвинениях была доля истины, и уже в 1810 гг. начался раскол донской элиты на патриархальную основную массу и хорошо образованное меньшинство, получающее образование за пределами Войска Донского, и поэтому часто либерально настроенное и лишенное специфического казачьего патриотизма.

Литература

- Белинский, 1953** – *Белинский В.Г.* Стихотворения Алексея Леонова // Полное собрание сочинений. Т. III. М., 1953. С. 231-234.
- Воспоминания..., 1873** – Воспоминания старого донца. Из посмертных записок генерал-лейтенанта Краснова // *Военный сборник*. 1873. №12. С. 363-380.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Захаревич, 2005** – *Захаревич А.В.* Донские казаки в боях с горцами на Северном Кавказе на начальной фазе оборонительного периода Кавказской войны. Ростов-на-Дону, 2005. 220 с.
- Карасев, 1896** – *Карасев А.А.* Записка князя А.М. Дондукова-Корсакова о Земле Войска Донского // *Русский архив*, 1896. Кн. 12. С. 569-591.
- Королев, 1991** – *Королев В.Н.* Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. 464 с.
- Коршиков, Королев, 2001** – *Коршиков Н.С., Королев В.Н.* Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18.
- Коршиков, 2005** – *Коршиков Н.С.* «Литературные собрания» Сухорукова // *Донской Временник*. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 27.03.2019).
- Краснов, 1875** – *Краснов Н.И.* Алексей Васильевич Иловайский, атаман Войска Донского // *Русская старина*. 1875. Т. XII. С. 701-718.
- Краснов, 1884** – *Краснов Н.И.* Тяжкий грех Булавина (из времен царя Алексея Михайловича). Новочеркасск, 1884. 24 с.
- Краснов, 1909** – *Краснов П.Н.* Картины былого Тихого Дона. СПб., 1909. 522 с.
- ОР РГБ** – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Русский биографический словарь, 1905** – *Русский биографический словарь*. Т. 22. СПб., 1905. 644 с.
- Сенюткин, 1866** – *Сенюткин М.Х.* Донцы. Ч. 2. М., 1866. 282 с.
- Volvenko, 2015** – *Volvenko A.A., Chebotarev A.P.* – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.

References

- Belinskii, 1953** – *Belinsky V.G.* (1953). Stikhotvoreniya Alekseya Leonova [The Poems of Alexei Leonov]. Complete works. Vol. III. M. pp. 231-234. [in Russian]
- Vospominaniya..., 1873** – *Vospominaniya starogo dontsa. Iz posmertnykh zapisok general-leitenanta Krasnova* [Memories of the old Don Cossack. From the posthumous notes of Lieutenant-General Krasnov]. *Voennyi Sbornik*. 1873. No. 12. pp. 363-380. [in Russian]
- GARO** – Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State archive of the Rostov region].
- Doncy, 2003** – *Doncy XIX veka* [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599 [in Russian]
- Zakharevich, 2005** – *Zakharevich A.V.* (2005). Donskie kazaki v boyakh s gortsami na Severnom Kavkaze na nachal'noi faze oboronitel'nogo perioda Kavkazskoi voiny [Don Cossacks in battles with mountaineers in the North Caucasus during the initial phase of the defensive period of the Caucasian War]. Rostov-on-Don. P. 220. [in Russian]
- Karasev, 1896** – *Karasev A.A.* (1896). Zapiska knyazya A.M. Dondukova-Korsakova o Zemle Voiska Donskogo [The note of the prince A.M. Dondukova-Korsakov about the Land of the Don Army]. *Russkii arkhiv*. Vol. 12. pp. 569-591. [in Russian]
- Korolev, 1991** – *Korolev V.N.* (1991). Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh [Old Veshki. The story about the Cossacks]. Rostov-on-Don. P. 464 [in Russian]
- Korshikov, Korolev, 2001** – *Korshikov N.S., Korolev V.N.* (2001). Istorik Dona V.D. Sukhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Voiska Donskogo» [Historian of the Don V.D. Sukhorukov and his "Historical description of the Don Host Oblast"]. Sukhorukov V. D. Historical description of the Don Host Oblast. Rostov-on-Don. pp. 7-18. [in Russian]
- Korshikov, 2005** – *Korshikov N.S.* (2005). «Literaturnye sobraniya» Sukhorukova [Literary assembly" of Sukhorukov]. Donskoy Vremennik. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2753&level1=main&level2=articles> (date of access: 03.03.2019) [in Russian]
- Krasnov, 1875** – *Krasnov N.I.* (1875). Aleksei Vasil'evich Ilovaiskii, ataman Voiska Donskogo [Alexey Vasilievich Ilovaisky, Ataman of the Don Cossacks]. *Russkaya starina*. Vol. XII. pp. 701-718. [in Russian]
- Krasnov, 1884** – *Krasnov N.I.* (1884). Tyazhkie grekh Bulavina (iz vremen tsarya Alekseya Mikhailovicha) [The grave sin of Bulavin (from the time of tsar Alexei Mikhailovich)]. Novocherkassk. P. 24 [in Russian]
- Krasnov, 1909** – *Krasnov P.N.* (1909). Kartiny bylogo Tihogo Dona [Pictures of the last Tikhii Don]. SPb. P. 522 [in Russian]

OR RGB – Otdel rukopisei Rossiiskoi gosudarstvennoi bibliotek [Department of manuscripts of Russian state library].

Russkii biograficheskii slovar', 1905 – Russkii biograficheskii slovar' [Russian biographical dictionary]. Vol. 22. SPb., 1905. P. 644 [in Russian]

Senyutkin, 1866 – *Senyutkin M.Kh.* (1866). Dontsy [Don Cossack]. Ch. 2. M. P. 282. [in Russian]

Volvenko, 2015 – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114. [in Russian]

Донской казак на рубеже эпох: петербургский дневник И.И. Краснова (1819 г.)

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, c*}

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Американская ассоциация историков, Вашингтон, США

Аннотация. И.И. Краснов был известным донским общественным деятелем, героем Крымской войны, одним из первых казачьих поэтов. Однако помимо этого, он является автором подробного дневника за 1817–1821 гг., уникального источника о быте и настроениях образованного меньшинства донских казаков в эпоху Александра I. Хотя факт существования этого дневника известен историкам, его подробный анализ доселе не проводился, и в статье предпринята попытка заполнить данную историографическую лакуну.

Автор показывает, что И.И. Краснов не соответствовал образу донского казака прошлых лет, характерному для консервативной историографии второй половины XIX в. Фигура императора не имела для него сакрального значения; религиозность И.И. Краснова была сильной и искренней, но достаточно свободной; искусство волновало его не меньше, а возможно, и больше военной службы; наконец, его отношения с девушками предстают далекими от целомудрия. В дневнике предсказуемо присутствуют симпатии к либеральным идеям, и он объясняет, почему в последующие десятилетия имперские власти пытались восстановить на Дону «патриархальность», с осторожностью относясь к развитию образования.

Ключевые слова: И.И. Краснов, донское казачество, традиции казачества, быт казачества, донская интеллигенция.

* Корреспондирующий автор

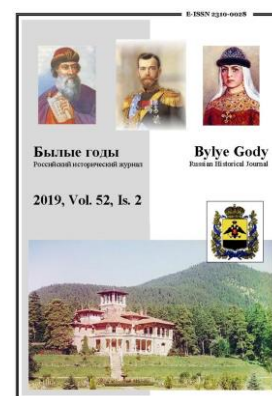
Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 615-623. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.615
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

«If It Is Possible, Build into Khan's Dignity»: the Perception of the 1920s Reforms by the Ethno-Elite of the Middle Zhuz XIX century (according to Materials of Deputy Missions of Kazakh Sultans to Petersburg)

Yuliya A. Lysenko ^{a, b, c, *}

^aAltai State University, Russian Federation

^bInternational Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^cVolgograd State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the materials of the Sultans deputy missions of the Middle Zhuz, who followed to St. Petersburg after the introduction of the Charter on Siberian Kyrgyz 1822, on the basis of documents identified in the RGIA. Deputy missions have become evidence of Russia's readiness to conduct a dialogue with him and build partnerships. During the missions, it was occurred that the leveling and settlement of the most acute problems which emerged in the process of implementing the Charter of 1822 and also duties, forming in the steppe a network of Russian primary school institutions. The author of the article concludes that in the process of discussing the totality of these problems, Russia demonstrated loyalty and willingness to compromise on issues that did not fundamentally violate the course and logic of the administrative changes that began in the Middle East. Otherwise, it took a principled position and defended its interests. This situation was most clearly manifested in the issue of the Institute of the khan power fate, liquidated in the Middle Zhuza on the eve of the introduction of the 1822 Charter.

Keywords: Charter of 1822, Reform, Russian Empire, Middle Juz, Kazakhs, Khan's power, Islam.

1. Введение

Как известно, в 20-х гг. XIX в. Россия приступила к реализации в казахской степи серии реформ, направленных на распространение имперской модели административно-территориального, судебного и налогового устройства. Несмотря на стремление правительства к созданию упрощенного и экономически малозатратного «управления кочевыми подданными государства через использование традиционных социально-властных связей и институтов» (Васильев, 2015: 65), последние подверглись существенной трансформации и со временем были интегрированы в общеимперскую политико-правовую систему. Отправной точкой реформ 1822 г. стала отмена института ханской власти в Среднем жузе, заложившая основы юридического вхождения данного этнополитического образования в состав Российской империи.

В достаточно обширной литературе, освещающей процесс реализации положений Устава 1822 г., закрепилось представление о крайне негативной реакции казахской этноэлиты Среднего жуза на ликвидацию ханской власти в степи и проведение административных преобразований. Ее проявлением стали массовые акции протеста, принимавшие разнообразные формы: от откочетов султанов с подвластными им родовыми подразделениями за пределы создаваемых в регионе территориальных единиц – округов и волостей – до открытого вооруженного сопротивления региональным органам власти. Кульминацией антирусского движения принято считать восстание

* Corresponding author

E-mail addresses: iulia_199674@mail.ru (Y.A. Lysenko)

казахов Среднего жуза под руководством К. Касымова, продолжавшееся в течение десяти лет – с 1837 по 1847 гг. (Бекмаханов, 1947).

Однако выявленные автором статьи материалы депутатских миссий казахских султанов ко двору российских императоров в 20–30 гг. XIX в. позволяют поставить под сомнение представление об исключительно антироссийской ориентации казахской элиты, заявить о ее готовности дипломатическими методами решать проблемы, порожденные введением Устава 1822 г.

2. Материалы и методы

Основой для подготовки статьи выступили материалы депутатских миссий казахских султанов и родоправителей Среднего жуза ко двору российского императора Николая I, выявленные в РГИА. В фонде 1291 данного архива сосредоточена делопроизводственная документация, отражающая информацию по организации поездок миссий и их пребыванию в Петербурге. Наиболее важными для определения позиции этноэлиты Среднего жуза по вопросам реализации Устава 1822 г. являются ее просьбы-прошения на имя императора Николая I, а также переписка центральных и региональных органов власти (Азиатского департамента МИД, Земского отдела МВД, западносибирского генерал-губернатора) по рассмотрению прошений и заключению по ним.

Методологической основой статьи выступает цивилизационный подход, позволяющий оценивать депутатские миссии казахских султанов в Петербург в 20–30 гг. XIX в. как форму взаимодействия двух культур с различными цивилизационными кодами – европейской (христианской/оседлой) и азиатской (мусульманской/кочевой). Для реализации исследовательских задач в статье использовались конкретно-исторические методы познания. Историко-генетический метод позволил выявить причины и факторы, обусловившие использование казахской этноэлитой дипломатических подходов для решения вопросов реализации Устава 1822 г. Историко-системный метод применялся для реконструкции истории «депутатских миссий» во взаимосвязи с общей историей политики Российской империи в отношении традиционного казахского общества.

3. Обсуждение

В историографии накоплен значительный объем эмпирических знаний по истории подготовки Устава о сибирских киргизах 1822 г. (Ермекбай, 2018: 18-27; Морозов, 2011: 138-152) и реализации его положений в Среднем жузе (Бекмаханов, 1947; Быков, 2003; Зиманов, 1960). Нормативно-правовые аспекты администрирования в казахской степи, в том числе на основе анализа Устава 1822 г., в контексте изучения проблемы моделирования общеимперского пространства нашли отражение в исследованиях А.В. Ремнева, Д.В. Васильева, С.В. Любичанковского и др. (Васильев, 2014; Любичанковский, 2013: 59-68; Ремнев, Суворова, 2013; Shaidurov, Norkina, 2015: 623-632; Larina, Shaidurov, 2015: 460-466). Помимо общих вопросов подготовки и реализации реформы 1822 г., в исторической литературе получили отражение отдельные ее аспекты: создание системы местного самоуправления, роль казачества в формировании округов, организация медицинской службы в казахской степи (Alpyspaeva, Sayahimova, Jumaliyeva, 2019: 176-187; Алпыспаева, Саяхимова, 2018: 17-22; Лысенко, Анисимова и др., 2014; Shaidurov, 2014a: 239-244; Shaidurov, 2014b: 245-251).

В целом нужно отметить, что в исторической литературе, посвященной проблеме реализации Устава 1822 г., преобладают исследования, демонстрирующие модернизационное воздействие имперского центра на традиционное казахское общество. Значительно меньшее внимание исследователи уделяют вопросам реакции казахского социума на проводимые Российской империей преобразования в степи. В работах данного плана внимание акцентируется на народно-освободительной борьбе кочевников и антироссийской пропаганде, проводимой родоплеменной элитой (Галиев, 1993: 101-112; Национально-освободительная борьба ..., 1996; Сулейменов, Басин, 1977).

В то же время, как показали результаты исследования, проведенные автором данной статьи, наряду с активными антиправительственными выступлениями, достаточно действенной формой взаимодействия казахской этноэлиты с центральными и региональными органами власти в период реализации Устава 1822 г. стали депутатские миссии к российскому императорскому двору. С помощью дипломатических методов степная аристократия предпринимала попытки урегулирования проблем, порожденных административными преобразованиями в Среднем жузе в 20–30 гг. XIX в.

4. Результаты

«Депутатские миссии» как форма межцивилизационного взаимодействия между российским правительством и казахской политической элитой стали активно практиковаться в начале XIX в. Они позволяли регулировать многие вопросы казахско-российских отношений: проблемы подданства казахов, торговли, безопасности русских торговых караванов, следовавших транзитом через казахскую степь в Хиву, Бухару, Китай и т.д. (Lysenko, 2019: 138-148). Отправка депутатских миссий от казахских родоправителей в Петербург активно поощрялась российской властью. Членам миссий в ходе визитов предоставлялись преференции и льготы, офицерские и гражданские чины, денежные пособия, что способствовало формированию лояльно настроенной по отношению к России группы

кочевого общества. Данная форма сотрудничества оказалась вполне продуктивной. К моменту введения в действие Устава 1822 г. в степи имелась пророссийски ориентированная прослойка, принявшая активное участие в формировании новой модели административно-территориального устройства и выборах на должности в системе местного самоуправления.

С отменой ханской власти в Среднем жузе и введением Устава 1822 г. российское правительство продолжило реализацию практики отправки в Петербург депутатских миссий от казахских родоправителей. Так, в параграфе 281 Устава было записано «дабы киргизские султаны не лишены были способа лично уверяться в расположении к ним верховной власти, то позволяется султанам целого округа совокупно отправлять депутации в Санкт-Петербург» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 4 об.-5). Принятое несколькими годами позже, в 1828 г., решение Азиатского департамента МИД направлять депутации от «только таких султанов, кои ...имеют действительную в том надобность по какому-либо чрезвычайным случаем», касающихся либо их самих, либо казахского народа (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148. Л.1-1 об.), позволяет утверждать, что желающих воспользоваться правом прибытия к императорскому двору, предоставленным Уставом 1822 г., было слишком много.

В фондах РГИА отложились материалы как минимум четырех депутатских миссий казахских султанов Среднего жуза в Петербург, состоявшихся в 20–30 гг. XIX в. Среди них миссии султана Сартай Чингисова в 1826 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148), султана Губайдуллы Валиева в 1828 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 119), старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа Турсуна Чигасова в 1829 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127), подполковника Кунур-Кильчжи-Худай-Мендина и султана Сартая Чингисова зимой 1834 г. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 148). Центральное место в письмах-прошениях к императору Николаю I от депутатских делегаций занимали вопросы реализации в Среднем жузе Устава 1822 г.

Как известно, логика административных реформ была нацелена на ликвидацию института ханской власти и введение выборности на руководящие должности в системе управления Средним жузом (Васильев, 2015: 66). Так, Окружной приказ состоял из пяти человек: султана-правителя, «почетных киргизов» и двух российских чиновников. Старший султан избирался из султанского сословия сроком на три года, но за ним сохранялось право переизбрания на второй и другие сроки. После процедуры выборов он утверждался в должности Омским областным начальством. Последнее обстоятельство позволяло российской администрации контролировать деятельность окружного приказа, проводить на должности лояльно настроенных к ней казахских лидеров, реализовывать необходимые ей мероприятия в казахской степи. Как отмечают исследователи, «султанам-правителям окружных приказов по Уставу 1822 г. назначалось фиксированное жалование из государственной казны, что, безусловно, кардинально меняло их социальный статус, интегрировало в среду чиновников Российской империи» (Лысенко, Куликова, 2013: 183).

С принятием Устава о сибирских киргизах 1822 г. казахская этноэлита была убеждена в возможности возрождения института ханской власти в Среднем жузе. Свое видение ситуации она представляла российской стороне в форме «прошений» императору, в которых превалировала достаточно мягкая формулировка, не содержащая ультимативной коннотации: «если возможно, возвести в ханское достоинство» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 45 об.). При этом каждая из приезжавших к императорскому двору депутатских миссий от родоправителей Среднего жуза предлагала кандидатуру своего султана на ханское звание, что свидетельствовало о центробежных тенденциях в жузе.

Так, в 1829 г. одновременно прибывшие в Петербург от старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа султана Турсуна Чигасова две депутатские миссии передали прошения об утверждении каждого из них в ханском звании (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 1-1 об.). В случае, если «возведение в ханское достоинство» было невозможно, ими предлагалось сделать звание старшего султана пожизненным с правом его передачи по наследству. В ходатайствах также содержалась просьба всем султанам – потомкам хана Среднего жуза Аблая – «пожаловать княжеское достоинство в вечное потомство, дабы тем дворянский род их не пресекался». Таким образом, казахской этноэлитой предлагался вариант, учитывающий, как она предполагала, интересы двух сторон: формирование в степи российской административно-территориальной системы управления при сохранении для родовой аристократии права наследования должностей и поддержании ее высокого социального статуса.

Прошения старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова и султана-заседателя Каркаралинского округа султана Турсуна Чигасова о возведении их в ханское звание были рассмотрены по Высочайшему повелению в Азиатском департаменте МИД в июне 1830 г. Позиция Департамента основывалась на том, что «ханское достоинство служило всегда более нам ко вреду, нежели в какую-либо пользу, поставляя препятствия во всех начинаниях нашего правительства. Оставление же звания старшего султана наследственным, с пожалованием княжеского титула, имело бы все те же невыгоды». Безосновательным представлялось и «домогательство о причислении к российскому дворянству», поскольку по Уставу 1822 г. «киргизы и без того имели право в известных случаях быть причисленными» к данной социальной категории. Поэтому Азиатский департамент отказал казахским депутациям в удовлетворении их просьб на основании «явного несообразия их с благими намерениями нашего правительства в отношении киргизцев» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127.

Л. 68-71 об.). Таким образом, российская сторона продемонстрировала последовательность и бескомпромиссность в реализации реформы 1822 г.

Региональные власти поддержали решение Азиатского комитета МИД. Генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов считал, что ходатайство об учреждении в степи ханского звания противоречит логике Устава о сибирских киргизах 1822 г. В процессе его реализации территория жуза была разделена на 8 округов, «один от другого не зависящих, и все они уже подчинены Омскому областному начальству». Невозможным было, по мнению администратора, введение права передачи должности старшего султана по наследству. И.А. Волконский подчеркивал, что в случае реализации данного права, его «будут домогаться» все избранные для управления округами старшие султаны. «И тогда вся орда, – отмечал он, – вместо внешних округов будет составлять, так сказать, восемь или десять наследственных поместьев, управление коих не будет соответствовать уже благодетельной цели, с коей узаконено в оных иметь избирательных старших султанов» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 253-254).

Принципиальной была позиция И.А. Волконского в вопросе присвоения потомкам хана Среднего жуза Аблая дворянского звания. По Уставу о сибирских киргизах 1822 г. его получали старшие султаны за выслугу лет с правом передачи «только одному старшему сыну или тому, которого отец назначит, не распространяя отнюдь достоинства сего на прочих сыновей». Генерал-губернатор считал, «по многоженству магометанскому допускаемому, от сих только двух родов ханов Аблая и Букея, столько размножится в Средней киргизской орде бесполезных князей, что они будут только в тягость (российскому – авт.) правительству». Возможность получить дворянское звание за выслугу лет, по мнению И.А. Волконского, должна была подчеркивать высокое социальное положение старших султанов и отличать их «от прочих старших султанов, происходящих не от ханского рода» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 254-255 об.).

Наряду с административными преобразованиями в казахской степи, Устав о сибирских киргизах 1822 г. был нацелен на реализацию целой серии социальных программ, которые полностью соответствовали государственной концепции интеграции национальных окраин в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. Патерналистские убеждения и мессианская роль России в отношении инородцев нашли отражение в проведении политики оседания кочевников и их приобщения к земледельческому труду, трансформации традиционных социальных институтов и связей, закреплении в религиозном сознании казахов монотеизма (ислама) посредством направления в степь татарских мулл, внедрении российской образовательной системы и русского языка.

Данный комплекс мероприятий, который стал реализовываться в Среднем жузе после принятия Устава 1822 г., также становился предметом обсуждения депутатских миссий, прибывавших к императорскому двору. В прошениях, передаваемых Николаю I, содержалась просьба не разрушать традиционный уклад жизни кочевников и приостановить начавшиеся мероприятия. Так, в прошении старшего султана Кокчетавского внешнего округа Аблая Габбасова, переданного в 1930 г., было записано: «Дабы киргизам позволено было проживать в своих кибитках войлочных; чтобы владение землею, водою и лесом навсегда оставалось за ними, чтобы земли не межевать, чтобы в Кокчетавском округе, ему подвластном, укреплений и деревянных домов не строить, пашен не пахать» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 68-71 об.).

Не настаивая на массовом оседании кочевников, российские власти заняли принципиальную позицию в вопросе строительства стационарных построек на территории открываемых округов в Среднем жузе. В официальном ответе Аблаю Габбасову подчеркивалось, что согласно отдельным положениям Устава 1822 г. в каждом округе должны быть построены дома для размещения окружного приказа, его членов, чиновников канцелярии, переводчиков-толмачей, молитвенные и больничные дома, казармы для казаков. Неизбежным был процесс земельных изъятий у кочевников, необходимый для выделения участков, пригодных «для занятия земледелием чиновникам российским и заседателям от киргиз в окружном приказе». Таким образом, депутатские миссии не смогли предотвратить начало процесса экспроприации земли у кочевников, который принял массовый характер в конце XIX – начале XX вв. (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 256-267).

Высказывались казахские родоправители и против направления в казахскую степь указных татарских мулл. В сложившейся практике официально занимать должность исламского проповедника могли духовные лица, получившие разрешение от высшего органа мусульман империи – Оренбургского духовного собрания. Отправка в степь указных мулл автоматически означала, что казахи попадали в сферу влияния данной структуры. Однако степная элита была настроена против внедрения подобной практики и стремилась сохранить автономию в вопросах веры. Поэтому она ходатайствовала перед императором Николаем I «мечетей и школ не заводить, ахунов и указных мулл не отправлять, ибо у кочующих киргизов муллы есть, а ежели в каждом селении и будут муллы, то приказать им находиться при старшинах и волостных султанах, при биях и старшинах в должности писарей и позволить детей своих не отдавать в школы учиться» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 69).

Региональные сибирские власти считали, что данную совокупность просьб казахских правителей вполне можно удовлетворить. В частности, генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов на запрос Азиатского департамента МИД по данному вопросу предлагал «заведение

мечетей, магометанских школ и определение ахунов и мулл предоставить собственному распоряжению старших и волостных султанов, тем более что о сем нигде не упомянуто в Уставе». Кроме этого, администратор считал нецелесообразным настаивать на открытии русских школ в степи, поскольку «подозрительные киргизы не перестают думать, что их намерены обратить в христианство, и обучение своих детей в наших школах почитают вернейшим к тому средством». Он предлагал принимать в русские учебные заведения только тех детей, родители которых «сами того пожелали». Депутатским миссиям, прибывавшим в Петербург, в рамках данного вопроса разъяснялось, что согласно п. 246 Устава 1822 г. «Дети султанов и старшин буде пожелают, принимаются в военно-сиротские отделения на линии, устроенные на казенное содержание». При этом подчеркивалось, что на основании п. 247 и 248 Устава их «к этому принуждать» никто не собирался (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 122-122 об.).

Определенный компромисс в ходе визитов депутатских миссий был найден и в вопросе налогообложения. По Уставу 1822 г. в Среднем жузе впервые вводился натуральный налог со скота (1 голова со ста голов) в пользу Российской империи. Не высказываясь за отмену налога, в прошениях депутатских миссий содержалось предложение собирать налог «жеребьями, считая двух за одну лошадь...». После серии консультаций Азиатского департамента МИД с региональными органами власти было принято заключение «сделать некоторое облегчение дозволением в иных случаях заменять лошадей жеребьями». Но принятие окончательного решения по данному вопросу возлагалось на «усмотрение генерал-губернатора Западной Сибири, который более знаком с обычаями и жизнью киргиз и может лучше знать, надо это менять или нет» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 71 об.). В апреле 1831 г. генерал-губернатор Западной Сибири И.А. Вельяминов сообщал в Азиатский департамент МИД о том, «что Сибирский комитет принял решение сделать некоторое облегчение в сборе ясака, как просили депутаты Аблая Габассова в 1830 г.». Таким образом, была изменена численность и видовой состав скота, подлежащий налогообложению и ходатайство казахских родоправителей было удовлетворено (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 334).

Предметом российско-казахского диалога стал вопрос о введении делопроизводства на русском языке в Окружных приказах Среднего жуза, предусмотренного Уставом 1822 г. Российские власти признавали тот факт, что «трудно кочевым народам привыкнуть к письменности наших судебных мест». Поэтому они рекомендовали «в приказах внешних округов следовать самому простому и сообразному с местными обычаями способу решать тяжбы», т.е. на казахском языке. Членам казахских депутатских миссий, поднимавших данный вопрос, разъяснялось, что по Уставу 1822 г. разрешалось «тяжбы обоюдные рассматривать между собою по древним обычаям», «ибо в параграфе 215 сказано, что все исковые дела разбираются посредством биев в аулах и волостях», в параграфе 216, что «бии решают оные словесно по киргизским законам и обычаям». «Параграфы сии были переведены на татарский язык и объявлены всему народу». Российским чиновникам-заседателям в Окружных приказах предписывалось больше знакомиться с бытом кочевников и стремиться изучать казахский язык (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 127. Л. 125 об.-126 об.).

Находившаяся при императорском дворе в феврале 1827 г. депутатская миссия султана Среднего жуза Сарта Ючина подняла вопрос о воинской повинности (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 1-10б.). Как известно, по Уставу 1822 г. казахи, отнесенные к категории сибирских инородцев, освобождались от рекрутского набора. Тем не менее родоправители высказывали опасения, что им придется направлять своих сарбазов в российскую армию. Поэтому депутаты от султана Сарта Ючина затребовали от Департамента МИД императорскую грамоту, подтверждающую освобождение от воинской повинности подвластных ему родовых подразделений.

В грамоте, выданной на имя Сарта Ючина в апреле 1828 г., было записано: «Киргиз-кайсаки найман-каракиреевского народа всегда обращали на себя Монаршее внимание своим верноподданническим усердием и постоянною приверженностью к Всероссийскому Императорскому престолу. С особым удовольствием Мы взираем на благоразумное поведение султана сего рода Сарта Ючина, на его ревностное исполнение распоряжений правительства в том крае, клонящихся ко благу киргиз-кайсаков, главнейшее же на его усердие в охранении российских караванов, отправляющихся в ближайшие китайские города для торговли, с защитою грабежей и преподанием всякой помощи в их нуждах. В ознаменование нашего императорского благоволения к сим достохвальным поступкам султана Сарта Ючина, ...мы удовлетворяем его нашим императорским словом, что при точном исполнении им верноподданнических обязанностей он во все времена с подвластным ему найман-каракиреевским народом будет пользоваться Нашею императорскою милостью и всегдашнею свободою от рекрутства. В подтверждение сего мы жалуем Императорскую нашу грамоту султану Сарту Ючину...» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 114. Л. 230-231 об.).

Возникновение подобной ситуации, на наш взгляд, могло быть связано с двумя причинами. Во-первых, слабой разъяснительной работой региональных органов власти, которую они должны были проводить накануне введения Устава 1822 г. Во-вторых, стремлением отдельных родоправителей усилить свою власть и позицию в Среднем жузе посредством получения дополнительных преференций от российской администрации, в данном случае – грамоты об освобождении подвластных им родов от воинской повинности.

С конца 30-х гг. XIX в. практика отправки депутатских миссий от казахских родоправителей ко двору российских императоров стала изживать себя. По всей вероятности, это было связано с дальнейшим укреплением военных позиций Российской империи в казахской степи и проведением новой волны административных реформ, ограничивающих высокий социальный статус казахской этноэлиты.

5. Заключение

В заключении следует отметить, что, безусловно, важнейшим фактором, предопределившим российско-казахское межцивилизационное взаимодействие, выступили патерналистские взгляды политических кругов империи на судьбу восточных народов, подкрепленные представлениями об их культурной отсталости. Поэтому для него стало характерным административное вмешательство России в самобытный процесс жизнедеятельности казахского социума, стремление установить темпы, формы и направления его дальнейшего развития. Непризнание равенства европейской и восточной культур, права на автономный путь исторического развития Азии исключало признание за казахским обществом полных гражданских прав и свобод.

В то же время факт отправки депутатских миссий казахских родоправителей к императорскому двору в 20–30 гг. XIX в. и круг вопросов, который обсуждался двумя сторонами в ходе данных визитов, позволяет говорить о том, что, несмотря на европоцентризм, Россия не исключала возможности диалога и партнерства с восточными народами, попавшими в сферу ее влияния и интересов.

Выявленные и проанализированные материалы депутатских миссий султанов Среднего жуза, последовавших в Петербург после введения Устава о сибирских киргизах 1822 г., демонстрируют содержание российско-казахского диалога, направленного на нивелировку и урегулирование наиболее острых проблем, обозначившихся в ходе реализации реформы. Среди них дальнейшая судьба института ханской власти в Среднем жузе, социальный статус старших султанов и султанов-заседателей окружных приказов, вопросы оседания кочевников, их налогообложения, воинской повинности, формирования в степи сети российских начальных школьных учреждений.

В процессе обсуждения совокупности данных проблем центральные российские власти ориентировались на мнение региональной администрации (в лице генерал-губернаторов Западной Сибири), в большей степени разбиравшейся в специфике реализации Устава 1822 г. и владевшей более объективной информацией. При этом Россия демонстрировала лояльность и готовность идти на компромисс в вопросах, кардинальным образом не нарушавших ход и логику начавшихся в Среднем жузе административных преобразований. В противном случае она занимала принципиальную позицию и отстаивала свои интересы. Наиболее ярко данная ситуация проявилась в вопросе дальнейшей судьбы института ханской власти, ликвидированного в Среднем жузе накануне введения в действие Устава 1822 г. Попытки казахских депутатских миссий его реанимации шли вразрез со стремлением России к политическому закреплению в регионе и потому были отвергнуты ею в категоричной форме.

6. Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ по теме «Развитие этнорелигиозной ситуации в трансграничном пространстве Алтая, Казахстана и Монголии в контексте государственно-конфессиональной политики: исторический опыт и современные тенденции» (№ 33.2177.2017/4.6).

Литература

Алпыспаева, Саяхимова, 2018 – Алпыспаева Г.А., Саяхимова Ш.Н. Роль казахских отрядов в основании внешних округов и укреплений в казахской степи в XIX в. // *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. 2018. Т. 12. № 1. С. 17-22.

Бекмаханов, 1947 – Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20–40 годы XIX века. Алма-Ата, 1947. 230 с.

Быков, 2003 – Быков А.Ю. Истоки модернизации Казахстана: Проблема седентаризации в российской политике XVIII – начала XX вв. Барнаул, 2003. 267 с.

Васильев, 2014 – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX веков. М., 2014. 471 с.

Васильев, 2015 – Васильев Д.В. Россия и Казахская степь в первой половине XIX века: административное моделирование пространства // *Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал*. 2015. 4 (16). С. 65-82.

Галиев, 1993 – Галиев В.З. Движущие силы народно-освободительной борьбы под предводительством Кенесары Касымова // *Сборник статей Аблай хан Кенесары*. Алматы, 1993. С. 101-112.

Ермекебай, 2018 – Ермекебай Ж.А. Западносибирская администрация и казахское самоуправление в первой половине XIX в.: новации и традиции // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2018. Т. 24. С. 18-27.

Зиманов, 1960 – Зиманов С.З. Политический строй Казахстана в конце XVIII века и первой половине XIX века. Алма-Ата. 1960. 247 с.

Лысенко, Анисимова и др., 2014 – Лысенко Ю.А., Анисимова И.В. и др. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2014. 271 с.

Лысенко, Куликова, 2013 – Лысенко Ю.А., Куликова М.В. Система местного самоуправления в казахской степи: идеология реформ и проблемы реализации (конец XVIII – середина XIX вв. // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. № 4–1 (80). С. 181-188.

Любичанковский, 2013 – Любичанковский С.В. Империя Романовых и проблема управления культурно-гетерогенным пространством // *Уральский исторический вестник*. 2013. № 3 (40). С. 59-68.

Морозов, 2011 – Морозов В.И. М.М. Сперанский и административная реформа в Сибири (1819–1822) // *Научные труды Северо-Западного института управления*. 2011. Т. 2. № 3 (4). С. 138-152.

Национально-освободительная борьба..., 1996 – Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. Алматы, 1996. 512 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ремнев, Суворова, 2013 – Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация азиатской России: имперские и национальные сценарии. Омск, 2013. 248 с.

Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova S.N., Jumaliyeva K.D. Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20–60s of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 176-187.

Larina, Shaidurov, 2015 – Larina O., Shaidurov V. European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6. Is. 5(1). pp. 460-466.

Lysenko, 2019 – Lysenko Yuliya A. The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148.

Shaidurov, 2014a – Shaidurov V. Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. pp. 239-244.

Shaidurov, 2014b – Shaidurov V. Siberian Polonus as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century // *Bylye Gody*. 2014. Vol. 32. Is. 2. pp. 245-251.

Shaidurov, Norkina, 2015 – Shaidurov V., Norkina E.S. Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19–Beginning of the 20th Centuries // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 37. Is. 3. pp. 623-632.

References

Alpyspaeva et al., 2019 – Alpyspaeva G.A., Sayahimova S.N., Jumaliyeva K.D. (2019). Organization of Medical Service in the External Districts of the Middle Zhuz in the 20–60s of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 176-187. [in Russian]

Alpyspayeva, Sayakhimova, 2018 – Alpyspayeva G.A., Sayakhimova Sh.N. (2018). Rol kazachikh otryadov v osnovanii vneshnikh okrugov i ukrepleniyy v kazakhskoy stepi v XIX v. [The role of Cossack units in the Foundation of external districts and fortifications in the Kazakh steppe in the XIX century]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i sotsialno-ekonomicheskikh nauk*. Т. 12, No 1. pp. 17-22. [in Russian]

Bekmahanov, 1947 – Bekmahanov E.B. (1947). Kazakhstan v 20–40 gg. XIX v. [Kazakhstan in 20 – 40 years of the XIX century]. М. 230 p. [in Russian]

Bykov, 2003 – Bykov A.Yu. (2003). Istoki modernizatsii Kazakhstana: Problema sedentarizatsii v rossiyskoy politike XVIII – nachala XX v. [The origins of the modernization of Kazakhstan: the challenge of sedentarization in Russian politics of the XVIII – beginning of XX century]. Barnaul, 267 p. [in Russian]

Ермекебай, 2018 – Ермекебай Ж.А. (2018). Zapadnosibirskaya administratsiya i kazakhskoye samoupravleniye v pervoy polovine XIX v.: novatsii i traditsii [West Siberian administration and Kazakh self-government in the first half of the XIX century: innovations and traditions]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Т. 24, pp. 18-27. [in Russian]

Galiyev, 1993 – Galiyev V.Z. (1993). Dvizhushchiye sily narodno-osvoboditelnoy borby pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova [The driving forces of the people's liberation struggle led by Kenesary Kasymov]. *Sbornik statey Ablay khan. Kenesary*. Алматы, pp. 101-112. [in Russian]

Larina, Shaidurov, 2015 – Larina O., Shaidurov V. (2015). European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles). *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6. Is. 5(1). pp. 460-466.

Lysenko, 2019 – Lysenko Y.A. (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148.

Lysenko, Anisimova i dr., 2014 – *Lysenko Yu.A., Anisimova I.V. i dr.* (2014). Traditsionnoye kazakhskoye obshchestvo v natsionalnoy politike Rossiyskoy imperii: kontseptualnyye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX century)]. Barnaul, 271 p. [in Russian]

Lysenko, Kulikova, 2013 – *Lysenko Yu.A., Kulikova M.V.* (2013). Sistema mestnogo samoupravleniya v kazakhskoy stepi: ideologiya reform i problemy realizatsii (konets XVIII – seredina XIX v. [The system of local self-government in the Kazakh steppe: the ideology of reforms and implementation problems (late XVIII – mid XIX century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No 4–1 (80), pp. 181–188. [in Russian]

Lyubichankovskiy, 2013 – *Lyubichankovskiy S.V.* (2013). Imperiya Romanovykh i problema upravleniya kulturno-geterogennym prostranstvom [Romanov's empire and the problem of control over a culturally heterogeneous territory]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. No 3 (40). pp. 59–68. [in Russian]

Morozov, 2011 – *Morozov V.I.* (2011). M.M. Speranskiy i administrativnaya reforma v Sibiri (1819–1822) [Speransky and administrative reform in Siberia (1819–1822) // Proceedings of the North-Western Institute of management]. *Nauchnyye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya*. T. 2, No 3 (4), pp. 138–152. [in Russian]

Natsionalno-osvoboditelnaya borba..., 1996 – Natsionalno-osvoboditelnaya borba kazakhskogo naroda pod predvoditelstvom Kenesary Kasymova. [National liberation struggle of the Kazakh people under the leadership of Kenesary Kasymov]. Almaty, 1996, 512 p. [in Russian]

Remnev, Suvorova, 2013 – *Remnev A. V., Suvorova N. G.* (2013). Kolonizatsiya aziatskoy Rossii: imperskie i natsionalnye stsensarii [Colonization of Asian Russia: Imperial and national scenarios]. Omsk, Nauka Publ., 248 p. [in Russian]

РГИА – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv. [The Russian state historical archive].

Shaidurov, 2014a – *Shaidurov V.* (2014). Jews and Their Social Status in the Society of Siberia in XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2. pp. 239–244. [in Russian]

Shaidurov, 2014b – *Shaidurov V.* (2014). Siberian Polonius as a Result of National Policy of the First Half of the XIX Century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2. pp. 245–251. [in Russian]

Shaidurov, Norkina, 2015 – *Shaidurov V., Norkina E.S.* (2015). Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19–Beginning of the 20th Centuries. *Bylye Gody*. Vol. 37. Is. 3. pp. 623–632. [in Russian]

Vasilyev, 2014 – *Vasilyev D.V.* (2014). Rossiya i Kazakhskaya step: administrativnaya politika i status okrainy. XVIII – pervaya polovina XIX veka [Russia and Kazakh steppe: administrative policies and the status of the suburbs. XVIII – early XIX century]. M. 471 p. [in Russian]

Vasilyev, 2015 – *Vasilyev D.V.* (2015). Rossiya i Kazakhskaya step v pervoy polovine XIX veka: administrativnoye modelirovaniye prostranstva [Russia and the Kazakh steppe in the first half of the XIX century: administrative modeling of space]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyy nauchnyy zhurnal*. №4(16), pp. 65–82. [in Russian]

Zimanov, 1960 – *Zimanov S.Z.* (1960). Politicheskiy stroy Kazakhstana v kontse XVIII veka i pervoy polovine XIX veka. Alma-Ata [The political system of Kazakhstan in the late XVIII century and the first half of the XIX century]. 247 p. [in Russian]

«Если возможно, возвести в ханское достоинство»: восприятие этноэлитой Среднего жуза реформ 20-х гг. XIX в. (по материалам депутатских миссий казахских султанов в Петербург)

Юлия Александровна Лысенко ^{a, b, c, *}

^a Алтайский государственный университет, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье на основе документов, выявленных в РГИА, анализируются материалы депутатских миссий султанов Среднего жуза, последовавшие в Петербург после введения Устава о сибирских киргизах 1822 г. Подчеркивается, что, несмотря на европоцентризм и патерналистские взгляды политических кругов Российской империи в отношении казахского общества, депутатские миссии стали свидетельством готовности России вести с ними диалог и выстраивать партнерские отношения. В ходе депутатских миссий происходила нивелировка и урегулирование наиболее острых проблем, обозначившихся в процессе реализации Устава 1822 г. Среди них дальнейшая судьба института ханской власти в Среднем жузе, социальный статус старших султанов и султанов-

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: iulia_199674@mail.ru (Ю.А. Лысенко)

заседателей окружных приказов, вопросы оседания кочевников, их налогообложения, воинской повинности, формирования в степи сети российских начальных школьных учреждений. Автор статьи приходит к выводу, что в процессе обсуждения совокупности данных проблем Россия демонстрировала лояльность и готовность идти на компромисс в вопросах, кардинальным образом не нарушавших ход и логику начавшихся в Среднем жузе административных преобразований. В противном случае она занимала принципиальную позицию и отстаивала свои интересы. Наиболее ярко данная ситуация проявилась в вопросе судьбы института ханской власти, ликвидированного в Среднем жузе накануне введения Устава 1822 г. Попытки казахских депутатских миссий его реанимации шли вразрез со стремлением России к политическому закреплению в регионе, поэтому были отвергнуты ею в категоричной форме.

Ключевые слова: Устав 1822 года, реформа, Российская империя, Средний жуз, казахи, ханская власть, ислам.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 624-633. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.624
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Experience Integration of Regions into the Empire: Karachay in 1821–1834

Rustam M. Begeulov ^{a, *}

^a Karachay-Cherkess state University named after U.D. Aliev, Russian Federation

Abstract

The article discusses the vicissitudes of the occurrence of the Karachay Duchy in the Russian Empire. In this process, clearly distinguishes two stages. The first of these covers the period from 1821 to 1828. At this time the Russian fortifications, and the posts were placed at the borders of the Karachay lands, but in the relationship of the two parties dominated the military component. The combination of various circumstances led to the fact that Ermolov period Karachay was the only ethnopolitical entities of the Central Caucasus, were not, de facto, political and legal space of Russia. In addition, the intensity of the Russian-Karachay of the relationship, Turkish propaganda and the search for external allies has led to the formation of Ottoman citizenship of Karachay, where he was nominally in the period 1826-28. The turning point in the history of Russian-Karachay of the interaction can be considered as 1828, when in the course of the outbreak of the Russo-Turkish war, the Russian command had a separate military operation to conquer the Karachay. Result of the defeat of the troops of the Karachay was the signing by the political elite of the Karachay first the oath of allegiance to the Emperor of Russia, not affecting, however, the traditional political system and the court. From this point it is possible to allocate the second stage of the integration process, covering the period 1828–1834. It can be described as a time of mutual accusations of violating the terms of the oath, particularly in paragraphs relating to the pass through the territory of the Karachay units non-peaceful highlanders and prevent Karachay for trade and other purposes for the line of fortifications. The main levers of pressure on the Karachay from the Russian military in 1831–1834, he began the economic blockade and expulsion from the region of the hostages, issued earlier by the representatives of the political elite. However, the growing mutual interest in each other led to the resumption of dialogue and the signing in September 1834 a new agreement on the Russian citizenship of Karachay. One of the main elements of the oath 1834, was the establishment of a Russian Governor and dealing with the economic issues that formed the basis for further development and integration of Karachay in Russia.

Keywords: Karachay, Kabarda, Russia, Ottoman Empire, Caucasian war, the Russian command, non-peaceful highlanders, military conflicts, oath, problems of integration.

1. Введение

Интеграция Северного Кавказа в состав российского государства проходила довольно сложно и неоднозначно. Она была осложнена военными действиями, вмешательством иностранных государств, религиозно-политическими движениями и т.д. Даже уже после присоединения региона к России общественно-политическая ситуация на Северном Кавказе нередко обострялась, приводя порой к военным мятежам в среде горских народов. Уже одно это обстоятельство детерминирует непреходящий научно-исследовательский интерес к данной проблематике. Между тем процесс интеграции различных кавказских сообществ в состав Российской империи еще не полной степени получил свое освещение в научной литературе. Многие его аспекты до сегодняшнего дня остаются малоизвестными и малоисследованными. Особенно это касается карачаево-балкарских княжеств,

* Corresponding author

E-mail addresses: r_begeul@mail.ru (R.M. Begeulov)

горских обществ абазин-шкарауа и др. В этой связи данная статья представляет собой одну из попыток заполнения существующей лакуны в области исторического знания в отношении одного из самых высокогорных регионов Кавказа – Карачая.

В связи с тем, что интересующая нас тема не получила достаточно широкого освещения в отечественной и зарубежной историографии, в ходе работы над статьей нами были привлечены источники из ряда региональных и центральных архивов России. Среди них представлены такие архивохранилища, как Российский государственный военно-исторический архив, Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики, Государственный архив Краснодарского края. Из опубликованных сборников документов важное значение имеет коллективный труд «Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917)» (Ростов-на-Дону, 1985). Кроме того, значительную ценность при рассмотрении вопросов, связанных со второй присягой карачаевцев на верность императору всероссийскому (1834 г.) имеют мемуары непосредственного участника этих событий И. Шаховского «Воспоминания о Кавказе», напечатанные в журнале «Военный сборник» (1876 г., № 9–10).

Сразу следует отметить, что наиболее изученный в историографии вопрос связан с первой присягой карачаевцев на верноподданство государю императору 23 октября 1828 г. (здесь и далее даты даны по старому стилю – авт.), а также с непосредственно предшествовавшим этому событию Хасаукинским сражением, последующими условиями присяги и т.д. Эта тематика довольно подробно освещалась еще в имперский период. Так, она стала одним из главных эпизодов в биографии генерала Г.А. Емануэля (командовавшего русскими войсками при покорении карачаевцев), вышедшей из-под пера Н.Б. Голицына (Голицын, 1851). Этой же теме уделил внимание В. Толстов в труде «История Хоперского полка Кубанского казачьего войска» (Толстов, 1900). И, конечно же, подробное описание российско-карачаевского военного противоборства в 1828 г. оставил В.А. Потто, посвятив этому событию один из параграфов своей фундаментальной работы (Потто, 1994). Позднее, в советское время, этой же проблемы касался У.Д. Алиев (Алиев, 1991), а в постсоветский период – Р.М. Бегеулов (Бегеулов, 2002). В то же время события и явления, предшествовавшие 1828 г. или происходившие в промежутке времени между первой и второй (1834 г.) присягами, менее известны и недостаточно исследованы, хотя отдельные интересующие нас сюжеты и получили свое отражение в ряде работ. Например, некоторые перипетии османо-карачаевского сближения в 1826 г. отмечены в монографии Ф.А. Щербина (Щербина, 1913). Отдельные данные можно почерпнуть из обобщающих работ по истории интересующего нас периода. Среди них можно выделить такие труды, как «Очерки истории Карачаево-Черкесии» (ОИКЧ, 1967) и «Очерки истории карачаево-балкарцев» (Тебуев, Хатуев, 2002).

Таким образом, определенная основа для изучения избранной нами проблематики в историографии имеется. Тем не менее, на наш взгляд, до сих пор существуют некоторые лакуны, которые мы попытались восполнить в этой статье.

2. Материалы и методы

В основе данной исследовательской работы лежит принцип историзма, позволивший осветить проблему присоединения Карачая к России, событий и явлений, способствовавших и препятствовавших этому процессу, на фоне конкретно-исторических региональных условий 1820–30-х гг., с учетом разнообразных внутренних и внешних факторов и предоставляющий возможность определить и оценить причины и последствия интеграции Карачаевского княжества в состав Российского государства. В ходе работы над данной статьей нами был задействован ряд специально-исторических методов. Среди них проблемно-хронологический, хронологический, синхронистический, позволивший установить взаимосвязи между сходными процессами интеграции в других северокавказских регионах, сравнительно-исторический, предоставивший возможность определить особенности развития общественной, военно-политической, экономической ситуации в Карачае в 1820–1830-е гг., генетический, при помощи которого проанализированы основные тренды и закономерности эволюции российско-карачаевского взаимодействия в рассматриваемый период и др.

3. Обсуждение

Как известно, до 1820-х гг. взаимоотношения Карачая с российскими военными и гражданскими лицами на Кавказской линии носили эпизодический характер. Это объяснялось, прежде всего, тем, что российские передовые рубежи были относительно далеко от высокогорных районов верховий Кубани – места сосредоточения основной массы карачаевского населения. Кроме того, своеобразным буфером между Карачаем и Россией в начале XIX в. выступала территория Кабарды, которая рассматривалась российской стороной в качестве неотъемлемой части империи, но сохраняла в описываемое время автономный статус и «мятежный дух», что часто приводило к военным эксцессам. К тому же в конце XVIII – начале XIX вв. Карачаевское княжество оказалось в эпицентре шариатского движения, охватившего регион, что априори не могло способствовать сближению с христианской державой.

Данная ситуация радикально изменилась после 1821 г., когда генералом А.П. Ермоловым было принято решение о ликвидации автономного статуса Кабарды, размещении на ее территории регулярных войск на постоянной основе, строительстве укреплений и т.д. Следует отметить, что еще в преддверии военной операции против «немирных» кабардинцев командование на Кавказской линии заинтересовалось горскими обществами осетин, балкарцев и карачаевцев, рассматривая их в качестве потенциальных союзников в ходе покорения Кабарды. Планировалось, что в качестве поощрения за поддержку российской армии населению высокогорной зоны будет открыт путь к переселению на равнину. Кроме того, командованию на линии было хорошо известно о кабардинской тактике, предусматривавшей в случае появления превосходящих сил противника отход в горы и эвакуацию туда части имущества и небоеспособного населения. Таким образом, отрезав кабардинцев от гор, можно было значительно упростить проведение намеченной военной операции. В этой связи военно-политические предпочтения горских обществ (карачаево-балкарских, осетинских) становились значимым фактором намечавшегося противостояния. По замыслам российских стратегов (в том числе самого Ермолова) переход населения высокогорной зоны на сторону российской армии должен был значительно облегчить проведение военной операции и покорение Кабарды и поставить последнюю в «совершенную зависимость» от России (РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 16. Т. 2. Д. 6209. Л. 3 об.-4).

Однако в оценке этнополитической ситуации в центральнокавказском регионе российским командованием были допущены существенные просчеты. Не учитывались традиционная система взаимодействия местных элит, скрепленная родственными и квазиродственными связями, возросшая роль религиозного (исламского) фактора, культурная и ментальная близость горских этносов и т.д.

В итоге просчеты в оценке ситуации начали сказываться практически сразу после начала военной кампании, которая предусматривала не только полное подчинение местных феодалов российской администрации и строительство новых укреплений, но и проведение масштабных миграций горского населения (создание укрупненных поселений, переселение с гор на равнину и т.д.). Во-первых, ожидавшегося удара по кабардинцам с «тыла» со стороны этносов высокогорной зоны не последовало. Во-вторых, не наблюдалось масштабной миграции с гор на так называемую плоскость, особенно со стороны карачаевцев и балкарцев. В-третьих, расположенные в горах общества стали оказывать кабардинцам существенную гуманитарную и военную помощь. Складывавшаяся ситуация, с одной стороны, заставила российское командование вносить коррективы в разработанные планы «замирения» региона, а с другой – привела к эскалации военных действий и втягиванию в них карачаевского населения.

Еще в преддверии основной фазы военной кампании в декабре 1821 г. командованию на Кавказской линии поступило донесение о том, что оперировавший на р. Куме отряд майора Курилы был атакован объединенными силами абазин, кабардинцев и карачаевцев (Зубов, 2001: 94). По мере же разрастания военной кампании напряжение в действиях обеих сторон начало только нарастать.

Как известно, основные русские силы под личным командованием А.П. Ермолова вступили на территорию Кабарды 22 мая 1822 г. Однако в ходе начавшейся основной фазы военной операции становились все более очевидными просчеты, допущенные в ходе оценки ситуации в регионе. Особенно это относилось к сфере межнациональных отношений на Центральном Кавказе, к возможностям инициирования межгорских конфликтов и привлечения народов высокогорной полосы (в том числе карачаевцев) к военному союзу с Россией. Как отмечалось выше, последний пункт являлся важной составляющей всей стратегии военной кампании. Но реально складывавшаяся обстановка мало соответствовала предполагаемому сценарию. Во-первых, кабардинцы по-прежнему пользовались традиционной тактикой: их отряды отступали в горную местность, туда же эвакуировались семьи и имущество. В горах они пользовались различной поддержкой со стороны местных народов или в крайнем случае могли рассчитывать на дружественный нейтралитет с их стороны. Во-вторых, массового исхода карачаевского и балкарского населения с гор не наблюдалось. В-третьих, стали происходить военные эксцессы с карачаевцами и балкарцами. Это начинало вызывать непонимание и неприятие.

По воспоминаниям офицера Э.В. Бриммера, участвовавшего в военной операции на территории Центрального Кавказа, в июне 1822 г. Ермолов не исключал организацию экспедиции против карачаевцев в случае продолжения «разбоев» с их стороны и отказа переселения на плоскость (Бриммер, 1894: 112-113). Позднее, 30 июля 1822 г., главнокомандующий издал еще более жесткий приказ, в котором карачаевцы прямо были названы «неприятелем» и подлежали «при встрече» истреблению (АКАК, 1875: 459).

Такое ужесточение позиции во многом было продиктовано тем обстоятельством, что в данный период Карачай стал, с одной стороны, своеобразным приютом для всех антироссийских сил в Кабарде и других соседних регионах, а с другой – превратился в своеобразный мост, связывавший Центральный и Северо-Западный Кавказ. После покорения Кабарды Ермоловым значительная часть оппозиционно настроенного кабардинского населения оказалась за Кубанью на территории, формально считавшейся османской до 1829 г. Причем немало мигрантов перебралось в Закубань именно через карачаевскую территорию, так как более удобные и прямые коммуникации были довольно быстро и основательно перекрыты российскими войсками и системой укреплений.

Контролировать же высокогорную часть истоков Кубани военные были еще не в состоянии. Это переселение приобрело довольно массовый характер, затронуло другие народы (при содействии карачаевцев мигрировало и несколько балкарских князей (таубиев) с подвластным населением (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 41. Л. 19) и вызвало негативную реакцию российских военных. Через Карачай также стали осуществляться набеги на российские укрепления и лояльных России соотечественников со стороны оппозиционных адыгских групп, находившихся в закубанских районах.

Развитие ситуации в таком неблагоприятном для России направлении привело к тому, что командование на Кавказской линии в 1822 г. стало разрабатывать отдельную войсковую операцию по покорению Карачаевского княжества. В то же время сведения о ней весьма скудны и противоречивы. Дело в том, что полновесных источников о ходе ее проведения нами пока не выявлено, но в то же время прослеживается тенденция замалчивания о ней в официальных документах. Собственно сведения о формировании отряда для покорения карачаевцев обнаруживаются в ходатайствах о вознаграждении со стороны проводников-горцев, привлеченных военными. Можно было бы, конечно, предположить, что военная фаза операции так и не началась по какой-то причине. Однако, исходя из прошений проводников, напрашивается вывод о том, что отряд, которым командовал полковник Подрядов, все же был сформирован и направлен на покорение Карачая (Бейтуганов, 1993: 101). Но прояснить дальнейшие перипетии событий пока не представляется возможным. Дело в том, что донесений о произошедшем боестолкновении нам обнаружить не удалось. Также отсутствуют какие-либо сведения о выдаче аманатов (заложников) представителям российского командования со стороны карачаевцев в 1822 г. и народные предания о данном эпизоде в фольклорных записях. Изложенные факты дают нам основание предположить, что до реального боестолкновения дело тогда все-таки не дошло. Возможно, что такой исход предпринятой операции был детерминирован инструкциями самого Ермолова, предписывавшего в то время не совершать далеких рейдов в глубину горных ущелий (АКАК, 1875: 459). Таким образом, Подрядов, проявив осторожность и действуя в полном соответствии с приказом главнокомандующего, мог уклониться от вторжения в высокогорную местность.

Так или иначе, но можно отметить интересный факт: после военной кампании Ермолова 1821–1822 гг. из всех территориально-политических образований в центрально-кавказском регионе только Карачаевское княжество сумело сохранить свою относительную самостоятельность. На его территории не располагались воинские подразделения, отсутствовал институт приставства, сохранялась традиционная система управления, у командования отсутствовали рычаги влияния на карачаевцев через систему аманатства. Карачаевское население не переселялось на так называемую плоскость под контроль постов и укреплений, сохраняло контакты с непокорными горцами и кабардинской фрондой в самой Кабарде и в Закубанье.

Хотя российская сторона продолжала считать Карачай частью империи, но отношения между сторонами осложнялись не только отсутствием каких-либо видимых политических взаимосвязей, но и периодическими военными эксцессами. Так, например, в 1824 г. карачаевцы приняли участие в боестолкновениях с российским отрядом, пытавшимся захватить и переселить абазинские аулы в районе рек Малый и Большой Зеленчук (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 135. Л. 99). Практика же взаимных нападений с целью реквизиции скота и другого имущества в описываемый период вообще стала чрезвычайно распространенной. В конце 1823 г. в ходе одного казачьего рейда количество угнанных с карачаевских кошей баранов достигло 1000 голов (Потто, 1994: 424). Мало того, влияние карачаевцев как «сильнейших противу всех прочих обществ, живущих в горах» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об.), на родственные им по языку и культуре балкарские общества способствовало распространению в их среде антироссийских настроений. Согласно данным русской разведки, в 1826 г. в Чегеме только часть общества считалась лояльной по отношению к России. «Другая же, столь же сильная, находилась не под зависимостью нашею (русской – авт.)...» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 5 об.).

Кроме того, в этот период территория Карачая стала использоваться различными антироссийскими силами в качестве удобного и не контролирующегося имперскими властями транскавказского транзитного пункта. С одной стороны, через Карачай проходили и в его селениях останавливались отряды непокорных горцев. В 1824–1825 гг. масштабные набеги из закубанских районов в Кабарду, приведшие к разгрому двух русских селений, нескольких мирных кабардинских аулов и значительным людским и хозяйственным потерям, прошли для горцев успешно только благодаря неподконтрольности Карачая. В обоих случаях «партии» немирных горцев смогли уйти от преследования, пройдя из Баксанского ущелья «подошвою Эльбруса через карачаевцев за Кубань» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 6 об.). Следует отметить, что карачаевская аристократия сама была заинтересована в этих акциях, так как за пропуск «через земли свои хищных закубанских партий в пределы российские всякая получаемая ею добыча 3-я часть принадлежит им» (СПФАРАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 63. Л. 8 об.). С другой стороны, через Карачай была налажена связь между Османской империей и ее крепостями на Черноморском побережье с де-юре российскими регионами Кавказа, в том числе с Чечней и Дагестаном. В 1826 г. российские власти неоднократно обвиняли карачаевцев в предоставлении убежища «хищникам» и османским «обольстителям», а также в оказании им содействия в деле скрытного перемещения по разным горским округам (АКАК, 1878: 875).

Тем не менее 26 июня 1826 г. с подачи командира кордона правого фланга Кавказской линии полковника Чавчавадзе российские военные заключили с представителями тогдашней карачаевской элиты своеобразный «договор о нейтралитете». Данное соглашение предусматривало отказ обеих сторон от «неприятных» действий в отношении друг друга, свертывание сотрудничества карачаевцев с немирными горцами и т.п. В случае соблюдения этих условий российские власти принимали на себя обязательство разрешить жителям Карачая вести торговлю в пределах империи и «пасти стада своего скота на низменных местах» (РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 8. Л. 1-3 об.). При этом следует отметить, что данный договор фактически закреплял самостоятельный статус Карачая и его территориальное расположение вне границ Российской империи, а его пункты не подкреплялись традиционной для того времени практикой выдачи аманатов.

Несмотря на заключение данного договора, сохранение неопределенности в российско-карачаевских взаимоотношениях, военные эксцессы, а также активная пропагандистская работа нового анапского паши привели к росту проосманских настроений в Карачае. В турецкую крепость Анапа в 1826 г. отправилась карачаевская делегация во главе представителями ведущей княжеской фамилии Крымшамхаловых. Итоги карачаево-османских переговоров были оформлены присягой на верность османскому султану, которая предусматривала, в частности, введение на территории Карачая духовных (шариатских) судов и отказ от использования прежних норм обычного права (Хан-Гирей, 1989: 263). В залог верности данной присяге от карачаевских князей были истребованы аманаты. В свою очередь представители правящей княжеской династии получили от османов заверения в признании своего первенствующего положения в обществе, а статус избравшегося из их среды старшего князя (оли) приравнивался к должности турецкого паши или вали (губернатора). Помимо Крымшамхаловых, текст присяги подписали еще несколько представителей знатных карачаевских фамилий. Кроме того, из Анапы в Карачай направлялся кадий Хаджи-Ахмет, который должен был возглавить местное духовенство, шариатский суд и продемонстрировать независимый от России статус вновь приобретенного турками региона (Бегеулов, 2002: 103).

Впрочем, данный демарш османской стороны привел не только к формальному укреплению ее позиций в регионе, но и, совершенно неожиданно, к появлению серьезной пророссийской оппозиции в данном горном крае. Поводом к этому послужила обычная правовая коллизия. Дело в том, что после приезда из Анапы нового кадия предыдущий не захотел складывать свои полномочия и продолжал исполнять свои обязанности. Как отмечал Ф.А. Щербина, это породило своеобразное «двоевластие», в результате которого люди стали «обращаться к обоим кадиям», что, в свою очередь, вело к возникновению различных «недоразумений» (Щербина, 1913: 386). В итоге представитель другого карачаевского княжеского клана Магомед Дудов, недовольный решением анапского кадия, попытался его убить. Это привело к столкновениям между двумя ведущими княжескими фамилиями Карачая, в результате которых со стороны Дудовых два человека были убиты и двое ранены (Щербина, 1913: 386). Сам же виновник инцидента был вынужден покинуть Карачай. Он обратился за помощью к российскому командованию, был благосклонно им принят и получил возможность проживать в Нальчике (Бегеулов, 2002: 103). Таким образом, в Карачае появилась довольно влиятельная группа прорусской ориентации, сыгравшая позднее свою роль в присоединении Карачаевского княжества к России.

Тем не менее проосманский демарш, предпринятый частью карачаевской политической элиты, хотя и вызвал беспокойство российских военных, но не привел к каким-либо значимым военно-политическим последствиям. Только в 1827 г. новый командующий Кавказской линией генерал Г.А. Емануэль предпринял попытку оспорить вопрос подданства Карачая, вступив в острую, но безрезультатную дипломатическую переписку с анапским пашой. Одновременно командующий инициировал обращение к самим карачаевцам, в котором призывал их принять российской подданство и выдать аманатов. Но представители горского общества ему «и в том, и в другом отказали» (АКАК, 1878: 866). Кроме того, демарш генерала вызвал недовольство главнокомандующего на Кавказе Паскевича, который в ответном письме Емануэлю призывал отказаться от антиосманских выпадов в условиях продолжавшейся в те годы войны с Персией (Потто, 1994: 276).

В то же время российская сторона продолжала обвинять карачаевцев в несоблюдении условий договора от 1826 г., например, возложив именно на них вину за угон казачьего скота с реки Баксан (Щербина, 1913: 385), и в систематическом пропуске «хищнических партий» немирных горцев. В то же время начавшаяся в апреле 1828 г. очередная русско-турецкая война, с одной стороны, развязывала военному командованию руки в отношении даже формально турецкоподданных горских обществ, а с другой – привела к активизации военных действий на Кавказе как с горской стороны, поощряемой призывами к «священной» войне османами, так и с российской.

Очевидно, что в развернувшемся противостоянии военный потенциал небольшого горского общества (Карачая) не играл практически никакой роли. Но летом 1828 г. произошло событие, которое показало российскому командованию, что данный неподконтрольный анклав на стыке Северо-Западного и Центрального Кавказа играет важное стратегическое значение, должен быть ликвидирован и де-факто войти в состав России. 9 июля 1828 г. большой отряд закубанских горцев

при посредничестве и участии карачаевцев сумел не только миновать кордонные укрепления, но и практически полностью уничтожить селение Незлобное Георгиевского уезда (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 640. Л. 2). После этого горский отряд по уже апробированной практике отошел в Баксанское ущелье, оттуда перебрался в Карачай и, ускользнув от русских войск, благополучно ушел в Закубанье.

Это событие в очередной раз продемонстрировало российским военным стратегическое положение Карачая и важность изменения его политического статуса. Таким образом, принципиальное решение о проведении военной операции против карачаевцев было принято летом 1828 г., хотя ее фактическое осуществление несколько затянулось. Сводный отряд под личным командованием Г.А. Емануэля выступил на покорение Карачая только в октябре того же года. Как известно, 20 октября 1828 г. в результате 12-часового боя сопротивление карачаевцев было сломлено, а через несколько дней состоялась торжественная церемония принятия присяги Карачая на верность государю императору всероссийскому. Поскольку этот эпизод российско-карачаевских отношений является одним из самых известных и хорошо описанных в ряде работ (упомянутых выше), мы не будем останавливаться на этом подробно. Отметим только, что по условиям присяги карачаевцы вновь взяли на себя обязательство не сотрудничать с немирными горцами, а в случае появления крупных отрядов закубанцев немедленно сообщать российским постам; должны были выдать русских пленных солдат и дезертиров, вернуть скот и другое похищенное имущество. При этом не затрагивались основы сложившейся системы управления в обществе и даже не назначался пристав. Однако по условиям присяги 1828 г. от Карачая были выданы четыре аманата (ГАСК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 980. Л. 12 – 12 об.).

По сведениям В.О. Потто, по итогам переговоров карачаевских представителей с генералом Емануэлем также было принято решение о выставлении горским обществом вспомогательных отрядов во время российских военных экспедиций в приграничных к Карачаю районах и о предоставлении при необходимости войскам подвод «за условленную плату» (Потто, 1994: 337).

После официального присоединения Карачая к Российской империи туда был направлен зауряд-хорунжий Ходжаев, который должен был проследить за выполнением условий присяги, и новый кадий – некий Абдулла из Бабуковского аула Кабарды, присланный к карачаевцам взамен арестованного и сосланного в Вологду турецкого эфенди Хаджи-Ахмета (Щербина, 1913: 389). Судя по всему, Ходжаева также прочили на должность пристава. Однако эти нововведения в карачаевской среде не прижились. Население оказалось враждебно настроенным к обоим лицам, в результате чего после вывода войск и Ходжаев, и Абдулла-кади были отозваны из Карачая российским командованием. Главой всего общества продолжал оставаться старший князь (оли/вали), которым на тот момент являлся Ислам Крымшамхалов.

Между тем первая присяга Карачая на верность российскому императору мало что изменила не только во внутренней, но и во внешней жизни карачаевского общества. Если первый год после принесения присяги обе стороны старались придерживаться взятых на себя обязательств (карачаевцы, например, принимали участие в знаменитой экспедиции Г. Емануэля по восхождению на Эльбрус в 1829 г.), то уже с 1830 г. российско-карачаевские отношения вновь начинают обостряться. Карачаевцев перестают пропускать в российские города и селения по торговым надобностям, а сами они начинают по-прежнему пропускать отряды немирных горцев, направляющихся в набег или возвращающихся с него через свои земли. Причем это было не столько следствием взаимного невыполнения принятых на себя обязательств, сколько результатом тесных межэтнических, родственных и квазиродственных контактов с соседями, разорвать которые в одночасье было сложно и практически невозможно. Карачаевская аристократия путем брачных союзов роднилась с соседними народами, а межэтнические браки «вплоть до второй половины XIX столетия оказывали сильнейшее влияние на общественно-политическую ситуацию в крае» (Барзбиев, 2000: 64). Кроме того, сказывался фактор отдаленности русских постов и укреплений. Даже в случае крайней необходимости они не смогли бы оказать карачаевцам необходимую помощь в случае серьезного военного конфликта.

В то же время сами российские власти стали все настойчивее требовать выполнения пункта присяги о недопущении набегов немирных горцев с карачаевской территории. В 1832 г. генерал Вельяминов выдвинул ультимативное требование карачаевцам, в котором объявлял, что они должны прекратить пропускать «закубанские партии», следующие «на хищничества в наши границы» (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 4), в противном случае обещая применить самые решительные меры воздействия. А поскольку ситуация в Карачае и вокруг него, по мнению командования, не менялась в лучшую сторону, оно стало переходить от слов к делу.

Под «решительными мерами» подразумевалась прежде всего экономическая блокада, которая была установлена российской стороной в отношении Карачая как минимум с 1832 г. Она заключалась в том, что карачаевцам стали препятствовать выгонять скот – основу жизнеобеспечения этноса – на предгорные и равнинные пастбища, не пропускали на меновые и торговые пункты, а за пропуск горских отрядов стали применять систему штрафов, выражавшуюся в захвате, отгоне и конфискации овец. Так, например, только в 1834 году командующий войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенант Вельяминов наложил на карачаевцев штраф в

размере 10 тысяч овец (Материалы, 1912: 147, 150). Пытаясь найти альтернативные пути сохранения хозяйственного потенциала в начале 1830-х гг. карачаевцы все чаще стали перегонять часть своих отар за Кавказский хребет и пастись их на землях сванов (РГВИА. Ф. 482. Оп. 1. Д. 193. Л. 411 об.), пользуясь родственными связями княжеских родов. Однако полноценной замены пастбищам вблизи Кисловодской кордонной линии они дать не могли.

Вслед за скотоводством кризисные явления охватили и другие отрасли сельского хозяйства. В 1832–1833 гг. неблагоприятные погодные условия привели к неурожаю зерновых культур на всем Северном Кавказе (ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1386. Л. 6). Ситуация в регионе была довольно тревожной: власти опасались голода среди населения. Командующий Кабардинской линией полковник Пирятинский докладывал, что подведомственные ему мирные горцы (кабардинцы, балкарцы, осетины) в пропитании семейств «своих терпят необыкновенную крайность и если покупка хлеба воспрещена будет им в области, то неизбежно подвергнутся они должны последствиям голодной смерти...» (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 76). Но если жители равнинных районов и горцы, считавшиеся мирными, возлагали надежды на помощь государства, то немирные могли рассчитывать только на свои ресурсы. По некоторым данным, положение в Карачае действительно складывалось критическое, так как якобы были зафиксированы случаи, когда «в голодные 1832 и 1833 годы родители продавали дочерей за паек муки» (Г-дъ, 1849: 63).

Еще одним фактором давления на карачаевское общество в это время стали аманаты, выданные российскому командованию в 1828 г. В 1832 г. их перевели из Нальчика в Ставрополь. В то же время было официально объявлено, что новое место их дислокации не что иное, как перевалочный пункт. В случае продолжения «неприятных» действий со стороны карачаевцев аманатов планировалось сослать в Сибирь (ЦГА КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 5. Л. 4 об.). И действительно, в следующем 1833 г. заложники были переведены с Кавказа, правда, не в Сибирь, а в Дмитриевский полубатальон военных кантонистов (крепость св. Димитрия), под предлогом того, что карачаевцы «продолжали пропускать хищников через свои земли и некоторые из них лично участвовали в хищничествах» (СЭПКРНКЧ, 1985: 48). Это мероприятие также оказало серьезное влияние на политическую элиту тогдашнего Карачая. Можно отметить, что среди данных аманатов был сын самого оли Ислама Крымшамхалова.

В сложившейся ситуации политическая элита Карачая попыталась провести переговоры с представителями российского командования. В январе 1833 г. через Баталпашинскую карантинную заставу к Вельяминову в Ставрополь была допущена делегация из четырех карачаевцев, которая пыталась обговорить условия нормализации отношений и изъявляла готовность принять в Карачае русского пристава. Однако Вельяминов посчитал это поиском «временной выгоды», не поверил в их «чистосердечную преданность правительству», требуя безоговорочной покорности (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 162. Л. 3, 6). После возвращения депутатов в Карачай в мае 1833 г. к российскому командованию поступили сведения о том, что «карачаевский народ... начал переселяться на вершину реки Большой Зеленчук к урочищу, называемому Дал...» (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 1). Правда, по имеющимся данным, массового переселения народа удалось избежать, равно как и возобновления военного противостояния, по поводу чего высказывались опасения российских военных, наблюдавших весной 1833 г. в окрестностях Хумаринского укрепления скопление вооруженных карачаевцев численностью до 1000 человек (РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 61).

В итоге экономическое и политическое давление со стороны России и заинтересованность карачаевцев в нормализации отношений с ней все-таки привели к новому раунду переговоров. В 1834 г. старший адъютант генерального штаба Кавказского корпуса И.В. Шаховской, который вел картографические работы, получил задание проехать через Карачай в Сванетию. Однако данная поездка вызывала затруднение в связи с обострением и неурегулированностью российско-карачаевских отношений. Взаимная заинтересованность друг в друге привела к возобновлению диалога. Во время нахождения Шаховского в ауле кабардинского князя Мисоста Атажукина (в 6 верстах от Нальчика) к нему прибыла делегация карачаевцев во главе с оли Исламом Крымшамхаловым. Последний высказал ряд претензий к российскому командованию, обвиняя его, в частности, в чрезмерной предвзятости, в произволе и неразберихе в сфере административного управления (Шаховской, 1876: 458).

Шаховской, имея соответствующую инструкцию от командующего отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена, поспешил заверить карачаевскую делегацию в том, что все разногласия в случае изъявления покорности будут устранены. Обе стороны условились провести еще один раунд переговоров непосредственно в Карачае. Он также прошел успешно и в сентябре 1834 г. князю Шаховскому удалось «склонить карачаевцев к возобновлению присяги на верноподданство государю императору» (СЭПКРНКЧ, 1985: 48).

Между представителями карачаевской политической элиты и российского командования был заключен новый договор. Его условия в общих чертах повторяли пункты предыдущей присяги от 1828 г. Самым существенным нововведением стало только появление должности пристава (СЭПКРНКЧ, 1985: 48).

В преддверии переговоров карачаевцам представился случай подкрепить свои обязательства реальным делом. Вооруженный отряд, возглавляемый самим оли, вступил в схватку с партией «хищников», совершивших набег на Кабарду и возвращавшихся в Закубанье. Успех сопутствовал карачаевцам, которые не только разбили неприятеля, но и возвратили награбленное «кабардинцам по принадлежности» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18505. Л. 19). Это событие также оказало благоприятное впечатление на военных, участвовавших в переговорах. Во многом вследствие этого они благосклонно отнеслись к просьбе карачаевцев, просивших в ходе процедуры выдачи новых аманатов вернуть им прежних, переданных командованию еще в 1828 г. По настоянию Шаховского перед военным министром Чернышевым об этом ходатайствовал сам командующий Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розен (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18505. Л. 21 об.). В итоге прошение карачаевцев о возвращении на родину аманатов после некоторых бюрократических проволочек было удовлетворено.

4. Заключение

Таким образом, присяга карачаевцев 1834 г. гораздо более осязаемо оформила вхождение карачаевцев в состав Российской империи. Главным ее новшеством стало то, что в Карачае появилась должность пристава, олицетворявшего российскую власть. Первым приставом стал представитель кабардинской княжеской элиты Атажуко Атажукин. Его назначение должно было одновременно несколько обезопасить карачаевское общество от враждебных действий со стороны закубанских адыгов. Во-первых, Атажукину было легче договариваться со своими родственниками за Кубанью; во-вторых, в случае групповых военных столкновений, по представлениям горцев, «кровь» ложилась на того, кто возглавлял отряд. Кроме того, события 1830–1834 гг. еще раз продемонстрировали сильную зависимость хозяйства карачаевцев от равнинных и предгорных пастбищ, в значительной степени контролировавшихся российскими военными. Это понимали обе стороны, что стало хорошим рычагом влияния и давления на Карачай со стороны командования и в то же время значимым фактором соблюдения присяги со стороны карачаевцев. Несмотря на все дальнейшие перипетии и сложности российско-карачаевского взаимодействия и даже военные коллизии, обе стороны в дальнейшем старались придерживаться ее условий, по крайней мере, на протяжении более 20 лет. И только восстание 1855 г. в Карачае и его подавление, с одной стороны, подвели своеобразную черту под присягой 1834 г., а с другой – ознаменовали собой начало новой эпохи – окончательной интеграции этого горного края в политико-правовое и экономическое пространство Российской империи.

Литература

- Акты, 1875 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. 2.
 Акты, 1878 – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1878. Т. VII.
 Алиев, 1991 – Алиев У.Д. Карачай (Карачаевская автономная область). Историко-этнологический и культурно-экономический очерк. Изд.-е 2-е. Черкесск, 1991. 320 с.
 Баразбиев, 2000 – Баразбиев М.И. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX веков. Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 с.
 Бегеулов, 2002 – Бегеулов Р.М. Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 179 с.
 Бейтуганов, 1993 – Бейтуганов С.Н. Кабарда и Ермолов. Очерки истории. Нальчик: Эльбрус, 1993. 304 с.
 Бриммер, 1894 – Бриммер Э.В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1 кадетском корпусе и выпущенного в 1815 году // Кавказский сборник. Тифлис: Тип. канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1894. Т. 15. С. 52-260.
 ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 ГАСК – Государственный архив Ставропольского края.
 Г-дь, 1849 – Г-дь. Поездка к южному откосу Эльбруса в 1848 году // Библиотека для чтения. Спб., 1849. Т. 97. Ч. 1. С. 57-104.
 Голицын, 1851 – Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. Спб., 1851. 195 с.
 Зубов, 2001 – Зубов В.П. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800-го по 1834 г. // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа / Составитель Х.М. Думанов. Нальчик: Эл-Фа, 2001. 386 с.
 Материалы, 1912 – Материалы к истории покорения Западного Кавказа и Черноморского побережья. Время Паскевича и Розена // Кавказский сборник. 1912. № 32. Ч. 2. С. 1-320.
 ОИКЧ, 1967 – Очерки истории Карачаево-Черкесии: В 2-х т. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ставрополь, 1967. 600 с.
 Потто, 1994 – Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Ставрополь: Кавказский край, 1994. Т. 5: Время Паскевича или бунт Чечни. 400 с.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив.
 СПФАРАН – Санкт-Петербургский филиал архива РАН.

СЭПКРНКЧ, 1985 – Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790–1917). Сборник документов. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1985. 228 с.

Тебуев, Хатуев, 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса – Ставрополь: Сервисшкола, 2002. 224 с.

Толстов, 1900 – *Толстов В.* История хоперского полка Кубанского казачьего войска 1696–1896. В 2-х частях. Тифлис: Изд-во военно-исторического отдела при штабе Кав. воен. округа, 1900. Ч. 2. 289 с.

Хан-Гирей, 1989 – *Хан-Гирей.* Черкесские предания. Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 1989. 288 с.

ЦГА КБР – Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики.

Шаховской, 1876 – *Шаховской И.* Воспоминания о Кавказе // *Военный сборник.* СПб., 1876. № 10. С. 447-468.

Щербина, 1913 – *Щербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. (Репринтное воспроизведение). Екатеринбург, 1913. Т. II.: История войны казаков с закубанскими горцами. 880 с.

References

Akty, 1875 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. Tiflis, 1875. T. VI. Ch. 2. [in Russian]

Akty, 1878 – Akty, sobrannye Kavkazskoj arheograficheskoy komissiej. [Acts collected by the Caucasian archaeological Commission]. Tiflis, 1878. T. VII. [in Russian]

Aliev, 1991 – *Aliev U.D.* (1991). Karachay (Karachaevskaya avtonomnaya oblast'). Istoriko-etnologicheskij i kul'turno-ehkonomicheskij ocherk. [Karachay (Karachay Autonomous region). Historical-ethnological and cultural-economic profile]. Cherkessk. 320 p. [in Russian]

Barazbiev, 2000 – *Barazbiev M.I.* (2000). Etnokul'turnye svyazi balkarcev i karachaevcev s narodami Kavkaza v XVIII – nachale XX veka [Ethnic and cultural ties of the Balkars and Karachays with the peoples of the Caucasus in the XVIII – early XX century]. Nal'chik. 112 p. [in Russian]

Begeulov, 2002 – *Begeulov R.M.* (2002). Karachay v Kavkazskoj vojne XIX veka [Karachay in the Caucasus war of XIX century]. Cherkessk. 179 p. [in Russian]

Bejtuganov, 1993 – *Bejtuganov S.N.* (1993). Kabarda i Ermolov. Oчерki istorii [Kabarda and Yermolov. Essays on the history]. Nal'chik. 304 p. [in Russian]

Brimmer, 1894 – *Brimmer E.V.* (1894). Sluzhba artillerijskogo oficera, vospityvavshegosya v 1 kadetskom korpuse i vypushchennogo v 1815 godu [Service artillery officer brought up in 1 cadet corps and released in 1815]. *Kavkazskij sbornik.* Tiflis. T. 15. pp. 52-260. [in Russian]

CGA KBR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj respubliki [Central state archive of Kabardin-Balkar Republic].

GAKK – Gosudarstvennyj arhiv Krasnodarskogo kraja [State archive of Krasnodar Krai].

GASK – Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja [State archive of the Stavropol territory].

G-d", 1849 – *G-d".* Poezdka k yuzhnomu otklonu Ehl'brusa v 1848 godu [A trip to the southern slope of Elbrus in 1848]. Biblioteka dlya chteniya. Spb., 1849. T. 97. Ch. 1. pp. 57-104. [in Russian]

Golicyn, 1851 – *Golicyn N.B.* (1851). Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emanuehlya [The biography of General of cavalry of Emanuel]. SPb. 195 p. [in Russian]

Han-Girej, 1989 – *Han-Girej* (1989). Cherkesskie predaniya. Izbrannye proizvedeniya [Circassian legends. Selected works]. Nal'chik. 288 p. [in Russian]

Materialy, 1912 – Materialy k istorii pokoreniya Zapadnogo Kavkaza i Chernomorskogo poberezh'ya. Vremya Paskevicha i Rozena [Materials for the history of the conquest of the Western Caucasus and the Black sea coast. Time Paskevich and Rosen]. *Kavkazskij sbornik.* 1912. № 32. Ch. 2. pp. 1-320. [in Russian]

OIKCH, 1967 – Oчерki istorii Karachaevo-Cherkesii: V 2-h t. T.1: S drevnejshih vremen do Velikoj Oktyabr'skoj socialisticheskoj revolyucii [Essays on the history of Karachay-Circassia]. Stavropol', 1967. 600 p. [in Russian]

Potto, 1994 – *Potto V.A.* (1994). Kavkazskaya vojna: V 5 t. [Caucasian war: In 5 vol.]. Stavropol'. T.5: Vremya Paskevicha ili bunt Chechni. 400 p. [in Russian]

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian state military-historical archive].

SEPKNKCH, 1985 – Social'no-ehkonomicheskoe, politicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Karachaevo-Cherkesii (1790-1917). Sbornik dokumentov [Socio-economic, political and cultural development of the peoples of Karachay-Circassia (1790-1917). A collection of documents]. Rostov-na-Donu, 1985. 228 p. [in Russian]

Shahovskoj, 1876 – *Shahovskoj I.* (1876). Vospominaniya o Kavkaze [Memories of the Caucasus]. *Voennyj sbornik.* SPb. № 10. pp. 447-468. [in Russian]

Shcherbina, 1913 – *Shcherbina F.A.* (1913). Istoriya Kubanskogo kazach'ego vojska [The history of the Kuban Cossack army]. Ekaterinodar. T. II.: Istoriya vojny kazakov s zakubanskimi gorcami. 880 p. [in Russian]

SPFARAN – Sankt-Peterburgskij filial arhiva RAN [St. Petersburg branch archive RAS].

Tebuev, Hatuev, 2002 – *Tebuev R.S., Hatuev R.T.* (2002). Ocherki istorii karachaevo-balkarcev [Essays on the history of Karachay-Balkars]. M.: Ileksa – Stavropol': Servisshkola. 224 p. [in Russian]

Tolstov, 1900 – *Tolstov V.* (1900). Istoriya hoperskogo polka Kubanskogo kazach'ego vojska 1696-1896. V 2-h chastyah [The history of Khopersky regiment of the Kuban Cossack army 1696-1896]. Tiflis. Ch. 2. 289 p. [in Russian]

Zubov, 2001 – *Zubov V.P.* (2001). Podvigi russkih voinov v stranah kavkazskih s 1800-go po 1834 g. [The feats of the Russian warriors in the Caucasian countries from 1800 to 1834]. Russkie avtory XIX veka o narodah Central'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. Sostavitel' N.M. Dumanov. Nal'chik. 386 p. [in Russian]

Российский опыт интеграции регионов в состав империи: Карачай в 1821–1834 гг.

Рустам Маратович Береулов ^{a, *}

^a Карачаево-Черкесский государственный университет имени У.Д. Алиева, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются перипетии вхождения Карачаевского княжества в состав Российской империи. В ходе этого процесса четко выделяются два этапа. Первый из них охватывает период с 1821 по 1828 гг. В это время российские укрепления и посты стали располагаться у границ карачаевских земель, а во взаимоотношениях двух сторон превалировала военная составляющая. При этом стечение различных обстоятельств привело к тому, что в Ермоловский период Карачай остался единственным из этнополитических субъектов Центрального Кавказа, не входившим де-факто в политико-правовое пространство России. Кроме того, напряженный характер российско-карачаевских взаимоотношений, турецкая пропаганда и поиск внешних союзников привели к оформлению османского подданства Карачая, в котором он номинально находился в период 1826–1828 гг. Переломным моментом в истории российско-карачаевского взаимодействия можно считать 1828 г., когда в ходе начавшейся русско-турецкой войны российское командование провело отдельную войсковую операцию по покорению карачаевцев. Результатом поражения карачаевского ополчения стало подписание со стороны политической элиты Карачая первой присяги на верноподданство императору всероссийскому, не затронувшей, впрочем, традиционную систему управления и суда. С этого момента можно выделить второй этап интеграционного процесса, охватывающий период 1828–1834 гг. Его можно охарактеризовать как время взаимных обвинений в несоблюдении условий присяги, особенно в пунктах, касающихся пропуска через карачаевскую территорию отрядов немирных горцев и недопущения карачаевцев по торговым и иным надобностям за линию укреплений. Основными рычагами давления на Карачай со стороны российских военных в 1831–1834 гг. стали экономическая блокада и высылка из региона аманатов, выданных ранее представителями политической элиты. Тем не менее, нараставшая взаимная заинтересованность сторон друг в друге привела к возобновлению диалога и подписанию в сентябре 1834 г. нового договора о российском подданстве карачаевцев. Одними из ключевых элементов присяги 1834 г. стали введение должности пристава и урегулирование экономических вопросов, легших в основу дальнейшего развития и углубления интеграции Карачая в состав России.

Ключевые слова: Карачай, Кабарда, Россия, Османская империя, Кавказская война, российское командование, немирные горцы, военные конфликты, присяга, проблемы интеграции.

* Корреспондирующий автор

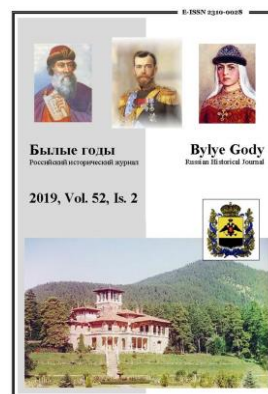
Адреса электронной почты: r_begeul@mail.ru (Р.М. Береулов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 634-644. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.634
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Proposals to Protect the Interests of the Indigenous Peoples of the Turukhansk District Presented in 1822–1917

Sergei T. Gaidin ^{a,*}, Galina A. Burmakina ^a

^a Krasnoyarsk State Agrarian University, Russian Federation

Abstract

This article describes ideas of government officials, scientists, and public figures of the Yenisei province on how to solve the existing and emerging problems of indigenous small-numbered peoples of the Yenisei North in the pre-Soviet period; demonstrates changes in the lifestyle of these peoples and assesses the activities of the provincial administration.

The indigenous small-numbered peoples of the Yenisei North who were obliged to pay yasak (tribute paid off in furs) found themselves under a heavy debt burden due to using state food grain warehouses. Trade relations with Russian merchants encouraged them to use fire weapons for acquisition of animal fur which resulted not only in a progressive change of economic activity and lifestyle of the northerners, but also in reduction of productivity of the fur trade territories and, consequently, in declining living standards.

As expected, in the middle of 19th century a so called fur crisis arose in the Turukhansk District. The creation of the fishing industry by the owners of steam vessels in the 60s had resulted in transformation of many hunters and fishermen into hired workers who had to catch and initially process fish. The forced refusal of part of the indigenous peoples of the Yenisei North of their traditional lifestyle and economic activity was followed by an increasing dependence on merchants and owners of fishing businesses, fur buyers, newly-arrived Russian fishermen who used to take away their hunting and fishing territories. The provincial administration had tried to protect the indigenous peoples of the North but it was interested in obtaining taxes from business activities, so it facilitated their involvement in the progressive (in terms of modernization) economic activity which was unnatural for indigenous peoples. As a result, the families most involved in trade and economic relations with the Russians would lose their ethnic identity and the ability to survive on their own.

The critical analysis made by the national intellectuals and proposed ways of solving the problems can help to understand specific aspects of soviet policy and directions of optimization of post-soviet policy towards the indigenous peoples.

Keywords: National policy, Yenisei Province, Turukhansk District, indigenous minorities of the North, food grain warehouses, fishing industry, public private partnership, renting of fishing locations, residential care facilities, domestic intellectuals, peasant foreign authorities.

1. Введение

В условиях глобализации мировое сообщество уделяет большое внимание разработке политики по сохранению и развитию коренных малочисленных народов Севера, что требует учета исторического опыта решения их проблем, накопленного в каждой стране. В этом аспекте интерес представляет, на наш взгляд, и Енисейская губерния.

Туруханский край в досоветский период занимал 2/3 территории Енисейской губернии. По данным ее первого губернатора А.П. Степанова в нем проживали 4152 мужские души «бродячего»

* Corresponding author

E-mail addresses: gaydinsergey@rambler.ru (S.T. Gaidin), urmakinagalina@rambler.ru (G.A. Burmakina)

северного населения, в том числе 1879 душ тунгусов, 1299 – остяков, 299 – самоедов, 296 – якутов и 249 – юраков (Степанов, 1997: 65).

Государство обложило их ясаком, русские купцы и крестьяне, скупавшие пушнину, превратили в пожизненных, наследственных должников. Общение с пришлым русским населением привело к распространению среди них заболеваний, к которым они не имели иммунитета.

Привыкая к употреблению муки, алкоголя и использованию привозных товаров, они стали быстро отходить от традиционного образа жизни, рассчитанного на поддержание равновесия между структурой их потребления и возможностями северных экологических систем. Они стали добывать пушнину для сдачи ясака, оплаты муки и приобретения завозных товаров. Использование ими огнестрельного оружия позволило увеличить добычу пушнины, но привело к сокращению продуктивности промысловых угодий и связанным с этим падением уровня жизни. Втягивание охотников и оленеводов в рыбную промышленность вырвало их из традиционной хозяйственной деятельности. Все указанные последствия имели тенденцию к дальнейшему ухудшению.

2. Материалы и методы

Исследование проведено на основе опубликованных работ губернатора Енисейской губернии А.П. Степанова, исследователей Туруханского края А.Ф. Миддендорфа и П.И. Третьякова, енисейского окружного начальника А.А. Мордвинова, енисейского окружного врача М.Ф. Кривошапкина, специалиста губернского Комитета государственных имуществ Вл. Исаченко, предпринимателей и общественных деятелей В.Н. Латкина и А.И. Кытманова, сотрудника Статистического комитета МВД С.К. Патканова, статистика С.Л. Чудновского, сочинений других авторов, а также отчетов о поездках губернаторов Л.К. Теляковского и А.Н. Гирса в Туруханский край.

Указанные работы и отчеты были изданы в досоветский период, они использовались в трудах историков, но избранная нами тема исследования до сих пор не являлась предметом самостоятельного изучения. Новое прочтение этих работ дало нам возможность выявить эволюцию представлений о способах решения проблем коренных малочисленных народов губернии и понять, как формировалось отношение ее читающего населения к этим народам.

В исследовательской работе мы использовали концепцию фронтальной модернизации Ф.Дж. Тернера (Тернер, 2009). По мнению историка А.В. Ремнева, административное освоение России, направленное на присоединение и удержание периферии, опережало хозяйственное, социальное и культурное освоение, но со временем периферия втягивалась в модель отношений, определяемых центром (Ремнев, 1994: 65). Инструментальной основой исследования стала совокупность общенаучных и конкретно-исторических методов. Это позволило рассматривать изменения в жизни коренных народов севера Енисейской губернии в 1822–1917 гг. как переходное состояние от их подчинения центру к постепенному превращению в подданных государства, интегрированных в его экономику на региональном уровне.

3. Обсуждение

Государственные органы императорской России рассматривали коренные народы Севера как плательщиков ясака, проживавших в экстремальных условиях за пределами прямого действия российского законодательства. Нормативную базу отношений с ними представлял принятый в 1822 г. «Устав об управлении инородцев».

Многие авторы видят в этом документе проявление гибкости российской национальной политики. Историк А.Ю. Конев утверждает, что империя не стремилась нивелировать этническое и конфессиональное многообразие коренных народов и управляла их «разнообразием» (Конев, 2016: 141).

Но один из лидеров сибирского областничества Н.М. Ядринцев считал, что правительство и предприниматели, занимаясь разграблением ресурсов Сибири, превратили ее в колонию и обрекли коренное население, особенно северное, на вымирание. Для сохранения коренных северян нужно было отстаивать их равноправие, давать доступ к образованию и науке, заниматься развитием экономики в местах их проживания (Ядринцев, 1891: 161-162). Противоположных взглядов придерживался сторонник «цивилизаторской роли» исторически состоявшихся народов М.А. Миропиев, который рассматривал русификацию и поглощение коренных народов Сибири как способ их вовлечения в цивилизованный мир (Миропиев, 1901).

Сибирские историки советского периода, которые руководствовались формационной концепцией, считали приход русского населения в Сибирь положительным явлением для ее коренных народов, но критиковали государство за «имперское» отношение к ним (История Сибири, 1968: 108).

Для понимания проблем коренных малочисленных народов Севера Енисейской губернии в досоветский период представляет интерес тезис историка И.В. Побережникова о том, что архаичный характер освоенческой «протомодернизации» в Сибири был обусловлен его агентами в лице немногочисленной местной бюрократии, торговцев, рыбопромышленников и ученых, изучавших эти народы (Побережников, 2016: 31).

Мы солидарны с мнением политолога В. Юдина о том, что к началу XX в. институционализация социальной защиты этих народов находилась в зачаточном состоянии. Однако вызывает сомнение его вывод о том, что проводимая государством политика ограниченного вмешательства в их жизнь позволила к началу XX в. сохранить их этническую самобытность в совокупности этнокультурной специфики, социальной организации и традиционного хозяйственного уклада (Юдин, 2012: 30).

4. Результаты

Государственные органы, по утверждению первого енисейского губернатора А.П. Степанова, требовали от губернской администрации поддержания регулярной почтовой связи с Туруханским краем, крещения коренного населения и оказания ему продовольственной помощи через казенные хлебозапасные магазины (Степанов, 1997: 50). Эти направления деятельности, судя по публикациям других авторов, оставались главными вплоть до октябрьского переворота 1917 г.

Организация почтовой связи от Енисейска до Карского моря была произведена еще в начале XIX в. за счет принудительного завоза поселенцев, обязанных строить поселения – станки, перевозить почту и чиновников. На сухопутной части почтовой дороги использовали лошадей, оленей, ездовых собак, ходили пешком или на лыжах (Степанов, 1997: 68).

А.П. Степанов отмечал, что большинство коренного населения Енисейского Севера ко времени создания губернии уже было крещено, но не понимало сути христианского учения из-за языкового барьера и оставалось язычниками (Степанов, 1997: 51).

Для оказания продовольственной помощи коренным жителям Туруханского края на его территории, по разным данным, было открыто от 33 до 45 хлебозапасных магазинов. Годовой запас муки в них должен был составлять 60000 пудов, и инородцы могли брать ее с оплатой после промыслового сезона (Степанов, 1997: 128; Пестов, 1833: 255).

Губернатор А.П. Степанов, который знал о жизни коренного населения по отчетам отдельного Туруханского пристава, не считал его положение критическим. По его мнению, аборигены, несмотря на тяжелые климатические условия, жили в свободе и изобилии, пользуясь всеми благами северной природы (Степанов, 1997: 51).

Проблемы коренных жителей и губернской администрации он видел в том, что неграмотные северяне, ограбленные купцами, нередко утрачивали способность платить ясак государству и погашать долги за взятую муку (Степанов, 1997: 112).

Губернатор считал, что выдача муки из хлебозапасных магазинов приводила к распространению иждивенчества среди северян, поэтому для экономии государственных средств было решено выдавать ее только в тяжелые для промысла годы. Они могли покупать ее сами у купцов (Степанов, 1997: 128).

Губернатора беспокоила вероятность обнищания коренных северян из-за сокращения пушных зверей в Туруханском крае, так как они не имели альтернативных источников доходов. Их спасение он связывал с развитием образования, перемещением в земледельческие районы и переходом на хлебопашество (Степанов, 1997: 79).

Если развитие образования со временем могло бы стать реальностью, то переход жителей тайги и тундры к хлебопашеству потребовал бы переселения их на юг, примерно на тысячу километров от мест их проживания, в районы, пригодные для земледелия. Переселение привело бы к полной утрате ими традиционного образа жизни и собственной идентичности. Скорее всего, у государства в тот период не было четких представлений о том, как со временем должна быть устроена жизнь коренных малочисленных народов Севера.

В дальнейшем попытки решения проблем коренных народов Енисейского севера предпринимали как губернская администрация, так и конкретные люди в инициативном порядке. Например, А.Ф. Миддендорф, проводивший исследования в Туруханском крае в середине 40-х гг. XIX в, считал, что государство, подорвавшее их традиционный образ жизни, должно было принимать меры по их защите и разумному переустройству их хозяйственной деятельности. В основу государственной политики нужно было положить сохранение самобытности коренных малочисленных народов, за исключением остяков, которые уже не могли существовать без муки из хлебозапасных магазинов. Для их физического спасения ученый предлагал провести ускоренную ассимиляцию, в том числе за счет раздачи их детей в русские семьи (Миддендорф, 1878: 79, 660).

А.Ф. Миддендорф предлагал переориентировать купеческую торговлю с завоза на север табака, водки, украшений, бус на доставку снастей, неводов, пеньковой пряжи. Он считал необходимым обучать охотников использованию капканов для пушного промысла и стрихнина для уничтожения волков (Миддендорф, 1878: 679). Тунгусов, занимавшихся охотой, по его мнению, нужно было обучать оленеводству, чтобы они смогли пережить падение доходов из-за сокращения продуктивности промысловых угодий (Миддендорф, 1878: 743). Но воплощение этих предложений в жизнь было бы возможно лишь в том случае, если бы государственные органы занялись разработкой и реализацией политики по решению указанных проблем.

Тяжелым ударом по жизни коренных малочисленных народов Енисейского Севера в середине 50-х гг. XIX в. стал давно ожидаемый кризис, связанный с сокращением численности пушных зверей.

Если в середине 20-х гг. из Туруханского края ежегодно вывозили до 24 тыс. лисиц, 140 тыс. белых и 6 тыс. голубых песцов, 6 тыс. медвежьих шкур, то теперь на территории всей Сибири добывали около 5 тыс. лисиц, 59 тыс. белых и 1 тыс. голубых песцов, а в Енисейской губернии на продажу поступало примерно 500 медвежьих шкур. (Чудновский, 1885: 95).

Сокращение доходов коренного населения Туруханского края привело к ухудшению уплаты ясака и погашения долгов хлебозапасным магазинам. По утверждению врача Енисейского округа М.Ф. Кривошапкина, губернские чиновники заявляли, что Туруханский край стал обременительным для государства (Кривошапкин, 1865: 14).

В этой ситуации стали появляться частные проекты «освобождения» государства от финансового бремени по его содержанию. Так енисейский купец А.А. Кобычев просил губернскую администрацию передать ему Туруханский край в долговременную аренду и обещал своевременно уплачивать ясак, другие платежи с населения из своих собственных средств с последующим расчетом жителей непосредственно с ним. Взамен А.А. Кобычев требовал вывезти из края всех представителей власти, передать ему управление населением, монопольное право на проведение торговых операций и использование всех видов природных ресурсов (Кривошапкин, 1865: 14-15).

Это напоминало европейскую средневековую практику передачи государственных территорий в управление частным лицам с закреплением их прав иммунитетными грамотами. По утверждению М.Ф. Кривошапкина, проект А.А. Кобычева мог бы получить поддержку в губернской администрации, если бы не кончина заявителя в 1855 г. Отношения А.А. Кобычева с губернской администрацией были исследованы историком Е.В. Комлевой (Комлева, 2014: 196).

Вскоре с подобным проектом выступил некто Лавровский. Можно только предполагать о последствиях для коренных северян реализации этих частных «бизнес-проектов» в сфере национальных отношений. Логично, что после отмены крепостного права в России передача судьбы коренных народов Севера в частные руки была признана нецелесообразной (Кривошапкин, 1865: 14). Поэтому проблеме их поддержки в условиях падения доходов пришлось решать на государственном уровне.

В середине 50-х гг. енисейский окружной начальник А.А. Мордвинов высказался за необходимость разработки дифференцированной политики в отношении коренных народов Севера, так как сокращение пушных зверей на разных родах сказались по-разному в зависимости от специализации их хозяйственной деятельности. Он считал, что в государственной поддержке нуждались только остяки, жившие за счет хлебозапасных магазинов. Меньше пострадали затундринские самоеды Авамской и Водеевской орд, которые занимались оленеводством. Шорохинские якуты почти не пострадали, так как по образу жизни они настолько сблизились с русскими крестьянами, что просили ликвидировать их инородческое управление и перевести в звание поселян (Мордвинов, 1860: 30, 32, 37, 39, 45).

В условиях «пушного кризиса» остякам увеличили выдачу муки, для изготовления одежды и чумов стали продавать по сниженным ценам олени шкуры. А.А. Мордвинов поставил перед губернской администрацией вопрос о необходимости введения для остяков льготных цен на все необходимые для них продукты и товары (Мордвинов, 1860: 40). Но это потребовало бы либо регулирования частной торговли со стороны государства, либо покрытия им разницы между рыночными и льготными ценами. Губернская администрация, сославшись на отсутствие финансовых средств, вскоре отказалась даже от осуществления ранее принятых мер поддержки.

Не получив государственной поддержки, часть тунгусов, не сумевших расплатиться с долгами, в середине 50-х гг. откочевала с Нижней Тунгуски на Ессейское озеро и к северным станкам Туруханского края (Мордвинов, 1860: 37). Но государство, которое для осуществления надзора за коренным населением закрепляло его за конкретными хлебозапасными магазинами, производило перезакрепление в случае его перекочевки в другое место. Оно требовало ежегодно в установленное время являться к местам приписки для участия в суглане, уплаты ясака и погашения долгов (Мордвинов, 1860: 30). Для работы с коренными северянами на перекочевках была создана специальная походная церковь (Мордвинов, 1860: 56).

М.Ф. Кривошапкин, который во второй половине 50-х гг. XIX в. работал врачом Енисейского округа и хорошо знал жизнь коренных северян, считал, что нельзя у них в счет ясака изымать олени шкуры и оставлять без зимней одежды и чумов. Для их защиты от произвола вахтеров хлебных магазинов и искоренения иждивенчества М.Ф. Кривошапкин предлагал закрыть часть хлебных магазинов и убедить северян использовать самостоятельно приготовленную муку из корней сараны с ягелем и порошок из сушеной рыбы (Кривошапкин, 1865: 20).

Для лучшего продовольственного обеспечения русского и коренного населения он предлагал развивать в станках коллективное огородничество и строить коллективные хранилища для продовольствия. Остяков, которые жили возле станков, надо было заставлять ловить и сдавать пойманную рыбу. Продовольствие из хранилищ следовало ежемесячно выдавать владельцам, но так, чтобы запасов хватало на всю зиму (Кривошапкин, 1865: 20, 23, 24). Фактически М.Ф. Кривошапкин предлагал создать общественную систему, при которой производством, хранением и распределением

продовольствия должно было совместно заниматься как русское, так и коренное население Туруханского края.

М.Ф. Кривошапкин рекомендовал губернской администрации взяться за развитие экономики Туруханского края, чтобы аборигены вместе с русскими могли зарабатывать на жизнь работой, например на рыбных промыслах. Енисейские купцы должны были использовать пароходы для увеличения вылова рыбы и ускорения ее доставки потребителям. Им было нужно наладить вылов рыбы в озерах восточной тундры и добычу китов в Карском море (Кривошапкин, 1865: 20, 21, 23). Для улучшения засолки рыбы купцам предстояло организовать выварку качественной соли на соляных источниках близ Нижней Тунгуски (Кривошапкин, 1865: 20).

Предложения М.Ф. Кривошапкина были пронизаны заботой о решении проблем как русского, так и аборигенного населения, однако расчет автора на финансовое благополучие коренных северян за счет развития рыбной промышленности был слишком оптимистичным. Предыдущий опыт найма аборигенов на промыслы свидетельствовал, что большинство из них оказывалось в долговой кабале у предпринимателей.

Решение этой проблемы требовало усиления роли государства в переустройстве хозяйственной деятельности жизни населения, к чему тогда не были готовы ни губернская администрация, ни сами жители, тем более что, по свидетельству исследователя Туруханского края П.И. Третьякова, содержание убыточного края во второй половине 60-х гг. обходилось казне в 14945 руб. 55 коп. в год (Третьяков, 1869: 530). В этих условиях любые проекты, требовавшие финансовых затрат со стороны государства, разбивались бы либо об отсутствие у него необходимых финансовых средств, либо о неготовность тратить их на вышеуказанные цели.

В связи с этим П.И. Третьяков, как и многие его предшественники, предлагал снять с государства затраты на содержание хлебных магазинов. При их ликвидации нужно было списать с инородцев долги за муку, что выглядело бы как их защита со стороны государства. Но в дальнейшем они должны были покупать муку и привозные товары у частных торговцев (Третьяков, 1869: 450).

Падение уровня жизни коренного населения в условиях кризиса пушных заготовок провоцировало распространение в его среде эпидемических заболеваний. Судя по данным П.И. Третьякова, в период с 1832 г. по 1857 г. от тифа, оспы и кишечного гриппа в Туруханском крае скончалось 1060 жителей (Третьяков, 1869: 338-339).

Вспышки эпидемических заболеваний в Сибири стали происходить сразу после появления здесь русских казаков и купцов (Словцов, 1886: 74, 277). Для борьбы с оспой сюда, начиная с 1725 г., стали направлять полковых лекарей из иноземцев. В 1763 г. в Тобольске была открыта специализированная аптека и введены должности 2 лекарей и 4 подлекарей, работавших на постоянной основе (Словцов, 1886: 278, 289). По свидетельству Е.В. Комлевой, в Туруханском крае первые противооспенные прививки были сделаны в 1808 г., в 1812 г. в Туруханске был создан комитет по проведению прививок, а в 1832 г здесь уже работал врач с двумя учениками. Но их возможности по отношению к кочующему населению края были недостаточными (Комлева, 2017: 13, 14).

Основным способом борьбы с оспой в Туруханском крае являлось ежегодное проведение в летний период вакцинации населения медицинскими отрядами, отправляемые на судах по Енисею. П.И. Третьяков считал это оправданным, но просил губернскую администрацию не допускать отправки для вакцинации неподготовленных для этого людей (Третьяков, 1869: 343).

Он считал, что обещанное открытие в Туруханске больницы не решит проблемы борьбы с эпидемическими заболеваниями из-за огромных расстояний в Туруханском крае и настаивал на подготовке лекарей из коренных народностей Севера для оперативной отправки их в очаги заболевания (Третьяков, 1869: 348).

П.И. Третьяков был сторонником подготовки из детей коренных северян фельдшеров и священников. Они должны были помогать врачам лечить соплеменников, миссионерам изучать языки северян и передить на них религиозные тексты (Третьяков, 1869: 251). Таким образом, П.И. Третьяков ставил вопрос о необходимости формирования национальной интеллигенции из коренных малочисленных народов Енисейского Севера.

Для недопущения эпидемий П.И. Третьяков предложил губернской администрации выделять финансовые средства на содержание убогих и дряхлых инородцев и поселенцев (Третьяков, 1869: 343), то есть он выступил за создание государственной системы социальной защиты престарелых жителей Туруханского края и людей с ограниченными возможностями.

Предложения по решению проблем коренных малочисленных народов, сформулированные А.Ф. Миддендорфом, А.А. Мордвиновым, М.Ф. Кривошапкиным, П.И. Третьяковым, представляли научный и практический интерес, однако их реализация требовала участия со стороны губернских органов власти.

Как писали сотрудники губернского Комитета земледелия и государственных имуществ Вл. Исаченко и Лавров, использование пароходов для рыбной промышленности в низовьях Енисея обернулось дальнейшим ухудшением жизни коренных северян. Рыбопромышленники теперь получили возможность уходить на промысел рыбы дальше на север. Через выдачу «кредита» коренным северянам в районах нового освоения они получали дешевую рабочую силу, оплата

которой на путине была меньше, чем у русских работников, и не покрывала их потребностей в продовольствии и товарах. Работая на рыбопромышленников и сдавая им в аренду рыболовные участки, инородцы не успевали делать продовольственные запасы на зиму ([Материалы по исследованию Енисея, 1908](#)). В силу этого они стали более уязвимыми от воздействия природных и социальных факторов.

С.Л. Чудновский в статистическом обзоре Енисейской губернии в 1885 г. дал жесткую характеристику последствий уклонения государства от защиты коренных малочисленных народов Севера, которые все больше втягивались в сферу не контролируемых государством бизнес-интересов золотопромышленников, рыбопромышленников и скупщиков пушнины.

Он настаивал на немедленном запрете купцам использовать «алкогольные технологии» скупки пушнины и рыбы ([Чудновский, 1885: 96](#)). Государству нужно взять под контроль золотопромышленников, которые при добыче золота допускали истребление промысловых угодий пожарами ([Чудновский, 1885: 47](#)). Ему следовало наложить запрет на сдачу инородцами охотничьих и рыболовных участков в «аренду» русским охотникам и кушам ([Чудновский, 1885: 96](#)).

Работа ссыльного народника с критикой национальной и хозяйственной политики губернской администрации была удостоена премии Красноярской городской думы, что дает возможность предположить, что большинство ее членов было солидарно с выводами С.Л. Чудновского.

Через пять лет после издания работы С.Л. Чудновского общественный деятель и бывший золотопромышленник Н.В. Латкин писал, что из-за бедности и полной безнадежности у коренных малочисленных народов Севера осталась альтернатива или вымереть, или окончательно обрусеть ([Латкин, 1892: 125](#)). Если в середине 40-х гг. XIX в. такой вывод в отношении остяков сделал А.Ф. Миддендорф, то почти через полвека Н.В. Латкин распространил его на все коренные народы Енисейского Севера.

Следует отметить, что многие общественные деятели России и Сибири в тот период считали безответственной государственную политику по отношению к северным инородцам. Об этом писал сибирский областник Н.М. Ядринцев, а профессор Харьковского университета А.И. Якобий квалифицировал ее как позор для страны ([Петрова, 2008: 135](#)). По мнению Н.М. Ядринцева, сближение русского и коренного населения было естественным процессом, противодействие которому вело бы к отчуждению народов ([Ядринцев, 1891: 101](#)). А сторонники цивилизаторской версии, напротив, считали, что русификация и исчезновение малочисленных коренных народов было издержками великого дела продвижения русских на новые территории и приобщения их дикого населения к общечеловеческой культуре ([Мирошников, 1901: 297, 341, 342](#)).

Не исключено, что политика государственного невмешательства в жизнь коренных народов Сибири была обусловлена «Уставом об управлении инородцев». Но через 70 лет после его принятия ситуация изменилась. Теперь многие северяне вместе с русскими работали на рыбопромышленников и скупщиков пушнины. Втягивание их в рыночные отношения приводило к размыванию определенного Уставом разряда «бродячих» инородцев, которых государство теряло как плательщиков ясака.

Поэтому на них было решено распространить общероссийское законодательство и подчинить их действию принятого в июне 1898 г. «Временного положения о крестьянских начальниках». Теперь полицейский надзор за жизнью и процессом «обрусения» инородцев поручался крестьянским и инородческим начальникам, должности которых вводились на территориях с преобладанием коренного населения. Но переход на новую систему управления осложнялся наличием организационных, кадровых и финансовых проблем. В Туруханском крае в 1909 г. еще не имелось крестьянских инородческих начальников ([ГАКК, Ф. Р-1845, Оп. 1. Д. 1. Л. 6](#)). Поэтому в условиях смены государственного курса ответственность за его осуществление в Туруханском крае ложилась на руководителей Енисейской губернии. Теперь они вынуждены были считаться с предложениями ученых, общественных деятелей, чиновников о решении проблем коренных малочисленных народов севера, которые через публикацию их работ стали достоянием общечеловеческой культуры.

Так, губернатор Л.К. Теляковский во время поездки в 1893 г. в Туруханский край поддержал идею подготовки учителей из инородческих мальчиков, что в свое время предлагал П.И. Третьяков. Губернатор считал, что выпускники Туруханской церковно-приходской школы смогут приобщать сородичей к русской культуре, связанной с русским языком ([Из поездки г. Енисейского губернатора, 1894: 337, 338](#)). Л.К. Теляковский подчеркнул важность развития в Туруханском крае огородничества, о необходимости которого ранее писал М.Ф. Кривошапкин ([Из поездки г. Енисейского губернатора, 1894: 313](#)). Он высказался за перенос Туруханска, возле которого не было мха для оленей, в более удобное место, чтобы аборигены могли приезжать в поисках защиты от произвола предпринимателей и вахтеров магазинов ([Из поездки г. Енисейского губернатора, 1894: 37](#)).

Но его предложения не затрагивали большинства накопившихся проблем коренных малочисленных народов, о которых писали вышеназванные авторы, тем более что для решения многих из них требовалось привлечение больших финансовых средств. Поэтому на рубеже XIX–XX вв. губернская администрация сделала ставку на повышение налоговых поступлений с Туруханского края за счет поощрения там предпринимательской деятельности.

Примером содействия государства развитию рыбной промышленности на Енисейском севере являлась работа гидрографической экспедиции Морского министерства под руководством А.И. Вилькицкого. Ее участники в 1894–1895 гг. нашли проход для судов морского класса в Осиновских порогах, открыли месторождение пригодного для снабжения пароходов угля на р. Курейке, изучили возможности легкой навигации в Енисейском заливе ([Работы особой гидрографической экспедиции, 1896: 265–267](#)). Результатами работы экспедиции пользовались владельцы пароходов для организации вылова рыбы и заготовки пушнины в высоких широтах.

На Казачинском пороге, разрывающем сквозное движение по Енисею, в 1903 г. был установлен туер для проводки судов, что позволило увеличить вывоз рыбы с севера и доставку продуктов и товаров с юга губернии в Туруханский край. Созданное в 1905 г. «Срочное казенное пароходство по Енисею» организовало регулярные транспортно-пассажирские речные перевозки с меньшими ценами, чем на пароходах купеческих кампаний. Это дало импульс развитию рыбной промышленности на Енисейском Севере и позволило в первый год работы казенного пароходства увеличить вывоз рыбы с примерно 84000 пудов рыбы до 127000 пудов ([Материалы по исследованию Енисея, 1908: 46](#)). В том же году государственные органы выдали разрешение рыбопромышленникам А.И. Кытманову и А.А. Баладину на закупку за рубежом морозильного оборудования для их компании «Рефрижиратор» ([ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д.160. Л. 8](#)). Перечисленные нами действия государства свидетельствуют о начале складывания государственно-частного партнерства в освоении природных богатств Туруханского края.

Губернатор А.Н. Гирс, который летом 1908 г. совершил поездку в Туруханский край, также особое внимание уделил развитию в крае рыбной промышленности и пушного промысла. На основе предложений енисейского предпринимателя А.И. Кытманова он сформулировал программу действий по развитию Туруханского края и решению проблем его населения.

Губернатор поддержал предложение А.И. Кытманова об открытии в Енисейске рыбацкой школы, так как без специалистов по вылову рыбы и выпуску рыбной продукции енисейские рыбопромышленники не могли привлечь российские и иностранные капиталы и обеспечить реализацию своей продукции на удаленных рынках сбыта. А.Н. Гирс дал согласие на снижение железнодорожных тарифов для завоза в губернию качественной соли из других регионов страны ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 49–50](#)).

Губернатор высказался за налаживание телеграфного сообщения с Туруханским краем, так как считал, что затраты государства на его прокладку окупятся за счет создания условий для экономического развития края. Использование телеграфа, по его мнению, могло бы обеспечить регулярность рейсов Срочного казенного пароходства и налаживание сообщения с европейскими странами по Северному морскому пути, позволило бы енисейским предпринимателям производить закупки пушнины, ориентируясь на конъюнктуру пушного рынка. Рыбопромышленники могли бы через приказчиков дистанционно управлять выловом и закупкой рыбы. Наличие телеграфной связи с Туруханским краем помогло бы губернской администрации не только контролировать работу его чиновников, но и оперативно оказывать им помощь в решении возникающих проблем ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 51](#)).

Впервые за время существования Енисейской губернии губернатор высказался о необходимости защиты коренных малочисленных народов, что, скорее всего, диктовалось распространением на них действия российского законодательства ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 36, 47](#)).

Он признал неразвитость созданной государством социальной сферы Туруханского края, где работали соляной, пороховой магазины, одно почтовое отделение, один врач и четыре фельдшера. К просветительным учреждениям края губернатор причислил пять церквей, монастырь, часовню на берегу оз. Ессей и четыре церковно-приходские школы, которые из-за отсутствия интернатов не могли обучать детей инородцев ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 29, 30, 39](#)). Качество обучения в школах было неудовлетворительным, так как из-за маленькой зарплаты в них работали не вполне грамотные люди ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 48](#)). А.Н. Гирс потребовал от директора народных училищ губернии проработать вопрос о выделении средств на открытие в крае в каждые три года новой школы ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 48, 49](#)).

В предельно жестких формулировках он указал на недопустимость существовавшего в крае закабаления, ограбления, спаивания коренных малочисленных народов Севера купцами. Вместе с тем он был вынужден признать, что введенный в 1904 г. запрет на завоз крепких алкогольных напитков в Туруханский край привел к увеличению нелегального завоза алкогольных суррогатов. Поэтому он высказался за введение регулируемой государственными органами казенной продажи спиртного ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 34, 49](#)).

Губернатор предложил в соответствии с принятым в стране административно-территориальным делением преобразовать Туруханский край в округ. Это позволило бы привлечь к управлению специалистов с образованием не ниже среднего, так как начальнику округа было положено годовое жалованье 4000 руб., тогда как жалованье Туруханского отдельного пристава составляло всего 2371 руб. Соответственно выросло бы жалованье его заместителя ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 42](#)).

Для регулирования отношений русского и коренного населения с работодателями А.Н. Гирс предложил ввести должность мирового судьи, который летом должен был выезжать в низовья Енисея. По его мнению, в крае нужно было увеличить численность полицейских и поручить им защиту инородцев от алкогольных технологий и производства предпринимателей ([О предполагаемых преобразованиях, 1909: 47](#)).

Программа А.Н. Гирса, соединявшая интересы государства, бизнеса и в определенной степени коренных малочисленных народов Севера, вызывает безусловный интерес. Причем было очевидно, что без активного государственного участия невозможно было решить накопившиеся проблемы коренных северян, на чем настаивало большинство специалистов, изучавших жизнь этих народов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Так, в 1911 г. сотрудник Министерства внутренних дел С.К. Патканов предложил государству возложить функцию снабжения коренного населения продуктами питания и товарами на местные органы власти. Они должны были создавать в местах их проживания торговые точки для продажи товаров и продуктов в долг с фиксированной торговой наценкой ([Патканов, 1911: 189, 190, 191](#)).

Многие его предложения переключались с предложениями чиновников, ученых и общественных деятелей Енисейской губернии. Он также считал необходимым развивать на севере пароходное сообщение, осваивать морской промысел, развивать северное огородничество, открывать промысловые школы, предприятия по производству инвентаря для охоты, рыболовства, заготовки и переработки дичи, оказывать коренным северянам бесплатную и качественную медицинскую помощь ([Патканов, 1911: 194, 195](#)).

Но изменение системы управления коренными малочисленными народами севера не позволило в короткие сроки преодолеть инерцию прежних подходов, что сдерживалось отвлечением сил на проведение столыпинского переселения и началом Первой мировой войны.

Податной инспектор Енисейского уезда И.И. Покровский в докладной записке на имя губернатора утверждал, что даже выселение из Туруханского края наиболее жестоких предпринимателей не привело бы к улучшению жизни его коренного населения, страдавшего от производства рыбопромышленников, скупщиков пушнины и русских охотников ([ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-7](#)). Таким образом, подчинение коренных малочисленных народов Севера общероссийскому законодательству к концу рассматриваемого нами периода не повысило уровень их защищенности.

5. Заключение

Наложение ясака на коренные малочисленные народы Севера, вовлечение их купцами в неэквивалентную торговлю и работу в рыбной промышленности в условиях распространения рыночных отношений сопровождалось быстрым истреблением пушных зверей, разрушением традиционной хозяйственной деятельности коренных северян, изменением их образа жизни, распространением занесенных на север заболеваний.

Государственные органы, заинтересованные в получении ясака, длительное время в соответствии с Уставом об управлении инородцев 1822 г. не занимались решением их проблем, ограничивая свою деятельность крещением «бродячих» народов, оказанием им продовольственной помощи и налаживанием почтовой связи с местами их проживания. Причем у них не было четких представлений о том, как со временем должна быть устроена жизнь коренных малочисленных народов Севера.

Но в середине XIX в., когда из-за сокращения численности пушных зверей значительная часть коренного населения Туруханского края не смогла платить ясак, край стал убыточным для государства. Это привело к появлению предложений чиновников, ученых, предпринимателей, общественных деятелей, которые предлагали государству свои представления о путях решения нарастающих проблем.

Среди них были просьбы частных лиц о передаче им края в аренду. Были предложения по ускоренной ассимиляции остяков, утративших способность к самостоятельной жизни. Некоторые авторы предлагали улучшить продовольственное обеспечение коренных северян за счет самостоятельного производства продуктов, заменявших привозную муку, развития коллективного огородничества, совместного с русскими производства, хранения и распределения продовольствия.

Но большинство предложений было обращено к государству, которое должно было, сохраняя самобытность всех коренных малочисленных народов, дифференцированно подходить к каждому из них. Оно должно было помочь им произвести разумное переустройство хозяйственной жизни за счет освоения новых видов деятельности и новых технологий промысла, переориентировать купеческую торговлю на завоз орудий промысла и материалов, способствовать экономическому развитию края, чтобы дать им новые источники доходов. Государству предлагалось защитить коренное население от производства скупщиков пушнины, рыбопромышленников, владельцев золотых приисков, создать систему его социальной защиты и медицинского обслуживания, сформировать национальную интеллигенцию.

Втягивание коренных малочисленных народов в новые для них виды деятельности приводило к ослаблению внутринородных связей и размыванию определенного Уставом 1822 г. разряда

«бродячих» инородцев, которых государство теряло как плательщиков ясака. Поэтому в конце XIX в. государство попыталось подчинить их общероссийскому законодательству и действию принятого в июне 1898 г. «Временного положения о крестьянских начальниках». Так как этот процесс требовал времени, то ответственность за реализацию нового курса легла на губернскую администрацию, которая пыталась соединить интересы государства, предпринимателей и коренных малочисленных народов Севера. В этих условиях были поддержаны некоторые из опубликованных и ставших достоянием читающего населения вышеуказанных предложений.

Администрация сделала ставку на повышение налоговых поступлений с Туруханского края за счет поощрения там предпринимательской деятельности по освоению его природных ресурсов и стала принимать меры, направленные на защиту коренных северян. Таким образом, коренные малочисленные народы Туруханского края в рассматриваемый нами период находились в состоянии постепенного их превращения в подданных государства, интегрированных в его экономику на региональном уровне.

Литература

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Из поездки г. Енисейского губернатора, 1894 – Из поездки г. Енисейского губернатора в 1893 году в Туруханский край // Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 1 января 1896. С. 291-354.

История Сибири – История Сибири. В 5-ти томах. Т. 3. Л., 1968. 528 с.

Комлева, 2014 – Комлева Е.В. Социально-экономическое развитие Туруханского края в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX веков). Новосибирск. С. 187-201.

Комлева, 2017 – Комлева Е.В. Борьба с «гибельным действием»: здравоохранение в Туруханском крае в первой половине XIX в. // Научное обозрение Саяно-Алтая. № 4. 2017.

Конев, 2016 – Конев А.Ю. Народы Сибири в социально-правовом измерении империи: современные подходы / Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. тр. Омск, 2016. С. 135-144.

Кривошапкин, 1865 – Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь. СПб. 1865. 378 с.

Латкин, 1892 – Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее. СПб. 1892. 468 с.

Материалы по исследованию Енисея, 1908 – Материалы по исследованию Енисея в рыбопромысловом отношении. Вып. I. Предварительный отчет по исследованию 1908 года (Низовья р. Енисея и Енисейский залив / Сост. Вл. Исаченко, С. Лавров. Красноярск, 1908. 64 с.

Миддендорф, 1978 – Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Часть II. Север и восток Сибири в естественно-историческом отношении. Отдел I. Коренные жители Сибири. СПб, 1878.

Мордвинов, 1860 – Мордвинов А.А. Инородцы, обитающие в Туруханском крае // Вестник императорского русского географического общества. СПб. 1860. Ч. XXVIII. С. 25-64.

Мирописев, 1901 – Мирописев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. 515 с.

О предполагаемых преобразованиях, 1909 – О предполагаемых преобразованиях в Туруханском крае // Памятная книжка Енисейской губернии на 1909 г. Красноярск, 1909. 450 с.

Патканов, 1911 – Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911. 210 с.

Пестов, 1833 – Пестов И.С. «Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года». Москва. Университетская типография. 1833 г. С. 255.

Петрова, 2008 – Петрова З.П. Ученый-гигиенист и общественный деятель Аркадий Иванович Якобий (к 100-летию со дня // Международный медицинский журнал. 2008. № 2. С. 135.

Побережников, 2016 – Побережников И.В. Акторы имперской модернизации: региональные кейсы // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 25-33.

Работы особой гидрографической экспедиции, 1896 – Работы особой гидрографической экспедиции для изучения устьев Енисея и Оби и части Карского моря в 1895 году / Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составлена по 1 января 1896 г. Красноярск, 1896. 400 с.

Ремнев, 1994 – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце – начале века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60-73.

Словцов, 1886 – Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. С 1742 по 1823 год. СПб. 1886.

Степанов, 1997 – Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск. 1997.

Тернер, 2009 – Тернер Ф.Дж. Фронт в американской истории. М., 2009. 304 с.

Третьяков, 1869 – Третьяков П. Туруханский край // Записки императорского русского географического общества. Том 2. СПб., 1869. С. 215-530.

Чудновский, 1885 – Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири (Статистико-публицистические этюды). Томск. 1885. 197 с.

Юдин, 2012 – Юдин В. Эволюция государственной политики России в отношении коренных малочисленных народов Севера // Власть. 2012. №. С. 29-33.

Ядринцев, 1891 – Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. СПб., 1891. 200 с.

References

- ГАКК** – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraja [State archive of Krasnoyarsk Krai]
- Izpoezdki g. Enisejskogo gubernatora, 1894** – Izpoezdki g. Enisejskogo gubernatora v 1893 godu v Turukhanskij kraj [The trip of the Yenisei Governor to the Turukhansk District in 1893]. Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii s adres-kalendarem, sostavlenaya po 1 yanvarya 1896, pp. 291-354. [in Russian]
- Istoriya Sibiri** – Istoriya Sibiri v 5-ti tomakh [The history of Siberia in 5 volumes]. Vol. 3. Leningrad, 1968, 528 p. [in Russian]
- Komleva, 2014** – Komleva E.V. (2014). Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Turukhanskogo kraja v kontse XVIII – pervoj polovine XIX v. [Social and economic development of the Turukhansk District in the late 18th – first half of the 19th ages]. Soslovnye i sotsiokulturnye transformatsii naseleniya Aziatskoj Rossii (XVII – nachalo XX veka). Novosibirsk, pp. 187-201. [in Russian]
- Komleva, 2017** – Komleva E.V. (2017). Bor'ba s "gibelnyjmi dejstviem": zdavookhranenie v Turukhanskom krae v pervoj polovine XIX v. [Fighting the "destructive actions": health care in the Turukhansk District in the first half of the 19th century]. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, Nr. 4. [in Russian]
- Konev, 2016** – Konev A.Yu. (2016). Narody Sibiri v sotsial'no-pravovom izmerenii imperii: sovremennye podkhody [The peoples of Siberia in terms of social and legal aspect of the Empire: modern approaches]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*: Sb. nauch. tr. Omsk, pp. 135-144. [in Russian]
- Krivoshapkin, 1865** – Krivoshapkin M.F. (1865). Enisejskij okrug i ego zhizn' [The Yenisei District and its life]. SPb, 378 p. [in Russian]
- Latkin, 1892** – Latkin N.V. (1892). Enisejskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee [The Yenisei province, its past and present]. SPb, 468 p. [in Russian]
- Materialy po issledovaniyu Eniseya, 1908** – Materialy po issledovaniyu Eniseya v rybopromyslovom otnoshenii [Data on the study of the Yenisei River in terms of fishing-industry]. Vyp. I. Predvaritel'nyi otchet po issledovaniyam 1908 goda (Nizov'ya r. Eniseya i Eniseiskij zaliv. Sost. Vl. Isachenko, S. Lavrov. Krasnoyarsk, 1908. 64 p. [in Russian]
- Middendorf, 1978** – Middendorf A.F. (1978). Puteshestvie na sever i vostok Sibiri. Chast' II. Sever i vostok Sibiri v estestvenno-istoricheskom otnoshenii. Otdel I. Korennye zhiteli Sibiri [Travel to the North and East of Siberia. Part II. The North and East of Siberia in natural and historical terms. Section I. The indigenous peoples of Siberia]. SPb. [in Russian]
- Mordvinov, 1860** – Mordvinov A.A. (1860). Inorodtsy, obitajushchie v Turukhanskom krae [Foreign peoples living in the Turukhansk District]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. SPb, 1860, Part 28, pp. 25-64. [in Russian]
- Miropiev, 1901** – Miropiev M.A. (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the living conditions of foreign peoples in Russia]. SPb, 515 p. [in Russian]
- O predpolagaemykh preobrazovaniyakh, 1909** – O predpolagaemykh preobrazovaniyakh v Turukhanskom krae [On the expected reforms in the Turukhansk District]. Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii s adres-kalendarem na 1909 g. Krasnoyarsk, 1909, 450 p. [in Russian]
- Patkanov, 1911** – Patkanov S.K. (1911). O priroste inorodcheskogo naseleniya Sibiri. Statisticheskie materialy dlya osveshcheniya voprosa o vymirani i pervobytnykh plemen [On the rate of growth of the population of foreign peoples in Siberia. Statistical data to cover the issue of the extinction of primitive tribes]. SPb, 210 p. [in Russian]
- Pestov, 1833** – Pestov I.S. (1833). Zapiski ob Enisejskoj gubernii Vostochnoy Sibiri 1831 goda [Notes on the Yenisei province of Eastern Siberia in 1831]. M. Universitetskaya tipografiya. P. 255. [in Russian]
- Petrova, 2008** – Petrova Z.P. (2008). Uchenyj-gigienist i obshchestvennyy deyatel' Arkadij Ivanovich Jakobij (k 100-letiyu so dnya smerti) [Environmentalist and public figure Arkady Ivanovich Jacoby (to the 100th anniversary of his death)]. *Mezhdunarodnyi meditsinskij zhurnal*, Nr. 2, 135 p. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2016** – Poberezhnikov I.V. (2016). Aktory imperskoj modernizatsii: regional'nye keysy [Actors of Imperial modernization: regional cases]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, pp. 25-33. [in Russian]
- Raboty osoboy gidrograficheskoy ekspeditsii, 1896** – Raboty osoboy gidrograficheskoy ekspeditsii dlya izucheniya ust'ev Eniseya i Obi i chasti Karskogo morya v 1895 godu [Works of the special hydrographic expedition exploring the mouth of the Yenisei and Ob rivers and part of the Kara Sea in 1895]. Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii s adres-kalendarem, sostavlenaya po 1 yanvarya 1896. Krasnoyarsk, 400 p. [in Russian]
- Remnev, 1994** – Remnev A.V. (1994). Samoderzhavie i Sibir v kontse-nachale veka: problemy regional'nogo upravleniya [Monarchy and Siberia at the end/beginning of the century: Issues of regional governance]. *Otechestvennaya istoriya*. Nr. 2. pp. 60-73. [in Russian]

Slovtsov, 1886 – *Slovtsov P.A.* (1886). Istoricheskoe obozrenie Sibiri. S 1742 po 1823 god. [Historical review of Siberia. From 1742 to 1823]. SPb. [in Russian]

Stepanov, 1997 – *Stepanov A.P.* (1997). Eniseyskaya guberniya [Yenisei province]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Turner, 2009 – *Turner F.J.* (2009). Frontir v amerikanskoj istorii [The Frontier in American history]. M., 304 p. [in Russian]

Tretyakov, 1869 – *Tretyakov P.* (1869). Turukhanskiy kray. [Turukhansk District]. Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva. Vol. 2, SPb, pp. 215-530. [in Russian]

Chudnovskiy, 1885 – *Chudnovskiy S.L.* (1885). Eniseyskaya guberniya k trekhstotletnemu yubileyu Sibiri (Statistiko-publitsisticheskie etyudy) [Yenisei province on the 300th anniversary of Siberia (statistical and journalistic sketches)]. Tomsk, 197 p. [in Russian]

Yudin, 2012 – *Yudin V.* (2012). Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa [The evolution of the state policy of Russia towards the indigenous peoples of the North]. Vlast. pp. 29-33. [in Russian]

Yadrintsev, 1891 – *Yadrintsev N.M.* (1891). Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie [Siberian foreign peoples, their life and contemporary being]. Etnograficheskie i statisticheskie issledovaniya s prilozheniem statisticheskikh tablits. SPb, 200 p. [in Russian]

Предложения по защите интересов коренных малочисленных народов Туруханского края в 1822–1917 гг.

Сергей Тихонович Гайдин ^{a, *}, Галина Александровна Бурмакина ^a

^a Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены представления государственных чиновников, ученых, общественных деятелей Енисейской губернии о путях решения существующих и возникающих проблем коренных малочисленных народов Енисейского Севера в досоветский период, показано изменение положения этих народов и дана оценка деятельности губернской администрации.

Коренные малочисленные народы Енисейского Севера, которые платили государству пушной ясак, оказались в нарастающей долговой зависимости от вахтеров казенных хлебозапасных магазинов. Вовлечение в торговые отношения с русскими купцами побуждало их использовать огнестрельное оружие для добычи пушных зверей. Это приводило не только к прогрессирующей смене хозяйственной деятельности и образа жизни северян, но и к сокращению продуктивности промысловых угодий и связанным с этим падением уровня жизни.

В Туруханском крае в середине XIX в. возник ожидаемый «пушной кризис». Организация владельцами пароходов в 60-е гг. рыбной промышленности привела к превращению многих охотников и рыбаков в наемных работников на вылове и первичной обработке рыбы. Вынужденный отказ части коренных жителей Енисейского Севера от традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности сопровождался нарастанием их кабальной зависимости от купцов-рыбопромышленников, скупщиков пушнины, пришлых русских промысловиков, которые отбирали у них охотничьи и рыбопромысловые участки. Губернская администрация предпринимала некоторые меры по защите коренных северян, но, заинтересованная в получении налогов от предпринимательской деятельности, она содействовала их вовлечению в прогрессивную, с точки зрения модернизационных процессов, но несвойственную им хозяйственную деятельность. В результате у родов, наиболее вовлеченных в торговые и хозяйственные отношения с русскими предпринимателями, наблюдалось разрушение этнической идентичности и утрата способности к самостоятельному выживанию.

Сделанный национальной интеллигенцией критический анализ положения и предложенные способы решения проблем могут помочь пониманию особенностей советской и направлений оптимизации постсоветской политики в отношении этих народов.

Ключевые слова: национальная политика, Енисейская губерния, Туруханский край, коренные малочисленные народы Севера, хлебозапасные магазины, рыбная промышленность, государственно-частное партнерство, аренда рыболовных участков, интернаты, национальная интеллигенция, крестьянские инородческие начальники.

* Корреспондирующий автор

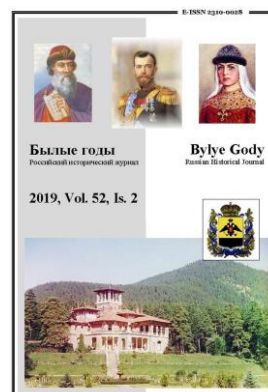
Адреса электронной почты: gaydinsergey@rambler.ru (С.Т. Гайдин), urmakinagalina@rambler.ru (Г.А. Бурмакина)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 645-654. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.645
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Nikolai I and State Council: First Steps

David I. Raskin ^{a, *}

^a St. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the relationship of Nicholas I and the State Council in the first year of the emperor's reign. The memorandums of the General Assembly of the State Council were the main source of this research. Namely these documents were submitted to the emperor. His resolutions on memorandums served as the basis for the approval (or revision) of the decisions of the State Council. The resolutions of Nicholas I are an important source for studying of his position on the important issues of legislation and management. They reflected the aspiration of the young emperor to delve into all the questions that were proposed for his consideration. These resolutions indicate that Nicholas I learned rather quickly the technique of government and the basics of the legislation of the empire, which he began to rule. They also testify to the confidence with which the emperor, who had no experience in government, began his activity. The role of the State Council in the period under review was very large, not only in the field of legislation, but also in the field of law enforcement, in the adoption of specific administrative and judicial decisions by the authorities. The article discusses the composition of the State Council at the time (for the period from the end of 1825–1826), the educational level, professional experience and age characteristics of the council members. During the period under review, members of the State Council were indeed the bureaucratic elite of the Russian Empire. The first steps of the joint activity of Nicholas I and the State Council largely determined the further interaction of the emperor and the supreme legislative institution of the empire. These steps became an important experience for Nicholas I.

Keywords: State Council, Russian Empire, memorandums, Nicholas I, resolutions, legislation, government, law enforcement, bureaucratic elite.

1. Введение

Начиная с Н.П. Ерошкина в литературе закрепилось мнение, что при Николае I роль Государственного совета была снижена, хотя в абсолютистской монархии «Государственный совет занимал определенное место, являлся весьма важным звеном законодательного механизма». (Ерошкин, 1981: 93-95).

При этом недооценивается роль Государственного совета в практике сепаратного законодательства, игравшей значительную роль в правовой системе Российской империи, правоприменения (в ходе рассмотрения в совете в качестве высшей инстанции уголовных и гражданских дел), а также экономической политике (в силу прохождения через совет бюджетных и внебюджетных ассигнований).

За обобщающими характеристиками остаются в тени подробности взаимодействия Николая I с Государственным советом, первые опыты совместной работы императора с высшими сановниками империи, существенно повлиявшие на дальнейшую деятельность самого монарха и совета и во многом способствовавшие приобретению молодым императором административного и законодательного опыта.

* Corresponding author

E-mail addresses: d.raskin@mail.ru (D.I. Raskin)

Все это делает рассмотрение первых шагов взаимодействия Николая I с Государственным советом актуальной задачей исследования.

2. Материалы и методы

Основным источником изучения деятельности Государственного совета и его взаимодействия с Николаем I являются мемории Общего собрания Государственного совета, сохранившиеся в коллекции меморий Общего собрания и департаментов (РГИА. Ф. 1159).

Мемории – краткое изложение журналов заседаний коллегиальных учреждений, в том числе Государственного совета (*Государственность России, 2009: 27*).

Мемории Общего собрания Государственного совета в концентрированном виде содержат информацию о рассмотрении дел в совете. Именно они были объектом личного рассмотрения императором, резолюции которого на них и служили основанием для утверждения (или пересмотра) решений совета.

Статьи меморий по уголовным и гражданским делам представляют особый интерес, т.к. демонстрируют реальное применение правовых норм в Российской империи до издания Свода законов.

Собственноручные пометы Николая I на мемориях отражают позицию императора по основным вопросам внутренней политики, его личное отношение к конкретным казусам, рассматривавшимся в Государственном совете. Они свидетельствуют о степени его проникновения в подробности законодательства, административной и судебной практики, тщательности изучения им вопросов, по которым монарху принадлежало принять окончательное решение.

В качестве хронологических рамок избран первый год царствования Николая I (14 декабря 1825 г. – 1826 г.), а в качестве основного метода исследования – фронтальное изучение всего корпуса меморий Общего собрания Государственного совета и резолюций императора за этот период. Такой «микроанализ» наиболее соответствует поставленной задаче.

Для характеристики облика членов высшего законосовещательного учреждения империи в рассматриваемый период, их образования, служебного опыта и распределения по поколениям (игравшего немалую роль для характеристики состава Государственного совета) использованы данные, имеющиеся в авторитетных биографических справочниках.

3. Обсуждение

Во всех работах, посвященных истории Государственного совета Российской империи, заметное место уделено периоду царствования Николая I (*Щеглов, 1903; История Государственного совета Российской империи, 2008*).

Теме участия Николая I в работе высших учреждений России посвящена публикация М.А. Корфа, основанная на личных воспоминаниях (*Корф, 1896*). Специально особенностям функционирования Государственного совета при Николае I посвящена монография И.В. Ружицкой (*Ружицкая, 2018*). Взаимоотношения Николая I с высшим законосовещательным учреждением империи отражены и в ряде исследований, посвященных политической истории России первой половины XIX в. (*Ерошкин, 1981; Мироненко, 1990* и др.). Так или иначе вопросы взаимодействия Николая I с Государственным советом затронуты в работах о Николае I, как написанных с апологетических позиций (*Шильдер, 1903; Боханов, 2008; Тарасов, 2008*), так и с более взвешенных или критических позиций (*Сыромятников, 1913; Капустина, 1993; Выскочков, 2001; Николай I: личность и эпоха, 2007*).

4. Результаты

Николаю I достался Государственный совет, состоявший из сановников времени Александра I. На первых порах состав совета обновился лишь незначительно.

Хотя Николай I с самого начала исходил из убеждения в необходимости лично вникать во все подробности управления, он понимал, что в деле законодательства не обойтись без квалифицированных экспертов и считал нужным подвергать всестороннему обсуждению все вопросы, требовавшие законодательного разрешения. Существование Государственного совета в системе органов власти Николай I признавал необходимым, а его составу и руководству уделял первостепенное внимание (*История Государственного совета Российской империи, 2008: 51*).

На конец 1825 г. в состав Государственного совета входили гр. А.А. Аракчеев (1769–1834), А.Д. Балашов (1770–1837), А.У. Болотников (1753–1828), И.В. Васильчиков (1776–1847), гр. П.Х. Витгенштейн (1768–1843), кн. П.М. Волконский (1776–1852), П.В. Голенищев-Кутузов (1772–1843), кн. А.Н. Голицын (1773–1844), кн. Д.В. Голицын (1771–1844), Ф.А. Голубцов (1758–1829), В.П. фон Дезин (1740–1826), бар. И.И. Дибич (1785–1831), Е.Ф. Канкрин (1774–1845), П.К. Карцов (1750–1830), гр. В.П. Кочубей (1768–1834), кн. А.Б. Куракин (1759–1829), гр. М.И. Ламздорф (1745–1828), В.С. Ланской (1754–1831), гр. Ю.П. Литта (1763–1829), кн. Д.И. Лобанов-Ростовский (1758–1838), кн. Я.И. Лобанов-Ростовский (1760–1831), кн. П.В. Лопухин (1753–1827), вел. кн. Михаил Павлович (1798–1849), Н.С. Мордвинов (1754–1845), гр. А.И. Морков (1747–1827),

гр. К.В. Нессельроде (1780–1862), гр. Ф.В. фон дер Остен-Сакен (1752–1837), В.А. Пашков (1764–1838), гр. С.О. Потоцкий (1762–1829), гр. С.П. Румянцев (1755–1838), А.А. Саблуков (1749–1828), кн. С.Н. Салтыков (1776–1828), М.М. Сперанский (1772–1839), А.Я. Сукин (1764–1837), П.К. фон Сухтелен (1751–1836), гр. (с 1826 г.) А.И. Татищев (1763–1833), гр. П.А. Толстой (1770–1844), маркиз И.И. де Траверсе (1754–1830), И.В. Тутолмин (1751–1839), кн. А.А. Чарторыйский (1770–1861), А.С. Шишков (1754–1841), кн. Н.Б. Юсупов (1750–1831), всего 42 человека.

В течение 1826 г. были назначены: гр. М.С. Воронцов (1782–1856), герцог Александр Вюртембергский (1771–1833), гр. (с 1826 г. св. кн.) К.А. Ливен (1767–1845), Н.Н. Раевский (1771–1829) (*История Государственного совета Российской империи*, 2008: 628–629; Шилов, Кузьмин, 2007: 46–48, 81–82, 128–132, 146–154, 199–201, 206–210, 266–269, 276–281, 363–365, 438–439, 459–460, 505–512, 516–518, 594–597, 642–643, 655–658, 711–715, 720–721, 744, 763–765, 768–770, 810–812, 890–893; Шилов, 2002: 53–58, 131–133, 149–153, 171–172, 185–187, 200, 308–312, 362–365, 387–389, 405, 415–419, 422–424, 426–428, 483–489, 509–512, 561–562, 719–720, 747–750, 754–755, 795–798, 842–846).

Председателем Государственного совета в течение всего 1826 г. оставался кн. П.В. Лопухин. Председателями департаментов были: Законов – В.А. Пашков, Гражданских и духовных дел – Н.С. Мордвинов, Государственной экономии – гр. А.Б. Куракин, Военных дел – гр. П.А. Аракчеев (в случае отсутствия Аракчеева его замещал А.Я. Сукин), а после того, как он был 30 апреля «уволен за границу к водам» – гр. П.А. Толстой.

Должность государственного секретаря по-прежнему исполнял А.Н. Оленин (1763–1843). 22 июля 1826 г., после почти 12-летнего пребывания исполняющим должность, он был наконец утвержден в должности (*Высшие и центральные государственные учреждения России*, 1998: 22–26, 29; Шилов, 2002: 528–532).

После воцарения Николая I в 1825 г. прошло 4 общих собрания Государственного совета (не считая чрезвычайного тайного собрания в ночь с 13 на 14 декабря). В 1826 г. общие собрания Государственного совета проходили 58 раз, т.е. в среднем даже чаще, чем раз в неделю. Начиная с октября, проводились специальные (внеочередные) заседания для рассмотрения накопившихся многочисленных уголовных дел. Перерывы в занятиях по случаю праздников, коронации (состоявшейся 22 августа в Москве) и летних «вакаций» были минимальными. Если учесть, что большинство активных членов Государственного совета одновременно заседали в соответствующих департаментах (также в среднем не реже раза в неделю), а министры руководили вверенными им ведомствами и что от участников общих собраний требовалось хотя бы беглое ознакомление с рассматривавшимися делами (а, судя по результатам голосований и особым мнениям отдельных членов Общего собрания, некоторые из них вникали в предмет обсуждения достаточно глубоко), членство в Государственном совете не было sinecurой.

В течение 1826 г. число присутствовавших на заседаниях членов Государственного совета колебалось от 22 до 7 (заседание 17 июня), в среднем около 15 человек. Отсутствовали они по болезни или «другим делам», но лишь 6 из них (А.А. Саблуков, И.И. Дибич, К.В. Нессельроде, А.Н. Голицын, Е.Ф. Канкрин, П.В. Лопухин) – более чем на половине заседаний. 11 членов Государственного совета не пропустили ни одного заседания.

Средний возраст членов Государственного совета составлял ок. 60 лет.

Самыми старыми из них были В.П. фон Дезин (86 лет, скончался 30 декабря 1826 г.), гр. М.И. Ламсдорф (81 год), гр. А.И. Морков (79 лет) и А.А. Саблуков (77 лет), самым молодым – вел. кн. Михаил Павлович (28 лет), а из не принадлежавших к императорской фамилии – бар. И.И. Дибич (41 год), гр. М.С. Воронцов (44 года), гр. К.В. Нессельроде (46 лет). 14 членов Государственного совета находились в возрасте от 76 до 67 лет, 8 – от 66 до 57 лет, 16 – от 56 до 50 лет.

Таким образом, 41 из 46 членов Государственного совета был старше 50 лет, но при этом 27 из них (почти 60 %) были моложе 70 лет, т.е. находились в пожилом (по понятиям того времени), но еще вполне дееспособном возрасте. Все они имели многолетний опыт службы на военных, дипломатических и административных должностях, причем большинство из них начинали свою карьеру на военной службе.

Военная служба (более или менее номинальная в гвардии или действительная в армии) была начальной ступенью карьеры подавляющего большинства членов Государственного совета, как и всех высших сановников того времени. Но затем многие из них занимали различные административные и судебные должности, вплоть до самых высших, что и послужило основанием для включения их в состав Государственного совета.

Начали и продолжали всю дальнейшую карьеру на гражданской службе лишь кн. А.Н. Голицын, Ф.А. Голубцов, кн. А.Б. Куракин, гр. А.И. Морков (по дипломатическому ведомству), М.М. Сперанский и кн. Н.Б. Юсупов (также по дипломатическому ведомству).

Даже министр финансов Е.Ф. Канкрин некоторое время служил в армии (помощником генерал-провиантмейстера, генерал-интендантом сначала 1-й армии, а затем всей действующей армии) и имел чин генерала от инфантерии.

Сложнее говорить об образовании. Члены Государственного совета, не окончившие один из кадетских или Пажеский корпус, получали чаще всего домашнее образование (разного качества),

а затем поступали на военную службу. Лишь некоторые из них слушали лекции в иностранных университетах. Кадетские (включая Морской) и Пажеский корпуса окончили гр. А.А. Аракчеев, А.Д. Балашов, А.У. Болотников, В.П. фон Дезин, П.К. Карцов и А.С. Шишков. Домашнее воспитание в сочетании с записью в гвардию с малолетства, а затем служба в гвардии или военная служба с самых молодых лет были в начале жизненного пути И.В. Васильчикова, гр. П.Х. Витгенштейна, кн. П.М. Волконского, гр. М.С. Воронцова (который, хотя еще в 4 года был произведен в прапорщики Преображенского полка, но детство и юность провел при отце, в Лондоне, где получил хорошее образование, и только с 21 года начал настоящую военную службу на Кавказе), П.В. Голенищева-Кутузова, кн. А.Н. Голицына, гр. М.И. Ламсдорфа, В.С. Ланского, св. кн. К.А. Ливена, кн. Д.И. Лобанова-Ростовского, кн. Я.И. Лобанова-Ростовского, кн. П.В. Лопухина, гр. Ф.В. фон дер Остен-Сакена, В.А. Пашкова, Н.Н. Раевского, кн. С.Н. Салтыкова, А.Я. Сукина, гр. А.А. Татищева, гр. П.А. Толстого и, видимо, И.В. Тутолмина. Гр. В.П. Кочубей, также записанный с малолетства в гвардию, учился в Петербурге в частном пансионе.

Ф.А. Голубцов (один из немногих членов Государственного совета, всю жизнь служивший исключительно по гражданскому ведомству) после домашнего воспитания с молодых лет начал службу в Сенате.

Образование в заграничных университетах (иногда в сочетании с записью в гвардию) получили кн. Д.В. Голицын, Е.Ф. Канкрин, кн. А.Б. Куракин, гр. С.О. Потоцкий, гр. С.П. Румянцев, П.К. фон Сухтелен и кн. Н.Б. Юсупов; в иезуитском коллеже перед тем, как поступить в морскую службу, учился гр. Ю.П. Лита; в берлинской гимназии перед поступлением в морскую, а затем в военную службу учился гр. К.В. Нессельроде. Берлинский кадетский корпус окончил бар. И.И. Дибич. В школах гардемарин в Бресте и Рошфоре учился маркиз И.И. де Траверсе.

Н.С. Мордвинов после воспитания при дворе (где он был товарищем детских игр вел. кн. Павла Петровича) изучал морское дело в Англии.

На этом фоне заметно выделяются выпускник Благородной гимназии при Московском университете гр. А.И. Морков и, конечно, семинарист М.М. Сперанский.

В подготовке большинства членов Государственного совета к службе в высшем законосовещательном учреждении России преобладал опыт административной и судебной деятельности.

В целом можно признать, что Государственный совет действительно включал в себя управленческую элиту Российской империи.

Первая встреча Николая I с Государственным советом состоялась в ночь с 13 на 14 декабря 1825 г. Но, несмотря на бурные события декабря 1825 г. и почти всего 1826 г., взаимодействие императора с высшим законодательным учреждением империи было не только постоянным, но и достаточно деловым.

Уже 14 декабря 1825 г. (под гром выстрелов на Сенатской площади) состоялось общее собрание Государственного совета, на котором отсутствовали по болезни Саблуков и гр. Литта, а «по другим делам» кн. Лобанов-Ростовский 1-й, Татищев и, конечно, гр. Милорадович. На этом заседании рассмотрели вопросы об увеличении пошлин на чай, ввозимый через Кяхту, и о разрешении на вывоз лошадей. Уже 30 декабря мемория поступила в Государственный совет с собственноручными резолюциями Николая I: по первому вопросу – «Мне известно, что без того уже по другим причинам чай весьма вздорожал, если же пошлину на него возвысить, тогда цены непомерно возвысятся», а по второму – «Составить особый комитет из началь.[ника] штаб.[а], воен. министра, министра финансов, г. Васильчикова и Мих. Павл.».

Чрезвычайное заседание 15 декабря заключалось в «изутом объяснении Государем Императором обстоятельств, причинивших последствия 14-го декабря сего 1825 года, и меры, принятые к прекращению оных», а 18 декабря «ознаменовано прибытием в присутственную комнату Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича» и объявлением высочайшего повеления «о присутствовании в Государственном совете Его Императорского Высочества Великого князя Михаила Павловича». Но уже 22 декабря был рассмотрен вопрос о росписи государственным доходам и расходам на 1826 г. (было решено поднести ее на высочайшее утверждение в том виде, как она составлена министром финансов), а 28 декабря – 28 уголовных дел. Все решения по ним Николай I утвердил 14 января 1826 г., причем по делу «об отставном поручике Григории Антонове, судимом за наносимые им матери своей оскорбления» добавил резолюцию «оставить в смиренном доме, доколе получит прощение от своей матери» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 17. Л. 518-538).

Новый император быстро втянулся в рутинную работу с Государственным советом. Если в последние годы царствования Александра I рассмотрение меморий Общего собрания Государственного совета затягивалось на 2 (а то и более) месяца, то при Николае I оно почти никогда не превышало 2 недель.

В 1826 г. в Государственном совете были обсуждены и приняты такие важные законодательные акты, как положение о новом устройстве лесной части и учреждении специального ученого комитета при Департаменте государственных имуществ (2ПСЗ. Т. 1. №415. 19.06.1826), высочайше утвержденные мнения Государственного совета «О преимуществах, сопряженных с награждением

купцов гражданскими чинами и кавалерскими орденами», ограничивавшие права купцов на получение дворянства по чинам и орденам (2ПСЗ. Т. 1. №640. 30.10.1826), «О распространении порядка управления удельными крестьянами на казенных» (2ПСЗ. Т. 1. №423. 24.06.1826), «О пополнении существующих узаконений о крепостном и гербовом сборах в присоединенных от Польши губерниях» (2ПСЗ. Т. 1. №751. 15.12.1826), указы «О торгах на питейный откуп в 29 Великороссийских губерниях» (2ПСЗ. Т. 1. №467. 14.07.1826), восстанавливавший упраздненную в 1817 г. систему питейных откупов, «Об уменьшении гербового сбора с паспортов для мешан и крестьян и с видов для дворовых людей в столицах» (2ПСЗ. Т. 1. №543. 22.08.1826), «О допущении некоторых облегчений по части гильдейских повинностей» (2ПСЗ. Т. 1. №458. 11.07.1826) и др.

Обсуждались и проекты серьезных реформ, получившие применение лишь в дальнейшем. 28 июня рассматривался проект министра финансов Е.Ф. Канкрин об учреждении сословия «граждан». Проект предусматривал введение нового полупривилегированного сословия путем издания манифеста и указа Сенату, приуроченных к коронации. Председатель Департамента законов В.А. Пашков высказался за то, чтобы введение нового сословия с привилегиями, «которые едва ли не равняются с правами высшего в государстве сословия», требует «в настоящих обстоятельствах строгой осторожности и тщательного соображения». Председатель Департамента гражданских и духовных дел Н.С. Мордвинов поддержал идею проекта и предложил «совокупить» наследственные гражданские права со свободой торговли и промышленности для всех сословий и с освобождением городов от постоя. И.В. Васильчиков полагал, что одновременно с введением «гражданства» необходимо «положить преграду» получению дворянства посредством «одних только чинов». В итоге восторжествовало мнение председателя Департамента государственной экономии кн. А.Б. Куракина, что «ощущая всю пользу, какая произойдет со временем от введения в России класса граждан, который и среднее состояние людей у нас поведет к лучшей образованности, и поощрит иностранных ученых и художников к прочному водворению в Империи, не опасаясь уже того, что должны будут избирать род жизни, сопряженный с платежом податей и другими невыгодами, но по настоящему положению умов и пагубных от одного последствий не видит он необходимости (доколе порядок не водворится) спешить изданием сего нового закона». Кн. А.Б. Куракин предлагал «лучше отсрочить изданием такого закона», который вводит для нового сословия свободу от рекрутской повинности и телесного наказания и, сблизив низший класс людей с высшим, «сам по себе родит в первых сперва желание, а потом решительное намерение употребления всех возможных средств быть с последними равными... Франция более всего примером служить тут может». Хотя Общее собрание Государственного совета одобрило проекты манифеста и указа, но большинством (с которым согласился и император) сочло необходимым «доколе порядок водворится, не спешить с обнародованием сего нового закона» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 395, 397). В результате лишь 10 апреля 1832 г. был издан манифест «Об установлении нового сословия под названием почетных граждан» (2ПСЗ. Т. 7. №5284). Не пропало втуне и мнение И.В. Васильчикова. Хотя возможность получения дворянства по чинам и орденам сохранялась в Российской империи вплоть до 1917 г., но, начиная с 1845 г., планка для достижения потомственного дворянства и по чину, и по степени орденов неоднократно повышалась (Раскин, 1996: 671-673).

Необычным было специальное рассмотрение Общим собранием Государственного совета (изложенное в особой мемории от 21 октября 1826 г.) записки тверского купца Зубчанинова (изобретателя вертикальных мельничных жерновов (Данилевский, 1947: 200; РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. 1828 г. Д. 80), не чуждого и литературе (РБС, 1916: 560), об обращении в пользу казны лажа на серебро (т.е. разницы в курсе серебряного и бумажного рубля) при всех подрядах и поставках. Проект Зубчанинова был представлен начальнику Главного штаба, обсуждался в Военном министерстве (с привлечением в качестве экспертов купцов – петербургского Маркелова, верейских Луничева и Мартьянова, калужского Чернова и гжатского Данилова), затем в Сенате, а после внесения по повелению Александра I в Государственный совет – в соединенных департаментах Военном и Государственной экономии. Заключение последних было вынесено на Общее собрание. Результатом обсуждения (в ходе которого предложения Зубчанинова были подвергнуты корректировке (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 208-236) стало высочайше утвержденное 27 октября 1826 г. мнение Государственного совета «О обращении лажных денег на серебро в пользу казны при всех поставках и подрядах» (2ПСЗ. Т. 1. №636). Хотя этот первый прецедент рассмотрения в Государственном совете предложений, исходящих от купечества, начинался еще при Александре I, он во многом определил дальнейшую политику Николая I в отношениях с торгово-промышленным сословием.

Ярко выразилась самостоятельная позиция Николая I по отношению к вопросам развития промышленности в другом деле. 17 июня в Общем собрании Государственного совета рассматривался вопрос о привилегии британскому подданному Смиту на изобретенный им паровой котел для «нагревания, выпаривания, перегонки, перетапливания и очищения всяких жидких и твердых тел», а также для выварки и кристаллизации соли из морской воды и перегонки всякого рода спиртов и тончайших масел. Государственный совет (в соответствии с предложением министра финансов) заключил, что воспользоваться этой привилегией Смит сможет только на казенных предприятиях, а если пожелает открыть заведение на свое имя, то должен сообразовываться с правилами

«Дополнительного постановления об устройстве гильдий» 1824 г. («Иностранный гость не может иметь никаких фабрик, заводов мельниц и никаких торговых или механических заведений, отдавать их в аренду без особого дозволения, которое предоставится только таким заведениям, коих польза будет признана. Такое дозволение дается единственно с высочайшего разрешения»). Николай I наложил следующую резолюцию: «Я считаю сие лучшим способом удушить всякую промышленность, если не давать выгод тем, кои привозят нам известные полезностью изобретения, то мы и лишимся их надолго, и отстанем от чужестранных. – По тому хочу, чтоб м.[инистр] ф.[инансов] положил именно условия, на коих можно будет дозволить ему самому устраивать свои заведения» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 373 об.).

Не имевший опыта участия в государственном управлении и имевший от роду почти в два раза меньше лет, чем средний возраст членов Государственного совета, Николай I с первых же дней своего царствования не только твердо и решительно управлял работой высшего законосовещательного учреждения империи, но и добросовестно вникал в предлагаемые ему для утверждения сложные и нередко весьма казусные дела. Молодой император сумел довольно быстро освоиться с непростой техникой российского законодательства и административного управления и в своих решениях демонстрировал знание предмета и скрупулезность в изучении предлагаемых вопросов. Об этом свидетельствуют его резолюции.

По делу о замене в Новороссийском крае плакатных паспортов 6-месячными билетами (рассматривалось 28 июня) император наложил резолюцию: «Сие мнение я утверждаю, но с тем, чтобы оно было общей мерой о всем государстве». По рассматривавшимся в этом же заседании правилам о плакатных паспортах и билетах: «Я против 5-го пункта означил свое мнение, а потому, применяя к оному, изготовить проект указа или предварительно рассмотреть, удобно ли исполнимо будет» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 395, 397).

В 1826 г. (5 апреля и 17 мая) Общему собранию Государственного совета пришлось высказать свое суждение и по поводу конфликта между Сенатом и генерал-прокурором министром юстиции кн. Д.И. Лобановым-Ростовским. При разрешении одного из гражданских дел (о продаже имения малолетних дворян Рожнятовских) сенаторы 1-го отделения III департамента утверждали, что этот вопрос может быть разрешен только на основании всеподданнейшего доклада, а министр юстиции настаивал на том, что вопрос подлежит решению Сената и при этом указывал, что «в противном случае он, министр юстиции, вынужден будет о настоящем беспорядке довести до высочайшего сведения». Сенаторы сочли, «что сие изречение министра юстиции не совместно с достоинством Сената» и решили составить об этом журнал и сделать особое представление императору. Министр юстиции запретил канцелярии Сената «приступать к сочинению каких-либо бумаг и к скрепе оных, предоставляя на волю сенаторов дать их заключению дальнейшее движение способом, какой они за лучший признают, без всякого токмо участия канцелярии». Сенаторы решили дать свое представление при «просительном письме» и довести до высочайшего сведения «посредством статс-секретаря». Николай I (в рескрипте на имя председателя Государственного совета кн. П.В. Лопухина от 25 марта 1826 г.) заметил, что «поступление ко мне бумаги в виде столь необыкновенном, никаким коренным законом не допущенным, не могло не удивить меня», и, не распечатывая пакет с представлением сенаторов, направил его в Государственный совет для распечатывания пакета и суждения, во-первых, о том, насколько законно такое обращение сенаторов к монарху, а затем и по существу вопроса.

Большинство членов Государственного совета пришло к выводу, что поскольку представить свои возражения императору через министра юстиции (как и вынести этот вопрос на общее собрание Сената) сенаторы департамента не имели возможности, то избранный ими путь, «никакими законами не воспрещенный званию сенаторов», оставался единственным, но им надлежало озаглавить свою записку не «всеподданнейшее представление», а «всеподданнейшее прошение». Император же заключил, что в данном случае наиболее применим к делу был бы п. 19. Указа от 8 сентября 1802 г. «О правах и обязанностях Сената» (ПСЗ. Т. 27. №20405), в соответствии с которым в случае разногласий Сената и генерал-прокурора «дело взносится к императорскому величеству; и тогда да предстанут пред лице его один или двое из сенаторов противного мнения с генерал-прокурором, избранные ими к объяснению всех причин, которые заставляют их оставаться при своем мнении» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1 Д. 18. Л. 253-270 об.). На этом дело (ставшее одной из последних попыток Сената отстоять свою независимость от министра юстиции) и было закончено.

Когда министр финансов предлагал отказаться от полного запрета на вывоз из России дубовой коры и желудей, открыв для такого вывоза южные порты, а на Балтийском море – Либавский и Виндавский, Николай I пометил на полях мемории: «Желаю знать, отчего назначены м.[инистром] ф.[инансов] Виндавс.[кий] и Либавс.[кий] порты для сего предмета» и только после получения разъяснения, что «для отпуска из России дубовой коры и желудей назначены из числа балтийских портов только Либавский и Виндавский потому, что в Курляндской губернии дубовые леса имеются в значительном количестве, а кожевенных заводов, на коих дубовая кора употребляется, находится мало», согласился с предлагаемой мерой (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1 Д. 18. Л. 242, 251).

На представление министра финансов (принятое к сведению Общим собранием Государственного совета 17 июня) о повышении продажных цен на соль по некоторым губерниям последовала резолюция: «Хочу, чтоб м.[инистр] ф. [инансов] мне сие подробно изъяснил» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 18. Л. 377 об.).

На меморию от 16 августа о свободе калмыков и «других азиатцев», плененных киргизами и вымениваемых у них российскими купцами (Государственный совет предлагал освобождать их по достижении 25-летнего возраста) последовала резолюция: «Я желаю знать, зачем 25 лет, а не 15, 10 или всякое другое число лет. Мне кажется, дело идет не о годах, а о правиле, можно ли торговать азиатскими невольниками. Стало, я прошу чисто решить сей вопрос, которым и все прочее кончится» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 49 об.).

При рассмотрении 9 сентября дела о привилегиях граждан г. Риги выяснилось, что жалобы последних рассматривались в особо учрежденном комитете, закрытом в 1805 г. Император оставил на полях мемории карандашную резолюцию: «Я желаю знать, по какой причине в 1805 году остановлен ход дел в комитете». Оказалось, что ни в Сенатском архиве (с делами Департамента Министерства юстиции и III департамента Сената), ни в канцелярии Общего собрания Сената, ни в Государственном архиве старых дел следов не обнаружено. Бывший производитель дел комитета Я.А. Дружинин (в 1825–1848 гг. – директор Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов (Высшие и центральные государственные учреждения, 2001: 127) отозвался, что закрытие произошло, «сколько он помнит», по высочайшему повелению с тем, чтобы дело было рассмотрено в Комиссии составления законов, «почему, быть может, и все дело передано в сию комиссию». Но и там (в делах, переданных во II отделение Собственной е.и.в. канцелярии) ничего не нашли. Последовала резолюция Николая I: «Никому ближе нельзя знать, кому дело отдано, как производителю. Как же г. Дружинин сего не помнит?» Я.А. Дружинин дал удовлетворительное объяснение, что, «как он догадывается», дело было отложено в связи с войной, что его обязанности состояли в составлении записки, сам он был отправлен за границу, где и находился в течение 1805–1807 гг., а бумаги, скорее всего, были оставлены у председателя комитета кн. П.В. Лопухина, бывшего также председателем Комиссии для составления законов (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 65-74, 91-104 об.). Никаких отрицательных последствий для службы Дружинина этот инцидент не имел.

В Общем собрании по уголовным делам 7 октября рассматривалось дело сотника Войска Донского Левицкого, обвиненного в держании без письменного вида малороссиянина Климова и о повлекшем его смерть истязания (за то, что тот проторговался, будучи сидельцем в питейном доме). Обвиняемому было вменено в наказание содержание под стражей в течение около двух лет и церковное покаяние. Но Николай I счел необходимым добавить: «Здесь упущено из виду обстоятельство, на мои глаза важное: Климов посажен был в какую-то неподвижную колоду; я таких колод по нашим узаконениям не знаю, их быть не должно, ибо их повеления нет иметь, а таковой произвольный способ содержать арестантов есть ничто иное, как пытка. Из дела видно, что человек от последствий пытки умер; дело ужасно и доказывает совершенное небрежение начальства. Оставляя на сей раз дело в том виде, как оно кончено Советом, я предписываю заготовить указ Сенату, дабы оным настрого подтверждено было, чтоб никто и нигде не осмеливался выдумывать особых способов наказания или содержания под предлогом безопасности, как то, что законом определено, а кроме того велеть повсеместно осмотреть, есть еще подобные орудия, и их истребить под личную ответственностью губерн[аторов] и прокуроров» (РГИА. Ф. 1159. Оп. 1. Д. 19. Л. 127 об.).

Необходимо отметить, что и члены Государственного совета весьма ответственно относились к рассматриваемым в Общем собрании делам как по важным вопросам законодательства, так и по сравнительно мелким вопросам трактовки и применения норм уголовного и гражданского законодательства. Нередко они, не соглашаясь с большинством, подавали особые мнения, представляли записки с развернутой аргументацией. При этом позиция Государственного совета не раз расходилась с решениями Сената и министра юстиции, а император, принимая окончательные решения, имел возможность выбирать между различными, причем достаточно аргументированными точками зрения.

5. Заключение

Не имевший опыта государственного управления Николай I с первых дней своего царствования должен был взаимодействовать с Государственным советом. Это взаимодействие необходимо предусматривало принятие им решений по всем вопросам законодательства, отдельных административных и судебных решений. Первые шаги молодого императора свидетельствовали о его высокой способности к самообучению технике законодательства и управления, скрупулезности в изучении вопросов, рассматривавшихся в Государственном совете.

Взаимоотношения Николая I и высшего законосовещательного учреждения Российской империи нельзя трактовать однозначно. Уверенность в своих самодержавных правах, настойчивость в выяснении деталей сочеталась с готовностью прислушаться к мнению компетентных сановников, стремлением подвергнуть спорные вопросы всестороннему обсуждению. В деятельность совета было внесено больше порядка и регулярности.

Первый год взаимодействия Николая I с Государственным советом стал хорошей школой для молодого императора.

Литература

2ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1, 7. СПб., 1830, 1833. 1579, 1044 с.

Боханов, 2008 – Боханов А.Н. Николай I. М.: Вече, 2008. 480 с.

Высочков, 2001 – Высочков Л.В. Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2001. 644 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 1998 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 1. Высшие государственные учреждения / Отв. ред. Н.П. Ерошкин, отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 1998. 302 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России, 2001 – Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. В четырех томах. Т. 2. Центральные государственные учреждения / Отв. ред., отв. сост. Д.И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. 260 с.

Государственность России, 2009 – Государственность России. Словарь справочник. Кн. 6. Ч. 2. М.: Наука, 2009. 397 с.

Данилевский, 1947 – Данилевский В.В. Русская техника. Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1947. 520 с.

Ерошкин, 1981 – Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века). М.: Мысль, 1981. 252 с.

История Государственного совета Российской империи, 2008 – История Государственного совета Российской империи. 1801–1917. Высшее законосовещательное учреждение Российской империи и верхняя палата первого российского парламента / Авт. коллектив: Соколов А.Р., Раскин Д.И., Корнева Н.М., Михайловский М.Г. СПб.: Лики России, 2008. 647 с.

Капустина, 1993 – Капустина Т.А. Николай I // Вопросы истории. 1993. №11–12. С. 27–49.

Корф, 1896 – Корф М.А. Император Николай I в совещательных собраниях // Сб. РИО. Т. 98. СПб., 1896. С. 109–292.

Мироненко, 1990 – Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX века. М.: Мысль, 1990. 235 с.

Николай I: личность и эпоха – Николай I: личность и эпоха. Новые материалы / Отв. ред. А.Н. Цамугали. СПб.: Нестор-История, 2007. 530 с.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 27. СПб., 1830. 1122 с.

Раскин, 1996 – Раскин Д.И. Исторические реалии российской государственности и русского гражданского общества в XIX веке // Из истории русской культуры. Т. V (XIX век. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 662–830.

РБС – Русский биографический словарь. Т. VII. СПб., 1916.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Ружицкая, 2018 – Ружицкая И.В. Государственный совет при Николае I: особенности функционирования. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 312 с.

Сыромятников, 1913 – Сыромятников Б.И. Законодательство императора Николая I // Три века: Россия от смуты до нашего времени. Т. VI. М., 1913. С. 65–96.

Тарасов, 2008 – Тарасов Б.Н. Рыцарь самодержавия. М.: Олма Медиа Групп, 2008. 478 с.

Шилов, 2002 – Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917. Библиографический справочник. 2-е изд. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 830 с.

Шилов, Кузьмин, 2007 – Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи [Members of the State Council of the Russian Empire. 1801–1906: Bibliographic Directory]. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007. 992 с.

Шильдер, 1903 – Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1–2. СПб., 1903. 902, 896 с.

Щеглов, 1903 – Щеглов В.Г. Государственный совет в России в первый век его образования и деятельности (30 марта 1801–1901 года). Ярославль, 1903. 260 с.

References

2 PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii). Sobranie 2-e [The complete collection of laws of the Russian Empire). 2nd collection]. T.1, 7. SPb., 1830, 1833. 1579, 1044 p. [in Russian]

Bohanov, 2008 – Bohanov A.N. (2008). Nikolaj I [Nicholas I]. M.: Veche. 480 p. [in Russian]

Danilevskij, 1947 – Danilevskij V.V. (1947). Russkaja tehnika [Russian technology]. L.: Leningradskoe gazetno-zhurnal'noe i knizhnoe izdatel'stvo. 520 p. [in Russian]

[Eroshkin, 1981](#) – *Eroshkin N.P.* (1981). Krepostnicheskoe samoderzhavie i ego politicheskie instituty (Pervaja polovina XIX veka) [The feudal autocracy and its political institutions (First half of the nineteenth century)]. M.: Mysl'. 252 p. [in Russian]

[Gosudarstvennost' Rossii, 2009](#) – Gosudarstvennost' Rossii. Slovar' spravochnik [Statehood of Russia. Dictionary reference]. B. 6. P. 2. M.: Nauka, 2009. 397 p. [in Russian]

[Istorija Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii, 2008](#) – Istorija Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii. 1801–1917. Vysshee zakonosovewatel'noe uchrezhdenie Rossijskoj imperii i verkhnyaya palata pervogo rossiyskogo parlamenta [History of the State council of the Russian Empire. 1801–1917. Higher legislative institution of the Russian Empire and the upper house of the first Russian parliament]. Team of authors: *Sokolov A.R., Raskin D.I., Korneva N.M., Mihajlovskij M.G.* SPb.: Liki Rossii, 2008. 647 p. [in Russian]

[Kapustina, 1993](#) – *Kapustina T.A.* (1993). Nikolaj I [Nicholas I]. *Voprosy istorii*. Nr. 11–12. pp. 27–49. [in Russian]

[Korf, 1896](#) – *Korf M.A.* (1896). Imperator Nikolaj I v sovewatel'nyh sobranijah [Emperor Nicholas I in deliberative meetings]. Collection of the Russian Historical Society. T. 98. SPb., 1896. pp. 109–292. [in Russian]

[Mironenko, 1990](#) – *Mironenko S.V.* (1990). Stranicy tajnoj istorii samoderzhavija. Politicheskaja istorija Rossii pervoj poloviny XIX veka [Pages of the secret history of autocracy. The political history of Russia in the first half of the nineteenth century]. M.: Mysl'. 235 p. [in Russian]

[Nikolaj I: lichnost' i jepoha, 2007](#) – Nikolaj I: lichnost' i jepoha. Novye materialy [Nikolay I: personality and epoch. New materials]. Exec. ed. A.N. *Camutali*. SPb.: Nestor-Istorija, 2007. 530 p. [in Russian]

[PSZ](#) – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 1-e [The complete collection of laws of the Russian Empire]. 1st collection]. T. 27. SPb., 1830. 1122 p. [in Russian]

[Raskin, 1996](#) – *Raskin D.I.* (1996). Istoricheskie realii rossijskoj gosudarstvennosti i russkogo grazhdanskogo obwestva v XIX veke [Historical realities of russian statehood and russian civil society in the nineteenth century]. Iz istorii russkoj kul'tury. T. V (19th century). M.: Jazyki russkoj kul'tury. pp. 662–830. [in Russian]

[RBS](#) – Russkij biograficheskij slovar' [Russian biographical dictionary]. T. VII. SPb., 1916. 590 p. [in Russian]

[RGLA](#) – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].

[Ruzhickaja, 2018](#) – *Ruzhickaja I.V.* (2018). Gosudarstvennyj sovet pri Nikolae I: osobennosti funkcionirovanija [State council under Nicholas I: features of functioning]. M.: Institut rossijskoj istorii RAN: Centr gumanitarnyh iniciativ. 312 p. [in Russian]

[Shcheglov, 1903](#) – *Shcheglov V.G.* (1903). Gosudarstvennyj sovet v Rossii v pervyj vek ego obrazovanija i dejatel'nosti (30 marta 1801–1901 goda) [State council in Russia in the first century of its education and activities (March 30, 1801–1901)]. Jaroslavl'. 260 p. [in Russian]

[Shil'der, 1903](#) – *Shil'der N.K.* (1903). Imperator Nikolaj I. Ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Nicholas I. His life and reign]. T. 1–2. SPb. 902, 896 p. [in Russian]

[Shilov, 2002](#) – *Shilov D.N.* (2002). Gosudarstvennye dejateli Rossijskoj imperii. Glavy vysshih i central'nyh uchrezhdenij. 1802–1917. Biobibliograficheskij spravochnik [Statesmen of the Russian Empire. Heads of higher and central institutions. 1802–1917. Bibliographic reference book]. 2nd ed. SPb.: Dmitrij Bulanin. 830 p. [in Russian]

[Shilov, Kuz'min, 2007](#) – *Shilov D.N., Kuz'min Ju.A.* (2007). Chleny Gosudarstvennogo soveta Rossijskoj imperii, 1801–1906: Biobibliograficheskij spravochnik. SPb. 992 p. [in Russian]

[Syromjatnikov, 1913](#) – *Syromjatnikov B.I.* (1913). Zakonodatel'stvo imperatora Nikolaja I. Tri veka: Rossija ot smuty do nashego vremeni [Legislation of Emperor Nicholas I. Three Centuries: Russia from Troubles to Our Time]. T. VI. . pp. 65–96. [in Russian]

[Tarasov, 2008](#) – *Tarasov B.N.* (2008). Rycar' samoderzhavija [Knight autocracy]. M.: Olma Media Grup. 478 p. [in Russian]

[Vyskochkov, 2001](#) – *Vyskochkov L.V.* (2001). Nikolaj I: chelovek i gosudar' [Nicholas I: a man and a sovereign]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta. 644 p. [in Russian]

[Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 1998](#) – Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyreh tomah. T. 1. Vysshie gosudarstvennye uchrezhdenija [Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917. In four volumes. T. 1. Higher state institutions]. Exec. ed. N.P. *Eroshkin*, resp. comp. D.I. *Raskin*. SPb.: Nauka, 1998. 302 p. [in Russian]

[Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii, 2001](#) – Vysshie i central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija Rossii. 1801–1917. V chetyreh tomah. T. 2. Central'nye gosudarstvennye uchrezhdenija [[Higher and central government institutions of Russia. 1801–1917. In four volumes. T. 2. Central government institutions]. Exec. ed., resp. comp. D.I. *Raskin*. SPb.: Nauka, 2001. 260 p. [in Russian]

Николай I и Государственный совет: первые шаги

Давид Иосифович Раскин ^{а, *}

^а Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям Николая I и Государственного совета в первый год царствования императора. Основным источником послужили мемории (memorandums) Общего собрания государственного совета. Именно эти документы подавались на рассмотрение императора. Его резолюции на мемориях служили основанием для утверждения (или пересмотра) решений Государственного совета. Резолюции Николая I являются важным источником изучения его позиции по важным вопросам законодательства и управления. В них отразилось стремление молодого императора вникать во все вопросы, которые предлагались на его рассмотрение. Эти резолюции свидетельствуют о том, что Николай I довольно быстро усвоил технику государственного управления и основы законодательства империи, которой он начал управлять. Они демонстрируют также уверенность, с которой не имевший опыта государственного управления император начал свою деятельность. Роль Государственного совета была в рассматриваемый период весьма значимой, причем не только в области законодательства, но и правоприменения, в принятии властью конкретных административных и судебных решений. В статье рассматривается состав Государственного совета (на время с конца 1825 г. – 1826 г.), образовательный уровень, служебный опыт и возрастные характеристики членов совета. В данный период члены Государственного совета действительно являлись бюрократической элитой Российской империи. Первые шаги совместной деятельности Николая I и Государственного совета во многом определили дальнейшее взаимодействие императора и высшего законосовещательного учреждения империи. Эти шаги стали важным опытом для самого Николая I.

Ключевые слова: Государственный совет, Российская империя, мемории, Николай I, резолюции, законодательство, управление, правоприменение, бюрократическая элита.

* Корреспондирующий автор

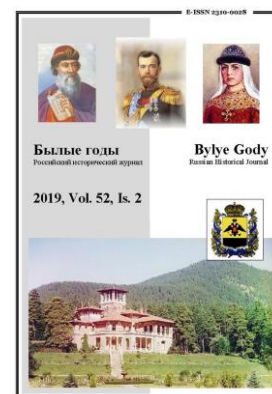
Адреса электронной почты: d.raskin@mail.ru (Д.И. Раскин)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 655-667. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.655
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries)

Galya A. Alpyspaeva ^{a,*}, Zhuman Gulmira ^a, Saule A. Bagdatova ^b, Sholpan N. Sayahimova ^a

^a Saken Seifullin Kazakh Agrotechnical University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Institute of State History of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan

Abstract

The article presents a source study analysis of discussions about the Christianization of Kazakhs in Turkestan region in the media and scientific publications in the second half of XIX – early XX centuries. The purpose of the article is to study the content and nature of discussions about the ways and methods of Christianization of the foreign population of the region, the rationale for the reasons for the transformation of the authors' views on the autocratic religious policy. Based on the analysis of archival sources in conjunction with the materials of researchers, whose works covered the problems of spiritual assimilation of Kazakhs, the authors identified common views and different approaches to the Christianization of foreigners of Orientalist scholars, missionaries and officials of the Turkestan Territory, which included the Syr-Darya and Semirechensk regions. The discussions reflected the differentiated views and opinions on the methods and techniques of converting foreigners to Orthodoxy; from cautious and tolerant, to radical and even reactionary.

The views of the scientists – Orientalists on Christianization were formed in the process of scientific study of the history, ethnography, and culture of the Kazakhs and were systematized within the framework of scientific and educational concepts and theories. The views of the officials responsible for the success of the autocracy policy in the region were influenced by the practical tasks of implementing the state's religious policy and were of an applied nature. The differences of opinion were due to these factors. The transformation of officials' views on the methods of conducting the Christianization of the Kazakhs in the Turkestan Territory is due to the peculiarity of the socio-political and ethno cultural situation in the region.

Keywords: Turkestan region, Christianization, Islam, Orientalists, missionaries, officials.

1. Введение

Духовная интеграция кочевых народов в общеимперское социокультурное пространство была одной из важнейших задач российской политики во второй половине XIX – начале XX вв. Изучение содержания и характера дискуссий в российском обществе о путях и методах христианизации казахов Туркестанского края, в составе которого находились Сырдарьинская и Семиреченская области (территория современного Южного Казахстана – авт.) в обозначенный период, относится к актуальным проблемам исторической науки, поскольку они, с одной стороны, отражают общую тенденцию политики Российской империи в отношении инородцев, а с другой – характеризуют ее региональные особенности. На материалах христианизации мусульман Туркестанского края прослеживается трансформация религиозной политики самодержавия в отношении инородческого населения, поскольку эти районы оказались вовлеченными в сферу российского влияния позже, чем регионы Поволжья и степные области современного Казахстана.

* Corresponding author

E-mail addresses: galpyspaeva@mail.ru (G.A. Alpyspaeva)

2. Материалы и методы

В основу исследования положены архивные источники из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) в г. Алматы, Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУ) в г. Ташкенте, Национального архива Республики Татарстан (НА РТ) в г. Казани: официальные письма и доклады чиновников и генерал-губернаторов Туркестанского края по вопросам религиозной политики в различные министерства и ведомства, устав Православного миссионерского общества, программы обучения в церковных школах, материалы о деятельности миссионеров в киргизских степях, обзоры Сырдарьинской области и другие. Содержательны и информативны используемые авторами материалы дореволюционной периодической печати: «Туркестанских ведомостей», «Журнала Министерства народного просвещения», «Туркестанской туземной газеты». В качестве источников использовались работы Н.И. Ильминского, К.П. Кауфмана, В.П. Наливкина, М.А. Мироппиева, А.И. Добросмыслова, Н.А. Бобровникова и других, в которых изложены взгляды авторов на пути и методы христианизации населения Туркестанского края.

В основу работы положены принципы историзма и объективности, позволяющие рассматривать взгляды участников дискуссий на проблемы христианизации казахов Туркестанского края в соответствии с конкретно-исторической ситуацией в регионе. Работа выполнена с применением методов дискурсивного анализа архивных документов, сопоставительного анализа взглядов чиновников колониальной администрации, ученых и миссионеров, изложенных в журнальных публикациях и фундаментальных исследованиях, на проблему христианизации. Применение историко-системного и сравнительно-исторического методов работы с источниками и материалами позволяет проследить и обосновать изменения во взглядах и подходах к решению проблемы религиозной конверсии коренного населения Туркестанского края во второй половине XIX – начале XIX вв.

3. Обсуждение

Научная проблема христианизации как часть политики самодержавия в отношении инородцев интересна российским и казахстанским исследователям. Внимание к истории христианизации казахов Туркестанского края обусловлено тем, что данный регион находился вблизи крупных среднеазиатских мусульманских центров: ислам оказал здесь большее влияние на быт и культуру казахов, чем в степных областях Казахстана (Мустафина, 1992: 6-7).

Общие вопросы взаимоотношений российской администрации и мусульманства Туркестанского края во второй половине XIX – начале XX вв. глубоко и основательно анализируются в работах Е.А. Глущенко (Глущенко, 2010: 573), П.П. Литвинова (Литвинов, 1998: 319). Региональные аспекты политики самодержавия в отношении ислама нашли разработку в целом ряде работ. П.К. Дашковский и Е.А. Шершнева рассматривают проблему на материалах Западной Сибири (Дашковский, Шершнева, 2016: 120-128). Христианизацию мусульман Тобольской губернии в XIX в. анализирует Г.Ш. Мавлютова (Мавлютова, 2016: 201-206). В работах А.В. Зайцева политика христианизации представлена в контексте «миссионерского направления» на материалах народов Среднего Поволжья (Зайцев, 2007: 11-15). А.В. Ахметова рассматривает трансформацию культуры аборигенов Севера как следствие политики российского самодержавия на Дальнем Востоке в XIX – начале XX вв. (Ахметова, 2016: 620-628). Проблемам религиозной политики самодержавия и решению «мусульманского вопроса» в Туркестане посвящены работы З. Садвакасовой (Садвакасова, 2002: 85-92), Т.В. Котюковой (Котюкова, 2010: 97-112).

Проблемы миссионерства православной церкви рассматриваются в работах Ю.А. Лысенко (Лысенко, 2010: 195), И.В. Волкова (Волков, 2010: 146-154), А.С. Аманжулова (Аманжулов, 2011: 60-63). Взгляды и деятельность ученых-ориенталистов и миссионеров на христианизацию нашли освещение в работах В.Г. Гималиева (Гималиев, 2011: 51-56), Н.М. Лукашовой (Лукашова, 1999: 36-57), С.Н. Абашина (Абашин, 2005: 43-96), И.Л. Алексеева (Алексеев, 2002: 89-95), Л.М. Файзрахманова (Файзрахманов, 2008: 146-150). Авторы сходятся во мнении, что в трактовке ориенталистов христианизация подразумевала проникновение идей православия и христианского мировоззрения в религиозное сознание казахов. Проблемам перехода мусульман в православие, анализу мотивов и причин принятия инородцами христианства посвящены труды С.В. Горбуновой (Горбунова, 2003: 247-252), соавторов А.Ю. Конева и Р.О. Поплавского (Конев, Поплавский, 2018: 165-174).

В работах зарубежных авторов Г. Демко, А. Моррисона проблемы христианизации рассматриваются в контексте общей колонизаторской политики империи и ее «цивилизационной» роли (Demko, 1969: 110-116; Morrison, 2015: 387-417). Ученый Р. Гераси исследует политику российской империи по ассимиляции нерусских народов на примере Казани и Среднего Поволжья (Geraci, 2001: 378). В оценке автора государственная политика ассимиляции инородцев предстает как неопределенная, непоследовательная и двойственная.

В настоящей статье авторы на основе систематизации материалов исследователей и архивных источников предприняли попытку восполнить пробелы в изучении заявленной тематики, подойдя к

ее осмыслению с позиции анализа характера и содержания дискуссий о путях и методах христианизации, отражавших умонастроения в обществе на данную проблему.

4. Результаты

Дискуссии и споры о христианизации инородческого населения в среде русских ученых-ориенталистов, православного духовенства, общественных и политических деятелей велись со времен начала религиозной конверсии народов Среднего Поволжья, Казани в XVIII в. С вхождением южных областей современного Казахстана в состав Российской империи в 1860-х гг. и началом освоения края они приобрели еще более острый характер по ряду причин. Во-первых, территория Туркестанского края близко расположена к историческим центрам ислама, что привело к более глубокой исламизации населения в эпоху Средневековья в отличие от степных регионов. Во-вторых, первые попытки и опыт христианизации казахов-кочевников был не самым удачным. Проект по реализации придуманной в 1850-е гг. Западносибирским генерал-губернатором Г.Ф. Гасфортом для казахов-кочевников осой мусульманско-протестантской веры, адаптированной к жизни кочевников, по которой казахам разрешалось употреблять лошадиное мясо, кумыс и даже многоженство, не был одобрен (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 49. Л. 3-3 об.). Деятельность православных миссий, созданных для ведения христианских проповедей среди казахов, не была результативной, о чем свидетельствуют отчеты Алтайской миссии за 1884–1885 гг. Авторы отчетов признали, что миссия приступила к христианской проповеди между казахами без предварительной подготовки и недостаточно вникала в то, что «мусульманское верование несравненно устойчивое, нежели грубое шаманство» (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 49. Л. 4-4 об.).

Дискуссии о христианизации инородцев проходили на страницах периодических изданий, в рамках научных публикаций и исследований. Отмечается рост числа публикаций на страницах главного официального издания региона – в газете «Туркестанские ведомости», отличавшейся чрезмерной миссионерской активностью. Идеи и предложения о крещении казахской степи поднимались в работах авторов второй пол. XIX – начала XX вв.: А.И. Добросмыслова (Добросмыслов, 1912: 204), М.А. Миропиева (Миропиев, 1901: 519), Н.А. Бобровникова (Бобровников, 1913: 267), В.П. Наливкина (Наливкин, 1913: 115).

В дискуссии были вовлечены ученые-ориенталисты, миссионеры и церковные деятели, чиновники колониальной администрации разных рангов, от рядовых до генерал-губернаторов. Чиновники собирали и анализировали сведения о численности мусульман, положении и влиянии ислама на духовную жизнь местного населения, изучали деятельность мусульманских школ, разрабатывали планы и проекты, в которых излагали свою точку зрения на волнующие общество вопросы религиозной конверсии инородцев. Ученые-ориенталисты, этнографы изучали культуру и быт населения, пытаясь понять особенности менталитета и причины устойчивости мусульманской приверженности населения Туркестанского края. Некоторые, как, например В.П. Наливкин, проживали непосредственно в инородческой среде, изучая проблему изнутри (Лукашова, 1999: 39).

Начало христианизации населения современного Южного Казахстана как составной части политики империи по освоению края относится ко времени административного устройства региона во второй половине XIX века. Планы администрации по христианизации состояли в том, что Туркестанский край, созданный в конце 1860-х гг., в скором будущем станет зависимым от муфтия Оренбурга (ЦГА РУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 76. Л. 26). В целях проведения в жизнь государственной политики в 1869 г. в Москве было создано «Православное миссионерское общество». Устав, подписанный управляющим делами царя и кабинета министров Корниловым, конкретизировал цели и задачи общества – проведение массовой христианизации и русификации народов Российской империи, проживающих в Туркестанском крае (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 747. Л. 1). По инициативе общества в Верном в 1871 г. была создана Туркестанская епархия, объединившая церковные приходы Семиреченской и Сырдарьинской областей. В обязанности епархии входил контроль над церковно-приходскими школами Туркестанского края. Город Верный был выбран не случайно; здесь проживало больше православных, чем в других городах региона. Об этом говорят такие цифры: в Сырдарьинской области – 3319 чел., в Верном – 23900, в Фергане – 8249, в Ташкенте – 20360 (ЦГА РК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 32. Л. 5). В начале XX в. при Туркестанской епархии открылось 5 церковных двухклассных школ; в двух отдельно обучались мальчики и девочки, остальные три были смешанными. Программа обучения включала предметы: божий закон, церковное писание, русский язык, географию, историю, черчение, славянский язык, гимнастику, чистописание (ЦГА РК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 331. Л. 8).

Власти всерьез были озабочены тем, что количество верующих мусульман в Туркестанском крае значительно превосходило число православных. К примеру, в Аулие-Атинском уезде Сырдарьинской области в 1886 г. проживало: православных мужчин – 1636 чел., женщин – 1112; магометан мужчин – 171612, женщин – 174755 чел. (Обзор Сырдарьинской области, 1887: 152). О преобладании мусульман свидетельствуют также данные о количестве мечетей и церквей в регионе (Таблица 1).

Таблица 1. Число разного рода зданий в Сырдарьинской области по сведениям 1870 г.

Город и уезды	Церкви и монастыри православной исповеди		Синагоги и мечети		Дома и дворы		Нежилые здания		Всего зданий	
	каменных	сырцово-кирпичных	каменных	глинобитных	каменных	глинобитных	каменных	глинобитных	каменных	глинобитных
г. Ташкент	-	1	10	293	2	15460	-	-	12	15754
Кураминский	-	1	-	364	-	39123	-	7830		47318
Ходжентский	-	1	-	753	-	15265	-	2316		18335
Джизакский	-	1	-	35	-	7788	-	-		7822
Чимкентский	-	2	3	107	Сведений не доставлено				3	109
Аулие – Атинский	-	-	-	7	-	555	-	-	-	562
Перовский	-	3	-	15	-	336	-	114	-	268
Казалинский	-	-	-	2	1	336	2	236	3	574
Всего в области	-	9	13	1576	3	77866 8	2	10496	18	90742

Источник: Статистические очерки Среднеазиатской России. М.А. Терентьев. СПб, 1874. Типография имперской Академии наук (Из IV тома записок отделения статистики Имперского РГО). Очерк II. С. 22. Сырдарьинская область в 1870 г. Общий взгляд.

Озабоченное масштабами распространения ислама в Туркестанском крае правительство во второй пол. XIX в. изменило отношение к исламу, стремясь ограничить его распространение и влияние посредством формирования нормативно-правовой базы взаимоотношений государства с мусульманством. Последнее 20-летие XIX в. ознаменовалось более жестким отношением к исламу в Российской империи (Дашковский, Шершнева, 2010: 121).

Положение 1891 г., определявшее порядок административного управления казахскими землями, содержало подраздел «Управление духовными делами инородцев». В нем оговаривались правила организационной деятельности религиозных общин мусульман, требования и условия строительства мечетей в областях, регулировалась численность мулл в административной единице (Материалы по введению..., 1999: 255). Для строительства мечетей в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях требовалось разрешение Степного генерал-губернатора, а на строительство мечетей в Уральской и Тургайской областях – Министерства внутренних дел. Содержать мечети и школы при них должны были сами казахи, вакуфные сборы в пользу мусульманского духовенства не допускались. Казахам разрешалось иметь одного муллу на волость (Народы Средней Азии и Казахстана, 1963: 346). 12-я статья Положения определяла права инородцев, перешедших в православие. «Инородцы, принявшие православную веру, приписываются, в случае желанья, к городам и русским селениям, без испрошения согласия обществ и без увольнительных приговоров, причем освобождаются пожизненно от отбывания воинской повинности» (Материалы по введению..., 1999: 243).

В документе «Положение об усиленной охране для районов со сплошным мусульманским населением» были намечены меры по ограничению ислама: утвердить специальный регламент на цензуру мусульманского издательства; на территории империи закрыть и передать в подчинение русской администрации все мусульманские управления; наложить запрет на смешанные браки между мусульманской и христианской верами, а также облегчить усыновление общих детей; своевременно предотвращать вредные умыслы ислама против христианской веры (ЦГА РУ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 594. Л. 6-7). Под выражением «районы со сплошным мусульманским населением» понимались земли Туркестанского края. Данные положения стали основой для разработки планов действий администрации по религиозной конверсии местного населения.

В процессе христианизации казахов современного Южного Казахстана администрация столкнулась с рядом трудностей, обусловленных географией региона, особенностями исторического и социально-экономического развития. Территориальная близость среднеазиатских мусульманских центров способствовала глубокому влиянию ислама на быт и культуру казахов. Оседло-земледельческая и городская культура региона, смешанный состав населения, наличие значительных групп узбеков и других народов, среди которых ислам давно и прочно завоевал свои позиции, создавали благоприятные условия для распространения и укоренения ислама среди казахов (Мустафина, 1992: 6). Трудности религиозной конверсии мусульман обусловлены были и характером

самого ислама как мирового религиозного учения с высокоорганизованной и четко структурированной системой служителей культа.

Вместе с тем нельзя не учитывать тот факт, что ко времени начала освоения региона уже имелась определенная теоретическая база и практический опыт по привитию христианства среди «иноверцев». Одной из общеизвестных и практикуемых концепций была система христианского просвещения профессора Казанского государственного императорского университета и Казанской духовной академии Н.И. Ильминского. По мнению профессора, христианство не прививалось к степным кочевникам и распространение его между казахами-кочевниками затруднялось по причине «распорядка их обыденной жизни», кочевого образа жизни.

Н.И. Ильминский обосновал условия успешной христианизации. «Чтобы проповедь Евангелия между киргизами ... могла сопровождаться успехом, целесообразно было соблюдать несколько условий. Во-первых, образовать особую духовную миссию для киргизов. Во-вторых, распространить между киргизами, башкирами, татарами краткие сказания о Спасителе, апостолах, библейских пророках и пр. Такие сказания напечатаны на русском и татарском языках с картинками. В-третьих, сначала дозволить миссионерам приступить к своей деятельности..., а кроме того, удобно было устроить особую церковь или монастырь, ...а обращенные киргизы причислялись бы к русским крестьянским деревням и водворились бы особыми селениями около миссионеров» (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 49. Л. 5 об.). Распространение христианства, считал ученый, должно сопровождаться «учреждениями кочевого православного духовенства с походными церквями, а также дозволением кочевникам не соблюдать посты, ... распределить киргизские кочевки так, чтобы крещенные не сталкивались с некрещеными» (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 49. Л. 5). Концепция Ильминского разрабатывалась для кочевых народов, но ее положения могли быть применены и в земледельческих районах.

Острые дискуссии шли по вопросам о путях и методах христианизации. Царская администрация, уже имея за плечами определенный опыт, опасалась проводить христианизацию в Туркестанском крае насильственным путем, так как в ответ местное население могло проявлять сопротивление властям. В этом контексте большинство чиновников настаивали на постепенных, «мягких» методах и приемах христианизации, требующих время и терпение. Этой точки зрения придерживался первый генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман, настаивавший на проведении политики русификации с особой осторожностью (ЦГА РК. Ф. И-121. Оп. 1. Д. 14. Л. 6). Как высокообразованный человек и опытный администратор, он понимал всю сложность и возможные риски в процессе выстраивания отношений колониальной администрации с туземцами, в особенности в такой деликатной сфере, как религия. В 1868 г., на следующий год после вступления в должность, он разработал и представил на встрече с депутацией мусульманского духовенства программу политики в отношении религии. Сущность ее заключалась в невмешательстве в религиозную жизнь туземцев и полном игнорировании мусульманского духовенства как общественно-политического и духовно-культурного института общества.

В качестве действенного фактора успешности христианизации К.П. Кауфман считал увеличение численности славянского населения в регионе, что должно непременно сопровождаться строительством церквей и приходских школ. «По мере возможности нужно увеличивать количество русского элемента в Туркестане, в особенности в Аулие-Ате и Чимкенте, так как область этих районов густо населена киргизами, а они менее фанатичны, чем сарты. Чем больше мы будем строить церкви и приходские школы в районах русского элемента, тем больше мы придадим облик православного государства» (ЦГУ РУ. Ф. 1. Оп. 31. Д. 540. Л. 32). Идеи К.П. Кауфмана постепенно претворялись в жизнь. В Чимкентском и Аулие-Атинском уездах были основаны районы для русских крестьян-переселенцев. На свободных землях сначала организовали церковь и базар, а затем в плановом порядке селили переселенцев. В Сырдарьинском уаляте было организовано 50 деревень, в уездах размещены 3000 русских семей (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 80 б. Л. 31).

С благословения Святого синода началось строительство церкви в городе Аулие-Ата. Губернатор Сырдарьинской области лично указал место построения новой церкви – на базарной площади, напротив дома уездного начальника. Специально созданный комитет контролировал строительство. Запрашивая финансы на строительство, комитет подчеркивал особое значение церкви для христианизации жителей Аулие-Аты. Недостаток средств покрывали за счет сбора налога с местного населения. Временно исполняющий обязанности министра финансов С. Романов докладывал: «С 1869 г. по 1897 г. произведено было в Туркестане расходов на 290 млн. рублей, а получено доходов 158 млн. рублей. А потому, чтобы строить церкви и церковные училища, необходимо привлечь население Туркестанского края к какому-либо новому виду обложения. В Аулие-Атинском уезде имеются 103 двора дунган, которые не платят поземельной подати» (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 68. Л. 12). На строительство церкви в 1890 г. из собранных средств было выделено 12430 руб. 25 коп. (ЦГА РК. Ф. 146. Оп. 1. Д. 80 б. Л. 10).

Сторонники постепенной и ненасильственной христианизации, среди которых были и ученые-этнографы, и миссионеры, предлагали внедрить в практику подарки населению в качестве одного из средств «мягкой» христианизации. «В православные празднества и в воскресные дни раздавать

подарки местному населению, сопровождая сие действие рассказами о сущности православной веры» (ЦГА РУ. Ф. И-115. Оп. 1. Д. 27а. Л. 4).

В противовес подобным взглядам на страницах печатных изданий высказывалось мнение о необходимости жесткой христианизации нерусских народов. «Полная ассимиляция элементов, чуждых русской народности, является задачей ближайшего будущего», – писал в 1884 г. анонимный автор в статье «К вопросу о распространении образования среди туземцев Туркестана» (Туркестанские ведомости, 1884). Наиболее ярые сторонники жесткой христианизации связывали ее с русификацией. К их числу относился миссионер М.А. Миропиев. В своих работах автор отстаивал точку зрения о ведущей роли государства в процессах христианизации. Излагая идеи о единении народов империи, он подчеркивал, что «...на принципах национальной индивидуальности, свободы и самоуправления может быть практикуема только там, где в состав государства входят различные, но почти одинаково культурные народы. По отношению же к нашим инородцам, находящимся или на низкой степени развития, или даже в состоянии дикости, должна быть принята другая система, стремящаяся к слиянию одного народа с другим, система ассимиляционная, система обрусения...» (Миропиев, 1901: 74).

Для достижения целей ассимиляции казахов М.А. Миропиев предлагал учитывать культурно-этнические особенности народа, привлекать казахских женщин в качестве союзников власти и опоры в проведении русификации. Он писал: «Киргизскую женщину, скорее, можно упрекнуть в излишней вольности, а в некоторых случаях даже и в циничности, чем в недостатке свободы. Разумно поставленное воспитание ее в русско-православном духе создаст из нее прекрасную нашу союзницу» (Миропиев, 1901: 377). В предложениях по жесткой христианизации казахов не исключались даже крайние меры: предлагалось создать специальную систему надзора в Туркестанском крае, запретить посещение могил мусульманских святых (Миропиев, 1901: 390). Подобные запреты и посягательство на духовно-историческую память народа могли только отпугнуть казахов и разжечь исламский фанатизм. Лишь благоразумие таких чиновников-государственников, как К.П. Кауфман, не позволило воплотить в жизнь провокационные идеи миссионера.

Во второй половине XIX в. популярны были идеи о русификации через образование. Практически все, кого, так или иначе, волновала проблема христианизации инородцев, сходились во мнении о ведущей роли образования в культурной и духовной ассимиляции. В спорах о значении образования для христианизации большинство считало более реалистичным развивать и продвигать в среде инородцев светское образование, обучать мусульман русскому языку, знакомить с русской культурой, что, в конечном счете, должно привести к постепенной культурной ассимиляции и добровольному переходу мусульман в православие. Идею христианизации через образование обосновал ученый-этнограф А.Е. Алекторов (Алекторов, 1904: 27-46).

Проблема русификации через образование активно обсуждалась на страницах печати. В статье Н. Васильева «К вопросу о школьном образовании у современных мусульман», опубликованной в газете «Туркестанские ведомости», излагалась идея русификации через распространение грамотности: «Можно сказать, что школа есть функция от множества переменных величин, с изменением которых изменяется и она сама» (Васильев, 1890).

Цикл статей о русификации и христианизации через образование был опубликован ученым-этнографом и чиновником В.П. Наливкиным. В период с 1890 по 1896 гг. он занимался инспектированием мусульманских школ и всесторонне изучил их внутреннюю жизнь. Свои взгляды и суждения на реформирование мусульманских школ по образцу русско-туземных он изложил в ряде статей: «Школа у туземцев Средней Азии» (Наливкин, 1889), «О постановке инородческого образования в Туркестанском крае» (Наливкин, 1905), «Учебное дело в Туркестанском крае» (Наливкин, 1881). Автор настаивал на обязательном введении в учебные планы русского языка и светского знания как общеобразовательных предметов.

Миропиев М.А. считал необходимым развитие и распространение на инородцев такой системы образования, которая бы отвечала задачам политики русификации. «Чем скорее разовьется здесь православно-русская миссия и русское просвещение, посредством разумно устроенных школ, тем скорее, наконец, будет возведено в строгую русскую систему все управление киргизами...» (Миропиев, 1901: 79). Главный принцип, который должен быть положен в основу образования инородцев-мусульман, состоит «...в игнорировании ислама и в уклонении от прозелитизма, ... в игнорировании пока религиозной стороны вообще наших мусульман» (Миропиев, 1901: 86).

Если практически все участники дискуссий о христианизации признавали распространение российского образования как эффективного средства христианизации, то в более детальных вопросах, как, например, программе образования, приемах и методах обучения, возникали разные мнения. Известно, что Н.И. Ильминский настаивал на духовной ассимиляции казахов посредством образования на родном языке, поскольку, по мнению ученого, понять в полной мере сущность православной веры можно на родном языке (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 49. Л. 5). Его идеи о родном языке как базисе школьного обучения и церковной проповеди составили основу системы христианского просвещения. Общество переводчиков, возглавляемое Н.И. Ильминским, занималось переводом Священной книги православной веры на «инородческие» языки. Книги, переведенные на

казахский и татарский языки и выпущенные в издательстве Н.Н. Пантусова, продавали по заниженным ценам, бесплатно распространяли читателям в церковных и образовательных школах. В библиотеке церковной школы г. Аулие-Аты сохранились религиозные книги: «Первоначальные сведения о православной христианской вере, сообщаемые киргизу, готовящемуся к святому крещению», «Молитвенник», «Учение о православной вере» и «Наставление христианское Святого Тихона» на татарском языке, «Св. Ев. Господа нашего Иисуса Христа от Луки», «Жизнь и страдание Св. Вел. Евстафия плакады» на киргизском языке (ЦГА РК. Ф. 121. Оп. 1. Д. 32. Л. 7).

Система Н.И. Ильминского основана была на том, что дети инородцев не должны знать арабского языка и читать напечатанные арабским алфавитом книги религиозно-мусульманского содержания. Ученый предлагал разработать письменность для нерусских народов на основе русского алфавита (ЦГА РУ. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 9. Л. 2). Интегрировать казахов в русскую культуру и языковую среду, отлучить мусульман от своей веры ученый рассчитывал путем замены арабской графики казахов на кириллицу (Ильминский, 1883: 20). Эти идеи обеспечили успех его педагогической системе. С опорой на нее были созданы национальные системы просвещения, в том числе и в Казахстане.

В целом идеи Ильминского о христианизации казахов через просвещение поддерживались в обществе, в том числе официальной администрацией; учебные заведения рассматривались как важный центр русификации. Но взгляды ученого об ассимиляции через образование на родном языке разделяли не все. Директор народных училищ Сырдарьинской области С.М. Граменицкий считал, что первичным должно быть изучение инородцами русского языка, настаивал на открытии курсов для туземцев при семинарии. В издании «Туркестанская туземная газета» он писал: «Считаю постепенное ознакомление туземцев-мусульман с русским разговорным языком и русской грамотой самым первым средством сближения туземцев с русскими, после чего только желающие могут выслушивать и наставления христианской веры» (Граменицкий, 1884: 36).

В своих воззрениях С.М. Граменицкий не был одинок. Проблема изучения инородцами русского языка как средства русификации обсуждалась в печати. В статье «Русский язык среди туземцев», опубликованной в газете «Туркестанские ведомости» в 1884 г., автор предложил перевести туземные книги на русский алфавит, издавать переведенные книги и распространять бесплатно (Русский язык среди туземцев, 1884). По его мнению, это наиболее эффективный прием русификации, который приведет к формированию мировоззрения, основанного на русском менталитете.

Политика христианизации через образование актуализировала вопрос о роли и месте мусульманских школ в этом процессе. Постепенное сокращение количества мусульманских школ и увеличение смешанных становится ведущим направлением политики русификации. Генерал-губернатор Туркестанского края К.П. Кауфман представил на закрытие список школ и медресе под предлогом, что образовательное дело не соответствовало велению времени, и этот акт, как полагал чиновник, являлся вполне законным. В то же время Кауфман продвигает политику увеличения численности русско-туземных школ. «Не пугая других народов, открывать смешанные русско-туземные школы и выполнить интерес Империи», – писал чиновник (Кауфман, 1910: 56).

До определенного времени мусульманские школы функционировали сами по себе. В официальных кругах утвердилось мнение, что мусульманские образовательные школы препятствуют народу принять православную веру. В 1890 г. решено было установить над ними надзор, в связи с чем была учреждена дополнительная должность – III инспектор народных училищ Туркестанского края. Миссионер Остроумов Н.П., работавший в этой должности, изучив историю мусульманских школ и медресе с целью выявления механизмов воспрепятствования их деятельности, опубликовал цикл статей по вопросам деятельности и роли мусульманских школ: «Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае» (Остроумов, 1906: 113-166), «Мадрасы в Туркестанском крае» (Остроумов, 1907: 68), «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае» (Остроумов, 1910: 177), «К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях» (Остроумов, 1913: 302-326). В них автор обосновал выводы о том, что мусульманские школы лишь укрепляют веру инородцев в ислам.

С конца XX в. борьба администрации с мусульманскими учебными заведениями активизируется. В 1899 г. генерал-лейтенант С.М. Духовской направил на имя военного губернатора Семиречья и в Министерство просвещения доклад «Ислам в Туркестане». Поводом к написанию доклада послужили события 18 мая 1898 г. в Андижане, в ходе которых местными мусульманами были убиты российские военнослужащие. События потрясли и заставили чиновников Туркестанского края пересмотреть свои взгляды на религиозную политику в отношении мусульман. Документ стал результатом кропотливой работы по изучению и осмыслению мусульманства в регионе. В нем автор приводит показатели по количеству русских учебных заведений и мусульманских школ. В Сырдарьинской, Ферганской и Самаркандской уалаятах было открыто 119 русских учебных заведений, а количество медресе и мусульманских школ в них – 5246. По данным автора доклада, в крае действовало 42 православные церкви и 11 964 мечети (ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 32. Д. 38. Л. 1-7).

Сопоставительный анализ количественных показателей подвел к выводу о том, что ислам является духовной силой, объединяющей тюркские народы.

В этой ситуации правительство сокращает финансирование мусульманских школ и увеличивает финансовую поддержку русских и церковных. По данным историка З.Д. Кагельской, «...на образование местному населению из казны губернаторства выделялся 1 %, смешанным школам – 25 %, русским и церковным школам – 74 % (Кагельская, 1980: 29). Мусульманским учебным заведениям намеренно не оказывалась материальная помощь.

В дискуссиях о христианизации неизбежно возникал вопрос о роли и деятельности миссионеров как с одной, так и с другой стороны. Известно, что К.П. Кауфман, чтобы не подогревать мусульманский фанатизм, исключал всякую деятельность миссионеров, причем как христианских, так и мусульманских. «На христианское миссионерство среди туземцев был наложен строгий запрет не только в лице православных миссионеров, но и западноевропейских католиков и протестантов» (ЦГА РУ. Ф. И-1009. Оп. 1. Д. 125. Л. 39). Осознавая, какую роль в воспрепятствовании распространению православия играли татарские муллы и духовенство, чиновник предлагал ограничить и запретить мусульманские издания. 6 февраля 1876 г. он в письме на имя министра просвещения графа Д.А. Толстого писал: «Мне часто попадают сведения о казанских татарах, которые продают разного рода мусульманские издания. Данные издания дешевые, что дает возможность раздавать среди кочевого народа бесплатно. Я считаю, что агитация данными книгами окажет негативное воздействие на нашу политику в Средней Азии. С годами ислам укрепляется среди киргизского народа из-за казанских татар, ведущих торговлю дешевыми изданиями. Я прошу Вас, высокопочтенный государь, связаться с Министерством внутренних дел, администрацией печати, чтобы они ограничили мусульманские издания» (ЦГА РУ. Ф. 47. Оп. 1. Д. 11. Л. 2).

Озабоченность влиянием мусульманских проповедников на население края высказывал С.М. Граменицкий. Признавая факт нежелания местного населения обучать детей в русско-туземных школах, он в 1905 г. сообщал, что если русское правительство не возьмет в свои руки просветительское дело, то существует опасность возрастания влияния татарских просветителей, что не в интересах империи (Бартольд, 1927: 135).

Одним из авторов, обосновывавших идею русификации инородцев путем привлечения ученых-миссионеров, был этнограф А.Е. Алекторов (Алекторов, 1904: 30). Его взгляды совпадали с целями администрации Туркестанского края. Деятельность русских ученых-миссионеров рассматривалась как самый верный путь русификации края.

Взгляды М.А. Миропиева на миссионерство характеризуют его высказывания о том, что система «миссионерская имеет место только там, где предметом просвещения служат инородцы со слабо развитой религией; в применении ко многим нашим мусульманам пока не вполне пригодна, потому что раздражает народные страсти и обостряет религиозный фанатизм» (Миропиев, 1901). В качестве примера автор приводил беспорядки в Казанском крае как свидетельство усиления мусульманского фанатизма в результате христианской проповеди. Он предлагал ограничить экспансию мусульманства и запретить практику исламского миссионерства среди населения империи.

В дискуссиях по христианизации нередко поднимались вопросы о судьбе ислама, о возможностях и перспективах развития мусульманского образования. В печатных изданиях публикуются статьи, очерняющие ислам и обвиняющие его в фанатизме. Скептически относился к возможностям исламского возрождения ученый-ориенталист А.Е. Крымский, считая мусульманские народы по природе консервативными и фанатичными, не способными к восприятию прогрессивных идей (Крымский, 1912: 120; Крымский, 1904: 389). Миссионер Н.П. Остроумов считал, что «мусульмане, в силу самого характера их религии, не могут быть дружественны христианам» (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 43. Л. 9 об.). Критикой ислама наполнены работы М.А. Миропиева, активно выступающего за обращение мусульман России в православие, поскольку лишь этой конфессии он отводил прогрессивную роль в распространении образования и создании на основе русской православной культуры целостного суперэтноса. В статье С.М. Граменицкого «Народное образование в Туркестанском крае», смысл которой состоял в обосновании важности усиления стратегических позиций русского правительства в регионе, обращалось внимание на историю мусульманского образования. Автор отмечал, что нет никакой пользы образованию «так же как и христианству, ислам враждебен и науке» (Граменицкий, 1897). Дискредитация ислама в глазах мусульман была одним из способов борьбы с ним.

5. Заключение

Таким образом, анализ архивных источников и материалов исследователей дает основание утверждать, что во второй половине XIX – начале XX вв. обсуждение в российском обществе проблем христианизации инородческого населения империи приобретает характер дискуссий. Ученые-ориенталисты и этнографы, миссионеры и чиновники выражали разные взгляды на задачи религиозной политики в Туркестанском крае, методы и приемы проведения христианизации. Одни предлагали продвигать христианизацию осторожно, проявляя толерантность и терпение,

другие настаивали на радикальных, крайне реакционных и подчас абсурдных действиях в религиозной конверсии мусульман. Мнения и суждения ученых-ориенталистов основаны были в большей мере на научном изучении традиционного общества казахов, анализе специфических особенностей этнической культуры. Взгляды чиновников на христианизацию в большей мере определялись целями религиозной политики государства и практическими задачами ее реализации с учетом особенностей региона. Этим и были обусловлены различия во взглядах.

Трансформация взглядов чиновников на пути и методы христианизации казахов Туркестанского края обусловлена была влиянием общественно-политической и этнокультурной ситуации в регионе. Административные методы христианизации в Туркестанском крае, как своеобразном в конфессиональном смысле регионе, в котором ислам укоренился еще с эпохи Средневековья, чреватые были непредсказуемыми последствиями. С учетом этого преобладала точка зрения об использовании религиозно-просветительских методов работы с инородцами. Высказывались мнения о продвижении процесса синкретизации религиозных верований народов Туркестанского края, что могло смягчить и облегчить духовную интеграцию мусульман в славянскую христианскую культуру. В целом же дискуссии о христианизации населения современного Южного Казахстана во второй половине XIX – начале XX вв. были частью и продолжением дискуссий в научных и общественных кругах о судьбе ислама и его роли в истории Российского государства.

Литература

Абашин, 2005 – Абашин С.Н. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...»: Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи*. Омск, 2005. С. 43-96.

Алекторов, 1904 – Алекторов А.Е. Очерки из истории инородческого образования в России // *Журнал Министерства народного просвещения*. Седьмое десятилетие. СПб., 1904. Ч. CCCLIV. Июль. С. 27-46.

Аманжулов, 2011 – Аманжулов А.С. Политика аккультурации и христианизации в Южном Казахстане в колониальный период // *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2011. №1 (60). С. 60-63.

Бартольд, 1927 – Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана. Л.: Изд-во АН СССР, 1927. 256 с.

Бобровников, 1913 – Бобровников Н.А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии: Путевые заметки. СПб., 1913. 267 с.

Васильев, 1890 – Васильев Н. К вопросу о школьном образовании у современных мусульман // *Туркестанские ведомости*, 1890. 6 января. №6.

Волков, 2010 – Волков И.В. Миссионерская деятельность Православной церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй пол. XIX – нач. XX вв.) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России*. № 1 (2010). С. 146-154. [Электронный ресурс]. URL: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/4238>

ГБУ ГА РТ – Государственное бюджетное учреждение «Государственный архив Республики Татарстан».

Гималиев, 2011 – Гималиев В.Г. Н.И. Ильминский о роли родного языка в христианском просвещении нерусских народов Поволжья и Востока России // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. 2011. №3 (71). Ч. 2. С. 52-56.

Глуценко, 2010 – Глуценко Е.А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. М.: Центрполиграф, 2010. 573 с.

Горбунова, 2003 – Горбунова С.В. Крещеные казахи Российской империи // *Центральная Азия и Сибирь*. Барнаул: Азбука, 2003. С. 247-252.

Граменицкий, 1884 – Граменицкий. Туркестанская туземная газета. 1884. №48.

Граменицкий, 1897 – Граменицкий С.М. Народное образование в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1897, 22 июля (4 июля). №45.

Добросмыслов, 1912 – Добросмыслов А.И. Города Сырдарьинской области: Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-ата и Чимкент / Ташкент: Эл. пар. типо-лит. О.А. Порцева, 1912. [2]. II. 204 с.

Зайцев, 2007 – Зайцев А.В. Христианизация нерусских народов Среднего Поволжья в трудах казанских церковных историков (60–70-е годы XIX в.) // *Вестник Чувашского университета*. № 4. 2007. С.11-15.

Ильминский, 1883 – Ильминский Н.И. Из переписки по вопросу о применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань: Типография Университета, 1883. 47 с.

Кастельская, 1980 – Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М.: Издательство «Наука», 1980. 122 с.

Кауфман, 1910 – Кауфман К.П. Начальное народное образование в Туркестанском крае. СПб., 1910. 227 с.

Конев, Поплавский, 2018 – Конев А.Ю., Поплавский Р.О. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца 16–18 вв. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2018. №4 (43). С. 165-174.

- Котюкова, 2010** – Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // *Вопросы истории*. № 9. 2010. С. 97-112.
- Крымский, 1904** – Крымский А.Е. История мусульманства. Ч. 1–2. М., 1904. 389 с.
- Крымский, 1912** – Крымский А.Е. Мусульманство и его будущее. М., 1912. 120 с.
- Литвинов, 1998** – Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане 1865–1917 (по архивным материалам). Елец: ЕГПИ, 1998. 319 с.
- Лукашова, 1999** – Лукашова Н.М. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // *Вестник Евразии*, 1999. № 1/2. С. 36-57.
- Лысенко, 2010** – Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.): Монография / Ю.А. Лысенко; АлтГУ, каф. востоковедения, Алт. центр востоковед. исслед. Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2010. 195 с.
- Мавлютова, 2016** – Мавлютова Г.Ш. Христианизация мусульман Тобольской губернии в XIX в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 411. С. 201-206. DOI: 10.17223/15617793/411/28
- Материалы по введению..., 1999** – Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане. Алматы: Казак университет, 1999. 255 с.
- Мироппиев, 1901** – Мироппиев М.А. О положении русских инородцев. С-Петербург: Синодальная типография, 1901. 515 с.
- Мустафина, 1992** – Мустафина Р.М. Представления, культы, обряды у казахов. Алма-Ата: Казак университет. 1992. 176 с.
- Наливкин, 1881** – Наливкин В.П. Учебное дело в Туркестанском крае // *Материал для истории народного образования в Туркестанском генерал-губернаторстве*, 1881. № 36.
- Наливкин, 1889** – Наливкин В.П. Школа у туземцев Средней Азии: Речь, произнесенная на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 31 мая 1889 г. Ташкент, 1889.
- Наливкин, 1905** – Наливкин В.П. О постановке инородческого образования в Туркестанском крае // *Туркестанские ведомости*. 1905. № 169.
- Наливкин, 1906** – Наливкин В.П. Роль религии и духовенства в жизни туземного мусульманского населения // *Туркестанские ведомости*. 1906. № 27. 29 сентября.
- Наливкин, 1913** – Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Туркестанское изд-во Печатного дела, 1913. 115 с.
- Народы Средней Азии и Казахстана, 1963** – Народы Средней Азии и Казахстана. Т. II. Этнографические очерки под редакцией С.П. Толстова, Т.А. Жданко, С.М. Абрамзона, Н.А. Кислякова. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 780 с.
- Обзор Сырдарьинской области, 1887** – Обзор Сырдарьинской области за 1886 г. Ташкент: Типо-литография С.И. Лахтина. 1887. 334 с.
- Остроумов, 1906** – Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // *Журнал Министерства народного просвещения*, 1906. № 1. С. 113-166.
- Остроумов, 1907** – Остроумов Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае // *Журнал Министерства народного просвещения*, 1907. № 1. 68 с.
- Остроумов, 1910** – Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае. Кауфманский сборник / М., 1910. 177 с.
- Остроумов, 1913** – Остроумов Н.П. К истории мусульманского образовательного движения в России в XIX и XX столетиях // *Мир ислама*. Изд-во импер. общ. востоковедения, СПб., 1913. Т. 2. Вып. 5. С. 302-326.
- Русский язык, 1884** – Русский язык среди туземцев // *Туркестанские ведомости*. 1884, 25 апреля. № 61.
- Садвакасова, 2002** – Садвакасова З. Политика русского царизма в Южном Казахстане (XIX – нач. XX вв.) // *Евразийское сообщество*. 2002. № 3. С. 85-92.
- Туркестанские ведомости, 1884** – Туркестанские ведомости. 1884. 16 ноября. № 41.
- Файзрахманов, 2008** – Файзрахманов Л.М. Н.П. Остроумов – миссионер и исламовед // *Известия Алтайского государственного университета*. № 4-1 (60). 2008. С. 146-150.
- ЦГА РК** – Центральный Государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный Государственный архив Республики Узбекистан.
- Akhmetova, 2016** – Akhmetova A.V. (2016). Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries. *Bylye Gody*. 2016. V. 41. Is. 2. pp. 620-628.
- Bobrovnikov, 2006** – Bobrovnikov V. “Islam in the Russian Empire” // *The Cambridge History of Russia*. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. / Ed. by D. Lieven. Cambridge. 2006, pp. 202-223.
- Dashkovskiy, Shershneva, 2016** – Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A. Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian // *Bylye Gody*, 2016, Vol. 39, Is. 1, pp. 120-128.
- Demko, 1969** – Demko G.J. The Russian Colonization of Kazakhstan 1896-1916 // Bloomington: Indiana University, 1969. pp. 110-116.

Geraci, 2001 – *Geraci R.P.* Window to the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia / R.P.Geraci. N. Y.: Cornell Univ. Press, 2001. XVI. 378 p.

Morrison, 2015 – *Morrison A.* Peasant settlers and the 'civilizing mission' in Russian Turkestan, 1865-1917 // *Journal of Imperial & Commonwealth History*. Vol. 43. No. 3 (2015). pp. 387-417.

References

Abashin, 2005 – *Abashin S.N.* (2005). V. P. Nalivkin: «...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt'; i to, chto neizbezhno dolzhno byt', uzhe ne mozhet ne byt'...» : Krizis orientalizma v Rossijskoj imperii? *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii*. Omsk, 2005. pp. 43-96. [in Russian]

Akhmetova, 2016 – *Akhmetova A.V.* (2016). Cultural Transformation of the Aboriginal Population of the North and the Far Eastern Policy of the Russian Autocracy in XIX – Early XX Centuries // *Bylye Gody*. V. 41. Is.2. pp. 620-628.

Alektorov, 1904 – *Alektorov A.E.* (1904). Ocherki iz istorii inorodcheskogo obrazovaniya v Rossii [Essays from the history of foreign education in Russia]. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*. Sed'moe desyatiletie. SPb. Ch. CCCLIV. Iyul'. pp. 27-46. [in Russian]

Amanzhulov, 2011 – *Amanzhulov A.S.* Politika akkul'turatsii i khristianizatsii v Yuzhnom Kazakhstane v kolonial'nyy period [The policy of acculturation and Christianization in South Kazakhstan in the colonial period]. *Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya*, №1(60). pp. 60-63. [in Russian]

Bartol'd, 1927 – *Bartol'd V.V.* (1927). Istoriya kul'turnoy zhizni Turkestana [The history of cultural life of Turkestan]. L.: Iz-vo AN SSSR. 256 p. [in Russian]

Bobrovnikov, 1913 – *Bobrovnikov N.A.* (1913). Russko-tuzemnye uchilishcha, mekteby i medresy Sredney Azii: Putevye zametki [Russian-native schools, and madrasah of Central Asia: Travel notes]. SPb., 267 p. [in Russian]

Bobrovnikov, 2006 – *Bobrovnikov V.* (2006). "Islam in the Russian Empire". The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. / Ed. by D. Lieven. Cambridge, pp. 202-223.

Dashkovskiy, Shershneva, 2016 – *Dashkovskiy P.K., Shershneva E.A.* (2016). Relations between the Muslim communities and the Russian Orthodox Church in Western Siberia in the second half of XIX – early XX century in the context of confessional policy of the Russian. *Bylye Gody*. V. 39. Is.1. pp. 120-128.

Demko, 1969 – *Demko G.J.* (1969). The Russian Colonization of Kazakhstan 1896-1916. Bloomington: Indiana University. pp. 110-116.

Dobrosmyslov, 1912 – *Dobrosmyslov A.I.* (1912). Goroda Syrdar'inskoy oblasti: Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata i Chimkent [Cities of the Syrdarya region: Kazalinsk, Perovsk, Turkestan, Aulie-Ata and Chimkent]. Tashkent: El. par. tipo-lit. O. A. Portseva, 1912. [2], II, 204 p. [in Russian]

Faizrahmanov, 2008 – *Faizrahmanov L.M.* (2008). N.P. Ostroumov – missioner i islamoved [Ostroumov – Missioner and Expert in Islam Religion]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 4-1 (60), pp. 146-150. [in Russian]

GBU GA RT – Gosudarstvennoe byudzhethnoe uchrezhdenie «Gosudarstvenny`j arxiv Respubliki Tatarstan» [The State Budgetary Establishment «The State archive of the Republik of Tatarstan»].

Geraci, 2001 – *Geraci R.P.* (2001). Window to the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. N.Y.: Cornell Univ. Press, 2001. XVI. 378 p.

Gimaliev, 2011 – *Gimaliev V.G.* (2011). Il'minskiy N.I. o roli rodnogo yazyka v khristianskom prosveshchenii nerusskikh narodov Povolzh'ya i Vostoka Rossii [N.I. Ilminsky of the Role of native Language Anguage in Christian Education of the Non-Russian People of the Volga Region and the East of Russia]. *Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva*. №3 (71). Ch.2. pp. 52-56. [in Russian]

Glushchenko, 2010 – *Glushchenko E.A.* (2010). Rossiya v Sredney Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya [Russia in Middle Asia. Conquest and Transformation]. M.: Tsentrpoligraf. 573 p. [in Russian]

Gorbunova, 2003 – *Gorbunova S.V.* (2003). Kreshhenye kazahi Rossijskoj imperii [Baptizee Kazakhs of the Russian empire]. Central'naja Azija i Sibir' [Central Asia and Siberia]. Barnaul: Azbuka, pp. 247-252. [in Russian]

Gramenitskii, 1884 – *Gramenitskii S.M.* (1884). *Turkestanskaya tuzemnaya gazeta* [Turkestan local newspaper]. № 48. [in Russian]

Gramenitskiy, 1897 – *Gramenitskiy S.M.* (1897). Narodnoe obrazovanie v Turkestanskom krae [Education in the Turkestan region]. *Turkestanskije vedomosti*. 22 iyulya (4 iyulya). № 45. [in Russian]

Il'minskiy, 1883 – *Il'minskiy N.I.* (1883). Iz perepiski po voprosu o primenenii russkogo alfavita k inorodcheskim yazykam [From the correspondence on the question of the application of the Russian alphabet to the foreign languages]. *Kazan'* : Tip. Un-ta. 47 p. [in Russian]

Kastel'skaya, 1980 – *Kastel'skaya Z.D.* (1980). Iz istorii Turkestanskogo kraja [From the history of the Turkestan region]. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 122 p. [in Russian]

Kaufman, 1910 – *Kaufman K.P.* (1910). Nachal'noe narodnoe obrazovanie v Turkestanskom krae [Primary education in the Turkestan region]. SPb. 227 p. [in Russian]

Konev, Poplavskiy, 2018 – *Konev A.Yu., Poplavskiy R.O.* (2018). Dar v politike i praktike khristianizatsii sibirskikh «inovertsev» (po materialam Zapadnoy Sibiri kontsa 16-18 vv. [The Gift in the policy and practice of Siberian non-orthodox people christianisation (based on materials for Western Siberia

- in the late 16th-18th century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. 2018. №4 (43). pp. 165–174. [in Russian]
- Kotyukova, 2010** – *Kotyukova T.V.* (2010). "Musul'manskiy vopros" v Turkestane v nachale XX v. ["Muslim question" in Turkestan at the beginning of XX century]. *Voprosy istorii*. № 9. pp. 97–112. [in Russian]
- Krymskiy, 1904** – *Krymskiy A.E.* (1904). *Istoriya musul'manstva* [History of islam]. Ch. 1-2. Moscow. 389 p. [in Russian]
- Krymskiy, 1912** – *Krymskiy A.E.* (1912). *Musul'manstvo i ego budushchnost'* [Islam and his future]. Moscow. 120 p. [in Russian]
- Litvinov, 1998** – *Litvinov P.P.* (1998). *Gosudarstvo i islam v Russkom Turkestane (1865–1917)* (po arkhivnym materialam) [The state and Islam in Russian Turkestan 1865–1917 (according to archival materials)]. Elets. 319 p. [in Russian]
- Lukashova, 1999** – *Lukashova N.M.* (1999). V.P. Nalivkin: eshche odna zamechatel'naya zhizn' [V.P. Nalivkin: another wonderful life]. *Vestnik Evrazii*, № 1/2. pp. 36–57. [in Russian]
- Lysenko, 2010** – *Lysenko Yu.A.* (2010). *Missionerstvo Russkoy pravoslavnoy tserkvi v Kazakhstane* (vtoraya polovina XIX – nachalo KhKh v.): monografiya [Missionary of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (second half of the XIX – beginning of the twentieth century)]. AltGU, Kaf. vostokovedeniya, Alt. tsentr vostokoved. issled. Barnaul : Izd-vo AltGU. 195 p. [in Russian]
- Materialy po vvedeniyu..., 1999** – *Materialy po vvedeniyu russkoy politicheskoy sistemy upravleniya v Kazakhstane* [Materials on the introduction of the Russian political system of governance in Kazakhstan]. Almaty: Kazak universitet. 255 p. [in Russian]
- Mavlyutova, 2016** – *Mavlyutova G.Sh.* (2016). Christianization of Muslims of Tobolsk Province at the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, №411. pp. 201–206. DOI: 10.17223/15617793/411/28 [in Russian]
- Miropiev, 1901** – *Miropiev M.A.* (1901). O polozhenii russkikh inorodtsev [On the situation of Russian foreigners]. S-Peterburg: Sinodal'naya Tipografiya. 515 p. [in Russian]
- Morrison, 2015** – *Morrison A.* (2015). Peasant settlers and the 'civilizing mission' in Russian Turkestan, 1865-1917. *Journal of Imperial & Commonwealth History*. Vol. 43. No. 3 (2015). pp. 387–417.
- Mustafina, 1992** – *Mustafina R.M.* (1992). Predstavleniya, kul'ty, obryady u kazakhov (v kontekste bytovogo islama v Yuzhnom Kazakhstane v kontse XIX – XX vv.) [Representations, cults, ceremonies among the Kazakhs (in the context of everyday Islam in South Kazakhstan at the end of the XIX – XX centuries)]. Alma-Ata: Kazak universitet. 176 p. [in Russian]
- Nalivkin, 1881** – *Nalivkin V.P.* (1881). Uchebnoe delo v Turkestanskom krae [Learning in the Turkestan region]. Material dlya istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom general-gubernatorstve. № 36. [in Russian]
- Nalivkin, 1889** – *Nalivkin V.P.* (1889). Shkola u tuzemtsev Srednei Azii: Rech', proiznesennaya na godichnom akte Turkestanskoj uchitel'skoi seminarii 31 maya 1889 g. [School of the natives of the Central Asia: Speech delivered at the annual act of the Turkestan Teacher Seminary on May 31, 1889]. Tashkent. [in Russian]
- Nalivkin, 1905** – *Nalivkin V.P.* (1905). O postanovke inorodcheskogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [On the formulation of foreign education in the Turkestan region]. *Turkestanskije vedomosti*. № 169. [in Russian]
- Nalivkin, 1906** – *Nalivkin V.P.* (1906). Rol' religii i dukhovenstva v zhizni tuzemnogo musul'manskogo naseleniya [The role of religion and the clergy in the life of the native Muslim population]. *Turkestanskije vedomosti*. №27 (29 sentyabrya). [in Russian]
- Nalivkin, 1913** – *Nalivkin V.P.* (1913). Tuzemtsy ran'she i teper' [Natives before and now]. Tashkent: Turk. iz-vo Pechatnogo Dela. 115 p. [in Russian]
- Narody Sredney Azii i Kazakhstana, 1963** – *Narody Sredney Azii i Kazakhstana*. T. II. Etnograficheskie ocherki pod redaktsiyey S.P. Tolstova, T.A. Zhdanko, S.M. Abramzona, N.A. Kislyakova [Peoples of Central Asia and Kazakhstan. Ethnographic essays edited by S.P. Tolstov, T.A. Zhdanko, S.M. Abramzon, N.A. Kislyakov]. M.: Izd-vo AN SSSR, 1963. 780 p. [in Russian]
- Obzor Syr–Dar'inskoy oblasti, 1887** – *Obzor Syr–Dar'inskoy oblasti za 1886 g.* [Review of the Syr – Darya region for 1886]. Tashkent: Tipolitografiya S.I. Lakhtina. 1887. 334 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1906** – *Ostroumov N.P.* (1906). Musul'manskije maktaby i rusko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae [Muslim schools and Russian-native schools in the Turkestan region]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, №2. [in Russian]
- Ostroumov, 1907** – *Ostroumov N.P.* (1907). Madrasy v Turkestanskom krae [Madrasahs in Turkestan]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, 1907. №1. [in Russian]
- Ostroumov, 1910** – *Ostroumov N.P.* (1910). Kolebaniya vo vzglyadakh na obrazovanie tuzemtsev v Turkestanskom krae [Fluctuations in the views on education of the natives in Turkestan]. *Kaufman's collection*. M., 117 p. [in Russian]
- Ostroumov, 1913** – *Ostroumov N.P.* (1913). K istorii musul'manskogo obrazovatel'nogo dvizheniya v Rossii v XIX i XX stolyatiyakh [On the history of the Muslim educational movement in Russia in the XIX and

XX centuries]. *Mir islama*. Izd-vo imper. obshch. vostokovedeniya, Spb. 1913. T. 2. Vyp. 5. pp. 302–326. [in Russian]

[Russkii yazyk, 1884](#) – Russkii yazyk sredi tuzemtsev [The Russian language among the natives]. *Turkestanskije vedomosti*. 1884, 25 aprelya. № 61. [in Russian]

[Sadvakasova, 2002](#) – *Sadvakasova Z.* (2002). Politika russkogo tsarizma v Yuzhnom Kazakhstane (XIX – nachalo XX vv.) [The policy of Russian Tsarism in South Kazakhstan (XIX – early XX centuries)]. *Evraziyskoe soobshchestvo*. № 3, pp. 85–92. [in Russian]

[TsGA RK](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Kazahstan [Central State archive of the Republic of Kazakhstan].

[TsGA RU](#) – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arhiv Respubliki Uzbekistan [Central State archive of the Republic of Uzbekistan].

[Turkestanskije, 1884](#) – *Turkestanskije vedomosti* [*Turkestan Gazette*]. 1884, 16 noyabrya. № 41. [in Russian]

[Vasil'ev, 1890](#) – *Vasil'ev N.* (1890). K voprosu o shkol'nom obrazovanii u sovremennykh musul'man [On the issue of school education of modern Muslims]. *Turkestanskije vedomosti*. № 6. 6 yanvarya. [in Russian]

[Volkov, 2010](#) – *Volkov I.V.* (2010). Missionerskaya deyatel'nost' Pravoslavnoy Tserkvi na natsional'nykh okrainakh Rossiyskoy Imperii (na primere Turkestana vtoroy poloviny XIX - nachala XX v.) [Missionary Activity of the Orthodox Church at the national Outskirts of the Russian Empire (Turkestan Example of the second Half of the XIX – early 20th Centuries)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: istoriya Rossii*. № 1 (2010). pp. 146–154. [Electronic resource]. URL: <http://journals.rudn.ru/russian-history/article/view/4238> [in Russian]

[Zaytsev, 2007](#) – *Zaytsev A.V.* (2007). Khristianizatsiya nerusskikh narodov Srednego Povolzh'ya v trudakh kazanskikh tserkovnykh istorikov (60-70-e gody XIX v.) [Christianization of non-Russian peoples of the Middle Volga region in the works of Kazan church historians (60-70-ies of the XIX century)]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. № 4. pp.11-15. [in Russian]

Дискуссии о христианизации казахов Туркестанского края (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Галья Айтпаевна Алпыспаева ^{a, *}, Гульмира Жуман ^a, Сауле Ахметовна Багдатова ^b,
Шолпан Назарбековна Саяхимова ^a

^a Казахский агротехнический университет им. Сакена Сейфуллина, Астана, Республика Казахстан

^b Институт истории государства Комитета науки Министерства образования Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. В статье представлен источниковедческий анализ дискуссий о христианизации казахов Туркестанского края на страницах печати и научных изданий во второй половине XIX – начале XX вв. Цель статьи – изучение содержания и характера дискуссий о путях и методах христианизации инородческого населения региона, обоснование причин трансформации взглядов авторов на религиозную политику самодержавия. На основе анализа архивных источников и материалов исследователей, в работах которых нашли освещение проблемы духовной ассимиляции казахов Сырдарьинской и Семиреченской областей, авторами выявлены общие взгляды и разные подходы ученых-ориенталистов, миссионеров и чиновников Туркестанского края к вопросам христианизации инородцев. В дискуссиях нашли отражение дифференцированные взгляды и мнения на методы и приемы обращения инородцев в православие: от осторожных и толерантных до радикальных, и даже реакционных.

Взгляды ученых-ориенталистов на христианизацию формировались в процессе научного изучения истории, этнографии, культуры казахов и были систематизированы в рамках научно-просветительских концепций и теорий. Взгляды чиновников, отвечавших за успех политики самодержавия в регионе, формировались под влиянием практических задач реализации религиозной политики государства и носили в большой мере прикладной характер. Этим и были обусловлены различия во взглядах. Трансформация взглядов чиновников на методы проведения христианизации казахов Туркестанского края обусловлена своеобразием общественно-политической и этнокультурной ситуации в регионе.

Ключевые слова: Туркестанский край, христианизация, ислам, ученые-ориенталисты, миссионеры, чиновники.

* Корреспондирующий автор

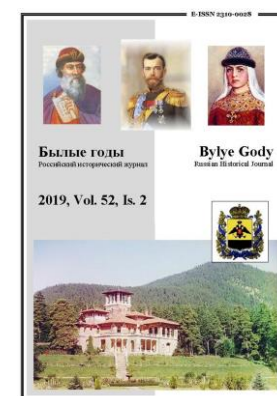
Адреса электронной почты: galpyspaeva@mail.ru (Г.А. Алпыспаева)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 668-676. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.668
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Turkestan and the Steppe Krai Customs System's Formation and Development in the second half of the XIX – early XX centuries: General Imperial Processes and Regional Features

Inna V. Anisimova ^{a, *}

^aAltai State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the formation of the customs system in the Central Asian imperial margins in the second half of the XIX – early XX centuries. In the 60s of the XIX century the customs service modernization of Turkestan and the Steppe Krai began, this modernization was carried out in five stages. The reforms envisaged the extension of the general imperial customs institutes, mechanisms and principles of the implementation of customs policy to the Central Asian outskirts. However, the customs system in the region already at the first stage of reforms (60–70s of the XIX century) acquired special features. The customs authorities were placed under the direct control of the Turkestan Governor-General, and the customs functions were carried out by military border detachments. This went against general imperial tendencies and led to a broad discussion of the problem at all levels of government. In the 80s of XIX century the existing system was transformed, customs institutions were removed from the competence of regional authorities, but the latter remained supervisory functions. At the end of the XIX century the customs system of the region, having passed the way from the allocation of three customs districts in the frontier zone, to their merger and the formation of the Turkestan customs district with subordination to the Department of Customs Duties of the Ministry of Finance, acquired stable contours. At the same time, the customs system of Turkestan and the Steppe Territory formed by the end of the XIX century had a number of significant drawbacks. The problems were associated with a lack of funding, a weak material base of customs authorities, and a low professional level of regional customs administration officials, which, in general, reduced the effectiveness of customs supervision in the Central Asian outskirts.

Keywords: Russian Empire, Turkestan, Steppe Krai, customs policy, customs system, modernization, reforms.

1. Введение

Таможенные институты традиционно занимали особое место в структуре государственного управления Российской империи. В первой половине XIX в. в России происходила постепенная реорганизация таможенной системы, разрабатывалась нормативно-правовая база таможенной политики, совершенствовались механизмы ее реализации. В первую очередь модернизации подвергся таможенный надзор на европейской границе империи, где уже в 1811 г. был реализован принцип окружного деления. В середине – второй половине XIX в. таможенная система Российской империи приобрела новые контуры, вводились новые штаты таможенных учреждений, создавались новые таможенные округа. Однако за рамками данных процессов оказались центрально-азиатские имперские окраины, система таможенного надзора которых, хоть и была включена в общий процесс модернизации региона, требовала существенных преобразований. Реорганизация таможенной системы Туркестана и Степного края, начавшаяся в 60-е гг. XIX в., была сопряжена с комплексом внутри- и внешнеполитических факторов, среди которых особую роль играли административно-

* Corresponding author

E-mail addresses: iva0410@mail.ru (I.V. Anisimova)

территориальное устройство региона, модернизация политических и экономических структур, соперничество с Великобританией в Центральной Азии и на Среднем Востоке. Эти причины обусловили особый характер региональной таможенной политики и затрудняли инкорпорацию таможенной системы Туркестана и Степного края в общеимперское пространство. В связи с этим изучение процесса формирования таможенной системы региона и выявление и обоснование ее функциональных особенностей представляется актуальным.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования являются материалы Российского государственного исторического архива (Ф. 21 – Департамент таможенных сборов МФ). Документы представляют собой, прежде всего, делопроизводственную переписку между региональными органами власти в лице генерал-губернатора Туркестанского края, начальников Туркестанского, Закаспийского и Семипалатинского таможенных округов с чиновниками Департамента по вопросам текущего состояния, реорганизации, финансирования таможенной службы региона. Важное значение имеют нормативно-правовые акты, регламентирующие таможенную службу в центральноазиатских окраинах. В совокупности используемые исторические источники позволяют определить основные этапы формирования, содержание и насущные проблемы таможенной системы, проанализировать позицию региональных и центральных органов власти по вопросам модернизации таможенной службы в Туркестане и Степном крае.

Методологической основой историко-правового исследования являются основные положения теории «фронтирной модернизации», предложенной И.В. Побережниковым (Побережников, 2013; Побережников, 2018; Акторы, 2016). Процесс формирования таможенной системы центральноазиатских окраин рассматривается в этой связи как важный фактор перехода от традиционности к современности. Создание таможенной системы в регионе выступало как необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития имперских окраин в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства» в лице среднеазиатских ханств и Британской империи. В работе используется компаративный подход, который позволил определить общее и особенное в развитии таможенной системы центральноазиатских окраин в сравнении с общеимперскими тенденциями. Проблемно-хронологический принцип позволил выявить и охарактеризовать основные этапы формирования таможенной системы региона во второй половине XIX – начале XX вв.

3. Обсуждение

Изучение истории становления и развития таможенного надзора Российской империи представляется актуальным в силу интереса к «российской имперской истории» в современной науке. Дореволюционная историография представлена рядом исследований как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных процессу становления и развития имперской таможенной системы, которые в большей степени носят фактологический характер (Чернушевич, 1909; Витчевский, 1909).

Если советский период отечественной историографии нарративно освещал историю становления системы таможенного надзора Российской империи (Марков, 1987), то современная российская историография отличается глубоким методологическим осмыслением заявленной темы и расширением проблемного поля. Значительный комплекс исследований посвящен общим контурам процесса становления таможенной службы России (Кисловский, 1995; Боков, 2012). Особое внимание в российской историографии уделяется историческим обстоятельствам формирования таможенной политики и таможенной службы в Российской империи (Балковая, 2011; Балковая, 2014; Биюшкина, 2017), ее функциональным компетенциям и институтам (Трегьякова, 2011).

Сегодня активно развиваются исследования регионального компонента проблемы. Так, целый комплекс работ затрагивает вопросы организации таможенных служб на европейской границе Российской империи (Лятавец, 2009; Бучек, 2017). Отдельным предметом исследования является история организации и деятельности таможенного надзора в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке (Ляпустин, 2012; Дугаров, Казанцева, 2017). Некоторые аспекты таможенной политики в центральноазиатских окраинах Российской империи в XIX в. затронуты в исследованиях, посвященных торгово-экономическому развитию региона (Shaidurov, 2016; Lysenko, 2019). В то же время процесс становления таможенной службы в Туркестане и Степном крае во второй половине XIX в. лишь отчасти получил освещение в современной отечественной историографии (Почекаев, 2016; Некрасов, 2017). В общих чертах процесс организации таможенной службы Туркестана в 80–90 гг. XIX в. показан в работе Б.А. Алимджанова, который подчеркивал, что реформы таможенной службы в регионе были направлены на инкорпорацию Туркестанского края в имперскую таможенную систему (Алимджанов, 2015: 107).

Казахстанская историография также рассматривает отдельные вопросы заявленной проблемы. Вопросы организации таможенного надзора в Степном крае и Туркестане затрагиваются сквозь призму изучения российско-китайских торговых отношений в регионе, не выступая специальным

предметом исследования (Кожирова, 2000; Галиев, 2003). Фрагментарность изучения заявленной проблемы актуализирует данное исследование.

4. Результаты

В XIX в. в Российской империи произошли качественные изменения в организации государственной власти. Особое значение в системе управления стала занимать таможенная политика, содержание которой было напрямую связано с идеей протекционизма, реализуемой в имперской внешнеэкономической деятельности (Витчевский, 1909; Биюшкина, 2017). В то же время таможенная политика Российской империи в центральноазиатских окраинах имела особые задачи, связанные не только с развитием торговли на азиатском направлении, но и усилением политического влияния в данном регионе. Общие контуры таможенной политики в Российской империи были определены Таможенным уставом 1857 г., согласно которому таможенная система представляла собой трехступенчатую иерархию: таможни, заставы, таможенные посты – таможенные округа – Департамент внешней торговли Министерства Финансов, который в 1864 г. был переименован в Департамент таможенных сборов. Важно, что Устав подчеркивал самостоятельность таможенных учреждений и гражданский характер службы (Аграшенков, 2011: 159).

Однако формирование системы таможенного надзора Степного края и Туркестана во многом отличалось от общеимперских тенденций (Козинцев, Почекаев, 2018: 69-70). Определяющими в развитии таможенной системы региона стали 60-е гг. XIX в. В результате образования Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г., обозначения границ новой административно-территориальной единицы перед Петербургом и региональными властями стал вопрос о реорганизации в соответствие с новыми условиями сложившейся к середине XIX в. таможенной службы. При этом, несмотря на важность центральноазиатского участка в системе таможенной службы империи, «Временное положение об управлении в Семиреченской и Сырдарьинской областях» 1867 г. и «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г. не содержали раздела об организации таможенного надзора и деятельности таможенных учреждений в регионе (Временное положение, 2005). Это обстоятельство не помешало включить реализацию таможенной политики на центральноазиатских окраинах в полномочия региональных властей. Решение всех вопросов, связанных с таможенной системой, являлось компетенцией туркестанского генерал-губернатора, на местах таможенные функции выполнялись военными пограничными постами. Принятый механизм таможенной службы, идя в разрез с основными положениями Таможенного устава 1857 г., соответствовал общим направлениям «фронтальной модернизации», характерными признаками которой выступали усиление роли внутренних военных сил, определенная милитаризация границы, особое значение военизированных форм администрации (Побережников, 2013: 20).

Особый характер таможенной системы в регионе обусловил в скором времени возникновение ряда серьезных проблем в ее работе в связи с чем на центральном и региональном уровнях власти заговорили о необходимости реорганизации таможенной службы Туркестана. Руководство туркестанского генерал-губернаторства не устраивало, прежде всего, возложение таможенных функций на пограничные посты Туркестанского военного округа, что затрудняло последним выполнение непосредственных обязанностей. Генерал-губернатор МГ. Черняев, а позднее и его преемник Н.О. Розенбах, настаивали на исключении региональной администрации из системы подчиненности таможенных органов. Итогом длительного обсуждения проблемы стало принятие в мае 1886 г. закона «Об устройстве таможенного надзора в Туркестанском крае» (ПСЗРИ, 1888: 169). В результате таможенный надзор в Туркестанском генерал-губернаторстве был изъят из подчинения региональным властям с передачей контрольно-надзорных функций в ведение Министерства финансов. Для руководства таможенными службами региона была учреждена должность чиновника особых поручений МФ по таможенным делам. Функциональные компетенции главы таможенной службы были шире осуществления таможенного надзора в Туркестанском крае и включали в себя также руководство пограничной стражей, профилактику и противодействие контрабанде. Однако затрудняла работу и ограничивала возможности главы таможенной службы подотчетность чиновника не только Министерству финансов, но и туркестанскому генерал-губернатору. В сентябре 1887 г. главой таможенной службы Туркестанского края был назначен Г.К. Кайзер, на которого вместе с тем было возложено и составление проектов реорганизации таможенной части в регионе.

Следующий этап в формировании таможенной системы приходится на 90-е гг. XIX в. 12 июня 1890 г. были открыты Туркестанский и Семипалатинский таможенные округа (ПСЗРИ, 1893: 530). При этом уже через несколько лет стало очевидным, что открытие двух таможенных округов не отвечает потребностям обширного региона. В 1894 г. в Средней Азии и Туркестане вводится новая система таможенного контроля. Наряду с Туркестанским таможенным округом, охватывающем границы Туркестанского генерал-губернаторства, южную часть Семиреченской области, долины рек Пянджа и Амударьи, Бухарский участок, и Семипалатинским, в который вошли Томская губерния, Семипалатинская область и восточная часть Семиреченской области (Коркунов, 1909: 417-418), был учрежден Закаспийский округ, включающий Закаспийскую область и Узун-Адинскую таможню

(ПСЗРИ, 1898: 434). Тогда же был принят указ «Об устройстве пограничного надзора в Средней Азии» (ПСЗРИ, 1898: 442), на основании которого были разработаны проекты устройства пограничной службы в Туркестанском и Закаспийском таможенных округах. Сроки введения пограничной стражи были определены сентябрем 1894 г. Заведующим пограничным надзором в Туркестанском таможенном округе Яну-Косинскому и в Закаспийском таможенном округе подполковнику Петрову предписывалось обязательное присутствие в районе расположения вверенных округов, чтобы «иметь возможность ознакомиться с условиями жизни края и местности в отношении устройства там пограничного надзора», а также для организации размещения пограничной стражи и обеспечения ее продовольствием и проведения всех подготовительных работ и распоряжений по устройству пограничного надзора (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 8-8 об.). Формирование штата пограничной стражи в регионе происходило за счет перевода из Европейских и Кавказских бригад. В июле 1894 г. вышел приказ о принципах укомплектования вновь формируемых частей (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 4).

В Туркестанском таможенном округе было определено 25 таможенных постов, воинский контингент которых состоял из 5 обер-офицеров, 176 конных и 10 пеших нижних чинов. Кроме того, заведующему пограничным надзором предписывалось нанять на месте 175 джигитов «из числа благонадежных и способных к службе местных жителей при содействии местной администрации» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 7 об.). В Закаспийском таможенном округе, который включал 30 таможенных постов, на момент открытия числилось 6 обер-офицеров, 122 конных и 11 пеших нижних чинов. Здесь, так же, как и в Туркестанском округе, было предписано усилить контингент за счет привлечения на службу местных жителей численностью 297 джигитов (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 14-15).

Практика найма местных жителей для службы в таможенных органах региона, по мнению чиновников таможенного ведомства, являлась временной необходимостью и объяснялась достаточно просто: «Нижние чины русского происхождения, не зная туземного языка и обычаев местного населения и характера торгового движения, не в состоянии будут в первое время производить надлежащим образом надзор» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 9). Поступившее на службу местные жители, помимо содержания в размере 240 р. в год, получали от казны винтовку, патроны, пашку и «помещение» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 9). Образованные таким образом Закаспийская и Амударьинская бригады стали основой системы таможенного контроля региона. В 1897 г. Закаспийская бригада насчитывала 27 офицеров, 464 конных и 608 пеших нижних чинов и осуществляла охрану по границе с Персией и Афганистаном (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 329. Л. 3 об.). Амударьинская бригада осуществляла охрану по бухарско-афганской границе. Бригады прежде всего участвовали в задержании и предотвращении контрабанды на границе, которая, как следует из отчетов начальников Туркестанского и Закаспийского округов, носила преимущественно ввозной характер (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 329. Л. 3-13, 38-39). Финансирование таможенной части в регионе происходило, начиная с 1 января 1895 г., за счет средств Государственного казначейства (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 718. Л. 35-36).

В конце XIX в. в имперских правительственных кругах вновь инициируется вопрос о необходимости преобразования таможенной службы Туркестана. В 1898 г. началось широкое обсуждение проекта реорганизации сложившейся окружной системы, так как существование трех таможенных округов в границах одного географического региона виделось нецелесообразным. Командующий войсками Туркестанского военного округа С.М. Духовский, соглашаясь с доводами министра финансов С.Ю. Витте, признавал образование одного таможенного округа в будущих пределах Туркестанского военного округа весьма «рациональным и отвечающим местным условиям» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 330. Л. 34). В результате правительственных дискуссий в 1899 г. система таможенного надзора центральноазиатских окраин приобретает новую конфигурацию. 1 мая 1899 г. был принят закон «О устройстве таможенного надзора в пределах Закаспийского, Туркестанского и Семипалатинского таможенных округов», согласно которому Семипалатинский и Закаспийский таможенные округа упразднились, таможенные учреждения Закаспийского таможенного округа переходили в подчинение Туркестанского (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 330. Л. 121-124). В Туркестанском округе должности участковых инспекторов подчинили непосредственно начальнику Округа, инспекторы таможенных участков в пределах бывшего Семипалатинского округа были подотчетны Департаменту таможенных сборов. Таможенная охрана границы в пределах Семипалатинской и Семиреченской областей (за исключением Пржевальского таможенного участка) и по границе Томской губернии с Китаем возлагалась на вольнонаемную таможенную стражу, состоявшую из объездчиков, стражников и джигитов (стражников-туземцев) и находившуюся в ведении местных таможенных начальников.

Последний этап модернизации таможенной системы Российской империи приходится на 1912 г. Повсеместно в государстве упразднялись таможенные округа, основным институтом таможенной системы становились таможенные участки во главе с таможенным инспектором. В административном отношении таможенные участки подчинялись непосредственно Министерству финансов. Однако закон 1912 г., носящий в целом унификационный характер, сохранил особый статус

таможенных институтов в ряде регионов. Это касалось, прежде всего, пограничных с Китаем областей и губерний (Семипалатинская, Семиреченская, Ферганская, Забайкальская области, Томская и Иркутская губернии, Приамурское генерал-губернаторство), а также Кавказского наместничества, что было обусловлено отдаленностью границ от центра, протяженностью пограничной линии, экономическими интересами России. Закон 1912 г. давал таможенным органам Туркестана и Степного края более широкие полномочия и компетенции, повышалась роль региональных властей в реализации таможенной политики. В частности, открытие и упразднение таможенных учреждений в Туркестане происходило только после согласования с туркестанским генерал-губернатором (ПСЗРИ, 1915: 491-492). В целом преобразования, проведенные на данном этапе, завершили долгий процесс формирования таможенной системы имперского периода на центральноазиатских окраинах. Однако, несмотря на институциональное обеспечение и апробирование основных механизмов реализации таможенной политики в регионе, созданная таможенная система имела определенные проблемы.

В первую очередь затруднения в эффективной деятельности таможенных служб были связаны с нехваткой финансов и низким материальным обеспечением таможенных органов региона. Показательным в связи с этим выглядит возбужденное начальником Туркестанского таможенного округа А.Ф. Губаревич-Радобыльским в ноябре 1910 г. дело о необходимости увеличения финансирования таможенных органов Туркестана. Причиной обращения в Департамент таможенных сборов послужила ситуация, сложившаяся в таможенных учреждениях Чикишляра и Гасан-Кули, которые обслуживали почтовые пароходы и грузовые суда по маршруту Красноводск – портовые города Персии. Для совершения срочных выездов с целью проверки судов таможенные чиновники не имели собственных лодок и вынуждены были пользоваться наемными средствами пароходных агентов. Начальник Туркестанского таможенного округа подчеркивал, что эти обстоятельства являются для службы крайне нежелательными, так как «...высокая плата, требуемая местными туркменами-лодочниками за доставку служащих на пароходы, вынуждает агентов пароходных предприятий соглашаться на условия доставки на этих же лодках грузов и пассажиров. То последнее обстоятельство крайне стеснительным образом отражается на времени, которое протекает между отбытием чинов заставы на пароход и возвращением в заставу, так как независимо от расстояния необходимого переезда много затрачивается времени <...> на погрузку и выгрузку товаров и прием пассажиров <...>» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 586. Л. 33-34). Сложная ситуация складывалась в Красноводской таможне, которая имела в распоряжении лишь «полукилевую разбитую шлюпку», в связи с чем не могла в полной мере выполнять функциональные обязанности и осуществлять контрольные рейды на прибывающие из Персии суда (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 586. Л. 60).

Не менее важной проблемой для системы таможенного надзора региона была нехватка таможенных чинов и низкая квалификация кадров. Так, в 1896 г. в Департаменте таможенных сборов было принято решение о необходимости проведения ревизии Семипалатинского таможенного округа. Причиной послужили сведения о малоэффективной деятельности начальника Семипалатинского таможенного округа Ковалевского, который в силу «недостатка должной энергии и распорядительности» так и не сумел определить «основные вопросы охраны нашей границы и организации таможенной стражи, и даже в пунктах расположения главного надзора за границей замечается отсутствие какой-либо системы в управлении» (РГИА. Ф. 21. Оп. 1. Д. 736. Л. 1). И хотя возникающие проблемы частично находили разрешение, материальная база и кадровый состав таможенных институтов центральноазиатских окраин требовали значительного обновления и усиления.

В целом, несмотря на имеющиеся сложности организации и материальные проблемы, таможенные институты региона выполняли возложенные на них надзорно-контрольные функции. Реорганизация таможенного надзора Туркестана и Степного края продолжалась вплоть до конца имперского периода. При этом, несмотря на тенденции к унификации с общеимперскими процессами, таможенная система в регионе сохраняла ряд особых характеристик, обусловленных общим курсом центральноазиатской региональной политики.

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет выделить в процессе становления и развития таможенной системы центральноазиатских окраин пять этапов. На первом этапе (60-е гг. XIX в.) таможенная система региона была определена как особый институт государственного управления, но в административном отношении была подотчетна региональным органам власти, что шло в разрез с общеимперской практикой. В 80-е гг. XIX в. были сделаны существенные шаги по пути инкорпорации таможенных институтов центральноазиатских окраин государства в общеимперскую таможенную систему, таможенные органы были изъяты из компетенции региональных властей. На третьем этапе, охватывающим 90-е гг. XX в., в регионе вводился окружной принцип организации таможенной службы, были учреждены три таможенных округа, формировались таможенные бригады, конкретизировались компетенции пограничного и таможенного надзоров. В конце 90-х гг. XIX в. сложившаяся система показала свою нецелесообразность и необходимость реорганизации. Семипалатинский и Закаспийский таможенные округа были упразднены, входившие в их состав

таможенные институты перешли в подчинение Туркестанского таможенного округа. Последний период развития таможенной системы приходится на 10-е гг. XX в., когда в регионе получила распространение общеимперская практика отказа от окружного деления. Основным институтом таможенной системы региона стали таможенные участки во главе с таможенным инспектором при прямом подчинении Департаменту таможенных сборов. Оценивая результаты преобразования начала XX в., можно говорить о практической унификации статуса и компетенций таможенных институтов центральноазиатских окраин с общеимперскими показателями при сохранении особых полномочий региональных властей. В итоге созданная система таможенного надзора оказалась устойчивой и легла в основу организации таможенного дела в регионе в советский период.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180).

Литература

- Аграшенков, 2011** – Аграшенков А.В. Система государственного управления Российской империи XIX в.: место и роль таможенных органов // *Ученые записки СПб филиала РГА*. 2011. № 3 (40). С. 142-160.
- Акторы, 2016** – Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение. Екатеринбург, 2016. 316 с.
- Алимджанов, 2015** – Алимджанов Б.А. Таможенная и торговая политика Российской империи в Русском Туркестане // *Клио*. 2015. № 9 (105). С. 106-110.
- Балковая, 2011** – Балковая В.Г. Таможенная служба в системе управления российского государства в XVI–XVIII вв. Владивосток, 2011. 280 с.
- Балковая, 2014** – Балковая В.Г. Таможенная служба Российской империи в XVIII в. // *Таможенное дело*. 2014. № 2. С. 30-33.
- Биюшкина, 2017** – Биюшкина Н.И. Таможенная политика Российской империи XIX века в общем контексте регулирования внешнеэкономической деятельности // *Genesis: исторические исследования*. 2017. № 3. С. 63-71. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.3.22017. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_22017.html (дата обращения: 10.02.2019)
- Боков, 2012** – Боков К.И. Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России в XIX – начале XX веков. М., 2012. 176 с.
- Бучек, 2017** – Бучек Э. Российское таможенное управление в Царстве Польском (1850–1868 гг.) // *Клио*. 2017. № 2. С. 88-94.
- Витчевский, 1909** – Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / Пер. с нем. А.В. Бауде. СПб., 1909. 372 с.
- Временное положение, 2005** – Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.) // *Древний мир права казахов (материалы, документы и исследования в десяти томах)*. Т. V. Алматы, 2005. С. 441-463.
- Галиев, 2003** – Галиев В.В. Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX вв.). Алматы, 2003. 188 с.
- Дугаров, Казанцева, 2017** – Дугаров В.Д., Казанцева Н.Г. Государственная таможенная политика и ее местная реализация в приграничных регионах в конце XIX – начале XX вв. // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 48. С. 128-135. DOI: 10.17223/19988613/48/21
- Кисловский, 1995** – Кисловский Ю.Г. История таможни государства Российского 907–1995. М., 1995. 286 с.
- Кожирова, 2000** – Кожирова С.Б. Российско-китайская торговля в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX вв.). Астана, 2000. 138 с.
- Козинцев, Почекаев, 2018** – Козинцев М.А., Почекаев Р.Ю. К истории среднеазиатской таможенной политики России во второй половине XIX в. (докладная записка В. П. Череванского 1872 г.) // *Oriental Studies*. 2018. Vol. 39. Is. 5. С. 58-78.
- Коркунов, 1909** – Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 2. 749 с.
- Ляпустин, 2012** – Ляпустин С.Н. Таможенный надзор и борьба с контрабандой на морском направлении Дальнего Востока России (конец XIX–начало XX вв.) // *Таможенная политика России на Дальнем Востоке*. 2012. № 1. С. 102-111.
- Лятавец, 2009** – Лятавец К. Место таможенных учреждений Царства Польского в финансовой системе Российской империи в первой половине 70-х гг. XIX в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сборник материалов Второй международной научной конференции*. Курск, 2009. С. 250-254.
- Марков, 1987** – Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. 157 с.
- Некрасов, 2017** – Некрасов О.В. Памирский отряд: охрана российской границы на «крыше мира» и управление русскими Памирами // *Власть*. 2017. № 1. С. 196-203.

- Побережников, 2013** – *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация в истории России // *Экономическая история*. 2013. № 2 (21). С. 18-23.
- Побережников, 2018** – *Побережников И.В.* Фронтирная модернизация на Востоке Российской империи: региональные вариации // *Уральский исторический вестник*. 2018. № 4 (61). С. 72-80.
- Почекаев, 2016** – *Почекаев Р.В.* Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172-184.
- ПСЗРИ, 1888** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1888. Собр. III. Т. VI. Ч. 1. 1261 с.
- ПСЗРИ, 1893** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1893. Собр. III. Т. X. Ч. 1. 1017 с.
- ПСЗРИ, 1898** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1898. Собр. III. Т. XIV. Ч. 1. 1529 с.
- ПСЗРИ, 1915** – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1915. Собр. III. Т. XXXII. Ч. 1. 1819 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Третьякова, 2011** – *Третьякова Г.А.* Таможенные органы в государственном механизме Российской империи XIX в. // *Вопросы экономики и права*. 2011. № 5. С. 28-35.
- Чернушевич, 1909** – *Чернушевич М.П.* Материалы к истории Пограничной стражи. В 2-х ч. СПб., 1901–1909. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/h/chernushevich_mp01/index.html (дата обращения: 05.01.2019)
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 138-148. DOI: 10.13187/bg.2019.1.138
- Shaidurov, 2016** – *Shaidurov V.N.* Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family) // *International Business Management*. 2016. Vol. 10. Is. 3. pp. 194-199.

References

- Agrashenkov, 2011** – *Agrashenkov A.V.* (2011). Sistema gosudarstvennogo upravleniia Rossiiskoi imperii XIX v.: mesto i rol' tamozhennykh organov [The system of state administration of the Russian Empire of the XIX century: the place and role of the customs authorities]. *Uchenye zapiski SPb filiala RTA*, № 3 (40), pp. 142-160 [in Russian]
- Aktory, 2016** – *Aktory rossiiskoi imperskoi modernizatsii (XVIII – nachalo XX v.): regional'noe izmerenie* [Actors of the Russian imperial modernization (XVIII – early XX century): the regional dimension]. 2016. Ekaterinburg, 316 p. [in Russian]
- Alimdzhanov, 2015** – *Alimdzhanov B.A.* (2015). Tamozhennaia i torgovaia politika Rossiiskoi imperii v Russkom Turkestane [Customs and trade policy of the Russian Empire in Russian Turkestan]. *Klio*, № 9 (105), pp. 106-110 [in Russian]
- Balkovaia, 2011** – *Balkovaia V.G.* (2011). Tamozhennaia sluzhba v sisteme upravleniia rossiiskogo gosudarstva v XVI–XVIII vv. [Customs service in the control system of the Russian state in the XVI – XVIII centuries]. Vladivostok, 280 p. [in Russian]
- Balkovaia, 2014** – *Balkovaia V.G.* (2014). Tamozhennaia sluzhba Rossiiskoi imperii v XVIII v. [Customs Service of the Russian Empire in the XVIII century]. *Tamozhennoe delo*, № 2, pp. 30-33. [in Russian]
- Biiushkina, 2017** – *Biiushkina N.I.* (2017). Tamozhennaia politika Rossiiskoi imperii XIX veka v obshchem kontekste regulirovaniia vneshneekonomicheskoi deiatel'nosti [Customs policy of the Russian Empire of the XIX century in the general context of the regulation of foreign economic activity]. *Genesis: historical research*, № 3, pp. 63-71. DOI: 10.7256/2409-868X.2017.3.22017. [Electronic resource]. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_22017.html (access date: 10.02.2019) [in Russian]
- Bokov, 2012** – *Bokov K.I.* (2012). Stanovlenie i razvitie tamozhennogo dela i tamozhennogo zakonodatel'stva v Rossii v XIX – nachale XX veka [Formation and development of customs and customs legislation in Russia in the XIX – early XX century]. M., 176 p. [in Russian]
- Buchek, 2017** – *Buchek E.* (2017). Rossiiskoe tamozhennoe upravlenie v Tsarstve Pol'skom (1850–1868 gg.) [Russian Customs Administration in the Kingdom of Poland (1850–1868)]. *Klio*, № 2, pp. 88-94. [in Russian]
- Chernushevich, 1909** – *Chernushevich M.P.* (1909). Materialy k Istorii Pogranichnoi Strazhi [Materials to the History of the Frontier Guard]. In 2 hours. SPb., 1901–1909. [Electronic resource]. URL: http://militera.lib.ru/h/chernushevich_mp01/index.html (access date: 05.01.2019). [in Russian]
- Dugarov, Kazantseva, 2017** – *Dugarov V.D., Kazantseva N.G.* (2017). Gosudarstvennaia tamozhennaia politika i ee mestnaia realizatsiia v prigranichnykh regionakh v kontse XIX – nachale XX v. [State customs policy and its local implementation in the border regions in the late XIX – early XX century].

- Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, № 48, pp. 128-135. DOI: 10.17223/19988613/48/21 [in Russian]
- Galiev, 2003** – *Galiev V.V.* (2003). Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin'tsiane (konets XIX – nachalo XX vv.) [Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang (late XIX – early XX centuries)]. Almaty, 188 p. [in Russian]
- Kislovskii, 1995** – *Kislovskii Iu.G.* (1995). Istoriia tamozhni gosudarstva Rossiiskogo 907–1995 [The history of the customs of the Russian state 907–1995]. M., 286 p. [In Russian]
- Korkunov, 1909** – *Korkunov N.M.* (1909). Russkoe gosudarstvennoe pravo [Russian state law]. SPb., T. 2, 749 p. [in Russian]
- Kozhirova, 2000** – *Kozhirova S.B.* (2000). Rossiisko-kitaiskaia torgovlia v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv.) [Russian-Chinese trade in Central Asia (second half of the XIX – early XX centuries)]. Astana, 138 p. [in Russian]
- Kozintsev, Pochekaev, 2018** – *Kozintsev M.A., Pochekaev R.Iu.* (2018). K istorii sredneaziatskoi tamozhennoi politiki Rossii vo vtoroi polovine XIX v. (dokladnaia zapiska V. P. Cherevanskogo 1872 g.) [To the history of the Central Asian customs policy of Russia in the second half of the XIX century (report of V.P. Cherevansky, 1872)]. *Oriental Studies*, Vol. 39, Is. 5, pp. 58-78. [in Russian]
- Liapustin, 2012** – *Liapustin S.N.* (2012). Tamozhennyi nadzor i bor'ba s kontrabandoi na morskome napravlenii Dal'nego Vostoka Rossii (konets XIX–nachalo XX v.) [Customs supervision and fight against smuggling in the sea direction of the Far East of Russia (the end of the XIX – beginning of the XX centuries)]. *Tamozhennaia politika Rossii na Dal'nem Vostoke*, № 1, pp. 102-111. [in Russian]
- Liatavets, 2009** – *Liatavets K.* (2009). Mesto tamozhennykh uchrezhdenii Tsarstva Pol'skogo v finansovoi sisteme Rossiiskoi imperii v pervoi polovine 70-kh gg. XIX v. [Place of customs institutions of the Kingdom of Poland in the financial system of the Russian Empire in the first half of the 70s. Nineteenth century]. *Torgovlia, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: sbornik materialov Vtoroi mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Kursk, pp. 250-254. [in Russian]
- Lysenko, 2019** – *Lysenko Yu.A.* (2019). The Problem of Security of Trade Caravans in Russian-Kazakh Relations in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*, Vol. 51, Is. 1, pp. 138-148. DOI: 10.13187/bg.2019.1.138
- Markov, 1987** – *Markov L.N.* (1987). Ocherki po istorii tamozhennoi sluzhby [Essays on the history of the customs service]. Irkutsk, 157 p. [in Russian]
- Nekrasov, 2017** – *Nekrasov O.V.* (2017). Pamirskii otriad: okhrana rossiiskoi granitsy na "kryshe mira" i upravlenie russkimi Pamirami [Pamir detachment: the protection of the Russian border on the "roof of the world" and the management of the Russian Pamirs]. *Vlast'*, № 1, pp. 196-203. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2013** – *Poberezhnikov I.V.* (2013). Frontirnaia modernizatsiia v istorii Rossii [Frontal modernization in the history of Russia]. *Ekonomicheskaiia istoriia*, № 2 (21), pp. 18-23. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2018** – *Poberezhnikov I.V.* (2018). Frontirnaia modernizatsiia na Vostoke Rossiiskoi imperii: regional'nye variatsii [Frontal modernization in the East of the Russian Empire: regional variations]. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, № 4(61), pp. 72-80. [in Russian]
- Pochekaev, 2016** – *Pochekaev R.V.* (2016). Vkluchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuiu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.) [Inclusion of the Bukhara Emirate and the Khiva Khanate in the customs line of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*, № 3, pp. 172-184. [in Russian]
- PSZRI, 1888** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (1888). SPb., Collection III. T. VI. Part 1. 1261 p. [in Russian]
- PSZRI, 1893** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (1893). SPb., Collection III. T. X. Part 1. 1017 p. [in Russian]
- PSZRI, 1898** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (1898). SPb., Collection III. T. XIV. Part 1. 1529 p. [in Russian]
- PSZRI, 1915** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire] (1915). SPb., Collection III. T. XXXII. Part 1. 1819 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive]
- Shaidurov, 2016** – *Shaidurov V.N.* (2016). Poles in the economy of Siberia and Central Asia in the second half of the 19th century (as illustrated in the Poklewski-Koziell family). *International Business Management*, Vol. 10, Is. 3, pp. 194–199.
- Tretyakova, 2011** – *Tretyakova G.A.* (2011). Tamozhennye organy v gosudarstvennom mekhanizme Rossiiskoi imperii XIX v. [Customs authorities in the state mechanism of the Russian Empire of the XIX century]. *Voprosy ekonomiki i prava*, № 5, pp. 28-35. [in Russian]
- Vitchevskii, 1909** – *Vitchevskii V.* (1909). Torgovaia, tamozhennaia i promyshlennaia politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh dnei [Trade, customs and industrial policy of Russia from the time of Peter the Great to the present day]. Per. s nem. A.V. Baude. SPb., 372 p. [in Russian]

Vremennoe polozhenie, 2005 – Vremennoe polozhenie ob upravlenii v Ural'skoi, Turgaiskoi, Akmolinskoi i Semipalatinskoi oblastiakh (21 oktiabria 1868 g.) [Temporary position on governance in the Urals, Turgai, Akmola and Semipalatinsk regions (October 21, 1868)] (2005). *Ancient world of the rights of Kazakhs (materials, documents and studies in ten volumes)*. Vol. V. Almaty, pp. 441-463 [in Russian]

Становление и развитие таможенной системы Туркестана и Степного края во второй половине XIX – начале XX вв.: общеимперские процессы и региональные особенности

Инна Владимировна Анисимова ^{а, *}

^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования таможенной системы на центральноазиатских имперских окраинах во второй половине XIX – начале XX вв. В 60-е гг. XIX в. началась модернизация таможенной службы Туркестана и Степного края, которая была осуществлена в пять этапов. Реформы предполагали распространение на центральноазиатские окраины общеимперских таможенных институтов, механизмов и принципов реализации таможенной политики. Однако уже на первом этапе реформ (60–70 гг. XIX в.) таможенная система в регионе приобрела особые черты. Таможенные органы были переданы в непосредственное подчинение туркестанскому генерал-губернатору, а таможенные функции выполнялись военными пограничными отрядами. Это шло в разрез с общеимперскими тенденциями и привело к широкому обсуждению проблемы на всех уровнях власти. В 80-е гг. XIX в. сложившаяся система была подвергнута преобразованиям: таможенные институты были изъяты из компетенции региональных властей, однако за последними сохранялись надзорные функции. В конце XIX в. таможенная система региона приобрела устойчивые контуры, пройдя путь от выделения во фронтальной зоне трех таможенных округов до их слияния и образования Туркестанского таможенного округа с подчинением Департаменту таможенных сборов Министерства финансов. При этом сформированная к концу XIX в. таможенная система Туркестана и Степного края имела ряд существенных недостатков. Проблемы были связаны с нехваткой финансирования, слабой материальной базой таможенных органов, низким профессиональным уровнем чиновников регионального таможенного управления, что в целом снижало эффективность таможенного надзора на центральноазиатских окраинах.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестан, Степной край, таможенная политика, таможенная система, модернизация, реформы.

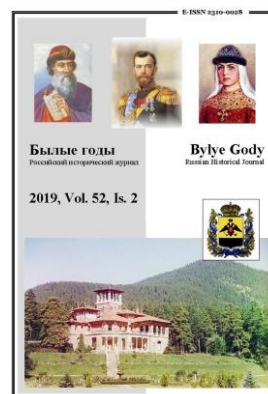
* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: iva0410@mail.ru (И.В. Анисимова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 677-685. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.677
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Bukhara Jews and Distillation in Turkestan in the late 1860s – 1890s

Irina B. Bochkareva^{a, *}, Elena V. Tarasova^a

^a Altai State University, Russian Federation

Abstract

In the 1860s the Russian Empire continued its expansion into Central Asia. New territories in 1867 were integrated into the Turkestan Governor-Generalship, and its governor received large powers. The liberal policy of General K.P. von Kaufman contributed to the beginning of the modernization of the social, political and economic life of the region. Thanks to his civic stance, the emancipation of the Bukhara Jews began, which for centuries were disqualified from civil and economic rights by the Muslim majority. In the 1870s – 1880s the protective policy of the Russian authorities also distinguished them among the other Jewish population of the Russian Empire, allowing them to engage exclusively in distillation and wine trade in Turkestan. Trade in Russian manufactory goods and wine allowed the Bukhara Jews to go through a stage of original accumulation of capital in a short time. The liquidation of the wine monopoly at the turn of the 1880s – 1890s forced them to reorient themselves and direct the accumulated capital to new areas, contributing to the modernization of the region.

This article deals with the problem of the interdependence of the civil status of Bukhara Jews and the spheres of economic activity available to them. The article is written on the basis of archive and published documents of the second half of the XIX century and beginning of the XX century.

Keywords: Central Asian outskirts, Russian Empire, socio-economic modernization, Bukhara Jews, distillation, the wine trade.

1. Введение

В 1860–1870 гг. в Российской империи началась модернизация общественно-политических, экономических, социокультурных институтов. В полной мере это можно отнести и к эволюции положения еврейских субэтнических групп, ранее пораженных в гражданских и экономических правах. Либерализация законодательной сферы способствовала свободе перемещения и получению доступа к ранее закрытым экономическим сферам. В процессе интеграции Центральноазиатского региона русские власти столкнулись с бухарскими евреями. Модернизация гражданско-правового положения населения, проводимая генерал-губернатором фон Кауфманом с конца 1860-х гг., способствовала началу их эмансипации. Впервые за несколько столетий еврейское население Центральной Азии получило равные с мусульманским населением гражданские и экономические права. Традиционно сильные позиции евреев в некоторых экономических сферах и их ориентация на русскую администрацию способствовали укреплению положения бухарскоеврейской буржуазии. В 1870–1880 гг. она сыграла важную роль в модернизации экономики центральноазиатских окраин России. Получив монопольное право на винокурение и виноторговлю, местные евреи способствовали переходу от кустарной выкурки столового вина к его промышленному производству, удовлетворяя постоянно растущий спрос.

* Corresponding author

E-mail addresses: portnygina@yandex.ru (I.B. Bochkareva), forschung2005@gmail.com (E.V. Tarasova)

2. Материалы и методы

В дореволюционной документации и литературе в отношении еврейского населения, проживавшего на территории центральноазиатских государств, присоединенных к России во второй половине XIX в., использовался термин «туземные евреи». С одной стороны, это указывало на их традиционное проживание на этой территории, с другой – позволяло отличать от евреев, переселявшихся из внутренних губерний Российской империи. Одновременно с этим применялся термин «туркестанские евреи». В начале XX в. в официальной историографии начинают использовать термин «бухарские евреи» (*Азиатская Россия, 1914: 178*). На современном этапе этот термин сохранил свою актуальность (*Емельяненко, 2009; Каганович, 2016*).

Следует отметить, что в Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. появилось много законодательных актов, регламентировавших права и обязанности еврейского населения. Единичные упоминания о бухарских евреях встречались в статьях «Закона о состояниях», «Уставе торговом», «Уставе о паспортах». Только в конце 1880-х гг. появятся первые нормативно-правовые акты, непосредственно относящиеся к бухарским евреям.

Особо следует выделить делопроизводственную документацию. Нами были использованы материалы фондов Российского государственного исторического архива. Сохранившиеся документы (Высочайше утвержденные решения Государственного совета, межведомственная переписка, министерские справки, прошения бухарских евреев и пр.) позволили дать характеристику эволюции гражданско-правового положения бухарских евреев в некоторых областях Туркестанского генерал-губернаторства в конце 1860–1890 гг., выявить существовавшие в министерских кругах и губернаторском корпусе мнения относительно еврейской политики, определить позиции бухарских евреев в экономической жизни региона. Уникальная информация о еврейских винокуренных заводах содержится в опубликованных статистических сборниках (*Орлов, 1895; Самаркандская область, 1905* и др.), записках современников (*Мещерский, 1868*) конца XIX – начала XX вв. Использование широкого круга исторических источников позволяет более полно раскрыть изучаемую проблематику.

Методологической основой исследования стала теория модернизации. С конца 1860-х гг. центральноазиатские окраины Российской империи постепенно подвергались модернизации. Это выразилось в эмансипации бухарских евреев, которые приняли непосредственное участие в динамичном развитии некоторых отраслей экономики, в том числе винокурения и виноторговли. Монополизация ими в 1870–1880-х гг. этого сегмента способствовала переходу от кустарного производства спиртных напитков к промышленному с использованием современной техники и технологий, которые завозились из России. Применение общенаучных и специальных исследовательских методов позволило решить поставленные задачи.

3. Обсуждение

История изучения бухарских евреев не отличается большим количеством работ. Тем не менее, в дореволюционное время появились публикации, в которых затрагивалось прошлое и современное положение этой субэтнической группы. Так, в экономических очерках Н.А. Маева встречается указание на то, что местные евреи «спокойно занимаются торговлей», а «все здешние евреи – очень зажиточный народ» (*Маев, 1879: 93*).

В своих очерках «Туземцы раньше и теперь» этнограф и чиновник В.П. Наливкин отмечал ущемленность положения бухарских евреев в мусульманском мире Туркестана. Характерными чертами бухарского еврейского общества были высокая степень урбанизированности и занятости в ремеслах, и лишь наиболее состоятельные занимались торговлей (*Наливкин, 1913: 15*).

В советские времена «еврейская тема» получила свое освещение лишь в конце 1920–1930 гг. на фоне единения всех народов в построении социализма. Следует обратить внимание на работу Л.М. Кантора «Туземные евреи в Узбекистане» (*Кантор, 1929*). Автор небезосновательно указал на то, что «научнообоснованных печатных работ о туземных евреях совершенно не имеется», а подвергнув сомнению достоверность официальных сведений, автор вынужден был «производить обследования, знакомиться с первоисточниками» (*Кантор, 1929: 3*). Таким образом, это была одна из первых научных печатных работ, посвященных бухарским евреям, в которой нашло отражение и историческое прошлое этнической группы.

Возрождение интереса к истории бухарских евреев пришлось на рубеж XX–XXI вв. в рамках отечественной иудаики. Одной из самых заметных работ последнего времени стала монография А. Кагановича, посвященная истории бухарских евреев в составе Российской империи (*Каганович, 2016*).

Изучение истории еврейского населения Российской империи невозможно без регионального сравнения в рамках азиатской части. Для этого в настоящее время имеются все условия, т.к. на протяжении последних 20–30 лет активно изучается история формирования сибирских евреев (*Кальмина, 2002; Гончаров, 2013; Shaidurov, 2014a; Larina, Shaidurov, 2015*), их место и роль в региональной экономике (*Галашова, 2004; Shaidurov, 2014b; Кальмина, 2016*). Опыт подобного регионально-сравнительного анализа в отечественной иудаике имеется (*Norkina, Shaidurov, 2015*).

4. Результаты

Вместе с сартами и татарами, составлявшими большинство мусульманского населения, проживали бухарские евреи, индийцы и другие малые этнические группы. Евреи на территории Центральной Азии появились в период с XIII по XVI вв. В вопросах религии они исповедуют иудаизм сефардского (испанского) канона, что отличает их от европейских евреев (ашкеназов). На рубеже XIX–XX вв. это порождало серьезные разногласия, возникавшие между двумя общинами. Так, политический агент в Бухаре В.И. Игнатъев сообщал в Санкт-Петербург, что «нельзя игнорировать и наличность некоторого существующего антагонизма между русскими и бухарскими евреями на почве чисто духовного свойства, ибо русские евреи не считают бухарского раввина достаточно авторитетным в деле религиозных толкований и эрудиции, а потому обращаются к нему очень неохотно» (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 165. Л. 5 об.).

Как свидетельствуют документы и очевидцы, подавляющая масса бухарских евреев была городскими жителями. В городах они жили отдельными кварталами. Так, в городе Шаар (ныне Шахрисабз в Республике Узбекистан – В.Ш.) еврейский квартал насчитывал около 100 дворов (Маев, 1879: 93). Подобные кварталы были и в других городах Центральной Азии. Длительное время бухарские евреи, будучи париями в принимающем обществе, занимали ставшие для них традиционными экономические ниши в ремесле, занимались торговлей. Не имея покровительства в среде правящей элиты, они вынуждены были скрывать свои капиталы, ибо в условиях правового нигилизма они могли быть конфискованы в любой момент при удобном случае (Наливкин, 1913: 15).

Присоединение новых территорий потребовало от российских властей определения прав и обязанностей различных групп населения. Сохраняя традиционные права коренного населения, русские власти пошли на либерализацию положения туземного еврейского населения. Подобный шаг был обусловлен тем, что они поневоле стали временными союзниками. Этот союз имел под собой объективные основания.

В течение почти столетия еврейские купцы торговали в русских южноуральских и сибирских городах. К середине XIX в. они были заинтересованы в присоединении к России, т.к. это открывало для них возможность нарастить товарооборот с русскими промышленными центрами и включиться в международную торговлю через порты Черного и Балтийского морей. Русская промышленность, в первую очередь текстильная, рассматривала Центральную Азию как один из перспективных рынков хлопкового сырья и сбыта готовой продукции. Так как бухарскоеврейские купцы почти полностью контролировали в регионе торговлю хлопком (Кантор, 1929: 7), они становились выгодными партнерами по бизнесу.

Для русской администрации в Туркестане местные евреи стали опорой в реализации политики «мягкой силы». Покровительственная политика русской администрации в отношении бухарских евреев в первые десятилетия присутствия в регионе была обусловлена их экономической посреднической функцией в отношениях с местным населением.

Вплоть до конца XIX в. евреи Центральной Азии в правовом отношении не были однородны. Так, русское законодательство запрещало переселение в Россию и принятие подданства евреям-иностранцам. Однако по «Законам о состоянии» было сделано исключение для туземных евреев Центральной Азии. В конце 1860–1870 гг. сначала Оренбургскому, а затем Туркестанскому генерал-губернатору было дозволено не только принимать их в русское подданство (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 1 об.), но и записывать в городские купеческие общества (РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 165. Л. 12). В этом случае они оказывались в том же правовом поле, что и европейские евреи (ашкеназы).

На особом положении оказались те бухарские евреи, за которыми был признан туземный статус. В 1870-е гг. они были фактически уравнены в правах с прочим коренным населением Туркестана. Это дало им возможность приобретать землю и недвижимость, т.е. право, которого они были лишены ранее. Законодательно их проживание было ограничено Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской областями.

Еврейская политика в Туркестане в конце 1860–1880 гг. позволила местным евреям несколько укрепить свои позиции в традиционных сферах деятельности и открыть для себя новые. Если мелкие торговцы по-прежнему занимались перепродажей продукции земледелия и скотоводства, то зарождавшаяся бухарскоеврейская буржуазия, имея капитал и протекцию от русской администрации, получила невиданные ранее возможности: согласно русскому законодательству, бухарские евреи получили возможность торговать не только на Оренбургской линии, но и вести дела во внутренних губерниях. Последнее еще более укрепило их положение экономического посредника между Туркестаном и Центральным промышленным районом.

Мануфактурная торговля стала для бухарских евреев основным источником накопления капитала, который в последующем будет направлен в иные сферы. В 1880–1890 гг. они стали одним из главных партнеров русских текстильщиков в продаже тканей в Центральной Азии. Этому способствовало и предоставление широкого кредита, который покрывал нехватку собственного оборотного капитала (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 3. Л. 19). Некоторые современники ошибочно полагали, что евреи не думали специализироваться на мануфактурной торговле. Приобретая в кредит у московских и владимирских мануфактурщиков товар, причем самых дешевых сортов, они тут же

перепродавали его своим посредникам или более мелким торговцам из числа сартов, татар или русских. Это делалось «с самой ничтожной прибылью, иногда даже по своей цене, а в крайности и с убытком, лишь бы поскорее реализовать товар в деньги и обратить последние для операции по скупке» (РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 3. Л. 19). Эти действия способствовали проникновению русского текстиля на новые рынки. Одним из показателей успешности сложившегося тандема стал тот факт, что английская чалма к 1890-м гг. была вытеснена чалмой из русского материала.

Традиционным занятием бухарских евреев было производство изюмного вина. Вино потреблялось в общине и семейном кругу во время религиозных обрядов и праздников. Производство крепких напитков в промышленных масштабах в мусульманском мире было невозможно.

Ситуация изменилась с присоединением Центральной Азии к России. Главным потребителем крепких напитков стала русская армия. В соответствии с действовавшими правилами, солдаты и офицеры должны были получать винную порцию в определенные дни (9 общепринятых праздников) и по медицинским показаниям. В условиях растянутости коммуникаций выгоднее было приобретать столовое вино на месте.

Надо сказать, 1860-е гг. характеризовались либерализацией государственной политики винокурения и виноторговли. В 1863 г. она коснулась европейских евреев, которые смогли курить вино на арендованных заводах и продавать производимую продукцию. Подобная мера распространялась как на черту оседлости, так и за ее пределы, например Сибирь (Shaidurov, 2016: 671). Это позволяло удовлетворять потребности населения и казенных учреждений. Правда, в некоторых случаях государство проводило политику «сухого закона». Это относилось к некоторым новым территориям. Так, в середине XIX в. существовал официальный запрет не только на винокурение, но и на ввоз в Семиречье и Заилийский край спиртных напитков.

Веда борьбу с винокурением на окраинах, русская администрация вынуждена была разрешить производство и продажу спиртных напитков в некоторых областях Туркестанского края. Одним из «пионеров» модернизации винокурения стал в 1860-х гг. турецко-подданный бухарский еврей Пинхас Адбурахманов, скопивший первоначальный капитал на мануфактурной торговле. Уже к 1868 г. он владел в Ташкенте двумя небольшими винокуренными заводами. Именно эта сфера виделась предпринимателю чрезвычайно выгодной. Примечательна в этой связи запись, сделанная князем В.П. Мещерским: «Мы заметили нашему собеседнику, что ведь магомедане не пьют водки; на кого же они рассчитывают, неужели на одних русских?»

– Уже начали пить некоторые ташкентцы, а со временем и все станут пить, – отвечал нам еврей» (Мещерский, 1868: 328).

Технология производства спирта-сырца в Центральной Азии не отличалась от общепринятой в России. Исключение составляло сырье. При отсутствии зерна спирт выгоняли из перебродившего изюма или фруктов. В этот период сосуществовали корчемное производство водки местным населением, когда «водку предприимчивые казаки курили самыми первобытными способами из изюма, привозимого в громадном количестве на верблюдах из Ташкента» (Семенов-Тянь-Шанский, 1946: 228), и ее выкурка на современных винокуренных заводах. Так, для своих предприятий Абдурахманов приобретал необходимое оборудование в Москве (Мещерский, 1868: 327-328).

В 1874 г. перед Туркестанской казенной палатой был поставлен вопрос о допущении евреев к питейной торговле в Туркестанском крае. Его сложность определялась несколькими аспектами: правами евреев на жительство и винокурение в регионе, продажи вина в мусульманских частях местных городов и селений.

В своем отношении в Департамент неокладных сборов Министерства финансов от 7 августа 1874 г. чиновники отметили, что «евреям дозволяется питейная торговля только в местностях, определенных для постоянной их оседлости и притом не иначе как в собственных домах; сидельцы же евреи могут быть только в заведениях своих единоверцев» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 1). В реалии получалось, что Туркестанский край не был включен в «черту оседлости».

Надо сказать, что местная администрация уже поставила под контроль деятельность винокуренных заводов. С 1868 г. была введена практика выдачи патентов как туземным, так и русским евреям на выкурку вина. Среди местных чиновников возникли разные мнения по этому вопросу. Так, военный губернатор Сырдарьинской области Н.Н. Головачев 27 ноября 1872 г. предложил ограничить выдачу патентов евреям (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 2). Однако эта мера в тот момент не была реализована.

Для решения «питейного вопроса» Министерство финансов обратилось за консультацией в другие ведомства. Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, комментируя действовавшее законодательство, признало Туркестанский край регионом, «где дозволена постоянная оседлость евреев» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 9). Примечателен ответ, полученный из Департамента полиции МВД. В нем министр А.Е. Тимашев отметил, что «со своей стороны полагал бы не дозволять евреям заниматься в Туркестанском крае питейной торговлей» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 4). По его мнению, это приведет к монополизации торговли еврейскими дельцами и «может самым вредным образом отразиться на населении края» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 4 об.).

Неопределенность сохранялась в течение нескольких лет и нервировала местных заводчиков. Еще в декабре 1874 г. заводчик Пинхас Абдурахманов обратился к министру финансов М.Х. Рейтерну с просьбой «разрешить сомнения» относительно прав азиатских евреев на винокурение и виноторговлю в регионе (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 10). Министерство финансов отстранилось от решения этого вопроса, отнеся его к компетенции Туркестанского генерал-губернатора.

Решение вопроса последовало в августе 1876 г. В своем циркуляре фон Кауфман распорядился считать азиатских евреев приписанными к Сырдарьинской области и Зеравшанскому округу, запретив им селиться в других частях Туркестанского края (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 25 об.). Этим же документом право винокурения и виноторговли было признано лишь за аборигенным еврейским населением, тогда как переселившиеся из Европейской части империи евреи этого права были лишены (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 26).

Подобное решение проблемы может быть объяснено личной позицией Кауфмана, которую он озвучил в одном из документов. В отношении министру финансов от 11 августа 1876 г. он отмечал неоднородность еврейского населения Туркестана. В отношении евреев-переселенцев у Кауфмана сформировалось крайне негативное мнение. «Не принося существенной пользы промышленности края, занимаются в большинстве случаев ростовщицеством и мелочной виноторговлей», – писал он министру финансов (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 23). Предоставление им широких экономических прав, по его мнению, породило бы «возможность такой же эксплуатации в крае, какая в свое время вызвала известные правительственные меры против них внутри Империи» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 23 об.).

Правда, туркестанские чиновники пытались лишить права на винокурение и виноторговлю и бухарских евреев. Так, Пинхасу Абдурахманову было отказано в выдаче патента на винокурение на 1875 г. Хозяйственная часть казенной палаты мотивировала отказ положениями циркуляра Департамента неокладных сборов от 6 ноября 1874 г. (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 31). Вероятно, разрешение на виноторговлю не получили и другие заводчики из числа местных евреев. Обращение Абдурахманова в вышестоящие инстанции позволило восстановить права бухарских евреев на выкурку и продажу вина.

В январе 1879 г. за евреями Ферганской области было признано право на винокурение и виноторговлю (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 38). В то же время Кауфман продолжил проведение жесткой политики в отношении евреев-переселенцев, отмечая в своем письме в министерство финансов, что «евреям, прибывшим сюда из внутренних губерний России, мною воспрещено постоянное водворение в пределах Ферганской области, подобно прочим частям Туркестанского края» (РГИА. Ф. 574. Оп. 1. Д. 1118. Л. 38).

В 1886 г. тема еврейского винокурения и виноторговли стала предметом дискуссий. Это было связано с несколькими обстоятельствами. Так, 12 июня 1886 г. было утверждено измененное «Положение об управлении Туркестанским краем» (введено в 1887 г.). В нем отсутствовало упоминание «относительно права туземных евреев на постоянное жительство в крае» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 1 об.). Это вызвало со стороны Туркестанского генерал-губернатора определенные вопросы в адрес Департамента неокладных сборов Министерства финансов, т.к. тема еврейской оседлости сопрягалась с экономическими правами. В своем отношении к министру финансов Н.Х. Бунге от 4 ноября 1886 г. генерал-губернатор Н.О. Розенбах указал на свое согласие с мнением своего предшественника фон Кауфмана, признавшего среднеазиатских евреев туземным населением, дав им определенные права.

С другой стороны, в середине 1880-х гг. произошли некоторые изменения в общеимперском законодательстве, регулировавшем производство и продажу крепких спиртных напитков, в сторону ужесточения. Определенные ограничения были наложены на евреев, проживавших во внутренних губерниях. Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах, официально не отнесенных к черте оседлости, например Сибири (Shaidurov, 2014b: 26–27).

В Туркестанском крае вопрос о еврейском винокурении не был до конца урегулирован вследствие того, что закон 14 мая 1885 г. коснулся только тех губерний, которые управлялись по общеимперским законам (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 3). Вступивший в должность министра финансов И.А. Вышнеградский не взял на себя ответственность в его решении. По согласованию с министром внутренних дел графом Д.А. Толстым он передал его на рассмотрение Высочайше утвержденной Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях под председательством графа Палена.

21 апреля 1887 г. вопрос о туркестанских евреях был вынесен на рассмотрение Паленской комиссии. Сохранившийся журнал заседания позволил выявить единодушное согласие с признанием среднеазиатских евреев коренным населением, а Сырдарьинскую и Ферганскую области и Зеравшанский округ местом их постоянного жительства. Следует отметить признание членами Комиссии того факта, что в действовавшем Своде законов Российской империи «не имеется прямых указаний о правах туркестанских евреев» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 9 об.). Этот вопрос оказался распыленным в локальных актах, которыми правительство демонстрировало свою благосклонность к ним.

Но вторая часть проблемы (право на винокурение и виноторговлю) вызвала некоторую дискуссию. Большинство членов Комиссии согласились с действовавшей практикой предоставления

прав винокурения и виноторговли туркестанским евреям, сложившейся при генерал-губернаторе фон Кауфмане. Менять ее они не видели причин. Да и формально к тому не было оснований: евреи могли заниматься этими видами деятельности в местах постоянного жительства (Устав о питейном сборе изд. 1876 г., ст. 306), каковыми были признаны некоторые части Туркестанского генерал-губернаторства (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 10).

Особое мнение по этому вопросу высказали присутствовавшие на заседании Н.Н. Колошин и Ф.С. Голицын. В основе их позиции лежал факт отсутствия в крае, населенном народами, исповедующими мусульманскую веру, торговли хлебным вином. По их мнению, производство крепких напитков было ориентировано в первую очередь на русских переселенцев. В этих условиях, считали чиновники, предоставлять подобное право евреям-старожилам или переселенцам вредно, т.к. возникнет реальная угроза создать «в Ташкентском крае еврейский кабац наших западных губерний, со всеми гибельными для русских поселенцев ростовщическими проделками» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 13). Однако это мнение не повлияло на окончательное решение.

Таким образом, администрация Туркестанского края должна была использовать в своей практике утвердившуюся традицию. В своем отношении министру финансов И. Вышнеградскому от 11 августа 1887 г. генерал-адъютант Н. Розенбах указал, что «особых правил при исполнении изложенного распоряжения издано не было» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 15 об.). Именно отсутствие какого-либо нормативного акта, регулирующего винокурение и виноторговлю в Туркестанском крае, заставило министра финансов И. Вышнеградского подготовить его и провести через Государственный совет. Согласие на это было получено от императора Александра III 13 ноября 1887 г., а 18 ноября проект закона «О правах евреев на винокурение и торговлю крепкими напитками в Туркестанском крае» от имени Департамента неокладных сборов Министерства финансов был внесен на рассмотрение Государственного совета (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 18). В проекте нашло отражение особое мнение Колошина и Голицына: «дозволить производство винокурения и торговли крепкими напитками лишь тем евреям в Туркестанском крае, которые принадлежат к туземному населению, и притом только в пределах Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областей» (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 24). Евреи-переселенцы, таким образом, были исключены из этих доходных отраслей. Правда, для среднеазиатских евреев вводились те же ограничения, которые действовали в европейской части империи: торговля вином могла производиться только из собственного дома и торговых заведений, владельцами которых были иудеи. Решение об этом было принято на заседании соединенных департаментов государственной экономики и законов Государственного совета 18 февраля 1888 г., а 10 мая того же года оно было утверждено Сенатом (РГИА. Ф. 574. Оп. 2. Д. 1071. Л. 34).

В этот период бухарские евреи оказались в более привилегированном положении, чем их единоверцы в Сибири, где запрет на участие евреев в винокурении и виноторговле был введен в 1887 г. (Shaidurov, 2014b: 27-28).

В конце 1880-х гг. началось постепенное наступление на права бухарских евреев – русских подданных в Туркестанском крае. По данным А. Кагановича, с 1889 г. центральная русская администрация запретила туземцам из числа местных евреев и мусульман продавать спиртные напитки на территории Бухарского эмирата (Каганович, 2016: 88).

В то же время туземные еврей-бухарцы владели небольшими кустарными винокурнями в Каршахе, Ширабаде, Шахрисябзе, Дюшамбе, Гиссаре и Бухаре. Как и в других частях Центральной Азии, спирт курили из винограда и фруктов. Разрешение на их функционирование они получали от местных мусульманских властей. В условиях запрета продажи столового вина мусульманам основными потребителями водки являлись единоверцы (Логофет, 1911: 183-184). Несмотря на официальный запрет, водка нелегально продавалась и мусульманам, принося винокурам доход. Правда, как отмечали современники, «общая цифра выкуреного спирта была невелика» (Логофет, 1911: 278).

К концу XIX в. еврейское присутствие в винокурении и виноторговле в Туркестанском крае было практически свернуто. Об этом свидетельствуют данные ведомственной статистики и переписи 1897 г. Так, в Самаркандской области лишь один еврей самостоятельно занимался производством спиртных напитков (Самаркандская область, 1905: 100). Владелец открытого в 1885 г. в туземной части Самарканда винокурного завода был бухарский еврей Левиев Моше. Предприятие носило полукустарный характер. Об этом свидетельствуют основные экономические показатели: в 1893–1894 хоз. гг. было выкурено 5,2 тыс. ведер продукта из фруктово-виноградного спирта на сумму в 21 тыс. руб.; занято на производстве было 45 рабочих и служащих (Орлов, 1900: 227). В то же время на модернизированном винокурном заводе купца Д.Л. Филатова в Самарканде 16 рабочих производили 6,4 тыс. ведер водки на сумму 48 тыс. руб. (Орлов, 1900: 227).

Монопольное право *volens nolens* обрели предприниматели-христиане. Как показывает статистика, уже к концу XIX в. евреи в Центральной Азии уступили место предпринимателям русского и польского происхождения. Так, ТД «Плещеев Ф. и К^о» имел в Семипалатинской области одно из крупнейших в регионе винокурных производств (60 тыс. ведер вина или чуть меньше 50 % регионального производства, 150 рабочих – 1/3 занятых в отрасли) (Орлов, 1900: 227).

В Акмолинской области, как и в соседних сибирских Тобольской и Томской губерниях, одним из крупнейших заводчиков был в течение второй половины XIX в. А.Ф. Поклевский-Козелл ([Shaidurov, 2014c: 248](#)).

5. Заключение

Таким образом, в конце 1860–1880 гг. в Центральной Азии начались модернизационные процессы. Еврейская политика России в регионе может быть определена формулой "bis dat qui cito dat". Нуждаясь в союзниках для укрепления русского влияния на новых территориях, фон Кауфман допустил в 1870-х гг. эмансипацию туземного еврейского населения, что выразилось в предоставлении тех же прав, какими обладали мусульмане.

Появление в регионе русской армии и переселенцев привело к росту спроса на спиртные напитки. Именно бухарским евреям русской администрацией была предоставлена монополия на винокурение и винооторговлю, но которая не распространялась на переселявшихся из внутренних губерний евреев-ашкеназов. Для увеличения доходности, бухарцы модернизировали отрасль, перейдя от кустарной выкурки спирта к заводскому производству с использованием современной техники и технологий.

Однако на рубеже 1880–1890 гг. на Туркестанский край были распространены запретительные меры относительно еврейского винокурения, принятые для внутренних губерний в середине 1880-х гг., чему в немалой степени способствовало негативное отношение региональных гражданских и военных администраторов к евреям. В результате бухарскоеврейская выкурка вина и его продажа были практически ликвидированы, а на окраинах Центральной Азии они имели полулегальный характер, находясь под контролем местных мусульманских властей.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00180).

Литература

[Азиатская Россия 1914](#) – Азиатская Россия. Т. I: Люди и порядки за Уралом. Издание переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914.

[Галашова, 2004](#) – *Галашова Н.Б.* Евреи в Томской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. (1860–1917). Томск, 2004.

[Гончаров, 2013](#) – *Гончаров Ю.М.* Еврейские общины Западной Сибири (19 – начало 20 вв.). Барнаул: Изд-во Алт. университета, 2013.

[Емельяненко, 2009](#) – *Емельяненко Т.Г.* Бухарские евреи: судьба диаспоры // *Этнографическое обозрение*, 2009. № 5. С. 15–21.

[Каганович, 2016](#) – *Каганович А.* Друзья поневоле: Россия и бухарские евреи, 1800–1917. Москва: новое литературное обозрение, 2016.

[Кальмина, 2002](#) – *Кальмина Л.В.* Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина 19 в. – 1917). Красноярск: Изд-во «Кларетианум», 2002.

[Кальмина, 2016](#) – *Кальмина Л.В.* Еврейское купечество Забайкалья в конце XIX – начале XX вв.: элита сословия // *Сибирские исторические исследования*. 2016. № 2. С. 21–40. DOI: 10.17223/2312461X/12/3.

[Логофет, 1911](#) – *Логофет Д.Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 1. Санкт-Петербург, Издательство В. Березовского.

[Мещерский, 1868](#) – *Мещерский В.П.* Очерки нынешней общественной жизни в России. Выпуск 1. Санкт-Петербург.

[Орлов, 1895](#) – *Орлов П.А.* Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и Среднеазиатских владений: Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., Типография В. Киришбаума, 1895. 261 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

[Самаркандская область, 1905](#) – Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 83. Самаркандская область. Санкт-Петербург.

[Семенов-Тянь-Шанский, 1946](#) – *Семенов Тянь-Шанский П.П.* Путешествие в Тянь-Шань. Мемуары. Т. 2. Москва, Государственное издательство географической литературы.

[Larina, Shaidurov, 2015](#) – *Larina O., Shaidurov V.* European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles) // *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol. 6. Is. 5(1): 460–466. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s1p460

[Norkina, Shaidurov, 2015](#) – *Norkina E., Shaidurov V.* Law, imperial bureaucracy and Russian Jews beyond the pale of settlement in 19-beginning of the 20th centuries // *Bylye Gody*. Vol. 37. Is. 3, pp. 623–632. [in Russian]

[Shaidurov, 2014a](#) – *Shaidurov V.* The jews and their place in the economic life of Western Siberia in the second half of the 19th century // *Novyj Istoriceskij Vestnik*. № 1 (39): 21–35.

- [Shaidurov, 2014b](#) – *Shaidurov V.* Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 239-244.
- [Shaidurov, 2014c](#) – *Shaidurov V.* Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 245-251.
- [Shaidurov, 2016](#) – *Shaidurov V.* Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (as Illustrated in the Example of Siberia) // *Bylye Gody*. Vol. 41. Is. 3, pp. 666-674.

References

- [Aziatskaya Rossiya, 1914](#) – *Aziatskaya Rossiya*. T. I: Lyudi i poryadki za Uralom [Asian Russia. T. I: People and ways beyond the Urals]. Publication of the emigrant department of the Main Department of Land Utilization and Agriculture. St Petersburg. [in Russian]
- [Emelianinko, 2009](#) – *Emelianinko T.G.* (2009). Bukharskie evrei: sud'ba diaspory [Bukhara Jews: the fate of the diaspora]. *Etnograficheskoe obozrenie*. №5. pp. 15-21. [in Russian]
- [Galashova, 2004](#) – *Galashova N.B.* (2004). Evrei v Tomskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (1860–1917) [Jews in the Tomsk guberniya in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries (1860–1917)]. Tomsk. [in Russian]
- [Goncharov, 2013](#) – *Goncharov Yu.M.* (2013). Yevreyskiye obshchiny Zapadnoy Sibiri (19 – nachalo 20 v.) [Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul. [in Russian]
- [Kaganovich, 2016](#) – *Kaganovich A.* (2016). Druz'ya ponevole: Rossiya i bukharskie evrei, 1800-1917 [Reluctant friends: Russia and Bukhara Jews, 1800-1917]. M. [in Russian]
- [Kalmina, 2002](#) – *Kalmina L.* (2002). Yevrei Vostochnoy Sibiri: “dukhovnaya territoriya” (seredina 19 v. – 1917) [Jews of Eastern Siberia: “a spiritual territory” (mid-19th century – 1917)]. Krasnoyarsk. [in Russian]
- [Kalmina, 2016](#) – *Kalmina L.* (2016). Evrejskoe kupechestvo Zabajkal'ya v konce XIX – nachale XX v.: elita sosloviya [Jewish merchants in Transbaikal region at the end of the 19th to the early 20th century: the merchant class elite]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. №2, pp. 2-40. DOI: 10.17223/2312461X/12/3 [in Russian]
- [Larina, Shaidurov, 2015](#) – *Larina O., Shaidurov V.* (2015). European diasporas in Russia of the late 18th and early 19th centuries: national and regional formation features (as illustrated in the case of Jews, Germans and Poles). *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 6. Is. 5(1): 460-466. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n5s1p460
- [Logofet, 1911](#) – *Logofet D.N.* (1911). Bukharskoe khanstvo pod russkim protektoratom [Bukhara Khanate under Russian protectorate]. Vol. 1. St Petersburg. [in Russian]
- [Meshchersky, 1868](#) – *Meshchersky V.P.* (1868). Ocherki nyneshnei zhizni v Rossii [Essays on the current public life in Russia]. Vol. 1. St. Petersburg. [in Russian]
- [Norkina, Shaidurov, 2015](#) – *Norkina E., Shaidurov V.* (2015). Law, imperial bureaucracy and Russian Jews beyond the pale of settlement in 19-beginning of the 20th centuries // *Bylye Gody*. Vol. 37. Is. 3, pp. 623-632.
- [Orlov, 1895](#) – *Orlov P.A.* (1895). Ukazatel fabrik i zavodov okrain Rossii: Tsarstva Polskogo, Kavkaza, Sibiri i Sredneaziatskikh vladeniy: Materialy dliya fabrichno-zavodskoy statistiki [Guide to factories and plants in border regions of Russia: the Kingdom of Poland, the Caucasus, Siberia and the Central Asian lands: Materials for factory statistics]. SPb., Tipografiya V. Kirshbauma, 261 p. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian state historical archive].
- [Samarkand region, 1905](#) – *Samarkandskaya oblast'. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g.* [Samarkand region. The first general census of the population of the Russian Empire in 1897]. T. 83. St. Petersburg. [in Russian]
- [Semenov-Tian-Shanskiy, 1946](#) – *Semenov-Tian-Shanskiy P.P.* (1946). Puteshestvie v Tyan'-Shan'. Memuary [Travelling to Tien Shan. Memoir]. T. 2. M. Gosudarstvennoe izdatel'stvo geograficheskoi literatury. [in Russian]
- [Shaidurov, 2014a](#) – *Shaidurov V.* (2014). The jews and their place in the economic life of Western Siberia in the second half of the 19th century. *Novyj Istoriceskij Vestnik*. № 1 (39): 21-35.
- [Shaidurov, 2014b](#) – *Shaidurov V.* (2014). Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 239-244.
- [Shaidurov, 2014c](#) – *Shaidurov V.* (2014). Siberian Polonius as a result of national policy of the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. Vol. 32. Is. 2, pp. 245-251.
- [Shaidurov, 2016](#) – *Shaidurov V.* (2016). Ethnic Entrepreneurship in the Russian Empire in the Era of Economic Modernization in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (as Illustrated in the Example of Siberia). *Bylye Gody*. Vol. 41. Is. 3, pp. 666-674.

Бухарские евреи и винокурение в Туркестане конца 1860–1890 гг.Ирина Борисовна Бочкарева^{а, *}, Елена Владимировна Тарасова^а^а Алтайский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В 1860-е гг. Российская империя продолжила продвижение в Центральную Азию. Новые территории в 1867 г. были включены в состав Туркестанского генерал-губернаторства, а его руководитель получил широкие полномочия. Либеральная политика генерала К.П. фон Кауфмана способствовала началу модернизации общественно-политической и экономической жизни региона. Благодаря его гражданской позиции началась эмансипация бухарских евреев, которые в течение столетий были поражены в гражданских и экономических правах мусульманским большинством. В 1870–1880 гг. покровительственная политика русских властей выделила их и в среде прочего еврейского населения Российской империи, позволив им монопольно заниматься винокурением и виноторговлей в Туркестане. Торговля русским мануфактурным товаром и вином позволила бухарским евреям в короткий срок пройти стадию первоначального накопления капитала. Ликвидация винной монополии на рубеже 1880–1890 гг. заставила их переориентироваться и направить накопленный капитал в новые сферы, способствуя модернизации региона.

В данной статье рассматривается проблема взаимозависимости гражданско-правового положения бухарских евреев и доступных им сфер хозяйственной деятельности. Статья написана на основе архивных и опубликованных документов второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: центральноазиатские окраины, Российская империя, социально-экономическая модернизация, бухарские евреи, винокурение, виноторговля.

* Corresponding author

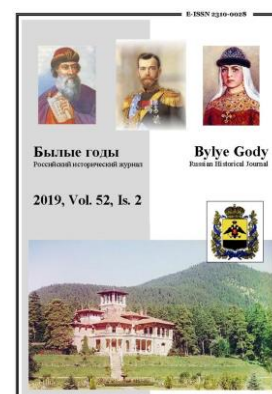
E-mail addresses: portnygina@yandex.ru (И.Б. Бочкарева), forschung2005@gmail.com (Е.В. Тарасова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 686-694. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.686
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Role of Outgoing Handicrafts in Capitalizing the Economy of the Central Chernozem Region in the second half of the XIX century

Natalia A. Dushkova ^a, Alexander V. Perepelitsyn ^b, Victoria A. Grigороva ^{c, *}

^aVoronezh State Technical University, Russian Federation

^bVoronezh State Pedagogical University, Russian Federation

^cVoronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the history of the development of outgrowing handicrafts in the territory of the Central Chernozem Region in the second half of the XIX century. On the basis of the unpublished material, the authors revealed unstable rates and scales of development of outgoing fishing activities, the dynamics of the ratio of agricultural and industrial waste, as well as the peculiarity of the remote work of the Central Chernozem region, due to regional characteristics of the region.

The authors proved the significant role of the waste industries in the capitalization of the regional economy, which had a complex impact on the development of industry, agriculture, construction, the production of consumer goods, the development of peasant farms, the level of material well-being of migrant workers.

The impact of the withdrawal on the peasant economy was of a contradictory nature. Positive manifestation was the possibility of obtaining additional income away from home. Profit was small, but it was an auxiliary means of maintaining the agricultural or commercial economy at an average level. The positive impact was also in raising the level of general and vocational education of small commodity producers, migrants, in expanding their outlook and general cultural literacy.

The negative – was in the consequences of the absence of the head of the family for a long period of time. Firstly, family relations deteriorated, its authority declined. Sometimes frustration between spouses led to parting, which indirectly, but also affected the demographic indicators in general. The long absence was not conducive to the proper maintenance of the peasant economy, since the wife and children could not always cope with heavy physical labor.

Keywords: handicraft outhouses, Central Chernozem Region, migrant workers, handicraftsmen, economy capitalization, post-reform period, hired labor market, agricultural waste, industrial waste.

1. Введение

В условиях регионализации общественной жизни России большой интерес представляют локальные аспекты протекания значимых процессов социально-экономического развития страны. В этой связи актуальным является изучение роли кустарных промыслов, занимавших важное место в экономике Центрального Черноземья. На их базе осуществлялось формирование и развитие промышленного способа производства и предпринимательского слоя. Определенную роль в этом процессе сыграли отхожие промыслы. Активные темпы их развития обуславливали складывание своеобразного рынка рабочей силы, основная часть которого представляла собой сельскохозяйственных рабочих, а оставшаяся – кустарей, рабочих промышленных предприятий и прислуги. Помимо этого отхожие промыслы оказывали определенное воздействие на хозяйство и

* Corresponding author

E-mail addresses: grigorovava@rambler.ru (V.A. Grigороva)

условия жизни населения. Прежде всего, отход крестьян на заработки способствовал получению дополнительного дохода – малоэффективного, но жизненно важного. Негативное воздействие заключалось в формировании внутрисемейных разладов, связанных с уходом главы или членов семейства из дома на длительные промежутки времени и их отрывом от традиционного уклада и образа жизни.

Признавая значение кустарных промыслов в развитии экономической и социальной сфер региона, можно констатировать недостаточную их изученность в научной литературе, особенно в части отхожих промыслов. В частности, до сих пор отсутствует комплексная работа, посвященная истории развития отхожих кустарных промыслов и их роли в капитализации экономики Центрального Черноземья как отдельного района страны.

2. Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили неопубликованные архивные материалы и документы опубликованных изданий. Материалы Государственных архивов Курской, Орловской, Тамбовской областей представлены ведомостями, рапортами земских управ, сведениями податных инспекторов различных уездов Центрально-Черноземных губерний. Опубликованные материалы включали сборники местных органов самоуправления различных губерний региона, делопроизводственные и статистические документы.

Принципы историзма, научной объективности и ценностного подхода составили методологию исследования. Согласно принципу историзма изучалась динамика масштабов распространения отхожих кустарных промыслов в Центральном Черноземье, выявлялись изменения в соотношении сельскохозяйственного и промышленного видов отхода крестьян. Принцип научной объективности позволил раскрыть роль промысловой деятельности местного населения вдали от места их жительства в капитализации экономики комплексно, избегая односторонности и предвзятости. Принцип ценностного подхода способствовал выявлению наиболее существенных характеристик развития отхожих кустарных промыслов, установлению общероссийских и региональных особенностей.

3. Обсуждение

Процесс развития кустарных отхожих промыслов на территории Центрального Черноземья являлся предметом исследования многих ученых. Определялись масштабы крестьянского отхода, изучались научно-теоретические основы термина «отхожие промыслы», степень их воздействия на крестьянское хозяйство и другие аспекты. Однако ряд вопросов, связанных с выявлением соотношения сельскохозяйственного и промышленного видов отхода, с определением степени их влияние на развитие грамотности и в целом на капитализацию экономики, до сих пор малоизучены. При этом отдельные региональные аспекты частично затрагивались современными учеными.

Так, А.В. Перепелицын, Н.А. Душкова и В.А. Григорова, рассматривая в соавторстве вопрос реализации государственных мер по поощрению развития кустарно-промысловой деятельности, выявили систему государственного управления мелкотоварным производством, которая в определенной степени распространялась и на отхожие промыслы (Dushkova, Grigorova, 2018).

А.Н. Курцев исследовал противоречивость и синхронизацию процессов переселенчества и отходничества на территории Центрального Черноземья, которые дополняли урбанизацию страны в целом (Курцев, 2012).

Л.С. Ловцова изучила неземледельческий отход крестьян Моршанского и Темниковского уездов Тамбовской губернии. В своей статье она отметила некоторые аспекты его влияния на развитие сельского хозяйства аграрного региона, обозначила направления отхода крестьянства центральных и северных уездов губернии в условиях формирования областной территории с центром в г. Тамбове (Ловцова, 2015).

Отдельные аспекты развития отхожепромысловой деятельности крестьян нашли свое отражение в трудах английского историка и французского экономиста. Изучая историю российского крестьянства, условия его жизни, ученые проанализировали положение крестьян, которые занимались не только обработкой земли, но и промысловой деятельностью (Moon, 1999; Walras, 1988).

4. Результаты

Капитализация экономики Центрального Черноземья во второй половине XIX века сопровождалась переходом кустарных промыслов к промышленному способу производства, в процессе которого участвовали и отходники. Создавались мелкие предприятия с низкой производительностью труда. Осуществлялась постепенная механизация производства. Это обуславливало внедрение различных технических усовершенствований в общественную жизнь городов региона, который, несмотря на обозначенные изменения, продолжал оставаться аграрным.

Важным фактором капитализации экономики являлось развитие отхожих кустарных промыслов. Первоначально приоритет закреплялся за сельскохозяйственными промыслами, но в

пореформенный период в регионе заметно активизировался промышленный отход, оказавший влияние на развитие подсобного хозяйства и бытовых условий жизни крестьян.

На территории Центрального Черноземья промысловая деятельность за пределами места проживания была известна еще в древности. Местные жители в свободное от полевых работ время стремились к поиску дополнительного заработка на стороне. Большое воздействие на развитие отхода оказывали региональные особенности землевладения и землепользования. Нехватка земли, низкий уровень развития сельского хозяйства, а также его экстенсивный характер не позволяли крестьянам удовлетворять свои потребности в полной мере. В некоторой степени развитию отхожих кустарных промыслов способствовала общинность мелких товаропроизводителей. Зачастую они просто ориентировались на своих сородичей, которые уже занимались отходом. Иногда к работе вдали от дома обращались по причинам внутрисемейных разладов.

Интенсивность развития отхожих кустарных промыслов в отдельные периоды была различной. Наиболее активные темпы отмечались во время проведения буржуазных реформ, облегчавших передвижение населения внутри страны. Основным документом, регламентирующим трудовую миграцию, было принятое в 1861 году «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». С этого времени крестьяне и дворовые люди наделялись правом свободного передвижения по их первому требованию. Помимо этого интенсивность развития отхода обуславливалась малоземельем и низким качеством земельных наделов, получаемых крестьянами в условиях чересполосицы, существовавшей в период проведения крестьянской реформы 1861 года.

Варьировались и масштабы распространения отхожих кустарных промыслов в пределах региона. Самые высокие показатели занятости мелких товаропроизводителей отходом отмечались в Воронежской губернии: в конце XIX века они составляли 5,2 % от числа местного населения ([Отхожие промыслы, 1914](#)). В Курской губернии данный показатель был более чем в два раза меньшим и равнялся 2,2 % ([Курская губерния, 1887](#)). Далее в порядке убывания значений удельного веса отходников следовали Орловская и Тамбовская губернии, в которых отмечались равнозначные показатели: по 0,2% кустарей-отходников от общей численности населения губернии ([Отхожие промыслы, 1914](#); [Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1890а](#)).

Во 2-й половине XIX века постепенно менялся характер отходничества, приобретая промышленную направленность, хотя первоначально по-прежнему превалировал сельскохозяйственный отход. В качестве примера можно привести Курскую губернию. Здесь в 1888 году занятость сельскохозяйственным отходом превосходила занятость промышленным отходом в 3,7 раз, тогда как через семь лет, в 1895 году, данный показатель равнялся 2,5 раз ([О значении отхожего и кустарного промыслов, 1888](#); [ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 400. Л. 2](#)). Несмотря на подобные скачки, в целом по региону прослеживался приоритет сторонних работ сельскохозяйственной направленности. В качестве подтверждения можно представить диаграмму, составленную на основе анализа сведений губернских статистических комитетов и данных подворных переписей.

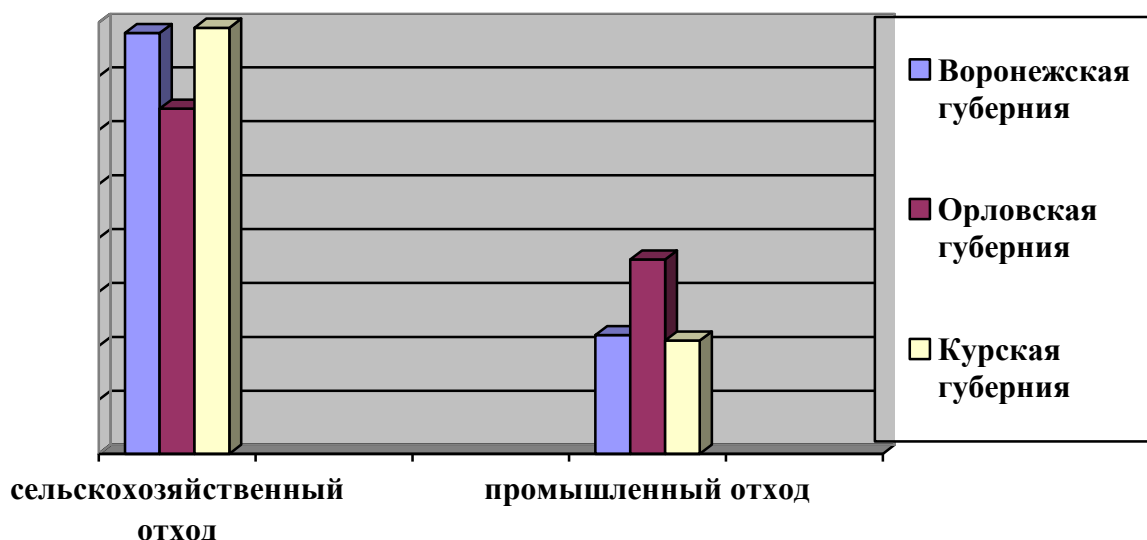

Рис. 1. Соотношение сельскохозяйственного и промышленного отхода в Центральном Черноземье в конце XIX века

Таким образом, [Рисунок 1](#) ярко иллюстрирует в регионе наличие 2-3-кратного преобладания сельскохозяйственного отхода над промышленным. При этом практически равнозначным соотношением отличались Воронежская и Курская губернии, в которых промышленный отход был в три раза ниже по сравнению с сельскохозяйственными удаленными работами. Здесь приоритет

закреплялся за местными кустарными промыслами, а отходники направлялись в основном на свекловичные плантации, на уборку хлебов, травы в Киевскую, Харьковскую губернии, в Новороссийский край и в Область войска Донского. Важно отметить, что более активными темпами промышленный отход развивался в Орловской губернии. Одной из причин этого являлась близость к губернии таких предприятий, как литейные фабрики, прядильные, пенькотрепальные, дегтярные заводы Московской и Владимирской губерний, на которые нанимались отходники в качестве подсобных рабочих ([Свод данных о числе кустарей, 1913](#)). Что касается Тамбовской губернии, важно пояснить, что имеющиеся в нашем распоряжении документы не позволяют определить соотношение сельскохозяйственного и промышленного видов отхода. Согласно источникам здесь регистрировались различные виды отхожих промыслов. В соответствии со сведениями Тамбовского губернского земства в 1890 году в губернии регистрировалось 5740 отходников, что составляло практически 8 % от общей численности промыслового населения ([Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1890b](#)). Однако данные показатели обобщены, они включают в себя как промышленный, так и сельскохозяйственный виды отхода, что вызывает затруднения при выявлении их соотношения.

Важно обозначить, что показатели занятости отходников в качестве рабочих, обслуживающих промышленные виды деятельности на предприятиях, в отличие от сельскохозяйственных отхожих промыслов в регионе постоянно увеличивались. Так, в Воронежской губернии за период с середины до конца 80-х годов XIX века неземледельческий отход увеличился в три раза ([Сведения об отходнических промыслах, 1899](#)). Несколько ниже были показатели по Курской губернии. Здесь отмечался рост в 1,6 раз ([Курская губерния, 1887](#); [Календарь и памятная книжка Курской губернии, 1889](#)). Согласно документам, основные причины подобного роста промышленного отхода были связаны с частыми неурожаями, аграрным перенаселением и увеличением спроса на промысловые работы в целом ([ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4175. Л. 476-476 об.](#)).

Анализ документов по истории развития отхожих кустарных промыслов на территории Центрального Черноземья позволил составить классификацию видов неземледельческого отхода в регионе. Она представлена в авторской схеме в порядке сокращения значения отдельных видов промысловой деятельности среди отходников.

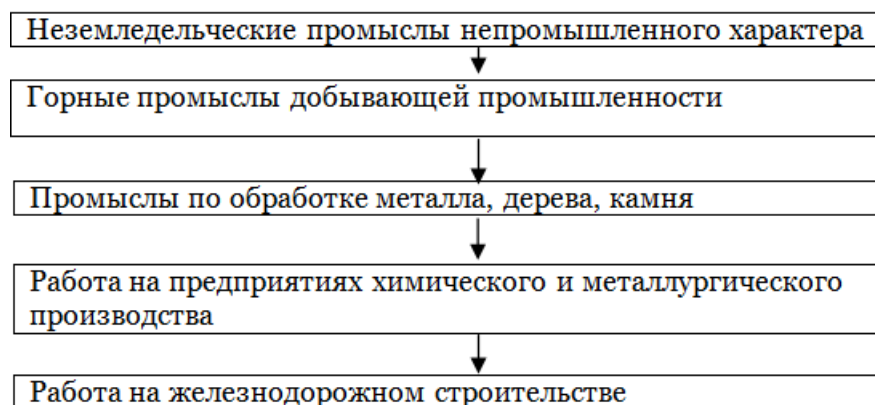

Рис. 2. Классификацию видов неземледельческого отхода

Таким образом, промышленный отход подразделялся на пять групп, самой популярной среди которых являлся неземледельческий отход. Он был представлен различными видами промысловой и поденной работ. Например, в Тамбовской губернии данную группу составляли различные женские промыслы. Так, в Моршанском уезде женщины уходили на удаленную работу для изготовления холста ([ГАТО. Ф. 152. Оп. 1. Д. 279. Л. 67](#)). В Елатомском уезде местные крестьянки отравлялись на сапожные и портняжные работы ([ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5455. Л. 23](#)). В Воронежской губернии в конце XIX века был распространен отход в виде обслуживающего персонала. Женщины нанимались кухарками, нянями и т.д.

Вторая и третья группы схемы включали квалифицированную работу специалистов по обработке железа, дерева и камня. Значительная часть отходников выполняла работу, связанную с выделкой кожи, овчины, битьем шерсти, изготовлением посуды, шитьем сапог и т.п.

Работа на предприятиях химического и металлургического производства была представлена наймом отходников для обслуживания производственного процесса кирпичных, винокуренных заводов, предприятий по обработке растительного сырья.

Последняя пятая группа была связана с использованием труда отходников на строительстве железных дорог, происходившем в регионе в пореформенный период. В основном это были

работники, выполнявшие «черную» работу, связанную с копкой и другими простейшими видами деятельности.

В совокупности все перечисленные группы составляли своеобразный рынок наемной рабочей силы. Отходники обеспечивали производственный процесс казенных и частных промышленных предприятий, обслуживали сельское хозяйство, строительство и производство товаров широкого потребления.

На территории Центрального Черноземья под воздействием аграрной специфики региона сформировались своеобразные черты отхожих промыслов производственной направленности. Они характеризовались расширением географии передвижения отходников и наличием артельного начала.

Традиционными направлениями отхода в регионе считались Область войска Донского и юг страны. Удельный вес обозначенных направлений был самым высоким. Яркой иллюстрацией является диаграмма, составленная на основе анализа сведений губернских и уездных земств региона (Отхожие промыслы, 1914).

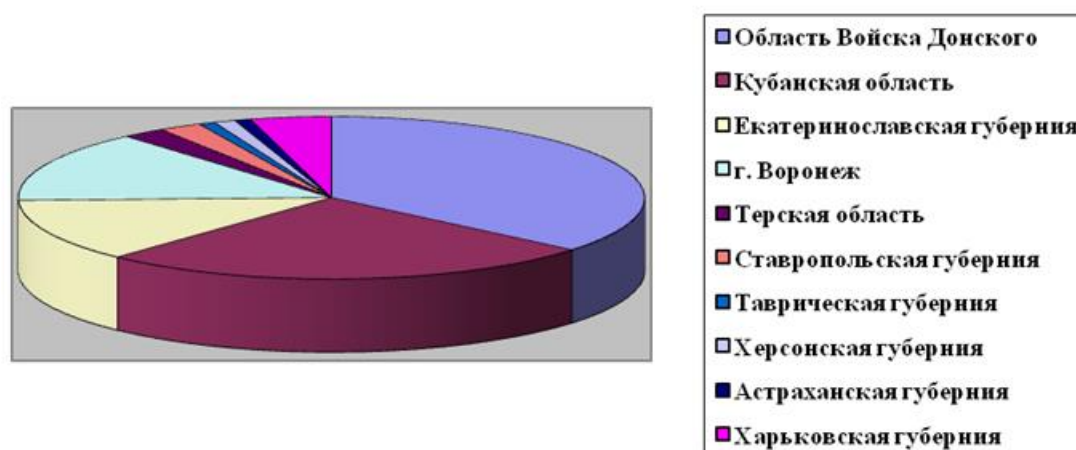

Рис. 3. Направления отхожих промыслов Центрального Черноземья во второй половине XIX века

Из Рисунок 3 видно, что практически 2/3 от общего числа действующих направлений отхода составляли районы Области войска Донского и Кубанская область.

Постепенно появлялись новые направления, одним из которых в конце XIX века стало движение крестьян в Центральный промышленный район. Так, согласно архивным документам, жители Тамбовской и Орловской губерний устремлялись в г. Коломну на резку торфа или на цементный завод. Высокие темпы подобного отхода регистрировались в Темниковском уезде Тамбовской губернии (ГАТО. Ф. 26. Оп. 3. Д. 783-а. Л. 57). В Орловской губернии на работу в центральные губернии отправлялись жители Волховского, Брянского, Дмитровского, Карачевского, Кромского, Мценского, Севского и Трубчевского уездов (ГАОО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 442. Л. 2, 7).

Следующим новым направлениям являлись западные губернии России. Кроме того, отходники Центрального Черноземья регистрировались в качестве наемной рабочей силы на Бакинских нефтепромыслах и на Дальнем Востоке.

Вторая черта отхожих промыслов производственной направленности связана с наличием артельных объединений, представленных самостоятельными и братскими объединениями. Это были достаточно крупные организации от 12 до 18 человек. В зимний период преимущественное развитие подобные артели получали у шахтеров и промышленных чернорабочих, летом чаще всего объединялись строители.

На территории Центрального Черноземья отхожие промыслы производственной направленности имели большое значение для социально-экономического развития России в целом. Прежде всего они оказывали воздействие на утверждение капиталистической экономики, обеспечивая российскую промышленность и сельское хозяйство сезонной рабочей силой из числа мелких товаропроизводителей. Отходники составляли определенную часть кадров постоянных наемных работников различных казенных и частных предприятий.

Кроме того, отхожие промыслы влияли на развитие кустарного и земледельческого хозяйства крестьян. Отхожепромысловая деятельность позволяла иметь определенный доход, хотя и незначительный в сравнении с поступлениями от местных кустарных промыслов. По авторским расчетам в пределах губернии доход от работы за пределами дома был ниже, чем от занятия местными промысловыми работами в 2,5 раза. При этом средний заработок отходников на территории Центрального Черноземья варьировался от 13 до 30 %. Самые низкие показатели дохода

отходников регистрировались в Тамбовской губернии, составляя 13,5 %. Максимальный доход имели жители Орловской губернии. Здесь заработок крестьян, занимающихся отхожими промыслами, доходил до 29 %. Расчеты производились в зависимости от показателей занятости крестьян промысловыми работами за пределами дома ([Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии, 1903](#)).

При этом удельный вес заработка отходников в губерниях Центрального Черноземья тоже различался. Об этом свидетельствует [Таблица 1](#), составленная на основе анализа сведений Департамента окладных сборов относительно благосостояния сельского населения среднестатистических губерний.

Таблица 1. Удельный вес заработка отходников Центрального Черноземья в конце XIX века от общего дохода промысловой деятельности

Губернии	Занятость отхожими промыслами, чел.	Доход, руб.	Удельный вес заработка, %
Курская	124 031	3 498	2,8
Орловская	112 756	4 510	3,9
Воронежская	85 740	3 155	3,7
Тамбовская	74 800	2 498	3,3

Анализируя данные таблицы, можно заключить, что показатели удельного веса заработков крестьян, занимавшихся отхожими промыслами были низкими в пределах всего региона, составляя в среднем 3-4 %. Однако важно отметить, что они не принципиально различались с показателями заработка, получаемого от занятости местными кустарными промыслами. Было выявлено, что среднестатистические показатели удельного веса дохода от местных кустарных промыслов на территории Центрального Черноземья были равны 5-6 %. Их погубернское распределение и результаты сравнительного анализа данного показателя представлены в [Таблице 2](#) ([Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии, 1903](#)).

Таблица 2. Сравнительная характеристика удельного веса заработка отходников и кустарей Центрального Черноземья в конце XIX века

Губернии	Удельный вес заработка кустарей, %	Удельный вес заработка отходников, %
Курская	4,4	2,8
Орловская	4,9	3,9
Воронежская	5,4	3,7
Тамбовская	5,6	3,3

Таким образом, данные таблицы подтверждают незначительный приоритет показателей удельного веса заработка кустарей над показателями удельного веса заработка отходников. Причем практически совпадают значения погубернского распределения в пределах всего региона.

Однако, несмотря на низкие показатели удельного веса заработков отходников, их значение было весомым. Прежде всего оно заключалось в наличии у крестьян дополнительной материальной возможности для оказания поддержки личному хозяйству.

Признавая роль отхожих промыслов в развитии земледельческого и промыслового хозяйства, важно отметить противоречивый характер воздействия отхода на развитие крестьянского хозяйства в целом. На территории Центрального Черноземья прослеживалось как положительное, так и отрицательное воздействие.

Положительное влияние обуславливалось расширением возможностей отходников для повышения уровня грамотности. Посещая новые места, крестьяне знакомились с людьми, обогащали свой жизненный опыт, расширяли кругозор и осознавали необходимость обучения своих детей. Связь грамотности и отхода можно подтвердить данными губернских и уездных земств. Например, согласно сведениям местных земств, в Курской губернии в середине 1880-х годов процент грамотности среди отходников в два раза превосходил показатели грамотности среди кустарей ([Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян, 1885](#)).

Отрицательное воздействие обуславливалось отсутствием дома главы семейства в течение длительного времени. В итоге крестьянское хозяйство постепенно разрушалось, а семьи зачастую распадались. Ситуация осложнялась, когда глава семьи был единственным мужчиной трудоспособного возраста, а сроки выполнения отхожепромысловых работ совпадали с обработкой земельного хозяйства. К тому же вдали от дома, жены и детей мужчины иногда оказывались под

негативным моральным воздействием. Они приобретали вредные привычки и отдельные элементы псевдокультуры.

5. Заключение

В ходе капитализации экономики на территории Центрального Черноземья значительное распространение получили отхожие промыслы сельскохозяйственной и производственной направленности, своеобразие которых определялось аграрной спецификой региона. Масштабы их распространения и показатели соотношения видов находились в постоянной динамике.

В пореформенный период активизировался промышленный отход, который подразделялся на пять групп. Среди них основным был неземледельческий отход, представленный различными видами промысловых и поденных работ. Представители промышленного отхода составляли своеобразный рынок наемной рабочей силы для обслуживания производственного процесса казенных и частных предприятий, сельского хозяйства и строительства.

Промыслы производственной направленности в отличие от отхожих сельскохозяйственных промыслов характеризовались расширением географии передвижения отходников и формированием артельных объединений. В совокупности они оказывали комплексное воздействие на хозяйство и условия жизни населения региона. С одной стороны, доход от отхожих промыслов позволял поддерживать земледельческое или кустарное хозяйство, повышался уровень грамотности отходников, а с другой – отход обуславливал отрыв рабочей силы от личного хозяйства и семьи, что сокращало качество обслуживания хозяйства и снижало авторитет главы семьи, ухудшая семейные отношения.

Литература

- ГАКО – Государственный архив Курской губернии.
 ГАОО – Государственный архив Орловской губернии.
 ГАТО – Государственный архив Тамбовской губернии.
 Календарь и памятная книжка Курской губернии, 1889 – Календарь и памятная книжка Курской губернии на 1890 год. Курск: Типография Курского губернского правления, 1889. 416 с.
 Курская губерния, 1887 – Курская губерния. Итоги статистических исследований. Курск: Типография губернского земства, 1887. 472 с.
 Курцев, 2007 – Курцев А.Н. Ротационный характер отходничества крестьян России на рубеже XIX–XX вв. // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2007. Т. 4. №8. С. 93-97.
 Курцев, 2012 – Курцев А.Н. Переселенчество и отходничество Центрально-Черноземных губерний в 1861–1917 гг. // *Вестник РГГУ*. 2012. №4. С. 44-53.
 Ловцова, 2014 – Ловцова, М.С. Неземледельческие отхожие промыслы крестьянства Темниковского и Моршанского уездов Тамбовской губернии в последней четверти XIX в. // *Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки*. 2014. Вып. 1(129). С. 130-135.
 Ловцова, 2015 – Ловцова М.С. Промыслы крестьянства аграрного региона в ракурсе социального развития (Тамбовская губерния 1870–1908 гг. // *Вестник ТГУ*. 2015. Т. 20. Вып. 10. С. 105-113.
 Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии, 1903 – Материалы высочайше утвержденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. III часть. Разработано Департаментом окладных сборов. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1903. 225 с.
 О значении отхожего и кустарного промыслов, 1888 – О значении отхожего и кустарного промыслов как подспорья к земледелию в Курской губернии по сведениям за 1888 г. Курск: Б. и., 1888. 7 с.
 Отхожие промыслы, 1914 – Отхожие промыслы. Переселенческое и богомольческое движение в Воронежской губернии в 1911 г. Воронеж: Типо-литография товарищества «Н. Кравцов и компания», 1914. 304 с.
 Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян, 1885 – Промыслы и внеземледельческие занятия крестьян Центрального района Курской губернии. Курск: Б. и., 1885. 225 с.
 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1890а – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии в 24 т. Т. 14. Краткий свод данных о крестьянском населении и хозяйстве по всей губернии. Тамбов: Издательство Тамбовского губернского земства, 1890. 244 с.
 Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии, 1890б – Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т. XIV. Краткий свод данных о крестьянском населении, землевладении и хозяйстве по всей губернии. Тамбов: Издательство Тамбовского губернского земства, 1890. 244 с.
 Сведения об отходнических промыслах, 1899 – Сведения об отходнических промыслах в Воронежской губернии за 1898 год. Воронеж, 1899. 98 с.

[Свод данных о числе кустарей, 1913](#) – Свод данных о числе кустарей и ремесленников в волостях и уездах Орловской губернии по отдельным производствам в 1913 г. Орел: Типография С.А. Зайцевой, 1913. 381 с.

[Dushkova, Grigorova, 2018](#) – *Dushkova N.A., Grigorova V.A., Perepelitsyn A.V.* Historical Experience of Government Management of the Business Industry of Central Black Earth (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries) // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. pp. 319-327.

[Moon, 1999](#) – *Moon D.* The Russian peasantry 1600-1930 years. N.Y., 1999. 396 p.

[Walras, 1988](#) – *Walras Hebert Claude Leon.* Associations populaires cooperatives // *Revue d'economie politique*. 1988. Vol. 98 (№ 2). 252 p.

References

[Dushkova, Grigorova, 2018](#) – *Dushkova N.A., Grigorova V.A., Perepelitsyn A.V.* (2018). Historical Experience of Government Management of the Business Industry of Central Black Earth (the second half of the XIX – beginning of the XX centuries). *Bylye Gody*, Vol. 47, Is. 1. pp. 319-327.

[GAKO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Kurskoj gubernii [State Archives of the Kursk Region].

[GAOO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Orlovskoj gubernii [State Archives of the Oryol Region].

[GATO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Tambovskoj gubernii [State Archives of the Tambov Region].

[Kalendar' i pamyatnaya knizhka Kurskoj gubernii, 1889](#) – Kalendar' i pamyatnaya knizhka Kurskoj gubernii na 1890 god. [Calendar and a memorial book of the Kursk province in 1890]. Kursk, 1889. [in Russian]

[Kurcev, 2007](#) – *Kurcev A.N.* (2007). Rotacionnyj harakter othodnichestva krest'yan Rossii na rubezhe XIX-XX vv. [Rotational nature of otkhodnichestvo peasants of Russia at the turn of the XIX – XX centuries]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, T. 4, № 8. pp. 93-97. [in Russian]

[Kurcev, 2012](#) – *Kurcev A.N.* (2012). Pereselenchestvo i othodnichestvo Central'no-Chernozemnyh gubernij v 1861-1917 gg. [The resettlement and migrant labor of the Central Black Earth provinces in 1861–1917]. *Vestnik RGGU*, №4. pp. 44-53. [in Russian]

[Kurskaya guberniya, 1887](#) – Kurskaya guberniya. Itogi statisticheskikh issledovanij [Kursk Province. Results of statistical studies]. Kursk: Tipografiya gubernskogo zemstva. 1887. 472 p. [in Russian]

[Lovcova, 2014](#) – *Lovcova M.S.* (2014). Nezemel'del'cheskie othozhie promysly krest'yanstva Temnikovskogo i Morshanskogo uezdov Tambovskoj gubernii v poslednej chetverti XIX v. [Non-agricultural out-keeping trades of the peasantry of Temnikovskoy and Morshansk counties in the Tambov province in the last quarter of the 19th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki*, № 1(129). pp. 130-135. [in Russian]

[Lovcova, 2015](#) – *Lovcova M.S.* (2015). Promysly krest'yanstva agrarnogo regiona v rakurse social'nogo razvitiya (Tambovskaya guberniya 1870-1908 gg.). [Crafts of the peasantry of the agrarian region from the perspective of social development (Tambov province 1870-1908)]. *Vestnik TGU*, T. 20, № 10. pp. 105-113. [in Russian]

[Materialy vysochajshe utverzhdennoj 16 noyabrya 1901 g. komissii, 1903](#) – Materialy vysochajshe utverzhdennoj 16 noyabrya 1901 g. komissii po issledovaniyu voprosa o dvizhenii s 1861 po 1900 g. blagosostoyaniya sel'skogo naseleniya srednezemel'del'cheskikh gubernij sravnitel'no s drugimi mestnostyami Evropejskoj Rossii. [Materials of the highest commission approved on November 16, 1901 for the study of the question of the movement from 1861 to 1900 of the well-being of the rural population of the central agricultural provinces in comparison with other localities of European Russia]. SPb., 1903. [in Russian]

[Moon, 1999](#) – *Moon D.* (1999). The Russian peasantry 1600-1930 years. N.Y. 396 p.

[O znachenii othozhego i kustarnogo promyslov, 1888](#) – O znachenii othozhego i kustarnogo promyslov kak podspor'ya k zemledeliyu v Kurskoj gubernii po svedeniyam za 1888 g. [On the significance of outgoing and handicrafts as an aid to agriculture in the Kursk gubernia according to information from 1888]. Kursk, 1888. [in Russian]

[Othozhie promysly, 1914](#) – Othozhie promysly. Pereselencheskoe i bogomol'cheskoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii v 1911 g. [Departure trades. The resettlement and pilgrimage movement in the Voronezh province in 1911]. Voronezh, 1914. [in Russian]

[Promysly i vnezemel'del'cheskie zanyatiya krest'yan, 1885](#) – Promysly i vnezemel'del'cheskie zanyatiya krest'yan Central'nogo rajona Kurskoj gubernii [Crafts and extraterrestrial occupations of peasants of the Central District of the Kursk Province]. Kursk, 1885. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii, 1890a](#) – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii v 24 t. [Collection of statistical information on the Tambov province in 24 tons]. Tambov, 1890. [in Russian]

[Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii, 1890b](#) – Sbornik statisticheskikh svedenij po Tambovskoj gubernii [Collection of statistical information on the Tambov province. T. XIV. A brief collection of data on the peasant population, land tenure and farming throughout the province]. Tambov, 1890. [in Russian]

[Svedeniya ob othodnicheskikh promyslah, 1899](#) – Svedeniya ob othodnicheskikh promyslah v Voronezhskoj gubernii za 1898 god. [Information on waste management in the Voronezh province for 1898]. Voronezh, 1899. [in Russian]

[Svod dannyh o chisle kustarej, 1913](#) – Svod dannyh o chisle kustarej i remeslennikov v volostyah i uездah Orlovskoj gubernii po otdel'nym proizvodstvam v 1913 g. [Data Sheet on the Number of Craftsmen and Artisans in the Volosts and Counties of the Oryol Province for Individual Productions in 1913]. Orel, 1913. [in Russian]

[Walras, 1988](#) – *Walras H.C.L.* (1988). Associacii narodnyh kooperativov [Associations populaires cooperatives]. *Revue d'économie politique*, 98 (№ 2). [in French]

Роль отхожих кустарных промыслов в капитализации экономики Центрального Черноземья во 2-й половине XIX века

Наталья Александровна Душкова ^a, Александр Викторович Перепелицын ^b,
Виктория Александровна Григорова ^{c, *}

^a Воронежский государственный технический университет, Российская Федерация

^b Воронежский государственный педагогический университет, Российская Федерация

^c Воронежский институт МВД России, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируется история развития отхожих кустарных промыслов на территории Центрального Черноземья во второй половине XIX века. На основе неопубликованного материала авторы выявили нестабильные темпы и масштабы развития отхожей промысловой деятельности, динамику соотношения сельскохозяйственного и промышленного видов отхода, а также своеобразие удаленной работы Центрального Черноземья, обусловленное региональными особенностями края.

Авторы доказали существенную роль отхожих промыслов в капитализации экономики региона, которые оказывали комплексное воздействие на развитие промышленности, сельского хозяйства, строительства, производство товаров широкого потребления, развитие крестьянского хозяйства, уровень материального благосостояния отходников.

Противоречивым характером отличалось воздействие отхода на крестьянское хозяйство. Позитивное проявление заключалось в возможности получения дополнительного дохода вдали от дома. Прибыль была небольшой, но она являлась вспомогательным средством поддержания земледельческого или промыслового хозяйства на среднем уровне. Положительное влияние заключалось и в повышении уровня общего и профессионального образования мелких товаропроизводителей-отходников, в расширении их кругозора и общей культурной грамотности.

Негативное – в последствиях отсутствия дома главы семейства в течение длительного промежутка времени. Во-первых, ухудшались семейные отношения, снижался его авторитет. Иногда разлады между супругами приводили к расставаниям, что косвенно, но влияло и на демографические показатели в целом. Длительная отлучка не благоприятствовала и надлежащему поддержанию крестьянского хозяйства, так как жена и дети не всегда могли справиться с тяжелым физическим трудом.

Ключевые слова: отхожие кустарные промыслы, Центральное Черноземье, отходники, кустари, капитализация экономики, пореформенный период, рынок наемной рабочей силы, сельскохозяйственный отход, промышленный отход.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: grigorovava@rambler.ru (В.А. Григорова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 695-701. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.695
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Problem of Nihilism in the Conservative-Democratic Discourse of the 1860s – 1890s

Aleksandr E. Kotov ^{a, *}

^a Saint Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The Slavophiles and the Pochvenniki considered the society to be the main agent of nation-building – the reason why we refer to them as Conservative Democrats. Their ideologies were based on anti-aristocratic stance, a strive towards forming the national identity on the foundation of a peculiarly understood Orthodox spirituality. The main targets of criticism by Slavophile advocates were ‘aristocratic opposition’ and ‘revolutionary conservatism’: the forms of conservative politics and ideology that provoked revolutionary upheavals and were thus their root cause. Left radicalism was considered by the Slavophiles as a variety of ‘tyranny of theory over life’. Not recognizing in it any positive content, the Slavophiles considered it a symptom of a disease afflicting the national organism. The unfinished cycle by K.K. Tolstoy printed in Aksakov’s *Rus’* ushered in a number of publications on the issues of Nihilism by N.N. Gilyarov-Platonov and N.Ya. Danilevsky. Gilyarov-Platonov’s considerations were further developed by his nephew, F.A. Gilyarov. However, his book “The Fifteen Years of Sedition” contained harsh attacks on the authorities and “Katkov’s school”. The numerous works of N.N. Strakhov were the most serious philosophical study of Nihilism. In the course of time, the revolutionary ideology changed. ‘Pure’ Nihilism was receding into the past in the 1870s; the Narodniki and the Marxists considered themselves to be the promoters of a positive agenda. But Conservatives did not recognize this positive element – and, arguing with the Marxists, continued to use the polemic repertoire of the old anti-nihilist discourse. At the same time, there was no single approach to Marxism in Conservative circles. Thus, for Ilovaisky it was a phenomenon alien to Russia. For Sharapov, on the contrary, it was a product of Russian life.

Keywords: Slavophilism, Conservatism, Nihilism, revolution, Narodniki, autocracy, Marxism.

1. Introduction

The Slavophilism began in the aristocratic salons of Moscow. However, towards the turn of the 1860s, as it was gradually transforming from a trend in philosophy into a political ideology, it was becoming increasingly popular among various groups inside the educated class, including civil servants. A symptom of this transformation was the Pochvennichestvo movement of the 1860s commonly associated with the publications of F.M. Dostoevsky. I.S. Aksakov’s response to it was one of great skepticism: “The people of St. Petersburg are aping, they are mocking the Russians by wearing Russian zipuns and okhabens!” (Aksakov, 1891: 72). And yet, the differences between the Den’ and the Vremya appear to have been generally those in style. This is why in this paper both the Slavophilism and the Pochvennichestvo are viewed as two varieties of the same ideology, the distinctive features of the latter being the protest against social categories and the enthusiasm to make its own interpretation of Orthodox spirituality the foundation for the national identity.

* Corresponding author

E-mail addresses: a.kotov@spbu.ru (A.E. Kotov)

2. Materials and methods

Methodologically, the paper uses the historical and objective approach, employing historical and political description. In terms of sources, special attention is given to the debates in the press: the *Den*, the *Rus*, the *Sovremennye Izvestiya*, and other newspapers.

The Slavophilism is viewed as a form of post-reform Russian nationalism. As they considered the society to be the main agent of nation-building, the Slavophiles and the Pochvenniki stood in as Conservative Democrats of some sort. Despite all their resentment of revolutionary changes (Badalyan, 2018), the Slavophiles' criticism was aimed at the 'aristocratic opposition' (Kotov, 2017a) and 'revolutionary conservatism', i.e. the forms of conservative policy and ideology that led to revolutionary upheavals, and thus were their root cause.

3. Discussion

In the well-known brochure against R.A. Faddeev, Yu.F. Samarin put forward a universal definition of this phenomenon: "a formally correct syllogism turned into a battering ram against the breathing life" (Samarin, Dmitriev, 1875: 10). That "the tyranny of theory over life is the worst kind of tyranny" was also pointed out by I.S. Aksakov in 1865. His editorials portrayed the French Revolution as "...an orgy of theory feasting on the ruins of creation, of the living, a mayhem of tyranny of abstract and conceited rationality of certain individuals, which sacrificed the national consciousness and morals for the theoretical understanding of the national ideal and gave up the real, non-political, true freedom of living, the idea of the people, and the very people of France – gave it all up for a theoretical interpretation of liberty" (*The Den*. 1865. № 5). Of no less concern for I.S. Aksakov was the state system established after the Revolution: "...there is no tyranny more painful and brutal than the kind put forth by a 'theory of liberty' armed with the government's sword and crowned with the Jacobin cap or aristocratic helmet. Nothing in this world is more dangerous than a theory with such *insignia regia*, a theory that has the support of the authorities and enjoys every opportunity to tear life apart according to its own speculative idea of the public welfare, to knead it like dough, to mold it like plaster and make figurines to suit its own taste. And as we said before, this danger is the more profound, the less rebuff it faces from life itself in the consciousness of the society or the people" (*The Den*. 1865. № 6).

While speaking about the West, I.S. Aksakov also referred to the Westernism, i.e. St. Petersburg, particularly in pointing out "the dangers of theory coming together with bureaucracy, especially where life is silent, where the society is inactive and powerless, and where to the civil servants in their 'beautiful faraway' the very people appear to be some kind of a *tabula rasa*, a plastic, flexible material, capable to assimilate all the well-meant if forced impositions" (*The Den*. 1865. № 6). The roots of these attitudes were seen by I.S. Aksakov, as well as other Slavophiles, in the reforms of Peter I: "Nihilism is a natural, rightful, historical result of the negative stance adopted by the Russian thought and Russian art after Peter. Going back in time, the beginning of our 'literature' (in the narrow sense) was satire! This negation must eventually come to negate itself. That is the process of our social consciousness and the historical justification of nihilism. In particular, it indicates protest, unjust at times yet beneficial, because it does not allow coming to terms with many a lie and vulgarity on the one hand, and on the other, through its attacks on the truth, it encourages the adherents of the truth to be more prudent, rigorous and critical in verifying and defending it". (*The Den*. 1864. №31).

Seen through this lens, nihilism was not the main concern: it appeared secondary not to the 'Polish issue', but to the 'partition wall of bureaucracy' that was decomposing the body of the nation. Revolutionary and socialist theories "... appeal to senses rather than mind, they are a matter of taste more than a sincere, profound conviction [...] One thing leaves no doubt: the starting point for all is a deep *historical* feeling of dissatisfaction or the historically formed *negative* attitude towards Russian life". Aksakov accused revolutionaries of unwillingness to study Russian life: "The present appears to me [i.e. a revolutionary – A.K.] as malign, but what exactly is malign and how it could be improved – I neither know nor wish to trouble my brain with finding the answers; it is best to destroy it all, to start a commotion, and come what may!" Such is the logic of our 'terrorists', the people [...] of the weakest rationale but of firm spirit, who have embraced the relatively easiest and most tempting choice – easy for requiring no intellectual effort, exploration or research (the only thing necessary is to silence the conscience), and at the same time tempting, like a bold and daring adventure, like an opportunity to become a secret political power competing with mighty states". Further on, the destructive stance dialectically transformed into a 'despotic' theory: "What in Western Europe has a solid historical foundation and is a true, acute pain in the social body, when adapted to our lifestyle and manners, loses its viability and turns into either a speculative doctrine or sheer nonsense: neither a Russian peasant, nor a labourer can possibly be grieved over with Western grief!.." (*The Rus*. 1882. №41).

From all this Aksakov concluded: "Nihilism, with all the other *isms* attached to it, is utter rubbish as a positive *teaching*, but as a *phenomenon* it is very important: it is a symptom of a profound historical disease, a genuine sign that something somewhere is unwell, and seriously unwell". However, all that he could suggest to the 'government' in his article was "to study the social phenomenon, to diagnose the disease, rather than outright deny it or exacerbate it with the external, superficial measures." (*The Rus*. 1882. №41).

In April 1881 Aksakov added: "The Russian people were not yet free, but only being freed, and it was by the Socialists that the task of setting the people free was hindered". For the Socialists, "dictatorship,

violence, and fraud” were means to an end, the end being “to become the government” themselves. This goal was regarded by the Slavophiles as corrupt. Yet, according to Aksakov, the problem was “not Socialism as a teaching or a utopia”, the problem was “*Nihilism*. And Nihilism is the epitome of negation, the negation of soul, of absolute truth, of any virtue or moral obligation, – it is a ruthlessly consistent materialism”. Now the editor of the *Rus'* urged not the authorities, but the youth: “...you can, if you please, remain engulfed by utopias, unhealthy as it may be, but do rid your Socialist dreams and ideals of any notion of *violence*. When speaking about freedom, do not lean to the idea that tyranny or despotism are the means, supposedly essential, at least temporarily, to carry out the Socialist *experimenta in anima vili*” (*The Rus'*. 1881. №24).

Both for Katkov and the Slavophiles Nihilism was closely intertwined with the issues of education. In 1884, taking part in the discussion of the recently adopted “retrograde” University Statute, I.S. Aksakov wrote that the chief problem of the Russian society was the “intellectual proletariat” of a sort, which in Russia was “not an abundance of educated and gifted people lacking opportunity to win their bread with their expertise and talent, but an excessive number of _cultured mediocrities_ with but superficial knowledge, uprooted by schooling from their natural milieu, who have floated off one bank but have not reached the other, unfit for any good work, – in short, *nowhere-men, good-for-nothing-men*”. Of course, universities were among the suppliers of this ‘proletariat’, but Aksakov saw the underlying cause not in the fact of there being or not being a formal autonomy of universities, but in the artificial, borrowed character of Russian education: “Where the system of education developed freely and naturally as a result of public life itself, the treatment of illnesses provoked by the system also happens naturally through the course of life, in a close tie with the very process of social development. In stark contrast are the countries where education is exclusively imposed by the government through artificial measures [...] to serve the government’s needs” (*The Rus'*. 1884. №16).

This explains why the issue of universities’ autonomy was not seen by Aksakov as one of great significance. According to him, to solve the problem it was necessary to separate higher education from the “daily bread in its literal sense” and to provide the graduates of non-classical secondary schools and engineering schools with enough opportunity for respectable employment: “Give them a prospect for a career and income outside the classics and universities, relieving the latter of their privileges and power, – only then will it be possible for serious education and research to take root” (*The Rus'*. 1884. №16).

Of course, this measure was not viewed as a universal remedy. The editor of the *Rus'* believed that “fighting the trend that prevails among our ‘educated class’ probably requires tools and techniques very different from those normally used by the representatives of the other trend, – i.e. clearly not to mention the methods of intimidation, which are of no use and only encourage obstinacy and resistance for the sake of ‘honour’ and some kind of ‘heroism’, and not to mention suppressing and silencing the other party, which would only exacerbate the problem by sweeping it under the rug”. So, in the same issue of the *Rus'* Aksakov starts publishing the “Essays on the Dominant Worldview”, an unfinished cycle by K.K. Tolstoy. Their author, who had previously been keen on ‘modern’ ideas but then became disappointed in the ‘liberal catechism’, put his primary task as follows: “To undermine the belief in the points that are thought to be beyond dispute (the external equality, liberty, the arithmetic morals according to which harm done to one person is compensated by the good done to two, etc.), to help the people liberate themselves from the tangle of concepts in which I was trapped all my life” (*The Rus'*. 1884. №16).

The text stood out against the typical pages of the *Rus'* in terms of both content and style, but the editor justified the presence of the leftist discourse by the necessity “in a free dispute with the adherents of this trend ... using *their* language, to learn *their* argument (mostly unknown to those who hold different views) and with *this argument* to beat this trend”. An additional justification was illustrated by the quote from Yu.F. Samarin: “materialism is the acid to brighten the faded face of the Orthodox Christianity” (*The Rus'*. 1884. №16).

K.K. Tolstoy’s antithesis to the ‘spiritless’ modernity was the second half of the 1850s: “We, the people of the 1960s, [...] were there to see the end of serfdom in Russia and could see both the oppressors and the oppressed. And, strange as it might seem, however hard the outer life of the latter was, their inner life was happier and more complete. Everyone’s life was easier then. The people believed, hoped, loved, and trusted each other much more than they do today. Gloomy despair or irredeemable apathy were hardly ever to be met with. The feebleness of exhaustion and the disinterest in life, which are so common today, did not exist.” Compared with this idyll, the present day looked bleak: “It is different now. We do not believe in the truth. Or better say, we cannot tell a lie from the truth, we have lost our instinct for good and evil. A predator today has every opportunity to justify before himself and others *anything* he does, even the most villainous things.” As an example Tolstoy refers to the “famous defense speeches in court, which argued that the defendant *could not* steal or kill because of his *upbringing*, his *manners*, because of his *being accustomed to a high standard of living*, as well as speculations about insanity, about the ‘environment’, about the end justifying the means, etc.” (*The Rus'*. 1884. №16).

According to Tolstoy, the popularity of the ‘negative’ ideas among his generation resulted from the crisis of the Christian social values corrupted by the ‘camphor oil’ of “the likes of Porfiry ‘Little Judas’ Golovlyov”. It was as a response to the profanation of Christianity that the new all-despising hero came into being – “he worshipped only the so called *energy* and himself as its primary vessel”. The core of his

worldview was the negation of Supreme Reason: “The Universe contains nothing more than matter and power. Man is a machine, which loses its capacity to do any work when destroyed. The purpose of life is happiness. Happiness for man is the free exercise of talents and the maximum satisfaction of all his needs... People create societies for the sake of material convenience and mutual benefit. All members of society are equal and are of equal value for the community, and thus the only moral criterion is arithmetic: the benefit of the majority is the absolute good, while the benefit of a minority is the absolute evil. To keep up this kind of mathematical justice is the main purpose of the society. To fulfill its purpose, the society must act like a machine: an individual must have no impact on public matters... Children’s upbringing must be an entirely public task, while the society has to create a carefully designed system for manufacturing human personalities to match a unified top-of-the-line template.” Tolstoy believed that this simplistic philosophy was shared by “all our social groups known as ‘the Liberals’, ‘the Socialists’, ‘the Nihilists’, ‘the Red’, ‘the Westerners’, ‘the Democrats’, ‘the Radicals’, ‘the New People’ and the rest, in short – all the educated class except ‘the Slavophiles’ and ‘the Conservatives’ together with those who have not raised their voice yet” ([The Rus’. 1884. №16](#)).

The adherents of the new trend were initially the ‘idealists of materialism’, but at its later stage Tolstoy observes a rapid profanation of the ideals: “The teaching quickly gained popularity and spread from the studies, home offices and libraries of the educated class to the hallways and entry rooms. The worship of the material was particularly suitable for all sorts of thieves and scoundrels [...] From the same teaching stem our contemporary morals and manners: the apathy and feebleness of the honest, the bravery and arrogance of the scoundrels, the rampage of bestial desires, – in a word, the *pornification* of the Russian society.” ([The Rus’. 1884. №16](#)). According to Tolstoy, the “incredible swiftness” “with which our new ideals became vulgar” was caused by egalitarianism: “Strictly speaking, the absence of true equality among people is so obvious that it would not be worth discussing. [...] But the encyclopaedists of the 18th century and the Great French Revolution with its ‘human rights’ promoted the idea that individual differences between people are an artificial product, and as such can be easily eliminated and are to be eliminated for the sake of the ‘common good’. This idea [...] is now considered a gospel truth and has become the central tenet of the liberal creed.” After emphasizing the innate differences between people K.K. Tolstoy finally states: “True equality of people has never existed, it does not exist now and never will” ([The Rus’. 1884. №18](#)).

The author was planning to move on to the analysis of the ‘liberal’ idea of equality before the law, but his first two essays were responded to by an article by N.Ya. Danilevsky and then another one by N.P. Gilyarov-Platonov, after which the publishing of Tolstoy’s pamphlet was suspended.

Unlike K.K. Tolstoy, N.Ya. Danilevsky argued that the problem of Nihilism was not in “being made foul and vulgar [...] by the likes of Little Judas or Tartuffe”, nor in the fact of “the new ideals of Nihilist ethics being made foul and vulgar by the likes of Yuhantsov and his fellows”. In fact, by Nihilism Danilevsky referred “not to a general materialist trend that believes its foundation to rest in the area of pure reasoning [...] but to the very Nihilist materialism, which from its first day stepped right into the moral realm and is thus rooted in it”. This is why the ‘Little Judases of Nihilism’ do not exactly make the nihilist ideals ‘vulgar’: “On the contrary, these practical nihilists were the only adherents of the new teaching to have a complete logical understanding of it, they were the only ones who proved consistent and faithful to its ethos.” Danilevsky suggested that the new Nihilist ethics should be labelled “the ethics of subjective eudemonism, i.e. a teaching, according to which only a personally experienced happiness can be claimed to matter; the happiness of other creatures must appear as delusion, fantasy, or hallucination, which no clever and consistent follower of the teaching would possibly need or even pay any attention to” ([The Rus’. 1884. №22](#)).

Reflecting on the sources of this world-view, the author of the theory of historical-cultural types rejected any connection with either serfdom or the “Polish issue”, or with the problems in education: “So, I declare that neither the classics, nor any other pedagogical method can prevent the start, development or expansion of materialism or nihilism, or any false teaching. Likewise, an opposing approach cannot bring them forth, unless, of course, it is directly aimed at propagating them among the studying youth.” According to Danilevsky, nihilism was not a product of “individual vices” and could not be cured through their correction: “From each occasion of such treatment we can expect but individual changes, which, due to the general connection between all the processes in the life of the people and the state, can produce minor results in other areas of public life, yet still remain but individual improvements. They cannot be a universal remedy that could promise us every imaginable good and the cure of every imaginable vice, because nihilism is a symptom of a general malaise in society” ([The Rus’. 1884. №22](#)). The cause of this malaise was seen by Danilevsky in the character of Western civilization, which the Russian society made borrowings from: the abuse and crime in the Catholic church, and the vices of feudalism, the fight against which led to “absolutely the same results, i.e. to the industrial feudalism replacing the old feudalism of landed aristocracy” ([The Rus’. 1884. №23](#)).

At the same time, while negating Western vice, Western Nihilism fought against the “actual facts of Western life”; however, its Russian variety, in the absence of such facts on Russian soil, turned malign: “Precisely when the hopes of the people were coming true, when the nation’s political ideal was fulfilling itself in a most brilliant and unprecedented manner, – precisely then Nihilism was coming into being, i.e. there was arising a negation, including and even chiefly, the negation of this very ideal. What could serve better

evidence that our Nihilism is an imitation, that it lacks originality and authenticity, that it has no solid foundation? Is it not apparent now that it did not have Russian life as its birth place?" But whereas in the West the proliferation of Nihilism was hampered by the rich material and cultural heritage, in Russia "the Westernism, which deliberately promoted imitation, did not have a capable opponent. The only opposition was represented by state-owned periodicals, whose scarcity of talent, nauseating servility, and false and sugary tone only facilitated the Westerners' cause by setting the latter off against its own unfavourable background" (*The Rus'*. 1884. №23).

Overflowing with keen notions was the article of another Slavophile – N.P. Gilyarov-Platonov. Although he disagreed with Aksakov, who accused the Nihilists of speculative theorizing, he did so in letter, but not in spirit: "Theoretic Nihilism does not exist. Whatever is said to be such is in fact a borrowed sophistication, an assemblage of ready-made ideas, a half-baked compilation of scraps and fragments from German, French, and English books, which, to make things worse, belong to different schools [...] Not a grain of inspiration or creativity; no sign of reflection; the intent is resentful". However, the nature of this intent was that of a response, if not to say of reaction: "Nihilism is the resentment of the Russian soul. Resentment against what? Against social system as a whole, against social order, against the form, to say the least [...] That is the beginning of Nihilism. Only the blind were unable to see how it grew. Callousness, hypocrisy, the hegemony of form, and a public and administrative mayhem, - that is what gave it life. So where can the fair resentment be channeled? Where can the perplexed mind find peace? What forms and food for thought are there for it? In other words, where is science and where is proper freedom?" (*The Rus'*. 1884. №24).

Gilyarov-Platonov's ideas were further developed by his nephew F.A. Gilyarov. His satirical articles which were published in his uncle's *Sovremennye Izvestiya* were later included in the book "The Fifteen Years of Sedition" – seemingly well-intentioned on the surface, it contained even harsher criticism of Katkov's school. Some of the latter's representatives, according to the author, "did not attempt to reveal the causes of sedition, nor investigated the criminal facts, but began, even in the press, enquiries into the innocent, beneficial and even glorious reforms of the previous reign. Everything was condemned: school, local government, courts, literature, periodicals, the entire society" (*Gilyarov, 1883: II*).

The authorities were criticized by Gilyarov Jr. too. Initially, he argued, "the pro-government party" was more of an illusion, but "there were indiscriminate arrests, the boiling foam of political processes was raised, and eventually it was declared necessary to arrange as though a raid of the learning generation for reading and circulating the most worthless works of the concealed literature, which is invariably nothing but a venomous aftermath of suppressing open public communication." The process of the 193 caused a particular social stir: "One error was followed by another, and as a result of this process that would only fit a revolution-ridden country, which was not the case with us, we had a real, not imaginary, faction of terrorists" (*Gilyarov, 1883: XIV-XV*).

Gilyarov saw the revolutionary movement as rooted in a number of causes: "The immediate source of sedition appear to have been the sparks of the Polish Insurrection of 1863, the internal and external conspiracy, the Nihilist propaganda in the press of the late 1850s and early 1860s that preached atheism and materialism in the shattered family, the instigation in the Russian emigrant press and the guidance of the International Workingmen's Association. But the most fertile soil was provided by a combination of the semi-free press with the impoverishment of the aristocracy, and the pressure on the clergy through restrictions on congregation; both these classes with their sons blacklisted since they were in school and their daughters confused by theories of the 'women's issue'; and amidst the ignorance and half-education, the fat, profiteering plutocracy rising boldly, proudly and greedily, from the humus supplied by serfdom, above the impoverished peasants... And what about the government? The administration? Social institutions? We shall neither defend nor accuse them; but their mistakes, inevitable at the sharp turn Russian life took, very likely did less damage than the bashing of *all* government operations, *all* administrative orders, *all* public institutions, this derangement of all for the sake of derangement, which has become an unconscious habit." (*Gilyarov, 1883: II-III*).

Arguing with Katkov and the like-minded writers and civil servants, Gilyarov emphasized: "The unreasonable hopes that were placed on the classical system clearly did not come true. The movement of sedition matured when the new Gymnasium Statute was introduced, and reached its peak among the generation that graduated without any concessions to the old curriculum... And so, with all due respect to the classics as our only system of education, it had nothing to do with providing an antidote to Nihilism." But as it would be inconvenient to look for advocacy for the modern idea of ungovernment in the realm of ancient republican writings, so it would be even more erroneous to suggest that the new Gymnasium Statute could facilitate the criminal movement... To think that classical education fueled the sedition would be as unreasonable as to accuse non-classical education of the same, the way it was done once before. Nihilism, which began in the era of classical secondary education and grew in the era of non-classical one, developed on its own, while education followed its path independently too." (*Gilyarov, 1883: 242-243*).

Also of interest is F.A. Gilyarov's analysis of the social composition of the revolutionary movement, the results of which can be found already in the preface: "Socialists are callow youths, half-educated drop-outs, seminary and university students, misfits and outsiders. Such statements used to be justified, but some of the 'callow youths' have grown up, some of the 'half-educated' have caught up on their education, and in place of

students there are now people from both the upper, and the middle, and the peasant class; a Jewish trend has developed within sedition, and men have been joined by women. And whereas the founding fathers of Nihilism had a clergy background, the recent 15 years have not produced a single defendant from a seminary. Since the day of Sergey Nechayev, university students were gradually replaced by trainees of specialized higher educational establishments, who then gave way to individuals of unknown occupation. All the while, the abolition of education benefits and the raising of tuition fees are repeatedly cited as a remedy against sedition by the witch-doctors who forget that its most prominent advocates were neither ‘misfits’, nor ‘outsiders’, nor ‘intellectual proletariat’: the tycoon Lizogub, whose considerable wealth helped to support the sedition crowd, doctor Orest Veimar, with his powerful friends in the upper levels, the emigrant Count Kropotkin, and generals’ children: Osinsky, Leschern von Herzfeld, Batyushkova, Armfeld, as well as the Subbotins, mother and daughter, Perovskaya, and many others” (Gilyarov, 1883: VI-VII).

Yet still, the most profound philosophical exploration of Nihilism in the Russian thought of the day (apart from Dostoevsky’s legacy of novels and diaries) can be found in the numerous works by N.N. Strakhov. His earlier articles on literary nihilism were published in the *Epoha*, but at that time, according to Yu.N. Govorukha-Otrok, they were not broadly discussed. In 1890 they were included in the collection titled “From the History of Literary Nihilism”, and Govorukha-Otrok was sad to note in the *Moskovskie vedomosti* how ‘timely’ this was: “...it seems as if some of the passages were written about the most recent and contemporary literary facts and opinions [...] It is regrettable that in our literature even the obviously ridiculous views are so enduring” (Govorukha-Otrok, 2012: 84).

The issues of political and philosophical Nihilism were the topic of Strakhov’s “Letters about Nihilism” published in Aksakov’s *Rus’* immediately after the “disaster of March 1” in 1881. Arguing to some extent with Katkov and his followers, he stated that revolution did not serve the interests of Russia’s enemies on the outskirts and abroad, but the other way around: “If any hater of Russia actually supplied our anarchists with money or bombs, it only means that he is a servant of Nihilism and works to its benefit, not vice versa, Nihilism does not serve his interests... Among the Poles and the lovers of all things Ukrainian there are Russia’s sworn foes, but what would they be without an alliance with our enemy within?” Strakhov could see that Nihilism was an issue of global history and worldview: “...it is a transcendental sin, the sin of superhuman pride that has swept over the people, it is a hideous perversion of the soul, when vice becomes virtue, bloodshed is seen as a blessing, and destruction is the cornerstone of life”. This diagnosis left the government no room for optimism: “...this disaster will be redeemed neither by reforms, not by the appeasement of the people” (The Rus’. 1881. № 23).

A certain social and political stability in the final years of Alexander III’s reign allowed for some illusions concerning the future among the Conservative circles. The most urgent post-reform issues seemed to have been solved: the Polish Insurrection and the Sedition were destroyed; the ‘national policy’ declared by Katkov and his followers appeared to be equally successful both in the capital cities and on the outskirts. All this, together with the general trends of the day, drew the Conservatives to focus more on economic issues – on the ‘learning of bankers’, an area previously neglected and even disdained by them.

The revolutionary ideology was, of course, changing too. The “pure”, idea-driven Nihilism was becoming a thing of the past as early as in the 1870s, the Narodniki and the Marxists associating themselves with a positive agenda. The Conservatives, who considered Socialism utopian, did not recognize this positive component, and even in their debate with the Marxists continued to use the repertoire of the old anti-Nihilist discourse. What is more, the Conservatives did not develop a unified attitude towards Marxism. For example, Ilovaisky, who belonged to the Conservative-Democratic flank, believed that Marxism was alien to Russia and that its popularity resulted purely from the ‘half-educatedness’ and ‘antinational trends’ among the intelligentsia (The Kremlin’. 1899. №7). According to a later Slavophile writer S.F. Sharapov, on the contrary, “Marxism is our Russian phenomenon. There is something in the Russian soil that is favourable for it, something that gives rise to it” (Sharapov, 2011: 242). But the only thing that he could suggest as a match to the ‘bankrupt’ economic materialism in the early 20th century were the ideas of N.P. Gilyarov-Platonov and V.S. Solovyov, which, to say the least, were not quite compatible even with each other (Sharapov, 2011: 247).

Nevertheless, Sharapov’s criticism of Socialism does deserve our attention. When comparing Christian ethics with Socialist ideas, he found the two ‘completely parallel’: “Take any Christian attribute, switch from plus to minus, and you will have a Socialist equivalent [...] All the terms of one series are homogeneous with the terms of the other series and are mutually negative” (Sharapov, 2011: 281-285). Following Aksakov’s train of thought, Sharapov believed that Socialism would inevitably lead to dictatorship: “Once the supreme regulatory authority of conscience is defied, in order not to end up as a herd of wild beasts humanity has to submit to the external authority – the abstract public volition, the meticulously organized coercion and violence.” (Sharapov, 2011: 283). But of utmost importance for him was this: “The kind-hearted and sincere Russian public is not aware that Socialism is *not a science, not a teaching of any kind*; it is nothing more than a well-known system of dialectics, utterly sophisticated and complicated, and not worth a button, because its starting point contains a primal *lie*; that the power of the social doctrine is not in its implications, which Socialists themselves failed to make, and not in the positive formulas of human co-existence and social structure, which failed to be established and could not be established, but only in negation that finds support in the special *sentiment* of either individuals or social groups; that because of this Socialism has no *creativity*

to it, only *destruction*, and that, finally, as a teaching based on lies, enmity, and hatred, the only logical implication it has is pure anarchism, if one remains solely with destruction, or unheard-of slavery, if one persists in the idle dream and in building the society on the Socialist foundation” (Sharapov, 2011: 274-275).

4. Conclusion

In sum, the debates of the Slavophiles and the Pochvenniki with the Left Radicals continued their earlier disputes with the Westerners. Seeing that Nihilism logically followed from the discontinuity of the national tradition, the Slavophiles, like the other trends within the so-called ‘Russian Conservatism’, believed it to be an attempt at a despotic change of the natural structure of Russian life. Analyzing the similarities and differences of the various trends within the Socialist movement was not considered by them a priority – that is why in their debate with the Marxists in the 1890s, the ‘imitators’ of the Slavophilism used primarily the polemic repertoire of the anti-Nihilist press of the 1860s – 1890s.

5. Acknowledgements

The research was carried out as part of the grant of the President of the Russian Federation (2018). Grant topic: “Conservative Russian press of the 1860s – 1890s in the Fight Against Revolutionary and National Radicalism”. Grant code: МД-5387.2018.6

References

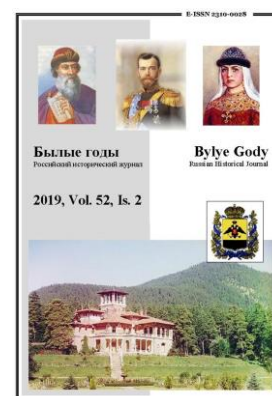
- Aksakov, 1891 – Aksakov I.S. (1891). Sochineniya [Writings]. T. 2: Slavyanofil'stvo i zapadnichestvo. SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina. 836 p. [in Russian]
- Badalyan, 2018 – Badalyan D.A. (2018). Slavyanofily i revolyutsiya [Slavophiles and revolution]. Russkaya kul'tura pod znakom revolyutsii. Belgrad, Seul, Saitama. pp. 91-104. [in Russian]
- Gilyarov, 1883 – Gilyarov F.A. (1883). 15 let kramoly [15 years of sedition]. (4 aprelya 1866 – 1 marta 1881 g.) T. 1, ch. 1. M.: Rus. tip. 324 p. [in Russian]
- Govorukha-Otrok, 2012 – Govorukha-Otrok Yu.N. (2012). Vo chto verovali russkie pisateli? [What did Russian writers believe?]. Literaturnaya kritika i religioznaya publitsistika. T. II. SPb.: Rostok. 1087 p. [in Russian]
- Den'. 1864. №31 – Den'. 1864. №31. 8 July. [in Russian]
- Den'. 1865. № 5 – Den'. 1865. № 5. 30 January. [in Russian]
- Den'. 1865. № 6 – Den'. 1865. № 6. 6 February. [in Russian]
- Kotov, 2017 – Kotov A.E. (2017). «Belyi nigilizm» v russkoi konservativnoi publitsistike vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [“White nihilism” in Russian conservative journalism of the second half of the XIX – early XX centuries.]. *Tetrady po konservatizmu*. №2. pp. 68-75. [in Russian]
- Kotov, 2017a – Kotov A.E. (2017). «Narodnost'» i «soslovnost'»: dva polyusa russkogo konservatizma [“Nationality” and “estate”: the two poles of Russian conservatism]. *Khristianskoe chtenie*. №2. pp. 288-306. [in Russian]
- Kreml'. 1899. №7 – Kreml'. 1899. №7. 1 May. [in Russian]
- Rus'. 1881. № 23 – Rus'. 1881. № 23. 18 April. [in Russian]
- Rus'. 1881. №24 – Rus'. 1881. №24. 25 April. [in Russian]
- Rus'. 1882. №41 – Rus'. 1882. №41. 9 October. [in Russian]
- Rus'. 1884. №18 – Rus'. 1884. №18. 15 September. [in Russian]
- Rus'. 1884. №22 – Rus'. 1884. №22. 15 November. [in Russian]
- Rus'. 1884. №23 – Rus'. 1884. №23. 1 December. [in Russian]
- Rus'. 1884. №24 – Rus'. 1884. №24. 15 December. [in Russian]
- Rus'. 1884. №16 – Rus'. 1884. №16. 15 August. [in Russian]
- Samarin, Dmitriev, 1875 – Samarin Yu., Dmitriev F. (1875). Revolyutsionnyi konservatizm [Revolutionary conservatism]. Berlin: B.Behr's Buchhandlung. 145 p. [in Russian]
- Sharapov, 2011 – Sharapov S.F. (2011). Rossiya budushchego [Russia of the future]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. 720 p. [in Russian]

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 701-713. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.701
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part II

Goran Rajović ^{a, b, *}, Evgeniy F. Krinko ^c, Alla G. Vazerova ^d, Milica Trailovic ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

In recent years, historians created a number of biographical works about figures of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. These studies are an interesting and promising new direction in modern historiography. We have prepared their review so that do not mix with other, extremely numerous scientific articles of Cossack subjects. At the same time, we tried to determine which personalities in the history of the post-reform Don have been relatively studied, and which, on the contrary, leave room for further research. Finally, we paid special attention to the question of which approaches are used by various historians, and why there is an interest in the personality factor in the history of the Don Cossacks of the second half of the XIX century, manifested in recent years. The results of our research are the following conclusions: most of the personalities are chosen by historians to study based not on their real significance, but on the volume of archival materials remaining, and as a result the choice of these personalities is quite random (the only relatively developed category is Don atamans); most of the articles are written by several historians who are trying to get away from impersonality in the perception of the government policy of this period; Despite this, most of the work was written in 2010, which makes it possible to speak about real changes in modern Don historiography.

Keywords: modern historiography, biographical research, Don Cossacks of the second half of the XIX century, Ministry of War of the Russian Empire, military officials on the Don, Don scientists.

1. Введение

В 2016 г. О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров опубликовали любопытную статью под названием «Открытия и достижения современной историографии донского казачества второй половины XIX в.» (Chuikov et al., 2016). Появление подобных обзорных статей по современной историографии донского казачества и казачества в целом следует считать характерной приметой времени: так, только в 2018 г. вышли работы этого жанра А.И. Агафонова (Агафонов, 2018) и Ю.И. Юрченко (Юрченко, 2018), причем последний пишет, что число ежегодных научных публикаций о казачестве «измеряется сотнями в год» (Юрченко, 2018: 151). В 2017 г. различным вопросам казачьей истории были посвящены 303 статьи в научных журналах и 222 отдельные публикации в материалах конференций (Юрченко, 2018: 152)! Понятно, что в подобных условиях, с учетом не всегда высокого научного уровня публикуемых работ, обзорные статьи приобретают особое значение, и рост их числа неизбежен, поскольку они служат важнейшим ориентиром для исследователей и помогают определить, какие публикации заслуживают внимания.

* Corresponding author

E-mail addresses: dkgoran.rajovic@gmail.com (G. Rajović), history@pguas.ru (A.G. Vazerova)

Однако О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров не ограничились перечислением и краткой характеристикой исследований последних десятилетий о донском казачестве второй половины XIX в. Они попытались выделить важнейшие тенденции в историографии этого периода, фактически противопоставляя историков, исходящих из традиционного представления о казачестве как о «пассивном объекте правительственных реформ» (О.Б. Герман, А.Н. Карпенко, Р.Г. Тикиджьян), тем авторам, которые, несмотря на различие в концепциях, доказывают существование «высокой автономии казачества на местном уровне» и «существенного влияния местной элиты и рядовых казаков на реальное положение дел» (А.А. Волвенко, С.Ю. Краснов, А.Ю. Перетятыко) (Chuiikov et al., 2016: 681). О том, что подобное разделение соответствует действительности, свидетельствует тот факт, что через год после выхода статьи О.Е. Чуйкова, И.А. Гордеева и В.В. Батырова А.Ю. Перетятыко опубликовал работу, в которой пытался ответить на вопросы: «Нужны ли были Великие реформы на Дону местным жителям, решали ли они какие-то реально существующие проблемы региона? Или эти преобразования, повлекшие неожиданные негативные последствия, частично свернутые и раскритикованные многими влиятельными современниками, проводились столичными чиновниками исключительно из-за либерального духа времени?», причем на последний вопрос исследователь отвечал отрицательно (Peretyatko, 2017a: 937-948). Таким образом, работа О.Е. Чуйкова, И.А. Гордеева и В.В. Батырова подтвердилась, и в настоящее время в донской историографии остро стоит вопрос о соотношении ролей центральной власти, местных элит и рядовых казаков в истории Дона второй половины XIX в., причем ряд исследователей пытается доказать, что традиционная историография вопроса преувеличивала значение первой из этих сил за счет двух оставшихся. И для этого они неизбежно обращаются к биографиям отдельных личностей, чтобы установить их личный вклад в судьбы донского казачества.

Разумеется, биографический подход в исследованиях Дона второй половины XIX в. применялся и ранее. Хронологически приоритет здесь, среди современных историков, принадлежит Р.Г. Тикиджьяну, еще в 1998 г. опубликовавшему статью о донском атамане Н.И. Святополк-Мирском (Тикиджьян, 1998). Более того, этот автор, придерживающийся вполне традиционного взгляда на донское казачество пореформенного периода, тем не менее и в дальнейшем неоднократно указывал на важность изучения роли отдельных личностей в его истории. «Немаловажной, в связи с этим, нам представляется проблема политического лидерства, влияния на выработку государственной и социальной политики личностей российских императоров и реформаторов, войсковых и выборных атаманов, лидеров политических партий в центре и на местах, преемственности и преемников в реализации стратегического курса модернизации и революционных преобразований», – пишет он в своей последней монографии (Тикиджьян, 2013: 88). Однако представляется далеко не случайным тот факт, что к проблеме личности в истории Дона второй половины XIX в. чаще всего обращаются представители нетрадиционного мнения об относительно высокой автономии донского казачества, точнее А.А. Волвенко и А.Ю. Перетятыко. С учетом многочисленности их работ по данной теме, а также обращения к ней в последние годы ряда авторов, вовсе не упомянутых О.Е. Чуйковым, И.А. Гордеевым и В.В. Батыровым, представляется, что настало время для создания обзорной статьи о современных биографических исследованиях, посвященных деятелям донского казачества второй половины XIX в.

В своей статье мы предполагаем наметить определенные ориентиры для интересующихся данной темой, выявить достигнутые результаты и установить недостаточно изученные области. Нам представляется интересным понять, почему те или иные личности привлекают внимание современных исследователей, почему некоторым важным деятелям Дона пореформенного времени не посвящено ни одной работы, а другие, сыгравшие меньшую роль в истории, вызывают повышенный интерес у исследователей. Данная работа является продолжением изучения биографических исследований (Rajović et al., 2019).

2. Материалы и методы

Обилие вышедших в последние годы статей стало серьезной проблемой для проведения нашего исследования. Нередко биографические разделы и сюжеты, относящиеся к биографии отдельной личности, включаются в состав небиографической статьи. С другой стороны, многие биографические исследования (особенно о донских ученых) опубликованы в малотиражных и почти не доступных простому читателю сборниках научных конференций. Мы решили при отборе исследований для анализа руководствоваться двумя факторами: публикацией материалов в научном журнале или в качестве полноценной монографии и полноценно-биографической направленностью текста (как правило, имя героя будет вынесено в название). Исключения мы допускали в тех случаях, когда у современного историка есть исследование о деятеле Дона пореформенного периода, однако дополнительная информация о нем содержится и в других работах. Кроме того, мы проанализировали статью Р.Г. Тикиджьяна «Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898)», которая, хотя и опубликована в местном краеведческом альманахе, доступна в Интернете и закрывает важную лауну в донской историографии.

Мы использовали методы структурного анализа и системного подхода, чтобы сформировать у читателя целостную картину персональных биографий в историографии Дона второй половины XIX в.

3. Обсуждение

Донские атаманы. Ситуация значительно улучшается при переходе от имперского к региональному уровню. Возрастает как количество и разнообразие статей, так и число их авторов. Вероятно, это следует связывать с тем, что биографии местных чиновников и особенно ученых вызывали определенный интерес у тех историков, которых О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров считают «традиционалистами», а кроме того, к ним обращались исследователи, основные интересы которых не относятся ко второй половине XIX в. А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяцько выпустили ряд статей и о чиновниках этого уровня. Лучше всего ситуация обстоит с донскими атаманами: если еще недавно можно было говорить о том, что их «полноценных биографий еще не создано» (Волвенко, 2017: 112), то сейчас они представляют собой единственную категорию деятелей пореформенного Дона, большинству из которых посвящены специальные исследования. С 1862 г. по 1898 г. Донским Войском руководили пять атаманов, и деятельности четырех из них посвящены специальные статьи. О П.Х. Граббе (1862–1865) и А.Л. Потапове (1865–1868) обстоятельную статью «Донские атаманы эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.)» написал А.А. Волвенко (Волвенко, 2017). М.И. Черткову (1868–1874) А.Ю. Перетяцько посвятил любопытное исследование «Мы ненавидим всю силу нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону» (Перетяцько, 2017). Н.А. Краснокутский (1874–1881) до настоящего времени остается без своего биографа, зато о Н.И. Святополк-Мирском (1881–1898) еще в XX в. небольшую статью «Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898)» опубликовал Р.Г. Тикиджьян (Тикиджьян, 1998). Как мы видим, и в этой области достаточно неплохо освещены личности 1860 гг. (подборные статьи обо всех трех атаманах), несколько хуже 1880–1890 гг. (работа Р.Г. Тикиджьяна), а вот промежуток между ними остается не заполненным.

Работы А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяцько о донских атаманах отличаются теми же особенностями, что и рассмотренные выше статьи этих авторов: для них характерно постоянное использование архивных источников и попытки установить личный вклад атамана в правительственную политику. Фактически их статьи рисуют три варианта взаимодействия атамана с имперской властью: оппозицию и препятствие ее решениям (П.Х. Граббе); четкое и качественное исполнение приказов сверху (А.Л. Потапов); попытку найти компромисс между интересами имперского центра и региона (М.И. Чертков) (Волвенко, 2017: 34-54; Перетяцько, 2017: 118-127). А.А. Волвенко в связи с этим прямо пишет о том, что «говорить о преемственности между ними (П.Х. Граббе и А.Л. Потаповым) вряд ли уместно» (Волвенко, 2017: 47). В этой связи любопытна также попытка А.Ю. Перетяцько в статье «Темная изнанка крестьянской реформы 1861 г. на Дону: история переселения одной крестьянской общины на основе материалов фонда атаманской канцелярии», хотя и не посвященной этим атаманам специально, проследить, как менялась политика местных властей по отношению к крестьянам, освобожденным от крепостной зависимости, при смене атаманов (Peretyatko, 2016c: 137-145). Современный историк пишет о «бессистемной, несмотря на личную доброту», политике П.Х. Граббе, сперва делавшего уступки крестьянам, а потом отзывавшего их под влиянием своего окружения; крайней жесткости А.Л. Потапова, не идущего ни на какие компромиссы даже там, где распоряжения сверху давали возможность их; и «внезапном изменении правительственной политики по отношению к крестьянам» после назначения М.И. Черткова, уступившего недовольным временнообязанным по большинству вопросов (Peretyatko, 2016c: 140-142). Данное исследование, вероятно, в наибольшей степени демонстрирует перспективность биографического метода при исследовании донского казачества пореформенного времени. Остается только пожалеть, что и в статьях о донских атаманах А.Ю. Перетяцько и А.А. Волвенко часто уделяют центральное место любопытным, но второстепенным сюжетам (например, А.Л. Потапова А.А. Волвенко характеризует в основном на основании всеподданейших отчетов атамана, оставляя без внимания не поднимавшиеся там вопросы (Волвенко, 2017: 41-45).

Совершенно иной вариант изучения биографии донского атамана был предложен Р.Г. Тикиджьяном в статье «Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898)» (Тикиджьян, 1998). Как мы писали, для донских историков, придерживающихся традиционного взгляда на казачество как на «пассивный объект правительственных реформ», характерно восприятие Военного министерства как безличной бюрократической машины. Р.Г. Тикиджьян, которого О.Е. Чуйков, И.А. Гордеев и В.В. Батыров причисляют к историкам-«традиционалистам», сумел перенести такой взгляд и на личность: в его статье нет почти ничего о персональных особенностях ее героя, не считая общих утверждений о его «консервативных взглядах» и характеристики частной жизни атамана (Тикиджьян, 1998). В фокусе внимания современного исследования оказывается эпоха Н.И. Святополк-Мирского и те преобразования, которые в это время происходили на Дону, причем персональная роль атамана в них не конкретизируется. Поэтому в

статье Р.Г. Тикиджьяна мы постоянно встречаемся с следующими описаниями действий ее героя: «Апогеем <...> политики имперских и войсковых властей с участием Н.И. Святополк-Мирского стала разработка и реализация с 3 июня 1891 года «Положения об общественном управлении станиц казачьих войск»; «По решению Госсовета началась подготовка к реорганизации Калмыцкого округа»; «Войсковое начальство добилось создания в 1888 году Донского областного жандармского управления» (Тикиджьян, 1998). В результате статья Р.Г. Тикиджьяна, в отличие от статей А.А. Волвенко и А.Ю. Перетягко, достаточно полно и последовательно описывает важнейшие события, происходившие на Дону во время управления им описываемым атаманом. Однако из нее невозможно понять, в чем именно заключалась роль самого Н.И. Святополк-Мирского, какие решения по местной администрации принадлежали ему, а какие – имперским (например, Государственному совету) и местным (например, Войсковому начальству) властям. В итоге вопрос о личном вкладе Н.И. Святополк-Мирского в развитие Дона 1880–1890 гг. остается открытым.

Донские чиновники. Окончательный перелом ситуации происходит именно на этом уровне. Если в предыдущих разделах нашей статьи мы описывали главным образом статьи А.А. Волвенко и А.Ю. Перетягко, для которых Дон второй половины XIX в. является основной областью исследований и которые рассматривают биографии отдельных лиц в связи с правительственной политикой этого времени по отношению к донскому казачеству, то теперь речь пойдет главным образом о статьях авторов, чьи интересы лежат в других областях. Тем не менее их обращение к персоналиям пореформенного казачества нельзя считать случайным, но интерес в данном случае не хронологический, а проблемный. Так, из авторов, которые занимались донским чиновничеством, и по объему, и по научному уровню работ выделяется О.М. Морозова, создавшая биографические очерки целого ряда донских и российских деятелей, но преимущественно более позднего периода. Ее перу принадлежит монография с характерным названием «Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета», первый из очерков в которой посвящен И.С. Ульянову, которого автор характеризует как «крупного донского чиновника эпохи Николая I» (Морозова, 2010). Однако И.С. Ульянов дожил до 1860 гг. и даже был в это время одним из лидеров оппозиции правительственным реформам (Volvenko, 2015c: 97). Соответственно, многочисленные работы о нем и его семье, написанные О.М. Морозовой, напрямую относятся к теме нашей статьи.

Как отмечает сама современная исследовательница, И.С. Ульянов привлек ее внимание главным образом в силу сохранности его личного архива (об аналогичной причине выбора персоналий для исследования другими авторами мы уже писали). Она пишет по этому поводу следующее: «Редкие случаи, когда можно услышать голос самой ушедшей реальности, особенно ценны. В Ростовском государственном областном архиве хранится уникальный фонд – переписка членов семьи донских казаков Ульяновых почти за весь XIX век. Неотредактированные и никем не отцензурированные рукописные источники – это особенная удача, потому что дают возможность максимально полно погрузиться в мир прежде живших поколений» (Морозова, 2008: 298-299). При этом И.С. Ульянов интересует исследовательницу главным образом как частное лицо, типичный донской казак своего времени: «Здесь, как и в семейных архивах других донских дворян-казачьих, наиболее интересна частная переписка, отличающаяся широтой тематики и вовлеченных в нее слоев населения. <...> В письмах прослеживаются три основные темы: служба, хозяйство, семья» (Морозова, 2011: 42). О.М. Морозова исследует на примере И.С. Ульянова и его семьи главным образом особенности быта донских казаков, традиции их семейной и общественной жизни, в итоге формулируя их следующим образом: «Слабая эмоциональность семейных отношений, жесткая власть отца над детьми, часто наталкивающаяся на силу женской части семьи, опирающуюся на ее роль в семейном хозяйстве, – все это рождало частые конфликты» (Морозова, 2008: 318). Подобный подход к фигуре И.С. Ульянова предлагается О.М. Морозовой в статьях «Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет» (Морозова, 2008: 298) и «Фонды донских казаков в Госархиве Ростовской области» (Морозова, 2011).

Несколько особняком в творчестве исследовательницы стоит работа «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов», поскольку в ней донской чиновник предстает именно чиновником, а не семьянином или сельским хозяином (Морозова, 2007). Однако О.М. Морозову интересуют не столько конкретные действия И.С. Ульянова, сколько его отношение к гражданской чиновной карьере, и это отношение предстает негативным: «Все чаще в бумагах Ульянова встречаются иные мысли: «На свете нет благороднее, возвышеннее цели как быть полезным самому себе», – пишет он в назидание тем, кто «убьет жизнь в стремлении быть полезным родине»; «разочарованию в усердном и беззаветном служении подвергся не только герой нашего очерка, но и другие донские офицеры и чиновники»; «фраза самого Ульянова о «насланном с севера сатрапстве» многого стоит» (Морозова, 2007: 308-327). Подобные цитаты интересны для понимания традиционного в донской историографии «обезличивания» центральной власти. И.С. Ульянов, занимавший важные должности в войсковой администрации, трактуется О.М. Морозовой как противник имперской политики, причем она, не анализируя подробно эту политику, занимает сторону своего героя (Морозова, 2007: 308-327).

О.М. Морозовой принадлежит статья и о другом донском чиновнике второй половины XIX в., В.И. Денисове, «Василий Ильич Денисов и другие донские помещики в эпоху первых рыночных

реформ» (Морозова, 2009). Хотя пик карьеры этого исторического деятеля пришелся на начало XX в., когда он был предводителем донского дворянства, однако уже в последние десятилетия XIX в. В.И. Денисов играл заметную роль в донском обществе, был адъютантом упомянутого выше Н.И. Святополк-Мирского, а затем нескольких великих князей. Однако, как ясно из самого названия статьи, О.М. Морозову В.И. Денисов интересует также как частное лицо, типичный донской помещик. Интерес исследовательницы к данной личности снова порожден сохранностью личного архивного фонда, значение которого она сформулировала следующим образом: «Обмен сообщениями с управляющим имения позволяет воссоздать облик обуржуазившегося дворянина, стиль его мышления и систему ценностей» (Морозова, 2011: 47). Деятельность В.И. Денисова как государственного чиновника вызвала заметно меньший интерес у современного историка М.В. Братолобовой (в ее случае этот интерес, очевидно, связан с интересом к истории политических партий начала XX в. на Дону). В 2015 г. вместе с И.Г. Брызгаловой и Н.В. Самариной она опубликовала статью «Василий Ильич Денисов: исторический портрет на фоне российской модернизации (конец XIX – начало XX вв.)» (Bratolyubova et al., 2015), а в 2016 г. уже лично выпустила о интересующей нас исторической фигуре статью «Беспокойный элемент» (Братолобова, 2016). Она также рассматривает В.И. Денисова как представителя «экономически активной части дворянства, которая старалась приспособить усадьбы к темпам быстро менявшейся жизни, перестраивала хозяйственную деятельность, создавала в них прибыльные предприятия» (Братолобова, 2016: 130), однако уделяет серьезное внимание и его чиновничьей деятельности. Но только деятельности в XX в. – по мнению исследовательницы лишь с 1901 г., «со времени избрания В.И. Денисова областным предводителем дворянства», «вопросы реформирования местного управления, а затем и курса внутренней политики в целом оказались в центре его внимания» (Bratolyubova et al., 2015: 951). Вопросы же более ранней чиновничьей деятельности В.И. Денисова, в частности, на посту адъютанта одиозного и непопулярного на Дону Н.И. Святополк-Мирского историк не рассматривает.

Тем интереснее те наблюдения за деятельностью В.И. Денисова как помещика, которые принадлежат М.В. Братолобовой. Если О.М. Морозову интересует типичное в личностях ее героев, то М.В. Братолобова, напротив, рассматривает предводителя донского дворянства как фигуру исключительную: «В среде донского дворянства Денисов выделялся как владелец доходной и образцовой капиталистической экономики. Таких дворян-хозяев в области на рубеже столетий можно было пересчитать по пальцам одной руки» (Bratolyubova et al., 2015: 949); «Большинство дворян тогда продолжали надеяться на правительственную помощь, чем демонстрировали свою беспомощность и непригодность в новых условиях. Денисов же задумывался над программой выхода из экономического кризиса» (Братолобова, 2016: 131). Тем не менее ему не удалось полностью адаптироваться к ситуации в Российской империи, и позже, на посту областного предводителя дворянства, В.И. Денисов регулярно конфликтовал с начальством: так, наказной атаман отмечал, что В.И. Денисов своими действиями «вошел в обсуждение предметов, не подлежащих его ведению, касаясь вопросов, относящихся изменения существующих государственных начал», а в военном министерстве донской деятель слыл «беспокойным элементом» (Bratolyubova et al., 2015: 951).

Как мы видим, в случае с донскими чиновниками можно наблюдать некоторые тенденции, отмеченные нами в предыдущих разделах нашей статьи: интерес к личностям в донской истории обострился в последние годы и большинство рассмотренных нами статей вышли в 2010 гг. (все – в XXI в.). При этом главным фактором, определяющим выбор историками героев для своих исследований, как и в случае с чиновниками центрального аппарата Военного министерства, стала сохранность связанных с ними документов. В результате о В.И. Денисове и И.С. Ульянове современная историография может предложить целый ряд статей, в то время как другие важные местные чиновники в принципе не привлекали внимание историков.

В то же время от большинства статей, рассмотренных нами выше, работы о местных донских чиновниках отличает авторство: они созданы авторами, основные исследовательские интересы которых лежат за пределами второй половины XIX в. Из-за этого донские чиновники рассматриваются ими не столько как исполнители определенной правительственной политики, сколько как частные лица, помещики и дворяне определенной эпохи. Для О.М. Морозовой вообще характерен скорее этнографический подход, когда в центре внимания оказываются вопросы быта и семьи. М.В. Брызгалову политическая деятельность В.И. Денисова фактически начинает интересовать с 1905 г., со времени первой русской революции и создания партий, до этого же она рассматривает главным образом его хозяйственную деятельность. Нам такой подход представляется вполне оправданным, поскольку на настоящем этапе развития историографии нельзя рассчитывать на сколько-либо последовательное изучение биографий донских чиновников этой эпохи, а благодаря работам М.В. Брызгаловой и О.М. Морозовой мы лучше представляем себе фон, на котором происходили события, поскольку располагаем портретами если не типичных, то по крайней мере популярных у современников донских дворян второй половины XIX в., одного – начала этого периода, а второго – конца.

Заслуживает внимания также откровенная негативизация российской государственной политики, характерная для этих авторов, и противопоставление донских чиновников, описываемых с явным сочувствием, «насланному с севера сатрапству». Мы далее не будем подробно останавливаться на биографических статьях А.А. Волвенко и А.Ю. Перетятыко, поскольку читатель уже мог составить представление об особенностях стиля этих авторов. Для этого стиля характерно, что они выбрали в качестве героев своих статей не оппозиционных, а проправительственных чиновников. А.А. Волвенко принадлежит статья «И.И. Краснов о «казацкой народности» и «донском патриотизме» (по материалам периодической печати 1860-х гг.)», в которой, кстати, анализируется конфликт И.И. Краснова, влиятельного донского чиновника, с И.С. Ульяновым из-за поддержки первым правительственной политики (Volvenko, 2016b). А.Ю. Перетятыко в упомянутой выше статье «Либерал против консерватора: противостояние А.А. Донецкого и Н.А. Маслаковца, его идейные предпосылки и роль в истории Донского края» (Перетятыко, 2018b) вообще прямо сравнивает позицию двух личностей, сыгравших заметную роль в истории Дона, причем одна из них (Н.А. Маслаковец) является носителем правительственной политики, а другая (А.А. Донецкий, видный донской землец) – либеральной оппозиции этой политике. Многоподходность в описании донских чиновников можно только приветствовать: «бытописательски-этнографические» статьи М.В. Брызгаловой и О.М. Морозовой и «политические» статьи А.А. Волвенко и А.Ю. Перетятыко органично дополняют друга, давая в итоге возможность понять как быт донских чиновников пореформенного времени, так и их политические интересы.

Донские ученые. Наметившийся в последние годы рост интереса к личностям донских казаков второй половины XIX в. привел к появлению не только целого ряда статей, но и монографии Н.А. Мининкова (автора нескольких работ о донских историках других хронологических периодов) «Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин», вышедшей в 2016 г. (Мининков, 2016). Можно усмотреть определенное сходство между попытками А.А. Волвенко и А.Ю. Перетятыко уйти от обезличенности центральных и местных властей на Дону и замыслом, легшим в основу книги Н.А. Мининкова. Современный исследователь в предисловии к монографии пишет о своих героях, что «их научная деятельность определяла характер деятельности Статкомитета (Донского статистического комитета) в целом. Поэтому изучение ее позволит более полно, глубоко и конкретно понять значение Статкомитета в исследовании края, в развитии науки на Дону и в формировании исследовательской и интеллектуальной среды» (Мининков, 2016: 6). Соответственно, и здесь мы можем говорить о попытке уйти от обезличенного восприятия государственных органов, однако уже не бюрократических, а научных.

В монографии Н.А. Мининкова мы можем наблюдать ту же тенденцию специфического выбора персоналий для исследования, что и в большинстве рассмотренных статей. Самым известным из членов Статистического комитета второй половины XIX в., безусловно, был Х.И. Попов, полноценная биография которого до сих пор не написана (о некоторых попытках в этом направлении мы еще будем писать ниже). Что касается фактических руководителей этого комитета, секретарей (председателями формально были донские атаманы), то специальные работы о них отсутствуют. Н.А. Мининков никак не обосновывает свой выбор для исследования именно личностей И.В. Тимощенко и Ф.К. Траилина, но, следует отметить, что этот выбор удачен, насколько он вообще может быть удачен в подобной ситуации, и оба этих исследователя интересны и как ученые, и как деятели Статистического комитета. И.В. Тимощенко был его активным членом почти четыре десятилетия, с 1873 г. по 1910 г., и за это время выпустил множество статистических и исторических работ (главным образом об экономическом состоянии донских станиц) (Мининков, 2016: 12-13). Ф.К. Траилин состоял в комитете с 1866 г. до самой смерти в 1919 г., а о его разносторонней интересах современный историк пишет так: «Обращает на себя внимание широта и разнообразие интересов Траилина. Живо интересовали его разные стороны истории Дона. К ним относился вопрос о происхождении казачества, об истории станиц, о месте нахождения дома Емельяна Пугачева, уничтоженного в ходе восстания по указанию правительства. Он занимался актуальными экономическими вопросами, относившимися к донскому виноделию, к развитию хлебной торговли. ...Он был создателем особой «лучисто-воздушной» системы отопления зданий. ...Он предложил свое изобретение подводной лодки» (Мининков, 2016: 16).

Мы не будем подробно останавливаться на тех характеристиках, которые Н.А. Мининков дает героям своей книги, поскольку это бы заняло слишком много места. Его работу отличает от исследований других ученых именно многогранность: современный историк рассматривает И.В. Тимощенко и Ф.К. Траилина и как ученых, и как общественных деятелей, и как служащих правительственного Статистического комитета. Например, один из разделов о первом из них называется «Социальная терминология, методы статистико-экономических исследований, их итоги и «стольпинские» мотивы И.В. Тимощенко» (Мининков, 2016: 53). Как ясно уже из названия, в этом разделе анализируется и исследовательская деятельность И.В. Тимощенко, и его политическая позиция, причем Н.А. Мининков указывает на противоречия между ними: «В целом ряде своих публикаций с экономическим анализом хозяйства донских станиц он не раз указывал, насколько казачье хозяйство со своими общинными традициями было в тяжелом состоянии. Тем не менее его

предложение сохранить казачью общину с ее порядками и традициями в новых станичных юртах, к созданию которых призывал он, было для него не случайным» (Мининков, 2016: 57). Аналогичным образом Н.И. Мининков сопоставляет научную деятельность и общественные взгляды Ф.К. Траилина: «Книга «Санскрин Курэ-дэ» не свидетельствует о стремлении их автора вести среди донских калмыков, которых он очень хорошо знал, какую-то миссионерскую деятельность. Он только лишь пытался более широко познакомить читателя с донскими калмыками, сведения о которых были на Дону и тем более в России весьма ограниченными. Однако постепенно отношение его к миссионерской деятельности среди казаков-калмыков изменилось. Когда он в 1903 г. подал в Донскую консисторию несколько проектов, одним из них было поощрение распространения православной христианской религии в калмыцком обществе» (Мининков, 2016: 108).

При этом монография Н.А. Мининкова все же заметно ближе к статьям А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяtko, чем к работам М.В. Братолобовой и О.М. Морозовой. Семейная и частная жизнь И.В. Тимощенкова и Ф.К. Траилина исследователя почти не интересует, зато в приложении к монографии им были опубликованы архивные и малоизвестные работы описываемых личностей: «Положение об использовании запасных войсковых земель для нужд казаков войска Донского» И.В. Тимощенкова (Мининков, 2016: 143-153) и «Проект исследований на Дону Действительного члена Областного В. Д. Статистического Комитета Ф.К. Траилина от 21 ноября 1898 г.» (Мининков, 2016: 155-160). В связи с этим следует отметить, что сам Н.А. Мининков относит и себя, и А.Ю. Перетяtko к «научной школе источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин, созданной в РГУ (Ростовский государственной университет) А.П. Пронштейном» (Мининков, 2018: 104-106).

Другие исследования о донских ученых интересующего нас периода и по масштабу, и по научному уровню заметно уступают капитальной монографии Н.А. Мининкова. Чаще всего они публикуются не в научных журналах, а разного рода сборниках местных конференций, что затрудняет знакомство с ними. Тем не менее наша работа была бы не полна без упоминания о вышедшей еще в 2006 г. статьи Э.Э. Камозина «Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX века» (Камозин, 2006). Как мы писали выше, Х.И. Попов был значимым донским ученым интересующего нас периода, а это статья является одной из немногих в современной историографии, посвященных персонально ему и опубликованных в научных журналах. При этом ее автор, как ясно из самого названия работы, опираясь на неопубликованные материалы из личного архива донского ученого, попытался установить черты, присущие донской исторической науке конца XIX – начала XX вв. в целом, что роднит его статью с «традиционалистским», безличным направлением донской историографии: «Одной из характерных черт для донской региональной историографии второй половины XIX – начала XX в. является то, что значительная часть работ (в том числе и Попова) представляет собой небольшие заметки и очерки, иногда – просто черновые наброски» (Камозин, 2006: 34); «Подводя итог, нужно сказать, что неопубликованные работы Харитона Ивановича Попова в значительной мере отражают состояние современной ему донской исторической науки» (Камозин, 2006: 36). В итоге работа Э.Э. Камозина, в полном соответствии со своим названием, характеризует развитие донской историографии в целом и знакомит читателя с рядом неизвестных текстов Х.И. Попова, но почти не характеризует последнего как личность.

4. Заключение

Проведенный нами анализ современной историографии донского казачества второй половины XIX в. показал, что в ней в последние годы действительно резко усилился интерес к персоналиям донской истории второй половины XIX в. Подавляющее число рассмотренных нами текстов (статьи А.А. Волвенко, А.Ю. Перетяtko, М.В. Братолобовой, монография Н.А. Мининкова и часть статей О.М. Морозовой) вышли в 2010 гг. Однако выбор героев для статей осуществляется авторами чаще всего по причине сохранности архивных документов тех или иных лиц, без прямой взаимосвязи с их значением в истории края. В результате единственной категорией, относительно полно и равномерно освещенной в современной историографии, являются донские атаманы (за исключением Н.А. Краснокутского). Чаще всего для исследования выбираются личности и сюжеты 1860 гг., несколько реже – 1890 гг., а промежуток между этими двумя периодами освещен хуже всего. В итоге мы можем говорить о том, что «обезличенность» донской истории второй половины XIX в. начинает сходить на нет, однако мы находимся в самом начале этого процесса. Перечислим тех деятелей, которые удостоились персональных статей современных историков, с указанием тех хронологических отрезков, которым преимущественно посвящены эти статьи: военный министр Д.А. Милютин (1860–1870 гг.), чиновники центрального аппарата Военного министерства Н.И. Краснов (1860 гг.), Н.А. Маслаковец (1890 гг.) и А.П. Чеботарев (1860 гг.), атаманы П.Х. Граббе (1860 гг.), А.Л. Потапов (1860 гг.), М.И. Чертков (1870 гг.), Н.И. Святополк-Мирской (1880–1890 гг.), местные чиновники И.С. Ульянов (1860 гг.), А.А. Донецкий (1890 гг.), В.И. Денисов (1890 гг.), И.И. Краснов (1860 гг.), ученые Х.И. Попов, И.В. Тимощенков, Ф.К. Траилин (вся вторая половина XIX в.).

Что касается авторов, то чаще всего к персоналиям донских деятелей указанного периода обращались А.А. Волвенко и А.Ю. Перетяцько, причем их интерес привлекали исключительно правительственные чиновники. Это объясняется тем, что данные авторы представляют сравнительно недавно появившееся направление в современной историографии донского казачества второй половины XIX в., представители которого, по мнению О.Е. Чуйкова, И.А. Гордеева и В.В. Батырова, рассматривают донское казачество как автономное образование, на судьбы которого оказывала значительное влияние позиция конкретных представителей как местной, так и центральной элиты. Единственный представитель традиционного направления историографии донского казачества второй половины XIX в., написавший биографическую статью, Р.Г. Тикиджьян, в ней он описывает своего героя, Н.И. Святополк-Мирского, достаточно безлично, не раскрывая его вклада в правительственную политику. Остальные рассмотренные нами авторы преимущественно изучают историю донского казачества других эпох, и их обращение к биографиям деятелей Дона пореформенного времени связано с областью научных интересов. Так, Н.А. Мининков (биографии ученых И.В. Тимощенко и Ф.К. Траилина) является автором ряда работ о донских историках как более раннего, так и более позднего периодов; О.М. Морозова (биография И.С. Ульянова) вообще регулярно обращается к донским биографическим сюжетам, а М.В. Братолобова (биография будущего лидера донских умеренных либералов В.И. Денисова) исследует историю политических партий на Дону. В целом можно надеяться, что тенденция к росту числа исследований о персоналиях в историографии донского казачества второй половины XIX в. будет расти и дальше, поскольку число неизученных, но значимых личностей велико, а созданные работы показывают перспективность данной тематики исследований.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-11901190182-8

Литература

Агафонов, 2018 – Агафонов А.И. Донское казачество в современной научной литературе: проблемы, поиски, решения // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*. 2018. № 1 (197). С. 52-70.

Братолобова, 2016 – Братолобова М.В. Беспokoйный элемент // *Родина*. 2016. № 2. С. 130-131.

Волвенко, 2007 – Волвенко А.А. Два подхода к расчетам стоимости донского казачества для Российской империи в 60–70 гг. XIX века // *Актуальные проблемы социальной истории*. Сборник научных статей. Вып. 8. Новочеркасск–Ростов-на-Дону, 2007. С. 47-56.

Волвенко, 2016 – Волвенко А.А. «Сведения о посещении в 1837 г. Войска Донского блаженной памяти Императором Николаем I и наследником цесаревичем, ныне царствующим государем императором»: записка А.П. Чеботарева // *Вестник архивиста*, 2016. № 3. С. 121-134.

Волвенко, 2017 – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в позднимперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.

Камозин, 2006 – Камозин Э.Э. Неопубликованные исторические заметки Х.И. Попова и развитие донской региональной исторической науки второй половины XIX – начала XX веков // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2006. № 2. С. 33-36.

Мининков, 2016 – Мининков Н.А. Исследователи Дона Иван Васильевич Тимощенко и Федор Калинич Траилин. Ростов-на-Дону, 2016. 164 с.

Мининков, 2018 – Мининков Н.А. Научная школа источниковедения, методологии истории и специальных исторических дисциплин А.П. Пронштейна в ИИМО ЮФУ // *Новое прошлое/The New Past*. 2018. № 1. С. 98-119.

Морозова, 2007 – Морозова О.М. «Выдающийся донец»: генерал-майор И.С. Ульянов // *Человек второго плана в истории*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2007. С. 308-327.

Морозова, 2008 – Морозова О.М. Ульяновы. Семья донских казаков за сто лет // *Диалог со временем*. 2008. № 23. С. 298-318.

Морозова, 2009 – Морозова О.М. Василий Ильич Денисов и другие донские помещики в эпоху первых рыночных реформ // *Под сенью Святого Георгия*. Краснодар, 2009. С. 173-180.

Морозова, 2010 – Морозова О.М. Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону, 2010. 276 с.

Морозова, 2011 – Морозова О.М. Фонды донских казаков в Госархиве Ростовской области // *Отечественные архивы*. 2011. № 6. С. 41-49.

Перетяцько, 2017 – Перетяцько А.Ю. «Мы ненавидим всю силу нашего сердца рабский произвол, который царствовал во всех частях Вашего управления»: о причинах непопулярности атамана М.И. Черткова на Дону // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 48. С. 118-127.

Перетяцько, 2018a – *Перетяцько А.Ю.* Разработка принципов составления официальной истории казачества в Военном министерстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2018. Т. 63. Вып. 2. С. 546-571.

Перетяцько, 2018b – *Перетяцько А.Ю.* Либерал против консерватора: противостояние А.А. Донецкого и Н.А. Маслаковца, его идейные предпосылки и роль в истории Донского края // *Научная мысль Кавказа.* 2018. № 3. С. 33-40.

Стецкевич, 1959 – *Стецкевич М.Я.* Материалы по социально-экономической истории России в 1890–1917 гг. в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // *Из истории империализма в России: труды Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.* Вып. 1. М.–Л., 1959. С. 434-444.

Скорик, 2014 – *Скорик А.П.* Проблемы и противоречия традиционного быта донских казаков на рубеже XIX–XX вв. (о результатах работы комиссии Н.А. Маслаковца) // *Модернизация полиэтничного макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития.* Ростов-на-Дону, 2014. С. 268-273.

Тикиджьян, 1998 – *Тикиджьян Р.Г.* Войсковой наказной атаман, князь Н.И. Святополк-Мирский (1881–1898) // *Донской временник.* 1998. [Электронный ресурс]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (дата обращения: 5.01.2019).

Тикиджьян, 2013 – *Тикиджьян Р.Г.* Донское казачество в конце XIX – начале XX веков. Исторический портрет. Саарбрюккен, 2013. 228 с.

Юрченко, 2018 – *Юрченко Ю.И.* Новейшая историография казачества: статистика научных статей в РИНЦ за 2017 г. // *Вестник Научно-методического совета по природообустройству и водопользованию.* 2018. № 11 (11). С. 151-159.

Bratolyubova et al., 2015 – *Bratolyubova M.V., Brizgalova I.G., Samarina N.V.* Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (End of XIX – Beginning of XX Century) // *Bylye Gody,* 2015, Vol. 38, Is. 4. pp. 948-954.

Chuikov et al., 2016 – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century // *Bylye Gody,* 2016, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687.

Rajović et al., 2019 – *Rajović G., Krinko E.F., Vazerova A.G., Trailovic M.* Biographical Research in the Modern Historiography of the Don Cossacks of the second half of the XIX century. Part I // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 51. Is. 1. 209-218.

Peretyatko, 2016a – *Peretyatko A.Y.* Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? // *Bylye Gody,* 2016, Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456.

Peretyatko, 2016b – *Peretyatko A.Y.* N.I. Krasnov and his “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” // *Russkii Arkhiv.* 2016. Vol. 14. Is. 4. pp. 301–320.

Peretyatko, 2016c – *Peretyatko A.Y.* The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya // *Bylye Gody.* 2016. Vol. 39. Is. 1. pp. 137-145.

Peretyatko, 2017a – *Peretyatko A.Y.* "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860–1870 On the Don. Part I // *Bylye Gody.* 2017. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948.

Peretyatko, 2017b – *Peretyatko A.Y.* The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. // *History and Historians in the Context of the Time.* 2017. 15(1). pp. 4-22.

Volvenko, 2015a – *Volvenko A.A.* Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? // *History and Historians in the Context of the Time.* 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114.

Volvenko, 2015b – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I // *Russkaya Starina.* 2015. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37.

Volvenko, 2015c – *Volvenko A.A.* Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II // *Russkaya Starina.* 2015. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107.

Volvenko, 2016a – *Volvenko A.A.* D.A. Milyutin and Cossacks // *Bylye Gody.* 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411.

Volvenko, 2016b – *Volvenko A.A.* Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s) // *Russkaya Starina,* 2016, Vol. (17), Is. 1. pp. 33-40.

Volvenko, 2017 – *Volvenko A.A.* Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s) // *Russkaya Starina,* 2017, 8(1). pp. 34-54.

References

Agafonov, 2018 – *Agafonov A.I.* (2018). Donskoe kazachestvo v sovremennoi nauchnoi literature: problemy, poiski, resheniya [Don Cossacks in the modern scientific literature: problems, searches,

- decisions]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: Obshchestvennyye nauki*. № 1. pp. 52-70. [in Russian]
- [Bratolyubova et al., 2015](#) – *Bratolyubova M.V., Brizgalova I.G., Samarina N.V.* (2015). Vasilii Ilich Denisov: Historical Portrait at the Backdrop of the Russian Modernization (end of XIX – beginning of XX century). *Bylye Gody*, Vol. 38, Is. 4. pp. 948-954. [in Russian]
- [Bratolyubova, 2016](#) – *Bratolyubova M.V.* (2016). Bespokoinyi element [Restless Element]. *Rodina*. № 2. pp. 130-131. [in Russian]
- [Chuikov et al., 2016](#) – *Chuikov O.E., Gordeev I.A., Batyrov V.V.* (2016). The Discoveries and Achievements of Modern Historiography of the Don Cossacks in the Second Half of the XIX Century. *Bylye Gody*, Vol. 41, Is. 3. pp. 675-687. [in Russian]
- [Kamozin, 2006](#) – *Kamozin E.E.* (2006). Neopublikovannye istoricheskie zametki Kh.I. Popova i razvitie donskoi regional'noi istoricheskoi nauki vtoroi poloviny XIX - nachala XX veka [Unpublished historical notes of H. I. Popov and the development of the Don regional historical science of the second half of XIX-beginning of XX century]. *Izvestiya VUZov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennyye nauki*. № 2. pp. 33-36. [in Russian]
- [Mininkov, 2016](#) – *Mininkov N.A.* (2016). Issledovateli Dona Ivan Vasil'evich Timoshchenkov i Fedor Kalinich Trailin [Don researchers Ivan Vasilyevich Timoshchenkov and Fedor Kalinich Trailin]. Rostov-on-Don. P. 164. [in Russian]
- [Mininkov, 2018](#) – *Mininkov N.A.* (2018). Nauchnaya shkola istochnikovedeniya, metodologii istorii i spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin A.P. Pronshteina v IIMO YuFU [Scientific School of Source Study, Methodology of History and Special Historical Disciplines of A.P. Pronshtein in IHIR SFedU]. *Novoe proshloe*. № 1. pp. 98-119. [in Russian]
- [Morozova, 2007](#) – *Morozova O.M.* (2007). «Vydayushchiysya donets»: general-maior I.S. Ul'yanov [«Outstanding Donets»: Major General I.S. Ulyanov]. *Chelovek vtorogo plana v istorii*. Issue 4. Rostov-on-Don. pp. 308-327. [in Russian]
- [Morozova, 2008](#) – *Morozova O.M.* (2008). Ul'yanovy. Sem'ya donskikh kazakov za sto let [Ulyanovs. Family of Don Cossacks for a hundred years]. *Dialog so vremenem*. № 23. pp. 298-318. [in Russian]
- [Morozova, 2009](#) – *Morozova O.M.* (2009). Vasilii Il'ich Denisov i drugie donskie pomeshchiki v epokhu pervykh rynochnykh reform [Vasily Ilyich Denisov and other Don landowners in the era of the first market reforms]. *Pod sen'yu Svyatogo Georgiya*. Krasnodar. pp. 173-180. [in Russian]
- [Morozova, 2010](#) – *Morozova O.M.* (2010). Tsari, kazaki, krasnye komandiry... Sem' ocherkov v zhanre istoriko-psikhologicheskogo portreta [Tsars, Cossacks, Red Commanders ... Seven essays in the genre of historical and psychological portrait]. Rostov-on-don. P. 276. [in Russian]
- [Morozova, 2011](#) – *Morozova O.M.* (2011). Fondy donskikh kazakov v Gosarkhive Rostovskoi oblasti [Funds of the Don Cossacks in the State Archive of the Rostov Region]. *Otechestvennyye arkhivy*. № 6. pp. 41-49. [in Russian]
- [Peretyatko, 2016a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). Dispute about the Mius district in 1874: inviolable part of the Don Host Oblast or historical Little Russia? *Bylye Gody*, Vol. 40, Is. 2. pp. 448-456. [in Russian]
- [Peretyatko, 2016b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). N.I. Krasnov and his "Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges". *Russkii Arkhiv*. Vol. 14. Is. 4. pp. 301-320. [in Russian]
- [Peretyatko, 2016c](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). The dark side of the Emancipation Reform of 1861 on the Don region: the history of the resettlement of one of the peasant community according the material of atamanskaya kontselyariya. *Bylye Gody*. Vol. 39. Is. 1. pp. 137-145. [in Russian]
- [Peretyat'ko, 2017](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). «My nenavidim vseyu siloyu nashego serdtsa rabskii proizvod, kotoryi tsarstvoval vo vsekh chastyakh Vashego upravleniya»: o prichinakh nepopulyarnosti atamana M.I. Chertkova na Donu [«We hate with the all force of our hearts slave tyranny, which reigned in every part of your governance»: about the reasons for the unpopularity of the ataman M.I. Chertkov on the Don]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. № 48. pp. 118-127. [in Russian]
- [Peretyatko, 2017b](#) – *Peretyatko A.Y.* (2017). The importance of "Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges" of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*. 15(1). pp. 4-22. [in Russian]
- [Peretyatko, 2017a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2016). "Before Giving to the Nation or Tribe A New Order, One Must First Ask the People of this Nation whether they Need this Order": the Local Prerequisites for the Reforms of 1860-1870 On the Don. Part I. *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 3. pp. 937-948. [in Russian]
- [Peretyat'ko, 2018a](#) – *Peretyatko A.Y.* (2018). Razrabotka printsipov sostavleniya ofitsial'noi istorii kazachestva v Voennom ministerstve [Development of principles of the official history of the Cossacks in the War Ministry]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. Vol. 63. Issue. 2. pp. 546-571. [in Russian]

Peretyat'ko, 2018b – *Peretyatko A.Y.* (2018). Liberal protiv konservatora: protivostoyanie A.A. Donetskogo i N.A. Maslakovtza, ego ideinye predposylki i rol' v istorii Donskogo kraya [Liberal vs. Conservative: A.A. Donetskii and N.A. Maslakovets, his ideological background and role in the history of the Don region]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*. № 3. pp. 33-40. [in Russian]

Skorik, 2014 – *Skorik A.P.* (2014). Problemy i protivorechiya traditsionnogo byta donskikh kazakov na rubezhe XIX-XX vv. (o rezul'tatakh raboty komissii N. A. Maslakovtza) [Problems and contradictions of traditional life of don Cossacks in the XIX-XX centuries (based on the results of the work of the Commission of N.A. Maslakovets)]. Modernization of the polyethnic macroregion and neighboring countries: experience, problems, scenarios of development. Rostov-on-Don. pp. 268-273. [in Russian]

Stetskevich, 1959 – *Stetskevich M.Ya.* (1959) Materialy po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Rossii v 1890-1917 gg. v otdele rukopisei Gosudarstvennoi publichnoi biblioteki im. M.E. Saltykova-Shchedrina [Materials on the socio-economic history of Russia in 1890-1917 in the Department of manuscripts of the State public library of M. E. Saltykov-Schedrin]. Iz istorii imperializma v Rossii: trudy Leningradskogo otdeleniya Instituta istorii Akademii nauk SSSR. Vol. 1. M.; L. pp. 434-444. [in Russian]

Tikidzh'jan, 1998 – *Tikidzh'jan R.G.* (2018). Vojskovej nakaznoj ataman, knjaz' N.I. Svjatopolk–Mirskij (1881–1898) [Vojskovoy ataman Prince N.I. Svyatopolk–Mirsky (1881-1898)]. Don vremennik. [Electronic resource]. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/o/art.aspx?art_id=97 (reference date: 27.02.2017) [in Russian]

Tikidzh'jan, 2013 – *Tikidzh'jan R.G.* (2013). Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret [Don Cossacks in late XIX – early XX century. A historical portrait]. Saarbrücken. P. 228. [in Russian]

Volvenko, 2007 – *Volvenko A.A.* (2007). Dva podhoda k raschetam stoimosti donskogo kazachestva dlja Rossijskoj imperii v 60–70 gg. XIX veka [Two approaches to the calculation of the cost of the Don Cossacks to the Russian Empire in 60-70th of XIX century]. *Aktual'nye problemy sotsial'noi istorii. Sbornik nauchnykh statei*. Vol. 8. Novocherkassk; Rostov-on-Don. pp. 47-56. [in Russian]

Volvenko, 2015a – *Volvenko A.A.* (2015). Chebotarev A.P. – "the Grey Cardinal" of Cossack Reforms of the Epoch of Liberation? *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 15. Is. 2. pp. 106-114. [in Russian]

Volvenko, 2015b – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part I. *Russkaya Starina*. Vol.13. Is. 1. pp. 19-37. [in Russian]

Volvenko, 2015c – *Volvenko A.A.* (2015). Kazakomanstvo. Don case (the 1860th). Part II. *Russkaya Starina*. Vol.14. Is. 2. pp. 94-107. [in Russian]

Volvenko, 2016 – *Volvenko, A.A.* (2016). «Svedeniya o poseshchenii v 1837 G. Voiska Donskogo blazhennoi pamyati Imperatorom Nikolaem I I naslednikom tsesarevichem, nyne tsarstvuyushchim gosudarem imperatorom» zapiska A.P. Chebotareva [«Details of the Visit of Blessed Memory Emperor Nicholas I and of Tsesarevich and Heir Apparent, Nowadays Reigning Sovereign Emperor, to the Don Cossack Host in 1837»: A Note of A.P. Chebotaryov]. *Vestnik arkhivista*. № 3. pp. 121-134. [in Russian]

Volvenko, 2016a – *Volvenko A.A.* (2016). D.A. Milyutin and Cossacks. *Bylye Gody*. Vol. 40. Is. 2. pp. 398-411. [in Russian]

Volvenko, 2016b – *Volvenko A.A.* (2016). Ivan Krasnov about “the Cossack nationality” and “the Don patriotism” (Based on Periodicals of the 1860s). *Russkaya Starina*. Vol. (17), Is. 1. pp. 33-40. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko A.A.* (2017). Don Atamans of the Age of “Great Reforms” (the 1860s – 1870s). *Russkaya Starina*, 8(1). pp. 34-54. [in Russian]

Volvenko, 2017 – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

Yurchenko, 2018 – *Yurchenko Yu.I.* (2018). Noveishaya istoriografiya kazachestva: statistika nauchnykh statei v RINTs za 2017 g. [The latest historiography of the Cossacks: statistics of scientific articles in RSCI for 2017]. *Vestnik Nauchno-metodicheskogo soveta po prirodoobustroistvu i vodopol'zovaniyu*. № 11 (11). pp. 151-159. [in Russian]

Биографические исследования в современной историографии донского казачества второй половины XIX в. Часть 2

Горан Райович ^{a, b, *}, Евгений Федорович Кринко ^c, Алла Геннадьевна Вазерова ^d,
Милица Трайлович ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

^e Университет г. Женева, Швейцария

Аннотация. В последние годы исследователями был создан целый ряд биографических работ, посвященных деятелям донского казачества второй половины XIX в. Авторами подготовлен их обзор, чтобы эти исследования, представляющие собой интересное и многообещающее новое направление в современной историографии, не смешались с другими, многочисленными научными статьями казачьей тематики. Одновременно сделана попытка определить, какие персоналии в истории пореформенного Дона относительно изучены, а какие, напротив, оставляют место дальнейшим исследованиям. Наконец, отдельное внимание уделено вопросу о том, какие подходы применяют различные историки и с чем связан интерес к личностному фактору в истории донского казачества второй половины XIX в., проявившийся в последние годы.

Результатами данного исследования являются следующие выводы: большая часть персоналий выбирается историками для изучения исходя не из их реальной значимости, а из объема сохранившихся архивных материалов, и в итоге выбор этих персоналий достаточно случаен (единственной относительно проработанной категорией являются донские атаманы); большая часть статей написана несколькими историками, пытающимися уйти от обезличенности в восприятии правительственной политики этого периода; несмотря на это, большая часть работ написана в 2010-х гг., что позволяет говорить о реальных изменениях в современной донской историографии.

Ключевые слова: современная историография, биографические исследования, донское казачество второй половины XIX в., военные министры Российской империи, военное чиновничество на Дону, донские ученые.

* Корреспондирующий автор

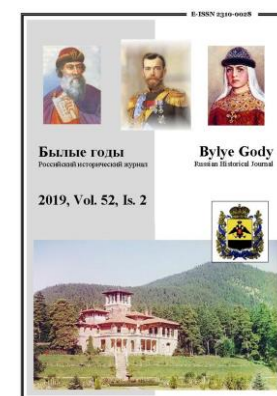
Адреса электронной почты: dkgoran.rajovic@gmail.com (Г. Райович), history@pguas.ru (А.Г. Вазерова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 714-725. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.714
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Preparation of Pedagogical Staff for Steppe and Turkestan Area in Educational Region of Russian Empire

Asem K. Sadykova ^{a,*}, Sabira S. Saifulmalikova ^a

^a Abai Kazakh National Pedagogical University, Kazakhstan

Abstract

The article considers history of Turkestan, The Steppe's Governorate General Teacher's seminary and school in the second half of XIX and in the beginning of XX century, provides inside into the significance of these educational institutions for the professional-pedagogical staff preparation for the primary school. The authors outline questions, which are related to the national teachers' training forms, teacher seminaries' professional-institutional staff, public officials, differentiated payment approach, national, religion and social structure of students, types of the scholarship and organization of the educational and nurturing process. Learning of the archive sources let to analyze material-technical level of the seminary, classroom equipping, regional features of the subject teaching systems, application of the student behavior assessment systems.

The idea is substantiated that experience of the teacher's seminary and school existence in Kazakh steppe formed the basis of the professional-pedagogical staff preparation for the primary school with secondary-level pedagogical education, including national teacher's staff training formation.

Keywords: Turkestan, The Steppe's Governorate General Teacher's seminary, the primary school, teachers, scholarship, Kazakh language, educational and nurturing function, national education system.

1. Введение

Процесс подготовки педагогического корпуса в казахской степи для низших учебных заведений связан с открытием учительских семинарий в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах во второй половине XIX – начале XX веков. До открытия учительских семинарий в начальных училищах и русско-туземных школах работали священнослужители, выпускники Неплюевского кадетского корпуса, школы при Оренбургской пограничной комиссии, а также разных учебных заведений Российской империи, в основном без педагогического образования.

Актуальность выбранной темы заключается в том, что предметом исследования выступает проблема создания системы педагогических учебных заведений по подготовке учителей со средним образованием, в том числе национальных кадров в период Российской империи. В связи с этим особое внимание уделяется региональному аспекту вопроса. Изучение системы педагогических учебных заведений в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах представляет большой интерес как в этнорелигиозном, этнонациональном, так и в историко-образовательном плане, поскольку прослеживается преемственность между учительскими семинариями прошедших столетий и современными образовательными учреждениями – педагогическими колледжами, их организационной структурой, целями и задачами. Также надо отметить: создание Семипалатинского педагогического колледжа берет начало от Семипалатинской учительской семинарии.

При исследовании образовательной системы в педагогической структуре учебных заведений были изучены следующие аспекты: региональная особенность, кадровый потенциал, состав

* Corresponding author

E-mail addresses: asemakaznpu@mail.ru (A.K Sadykova), sabirasha@mail.ru (S.S. Saifulmalikova)

воспитанников, материально-техническая база, учебно-воспитательный процесс, механизм подготовки учителей со средним педагогическим образованием. Подчеркивается особенность подготовки педагогических кадров в регионах, заключающаяся в том, что учебные заведения были исключительно казенными, а учителей не готовили в земских, частных учительских семинариях и церковно-учительских школах, как это происходило в европейской части России.

2. Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принципы историзма и объективизма. Изучение прошлого позволяет понять историческую эпоху, ее приоритеты, ценности, социокультурную систему. Анализ различных источников, рассмотрение каждого события в многогранности и противоречивости представляет возможность объективно оценить положительные и отрицательные стороны изучаемой темы. Основными источниками данного исследования послужили ранее малоизученные документы архивных фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Республики Татарстан. В процессе работы над статьей нами использованы Сборники постановлений Министерства народного просвещения при царствованиях Александра II, Александра III, Николая II, в которых нас привлекли справки об учебных заведениях, доклады, представленные в Государственный совет. Авторами изучены нормативно-правовые материалы, указы, законы, распоряжения, правила, инструкции и уставы, принятые для учительских семинарий по народному образованию Российской империи, материалы периодической печати, статистические сборники.

3. Обсуждение

В дореволюционной научной литературе отсутствуют комплексные исследования по истории создания учительских семинарий в Туркестанском и Степном генерал-губернаторствах. Сведения о них чаще встречаются в деловых документах чиновников колониальной администрации. Дореволюционные труды представлены публикациями самих участников процесса формирования этих учебных заведений, работавших директорами, инспекторами, наставниками, секретарями в учительских семинариях, такими как Н.П. Остроумов ([Остроумов, 1904](#)), М.А. Миропиев ([Миропиев, 1881](#)), Н. Воскресенский ([Воскресенский, 1883](#)), С.М. Граменицкий ([Граменицкий, 1896](#)) и др. В годовых отчетах секретарей педагогического совета Туркестанской учительской семинарии М.А. Миропиева, Н. Воскресенского подробно излагаются важные проблемы, связанные со статусом семинарий, с вопросами учебно-воспитательного, хозяйственного характера, квалификацией педагогического состава, и статистические сведения о воспитанниках. Вместе с тем необходимо отметить, что в небольших заметках выпускников учительских семинарий также затрагивается положение учебных заведений ([Бывший питомец, 1908](#)).

В своем исследовании А.В. Васильев рассматривает Орск-Оренбургскую учительскую школу наряду с другими учебными заведениями Оренбургского генерал-губернаторства ([Васильев, 1896](#)). Автор делает вывод: после пожара в Орске, произошедшего в 1888 г. вследствие неправильной организации учебно-воспитательного процесса, воспитанники выразили недовольство существующим порядком. Однако в архивных и эпистолярных источниках отмечается, что протест воспитанников-казахов произошел в 1889 году ввиду проповедования Евангельских заповедей директором А.Г. Безоным.

В советской историографии тема подготовки педагогических кадров в Казахстане рассматривалась в диссертации А.П. Герасимовой – в единственной работе по этой проблеме ([Герасимов, 1950](#)). Герасимова изучила систему педагогического образования, методы обучения, материально-бытовое положение воспитанников и их участие в революционном движении. Автор приходит к выводу, что методы обучения препятствовали умственной самостоятельности учащихся, но, несмотря на издержки образования, воспитанники все же получили определенный круг знаний, умений и навыков, необходимых для будущих учителей начальных школ.

Проблема подготовки учительских кадров в начальных училищах и русско-туземных школах в Туркестанском генерал-губернаторстве освещалась в работе К.Е. Бендрикова ([Бендриков, 1960](#)). Автор пишет, что учителей для народных училищ готовили в Туркестанской учительской семинарии, а образцовое училище при семинарии было ярким примером для уездных школ.

В статьях ученых В.И. Полухина ([Полухин, 2009](#)), О.А. Сумарокова ([Сумароков, 2015](#)) и др. упоминается о Туркестанской, Семипалатинской учительских семинариях и об Орско-Оренбургской киргизской учительской школе. В современной казахстанской историографии история создания и формирования учительских семинарий считается одной из малоизученных тем. Имеющаяся информация недостаточно освещает проблему и представлена отрывочными сведениями.

4. Результаты

Социально-политические, экономические изменения, произошедшие в казахской степи после вхождения ее в состав Российской империи, отразились на системе образования. Во второй половине XIX века в уездах Туркестанского, Западно-Сибирского и Оренбургского генерал-губернаторств

ощущалась нехватка квалифицированных учительских кадров для начальных школ, остро стоял вопрос подготовки народных учителей.

Подготовка учительских кадров на окраине началась с открытия таких педагогических учебных заведений, как Омская учительская семинария (1872), Туркестанская учительская семинария (1879), Орско-Оренбургская учительская школа (1882). При семинариях были открыты начальные училища с годичным и двухгодичным курсами. Казахские воспитанники обучались и в Казанской учительской семинарии. В начале XX века готовили учителей в Семипалатинской учительской семинарии (1903), Актюбинской мужской учительской семинарии (1912), Уральской учительской семинарии (1913), Верненской учительской семинарии (1913), Акмолинской учительской семинарии (1916), а также на педагогических курсах при гимназиях и городских училищах. Учительские семинарии и школы на окраине были правительственными, закрытыми средне-специальными учебными заведениями и непосредственно подчинялись Министерству народного просвещения.

Структура учительской семинарии строилась по правилам иерархии. В регионах учительские семинарии носили гендерный характер, в них обучались исключительно представители мужского пола от 15 до 24 лет. Преподавательский состав – учителя, наставники, а также врачи, экономы тоже были мужчины. С 1917 года в Верненскую учительскую семинарию стали принимать лиц женского пола, численность их достигла 30 человек.

В регионах существовали две формы попечительства: 1) общественно-административного характера, когда попечитель избирался из общественных представителей; 2) почетный попечитель избирался из купцов, промышленников, так как их обязали материально помогать семинарии на благотворительной основе. Суммы благотворительности были неравными: в Омской учительской семинарии в год – 300 рублей, в Туркестанской учительской семинарии – 500 рублей.

В Российской империи учительские семинарии были трехгодичными, в регионах с момента открытия Туркестанской учительской семинарии – четырехгодичными, а училища при них – годичными. Туркестанская учительская семинария управлялась по положению Молодеченской (17 марта 1870 г.) и Иркутской учительской семинарии (27 марта 1872 г.). Орско-Оренбургская учительская школа – по положению для татарских учительских школ Уфы и Симферополя от 27 марта 1872 г., также по положению «О киргизской школе в г. Троицке», утвержденному 10 ноября 1880 года. В начале XX века Семипалатинская, Верненская, Актюбинская, Уральская учительские семинарии учреждались по положению 1902 года в составе четырех классов: трех основных и подготовительного, а училища при них были двухгодичными.

Создание учительских семинарий в регионах имело свои особенности. Главными инициаторами открытия заведений являлись административные управленцы местной власти, в основном генерал-губернаторы и губернаторы. Педагогический персонал Туркестанской учительской семинарии и образцового училища при семинарии пользовался правами и преимуществами, установленными для лиц учебного ведомства Туркестанского края. Особо следует отметить, что оплата труда в Туркестанской учительской семинарии была приравнена к жалованиям Ташкентской и Верненской мужских гимназий, и на 50 % выше, чем в других учительских семинариях Российской империи (СПМНП. Т. VII, 1883: 1632). Например, директор получал 3000 рублей, учитель Закона Божьего – 1800 рублей, пять наставников и учителей – 9000 рублей, учителя рисования, черчения, чистописания – по 600 рублей, врач и эконом – по 450 рублей, два учителя училища при семинарии – по 1800 рублей (СПМНП. Т. VII, 1883. Приложение: 26). Персонал Туркестанской учительской семинарии пользовался следующими льготами: а) после 3-летней службы сотрудники семинарии получали один 4-месячный отпуск с сохранением содержания; б) после 5-летней службы в Туркестанском крае, при оставлении службы получали прогоны в обратный путь до места нового назначения и пособия в размере полугодового жалования по последней занимаемой должности; в) при получении пенсии пять лет службы в Туркестанском крае засчитывались как семь лет (СПМНП. Т. VII, 1883: 1635). Преимущества подобного рода, созданные для Туркестанской учительской семинарии, отсутствовали в Орско-Оренбургской учительской школе, Верненской, Актюбинской учительской семинариях. Труд в них оплачивался так же, как и в других учительских семинариях Российской империи. К примеру, состоящий учителем в 1890–1893 годы при Орско-Оренбургской учительской школе начального училища Бергали Бахтыгереев получал жалование 360 рублей в год, в коэффициентном соотношении в несколько раз ниже, чем в Туркестанской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 6. Л. 5).

Особо нужно отметить положение директора и преподавателей Туркестанской учительской семинарии. Помимо прямых обязанностей, ими выполнялись различные функции, установленные Туркестанским генерал-губернатором и главным инспектором училищ. Еще одной особенностью этого учебного заведения было то, что генерал-губернаторы активно участвовали во внутренней жизни семинарии. По указанию генерал-губернатора директор Н.П. Остроумов был назначен редактором «Туркестанской газеты» на сартовском языке, а учителя участвовали в ревизии учебных заведений, активно печатали статьи в «Туркестанских ведомостях», являлись авторами известных литературных и ученых трудов. Также они активно привлекали своих воспитанников к творческой работе. Так, первый выпускник семинарии казах Букин Есмухаммед стал автором работы: «Киргизско-русский словарь и русско-киргизский словарь», «Физическое и умственное воспитание у киргизов».

Анализ уровня образования преподавательского состава учительских семинарий выявил, что в состав Туркестанской учительской семинарии изначально вошли лица, окончившие духовную академию, а учителя Орско-Оренбургской школы преимущественно имели университетское образование. В начале XX века в связи с нехваткой педагогических кадров в семинариях уже работали выпускники Туркестанской и Омской учительских семинарий и Орско-Оренбургской учительской школы. В 1915 году в Верненской учительской семинарии педагогический персонал состоял из выпускников в следующем количественном составе: один – из духовной семинарии, один – из университета, один – из учительского института, трое – из учительской семинарии, один – с домашним образованием (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 29). Особо следует отметить, что значительное большинство учителей с дипломами духовной академии и университета работали в семинарии по совместительству, следовательно, после начала Первой мировой войны из-за нехватки педагогических кадров большинство штатников составили специалисты со средним педагогическим образованием. В образцовых училищах при семинариях основной контингент учителей состоял из воспитанников Туркестанской учительской семинарии и Орско-Оренбургской учительской школы. В период Первой мировой войны по причине недостаточного числа квалифицированных кадров в Семипалатинской, Верненской учительских семинариях привлекались к работе лица женского пола, ранее не допускавшиеся к труду в учительских семинариях.

В Российских губерниях по положению от 31 мая 1872 года в городских училищах классными учителями и помощниками могли работать только выпускники педагогического института. В регионах с нехваткой кадров выпускники учительских семинарий, согласно приказу Туркестанского генерал-губернатора, получили возможность трудоустройства в семинарию и в городские училища помощниками учителей (СПМНП. Т. VII, 1883: 2036).

Первыми воспитанниками, принятыми в учительские семинарии, преимущественно были выпускники двухклассных и одноклассных училищ. В конце XIX века ситуация изменилась: в 1899 году из городских училищ в Оренбургскую киргизскую учительскую школу поступили восемь человек, из двухклассных и одноклассных училищ – 41 человек, из волостных русско-киргизских училищ – один человек, из церковно-приходских школ – пять, из начального пришкольного училища – три, из неоконченных ремесленных училищ и школ – восемь человек (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 120. Л. 8). В начале XX века среди поступающих уже преобладали воспитанники городских училищ.

На начальном этапе создания учительских семинарий поступление происходило в упрощенном порядке, позже прием осложнили. В начале открытия учительских семинарий зачисляли всех экзаменуемых, так как желающих поступить было немного. В 1883 году в Орско-Оренбургской учительской школе количество выделенных штатных мест равнялось 35, но желающих поступить было 20. В 1915 году при поступлении в Актюбинскую мужскую семинарию экзамен сдавали 33 претендента, но из них были приняты всего 14 человек (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 4). Если ранее в учительских семинариях поступающим достаточно было сдать экзамены только по русскому языку и арифметике, то в 1904 году при поступлении в подготовительный класс Семипалатинской учительской семинарии количество экзаменов увеличилось – требовалось выдержать экзамен письменно и устно по русскому языку и арифметике, устно по Закону Божьему, истории и географии (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 11. Л. 25).

Возможность поступления в учительскую семинарию, помимо местных жителей, имели и выходцы из других регионов. В 1880 году в Туркестанской учительской семинарии среди обучающихся воспитанников были представители следующих регионов: выходцы Семиреченской области – 21 человек, выходцы из Сырдарьинской – 17 человек, и часть семинаристов составляли уроженцы европейской части России (Мироппев, 1881: 12).

В 1907 году в Семипалатинской учительской семинарии из 54 воспитанников число уроженцев Семипалатинска и Семипалатинского уезда составило 30 человек, Акмолинской области – 2 человека, Семиреченской области, Тобольской губернии, Томской губернии – по 6 человек (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). Стремление других региональных жителей поступить в Семипалатинскую или в Туркестанскую учительскую семинарию можно объяснить тем, что в самой европейской части России желающих поступить было значительно больше, соответственно существовал конкурс – на одно место претендовало от двух до шести человек. По этой причине они устремлялись поступать в учительские семинарии Степного края и Туркестана.

В Туркестанской учительской семинарии вместе с русскими воспитанниками обучались крещеные и некрещеные дети туземцев. Русским предоставлялось 50 мест, остальные места – детям инородцев. Из туземцев поступали казахи, узбеки, татары, башкиры, туркмены. В Орско-Оренбургскую киргизскую учительскую школу до 1892 года принимали только детей казахов, позднее стали принимать русских детей. Число учеников, соответственно, стало увеличиваться за счет русских детей и стипендиатов.

В учительской семинарии и учительской школе обучалось большинство лиц славянского происхождения и православного вероисповедания. По данным Туркестанской учительской семинарии, в 1895 году из 46 воспитанников – 40 было православных, 6 мусульман, при образцовом училище из 45 воспитанников – 43 православных, двое – римско-католического вероисповедания

(Обзор Сырдарьинской области за 1895 г., 1897: 169). В Актюбинской мужской учительской семинарии в 1913 году учились пять мусульман и 31 православный (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 171). В 1914 году в Верненской учительской семинарии из 21 воспитанников было 20 православных, 1 мусульманин (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 11). В 1914 году в Уральской учительской семинарии среди 46 воспитанников – 31 православный, 8 единоверцев, 6 мусульман, 1 старообрядец (Обзор Уральской области за 1914, 1915: 147). В Орско-Оренбургской киргизской учительской школе сначала обучались исключительно казахи, с 1892 года преобладали русские воспитанники. В 1916 году из 72 учеников 56 – православные, 16 – мусульмане (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 11). Анализ различных статистических данных по разным годам позволяет сделать вывод, что в региональных учительских семинариях количество православных воспитанников составляло 85 %, мусульман – 12 %, единоверцев – 2,2 %, старообрядцев – 0,2 %, католиков – 0,2 %. В регионах в учительских семинариях не разрешалось обучаться моголам духовного христианства.

Из всех взятых обучающихся магометан большинство составляли казахи. А.И. Добросмыслов отмечает, что за первые 25 лет существования Туркестанской учительской семинарии в ней прошли обучение 348 русских, 54 киргиза (казаха), 9 сартов (узбеков), 3 татар, 1 туркмен (Добросмыслов, 1912: 231). Малочисленность среди обучающихся магометан объясняется тем, что многие коренные народы своих детей отдавали на учебу в мусульманские учебные заведения. К тому же были еще и другие причины: из-за низкого качества образования в начальных школах их дети не выдержали вступительных экзаменов, большой учебной нагрузки, тяжелой адаптации к городской среде, неполноценного скудного питания, строгих правил и контроля, религиозных обязанностей и обрядов. Многие казахи не могли продолжить обучение, в первую очередь из-за проблем со здоровьем. Например, в 1890 году из Оренбургской киргизской учительской школы трое воспитанников-казахов были отчислены по состоянию здоровья.

В конце XIX века в Степном крае и Туркестане учительские семинарии по сословному составу отличались от состава учительских семинарий европейской части Российской империи: в региональных учебных заведениях большинство было выходцами из казаков и мещан.

Таблица 1. Сословный состав русских воспитанников, кол-во человек

Сословный Состав	Туркестанская учительская семинария		Семипалатинская учительская семинария		Актюбинская учительская семинария		Верненская учительская семинария		Орско-Оренбургская учительская школа		Уральская учительская семинария	
	1880	1895	1907	1916	1913	1917	1913	1915	1898	1915	1913	1915
Дворяне и чиновники	2	7	-	6	-	-	4	7	-	5	-	-
Духовное звание	-	1	-	2	-	1	-	1	2	3	3	3
Нижние чины и казаки	23	17	-	21	-	-	3	11	-	2	9	16
Мещане	3	10	26	19	14	12	8	7	18	20	10	15
Крестьяне	-	5	13	52	22	47	5	8	5	31	17	23
Иные сословия	2	-	25	1	-	10	-	-	-	-	1	-

Источник: Миропиев, 1881: 12; Обзор Сырдарьинской области за 1895 год: 169; ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9; Ф. 503. Оп. 1. Д. 24. Л. 19; Ф. 458. Оп. 1. Д. 33. Л. 12; Ф. 458. Оп. 1. Д. 79. Л. 40; Ф. 127. Оп. 1. Д. 14. Л. 19; Ф. 127. Оп. 1. Д. 35. Л. 34; Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 10; Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 14; Обзор Уральской области за 1913: 123; Обзор Уральской области за 1915: 132.

Таким образом, основываясь на широком круге архивных источников, можно сделать предварительные выводы. Сословная принадлежность воспитанников учительских семинарий была различной в разных областях и постоянно менялась. В период создания семинарий среди русских преобладали казаки и мещане. В Семипалатинской, Актюбинской, Верненской учительских семинариях преобладали крестьяне, меньше – дворяне, духовенство и дети чиновников. Имелись существенные различия между регионами. Если в Верненской, Уральской учительских семинариях преобладали дети казаков, то в Актюбинской семинарии таковые отсутствовали.

Казахские воспитанники по социальному составу происходили из семей степной аристократии и бедняков. К примеру, в 1880 году в Туркестанской учительской семинарии из семи обучающихся двое были потомками киргизского султана, пятеро – потомками простых киргизов (Миропиев, 1881: 11). Султанские дети были прямыми продолжателями рода хана Абулхаира: Исмайл Касымов и

Жусип Касымов. В 1889 году в Орско-Оренбургской школе из 35 воспитанников-казахов: восемь – султанского, один – духовного, 26 – простого происхождения (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 24. Л. 6).

В учительских семинариях и школах воспитанники обучались на положенных штатных казенных стипендиях. В момент открытия Туркестанской учительской семинарии учреждено 50 мест положенного штата, то есть для 50 принятых в семинарию учащихся были назначены государственные стипендии, а в Орско-Оренбургской школе – 35 мест. Сверхштатные воспитанники принимались на стипендии земских, казачьих, местных обществ, учреждений, частных лиц, были своекоштные пансионеры, полупансионеры и были приходящие воспитанники. В 1907 году в Семипалатинской учительской семинарии из 87 воспитанников на казенные стипендии обучались 50, земские – 9, казачьи – 1, на собственные средства – 24 (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 7. Л. 9). В Верненской учительской семинарии: на казенные – 34, городские – 1, земские – 13, казачьи – 3, своекоштные – 3, сельские – 1, приходящие – 5, посещающие – 4 (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54). Общий статистический анализ по стипендиям учительской семинарии приводит к выводу о том, что большинство русских воспитанников обучались на казенные стипендии, казахские воспитанники – на казенные и земские стипендии. Если обучающихся казахских воспитанников на земские стипендии исключали за неуспеваемость, то стипендии предоставлялись русским воспитанникам. В конце XIX века годовой размер казенной, а также и земской стипендии равнялся 120 рублям, к 1916 году – 240 рублям в год. В учительской семинарии для поступления на казенную стипендию сохранялась большая конкуренция. В 1913 году в Туркестанской учительской семинарии из 65 поступающих 12 учащихся получали казенную стипендию. В условиях конкуренции родители некоторых воспитанников иногда брали для детей займы в векселях, в надежде, что во время учебы у детей появится возможность получать казенную или другую стипендию.

В 1896 году в Орско-Оренбургской учительской школе разрешением учебно-окружного приказа было учреждено 17 частных стипендий для киргизов Тургайской области, в 1897 году – 10 частных стипендий для Уральской области на содержание стипендиатов, воспитанников-казахов, взятых из средств земских налогов вышеуказанных областей (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 2). Общество казаков, мусульман и другие различные сообщества учреждали свои стипендии. В 1914 году Токмакское общество Торгового местечка (мусульман) учредило две стипендии для Верненской учительской семинарии: по 240 рублей каждому воспитаннику – выходцам Токмака (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 54. Л. 30).

В семинариях учреждались именные стипендии. В 1912 году в Семипалатинской учительской семинарии была учреждена именная стипендия имени императора Александра II, стипендия имени статус-секретаря Милютина, в Туркестанской учительской семинарии – стипендия генерал-адъютанта А.Н. Куропаткина.

Казенные, земские стипендиаты учительской семинарии обязаны были отработать не менее шести лет в школах. Они не имели права на поступление в университет, только с 1915 года разрешалось поступать в высшее учебное заведение.

В учительской семинарии и школе обучали следующим предметам: Закон Божий, русский язык, церковно-славянский язык, история, арифметика и геометрия, физика, естествоведение, география, педагогика и дидактика, чистописание, рисование, гимнастика, пение. Воспитанники проходили педагогическую практику в образцовых училищах при семинариях. Закон Божий и церковно-славянские языки были обязательными предметами только для воспитанников из русских и крещеных инородцев. Однако в Семипалатинской учительской семинарии изучали церковно-славянский язык и некрещеные мусульмане.

Орско-Оренбургская киргизская учительская школа была единственным учебным заведением, где преподавали магометанское вероучение, в других учительских семинариях предмет был исключен из-за малого количества воспитанников-мусульман. Преподаватель по магометанскому вероучению избирался инспектором школы среди мулл, хорошо знающих русский язык, и утверждался в должности попечителем учебного округа по согласованию с губернатором. Архивные документы убеждают: ведение предмета было на низком уровне. Учителю Боранкулову за год следовало провести 323 урока, из них он пропустил 125 уроков, по сравнению с другими учителями количество пропусков было огромным (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 5). В 1892 году в Оренбургской киргизской учительской школе с принятием русских детей был введен новый предмет – Закон Божий. Во всех учительских семинариях изучению Закона Божьего уделялось особое внимание.

При исследовании темы семинарий особый интерес представляет преподавание местных языков. В Туркестанской, Семипалатинской, Верненской учительских семинариях изучали киргизский (казахский) язык, в Актюбинской, Уральской учительских семинариях данная дисциплина не преподавалась. В Туркестанской учительской семинарии воспитанники 1879–1883 года изучали киргизский (казахский) язык на основе кириллицы, знакомились с структурой и грамматикой языка, учили пословицы, переводили с казахского на русский и наоборот. С 1884 года по решению Туркестанского генерал-губернатора Н.А. фон Розенбаха киргизский (казахский) язык был отменен. Для семинаристов ввели изучение сартовского (узбекского) языка, с 1885 года – персидского языка. Директор семинарии Н. Остроумов не поддержал изучение сартовского и персидского языков, об этом он писал: «В семинарию продолжали поступать почти исключительно

киргизы, которых таким образом, вопреки прежнему проекту, обучали мусульманской письменности на сартовском и персидском языках» ([Кауфманский сборник, 1910: 143](#)).

В Верненской учительской семинарии изучали киргизский (казахский) персидский, сартовский (узбекский) языки. В Семипалатинской учительской семинарии киргизский (казахский) язык изучали на протяжении четырех лет, первый год – киргизский (казахский) язык с русской транскрипцией, второй год – с арабским алфавитом, на четвертом году обучения воспитанники должны были свою мысль излагать на киргизском (казахском) языке письменно с помощью арабского алфавита ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 4. Л. 10](#)). В семинарии с 1905 до 1916 гг. киргизскому (казахскому) языку обучали всех, с 1916/1917 учебного года язык изучали исключительно русские воспитанники. В Орско-Оренбургской учительской школе киргизский (казахский) язык изучали только русские воспитанники. Итак, подводя итоги по изучению языков, можно заключить, что в каждой семинарии были свои лингвистические экспериментальные установки.

По вопросу изучения предметов в семинариях были сравнительно нестандартные, самостоятельно принятые решения. В Туркестанской учительской семинарии педагогику изучали с первого класса. В 1893 году по инициативе областного управления в Орско-Оренбургской киргизской учительской школе в 4-м классе было введено преподавание гигиены с кратким курсом практической медицины. С 1912 года в Актюбинской мужской учительской семинарии воспитанникам на уроках гигиены было разрешено знакомиться с техникой оспопрививания с правом получения, по итогам испытаний в комиссии из местных врачей и врачебного инспектора, свидетельства на звание оспопрививателя ([ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 8. Л. 14](#)). Эксперимента борьбы с оспой в других учительских семинариях не проводилось.

В Туркестанской учительской семинарии с 1881 года воспитанников готовили к переводческому делу, исключительно детей русского происхождения, не более пяти человек в год. Обучение и воспитание ученика семинарии обходилось в 200 рублей в год на каждого. Учащиеся жили в одних условиях с казенными стипендиатами и подчинялись всем правилам, изучали все предметы семинарского курса, кроме черчения, рисования, пения и музыки. На четвертом году обучения изучали местные языки учащиеся мусульманского вероисповедания у особого преподавателя, по найму администрации. В вакационное время их отправляли в туземные кишлаки и аулы для непосредственного ознакомления с живым народным говором туземного населения.

В региональных учительских семинариях пение было обязательным предметом, но к обучению музыке допускали тех, кто мог оплатить дисциплину отдельно. В Оренбургской киргизской школе музыка велась четыре раза в неделю, за уроки воспитанники платили в год 150 рублей. В 1916 году из 72 обучающихся лишь 21 воспитанник изучал музыку. В 1904 году в Семипалатинской учительской семинарии 40 из 70 обучающихся изъявили желание платить преподавателю за обучение игры на скрипке, гитаре и других музыкальных инструментах ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 3. Л. 31](#)). В вышеуказанном заведении в исключительном порядке воспитанникам было разрешено петь в церквях за определенную сумму, полученные два-три рубля они платили за урок. Семипалатинская учительская семинария была наиболее оснащена музыкальными инструментами, в 1916 году имела свой рояль, фисгармонию, контрабас, альт-кларнет, флейту, корнет, барабан, 30 скрипок, 18 гитар, 13 мандолин, 58 балалаек – всего 129 музыкальных инструментов ([ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 28. Л. 3](#)).

В учительских семинариях, по концепции просветителя И.Я. Яковлева, для сочетания умственного и физического труда практиковались столярное, токарное, переплетное, сапожное ремесла. В Орско-Оренбургской киргизской учительской школе преподавались столярное искусство и токарное дело по дереву. Воспитанники изготавливали из дерева предметы игрушечного характера и вещи для домашнего обихода: табуретки, столы, шкафы, комоды, пресс-бювары, шкатулки и др. ([ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 374. Л. 4](#)). Во всех учебных заведениях по предмету ручного труда были одинаковые трудности, не хватало мастеров с ремесленной подготовкой, а классные помещения не имели специального оборудования.

Семинарии имели свои фермы и теплицы для самокупаемости по принципу системы Ильминского. Верненская учительская семинария содержала собственную сельскохозяйственную ферму на участке земли площадью 1800 кв. саженей, приобретенном за 3 425 рублей. В 1915 году площадь посадок составляла 3 600 кв. сажен, где выращивались овощные культуры, зелень и бахчевые: картофель, огурцы, свекла, морковь, лук, капуста, помидоры, кукуруза, укроп, арбузы. И если в 1914 году валовая прибыль фермы равнялась 488 рублям 81 копейке, то в 1919 году она возросла до 3 039 рублей 81 копейки ([ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 95. Л. 3](#)). Туркестанская и Семипалатинская учительские семинарии тоже располагали собственными теплицами и огородами.

Особое значение в учительских семинариях уделялось религиозно-нравственным и воспитательным аспектам. Семинаристы обязательно должны были присутствовать на утренних и вечерних молитвах, богослужениях, участвовать в церковных пениях. В Орско-Оренбургской учительской школе и в Верненской учительской семинарии были созданы хоровые коллективы, выступающие на богослужениях. Самым способным ученикам Орско-Оренбургской школы выдавали свидетельства для руководства духовными хорами.

Режим дня учеников семинарии был строго регламентирован. Все воспитанники вставали утром и ложились спать по звонку. Соблюдение постов, посещение церкви велись под неукоснительным надзором наставников и наблюдателей (Олейник, 1909: 10).

Воспитанников аттестовывали отдельно за поведение и выставляли отметки, за любые шалости ученики должны были нести наказание как за несоответствующее поведение, к примеру, за выход из церкви во время богослужения, из класса – без разрешения преподавателя, за уклонение от посещения церковных служб, за неуместное объяснение на замечание классного наставника, за небрежное отношение к казенному имуществу, за уход из квартиры без ведома хозяйки, за позднее возвращение домой, за неприличное поведение на улице и в общественных местах, за курение табака в недозволенном месте, за дурные привычки и др. Отметки за поведение имели влияние на учебный процесс: семинаристов лишали стипендий и отпуска, заключали в карцер, не переводили в следующий класс, исключали из семинарии.

В повседневной жизни учительских семинарий в учебно-воспитательном процессе внеурочная деятельность развивалась многосторонне и разнообразно. Проводились религиозные праздники с православным церковным календарем, также коронации царей, панихиды царей, годовщины и памятные даты. К примеру, отмечалось 100-летие кончины Екатерины II, панихиды Александра II, Александра III, 200-летие годовщины рождения М. Ломоносова. В 1896 году 14 мая в день коронации Николая II и Александры Федоровны в здании Орско-Оренбургской учительской школы прошло торжественное молебство, три дня воспитанники получали улучшенный стол и лакомства (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 100. Л. 18).

В 1908 году на храмовом празднике, устроенном в церкви Ташкентской учительской семинарии, на торжественном богослужении присутствовали помощник Туркестанского генерал-губернатора К.А. Кондратович, военный губернатор Сырдарьинской области М.Я. Романов, главный инспектор училищ Ф.М. Керенский. Местные чиновники, кроме торжественных мероприятий, часто посещали семинарию, присутствовали на выпускных экзаменах, на уроках (Туркестанские ведомости. 1908. № 2536: 1080).

Кроме религиозных праздников, в семинариях проводились разные конкурсы, театральные представления, вечера классической музыки, литературно-музыкальные, вокальные вечера, ученические чтения по русской истории, чтение с туманными картинками, чаепитие. Каждый четверг в Орско-Оренбургской киргизской учительской школе устраивались вечерние чтения. Попечитель учебного округа непосредственно сам еженедельно присутствовал на этих чтениях.

В праздничные дни воспитанникам разрешалось посещение кинематографа, детских спектаклей, концертов, городских театров, вокальных вечеров, катков под наблюдением наставников. В 1903 году инспектор Орско-Оренбургской школы сообщал, что антрепренер театра Никулин прислал воспитанникам 10 билетов на представление (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 175. Л. 31).

Одной из форм внеурочной работы являлись экскурсии разного плана: по уездному городу, по крупным городам, пешие. Экскурсии по историческим достопримечательностям были нацелены на изучение региональной истории, местного края, а также истории России, а географические экскурсии проводились по объектам. Знания и впечатления, полученные в процессе экскурсий, способствовали формированию научного мировоззрения у воспитанников, развитию мотивации к изучению истории, культуры и традиций, а также установлению взаимопонимания между воспитанниками и наставниками. В целом экскурсии являлись одной из лучших форм и одним из лучших методов патриотического воспитания. К примеру, в 1884 году воспитанники Туркестанской учительской семинарии посетили Чиназ, Джизак, Самарканд, Пенджикент, Заамин, Ура-Тюбе, Ходжент. В отчете преподавателя В. Ошанина особо отмечается: «воспитанники познакомились со значительным пространством Туркестанского края, обращались с различными вопросами, касающимися самых разнообразных явлений природы, кроме того шли, никак не унывая во время пути» (Граменицкий, Ошанин, 1908: 109).

В 1899 году воспитанники училищ, учительской семинарии, гимназии и реального училища Туркестанского края посетили Санкт-Петербург, Москву, приволжские города и ярмарку Нижнего Новгорода (Нива, 1899: 594). В 1910 году в круговой поездке Тобольск – Москва – Одесса – Крым – Новороссийск – Самара – Омск участвовали четыре преподавателя и 18 воспитанников Семипалатинской учительской семинарии (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 12. Л. 11). Из всех этих форм внеурочной работы чаще всего проводились экскурсии по уездному городу, где обучались семинаристы.

Воспитанники семинарии в повседневной жизни активно принимали участие в разных мероприятиях, организованных уездной управой. Например, учащиеся Верненской учительской семинарии участвовали в подготовке статистических работ по описанию Верного. Городской глава особо отметил воспитанников семинарии среди других учебных заведений за лучшую работу.

После буржуазно-демократической революции 1905–1907 гг., в период подъема политической активности, воспитанникам учительских семинарий не дали возможности присутствовать на многочисленных мероприятиях. В будние дни вообще запрещалось посещение концертов и собраний, маскарадов, общественной библиотеки и читальни. В 1914 году во многих учебных заведениях был запрещен танец «танго».

Из архивных материалов по учительским семинариям можно констатировать, что Туркестанская, Семипалатинская учительские семинарии, Орско-Оренбургская киргизская учительская школа в материально-техническом обеспечении были в лучшем положении в сопоставлении с Верненской, Актюбинской учительскими семинариями. В 1909 году четыре здания Семипалатинской учительской семинарии были оснащены кабинетами ручного труда, рисования, естествознания, истории, музыки, учительской библиотекой, актовым залом, тремя комнатами для начального училища, музеем, квартирой для директора, преподавателей и наставников. В 1909 году в актовом зале семинарии вместительностью до 400 человек была домовая церковь, в храме «Чудотворца» проводили все праздники (ЦГА РК. Ф. 503. Оп. 1. Д. 28. Л. 2).

Одной из наиболее острых проблем было отсутствие собственного помещения. В 1916 году Верненская учительская семинария арендовала 10 домов за 3 680 рублей. Из них 2 900 рублей платил город по соглашению с Министерством народного просвещения, остальные 700 рублей – семинария (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 2). Дома, расположенные в различных частях города, создавали большое количество неудобств воспитанникам. В архивных документах особо отмечается, что «воспитанники во время сильных дождей ночевали в классных помещениях на полу. Ежедневное хождение в мокрую и грязную погоду из классов в спальню и обратно благоприятствовало распространению различных простудных заболеваний, и оно отразилось на учебном процессе» (ЦГА РК. Ф. 127. Оп. 1. Д. 18. Л. 4). В подобном положении находилась Актюбинская мужская учительская семинария. Деревянное арендуемое здание в гигиеническом и санитарном отношении было вредно для здоровья учащихся. В помещении было холодно и тесно. Находившиеся недалеко от здания семинарии две паровые мельницы отравляли воздух в классе и мешали учебным занятиям своим шумом.

С началом Первой мировой войны в таком положении оказалась и Оренбургская учительская школа. В 1916 году бывшее здание учительской школы было передано войскам, а семинаристов разместили в помещении начального училища. С нехваткой учебных классов закрылось начальное училище при учительской школе. Проблема отсутствия собственного здания, последствия плохой организации питания, интенсификация учебного процесса привели к ухудшению здоровья воспитанников. Исследование архивных источников по учительским семинариям показывает, что среди воспитанников наблюдалась высокая заболеваемость. Особенно выделялись болезни нервной системы, желудочно-кишечного тракта, анемия, воспаление дыхательных путей и ревматизм. За 1915/1916 учебный год в Актюбинской мужской учительской семинарии у воспитанников выявили заболевания: центральной нервной системы – у 74, желудочно-кишечного тракта – 21, анемия – 16, лихорадка – 25, дифтерия – 3, чесотка – 7, воспаление дыхательных путей – 6, болезни полости рта – 53, ревматизм – 8, экзема – 3, конъюнктивит – 18, болезни органов слуха – (ЦГА РК. Ф. 458. Оп. 1. Д. 64. Л. 410). Иногда последствия заболевания приводили к смерти. В 1896 году в Оренбургской учительской школе от менингита умер больной Ванюшкин, в 1901 году от брюшного тифа – воспитанник Боранкулов (ЦГА РК. Ф. 95. Оп. 2. Д. 156. Л. 3).

Вступление России в Первую мировую войну сказалось на учебном процессе и материально-техническом положении учительских семинарий. Возникло множество трудностей: мобилизация гражданского учительского персонала создала дефицит профессиональных преподавателей, занятия велись чаще всего непланово, курсы учебных дисциплин оставались незаконченными, начался рост инфляции и дороговизны, прибытие беженцев и военнопленных привело к повышению стоимости арендуемого жилья, интернаты для воспитанников были закрыты, их распределяли по квартирам. Учащиеся – выходцы из бедных семей – вынуждены были трудиться на полевых работах, чтобы помочь своим родственникам, в связи с этим учебные занятия прерывались на месяц.

Патриотическое настроение и ответственность за судьбу Отечества, невзирая на такие трудности, оставались на высоком уровне среди воспитанников и преподавательского состава. Разнообразные источники показывают, что в учительских семинариях воспитание чувства патриотизма было поставлено в значительной степени. Воспитанники семинарий с начала Первой мировой войны оказывали помощь, отправляли воинам подарки, денежные средства, участвовали в организации концертов, выставок на нужды войны. Директора, наставники семинарий устраивали чтения для солдат местного гарнизона. Члены педагогического совета Актюбинской учительской семинарии с самого начала войны отчисляли 2 % получаемого заработка в пользу Красного Креста (ЦГА РК. Ф. 438. Оп. 1. Д. 77. Л. 103). Высокие патриотические чувства среди воспитанников и преподавателей руководили ими и в период Русско-японской войны. В 1904 году вырученные 92 рубля от продажи изделий, изготовленных на уроках ручного труда воспитанниками Туркестанской учительской семинарии, были пожертвованы на усиление военного флота новыми судами (Туркестанские ведомости, 1904: 330).

В регионах педагогические кадры готовили во всех городских училищах, при гимназиях с 1900 года открывались педагогические годовые курсы. Если в европейской части Российской империи массовое открытие педагогических курсов началось еще до открытия учительских семинарий, в Степном крае и Туркестане – только лишь после открытия учительских семинарий и школ. На курсы принимались юноши, достигшие 16-летнего возраста и окончившие городские, уездные и духовные училища, а также получившие образование в других учебных заведениях в

объеме не ниже курса городских училищ по Положению 1872 года. Например, в 1900 году открылись педагогические курсы в Верненском 3-классном городском училище. Всего здесь обучалось 11 человек (ЦГА РК. Ф. 90. Оп. 1. Д. 150. Л. 7). На курсах особое внимание уделялось предметам – педагогика и методика обучения предметам. Каждый год выпуск курсистов не превышал 5–12 выпускников.

В Туркестанском генерал-губернаторстве при подготовке учительских кадров одним из сложных вопросов было нежелание выпускников работать в сельских школах. Многие выпускники семинарий из-за низкой оплаты труда сельского учителя не хотели работать вдали от города. Они по возможности стремились остаться в уездных городах. В 1898 году в связи с критическим отзывом о выпускниках Туркестанской учительской семинарии вопрос обсуждался на Совете семинарии. В отчете Совета особо отмечалось отсутствие желаний выпускников работать в сельских школах, их стремление к лучшим жизненным условиям, городской культуре и комфорту (ЦГА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 44. Л. 7). Анализ архивных документов, материалы периодических источников подтверждают: многие выпускники из-за плохого материального положения и социальной незащищенности учителей и низкой зарплаты не стремились в сельскую местность.

5. Заключение

Подводя итоги исследования создания и становления учительских семинарий, особо стоит отметить множество трудностей. Во-первых, неодинаковые условия материально-технической оснащенности и финансирования учительских семинарий. Во-вторых, нехватка педагогических кадров, которая отрицательно отразилась на организационном и учебном процессе. В-третьих, многие выпускники не хотели работать за низкую оплату труда в сельских школах. И, наконец, несмотря на то, что с каждым годом росло количество поступающих в семинарии, между числом поступивших учеников и числом учеников, окончивших семинарию, наблюдалась большая разница, так как многих выпускников отчисляли во время учебы из-за болезни и неуспеваемости.

Несмотря на такие сложности, создание и формирование педагогических учебных заведений заложило основу системы подготовки профессионально-педагогических кадров для начальной школы в казахской степи. После революции 1917 года основная часть этих учебных заведений реорганизовалась в педагогические училища и педтехникумы. Учебные заведения внесли определенный вклад в становление национальных кадров и формирование казахской интеллигенции. Великий казахский писатель, драматург, ученый М. Ауэзов, основоположник казахстанской школы металлогении, ученый-геолог К.И. Сатпаев и многие другие – цвет казахской интеллигенции – были выпускниками учительской семинарии.

Литература

- Бендриков, 1960** – Бендриков К.Е. Очерк по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М., 1960. 512 с.
- Бывший питомец, 1908** – Прошлое и настоящее Ташкентской учительской семинарии, ее задачи и нужды // *Туркестанский сборник*. Ташкент. 1908. Т. 492. С. 10-15.
- Васильев, 1896** – Васильев А.В. Исторический обзор русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896. 72 с.
- Воскресенский, 1883** – Воскресенский Н. Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1-го августа 1882 года по 1-е августа 1883 года, прочитанный на годовичном акте семинарии 30 августа 1882 года и описание годовичного акта. Ташкент, 1883. 37 с.
- Герасимов, 1950** – Герасимова А.П. Из истории педагогического образования в Казахстане (1872–1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 1950. 16 с.
- Граменицкий, 1896** – Граменицкий С.М. Очерк развития народного образования в Туркестанском крае. Ташкент, 1896. 89 с.
- Граменицкий, Ошанин, 1908** – Граменицкий С., Ошанин В. Учебная экскурсия в Самарканд // *Туркестанский сборник*. Т. 456. Ташкент. 1908. С. 91-109.
- Добросмыслов, 1912** – Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. 320 с.
- Кауфманский сборник, 1910** – Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон Кауфмана. Ташкент, 1910. 247 с.
- Мирописев, 1881** – Мирописев М. Отчет о состоянии Туркестанской учительской семинарии с 1-го августа 1879 года по 1-е августа 1881 года, прочитанный в годовичном акте семинарии 30 августа 1881 года. Ташкент, 1881. 51 с.
- Нива, 1899** – Туркестанская учащаяся молодежь в Петербурге // *Нива*. 1899. № 31, С. 594.
- Обзор Уральской области, 1915** – Обзор Уральской области за 1914 год. Приложение к Всеподданейшему отчету военного губернатора. Уральск, 1915. 169 с.
- Обзор, 1897** – Обзор Сырдарьинской области за 1895 год. Приложение к Всеподданейшему отчету военного губернатора. Ташкент, 1897. 199 с.

- Олейник, 1909** – Олейник Е.А. Еще об учительских семинариях // Народный учитель. Профессионально и общественно-педагогический журнал. 1909, № 13–14. С. 9–11.
- Остроумов, 1904** – Остроумов Н.П. Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25-летие существования (30 августа 1879 года – 30 августа 1904 года). Ташкент, 1904. 219 с.
- Полухин, 2009** – Полухин В.И. Иностранческие учебные заведения по подготовке учителей в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Сибирский педагогический журнал. 2009, № 3. С. 229–236.
- СПМНП. Т. VII, 1883** – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. VII. Царствование Императора Александра II. 1877–1881 годы. СПб. 1883. 2294 стб.
- Сумароков, 2015** – Сумароков О.Л. Туркестанская учительская семинария // Европейский фонд инновационного развития (Москва). Научное периодическое издание. CETERIS PARIBUS. 2015. № 2. С. 19–21.
- Туркестанские ведомости. 1904** – Пожертвование на усиление военного флота с новыми судами // Туркестанские ведомости, 1904, № 72. С. 330.
- Туркестанские ведомости. 1908** – Местные известия // Туркестанские ведомости. 1908, № 253. С. 1080.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РТ** – Центральный государственный архив Республики Татарстан.

References

- Bendikov, 1960** – Bendikov K.E. (1960). Oчерk po istorii narodnogo obrazovaniya v Turkestane (1865–1924 godi) [Analytical review by the public education history in Turkestan (1865–1924 years)]. М. 512 p. [in Russian]
- Bibshii pitomec, 1908** – Proshloe i nastoyashee Tashkentskoi uchitel'skoi seminarii, ee zadachi i nuzhdi [Past and present of Turkestan teacher's seminary, its tasks and needs]. Turkestanskii sbornik. Tashkent, 1908. pp. 10–15. [in Russian]
- Dobrosmislov, 1912** – Dobrosmislov A.I. (1912). Tashkent v proshlom i nastoyashe: Istoricheskii oчерk [Tashkent in the past and present: Historical sketch]. Tashkent, 320 p. [in Russian]
- Gerasimov, 1950** – Gerasimov A.P. (1950). Iz istorii pedagogicheskogo obrazovaniya v Qazaqstane (1872–1917 gg): avtoref. diss. ... kandidata ped. nauk. [From the history of the pedagogical education in Kazakhstan (1872–1917 years): auto abstract, dissertation. ... candidate of pedagogical science]. М. 16 p. [in Russian]
- Gramenickii, 1896** – Gramenickii S.M. (1896). Oчерk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [Analytical review by the public education development in Turkestan area]. Tashkent. 89 p. [in Russian]
- Gramenitskii, Oshanin, 1908** – Gramenitskii S., Oshanin V. (1908). Uchebnaya ekskursiya v Samarkand [Educational excursion to Samarkand]. Turkestanskii sbornik. T.456. Tashkent. pp. 91–109. [in Russian]
- Kaufmanskii sbornik, 1910** – Kaufmanskii sbornik, izdannii v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraya general-adiutanta K.P. fon Kaufmana [Kaufman collection, which was published in 25 year memorial, expired from the death date of conquerer and organizer of Turkestan region's adjutant-general K.P. fon Kaufman]. Tashkent, 1910. 247 p. [in Russian]
- Miropiev, 1881** – Miropiev M. (1881). Otchet o sostoyanii Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii s 1-go avgusta 1879 goda po 1-e avgusta 1881 goda, pročitannii v godichnom akte seminarii 30 avgusta 1881 goda. [Report of the Turkestan teacher seminary's condition from the 1st of August 1879 year to the 1st of August 1881 year, have been read in annual seminary's act on the 30th of August 1881 year]. Tashkent. 51 p. [in Russian]
- Niva, 1899** – Turkestanskaya uchashayasa molodezh' v Peterburge [Turkestan students in Petersburg]. Niva. №31. P.594. [in Russian]
- Obzor Siz-Dariinskoi oblasti, 1896** – Obzor Siz-Dariinskoi oblasti za 1895 god. Prilozhenie k Vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora [Overview of Syr-Dariya region in 1895. Appendix to General report of the Military Governor]. Tashkent, 1896. 199 p. [in Russian]
- Obzor Ural'skoi oblasti, 1915** – Obzor Ural'skoi oblasti za 1914 god. Prilozhenie k Vsepoddaneishemu otchetu voennogo gubernatora [Overview of Ural region for 1914 year. Appendix to General report of the Military Governor]. Uralsk, 1915. 169 p. [in Russian]
- Oleinik, 1909** – Oleinik E.A. (1909). Eshche ob uchitel'skikh seminariyakh [More about seminaries]. Narodnii uchitel'. Professional'no i obvestvenno-pedagogicheskii zhurnal. №13–14. pp. 9–11. [in Russian]
- Ostoumov, 1904** – Ostoumov N.P. (1904). Otchet Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii za 25 letiya suvestvovaniya (30 avgusta 1879 goda 30 avgust 1904 goda) [Report of the Turkestan teacher's seminary in 25 years of existence (30 th of August 1879 year 30 th of August 1904 year)]. Tashkent. 219 p. [in Russian]
- Polukhina, 2009** – Polukhina V.I. (2009). Inorodcheskie uchebniye zavedenie po podgotovke uchitelei v Orenburgskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Non-Russian educational institution in order to prepare teachers in Orenburg province in the second half of the XIX – beginning of the XX centuries]. Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. Novosibirsk, №3. pp. 229–236. [in Russian]

SPMNP. T. VII, 1883 – Sbornik Postanovlenii Ministerstvu Narodno Prosvecheniya. T VII. Carstvovanie Imperatora Aleksandra II. 1877-1881 gody [Treasury Regulation by the Ministry of Education. Volume VII. the reign of Emperor Alexander II. 1877-1881 years.] SPb. 1883. 1239 p. [in Russian]

Sumarokova, 2015 – Sumarokova O.L. (2015). Turkestanskaya uchitelskaya seminariya [Turkestan teacher's seminary]. Evropeiskii fond innovacionnogo razvitiya (Moskva). Nauchnoe pedagogicheskoe izdanie. Ceteris paribus. №2. pp. 19-21. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nii Gosudarstvennyi Arkhiv Respubliki Qazaqstan [Central State Archive Republic of Kazakhstan].

TsGA RT – Tsentralnii Gosudarstvennii Arhiv Respubliki Tatarstan [Central State Archive Republic of Tatarstan.]

Turkestanskije Vedomosti, 1908 – Mestniye izvestiya [Local news]. *Turkestanskije Vedomosti* Tashkent, 1908. №253. P. 1080. [in Russian]

Turkestanskije Vedomosti, 1908 – Pozhertvovanie na usileniya voennogo flota s novimi sudnami [Donation for the strengthening marine forces with new vessel]. *Turkestanskije Vedomosti*. 1904, №72. P. 330. [in Russian]

Vasiliev, 1896 – Vasiliev A.B. (1896). Istoricheskii obzor ruskogo obrazovaniya v Turgaiskoj oblasti I sovremennoe ego sostoyanie [Historical review of the Russian education in Turgai region and its contemporary condition]. Orenburg. 72 p. [in Russian]

Voskresenskii, 1883 – Voskresenskii N. (1883). Otchet o sostoyanii Turkestanskoj uchitel'skoi seminarii s 1-go avgusta 1882 goda po 1-e avgusta 1883 goda [Report of the Turkestan teacher seminary's condition from the 1st of August to the 1st of August 1883 year, was read on the annual seminary act 30 August 1882 year and description of annual act]. Tashkent. 37 p. [in Russian]

Подготовка педагогических кадров для Степного и Туркестанского края в учебных округах Российской империи

Асем К. Садыкова ^{a, *}, Сабира С. Сайфулмаликова ^a

^a Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Республика Казахстан

Аннотация. В статье рассматривается история создания учительских семинарий и школ Туркестанского и Степного генерал-губернаторств во второй половине XIX и в начале XX веков, раскрывается значимость этих учебных заведений в подготовке профессиональных педагогических кадров для начальных школ. Отражены вопросы формы подготовки народных учителей; профессионально-преподавательского состава учительских семинарий и должностных лиц; национального, религиозного и социального состава воспитанников; дифференцированного подхода к оплате труда, видов стипендии, разновидностей материальной поддержки учащихся; организации учебно-воспитательного процесса. Анализ архивных источников позволил показать материально-техническое состояние семинарий, оснащение предметных кабинетов, региональную особенность системы обучения предметам, применение системы оценивания поведения воспитанников. В заключении отмечено, что создание и формирование учительских семинарий и школ в казахской степи заложило основу подготовки профессионально-педагогических кадров со средним педагогическим образованием, в том числе и национальных учительских кадров для начальных школ.

Ключевые слова: Туркестанское, Степное генерал-губернаторства, учительская семинария, начальная школа, учителя, стипендия, казахский язык, учебно-воспитательная деятельность, образовательная система, материальное положение.

* Корреспондирующий автор

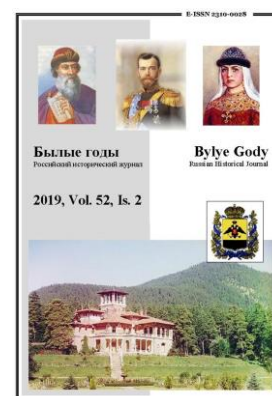
Адреса электронной почты: asemakaznpu@mail.ru (А.К. Садыкова), sabirasha@mail.ru (С.С. Сайфулмаликова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 726-735. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.726
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian Newspapers and the Struggle for Independence of the German Population of Schleswig-Holstein 1863–1864

Vladimir N. Baryshnikov^a, Anatolii V. Smolin^a, Nikita O. Kozlov^{a,*}

^aSt. Petersburg State University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the analysis of the public opinion of the Russia during the Schleswig-Holstein crisis of 1863-1864. The Schleswig-Holstein question is considered one of the most difficult international relations in history, not only because it was part of the unification of Germany, but also because it was a part of the struggle of the European powers for economic and strategic leadership in the Baltic region. How and why were these events perceived by Russian society?

The traditional source of public opinion research was the press. The greatest contribution to informing and discussing events in Denmark was made by such newspapers as Vest', Den', Golos, Moskovskie Vedomosti and other leading russian newspapers.

The first part of article is devoted to the internal state of Russia by 1863-1864, including the conditions for existing of public opinion. Russian periodicals not only provided operational information, but also formed a definite view of events in Denmark.

The second chapter is devoted to reflection of periodicals on the main events of the Schleswig-Holstein crisis of 1863–1864: the escalation of the Schleswig-Holstein issue in 1863, the beginning of the Austro-Prussian-Danish war in February 1864, the diplomatic efforts of neutral powers to stop the war, the policy of European states.

Keywords: Schleswig-Holstein, The Second Schleswig war, Russian public opinion, Russian newspapers, unification of Germany, Danish war 1864.

1. Введение

Шлезвиг-гольштейнским вопросом в отечественной историографии именуют комплекс международных противоречий XIX века, связанных с судьбой двух герцогств – Шлезвига и Гольштейна, расположенных на юге Ютландского полуострова.

Одной из проблем Шлезвига и Гольштейна, входивших в Датское королевство, было то, что население этих герцогств являлось преимущественно немецким, за исключением территории северного Шлезвига, где большинство составляли датчане. Таким образом, шлезвиг-гольштейнский вопрос являлся составной частью германского вопроса: любые попытки датских королей инкорпорировать герцогства в состав непосредственно Датского королевства наталкивались на сопротивление как германских государств, так и немецких жителей Шлезвига и Гольштейна.

Шлезвиг-гольштейнский вопрос считается одним из сложнейших в истории международных отношений. Это связано с тем, что он являлся частью проблемы объединения Германии. К тому же в этом регионе шла борьба европейских держав за экономические и стратегические позиции в бассейне Балтийского моря (Роотс, 1956: 159). Здесь сталкивались интересы Англии, Франции, России, Пруссии и Австрии, наряду с которыми в разрешении шлезвиг-гольштейнского вопроса участвовала даже Швеция.

* Corresponding author

E-mail addresses: koylov1725@gmail.com (N.O. Kozlov)

Кризис на территории герцогств возник в ноябре 1863 г., когда на односторонние меры датского правительства по интеграции Шлезвига в состав Датского королевства население ответило национально-освободительным движением. По новой конституции 13 ноября 1863 г. на Шлезвиг распространялось датское законодательство, в то время как в Гольштейне сохранялось прежнее устройство. Поскольку датская политика нарушала международные договоренности 1852 г., определявшие Шлезвиг-Гольштейн как неразрывное владение датского короля, восстание в герцогствах нашло поддержку в Германском союзе, оказавшем поддержку восстанию и занявшем своими войсками Гольштейн в декабре 1863 г.

Оккупировав Гольштейн, Германский союз не рассматривал возможность войны с Данией, а датское правительство, предусмотрев вероятную потерю Гольштейна, однозначно решило сохранить за собой хотя бы Шлезвиг. Упорство датчан подкреплялось слухами о военной поддержке европейскими державами в случае немецкой агрессии против Дании. Немалую роль в этом сыграла и Швеция, не один раз заявлявшая о готовности прийти на помощь Дании, если немецкие войска вступят в Гольштейн.

16 января 1864 г. Пруссия и Австрия предъявили Дании ультиматум, согласно которому последняя должна была отменить действие конституции 13 ноября 1864 г., в противном случае Австрия и Пруссия угрожали войной. Датское правительство проигнорировало ультиматум, и 1 февраля 1864 г. началась австро-пруско-датская война, которая в значительной степени изменила баланс сил в Балтийском регионе и привлекла внимание других держав, в том числе и России.

С учетом тесных русско-немецких экономических и культурных связей в этот период германский вопрос имел большое значение для российской внешней политики, в особенности – отношения с Пруссией и Австрией, великими европейскими державами.

Восприятие шлезвиг-гольштейнского кризиса российской прессой, выразившей и формировавшей общественное мнение империи, стало целью нашего исследования.

2. Материалы и методы

2.1. Одним из основных средств выражения общественного мнения считается периодическая печать. Отечественная историография традиционно делит органы печати 1860-х годов по их идейно-политической направленности на консервативные и либеральные.

Среди изданий консервативного толка выделяются «Московские ведомости» и «Весть», которые особенно чутко воспринимали события шлезвиг-гольштейнского кризиса. Они отстаивали охранительные и монархические идеи, выступая за верность России принципам легитимизма в вопросах внешней политики. После того как в 1863 г. «Московские ведомости» возглавил талантливый журналист и организатор М.Н. Катков, это издание начинает играть заметную роль и пользоваться влиянием в правительственных кругах и среди представителей реакционно-консервативной части общества.

Газета «Весть» снискала славу органа «неокрепостников» и ультраконсервативного издания ввиду ее верности идеалам политической системы Николая I и сопротивлению крестьянской реформе 1861 г. Данное обстоятельство предопределило характер отражения событий шлезвиг-гольштейнского кризиса и его оценок на ее страницах.

Среди либеральных органов печати наиболее влиятельным была петербургская газета «Голос», созданная в 1863 г. опытным газетным предпринимателем А.А. Краевским. Среди других газет либеральной направленности нельзя не упомянуть о таких изданиях, как «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости».

Особняком стоит газета «День» – главный орган славянофилов, издававшаяся И.С. Аксаковым. Назвать «День» либеральной газетой можно лишь с оговорками, тем не менее на ее страницах наблюдается определенная оппозиционность правительственному курсу.

Большой популярностью у читателей пользовалась «Иллюстрированная газета». Ее редактором был талантливый журналист и организатор В.Р. Зотов. Она освещала самый широкий круг проблем, которые стояли перед Россией и российским обществом, в том числе и вопросы внешней политики.

2.2. Методологическую основу работы составляют базовые принципы исторической науки – историзма, объективности, системности. Принцип историзма позволил изучить исследуемые явления в их конкретно-исторической связи с событиями шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. Принцип научной объективности обеспечил приближение к действительной картине прошлого. Принцип системности, подразумевающий анализ исторических явлений с точки зрения их системной взаимосвязи, позволил воссоздать обобщенную картину, выявить закономерности исторических процессов.

3. Обсуждение

По истории шлезвиг-гольштейнского вопроса написано немало научных трудов историками разных стран. Тем не менее существует не так много работ, посвященных роли России в кризисе 1863–1864 гг.

Немалый интерес вызывает работа немецкого историка Р. Обершмидта «Россия и шлезвиг-гольштейнский вопрос 1839–1853», в которой он освещает значение позиции России в судьбе герцогств (Обершмидт, 1997).

В дореволюционный период интерес в России к событиям 1863–1864 гг. в Дании в основном связан с военными действиями прусской армии (Козлов, 2018).

О том, как на рубеже XIX–XX вв. в российском обществе возрастал интерес к истории Северной Европы, в том числе и к шлезвиг-гольштейнской проблематике, писал В.Н. Барышников (Барышников, 2014). С течением времени менялись предпочтения исследователей: от интереса к истории Германии к изучению истории непосредственно Балтийского региона.

После революции 1917 г. в России намеченный процесс на некоторое время прервался, но работы по шлезвиг-гольштейнской проблематике все же появлялись. В 1939 г. в журнале «Красный архив» под заголовком «Россия и Пруссия в шлезвиг-гольштинском вопросе» был опубликован ряд дипломатических документов, раскрывающих особенности отношений России и Пруссии во время событий 1863–1864 гг. в Дании (Лесник, 1939).

В 1957 г. вышла книга эстонской исследовательницы Л.К. Роотс «Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав», которая позволяет детально изучить шлезвиг-гольштейнскую проблему, а также взглянуть на позиции европейских держав во время войны, в том числе и России (Роотс, 1957).

Не менее ценным для нашего исследования является и книга Л.И. Нарочницкой «Россия и войны Пруссии в 1860-х за объединение Германии «сверху» (Нарочницкая, 1960). Отдельная глава книги посвящена шлезвиг-гольштейнскому кризису 1863–1864 гг. и политике царского правительства.

Таким образом, несмотря на существование ряда работ по истории шлезвиг-гольштейнского кризиса, отражение этих событий в русской прессе предпринимается впервые.

4. Результаты

В оценках международной политики российская печать в целом ясно отдавала себе отчет в том, что после Крымской войны роль и значение России в международных отношениях Европы резко упали. Рухнула система Священного союза с ее принципом монархической солидарности. Россия оказалась политически изолированной. В свою очередь роль Англии, Франции и Австрии в европейских делах укрепились. Российское правительство и общество были вынуждены искать новые пути в международной политике, в обстановке, которая еще более осложнилась в связи с событиями 60-х годов в Германии и восстанием в Царстве Польском в 1863–1864 гг.

События шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. застали российскую общественность врасплох. Как верно констатирует исследователь войн Пруссии в 1860-х годах Л.И. Нарочницкая, «сознание внутренней слабости России: занятость правительства проведением реформ, финансовые затруднения, военная неподготовленность, страх перед возможностью повторения революционной ситуации внутри страны, а также восстаний в западном крае – все это вынуждало помещичье-буржуазные круги признать необходимым для России сосредоточение всех сил и средств внутри страны, а вследствие этого невозможным проведение активной внешней политики на Западе» (Нарочницкая, 1960: 163). Можно говорить о том, что сложившаяся ситуация сплотила различные идейные течения в российском обществе. Единению общественности во многом способствовало и восстание в Царстве Польском, и последовавшие за этим попытки западных держав вмешаться во внутренние дела России.

Определяющим фактором в отражении шлезвиг-гольштейнского кризиса на страницах русских газет являлось отсутствие прямо выраженного несогласия с внешней политикой правительства. Это объясняется не только трудным внутриполитическим положением, но и наличием отлаженного механизма предварительной цензуры. На практике это исключало возможность критики царского правительства. Сюда же следует отнести и слабый уровень развития общественного мнения в России. Информация о событиях шлезвиг-гольштейнского кризиса в прессе во многом носила информативный и прогностический характер.

В восприятии шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. русским общественным мнением можно выделить несколько аспектов. Во-первых, это влияние кризиса на положение России. Какую политику необходимо вести России? Вынуждена ли она будет активно вмешиваться в конфликт? Каковы будут итоги кризиса и что они сулят для России? Эти вопросы по понятным причинам были наиболее актуальными в российском обществе.

Во-вторых, вопрос немецкого национализма или немецкого объединительного движения. На начальном этапе кризиса немецкое национальное движение ассоциировалось с революционным движением в Европе, с так называемой западной «заразой». Революционный характер восстания в Шлезвиге и Гольштейне лишь подкреплял данные представления. Однако после того как прусские части перешли границу Ютландии, именно консервативную Пруссию стали рассматривать как главный двигатель немецкого национального движения. В российской прессе на все лады обсуждались и критиковались личность прусского министра-президента Отто фон Бисмарка,

агрессивный характер его внешней политики и перспектива объединения Германии под главенством Пруссии.

В-третьих, немало места на страницах русской печати уделялось обсуждениям политики европейских держав, прежде всего Англии и Франции и их позиции в шлезвиг-гольштейнском кризисе. Особенно часто дискутировался вопрос о том пути, по которому пойдут Лондон и Париж: будет ли это курс на эскалацию конфликта или его мирное урегулирование. В глазах русской общественности угроза большой европейской войны выглядела вполне вероятной. Об этом писала «Иллюстрированная газета»: «Внимание всей Европы обращено на одну Данию, и все следят с напряженным вниманием за тем, что происходит в этой маленькой стране, которая может стать причиной всеобщей войны» ([Иллюстрированная газета, 1864. 23 января](#)).

Русской прессой признавалась безусловная важность стратегического положения империи на Балтийском море. По словам «Голоса», от судьбы герцогств зависело политическое равновесие на севере Европы, сохранение которого составляло «главный и единственный интерес для России» ([Голос, 1864. 17 января](#)). В данном случае российская общественность ориентировалась на сохранение в силе Лондонского протокола 1852 года, что позволяло Пруссии, заявившей о приверженности условиям договора, предстать в благоприятном свете на страницах русских газет на начальном этапе кризиса.

Однако дальнейшие события вынуждали русскую прессу рассматривать различные варианты в менявшемся раскладе сил. В ее представлениях возникали две нежелательные комбинации, возможные в случае перехода Шлезвига и Гольштейна в немецкие руки. Во-первых, появление на Балтике мощного немецкого флота, способного подорвать позиции России. Первые волнения по этому поводу высказала газета «Голос» еще до начала войны, тем не менее, эта проблема становилась острее с развитием прусских военных успехов ([Голос, 1864. 29 января](#)). Уже в мае 1864 на страницах «Московских ведомостей» можно было наблюдать вполне осознанную обеспокоенность таким исходом кризиса ([Московские ведомости, 1864. 18 мая](#)). Расположение русской столицы, торговое значение Балтийского моря и гегемонию русского флота на нем автор выделял в качестве главных интересов России, которые она обязана охранять. Если вспомнить те ограничения, которым по Парижскому трактату 1856 подверглась Россия, то опасения в обществе, действительно, имели широкое распространение.

Если в начале кризиса пресса предполагала, что герцогства перейдут в руки Германского союза, что само по себе не представляло угрозы русскому преобладанию на Балтийском море, то, когда наметилась перспектива их присоединения к Пруссии, тема немецкого флота стала активно обсуждаться различными изданиями. Намерения Пруссии закрепиться на Балтийском побережье и стать морской державой имели прямое влияние на негативное восприятие прусской политики. Притязания Гогенцоллернов на герцогства не признавало ни одно издание в России.

Во-вторых, крайне нежелательным виделось возникновение Скандинавской империи путем присоединения Дании к Шведскому королевству, в случае ее поражения и потери ею герцогств. Как писали «Московские ведомости», с потерей герцогств «независимость и целость датской монархии обратятся в пустое слово» ([Московские ведомости, 1864. 13 февраля](#)). В России предполагали, что вероятная Скандинавская империя будет страной непременно с сильным флотом. Надо сказать, что и закрепление немцев на Балтике, и образование Скандинавской империи виделись как два процесса, которые будут происходить параллельно. Таким образом, российская общественность опасалась, что Россия получит сразу двух сильных конкурентов в Балтийском море.

По мере побед прусских войск в газетах стал активнее обсуждаться германский вопрос. Однако теперь это было не прежнее порицание национального движения немцев, которое в России ассоциировалось с революционным движением, а обсуждение вероятности объединения Германии под главенством Пруссии. Такая вероятность, несомненно, представлялась пугающей на страницах газет. Тем не менее в оценке данной комбинации общественное мнение в России не было единым. «Московские ведомости» крайне негативно относились к усилению Пруссии. Присоединение герцогств к Пруссии оценивалось как «тяжкая цена» за лояльность Прусского правительства в польском вопросе ([Московские ведомости, 1864. 27 июля](#)). Наоборот, «Санкт-Петербургские ведомости» не видели в прусской политике в Германии опасных для России последствий ([Санкт-Петербургские ведомости, 1864. 26 января](#)). «Напротив, можно даже предположить, что прусский флот будет в состоянии оказать нам когда-либо существенные услуги», – эти строки показывают, что были и оптимистичные взгляды на объединение Германии вокруг Пруссии ([Санкт-Петербургские ведомости, 1864. 10 июля](#)).

«Весть», со своей стороны, выступала за дальнейшее развитие шлезвиг-гольштейнского кризиса, так как он отвлекал внимание Европы от злободневного польского вопроса ([Весть, 1864. 18 февраля](#)). К тому же данное издание постепенно склонялось к мысли, что только главенство Пруссии в Германии сможет предотвратить объединение немцев революционным путем. «Весть» вполне допускала присоединение Шлезвига и Гольштейна к Пруссии, если только та сможет подавить революционное движение в Германии.

Оригинальную точку зрения высказывала славянофильская газета «День», что «шлезвиг-гольштейнский вопрос не касается интересов России ([День, 1864. 20 мая](#)). Данная позиция логично вытекала из общих внешнеполитических воззрений славянофилов, настаивавших на переносе центра тяжести русской внешней политики из Европы на Восток и отстаивавших идеи панславизма.

Влияние шлезвиг-гольштейнского кризиса на международное положение России в Европе было главной темой на страницах русских газет. Все остальные вопросы рассматривались российской общественностью в первую очередь во взаимосвязи с внешней политикой России. Вынужденная отстраненность России от активного участия в кризисе, продиктованная тяжелым положением внутри страны, воспринималось болезненно. Перспективы урегулирования шлезвиг-гольштейнского кризиса, которые обсуждались в русских печатных изданиях, не сулили России выгод, а даже наоборот, вырисовывали негативные для России изменения в балансе сил. Тем не менее можно говорить о единстве в русском общественном мнении относительно сдержанности российской внешней политики, которая была встречена обществом с пониманием и одобрением.

Германский вопрос являлся одним из самых острых для России вопросов и обсуждался в годы шлезвиг-гольштейнского кризиса в изданиях различных политических направлений. Российское общество осознавало правомерность создания единого немецкого государства. Однако отстранение России от участия в этом процессе приводило к негативному восприятию самой идеи. Нарушение европейского спокойствия немцами Шлезвига и Гольштейна изначально воспринималось русской прессой отрицательно, особенно учитывая силу консервативных и реакционных настроений в русском обществе. Шлезвиг-Гольштейнский кризис изображался не иначе, как революционный бунт, а легитимность претендента на герцогский престол Фридриха IX Августенберга ставилась под сомнение. Об этом, в частности, писала «Весть» в номере от 5 января 1864 г.: «Является, Бог знает, откуда, никому доселе неизвестный какой-то принц Августенбергский; шлезвиг-гольштейнский вопрос, утопленный, по-видимому, в канцелярских чернильницах, вдруг всплывает на поверхность; национальные страсти разожжены, и второстепенные державы Германии хватают знамя революции» ([Весть, 1864. 5 января](#)).

Для России – многонациональной империи с абсолютной властью монарха – идеи, которые сопровождали шлезвиг-гольштейнский кризис, а именно идея революции и принцип национальностей, были неприемлемы. «Союзная экзекуция превратилась в революцию», – так иронично оценивали происходящие события журналисты «Иллюстрированной газеты» ([Иллюстрированная газета, 1864. 14 января](#)). Сама же суть кризиса в герцогствах во всей Европе признавалась очень запутанной темой, в том числе и в России. «Шлезвиг-Гольштейнская распря содержит в себе несколько противоречащих вопросов, которые каждый понимает по-своему или не понимает вовсе», – так оценила шлезвиг-гольштейнский кризис «Северная пчела» ([Северная пчела, 1864. 11 января](#)).

Во главе угла всего конфликта стоял принцип национальностей, и российское общество довольно быстро это распознало. Именно ущемление прав немецкого населения в составе Датской монархии послужили причиной для союзной экзекуции Гольштейна. Газеты с неприязнью информировали о том, что жители Гольштейна встречали войска Германского союза, состоящие из ганноверцев и саксонцев, «как избавителей».

Вообще, германское национальное движение в силу ряда причин не находило сочувствия в российском общественном мнении. Во-первых, в Прибалтийских губерниях Российской империи проживало значительное число немецкого населения. Как пишет М.М. Духанов, «восстания в Польше, Литве 1863 года углубляли национальные противоречия между коренным населением и господствовавшими немецкими привилегированными сословиями и усугубляли напряженность в регионе» ([Духанов, 1962: 4](#)). Во-вторых, возможное появление на своих западных границах сильного национального государства в лице Германии не внушало ничего хорошего для российской общественности. Нельзя не отметить и то, что писали «Биржевые ведомости»: «Нет патриотизма с большими претензиями, чем у немецкого» ([Биржевые ведомости, 1864. 7 января](#)). В связи с этим в русском обществе распространялись идеи о необходимости сдерживать немецкое национальное движение, а к немецкому объединению относились с опаской.

По мере развития конфликта эмоциональное восприятие событий в Шлезвиге и Гольштейне сменялось попытками рационального осознания происходивших перемен. Все больше внимания российская общественность стала уделять политике Пруссии в шлезвиг-гольштейнском кризисе, которой руководил Отто фон Бисмарк. На момент восстания в герцогствах он занимал пост главы правительства чуть более года, однако уже тогда в российской прессе сложилось определенное представление о нем. В качестве его козырей журналисты отмечали обаяние, любезность, знание иностранных языков, настойчивость и умение убеждать. Датско-прусская война стала его первой внешнеполитической аферой, из которой он вынес немалые выгоды для дальнейшего объединения Германии. Тем не менее, вопрос о его компетентности на дипломатическом поприще в российской прессе практически не поднимался. Вместе с тем методы, которыми Бисмарк осуществлял свою политику, вызвали неоднозначную оценку в журналистских кругах.

Так, «Весть» в номере от 12 февраля 1864 г. выражала свои симпатии к Бисмарку следующим образом: «...Граф Бисмарк более чем кто-либо другой не привык к неудачам и до сих пор всегда умел добиться блистательного реванша за все, даже самые ничтожные поражения, какие ему удавалось переносить» (*Весть, 1864. 12 февраля*). Однако если последователи газеты «Весть» признавали гибкость и дипломатическую изворотливость канцлера, то либеральные издания были противоположного мнения. Они настаивали на том, что Бисмарк никогда не задумывался над преодолением всевозможных трудностей на своем пути, а предпочитал идти напролом, хотя дипломатический талант Отто фон Бисмарка сомнений ни у кого не вызывал.

Союз Австрии и Пруссии, который страны формально заключили на время шлезвиг-гольштейнского кризиса, носил весьма противоречивый характер. Если интересы Пруссии в герцогствах Шлезвиг и Гольштейн вполне ясны, то позиция Австрии вызывала много вопросов. Во-первых, географическая удаленность герцогств от Австрийской империи создавала трудности для управления и контроля над теми провинциями, которые подлежали завоеванию. Во-вторых, отторжение герцогств от Дании скорее отвечало требованиям Пруссии, которая видела Шлезвиг и Гольштейн как место для закрепления своего влияния в Балтийском и Северном морях. Таким образом, при отсутствии приемлемых обоснований и реальных причин для агрессии против Дании союз Австрии и Пруссии в российской прессе был встречен негативно.

В «Биржевых ведомостях» отмечали, что «соглашение Австрии и Пруссии относительно Шлезвига и Гольштейна приводит в негодование народ». (*Биржевые ведомости, 1864. 20 января*). В российских изданиях нашла отражение версия о том, что Пруссия и Австрия, заключив стратегический союз, должны были решать свои внешнеполитические задачи, Пруссия – на Севере, присоединив герцогства, а Австрия – на Юге, аннексировав Венецию. Это дипломатическое достижение Бисмарка вызвало недовольство не только на страницах либеральных газет, но даже и у таких консервативных изданий, как «Весть»: «Мы далеки от того, чтобы сочувствовать изворотливой политике господина Бисмарка» (*Весть, 1864. 25 января*).

Однако для российской общественности становилось все более очевидным, что Бисмарк нацелился на военное решение кризиса. Данное обстоятельство сильно повлияло на восприятие Датской войны 1864 года в России. Война представлялась как «несправедливая», а ее инициатор – Пруссия – и вовсе предстала в роли агрессора и захватчика. Со страниц русской периодики доносилось все больше скрытого желанья неудач прусско-австрийским войскам. «По всем вероятностям, немцам придется стоять перед Дюпелем столько же, сколько западные союзники стояли перед Севастополем», – так спрогнозировали ситуацию журналисты «Сына Отечества», когда пруссаки не смогли взять эту крепость штурмом (*Сын Отечества, 1864. 12 марта*). Тем не менее, вопреки надеждам в российском обществе, война не стала затяжной.

Скоротечный характер кампании и ее результаты вызывали волну негодования в русском обществе. Притязания на герцогства, никогда не принадлежавших Германии, не объяснялись ни международным, ни каким-либо иным правом. «Германия почему-то сочла себя вправе распоряжаться чужой собственностью», – так реагировала на происходившие события газета «День» (*День, 1864. 5 мая*). Не выдерживали критики и объяснения венского и берлинского дворов о том, что они лишь защищают немецкое население, угнетаемое датчанами. «Весть» довольно легко выводила Австрию и Пруссию на чистую воду: «Австрия и Пруссия, имеющие владения, которые могут быть оспорены во имя принципа национальностей, встают на защиту этого принципа в Шлезвиге и Гольштинии» (*Весть, 1864. 5 января*).

Военные действия союзников раскрывали их истинные цели. Идея о революции в герцогствах в русском обществе быстро сошла на нет. «В высокомерных действиях против Дании замешаны именно интересы правительств, а не революции, – писала «Весть», – не подлежит сомнению, что главные виновники войны – демократы, а всеми промахами демократов воспользовался господин Бисмарк» (*Весть, 1864. 17 октября*). Российское общество к концу войны довольно ясно себе представляло, кто извлек главную выгоду из этой войны. На страницах русской печати Бисмарк стал появляться как весьма умный, целеустремленный, но в то же время хитрый, агрессивный политик. Его роль в прусско-датском конфликте на страницах русских изданий стала подаваться в образе поджигателя конфликта ради личной выгоды. Как писала «Весть», «мнимым вопросом о свободе, благодаря неспособности демократов, воспользовался для усиления власти господин Бисмарк» (*Весть, 1864. 2 ноября*).

Стоит сказать, что значение Бисмарка в шлезвиг-гольштейнской войне на страницах русских органов печати не преувеличивалась. Бисмарк, действительно, своевременно взяв решение конфликта на себя, смог довести войну до благоприятного для Пруссии конца. Так, Пруссия получила стратегически-важные территории с выходом как к Балтийскому, так и к Северному морям. После этого Германии была открыта дорога к статусу Великой морской державы. Но то, как относительно легко Пруссия прибрала к рукам никогда не принадлежавший Германии Шлезвиг, создавало у русских читателей впечатление, что Бисмарк обхитрил и Россию, и всю Европу. Те же в этой ситуации не приложили в достаточной мере ни своего политического, ни дипломатического веса для

предотвращения такого выигрыша для Пруссии и уж тем более для «неблагодарной» по отношению к России Австрии.

Следующей темой, которая привлекла внимание русской печати, стала политика европейских держав в шлезвиг-гольштейнском кризисе. Дипломатия лондонского и парижского дворов активно обсуждалась в прессе, поскольку она непосредственным образом влияла на дипломатию царизма. В русском обществе позиция Англии на начальном этапе рассматривалась как враждебная Германии. «Биржевые ведомости» сообщали, что интересы Англии состояли в том, чтобы герцогства, и в особенности важный порт Киль, не достались немцам (*Биржевые ведомости, 1864. 21 января*). Конечно, Англия не хотела, чтобы в пределах досягаемости ее берегов располагалась база немецкого флота, пусть даже и в будущем. Поэтому до определенного времени Англия рассматривалась российской журналистикой как самый ярый сторонник сохранения довоенного положения вещей. Для достижения своих целей Британия использовала дипломатию и военную угрозу.

Инициативы английского правительства к скорейшему заключению мира неоднократно отмечались в российских газетах. Так, журналисты «Иллюстрированной газеты» возлагали свои ожидания на Англию в январе 1864 года: «Если Англии удастся собрать конференцию, это будет великий подвиг и подает надежду на мирное окончание неравной и несправедливой войны» (*Иллюстрированная газета, 1864. 28 января*).

Поскольку военные действия продолжались, а мирная конференция не созывалась, то на страницах российских изданий все чаще стало высказываться недоверие к Англии как стране, стремящейся к миру. Так, «Весть» в мартовском номере задавалась вопросом, почему великие державы позволяют немцам грабить Данию (*Весть, 1864. 17 марта*).

Наконец 26 апреля 1864 г. в Лондоне открылась мирная конференция, что можно считать частичным успехом английской дипломатии. Помимо представителей воюющих сторон, на ней были представлены посланники из Германского союза, Англии, Франции, России и Швеции. Однако конференция не достигла своей цели, что позволяло констатировать провал дипломатических усилий Лондона.

Помимо дипломатического воздействия на Пруссию и Австрию, Англия также пугала немцев своим вмешательством в войну. Наиболее вероятным российской общественности казалась помощь военно-морскими силами. «Московские ведомости» сообщали о снаряжении английской эскадры на помощь Дании еще в январе 1864 года (*Московские ведомости, 1864. 21 января*). Впрочем, флот Дании и так превосходил союзный флот Австрии и Пруссии и нанес ряд поражений противнику в ходе войны, поэтому датчане более рассчитывали на помощь войском. Однако такой помощи не последовало, хотя в русских газетах и упоминали о тридцатитысячном вспомогательном корпусе: «Из Лондона пущена телеграмма, что до 35 тысяч английского войска поставлены на военную ногу, но это слышали уже столько раз, что никто не верит этому» (*Весть, 1864. 12 февраля*).

Военные угрозы в сторону Пруссии не возымели результата. Российское общество к марту 1864 года уже ясно себе представляло, что Англия не готова вмешаться в войну. Квинтэссенцией данного представления стала публикация в газете «День» статьи с громким заголовком «Англия грозит – Германия хохочет» (*День, 1864. 9 марта*). Чем ближе была развязка шлезвиг-гольштейнского кризиса, тем очевиднее становилось, что изначальное мнение российского общества об антигерманской политике Великобритании являлось ошибочным. Английское правительство не предприняло никаких действенных мер для сдерживания немецкой агрессии, допустив присоединение герцогств к Австрии и Пруссии. Подталкивая Данию к войне и поощряя германский патриотизм, Англия лавировала между воюющими сторонами, стремясь не допустить вмешательство в войну третьей силы.

Позиция Франции в шлезвиг-гольштейнском кризисе 1864 г. на первый взгляд была более понятной. Российские консервативные издания достаточно критично оценивали внешнюю политику Наполеона III. В связи с этим «Весть» писала, что именно парижский кабинет подталкивал герцогства к сепаратизму (*Весть, 1864. 5 января*), хотя поддержка средних и малых немецких государств отвечала французским интересам. Франция действительно поддерживала принцип национальностей, который стал главной идеей восстания в Шлезвиге и Гольштейне. Однако события в герцогствах все-таки были вызваны другими факторами. На глазах Наполеона III происходило явное усиление воинственного соседа – Пруссии. Тем не менее, Франция довольно пассивно реагировала на события на Севере Европы и занимала нейтральную позицию (*Роотс, 1957: 220*).

Так как извлечь выгоды из развивавшегося на севере Европы шлезвиг-гольштейнского кризиса Франция не могла, то она выступала за то, чтобы Шлезвиг и Гольштейн стали двумя новыми монархиями в составе Германского союза. Это отвечало политике Наполеона III по поддержке второстепенных немецких государств как третьей силы в деле объединения Германии, наряду с Пруссией и Австрией. Такой внешнеполитический курс Франции довольно прохладно встретили в России, особенно в консервативных дворянских кругах. «Луи-Наполеон, отстаивая в герцогствах принцип национальностей, в противоречии с самим собой потому, что если Германия домогается Шлезвиг-Гольштейна, то Польша тем более должна принадлежать России, как самой

могущественной представительнице славянской нации», – так реагировала на это газета «День» ([День, 1864. 29 января](#)).

В политике Наполеона III действительно имелось немало противоречий, в том числе и в отношении Шлезвига и Гольштейна. Правительство Франции не стремилось к скорейшему урегулированию конфликта между немцами и датчанами и заняло выжидательную позицию, чтобы не упустить выгоды, если представится случай. Именно Франция игнорировала и не давала хода идеям и воззваниям Англии о необходимости мирной конференции. В марте 1864 года «Северная пчела» сообщала, что в Париже считали проект конференции преждевременным, хотя к этому времени союзное австро-прусское войско уже заняло почти весь полуостров Ютландия ([Северная пчела, 1864. 5 марта](#)).

На Лондонской конференции 1864 года французский посланник настаивал на необходимости проведения плебисцита в герцогствах, но идея о всеобщем волеизъявлении народа не нашла поддержки у остальных участников конференции. В связи с этим предложением «Весть» задавалась весьма ироничным вопросом: «Интересно узнать, на каком основании к этой идее примкнет Австрия, владеющая Венецией, Галицией и Венгрией?» ([Весть, 1864. 8 марта](#)).

На страницах русских газет к концу войны можно встретить все больше сатирических оценок действий Великих держав. Их упрекали не только в бездействии, но также и в преследовании своих корыстных интересов. В связи с этим «Иллюстрированная газета» высказывала мысль, что именно умеренная позиция европейских держав пробуждала «порывы германского фанатизма», стремящегося к нарушению мира ([Иллюстрированная газета, 1864. 12 февраля](#)). Англия и Франция были готовы вступить в войну только за достойное вознаграждение, которое им не могла предложить ни Дания, ни Пруссия с Австрией. Информацию, появившуюся в «Голосе», о якобы финансовой и военной помощи Дании крайне иронично прокомментировала «Весть»: «До сих пор Англия помогала датчанам только присылкой в их штаб двух офицеров; но Франция, кроме двух офицеров, прислала еще трех сердобольных женщин» ([Весть, 1864. 8 марта](#)). Данная оценка недалека от истины, ведь в реальности Великие державы бездействовали.

Русское общественное мнение первоочередную причину дипломатического успеха Пруссии видело в попустительстве Великих держав. «Европа, пугавшая немцев до начала войны, теперь молчит и удивляется геройству сотысячного войска, которое борется с чуть ли не горстью датчан», – так комментировали политику Великих держав «Биржевые ведомости» ([Биржевые ведомости, 1864. 16 марта](#)). Российские журналисты в своих статьях обращали внимание на многочисленные противоречия в политике европейских держав. Успех Пруссии по итогам войны вызывал негодование в российском обществе на фоне не так давно проигранной Крымской войны и Польского восстания, когда западные страны ополчились на Россию ([Весть, 1864. 2 ноября](#)). Можно сказать, что политика европейских держав в шлезвиг-гольштейнском кризисе воспринималась с недоумением. Сравнение с событиями в Польше порождало и усугубляло в российском общественном мнении ощущение отчуждения России от Европы.

5. Заключение

Шлезвиг-гольштейнский кризис воспринимался в российской прессе как событие, которое будет иметь непосредственное влияние на положение в стране, на Балтике, в Европе и угрожать национальной безопасности государства. Газеты, прогнозируя различные варианты урегулирования кризиса, в большинстве своем приходили к неутешительному выводу о том, что любой исход событий в Шлезвиге и Гольштейне, сопряженный с аннулированием Лондонского протокола 1852 года, негативно скажется на интересах России.

Германский вопрос, насквозь пронизывающий шлезвиг-гольштейнский кризис, и будучи одной из его первопричин, по-разному оценивался в России. Многим изданиям датско-германская распря виделась как первый шаг к немецкому объединению. Перспектива единой Германии на западных границах империи явно выглядела устрашающей и невыгодной для России. Хотя не все газеты враждебно относились к этой идее, но большинство изданий признавало это нежелательным для геополитических интересов империи. Причем отрицательное отношение было к обоим вариантам объединения Германии: и к революционному пути «снизу», несшему в себе угрозу для внутреннего политического устройства России, и к объединению «сверху» под главенством Пруссии, усиление которой воспринималось как угроза западным границам страны. Поэтому в России негативно отнеслись сначала к восстанию в Шлезвиге и Гольштейне в ноябре 1863 года, а затем и к развязыванию войны Пруссией против Дании.

Шлезвиг-гольштейнский кризис не прошел бесследно. Он породил абсолютно новые перспективы в европейской политике, которые неоднозначно оценивались русской прессой. Наряду с возможным ослаблением позиций России на международной арене в целом, и в Балтийском регионе в частности, русская пресса высказывала опасения по поводу потенциального мощного и воинственного соседа на западных рубежах.

Неудавшаяся попытка великих держав уладить конфликт путем мирной конференции в апреле 1864 г. лишь усилила негативное восприятие Англии и Франции. Активная реакция Лондона и

Парижа на восстание в Польше в 1863–1864 гг., которое российская общественность рассматривала как внутренний вопрос России, контрастировала с позицией Англии и Франции в шлезвиг-гольштейнском вопросе, который в России считался вопросом общеевропейской безопасности.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00383.

Литература

- Аксаков, 1892 – И.С. Аксаков в его письмах. М.: 1892. Т. 1-3.
 Барышников, 2014 – Барышников В.Н. Балтийский вопрос и его изучение в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2014, №7. P. 99-121.
 Биржевые ведомости, 1864 – Биржевые ведомости, 1864.
 Весть, 1864 – Весть, 1864.
 Голос, 1864 – Голос, 1864.
 День, 1864 – День, 1864.
 Иллюстрированная газета, 1864 – Иллюстрированная газета, 1864.
 Козлов, 2018 – Козлов Н.О. Шлезвиг-гольштейнский вопрос в трудах российских историков второй половины XIX столетия // *Saint-Petersburg and Northern European Countries: Materials of the nineteenth annual scientific conference / Edited by V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov*. SPb. RCHGA, 2018. pp. 256-263.
 Лесник, 1939 – Лесник С. Россия и Пруссия в шлезвиг-гольштейнском вопросе // *Красный архив*. 1939. №2. С. 51-118.
 Московские ведомости, 1864 – Московские ведомости, 1864.
 Нарочницкая, 1960 – Нарочницкая Л.И. Россия и войны Пруссии в 60-х годах XIX века за объединение Германии «сверху». М.: Госполитиздат, 1960. 287 с.
 Роотс, 1956 – Роотс Л.К. Шлезвиг-гольштейнский вопрос и политика европейских держав в 1863–1864 годах. Таллин: Эстонское государственное издательство, 1957. 242 с.
 Русская газета, 1859 – Русская газета, 1859.
 Санкт-Петербургские ведомости, 1864 – Санкт-Петербургские ведомости, 1864.
 Северная пчела, 1864 – Северная пчела, 1864.
 Сын Отечества, 1864 – Сын Отечества, 1864.
 Fokin et al., 2017 – Fokin V. I., Shirin S. S., Nikolaeva J. V., Bogolubova N. M., Elts E. E., Baryshnikov V.N. Interaction of Cultures and Diplomacy of States // *Kasetsart Journal of Social Sciences*, 2017, No. 38 (1). pp. 45-49.
 Oberschmidt, 1997 – Oberschmidt R. Russland und die Schleswig-Holstein Frage 1839-1853. F.u.M., 1997. 326 p.
 Plenkov et al., 2016 – Plenkov O., Adamova N., Baryshnikov V., Borysenko V. Prussian phenomenon and its historical distortion // *Bylye Gody*, 2016. Т. 39, № 1. pp. 196-203.

References

- Aksakov, 1892 – I.S. Aksakov v ego pis'makh. [I.S. Aksakov in his letters] M.: 1892. Vol. 3. 514 p. [in Russian]
 Baryshnikov, 2014 – Baryshnikov V.N. (2014). Baltiiskii vopros i ego izuchenie v Sankt-Peterburge (XVIII-XXI vv.) [Baltic question and its studying in Saint-Petersburg (XVIII-XXI)]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*. № 7. pp. 99-121. [in Russian]
 Birzheve vedomosti – Birzheve vedomosti [Stock news], 1864. [in Russian]
 Den' – Den' [Day], 1864. [in Russian]
 Fokin et al., 2017 – Fokin V.I., Shirin S.S., Nikolaeva J.V., Bogolubova N.M., Elts E.E., Baryshnikov V.N. (2017). Interaction of Cultures and Diplomacy of States. *Kasetsart Journal of Social Sciences*, No. 38 (1). pp. 45-49.
 Golos, 1864 – Golos [Voice], 1864. [in Russian]
 Illyustrirovannaya gazeta – Illyustrirovannaya gazeta [Illustrated newspaper], 1864. [in Russian]
 Kozlov, 2018 – Kozlov N.O. (2018). Shlezvig-Gol'shteinskii vopros v trudakh rossiiskikh istorikov vtoroi poloviny XIX stoletiya [Schleswig-Holstein question in studies of the Russian historians of the second half of XIX century]. *Saint-Petersburg and Northern European Countries: Materials of the nineteenth annual scientific conference*. Edited by V.N. Baryshnikov, P.A. Krotov. SPb. RCHGA. pp. 256-263. [in Russian]
 Lesnik, 1939 – Lesnik S. (1939). Rossiya i Prussiya v shlezvig-gol'shteinskom voprose [Russia and Prussia in Schleswig-Holstein question]. *Krasnyi Arkhiv*. №2. pp. 51–118. [in Russian]
 Moskovskie vedomosti – Moskovskie vedomosti [Moscow news], 1864. [in Russian]
 Narochnitskaya, 1960 – Narochnitskaya L.I. (1960). Rossiya i voiny Prussii v 60-kh godakh XIX veka za ob"edinenie Germanii «sverkhu» [Russia and Prussian wars for the unification of Germany in 1860s]. М.: GOSPOLITIZDAT. 287 p. [in Russian]

- Oberschmidt, 1997 – *Oberschmidt R.* (1997). *Russland und die Schleswig-Holstein Frage 1839–1853*. F.u.M. 326 p.
- Plenkov et al., 2016 – *Plenkov O., Adamova N., Baryshnikov V., Borysenko V.* (2016). Prussian phenomenon and its historical distortion. *Bylye Gody*, 2016. Т. 39, № 1. pp. 196-203.
- Roots, 1956 – *Roots L.K.* (1957). *Shlezvig-Gol'shteinskii vopros i politika evropeiskikh derzhav v 1863–1864 godakh* [Schleswig-Holstein question and the policy of European powers in 1863-1864]. Tallin: Estonskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 242 p. [in Russian]
- Russkaya gazeta – *Russkaya gazeta* [Russian newspaper], 1859. [in Russian]
- Sankt-Peterburgskie vedomosti – *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [St Petersburg news], 1864. [in Russian]
- Severnaya pchela – *Severnaya pchela* [The north bee], 1864. [in Russian]
- Syn Otechestva – *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland], 1864. [in Russian]
- Vest' – *Vest'* [News], 1864. [in Russian]

Русская пресса и борьба немецкоязычного населения Шлезвига и Гольштейна в 1863–1864 гг. за независимость

Владимир Николаевич Барышников ^a, Анатолий Васильевич Смолин ^a, Никита Олегович Козлов ^{a, *}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу общественного мнения России в течение шлезвиг-гольштейнского кризиса 1863–1864 гг. Шлезвиг-гольштейнский вопрос был не только частью проблемы объединения Германии, но и спорным вопросом в борьбе европейских держав за экономические и стратегические позиции в бассейне Балтийского моря. Как и почему именно так воспринимались эти события русским обществом?

Традиционным источником для изучения общественного мнения является пресса. Наибольший вклад в освещение и обсуждение событий в Дании внесли такие газеты, как «Весть», «День», «Голос», «Московские ведомости» и другие ведущие издания России.

Первая часть исследования анализирует внутреннее состояние России к 1863–1864 гг., в том числе условия существования и выражения общественного мнения. Российская периодика не только предоставляла оперативную информацию, но и формировала определенный взгляд на события в Дании.

Во второй части статьи анализируется восприятие основных событий в Дании русским обществом: эскалация кризиса в 1863 г., начало австро-пруско-датской войны в феврале 1864 г., дипломатические попытки нейтральных держав остановить войну и политика европейских держав.

Ключевые слова: Шлезвиг-Гольштейн, австро-пруско-датская война 1864 г., общественное мнение России, российские газеты, объединение Германии.

* Корреспондирующий автор

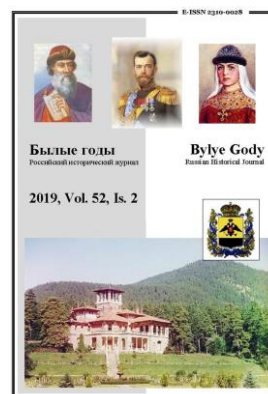
Адреса электронной почты: koylov1725@gmail.com (Н.О. Козлов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 736-747. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.736
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Activities of the Ministry of the National Education in the Cities of Western Siberia at the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries: Strengthening of Educational Potential during the Modernization

Alexey V. Blinov ^{a, *}, Yury M. Goncharov ^b

^a Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

^b Altay State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract

The article discusses the trend of development of municipal educational institutions of the Ministry of education in conditions of modernization of the late XIX – early XX century. On the basis of historiographical and historical sources shows the major manifestation of modernization, caused by the construction of the Trans-Siberian railway. Demographic growth, activation of economic development, change of mentality, contributed to the need for the development of educational base in the region. This process coincided with the formation of a sustainable educational space, becoming a consequence of the formation of the West Siberian district, within which there was a connection of administrative and departmental boundaries. In its efforts to establish a monopoly in educational policy and to respond to the demands of regional development, the Ministry has pursued an active policy to increase the number of educational institutions of existing types, as well as to create new ones. By the end of the Imperial period on the territory of Western Siberia was formed three types of schools, represented by a wide range of species.

Keywords: Siberia, city, modernization, mentality, educational institution, educational district, Ministry of the National education.

1. Введение

Уровень развития территории (административно-территориальной единицы) зависит от степени развития экономической, социальной и культурной инфраструктуры. Не случайно, что на современном этапе одним из приоритетных направлений стратегического развития является разработка и реализации программы «Комплексное развитие моногородов», предусматривающая не только создание региональных экономических центров, но и развитие социальной сферы, в том числе и образования. Роль образовательного фактора в решении социально-экономических задач беспорна и требует обращения с целью извлечения исторического опыта к историческим аналогам, имеющим место в условиях модернизации конца XIX – начала XX вв., в которой, как и сегодня, первостепенная роль отводилась городам, аккумулирующим в себе административные, экономические и социокультурные направления, тем самым создавая основания для актуализации потенциала территории (региона) (Мурзина, 2014: 4).

2. Материалы и методы

В качестве исходных материалов послужили исторические и историографические источники: нормативно-правовые материалы, отложившиеся в Полном собрании законов Российской империи, архивные и опубликованные статистические материалы.

* Corresponding author

E-mail addresses: blinov_alexey_vlad@mail.ru (A.V. Blinov)

Представленная статья является результатом аналитического исследования и систематизации материала по проблеме роли образовательного фактора в городской среде, представленного учебными заведениями Министерства народного просвещения в условиях модернизации Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. В основу анализа положены как уже ставшие классическими принципы историзма и объективности, так и многолинейная модель теории модернизации, предусматривающая признание зависимости между результативностью модернизации и наличием исходных ресурсов (политические, экономические, культурные ценности) (Побережников, 2002: 146-168).

3. Обсуждение

В условиях модернизации наблюдается корреляционное взаимодействие основных сфер, связанных с обеспечением потребностей жизнедеятельности населения города.

В рамках историографической традиции большое внимание уделяется влиянию процессов модернизации на развитие городской инфраструктуры (Алисов, 2002; Алисов, 2012; Еремина, 2000; Зиновьев, 2014; Рутц, 2002; Сайко, 1995; Скубневский, Гончаров, 2014; Скубневский, Гончаров, 2015). В стороне не остается и культурно-образовательное пространство города, которое, по мнению И.Я. Мурзиной, выступает продуктом актуализации сознания его жителей (Мурзина, 2014: 88). Большое внимание данным вопросам уделено в исследованиях Д.А. Алисова, акцентировавшего внимание на том факте, что модернизационные процессы способствуют росту культурных потребностей городского населения (Алисов, 2002: 7). В работах В.П. Бойко, Ю.М. Гончарова, А.В. Литягиной, В.А. Скубневского показан процесс влияния модернизационных процессов на изменение отношения основных слоев городского населения к вопросам образования (Бойко, 2009; Гончаров, 1999; Гончаров, 2002; Литягина, 2013; Скубневский, 1994; Скубневский, 1995). Следствием подобных изменений неминуемо стало активное создание в городах учебных заведений, получивших особенно активное развитие под началом Министерства народного просвещения, выступающего в качестве монополиста в сфере образования. На сегодняшний момент имеется ряд исследований, рассматривающих формирование образовательного облика как Западной Сибири в целом, так и отдельных населенных пунктов. Попытки их систематизации нашли отражение в библиографических справочниках (Образование в Сибири, 2004; Литература, 2005), историографических обзорах (Аязова, 2010; Толочко, 2005), исследованиях отдельных видов учебных заведений (Войтеховская, Кочурина, 2002; Кузьминова, Некрылов, 2006; Некрылов, 2010; Перова, 2009; Гач, 2011 и др.). В последние годы исследователями предпринимались попытки анализа образовательного потенциала отдельных территорий (Цысь, Цысь, 2011; Ищенко, 2011; Исакова, Кос, 2013). Однако имеющиеся место исследования не позволяют создать целостной картины презентативности учебных заведений в городах Западной Сибири.

4. Результаты

Активное экономическое развитие сибирского региона приходится на пореформенный период. В.П. Зиновьев, анализируя промышленное освоение Сибири, выделяет это время в особый четвертый этап (1861 г. – первая половина 90-х гг. XIX в.) и характеризует его как «крах феодального предпринимательства, господство капиталистической мануфактуры во всей промышленности, начало промышленного переворота в ней, утверждение пароводства, начало железнодорожного строительства» (Зиновьев, 2014: 40). Важным стимулом, способствующим началу экономической модернизации на территории Западной Сибири послужило начало создания системы транспортных коммуникаций, что отвечало запросам как правительственных, так и предпринимательских кругов (Букин, Тимошенко, 2004: 17). Введение в эксплуатацию железной дороги имело ряд последствий, проявившихся в активизации переселенческого движения на территорию Западной Сибири, началу экономической модернизации, демографическому росту, изменению отношения к вопросам образования и школы. Под влиянием Сибирской железной дороги, ставшей важнейшим средством транспортной коммуникации, происходит ряд изменений, способствовавших началу модернизационных процессов. Во-первых, наблюдается демографический рост, вызванный в том числе и активизацией переселенческого движения. Со времени запуска в действие отдельных участков железной дороги и до начала 1917 г. на территорию Сибири и азиатских владений (с 1896 по 1917 гг.) переселилось 3962613 чел., из них на территорию Западной Сибири – 2701395 чел. (68 %). Распределение переселенческих потоков по административно-территориальным единицам выглядело не пропорционально: Тобольская губерния – 11 %, Томская губерния – 59,5 %, Акмолинская область – 24,5 %, Семипалатинская область – 5 %. Наибольшая переселенческая активность приходится до 1911 г. (81,6 %) – время активной реализации столыпинской аграрной реформы (Таблица 1).

Таблица 1. Переселенческое движение на территорию Западной Сибири (Статистический ежегодник, 1916: 106-108)

Административно-территориальные единицы	периоды					
	1896–1910		1911–1916		всего	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Тобольская губерния	231306	78,1	64843	21,9	296149	11,0
Томская губерния	1322172	82,3	285073	17,7	1607245	59,5
Акмолинская область	538951	81,6	121655	18,4	660606	24,5
Семипалатинская область	85408	62,2	51987	37,8	137395	5,0
всего	2177837	80,6	523558	19,4	2701395	

Переселенческое движение, наряду с естественным приростом, сказывается на демографической ситуации как в отдельных административно-территориальных единицах (Таблица 2), так и городской среде (Таблица 3).

Таблица 2. Изменение численности населения административно-территориальных единиц Западной Сибири (Щеглов, 1993: 424; Россия: Энциклопедический словарь: 81; Статистический ежегодник, 1913: 55-56; Статистический ежегодник, 1916: 45-46)

Годы	Тобольская губерния	Томская губерния	Акмолинская область	Семипалатинская область
1879	1206,4	1032,6	454,2	526,0
1897	1438,5	1929,1	679,0	685,2
1913	2005,5	3919,8	1491,9	862,0
1916	2113,9	4100,3	1565,9	992,1

По сравнению с 1879 г. к 1916 г. численность населения Тобольской губернии увеличилась на 75 %, Томской – 397 %, Акмолинской области – 345 %, Семипалатинской – 187 %.

Наметился устойчивый рост городских жителей населенных пунктов, оказавшихся в зоне активного влияния железной дороги (Таблица 3). Например, по сравнению с 1884 г. к 1916 г. численность населения Тюмени увеличилось на 338 %, Томска – 586 %, Омска – 551 %.

Таблица 3. Численность населения городов Западной Сибири (в тыс.) (Скубневский, Гончаров, 2014: 194; Поуездные итоги Всероссийской, 1923; Щеглов, 1993: 281-282; 443; Россия: Энциклопедический словарь: 281-282, 337; Адрес-календарь Семипалатинской области: 1-2; Статистический ежегодник, 1913: 55-56; Статистический ежегодник, 1916: 45-46)

Административная единица / город		1884	1897	1904	1913	1916
Тобольская губерния	Березов	1,9	1,1	1,2	1,1	1,3
	Ишим	3,0	7,2	11,7	8,7	14,2
	Курган	5,4	1,0	16,4	35,0	39,8
	Сургут	1,3	1,1	1,2	1,4	1,6
	Тара	6,6	7,2	8,3	7,8	11,2
	Тобольск	17,5	20,4	20,9	22,0	23,3
	Турунск	4,3	3,2	3,4	3,2	2,8
	Тюкалинск	1,2	4,0	6,5	5,0	2,7
	Тюмень	16,7	29,5	29,7	42,2	56,6
	Ялуторовск	5,2	3,3	3,4	4,3	3,8
Томская губерния	Барнаул	14,6	21,0	33,3	49,8	57,2
	Бийск	6,8	17,2	20,6	24,8	30,8
	Боготол	-	-	-	6,7	
	Каинск	5,5	5,9	7,7	6,0	10,0
	Колывань	3,9	11,7	8,5	9,2	
	Кузнецк	3,0	3,1	4,0	3,3	5,2
	Мариинск	6,5	8,2	15,6	25,5	26,0
	Нарым	2,0	1,1	0,8	0,9	
	Новониколаевск	-	-	26,3	85,4	
	Тайга	-	-	-	6,0	
	Татарск	-	-	-	3,1	
Томск	33,8	52,2	67,4	95,6	198,3	

Акмолинская область	Амолинск	2,5	9,7	-	14,3	18,3
	Атбасар	1,3	3,0	-	5,0	5,2
	Кокчетав	1,8	4,9	-	7,2	7,4
	Омск	24,8	37,4	62,6	133,3	136,7
	Петропавловск	10,3	19,9	-	44,1	45,4
Семипалатинская область	Зайсан	2,5	4,4	6,0	8,8	10,1
	Каркаралы	1,1	4,4	2,2	3,7	3,9
	Павлодар	2,7	7,7	6,1	8,9	11,2
	Семипалатинск	14,3	26,2	26,7	34,1	37,0
	Усть-Каменогорск	4,7	8,7	12,3	14,5	18,0

Во-вторых, Сибирская железная дорога, изменившая направления грузопотоков, способствовала изменению векторов развития городов. В заметке, посвященной городам Сибири, опубликованной в 1912 г. в журнале «Городское дело», отмечалось: «Мы замечаем здесь чисто американские явления: громадный прилив капиталов, необычайно быстрый рост городского населения, широкий и энергичный полет промышленной и иной инициативы. Это редкое оживление во всех материальных областях культуры застало сибирские города в состоянии полного неустройства и запущенности... Однако потребность населения в городском благоустройстве выросла в Сибири так же, как и в городах Европейской России и нашла там даже лучшую почву, чем здесь. Это немедленно вызвало феноменальный рост городского бюджета» (Еремина, 2000: 160-161).

Анализ источников показывает, что влияние Транссибирской магистрали на промышленность Сибири было противоречивым. С ее сооружением быстрый рост получили лишь некоторые отрасли сибирской промышленности – переработка сельскохозяйственного сырья и горнодобывающая промышленность, которые... не содействовали формированию промышленного комплекса в Сибири и лишь усугубляли ее специализацию в качестве сырьевого придатка» (Старцев, Гончаров, 1999: 101). Неоднозначным было и влияние на города: в таких городах, как Тобольск, Верхотурье, Тара, Илимск, оказавшихся в стороне от новых путей товарообмена, наблюдается замирание в развитии; напротив, города, оказавшиеся на важнейших торговых путях и в промышленных районах, набирали темпы развития (Омск, Тюмень, Барнаул, Томск) (Скубневский, Гончаров, 2015: 283). Однако при всем этом положительные тенденции были очевидны. Активное развитие получают такие отрасли горнодобывающей промышленности, как золотодобыча и угледобыча, где наиболее отчетливо проявились тенденции по созданию монополий и началу технической модернизации производства. Под воздействием Транссиба получили развитие отрасли обрабатывающего производства (лесопильная – города Новониколаевск, Томск, Тюмень; мукомольная, металлообрабатывающая и т.д.).

Вместе с тем строительство железной дороги способствовало и появлению новых городов: в 1904 г. статус безуездного города получил Новониколаевск, в 1911 г. – Боготол, Тайга, Татарск (ПСЗРИ, 1905: ст. 23805; ПСЗРИ, 1914: ст. 34686).

Французский коммерсант Клавдий Оланьон, посетивший Сибирь в 1900 г. с целью изучения вопроса о возможности торговли между Францией и Сибирью, разделил ее по природо-климатическим признакам на две части: живую (южную) и мертвую (северную). По его мнению, Южная Сибирь уже готова к своему экономическому освоению, здесь заложены основы для коммерческого развития как сельскохозяйственного, так и промышленного (Сибирь, 1903: 67).

В-третьих, процессы экономической модернизации способствовали изменению и традиционного представления отдельных социальных групп и социокультурных образований. По мнению Б.С. Гершунского, связь между менталитетом и образованием обоюдная. С одной стороны, характер образовательной деятельности в том или ином социуме зависит от его ментальных приоритетов, с другой – и сами эти приоритеты, жизненные ценности и идеалы зависят от образовательных потенций общества, его стремления к воспроизводству в каждом последующем поколении собственных культурных традиций и нравственных устоев, к их непрерывному обогащению и развитию (Гершунский, 2002: 27).

Во второй половине XIX в. сословный строй уже не играл значительной роли в общественной жизни, т.к. в развивающемся индустриальном обществе сословия как юридически закрепленные социальные группы уже мешали нормальному функционированию экономики и общественно-политической системы. На первый план выступают профессиональные группы. Так, например, многочисленное сословие мещан распадается на ряд профессиональных групп, различных по доходам, статусу и образу жизни (Литягина, 2013: 101).

Происходят изменения и в среде купечества, являющегося доминирующим социальным образованием в процессе модернизации. Хотя, согласно данным В.А. Скубневского, полученным на основе результатов анализа переписи населения 1897 г., образовательный уровень купечества оставался низким: 40% у мужчин и 19,6 % у женщин, отношение к образованию было изменено

(Скубневский, 1995: 114). В конце XIX в. многие гильдейцы стараются дать своим детям образование, в том числе и высшее, выступают активными поборниками открытия в городах новых учебных заведений (Гончаров, 1998: 165; Бойко, 2009: 189). В целом, в осознании городского населения изменение произошло в сторону того, что образование (или хотя бы элементарная грамотность) является одним из факторов повышения социального статуса (Гончаров, 2002: 297).

Развитие городской экономики, изменение демографической ситуации, перелом в менталитете неминуемо влекли за собой изменение социокультурного облика городов, что способствовало усилению образовательных запросов городского сообщества, проявившихся в росте учебных заведений.

В условиях начавшейся модернизации городам принадлежала двойственная роль. С одной стороны, социально-экономическое и культурное развитие городов Западной Сибири, обусловленное строительством Транссибирской железной дороги, усиливало потребности в подготовке квалифицированных кадров для различных отраслей экономики, сферы образования, здравоохранения и культуры, разрастающегося административного аппарата (Алисов, 2002: 5-7; Толочко, 2005: 329; Татарникова, 2014: 397). С другой – городу, выполнявшему не только роль стартовых площадок, но и аккумулировавшему в себе образовательный потенциал, принадлежала особая роль в формировании образовательного потенциала региона. По мнению Э.В. Сайко, город выступал носителем и аккумулятором различного рода информации, всех связей, ценностных значений и субъективных смыслов культуры соответствующих сообществ (Сайко, 1995: 9).

Данному обстоятельству способствовал и тот фактор, что на долю возрастных групп, способных составить потенциальные ряды обучающихся, приходилось от 30 до 40 %. Например, по результатам переписи 1897 г. в Тобольской губернии на долю возрастных групп «10–19» и «20–29» приходилось 34,7 %, Томской губернии – 36,1 %, Акмолинской области – 35,7 %, Семипалатинской области – 36,3 % (Статистический ежегодник, 1916: 66).

Усиливающиеся потребности в развитии образования облегчались тем обстоятельством, что время экономической модернизации совпало с временем оформления устойчивого образовательного пространства, законодательно закрепленным соотношением административно-территориальных и ведомственных границ, в рамках которых осуществляется деятельность интегрированных в него субъектов, т.е. локализованных образовательных учреждений всех видов, форм и уровней, связанных отношениями взаимовлияния и взаимообусловленности. Применительно к территории Западной Сибири оформление устойчивого образовательного пространства стало возможно с учреждением Западно-Сибирского учебного округа на основании высочайшего указа от 12 марта 1885 г., что позволило интегрировать в рамках единого учебного ведомства пять административно-территориальных единиц азиатской части империи: Тобольскую и Томскую губернии, Акмолинскую, Семипалатинскую и Семиреченскую области (ПСЗРИ, 1887: ст. 2808).

На момент учреждения Западно-Сибирского учебного округа в рамках административно-территориальных единиц насчитывалось всего 173 учебных заведения ведомства Министерства народного просвещения, из них на долю городских приходилось 91 (52,6 %). Распределение городских учебных заведений по административно-территориальным единицам было представлено неравномерно: на долю Тобольской губернии приходилось 35 учебных заведений (38,5 %), Томской – 35 (38,5 %), Акмолинской области – 12 (13,2 %), Семипалатинской – 9 (9,8 %) (Таблица 4).

Таблица 4. Распределение городских учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения на момент учреждения Западно-Сибирского учебного округа (Памятная книжка, 1916; ГА в г. Тобольске. Ф. 5. Оп. 1. Д. 119. Л. 20 об.; Д. 126. Л. 1)

Административно-территориальная единица	начальные			средние				всего		
	уездные	городские по «Уставу» (1828)	городские по «Положению» (1872)	гимназия (муж)	реальные училища	гимназия (жен)	прогимназия (жен)	учительская семинария	абс	%
Тобольская губ.	13	13	1	1	1	0	6	0	35	38,5
Томская губ.	8	18	3	1	1	1	3	0	35	38,5
Акмолинская обл.	1	4	3	0	0	1	2	1	12	13,2
Семипалатинская обл.	1	3	4	0	0	0	1	0	9	9,8
всего	23	38	11	2	2	2	12	1	91	

Период существования устойчивого образовательного пространства в рамках Западно-Сибирского учебного округа стал временем активного развития городской образовательной инфраструктуры, представленной учебными заведениями Министерства народного просвещения.

К 1917 г. насчитывалось 2021 учебное заведение, из них на долю городских приходилось 417 (20,6 %). Распределение городских учебных заведений по административно-территориальным единицам, как и к моменту учреждения учебного округа выглядело неравномерно: на долю Тобольской губернии приходилось 93 учебных заведения (22,3 %), Томской – 208 (49,9 %), Акмолинской области – 78 (18,7 %), Семипалатинской – 38 (9,1 %). Совокупный прирост городских учебных заведений по сравнению с 1885 г. составил 349 учебных заведений (513 %). По административно-территориальным единицам ситуация выглядела следующим образом: Тобольская губерния – (+ 71, 322,7 %), Томская губерния – (+ 181, 670,3 %), Акмолинская область – (+ 67, 609 %), Семипалатинская область – (+ 30, 37,5 %). Данное обстоятельство связано с учреждением новых видов учебных заведений.

Анализ данных, приведенных в таблице 5, позволяет отметить не только тенденцию увеличения количества учебных заведений, но и создание их новых видов. Например, тип начальных учебных заведений в рамках Западно-Сибирского учебного округа был дополнен такими новыми видами, как высшие городские училища по «Закону» (1912), ремесленные училища, школы по линии железной дороги. Тип средних учебных заведений был расширен за счет появления технических училищ, учительских институтов, частных учебных заведений с курсом средней школы. Наконец были созданы учебные заведения, представляющие тип высших учебных заведений (Императорский Томский университет (1888), Томский технологический институт Императора Николая II (1900), Сибирские высшие женские курсы (1910) (Памятная книжка, 1916).

Имеющие место к моменту учреждения учебного округа виды учебных заведений претерпели существенные количественные изменения. Вид городских начальных учебных заведений по «Уставу» (1828) в количественном отношении, по сравнению в 1885 г., увеличился на 202 (532 %), по «Положению» (1872 г.) – 19 (173 %); мужские гимназии – 9 (450 %), реальные училища – 4 (200 %), женские гимназии – 17 (850 %), женские прогимназии – 5 (41,6 %), учительские семинарии – 6 (600 %).

Таблица 5. Типо-видовое распределение учебных заведений Западной Сибири по административно-территориальным единицам к 1917 г. (Памятная книжка, 1916)

Административно-территориальная единица	начальные					средние									высшие		всего	
	город. по «Уставу» (1828)	город. по «Положению» (1872)	город. высш. по «Закону» (1912)	ремесленные училища	по линии железной дороги	гимназия (муж.)	реальные училища	частные средние	гимназия (жен.)	прогимназия (жен.)	техническое училище	учительская семинария	учительский институт	абс	%			
Тобольская губ.	48	7	13	2	4	3	1	0	3	9	0	2	1	0	93	22,3		
Томская губ.	127	13	18	2	8	6	4	8	10	5	1	2	1	3	208	49,9		
Акмолинская обл.	46	5	8	1	1	1	1	6	3	2	1	2	1	0	78	18,7		
Семипалатинская обл.	19	5	7	1	0	1	0	0	3	1	0	1	0	0	38	9,1		
всего	240	30	46	6	13	11	6	14	19	17	2	7	3	3	417			

Если говорить о представительности городского пространства учебными заведениями Министерства народного просвещения, то на долю губернских и областных центров приходилось: Тобольск – 17 (4 %), Томск – 63 (15,1 %), Омск – 48 (11,5 %), Семипалатинск – 18 (4,3 %) учебных заведений.

При этом только в Томске был относительно в полном объеме представлен типо-видовой состав учебных заведений: 38 начальных городских по «Уставу» (1828), 3 городских по «Положению» (1872), 4 высших городских по «Закону» (1912), 2 начальных ремесленных училища, 2 начальных школы по линии железной дороги, 2 мужских гимназии, 2 реальных училища, 3 частных средних учебных заведения, 4 женских гимназии, 1 учительский институт и 3 высших учебных заведения. В Тобольске было представлено 3 вида начальных учебных заведений: 11 начальных городских по «Уставу» (1828), 1 городское по «Положению» (1872), 2 высших городских по «Закону» (1912) и 3 средних учебных заведения: мужская гимназия, учительская семинария и учительский институт. В Омске тип начальных учебных заведений был представлен 3 видами: 32 начальные городские по «Уставу» (1828), 1 городская по «Положению» (1872), 2 высшие городские по «Закону» (1912) и 7 видов

средних учебных заведений (1 мужская гимназия, 6 частных средних учебных заведения, 2 женские гимназии, 1 женская прогимназия, 1 техническое училище, 1 учительский институт и 1 учительская семинария). В Семипалатинске были представлены училища, относящиеся к 4 видам начальных учебных заведений: 8 начальных городских по «Уставу» (1828), 2 городских по «Положению» (1872), 3 высших по «Закону» (1912), 1 начальное ремесленное училище и 4 вида средних учебных заведений (1 мужская гимназия, 1 женская гимназия, 1 женская прогимназия, 1 учительская семинария).

Анализируя обеспеченность уездных городов, располагавшихся на административно-территориальных единицах, входящих в состав Западно-Сибирского округа, необходимо отметить, что во всех были представлены начальные общеобразовательные учебные заведения: по «Уставу» (1828), «Положению» (1872), «Закону» (1912), но их распределение было неравномерным: Березов – 3 (0,9 % от количества по учебному округу), Ишим – 6 (1,9 %), Курган – 12 (3,8 %), Сургут – 1 (0,3 %), Тара – 7 (2,2 %), Туринск – 4 (1,2 %), Тюкалинск – 4 (1,2 %), Тюмень – 14 (4,4 %), Ялуторовск – 3 (0,9 %), Барнаул – 28 (8,8 %), Бийск – 16 (5 %), Каинск – 6 (1,9 %), Кузнецк – 4 (1,2 %), Мариинск – 4 (1,2 %), Акмолинск – 6 (1,9 %), Атбасар – 2 (0,6 %), Кокчетав – 4 (1,2 %), Петропавловск – 12 (3,8 %), Зайсан – 3 (0,9 %), Каракалинск – 3 (0,9 %), Павлодар – 5 (1,6 %), Устькаменогорск – 7 (2,2 %). Что касается средних общеобразовательных учебных заведений (гимназии, реальные училища, прогимназии), то в таких уездных центрах, как Березов, Сургут, Тюкалинск, Кузнецк, Акмолинск, Атбасар, Кокчетав, Зайсан, Каракалинск, они не были представлены. По остальным уездным городам распределение выглядело следующим образом: Ишим – 2 (2,9 % от количества по учебному округу), Курган – 2 (2,9 %), Тара – 2 (2,9 %), Туринск – 2 (2,9 %), Тюмень – 2 (2,9 %), Ялуторовск – 2 (2,9 %), Барнаул – 7 (10,4 %), Бийск – 4 (5,9 %), Каинск – 4 (5,9 %), Мариинск – 2 (2,9 %), Петропавловск – 2 (2,9 %), Павлодар – 1 (1,5 %), Устькаменогорск – 1 (1,5 %).

Профессиональные (технические и педагогические учебные заведения) были представлены в следующих уездных центрах: Курган – 1 (5,5 % от количества по учебному округу), Тюмень – 1 (5,5 %), Ялуторовск – 1 (5,5 %), Барнаул – 2 (11 %), Акмолинск – 1 (5,5 %), Петропавловск – 1 (5,5 %). В остальных уездных городах данный вид учебных заведений отсутствовал.

Из числа заштатных городов выделялся Новониколаевск, где располагалось 48 учебных заведений: 41 начальное общеобразовательное учебное заведение (12,9 % от количества по учебному округу), 5 средних общеобразовательных учебных заведений (7,5 %), 1 профессиональное (5,5 %). Несмотря на свое позднее появление и статус, по количеству учебных заведений Министерства народного просвещения Новониколаевск находился в равном положении с Омском, уступая лишь Томску (Таблица 3).

Остальные заштатные города, такие, как Боготол, Колывань, Нарым, Славгород, Тайга, Татарск, Кокпектах в отношении наличия учебных заведений Министерства народного просвещения выглядели намного скромнее и были представлены только начальными учебными заведениями. На долю Боготола приходилось 1 (0,3 % от количества по учебному округу), Колывань – 6 (1,8 %), Нарым – 1 (0,3 %), Славгород – 1 (0,3), Тайга – 1 (0,3 %), Татарск – 3 (0,9 %). В г. Кокпектах учебные заведения Министерства народного просвещения вовсе отсутствовали.

5. Заключение

Конец XIX – начало XX вв. становится временем активных модернизационных процессов на территории Западной Сибири. Строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, вызвавшее активное переселенческое движение, способствовало изменению демографической и экономической обстановки в регионе. Увеличение численности населения (в т.ч. и потенциального контингента учащихся), с одной стороны, давало формальные основания для учреждения учебных заведений, а с другой – способствовало расширению рынка трудовых ресурсов, к которому в условиях перехода к капитализации экономики (создание более высокотехнологичного производства) предъявлялись более высокие требования, что тоже неминуемо должно было сказаться на состоянии школьного дела. Начавшаяся экономическая трансформация способствовала изменению и традиционного мировоззрения ряда социальных категорий, что неминуемо приводило к усилению заинтересованности в получении образования. В период существования устойчивого образовательного пространства под влиянием демографического и экономического факторов получает развитие тенденция по усилению роли учебных заведений Министерства народного просвещения в городах Западно-Сибирского учебного округа. В результате процесса модернизации образовательный облик городов Западной Сибири претерпел существенные изменения, что нашло отражение как к количественному, так и качественному изменению учебных заведений.

Литература

Адрес-календарь, 1907 – Адрес-календарь Семипалатинской области на 1907. Семипалатинск, 1907. 120 с.

Алисов, 2002 – Алисов Д.А. Влияние модернизационных процессов на социокультурный облик городского населения Западной Сибири (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Культура. Социум. Творчество: Матер. Всерос. науч.-практ. семинара «Досуг. Творчество. Культура». Омск, 2002. С. 5-7.

Алисов, 2012 – Алисов Д.А. Городская цивилизация: этапы становления и развития (опыт научного поиска) / *Культура городского пространства: власть, бизнес и гражданское общество в сохранении и приумножении культурных традиций России: Матер. Всерос. науч.-практ. конф.* Омск, 2013. С. 3-10.

Алязова, 2010 – Алязова З.С. Обзор диссертационных исследований по истории общего и педагогического образования в Западной Сибири конца XIX – начала XX вв. // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2010. № 1 (91). С. 5-8.

Бойко, 2009 – Бойко В.П. Купечество Западной Сибири в конце XVIII–XIX вв. Очерки социальной, отраслевой и ментальной истории: Монография. Томск, 2009. 423 с.

Букин, Тимошенко, 2004 – Букин С.С., Тимошенко А.И. Стратегические идеи модернизации Сибири (конец XIX – первая треть XX вв.) // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281. 17-20 с.

Войтеховская, Кочурина, 2002 – Войтеховская М.П., Кочурина С.А. Томский учительский институт: возвращенная история. 1902–1920 годы: Монография. Томск, 2002. 293 с.

ГА в г. Тобольске – Государственный архив в г. Тобольске.

Гач, 2011 – Гач О.Б. Развитие общего образования в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 13. С. 29-34.

Гершунский, 2002 – Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. М., 2002. 508 с.

Гончаров, 1999 – Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. 243 с.

Гончаров, 2002 – Гончаров Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX вв. Барнаул, 2002. 383 с.

Еремина, 2000 – Еремина Л.А. Финансовое состояние городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. / *Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: Матер. конф. Барнаул, 2000*. С. 160-161.

Зиновьев, 2014 – Зиновьев В.П. Характер индустриальной колонизации Сибири в XVIII – начале XX вв. / *Сословные и социокультурные трансформации населения Азиатской России (XVII – начало XX веков): Сб. матер. Всерос. науч. конф.* Новосибирск, 2014. С. 38-42.

Исакова, Кос, 2013 – Исакова Е.Г., Кос В.В. Образовательные учреждения в городском пространстве Западной Сибири // *Профессиональное образование в России и за рубежом*. 2013. № 3 (11). С. 141-148.

Ищенко, 2011 – Ищенко О.В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. № 13 (115). С. 22-28.

Кузьминова, Некрылов, 2006 – Кузьминова Е.Ф., Некрылов С.А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // *Вопросы образования*. 2006. №3. С. 122-141.

Литература, 2005 – Литература по истории образования в Сибири: Библиографический указатель. Новокузнецк, 2005.

Литягина, 2013 – Литягина А.В. Факторы, влиявшие на ментальность горожан Западной Сибири второй половины XIX – начала XX веков // *Историческая психология и социология истории*. 2013. № 1. С. 99-110.

Мурзина, 2014 – Мурзина И.Я. Региональное культурно-образовательное пространство: структура, функции, социокультурный потенциал: Монография. М., 2014. 197 с.

Некрылов, 2010 – Некрылов С.А. Томский университет – первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. – 1919 г.). Томск, 2010. Т. 1. 514 с.

Образование в Сибири, 2004 – Образование в Сибири: история и современность: Библиографический указатель. Томск, 2004.

Памятная книжка, 1916 – Памятная книжка Западно-Сибирского учебного округа на 1916 год. Изд. 8-е. Томск, 1916.

Перова, 2009 – Перова О.В. Формирование сети учительских семинарий в Западно-Сибирском учебном округе в конце XIX – начале XX веков // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2009. Вып. 12 (90). С. 130-134.

Побережников, 2002 – Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические подходы // *Экономическая история. Обзорение*. Вып. 8. М., 2002. С. 146-168.

ПСЗРИ, 1887 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том. 5. СПб., 1887. 549 с.

ПСЗРИ, 1905 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том. 23. Часть 1. СПб., 1905. 1167 с.

ПСЗРИ, 1914 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Том. 31. Часть 1. СПб., 1914. 1411 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив.

Россия: Энциклопедический словарь – Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991. 922 с.

Рутц, 2002 – Рутц М.Г. Некоторые аспекты экономического развития городов смешанного функционального типа в 1-й половине XIX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи науч. чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Матер. Всерос. конф. Барнаул, 2002. С. 182-185.

Сайко, 1995 – Сайко Э.В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С. 9-21.

Сибирь, 1903 – Сибирь и ее экономическая будущность / [сочинение] Кл. Оланьон; с предисл. Фредерика Пасси; пер. с фр. А.Д. Погрузова. СПб., 1903. 252 с.

Скубневский, 1994 – Скубневский В.А. Роль купечества в развитии народного образования Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. // Культурное наследие Сибири. Барнаул, 1994. С. 45-56.

Скубневский, 1995 – Скубневский В.А. Заметки о духовном мире барнаульского купечества // Образование и социальное развитие региона. 1995. № 2. С. 113-119.

Скубневский, Гончаров, 2014 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство: Монография. 3-е изд., доп. Барнаул, 2014. 239 с.

Скубневский, Гончаров, 2015 – Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города и их воздействие на экономическое развитие Сибири во второй половине XIX в. // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города / Сб. науч. ст. Всерос. конф. с межд. участием. Курган, 2015. С. 279-294.

Старцев, Гончаров, 1999 – Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX вв.): Учеб. пособие. Барнаул, 1999. 215 с.

Статистический ежегодник, 1913 – Статистический ежегодник России 1913 г. (Год десятый). СПб., 1914. 333 с.

Статистический ежегодник, 1916 – Статистический ежегодник России 1916 г. (год тринадцатый). Вып. 1. М., 1916. 121 с.

Толочко, 2005 – Толочко А.П. Профессиональное образование в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. (к историографии и проблематике вопроса) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX вв.: Сб. науч. тр. Барнаул, 2005. С. 329-336.

Томская дирекция, 1911 – Томская дирекция народных училищ. Краткие сведения об училищах, подведомственных Дирекции народных училищ Томской губернии. 1900–1911. Томск, 1911. 23 с.

Цысь, Цысь, 2011 – Цысь В.В., Цысь О.П. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв.: Монография. Нижневартовск, 2011. 305 с.

Щеглов, 1993 – Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 463 с.

References

Adres-kalendar', 1907 – Adres-kalendar', 1907 – Adres-kalendar' Semipalatinskoj oblasti na 1907 god [The address calendar of the Semipalatinsk region in 1907]. Semipalatinsk, 1907. 120 p. [in Russian]

Alisov, 2002 – Alisov D.A. (2006). Vliyanie modernizacionnyh processov na sociokul'turnyj oblik gorodskogo naseleniya Zapadnoj Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [The impact of modernization processes on the socio-cultural image of the urban population of Western Siberia (the second half of XIX – early XX century)]. *Kul'tura. Socium. Tvorchestvo: mater. useros. nauch.-prakt. seminara «Dosug. Tvorchestvo. Kul'tura»*. Omsk, pp. 5-7. [in Russian]

Alisov, 2012 – Alisov D.A. (2012). Gorodskaya civilizaciya: e`tapy` stanovleniya i razvitiya (opy`t nauchnogo poiska) [Urban civilization: stages of formation and development (experience of scientific research)]. *Kul`tura gorodskogo prostranstva: vlast`, biznes i grazhdanskoe obshhestvo v soxranenii i priumnozhenii kul`turny`x tradicij Rossii: mater. vseros. nauch.-prakt. konf.* Omsk, pp. 3-10. [in Russian]

Alyazova, 2010 – Alyazova Z.S. (2010). Obzor dissertacionny`x issledovanij po istorii obshhego i pedagogicheskogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri koncza XIX – nachala XX v. [Review of dissertation research on the history of General and pedagogical education in Western Siberia in the late XIX-early XX centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universita*. № 1 (91). pp. 5-8. [in Russian]

Bojko, 2009 – Bojko V.P. (2009). Kupechestvo zapadnoj Sibiri v konce XVIII-XIX v. Oчерki social'noj, otraslevoj i mental'noj istorii [Merchants of Western Siberia at the end of XVIII-XIX centuries. Essays social, sectoral and mental history]: monografiya. Tomsk. 423 p. [in Russian]

Bukin, Timoshenko, 2004 – Bukin S.S., Timoshenko A.I. (2004). Strategicheskie idei modernizacii Sibiri (konec XIX – pervaya tret' XX v.) [Strategic ideas for the modernization of Siberia (late XIX – first third of the twentieth century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 281. pp. 17-20. [in Russian]

Cys', 2011 – Cys' V. V., Cys' O. P. Образование и просвещение на Севере Западной Сибири в XIX – начале XX вв. [Education and enlightenment in the North of Western Siberia in the XIX-early XX centuries.]: Монография. Нижневартовск, 2011. 305 p.

Eremina, 2000 – Eremina L.A. (2000). Finansovoe sostoyanie gorodov Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. [Financial condition of the cities of Western Siberia in the late XIX – early XX century].

- Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Vtorye nauch. chteniya pamyati prof. A.P. Borodavkina: mater. konf.* Barnaul. pp. 160-161. [in Russian]
- GA v g. Tobol'ske** – Gosudarstvennyj arhiv v g. Tobol'ske [State archives in the city. Tobolsk].
- Gach, 2011** – *Gach O.B.* (2011). Razvitie obshhego obrazovaniya v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v konce XIX nachale XX veka [Development of General education in the West Siberian educational district in the late XIX – early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 13. p. 29-34. [in Russian]
- Gershunskij, 2002** – *Gershunskij B.S.* (2002). Filosofiya obrazovaniya dlya XXI veka. [Philosophy of education for the XXI century] M. 508 p. [in Russian]
- Goncharov, 1999** – *Goncharov Yu.M.* (1999). Kupecheskaya sem'ya vtoroj poloviny XIX-nachala XX v. (po materialam komp'yuternoj bazy dannyh kupecheskih semej Zapadnoj Sibiri) [Merchant family of the second half of XIX-the beginning of XX century (on materials of computer database of merchant families of Western Siberia)]. M. 243 p. [in Russian]
- Goncharov, 2002** – *Goncharov Yu.M.* (2002). Gorodskaya sem'ya Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Urban family of Siberia in the second half of XIX – early XX century]. Barnaul. 383 p. [in Russian]
- Isakova, Kos, 2013** – *Isakova E.G., Kos V.V.*(2013). Obrazovatel'nye uchrezhdeniya v gorodskom prostranstve Zapadnoj Sibiri [Educational institutions in the urban space of Western Siberia]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. № 3 (11). pp. 141-148. [in Russian]
- Ishchenko, 2011** – *Ishchenko O.V.* (2011). Razvitie obshhego i professional'nogo obrazovaniya v Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Development of General and professional education in Western Siberia in the second half of the XIX-early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 13 (115). pp. 22-28. [in Russian]
- Kuz'minova, Nekry'lov, 2006** – *Kuz'minova E.F., Nekry'lov S.A.* (2006). Vy'sshee zhenskoe obrazovanie v Sibiri v nachale XX veka [Higher education for women in Siberia in the early twentieth century]. *Voprosy obrazovaniya*. №3. pp. 122-141. [in Russian]
- Literatura, 2005** – Literatura po istorii obrazovaniya v Sibiri [Literature on the history of education in Siberia]: bibliograficheskij ukazatel'. Novokuzneczk, 2005. [in Russian]
- Lityagina, 2013** – *Lityagina A.V.* (2013). Faktory, vliyavshie na mental'nost' gorozhan Zapadnoj Sibiri vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Factors influencing mentality of citizens of Western Siberia of the second half of XIX – the beginning of XX century]. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii*. № 1. pp. 99-110. [in Russian]
- Murzina, 2014** – *Murzina I.Ya.* (2014). Regional'noe kul'turno-obrazovatel'noe prostranstvo: struktura, funkcii, sociokul'turnyj potencial [Regional cultural and educational space: structure, functions, social and cultural potential]: monografiya. M. 197 p. [in Russian]
- Nekry'lov, 2010** – *Nekry'lov S.A.* (2010). Tomskij universitet – pervy'j nauchny'j centr v aziatskoj chasti Rossii (seredina 1870-x gg. – 1919 g.) [Tomsk University is the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870 – 1919)]. Tomsk. T.1. 514 p. [in Russian]
- Obrazovanie v Sibiri, 2004** – Obrazovanie v Sibiri: istoriya i sovremennost' [Education in Siberia: history and modernity]: bibliograficheskij ukazatel'. Tomsk, 2004. [in Russian]
- Pamyatnaya knizhka, 1916** – Pamyatnaya knizhka Zapadno-Sibirskogo uchebnogo okruga na 1916 god. [The memorial book of the West Siberian educational district for 1916] Izd. 8-e. Tomsk, 1916. [in Russian]
- Perova, 2009** – *Perova O.V.* (2009). Formirovanie seti uchitel'skix seminarij v Zapadno-Sibirskom uchebnom okruge v konce XIX – nachale XX veka [Formation of a network of teachers' seminars in the West Siberian educational district in the late XIX-early XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. v. 12 (90). pp. 130-134. [in Russian]
- Poberezhnikov, 2002** – *Poberezhnikov I.V.* (2002). Modernizaciya: teoretiko-metodologicheskie podhody [Modernization: theoretical and methodological approaches]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Vyp. 8. M., pp. 146-168. [in Russian]
- PSZRI, 1887** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3. Tom. 5. SPb., 1887. 549 p. [in Russian]
- PSZRI, 1905** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3. Tom. 23. CHast' 1. SPb., 1905. 1167 p. [in Russian]
- PSZRI, 1914** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Sobranie 3. Tom. 31. CHast' 1. SPb., 1914. 1411 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [The Russian state historical archive].
- Rossiya: Enciklopedicheskij slovar'** – Rossiya: Ennciklopedicheskij slovar' [Russia: Encyclopedic dictionary]. L., 1991. 922 p. [in Russian]
- Rutc, 2002** – *Rutc M.G.* (2002). Nekotorye aspekty ehkonomicheskogo razvitiya gorodov smeshannogo funkcional'nogo tipa v 1-j polovine XIX v. [Some aspects of economic development of cities of mixed functional type in the 1st half of the XIX century]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri. Tret'i nauch. chteniya pamyati professora A. P. Borodavkina: Mater. vseros. konf. Barnaul*, pp. 182-185. [in Russian]

Sajko, 1995 – *Sajko E.V.* (1995). Gorod kak osobyj organizm i faktor sociokul'turnogo razvitiya [The city as a special body and the factor of socio-cultural development]. Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa. M. pp. 9-21. [in Russian]

Shcheglov, 1993 – *Shcheglov I.V.* Hronologicheskij perechen' vazhnejshih dannyh po istorii Sibiri: 1032-1882 gg. [Chronological list of the most important data on the history of Siberia: 1032-1882] Surgut, 1993. 463 p. [in Russian].

Sibir', 1903 – Sibir' i ee ehkonomicheskaya budushchnost' [Siberia and its economic future]. [sochinenie] Kl. Olan'on; s predisl. Frederika Passi; per. s fr. A. D. Pogruzova. SPb., 1903. 252 p. [in Russian]

Skubnevskij, 1994 – *Skubnevskij V.A.* (1994). Rol' kupechestva v razvitii narodnogo obrazovaniya Barnaula vo vtoroj polovine XIX-nachale XX v. [The role of merchants in the development of national education in the second half of Barnaul XIX-early XX century]. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. Barnaul. pp. 45-56. [in Russian]

Skubnevskij, 1995 – *Skubnevskij V.A.* (1995). Zametki o duhovnom mire barnaul'skogo kupechestva [Notes on the spiritual world of Barnaul merchants]. *Obrazovanie i social'noe razvitie regiona*. № 2. pp. 113-119. [in Russian]

Skubnevskij, Goncharov, 2014 – *Skubnevskij V. A., Goncharov Yu.M.* (2014). Goroda Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: Naselenie. Ekonomika. Zastrojka i blagoustrojstvo [Western Siberia in the second half of XIX-early XX century.: Population. Economy. Building and landscaping]: monografiya. 3-e izd., dop. Barnaul. 239 p. [in Russian]

Skubnevskij, Goncharov, 2015 – *Skubnevskij V. A., Goncharov Yu.M.* (2015). Goroda i ih vozdejstvie na ehkonomicheskoe razvitie Sibiri vo vtoroj polovine XIX v. [Cities and their impact on the economic development of Siberia in the second half of the XIX century]. *Istoricheskaya urbanistika: proshloe i nastoyashchee goroda. Sb. nauch. st. useros. konf. s mezhd. uchastiem*. Kurgan, pp. 279-294. [in Russian]

Starcev, Goncharov, 1999 – *Starcev A.V., Goncharov Yu.M.* (1999). Istoriya predprinimatel'stva v Sibiri (XVII – nachalo XX v.) [History of entrepreneurship in Siberia (XVII – beginning of XX century.)]: Ucheb. posobie. Barnaul. 215 p. [in Russian]

Statisticheskij ezhegodnik, 1913 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1913 g. [Statistical Yearbook of Russia 1913] (God desyatij). SPb., 1914. 333 p. [in Russian]

Statisticheskij ezhegodnik, 1916 – Statisticheskij ezhegodnik Rossii 1916 g. [Statistical Yearbook of Russia 1916] (god trinadcatyj). v. 1. M., 1916. 121 p. [in Russian]

Tolochko, 2005 – *Tolochko A.P.* (2005). Professional'noe obrazovanie v Zapadnoj Sibiri v konce XIX – nachale XX v. (k istoriografii i problematike voprosa) [Vocational education in Western Siberia in the late XIX – early XX century. (to historiography and problems of the issue)]. *Sovremennoe istoricheskoe sibirevedenie XVII – nachala XX v.: Sb. nauch. tr.* Barnaul, pp. 329-336. [in Russian]

Tomskaya direkcija, 1911 – Tomskaya direkcija narodnyh uchilishch. Kratkie svedeniya ob uchilishchah podvedomstvennyh Direkcii narodnyh uchilishch Tomskoj gubernii. 1900-1911. [Tomsk management of national schools. Brief information about the schools subordinated to the management of public schools in the province of Tomsk. 1900-1911]. Tomsk, 1911. 23 p. [in Russian]

Vojtexovskaya, Kochurina, 2002 – *Vojtexovskaya M.P., Kochurina S.A.* (2002). Tomskij uchitel'skij institut: vozvrashhennaya istoriya. 1902-1920 gody [Tomsk teachers' Institute: the returned history. 1902-1920 years]: monografiya. Tomsk. 293 p. [in Russian]

Zinov'ev, 2014 – *Zinov'ev V.P.* (2014). Charakter industrial'noj kolonizacii Sibiri v XVIII – nachale XX v. [The nature of the industrial colonization of Siberia in the XVIII – early XX century]. *Soslovnnye i sociokul'turnye transformacii naseleniya Aziatskoj Rossii (XVII – nachalo XX veka): Sb. mater. useros. nauch. konf.* Novosibirsk, pp. 38-42. [in Russian]

Деятельность Министерства народного просвещения в городах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв.: усиление образовательного потенциала в условиях модернизации

Алексей Владимирович Блинов ^{a,*}, Юрий Михайлович Гончаров ^b

^a Кемеровский государственный университет, Кемерово, Российская Федерация

^b Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается тенденция развития городских учебных заведений Министерства народного просвещения в условиях модернизации конца XIX – начала XX вв. На основании историографических и исторических источников показаны основные проявления

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blinov_alexey_vlad@mail.ru (А.В. Блинов)

модернизации, вызванной строительством Транссибирской железной дороги. Демографический рост, активизация экономического развития, изменение менталитета способствовали необходимости развития в регионе образовательной базы. Данный процесс совпал с образованием устойчивого образовательного пространства, став следствием образования Западно-Сибирского округа, в рамках которого произошло соединение административных и ведомственных границ. Стремясь к установлению монополии в образовательной политике и отвечая запросам регионального развития, Министерство проводило активную политику как по увеличению количества учебных заведений существующих видов, так и по созданию новых. К концу имперского периода на территории Западной Сибири было сформировано три типа учебных заведений, представленных широкой видовой палитрой.

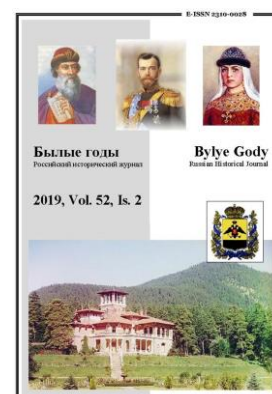
Ключевые слова: Сибирь, город, модернизация, менталитет, учебное заведение, учебный округ, Министерство народного просвещения.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 748-756. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.748
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Russian North in Search of Change in the end of 19th – beginning of 20th century

Vladislav I. Goldin ^{a,*}, Flera Kh. Sokolova ^a, Vladimir M. Kapitsyn ^b, Alexandr E. Shaparov ^a

^aNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Russian Federation

^bMoscow State University named after Lomonosov, Russian Federation

Abstract

The paper is devoted to the analysis of the contradictory processes of the Russian North development in the end of 19th – beginning of 20th century. The authors analyze the economic, social and cultural aspects of the regional life, existing problems and search of their solving, relations between the North and the Centre. The article discovers entwinement of archaic and modernization tendencies in the life of the region. The paper characterizes the changes in the North and in particular in Murman in the years of World War I when the region obtained an important strategic significance for the interrelations and transportation of cargoes between Entente countries and Russia. The authors examine the most important projects which were realized in the North during the WWI. It is pointed out the growing influence of the Entente countries and Great Britain first of all in the Russian North and in particular in the naval area. The paper analyzes the factors which heightened tensions in the region during the WWI and gives the explanation why different strata of the northerners welcomed the downfall of autocracy in February 1917 and believed for the revolutionary renewal.

Keywords: the Russian North, modernization, region, reforms, revolution, World War I.

1. Введение

Последние годы проходят в России под знаком страстных дискуссий, связанных со столетием великих потрясений и осмыслением их причин и истоков, диалектики реформ и революций. Более глубокое понимание этих процессов дает региональный подход, учитывая крайнюю пестроту и мозаичность территории Российской империи. Целью этой статьи является анализ процессов, происходивших в конце XIX – начале XX веков на Европейском Севере России или Русском Севере, как называли регион современники, изучение центрo-региональных отношений, попыток реформ и их результатов, характера и глубины существовавших здесь противоречий. В административном отношении указанный регион объединял Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губернии.

2. Материалы и методы

Материалами для написания статьи послужили документы Государственного архива Российской Федерации, архивов внешней политики Российской империи и Российской Федерации (Москва), периодическая печать рассматриваемого периода и научные публикации в современных изданиях. В основе методологии исследования лежат системный и междисциплинарный подходы. Статья основывается на базовых научных принципах (объективности, историзма, системности, комплексности), использован широкий спектр методов исторической и ряда других социальных наук. Большое значение имело использование компаративистики, что воплощалось в сравнении развития Севера России с Великим княжеством Финляндским, Норвегией и Швецией. Значимым

* Corresponding author

E-mail addresses: v.i.goldin@yandex.ru (V.I. Goldin), f.sokolova@narfu.ru (F.Kh. Sokolova), kapizyn@yandex.ru (V.M. Kapitsyn), a.shaparov@narfu.ru (A.E. Shaparov)

представляется анализ альтернатив развития в историческом прошлом и уроков, вытекающих из этого для современности, взаимоотношений центра и северных территорий России.

3. Обсуждение

Проблемы развития северного региона России в изучаемый период стали предметом активного обсуждения уже современниками, что воплотилось в ряд книг и в публикации в периодической печати. В советскую эпоху эти страницы истории раскрывались главным образом в контексте анализа предпосылок для революционного процесса, предыстории 1917 года и Гражданской войны в регионе. В постсоветский период в повестке исследований оказались особенности модернизации Севера России в сопоставлении с общероссийскими процессами, а также взаимоотношения общества и природы на Севере в контексте догоняющей модернизации и социальной экологии, в том числе социальной антропологии (Коротаев, 1998). Важной темой переосмысления и качественно нового раскрытия стали социальные процессы здесь, выявление их динамики посредством анализа особенностей «демографического перехода», урбанизации, социальной мобильности и ее форм, конфликта поколений, оценки уровня благосостояния населения, а также изменения вектора социального развития и реакции общества на кризисные явления, познание особенностей социализации личности северян и мотивации их действий в рассматриваемую переломную эпоху (Трошина, 2011).

Предметом комплексного изучения стало развитие модернизационных процессов, сопоставление модерности и архаики в отдельных регионах – в Архангельской и Вологодской губерниях, в Карелии, Коми, на Мурмане. Вышли в свет обобщающие издания, где нашли отражение попытки и результаты реформ на этих территориях, политические, экономические, социальные и культурные процессы, их человеческое измерение, взаимоотношения центра и регионов в формировании и реализации северной политики (Поморская энциклопедия, 2001; Овсянкин, 2000; История Карелии, 2001; История Коми, 2004; Федоров, 2009; Попов, Давыдов, 1999).

Столетие Первой мировой войны способствовало комплексному анализу процессов, происходивших на Севере в эту эпоху, выявлению не только сложностей и потерь военного времени, но и изучению причин и факторов резкого возрастания стратегического значения этого макрорегиона в рассматриваемый период, и прежде всего в силу того, что он стал основной коммуникацией, связывавшей Россию и союзников по Антанте, что способствовало реализации масштабных проектов, обсуждавшихся еще в конце XIX – начале XX веков, но не осуществленных ранее (строительство Мурманской железной дороги, Мурманского порта, развитие всей инфраструктуры региона и др.). Возрастание роли северного вектора российской и международной политики сопровождалось эволюцией взаимоотношений центра и северных территорий, противоречивыми социально-демографическими и миграционными процессами (Федоров, 2009; Трошина, 2014).

В современных международных изданиях усилиями ученых России, Скандинавских стран и Финляндии осуществляется сопоставительный анализ исторического развития северных территорий России, Норвегии, Финляндии и Швеции, протекания здесь модернизационных процессов, выявляются особенности развития государственности, территорий и этносов, анализируется общее и особенное в менталитете северян в разных странах, раскрываются различные конструкты «северности», характеризуется значение северных регионов для формирования национальной идентичности (Нет Севера, 2016; The Barents Region, 2015).

Анализ исторических процессов и опыта освоения северных территорий приобретает особое значение в условиях возрастания роли Севера и Арктики в современной геополитике России и других стран.

4. Результаты

Европейский Север на рубеже веков представлял собой своеобразный уголок России. Это был край уникальной культуры, находившийся на стадии сложного исторического перехода от традиционного к раннеиндустриальному обществу. На обширном, но малонаселенном пространстве, равном по территории Англии, Франции, Италии, Бельгии и Голландии, где проживало более 2 млн. человек, наблюдалась пестрота культур и укладов жизни. Здесь своеобразно соприкасались и приживались традиции и тенденции архаики и новаций, преимущественно аграрного общества и приграничного региона, население которого в течение веков вело трансграничную торговлю с североευропейскими соседями, поддержало экономические и культурные связи с Центральной и Западной Европой.

Характеризуя ситуацию на Севере той поры, видный историк А.А. Кизеветтер писал, что на основании поверхностных впечатлений он представляет собою «нечто вроде мертвого капитала в составе владений русского государства». Но он отмечал, что в прошлые эпохи Северу «принадлежала важная и активная роль в общем ходе и экономического, и политического развития России», и полагал, что ему «в силу тех же природных его условий может и в будущем предстоять важная положительная роль в общем процессе возрождения России» (Кизеветтер, 2002: 144-145).

Ему вторил архангельский губернатор А.П. Энгельгардт, утверждавший, что «по своему географическому положению и своим естественным богатствам край... обладает всеми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояние местного населения, но и служить на пользу всего государства» (Энгельгардт, 2009: 13). Не без его участия и по заданию императора Александра III летом 1894 года состоялась поездка по Северу министра финансов России С.Ю. Витте в сопровождении чиновников, промышленников и журналистов.

Витте проехал от Вологды водным путем до Архангельска, а затем через Соловецкие острова на Мурман. Он представил доклад царю о возможности сооружения в Екатерининской бухте крупного военного и торгового порта, высказался за постройку железной дороги отсюда до Санкт-Петербурга через русскую Карелию, высоко оценивал исторически сложившиеся духовные силы поморского населения, которые надлежит применить «в интересах государственных» (Федоров, 2009: 139-141). Но Александр III умер в 1894 году, а вступивший на престол Николай II, первоначально высказавшийся в поддержку указанных идей, в дальнейшем отложил их реализацию.

Освоение и модернизация Севера были тесно связаны с развитием сети коммуникаций. В 1898 году вступила в эксплуатацию узкоколейная железная дорога, связавшая Архангельск с Вологдой и далее с Москвой. В 1899 году началось движение поездов из Перми через Вятку в Котлас, а в 1900 году эта линия была объединена с Пермь-Тюменской железной дорогой, что означало создание железнодорожной коммуникации между Севером и Сибирью, открывало возможности для экспорта сибирских товаров через порт Архангельска. Но замысел строительства железной дороги до Оби не был реализован, как и планы создания «великого пути» от Владивостока и Порт-Артура до Архангельска и Мурмана и канала от Белого до Балтийского морей (Федоров, 2009: 142-144; Голубев, 2011: 27; Попов, 2001: 427-428).

Несмотря на некоторые подвижки, актуальной оставалась проблема развития речного и морского транспорта на Севере, тем более что почти все морские перевозки осуществлялись на иностранных судах. Адмирал С.О. Макаров и ученый Д.И. Менделеев выступили инициаторами создания ледокольного транспорта, чтобы способствовать безопасности мореплавания, освоению пространств Арктики и охране морских границ. Но на деле ледокольный флот, как и флотилию Ледовитого океана, пришлось создавать уже в годы Первой мировой войны.

Приграничный характер северных территорий вызывал серьезную озабоченность русских властей и общественности. Это касалось прежде всего Мурмана, требовавшего интенсивного обустройства, особенно на фоне контраста с соседним норвежским Финнмарком, и, учитывая, что в мурманской колонизации активное участие принимали норвежцы и финны. Архангельский губернатор И.В. Сосновский в докладной записке в МВД в 1909 году настаивал на необходимости закрытия допуска на Мурман иностранцев и усилении привилегий русскому населению (Голдин, 2018: 64).

Острый дипломатический кризис разразился в 1909–1910 годах в российско-норвежских отношениях вокруг архипелага Новая Земля, где столкнулись интересы русских и норвежцев. И лишь демонстрация Россией силы и решимости привела к признанию Норвегией российских прав на этот архипелаг (Попов, 2001: 411-414, 421-423; Нильсен, 1995: 170, 181-185). А вот международный диалог начала XX века вокруг архипелага Шпицберген, на который претендовала Россия, не дал результатов.

В начале XX века более 90% северного населения жило в деревне, и ее модернизация приобретала особое значение. Но этому процессу препятствовали запутанность аграрных отношений и землеустройства, малоземелье, рискованный характер земледелия и др. Типичной для Севера была ситуация в Олонецкой губернии, где общинным землепользованием было охвачено в 1905 году 97% дворов и 98% всей надельной земли (История Карелии: 310). Отсутствие на Севере сколько-нибудь значительного помещичьего землевладения вело к тому, что в земельных отношениях крестьяне были связаны, прежде всего, с государством.

Столыпинская аграрная реформа на Севере России не дала желаемых результатов, и разрушить общину не удалось. К 1916 году по трем северным губерниям доля личных собственников составила 7,2%, а количество укрепленной земли равнялось 3,7% от всей надельной земли. В общей массе общинников прослойка участковых хозяйств составляла 3,1% в Вологодской губернии, 1,6% – в Олонецкой и 0,5% – в Архангельской губернии (История северного крестьянства, 1985: 171, 174). Это объяснялось устойчивостью общинных традиций, трудностью ведения частного хозяйства, малоземельем, недостатком средств, выделяемых на проведение реформы, и др.

Проблему малоземелья можно было решить за счет государственных, удельных, помещичьих и церковных земель, но для продажи была выделена лишь часть удельных и казенных земель. Мечтой крестьян была бесплатная передача им всех этих земель. Всплеск крестьянских выступлений на Севере произошел в годы Первой российской революции, особенно в Шенкурском уезде Архангельской губернии. Нарастание противоречий в деревне, стычки между крестьянами, столкновения общинников с хуторянами и отрубниками, разлад в семьях из-за передела земли, растущая неприязнь к власти характеризовали и период между революциями, хотя выступления в активных и пассивных формах носили ограниченный характер.

Характерной чертой перемен в северной деревне стало развитие кооперативного движения. Так, в Вологодской губернии число кооперативов увеличилось с 1905 к 1914 году с 18 до 514. Большинство кооперативов были потребительскими, а на втором месте была кредитная кооперация. Значительное распространение на Вологодчине получили маслодельные артели, которых к концу 1914 года было уже более ста. Для помощи крестьянам во внедрении современной техники и технологий в 1908 году возникло Вологодское общество сельского хозяйства ([История Вологодского края, 2008: 234-235](#)). В Шенкурском уезде Архангельской губернии развивались знаменитые смолокурные артели. Именно кооперативное движение рассматривалось местными общественно-политическими деятелями как наиболее соответствующий духу и настроениям крестьян путь модернизации Севера и прежде всего сельского хозяйства региона.

Северные крестьяне, чтобы выжить, вынуждены были заниматься кустарными промыслами и отходничеством. Так, в Архангельской губернии земледельческие занятия давали крестьянам только 30–40 % их совокупного дохода. Основной доход они получали от промыслов, которые были связаны в основном с лесозаготовками, работой на лесопильных заводах, а в самых северных районах, на морском побережье – с рыболовством и охотой. Накануне Первой мировой войны по трем северным губерниям промыслами занимались 84,7 % крестьянских хозяйств, а по стране этот показатель составлял 52,2 % ([Шумилов, 1973: 27](#)).

Аграрный капитализм развивался в северной деревне медленно и противоречиво. Обострявшееся малоземелье и сохранявшаяся архаичность сельского хозяйства приводили к росту экономической и социальной напряженности в деревне и в крестьянских семьях, выдавливали избыточные трудовые ресурсы в город или, по крайней мере, в отходническую деятельность. Знакомство с городским укладом жизни несло в себе и положительные, и отрицательные черты. В 1914 году удельный вес сельского населения был самым высоким в Вологодской губернии – 94,6 %, а самым низким – в Архангельской губернии – 88 %. При этом с сельским хозяйством была связана основная трудовая деятельность большинства северян: 89,8 % – в Вологодской губернии, 84 % – в Олонецкой и 79,8 % – в Архангельской губернии ([Трошина, 2011: 133, 137](#)).

В результате малоземелья и неразвитости в северной деревне нарастали социальные, имущественные, внутриобщинные и межобщинные, внутрисемейные и межпоколенческие противоречия, земельные и иные споры и конфликты. В крестьянской среде вызревали идеи «черного передела».

В начале XX века на Севере ускорилось развитие промышленности, что сопровождалось формированием рабочего класса и преобразованием купечества в промышленную буржуазию. Ведущей отраслью индустрии являлась лесная, росли лесозаготовки и лесопиление. В 1912 году из 37 акционерных лесопильных предприятий России 11 работали на Севере. В 1914 году удельный вес производства лесопильных заводов Архангельска составлял 65 % от общероссийского уровня ([Овсянкин, 2000: 249-259](#)).

Но в системе мирового разделения труда Русскому Северу отводилась роль сырьевого придатка Запада, поставщика сырого и полуобработанного леса. Так, экспорт круглого леса из Архангельского порта увеличился с 1900 по 1912 год в 15 раз, а пиленого – только в 2 раза. В соседних Норвегии и Финляндии завершилась реконструкция лесопромышленного комплекса, были построены целлюлозно-бумажные и другие лесобрабатывающие предприятия, которые во многом работали на русском сырье. В результате основная часть доходов от переработки русских лесоматериалов оседала у западных предпринимателей. Имея большие запасы леса, чем в соседних странах, Север России колоссально уступал по эффективности и объемам производства и экспорту готовой продукции. Лесной комплекс нуждался в технической реконструкции ([Голдин, 2018: 76-77; Трофимов, 1961: 240-241](#)).

В 1913 году в трех северных губерниях насчитывалось 227 цензовых предприятий ([Шумилов, 1973: 21-22](#)). Но в целом промышленность Севера была неразвитой, а ее темпы развития – низкими. Многие экономические проекты оставались на бумаге, а Север был для центра отдаленной провинцией. В связи с этим Кизеветтер указывал, что «нужно прийти туда с железными дорогами, с широко поставленными предприятиями по разработке местных промыслов, с густой сетью всевозможных образовательных учреждений – словом, со всем тем, что выработано мировой промышленной культурой XIX столетия» ([Кизеветтер, 2002: 186](#)).

Неразвитой была образовательная инфраструктура Севера. Так, в Вологодской губернии в 1910 году школы посещало чуть более половины детей школьного возраста (от 8 до 12 лет). В Архангельской губернии вне школы оставалось более половины детей, а в наиболее удаленном Печорском уезде – 85,9 %. Профессиональное образование на Севере было представлено немногочисленной сетью учреждений педагогического, медицинского, духовного и технического образования. Здесь не было вузов. Процесс создания первого из них – Вологодского молочно-хозяйственного института – растянулся на несколько лет, и занятия в нем начались лишь в декабре 1917 года ([Голдин, 2018: 83, 84; Соколова, 2004: 140](#)).

Процессы экономической, социальной и культурной модернизации на Севере проходили замедленными темпами и не синхронно. Города, призванные стать центрами новой культуры, здесь еще далеко не были таковыми. Предпринимательское сословие и интеллигенция находились в стадии

становления и, пытаясь представить свое видение модернизации Севера во взаимоотношениях с центром, часто не находили понимания. Центральная власть с настороженностью относилась к идеям новаций, а считавшаяся демократической Архангельская губерния так и не получила земства, за которое активно боролась часть местной интеллигенции.

Рабочий класс Севера находился в стадии становления, и при его немногочисленности в нем преобладали представители первого поколения, к которым примыкали отходники и сезонные работники. Рабочие проходили школу профессионального, социального и политического становления.

Неразвитость социально-классовой структуры и классовых противоречий на Севере способствовала тому, что уровень конфликтности классового характера здесь был относительно низок. В то же время северяне не могли быть удовлетворены ситуацией неразвитости и отсталости региона, нерешенности многих актуальных вопросов, низкого уровня жизни и необходимости выживания большей части населения, высокого уровня эксплуатации и отсутствия системы социальной защиты. Не было продуманной государственной политики развития Севера. Вместе с тем модернизационные процессы, хотя и медленно, но размывали старые нормы и традиции жизни, появлялись и новые противоречия, усиливалась напряженность на разных уровнях: семейном, локальном, региональном.

Первая мировая война оказала противоречивое воздействие на жизнь Севера России. С одной стороны, он, как и страна в целом, ощутил на себе все тяготы военного времени. С другой – в силу резкого возрастания стратегического значения Севера как главной морской магистрали, связывающей Россию с союзниками по Антанте, по которой шли огромные потоки грузов, он переживал период ускоренной модернизации ряда отраслей и реализации проектов, которые обсуждались с конца XIX века.

Речь идет прежде всего о строительстве Мурманской железной дороги, что сопровождалось комплексом решений военного, экономического и социального характера, привлечением для реализации проекта, по различным оценкам, от 70 до 170 тысяч разных категорий людей (местного населения, иных российских национальностей, десятков тысяч военнопленных). Дорога была официально открыта и пущена во временную эксплуатацию в ноябре 1916 года (Голубев, 2011: 115-119; Попов, Давыдов, 1999: 189-193).

В сентябре 1916 года был основан город Романов-на-Мурмане. Здесь шло строительство военного и торгового порта и необходимой инфраструктуры. К началу 1917 года тут проживало около 13 тысяч жителей, столько, сколько было на всем Мурмане до войны. Преобладание в составе населения военных моряков, солдат, рабочих во многом предопределило развитие событий здесь в 1917 году.

Стремительно модернизировался и расширялся архангельский порт, обслуживавший основной грузопоток между Россией, Великобританией и Францией, развивалась его инфраструктура. За 1914–1917 годы через северные порты было ввезено из-за рубежа 5927 тыс. т. грузов, в т.ч. 5,5 млн. т. через порт Архангельска. Объем экспорта составил в это же время 4542 тыс. т., в т.ч. 4460 тыс. т. было отправлено через архангельский порт. С 1913 по 1917 год грузооборот северных портов увеличился более чем в 25 раз (Санников, 2014: 7; Быков, 1939: 6).

Потребность развития их и инфраструктуры, наряду с потоками беженцев и мигрантов на Север, привела к быстрому росту населения, прежде всего губернских центров. За годы войны численность населения Вологды и Петрозаводска увеличивается вдвое. В Архангельске (без учета военнослужащих, беженцев, рабочих пригородов и рабочих поселков) оно возросло в полтора раза, до более 65,5 тыс. человек (Трошина, 2014: 289). Железная дорога Архангельск–Вологда была переведена на широкую колею, развивались водные коммуникации и их инфраструктура.

Русский Север в военное время превратился в важный центр межгосударственной политики стран Антанты. Вопросы межсоюзнических поставок, обеспечения их транспортировки и охраны регулярно обсуждались в переписке, на рабочих встречах и конференциях представителей стран Антанты. В северных русских водах с 1915 года на постоянной основе находились их военные корабли, для обеспечения охраны морских поставок была создана союзная Арктическая эскадра. В соответствии с соглашением между Россией и Великобританией от 26 апреля 1916 года все порты Белого моря и Ледовитого океана закрывались для судов, не получивших специального разрешения британского Адмиралтейства (АВПРИ. МИД. Канцелярия «Война». Оп. 473. Д. 103. Л. 13; Д. 116. Л. 1-2; ГАРФ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 34. Л. 4; АВПРФ. Ф. 54-М. Оп. 1. Д. 34. Л. 14-15).

В 1916 году создается русская флотилия Северного Ледовитого океана, в т.ч. Кольский район и отряд судов Кольского залива. Но превосходство в силах было у союзников, и в 1917 году русский Морской штаб в Петрограде вынужден был признать, что хозяевами положения в северных русских водах являются «англичане, а не мы» (Столяренко, 1960: 15; Голдин, 2018: 106-108). Укрепление политического, военного, экономического и дипломатического влияния стран Антанты, и прежде всего Великобритании, на Русском Севере привело к тому, что, оценив его стратегическое положение, они осуществляют в 1918 году интервенцию сюда.

Результатом понимания в условиях войны значения Севера для России в конце 1916 года с санкции царя по инициативе министра А.Ф. Трепова и под его председательством было создано «Межведомственное совещание по развитию Севера». В ходе его заседаний в конце 1916 – феврале 1917 гг. обсуждались вопросы привлечения на Север крупной промышленности, освоения его минеральных богатств, рыбного и лесных промыслов, а также создания поселений и городов, социального и культурного обустройства территорий вдоль Мурманской и Олонецкой железных дорог. Были созданы подкомиссии по устройству школьного дела, церквей и приходов ([Архангельск, 1917](#); [Федоров, 2009: 166-167](#)).

Так, в годы войны произошли некоторые подвижки в понимании властью важного стратегического положения Севера России, что обычно происходило и в дальнейшем в наиболее сложные для страны периоды.

Вместе с тем мировая война привела к появлению целого комплекса проблем, падению жизненного уровня широких слоев северян, кроме людей, непосредственно связанных с выполнением военных заказов и транспортировкой грузов. С начала войны и до начала января 1917 года в армию были призваны 298611 северян или чуть более половины мужского населения трудоспособного возраста. Это особенно тяжело ударило по северной деревне. В 1917 году здесь насчитывалось 27 % хозяйств без рабочего скота, 11 % – без коров и почти столько же – без посевов ([Трошина, 2014: 197](#); [Шумилов, 1973: 35](#)). Это привело к росту продовольственных потребностей и продовольственному кризису в регионе.

Сложные проблемы были связаны с притоком беженцев и мигрантов, особенно в крупных городах и портах, что привело и к обострению жилищного кризиса. Усиливались дороговизна, дефицит продуктов первой необходимости, спекуляция. Особый круг проблем создавал быстрый рост военнотружеников, особенно в городах и местах их массового сосредоточения. Свои проблемы порождали военнопленные и интернированные, появившиеся в северных губерниях. Все это вело к росту напряженности.

Вместе с тем социальные протесты, всплеск которых произошел и на Севере в годы Первой российской революции, не были распространены здесь в период войны. Наблюдались лишь отдельные локальные выступления экономического характера, связанные с продовольственным снабжением, дороговизной и пр.

Но постепенно в регулярных рапортах северных губернаторов и начальников жандармских управлений в центр начинали звучать нотки обеспокоенности. Так, олонецкий губернатор доносил в марте 1915 года, что «настроение народа становится неблагоприятным для правительства». Начальник жандармского управления этой же губернии в донесении в Департамент полиции сделал следующий вывод: «В общем, следует прийти к заключению, что Олонецкая губерния в политическом отношении пока дремлет, но горячий материал в ней имеется, и в случае каких-либо всеобщих нежелательных явлений, она, хотя и в хвосте, но все же примкнет к ним» ([История Карелии, 2001: 324-325](#)). Так и произошло после получения известий о февральских событиях 1917 года в Петрограде.

5. Заключение

Процессы, происходившие на Севере России в конце XIX – начале XX веков, были частью системного кризиса, назревавшего в стране. Попытки разрешить существующие противоречия путем реформ не дали результатов, и мировая война только обострила их. В различных сферах жизни Европейского Севера в исследуемый период переплетались архаичные и модернизационные тенденции. Война актуализировала решение здесь ряда проблем, которые были очевидны на протяжении предшествующих десятилетий, но в то же время привела к появлению или обострению целого ряда других.

Февральская революция в Петрограде круто изменила жизнь как России в целом, так и ее северных губерний. Копившаяся на протяжении лет неудовлетворенность северян действиями центральной власти, тем, что Север России был фактически пасынком в Российской империи, растущая конфликтность, напряженность и испытания военного времени привели к тому, что свержение самодержавия приветствовали здесь фактически все слои населения, возлагая надежды на революционные перемены.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917–1918 гг.»).

Литература

- [АВПРИ](#) – Архив внешней политики Российской империи.
[АВПРФ](#) – Архив внешней политики Российской Федерации.
[Архангельск, 2017](#) – Архангельск. 2017. 2, 9, 15, 25/02.

- [Быков, 1936](#) – *Быков П.Д.* Военные действия на Северном русском морском театре в империалистическую войну. 1914–1918 г. Л., 1939. 49 с.
 ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- [Голдин, 2018](#) – *Голдин В.И.* Север России на пути к Гражданской войне. Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
- [Голубев, 2011](#) – *Голубев А.А.* История строительства Мурманской железной дороги. Санкт-Петербург: ПГУПС, 2011. 205 с.
- [История Вологодского края, 2008](#) – История Вологодского края. Вологда: ВГПУ, 2008. 400 с.
- [История Карелии, 2001](#) – История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
- [История Коми, 2004](#) – История Коми с древнейших времен до конца XX века. В 2-х томах. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004.
- [История северного крестьянства, 1985](#) – История северного крестьянства. В трех томах. Т. 2: Крестьянство Европейского Севера в период капитализма. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1985. 384 с.
- [Кизеветтер, 2002](#) – *Кизеветтер А.А.* Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства // Русский Север в системе геополитических интересов России. М.; Архангельск: ПГУ, 2002. С. 144-186.
- [Коротаев, 1998](#) – *Коротаев В.И.* Русский Север в конце XIX – первой трети XX веков: Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск: ПГУ, 1998. 191 с.
- [Нет Севера, 2016](#) – Нет Севера, а есть Севера. М.: ЛЕВАНД, 2016. 288 с.
- [Нильсен, 1995](#) – *Нильсен Й.П.* Новая Земля – «ничейная земля»? // Северная Европа. Проблемы истории. М.: Прогресс-Академия, 1995. С. 170-185.
- [Овсянкин, 2000](#) – *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 528 с.
- [Поморская энциклопедия, 2001](#) – Поморская энциклопедия. В 5 томах. Т. 1: История Архангельского Севера. Архангельск: ПГУ, 2001. 483 с.
- [Попов, 1999](#) – *Попов Г.П.* Губернаторы Русского Севера. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 2001. 496 с.
- [Попов, Давыдов, 1999](#) – *Попов Г.П., Давыдов Р.А.* Мурман. Очерки истории края XIX – начала XX вв. Екатеринбург: УрО РАН, 1999. 222 с.
- [Санников, 2014](#) – *Санников Л.И.* Архангельск и Антанта в Первой мировой войне. 1914–1918 годы // *Известия Русского Севера*. 2014. №4. С. 5-8.
- [Соколова, 2004](#) – *Соколова Ф.Х.* Исторический опыт становления высшей школы на Европейском Севере России // Высшее образование в России. 2004. №6. С. 140-145.
- [Столяренко, 1960](#) – *Столяренко М.А.* Моряки в огне революции. Л.: Лениздат, 1960. 196 с.
- [Трофимов, 1961](#) – *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М.: Соцэкгиз, 1961. 264 с.
- [Трошина, 2011](#) – *Трошина Т.И.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск: Поморский университет, 2011. 338 с.
- [Трошина, 2014](#) – *Трошина Т.И.* Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 347 с.
- [Федоров, 2009](#) – *Федоров П.В.* Северный вектор в российской истории: Центр и Кольское Заполярье в XVI – XX вв. Мурманск: МПГУ, 2009. 388 с.
- [Шумилов, 1973](#) – *Шумилов М.А.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск: Карелия, 1973. 338 с.
- [Энгельгардт, 2009](#) – *Энгельгардт А.П.* Русский Север. Путевые заметки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.
- [The Barents Region, 2015](#) – The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo: Pax Forlag, 2015. 518 p.

References

- [AFPRF](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoy Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation]. [in Russian]
- [Arkhangelsk, 2017](#) – Arkhangelsk. 2017. 2, 9, 15, 25/02.
- [AVPRI](#) – Arkhiv vneshney politiki Rossiiskoy imperii [Archive of foreign policy of the Russian Empire]. [in Russian]
- [Bykov, 1936](#) – *Bykov P.D.* (1939). Voennye deystviya na Severnom russkom morskome teatre v imperialisticheskuyu voynu. 1914–1918 gg. [The military actions in the Northern naval area in the imperialistic war. 1914–1918]. Leningrad. 49 p. [in Russian]
- [Engel'gardt, 2009](#) – *Engel'gardt A.P.* (2009). Russkiy Sever. Putevye zametki [The Russian North. Travel writing]. Moscow: OGI. 256 p. [in Russian]

- Fedorov, 2009** – *Fedorov P.V.* (2009). Severnyy vector v rossiyskoy istorii: Tsentr i Kol'skoe Zapolyar'e v XVI – XX vv. [The northern vector of the Russian history: Center and Kola Arctic Circle in 16th – 20th centuries]. Murmansk: MPG.U. 388 p. [in Russian]
- GARF** – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of Russian Federation] [in Russian]
- Goldin, 2018** – *Goldin V.I.* (2018). Sever Rossii na puti k Grazhdanskoj vojne [The North of Russia on the way to the Civil War]. Arkhangelsk: NArFU. 623 p. [in Russian]
- Golubev, 2011** – *Golubev A.A.* (2011). Istorija stroitel'stva Murmanskoy Zheleznoy dorogi [The history of the Murmansk railroad building]. Saint-Petersburg: PGUPS. 205 p. [in Russian]
- Istorija Karelii, 2001** – Istorija Karelii s drevneyshikh vremen do nashikh dney [The history of Karelia from the ancient times up to nowadays]. Petrozavodsk: Periodika, 2011. 944 p. [in Russian]
- Istorija Komi, 2004** – Istorija Komi s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka [The history of Komi from the ancient times up to the end of 20th century]. In 2 volumes. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. [in Russian]
- Istorija severnogo krest'yanstva, 1985** – Istorija severnogo krest'yanstva. In 3 vols. Vol. 2: Krest'yanstvo Evropeiskogo Severa Rossii v period kapitalizma [The history of the northern peasantry. Vol. 2: Peasantry of the European North of Russia in the period of capitalism]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. 384 p. [in Russian]
- Istorija Vologodskogo kraja, 2008** – Istorija Vologodskogo kraja [The history of the Vologda region]. Vologda: VGPU, 2008. 400 p. [in Russian]
- Kizevetter, 2002** – *Kizevetter A.A.* (2002). Russkiy Sever. Rol' Severnogo kraja evropejskoj Rosii v istorii russkogo gosudarstva [The Russian North. The role of the Northern region of European Russia in history of the Russian state]. *Russkii Sever v sisteme geopoliticheskikh interesov Rossii*. Moscow: PGU. pp. 144-186. [in Russian]
- Korotaev, 1998** – *Korotaev V.I.* (1998). Russkiy Sever v kontse XIX – nachale XX veka. Problemy modernizatsii i sotsial'noi ekologii [The Russian North in the end of 19th – beginning of 20th century. The problems of modernization and social ecology]. Arkhangelsk: PGU. 191 p. [in Russian]
- Net Severa, 2016** – Net Severa, a est' Severa [There is no the North, but there are the Norths]. Moscow: Levand, 2016. 288 p. [in Russian]
- Nielsen, 1995** – *Nielsen J.P.* (1995). Novaya Zemlya – nicheynaya Zemlya? [The New Land – no man's land]. *Severnaya Evropa. Proplemu istorii* [Northern Europe. The Problems of history]. Moscow: Progress-Akademiya. pp.170–185. [in Russian]
- Ovsyankin, 2000** – *Ovsyankin E.I.* (2000). Arkhangelsk kupecheskiy [The Merchant Arkhangelsk]. Arkhangelsk: Arkhkonsalt. 528 p. [in Russian]
- Pomorskaya entsiklopediya, 2001** – Pomorskaya entsiklopediya [Pomor Encyclopedia]. In 5 vols. Vol. 1: Istorija Arkhangelskogo Severa [The history of the Arkhangelsk North]. Arkhangelsk: PGU, 2001. 483 p. [in Russian]
- Popov, 2001** – *Popov G.P.* (2001). Gubernatory Russkogo Severa [The Governors of the Russian North]. Arkhangelsk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo. 496 p. [in Russian]
- Popov, Davydov, 1999** – *Popov, Davydov* (1999). Murman. Ochekki istorii kraja XIX – nachala XX v. [Murman. Sketches of the region history in 19th – beginning of 20th century]. Ekaterinburg, UrO RAN. 222 p. [in Russian]
- Sannikov, 2014** – *Sannikov L.I.* (2014). Arkhangelsk i Antanta v Pervoy mirovoj vojne. 1914–1918 gody [Arkhangelsk in the First World War. 1914–1918]. *Izvestiya Russkogo Severa*. № 4, pp.5-8. [in Russian]
- Shumilov, 1973** – *Shumilov M.A.* (1973). Oktyabr'skaya revoliutsiya na Severe Rossii [The October Revolution in the North of Russia]. Petrozavodsk. 388 p. [in Russian]
- Sokolova, 2004** – *Sokolova* (2004). Istoricheskiy opyt stanovleniya vysshey shkoly na Evropejskom Severe Rossii. [The historical experience of the formation of higher education in the European North of Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. № 6. pp. 140-145 [in Russian]
- Stolyarenko, 1960** – *Stolyarenko M.A.* (1960). Moryaki v ogne revoliutsii [Sailors in the fire of revolution]. Leningrad.: Lenizdat. 196 p. [in Russian]
- The Barents Region, 2015 – The Barents Region. A Transnational History of Subarctic Northern Europe. Oslo: Pax Forlag, 2015, 518 p.
- Trofimov, 1961** – *Trofimov P.M.* (1961). Ocherki ekonomicheskogo razvitiya Evropeiskogo Severa Rossii [The sketches of the economic development of the European North of Russia]. Moscow: Sotsekgiz. 264 p. [in Russian]
- Troshina, 2011** – *Troshina T.I.* (2011) Dinamika i napravlenost' sotsial'nykh protsessov na Evropejskom Severe Rossii (pervaya chetvert' XX veka) [Dynamics and orientation of the social processes in the European North of Russia (the first quarter of the 20th century)]. Arkhangelsk: Pomor University. 333 p.
- Troshina, 2014** – *Troshina T.I.* (2014). Velikaya voina i Severnyi kraj: Evropejskiy Sever Rossii v gody Pervoy mirovoj vojny [The Great war and the Northern region: European North of Russia in the First World War years]. Arkhangelsk: NArFU. 347 p. [in Russian]

Русский Север в поисках перемен в конце XIX – начале XX веков

Владислав Иванович Голдин ^{а, *}, Флера Харисовна Соколова ^а, Владимир Михайлович Капицын ^б,
Александр Евгеньевич Шапаров ^а

^а Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

^б Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу противоречивых процессов развития Русского Севера в конце XIX – начале XX веков. Авторы анализируют экономические, социальные и культурные аспекты жизни региона, существующие проблемы и поиски путей их решения, взаимоотношения Севера с центром. Раскрывается переплетение архаичных и модернизационных тенденций в жизни края. Характеризуются перемены, происходившие на Севере России, и в частности на Мурмане в годы Первой мировой войны, в условиях, когда он приобрел важное стратегическое значение для взаимоотношений и транспортировки грузов между странами Антанты и Россией. Рассматриваются наиболее важные проекты, реализованные на Севере в годы войны. Отмечается растущее влияние стран Антанты, и прежде всего Великобритании на Русском Севере в условиях войны, в частности в военно-морской сфере. Анализируются факторы, которые вели к росту напряженности в регионе в ходе мировой войны и к тому, что фактически все слои населения Севера приветствовали свержение самодержавия в феврале 1917 года, возлагая надежды на революционное обновление.

Ключевые слова: Русский Север, модернизация, регион, реформы, революция, Первая мировая война.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: v.i.goldin@yandex.ru (В.И. Голдин),
f.sokolova@narfu.ru (Ф.Х. Соколова), kapizin@yandex.ru (В.М. Капицын),
a.shaparov@narfu.ru (А.Е. Шапаров)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 757-765. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.757
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Eurasian Mission of the Imperial Russian Geographical Society, the middle of the XIXth and early XXth centuries

Gulnar K. Mukanova ^{a, *}

^aAl-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

In this paper, the author, based on written sources and analysis of foreign publications, attempts to reconstruct the process of expanding the mission of the unique scientific structure of pre-revolutionary Russia, the Geographical Society, which has been working under the patronage of the royal family since the middle of the XIX century. The author studied the pages of the history of the IRGS, which are poorly represented in historiography, characterizing the scale and depth of international projects at the turn of the 19th and 20th centuries. The fullest disclosure of the scientific potential of the Society took place when serious steps were taken in imperial Russia to involve the interested European countries in geographical research. Employees of the IRGS collected and summarized valuable information sources on the resources of the empire in the accessible part of the continent, which became the basis for the development of remote regions of Central Asia, Steppes and Siberia and attracting foreign investors. The systematic work of the IRGO, essentially the only effective scientific structure on the continent, represented by Russian intellectuals, was the basis of the process of the convergence of cultures within Eurasia, which was interrupted with the start of World War I.

Keywords: Eurasia, Russia, the imperial geographical society, the Urals, Steppe region, Siberia, science.

1. Введение

В человеческой натуре – искать новое, неизведанное; это стимулирует деятельность групп людей, объединенных общей целью. Одиночки-первооткрыватели уступают место системным исследованиям. Об истории ИРГО, создании административных структур и освоении российского пространства имеются данные в научной литературе. Историография темы основана на письменных источниках, трудах членов Императорского русского географического общества (далее – ИРГО). При этом материалы корпуса источников о международной деятельности Общества не в полной мере введены в научный оборот. Исходя из этого, автор определяет актуальность статьи, опираясь на материалы второй половины XIX – начала XX веков.

2. Материалы и методы

В качестве источников привлечены дореволюционные сведения о деятельности ИРГО, официальная переписка заинтересованных ведомств, мемуары членов Общества и свидетельства иностранных партнеров, в частности участников французских экспедиций в Россию конца XIX века, материалы региональной прессы указанного периода, а также научные публикации.

Архив РГО и многотомное основательное издание по истории полувековой деятельности Общества, составленное П.П. Семеновым-Тянь-Шанским (Семенов, 1896), раскрывают малоизвестные

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

детали трудной работы, персоналии отдельных ученых, способы реализации крупных проектов, а также движение финансовых субсидий от венчурных покровителей и частных лиц.

Ранее документы по экспедиции виконта де Кювервиля в Россию 1895 г., как-то: письмо Дурново (НА РК, 1894), частная коллекция артефактов (ANF) и современные визиты, эпистолярное наследие (РГАЛИ), публикации о нем и сопровождавших его членов ИРГО в российской региональной прессе Приуралья, Степного края и Сибири («Екатеринбургская неделя», «Справочный листок Курганской выставки» и «Киргизская степная газета» за 1895 год), мемуары должностных лиц, имевших возможность с ним общаться (ОР ИРЛИ; Путятин, 1887), – не привлекались в качестве источников по истории ИРГО.

Решение исследовательских задач основано на принципе историзма. Эволюция масштабов и направлений деятельности ИРГО рассматривается как следствие конкретных социально-исторических и геополитических условий, а также эффективного государственно-частного партнерства в части привлечения средств частных предпринимателей, заинтересованных в освоении отдельных регионов. В ходе исследования применялись методы верификации источников, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительный, моделирования и др.

3. Обсуждение

По мнению исследователей, толчком к созданию ИРГО оказался так называемый «синдром» Литке (Семенов, 1896; Knight, 1998: 136). Обосновав в 1845 году важность географических изысканий и привлечения молодых к этой ответственной задаче, будущий президент Академии наук адмирал Ф.П. Литке по сути заложил перспективу стратегии России по систематизации природных ресурсов (АРГО, 1845: 95). Академия наук и региональные власти не справились бы с колоссальной задачей, но доводы Литке были услышаны. Появилась структура, в ее Уставе, утвержденном 28 декабря 1849 г. Николаем I, был отмечен приоритет общественного добровольного участия над должностным ранжированием.

По всей вероятности, образцом для ИРГО послужило Французское научное географическое общество, учрежденное в 1821 году. Активными организаторами его были 227 ученых, среди которых знаменитый лингвист Шампольон, немецкий ученый-энциклопедист фон Гумбольдт, математик-астроном Лаплас и др. Интересный факт: «Записки по этнографии Персии» российского востоковеда Н.В. Ханькова, одного из организаторов Кавказского отдела ИРГО, были опубликованы в Париже (Khanikoff, 1866).

Думается, не меньшим стимулом к аккумуляции географических исследований в России послужил пример короля Вильгельма IV. «Британское Королевское географическое общество или иначе Географическое общество Лондона (Geographical Society of London) было основано в 1830 году для развития географической науки под покровительством короля Вильгельма IV (Кожоков, 2014). Зарубежные публикации раскрывают изобретательные способы коммерциализации науки в XVIII веке в Британии (Brock, 2008).

Романтика приключений, поиска и испытаний захватила молодые умы. Постепенно была выработана система моральных поощрений со стороны царской семьи, ставшей единоличным покровителем РГО. Первоначальное финансирование Общества было государственным и составляло 10 тысяч рублей в год, впоследствии значительный вклад в финансирование предприятий Русского географического общества внесли меценаты (Семенов, 1896: 1321-22). ИРГО самостоятельно планировало тематику исследований, лишь согласовывая их финансирование.

Обобщающего характера зарубежные публикации охватывают в основном тему развития географической науки в XIX веке в Европе и США, игнорируя отраслевые изыскания в России и Азии в целом (Livingstone et al., 2011). Локализация в данном случае уместна, если бы название монографии не претендовало на всеохватность. Дэвид Н. Ливингстон – профессор географии и интеллектуальной истории в Университете Королевы в Белфасте (Северная Ирландия).

Любопытное исследование профессора из Кэмбриджа Suzanne L Marchand (2010) о науке в Германии монархического периода характеризует направления, превалировавшие в ориенталистике указанного государства.

Что касается истории российской науки, то в зарубежных публикациях констатируются сведения о деятельности ИРГО, а специальных трудов о специфике работы Общества практически нет. Американские ученые отмечают принципы организации научной работы в СССР: В.И. Вернадского по выявлению устойчивого эволюционного развития (Bailes, Graham, 1990). Тенденция комментировать труды российских географов в контексте смены вех после распада Союза выразилась в выходе книги о Л.Н. Гумилеве (Bassin, 2016).

4. Результаты

Чтобы объективно оценить значение ИРГО в масштабах материка, достаточно сопоставить работу аналогичных структур, если таковые имелись, в смежных государственных образованиях. Примеры обществ (некоммерческого характера) по изучению георесурсов в Азии в обозначенный

исторический период, научно-исследовательского свойства, инициированных и пользовавшихся протекцией монархов, обнаружить сложно.

По периметру российских границ к середине XIX столетия системных гео-замеров также не проводилось. В Персии (Иране) собственно научных исследований ожидать в XIX веке не приходится; возможно, локальные замеры координат велись только на базе мусульманских центров, медресе. Учитывая сложный характер русско-персидских отношений после убийства Грибоедова, расширение деятельности ИРГО в южном направлении было проблематично. Локальные исследования проводились через ресурсы Кавказского филиала Общества.

Известно, что цинский Китай самоизолировался в XVIII веке от внешних контактов, однако ранее здесь, по мнению специалистов, «...получают развитие палеогеография, историческая география и хронология, без которых, считали филолог Дай Чжэн и его сторонники (XV век), невозможно понять содержание древних памятников» (Новая..., 2017: 254). Для Поднебесной в целом характерно было пренебрежительное отношение к отечественным географам и их открытиям. Специального общества географов под патронажем богдыхана не существовало, научными изысканиями на свой страх и риск занимались отдельные лица. Положение несколько изменилось к середине XIX века. «...Итоговой для цинской географии и картографии стала публикация в 1863 «Дай Цин и тун юй ту» («Изображение всей Великой Цин») Ян Шоу-цзином (1839–1915), который после крушения империи сделался советником первого президента Китая Юань Ши-кая (1859–1916). Наука в лице отдельных ученых-географов и картографов обслуживала правящую династию Цин; вместе с тем коллективная структура под патронажем Пекина создана не была. Принцип самоизоляции оказался ограничителем для развития науки вширь (Духованья..., 2009: 226-249).

Геополитическая ситуация на Дальнем Востоке в исследуемый период оставалась сложной. О противостоянии Японии, Германии и США на дальневосточных рынках на рубеже XIX–XX вв. и контактах США с Цинами сообщают зарубежные авторы (Joseph, 1928; McCormick, 1990; Zachman, 2009).

Правительство Турции к концу XIX века решало вопросы внешнего долга и собственного выживания в условиях активизации внутренней оппозиции в лице младотурков (Еремеев, 1971). Султану было не до протекции ученым, рассуждает Стефано Талья, научный сотрудник Восточного института АН Чешской Республики, автор исследования по проблемам национализма и меньшинств в Османской империи (Taglia, 2017). По мнению Taglia, раскол на Конгрессе османских либералов 1902 года ознаменовал конец интеллектуальной фазы. Субсидировать науку в этих условиях султанат не имел ни желания, ни возможностей.

ИРГО на материковой части Евразии в середине XIX века оказывалось единственным учреждением, которому были созданы условия для работы и приданы полномочия под патронажем монаршей семьи. Общество по представительству научных кадров и исследовательским задачам объективно составляло конкуренцию Британскому обществу в части исследования Передней, Центральной и Юго-Восточной Азии. Этот принципиальный момент, не отраженный в историографии, объясняет международную миссию ИРГО, когда ряд проектов был осуществлен вне пределов России либо совместно с иностранными исследователями.

Региональные изыскания ИРГО имели специфику, поскольку с учетом просторов Сибири, Степного края и Дальнего Востока могли быть сезонными и выполняться с привлечением местных знатоков края и языков, этнографии и топографии. Филиалы Общества были созданы: Кавказский – в Тифлисе (1850), Сибирский – в Иркутске (1851), Оренбурге (1867), Омске (1877), Хабаровске и др.

Библиография трудов казаха, исследователя китайского Синьцзяна, члена ИРГО Шокана Валиханова на английском языке (Valikhanov, 1984), зарубежные публикации о другом члене ИРГО, тюркологе, этническом хакасе Н.Ф. Катанове (Geraci, 2001) свидетельствуют об интересе к теме. Об исследованиях Валиханова по линии ИРГО в 1845–1855 гг. пишет исследователь из США N. Knight (Knight, 1998), которая также отметила роль Литке (Knight, 1998: 13).

Расширение географии поисков к середине XIX века выявило объективную потребность государственного субсидирования НИР в деле изучения природных ресурсов империи, возможностей их использования, переработки и экспорта. Помимо казны, как отмечалось выше, по мере роста авторитета ИРГО экспедиции стали финансироваться частными лицами и заинтересованными предпринимателями. Вкупе это дало эффект синергии, аккумулированные средства императорской семьи и частного капитала вознаградились расширением масштабов научного поиска и прибыльными разработками недр.

Аккумуляция выдающихся умов и людей, привычных к трудностям и решению нетривиальных задач, обеспечила эффективность деятельности ИРГО. Например, сейсмическая комиссия Русского географического общества была создана в 1887 году после сильного землетрясения в городе Верном (ныне Алматы) по инициативе и при деятельном участии И.В. Мушкетова.

Закономерным следствием сбалансированного распределения средств были плодотворные экспедиции Общества и рост инвестиционной привлекательности России для европейских, в первую очередь, правительств. Этот аспект деятельности ИРГО остается в тени, поскольку советские подходы к систематизации научных учреждений, отрицание позитивного вклада в спонсирование изысканий

«монархического» этапа несколько затенили энергичную деятельность Общества по выходу на международный уровень.

Источники подтверждают, что в период строительства Транссиба с 1895 года в рамках реализации франко-российского договора в страну стали прибывать заинтересованные научные «десанты» из Парижа, активно искавшие выход на ИРГО. Так, «Киргизская степная газета» №31 за 1895 года в статье «Путешественники французы в киргизской степи» сообщила о пребывании в казахских землях двух французских исследователей-путешественников: «морского офицера запаса виконта де Кювервиля, командированного в Россию Министерством народного просвещения Французской республики с этнографической целью, а также для изучения современного научного и промышленного состояния России, и барона Бая, занимающегося изучением археологии» (*Киргизская...*, 1895). Сообщалось, что «иностранцы заинтересовались серебряными казахскими украшениями» (*Алекторов, 1900: 438*).

На самом деле французский археолог де Бай трижды побывал в России: в 1895, 1896 и 1897 гг. Он восторженно описал свои встречи с казахами Степного края и Западной Сибири, их жилище – юрту (kibitka), напиток кумыс (koumis) и головной убор невесты – саукеле (saoukoule). Ему удалось даже сделать фото рядом со степной каменной бабой (Kamene baba) (*Baye, 1896: 26, 30-33*).

По мнению Даниловой, наследие французского исследователя мало изучено (*Данилова, 2016*). Сведения о бароне де Бае нам удалось обнаружить в мемуарах князя Путятин (Путятин, 1887), который был лично знаком с французским археологом и посвятил ему и де Кювервилю стихи (*ОР ИРЛИ*).

Впервые в Екатеринбург де Бай прибыл летом 1895 г. Французская делегация посетила выставку, о чем сообщали местные СМИ (*Екатеринбургская...*, 1895). В поездке де Бая сопровождал публицист, тоже член Французского географического общества, виконт Жюль де Кювервиль, который намеревался «изучить с коммерческой и этнографической точек зрения» те же регионы, которые интересовали де Бая. Будущий адмирал де Кювервиль интересовался областями России, имевшими выход к морям (см. Письмо министра внутренних дел И. Дурново олонецкому губернатору М.Д. Демидову от 25 мая 1894 г., об оказании содействия морскому офицеру Французской республики виконту де Кювервилю в его поездке по Олонцкой губернии (*НА РКР*). Прошение об экспедиции им было подано через посольство Франции в Санкт-Петербурге, что придало весомость визиту.

Сибирские и уральские СМИ сообщали о посещении французами Курганской сельскохозяйственной и кустарнопромышленной выставки 1895 г. (*Справочный...*, 1985), в прессе упоминалось ИРГО. Так, на обеде, который дали 22 августа устроители выставки в курганском ресторане для француза виконта де Кювервиля был член ИРГО, известный путешественник Г.Н. Потанин.

По возвращении во Францию де Бай дал интервью для парижских газет о своих находках. В Национальном архиве Франции, по данным (*Klimentchenko, 2009*), в именных досье обоих путешественников хранятся официальные документы о подготовке миссии и редкие фотоснимки исилькульских (район г. Омска) казахов с членами ИРГО (ANF). Так осуществился один из первых, совместных с Французским географическим обществом, международных проектов ИРГО, которому способствовали дипмиссии Франции и России и о котором в советское время упоминать не было принято.

Де Бай обобщил результаты экспедиции в докладе (*Baron de...*, 1896). Артефакт, который он привез во Францию – Шигирский идол – ныне хранится в археологической коллекции Музея человека в Париже, в 2011 году был датирован путем углеродного анализа (950–800 лет до н.э.) лабораторией Центра исследований и реставрации музеев Франции (*Данилова, 2016: 136*).

Визитки и письма виконта Жюля де Кювервиля известным российским архитекторам и театральным деятелям хранятся в фондах РГАЛИ (*РГАЛИ*).

Часть же именных коллекций де Кювервиля, в которых хранились журналы с изображениями этнографических артефактов из поездки, увы! была выставлена на аукцион Christie's в Лондоне 8 мая 1998 года, по причине отсутствия потенциальных наследников и бюджетных средств на хранение фонда. Номер партии 159, фотографии, сделанные виконтом в Сибири. Название лота: “Portrait and Costume Studies, Siberia, Circa 1896”.

О популярности адмирала де Кювервиля в России косвенно свидетельствуют дореволюционные издания речей российских офицеров, отстаивавших роль флота после тяжелого поражения в войне с Японией (*Кювервиль, 1906*).

Впрочем, морская тема в международных проектах ИРГО проявилась ранее в отношении проливов, для этого потребовалось согласие султана Турции. Еще в 1886 году в ИРГО получили задание по системному исследованию Мраморного моря*, хотя реализация проекта представлялась нелегкой, член Совета ИРГО С.О. Макаров горячо поддержал идею. Составление программы экспедиции было поручено члену Совета, геологу Н.И. Андрусову (*Семенов, 1896: 1257*). В состав экспедиции должны были войти зоолог Остроумов, геолог Андрусов, химик Лебединцев и гидролог Шпидлер.

Оснащение экспедиции готовилось обстоятельно: необходимо было просить судно у Императорского посла в Константинополе А.И. Нелидова; А.А. Остроумов мог получить средства от Императорской академии наук; Андрусов готов был отправиться за собственный счет, но ему необходимо было пособие для приобретения инструментов; Лебединцеву поручено было просить Общество естествоиспытателей Новороссийского университета о снабжении его инструментами, а также Добровольный флот или Русское общество пароходства о бесплатном перевозе до Константинополя. Предполагалось ходатайствовать перед Морским министерством о командировании Шпиндлера и снабжении его инструментами (Семенов, 1896. Часть III).

К идее проекта внимательно отнеслись в Морском министерстве (управляющий Н.М. Чихачев), Академии наук. Экспедиция осуществилась благодаря «живому сочувствию и стараниям» посла А.И. Нелидова: «посол успел возбудить в высших турецких правительственных кружках столь живой интерес к делу исследования Мраморного моря членами РГО, что Его Величество султан соизволил принять эту экспедицию под особое свое покровительство и приказал оказывать ей всякое содействие и все содержание экспедиции изволил принять на свой собственный счет» (Семенов, 1896: 1258).

В распоряжение экспедиции был предоставлен (на средства турецкого правительства) пароход «Селяник» в 1800 тонн водоизмещения и 20 матросов. Кроме того, в помощь начальнику экспедиции были командированы адъютант морского министра Турции Игсан-Бей, отвечавший за продовольствие, и лейтенант Эдгем-Эфенди, заведовавший военными матросами. Они, как и командир «Селяника» лейтенант Гафиз-Сулейман и штурман-офицер Шевки-Эфенди, оказали значительные услуги экспедиции.

Работы в Мраморном море продолжались с 7 сентября по 11 октября. Были проведены наблюдения в 61 пункте, впрочем, замеры в Дарданельском проливе и выход в Средиземное море не были разрешены. Тем не менее, успех ИРГО стал достоянием общественности как триумф науки и международной коллаборации. О результатах успешной экспедиции по исследованию Мраморного моря Андрусов сделал сообщение в Общем собрании (ноябрь 1894 г.), а Шпиндлер – на объединенном заседании отделений (декабрь 1894 г.).

Совет общества «испросил соизволение Его Величества султана на предложение ему звание Почетного члена Общества. Собрание громкими рукоплесканиями приветствовало эту мысль. И Султан Абдул-Гамид принял звание Почетного члена Общества» (Семенов, 1896: 1260).

Надо ли подчеркивать, как успех русско-турецкой научной экспедиции всколыхнул Европу? Серия переговоров представителей французского правительства с русскими посланниками, целью которых была коллаборация усилий, явилась закономерным следствием. Иностранцев исследователей (Кювервиль и др.) интересовал проект Транссиба и ход строительства магистрали, объект материковой логистики, значительно увеличивший торговые обороты империи. Собственно, возведение Транссиба оказалось возможным, благодаря комплексному изучению отдаленных регионов посредством ИРГО: геология и гидрология, метеорология и минералогия и т.п. Стремления российского правительства исследовать дальневосточные рубежи и смежные владения в конце XIX – начале XX вв. мы описывали ранее (Mukanova, 2018), и в этом также большая заслуга ученых – членов ИРГО.

Эпизодические визиты французских ученых и экспертов проходили непременно с участием членов региональных отделений ИРГО, что свидетельствует об авторитете Общества и доверии к его деятельности со стороны российского и иностранных правительств. Покровительство Романовых давало известные преимущества ученым в продвижении проектов и обмене информацией с ведущими научными центрами и университетами Европы.

Проекты ИРГО отличали многогранность и междисциплинарность; при минимальном оборудовании и штатах выполнялись весьма важные для науки, общества и государства экспертные работы. Практиковались международные проекты, при условии политической стабильности и закрепления намерений в двусторонних меморандумах и проч.

В применении к ИРГО оказываются уместными специфические термины, которые характеризуют деятельность научного учреждения. К примеру, капитализация – совместное финансирование проекта государством и частным предприятием, что обеспечивает устойчивость и конечную прибыль. Так как в ходе экспедиций ИРГО в отдаленные регионы могли возникать разные непредвиденные затраты (для приобретения рукописей, манускриптов, посещения сакральных мест и т.п.), то привлекались средства меценатов.

Коммерциализация науки – тема, казалось бы, неприменимая к дореволюционной России, на поверку оказывается предметом занимательным. Задача практическая – успешно продать результаты НИР, чтобы иметь запас средств для начала новых проектов – перманентно решалась членами ИРГО. О коммерциализации научных изысканий в данном случае говорится условно, в смысле доходов казны, «длинных» денег, тогда как рядовые члены ИРГО, часто рисковавшие жизнью в ходе экспедиций, вовсе не принадлежали к кругу обеспеченных лиц. Наконец, интернационализация, или совместная работа с зарубежными специалистами по конкретному проекту. На примере Турции, когда российской награды удостоился сам султан, налицо международная коллаборация и

софинансирование (затраты турецкой стороны на незапланированные работы моряков и офицеров султанского флота).

Безусловно, успешные географические открытия русских исследователей покрыли затраты на экспедиции; последующая эксплуатация месторождений, запасов питьевой воды и древесины, пушного зверя и т.д. стимулировали развитие экспортных операций.

5. Заключение

Стимулирование научных изысканий в масштабах Евразии в указанный период имело специфику. Азиатский сектор (Китай, Япония, Иран, и в некотором смысле Турция) не обозначил активных системных разработок – локальных или глобальных – на требуемом уровне, в рамках исследуемого исторического периода, вследствие субъективных и объективных причин. На фоне категоричного отрицания Цинами роли ученых в Поднебесной, слабой исследовательской базы в Турции и Персии еще до 1917 года под эгидой ИРГО были осуществлены уникальные международные проекты, потребовавшие деятельного участия правящей семьи, дипломатического корпуса и переговоров с заинтересованными зарубежными правителями.

Деятельность ИРГО в масштабах Евразии по итогам осуществленной в тот период научно-исследовательской практической работы и интернационализации проектов в мирных условиях можно считать успешной и плодотворной. К заслугам Общества на рубеже XIX–XX веков следует отнести шаги к реальной капитализации фондов и коммерциализации научных разработок.

К началу XX века, а если быть точными, к 1914 году, началу Первой мировой войны, вызванной конкуренцией держав, имело место возрастание инвестиционной привлекательности России для европейских (и американских) владельцев крупного капитала. В этом процессе немалая заслуга ИРГО, с честью справившегося с возложенной на него миссией и ставшего авторитетной структурой в пределах евразийского информационного поля.

Действительно, так называемый «синдром» Литке сработал, привлекая в науку талантливых и одержимых открытиями патриотов, горевших желанием учиться и применять знания к изучению свойств суши и гидроресурсов Отечества, ведь многие из них впоследствии возглавили академические центры, обрели ученые звания, часть же эмигрировала после событий февраля–октября 1917 года. Огромный интеллектуальный задел, выполненный РГО с середины XIX – по начало XX столетий, получил дальнейшее развитие; это – единственная общественная организация с длительной историей, которая и ныне продолжает функционировать.

Литература

Алекторов, 1900 – Алекторов А.Е. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах. Казань: Типо-литография императорского университета, 1900. 969 с.

АРГО – Архив РГО, Санкт-Петербург. Ф. 1-1845. Оп.1. Д. 1. Л. 95.

Валиханов, 1904 – Валиханов Ч.Ч. Записки ИРГО по отделению этнографии. Т. 29: Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова / Под ред. Н.И. Веселовского. С.-Петербург: Типография Главного управления уделов, 1904. 628 с.

Данилова, 2016 – Данилова О.С. Жозеф де Бай на Урале: новые материалы французских архивов // *Уральский исторический вестник*. 2016. №3 (52). С. 130-138.

Духовная..., 2009 – Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 томах. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Вост. лит., 2009. 1055 с.

Екатеринбургская..., 1895 – «Екатеринбургская неделя». 1895, июля 16. №28. С. 555.

Еремеев, 1971 – Еремеев Д.Е. На стыке Азии и Европы (очерки о Турции и турках). М., 1971.

Киргизская степная газета – Киргизская степная газета. 1895. №31.

Кожоков, 2014 – Кожоков М.К. и др. Роль Императорского Русского географического общества в развитии академической науки на Кавказе // *Мир науки. Научный Интернет-журнал*. 2014. №4. С. 1-8.

Кювервиль, 1906 – Кювервиль Ж.М. Вещее слово адмирала Кювервиля (извлечение из кн. Мещерского «Уроки войны. В чем нуждается флот»). СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1906.

НА РКар – Национальный архив Республики Карелия. Аннотированный перечень документов о деятельности иностранцев в Карелии [Электронный ресурс]. URL: <http://rkna.ru/projects/foreign/view.php?area=docs2002&id=200100981>

Новая..., 2017 – Новая история стран Азии и Африки. XVI–XIX века. Часть 1. Александр Родригес и др. 2017.

ОР ИРЛИ – Рукописный отдел *Института русской литературы, г. Санкт-Петербург*. П.А. Путьтин Автограф. Без даты. Ф. I. Оп. 22. Д. 558. Л. 22-22 об.

Путьтин, 1887 – Путьтин П.А. Воспоминания и заметки: 1854–1881 / Отдельный оттиск из исторического журнала «Русская старина» издания 1887–1888 гг. Село Бологое, [1888]. С. 36.

РГАЛИ – Российский Государственный архив литературы и искусства, г. Москва. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 2191. Письма виконта де Кювервиля Жюля Н.В. Султанову. Ф. 2428. Оп. 1. Ед. хр. 90. Письмо Кювервиля, де Жюля А.С. Суворину. Письмо за 1902 г. на визитной карточке. На франц. яз.

Семенов-Тянь-Шанский, 1896 – Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского русского географического общества 1845–1895: В 3 частях. СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1896.

Справочный..., 1895 – Справочный листок Курганской сельскохозяйственной и кустарной выставки 1895 г. Курган: типография Шубина, 1895. Спецвыпуски, 54 номера.

ANF – Archives Nationales de la France, Paris. Fonds du Ministère de l'Instruction publique. F/17/2951 (Cuverville), F/17/2936-2 (de Baye).

Bailes, Graham, 1990 – *Bailes Kendall E., Graham Loren R.* Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Michigan: Indiana University Press, 1990. 252 p.

Baron de ..., 1896 – *Baron de Baye.* Mission archéologique et ethnographique. Russie et en Sibérie occidentale (1895). Paris, 1896. pp. 5-9.

Bassin, 2016 – *Bassin Mark.* The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism) Cornell University Press, 2016. 400 p.

Baye, 1896 – *Baye, Joseph de.* Du Volga a l'Irtish: extrait de la "Revue de geographie". Institut Geographique de Paris, 1896. 46 p.

Brock, 2008 – *Brock, William H.* William Crookes (1832-1919) and the Commercialization of Science (Science, Technology and Culture, 1700-1945). Routledge, 2008. 586 p.

Geraci, 2001 – *Geraci R.P.* Nikolai F. Katanov: Inorodets in the Russian Academy // Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P. 309-342. 389 p.

Joseph, 1928 – *Philip Joseph.* Foreign Diplomacy in China, 1894-1900: A Study in Political and Economic Relations with China. Routledge: Routledge Library Editions: History of China. Volume 6. First Edition. 1928. 458 p.

Khanikoff, 1866 – Khanikoff, Nicolas de. Memoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris: Imprimerie de E. Martine, 1866.

Klimentchenko et al, 2009 – *Klimentchenko, N., Lavrionova, F., Semenova, K., Le Goff, A.* Missions scientifiques en Russie (1846-1937). Archives nationales: Paris, 2009. 25 p.

Knight, 1998 – *Knight, Nathaniel.* Science, Empire and Nationality. Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855 // Imperial Russia: new histories for the Empire. Bloomington: Indiana University Press, 1998. pp. 108-141.

Livingstone et al., 2011 – *Livingstone, David N., Withers, Charles W.J.* Geographies of Nineteenth-Century Science. Chicago: University of Chicago Press, 2011. – 536 p.

McCormick, 1990 – *McCormick, Thomas J.* China Market: America's Quest for Informal Empire, 1893-1901. Ivan R. Dee; First Elephant. 1990. 244 p.

Marchand, 2010 – *Marchand, Suzanne L.* German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship (Publications of the German Historical Institute). United Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 562 p.

Mukanova, 2018 – *Mukanova G.K.* Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX-early XX centuries (on the example of Printed Publications) // *Bylye Gody.* 48 (2), 776-785.

Taglia, 2017 – *Taglia, Stefano.* Intellectuals and Reform in the Ottoman Empire (SOAS/Routledge Studies on the Middle East). London: Routledge, 2017. 180 p.

Valikhanov, 1984 – Chokan Chingisovich Valikhanov, c. 1835 to c. 1865: A bibliography (Central Asian collectanea) by Rudolf Loewenthal (Publisher), 1984.

Zachman, 2009 – *Zachman, Urs Matthias.* China and Japan in the Late Meiji Period: China Policy and the Japanese Discourse on National Identity, 1895-1904. Routledge, 2009. 256 p.

References

ARGO – Архив русского географического общества, Санкт-Петербург. F.1-1845. Op.1. D. № 1. L.95.

NA RKar – Natzionalnii arkhiv Respubliki Karelia. Annotirovannii perechen dokumentov o dejatel'nosti inostrancev v Karelii [Annotated list of documents on the activities of foreigners in Karelia]. URL: [Elektronnyi resurs]. URL: <http://rkna.ru/projects/foreign/view.php?area=docs2002&id=200100981> [in Russian]

OR IRLI – Rukopisnii otdel Instituta russkoj literaturi, Санкт-Петербург. Putjatin P.A. Avtograf. Bez dati. [Putyatin P.A. Autograph] F.1. Op. 22. D. 558. L. 22-22 ob. [in Russian]

RGALI – Rossijskii Gosydarstvennii arkhiv literature I iskusstva, Moskva. F. 459. Op. 1. Ed. hr. 2191. Pisma vikonta de Kuvervila Zhula, N.V.Sultanovy [Letters of Viscount de Cuverville Jules, N. V. Sultanov]. F. 2428. Op. 1. Ed. hr. 90. Pismo Kuvervila, de Zhula, A.S.Suvoriny [Letter to Cuverville, de Jules, A.S. Suvorin]. [in French]

ANF – Archives Nationales de la France, Paris. Fonds du Ministère de l'Instruction publique. F/17/2951 (Cuverville), F/17/2936-2 (de Baye).

- Alektorov, 1900** – *Alektorov A.E.* (1900). Ukazatel knig, zhurnalnih I gazetnih statei I zametok o kirgizah. [The index of books, journal and newspaper articles and notes about Kirghiz]. Kazan: Tipolitografija imperatorskogo universiteta. 969 p. [in Russian]
- Danilova, 2016** – *Danilova O.S.* (2016). Zhozef de Bai na Urale: novie materialy frantsuzskih arhivov [Joseph de Bai in the Urals: new materials from the French archives]. *Ural'skii istoricheskij vestnik*. 3(52). pp. 130-138. [in Russian]
- Duhovnjaja..., 2009** – Duhovnjaja kultura Kitaja: enciklopedija v 5 tomah [Spiritual Culture of China: Encyclopedia: in Five volumes]. T. 5. M.: Vost. lit. 1055 p. [in Russian]
- Eremeev, 1971** – *Eremeev D.E.* (1971). Na stike Azii I Evropi (očerki o Turcii I turkah) [At the junction of Asia and Europe (essays on Turkey and the Turks)]. M. [in Russian]
- Ekaterinburgskaja..., 1895** – «Ekaterinburgskaja nedelja» [Ekaterinburg week]. 1895 ijula 16. № 28. P. 555. [in Russian]
- Kirgizskaija Stepnaja gazeta** – Kirgizskaija Stepnaja gazeta [Kyrgyz Steppe newspaper]. 31. 1895. [in Russian]
- Kozhokov, 2014** – *Kozhokov M.K. et al.* (2014). Pol Imperatorskogo Russkogo feograficheskogo obchestva v razvitii akademicheskoi nauki na Kavkaze [The role of the Imperial Russian Geographical Society in the development of academic science in the Caucasus]. *Mir nauki*. 4. pp. 1-8. [in Russian]
- Kuvertvil, 1906** – *Kuvertvil Zh.M.* (1906). Veshee slovo admiral Kuvertvila [Admiral Cuverville word]. SPb.: Tip A.S. Suvorin. [in Russian]
- Novaja..., 2017** – Novaja istorija starn Azii I Afriki [New history of Asian and African countries]. pp. XVI–XIX. M., 2017. [in Russian]
- Putjatin, 1887** – *Putjatin P.A.* (1887). Vospominania I zametki [Memories and Notes]: 1854–1881. Selo Bologoe [1888]. 36 p. [in Russian]
- Semenov-Tjan-Shanskij, 1896** – *Semenov-Tjan-Shanskij P.P.* (1896). Istorija poluvekovoij dejatel'nosti Imperatorskogo Geograficheskogo obchestva [The history of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society]. 1845-1895. SPb.: Tip. V. Bezobrazova i Komp. [in Russian]
- Spravochnij..., 1895** – Spravochnij listok Kurganskoj selskohozaistvennoi I kustarnoi vistavki [Background sheet of the Kurgan Agricultural and Handicraft Exhibition]. Kurgan: tipografija Shubina, 1895. [in Russian]
- Bailes, Graham, 1990** – *Bailes Kendall E., Graham Loren R.* (1990). Science and Russian Culture in an Age of Revolutions: V.I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Michigan: Indiana University Press. 252 p.
- Baron de ..., 1896** – *Baron de Baye* (1896). Mission archéologique et ethnographique. Russie et en Sibérie occidentale (1895). Paris. pp. 5-9.
- Bassin, 2016** – *Bassin Mark* (2016). The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism) Cornell University Press. 400 p.
- Baye, 1896** – *Baye, Joseph de.* (1896). Du Volga a l'Irtish: extrait de la "Revue de geographie". Institut Geographique de Paris. 46 p.
- Brock, 2008** – *Brock, William H. William Crookes* (1832-1919) and the Commercialization of Science (Science Technology and Culture, 1700-1945). Routledge, 2008. 586 p
- Geraci, 2001** – *Geraci R.P., Nikolai F. Katanov* (2001). Inorodets in the Russian Academy // Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press. pp. 309-342. 389 p.
- Joseph, 1928** – *Joseph Philip* (1928). Foreign Diplomacy in China, 1894-1900: A Study in Political and Economic Relations with China. Routledge: Routledge Library Editions: History of China. Volume 6. First Edition. 458 p.
- Khanikoff, 1866** – *Khanikoff, Nicolas de.* (1866). Memoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris: Imprimerie de E. Martine.
- Klimentchenko et al., 2009** – *Klimentchenko, N., Laurionova, F., Semenova, K., Le Goff, A.* (2009). Missions scientifiques en Russie (1846-1937). Archives nationales: Paris. 25 p.
- Knight, 1998** – *Knight, Nathaniel* (1998). Science, Empire and Nationality. Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845-1855 // Imperial Russia: new histories for the Empire. Bloomington: Indiana University Press. pp. 108-141.
- Livingstone et al., 2011** – *Livingstone, David N., Withers, Charles W.J.* (2011). Geographies of Nineteenth-Century Science. Chicago: University of Chicago Press. 536 p.
- McCormick, 1990** – *McCormick, Thomas J.* (1990). China Market: America's Quest for Informal Empire, 1893-1901. Ivan R. Dee; First Elephant. 244 p.
- Marchand, 2010** – *Marchand, Suzanne L.* (2010). German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship (Publications of the German Historical Institute). United Kingdom. Cambridge: Cambridge University Press. 562 p.

Mukanova, 2018 – *Mukanova G.K.* (2018). Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications). *Bylye Gody*. 48 (2), 776-785.

Taglia, 2017 – Taglia, Stefano (2017). Intellectuals and Reform in the Ottoman Empire (SOAS/Routledge Studies on the Middle East). London: Routledge. 180 p.

Valikhanov, 1984 – *Chokan Chingisovich Valikhanov* (1984). c. 1835 to c. 1865: A bibliography (Central Asian collectanea) by Rudolf Loewenthal (Publisher).

Zachman, 2009 – *Zachman, Urs Matthias* (2009). China and Japan in the Late Meiji Period: China Policy and the Japanese Discourse on National Identity, 1895-1904. Routledge. 256 p.

Евразийская миссия Императорского русского географического общества (середина XIX – начало XX вв.)

Гюльнар Кайроллиновна Муканова ^{a, *}

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В данной статье автор, основываясь на письменных источниках и анализе зарубежных публикаций, делает попытку реконструировать процесс расширения миссии уникальной научной структуры дореволюционной России – Географического общества, которое работало под патронажем венценосной семьи с середины XIX в. Автором изучены аспекты истории ИРГО, слабо представленные в историографии, характеризующие масштабы и глубину международных проектов на рубеже XIX–XX веков. Наиболее полное раскрытие научного потенциала Общества имело место тогда, когда были предприняты серьезные шаги по привлечению заинтересованных европейских стран к совместным исследованиям. Сотрудники Общества собрали и обобщили ценные источники информации о ресурсах империи в доступной части континента, что стало основой для развития отдаленных регионов Центральной Азии, Степного края, Сибири и привлечения иностранных инвесторов. Систематическая работа ИРГО, по сути единственной эффективной научной структуры на материке в обозначенный исторический период, оказалась основой процесса сближения культур в Евразии, который был прерван с началом Первой мировой войны.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Императорское географическое общество, Урал, Степной край, Сибирь, наука.

* Корреспондирующий автор

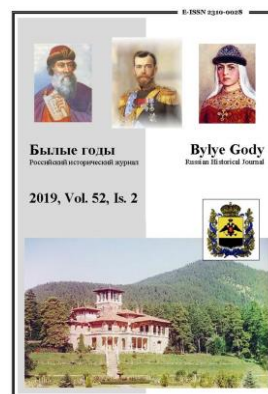
Адреса электронной почты: ulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 766-778. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.766
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Public Organizations of Russian Solving Socio-Economic Problems of the early of XX century

Marina L. Galas ^{a, *}, Pavel S. Seleznev ^a

^a Finance University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article discusses the essence and the form of participation of the specialized public organizations and associations established in the late 19th and early 20th centuries, leaders of the provincial traffic, agricultural economists in the socio-political and economic life Russia to modernize agricultural complex and its foundation-farm, in solving social problems in rural areas. Presents statistics on the activities of the societies of agriculture, whose flagship scientific and applied development, formation of productive and social infrastructure, the socio-political activity was Moscow society of agriculture (MSA).

The study questioned the relationship society's credit structures. The growth of commodity-money relations, the need for cheap low interest credit to dealers, lawlessness, the need for combining funds for bulk purchases and sales have increased credit cooperation development. The analysis of legal support, institutionalization of the system of public finance in Russia during the period of historical development has been carried out. A special role in crediting innovations in the field of agricultural production and modernization of peasant farms was played by the Moscow People's Bank, which is also reflected in the article. The attention of the authors is drawn to the development of scientific thought of agrarians, leaders of the Moscow Union of Artists, Zemstvo-cooperative elite.

The articles about zemstvo and agricultural societies/associations of the Moscow province, which were not only innovators in the modernization of agricultural production, but also interacted with the relevant organizations of European Russia, Siberia, abroad, with the central authorities and local government, are indicative for the disclosure of the topic. A significant contribution to the modernization of the peasant economy was made by the institutions of government and public agronomists-instructors. Agricultural school of MOSH carried out training of specialists of secondary special agronomic education. The authors of the article drew attention to the role of MOSH in the formation of the system of Zemstvo public agronomy, which included a wide range of agricultural activities, social and educational programs, provincial and all-Russian institutions. The experience of zemstvo provincial socio-economic, agro-technological, educational programs in the territory of European Russia and Siberia is generalized.

Keywords: agrarian reform, social organizations, associations, cooperation, country council, market.

1. Введение

Одна из определяющих дальнейшее развитие современной России целей – создание эффективной экономической модели, обеспечивающей прорыв к ведущим мировым экономикам. В этой связи актуализирует исследование с позиций современности деятельность общественных организаций как следствия развития общества и государства, социально-исторических условий, оказавших ключевое влияние на структуру, правовой статус, целеполагание институтов гражданского общества России.

* Corresponding author

E-mail addresses: MLGalas@fa.ru (M.L. Galas), Pseleznev@fa.ru (P.S. Seleznev)

Концепты представителей отечественной науки и общественной мысли судьбоносного для страны исторического времени кардинальных трансформаций способствуют пониманию генезиса России; позволяют учесть национальные особенности при выработке современных методов модернизации экономики и обеспечения социальной стабильности.

Актуальность статьи обусловлена и тем, что источниковедческие материалы по изучаемой теме были введены в научный оборот фрагментарно, недостаточно изучены в контексте роли общественных организаций и объединений России в решении актуальных социально-экономических задач первого двадцатилетия XX в.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковую базу статьи можно разделить на группы. В первую группу вошли не введенные в широкий научный оборот архивные материалы. Исторический опыт институционализации общественных организаций, осуществляющих социально-экономическую деятельность конца XIX – начала XX веков проанализирован на основе документов Центрального исторического архива Москвы (Москва, Российская Федерация).

Фонд 255 (Московский народный банк) содержит приказы и протоколы заседаний правления банка, журналы собраний акционеров, ревизионной комиссии, совещаний с участием приглашенных представителей акционерных и коммерческих банков, обществ коммерческого кредита, потребительских союзов и кооперативов.

Фонд 395 (Канцелярия предводителя дворянства Рузского уезда) заинтересовал авторов данными об уровне развития крестьянских хозяйств постреформенного периода, о мерах, предпринимаемых предводителями дворянства для модернизации аграрного производства.

Фонд 184 (Московская губернская управа) информативен с точки зрения деятельности губернского земского собрания в области учреждения обществ сельского хозяйства, интенсификации крестьянских хозяйств, решения социальных вопросов, организации мелкого кредита.

Московское императорское общество сельского хозяйства (фонд 419) объединило лучших аграрников России и зарубежных государств. В статье задействованы материалы о научных дискуссиях по вопросам инноваций в сельском хозяйстве. Анализировались отчетные документы Комитета ссудно-сберегательных и промышленных товариществ, ссудно-сберегательных товариществ Московского народного банка и обществ потребителей.

Задействованы материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ, Москва, Российская Федерация) из личных фондов лидеров земско-кооперативного движения, организаторов научно-общественной организации «Лига аграрных реформ» А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова ([Галас, 2007: 24-147](#)).

Вторую группу источников составляют отечественные нормативно-правовые акты. Среди них: Закон от 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении; Положение от 1 июня 1895 г. об учреждениях мелкого кредита и примерный Устав кредитного товарищества.

В официальном издании государственной типографии «Полное Собрание Законов Российской империи» второго и третьего собраний были опубликованы используемые в статье законодательные акты: Указ Сената от 24.04.1879 «О порядке открытия и содержания ссудных касс», Указа Сената от 12.09.1889 «О банкирских заведениях», Положение Министерства финансов об учреждении мелкого кредита 01.06.1895, Именной Высочайший указ от 04.03.1906 об учреждении Комитета по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия и губернских и уездных землеустроительных комиссий, об упразднении Комитета по земельным делам, Наказ землеустроительным комиссиям, утвержденный Комитетом по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия Российской империи.

Третья группа источников – опубликованные статистические и аналитические материалы земской статистики и официальных изданий органов власти и управления.

Материалы Справочного бюро Департамента земледелия показательны для понимания направлений деятельности сельскохозяйственных обществ. В 1915 г. бюро проводило анкетирование сельскохозяйственных обществ, по итогам которого был составлен сборник «Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г.» под редакцией В.В. Морачевского.

В Справочном издании Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ сельскохозяйственные общества структурированы по территориально-географическому положению, по «роду деятельности», по типу организации.

К источникам этой группы авторы относят также уставы Крестьянского поземельного банка, составленные на основе образцового устава ссудно-сберегательных товариществ, разработанного Министром финансов России.

«Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год», изданные в Петрограде, помогли авторам в понимании типов, форм институтов гражданского общества, деятельность которых была связана с аграрной сферой экономики России.

Для изучения организации банковско-кредитного дела в Российской империи в конце XIX – XX вв. интерес представляют отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1916 годы.

Четвертую группу источников составили периодические органы. Среди таких источников: «Вестник мелкого кредита» (журнал Управления по делам мелкого кредита Министерства финансов России); «Вестник сельского хозяйства» (издательство Московского общества сельского хозяйства); «Вестник кооперативных союзов» (издавался Советом Всероссийских кооперативных съездов); «Земское дело» (журнал выходил в 1910–1917 гг. в Санкт-Петербурге для «разработки земских вопросов» и публиковал законодательные акты, связанные с деятельностью губернских земств, обществ); «Известия Главного комитета по снабжению армии» (очерки деятельности Главного комитета по снабжению армии Всероссийского земского союза); «Известия Московского народного банка» (ежемесячный журнал Московского народного банка).

2.2. Методологической основой статьи является историзм. Следуя конкретно-историческому подходу, тема рассматривается с точки зрения исторического детерминизма на основе документально достоверных исторических, государственно-политических фактов и явлений, научно-теоретических материалов, архивных источников. Исследовательское внимание акцентировано на проблемах реформирования социальной и экономической доминанты дореволюционной и предреволюционной России – крестьянского хозяйства. Деятельность общественных организаций и объединений анализируется на фоне ее правового обеспечения, финансово-кредитных условий, специфики низового земского движения, основ государственной политики, а также дискурса к научной и общественно-политической мысли дореволюционной России.

3. Обсуждение

Историографическое значение имеют труды ученых-аграрников, представителей земского движения, общественно-политических деятелей России конца XIX – начала XX вв. В середине XIX в. президент Московского общества сельского хозяйства (далее – МОСХ) И.Н. Шатилов рассматривал крестьянское хозяйство как самостоятельный социально-экономический общественный институт. Сменивший его на посту президента А.Г. Щербатов был сторонником крупных рыночных хозяйств и сельскохозяйственных объединений, способных к кооперированию (Щербатов, 1903: 12-14; Щербатов, 1905: 12).

И.А. Стебут, А.И. Чупров, Н.А. Хомяков, оппоненты А.Г. Щербатова, не оспаривая значение крупных хозяйств и их объединений для модернизации аграрного производства, перспективным считали потребительско-трудовое хозяйство как устойчивое к экономическим кризисам (Чупров, 1909: 12-223).

Члены МОСХ И.А. Стебут, А.И. Чупров, А.В. Чаянов, А.Г. Дояренко, А.Н. Челинцев, Н.П. Макаров были убеждены, что кооперирование крестьянских хозяйств – один из основных способов аграрной модернизации (Челинцев, 1908: 758-778; Чаянов, 1911: 74-76. Труды съезда деятелей, 1911: 5-200). Для А.Ф. Фортунатова кооперация – форма вовлечения в рынок крестьянского хозяйства (Фортунатов, 1912: 7-8).

Законы взаимодействия хозяйственных систем с экономической и общественной средой исследовались в работах А.П. Людоговского (Людоговский, 1875: 23-84), европейского ученого Ф. Аэрбоз (Аэрбоз, 1912: 8-92).

Аналитический обзор финансово-кредитной деятельности Московского народного банка (далее – МНБ) был проведен одним из его организаторов, лидером кооперативного движения А.Н. Анцыферовым (Анцыферов, 1917: 2-19). Развитию кредитной кооперации и роли в этом процессе МНБ посвящена обзорная работа члена Совета Всероссийских кооперативных съездов Д.И. Ислимского (Ислимский, 1917: 5-45).

Взгляд государственного деятеля на преобразование народного хозяйства России, организацию общественных финансов почерпнут из собрания сочинений С.Ю. Витте. Комментарии к важнейшим нормативным актам, регламентировавшим мероприятия аграрной реформы Кривошеина – Столыпина, были даны Ю.В. Александровским (Александровский, 1913: 8-215).

Для историографии первой половины XX в. характерно исследование деятельности общественных земских, кооперативных, специальных организаций и объединений Российской империи в социально-политическом контексте (Гринецкий, 1922: 15-91; Загряцкий, 1915: 8-90; Погребинский, 1941: 39-60).

Роль институтов гражданского общества в военно-хозяйственной политике, в оказании помощи беженцам исследовали Я.М. Букшпан (Букшпан, 1929: 27-218), А.А. Маниковский (Маниковский, 1930: 35-273).

Научная дискуссия конца 1970 – середины 1980 гг. о кризисе политической системы России начала XX в. затрагивала вопросы участия общественных организаций в политической жизни страны, в деятельности Государственной Думы, об их взаимоотношениях с политическими партиями и Прогрессивным блоком (Аврех, 1985: 28-199; Думова, 1988: 29-133; Старцев 1977: 33-200).

И.Т. Довженко интересовали проекты сельскохозяйственных обществ дореволюционной России (Довженко, 1975: 207-216). В контексте истории экономических институтов затрагиваются отдельные

фрагменты деятельности общественных организаций в рассматриваемый период В.В. Корелиным (Корелин, 1988: 8-199), А.М. Анфимовым (Анфимов, 1980: 17-197).

Современные исследования посвящены сотрудничеству общественных организаций и объединений с правительственными институтами, политическими партиями, социальными группами населения; формам их организации, правовому положению; специфике местных общественных организаций (Шевырин, 2003: 31-112; Судацов, 2005: 237-316; Туманова, 2014: 46-282).

В историографии мало исследована роль общественных организаций Российской империи в модернизации отраслей народного хозяйства и решении актуальных социально-экономических задач.

Р.М. Иванову интересуют вопросы государственной политики в отношении биржевых комитетов, торговых, купеческих и московских банков дореволюционной России (Иванова, 2015: 200-243). Н.И. Кротов анализирует банковское и кредитное законодательство Российской империи, направления деятельности банков в России и за рубежом (Кротов, 2010: 6-40). М.В. Лушникова производно к теме истории финансового права в России обратила внимание на операции МНБ, коммерческих банковских учреждений (Лушникова, 2010: 55-117, 432). Истории организации и функционирования сберегательных касс в России в VIII – конце XIX вв. посвящены исследования В.В. Морозана (Морозан, 2007: 18-201).

Политике правительства в конце XIX – начале XX вв. в отношении сельской потребительской кооперации уделял внимание В.Г. Тюкавкин (Тюкавкин 1997: 189-192; Тюкавкин, 1993: 25-147). Сельскохозяйственная потребительская кооперация – сфера научных интересов Г.И. Шмелева, И.В. Захарова, А.В. Соболева (Шмелев, 2001: 18-165).

А.А. Куреньшев анализирует роль крестьянских комитетов в организации социальной помощи, а также Московского общества сельского хозяйства в общественно-политическом движении (Куреньшев, 2012: 112-410).

В.В. Чернуха рассматривал социально-экономическую деятельность сельскохозяйственных обществ в условиях послереформенных мероприятий России 1860-1870 гг. (Чернуха, 1991: 188-196; Чернуха, 1991: 188-196).

Н.Г. Королевой проведен источниковедческий и историографический анализ хозяйственно-экономической деятельности земств России в 1907–1914 гг. (Королева, 2011: 9-179).

Д. Брэдли, профессор университета г. Талсы (Оклахома, США), исследует широкий спектр институтов гражданского общества дореволюционной России: научных, экономических, сельскохозяйственных, технических и пр. Автор видит в их организации элементы, привнесенные из Европы. Спецификой деятельности институтов гражданского общества в России историк считает патриотизм, выражающийся в сочетании общественной инициативы и государственных интересов. Вместе с тем Брэдли рассматривает противоречия между общественными институтами и самодержавием (Брэдли, 2012: 31-289). М.В. Ватхен (Мичиганский университет, США) и С.В. Аллард (Вашингтонский университет, США) провели компаративистский анализ роли социального партнерства власти и негосударственных организаций России и США в историческом разрезе. Такое партнерство, по мнению исследователей, способствует формированию эффективного государства «всеобщего благосостояния», помогает преодолению бедности, социально-экономических проблем (Wathen, 2014: 7-28).

4. Результаты

Рассмотрение темы целесообразно начать с анализа институтов общественных финансов конца XIX – начала XX вв. За счет субсидий казны или Государственного банка, общественных пожертвований, частных вкладов формировали капитал кредитные товарищества в форме банкирского дома и банкирской конторы. Положение об учреждении мелкого кредита 1895 г. (Полное Собрание Законов, 1889: №11756) разрешало кредитным товариществам принимать денежные вклады, оформлять займы, выдавать ссуды сроком до 12 месяцев, оказывать посреднические услуги для приобретения средств производства. Банкирские конторы аналогичны ссудным кассам. Деятельность их регламентировалась Указом от 24.04.1879 «О порядке открытия и содержания ссудных касс» (Полное Собрание Законов, 1881: № 59548), Указом от 12.09.1889 «О банкирских заведениях» (Полное Собрание Законов, 1891: № 6137). Закон от 29.05.1895 предоставил Министерству финансов право запроса сведений об операциях банковских контор, запрета операций, ликвидации совершенных ими сделок (Витте, 2006: 94-97).

Общества взаимного кредита (ссудно-сберегательные товарищества) впервые в России стали учреждаться в 1860-х гг., а в Москве при МОСХ к 1871 г. был организован Комитет о сельских ссудно-сберегательных и промышленных товариществах. Согласно нормам Положения 1985 г. «Об учреждениях мелкого кредита» (Положение, 1900: 1-15) и утвержденному Министерством финансов в 1896 г. примерному уставу (Устав, 1898: 2-37) общества взаимного кредита предоставляли кредит сроком от года до пяти лет.

Промышленный подъем 1908–1914 гг. активизировал институт обществ взаимного кредита, выполнявших функции банков, обслуживающих потребительский кредит. Ведущими в этой сфере

были Московское городское (учреждено в 1862 г.), Купеческое (открыто в 1869 г.) и Земледельческое (начало операции в 1903 г.) общества взаимного кредита.

Ипотечное направление с долгосрочным кредитованием – сфера Крестьянского поземельного банка. Устав 1895 г. допускал ссуды до 90% продажной цены, но в среднем процент доплат составлял 25 % – 30 %. По недоимкам банк производил изъятие земель (Отчеты, 1884–1917: 10-249, Устав 1896: 2-55). В 1906 г. Крестьянский банк получил право приобретения земли независимо от размера уставного капитала. Рыночным крестьянским хозяйствам, а также выходящим на отруба и хутора банк предоставлял кредитные преференции.

Общественно-политический подъем на фоне Русской революции 1905–1907 гг. активизировали законодательную деятельность в сфере аграрного производства, урегулирования землепользования, землеустройства, оборота земли: Указ от 04.03.1906 о губернских и уездных землеустроительных комиссиях (Полное собрание законов, 1906: № 27478), Наказ этим комиссиям от 19.09.1906 (Полное собрание законов, 1906: № 28315), Закон от 14.06.1910 об изменении и дополнении «некоторых постановлений о крестьянском землевладении» (Россия. Законы и постановления, 1914: 97-172), Положение о землеустройстве от 29.05.1911 (Александровский, 1913: 17-21).

Все виды банковских операций, за исключением кредитования частных лиц, проводил учрежденный в 1912 г. МНБ (ЦИАМ, Ф.255. Д. 1. Л. 3-26). Предшественником МНБ был учрежденный в 1898 г. Комитет ссудно-сберегательных товариществ при МОСХ. К 1911 г. баланс капиталов кооперативов превысил 400 млн. руб. МНБ должен был стать регулятором денежных средств кооперации, институтов гражданского общества, инвестирующим избыточные капиталы потребителям, способным их освоить.

В 1912 г. акционерами МНБ стали 1600 кооперативов (84% акционеров). В его состав вошли 765 обществ (Вестник, 1913: 13). В 1912 г. МНБ обратился в Министерство финансов за разрешением вторичного выпуска акций на 1 млн. рублей, который был проведен в 1913 г. Акционерами МНБ в 1912 г. были востребованы более 43 % от общего объема открытых банком кредитов, в 1913 г. – более 71 %, в 1914 г. – более 72 %. При поддержке МНБ акционеры заключали контракты с Азовско-Донским, Волжско-Камским, Петроградским международными коммерческими, Русским для внешней торговли, Русско-Азиатским, Московско-Промышленным банками. МНБ принял активное участие в синдикате по реализации займа г. Москвы на 26 млн. руб. (Гриценко, 1916: 129-131; ЦИАМ. Ф. 255. Оп. 1. Д. 2833. Л. 4-107). Отделения МНБ были открыты в 27 городах России, а также филиалы – в Лондоне и в Нью-Йорке (Тюкавкин, 1993: 1).

Модернизацию аграрного производства финансировали и губернские земства. С 1911 по 1912 гг. в 40 губерниях Европейской России сумма таких целевых ассигнований возросла на 23,8 % – с 15 млн. до 17,9 руб. (Морачевский, 1914: 2, 3). Показательно целеполагание губернского земского финансирования сельскохозяйственных мероприятий в таблице, рассчитанной авторами (Морачевский, 1914: 13-16).

Таблица 1. Динамика земских ассигнований по объектам назначения в 1912 г. по 34 губерниям Европейской России

Объект назначения	Сумма ассигнований, рублей	% к общей сумме земских ассигнований на сельхоз. мероприятия	% затрат по отношению к 1911 г.
Распространение сельскохозяйственных знаний, содержание школ	1507,5	11,5	11,1
Содержание агрономов и специалистов	2317	17,7	24,8
Улучшение естественных условий хозяйствования	406,7	3,1	36,6
Организация и содержание опытных станций, полей, ферм, устройство сельскохозяйственных выставок	1680,7	12,9	6
Улучшение техники земледелия (внедрение травосеяния, улучшение посевного материала, распространение минеральных удобрений. Организация сельскохозяйственных складов	1735,3	13,3	6
Улучшение пород животных	1305,1	10	35
Развитие подсобных промыслов, устройство ремесленных мастерских	2571,6	19,6	12,7

Очевидно стремление губернских земств к стимулированию неземледельческих видов деятельности для малоземельных крестьянских хозяйств, к интенсификации средних и крупных хозяйств.

В реализации программ и мероприятий губернские земства опирались на поддержку районных и областных сельскохозяйственных обществ (далее – СХО). В марте 1906 г. вступил в силу законодательный акт об общественных объединениях – Временные правила об обществах и союзах, который впервые ввел в правовой оборот Российской империи категорию «общество» и его дефиницию, упорядочил движение «низовых» СХО ([Памятники, 2015: 307-308](#)).

По данным Главного управления земледелия и землеустройства весной 1911 г. функционировало 3103 СХО: из них на территории Европейской России (50 губерний) – 77 %, на территории Сибири – 2,4 %, Кавказа – 1,7 %, в привислинских губерниях – 7,6 %. К 1 сентября 1912 г. в России действовало уже 3743 СХО. Приоритетными для СХО были рыночно ориентированные направления. В 1516 СХО, предоставивших сведения Департаменту земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ, из 99166 членов по сословной принадлежности составляли 73,2 % крестьяне. 86 % членов были грамотными ([Вестник сельского хозяйства, 1913: № 5: 13](#)). Статус общероссийских получили Вольное экономическое общество, Всероссийская сельскохозяйственная палата, МОСХ ([Справочные сведения, 1916: 37](#)).

Департаментом земледелия, губернским земством финансировались коллективные опыты по садоводству и огородничеству, организация племенных ферм, сельскохозяйственных складов, хранилищ, библиотек, опытных полей, метеорологических станций, зерноочистительных, прокатных пунктов, пчеловодческих участков, потребительских лавок ([Справочные сведения, 1916: 34-46](#)). Из 10554 потребительских обществ, сложившихся в 1900–1913 гг., 9103 были сельскими ([Тюкавкин, 1997: 189-192](#)). К началу 1914 г. насчитывалось более 31000 кооперативов. Крестьянские кооперативы Западной Сибири, Вологодской, Костромской, Тверской, Ярославской губерний конкурировали с предпринимательскими объединениями.

В начале 1900-х гг. МОСХ предлагало крестьянским хозяйствам взаимодействовать с уездными учреждениями по улучшению аграрного производства, а также с уполномоченными Министерства земледелия, СХО ([Журнал заседаний ИМОСХ, 1903: 11-13](#)). Систематически обсуждалась тема кредитоспособности крестьянских хозяйств ([Журнал заседаний ИМОСХ, 1900: 20-21](#)).

МОСХ инициировало создание института общественной агрономии. Решением I агрономического съезда была принята резолюция о «мелкой земской единице» – всесословном органе, соединяющем губернские земские управы, МОСХ, министерства, СХО ([Съезд деятелей агрономической помощи, 1901: 10-37](#)). В постановлении съезда говорилось, что кооперация – лучший способ совершенствования агрикультуры хозяйств ([Материалы первого съезда агрономической помощи, 1901: 13](#)). По поручению съезда МОСХ разработало «Положения о периодических съездах деятелей агрономической помощи населению», утвержденные 27.03.1902 г. министром земледелия А.С. Ермоловым и согласованные с Министерством внутренних дел ([ЦИАМ, Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2424. Л. 5-34](#)).

В 1911 г. секретарь сельскохозяйственной комиссии Государственной Думы Н.Л. Скалозуб предложил проект объединения вокруг МОСХ сельских обществ, агрономических организаций ([ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 3. Д. 144. Л. 115](#)). МОСХ принимало участие в развитии сибирского крестьянского кооперативного маслоделия: закупало специальное оборудование, решало вопросы кредитования, сбыта, др. ([ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2435. Л. 84-97](#)). Экономический совет МОСХ проводил анкетирование сельских обществ и крестьянских хозяйств для разработки плана землеустроительных агрономических работ, программы кредитования, др. ([ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 1. Т. 2. Д. 2146. Л. 1-12](#)). Примером сочетания коммерческих и общественных интересов в деятельности МОСХ может служить деятельность самоокупаемой и приносящей прибыль Экспериментальной станции по холодильному делу ([Вестник, 1913, № 6: 15](#)).

Широкий товарный оборот средств и предметов производства для сельского хозяйства осуществлял МНБ. В годы Первой мировой войны продолжался рост товарооборота: в 1914 г. составил 1,2 млн. руб., в 1915 г. – 2,8 млн. руб., в 1916 г. – 15,4 млн. руб. В 1916 г. в товарообороте МНБ на долю предметов сельскохозяйственного производства приходилось 11,9 млн. руб. В 1916 г. прошел третий выпуск акций МНБ в объеме 2 млн. руб., а в 1917 г. четвертый – 6 млн. руб. ([Московский народный банк, 1917: 2, 3](#)).

На фоне деструктивных процессов в промышленности России росли вклады в кредитные учреждения, наблюдался перелив капиталов в деревню. Ежемесячный прирост вкладов и текущих счетов в МНБ за 1915 г. составил – 592708 руб., за 1916 г. – 1 859 323 руб. С 1915 г. нарастала инфляция: в 2013 г. номинально и реально в обращении находилось 2 млрд. руб.; в 2014 г. номинально и реально – 2,5 млрд. руб.; в 2015 г. – 4,5 млрд. руб. номинально и 3,5 млрд. руб. реально; в 2016 г. – 7,5 млрд. руб. номинально и 3,7 млрд. руб. реально.

Основной спрос на деньги предъявляла потребительская кооперация, включившаяся в мероприятия по урегулированию продовольственного кризиса ([Московский народный банк, 1917: 2-8](#)). К 1 января 1915 г. на счету кредитной кооперации и земских касс числилось 915 млн. золотых

руб., из которых 13 % – правительственные ассигнования, 19 % – собственные средства, 68 % – вклады населения (Петриков, 2001: 58). К концу 1916 г. в России насчитывалось более 270 земских касс мелкого кредита, на долю которых приходилось 23,7 млн. руб. краткосрочного кредита (Вестник мелкого кредита, 1916, № 20: 5; № 26: 1080-1082). В третьем выпуске акций МНБ 65 % акционеров составили союзы кредитной и потребительской кооперации. Однако росла задолженность потребительской и производственной кооперации по учетно-ссудным операциям. Так, на 1 января 1916 г. ее задолженность составила 4,9 млн. руб., на 1 января 1917 г. – 30 млн. руб. МНБ работал с прибылью: его общий оборот за 1915 г. – 243,2 млн. руб., в 1916 г. – 1,9 млрд. руб. (МНБ, 1917: 2-8).

Летом 1916 г. Министерство финансов разработало проект Банка сельскохозяйственного кредита для обеспечения финансовой вертикали: правительство – губернское земство – кооперация – крестьянские хозяйства. Проект коррелируется с инициативой Всероссийского земского союза проведения закупочных операций земскими кредитными учреждениями (ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 11. Д. 94. Л. 2). Съезд деятелей по земскому кредиту, прошедший осенью 1917 г. в Москве, предложил организовать земские банки для кредитования местных органов управления, товариществ, обществ, торговых посреднических операций.

Министерство земледелия предложило МОСХ делегировать группу эмиссаров в Общероссийский продовольственный комитет для контроля за проведением реквизиций (ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 3. Д. 144. Л. 5, 32). В апреле 1917 г. Департамент земледелия поручил МОСХ внести изменения в Устав сельскохозяйственных обществ в целях укрупнения их путем объединения в губернские союзы и Всероссийский союз (ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 3. Д. 144. Л. 32). Департамент земледелия, Отдел сельского строительства Министерства земледелия обращались к МОСХ с просьбой организовать мобилизационные экономические мероприятия (ЦИАМ. Ф. 419. Оп. 7. Д. 34. Л. 2-50).

Симптоматично, что в октябре 1916 г. Московское совещание председателей губернских земских управ по продовольственному вопросу инициировало участие своих представителей в Особом совещании по продовольственному вопросу. В результате было создано Продовольственное отделение при Экономическом отделе под руководством А.В. Чаянова. Для выполнения функций продовольственного обеспечения страны предлагалось учредить общественное Министерство снабжения (РГАЭ: Ф. 766. Оп. 1. Д. 144, Л. 1-8).

5. Заключение

В начале XX в. МОСХ аккумулировало значимые институты гражданского общества России: Всероссийскую сельскохозяйственную и промышленную выставку, Сельскохозяйственную выставку и съезд сельских хозяев, Съезд агрономической помощи населению, Комитет ссудно-сберегательных товариществ. В недрах МОСХ сложилось общественно-агрономическое течение, внесшее значительный вклад в реформирование аграрного производства и в решение социально-экономических проблем крестьянства.

Новую эру в кредитной кооперации, в финансировании учреждений мелкого кредита открыл МНБ. Влияние Первой мировой войны на деятельность кредитных товариществ сказалось в сокращении ссудных операций. Неполная востребованность товариществами открытых им кредитов послужила одной из причин перехода МНБ от кредитно-ссудных операций к коммерческим.

МОСХ, МНБ – уникальные институты гражданского общества России. С момента основания в 1821 году до конца 1880-х годов МОСХ являлось структурной единицей Департамента сельского хозяйства, а позднее – Департамента земледелия. Демократизация МОСХ и МНБ – процесс, обусловленный социально-экономическими и политическими трансформациями России. В начале XX в. эти организации стали оппозиционными общественно-политическими центрами республиканско-демократического направления.

Развитие широкой сети сельскохозяйственной кооперации, СХО, кредитных институтов общественных финансов явилось важным фактором развития агропромышленного комплекса и его инфраструктуры, решения социально-экономических проблем крестьянского хозяйства. В годы Первой мировой войны институты гражданского общества были легитимно структурированы в центральные органы власти и управления, взяв на себя решение сложных народнохозяйственных и социальных вопросов.

Земско-кооперативные и общественные деятели этого исторического времени, в их числе и ученые-аграрники МОСХ, Лиги аграрных реформ, других общественных институтов разработали концепт реформирования России. В основе этого концепта – идея передачи общественным организациям функции распределения государственных кредитов, заказов; компенсации реквизируемых в нуждах государства хлебных запасов и продовольственных денежных отчислений. Последовательно функции государственного управления должны были, по замыслу реформаторов, перейти к институтам гражданского общества. Но история, как известно, не имеет сослагательного наклонения. Исторический процесс стремительно шел по пути Великой российской революции 1917 года.

Литература

- Аврех, 1985** – Аврех А.Я. Распад третьеступенчатой системы. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Александровский, 1913** – Александровский Ю.В. Положение о землеустройстве. Законодательные мотивы. Постатейные объяснения. Циркулярные распоряжения Главного управления землеустройства и земледелия, Министерств внутренних дел и юстиции. СПб.: Товарищество по изданию новых законов, 1913. 280 с.
- Анфимов, 1980** – Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1861–1904. М.: Наука, 1980, 232 с.
- Анцыферов, 1917** – Анцыферов А.Н. Московский народный банк. М., 1917. 22 с.
- Аэробоэ, 1912** – Аэробоэ Ф. Основы сельскохозяйственной экономики. СПб.: А. Ф. Девриен, 1912. 208 с.
- Брэдли, 2012** – Брэдли Д. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М.: Новый хронограф, 2012. 447 с.
- Букшпан, 1929** – Букипан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.-Л.: Государственное издательство, 1929. 541 с.
- Вестник мелкого кредита, 1916** – Вестник мелкого кредита, 1916. № 20. С. 5; № 26. С. 1080-1082; № 27. С. 1112-1114.
- Вестник, 1913** – Вестник сельского хозяйства, 1913. № 5. С. 13; № 6. С. 14-15.
- Витте, 2006** – Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов: в 5 т. М.: Наука, 2002–2007. Денежная реформа, кредит и банковская система России. М.: Наука, 2006. Т. 3. Кн. 1. 598 с.
- Галас, 2007** – Галас М.Л. Судьба и творчество русских экономистов-аграрников и общественно-политических деятелей А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова. Монография. М.: ВГНА, 2007. 241 с.
- Гриневецкий, 1922** – Гриневецкий В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М.: Центросоюз, 1922. 103 с.
- Гриценко, 1916** – Гриценко И. Уставные и договорные объединения кооперативов в начале 1916 г. // Вестник кооперативных союзов. 1916. № 3. С. 129-131.
- Довженко, 1975** – Довженко И.Т. Сельскохозяйственные общества дореволюционной России: их особенности и различия // Историческая география России. XII–XX вв. М.: Наука, 1975. 346 с.
- Думова, 1988** – Думова Н.Г. Кадетская партия в период мировой войны и Февральской революции (1914–1917). М.: Наука, 1988. 244 с.
- Журнал заседаний ИМОСХ, 1900** – Журнал заседаний ИМОСХ 3 марта 1900 г. // Вестник сельского хозяйства. 1900. № 16. С. 20-21.
- Журнал заседаний ИМОСХ, 1903** – Журнал заседаний ИМОСХ. Декабрь 1902 г. // Вестник сельского хозяйства. 1903, № 43. С. 11-13.
- Загряцкий, 1915** – Загряцкий М.Д. Всероссийский земский союз (общие принципы организации и юридическая природа). Пг.: Земское дело, 1915. 99 с.
- Иванова, 2015** – Иванова Р.М. История российского предпринимательства. М.: НИЯУ МИФИ, 2015. 304 с.
- Ислимский, 1917** – Ислимский Д.И. Сибирская кредитная кооперация и Московский народный банк. Совет Всероссийских кооперативных съездов. М.: Б.и., 1917. 59 с.
- Королева, 2011** – Королева Н.Г. Хозяйственно-экономическая деятельность земств в период модернизации российской деревни (1907–1914). М.: РОССПЭН, 2011. 214 с.
- Корелин, 1988** – Корелин В.В. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – н. XX вв. М.: Наука, 1988. 259 с.
- Кротов, 2010** – Кротов Н.И. Очерки истории Банка России: региональные конторы и управления. М.: Международные отношения, 2010. 663 с.
- Куреньшев, 2012** – Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная столица России: очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929 гг.) М.: АИРО-XXI, 2012. 403 с.
- Лушникова, 2010** – Лушникова М.В. Наука финансового права на службе государству: российские государственные деятели и развитие науки финансового права. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2010. 494 с.
- Людоговский, 1875** – Людоговский А.П. Основы сельскохозяйственной экономики. СПб.: А.Ф. Девриен, 1875. 488 с.
- Маниковский, 1930** – Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. М.: Государственное издательство, 1930. Т. 1. 375 с.
- Материалы первого съезда агрономической помощи, 1901** – Материалы первого съезда агрономической помощи населению // Вестник сельского хозяйства. 1901. № 8. С. 10-13.
- Морачевский, 1914** – Морачевский В.В. Агрономическая помощь в России. Пг.: Департамент земледелия, 1914. 653 с.
- Морозан, 2007** – Морозан В.В. История сберегательных касс в императорской России. СПб.: Соларт, 2007. 251 с.

МНБ, 1917 – Московский народный банк, 1916 г.: доклад совета, правления и ревизионной комиссии к 6-ому общему собранию акционеров и приходно-расходная смета на 1917 г. М.: Типография рижского Центра сельского хозяйства, 1917. 22 с.

Отчеты, 1884–1917 – Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1916 г. СПб.; Пг.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1884–1917. 349 с.

Памятники, 2015 – Памятники российского права / Под общ. ред. А.С. Тумановой, Р.С. Хачатурова. В 35 томах. М.: Юрлитинформ, 2013–2017. Конституционная реформа в России начала XX века. Т. 19. М. Юрлитинформ, 2015. 534 с.

Петриков, 2001 – Петриков А.В., Галас М.Л. Сельское хозяйство России в XX в. // *Россия в окружающем мире. Аналитический журнал*. 2001. С. 52-79.

Погребинский, 1941 – Погребинский А.П. К истории союзов земств и городов в годы империалистической войны // *Исторические записки*. 1941. № 2. С. 39-60.

Полное Собрание Законов, 1881 – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. Т. LIV. Отд. 1-е. СПб.: Государственная типография, 1881. 503 с.

Полное Собрание Законов, 1891 – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание третье. Том IX. Отделение второе. СПб.: Государственная типография, 1891. 1442 с.

Полное собрание законов, 1899 – Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание третье. Т. XV. Дополнения. СПб.: Государственная типография, 1899. 1368 с.

Полное собрание законов, 1906 – Полное Собрание Законов Российской империи. Собрание третье. Т. XVI. Отделение 1. СПб.: Государственная типография, 1906. 1180 с.

Положение, 1900 – Положение 1-го июня 1895 года об учреждениях мелкого кредита и Устав (примерный) кредитного товарищества: утверждено 1 июня 1895 г. СПб.: типография Р. Голике, 1900. 30 с.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Россия. Законы и постановления, 1914 – Россия. Законы и постановления. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. М.: Типография торгового дома «Мысль», 1914. 172 с.

Справочные сведения – Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 г. Пг.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1916. 230 с.

Старцев 1977 – Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л.: Наука, 1977. 270 с.

Судацков, 2005 – Судацков Н.Д. Земство в годы Первой мировой войны // Земское самоуправление в России, 1864–1918. В 2 кн. СПб.: Наука, 2005. Кн. 2: 1905–1918. 372 с.

Съезд деятелей агрономической помощи, 1901 – Съезд деятелей агрономической помощи местному хозяйству (1901, Москва). Труды Съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству (10–19 февр. 1901 г.). Ч. 1. М.: Б.и., 1901. 781 с.

Труды съезда деятелей, 1911 – Труды съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 февраля 1911 года. Т. 3. М.: Типография «Печатное дело», 1911. 225 с.

Туманова, 2014 – Туманова А.С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М.: Российская политическая энциклопедия, 2014. 327 с.

Тюкавкин, 1997 – Тюкавкин В.Г., Болотова Е.Ю. Отношение царского правительства к сельской потребкооперации в конце XIX – н. XX вв. / *Сборник материалов II конференции лингвистов, литературоведов, фольклористов*. Ч. II. М.: МПГУ, 1997. 230 с.

Тюкавкин, 1993 – Тюкавкин В.Г., Чеховская Н.Н. Большевистское правительство и кооперативный банк // *Власть и общественные организации в России в первой трети XX в.* М.: МПГУ, 1993. 159 с.

Шевырин, 2003 – Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914–1917). М.: ИНИОН РАН, 2003. 152 с.

Щербатов, 1903 – Щербатов А.Г. О сельскохозяйственном значении крупных землевладений и правильной постановке сельского хозяйства в больших имениях // *Вестник сельского хозяйства*. 1903, № 43. С. 12-14.

Щербатов, 1903 – Щербатов А.Г. Способы увеличить производительность сельского хозяйства. М.: Комиссия по устройству общеобразовательных чтений для фабрично-заводских рабочих г. Москвы, 1905. 22 с.

Шмелев, 2001 – Шмелев, Захаров И.В., Соболев А.В. Сельскохозяйственные потребительские кооперативы в России. М.: Маркетинг, 2001. 193 с.

Устав, 1896 – Устав Крестьянского поземельного банка. СПб. Юридической книги магазин. Н.К. Мартынова, 1896. 56 с.

Устав, 1898 – Устав Конотопского ссудо-сберегательного товарищества: изд. 16-е, выработанное согласно образцового устава ссудо-сберегательных товариществ, утвержденного Министром финансов 13 апреля 1896 г. Конотоп: типография Левина. 1898. 40 с.

Фортунатов, 1912 – Фортунатов А.Ф. Об изучении кооперации. М.: Типография литературного товарищества И.Н. Кушнерев и К°, 1912. 51 с.

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы.

Чаянов, 1911 – Чаянов А.В. Выступление по докладу С.А. Первушина // Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21 февраля 1911 г. М.: Б.и., 1911. 31 с.

Челинцев, 1908 – Челинцев А.Н. Очерки сельскохозяйственной экономики // Сельское хозяйство и лесоводство. Сентябрь 1908. С. 758-778.

Чернуха, 1991 – Чернуха В.В. Сельскохозяйственные общества в России в 60–70 гг. XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. СПб.: Наука, 1991. 306 с.

Чупров, 1909 – Чупров А.И. Крестьянский вопрос: статьи 1900–1908 гг. М.: М. и С. Сабашниковы, 1909. 339 с.

References

Aeroboe, 1912 – Aeroboe F. (1912). Osnovy selskokhozyaystvennoy ekonomii [Bases of agricultural economy]. SPb: A.F. Devriyen. [in Russian]

Aleksandrovskiy, 1913 – Aleksandrovskiy Yu.V. (1913). Polozheniye o zemleustroytve. Postateynnye obyasneniya. Tsirkulyarnnye rasporyazheniya Glavnogo upravleniya zemleustroytva i zemledeliya. Ministerstv vnutrennikh del i yustitsii. [Regulations on land. legislative motives. Itemized explanation. Circular order of the main Department on land management and agriculture, ministries of the Interior and of Justice]. SPb.: Tovarishchestvo po izdaniyu novykh zakonov. [in Russian]

Allard, 2014 – Allard S.W., Wathen M.V. (2014). Local nonprofit welfare provision: the united states and Russian. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. № 5, pp. 7-28.

Anfimov, 1980 – Anfimov A.M. (1980). Krest'yanskoe hozyajstvo Evropejskoj Ros-sii. 1861-1904. [Farming of European Russia]. М.: Nauka. [in Russian]

Avrekh, 1985 – Avrekh A.Ya. (1985). Raspad tret'eiyun'skoj sistemy [The disintegration of the tretejunskoj system]. М.: Nauka. [in Russian]

Bredli, 2012 – Bredli D. (2012). Obshchestvennye organizacii v carskoj Rossii: nauka, patriotizm i grazhdanskoe obshchestvo. [Public organizations in tsarist Russia: science, patriotism and civil society]. М.: Novyj hronograf. [in Russian]

Bukshpan – Bukshpan Ya.M. Voенно-hozyajstvennaya politika [Military-economic policy]. М. L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. [in Russian]

Chayanov, 1911 – Chayanov A.V. (1911). Vystuplenie po dokladu S.A. Pervushina [Statement on the report S.A. Pyarvushyna]. *Trudy Moskovskogo oblastnogo s'ezda deyatelej agronomicheskoy pomoshchi naseleniyu 21 fevralya 1911 g.* [in Russian]

Chelincev, 1908 – Chelincev A.N. (1908). Oчерки sel'skohozyajstvennoj ehkonomii [Essays on the agricultural economy]. *Sel'skoe hozyajstvo i lesovodstvo*. Sentyabr', pp. 758-778. [in Russian]

Chernuha, 1991 – Chernuha V.V. (1991). Sel'skohozyajstvennye obshchestva v Rossii v 60-70 gg. XIX v. [Agricultural society in Russia in 60-70 gg.]. *Problemy social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii*. SPb. Nauka. [in Russian]

Chuprov, 1909 – Chuprov A.I. (1909). Krest'yanskij vopros: stat'i 1900-1908 gg. [The peasant question: article 1900-1908 gg.]. М.: М. и С. Sabashnikovy. [in Russian]

Dovzhenko, 1975 – Dovzhenko I.T. (1975). Sel'skohozyajstvennye obshchestva dorevo-lyucionnoj Rossii: ih osobennosti i razlichiya [Agricultural society dorevoljucionnoj Russia: their features and differences]. *Istoricheskaya geografiya Rossii. XIX-XX vv.* М.: Nauka. [in Russian]

Dumova, 1988 – Dumova N.G. (1988). Kadetskaya partiya v period mirovoj vojny i Fevral'skoj revolyucii (1914-1917) [The Cadet party during World War II and the February revolution (1914-1917)]. М.: Nauka. [in Russian]

Fortunatov, 1912 – Fortunatov A.F. (1912). Ob izuchenii kooperacii. [On the study of cooperation]. М.: tipografiya literaturnogo tovarishchestva I.N. Kushnerev i K°. [in Russian]

Galas, 2007 – Galas M.L. (2007). Sudba i tvorchestvo russkikh ekonomistov-agrarnikov i obshchestvenno-politicheskikh deyateley A.N. Chelintseva i N.P. Makarova. Monografiya [Fate and creation of Russian agricultural economists and political figures A.N. Chelinceva and N.P. Makarova]. М.: VGNA. [in Russian]

Gricenko, 1916 – Gricenko I. (1916). Ustavnye i dogovornye ob"edineniya kooperativov v nachale 1916 g. [Statutory and contractual association of cooperatives in early 1916]. *Vestnik kooperativnyh soyuzov*. № 3, pp. 129-131. [in Russian]

Grineveckij, 1922 – Grineveckij V.I. (1922). Poslevoennye perspektivy russkoj promyshlennosti. [Postwar prospects for russian industry]. М.: Centrosoyuz. [in Russian]

Islimskij, 1917 – Islimskij D.I. (1917). Sibirskaya kreditnaya kooperaciya i Moskovskij narodnyj bank. Sovet Vserossijskikh kooperativnyh s'ezdov [Siberian credit cooperation and Moscow Public Bank]. М. [in Russian]

Ivanova, 2015 – Ivanova R.M. (2015), Istoriya rossijskogo predprinimatel'stva [History of Russian entrepreneurship]. М.: NIYAU MIFI. [in Russian]

Korelin, 1988 – Korelin V.V. (1988). Sel'skohozyajstvennyj kredit v Rossii v konce XIX – n. XX vv. [Agricultural credit in Russia at the end of XIX-beg. of XX centuries]. М. Nauka. [in Russian]

Koroleva, 2011 – *Koroleva N.G.* (2011). Hozyajstvenno-ehkonomicheskaya deyatelnost' zemstv v period modernizatsii rossijskoj derevni (1907-1914) [National economic activity country council in the period of modernization of the Russian village (1907-1914)]. M.: ROSSPEHN. [in Russian]

Krotov, 2010 – *Krotov N.I.* (2010). Ocherki istorii Banka Rossii: regional'nye kontory i upravleniya. [Essays on the history of the Bank of Russia: regional offices and management]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. [in Russian]

Kurenyshev, 2012 – *Kurenyshev A.A.* (2012). Sel'skohozyajstvennaya stolica Rossii: ocherki istorii Moskovskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva (1818-1929 gg.) [Agricultural capital of Russia: Essays on the history of the Moscow society of agriculture (1818-1929)]. M.: AIRO-XXI. [in Russian]

Lushnikova, 2010 – *Lushnikova M.V.* (2010). Nauka finansovogo prava na sluzhbe gosudarstvu: rossijskie gosudarstvennye deyateli i razvitiye nauki finansovogo prava [The science of finance law at the service of the State: Russian political leaders and science financial law]. Yaroslavl': Yaroslavskij gosudarstvennyj universitet im. P.G. Demidova. [in Russian]

Lyudogovskiy. 1875 – *Lyudogovskiy A.P.* (1875). Osnovy selskokhozyaystvennoy ekonomii [Bases of agricultural economy]. SPb: A.F. Devriyen. [in Russian]

Manikovskij, 1930 – *Manikovskij A.A.* (1930). Boevoe snabzhenie russkoj armii v mirovuyu vojnu 1914-1918 gg. [Military supply of the Russian army in World war I 1914-1918]. M.L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. T. 1. [in Russian]

Materialy pervogo s"ezda agronomicheskoy pomoshchi, 1901 – Materialy pervogo s"ezda agronomicheskoy pomoshchi naseleniyu [Proceedings of the first Congress of agronomic assistance to populations]. *Vestnik sel'skogo hozyajstva*. № 8. pp. 10-13. [in Russian]

MNB, 1917 – Moskovskij narodnyj bank, 1916 g.: doklad soveta, pravleniya i revizionnoj komissii k 6-omu obshchemu sobraniyu akcionerov i prihodo-raskhodnaya smeta na 1917 g. [Moscow Demotic Bank, 1916: the report of the board, the board and the auditing commission to 6-th general meeting of shareholders and income-expenditure estimates for the 1917]. M.: tipografiya Rizhskogo Centra sel'skogo hozyajstva. [in Russian]

Morachevskij, 1914 – *Morachevskij V.V.* (1914). Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii [Agronomical aid in Russia]. Pg.: Departament zemledeliya. [in Russian]

Morozan, 2007 – *Morozan V.V.* (2007). Istoriya sberegatel'nyh kass v imperatorskoj Rossii [History of savings banks in Imperial Russia]. SPb: Solart. [in Russian]

Otchety, 1884-1917 – Otchety Krestianskogo pozemel'nogo banka za 1883-1916 g. [Reports of peasant property Bank for 1883-1916]. SPb. Pg.: tovarishchestvo «Pechatnya S.P. Yakovleva». [in Russian]

Pamyatniki. 2015 – Pamyatniki rossijskogo prava. Pod obshch. red. A. S. Tumanovoy, R.S. Khachaturova, v 35 tomakh M.: Yurlitinform, 2013-2017 gg. Konstitucionnaya reforma v Rossii nachala XX veka [Monuments of Russian law. Constitutional reform in Russia in the early 20th century]. T. 19. M.: Yurlitinform. [in Russian]

Petrikov, 2001 – *Petrikov A.V., Galas M.L.* (2001). Sel'skoe hozyajstvo Rossii v XX v. [Agriculture in Russia in XX century]. *Rossiya v okruzhayushchem mire. Analiticheskij zhurnal*. pp. 52-79. [in Russian]

Pogrebinskij, 1941 – *Pogrebinskij A.P.* (1941). K istorii soyuzov zemstv i gorodov v gody imperialisticheskoy vojny [The history of the unions of country council and childbirth in the years of imperialist war]. *Istoricheskie zapiski*. № 2, pp. 39-60. [in Russian]

Polnoye Sobraniye Zakonov, 1889 – Polnoye Sobraniye Zakonov Rossijskoy Imperii: Sobraniye tret'ye. Tom XV. Dopolneniya [The complete collection of laws of the Russian Empire]. Spb.: State Printing Office. [in Russian]

Polnoye Sobraniye Zakonov. 1881 – Polnoye Sobraniye Zakonov Rossijskoy Imperii: Sobraniye tret'ye. Tom LIV. 1881. Otdeleniye 1 [The complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: State Printing Office. [in Russian]

Polnoye Sobraniye Zakonov, 1891 – Polnoye Sobraniye Zakonov Rossijskoy Imperii: Sobraniye tret'ye. Tom IX. 1889. Otdeleniye 2 [The complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: State Printing Office. [in Russian]

Polnoye Sobraniye Zakonov, 1906 – Polnoye Sobraniye Zakonov Rossijskoy imperii. T. 26. Otdeleniye 1. [The complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [in Russian]

Polnoye Sobraniye Zakonov, 1906 – Polnoye Sobraniye Zakonov Rossijskoy imperii. T. 26. Otdeleniye 2 [The complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya. [in Russian]

Polozheniye, 1900 – Polozheniye 1-go iyunya 1895 goda ob uchrezhdeniyakh melkago kredita i Ustav (primernyy) kreditnago tovarishchestva: utv. 1 iyunya 1895 g. [Position 1 of June 1895, the potty Charter and loan institutions (approximate) credit company]. SPb.: tip. R. Golike. [in Russian]

RGAE – Rossijskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki [Russian State archive of economy].

Rossiya. Zakony i postanovleniya, 1914 – Rossiya. Zakony i postanovleniya. Zakon 14 iyunya 1910 g. ob izmenenii i dopolnenii nekotorykh postanovleniy o krestianskom zemlevladienii. [Russia. Laws and regulations. June 14, 1910 law amending and supplementing certain regulations on peasant land]. M.: tipografiya torgovogo doma «Mysl». [in Russian]

S'ezd deyatelej agronomicheskoy pomoshchi, 1901 – S'ezd deyatelej agronomicheskoy pomoshchi mestnomu hozyajstvu (1901, Moskva) [The congress of leaders of agronomic assistance to local economy (1901, Moscow)]. *Trudy S'ezda deyatelej agronomicheskoy pomoshchi mestnomu hozyajstvu. (10-19 fevr., 1901 g.)*. P. 1. M. [in Russian]

Shcherbatov, 1903 – *Shcherbatov A.G.* (1903). O sel'skohozyajstvennom znachenii krupnyh zemlevladij i pravil'noj postanovki sel'skogo hozyajstva v bol'shix imeniyah [On the agricultural importance of large landholdings and posing large agricultural estates]. *Vestnik sel'skogo hozyajstva*. № 43, pp. 12-14. [in Russian]

Shcherbatov, 1903 – *Shcherbatov A.G.* (1903). Sposoby uvelichit' proizvoditel'nost' sel'skogo hozyajstva [Ways to increase agricultural productivity]. M.: Komissiya po ustrojstvu obshcheobrazovatel'nyh chtenij dlya fabrichno-zavodskih rabochih g. Moskv. [in Russian]

Shevyrin, 2003 – *Shevyrin V.M.* (2003). Vlast' i obshchestvennye organizacii v Rossii (1914-1917). [Authorities and public institutions in Russia (1914-1917)]. M.: INION RAN. [in Russian]

Shmelev, 2001 – *Shmelev I.V. Zaharov, Sobolev A.V.* (2001). Sel'skohozyajstvennye potrebitel'skie kooperativy v Rossii [Agricultural consumer cooperatives in Russia]. M.: Marketing. [in Russian]

Spravochnye svedeniya – Spravochnye svedeniya o sel'skohozyajstvennyh obshchestvah po dannym na 1915 g. [Reference information about agricultural societies according to the 1915]. Pg.: tipografiya V.F. Kirshbauma. [in Russian]

Starcev 1977 – *Starcev V.I.* (1977). Russkaya burzhuaziya i samodержavie v 1905-1917 gg. [The Russian bourgeoisie and autocracy in 1905-1917 gg.]. L.: Nauka. [in Russian]

Trudy s'ezda deyatelej, 1911 – Trudy s'ezda deyatelej agronomicheskoy pomoshchi naseleniyu 21-28 fevralya 1911 goda. [Proceedings of the Congress leader's agronomic assistance to populations 21-28 February 1911 year]. T.3. M.: Tipografiya «Pechatnoe delo». [in Russian]

TsIAM – Tsentralnyy istoricheskij arkhiv Moskv [Central historical archives in Moscow]. [in Russian]

Tumanova, 2014 – *Tumanova A.C.* (2014). Obshchestvennye organizacii Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 g.). [Public organizations of Russia during the First World war (1914 – February 1917)]. M.: Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya. [in Russian]

Tyukavkin, 1993 – *Tyukavkin V.G., Chekhovskaya N.N.* (1993). Bol'shevistskoe pravitel'stvo i kooperativnyj bank. [The Bolshevik government and cooperative bank]. *Vlast' i obshchestvennye organizacii v Rossii v pervoj treti XIX v.* M.: MPGU. [in Russian]

Tyukavkin, 1997 – *Tyukavkin V.G., Bolotova E.Yu.* (1997). Otnoshenie carskogo pravitel'stva k sel'skoj potrebnkooperacii v konce X1X – n. XX v. [The Imperial Government's attitude to the rural consumer cooperatives at the end of X1X – in. XX c.]. *Sbornik materialov II konferencii lingvistov, literaturovedov, fol'kloristov*. P. II. M. MPGU. [in Russian]

Ustav, 1896 – Ustav Krestianskogo pozemel'nogo banka [Charter of the peasant Bank property]. SPb.: Yuridicheskoy knigi magazin N.K. Martynova. [in Russian]

Ustav, 1898 – Ustav Konotopskago ssudo-sberegatel'nogo tovarishchestva: izd. 16-e, vyrabotannoye soglasno obraztsovogo ustava ssudo-sberegatel'nykh tovarishchestv, utverzhden'nogo Ministrom finansov 13 aprelya 1896 g. [Charter Konotopskago savings and savings partnership]. Konotop: tipografiya Levina. [in Russian]

Vestnik melkogo kredita, 1916 – Vestnik melkogo kredita [Reporter small loan]. № 20, p.5; № 26, pp. 1080-1082; № 27, pp. 1112-1114. [in Russian]

Vestnik, 1913 – Vestnik sel'skogo hozyajstva [Reporter agricultural industry]. 1913. № 5, p.13; № 6, pp. 14-15. [in Russian]

Vitte, 2006 – *Vitte S.Yu.* (2006). Sobraniye sochineniy i dokumental'nykh materialov: v 5 t. M.: Nauka, 2002-2007. Denezhnaya reforma. kredit i bankovskaya sistema Rossii. [Works and documentaries. Currency reform, credit and banking system of Russia]. T.3, kn.1. M.: Nauka. [in Russian]

Zagryackij, 1915 – *Zagryackij M.D.* (1915). Vserossijskij zemskij soyuz (obshchie principy organizacii i yuridicheskaya priroda) [General principles of organization and legal nature]. Pg.: Zemskoe delo. [in Russian]

Zhurnal zasedanij IMOSKH, 1900 – Zhurnal zasedanij IMOSKH 3 marta 1900 g. [IMOSH meetings magazine. March 3, 1900]. *Vestnik sel'skogo hozyajstva*. №16, pp. 20-21. [in Russian]

Zhurnal zasedanij IMOSKH, 1903 – Zhurnal zasedanij IMOSKH. Dekabr' 1902 g. [IMOSH meetings magazine. December 1902]. *Vestnik sel'skogo hozyajstva*. № 43, pp. 11-13. [in Russian]

Ancyferov, 1917 – *Ancyferov A.N.* (1917). Moskovskij narodnyj bank. [Moscow Public Bank]. M. [in Russian]

Общественные организации России в решении актуальных социально-экономических задач начала XX в.

Марина Леонидовна Галас ^{a, *}, Павел Сергеевич Селезнев ^a

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и формы участия специализированных общественных организаций и объединений, сложившихся в конце XIX – начале XX веков, лидеров земского движения, экономистов-аграрников в общественно-политической и хозяйственной жизни России, в модернизации аграрного комплекса и его основы – крестьянского хозяйства, в решении социальных проблем сельских жителей. Представлены статистические данные по деятельности обществ сельского хозяйства, флагманом которых по научным и прикладным разработкам, формированию производственной и социальной инфраструктуры, общественно-политической активности являлось Московское общество сельского хозяйства (МОСХ).

Рост товарно-денежных отношений, необходимость дешевого кредита под небольшие проценты, произвол перекупщиков, потребность в объединении средств для оптовых закупок и продаж активизировали развитие кредитной кооперации. В исследовании поставлен вопрос о взаимосвязи обществ сельского хозяйства с кредитными структурами. Проведен анализ правового обеспечения, институционализации системы общественных финансов России рассматриваемого периода исторического развития. Особую роль в кредитовании инноваций в области аграрного производства и модернизации крестьянских хозяйств сыграл Московский народный банк, что также отражено в статье. Внимание авторов обращено на развитие научной мысли аграрников, лидеров МОСХ, земско-кооперативной элиты.

Показательны для раскрытия темы статьи о земстве и сельскохозяйственных обществах/объединениях Московской губернии, которые не только являлись новаторами в деле модернизации аграрного производства, но и взаимодействовали с соответствующими организациями Европейской России, Сибири, зарубежья, с центральными органами государственной власти и местного управления. Весомый вклад в модернизацию крестьянского хозяйства внесли учреждения правительственных и общественных агрономов-инструкторов. Земледельческая школа МОСХ осуществляла подготовку специалистов средне-специального агрономического образования. Авторы статьи обратили внимание на роль МОСХ в формировании системы земской общественной агрономии, включавшей широкий спектр агрикультурных мероприятий, социальных и образовательных программ, губернских и общероссийских институтов. Обобщен опыт земских губернских социально-экономических, аграрно-технологических, просветительских программ на территории Европейской России и Сибири.

Ключевые слова: аграрная реформа, общественные организации, объединения, кооперация, земство, акционерный капитал, рынок.

* Корреспондирующий автор

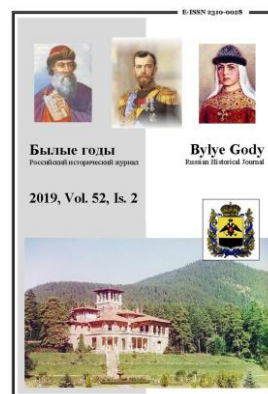
Адреса электронной почты: MLGalas@fa.ru (М.Л. Галас), Pseleznev@fa.ru (П.С. Селезнев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 779-791. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.779
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Resettlement Villages of the Semirechye in late 19th century – early 20th century

Fyalka N. Miymanbaeva ^{a, *}, Ardak S. Abdiraimova ^b, Nurzipa K. Alpysbayeva ^a, Perizat N. Nuskabay ^a

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b M. Tynyshpayev Kazakh Academy of Transport and Communications, Kazakhstan

Abstract

Peasant colonization of the Semirechye region took place in several stages, connected with the attitude of the government towards the resettlement movement, and also with the level and nature of Russia's economic and political development. The emergence of the Resettlement Department and the activities of the Semirechensk resettlement organization for the preparation of land plots for immigrants are being considered. Expanding the process of immigrant movement, the authors consider the structure of old-timer households, the formation of self-contained farms in the Semirechye. The dynamics of the resettlement movement, the transformation of the plans of the Semirechye regional leadership for providing peasants with land, division of the peasant population into old-timers, towns and villages, having different habitation traditions in the region and, accordingly, a different legal status; the number of Russian villages, the main occupations of peasants, the privileges granted to peasant resettlers, and the social differentiation of the peasantry are indicated. It is pointed out that in the process of adaptation to local geographical and natural conditions, the migrants had their own peculiar features of economic and material life: the basis of the economy was now not only agriculture but also cattle breeding.

Keywords: colonization, peasantry, migration, resettlement, the Russian Empire, Turkestan, socio-economic relations, Stolypin's agrarian reform, Semirechie, excavation work.

1. Введение

Общественно-политические и социальные изменения, происходящие на постсоветском пространстве, вызывают несомненный интерес к дореволюционному прошлому Центральной Азии, в частности к переселенческой политике российского правительства и социально-экономическим отношениям в регионе в контексте модернизационных процессов, которые понимаются как комплекс социальных, политических, культурных и интеллектуальных трансформаций традиционного общества в начале XX в.

На сегодняшний день очень важен опыт государственного регулирования миграции населения, который имеет глубокие исторические корни в России, начиная со второй половины XIX в. Особый интерес вызывает опыт освоения территории современного Казахстана и отдельных районов Центральной Азии переселенческим населением из Европейской России, а также связанные с ним процессы – процесс переселения крестьян, этапы переселения, землеотводные работы, развитие земледелия, система ведения хозяйства переселенцев, включение переселенческого хозяйства в систему традиционного хозяйствования центральноазиатских народов. В рамках этого движения исторической мысли можно выделить историю развития общества, ценностных ориентаций, феномен человеческих желаний и устремлений.

* Corresponding author

E-mail addresses: m.fialka58@mail.ru (F.N. Miymanbaeva), ardasha_69@mail.ru (A.S. Abdiraimova), nurzipakz@mail.ru (N.K. Alpysbayeva), perizat.nuskabai@mail.ru (P.N. Nuskabay)

2. Материалы и методы

2.1. Источники по аграрной истории Семиречья конца XIX – начала XX вв. весьма разнообразны. Основными из них, используемыми в работе, послужили материалы Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург) – Фонд 391 «Переселенческое управление министерства земледелия», Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва) – Фонд 400 «Азиатская часть», ЦГА Республики Узбекистан – Фонд 1 «Туркестанский генерал-губернатор» и ЦГА Республики Казахстан – Фонд 44 «Семиреченское областное правление» и Фонд 19 «Заведующий переселенческим делом Семиреченской области», в которых отложились документы, касающиеся процесса крестьянского переселения в Семиречье, работы Переселенческого управления по землеустройству прибывших крестьян, обустройству хозяйства крестьян, жизни переселенческой деревни, борьбы за землю между казахским населением и переселенцами.

Источниковой базой при исследовании вопроса о социально-экономическом положении переселенческого населения Семиречья в начале XX в. послужили «Материалы по обследованию туземного и русского старожильского хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева» в 8 томах, изданные в период с 1911 по 1916 гг. (Румянцев, 1911–1916). Статистическая комиссия учитывала количество мужчин и женщин, число хозяйств, общую площадь земли, занимаемую русскими переселенцами; земли, занятые под пашни, сенокосы, пастбища; принятый укос, процент неудобных земель; количество скота в хозяйствах переселенцев, аренду, наем земли, постройки, сельхозинвентарь. Анализ приведенных данных позволяет воссоздать модель среднестатистического переселенческого хозяйства.

Русская историческая и экономическая литература конца XIX – начала XX вв. содержит много исследований о переселении крестьян в связи с освоением присоединенных территорий Центральной Азии, изменением географии расселения народов. Так как их авторы являлись фактически очевидцами событий, свидетелями и даже непосредственными участниками, писали свои работы по следам происшедших событий, то эти труды, на наш взгляд, также можно отнести к источникам. К ним относятся труды крупных государственных деятелей и чиновников Министерства земледелия и государственных имуществ, сохранившие свою ценность до настоящего времени: сенатора Палена К.К., Кауфмана А.А., Логанова Г.; чиновников переселенческого управления Румянцева П.П., Шкапского О.А.; сотрудников областной и уездной администрации (Пален, 1910; Кауфман, 1905; Логанов; Румянцев, 1911; Шкапский, 1907). В дореволюционный период исследования по этому вопросу отражали официальную концепцию правительства: переселение как способ решения проблемы аграрной тесноты. Большинство исследователей видели главную причину крестьянской колонизации в нехватке земли в центральных районах Российской империи. Граф Пален считал, что в Туркестане должно быть больше русских селений, потому что они могут помочь установлению русского господства и закреплению края за Россией. А.А. Кауфман в обобщающем труде «Переселение и колонизация» говорил о необходимости повысить культуру крестьянского землепользования и хозяйства.

2.2. Решение исследовательских задач основано на принципе историзма. При освещении главных вопросов применяются такие основополагающие методы научного исследования, как компаративистский, источниковедческий, статистический анализ и другие.

Историко-сравнительный (компаративистский) метод позволяет сопоставить события, явления и процессы по их пространственно-временному сходству и различию; раскрыть сущность исследуемых явлений в тех случаях, когда она не очевидна, и на основе имеющихся фактов выявлять общее и закономерное, с одной стороны, и качественно отличное – с другой. Статистический метод дает возможность проанализировать переселение крестьян на территорию современного Казахстана, выявить динамику развития крестьянских хозяйств в уездах Семиречья, определить размеры посевов в хозяйствах переселенцев, показать роль скотоводства в хозяйствах различных экономических групп крестьянства. Для воссоздания полной достоверности изучаемых событий использовался источниковедческий метод.

3. Обсуждение

Состояние изученности экономики и аграрной политики царского правительства в Казахстане и Центральной Азии в начале XX вв. является далеко не завершенным. По данной проблеме написано довольно много исследований, в частности уже ставшие классическими труды таких историков, как А.Б. Турсунбаев, П.Г. Галузо, Н.В. Алексеенко, Н.Е. Бекмаханова, К.У. Усенбаев, А.А. Сапелкин, Дж.С. Бактыгулов, Х.Ш. Иноятов, К. Кусайнулы, Г.Х. Халидуллин, О.И. Брусина и др. (Турсунбаев, 1950; Галузо, 1965; Алексеенко, 1981; Бекмаханова, 1986; Усенбаев, 1980; Сапелкин, 1977; Бактыгулов, 1971; Иноятов, 1978; Кусайнулы, Халидуллин, 2005; Брусина, 2001). Однако в них остались не освещенными или недостаточно освещенными такие вопросы, как основные руководящие принципы экономической политики русского правительства и их эволюция; противоречия в правительственных кругах по земельному вопросу, оседанию кочевников, отношение к переселенческому движению, роль русского чиновничества в расселении крестьян и оказание помощи в процессе их адаптации на местах, хозяйственные связи мигрантов с коренным населением, влияние переселенческой политики

царского правительства на углубление социально-экономических противоречий в кочевом ауле; повседневная жизнь переселенцев, их отношение к политическим и социальным изменениям в обществе и др. Ф.Н. Мийманбаева занимается исследованием проблем переселения русского крестьянства в Семиречье. В своих работах она рассматривает политику царского правительства по заселению крестьянами Семиреченской области в конце XIX – начале XX вв., переселение крестьян и изменение социально-этнической структуры населения Семиречья в начале XX в., деятельность Главного управления землеустройства и земледелия по формированию переселенческого земельного фонда в Семиречье в начале XX века, историю образования старожильческих переселенческих хозяйств в Семиречье, социальное расслоение в переселенческом хозяйстве Семиречья и др. вопросы (Мийманбаева, 2002; Мийманбаева, 2015: 127-133; Мийманбаева, 2016: 79-82; Мийманбаева, 2017: 375-382).

4. Результаты

После присоединения казахских земель к России начинается принципиально новый этап политического, социально-экономического и культурного развития региона. Семиречье стало той частью Российской империи, куда распространялись капиталистические отношения и был устремлен поток переселенцев из земледельческих районов Европейской России, где наблюдался избыток рабочих рук. В Семиречье переселенцы основывали свое хозяйство и вели его уже на новых началах, отличных от центральных районов России.

Переселение крестьян в Семиречье из Европейской России началось в конце 60-х годов XIX века, когда царское правительство укрепляло свое военно-политическое господство в пограничных районах Туркестана, побуждало крестьян к переселению и формировало семиреченское казачество. По мнению А.А. Кауфмана, «до начала XX столетия заселение окраин определялось почти всецело политической потребностью как способ упрочения в них русского господства» (Кауфман, 1905: 197). Наиболее значительная волна переселенцев падает на 80–90-е годы XIX века. В этот же период сюда переселяются дунгане и уйгуры из Синцзяня (Полярков, 1901: 6-7).

В 1867 г. на присоединенной к России территории было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, состоявшее из Семиреченской и Сырдарьинской областей. К этому времени в северной части Семиреченской области насчитывалось 14 станиц и выселков с общим числом 15 тысяч душ обоого пола (Ильясов, 1963: 256). С учреждением Семиреченской области одной из главных забот ее военного губернатора Г.А. Колпаковского была русская крестьянская колонизация. В 1867 г. Г.А. Колпаковский пригласил из Воронежской губернии, где родился, несколько сот крестьянских семей. Начиная с 1869 г., в течение 70-х годов было образовано 28 селений, преимущественно из крестьян Воронежской губернии. А.А. Кауфман отмечал, что главной социальной основой переселения являлось крестьянство (Кауфман, 1905: 205).

Г.А. Колпаковский в 1869 г. разработал проект «Правил устройства новоселов», согласно которому на каждую мужскую душу должно было отводиться 30 десятин удобной земли, из них 15 десятин поступало в запас с учетом естественного прироста населения; увеличение надела на каждую мужскую душу на 15 десятин предусматривалось для поселившихся на почтовых трактах. Крестьяне освобождались от уплаты всех податей и повинностей на 15 лет, а те, кто работал на пикетах, освобождались на 25 лет, дополнительно они получали ссуды в размере не свыше 100 рублей на семью. К.К. Пален отмечал, что за период с 1870 по 1895 гг. было выдано 615 семьям новоселов всего 10000 рублей (Пален, 1910: 8-9). Это свидетельствует о том, что ссуды выдавались крайне редко и в минимальных размерах либо вообще не выдавались. «Правила устройства новоселов» устанавливали, что на местах прибытия переселенцам необходимо было представить увольнительное свидетельство для приписки на новом месте и подписку о знакомстве с местными законами и правилами. Крестьян, в течение года не поселившихся в местах приписки, должны были принудительно выселять. Форма крестьянского землепользования устанавливалась общинная, без указания на право выкупа участка в собственность. Разумеется, правила эти не выполнялись и не могли выполняться полностью.

Содействие делу расселения крестьян, которое характеризовало переселенческую политику I половины XIX в., меняется на пассивное и даже отрицательное отношение к этому вопросу с времени «освобождения» крестьян, что красной нитью проходит через всю историю переселенческой политики в последующее пореформенное тридцатилетие (Кауфман, 1905: 208). Это объясняется тем, что отлив рабочей силы из центра затруднял для помещиков эксплуатацию наемного труда и, таким образом, лишал их существенной статьи дохода. Как законодательство, так и административная политика 60–70-х годов XIX в. всецело носят на себе отпечаток именно этого отношения. И только изредка крайняя политическая необходимость заставляла правительство усиливать колонизацию, как это случилось в середине 70-х годов XIX в. в Семиречье, когда назрела необходимость создания здесь русских поселений.

Правительство и местные власти стремились заселить край хозяйственно крепкими крестьянами, надеясь в их лице создать себе прочную опору. Но, вопреки этому, в край прибывало большое количество переселенцев из середняцких слоев, которые, растратившись по пути следования

в Семиречье, остро нуждались в помощи, но не получали ее. Местная администрация хотела избавиться от «ненадежных элементов», не имевших ни денег, ни земли, и поэтому не приписывала их к участкам, надеясь на возвращение бедняков на прежние места жительства. Однако они не в состоянии были этого сделать за неимением средств и оказывали сопротивление властям. Местная администрация вынуждена была воздержаться от выселения безземельных крестьян на прежние места жительства. Боялись их и центральные органы власти. Министр внутренних дел в своем секретном циркуляре от 17 апреля 1895 г. за №259 писал: «Нельзя ожидать пользы от обратного возвращения на родину отдельных крестьянских семейств, принявших переселение на собственный страх» (Пален, 1910: 20). По инструкции, обратному выселению подлежали лишь некоторые наиболее опасные люди. Как указывал военный начальник Семиреченской области, денежные пособия не давались специально для обеспечения «лучшего хозяйственного и нравственного состава колонистов» (Обзор Семиреченской области..., 1884: 49).

Царизм умышленно создавал такие условия, которые способствовали бы водворению хозяйственно-состоятельных крестьян, с расчетом на то, что при большом наделе земли они быстро смогут создать крепкие хозяйства. Однако большой наплыв переселенцев уже к середине 70-х годов XIX в. исчерпал все наличные для заселения земли. Поэтому в 1876 г. Семиреченский военный начальник вынужден был внести изменения в свой проект колонизации. Душевой надел земли был уменьшен с 30 дес. до 17 дес., а вскоре и до 10 десятин. Возникший в результате массового переселения дефицит земли привел к тому, что переселенцы начали захват земель, принадлежащих киргизам. Изнуренные тяжелым и длительным переездом, переселенцы стремились во что бы то ни стало получить землю. Все это приводило к столкновениям между ними, так как крестьянское переселение ущемляло интересы местного населения, лишая его лучших пахотных земель и пастбищ. К 1882 г., только по официальным данным, у киргизов и казахов Семиреченской области было изъято 160000 дес. земли (Забиоров, 1958: 151).

Среди большого количества переселенческих селений выделяется несколько развитых торгово-промышленных, которые играли важную роль в экономической жизни Чуйской долины. В 1866 г. на месте прежней Кокандской крепости было создано укрепление Большой Токмак. В 1867 г. Токмак был преобразован в город, который стал центром Токмакского уезда. С этого времени начинается интенсивное заселение Токмака русско-украинским переселенческим крестьянством, а также дунганями и татарами. Узбеки в количестве 200 дворов прожигали на территории Токмака еще при кокандском господстве, приток их из коренных районов расселения был незначительным (Талызин: 29, 30). Благодаря своему выгодному расположению на «бойком» месте, на путях из Чуйской долины в Прииссыккулье, Центральный Тянь-Шань, он продолжал занимать заметное место в экономической жизни Семиречья.

Из описаний того времени видно, что Токмак состоял из нескольких частей: небольшого укрепления, в котором помещались казармы и разные казенные учреждения, собственно «города» с базаром и множеством мелких лавок азиатского типа, а также двух слободок, примыкавших к городу. Из этого описания нельзя понять, был ли Токмак городом. По-видимому, в тот период Токмак городом не был, скорее, это было большое село, а городом оно называлось только потому, что в нем были сосредоточены административные учреждения, квартировали войска, жили чиновники, для удовлетворения потребностей которых велась кое-какая торговля и существовала местная «промышленность» (Румянцев, 1911: 192).

В 1870 г почтовый тракт на Верный с Кастекского перевала перенесли на Курдайский в объезд Токмака. А в связи с тем, что дальнейшей застройке Токмака стали мешать окрестные болота и в 1877 г. во время сильного зимнего разлива р. Чу он был вновь полузатоплен, военный губернатор Семиреченской области 3 декабря того же года просил краевого начальника разрешить перевести уездный центр весной будущего года в г. Пишпек. В мае 1878 г. сюда были переведены уездно-городские учреждения, в том числе уездный суд, касса и почтовая контора. Одновременно с чиновниками в Пишпек переехали уездный врач и акушерка. Передислоцировалась и часть Токмакской местной воинской команды, солдаты которой охраняли арестантов и уездную кассу. Все вышеперечисленные неблагоприятные причины, конечно, сыграли свою роль в развитии Токмака. По общему уровню социально-экономического развития Токмак сравнительно немногим уступал другим городам Киргизии (Возникновение капиталистических отношений..., 1970: 211). Здесь необходимо оговориться: в составе Токмака были две слободки – дунганская и узбекская, так вот именно они придавали Токмаку вид города в экономическом отношении, именно они ходатайствовали о предоставлении статуса города не селу Большой Токмак, а этим двум слободкам, которые назывались «торговое местечко Токмак». Селение же Большой Токмак представляло собой большое крестьянское село, не имеющее своего рынка, и у общества которого не было средств даже на содержание больницы. Здесь в 1880 г. было открыто одноклассное училище, содержащееся на деньги крестьянского общества. Газет и журналов в Большом Токмаке не выписывалось.

Статистические данные, собранные комиссией П.П. Румянцева, дают возможность изучить характер и особенности этих поселений. Статистики зарегистрировали в селении Большой Токмак 697 хозяйств (494 приписных хозяйства, 51 хозяйство отсутствовало, 152 посторонних хозяйства) с

числом жителей 4490; в узбекской слободе местечка – 633 хозяйства (100 % посторонних хозяйств) с числом жителей 2875 чел. и в дунганской – 119 хозяйств (100 % приписных) с числом жителей 620 человек (Румянцев, 1915: 312-514).

Земля в Токмаке распределялась на правах общинного пользования. Наиболее хорошо были обеспечены надельной землей русские хозяйства, дунгане имели лишь незначительные наделы, узбеки были совсем обделены землей, они имели лишь участки усадебной земли. Дунгане и узбеки вследствие малоземелья должны были арендовать землю. Арендовали землю и русские зажиточные хозяйства. Дунганские и русские хозяйства высших групп отличались узкой специализацией на определенной культуре (у дунган – пшеница, рис; у русских – пшеница), что обуславливалось высокой товарностью дунганского и русского хозяйств (необходимо отметить, что у дунган была более передовая по сравнению с русскими система ведения хозяйства – более интенсивная, процент аренды у дунган также был выше, чем у русских; залежь, которая у русских хозяйств занимала половину удобной земли, у дунган отсутствовала). Узбекские хозяйства средней и высших групп тоже занимались земледелием, однако в их посевах преобладала не пшеница, а люцерна (на поливной земле, где урожай обычно больше, чем на богаре). Таким образом, даже для высших групп узбекских хозяйств земледелие являлось подсобным по отношению к промыслам занятием.

Другим крупным торгово-промышленным селом Чуйской долины было селение Беловодское, которое возникло в 1868 г. на месте разрушенной Кокандской крепости Ак-Су. Выгодное географическое положение Беловодского на перекрестке важных торгово-транспортных путей края и в середине киргизских кочевий было фактором, благоприятствующим первоначальному развитию селения. Здесь существовали приходское училище и церковно-приходская школа, основанные в 1880 г. При училище существовала библиотека с небольшим количеством книг духовного содержания. Здание для приходского училища было построено на средства крестьян селения Беловодское.

В конце XIX в. селения Большой Токмак и Беловодское насчитывают свыше 4000 жителей каждое и становятся центрами складывавшегося в крае внутреннего рынка.

На протяжении всего периода колонизации Семиреченской области царское правительство раздумывало, какой колонизации отдать предпочтение – казачьей или крестьянской? Чиновник Переселенческого управления Г.Ф. Чиркин, проанализировав средние размеры душевого надела, размеры посевов, состав посевов, обеспеченность хозяйств скотом, состав стада, пришел к выводу, что крестьяне, имея в четыре раза меньше земли, чем казаки, имеют в два раза больше скота и в три раза больше пашни. Он отмечал, что «крестьянская колонизация должна быть поставлена выше казачьей...» (Чиркин, 1908: 102-103). В 1886 г. генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский говорил: «Мы имеем уже в Семиреченской области, не считая казаков, коренного русского населения до 20 тысяч душ мужского пола..., затем на находящихся в области орошенных землях возможно еще поселить 7 тыс. переселенцев и, таким образом, в самом непродолжительном времени в Семиречье будет около 60 тысяч душ обоего пола русских земледельцев» (Мийманбаева, 2007: 59).

В 1883 г. Семиреченская область была выведена из состава Туркестанского генерал-губернаторства и включена в состав Степного генерал-губернаторства. В 1881, а затем в 1883 гг. создаются новые проекты устройства сельских обывателей, чтобы упорядочить землевладение переселенцев и местного населения. В 1883 г. был выработан проект «Правил о поземельном устройстве оседлого населения области» Особой комиссией, созданной в г. Верном. Суть его сводилась к тому, что душевой надел крестьян-переселенцев и местного населения определялся в 10 десятин удобной земли, при этом полагалось не менее 4 десятины пахотной земли, из которых не менее 2-х десятин, обеспеченных искусственным орошением; также им были предоставлены привилегии, установленные на общих основаниях: в течение 3-х лет со времени причисления они освобождались от платежа оброчной подати, а от земского сбора – в половинном размере. Переселенцы освобождались на первые 3 года от отбывания натуральных земских повинностей (Забиров, 1958: 153). В Правилах указывалось, что никаких пособий от казны на переселение не отпускается, но в особо уважительных случаях (падеж скота, эпидемические болезни и т.п.) прибывшим в пределы области выдается губернатором ссуда «из особого на этот предмет кредита» (Обзор Семиреченской области за 1883 г., 1884: 52).

Правила 1883 г., в отличие от Положения об управлении в Туркестанском крае 1867 г., имели целью не привлечение крестьян, а лишь упорядочение переселенческого дела. Однако сокращение льгот не остановило переселения. С 90-х годов крестьянская колонизация приняла массовый характер, т.к. голод в центральных районах России вызвал громадный наплыв переселенцев в Туркестанский край, и особенно в пределы Семиречья. Только за 1891–1892 гг. в Семиреченскую область прибыло 1769 семей, что составляло 85 % того числа переселенцев, которое прибыло в область за 13 предыдущих лет (Шкапский, 1907: 137).

Все эти переселенцы являлись в Семиречье самовольно без разрешения Министерства внутренних дел и без увольнительных приговоров. Согласно закону 1889 г., все они подлежали выселению на места приписки. Но размеры переселенческого движения не уменьшились, возникло самовольческое движение, длившееся вплоть до 1904 г. Местная администрация не сочла возможным

применить против самовольцев этот закон, да она была и беспомощна против такой массы переселенцев. Как и в ряде других случаев, правительство рано или поздно должно было признать этих самовольцев. Первоначально они расселялись у старожилов, затем путем захвата или аренды земель у киргизов они основывали свои хозяйства. К этому периоду относится образование так называемых самовольческих селений. Почин в этом отношении положили переселенцы, прибывшие в Пишпекский уезд. Статистические материалы комиссии П.П. Румянцева, работавшей в Семиречье с 1909 по 1913 гг. для выявления «земельных излишков киргиз», свидетельствуют о том, что только в Семиреченской области самовольцы составляли 35 % от общего числа переселенцев, однако случаев принудительного выселения не было (Румянцев, 1911–1916). Эту самовольную колонизацию, которая шла попутно с правительственной, называли «вольнонародной».

В связи с изъятием больших земельных площадей у киргизского населения местные власти обратились к правительству с просьбой об официальном закрытии Туркестанского края для переселенцев (Ильясов, 1963: 275). В 1895 г. в Омске было созвано специальное совещание по вопросу дальнейшего водворения переселенцев в Семиреченскую область, которое просило Министерство внутренних дел запретить переселение в область крестьян, якобы до «земельного устройства» киргизского населения (Ильясов, 1963: 260).

Но царское правительство и не думало землеустраивать киргизское население, оно обдумывало новые методы изъятия киргизских земель и производило заготовки новых переселенческих участков для казачьей колонизации области. Решение совещания было одобрено МВД, и циркуляром от 15 июня 1896 г. выдача разрешений на переселение в область была воспрещена.

В 1901–1902 гг. в область нахлынула вторая большая волна переселенцев, которая по своим размерам превысила первую. В 1902 г. в Семиречье прибыло большое число переселенцев, главным образом из Западно-Сибирских губерний и областей (Томской, Тобольской, Акмолинской и Семипалатинской) – 2228 семей из 11687 человек. Из них только 151 семье (6,8%) удалось причислиться к сельским обществам и получить земельные наделы, из которых 104 семьи остались в Пишпекском уезде, так как его практически не коснулась казачья колонизация; 574 семьи (25,7%) зазимовало на квартирах в надежде весной следующего года получить земельный надел, большая же часть прибывших – 1503 семьи (67,4 %) – ушла обратно, полагая, что поземельно-податные комиссии не смогут их землеустроить (ЦГА РК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1171. Л. 112, 115).

Для расселения огромного числа переселенцев в Семиречье при отсутствии свободной земли было только два пути: выселение кочевников, замещение их зимовок и пашен, а также строительство ирригационных сооружений и орошение новых земель. Ввиду постоянных представлений туркестанской администрации, что в Туркестане не имеется достаточного количества свободной земли, она была заподозрена в киргизофильских тенденциях и была организована туркестанская Переселенческая организация с целью создания земельного фонда для переселенцев.

В январе 1904 г. при Министерстве земледелия и государственных имуществ Государственным советом была сформирована особая временная партия для образования переселенческих участков в Семиреченской области и выделено 109090 рублей на производство землеотводных работ, так как к этому времени в области находилось 16000 переселенцев-самовольцев, не наделенных землей (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3243. Л. 7а, 21). Данное решение об образовании переселенческой партии было обусловлено также и политическими соображениями: для упрочения русской власти в крае «ввиду близости Семиречья к Китаю и к фанатически настроенному населению Ферганы», где в 1898 г. произошло Андижанское восстание (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3243. Л. 210, 21).

В Семиречье назревал земельный кризис. Он выражался в том, что местными властями у киргизов изымались земли под видом «свободных земель», причем захватывались лучшие земли без учета особенностей ведения скотоводческого хозяйства, которое требовало больших земельных площадей.

Во всех уездах Семиреченской области русские селения были довольно многочисленны. А так как «в большинстве случаев они были расположены по почтовым дорогам, по словам П.П. Румянцева, то для путешественника, не сворачивающего в сторону от дороги, в горы и степи, создается впечатление, что он едет почти по русскому краю, где туземцы играют подчиненную роль даже при своей численности» (Румянцев, 1911: 214). П.П. Румянцев в 1909 г. подразделял русские крестьянские хозяйства в Семиречье на старожильческие и переселенческие. Старожильческими назывались хозяйства, проживавшие здесь от 10 до 40 лет. Переселенческими считались хозяйства, обустроившиеся на новых землях не более 10 лет тому назад, то есть получившие землю в начале XX в.

Основным занятием крестьян-переселенцев было земледелие. Также старожильческие хозяйства занимались садоводством, огородничеством, пчеловодством и разведением скота в торговых целях. Хозяйства переселенцев в условиях близкого расположения высокотравных горнолуговых пастбищ держали значительное количество крупного рогатого скота. Иногда они захватывали в свое пользование наиболее ценные пастбища и сенокосы. В основном же пастбища, необходимые для выпаса скота, арендовались у киргизов и казахов, отгонные же табуны паслись вместе с «киргизскими» за обусловленную плату.

Так как земли в селениях крестьян на первых порах было достаточно, то ее нередко переделывали не только по числу мужских душ, но даже по числу едоков (Логанов: 64). Почти повсеместно в старожильческих селениях области преобладало общинное землевладение с регулярными переделами земли, которые осуществлялись с различной периодичностью – через 1 год или 3, 5, 7 лет. Так, в селении Сазановка Пржевальского уезда переделы земли осуществлялись обществом через каждые 4 года. Крестьяне постоянно жаловались на недостаток земли и ходатайствовали о прирезках к наделам из земель, находящихся в пользовании кочевников. Это подтверждается прошением крестьян селения Сазановка И. Сапожникова и В. Шевченкова в Министерство земледелия и государственных имуществ от 20 марта 1908 г., в котором они сообщали, что при основании селения Сазановка в пользование крестьян был отведен наделный участок в количестве 10000 десятин на 1000 душ мужского пола. «Сейчас же, в силу естественного прироста, более 500 душ мужского пола состоят безземельными, на которых требуется свыше 5000 дес. земли, за недостатком земли крестьяне становятся все беднее». Поэтому они просили разрешить прирезку необходимого количества пахотной земли из наделов земель Кунгей-Аксукой волости Пржевальского уезда. Они писали, что киргизы «благодарствуют в полном смысле этого слова, ибо пользуются горами для пастбы своего скота и огромным количеством удобной для пахоты земли, которую совершенно не возделывают и в аренду не уступают» (РГИА. Ф. 391. Оп.3. Д. 828. Л. 54 об., 55).

Центром сосредоточения переселенцев был Пишпекский уезд, куда стекалось огромное количество крестьян в силу его удобного географического положения, где количество переселенцев в начале XX в. составляло 39751 человек обою пола (Галузо, 1935: 13). Наблюдалась большая переселенность уезда, поэтому 62,2 % желавших здесь осесть, не получили наделов, наделенные же получили ту земельную норму, которая полагалась крестьянам.

Каково же было хозяйственное использование наделной земли? Земля делилась на усадебную, пахотную и покосы. Основная часть пахотной земли шла под посевы хлебов – 38,5 % в Пржевальском уезде и 25,8 % – в Лепсинском уезде. Остальная часть пахотной земли являлась залежной, что свидетельствует о переложной системе земледелия у переселенцев, которая является одним из признаков экстенсивного земледелия. К.К. Пален писал: «Крестьяне по истощении почвы на обрабатываемом участке и при заглушении полей сорными травами оставляют их в залежь и, если нет запаса свободных общинных земель, берут в аренду свежую землю у киргизов» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4094. Л. 2).

В Семиречье на протяжении десятилетий создавался костяк старожильческого населения. Крестьяне перенесли с собой из Европейской России общинную организацию, которая поддерживала и регулировала традиционное хозяйство и бытовой уклад жизни с его дуализмом коллективного и индивидуального владения. В процессе адаптации к местным географическим и природным условиям у переселенцев складывались своеобразные черты хозяйственного и материального быта: основой хозяйства теперь являлось не только земледелие, но и скотоводство. Но при этом не терялась общая национальная специфика производственной и бытовой культуры. Земледелие велось на поливной земле, а в отдельных уездах, например в Лепсинском, – на неполивной. Возделываемые культуры были разнообразны: рожь, пшеница, ячмень, просо, овес, подсолнух, лен, конопля, картофель, бахчевые культуры, люцерна. Технические культуры высевались в незначительных количествах и служили для удовлетворения нужд своего хозяйства. Основными культурами на наделной земле были зерновые. На покосы отводилось незначительное количество пахотной земли, так как основная их часть, как правило, приходилась на арендуемые земли.

Новый курс переселенческой политики в стране был оформлен законами от 12 марта 1903 г. и 6 июня 1904 г., которые наметили плановую организацию выселения крестьян из Европейской России и тем самым обусловили необходимость открытия землеотводных работ в Туркестанском крае. Переселенческий закон 6 июня 1904 г. был попыткой выхода из создавшегося земельного кризиса. А.А. Кауфман характеризовал этот закон так: «Новый переселенческий закон 6 июня 1904 г. вел навстречу тем экономическим мотивам, которые требовали заселения района Сибирской железной дороги, и тем по преимуществу политическим соображениям, в силу которых признается необходимым внедрить русских переселенцев в Закавказье и Туркестан..., но в то же время он легко может оказаться в решительном противоречии с насущными противоречиями малоземельной части туземного населения, нуждающегося в расширении своего земледелия за счет именно тех самых запасов свободных земель, которые рассматриваются как колонизационный фонд для водворения русских переселенцев. Закон устанавливал свободу передвижения и даже устанавливал льготы сельским обывателям и мещанам, выселившимся в Азиатскую Россию. Кроме того, вопреки тяжелому положению в Семиречье, правительство рассчитывало значительную часть крестьян разместить в Туркестане» (Кауфман, 1905: 3).

Землеотводные работы в Семиречье с 1906 по 1909 гг., когда наблюдалась острая потребность в наделении землей пришедших в область самовольно 30–40 тысяч крестьян, велись недостаточно систематично. Но переселенцы не переставали прибывать, «несмотря ни на осень, ни на зиму, когда пути сообщения в Семиречье находятся обыкновенно в таком состоянии, что доступ в него считается весьма затруднительным». И, если к 1 января 1908 г. в Семиречье их насчитывалось, по данным

регистрации, 28493 мужчины и 24400 женщин, а всего 52893 человека, то к концу 1911 г. к этому числу добавилось 15963 семьи переселенцев с 48747 мужчинами, то есть всего около 100000 душ обоего пола, что свидетельствует об огромных темпах переселения в область (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 487. Л. 6, 46).

Всего за время существования Семиреченской переселенческой организации (1905–1910 гг.) ею был заготовлен 181 переселенческий участок, 21 из них в Пишпекском уезде. В первые годы своей деятельности организация нарезала по 10 десятин на душу мужского пола, затем стала сокращать душевой надел, и в последние годы преобладали наделы по 6,5 и даже по 4 десятины на душу (Румянцев, 1911: 213–214).

Администрация края была заинтересована в оседании кочевников и наделении их землей по крестьянской норме (10 десятин), что высвобождало огромное количество земли. В 1910 г. было предпринято в виде опыта сплошное оседлое землеустройство Восточно-Сокулукской киргизской волости Пишпекского уезда. Это сразу дало в распоряжение переселенческой организации 13000 десятин земли. Военный губернатор Семиреченской области генерал-майор М.А. Фольбаум в отчете за 1910 г. писал, что это обстоятельство открывает достаточно широкую возможность устроить поселившихся в переполненных уездах «на правах временных арендаторов киргизских земель самовольных переселенцев, не передвигая их в другие уезды, где больше фонд, но куда переселенцы неохотно идут» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4094. Л. 3 об.).

Согласно разработанной правительственной программе переселения крестьян в Азиатскую Россию, крестьянам-переселенцам государство должно было предоставлять заем на «домообзаводство», который необходимо было вернуть через 5 лет, заем выдавался в качестве единовременной ссуды. С 1907 г. правительство ассигновало каждой семье переселенцев Семиречья ссуду в размере 100 рублей. Кроме персональных займов, правительство предоставляло ссуды крестьянским обществам с целью обеспечить их всем необходимым для постройки деревень, амбаров, мельниц, кирпичных заводов, за свой счет рыло колодцы для переселенцев, строило школы и церкви, обеспечивало доставку строевого леса из государственных лесов и ремонтировало лесовозные дороги (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 867. Л. 2–3). Правительство также оказывало продовольственную помощь переселенцам, помощь в организации казенных складов орудий и семян, где они могли бы покупать сельскохозяйственные машины и различный инвентарь: плуги, косилки с жатвенными аппаратами, лобогрейки, веялки, сеялки, четырехконные молотилки, брички, железные зубья для борон и др. (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 790. Л. 1).

Согласно ст. 270 Положения об управлении Туркестанским краем (1892 г.) все занятые кочевниками земли считались государственными, предоставленными в общественное пользование кочевникам, которые, таким образом, считались фактическими владельцами земли. Правительство не имело права распоряжаться их землей. По статье 126 Положения об управлении Степными областями (1891 г.) кочевникам предоставлялось право сдавать в аренду земли, находящиеся в пределах стойбищ, лицам русского происхождения сроком до 30 лет для земледелия и устройства промышленных заведений, причем сдача могла производиться только по приговорам съездов волостных выборных (РГИА. Ф. 391. Оп. 1. Д. 870. Л. 164). Только в 1901 г. правительство разрешило применять статью 126 Степного положения к Туркестану, «дабы усилить русский элемент среди иноплеменного населения» (РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2052. Л. 15 и об.).

Киргизские баи пользовались созданным положением и спекулировали государственной землей, находящейся во владении отдельных общин. За эти земли крестьяне-переселенцы уплачивали деньгами по 6 рублей за десятину. В рапорте Туркестанскому генерал-губернатору Пишпекский уездный начальник докладывал, что не все русские арендуют землю у киргизов по правилу, изложенному в статье 126 Степного положения, так как аренда по приговорам сопряжена с большими затруднениями и с большим единовременным расходом. Он сообщал, что за долгосрочную аренду – до 30 лет – за десятину земли платится единовременно за весь срок до 20 рублей, «к тому же киргизы неохотно отдают землю в аренду по приговорам». Он отмечал, что почти все русское население занимается хлебопашеством на арендованной земле у киргизов, «аренда по приговорам для массы невозможна, и в силу таких условий население приспособилось к аренде без приговоров, то есть не предусмотренной законом. Занимающийся хлебопашеством арендует у киргизов по росписи на один год его участок земли, таким образом, все коренное население и переселенцы удовлетворяются землею» (ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 624. Л. 4 об.). Крестьянин селения Дмитриевского Пишпекского уезда Иван Мальцев, обращаясь 20 декабря 1907 г. к министру земледелия и государственных имуществ с просьбой получить в арендное содержание в казенно-оброчную статью 10 десятин земли киргизов, писал: «При желании заняться какой-либо выгодной и общепольной культурной отраслью, требующей большого количества земли, желающий вынужден прибегать к способу аренды земли у соседних киргиз, каковой способ приобретения земли сопряжен с большими денежными расходами и доступен только людям с большими средствами, мало же имущему хозяину он совсем недоступен потому, что у киргиз земля общая и арендуется по приговору от всего волостного общества, по чему на аренду одной десятины земли у киргиз арендатор затрачивает большие деньги, первоначально на частные вознаграждения манапов волости до 100 рублей, и затем

ежегодно арендной платы по 6–7 руб. в год» (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 851. Л. 1 об.). Помощник Туркестанского генерал-губернатора в «Докладе по переселенческому вопросу» в марте 1906 г. отмечал, что сдача земли в аренду является выгодной «не только потому, что киргиз получает за землю деньги или же оплату зерном, в натуре, но и потому, что по договору русские разрешают киргизам по возвращении с джайляу выпасать на старых нивах скот» (ЦГА РУ. Ф.1. Оп. 17. Д. 624. Л. 4 об.).

Чиновники администрации области отмечали, что с появлением переселенческой партии переселенцы, чувствуя заботу правительства о наделении их землей, несмотря на разъяснение военного губернатора Семиреченской области о поземельном устройстве казахов и киргизов, начали предъявлять администрации требования о праве пользоваться землей наравне с киргизами: «Так как мы отбываем воинскую повинность, а киргизы – нет, то мы, русские, больше имеем прав на землю, чем киргизы», также ими предъявлялись требования на отвод желаемой земли под русские поселения (ЦГА РУ. Ф. 1. Оп. 17. Д. 811. Л. 37). Киргизы Калгутинской волости Пишпекского уезда (794 юртовладельца) жаловались на крестьян селения Георгиевское в мае и декабре 1907 г., что крестьяне притесняют их, не позволяют скоту пастись на «нашей» земле, захватывают лошадей и не отдают их вплоть до уплаты выкупа якобы за «потраву», избивают проезжающих через селение киргизов, нападают на аулы, угрожают отобрать землю самовольно и т.д. (ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 9480. Л. 7, 11 и об, 13). 160 семей переселенцев в 1907 г. самовольно осели в Карабалтинской волости Пишпекского уезда, совершив частные сделки с отдельными киргизами, а затем неоднократно ходатайствовали об окончательном их устройстве на этих землях. Но власти не могли пойти им навстречу, так как излишек земель данной волости был уже использован: на этих землях были образованы селения Николаевское и Петропавловское с общим наделом 4048 десятин и селение Петровское с наделом 3920 десятин и в них поселены крестьяне (РГИА. Ф. 391. Оп. 3. Д. 828. Л. 162). Таким образом, невозможно уже было отчуждение у киргизов новых земельных участков и поэтому крестьянам предлагалось поселиться на новых участках, образовавшихся в Пишпекском уезде. Но переселенцы-самовольцы не желали уходить на законно образованные участки, где имелись свободные душевые доли.

В Семиреченской области с 1907 по 1915 годы было образовано 214 селений и 26 хуторов русских крестьян, водворено на готовые участки 21603 семьи, зачислено 13826 семей. Наибольшее количество образованных селений приходилось на 1911 и 1912 годы, то есть на период, когда область была открыта для переселенцев. Больше всего новых селений в эти годы было открыто в Копальском уезде – 36, в Лепсинском – 32 и в Пржевальском уезде – 21 селение и 24 хутора, в Джаркентском же уезде, как самом удаленном и высокогорном, – всего 7 селений. На годы Первой мировой войны приходилось большое число семей, ушедших обратно, – 1553 семьи за три года (Мийманбаева, 2002: 17).

Крестьянская колонизация Семиречья начала XX века способствовала разрушению общинной системы землепользования русских крестьян, постепенно складывалась новая система землевладения – арендная, в различных ее формах и проявлениях. В связи с этим между коренными жителями – кочевниками – и переселенцами возникали различные споры и тяжбы: в связи со стогом кочевников с долинных земель, являвшихся лучшими зимними выпасами; споры о самовольных захватах земель переселенцами; тяжбы о неправильных проектированиях земельных участков для переселенцев; споры о границах земельных владений кочевников и переселенцев; тяжбы о невыплатах арендной платы за землю; споры о передаче арендуемой земли в субаренду; тяжбы о не выделении кочевниками земли в арендное пользование и т.д. Впоследствии неразрешенность этих проблем привела к грандиозному восстанию в 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

5. Заключение

Значимым результатом социально-экономического развития Семиреченской области явилось увеличение численности населения из Европейской России и количества переселенческих сел в регионе. Крестьянство в социальном плане представляло собой довольно разнородную массу: оно делилось на старожильческое, новосельское и самовольческое, имевшее различные традиции проживания в области и, соответственно, неодинаковый правовой статус. Для крестьян-переселенцев было характерно сохранение своей этнокультурной самобытности, религии, активное включение в экономическую жизнь региона, привнесение новых хозяйственных занятий – огородничества, садоводства, пчеловодства. В результате в начале XX века в Семиречье развиваются капиталистические отношения в аграрном секторе, что соответствовало интересам имперской власти в Туркестанском крае.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) (АРО5135746).

Литература

Алексеев, 1981 – Алексеев Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав: 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 110 с.

- Бактыгулов, 1971** – Бактыгулов Дж.С. Из истории перехода киргизского крестьянства к оседлости и социалистическим способам хозяйствования. Фрунзе: Илим, 1971. 206 с.
- Бекмаханова, 1986** – Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма. М.: Наука, 1986. 243 с.
- Брусина, 2001** – Брусина О.И. Славяне в Средней Азии: этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М.: Восточная литература, 2001. 240 с.
- Возникновение капиталистических..., 1970** – Возникновение капиталистических отношений в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. Фрунзе: Илим, 1970. 272 с.
- Галузо, 1935** – Галузо П.Г. Туркестан – колония. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1935. 222 с.
- Галузо, 1965** – Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.
- Забиров, 1958** – Забиров К. Переселение и колонизация Северной Киргизии // *Ученые записки института КГУ*. Вып. VI. Фрунзе, 1958. 187 с.
- Ильясов, 1963** – Ильясов С.И. Земельные отношения в Киргизии в конце XIX – начале XX вв. Фрунзе: Илим, 1963. 440 с.
- Инояттов, 1978** – Инояттов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане. М.: Мысль, 1978. 364 с.
- Кауфман, 1905** – Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб, 1905. 443 с.
- Кусайнулы, Халидуллин, 2005** – Кусайнулы К., Халидуллин Г.Х. Социально-экономическая история Казахстана на рубеже XIX–XX веков. Алматы: Ғылым, 2005. 100 с.
- Логанов** – Логанов Г. Россия в Средней Азии // *Вопросы колонизации*. БГ. №4. С.1–76.
- Мийманбаева, 2002** – Мийманбаева Ф.Н. Русские переселенцы в Семиречье в к. XIX – XX вв. / Учебное пособие по спецкурсу. Алматы: Карт-Print, 2002. 48 с.
- Мийманбаева, 2007** – Мийманбаева Ф.Н. Стратегические задачи царской России как причина формирования переселенческой политики в Семиречье в к. XIX – н. XX вв. // *Вестник КазУМОиМЯ. Серия «Международные отношения и межкультурная коммуникация»*. 2007. №1 (4). С. 58–60.
- Мийманбаева, 2013** – Мийманбаева Ф.Н. Архивные материалы как источник по социально-экономической истории крестьян-переселенцев Семиречья в послеоктябрьский период // *Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия историческая*. 2013. №2 (69). С. 7–14.
- Мийманбаева, 2014** – Мийманбаева Ф.Н. Общие сведения о торгово-промышленном селе Большой Токмак к. XIX – н. XX вв. // *Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия историческая*. 2014. №2 (73). С. 207–212.
- Мийманбаева, 2015** – Мийманбаева Ф.Н. Деятельность Главного управления землеустройства и земледелия по формированию переселенческого земельного фонда в Семиречье в начале XX века // *Вестник КазНУ имени аль-Фараби. Серия историческая*. 2015. №1 (76). С. 127–133.
- Мийманбаева, 2016** – Мийманбаева Ф.Н. Из истории образования старожильческих переселенческих хозяйств в Семиречье // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. 2016. №3 (50). С. 79–82.
- Мийманбаева, 2017** – Мийманбаева Ф.Н. Социальное расслоение в переселенческом хозяйстве Семиречья // «Евразийский перекресток» / *Сборник материалов научно-практических мероприятий*. Выпуск 6. Оренбург: ООО ИПК «Университет». 2017. 481 с. С. 375–382.
- Обзор, 1884** – Обзор Семиреченской области за 1883 г. Верный, 1884. 96 с.
- Пален, 1907** – Пален К.К. Переселенческое дело в Туркестане. СПб., 1910. 418 с.
- Поярков, 1907** – Поярков Ф. Последний эпизод дунганского восстания. Верный, 1901. 76 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Румянцев, 1911** – Румянцев П.П. Условия колонизации Семиречья // *Вопросы колонизации*. 1911. №9.
- Румянцев, 1911–1916** – Румянцев П.П. Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П.П. Румянцева. В 8 т. СПб, Пг, 1911–1916.
- Сапелкин, 1977** – Сапелкин А.А. Аграрные отношения в Киргизии в начале XX в. Фрунзе: Илим, 1977. 282 с.
- Сулейменов, 1977** – Сулейменов Б.С. Революционное движение в Казахстане в 1905–1907 годах. Алма-Ата: Наука, 1977. 256 с.
- Талызин** – Талызин А. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855–1869) // Памятная книжка Семиреченского областного статистического комитета на 1898 год. Б.м., БГ. Т. 2. С. 25–41.
- Турсунбаев, 1950** – Турсунбаев А.Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1950. 102 с.
- Усенбаев, 1980** – Усенбаев К.У. Общественно-экономические отношения киргизов (вторая половина XIX – начало XX вв.). Фрунзе: Илим, 1980. 321 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- ЦГА РУ** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.

Чиркин, 1908 – *Чиркин Г.Ф.* Положение переселенческого дела в Семиречье. СПб: Г.У.З.и З. 1908. 152 с.

Шкапский, 1907 – *Шкапский О.А.* Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос в Семиреченской области // Вопросы колонизации, 1907. №1.

References

Alekseenko, 1981 – *Alekseenko N.V.* (1981). Naselenie dorevoluytsionnogo Kazakhstana (Chislennost, razmesheniye, sostav: 1870-1914 gg.) [Population of pre-revolutionary Kazakhstan (number, location, composition: 1870-1914)]. Alma-Ata: Nauka KazSSR. 110 p. [in Russian]

Baktygulov, 1971 – *Baktygulov Dzh. S.* (1971). Iz istorii perehoda kyrgyzskogo krest'yanstva k osedlosty i sotsialisticheskim sposobam hozyaistvovaniya [From the history of the transition of the Kyrgyz peasantry to sedentary and socialist ways of managing]. Frunze: Ilim. 206 p. [in Russian]

Bekmakhanova, 1986 – *Bekmakhanova N.E.* (1986). Formirovanie mnogonatsionalnogo naseleniya Kazakhstana i Kyrgyzii v epohu kapitalizma [Formation of the multinational population of Kazakhstan and Kyrgyzstan in the era of capitalism.]. M.: Nauka. 243 p. [in Russian]

Brusina, 2001 – *Brusina O.I.* (2001). Slavyane v Sredney Azii: etnicheskie i sotsialnye protsessy. Konets XIX – konets XX veka [Slavs in Central Asia: ethnic and social processes. The end of the XIX – end of the XX century]. M.: Vostochnaya literatura. 240 p. [in Russian]

Chirkin, 1908 – *Chirkin G.F.* (1908). Polozhenie pereselencheskogo dela v Semirechye [The position of the resettlement case in Semirechye]. G.U.Z.i Z. 152 p. [in Russian]

Galuzo, 1935 – *Galuzo P.G.* (1935). Turkestan – koloniya [Turkestan – a colony]. Tashkent: Gos. Izd-vo UzSSR. 222 p. [in Russian]

Galuzo, 1965 – *Galuzo P.G.* (1965). Agrarnye otnosheniya na yuge Kazakhstana v 1867-1914 gg. [Agrarian relations in the south of Kazakhstan in 1867-1914 years]. Alma-Ata: Nauka. 347 p. [in Russian]

Iljaysov, 1963 – *Iljaysov S.I.* (1963). Zemelnye otnosheniya v Kyrgyzii v kontse XIX – nachale XX vv. [Land relations in Kyrgyzstan in the late XIX – early XX centuries]. Frunze: Ilim. 440 p. [in Russian]

Inoyatov, 1978 – *Inoyatov H.Sh.* (1978). Pobeda Sovetskoj vlasti v Turkestane [Victory of Soviet power in Turkestan]. M.: Mysl. 364 p. [in Russian]

Kayfman, 1905 – *Kayfman A.A.* (1905). Pereselenie i kolonizatsiya [Relocation and colonization]. SPb. 443 p. [in Russian]

Kusainuly, Halidulin, 2005 – *Kusainuly K., Halidulin G.H.* (2005). Socialno-ekonomicheskaya istoriya Kazakhstana na rubezhe XIX- XX vv. [Socio-economic history of Kazakhstan at the turn of the XIX – XX centuries]. Almaty: Gylym. 100 p. [in Russian]

Loganov – *Loganov G.* Rossiya v Sredney Azii [Russia in Central Asia]. *Voprosy kolonizatsii*. №4. pp. 1-76. [in Russian]

Miymanbaeva, 2002 – *Miymanbaeva. F.N.* (2002). Russkie pereselentsy v Semirech'e v k. XIX–XX vv. [Russian immigrants in the Semirechye at the end of the XIXth – the beginning of the XXth centuries]. Uchebnoe posobie po spetskursu. Almaty: Karat-Print. 48 p. [in Russian]

Miymanbaeva, 2007 – *Miymanbaeva F.N.* (2007). Strategicheskiye zadachi tsarskoj Rossii kak prichina formirovaniya pereselencheskoj politiki v Semirechye v k. XIX – n. XX vv. [The strategic objectives of tsarist Russia as the reason for the formation of the migration policy in Semirechye in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik KazUMOiMYa. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya i mezhkulturnaya kommunikatsiya*. №1 (4). pp. 58-60. [in Russian]

Miymanbaeva, 2007 – *Miymanbaeva. F.N.* (2007). Kolonizatsionnaya politika tsarizma v Semirechye v n. XX v. [The colonization policy of tsarism in Semirechye in the early 20th century]. *Alash: istoriko-etnologicheskii zhurnal*. 4 (13). pp. 132-139. [in Russian]

Miymanbaeva, 2013 – *Miymanbaeva. F.N.* (2013). Arkhivnyye materialy kak istochnik po sotsialno-ekonomicheskoy istorii krest'yan-pereselentsev Semirechya v posleoktyabrskiy period [Archival materials as a source on the socio-economic history of the peasants of the Semirechie migrants in the post-October period]. *Vestnik KazNU imeny al-Faraby. Seriy istoricheskaya*. 2(69). pp. 7-14. [in Russian]

Miymanbaeva, 2014 – *Miymanbaeva. F.N.* (2014). Obshie svedeniya o torгово-promyshlennom sele Bolshoi Tokmak [General information about the commercial and industrial village of Bolshoi Tokmak of the end of the XIX – beginning of the XX centuries]. *Vestnik KazNU imeny al-Faraby. Seriy istoricheskaya*. 2(73). pp. 207-212. [in Russian]

Miymanbaeva, 2015 – *Miymanbaeva. F.N.* (2015). Deyatel'nost' Glavnogo upravleniya zemleustroistva i zemledeliya po formirovaniyu pereselencheskogo zemel'nogo fonda v Semirech'e v nachale KhKh veka [The activities of the General directorate of land management and agriculture for the formation of the resettlement land fund in Semirechye at the beginning of the twentieth century]. *Vestnik Kaznu imeny al-Faraby. Seriy istoricheskaya* 1(76). pp. 127-133. [in Russian]

Miymanbaeva, 2016 – *Miymanbaeva. F.N.* (2016). Iz istorii obrazovaniya starozhilcheskikh pereselencheskikh hozyaistv v Semirechye [From the history of the formation of old-time migrant farms in Semirechye]. *Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya "Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki"*. 3 (50). pp. 79-82 [in Russian]

- Miymanbaeva, 2017** – *Miymanbaeva, F.N.* (2017). Socialnoe rassloenie v pereselencheskom hozyaistve Semirechya [Social stratification in the resettlement economy of Semirechye]. «Evraziyskiy perekrestok». Sbornik materialov nauchno-prakticheskikh meropeiyatiy. Vypusk VI. Orenburg: OOO IPK «Universitet». 481 p., pp. 375-382. [in Russian]
- Obzor, 1884** – Obzor Semirechenskoy oblasti za 1883 g. [Overview of the Semirechensk region for 1883]. Verny, 1884. 96 p. [in Russian]
- Palen, 1910** – *Palen K.K.* (1910). Pereselencheskoe delo v Turkeстане [Migration in Turkestan]. SPb. 418 p. [in Russian]
- Poayrkov, 1907** – *Poayrkov F.* (1907). Poslednyi epizod dunganskogo vosstaniya [The last episode of the Dungan uprising]. Vernyy. 76 p. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- RGVIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]. [in Russian]
- Rumayntsev, 1911** – *Rumayntsev P.P.* (1911). Usloviya kolonizatsii Semirechya [Conditions of colonization of Semirechye]. *Voprosy kolonizatsii*. №9. [in Russian]
- Rumyantsev, 1911–1916** – *Rumyantsev P.P.* (1911–1916). Materialy po obsledovaniyu tuzemnogo i russkogo starozhilcheskogo hozyaictva i zemlepolzovaniya v Semirechenskoy oblasti, sobrannye i razrabotannye pod rukovodstvom P.P. Rumyantseva. V 8-mi tt. [Materials on the survey of the native and Russian old-time economy and land use in the Semirechensk region, collected and developed under the guidance of P. P. Rumyantsev] In 8 vols. - SPb, Pg, 1911-1916. [in Russian]
- Sapelkin, 1977** – *Sapelkin A.A.* (1977). Agrarnye otnosheniya v Kirgizii [Agrarian relations in Kirgizstan at the beginning of the XX century]. Frunze: Ilim. 282 p. [in Russian]
- Shkapskiy, 1907** – *Shkapskiy O.A.* (1907). Pereselentsy-samovoltsy i agrarny vopros v Semirechenskoy oblasti [Immigrant settlers and the agrarian question in the Semirechensk region]. *Voprosy kolonizatsii*. №1. [in Russian]
- Suleymenov, 1977** – *Suleymenov B.S.* (1977). Revolyutsionnoe dvizheniye v Kazakhstane v 1905-1907 godah [The revolutionary movement in Kazakhstan in the years 1905-1907]. Alma-Ata: Nauka. 256 p. [in Russian]
- Talyzin** – *Talyzin A.* Pishpekskiy uezd. Istoricheskiy ocherk (1855-1869) [Pishpek County. Historical essay (1855-1869)]. Pamyatnaya knizhka Semirechenskogo oblastnogo statisticheskogo komiteta na 1898 god. [The memorial book of the Semirechensk regional statistical committee for 1898.]. B.m., b.g. [without space, no year]. T.2. pp. 25-41. [in Russian]
- TsGA RK** – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. [in Russian]
- TsGA RU** – Central State Archive of the Republic of Uzbekistan. [in Russian]
- Tursunbaev, 1950** – *Tursunbaev A.B.* (1950). Iz istorii krest'nyanskogo pereseleniya v Kazakhstan [From the history of peasant resettlement in Kazakhstan]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1950. 102 p. [in Russian]
- Usenbaev, 1980** – *Usenbaev K.U.* (1980). Obshestvenno-ekonomicheskie otnosheniya kirgizov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [Socio-economic relations of the Kirgiz (second half of the XIX – early XX centuries)]. Frunze: Ilim. 321 p. [in Russian]
- Vozniknovenie kapitalisticheskikh..., 1970** – Vozniknovenie kapitalisticheskikh otnosheny v Kirgizii v kontse XIX – nachale XX vv. [The emergence of capitalist relations in Kirgizstan in the late XIX – early XX centuries] Frunze: Ilim. 272 p. [in Russian]
- Zabirov, 1958** – *Zabirov K.* (1958). Pereselenie i kolonizatsiya Severnoy Kirgizii [Relocation and colonization of Northern Kirgizstan]. *Uchenye zapiski istfaka KGU*. Vyp. VI. Frunze. 187 p. [in Russian]

Русские переселенческие села Семиречья в конце XIX – начале XX вв.

Фиалка Нуруевна Мийманбаева^{a, *}, Ардак Серикбаевна Абдирайимова^b,
Нурзила Кумешбаевна Алпысбаева^a, Перизат Нурлыбековна Нускабай^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^b Казахская Академия транспорта и коммуникаций имени М. Тынышпаева, Казахстан

Аннотация. Определяющую роль в складывании переселенческой политики Российского государства в к. XIX – н. XX вв. играла политика имперской власти, заинтересованной в укреплении своих позиций в Средней Азии. Крестьянская колонизация Семиреченской области прошла в несколько этапов, связанных с отношением правительства к переселенческому движению, а также с

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: m.fialka58@mail.ru (Ф.Н. Мийманбаева),
ardasha_69@mail.ru (А.С. Абдирайимова), nurzipakz@mail.ru (Н.К. Алпысбаева),
perizat.nuskabai@mail.ru (П.Н. Нускабай)

уровнем и характером экономического и политического развития России. Рассматривается возникновение Переселенческого управления и деятельность Семиреченской переселенческой организации по подготовке земельных участков для переселенцев. Раскрывая процесс переселенческого движения, авторы рассматривают становление самовольческих хозяйств в Семиречье. Выявляются динамика переселенческого движения, трансформация планов Семиреченского областного руководства по обеспечению крестьян землей, деление крестьянского населения на старожильческое, новосельческое и самовольческое, имевшее различные традиции проживания в области и, соответственно, неодинаковый правовой статус; указывается количество русских сел, основные занятия крестьян, льготы, предоставляемые крестьянам-переселенцам., социальная дифференциация крестьянства. Отмечается, что в процессе адаптации к местным географическим и природным условиям у переселенцев складывались своеобразные черты хозяйственного и материального быта: основой хозяйства теперь являлось не только земледелие, но и скотоводство. Но при этом не терялась общая национальная специфика производственной и бытовой культуры. Проблемы колонизации и переселения рассматриваются в тесной связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами.

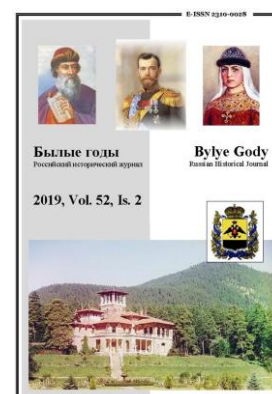
Ключевые слова: колонизация, крестьянство, миграция, переселение, Российская империя, Туркестан, социально-экономические отношения, столыпинская аграрная реформа, Семиречье, землеотводные работы.

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 792-799. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.792
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Specifics of Popular Education in Russian Province at the turn of the 20th century (based on the Materials of Volgograd State Archive)

Alexander V. Ryazanov ^{a,*}, Andrey A. Solovyev ^b, Alexander V. Zakharov ^b, Lyubov S. Solovyeva ^c

^a Povolzhsky Institute of Management after P.A. Stolypin, Russian Federation

^b Volgograd State Technical University, Russian Federation

^c Volgograd State University, Russian Federation

Abstract

The paper examines curricula and upbringing methods of Russian public education at the turn of the 20th century in the Province of the Don Cossack Host and The Kamyshinsky region of The Saratov Governorate. We have analysed various archives of male and female educational institutions such as gymnasiums, four grades, secondary, and church-based schools. The authors focused on specifics of popular educational as well as gender structure of school staff. According to archival documents, male education differed by greater number of subjects. We have also found that equal number of men and women worked as teachers in female instructions in the period mentioned above. On the contrary, male teachers almost absolutely prevailed at male secondary schools. We argue that the difference can be explained not only by economic and religious reasons, but values, methods, and goals of education must be taken into account. The analysis of several students' records allows to state that popular education in the Russian Empire of the time was governed by the principles of rationality and statism, both of which associated with manhood. This is the rationale of male domination at secondary schools. On the other hand, the main purpose of female education was transference of socio-psychological and household skills. This educational goal can only be reached if female teachers comprise considerable part of school staff. It must be also mentioned that popular education in Russian province was not restricted to officially approved programs, but had its own features especially in the field of educational work.

Keywords: popular education, history of education, Kamyshinsky region, Province of the Don Cossack Host, Russian Empire, male secondary school, gymnasium.

1. Введение

Если рассматривать населенные пункты, располагавшиеся на территории современной Волгоградской области во второй половине XIX – начале XX вв., то можно обнаружить (помимо самого Царицына и успешно развивавшейся в тот период Дубовки) несколько мест, которые интересны с историко-культурной точки зрения. Среди таких мы обращаем внимание на Камышин, Урюпинск и Усть-Медведицкий округ. При этом одной из определяющих духовную атмосферу жизни общества можно считать область народного образования, фактически зарождающуюся в рассматриваемый период в вышеуказанных поселениях.

Мы полагаем, что изучение данной сферы невозможно без рассмотрения содержания обучения и воспитания, причем имеются в виду не столько официально установленные цели и задачи учебно-воспитательного процесса, сколько реальные события, происходившие на юге России.

* Corresponding author

E-mail addresses: alexandr.ryazanov@gmail.com (A.V. Ryazanov), lokotigr@mail.ru (A.A. Solovyev), Ulysses1@yandex.ru (A.V. Zakharov), solovieva_ls@volsu.ru (L.S. Solovyeva)

Актуальность рассматриваемой проблемы вызвана как научными, так и социальными соображениями. С одной стороны, исследование народного образования имеет значение для истории Волгоградского региона и России в целом, с другой – позволяет изучить развитие образовательной деятельности в российской провинции, начиная со второй половины девятнадцатого столетия, что в свою очередь предоставляет возможность иначе взглянуть на многое, происходящее в российском образовании сегодня.

2. Материалы и методы

Изучение специфики народного образования в России второй половины XIX – начала XX вв. ориентируется на анализ документов, сопровождавших работу учебных заведений области Войска Донского и Камышинского уезда Саратовской губернии, которые в основном соответствуют существовавшим на тот момент программам и идеологии народного образования в стране, но также включающим ряд фактов, имеющих значение для понимания образовательного процесса и жизни общества.

Основными источниками и базой исследования выступают выписки из шаровых книг, требовательных ведомостей, протоколов заседаний педагогических советов, годовых отчетов Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища области Войска Донского (1888, 1890, 1894, 1899), Урюпинской женской гимназии (1910, 1912), Усть-Медведицкой мужской гимназии (1874), Усть-Медведицкого реального училища имени атамана графа М.И. Платова (1888, 1895, 1897, 1899), Усть-Медведицкого духовного училища станицы Усть-Медведицкой (1897), Урюпинского реального училища (1886, 1887, 1889, 1891, 1895, 1896), Камышинского реального училища Камышинского уезда Саратовской губернии (1891).

В работе используется прежде всего идиографический подход, который позволяет подробно рассматривать отдельные события, связанные с народным образованием на юге России второй половины XIX – начала XX вв. При этом делаются попытки установить причинно-следственные связи, объединяющие эти события и тенденции развития образовательной сферы в стране. Изучаемые архивные данные предоставляют возможность соотнести официальные документы, сопровождающие учебно-воспитательный процесс, и реализацию этих программ на практике.

3. Обсуждение

Народное образование на территории современной Волгоградской области второй половины XIX века рассматривается следующими авторами: С.Ю. Гречко исследует особенности церковно-приходских школ ([Гречко, 2015](#)), В.В. Мельникова описывает народное образование в регионе в целом ([Мельникова, 2001](#)), а Д.В. Пополитов – епархиальное образование ([Пополитов, 2009](#)). Среди исследователей, обращавших внимание на образование в России указанного периода, назовем Э.Д. Днепров, представившего анализ законодательства, сопровождавшего учебно-воспитательный процесс ([Днепров, 2015](#)); Т.Э. Зульфугарзаде и А.Ю. Перетятко, изучавших особенности народного образования в среде казачества ([Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#)); Е.Ю. Захаровой и Л.А. Порш, сравнивавших педагогический состав учебных заведений разных периодов ([Захарова, Порш, 2017](#)); А.А. Стрельцова, выявлявшего специфику программ обучения в реальных училищах ([Стрельцов, 2016](#)). Следует также указать работы, посвященные отдельным аспектам проблемы содержания образовательного процесса, в том числе взаимосвязи народного образования с политикой и культурой ([Запесоцкий, 2003](#)), концептуальным основам воспитательной деятельности ([Наливайко, 2009](#)), антропологическим аспектам образования ([Тарасова, 2009](#)).

4. Результаты

Развитие разных форм учебных заведений в России второй половины XIX – начала XX вв. – гимназий, реальных, духовных, четырехклассных училищ – вероятнее всего, было обусловлено определенными внешними по отношению к народному образованию причинами. Это могли быть социально-экономические (развитие производства, изменение социальной структуры) и культурные (увеличение числа грамотных, развитие наук и искусств внутри страны) факторы. Образование как один из наиболее консервативных институтов проводит те или иные материальные и духовные изменения, происходящие вовне, через собственные приоритеты. Отсюда следует, что задачи, поставленные «сверху», могут иметь различные воплощения внутри учебно-воспитательного процесса.

Мы попытаемся отдельно рассмотреть процессы в народном образовании, связанные с обучением, и процессы, связанные с воспитанием, уделив внимание, прежде всего, содержанию этих явлений и тому, как внутренние и внешние причины определяли это содержание. В качестве инструмента косвенного выявления этих причин мы используем сравнение образования в мужских (реальных и духовных училищах, мужских гимназиях) и женских учебных заведениях (женских училищах, женских гимназиях). Особое значение при этом мы уделяем рассмотрению провинциального образования, поскольку зачастую оно имеет специфику в силу территориальной отдаленности от центра и вытекающих из этого трудностей обнаружения несоответствий между официально заявленными целями и их реализацией на практике, особенно это касается нововведений,

так как «своеобразие модернизаций в значительной степени зависело от того, какие механизмы развития задействовались на субстрановом, региональном уровне» (Poberegnikov, 2016: 871).

Несоответствия между официальной программой и ее реализацией могли касаться содержания обучения, которое значительно различалось в указанных выше типах учебных заведений. Мы воспользуемся для косвенного подтверждения этой позиции шаровыми книгами (документами, представляющими успеваемость обучающихся) разных училищ.

Согласно шаровой книге Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища за 1892/1893 учебный год, среди изучаемых предметов были Закон Божий; русский язык и церковнославянский; арифметика; геометрия; русская история; география; естествоведение; рукоделие; чистописание; рисование (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 24. 1892–1893 гг.).

Согласно шаровой книге Усть-Медведицкого реального училища за 1897/1898 учебный год, среди изучаемых предметов были:

- в 1–4 классах: Закон Божий; русский язык; немецкий язык; французский язык; география; рисование; история; чистописание; арифметика; алгебра; геометрия; черчение; естественная история;
- в последующих классах: математическая география, тригонометрия, физика (ГАВО. Ф. 106. Описание 1. Д. 15. 1897–1898 гг.).

Если сравнить группы предметов для девушек и юношей, то обнаружится, что принципиальной разницы между ними нет. В обоих случаях изучаются русский язык, история, естественные науки; предметы практического толка.

На наш взгляд, применительно к различиям самих обучающихся (женское училище – девочки; реальное училище – мальчики) перспективнее было бы обратить внимание на списки преподавателей.

В состав Усть-Медведицкого четырехклассного женского училища в 1888-м году, согласно отчету, входили 11 педагогических работников, в том числе два законоучителя, 4 «учителя» и 5 учительниц» (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 4. Л. 2-4). Можно говорить о примерном равенстве педагогов мужского пола и женского. Если же не считать законоучителей, то фактически в рассматриваемый период учительниц было даже больше, чем учителей.

Согласно Требовательной ведомости жалованья того же заведения за 1890 год, работали 14 педагогов, в том числе директор и смотрительница; от 6 до 9 (в зависимости от месяца) учителей; от 3 до 5 учительниц (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 22. 1890 г. Л. 2-5). По отдельным месяцам можно говорить о количественной близости представителей двух категорий: «учитель» и «учительница». Согласно отчету о состоянии училища за 1894 год, было заведующего училищем – 1; законоучителя – 2; учителей – 5; учительниц – 4. Всего преподавателей и преподавательниц – 12 (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 39. 1894 г. Л. 2-5), но фактически имело место то же соотношение, что и в 1888-м. Примерно такая же картина наблюдается в 1899-м: если рассматривать по отдельным месяцам, то в каждый из них не менее 4 преподавательниц, не менее 4, но не более 7 преподавателей (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 61. 1899 г. Л. 1-19).

Похожее соотношение в Урюпинской женской гимназии в начале XX века. Согласно протоколам заседания педагогического совета за 1910 год (ГАВО. Фонд 109. Оп. 1. Д. 1. 1910 г.) и протоколам педсоветов о принятии учеников в школу и об отпуске учеников из школы за 1912 год (ГАВО. Фонд 109. Оп. 1. Д. 2. 1912 г.), число педагогов-женщин в указанном учебном заведении примерно совпадало с числом педагогов-мужчин, в некоторых случаях даже превышало его, правда незначительно.

Согласно статистике, профессия «учитель» во второй половине XIX – начале XX вв. в России позиционировалась как однозначно мужская. Е. Захарова и Л. Порш утверждают, что до 1917 г. 98 % от общего состава учителей составляли мужчины (Захарова, Порш, 2017: 42). Если допустить, что 98 % учителей были мужчинами, а в женских учебных заведениях (которых, допустим, было не менее 5 %) было не менее трети учителей-женщин, то следует предположить, что в мужских учебных заведениях педагогический состав почти полностью был мужским. Но в женских учебных заведениях наблюдалась иная ситуация. Вероятно, наличие среди преподавательского состава учебных заведений для девушек значительного количества женщин оправдано необходимостью специфически женского воспитания. Абсолютное же преобладание мужчин среди преподавательского состава мужских учебных заведений в таком случае следовало бы объяснять необходимостью специфически мужского воспитания.

Теоретически можно предположить, что необходимость мужского воспитания оправдана в том числе необходимостью воспитания религиозного. В России конца XIX – начала XX вв. большое внимание уделялось духовно-нравственной составляющей образования, создавалось немало учебных заведений христианского типа (Shevchenko et al., 2018: 226). Также в реальных училищах могли изучаться разные предметы, так или иначе связанные с необходимостью духовного воспитания. В список учебных пособий для первого класса училища имени атамана графа М.И. Платова входили краткая священная история Ветхого Завета, учебный часослов, Новый Завет. Однако было немало пособий и по «светским» дисциплинам (ГАВО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 33. 1901 г. Л. 2-11). Поэтому, исходя из

предлагаемой учебной литературы, нельзя говорить о каком-то засилье религиозного воспитания, что косвенно исключает его необходимость.

Кроме того, религиозное воспитание не исключалось в учебных заведениях для девушек. В подготовительном классе женского четырехклассного училища, согласно срочным ведомостям училища за 1900/1901 гг., изучались Закон Божий, начальное краткое молитвословие и другие дисциплины этого рода (ГАВО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 62. 1900–1901 гг.).

В качестве косвенной причины различий кадрового состава в разных учебных заведениях можно назвать нехватку педагогических кадров для работы в учреждениях. Преподавателями во многих школах станиц и хуторов часто были священники местных приходов, а педагогика была формой общественной деятельности священнослужителей (Гречко, 2015: 44-49). Вероятно, поэтому епархиальным начальством было принято решение об открытии семинарий: в 1868 г. – духовной и в 1877 г. – светской, деятельность которых была направлена на решение кадровой проблемы – подготовки священников-преподавателей для работы в школах (Пополитов, 2009: 100). Однако это вряд ли могло повлиять на соотношение между мужскими и женскими училищами и гимназиями, поскольку в обоих типах учебных заведений работали законоучителя, которые одновременно являлись священниками.

Особенностью мужского образования называют еще и техническое обучение. Но, во-первых, данное отличие распространялась прежде всего на реальные училища, а не на гимназии, во-вторых, применительно к самим училищам трудно говорить об определяющем его влиянии на учебный процесс. Действительно, начиная приблизительно с 1860-го года, в стране стали появляться учебные заведения с углубленным изучением иностранных языков и математики. Собственно, это и были реальные гимназии, которые впоследствии переименовали в реальные училища (Стрельцов, 2016: 112).

При этом обучение «живым» иностранным языкам трудно напрямую сопоставить с техникой, поэтому предполагается нечто связующее, что в программах не обнаружено. Если же говорить о близких к технике предметах (черчение, арифметика, алгебра), то эти дисциплины начинали изучаться на более поздних этапах образования в училище, поэтому общее количество учителей по ним не могло составлять сколько-нибудь значительную часть от общего педагогического состава, а именно это было бы необходимо для того чтобы объяснять почти абсолютное преобладание мужчин среди преподавателей реальных училищ и мужских гимназий.

Если признать тот факт, что то или иное общество постепенно развивается социально-экономически, технологически и культурно, то можно рассуждать о том, что народное образование может как определять это развитие, так и определяться им. Существуют самые разнообразные причины выбора содержания учебного процесса (Соловьев, Соловьева, 2018: 30, 31), здесь приходится рассуждать о форме образовательной деятельности, хотя эта форма опять же может официально представлять собой содержание, прежде всего в названиях предметов, а также в формах проверки, которым в рассматриваемый нами период уделялось много внимания.

Поскольку мы исключили значимость ряда причин, которые могли бы определять как содержание обучения в мужских и женских заведениях, так и особенности педагогического состава этих заведений, то должны представить собственное объяснение специфики программы и кадрового состава исследуемых учреждений.

В данной работе мы условно абстрагируемся от экономических факторов «гендерной асимметрии» в образовании, поскольку последние затрагивают лишь отдельные стороны организации учебно-воспитательного процесса (Соловьев, 2017: 66), и обращаем внимание на то, что определяющим фактором рассмотренных неравномерностей могут становиться особенности воспитания, включающего в себя присмотр за воспитанниками во внеурочное время, учет психологических особенностей в учебном процессе, а также непосредственную воспитательную деятельность. Мы полагаем, что указанные виды деятельности трудно проследить в документах, но при этом именно они могут становиться факторами, определяющими специфику учебных заведений.

Многое в народном образовании детерминировано профессиональными перспективами обучающихся, но, вероятно, трудно найти в истории России время, когда те или иные формы образовательной деятельности имели целью создание профессионально компетентных индивидов, лишенных морально-нравственных ценностей, индивидов, которым чужды социальные идеалы и нормы (Гуркина, 2001). Образование зависит не только от официальной программы, пола или «психологических» особенностей учащихся. Имеет значение и специфика региона. На юге России значительную часть населения составляло казачество, поэтому и разного рода образовательные проекты были направлены в том числе на эту этническую общность (Peretyatko, Zulfugarzade, 2017: 819-826) с ее системой ценностей. Однако из этого не следует какого-то особого «казачьего воспитания», ведь обычно оно совпадало с традициями, сложившимися в российской провинции конца XIX века.

Кроме косвенного доказательства, связанного с кадровым распределением, можно привести документальные подтверждения значимости воспитательной деятельности. К примеру, существовала такая должностная позиция, как «воспитатель», причем обязанности воспитателей прописывались в

протоколах заседаний педагогических советов и включали надзор за нравственностью воспитанников, в том числе разъяснения, замечания, другие «назидательные меры». Все это должно было направляться на развитие в воспитанниках чувства «законности, добра и справедливости». Согласно протоколам заседаний педагогического совета Усть-Медведицкой мужской гимназии, при отсутствии учителей воспитатели должны были «занимать свободные часы» (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 5. Л. 32). Учеников также называли «воспитанниками», а воспитатель при необходимости должен был выполнять функцию преподавателя, что, на наш взгляд, показывает значительную взаимообусловленность учебного и воспитательного процессов.

На самих преподавателей часто возлагались определенные воспитательные задачи. Указывалось, например, что «в классах, где преимущественно и должна выразиться воспитательная деятельность преподавателей, они обращают свое внимание на то, чтобы их преподавание носило характер воспитывающий»; также прописывалось следующее: «...преподаватели преимущественно стараются о развитии ума, облагораживании чувства и утверждении воли детей, направляя ее к добру и истине» (ГАВО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 5. Л. 35).

Обратимся также к протоколам заседаний педагогического совета Камышинского реального училища, содержащим уникальные сведения, которые не только раскрывают цели и методы воспитания в светских учебных учреждениях на рубеже XIX–XX вв., но и отражают фундаментальные ценности российского общества изучаемой эпохи.

Рассмотрим повестку заседания педсовета училища, состоявшегося 9 января 1891 г. На нем обсуждалось «странное поведение ученика IV класса Васильева», который «вел уединенную жизнь». Судя по содержанию протокола, он снимал комнату в одном из домов города без компаньонов, «пристрастился к чтению религиозной литературы», много читал «жития святых, акафист», намеревался отправиться в Киево-Печерскую лавру и принять монашеский постриг. Педагоги отмечают, что «под влиянием одностороннего направления мыслей ученика, возвращавшегося только в среде религиозной при отсутствии всех других развлечений, он мог подпасть временной галлюцинации чувств». Однако по результатам осмотра врача он был признан «вполне здоровым», к нему были применены «ограничительные меры чисто воспитательного характера» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 18).

Авторы полагают, что такое отношение педагогов к проявлению религиозной жизни ученика в православной России кажется необычным только на первый взгляд. Из протокола заседания педсовета возможно заключить, что Васильев принимал решения самостоятельно, не консультируясь со своим духовником. В тексте упоминается некая «религиозная среда», возможно, группа верующих, о которых нет никакой информации, в том числе сведений об их знакомстве со святоотеческой традицией.

На наш взгляд, данный документ свидетельствует о том, что педагоги опирались на следующую позицию: обществу, нуждающемуся в увеличении производства, необходимы инженеры в той же мере, в какой и служители церкви. Осознавая, что ученик действует по собственной воле, не следуя советам авторитетного духовного лица, учителя приняли решение воздействовать на Васильева, изменить его поведение и образ мыслей. Идею о том, что преподаватели могли находиться под воздействием модных в то время антирелигиозных и антигосударственных течений, авторы отвергают на основании рассматриваемого ниже документа.

В протоколе заседания педсовета от 1 марта 1891 года подводятся итоги проверки домашнего чтения учеников училища. В нем отмечается, что они «выписывали в складчину книги», осуществляли «чтение периодических изданий, не соответствующих юношескому возрасту». Педагоги приводили список: «Северный вестник» – литературный журнал, который как раз к началу 90-х годов позапрошлого века стал печатным органом литераторов-декадентов; «Наблюдатель» – журнал литераторов-охранителей, тяготевший к правым и даже ультраправым идеям; «Русская мысль» – журнал умеренных либералов. Все указанные издания так или иначе отклонялись от идей, поддерживаемых государственной властью. В частности, «Наблюдатель» получил предупреждение от властей (Есин, 2006: 49–51).

Другими словами, педагоги стремились оградить учеников от любой информации, которая бы препятствовала учебному процессу, а также могла побудить к совершению противоправных поступков. Об этом свидетельствует следующая цитата из протокола: «...задача воспитания состоит в том, чтобы предупредить проступки учеников и поставить последних в такие условия, при которых было бы невозможно нарушение существующих правил школьной жизни». Следующей задачей является препятствие созданию учениками «кружков с целью саморазвития» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 24).

Если причина постановки первой воспитательной задачи ясна и не вызывает возражений, то вторая, по мысли авторов, обусловлена тем, что педагоги исходили из широко распространенного представления, согласно которому процесс свободного творческого поиска часто сопряжен с ошибками и заблуждениями, которые могут пагубно сказаться на успеваемости учеников. Педагогический коллектив всеми силами стремился предотвратить уклонение молодых людей от учебного процесса. Таким образом, учителя видели главную цель своей деятельности в создании почвы для подготовки квалифицированных инженерных кадров, востребованных на рынке труда Российской империи.

Но важно учитывать, что во второй половине XIX века власть разрабатывала и продвигала курс, направленный на внедрение основ «гражданственности» в казачьих землях, доминирование

милитаристских принципов в укладе казачьей жизни (Волвенко, 2019: 60). Выполнение «госзаказа», с одной стороны, а с другой – осознание необходимости обучения основам наук, по нашему мнению, были мотивами, которыми руководствовались педагоги, пресекая творческую деятельность подопечных.

Протокол заседания от 20 марта 1891 года описывает внешкольные формы воспитательной работы. В нем отмечается, что «жалоб на учеников от хозяев квартир не поступало». Но в ходе проверок учеников на квартирах классными наставниками были выявлены факты «несвоевременного гуляния по улицам», «самовольной отлучки из города» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 23). В протоколе заседания от 3 мая того же года отмечается, что в связи с удлинением светового дня можно «дозволить учащимся находиться вне дома вместо 6 часов вечера до 7 часов, причем предупредить, что за позднее гуляние, в особенности на бульваре, они будут строго наказаны» (ГАВО. Ф. 291. Оп. 1. Д. 22. Л. 25). Целью таких мер воздействия, вероятно, было воспитание дисциплины учащихся, создание условий для обучения, при бесконтрольности не каждый юноша мог бы посвятить свое время учебе.

Из этого следует, что педагоги Камышинского реального училища руководствовались патерналистскими принципами по отношению к ученикам, стремясь оградить их от недопустимых форм поведения. Это совпадало с общей идеологией того времени, которая имела определенный эффект, например, в деле патриотического воспитания: подрастающее поколение активно проявляло свою гражданскую позицию в начале Первой мировой войны, жертвовало в пользу раненых, просилось на фронт (Leontyeva et al., 2017: 658-659). Более того, факты свидетельствуют о следующем явлении: несовершеннолетние массово «убегали» на фронт, участвовали в реальных боевых действиях, даже несмотря на противодействие властей, которые впоследствии обозначили данное явление как «образец патриотической службы» (Cherkasov et al., 2001). Выходит, что не столько внешнее принуждение к исполнению гражданского долга определяло патриотические настроения, сколько внутренние мотивы, которые, на наш взгляд, формируются в первую очередь воспитательной деятельностью. Поэтому можно говорить, что молодые люди выходили из стен учебных заведений не только обученными людьми, но и личностями, готовыми следовать социальным нормам, существовавшим в России на рубеже XIX–XX вв.

5. Заключение

Подводя итоги, нужно отметить достаточное разнообразие форм и способов реализации народного образования в России второй половины XIX – начала XX вв. На территории области Войска Донского и Камышинского уезда Саратовской губернии существовали гимназии, разные училища; учебные заведения как для мальчиков, так и для девочек и разной направленности планы содержания обучения. При этом отличались ценностно-целевые ориентации воспитательной деятельности: она зависела как от возраста обучающихся, так и от пола, что определяло и кадровый состав учебных заведений.

Литература

- Волвенко, 2019 – Волвенко А.А. Власть и казачество в эпоху великих реформ Александра II (1860–1870-е гг.) // *Россия XXI*. 2019. № 1. С. 60–87.
- ГАВО – Государственный архив Волгоградской области.
- Гречко, 2015 – Гречко С.Ю. Церковно-приходские школы в Усть-Медведицком округе области Войска Донского в конце XIX – начале XX века // *Вестник Волгоградского государственного университета*. 2015. Серия 9. № 13. С. 44–49.
- Гуркина, 2001 – Гуркина Н.К. История образования в России (X–XX века). СПб., 2001. 64 с.
- Днепров, 2015 – Днепров Э.Д. Российская образовательная политика XIX – начала XX вв. в зеркале законодательных актов. (Фрагменты из книги Э.Д. Днепров) // *Вопросы образования*. 2015. № 2. С. 279–288.
- Есин, 2006 – Есин Б.И. История русской журналистики. М., 2006. 464 с.
- Запесоцкий, 2003 – Запесоцкий А.С. Образование: философия, культурология, политика. М., 2003. 456 с.
- Захарова, Порш, 2017 – Захарова Е.Ю., Порш Л.А. Феминизация российского образования. Чита, 2017. 115 с.
- Мельникова, 2001 – Мельникова В.В. Народное образование края в XIX – начале XX вв. Волгоград, 2001. 186 с.
- Наливайко, 2009 – Наливайко Н.В. О формировании концепции философии воспитания // *Философия образования*. 2009. № 2 (27). С. 176–185.
- Пополитов, 2009 – Пополитов Д.В. Развитие системы образования в донской епархии во второй половине XIX – начале XX века (на примере Хоперского округа) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 32 (170). История. Вып. 35. С. 100–104.
- Северов, 2017 – Северов В.Г. История зарождения и развития Российской педагогики. Иркутск, 2017. 157 с.
- Соловьев, 2017 – Соловьев А.А. Причины гендерной асимметрии в образовании: экономические и ментальные // *Primo Aspectu*. 2017. № 2 (30). С. 62–66.

[Соловьев, Соловьева, 2018](#) – Соловьев А.А., Соловьева Л.С. Выбор в образовании: субъект, содержание, временная направленность // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 3. С. 28-34.

[Стрельцов, 2016](#) – Стрельцов А.А. Влияние вида среднего образования на профессиональное становление выпускников реальных училищ Российской империи // *Проблемы современного образования*. 2016. № 5. С. 111-118.

[Тарасова, 2009](#) – Тарасова О.И. Антропологический кризис и феномен понимания. Волгоград, 2009. 220 с.

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service During World War I // *Propaganda in the World and Local Conflicts*. 2016. № 1. Vol (5), pp. 4-11.

[Leontyeva et al., 2017](#) – Leontyeva E.Ju., Leontyev A.N., Bogdanova I.N. The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2, pp. 653-662.

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Yu., Zulfugarzade T.E. Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A. M. Dondukov-Korsakov, Kh. I. Popov, N. I. Krasnov // *European Journal of Contemporary Education*. 2017. Vol. 6. Is. 4, pp. 817-829.

[Poberezhnikov, 2016](#) – Poberezhnikov I.V. Russian Imperial Modernization: The General and the Specific // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 867-873.

[Shevchenko et al., 2018](#) – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century // *European Journal of Contemporary Education*. 2018. Vol. 7. Is. 1, pp. 226-231.

References

[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov A.A., Smigel M., Molchanova V.S. (2016). The Glorification of Underage Volunteers in Russian Military Service during World War I. *Propaganda in the World and Local Conflicts*. № 1. Vol (5), pp. 4-11.

[Dneprov, 2015](#) – Dneprov E.D. (2015). Rossiiskaya obrazovatel'naya politika XIX – nachala XX vv. v zerkale zakonodatel'nykh aktov. (Fragmenty iz knigi E. D. Dneprova) [Educational policy in Russia in the End of the 19th and the Beginning of the 20th Centuries Reflected in the Legislation of the Time. (Fragments from E.D. Dneprov's book)]. *Voprosy obrazovaniya*. 2 Nr. 2, pp. 279-288. [in Russian]

[Esin, 2006](#) – Esin B.I. (2006). Istoriya russkoi zhurnalistiki [History of russian journalism]. M. 464 p. [in Russian]

[GAVO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti [Volgograd Region State Archive].

[Grechko, 2015](#) – Grechko S.Y. (2015). Tserkovno-prikhodskie shkoly v Ust'-Medveditskom okruge Oblasti Voiska Donskogo v kontse XIX – nachale XX veka. [Parochial Schools in Ust-Medveditskaya Region of Don Host Province in the End of 19th and the Beginning of The 20th Centuries]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol 9. Is. 13. pp 44-49. [in Russian]

[Gurkina, 2001](#) – Gurkina N.K. (2001). Istoriya obrazovaniya v Rossii (X–XX veka) [History of education in Russia (from the 10th to the 20th centuries)]. SPb. 64 p. [in Russian]

[Leontyeva et al., 2017](#) – Leontyeva E.Y., Leontyev A.N., Bogdanova I.N. (2017). The Russian Provincial Press at the Beginning of the First World War as the Most Important Means of Forming and Maintaining Patriotic Feelings. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2, pp. 653-662. [in Russian]

[Mel'nikova, 2001](#) – Mel'nikova V.V. (2001). Narodnoe obrazovanie kraja v XIX – nachale XX vv. [Public Education of the Region in the End of the 19th and the beginning of the 20th Centuries]. Volgograd. 186 p. [in Russian]

[Nalivaiko, 2009](#) – Nalivaiko N.V. (2009). O formirovanii kontseptsii filosofii vospitaniya [On the Formation of the Concept of the Philosophy of Upbringing]. *Filosofiya obrazovaniya*. Nr. 2 (27), pp. 176–185. [in Russian]

[Peretyatko, Zulfugarzade, 2017](#) – Peretyatko A.Y., Zulfugarzade T.E. (2017). Project of Reforms Proposed for the Don Public Education in the first half of 1860: A.M. Dondukov-Korsakov, Kh.I. Popov, N.I. Krasnov. *European Journal of Contemporary Education*. Vol. 6. Is. 4, pp. 817-829.

[Poberezhnikov, 2016](#) – Poberezhnikov I.V. (2016). Russian Imperial Modernization: The General and the Specific. *Bylye Gody*. Vol. 41-1, Is. 3-1, pp. 867-873. [in Russian]

[Popolitov, 2009](#) – Popolitov D.V. (2009). Razvitie sistemy obrazovaniya v donskoi eparkhii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (na primere Khoperskogo okruga). [The Development of Educational System in the Don Eparchy in the Second Half of the 19th Century and the Beginning of the 20th Century. Khopersk County Example]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 32 (170). *Istoriya*. Vol. 35, pp. 100-104. [in Russian]

[Severov, 2017](#) – Severov V.G. (2017). Istoriya zarozhdeniya i razvitiya Rossiiskoi pedagogiki [Genesis of Russian Pedagogy]. Irkutsk. 157 p. [in Russian]

[Shevchenko et al., 2018](#) – Shevchenko N.A., Kucherkov I.A., Shirev D.A. (2018). Public Education in the Russian Empire at the end of the 19th century. *European Journal of Contemporary Education*. Vol. 7. Is. 1, pp. 226-231.

Solov'ev, 2017 – Solov'ev A.A. (2017). Prichiny gendernoi asimmetrii v obrazovanii: ekonomicheskie i mental'nye [Economic and Mental Reasons of Gender Asymmetry in Education]. *Primo Aspectu*. Nr. 2 (30), pp. 62-66. [in Russian]

Solov'ev, Solov'eva, 2018 – Solov'ev A.A., Solov'eva L.S. (2018). Vybor v obrazovanii: sub'ekt, sodержanie, vremennaya napravlennost' [Alternatives in Education. Subject, Content and Temporal Orientation]. *Logos et Praxis*. Vol. 17. Nr. 3, pp. 28-34. [in Russian]

Strel'tsov, 2016 – Strel'tsov A.A. (2016). Vliyaniye vida srednego obrazovaniya na professional'noe stanovlenie vypusknikov real'nykh uchilishch Rossiiskoi Imperii. [The Influence of Secondary Education Type on Alumni Professional Growth in the Russian Empire]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. Nr. 5, pp. 111-118. [in Russian]

Tarasova, 2009 – Tarasova O.I. (2009). Antropologicheskii krizis i fenomen ponimaniya [Anthropological Crisis and the Phenomenon of Understanding]. Volgograd. 220 p. [in Russian]

Volvenko, 2019 – Volvenko A.A. (2019). Vlast' i kazachestvo v jepohu velikih reform Aleksandra II (1860-1870-e gg.) [State and the Cossacks during the Epoch of Great Reforms of Alexander II (1860-1870)]. *Russia 21st century*. Nr. 1. pp. 60-87.

Zakharova, Porsh, 2017 – Zakharova E.Yu., Porsh L.A. (2017). Feminizatsiya rossiiskogo obrazovaniya [Feminisation of Russian Education]. Chita. 115 p. [in Russian]

Zapesotskii, 2003 – Zapesotskii A.S. (2003). Obrazovanie: Filosofiya, kul'turologiya, politika [Education: Philosophy, Cultural Studies, Politic]. M. 456 p. [in Russian]

Особенности народного образования в российской провинции на рубеже XIX–XX вв. (по материалам Государственного архива Волгоградской области)

Александр Владимирович Рязанов ^{a,*}, Андрей Александрович Соловьев ^b,
Александр Владимирович Захаров ^b, Любовь Сергеевна Соловьева ^c

^a Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина-филиал РАНХиГС, Российская Федерация

^b Волгоградский государственный технический университет, Российская Федерация

^c Волгоградский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется содержание образования на рубеже XIX–XX вв. в области Войска Донского и Камышинском уезде Саратовской губернии. Авторы проанализировали различные архивные фонды, в которых содержатся документы мужских и женских учебных заведений, в том числе мужских и женских гимназий, четырехклассных, реальных и духовных училищ. В исследовании проводится сравнение содержания учебного процесса и педагогического состава в учебных заведениях для юношей и для девушек. Согласно изученным архивным документам, в мужских училищах и гимназиях преподавалось большее количество различных дисциплин, нежели в женских. Также установлено, что в учебных заведениях для девушек количество педагогов мужского пола («учителей») и женского пола («учительниц») было примерно равным. Напротив, в реальных училищах и мужских гимназиях учителя-мужчины составляли почти абсолютное большинство. Авторы посчитали возможным представить гипотезу, согласно которой данное несоответствие связано не только с экономическими и религиозными причинами, но также с ценностно-целевыми основаниями образовательного процесса, с задачами и методами воспитания. Было рассмотрено несколько личных дел учащихся, что позволило сделать следующее заключение: народное образование в Российской империи в указанный исторический период было проникнуто ценностями рациональности и этатизма, которые ассоциировались с образом мужественности. По этой причине в целом среди педагогов преобладали «учителя». Если же говорить отдельно о женских гимназиях и училищах, то их работа была направлена в первую очередь на формирование бытовых и социально-психологических навыков. Подобная трансляция затруднительна при отсутствии в педагогическом составе женских учебных заведений «учительниц». Кроме этого, следует сказать, что народное образование в российской провинции не ограничивалось официально установленными программами, а имело свою специфику и прежде всего это касалось воспитательной работы.

Ключевые слова: народное образование, история образования, Камышинский уезд, область Войска Донского, Российская империя, реальное училище, гимназия.

* Корреспондирующий автор

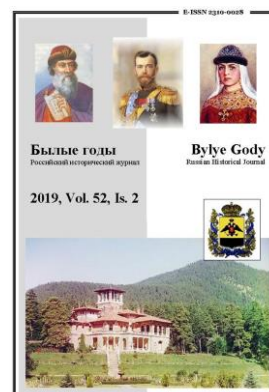
Адреса электронной почты: alexandr.ryazanov@gmail.com (А.В. Рязанов),
lokotigr@mail.ru (А.А. Соловьев), Ulysses1@yandex.ru (А.В. Захаров),
solovieva_ls@volsu.ru (Л.С. Соловьева)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 800-807. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.800
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Unpublished Diaries of Scientific Travels by N.F. Katanov to Xinjiang (1891–1892)

Dmirty E. Martynov ^{a,*}, Yulia A. Martynova ^a, Elmira K. Khabibullina ^a

^a Kazan (Volga region) Federal University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to ethnographic, geographical and folklore studies by N.F. Katanov in Xinjiang at the final stage of his scientific travel in 1891–1892. The article introduces for the first time the scientific information about Katanov's unpublished diaries. The text of the manuscripts is currently being prepared by the co-authors for publication.

The researcher managed to reach the oases of Hami and Turfan, completely unknown to the European Turkology and gather the richest material on the culture and oral literature of the Uighur population. These materials have never been published and preserved in hand-written form in the State Archives of the Republic of Tatarstan. The manuscript of folklore studies of spring and summer, fully compiled for printing in 1891, and contains a real encyclopedia of oral literature of Kazakhs and Uighurs. This information was obtained from informants in the border town of Chuguchak (Tacheng). Field records of the remainder of the trip were partially lost, the diaries for March–October 1892 were preserved. Comparison of the white manuscript with rough materials makes it possible to reconstruct the N.F. Katanov method, who “stringed” folklore materials on direct travel experiences. The information received from the informants was recorded in a separate journal in academic Latin transcription, and when the diary was rewritten, they were included in the Russian translation under the day when they were recorded. Information about the terrain, weather, and customs of local peoples was transferred from field diaries without changes. To illustrate the creative method by N.F. Katanov excerpts from his original diaries. Firstly, this is a description of the Western Mongols customs based on the stories by the Kazakh informant, and secondly, a description of the Uighur customs and the city of Turfan, based on the direct impressions by N.F. Katanov.

Keywords: oriental studies, ethnography, folklore studies, linguoculturology, Xinjiang, Uighurs, N.F. Katanov.

1. Введение

Николай Федорович Катанов (1862–1922) являлся тюркологом-универсалом, охват научных интересов которого простирался от символики шаманских бубнов до свадебных и погребальных ритуалов хакасов и уйгуров и вопросов сравнительно-исторического исследования тувинского языка. Этой широтой он был обязан основательному образованию, полученному в Красноярской гимназии и Петербургском университете (в том числе у А.К. Завадского-Краснопольского и В.В. Радлова). В 1887 г. В.В. Радлов получил согласие Императорского русского географического общества на проведение комплексной экспедиции в Восточную Сибирь и Туркестан для «изучения остатков тюркских племен». Единственным ее участником было предложено сделать Н.Ф. Катанова, тогда еще студента факультета восточных языков. Экспедиция осуществлялась исследователем-одиночкой с минимальными средствами (Валеев, 2008: 29–31; Катанов, 1891b: II) и увенчалась полным успехом, в первую очередь из-за личных качеств Николая Федоровича. Однако судьба научных материалов,

* Corresponding author

E-mail addresses: dmitrymartynov80@mail.ru (D.E. Martynov)

подготовленных во время экспедиции, сложилась крайне неблагоприятно, значительная часть их не была опубликована при жизни исследователя. Данным вопросам посвящено наше исследование.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы. Настоящее исследование выполнено на основе неопубликованных рукописей, хранящихся в Государственном архиве Республики Татарстан (ГА РТ). В первую очередь это объемное дело с авторским названием «Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 г. по поручению Имп. русского географического об-ва. членом-корреспондентом оною Н.Ф. Катановым» (ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11). Данное собрание материалов было переписано Н.Ф. Катановым набело в Петербурге после возвращения из Туркестана. Это объемный том, текст черными чернилами на листах белой бумаги форматом 22x35 см. Автор при переписывании изредка вставлял дополнения или правил стиль. Первая часть, полностью обработанная автором, заканчивается на листе 509 об. Вторая часть, снабженная титульным листом, обрывается при записи сказки буквально на полуслове (ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11. Л. 539 об). В дальнейшем по своим жизненным обстоятельствам Н.Ф. Катанов не смог вернуться к обработке своих материалов. До сих пор текст данного дневника не вводился в научный оборот.

Второе дело имеет условное (и совершенно неверное) название, данное архивистом: «Дневник путешествия по Средней Азии и др. местам (Китай, Монголия)» (ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76). Также неверно дана датировка (от 16 марта 1892 г.), тогда как в тексте самой ранней зафиксированной датой является 11 марта. Это черновые дневники, которые велись непосредственно в поле и служили основой для дальнейшей работы. Они сфальцованы в небольшие тетрадки из оберточной бумаги (судя по качеству и редким клеймам) формата 9x11 см. Тетрадки с записями поездки от Урумчи до Хами не дошли до нас. Сохранились только дневники с авторской нумерацией на титульном листе от 15 до 31. Пагинация сплошная, данная архивистом, причем в тетрадке №30 сбой: первоначально проставленные страницы были перечеркнуты и исправлены – вместо 350 листа поставлен 410, при этом нет прерывания текста. Дневники №15–27 сшиты вместе (без обложки), тетрадки 28, 29, 30 того же формата, отдельные. Они охватывают события от пути из Хами в Турфан и далее в Или (Кульджу) до российской границы. Финальный дневник №31 (события после отъезда из Джаркента, включая возвращение в Минусинск и поездки к хакасским племенам) сохранился хуже и был подмочен; края покрыты грибок. Формат его 18x11 см. Текст большей частью карандашный, реже – выполненный побуревшими от времени чернилами. Убористый чернильный текст более трудночитаемый, чем карандашный.

2.2. Методы. В статье применен комплекс археографических и источниковедческих методов, используемых для описания изучаемых рукописей. Для оценки и интерпретации текстов применялся биографический, историко-генетический и историко-сравнительный методы.

3. Обсуждение

Серьезное историографическое внимание к материалам путешествия Н.Ф. Катанова в Сибирь и Восточный Туркестан возникло только в 2000-е гг. В 2005 г. в Казани усилиями Р.М. Валеева (Казанский ун-т) и В.Н. Тутужековой (Хакасский научно-исследовательский институт языка и литературы) был проведен международный семинар «Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии», по результатам которого увидели свет сборник трудов (Валеев, 2006) и коллективная научная биография (Валеев, 2008). В 2011 г. была выпущена в свет рукопись дневника путешествия Н.Ф. Катанова в Туву в 1889 г. (Катанов, 2011). Она была описана еще в 1968 г. в публикации С. Вайнштейна, однако так и находилась в забвении в архиве Кунсткамеры, пока издательскую и научную работу не возглавила А.К. Кужугет (Валеев, 2006: 46-49).

Начиная с 2014 г., исследовательский коллектив в составе Р.М. Валеева, В.Н. Тутужековой и соавторов данной статьи Д.Е. Мартынова и Ю.А. Мартыновой начал публикацию материалов из рукописи дневников Н.Ф. Катанова, отражающих его поездки в Минусинскую тайгу, Семиречье и Восточный Туркестан до Урумчи и обратно (Martynova, Martynov, 2014; Валеев и др., 2016а; Валеев и др., 2016b). Были также публикации, анализирующие научный метод Н.Ф. Катанова в контексте географических экспедиций его современников (Мартынова и др., 2015; Martynova et al., 2015; Martynova et al., 2017). Особо выделяется работа известного историка-архивиста А.Н. Хохлова, в которой не только проанализированы работы Катанова по исламоведению, но и впервые по архивным источникам была прослежена история получения через российский МИД китайского заграничного паспорта, без которого достижение целей экспедиции было бы невозможным (Хохлов, 2013).

В 2017 г. благодаря поддержке руководства Республики Татарстан и Республики Хакасия было выпущено в свет научное издание дневника 1890 г. с комментарием и факсимильным воспроизведением оригинальной рукописи (Катанов, 2017). Следующим этапом является исследование дневников поездок Н.Ф. Катанова по Сынцзяну в сезоны 1891 и 1892 гг.

Первое сводное описание документального наследия Н.Ф. Катанова в Государственном (тогда Национальном) архиве Республики Татарстан представила Н.А. Шарангина (Валеев, 2006: 46-47).

В данном обзоре рукописные дневники путешествия 1890 и 1891 г., набело переписанные и подготовленные автором к публикации, ошибочно охарактеризованы как носящие черновой характер. Заглавие к черновым дневникам 1892 г. приведено по описи архивного дела.

4. Результаты

4.1. «Поездка в Семиречье и Тарбагатай»: дневник путешествия 1891 г.

Объемное дело, посвященное сезону 1891 г., полностью подготовленное автором к публикации во время пребывания в Санкт-Петербурге, о чем свидетельствует авторское предисловие и титульный лист. На нем же проставлены даты от 24 февраля по 21 августа 1891 г. В предисловии они раскрыты: с 24 февраля по 10 мая Н.Ф. Катанов располагался на своей стационарной базе в приграничном селе Бахты, а далее перебрался в Чугучак Тарбагатайского округа Цинской империи, в котором работал с 15 мая по 21 августа. Главным содержанием его работ в этот период было собирание фольклорных материалов у носителей – казахов, узбеков, сартов и «окиргизившихся сартов» (Катанов, 1891а: 2). Как и обычно, исследователь работал чрезвычайно методично, добываясь колоссальных результатов. В частности, в предисловии к дневниковым записям суммированы результаты работ (под «сартами» или «китайскими сартами» имелось в виду тюркоязычное мусульманское население оазисов Синьцзяна, ныне совокупно именуемое уйгурами; казахов Катанов последовательно именовал «киргизами», как было принято в те времена):

Сказок китайских сартов – 24;

Толкований снов китайских сартов – 33;

Поверий казахских – 6, китайских сартов – 4;

Пословиц казахских – 387, сартских – 3;

Обрядов и обычаев: китайских – 1, казахских – 2, торгоутских – 1, китайских сартов – 20;

Рассказов казахских – 3, китайских сартов – 12;

Песен в четверостишиях: казахских – 158, русских сартов – 29, окиргизившихся сартов – 8, узбекских – 35, китайских сартов – 134;

Казахских биографий – 3;

Загадок китайских сартов – 3 (Катанов, 1891а: 2 об-3).

Дневниковые записи составляют единое целое с предыдущими – опубликованными и неопубликованными. В частности, помещен краткий отчет о пребывании в Бахтах, начиная с 1 ноября 1890 г. (Катанов, 1891а: 4).

В содержательном отношении состав дневника напоминает предыдущий: в объеме преобладают записи фольклора, помещаемые в день получения. Они не обязательно связаны с местностью местонахождения Н.Ф. Катанова. Так, 6 апреля он получил письмо из родного села Аскиз от деда – Семена Катанова (97 лет от роду), содержащее хакасское предание о каменной старухе и пословицу (Катанов, 1891а: 14 об). Существенное отличие: стало больше информации географического характера, связанной с планированием путешествия во внутренние районы Синьцзяна – оазисы Хами и Турфан. В частности, в дело вклеена объемная таблица расстояний между Пекином и 24 городами провинции Синьцзян и округов Или и Тарбагатай (Катанов, 1891а: 16-17 об). Существенной проблемой являлось определение местного времени, поэтому в дневник вклеена таблица определения времени по высоте солнца (Катанов, 1891а: 31-32).

От своих информаторов Н.Ф. Катанов, как и в предыдущие сезоны, получал информацию сугубо этнографического плана. В качестве примера приведем рассказ о монгольских обычаях, публикуемый впервые (Катанов, 1891а: 74 об-76 об):

«[Л. 74 об]. 11 июня 1891 г., Чугучак.

С 8 часов вечера до 9 у меня просидел здешний мясник и продавец клевера Исмаил Мухаммед-бек-оглы, участник нашей прошлогодней поездки в г. Урумчи. Три года тому назад он торговал в Дурбульджине, где много видел хара-калмыков, торгоутов, чахар-монголов и онча-монголов. Как очевидец он рассказал много интересного о монгольских племенах Тарбагатайского округа. Рассказы его привожу здесь целиком в русском переводе.

Монгольские племена Дзунгарии

В 1888 г. я был среди хара-калмыков, торгоутов, чахар-монголов и онча-монголов. По происхождению они разделяются на три кости: черную кость (простые люди), среднюю кость (богачи) и белую кость (духовенство и праведники). Простолюдинов бросают на степи; людей белой кости предают сожжению; людей средней кости погребают, если решит хелгин (священник), в противном случае бросают на степи, как и людей черной кости.

В 1884 г. я видел следующее: [л. 75] если умирает великий лама, то духовенство, отовсюду собравшееся, обкладывает его ватой, обливают конопляным маслом и предают сожжению. Жгут вообще только наиболее чтимых. Потом собирают пепел от сожженного трупа великого ламы и, смешавши в глину, разведенную с водою, делают из него тесто для лепки какого-то идола (бурхан). Хара-калмыки говорят, что на том свете покойник, преданный здесь сожжению, будет чистым, святым.

Простых людей (черную кость) бросают на степи, подостлавши под него худенький войлок. Под голову ему кладут седло, в руку – [курительную] трубку, на самого надевают (зимою) шубу; у головы иногда привязывают коня. Хара-калмыки думают, что все эти вещи понадобятся умершему на том свете, где будет продолжение здешней жизни. Случалось, что киргизы уводили коней, привязанных около головы покойника. Если у покойника нет детей и жены, то все его имущество переходит в полную собственность ближайшего монастыря или лама.

Похороны людей средней кости проходят почти так же, как и людей черной кости [л. 75 об], только с тою разницей, что первых кладут в могилу, а вторых – на поверхность земли. Похорон людей средней кости я не видал.

Если перед свадьбой жених, прежде чем сделаться мужем, не даст приличного подарка ламе, то лама уводит к себе невесту и спит с ней подряд 3 ночи. Это чаще практикуется тогда, когда жених – человек богатый. Вероятно, [это] очень выгодно ламам, потому что в Дзунгарии их много, и везде они живут безбедно.

Здешние хара-калмыки ходят на поклонение в страну Зу, т.е. Тибет, и Да-Хюре (Большой монастырь), т.е. в Ургу.

Здешние хара-калмыки составляют 4 сумына (суму), управляемые дзангинами и окурдаями. Торгоутами управляет особый наследственный ван, живущий в земле Хобух-Сары в 160–180 верстах к юго-востоку от Дурбульджина. Земля Хобух-Сары орошается рекой Хобух. Торгоутский ван раз в год приезжает с визитом к Дурбульджинскому хебей-амбану и раз в год к илийскому цзянь-цзюню. Торгоутский ван (князь) пользуется у калмыков большим уважением (как потомок дзунгарских правителей). Чахар-монголы и онча-монголы входят в 4 сумына хара-калмыков и управляют [л. 76] общинами дзангинами и окурдаями.

Хара-калмыки и киргизы составляют иногда большие шайки и сообща грабят торговые караваны, идущие из Урумчи в Чугучак и обратно. Киргизы имеют отдельное от калмыков административное управление.

Хара-калмыки торговлей в больших размерах не занимаются, разве только продадут или купят ворованный скот.

Монастырь хара-калмыцкого духовенства стоит у подошвы Оркашарского хребта.

В 1½ верстах от Дурбульджина, на том месте, где сжигают наиболее святых людей, раз в год, именно около половины мая месяца, собираются мужчины, женщины и дети вместе с духовенством (около 100–120 человек) и проводят на этом месте дней 7–15, читая массу молитв. Тут поклоняются большому идолу, сделанному из бронзы или из желтой меди. Идол сидит верхом на лошади, которую выводят из города за повод. Когда идола приведут к народу, то его ставят на возвышенное место, а перед ним ставят «подобие ворот»: две хорутви, соединенные вверху разукрашенной перекладиной. Потом старший лама кропит народ освященной водою. Ламы [л. 76 об] говорят, что окропленный освященною водою и прошедший под воротами на год избавляется от грехов.

У головы покойного разводят огонь и жгут бумагу. Покойного обливают конопляным маслом, чтобы собаки скорее обыкновенного съели его. Чем скорее съедят собаки покойника, тем более радуется родня. При похоронах пьют водку и плачут. Возвратившись домой, старший брызгает несколько капель водки пальцами на идола, стоящего в переднем углу, направо и налево, а потом начинает пить водку, поминая покойника.

Водку (арихи) хара-калмыки делают весною сами, а в остальное время года берут у китайцев. Китайскую водку хара-калмыки называют «дзун-дзун». Калмыцкая водка не так воняет, как китайская.

Среди хара-калмыков попадаются люди, очень хорошо знающие русский, китайский и киргизский языки».

В качестве примера аналогичных этнографических сведений можно привести сообщение о чиновниках, податях и повинностях от 17 августа (Катанов, 1891а: 424-433).

4.2. Дневник путешествия в Хами, Турфан и Кульджу в 1892 г.

Из частично опубликованных в XIX в. материалов (Катанов, 1892а; Катанов, 1893б; Катанов, 1893с) известно, что осенью 1891 г. Н.Ф. Катанов покинул Урумчи и добрался до оазиса Хами, где встретил новый, 1892 г. Первые записи в сохранившемся дневнике 1892 г. датированы 11 марта и помечены «300 верст от Хами» (Катанов, 1892б: 29, 35 об).

Рассматривая стилевые и содержательные особенности черновых дневников 1892 г., легко удостовериться в их своеобразии. Во-первых, в данных материалах практически нет записей фольклора, который фиксировался в особом журнале в академической латинской транскрипции и заносился в дневник уже на стадии переписывания набело – сразу в переводе на русский язык. Если в дневнике 1890 г. ученый фиксировал состояние погоды, правда, исключительно визуально ввиду отсутствия термометра и барометра, то в сезон 1892 г. фиксируется температура воздуха на солнце и в тени (в градусах Реомюра). Впервые показания термометра упоминаются 13 марта в дневнике №17 (Катанов, 1892б: 38).

Начиная с тетрадки №19 в дневнике содержится описание пребывания в деревне Сингим и далее в Турфане (Катанов, 1892b: 86). На последней странице тетрадки №19 помещена запись арабским алфавитом, видимо, по-уйгурски (Катанов, 1892b: 1160b). Дневник №20 содержит на титульном листе помету «Турфан» (Катанов, 1892b: 117).

Наблюдательность и внимательность Катанова-этнографа следуют из записей в дневнике №19, выдержки из которого публикуются впервые (Катанов, 1892b: 86 – 930b):

«[Л. 86]. [17 марта]. <...> В деревне Сингим мы встретили ягнят и козлят, родившихся в феврале, и цыплят, выведенных в начале марта. Провожающие нас 2 солдата сказали, что ни у чигитайских, ни у ледун-[л. 86 об]ских конных солдат жен нет, так как начальство им запрещает жениться. По их словам, ... в Чигитае несколько публичных женщин, [л. 87] приехавших из Турфана. По словам сартов, приходивших сегодня смотреть нашу телегу, в Логучене, как и в Хами, существует обычай бить «де ре» тех, кто не ходит в мечеть на молитву. «Де ре» у Ха-[л. 87 об]мийских сартов называется «дубура» (дюире). В Логучене число ударов «дере» не определяется, как в Хами, а наносится по усмотрению старшего ахуна и сопровождающих его наибов, т.е. выборных прихожан от ближайшей мечети. [л. 88] Логученский цзюнь-ван за чрезвычайные поборы и повинности подвергнут новым сюнь-фу провинции Ганьсу-Синьцзян опале, вследствие чего число поборов и повинностей значительно сократилось.

Из птиц подле деревни Сингим я ви[л. 88 об]дел только самок диких голубей и цаплю. Содержатель нашей гостиницы в Сингиме Басит, сын Мемет-я'ра, сказал, что сарты этой деревни подлежат ведению 3 чиновни[л. 89]ков: дорги (дживу-гуаю) в дер. Кара-Ходжа, мирапа и аксакала, живущих отсюда в 10 ли на юго-запад. В пять часов вечера $\frac{3}{4}$ неба закрыты облаками и ветра нет. + 9,5 °R (в тени). В седьмом часу вечера Сингим прошли 43 верблюда с ватой [л. 89 об] и сушеными фруктами из Турфана в Хами.

Одежда и обувь хамийских и турфанских женщин одинакова, именно: на голове летом тюбетейка остроконечная, у мужчин – остроконечная или тупоконечная. У женщин длинная рубаха, опускающаяся [л. 90] до пяток; у мужчин – до колен. Сверху рубахи – кофта у женщин и короткий халат выше колена у мужчин. У мужчин халат подпоясывается. У женщин кофта – свободна. Цвет бывает обыкновенно: у рубахи белый и у кофты – красный [л. 90 об] (у женщин). У мужчин: рубаха белая, халат – серый или коричневый. Девицы носят по 9–11 косичек, женщины – по 2 косы, заплетенные крупно, или по 3 косы (одна сзади). Маленькие девочки но[л. 91]сят косы различно: 2, 3 и 5. У хамийских женщин шапки зимние называются «ше пке» и имеют круглую форму в виде 2 чашек, боками в разные стороны и отверстиями вместе. В дне нижней чашки отверстие для маковки го[л. 91 об]ловы. Хамийские мужчины в последнее время стали одеваться по-китайски, со времени подавления дунганского восстания. Зимние шапки хамийских и турфанских сартов одинаковы: круглые, в виде русских шляп с по[л. 92]лями пушистыми, кроме чиновников, у которых шапки китайские. Шубы у мужчин и женщин овчинные, без воротников, с длинными рукавами, крытые или некрытые. Рубахи у женщин бывают обыкновенно с очень [л. 92 об] длинными рукавами. Женщины простого класса, равно молодые и старые, лиц не закрывают покрывалами <...> и от мужчин посторонних не прячутся. Прячутся и закрываются только [л. 93] дочери и жены богачей или знатных особ, как, например, вана, течжи, дорга и других чиновников. Мечетей в деревне Сингим 2: одна новая сартская и другая старая, оставленная, дунганская. Школ нет. Фруктовых садов вбли[л. 93 об]зи мало».

Заслуживает также внимания описание г. Турфана (Катанов, 1892b: 108 об-1110b). В этом описании упоминаются фотографии И. Толшин и Ф. Васильев – уроженцы Красноярска, с которыми Н.Ф. Катанов познакомился летом 1890 г. в Урумчи. И. Толшин даже прислал 12 мая 1891 г. посылку Катанову в Бахты, содержащую 70 фотографий этнических типов, сделанных в 1889–1890 гг. в Чугучаке и Урумчи (Катанов, 1891a: 23). Описание Турфана датировано 20 марта 1892 г.

«[Л. 108 об]. В семь часов вечера я с Даудом (проводником, нанятым в Урумчи – *авт.*) пошел смотреть город. Улицы содержатся грязно, как и в Хами; попадают на каждом шагу пропавшие (*sic!* – *авт.*) кошки, собаки и кони; помои выливаются на улицу. Тут же бросаются и остатки негодного мяса.

Из детских игр мы видели только одну: подбрасывание мячика до определенного числа раз. Некоторые игроки подбрасывают до 50, один раз за другим, не перерывая [л. 109] игры. В Хами мы видели эту игру и другую – попадание ярмаком в другой ярмак на определенном расстоянии, но не более 10 шагов.

Турфан состоит из 3 частей: 1) внешней части города, 2) Лоучен – старый город; 3) Синьчен (новый город). Обнесены стенами глиняными Лоучен и Синьчен. Во всех трех частях есть лавки сартов, китайцев [л. 109 об] и дунган, но самая оживленная торговля в Синьчене, где остановились мы. В Лоучене живет Турфан-тин (титул градоначальника – *авт.*) и Ю-чжи (командир с войском). В Синьчене есть китайские, дунганские, сартские и русские торговцы, которые подлежат ведению *сылоя*, т.е. помощника Турфан-тина. Сылоя, как и в Хами, ревизует ежедневно домовые книги всех караван-[л. 110]сарав и гостиниц, преследует азартные игры и искореняет проституцию. По словам

сартов, Турфан-тин и сылоя получают от своих занятий громадные доходы, часть которых передают на благотворение.

На самой главной улице Синьчена устроены высокие подмостки для актеров и поставлены скамейки для зрителей. Распеваются древние китайские былины. Подле [л. 110 об] скамеек сарты и китайцы продавали зрителям сухие арбузные семена, жареные на кунжутном масле, и сушеные фрукты (виноград, грецкие орехи и <и>др.</и>). Торговых улиц в Турфане три: одна в Синьчене, другая в Лоучене и третья близ Лоучена вне городской стены. Синьчен был обведен глиняными стенами, возведенными Якуб-беком, а стены Лоучена [построены] ки-[л. 111]тайцами. Внутри Синьчена была одна построенная Якуб-беком мечеть, которая недавно обращена в кумирню.

Мои спутники И.Ф. Толшин и Ф.М. Васильев <...> стояли на квартире в гостинице дунгана Янь по имени Шебайцзы, т.е. там, где и мы остановились. Дауд служил у них переводчиком. [л. 111 об] Они с Даудом в Турфане пробыли два месяца, чтобы фотографировать китайцев, но желающих сниматься не нашлось, так как китайцам не нравились тени на портретах. Китайцы, как известно, рисуют картины без теней».

Много места в турфанском дневнике занимает описание общения Катанова с градоначальником по фамилии Пэн (имя его упоминалось не раз). Очевидно, хакасский ученый вызвал большой интерес, а затем и доверие со стороны градоначальника, поскольку они довольно часто виделись, обменивались дарами и информацией, Катанова даже пригласили на приватный обед, где он общался со всей городской верхушкой (Катанов, 1892b: 105-106 об, 133-141 и т.д.).

14 апреля 1892 г. Катанов и его спутники вернулись в Урумчи. Примечательно, что ученый везде упоминал, что время указывает турфанское, начиная от 20 марта, а до того использовал хамийское (Катанов, 1892b: 104, 264 об).

Последний дневник №31 в тетради большого формата, наполовину переписанной чернилами, более объемен и подробен, чем дорожные записи. Н.Ф. Катанов оформил таким образом все события от прибытия в Джаркент до возвращения в Аскиз – главную базу его экспедиции. Значительная часть содержащейся в нем информации может быть перепроверена по публикациям Катанова казанского периода (Катанов, 1893a; Катанов, 1893b; Катанов, 1893c; Катанов, 1902).

5. Заключение

Рукописное наследие Н.Ф. Катанова содержит ценнейшие сведения о культурах тюркских народов Восточной Сибири, Семиречья и Синьцзяна. Ввиду отсутствия языкового барьера между исследователем и объектом его исследований, ему удалось представить на страницах своих дневников целостный комплекс духовной культуры народов, находящихся на разных стадиях развития материальной цивилизации и принадлежащих к разным конфессиям, от шаманизма до ислама. При этом следует учитывать, что задача создания сколько-нибудь представительного корпуса трудов Н.Ф. Катанова не только не решена, но и чрезвычайно далека от разрешения (Валеев, 2006: 109-111). Лишь в первое десятилетие XXI в. стала реализовываться задача издания объемных рукописных сочинений Н.Ф. Катанова, причем относящихся к периоду становления его как зрелого исследователя.

Корпус текстов, отражающих ход и результаты тюркологической экспедиции Н.Ф. Катанова в 1889–1892 гг., распадается на две составляющие. Во-первых, это научные работы, которые публиковались в 1891–1903 гг. в разных периодических изданиях, в первую очередь – Императорской академии наук и Казанского университета. Во-вторых, это дневники, жанр которых позволял соединять разноплановую информацию с точки зрения хронологической подачи. Из дневников оперативно был опубликован только один – поездки к карагасам зимой 1890 г. (Катанов, 1891b). Публикуемые отчеты (Катанов, 1892a), эпистолярные очерки «Среди тюркских племен» (Катанов, 1893b) и «Письма из Сибири и Восточного Туркестана» (Катанов, 1893c) по информативности и представлению исследовательского метода не могут сравниться с дневниками.

Н.Ф. Катанов из-за того, что после возвращения в Петербург остался без места и лишь с большим трудом получил должность экстраординарного профессора в Казани, не стал возвращаться к обработке и завершению дневникового корпуса. Оставшиеся неопубликованными дневники путешествия в Синьцзян за 1891 и 1892 гг., находясь в разной степени обработанности, предоставляют уникальную возможность проникнуть в «творческую кухню» исследователя. Отдельного рассмотрения требуют сюжеты и жанры фольклорных текстов, представленных в неопубликованных рукописях Н.Ф. Катанова.

Литература

Валеев, 2006 – Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии: Доклады и сообщения международного семинара, 30–1 июля 2005 г. / Ред. коллегия: Валеев Р.М., Закиев М.З., Зайнуллин Г.Г. Казань, 2006. 296 с.

Валеев, 2008 – Н.Ф. Катанов и гуманитарные науки на рубеже веков: Очерки истории российской тюркологии / Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова [и др.]. Казань-Абакан, 2008–2009. 354 с.

[Валеев и др., 2016a](#) – Валеев Р., Мартынов Д., Мартынова Ю. (и др). Дунганское восстание в уйгурском песенном фольклоре (По дневнику научного путешествия Н.Ф. Катанова 1890 г.) // *Гасырлар авазы – Эхо веков*. 2016. №3/4. С. 179-185.

[Валеев и др., 2016b](#) – Валеев Р.М., Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. (и др.). Вновь открытые источники о научном путешествии Н.Ф. Катанова в 1889–1892 гг. в фондах Архива русского географического общества / *Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий. Матлы Третьей Межд. науч. конф., посвященной 155-летию со дня рожд. хакасского просветителя, лингвиста, этнографа И.М. Штыгашева*. Абакан, 2016. С. 83-86.

[ГА РТ](#) – Государственный архив Республики Татарстан.

[Иванов, 1973](#) – Иванов С.Н. Николай Федорович Катанов, 1862–1922: Очерк жизни и деятельности. Изд. 2-е. М., 1973. 113 с.

[Катанов, 1891a](#) – [Катанов Н.Ф.] Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 г. по поручению Имп. русского географического об-ва. членом-корреспондентом одного Н.Ф. Катановым. Ч. 1–2 // *ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11. 558 л.*

[Катанов, 1891b](#) – Катанов Н.Ф. Поездка к карагасам в 1890 г.: Отд. оттиск из II вып. XVII т. «Записок ИРГО» по отд. этнографии / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб, 1891. 96 с.

[Катанов, 1892a](#) – Катанов Н.Ф. Отчет о поездке в Восточную Сибирь, Монголию и северный Китай в 1890 и 1891 гг. // *Живая старина*. 1892. Вып. 4. Ч. I. С. 111-122, 134-137.

[Катанов, 1892b](#) – [Катанов Н.Ф.] Дневник путешествия по Средней Азии и др. местам. 16 марта 1892 – 11 октября 1892 // *ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 76. 448 л.*

[Катанов, 1893a](#) – Катанов Н.Ф. Сагайские татары Минусинского округа Енисейской губернии // *Живая старина*. 1893. Вып. 4. Ч. III. С. 559-570.

[Катанов, 1893b](#) – Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Предисловие Радлова В.В. // *Записки Имп. академии наук*. 1893. Т. XXIII. С. 1-114.

[Катанов, 1893c](#) – Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // *Известия Имп. рус. географического общества*. 1893. Т. XXIX. С. 519-541.

[Катанов, 1902](#) – Катанов Н.Ф. Маньчжурско-китайский «ли» (закон) на наречии тюрков Китайского Туркестана // *Записки Вост. отд. Русского археологического общества*. 1902. Т. XIV. С. 31-75.

[Катанов, 2011](#) – Катанов Н.Ф. Очерки Урянхайской земли (Дневник путешествия, исполненного в 1889 году по поручению Императорской академии наук и Императорского русского географического общества) / Подгот., вступ. слово А.К. Кужугет. Кызыл, 2011. 384 с.

[Катанов, 2017](#) – [Катанов Н.Ф.] Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского русского географического общества в 1890 г. членом-сотрудником одного Н.Ф. Катановым / Отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов. Казань, 2017. 734 с.

[Мартынова и др., 2015](#) – Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А. Дневники Н.Ф. Катанова как источник по социально-экономической обстановке в Синьцзяне 90-х гг. XIX в. // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 262-271.

[Хохлов, 2013](#) – Хохлов А.Н. Поездка Н.Ф. Катанова в Северо-Западный Китай в 1890–1892 гг. и его труды по исламоведению // *Архив российской китаистики. Ин-т востоковедения РАН. Т. II / Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М., 2013. С. 327-355.*

[Geraci, 2001](#) – Geraci R.P. Nikolai F. Katanov: Inorodets in the Russian Academy // *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London, 2001. pp. 309-342.

[Martynova et al., 2015](#) – Martynova J.A., Martynov D.E., Valeev R.M. Scientific travels by M.V. Pevtsov and N.F. Katanov in Eastern Turkestan (1889-1892) // *Social Sciences (Pakistan)*. 2015. Vol. 10, Is. 7. pp. 1964-1967.

[Martynova et al., 2017](#) – Martynova Y.A., Martynov D.E., Valeev R.M. (et al.). Field Research Methods of Russian Orientalists – Ethnographers in the Second Half of the XIX Century (Using The Example of N. Miklouho-Maclay And N. Katanov) // *International Journal of Scientific Study*. 2017. Vol. 5, Issue 5. pp. 311-315.

[Martynova, Martynov, 2014](#) – Martynova Y.A., Martynov D.E. Nikolai Katanov in China: Unpublished Travel Diaries // *Bylye Gody*. 2014. № 34 (4), pp. 549-553.

References

[Geraci, 2001](#) – Geraci R.P. (2001). Nikolai F. Katanov: Inorodets in the Russian Academy // *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London. pp. 309-342.

[Katanov, 1933](#) – Katanov N. (1933). Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. B. I. Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften, XXXII, Berlin. [in German]

[Katanov, 1943](#) – Katanov N. (1943). Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan. B. II. Aus dem Nachlaß von N. Th. Katanov herausgegeben. (Als Manuskript getruet), Berlin. [in German]

Katanov, 1890 – *Katanov N.F.* (1890). Puteshestviye po Sibiri, Dzungarii i Vostochnomu Turkestanu, sovershyonnoye v 1890 g. [Journey to Siberia, Dzungaria and East Turkestan, committed in 1890]. National Archives of the Tatarstan Republic, f. 969. Inv. 1, d. 10. [in Russian]

Katanov, 1893 – *Katanov N.F.* (1893). Pis'ma iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters from Siberia and East Turkestan (suppl. to Proceedings of the Imperial Academy of Sciences)]. Saint-Petersburg. [in Russian]

Katanov, 1903 – *Katanov N.F.* (1903). Opyt yissledovaniya uryankhaiskogo yazyka s ukazaniyem glavneishikh rodstvennykh ego otnosheniy k drugim yazykam turkskogo kornya [Research experience in Uryankhay language indicating the most important kinship to other Turkic roots languages]. Kazan, University typography and lithography. [in Russian]

Katanov, 2011 – *Katanov N.F.* (2011). Ocherky Uryankhaiskoy zemly (Dnevnik puteshestviya, ispolnennogo v 1889 gody po porutcheniyu Imperatorskoy Akademii Nauk i Imperatorskogo Russkogo Geographicheskogo obshchestva) [Essays on Uryankhay Land: Travel Diary, is made in 1889 by order of the Imperial Academy of Sciences and the Imperial Russian Geographical Society]. Ed. by A.K. Kuzhuget, Kyzyl, Tuva Institute of the Humanities. [in Russian]

Khokhlov, 2013 – *Khokhlov A.N.* (2013). Poezdka N.F. Katanova v Severo-Zapanuiy Kitai v 1890 – 1892 i yego trudy po islamovedeniyu [N.F. Katanov Journey to Northwest China in the 1890-1892 and his writings on Islamic Studies]. *Archives of the Chinese Studies in Russia*, Vol. II, 327-355. [in Russian]

Martynova i dr., 2015 – *Martynova J.A., Martynov D.E., Valeev R.M.* (2015). Scientific travels by M.V. Pevtsov and N.F. Katanov in Eastern Turkestan (1889-1892). *Social Sciences (Pakistan)*. Vol. 10, Is. 7. pp. 1964-1967.

Martynova, Martynov, 2014 – *Martynova Y.A., Martynov D.E.* (2014). Nikolai Katanov in China: Unpublished Travel Diaries. *Bylye Gody*. № 34 (4), pp. 549-553.

Valeev, 2006 – *Valeev R.M. et al. [ed.]*. Naslediye N.F. Katanova: Istoriya i kultura turkskikh narodov Evrazii [N.F. Katanov Heritage: The history and culture of the Turkic peoples of Eurasia]. Kazan, Alma-lit. [in Russian]

Valeev, 2008 – *Valeev R.M. et al. [ed.]*. N.F. Katanov i gumanitarnye nauki na rubezhe vekov [N.F. Katanov and the Humanities at the Turn of the centuries]. Kazan-Abakan, Alma-Lit. [in Russian]

Неопубликованные дневники научного путешествия Н.Ф. Катанова в Синьцзян (1891–1892)

Дмитрий Евгеньевич Мартынов^{a, *}, Юлия Александровна Мартынова^a, Эльмира Камилевна Хабибуллина^a

^a Казанский (Приволжский) федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена этнографическим, географическим и фольклористическим исследованиям Н.Ф. Катанова в Синьцзяне на завершающем этапе его научного путешествия в 1891–1892 гг. В статье впервые вводятся в научный оборот сведения о неопубликованных дневниках Катанова. Текст рукописей в настоящее время готовится соавторами к публикации.

Исследователю удалось проникнуть в оазисы Хаами и Турфан, совершенно неизвестные европейской тюркологии и собрать богатейший материал по духовной культуре и устной литературе уйгурского населения. Эти материалы никогда не публиковались и сохранились в рукописном виде в Государственном архиве Республики Татарстан. Полностью подготовленная к печати рукопись фольклористических исследований весны – лета 1891 г. содержит настоящую энциклопедию устной литературы казахов и уйгуров. Эти сведения были получены у информаторов в приграничном городе Чугучак. Полевые записи оставшейся части путешествия оказались частично утрачены, сохранились дневники за март – октябрь 1892 г. Сравнение белой рукописи с черновыми материалами позволяет реконструировать метод Н.Ф. Катанова, который «нанизывал» на непосредственные путевые впечатления фольклорные материалы. Сведения, полученные от информаторов, фиксировались в отдельном журнале в академической латинской транскрипции, а при переписывании дневника включались в русском переводе под дном, когда были зафиксированы. Сведения о местности, погоде, обычаях местных жителей переносились из полевых дневников без изменений. Для иллюстрации творческого метода Н.Ф. Катанова приводятся выдержки из его оригинальных дневников. Во-первых, это описание обычаев западных монголов по рассказам информатора-казаха, во-вторых, описание уйгурских обычаев и города Турфана по непосредственным впечатлениям Н.Ф. Катанова.

Ключевые слова: востоковедение, этнография, фольклористика, лингвокультурология, Синьцзян, уйгуры, Н.Ф. Катанов.

* Корреспондирующий автор

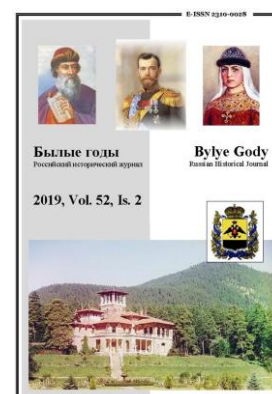
Адреса электронной почты: dmitrymartynov80@mail.ru (Д.Е. Мартынов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 808-820. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.808
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Navigation's Beginning on Izhevsk Pond on the Meeting's Journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants in 1892–1900

Nicholas W. Mitiukov ^{a, b, c, d, e, g, *}, Svetlana L. Bautina ^d, Anatoly N. Loshkarev ^b,
Mayya A. Seliverstova ^f

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Kalashnikov's Izhevsk State Technical University, Russian Federation

^c Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

^d Moscow Economic Institute, Russian Federation

^e Moscow Institute of Psychoanalysis, Russian Federation

^f Sochi state university, Russian Federation

^g Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

Izhevsk pond in the XIX – first half of the twentieth centuries was an important transport artery for the operation of Izhevsk plants, primarily for the connection of the plant with Volozhka and Koltoma. To reduce the cost and speed up the traffic at the end of the XIX century the first steamboats appeared on Izhevsk pond.

On the basis of the meeting's journals of the Economic Committee of Izhevsk Plants (the supreme center of economic management of plants) in 1892–1900, the reconstruction of the navigation history of Izhevsk pond in the last decade of the 19th century is carried out. It's shown that initially having no experience in river traffic management, the administration of Izhevsk plants gradually find the most optimal ways of managing. The coastal infrastructure is expanding, a network of marinas is being created at key points of the pond (Volozhka, Koltoma, plant's dam, etc.). By the end of the 1890-s the Economic Committee received enough experience to recognize the preliminary conspiracy of firewood contractors for the plant at inflated prices. It finds the courage to abandon traditional contractors (Porsev and Bodalev) in favor of the new (Andreev).

Appears and experience in the operation of the plant's steamer "Izh". So, if initially the Economic Committee delves into all the details of hiring a crew, then in 1897 it transfers the functions of selecting half of the crew to the contractor, and after successfully navigating, and completely trusts the selection of the crew. In this case, the plants compensate for the costs of maintaining the crew. There are reserves to reduce the repair and construction of new factory barges.

The key dates in the history of the plant's steamer "Izh", which, judging by the documentation of Izhevsk plants, were built according to the project of the plant's steamer of the Votkinsk plant "Sharkan", are defined. An analysis of the work done during traditional repairs of the plant's steamer shows that, along with operational damages, there are signs of poor quality construction and even obvious factory defects (through fistulas in the body of the steam engine, patches in the boiler, etc.).

Keywords: Izhevsk, Izhevsk pond, Votkinsk plant, Izhevsk plants, history, shipbuilding, navigation, water transport.

* Corresponding author

E-mail addresses: nico02@mail.ru (N.W. Mitiukov)

1. Введение

История навигации на замкнутых водоемах до настоящего времени остается одной из малоизученных страниц в истории отечественного речного транспорта. Доставленные на такие водоемы плавсредства обычно не вносились в государственные регистры и потому просто выпадали из министерской делопроизводственной документации. Поэтому информацию о них можно почерпнуть исключительно на основе региональных документов и свидетельств (Mitiukov, 2016; Mitiukov et al., 2017; Mitiukov et al., 2017a).

Одним из таких замкнутых водоемов является Ижевский пруд, имевший огромное значение для обеспечения производства на Ижевских оружейном и сталелитейном заводах. В летние месяцы по нему шла поставка дров – главного энергоносителя того времени. К сожалению, делопроизводственная документация Ижевских заводов не дает возможность реконструировать историю навигации по пруду в полном объеме. Во-первых, заводы пережили в 1918–1919 гг. три эвакуации, поэтому имеющиеся архивные фонды не представляет собой однородный материал. Какие-то года представлены лучше, какие-то хуже, по некоторым годам имеется лишь набор разрозненных документов. Вторая трудность решения данной задачи заключается в том, что частные перевозчики документации о себе вообще не оставили, и об их деятельности можно судить лишь на основании косвенных свидетельств.

2. Материалы и методы

Основными материалами для данного исследования послужили протоколы заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов. Со второй половины XIX в. хозяйственное управление заводами осуществлялось Хозяйственным комитетом. Ведение делопроизводства поручалось заводской канцелярии. Комитет собирался регулярно, по мере необходимости, иногда по несколько раз в день для решения возникавших вопросов. По 1900 г. все протоколы заседаний переплетались в общий том, которых объемом по 400–600 страниц могло быть по три–четыре тома в год. Всего за 1892–1900 г. в ЦГА УР (Ф. 4. Оп. 1) имеется 33 тома протоколов заседаний Хозяйственного комитета, охватывающих все сферы хозяйственной жизни заводов.

С 1901 г., судя по имеющимся фондам ЦГА УР, протоколы стали шивать по группам рассматриваемых вопросов и хранить в канцелярии архитектора, механика заводов и т.д. В связи с потерей ряда дел составил непрерывный поток документов по всем заседаниям Хозяйственного комитета в настоящее время вряд ли возможно. Таким образом, в целях данного исследования определены хронологические рамки – от начала паровых навигаций на Ижевском пруду до 1900 г. – последнего года полного комплекта протоколов заседаний Хозяйственного комитета.

В исследовании применялся в первую очередь принцип историзма. Принятое решение, воплощенное в жизнь, вызвало последствия, обсуждавшиеся в более новых протоколах. Зачастую это дало возможность выделить причинно-следственные связи.

3. Обсуждение

К сожалению, целостной картины, реконструирующей историю навигаций по Ижевскому пруду пока нет, но частные вопросы поднимались в ряде работ. Так, историю навигаций на пруду через призму экологических проблем рассматривают в своих работах В.В. Столов (Столов, 2000), Е.Ф. Шумилов (Шумилов, 1998) и др. В данных работах для авторов более важны экологические риски применения водного транспорта в исторической ретроспективе. Значение речного транспорта в свете культурно-исторических проблем рассматривается, например, в работах С.В. Жилина (Жилин, 2012), С.В. Селивановского (Селивановский, 2014) и др. Отдельные экономические аспекты речных перевозок по Ижевскому пруду затрагиваются в работах А.Н. Пислегиной (Пислегина, 2016), Е.Ф. Шумилова (Шумилов, 2002), А.Ф. Кудрявцева (Кудрявцев, 2016) и др. Но во всех этих трудах информация о речном транспорте крайне фрагментарная и не создающая системной картины. Указанное обстоятельство и повлекло необходимость привлечения для реконструкции картины речных перевозок протоколов заседаний Хозяйственного комитета.

В начале 1890-х гг. Ижевские оружейный и сталелитейный заводы начали выполнение программы доведения ежегодных объемов выделки винтовок до 200 тыс. штук и до 300 тыс. стволов и коробок. При выходе заводов на расчетный объем производства потребность в дровах как основного энергоносителя того времени планировалась в объеме от 70 до 80 тыс. сажень. Неуклонное возрастание объема потребления дров наглядно видно по следующей картине. Здесь и далее вслед за документацией Хозяйственного комитета объем дров измеряется в квартирных сажнях (саж.), имевших хождение на Урале. Одна такая кв. сажень представляла собой поленницу длиной и высотой в три аршина с длиной дров в $\frac{3}{4}$ аршина, и, таким образом, квартирная сажень равнялась 0,25 кубических сажень (около 9,7 м³).

В 1889 г. заводы израсходовали 12561 $\frac{3}{4}$ саж., в 1890 г. – 26412 саж., 1891 г. – 39726 саж., 1892 – 48246 $\frac{1}{2}$ саж., 1893 г. – 67709 саж., 1894 г. – 74942 саж. дров (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 176 об.). Если в зимнее время дрова довольно просто можно было доставить на санях по снегу, то в летнее время их приходилось сплавать из верховий Ижевского пруда. Однако имелось существенное ограничение на сплав. Учитывая рельеф дна Ижевского пруда и его гидрологические особенности,

максимальное количество, которое пруд мог пропустить в плотках («самотеком») не превышало 20 тыс. саж. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 177 об.). Существенно облегчить и увеличить объем сплавляемых дров могло лишь применение паровой тяги. В связи с этим Хозяйственный комитет в конце 1891 г. вышел с предложением приобрести пароход с баржами для подвозки дров.

После проведенного «маркетингового исследования» на соседний Камско-Воткинский железодельный завод был направлен запрос о ценах и характеристиках парохода, который он мог бы изготовить.

9 января 1892 г. Воткинский завод ответил телеграммой: «Пароход в 8 номинальных сил машиной Компаунд, колесами Моргана, длиной 45, шириною до 8 ½ фут, осадки до 23 дюймов, сдачею в Ижевск за 6000 рублей. Таковой же 12 сил, длиною 55, шириной до 9 ½ фут, осадкой до 24 дюйма, сдачей в Ижевск 8000 рублей» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2973. Л. 47). Приведенные к системе СИ характеристики пароходов сведены в таблице, которая дополнена данными по построенным в 1888 г. для собственных нужд пароходом «Шаркан» и в 1891 г. для Омутнинского завода пароходом «Первенец» (Воткинский завод, 2018: 164).

Таблица 1. Техническое предложение Воткинского завода в сравнении с уже построенным в Воткинске пароходами

	Мощность	Длина	Ширина	Осадка	Цена
Вариант 1	8 л.с.	13,72 м	2,59 м	0,58 м	6000 руб.
Вариант 2	12 л.с.	16,76 м	2,90 м	0,61 м	8000 руб.
«Первенец»	8 л.с.	12,50 м	1,83 м	0,46 м	7000 руб.
«Шаркан»	12 л.с.	13,16 м	2,84 м	0,62 м	7801 руб.

Из приведенной таблицы видно, что Воткинский завод фактически предложил Ижевским уже готовые проекты ранее построенных заводских пароходов. Вариант 1 соответствует чуть увеличенному варианту пароходу «Первенец», а вариант 2 практически полностью повторяет пароход «Шаркан».

По установленной системе о решении заседания от 20 января 1892 г. (за № 280) незамедлительно было поставлено в известность Главное артиллерийское управление (ГАУ). В ответ начальник Ижевских заводов получил из ГАУ телеграмму, в которой говорилось: «По 280 телеграфируйте, у кого и каким способом предполагается приобрести пароход и баржи и почему указанные цены признаются выгодными» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2971. Л. 235). Телеграмму рассмотрели на очередном заседании Хозяйственного комитета 17 марта 1892 г. № 135 и предоставили информацию, что пароход с машиной компаунд в 12 н.л.с. и колесами Моргана предполагается приобрести на Воткинском заводе, а три баржи изготовить хозяйственным способом на самом заводе. При сравнении цены Воткинского завода с аналогичным заказом в Перми на частных предприятиях Любимова и Курбатова выяснилось, что там могут изготовить только корпус, без паровой машины, которую, таким образом, необходимо будет приобрести через третьи руки. А кроме того, Воткинский завод находился от Ижевского всего в 60 верстах, тогда как Пермь – в 324, что давало некоторую экономию в транспортировке (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2971. Л. 235 об.). Баржи же предполагалось изготовить своими силами из собственных материалов, что по определению давало минимальную цену (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2971. Л. 236).

После этого объяснения 20 апреля 1892 г. телеграммой № 2640 ГАУ известило заводы: «Главная распорядительная комиссия в заседании 9 апреля разрешила Ижевским заводам: приобрести от Воткинского завода испрашиваемый рапортом от 20 января сего года за № 280 пароход в 12 номинальных сил, стоимостью с доставкой в Ижевск в 8000 руб., а также построить распоряжением Хозяйственного комитета завода три баржи длиной каждая 12 сажень, шириной 3 саж., вышиною 10 четвертей за сумму 1922 руб. 94 коп.» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2973. Л. 46, 46 об.). (Размерения: 21,94 м × 5,49 м × 1,52 м).

Относительно содержания парохода ГАУ разрешало потратить на навигацию 2010 руб., которая считалась с 1 мая по 1 октября. Исключение должна была составлять самая первая навигация, которую следовало считать с момента приобретения парохода. В указанную сумму входило поддержание парохода и барж в рабочем состоянии и наем команды. Начиная с будущего года, заводу разрешалось включать эту сумму в планы потребностей заводов. Обе суммы, как на приобретение, так и на содержание подлежали отнести на кредит, ассигнованный заводам. Резолюция начальника заводов на телеграмме гласила: «Предлагаю Хозяйственному комитету немедленно заказать Воткинскому заводу пароход и построить хозяйственным способом баржи» (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2973. Л. 47).

В итоге на основании телеграммы ГАУ и резолюции начальника Хозяйственный комитет на заседании 13 мая 1892 г. № 265 постановил:

1. Заказать Воткинскому заводу пароход в 12 номинальных сил, размеров, указанных в телеграмме управителя Воткинского завода, и стоимостью в 8000 руб. с тем, чтобы пароход был

изготовлен и доставлен в Ижевск к 1 августа сего года и половина причитающихся за пароход денег была уплачена тотчас по его доставке в Ижевск, а вторая половина в месяц по доставке.

2. Построить распоряжением Хозяйственного комитета три баржи длиной каждая 12 саж., шириной 3 саж. и вышиной 10 четвертей.

3. Расходы на пароход и его содержание отнести на §4 текущей сметы Главной распорядительной комиссии (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2973. Л. 47 об.).

22 января на заседании Хозяйственного комитета огласили результаты конкурса на постройку трех барж. Контракт достался крестьянину деревни Спловой Сарапульского уезда Л.А. Некрасову, который обещал построить к 10 апреля все три баржи своими средствами из материалов, предоставленных заводами. Потребные при постройке кокоры подрядчик должен был заготовить на Ижевской заводской казенной даче по 1 руб. 20 коп. за штуку. За работу и конопатку завод обязался ему заплатить по 176 руб. за баржу. По прибытии к месту работы ему выдавался аванс по 50 руб. на каждую баржу, еще 25 руб. выдавалось при устройстве днища и 25 руб. перед окончанием работы. Окончательный расчет следовал при приемке барж. Таким образом, все три баржи обходились казне в 528 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3019. Л. 82-83).

25 февраля 1893 г. Комитет постановил выдать подряд на постройку двух пароходных пристаней купцу П.Г. Порсеву. Одну предполагалось соорудить в Колтоме, а вторую – напротив нее у заводской плотины. Таким образом, упрощалась погрузка и разгрузка дров и материалов, доставляемых на заводы. Хотя подряд на постройку предполагалось выдать на конкурсной основе, «на вызов» явился лишь Сарапульский купец П.Г. Порсев, которому и достался заказ за 250 руб. Задание на пристани разработал архитектор заводов, детально реализовал его уже сам подрядчик. Срок выполнения работ составил один месяц, расчет следовал по окончании и приемке работ (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3019. Л. 237-238).

В феврале 1893 г. пароход доставили в Ижевск (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 96 об.). 5 апреля 1893 г. специально созданная комиссия осмотрела его и составила довольно обширную дефектационную ведомость № 1513. Состоявшееся 17 апреля заседание Хозяйственного комитета постановило просить горного начальника Камско-Воткинского завода исправить указанные недостатки в двухнедельный срок. В противном случае руководство заводов обещало известить об этом ГАУ, чтобы списать убытки из-за замедления в доставке дров на Ижевские заводы из суммы задолженности за поставку парохода (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3019. Л. 379, 379 об.).

1 мая 1893 г. решением Хозяйственного комитета в состав команды парохода был принят первый человек. Им стал принятый на должность матроса штурвальный Сергей Измалков. Этим же заседанием утвердили состав команды и их жалованье. Предполагалось принять на пароход на период навигации с 1 мая по 1 октября двух машинистов с годовым окладом в 150 руб., двух помощников машинистов (кочегаров) – по 90 руб. и шестерых матросов – по 105 руб. Общие годовые траты на команду, таким образом, составляли 1110 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 1, 1 об.). 5 мая приняли еще одного матроса (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 15), 12 мая еще трех матросов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 44).

В соответствии с телеграммой, ранее высланной на Воткинский завод, 28 февраля Воткинский завод ответил, что в ближайшее время для устранения дефектов в Ижевск будет командирован человек, которому просил оказать содействие в проведении необходимых работ, а также отпустить горючие и иные материалы за счет Воткинского завода. 22 мая для этих целей в Ижевск прибыл В.И. Непряхин (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3063. Л. 407). Осмотрев пароход вместе с технической комиссией Ижевских заводов, он был вынужден признать ряд производственных дефектов. Так, хотя работу двухцилиндровой машины Компаунд после совместных усилий признали удовлетворительной (при полной нагрузке она давала на гребном колесе 35 об./мин. при рабочем давлении пара в 10 атм.), но жесткость ее фундамента оставляла желать лучшего. Стойки коренного вала просто качались на общей фундаментной раме. Шейки валов при продолжительности работы свыше 30 мин. сильно разогрелись. Подшипники в стойках были пригнаны с явной слабостью. От движения фундаментной рамы происходило боковое движение цилиндров, укрепленных на этой же раме. Питательная помпа, не закрепленная на фундаменте, при работе сильно качалась во все стороны. Наконец, паровой котел имел заплату, что являлось явным нарушением контракта и потому требовал замены. Однако, признавая острую необходимость парохода для производственных целей, завод согласился временно, до изготовления нового котла и ликвидации выявленных недостатков, эксплуатировать его. Но решением Хозяйственного комитета от 13 мая полный расчет с Воткинским заводом мог последовать только после ликвидации всех этих недостатков (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 65-66).

Что интересно, если 12 мая в официальных бумагах пароход фигурирует еще как «пароход для доставки дров», то уже 13 мая – как «Иж». Какого-то приказа о наименовании пока обнаружить не удалось, но, по всей видимости, он вышел 13 мая 1893 г.

Наконец, 13 мая было получено разрешение ГАУ на постройку еще двух барж: «Исполнительная комиссия разрешила заготовить еще две баржи...». Поскольку при сооружении трех предыдущих потратили 1400 руб. вместо планируемых 1922 руб. 94 коп., возникла идея

построить дополнительные баржи. Поскольку ежедневный расход дров на заводе достигал до 300 саж., а на трех баржах вместимостью каждая по 66 саж. можно было бы перевезти лишь 198 саж., что и предопределило необходимость в еще хотя бы двух баржах. В связи с этим было решено выйти в ГАУ с соответствующим предложением, на что там ответили согласием, если цена за баржу составит по 225 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 67-68). Соответствующий контракт на постройку заключили с П.Г. Порсевым. 16 июля 1893 г. после приемки ему заплатили по 187 руб. 50 коп. за каждую баржу, кроме того за конопатку еще 75 руб., уложившись таким образом в отведенные 450 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3021. Л. 24, 24 об.).

Если матросов для парохода удалось довольно быстро найти, то квалифицированных машинистов и кочегаров в Ижевске не было. В связи с этим 19 мая воткинского машиниста Н. Обманщикова наняли для подготовки своих кадров (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 98, 98 об.).

1 июня в связи с постройкой купцом П.Г. Порсевым пристаней решением Хозяйственного комитета ему заплатили 250 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 153). Однако при выдаче заказа Хозяйственный комитет упустил оборудование пристани на самой заводской плотине. Поэтому чуть позже контракт на ее оборудование заключили с крестьянином И.И. Масловым, которому 16 июля за проведенные работы выплатили 100 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3021. Л. 23). В июле того же года, когда к вновь построенной пристани стали подходить баржи, обнаружилась неожиданная неприятность. Оказалось, что ее длины хватает для работ лишь на одной барже, в то время как следующая должна была дожидаться своей очереди. Указанное обстоятельство сильно тормозило разгрузку дров, поэтому уже 3 августа было принято решение заказать тому же И.И. Маслову продление пристани, поскольку на конкурс по этим работам явился он один. Стоимость работ оценивалась в 180 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3021. Л. 130-131).

Если матросов для парохода удалось найти довольно легко, то вскоре выяснилось, что оклад машинистов и кочегаров слишком мал для требуемой квалификации. Кроме наличия специальных познаний для управления пароходом, от потенциального кандидата на рабочее место требовались постоянное внимание во время вахты и тяжелый физический труд. Поэтому 14 июня Хозяйственный комитет решил увеличить месячное жалование штурвальному с 20 до 25 руб., машинисту с 30 до 35 руб. и кочегару с 10,5 до 18 руб., которых наняли еще 3 июня. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 239, 239 об.).

8 июня заключенный ранее контракт с купцом П.Г. Порсевым по доставке дров был скорректирован, поскольку теперь баржи доставляли дрова пароходом (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3020. Л. 200 об.).

2 сентября 1893 г. Хозяйственный комитет постановил записать на инвентарь смотрителя казенных зданий доставленный из Воткинска «пароход в 12 номинальных сил, с машиной Компаунд, колесами Моргана, длиной 55 фут., шириной 9½ фут.» без цены, так как «таковой еще испытывается в отношении годности». Предполагалось, что после составления приемного акта будет определена окончательная цена парохода. С пятью баржами проблемы стоимости не стояло, и их записали в инвентарь: две со стоимостью по 225 руб., три – по 578 руб. 25¾ коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3021. Л. 232, 232 об.).

Как уже упоминалось, в соответствии с решением Главной распорядительной комиссии по перевооружению армии для найма команды на пароход «Иж» выделялась ежегодно сумма в 1110 руб. Между тем на 1 ноября для этих целей израсходовали всего 883 руб. 70 коп., в связи с чем 2 ноября 1893 г. завод предложил нанять для охраны в дневное время парохода и барж, находящихся на зимовке, штурвального С. Измалкова с оплатой по 20 руб. в месяц. Без сомнения, эта мера предлагалась для круглогодичного «закрепления» при заводе ценных сезонных кадров. Охрана в ночное время возлагалась на сторожа с оплатой по 8 руб. в месяц (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3022. Л. 108, 108 об.). При подъеме барж на городки по окончании навигации наняли крестьянина Л.К. Азиатцева. Поскольку из-за поспешности работ завод заплатить ему сразу не смог, а подъем требовалось осуществить очень быстро, с крестьянином из личных средств рассчитался член Хозяйственного комитета Мышкин, которому 27 января 1894 г. возместили затраченные им 20 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3063. Л. 144), а 7 февраля оставшиеся 40 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3063. Л. 192).

12 марта 1894 г. механик Ижевских заводов осмотрел выполненное специалистами из Воткинска новое скрепление рам машинного фундамента, выполненное ранее командированным из Воткинска В.И. Непряхиным, и нашел, что оно выполнено крайне небрежно и не устраняет низкую жесткость фундамента. Установленные заклепки имели явно недостаточный обжим: под их головками образовался видимый просвет. В некоторых случаях заклепки оказались коротки настолько, что расклепать их головку толком не смогли, поэтому при вибрациях, сопровождаемых работой машины, ее просто должно было вырвать с места установки. Наконец, общее количество заклепок установлено явно недостаточное. Причины небрежности работ механик видел в том, что для производства действительно качественной работы машину требовалось снять с фундамента, что не было выполнено. В связи с этим 14 марта он составил соответствующий рапорт, рассмотренный на заседании Хозяйственного комитета 16 марта. В результате начальник Ижевских заводов обратился к горному начальнику Камско-Воткинского железодельного завода, чтобы в Ижевск прислали для

ликвидации дефектов квалифицированного специалиста, а не простого слесаря. Снова подчеркивалось, что пароход очень нужен заводам для подвозки дров и потому все работы следует провести до открытия навигации. Несмотря на явно халатно проведенные работы присланного слесаря, завод потратил на них 7 руб. 25 коп., которые отнесли на счет Воткинского завода (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3063. Л. 406-408).

26 апреля 1894 г. назрела необходимость в первом эксплуатационном ремонте «Ижа». Для этой цели решением Хозяйственного комитета выдавался наряд в механическую мастерскую, и происходило выделение необходимых для ремонта материалов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 107). Поскольку команда на пароход нанималась сезонно, в 1893 г. по окончании навигации ее уволили, так что в апреле 1894 г. пришлось нанять новую команду. 25 апреля наняли штурвального с окладом в 15 руб. в месяц (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 96). В этот же день для окраски парохода перед началом навигации нанимался крестьянин П. Сморкалов, обязавшийся покрыть пароход в два слоя со шпаклевкой. С учетом материалов подрядчика ему предполагалось заплатить 70 руб. Означенная сумма вошла в ежегодные 2385 руб., которые планировалось использовать на содержание парохода и барж (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 98). 10 мая на произведенные работы составили соответствующий акт, и в тот же день постановлением Хозяйственного комитета выделили требуемая подрядчику сумму (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 177 об.).

28 апреля на «Иж» нанимались в качестве матросов три крестьянина и отставной рядовой с оплатой по 10 руб. в месяц в течение всей навигации (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 124, 124 об.). 30 апреля за тот же оклад на пароход в качестве матроса нанимался еще один крестьянин (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 140, 140 об.).

По опыту эксплуатации барж в предыдущую навигацию выяснилось, что при закидывании в них дров открытые части деревянных кокор подвергаются большим ударам и потому быстро портятся. В связи с этим 9 мая 1894 г. комитет постановил произвести обшивку гардинами внутренних частей барж (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 173, 173 об.). Выявился недостаток и при эксплуатации пристаней. 28 мая было решено изготовить для них 20 мушек для лучшего причаливания к ним барж и парохода «Иж», поскольку шести имевшихся чугунных мушек было явно недостаточно. Для этой цели механической мастерской выдавался соответствующий наряд (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 252, 252 об.). 24 июня за произведенный ремонт барж купцу П.Г. Порсеву заплатили 600 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 399). В тот же день за устройство пристани на заводской плотине и ремонт двух других пристаней ему заплатили еще 300 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 403), 200 руб. – за настилку полов на плотинной пристани (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 404) и 150 руб. за внутреннюю обшивку пяти барж (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 405).

С началом навигации выяснилось, что нанятый ранее штурвальный «выказал полнейшее незнание дела», вследствие чего его пришлось 14 мая уволить и вместо него принять ранее работавшего матросом крестьянина Е. Манькова. В отличие от штурвального из-за «аккуратного выполнения значительных работ, связанных со званием матроса», остальным матросам повышался месячный оклад до 12 руб., как в прошлом году (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 193, 193 об.). 15 мая с наймом машиниста, масленщика и кочегара команда парохода оказалась сформирована и «Иж» начал навигацию. Первому назначался месячный оклад 35 руб., двум другим – по 18 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 198, 198 об.). Несмотря на аккуратное выполнение работ по приведению парохода в эксплуатационное состояние, при начале навигации выяснилось, что принятые три матроса оказались «малоопытными в своем деле». В результате 18 мая их пришлось уволить и вместо них нанять других, но уже с окладом в 15 руб. Тот же оклад назначался и единственному оставшемуся матросу из прежней команды (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 215, 215 об.). 10 июня из-за того, что нашелся человек более опытный в штурвальном деле, чем имевшийся матрос, произошла рокировка должностей. Новый штурвальный вошел в команду парохода с месячным окладом 25 руб., а бывший штурвальный снова стал матросом с окладом 15 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3064. Л. 322, 322 об.).

Несмотря на то, что «Иж» использовался для подвозки дров, для заготовки дров на сам пароход, годовую потребность в которых оценили в 375 саж., был нанят сельский обыватель С.В. Петров. 12 июля 1894 г. он подвез первые 15 саж., за что ему заплатили по 3 руб. 75 коп. за подводу (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3065. Л. 45). 17 августа завод расплатился за вторую поставку (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3065. Л. 325), 9 сентября – за третью (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3065. Л. 457), 12 октября – за четвертую (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 47).

Вторая навигация «Ижа» прошла уже в более привычном режиме. 13 сентября для подъема четырех барж на городки снова наняли крестьянина Л.К. Азиатцева, которому заплатили по 30 руб. за каждую баржу (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3065. Л. 497).

Тем временем в соответствии с дефектационной ведомостью в течение навигации 1894 г. Воткинский завод пытался устранить выявленные недостатки. В итоге к осени из неликвидированных дефектов остался лишь котел, который требовалось изготовить заново. 27 сентября на заседании Хозяйственного комитета решили произвести расчет с Воткинским заводом и постановили удержать сумму, равную ранее имевшимся долгам, в которую вошла цена за пять наждачных кругов, ушедших

в Воткинск еще 21 октября 1892 г., четырех станин, отправленных еще 21 октября 1892 г., сталь, отгруженную 22 июня 1893 г., кварцевый кирпич, отправленный в течение 1893 г. В итоге указанные взаимозачеты составили сумму в 2541 руб. 57 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3065. Л. 561-562). Таким образом, вместо контрактных 8000 руб. к оплате подлежала сумма в 5458 руб. 43 коп. 16 декабря 1894 г. заседание Хозяйственного комитета № 1079 постановило оплатить эту сумму Воткинскому заводу. Списание ее подлежало произвести из §4 сметы 1892 г. и перечислить на смету Горного департамента по §23 статьи 1 в кассу Воткинского завода (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 408-409). Таким образом, 16 декабря 1894 г. следует указать как дату окончательной готовности «Ижа», о чем составили акт № 5890 (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3066. Л. 487, 487 об.).

18 февраля 1895 г. из-за приближающейся навигации механическим мастерским выдали наряд на ремонт парохода и барж, объемы которого оценивались в 600 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 269).

7 марта для исправления и подготовки парохода и барж к эксплуатации было решено нанять двух матросов. В отличие от предыдущих лет при найме теперь ставилось условие знакомства претендента на должность с работой на судах. Оклад обоих матросов составил по 15 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 440, 440 об.).

20 марта для проведения ремонта «Ижа» и барж заключили контракт с купцом П.Г. Порсевым, поскольку на заводе не было специалистов на проведение подобных работ. Подрядчику надлежало пробить все пазы в наружных бортах барж смоленой паклей и осмолкой. Первоначально заинтересованность в контракте проявили несколько человек, в том числе, например, и И.И. Бодалев, но на сам конкурс явился лишь один П.Г. Порсев, которому контракт и достался. Возможно, что перед конкурсом купцы просто между собой договорились. Подрядчик обязался произвести работы своими мастерами, за что получал 300 руб. Учитывая, что прошлогодний аналогичный ремонт проводил тот же П.Г. Порсев и добросовестно, дополнительных вопросов в этот раз не возникло (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 562, 562 об.). 24 марта было решено заказать две водокачки для отсасывания воды из барж (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3121. Л. 564).

10 апреля 1895 г. за устройство пристани Воложка купцу П.Г. Порсеву заплатили 1000 руб. Кроме самой пристани, он оборудовал склад для дров и избу для сторожей, возчиков и вахтера, в ней же разместилась контора содержателя имущества (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 17).

Ранее при обследовании доставленного вместе с пароходом котла, который хоть успешно и проработал две навигации, но подлежал замене, было обнаружено слишком высокое положение его центра тяжести. Хотя данное обстоятельство и не соответствовало требованиям, предъявляемым к котлам, для парохода оно не оказывало сколько-нибудь существенного нежелательного эффекта. Тем не менее Воткинский завод обязался изготовить новый котел с пониженным центром тяжести, как то предполагала первоначальная спецификация. В марте 1895 г. котел доставили в Ижевск. 27 марта механик Ижевских заводов осмотрел новый котел и составил акт № 110. Оказалось, что в новом котле поверхность дымогарных трубок почти на 21 кв. ф. (1,95 м²) меньше старого, что снижало его паропроизводительность. Объем парового кожуха тоже оказалась меньше почти на 1 куб. ф. (0,028 м³). Указанное обстоятельство снижало расчетную мощность на 2 л.с., или при мощности машин в 18 л.с. это составляло 1/9 часть всей силы.

Поверхность нагрева дымогарных трубок на новом была 151,4 кв. ф. (14,06 м²), на старом – 172,94 кв. ф. (16,07 м²). Поверхность топочной камеры и жаровой коробки, принимая 1/2 всей поверхности топочной камеры и 2/3 жаровой коробки на новом 25 кв. ф. (2,32 м²), на старом – 23,5 кв. ф. (2,18 м²). Учитывая обнаруженные обстоятельства, механик просил уведомить горного начальника, что котел менять нельзя, пока не будут проведены испытания, доказывающие заявленную изготовителем паропроизводительность. В связи с этим на заседании Хозяйственного комитета 15 апреля 1895 г. было решено старый котел в Воткинск не возвращать, пока не будут известны результаты ходовых испытаний парохода с новым котлом (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 96-97). По всей видимости, новый котел все-таки показал удовлетворительные показатели. Но 11 июня механик заводов составил акт, что, не имея теплоизоляционной обшивки, котел быстро охлаждается, снижая свою паропроизводительность. 16 июня Хозяйственный комитет постановил оборудовать обшивку для котла, которая, кроме увеличения паропроизводительности, повысит экономичность. Всего на приобретение асбестовых плит и прочих необходимых материалов пришлось выделить 43 руб. А ввиду необходимости ремонт парохода надлежало провести самыми быстрыми темпами (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 540, 540 об.).

10 апреля 1895 г. механик заводов составил акт, что за время двух навигаций имевшаяся бортовая лодка парохода «Иж» настолько раскололась и истерлась, что ремонт ее бессмысленен. В случае ремонта он обойдется минимум в 10 руб., что составляет примерно 2/3 стоимости новой лодки, в то время как отремонтированная лодка протерпит не более одной навигации. Поэтому специальным постановлением Хозяйственного комитета содержателю Гольянской пристани коллежскому асессору Тимофееву надлежало подыскать новую лодку, способную выдержать восемь человек. Специально отмечалось, что она должна быть сделана не из досок, а выдолблена из цельного ствола с нашивными бортами. Деньги на покупку выделили из суммы в 600 руб., ежегодно

направляемой на ремонт парохода и барж (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 116, 116 об.). 12 мая лодка требуемого качества и параметров нашлась у крестьянина И. Швалева, у которого ее приобрели за 18 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 494, 494 об.).

8 мая 1895 г. на пароход «Иж» снова наняли трех матросов с месячным окладом в 15 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 282). 3 июня купцу П.Г. Порсеву уплатили 300 руб. за ремонт «Ижа» и барж перед навигацией. В этот же день был составлен акт о приме работ (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3122. Л. 439, 439 об.).

31 января 1896 г. механической мастерской выдали наряд на ежегодный эксплуатационный ремонт «Ижа», а также на покупку канатов и буксировочных концов. Все эти суммы вошли в ежегодные 600 руб., выделяемые на ремонтные работы (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3190. Л. 229). 8 февраля смотритель зданий получил наряд на ремонт барж. Стоимость его также вошла в ежегодные 600 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3190. Л. 289). В соответствии с нарядом механик заводов распорядился заготовить сурик, постное масло и цинковые белила, которые предполагалось закупить у местных торговцев (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 52).

11 марта смотритель казенных заводов написал рапорт № 74 о необходимости оснастить «Иж» кожуховыми фонарями, как того предполагает практика судовождения: красным и зеленым, поскольку по пруду в текущую навигацию также будет совершать рейсы пароход И.И. Бодалева. На заседании 14 марта Хозяйственный комитет постановил приобрести эти фонари (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 147). 18 марта Хозяйственный комитет стал перед проблемой, что объем ремонта может превысить выделенные 600 руб., в ходе обсуждения были найдены источники дополнительного финансирования (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 318, 318 об.).

22 апреля, поскольку купец П.Г. Порсев обязался привезти заготовленные дрова на Воложку и оттуда к заводским мастерским, ему передавались пароход и баржи для осуществления этих перевозок (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 501, 501 об.). Спустя два дня, 24 апреля, специальным решением Хозяйственного комитета установлены годовые оклады и состав команды парохода в 1896 г. Один штурвальный должен был получить 300 руб., два машиниста по 150 руб., два кочегара – по 90 руб. и пять матросов – по 105 руб. В связи с этим подлежало нанять на навигацию 1896 г. по примеру 1895 г. одного штурвального с месячным окладом 35 руб., одного машиниста 35 руб., смазчика 18 руб., кочегара 18 руб. и пятерых матросов по 15 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3191. Л. 536, 536 об.).

25 июня, поскольку объем работ у парохода достиг пикового значения, было принято решение нанять еще одного кочегара с месячным окладом в 18 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3192. Л. 394). По окончании навигации и приведении парохода с баржами в исправное состояние для постановки на зиму 14 ноября пароходную команду снова уволили. Общие затраты на нее за год составили 1296 руб. 79 коп., при ассигнованных 1305 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3194. Л. 276, 276 об.).

17 марта 1897 г., несмотря на то, что в контракте на подвозку дров, доставшегося П.Г. Порсеву, было указано, что подвозка производится на казенном пароходе с помощью пяти казенных барж, их ремонт должен был производиться в зимнее время за казенный счет. В соответствии с этим комиссия осмотрела состояние барж и признала необходимым на всех пяти исправить борта, проконопатить стыки и осмолить. Для этого все баржи 17 марта подняли на городки. Ежегодно на эксплуатацию парохода и барж выделялась сумма в 2833 руб. 33 коп., из которых для ремонта барж шло 600 руб. Контракт на ремонт достался крестьянину села Яромаска С.А. Котову, который за подъем барж на городки, исправление бортов, конопатку и осмоление заявил цену 400 руб. При этом все материалы должны были покупаться за казенный счет. Окончательный расчет следовал после того, как баржи выйдут в первый рейс и выяснится, что они пригодны для эксплуатации. Срок окончания ремонтных работ назначался на 20 апреля (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3323. Л. 536-538). 21 марта Котов приступил к работам, подняв на городки три баржи. В соответствии с планом выплат ему заплатили 100 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3323. Л. 593-594). 7 апреля по произведению конопатки и исправления бортов на поднятых трех баржах он получил следующие 100 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3324. Л. 38,38 об.). 22 апреля, поскольку Котов поднял на городки оставшиеся две баржи и произвел ремонт на всех пяти, ему уплатили еще 100 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3324. Л. 70-71). 23 мая все баржи освидетельствовали и составили приемный акт № 217, после чего их опробовали на плаву. В результате 24 мая Котов получил полный расчет за проведенные работы в 100 руб., из которых вычли 7 руб. 40 коп. гербового и земского сборов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3324. Л. 287-288).

19 марта Хозяйственный комитет принял решение заказать на Воткинском заводе новый паровой цилиндр. Механик завода коллежский асессор Коновалов составил 23 января 1897 г. акт № 371 о состоянии паровой машины парохода «Иж». Оказалось, что паровой двойной цилиндр изболтался настолько, что через обнаружившиеся раковины наружных и внутренних стенок прорывается пар. Одна из наружных раковин еще в навигацию 1896 г. была перекрыта планкой на стрелках. Внутренние же раковины прошли насквозь и сильно травят пар. Железная фундаментная рама разболталась настолько, что в навигацию 1896 г. сломалась в нескольких местах. Хотя ее и схватили приклепаннами накладками, это было временным решением и также требовало замены всей рамы, которую по этому случаю следовало сделать с новыми стойками и с уширенным

основанием для большей жесткости. Два штока парового цилиндра и два золотниковых штока также настолько изболтались, что требовали замены новыми.

Поскольку в Ижевске моделей для изготовления парового цилиндра просто не было, 27 января Хозяйственный комитет запросил управление Воткинского завода о цене и сроках изготовления нового двойного цилиндра для паровой машины. 7 марта в Ижевск поступил ответ, что завод сможет изготовить его в трехнедельный срок по цене 11 руб. 75 коп. за пуд без доставки, но со сборкой частей цилиндра, куда входили крышки и прочее оборудование, исключая обшивку. 11 марта на этом отношении появилась резолюция механика завода: *«Цена за изготовление парового цилиндра с частями назначена возможная, и срок обуславливает своевременное исполнение работ по ремонту парохода «Иж».* 19 марта на заседании Хозяйственного комитета было постановлено заказать цилиндр в Воткинске, отнеся расходы по нему в ежегодную сумму, выделяемую на ремонт (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3323. Л. 559-560).

По опыту навигации прошлого года 23 мая 1897 г. были утверждены состав команды и ее месячные оклады: штурвальный – 35 руб., 5 матросов – по 15 руб., машинист – 35 руб., смазчик – 18 руб., 2 кочегара – по 18 руб. Однако в соответствии с контрактом от 30 ноября 1896 г. подвозка дров, наем штурвального, не менее пяти матросов и кочегара лежали на П.Г. Порсеве, за что ему за навигацию предполагалось заплатить 642 руб. 80 коп. Наем остальных членов команды: машиниста, смазчика и кочегара – оставалось в ведении Хозяйственного комитета (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3324. Л. 277-278).

20 февраля 1898 г. состоялся конкурс на проведение ремонта барж, куда входили подъем их на городки, конопатка и смоление. Минимальную цену в 416 руб. предложил крестьянин Сарапульской волости И. Мусихин. 27 февраля заседание Хозяйственного комитета утвердило результаты конкурса (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3398. Л. 284-285). 31 марта, поскольку произвели очистку барж от снега и льда, подъем их на городки, исправление бортов, конопатку и смоление, ему заплатили 181 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3398. Л. 395-396). 11 мая после того, как баржи сделали по одному рейсу, их состояние признали удовлетворительным, о чем составили соответствующий акт. 13 мая произошел окончательный расчет с подрядчиком (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3399. Л. 230-231).

10 апреля 1898 г. купцу П.Г. Порсеву уплатили 642 руб. 80 коп. за наем команды на пароход. Для сравнения, по опыту прошлых лет на эти цели шло 525 руб. в год на пять матросов и 300 руб. на штурвального (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3399. Л. 32, 32 об.).

28 ноября 1898 г. был объявлен конкурс на подвоз дров в навигацию 1899 г. Среди прочих пунктов «Условий» там значилось: *«В продолжении навигационного периода подвозка дров производится с заводских складов Колтоминского и Воложске, на казенных баржах при помощи казенного парохода... Отливка воды из барж и очистка их, равно как и пристаней от мусора, возлагается на подрядчика... Исправное содержание парохода и барж, обыкновенный ремонт их, материалы для освещения парохода и содержание прислуги на нем относится во время перевозки дров на счет подрядчика, которому передается от заводов счет на сумму около 500 руб. на содержание машиниста и кочегаров... Потребность в капитальном ремонте частей этих судов, являющаяся не по вине подрядчика или его смотрителей, определяется Хозяйственным комитетом и относится за счет казны»* (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3401. Л. 72-76). 5 января 1899 г. стали известны результаты конкурса, в котором победил купец П.Г. Порсев, обязавшийся доставлять дрова во время навигации, как и в прошлые годы. А вот контракт на доставку в зимнее время получил крестьянин Ф. Филимонов (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3450. Л. 11). 27 марта 1899 г. П.Г. Порсева наняли для подвозки дров в навигацию 1899 г. при цене 43 коп. за саж. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3450. Л. 469) из Колтоминского и Воложского складов к заводским мастерским и генераторам печей Сименса и Мартена. По исполнению подряда П.Г. Порсеву должна быть выплачена сумма 1305 руб., определенная на содержание пароходной прислуги (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3515. Л. 58).

Тем временем детальное обследование барж показало, что одна из них находится в состоянии, не подлежащем восстановлению. В связи с этим 18 февраля 1899 г. скрестьянином Г.Ф. Конюховым заключили контракт, по которому он обязался четыре имеющиеся баржи очистить от снега и льда, поставить их на городки, исправить борта, оконпатить (245 руб.), построить две новые баржи по типу старых (804 руб.). Сроки приемки работ назначались по ремонту барж на 1 мая, постройки новых барж – 15 мая 1899 г. 13 марта последовала первая сумма по оплате работ в 365 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3450. Л. 351). К 3 апреля все баржи подняли на городки, очистили от снега и льда, построили две баржи, все проконопатили и осмолили, за это ему заплатили следующие 880 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3451. Л. 5, 5 об.). 21 мая все отремонтированные и построенные баржи «испытали в работе», и последовал окончательный расчет на 304 руб., из которых вычли необходимые налоги (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3451. Л. 145).

17 февраля механик заводов подал рапорт о необходимости ремонта на пароходе «Иж». 13 марта был составлен акт о необходимых работах № 1256: заменить на колесах стертые плиты новыми; очистить паровой котел и исправить на нем арматуру; перебрать и выверить паровую машину, испробовать ее на ходу; исправить пол, лестницы и площадки под колесами и сделать настил в корме; поднять пароход из воды и окрасить его внутри и снаружи. В тот же день 13 марта состоялось

заседание Хозяйственного комитета, постановившее выдать наряды на ремонт и приобрести необходимые материалы (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3450. Л. 359-360). По составленной калькуляции общие затраты на ремонт оценивались в 187 руб. 89 коп., из которых покупные материалы составляли 12 руб. 89 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3450. Л. 361 об.).

1 мая 1899 г. с купцом П.Г. Порсевым заключили контракт на подвозку в течение навигации 1899 г. 10 тыс. саж. дров по цене 43 коп. за саж. Но уже во время перевозки завод пересмотрел контракт, увеличив объем до 13 тыс. саж. К 1 октября подрядчик в итоге перевез 12002 саж. К этому времени завод увеличил объем перевозок еще на 3 тыс. саж. Поскольку навигация была готова вот-вот завершиться, традиционные торги не проводились, а дополнительные объемы снова обязался перевести П.Г. Порсев по тем же условиям (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3452. Л. 188-189). До закрытия навигации 26 октября ему удалось перевести еще 3111 саж., расчет за которые последовал 9 декабря (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3452. Л. 417-418).

15 января 1900 г. купцу П.Г. Порсеву компенсировали 1305 руб. за содержание пароходной прислуги в навигации 1899 г., поскольку все условия контракта 1 мая как по перевозке дров, так и по содержанию парохода и барж подрядчиком были выполнены исправно и никаких штрафов или взысканий по подряду не было (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3515. Л. 58, 58 об.).

20 января механик заводов провел обследование состояния парохода «Иж», составив акт № 373. В соответствии с ним требовалось провести следующие ремонтные работы: исправить гребные колеса, арматуру и обшивку котла, перебрать паровую машину, произвести окраску парохода, для чего его требовалось поднять на поверхность льда, отремонтировать полы, заменить брезенты на палубе, сгнившую кормовую палубу и сетку на палубе, исправить оконные рамы. В тот же день состоялось заседание Хозяйственного комитета, который постановил просить начальника заводов выдать наряды механической мастерской на ремонт «Ижа», а также приобрести необходимые для ремонта материалы (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3515. Л. 87, 87 об.). Согласно ведомости производств работ, составленной механиком заводов, затраты на материалы составляли 10 руб. 78 коп., на работу – 264 руб. 50 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3515. Л. 88 об.).

28 января 1900 г. Хозяйственный комитет постановил нанять для ремонта барж в этом году крестьянина Антона Котова. 22 января 1900 г., по результатам обследования состояния пяти имевшихся барж был составлен акт № 416, по которому три из них требуют ремонта: очистки от льда и снега, подъема на городки, исправления бортов и днищ, конопатки и осмоления. Состояние двух барж постройки 1899 г. признано удовлетворительным, и их следовало лишь осмотреть и исправить некоторые незначительные дефекты. Конкурс на проведение работ состоялся 22 января, в нем участвовало семь человек, заявивших цену от 394 до 775 руб. Между тем ежегодные расходы на ремонт барж составляли 600 руб. Минимальную цену в 394 руб. предложил крестьянин Григорий Конюхов. Но в ходе конкурса выяснилось, что во время выполнения подряда предыдущего года его уличили в краже казенных материалов (17 фунтов железа и 15 пудов смольной пакли), которые якобы были изъяты у него дома. Поскольку Хозяйственный комитет информации об имевшейся краже не имел, до расследования дела было решено воздержаться от заключения контракта с Конюховым, и потому в конкурсе победил крестьянин А.Л. Котов с заявленными им 395 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3515. Л. 129-130). 11 мая Котову заплатили первые 100 руб. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516. Л. 252).

Поскольку в последний раз, когда 18 октября 1899 г. заключался контракт на подвозку дров, из-за острой производственной необходимости конкурса как такового не проводилось, и он достался уже имеющемуся подрядчику П.Г. Порсеву, 10 февраля было решено ликвидировать это упущение и устроить полноценный конкурс на подвозку дров в навигации 1900 г. В итоге на него явились пять человек, минимальную цену заявил П.Г. Порсев в 44 ½ коп. за сажень. Однако эта цена была признана завышенной и было решено провести повторный конкурс 1 марта. На него также явились пять потенциальных подрядчиков. П.Г. Порсев пересмотрел свою цену и оказался готов осуществлять перевозки по 39 коп. за сажень. Но она не стала минимальной ценой, и в конкурсе победил обыватель Алексей Андреев с 38 ¾ коп. А.Е. Андреев обязался перевезти за навигацию 13000 саж. на общую сумму 5037 руб. 50 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516. Л. 41-42). 7 июня подрядчик перевез первые 4634 сажени, за которые 14 июня ему постановили заплатить 1795 руб. 87 коп. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3517. Л. 96). 23 сентября 1900 г. произошла оплата 1800 руб. 62 коп. за доставку следующей партии 4646 саж. (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3518. Л. 72). 25 октября по окончании навигации подрядчик осуществил передачу парохода и барж смотрителю казенных зданий завода, который принял их в удовлетворительном состоянии (акт № 420). Дефекты по окраске и замене некоторых необходимых частей, износившихся при работе, отнесли в счет казны. 23 ноября А.Е. Андреев получил от заводов 1305 руб. за содержание пароходной прислуги (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3518. Л. 292, 292 об.).

27 марта 1900 г. на заводе получили предписание ГАУ от 13 января, по которому объемы производства требовалось увеличить: оружейному заводу до 80 тыс. пехотных винтовок образца 1891 г., сталелитейному – до 151 тыс. черновых стволов, 317 тыс. черновых коробок, а кроме того, изготовить количество стали, потребное для выделки упомянутых 80 тыс. винтовок. Указанные объемы требовали увеличения мощностей Ижевских заводов, для чего выделялись дополнительные капитальные вложения (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516. Л. 116). В представленной калькуляции под

литерой «У» значилась сумма на постройку двух барж для перевозки дров. Несмотря на произведенный ремонт, две баржи уже сильно обветшали и требовали замены. Эта статья уже включалась в ведомости плана текущего года, но, пользуясь случаем, расход привязали к планам перевооружения завода (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3516. Л. 118 об.).

Освидетельствование барж показало, что одна из них, наиболее давней постройки, настолько обветшала, что ремонт ее уже невозможно произвести. Две новые баржи нуждались лишь в осмолении, которое можно было произвести без подъема на городки. Еще две баржи требовали замены прогнившей части днища и бортов, произведения мелкого наружного ремонта, переборки и скрепления рулей, тщательной пробивки днища и бортов и осмоления. О негодности одной баржи и необходимом ремонте еще двух 30 декабря были составлены соответствующие акты № 7503 и 7506. Поскольку ранее заводы запросили кредиты в размере 1400 руб. для постройки двух новых барж и 300 руб. на ремонт остальных, 30 декабря Хозяйственный комитет постановил объявить конкурс на постройку двух барж и ремонт четырех, назначенный на 20 января (ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3518. Л. 438-439).

Эта была последняя запись журнала заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов, посвященная вопросам организации перевозок по Ижевскому пруду.

4. Результаты

Протоколы заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов дают достаточно рельефную картину организации перевозок по Ижевскому пруду. Если к 1892 г. у заводов не было ни опыта, ни знаний по их осуществлению, то к 1900 г. их становится достаточно, чтобы однозначно идентифицировать предварительный сговор потенциальных подрядчиков на перевозку дров. В 1893 г. контракт на перевозку дров впервые достается П.Г. Порсеву, который плавно увеличивает цены на перевозку, достигнув в навигации 1899 г. цифры в 43 коп. с перевезенной сажени. Но уже в навигации 1900 г. контракт отдан обывателю Андрееву за 38 ³/₄ коп. с сажени.

Идет развитие береговой инфраструктуры пруда. Если первоначально в начале 1893 г. пристанями оборудованы лишь Колтома и место напротив нее у заводской плотины (контракт с П.Г. Порсевым), то уже в середине того же года сооружается пристань на плотине (контракт с И.И. Масловым) и вскоре продляется для увеличения количества одновременно причаливаемых барж. В 1895 г. П.Г. Порсев оборудовал причал и склад на Воложке.

А вот относительно вопроса ремонта барж заседания Хозяйственного комитета демонстрируют постоянность. На эти нужды идет около 400 руб. каждый год (не включая постройку новых барж). Поскольку в конце 1893 г. баржи еще были новыми, их зимовка заключалась лишь в подъеме на городки (контракт с Л.К. Азиатцевым), но зимой 1893/94 гг. возникла необходимость в доработке конструкции барж, для чего наняли П.Г. Порсева. По окончании навигации 1894 г. тот же Л.К. Азиатцев снова поднял баржи на городки, а весной ремонт снова выполнил П.Г. Порсев за 300 руб. В начале 1897 г. баржи, впервые оставшиеся зимовать во льду, подняли и отремонтировали, на что пошло 400 руб. Примерно такая же сумма уходит на ремонт и подъем барж в будущие годы.

Оптимизируется управление пароходом и плавсредствами. Если первоначально Хозяйственный комитет тщательно вникает в вопросы найма команды, ее профессиональной пригодности, занимается профессиональной переподготовкой, нанимая механика из Воткинска, закреплением кадров в межсезонье, то уже в 1896 г. он осознает, что все эти слишком мелочные вопросы имеет смысл полностью отдать на откуп подрядчиков, способных справиться с ними более эффективно. Если в навигацию 1897 г. подрядчик на перевозку дров П.Г. Порсев нанимал лишь половину команды, на будущий год в его обязанности вмнялось наем уже всей команды. Но завод при этом оплачивал этот наем.

Единственное, что практически не изменилось, это явное неумение Ижевских заводов эксплуатировать имевшийся в их распоряжении пароход. Большое значение в этом имело и низкое качество Воткинской постройки. Кроме традиционных эксплуатационных ремонтов, типа окраски парохода, замены пришедших в негодность частей, обнаруживаются также как явные заводские дефекты (прогорающий котел, скрытые свищи в машине и др.), так и последствия эксплуатации персоналом с невысокой квалификацией (расшатанный фундамент, приведенные в негодность плиты и т.д.).

5. Заключение

Журналы заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов представляют собой ценный источник по истории перевозок по Ижевскому пруду. Анализ журналов периода 1892–1900 гг. позволяет утверждать, что решение построить для перевозок дров пароход «Иж» кардинально изменило картину и объемы перевозок. Первоначально не имея опыта в эксплуатации парохода и организации перевозок, руководство заводов постепенно находит более эффективные способы хозяйствования (передача вопросов найма команды подрядчику, упразднение купеческой монополии на перевозки и др.). Происходит и постепенное усложнение береговой инфраструктуры. В итоге к

началу XX в. произошла существенная оптимизация системы управления перевозками, что дало возможность в начале XX века существенно расширить заводскую флотилию.

6. Благодарности

Статья подготовлена при поддержке Комплексной программы фундаментальных научных исследований УрО РАН, № 18-6-6-38.

Литература

ЦГА УР – Центральный государственный архив Удмуртской республики.

Воткинский завод, 2018 – Воткинский машиностроительный завод: век судостроения (1847–1945 гг.) / Р.В. Лапшин, Н.В. Митюков, Д.В. Матвеев, А.В. Коробейников. Ижевск: Иднакар; Институт компьютерных исследований, 2018. 434 с.

Жилин, 2012 – Жилин С. На берегах истории // *Деловой квадрат*. 2012. № 9 (84). С. 62-64.

Кудрявцев, 2016 – Кудрявцев А.Ф. К вопросу об экономической оценке Ижевского пруда в исторической ретроспективе // Трешниковские чтения – 2016: Материалы научно-практической конференции. Ульяновск, 2016. С. 51-53.

Пислегина, 2016 – Пислегина А.Н. Ижевский и Воткинский пруды – двигатели жизни Удмуртии // *Первый шаг в науку*. 2016. № 9–10 (21–22). С. 38-45.

Селивановский, 2014 – Селивановский С.Н. Ижевский пруд: прошлое и настоящее // Ижевск: история, повседневность, образы. Ижевск, 2014. С. 26-37.

Столов, 2000 – Столов В.В. Ижевский пруд: вчера, сегодня... а завтра? / *Молодые ученые – первые шаги третьего тысячелетия: Труды электронной заочной конференции*. Ижевск, 2000. С. 298-300.

Шумилов, 1998 – Шумилов Е.Ф. Ижевский пруд: история, экологическое состояние // Природа Ижевска и его окрестностей. Ижевск, 1998. С. 209-222.

Шумилов, 2002 – Шумилов Е.Ф. История Ижевского пруда и его плотины // Ижевский пруд. Ижевск, 2002. С. 9-35.

Mitiukov, 2016 – Mitiukov, N.W. Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation // *Bylye Gody*. 2016. 39(1). pp. 76-82.

Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov, N.W., Kondratenko, R.V., Korobeinikov, A.V., Dashyan, A.V., Mitrofanov, A.F. Networking in scientific projects on naval history // *Bylye Gody*. 2017. 46(4). pp. 1582-1590.

Mitiukov et al., 2017a – Mitiukov, N.W., Matveev, D., Svechnikova, N.V. Problems of Votkinsk's shipbuilding: To analyze the historical sources // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). pp. 145-152.

References

CGA UR – Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Udmurtskoj respubliki [Central State Archive of the Udmurt Republic]. [in Russian]

Votkinskij zavod, 2018 – Votkinskij mashinostroitel'nyj zavod: vek sudostroeniya (1847-1945 gg.) [Votkinsky Machine Building Plant: the Age of Shipbuilding (1847-1945)]. R.V. Lapshin, N.V. Mityukov, D.V. Matveev, A.V. Korobeinikov. Izhevsk: Idnakar; Institut komp'yuternyh issledovaniy, 434 p. [in Russian]

Zhilin, 2012 – Zhilin S. (2012). Na beregah istorii [On the shores of history]. *Delovoj kvadrat*. № 9 (84). pp. 62-64. [in Russian]

Kudryavcev, 2016 – Kudryavcev A.F. (2016). K voprosu ob ehkonomicheskoy ocenke Izhevskogo pruda v istoricheskoy retrospektive [To the question of the economic assessment of Izhevsk pond in a historical retrospective]. *Treshnikovskie chteniya – 2016: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii*. Ulyanovsk, pp. 51-53. [in Russian]

Pislegina, 2016 – Pislegina A.N. (2016). Izhevskij i Votkinskij prudy – dvigateli zhizni Udmurtii [Izhevsk and Votkinsky ponds - the engines of life of Udmurtia]. *Pervyj shag v nauku*. № 9-10 (21-22), pp. 38-45. [in Russian]

Selivanovskij, 2014 – Selivanovskij S.N. (2014). Izhevskij prud: proshloe i nastoyashchee [Izhevsk pond: past and present]. Izhevsk: istoriya, povsednevnost', obrazy. Izhevsk, pp. 26-37. [in Russian]

Stolov, 2000 – Stolov V.V. (2000). Izhevskij prud: vchera, segodnya... a zavtra? [Izhevsk pond: yesterday, today ... and tomorrow?]. *Molodye uchenye – pervye shagi tret'ego tysyacheletiya: Trudy ehlektronnoj zaочноj konferencii*. Izhevsk, pp. 298-300. [in Russian]

Shumilov, 1998 – Shumilov E.F. (1998). Izhevskij prud: istoriya, ehkologicheskoe sostoyanie [Izhevsk pond: history, ecological condition]. *Priroda Izhevsk i ego okrestnostej*. Izhevsk, pp. 209-222. [in Russian]

Shumilov, 2002 – Shumilov E.F. (2002). Istoriya Izhevskogo pruda i ego plotiny [History of Izhevsk pond and its dam]. *Izhevskij prud*. Izhevsk, pp. 9-35. [in Russian]

Mitiukov, 2016 – Mitiukov, N.W. (2016). Ship's biographies as a source of the Spanish-Russian naval cooperation. *Bylye Gody*. 39(1). pp. 76-82.

Mitiukov et al., 2017 – Mitiukov, N.W., Kondratenko, R.V., Korobeinikov, A.V., Dashyan, A.V., Mitrofanov, A.F. (2017). Networking in scientific projects on naval history. *Bylye Gody*. 46(4). pp. 1582-1590.

Mitiukov et al., 2017a – Mitiukov, N.W., Matveev, D., Svechnikova, N.V. (2017). Problems of Votkinsk's shipbuilding: To analyze the historical sources. *Bylye Gody*. 43(1). pp. 145-152.

Начало навигации на Ижевском пруду по журналам заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов 1892–1900 гг.

Николай Витальевич Митюков ^{a, b, c, d, e, g, *}, Светлана Леонидовна Баутина ^d,
Анатолий Николаевич Лошкарев ^b, Майя Андреевна Селиверстова ^f

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова,
Российская Федерация

^c Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

^d Московский экономический институт, Российская Федерация

^e Московский институт психоанализа, Российская Федерация

^f Сочинский государственный университет, Российская Федерация

^g Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Ижевский пруд в XIX – первой половине XX вв. представлял собой важную транспортную артерию для обеспечения работы Ижевских заводов, прежде всего для связи завода с Воложкой и Колтомой. Для удешевления и убыстрения перевозок в конце XIX в. на Ижевском пруду появились первые пароходы.

На основе журналов заседаний Хозяйственного комитета Ижевских заводов (высший орган хозяйственного управления заводов) в 1892–1900 г. производится реконструкция истории навигации по Ижевскому пруду в последнее десятилетие XIX в. Показано, что, первоначально не имея опыта управления речными перевозками, администрация Ижевских заводов постепенно находит наиболее оптимальные способы хозяйствования. Расширяется береговая инфраструктура, в ключевых точках пруда создается сеть пристаней (Воложка, Колтома, дамба и др.). К концу 1890-х гг. Хозяйственный комитет получил достаточный опыт, чтобы распознать предварительный сговор подрядчиков на перевозку дров для завода по завышенным ценам. Он находит смелость отказаться от традиционных подрядчиков (Порсев и Бодалев) в пользу нового (Андреев).

Появляется опыт и в эксплуатации заводского парохода «Иж». Так, если первоначально Хозяйственный комитет вникает во все детали найма команды, то в 1897 г. он передает функции подбора половины команды подрядчику, а после успешно проведенной навигации и полностью доверяет подбор команды. При этом заводы компенсируют затраты на содержание команды. Находятся и резервы для снижения ремонта и постройки новых заводских барж.

Определены ключевые даты в истории парохода «Иж», который, судя по документации Ижевских заводов, строился по проекту заводского парохода Воткинского завода «Шаркан». Анализ проведенных работ при традиционных ремонтах заводского парохода показывает, что наряду с эксплуатационными повреждениями, имеются признаки низкого качества постройки и даже явный заводской брак (сквозные свищи в корпусе паровой машины, заплаты в котле и т.д.).

Ключевые слова: Ижевск, Ижевский пруд, Воткинский завод, Ижевские заводы, история, судостроение, навигация, водный транспорт.

* Корреспондирующий автор

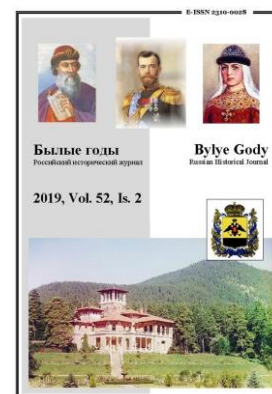
Адреса электронной почты: nico02@mail.ru (Н.В. Митюков)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 821-829. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.821
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Notarial Institution and Notaries of the Yenisei Province from 1897 to 1917

Tatyana G. Karchaeva ^{a, *}, Anna S. Zhulaeva ^a, Mikhail D. Severyanov ^a

^aSiberian Federal University, Russian Federation

Abstract

The article explores the historical information about the Notarial institutions and notaries in the Yenisei province of Eastern Siberia from January 1897 to February 1917. It is argued that Siberian Notarial part of the Ministry of Justice began to operate in the provinces of Eastern Siberia with a 30-year delay. The fundamental law was the “Highest approved temporary rules for the application of judicial acts in the provinces and regions of Siberia” of 1896. This law realized the “Regulation on the Notarial part” of 1866. This was a main regulatory act about the Russian Notary management. The Notary offices were established in five cities of the Yenisei province – the Krasnoyarsk, Minusinsk, Achinsk, Kansk, Yeniseisk. The Senior Notaries of the Krasnoyarsk District Court were 4 people – Nikolai E. Gudima, Alexander I. Kokoshkin, Alexey M. Vetrov; Leo P. Terek. The City Notaries were 11 people – Mikhail K. Kotenev, Nikolay A. Stavrovsky, Joseph A. Itsin, Alexander A. Romanovsky; Victor-Stefan D. Petrozhitsky, Alexey M. Treskov, Ivan O. Romanovsky, Yakov P. Polyashov, Alexey A. Yakovlev, Dmitry S. Dobrovolsky, Mikhail A. Stavrovsky. This article explored data about their biographies, which firstly presented in History. Siberian Notaries were former local judicial officials. They had many years of experience in a Siberian Court or Russian Notarial part in the provinces of Central Russia. Access to notarial activities was provided by professional education, noble origin and the chairman’s protection of the Krasnoyarsk Regional Court or Senior Notary. Prestige of work in Notarial part was determined profitability professional activities. However, Senior Notaries and City Notaries of the Yenisei province was characterized by impeccability and the absence of significant official misconduct over the entire 20-year period their work. The customer’s cases complaints explanted the socio-economic conditions in the Yenisei province. There were a rapid population growth and a number of civil legal acts increased in the Eastern Siberia at the beginning XX century.

Keywords: Notarial institution, history of Notary, officials, notaries, Ministry of Justice of the Russian Empire, Yenisei province, Yenisei Siberia, Russian Empire.

1. Введение

Своевременно оглянуться в прошлое – значит обрести опору, определиться в жизненных традициях и одновременно выстроить грамотные перспективы на будущее. Интерес к истории отечественного нотариата, берущего свое начало в глубокой древности, в Древнем Риме, – это свидетельство его высокого уровня зрелости как института, накопившего богатый жизненно-правовой опыт, детальное рассмотрение дореволюционной истории которого предопределяет необходимость настоящего исследования. Цель работы – установление исторических фактов организации и функционирования судебного нотариата в Енисейской губернии и представление социально-профессионального портрета дореволюционных нотариусов, работавших на основе «Положения о нотариальной части 1866 г.». Хронологические рамки исследования – 1897–1917 гг. – обусловлены дореволюционным периодом действия нотариальных структур Сибири в государственно-организованной форме при Министерстве юстиции. Территориальные границы

* Corresponding author

E-mail addresses: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (T.G. Karchaeva)

определены пятью округами (уездами) Енисейской губернии (Красноярским, Ачинским, Минусинским, Канским, Енисейским), исключая местности с национальными формами управления.

2. Материалы и методы

Источниковой базой работы послужили архивные дела из Российского государственного исторического архива (фонд №1405 «Министерство юстиции»), Государственного архива Красноярского края (№42 «Красноярский окружной суд», №141 «Енисейский губернский суд», №595 «Енисейское губернское управление», №613 «Енисейский губернский прокурор»).

Методологическая основа работы сочетает в себе общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение) и специально-исторические (биографический, проблемно-хронологический, ретроспективный и метод периодизации), обеспечившие исследование истории нотариата Енисейской губернии в 1897–1917 гг., как и социально-профессионального портрета нотариусов, на принципах историзма и научной объективности.

3. Обсуждение

В современной отечественной и зарубежной историографии присутствуют работы по истории российского нотариата как основного правоприменительного и правозащитного механизма, гарантировавшего во все времена стабильность социально-экономических отношений человеческого общества (Ахрамеева, Звонок, 2007; Eremenko, 2016). Учеными, работающими на стыке исторической и юридической наук, доказано, что в дореволюционной России развитие нотариата зависело от государства, поскольку законы и прочие нормативно-правовые акты всегда определяли его функционирование (Анев и др., 2014). В недавних научных работах установлено, что в Западной и Центральной России, на территориях Дальнего Востока и Сибири были существенные особенности в развитии гражданского оборота и нотариальных структур (Васильев, 2017; Друзяка, Дударенок, 2018; Маслова, Еременко, 2011). При этом история нотариального дела в Енисейской губернии уже представлена сведениями о «протонотариате» с 1822 по 1896 гг., что в хронологическом и тематическом смысле предшествует настоящему исследованию (Карчаева, 2018).

4. Результаты

4.1. Становление судебного нотариата в Енисейской губернии

Учреждение нотариальных структур, выстроенных при Министерстве юстиции по «Положению о нотариальной части» 1866 г., как и реализация судебной реформы Александра II, проходило в Сибири на три десятилетия позднее, чем в губерниях Центральной России. К 1894 г. дореформенный суд и «протонотариальная система» сохранялись в 23 губерниях и областях, что вызывало недоумение у либерально настроенной общественности, требовавшей изменений в ближайшее время.

Система реформированного суда на территории Енисейской губернии начала работу в январе 1897 г. (Временные правила..., 1896). Министр юстиции Н.В. Муравьев лично контролировал процесс организации нотариального дела. В отношении Восточной Сибири он писал Иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину и запрашивал информацию о необходимом числе нотариусов по губерниям и областям (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 157. Л. 3). Подлинный ответ на этот документ не известен. Однако смысл содержания черновика безымянного документа, видимо, январского 1897 г. за №47, сводился к желанию создать в структуре местной судебной системы Енисейской губернии две нотариальные конторы в губернском городе Красноярске и по одной нотариальной конторе в окружных городах – Енисейске, Минусинске, Ачинске и Канске. Основным аргументом для их открытия было наличие в регионе значимого гражданско-правового оборота, достаточного количества жителей, высокого уровня экономики, развитости транспортной инфраструктуры (ГАКК. Ф. 141. Оп. 1. Д. 157. Л. 5).

Заметим, в сельских населенных пунктах и городе Туруханске Енисейской губернии не были созданы нотариальные конторы, а их жители за оформлением и удостоверением документов имущественного характера, как и до 1897 г., обращались в волостные правления или к полицейским чинам (Временные правила..., 1896: п. 5). Кроме того, инородцы Енисейской Сибири, не имевшие статус оседлых, оформляли договорные отношения с русским населением через должностных лиц Степных дум и Инородных управ, в которых также велись «Актовые книги» для записи содержания имущественных сделок, договоров и духовных завещаний (ГАКК. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1. Л. 58; ГАКК. Д. 5. Л. 5; Ф. 296. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-5).

В юрисдикции Иркутской судебной палаты – главного органа реформированного суда на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока – были Иркутский, Якутский, Читинский, Томский, Красноярский, Благовещенский и Владивостокский, Порт-Артурский (с 1906 г. – пограничный) окружные суды, осуществлявшие открытое, устное, равное судопроизводство и контроль над нотариальной деятельностью (Друзяка, Дударенок, 2018: 78).

В Енисейской губернии юрисдикция Красноярского окружного суда распространялась на жителей Красноярского, Енисейского, Ачинского, Минусинского и Канского округов (с 1898 г. – уездов). В его структуре, подобно судам Тобольской, Томской, Иркутской губернии и Забайкальской

области, была введена должность старшего нотариуса, руководившего деятельностью нотариусов в регионе (Курас, 2016: 152).

4.2. Профессиональный и социальный портрет местных нотариусов

В дореволюционный период судебного нотариата – с января 1897 по февраль 1917 г. – на должности старшего нотариуса при Красноярском окружном суде служили 4 чел., а в нотариальных конторах Енисейской губернии – 11 нотариусов (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 366. Л. 1; Д. 3127. Л. 12; Д. 3624. Л. 1; Д. 3679. Л. 1; Памятная книжка, 1909: 53-54; Памятная книжка, 1911: 125-126; Памятная книжка, 1913: 82; Памятная книжка, 1915: 92).

Архивные материалы в фонде Красноярского окружного суда и «Памятные книжки» по Енисейской губернии позволили установить, что должность старшего нотариуса занимали Николай Егорович Гудима (1900–1907 гг.), Александр Иванович Кокошкин (1907–1911 гг.), Алексей Михайлович Ветров (исполняющий обязанности в 1911 г.); Лев Павлович Терских (1912–1917 гг.). Нотариусами в городе Красноярске служили Михаил Константинович Котенев (1897–1899 гг.), Николай Александрович Ставровский (1900–1918 гг.); Иосиф Абрамович Ицын (1900–1917 гг.); в городе Минусинске – Александр Адамович Романовский (1897–1903 гг.); Виктор-Стефан Доминиканович Петрожицкий (1903–1918 гг.); в Ачинске – Алексей Михайлович Тресков (1897–1919 гг.); в Канске – Иван Осипович Романовский (1897–1903 гг.); Яков Павлович Поляшов (1903–1914 гг.); Алексей Александрович Яковлев (1914 – ?); в Енисейске – Дмитрий Сергеевич Добровольский (1897–1898 гг.); Михаил Александрович Ставровский (1898–1923 гг.).

Процедура подбора кадров системы нотариата по губерниям и областям Сибири ничем не отличалась от общепринятых порядков. Было определено, что нотариусами могли быть русские подданные, не опороченные судом и не работавшие на момент занятия должности в государственном аппарате. Особым предписанием Министра юстиции от 6 июня 1887 г. были лишены права быть нотариусами лица, исповедовавшие иудаизм (РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 6300. Л. 71).

Однако в Енисейской губернии как отдаленной сибирской территории действовали послабления при отборе кандидатов на вакантные должности нотариусов, кадровый состав которых был более демократичен, чем в приближенных к центру территориях.

Во-первых, Иосиф Абрамович Ицын – иудей по вероисповеданию – прослужил вторым младшим нотариусом города Красноярска с 1900 по 1917 г. (Енисейский энциклопедический, 1998: 243).

Во-вторых, Александр Адамович Романовский – нотариус города Минусинска с 1897 по 1907 г., дворянин Минской губернии – был бывшим ссыльнопоселенцем, осужденным за участие в польском восстании 1863 г. После освобождения от полицейского контроля, будучи выпускником историко-филологического факультета Императорского университета Святого Владимира, он прошел снизу вверх все ступени службы в Енисейском губернском суде – от помощника столоначальника до советника председателя, исполняя честно свой долг перед российским государством и обществом (ГАКК, Ф. 141. Оп. 1. Д. 1480. Л. 49-51).

«Положение о нотариальной части» 1866 г. предусматривало сдачу в подведомственном окружном суде обязательного теоретического и практического экзамена, подтверждавшего знание претендентами в нотариусы основ нотариальной и торговой деятельности и, в частности, содержание ст. 2422, 24444 по IX тому «Торгового устава» 1857 г. (Временные правила..., 1896).

Обязательный денежный залог ограничивал доступ в структуру тех лиц, которые в финансовом отношении не были в состоянии его обеспечить. Залог предназначался для покрытия издержек со стороны нотариусов, уже на тот момент представлявших себя неким профессиональным сообществом, на случай возможных ошибочных и неправомερных служебных действий. Размер залога определялся Министерством юстиции и внутренних дел с учетом местных условий. Например, в Санкт-Петербурге и Одессе залог составлял 10 000 руб., во Владикавказе и Екатеринбурге – 3 000 руб., а в провинциальном Канске Енисейской губернии (по данным на апрель 1914 г.) – всего 1 900 руб., что было более чем в пять раз меньше столичных норм (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3127. Л. 12)

В Государственном архиве Красноярского края сохранилось множество «прошений» от разных лиц, желавших служить в системе нотариата. Так, в марте 1914 г. на одно вакантное место нотариуса по городу Канску претендовало семь человек: Михаил Александрович Ставровский – нотариус города Енисейска; Михаил Николаевич Никулин – нотариус города Тотьмы Вологодской губернии; Яков Анисимович Свириденко – бывший нотариус города Бодайбо Иркутской губернии; Василий Николаевич Полюжинский – нотариус города Нижнеудинска Иркутской губернии; Антон Васильевич Литинский – служащий с 20-летним стажем из «Иркутской нотариальной конторы Разумова»; Иннокентий Алексеевич Шаров – нотариус села Николо-Березовского Уфимской губернии (в дальнейшем с 1920 по 1923 г. – заведующий нотариальным отделением при енисейском губернском исполнительном комитете, с 1923 по 1930 г. – глава нотариального отделения енисейского народного суда); Алексей Александрович Яковлев – мировой судья 3-го участка Минусинского уезда (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 253. Л. 1-27 об.).

Перечисленные претенденты успешно выдержали в Красноярском окружном суде «экзамен к должности» и предъявили свидетельства об образовании. Однако в 1914 г. на место нотариуса по городу Канску был назначен статский советник А.А. Яковлев, за которого лично ходатайствовал его прямой начальник – председатель Красноярского окружного суда действительный статский советник Б.И. Кгаевский, доверявший и знавший местного минусинского мирового судью как честного человека (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 253. Л. 22-22 об.).

Безусловно, учреждаемой нотариальной структуре в Енисейской губернии были нужны лица с опытом работы. Как пример, однофамилец минусинского нотариуса А.А. Романовского, упомянутого с целью иллюстрации возможности поступить на должность даже бывшим ссыльнопоселенцам, канский нотариус Иван Осипович Романовский (тоже поляк, католик и дворянин) был назначен в мае 1897 г. с учетом приложенного им к «прошению» зарегистрированного свидетельства о службе в 1886–1890 гг. при нотариальной конторе Ипотечной канцелярии Варшавского окружного суда у нотариуса А. Александровича, подтверждавшего знание нотариального дела не в теории, а на практике (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3679. Л. 2). Причины переезда И.О. Романовского в Сибирь доподлинно неизвестны. Лишь знаем, что до утверждения в должности канского нотариуса он работал счетоводом в управлении Среднесибирской железной дороги и проживал в городе Томске. При этом в его личном деле сохранились ходатайства за него Томского губернатора генерал-майора А.А. Ломачевского и товарища прокурора Красноярского окружного суда П. Никитина, свидетельствующие о положительном облике претендента на должность канского нотариуса (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3679. Л. 14-15).

Однако в формулярном списке И.О. Романовского присутствуют записи не только о его трудолюбии и аккуратности, не раз подтвержденных безупречностью 6-летней работы, но и недостатках «досугового сегмента общественной жизни» (Zinovyev et al, 2019: 273). В процессе многочисленных служебных разбирательств подтвердилось, что канский нотариус И.О. Романовский был картежником: «Он играл с канским хлеботорговцем Василием Аврутисом, местным полицейским надзирателем Михаилом Пановым, томским крестьянином (без определенных занятий) и бывшим приказчиком одного из канских вельмож Петром Кондратьевым, красноярским мещанином из ссыльных и буфетчиком собрания Акимом Дегтяревым, казаком Красноярской сотни и буфетчиком станции города Канска Александром Иконниковым. В неофициальной среде игроков И.О. Романовский получил прозвище “банкомет”» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3679. Л. 2-16).

Безусловно, многие представители интеллигенции рубежа XIX–XX вв. значительную часть свободного времени посвящали карточным играм (Gryaznukhina et al., 2019: 438). Однако для И.О. Романовского – нотариуса, обеспечивавшего своими действиями законность и правопорядок, – данный факт слыл неофициальной причиной отстранения от должности (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3679. Л. 17).

В реалиях того времени принадлежность к дворянскому сословию открывала дополнительные возможности в продвижении по служебной лестнице (Karchaeva et al., 2019: 189). Интересным является факт, что красноярский и енисейский нотариусы – родные братья Николай и Михаил Ставровские – через личный рапорт на имя председателя Красноярского окружного суда приобрели себе дворянский статус, так как не получили его по причине служебной проволочки, но имели на него право благодаря заслугам их отца – коллежского асессора Александра Алексеевича Ставровского – бухгалтера Красноярского губернского казначейства, имевшего в качестве награды орден Святого Владимира IV степени (ГАКК. Ф. 595. Оп. 45. Д. 72. Л. 27-38). Так, нотариусы не только обеспечивали исполнение прав других лиц, но успешно защищали и свои законные права.

В условиях модернизации российского общества конца XIX в. образование было залогом успеха в карьере. Все без исключения старшие нотариусы имели высшее юридическое образование, прочие нотариусы – уровень губернской гимназии или уездного училища. Архивные материалы свидетельствуют, что чиновники планировали продвижение по службе. Например, канцелярский служитель Яков Павлович Поляшов, находившийся в штате судебного ведомства, заблаговременно в Красноярской губернской гимназии сдал экзамен на первый классный чин, понимая его важность. Затем полученный им в 1900 г. аттестат об образовании стал «проходным билетом» на место нотариуса города Канска, которое он занял в 1903 г. (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3624. Л. 21). При этом наивысшей точкой в карьере его старшего брата Гаврилы Павловича Поляшова, имевшего домашнее образование, было лишь место помощника письмоводителя в камере губернского прокурора, освободившееся как раз после брата Якова, перешедшего в нотариат (ГАКК. Ф. 613 Оп. 1. Д. 301. Л. 5 об.-8).

4.3. Функционирование системы судебного нотариата

Одной из причин перехода в нотариусы с других должностей государственной службы было стремление «жить лучше», что, конечно, подразумевало и увеличение профессиональной и социальной ответственности. Местные чиновники в структурах государственных органов власти имели жалованье, позволявшее жить скромно – 300–500 руб. в год (Карчаева, 2017: 186-187). Нотариусы в Енисейской губернии получали более достойное вознаграждение согласно официальной

нотариальной таксе 1867 г., определенной в качестве временной, но просуществовавшей без значительных изменений до 1918 г.:

«1. За совершение нотариальных актов (ст. 79 Полож. о нотариальной части) взимается: за акты ценою свыше 500 руб. – 2 руб.

2. За засвидетельствование заемных обязательств, векселей и их протесты (ст. 128 п. 6 и ст. 146 Полож.): сумма обязательства или векселя менее 500 руб. – 50 коп.; от 500 до 1000 руб. – 1 руб.; свыше 1000 руб. – по 10 коп. за каждые 100 руб.

3. За засвидетельствование договоров, указанных в пунктах 1, 2, 4 ст. 1534 т. X ч. 1 зак. гражд. (ст. 128 п. 6 Полож.): за акты свыше 500 руб. – 1 руб.; от 500 до 1000 руб. – 1 руб. 50 коп.; свыше 1000 руб. – 2 руб. и дополнительно по 1/10 процента (10 коп. со 100 руб.) и т.д.

4. За засвидетельствование актов и договоров (ст. 1 и 3 сей таксы), ценность предмета которых не может быть определена, плата взимается как за акты и договоры ценой в 1000 руб. (...).

5. За засвидетельствование верности копии (ст. 132 Полож.) взимается 25 коп. с первого листа и по 10 коп. с последующих листов, считая каждые 25 строк за страницу листа.

6. За засвидетельствование подлинности подписей (ст. 133 Полож.) – по 10 коп. за подпись.

7. За совершение и засвидетельствование доверенностей, мировых записей и прошений, а равно третейских записей (ст. 128 п. 7 Полож.): за один лист – 1 руб.; за несколько листов: за первый лист – 1 руб.; за последующие листы – по 50 коп. (...)» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 366. Л. 93-93 об.).

Нотариусы Енисейской губернии выполняли все требования, установленные законодательством. Увеличение числа гражданских сделок, разумеется, умножало доходы нотариусов. Согласно официальным данным, озвученным на заседании Красноярского окружного суда, быстрый рост городов и их окрестностей предопределил необходимость усиления штата нотариусов Енисейской губернии по городам Минусинску, Ачинску и Канску, что представлено в [Таблице 1](#).

Таблица 1. Количество жителей, нотариальных актов и сумм доходов нотариусов Енисейской губернии за 1901 и 1911 г. (без сведений по Енисейскому уезду) (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 227. Л. 106.-2)

Город	1901 г.			1911 г.		
	Число жителей, чел.	Число актов по реестру, ед.	Сумма дохода нотариусов, руб., коп.	Число жителей, чел.	Число актов по реестру, ед.	Сумма дохода нотариусов, руб.
Красноярск	33 111	3 472	2 311,14	71 849	5 602	9 134,98
- «первый» нотариус		2 563	3 933,80		4 523	5 524,35
Минусинск	4 453	1 576	1 711,18	13 689	2 896	2 481,34
Ачинск	7 148	924	1 254,36	9 142	3 311	2 373
Канск	7 045	1 233	816,80	17 512	4 377	2 809,77
Всего	51 754	9 768	10 027,28	112 192	20 709	22 323,44

Согласно анализу приведенных данных, население за 9–10 лет в городе Красноярске увеличилось в 2,17 раз, Канске – 2,13, Ачинске – 1,69, Минусинске – 3,08. Количество статей в реестре у двух нотариусов города Красноярска стало больше в 1,67 раз, по Канску – 3,55, Минусинску – 1,83, Ачинску – 3,58. Размер полученного в 1911 г. вознаграждения у красноярских нотариусов (Н.А. Ставровского и И.А. Ицына) был равен 1 руб. 63 коп. и 1 руб. 2 коп. соответственно, у канского Поляшова – 64 коп.; минусинского Петрожицкого – 82 коп., ачинского Трескова – 72 коп.

Доходы нотариусов подлежали государственному и общественному контролю, осуществлявшемуся уполномоченными на то служащими Красноярского окружного суда, Камеры губернского прокурора и городских управ. При этом не находили официального подтверждения

слухи о завышенных тарифах, по причине которых заводились крупные дела, разбирательства по которым доказывали все же правоту нотариусов.

Так, в 1911 г. члены Красноярского окружного суда высказали предположение, что близкая к действительности стоимость одного акта была примерно на 25 % выше показанной стоимости в отчетной документации. В таком случае, конечные размеры доходов за 1911 г. у двух красноярских нотариусов, скорее всего, составляли 25 000 руб., у каннского – 11 000 руб., минусинского – около 7 000 руб. и ачинского – 8 000 руб. (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 227. Л. 10б. -5).

По обыкновению, нотариусы работали в отдельных кабинетах и конторах. Например, красноярский нотариус Н.А. Ставровский за 10 лет службы сумел построить личный дом, оцениваемый в 25 000 руб. Располагался он по центральной городской Воскресенской улице (сегодня – Красноярск, пр. Мира, 66). Это двухэтажное каменное и богато украшенное лепниной яркое здание, полюбоваться которым мы имеем возможность и сегодня. Красноярский нотариус И.А. Ицын выстроил дом, соразмерный по стоимости Н.А. Ставровскому, только через 11 лет службы – в 1911 г. Это каменное одноэтажное здание, расположенное в центре города Красноярска по Театральному переулку (сегодня – Красноярск, ул. Кирова). Оно выполнено в стиле модерн, в архитектуре присутствуют мавританские мотивы, придающие ему неповторимый облик. Архитектором здания был знаменитый художник Л.А. Чернышев, среди работ которого значится Красноярский краеведческий музей и многие другие памятники архитектурного наследия начала XX в.

Архивные материалы свидетельствуют, что профессиональная деятельность нотариальных контор представляла собой строго регламентированное производство. И каждый нотариус вел документацию строгой отчетности. Благодаря работе при Красноярском окружном суде нотариального архива функционирование нотариальной системы было упорядочено.

Безусловно, значительное внимание уделялось «правильности и честности» оформления документов.

Согласно отчету председателя Красноярского окружного суда за двухлетний период с 1909 по 1911 г. поступило всего шесть жалоб, удостоенных судебного рассмотрения:

«1. Жалоба мещанина Варнавы Никитина на действия минусинского нотариуса Петрожицкого, взыскавшего с него за составление договора 15 руб., тогда как в книгу сборов было записано всего 1 руб.

2. Жалоба коллежского регистратора Петра Барина на действия красноярского нотариуса Ставровского, отказавшего в выдаче ему денег – 500 руб., принятых на хранение.

3. Жалоба Бориса Субботовского на действия красноярского нотариуса Ставровского об отказе в совершении акта на аренду участка земли.

4. Жалоба распорядителя Торгового дома «Ксенофонт Чевилев и Компания» Петра Чевилева на действия канского нотариуса Поляшова об отказе совершить от имени Торгового дома, за подписью Петра Чевилева как его распорядителя, доверенности на имя третьего лица.

5. Жалоба Петра Косованова на действия минусинского нотариуса Петрожицкого об отказе последним в выдаче Косованову справки о наличии у нотариуса на хранении завещания умершего дяди его Василия Середкина.

6. Жалоба по предложению прокурора суда о неправильных действиях красноярского нотариуса Ицына» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 227. Л. 13-14 об.).

Как итог решением Красноярского окружного суда из шести заявленных жалоб четыре были оставлены без последствий. Общим собранием отделений суда были удовлетворены две жалобы: первая – от распорядителя Торгового дома Петра Чевилева; вторая – жалоба прокурора суда на И.А. Ицына, который затем написал обращение в Иркутскую судебную палату о пересмотре дела, последствия которого для истории пока неясны (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 227. Л. 14 об.).

Анализ архивных материалов показал, что за весь 20-летний период дореволюционного нотариата со стороны нотариусов не было совершено никаких преступлений. Примером одного из «тяжелейших» проступков может являться случай нарушения времени рабочего дня минусинским нотариусом В-С. Д. Петрожицким, в связи с чем гласному Минусинской городской думы Карлу Ивановичу Калнину не был доставлен в нужное время вексель, по которому им был пропущен платеж в размере 156 руб. 90 коп. Автор жалобы К.И. Калнин требовал увольнения нотариуса, объясняя тяжесть его проступка тем, что между ним и Торговым домом «Феттер и Гинкель», в адрес которого и был пропущен платеж, могли быть нарушены взаимовыгодные отношения. Кроме того, по свидетельству «потерпевшего», минусинский нотариус еще преувеличил нотариальный сбор, подлежащий уплате, так как вместо положенных 50 коп. взял 1 руб. 50 коп. Но требования жалобщика уволить нотариуса не были удовлетворены. В ответ Красноярский окружной суд поддержал идею ходатайствовать о введении в городе Минусинске второй должности нотариуса (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 227. Л. 7-8).

И действительно, за период с 1893 по 1925 гг. в Енисейскую губернию было водворено 74 725 семей только земледельческого населения или 233 530 чел. Согласно официальной отчетности, с 1897 по 1925 гг. количество городского населения увеличилось в 2,5 раза, а сельского – 2,2. При этом их количественное соотношение оставалось равным, в среднем – 1:7 (ГАКК. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 83. Л. 11).

В деловой переписке по решению кадрового вопроса нехватки нотариусов в Енисейской губернии говорилось, что увеличение численности населения в регионе оказало огромное влияние на развитие имущественных отношений. Переселенцы включились в процесс гражданского оборота, став его субъектами. Они принесли новые веяния в экономическую жизнь Сибири. Движение финансовых оборотов торгово-промышленных предприятий по уездам и их городам Енисейской губернии увеличилось: по Красноярскому уезду – в 1,94 раза; Канскому – 2,27; Ачинскому – 2; Минусинскому – 1,39 (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 360. Л. 9 об.).

Красноярский окружной суд в конце 1916 г. приводил объективные доводы, объяснявшие необходимость введения дополнительных штатных единиц по нотариальной части:

«1. Все городские общественные управления высказались за увеличение числа нотариусов. В Канске гласные городской думы подали 21 голос “за” и только 4 – “против”. Ачинские власти в подтверждение того же указали на необходимость ускорения совершения актов в целях избегания поездок в город Красноярск и создания полезной конкуренции в отношении вознаграждения нотариуса.

2. Идеальным количеством работы на одного нотариуса должно было стать то количество дел, которое бы позволяло управляться нотариусу самому. Только при таком условии могла быть обеспечена полная гарантия правильного решения всех вопросов.

3. Быстрый рост городов Красноярска, Канска и Ачинска в перспективе за счет железнодорожной магистрали, а Минусинска – переселенцев» (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 360. Л. 9-10).

Учитывая изложенное, общее собрание отделений Красноярского окружного суда возбудило ходатайство через старшего председателя Иркутской судебной палаты перед Министерством юстиции об учреждении двух дополнительных должностей нотариуса в городе Красноярске и по одной должности в Канске, Ачинске и Минусинске. Однако положительного решения принято не было. Во всяком случае 20 ноября 1918 г. собрание городской думы Минусинска, утверждая, что на его ходатайство об учреждении второй должности нотариуса ответа от старшего председателя Иркутской судебной палаты до сих пор не последовало, вновь решило его повторить (ГАКК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 338. Л. 4 об.). Однако это уже были другие послереволюционные времена.

5. Заключение

На территории Енисейской губернии с 1897 по 1917 г. функционировала выстроенная система нотариальных органов при Министерстве юстиции. В комплекс учреждений судебного нотариата вошли шесть нотариальных контор (две – в Красноярске и четыре – по уездным городам), подотчетных старшему нотариусу Красноярского окружного суда и вышестоящей Иркутской судебной палате, руководившей процессом правозащитного и правоприменительного механизма в исполнении оформления сделок и документов имущественного характера. Структура судебного нотариата оказалась жизнеспособной благодаря достойным кадрам – нотариусам, пришедшим в систему в основном из местных органов власти судебного ведомства или нотариальных учреждений западной части России и доказавшим свой профессионализм через успешную работу и отсутствие нареканий со стороны вышестоящих инстанций. Архивные материалы свидетельствуют, что в конце XIX – начале XX вв. нотариусы Енисейской губернии при кажущейся разобщенности по городам, расположенным на расстоянии в сотни километров друг от друга, образовывали некую служебную корпорацию или профессиональную ассоциацию, помогая друг другу в кадровых, должностных и личных вопросах.

6. Благодарности

Исследование подготовлено при участии Нотариальной палаты Красноярского края (ассоциация) и Федеральной нотариальной палаты (г. Москва) по проекту «Золотые страницы Российского нотариата».

Литература

Анев и др., 2014 – Анев В.Н., Еременко А.А., Самбур С.В. Свет истины: к истокам духовности в нотариате // Нотариальный вестник. 2014. №3. С. 3-9.

Ахрамеева, Звонок, 2007 – Ахрамеева О.В., Звонок С.О. Гражданско-правовые и нравственно-религиозные аспекты исторического становления и развития нотариата как института государства и права // Нотариус. 2007. №1. С. 2-10.

Васильев, 2017 – Васильев А.А. История нотариата на Алтае. Барнаул: Колибри, 2017. (Золотые страницы российского нотариата). 188 с.

Временные правила..., 1896 – Временные правила о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири // ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 16. Ч. 1, 2. 13 мая 1896. №12932.

ГАКК – Государственный архив Красноярского края.

Друзьяка, Дударенок, 2018 – Друзьяка А.В., Дударенок С.М. Институт нотариата на Дальнем Востоке России и в Маньчжурии (1879–1930-е гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. №2 (45). С. 76-83.

- Енисейский энциклопедический, 1998** – Енисейский энциклопедический словарь / Гл. ред. Н.И. Дроздов. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия», 1998. 736 с.
- Карчаева, 2017** – Карчаева Т.Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822–1917 гг.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 252 с.
- Карчаева, 2018** – Карчаева Т.Г. Организация нотариального дела в Сибири до 1896 г.: на материалах Енисейской губернии // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 1 (73). С. 39-45.
- Курас, 2016** – Курас Т.Л. Иркутская судебная палата: история создания и общая характеристика (1897 г. – февраль 1917 г.) // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. 2016. Т. 16. С. 151-161.
- Маслова, Еременко, 2011** – Маслова Е.В., Еременко А.А. Повесть о Липецком нотариате. М.: Фонд развития правовой культуры, 2011. (Золотые страницы российского нотариата). 176 с.
- Памятная книжка, 1909** – Памятная книжка Енисейской губернии за 1909 год. Красноярск: Изд. Енис. губ. стат. ком-та, 1909.
- Памятная книжка, 1911** – Памятная книжка Енисейской губернии за 1911 г. Красноярск: Изд. Енис. губ. стат. ком-та, 1911.
- Памятная книжка, 1913** – Памятная книжка Енисейской губернии за 1913 год. Красноярск: Изд. Енис. губ. стат. ком-та, 1913.
- Памятная книжка, 1915** – Памятная книжка Енисейской губернии за 1915 год. Красноярск: Изд. Енис. губ. стат. ком-та, 1915.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Eremenko, 2016** – Eremenko A.A. Organisation du notariat en France et en Russie au 19 siècle: général et particulier // *Revue Internationale d'Histoire du notariat (Le Gnomon)*, 2016, no. 188, pp. 17-22.
- Gryaznukhina et al., 2019** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malyutina L.F. The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 437-446.
- Karchaeva et al., 2019** – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. P. 188-197.
- Zinovyev et al., 2019** – Zinovyev V.P., Zinovyeva V.I., Sulyak S.S. Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919 // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1. pp. 272-283.

References

- Ahrameeva, Zvonok, 2007** – Ahrameeva O.V., Zvonok S.O. (2007). Grazhdansko-pravovye i npravstvenno-religioznye aspekty istoricheskogo stanovleniya i razvitiya notariata kak instituta gosudarstva i prava [Civil-law and moral-religious aspects of the historical formation and development of Notaries as an Institution of the state and law]. *Notarius*. № 1. pp. 2-10. [in Russian]
- Anev et al., 2014** – Anev V.N., Erjomenko A.A., Sambur S.V. (2014). Svetistiny: k istokam duhovnosti v notariate [The light of truth: to the sources of spirituality in the Notary]. *Notarial'nyj vestnik*. № 3. pp. 3-9. [in Russian]
- Eremenko, 2016** – Eremenko A.A. (2016). Organisation du notariat en France et en Russie au 19 siècle: général et particulier. *Revue Internationale d'Histoire du notariat (Le Gnomon)*. No. 188, pp. 17-22. [in French]
- ГАКК** – Gosudarstvennyj arhiv Krasnojarskogo kraja.
- Gryaznukhina et al., 2019** – Gryaznukhina T.V., Gryaznukhin A.G., Gergilev D.N., Malyutina L.F. (2019). The First World War as a Factor of the Political Infantilism of the Russian Intelligentsia. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 437-446. [in Russian]
- Karchaeva et al., 2019** – Karchaeva T.G., Gergilev D.N., Luschaeva G.M. (2019). Hereditary Bureaucracy in East Siberian Government from XIX to the early XX century: Statistical Analysis on the Materials of the Yenisei Province. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 188-197. [in Russian]
- Karchaeva, 2017** – Karchaeva T.G. (2017). Enisejskaya gubernskaya administraciya: chislennost' i sostav (1822–1917 gg.) [The Yenisei Provincial Administration: number: number and composition from 1822 to 1917]. Krasnoyarsk: Izd-vo SFU. 252 p. [in Russian]
- Karchaeva, 2018** – Karchaeva T.G. (2018). Organizatsiya notarial'nogo dela v Sibiri do 1896 g.: na materialakh Yeniseyskoy gubernii [Organization of notary business in Siberia before 1896: in the Yenisei province]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 1 (73). pp. 39-45. [in Russian]
- Kuras, 2016** – Kuras T.L. (2016). Irkutskaya sudebnaya palata: istoriya sozdaniya i obshchaya kharakteristika (1897 g. – fevral' 1917 g.) [Irkutsk Trial Chamber: History of Formation and General Description (1897–February 1917)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. Т. 16. pp. 151-161. [in Russian]
- Maslova, Eremenko, 2011** – Maslova E.V., Eremenko A.A. (2011). Povesť o Lipeckom notariate (Zolotyie stranicy rossijskogo notariata) [The Tale of the Lipetsk Notary. Golden pages of Russian notaries]. Moscow: Fond razvitiya pravovoj kul'tury. 176 p. [in Russian]

- [Pamyatnaya knizhka, 1909](#) – Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii za 1909 god [The memorial book of the Yenisei province for 1909]. Krasnoyarsk: Izd. Yenisei. gub. stat. kom-ta, 1909. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1911](#) – Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii za 1911 god [The memorial book of the Yenisei province for 1911]. Krasnoyarsk: Izd. Yenisei. gub. stat. kom-ta, 1911. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1913](#) – Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii za 1913 god [The memorial book of the Yenisei province for 1913]. Krasnoyarsk: Izd. Yenisei. gub. stat. kom-ta, 1913. [in Russian]
- [Pamyatnaya knizhka, 1915](#) – Pamyatnaya knizhka Yeniseyskoy gubernii za 1915 god [The memorial book of the Yenisei province for 1915]. Krasnoyarsk: Izd. Yenisei. gub. stat. kom-ta, 1915. [in Russian]
- [RGIA](#) – Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv.
- [Vasilyev, 2017](#) – *Vasilyev A.A.* (2017). Istorija notariata na Altae. Zolotye stranicy rossijskogo notariata [History of Notaries in Altai. Golden pages of Russian Notaries]. Barnaul: Kolibri. 188 p. [in Russian]
- [Vremennyye pravila..., 1896](#) – Vremennyye pravila o primenenii sudebnykh ustavov k guberniyam i oblastyam Sibiri [Provisional Rules on the Application of Judicial Regulations to the Provinces and Regions of Siberia]. PSZ RI. Sobr. 3. T. 16. Ch. 1, 2. 13 maya 1896. № 12932. [in Russian]
- [Yeniseyskiy entsiklopedicheskiy, 1998](#) – Yeniseyskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Yenisei Encyclopedic Dictionary], gl. red. *N. I. Drozdov*. Krasnoyarsk: KOO Assotsiatsiya «Russkaya entsiklopediya», 1998. 736 p. [in Russian]
- [Zinovyyev et al., 2019](#) – *Zinovyyev V.P., Zinovyyeva V.I., Sulyak S.S.* (2019). Leisure Societies of the Tomsk Province in 1865–1919. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1. pp. 272–283. [in Russian]

Судебный нотариат и нотариусы Енисейской губернии в 1897–1917 гг.

Татьяна Карчаева ^{a, *}, Анна Жулаева ^a, Михаил Северьянов ^a

^a Сибирский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье приведены исторические сведения о деятельности нотариальных контор и профессиональных нотариусов Енисейской губернии с января 1897 по февраль 1917 гг. Установлено, что система нотариата при Министерстве юстиции была введена в Сибири с 30-летним отсрочиванием согласно «Высочайше утвержденным Временным правилам о применении Судебных Уставов к губерниям и областям Сибири» 1896 г., которые реализовали «Положение о нотариальной части» 1866 г. – основополагающего нормативно-правового акта о российском нотариате, включенного с этого времени в систему реформированного суда. На территории Енисейской губернии нотариальные конторы были учреждены в пяти городах – Красноярске, Минусинске, Ачинске, Канске, Енисейске. За дореволюционный период их работы на должности старшего нотариуса Красноярского окружного суда служили 4 чел. – Н.Е. Гудима, А.И. Кокошкин, А.М. Ветров; Л.П. Терских; на местах нотариусов по городам – 11 чел. (М.К. Котенев, Н.А. Ставровский, И.А. Ицын, А.А. Романовский; В-С.Д. Петрожицкий, А.М. Тресков, И.О. Романовский, Я.П. Поляшов, А.А. Яковлев, Д.С. Добровольский, М.А. Ставровский), биографические сведения о которых были впервые нами представлены исторической науке. Выявлено, что нотариусы в Енисейской губернии – это бывшие местные чиновники судебных органов Сибири или служащие из других мест, имевшие опыт работы в нотариате. Преимуществом в доступе к нотариальной деятельности было наличие у претендентов юридического образования, дворянского происхождения и протекции со стороны председателя Красноярского окружного суда или старшего нотариуса. Престижность службы в нотариальных структурах определялась ее доходностью. При этом весь 20-летний период функционирования системы судебного нотариата в Енисейской губернии характеризовался совершенством в работе и отсутствием каких-либо значимых служебных проступков. А примеры возникавших в какое-либо время со стороны клиентов нареканий показали, что нарушения были определены социально-экономическими условиями в губернии – быстрым ростом населения и как следствие большим объемом гражданско-правового оборота, характеризовавшими историю Сибири в начале XX в.

Ключевые слова: нотариат, история нотариата, чиновники, нотариусы, Министерство юстиции Российской империи, Енисейская губерния, Енисейская Сибирь, Российская империя.

* Корреспондирующий автор

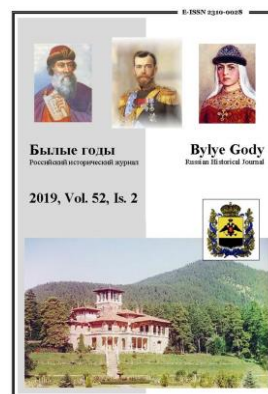
Адреса электронной почты: tatyana-verkhoturova@yandex.ru (Т.Г. Карчаева)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 830-837. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.830
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

From the History of the Dawn of Aviation: Monoplanes of the early XX century

Vladimir B. Karataev ^{a, b, *}, Semen I. Adinyaev ^c, Svetlana F. Artemova ^d, Aleksandr N. Volkov ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e Sochi State University, Sochi, Russian Federation

Abstract

The article deals with the dawn of aviation in the early XX century before the First world war. The attention is paid to the airplanes of the monoplane type, analyzed varieties of airplanes, especially their designs.

There were involved as materials the specialized literature on the history of the development of airplanes, as well as reference and scientific literature.

The study used a set of scientific methods: multi-factoriality and integration, chronology, typology, comparison, etc., which together provide the reliable results on the studied problem. For example, studying the experience of the development of world and national aeronautics, we paid attention to the features of their designs, which subsequently allowed the use of prototypes, both for civil and military purposes.

In conclusion, the authors state that the development of monoplanes in the XX century, for the most part, took place in European countries. The first experiments of 1906 led after 2–3 years to a series of successes, among which there was the first flight over the English Channel and reaching a speed of 100 km/h. At the same time, there was an increased public interest to the aeronautics, all this in general created the necessary conditions for further improvements of monoplanes. Already by the beginning of the First world war, the accumulated experience was sufficient to apply airplanes effectively on the battlefield.

Keywords: airplanes, monoplanes, formation of aviation, early 20th century, tactical and technical characteristics.

1. Введение

В начале XX века в мире происходило активное развитие ряда отраслей воздухоплавания, таких как привязные и управляемые аэростаты, а также аэропланы (бипланы и монопланы). Эти отрасли воздухоплавания развивались как в гражданских, так и в военных целях, а благодаря повышенному интересу к ним общества успехи, происходившие в этой области, были впечатляющими. В данной статье мы хотели бы уделить внимание аэропланам типа биплан.

2. Материалы и методы

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития аэропланов, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности

* Corresponding author

E-mail addresses: evr2010@rambler.ru (V.B. Karataev)

обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития мирового и отечественного воздухоплавания, мы обращали внимание на особенности их конструкций, которые в последующем позволяли использовать опытные образцы как в гражданских, так и в военных целях.

3. Обсуждение

Как известно, вопросы применения аэропланов начали активно обсуждаться в самом начале XX в. Как правило, это были публикации, посвященные разным аспектам военного воздухоплавания, в которых находили свое отражение и аэропланы типа биплан. Среди таких работ можно отметить произведения офицеров русской армии, которые публиковались в центральном издании военного министерства Российской империи – журнале «Военный сборник» (Махров, 1914; Махров, 1914а; Грибоедов, 1900; К.В., 1912; Мильчевский, 1912; Шумков, 1912). Помимо этого, в 1911 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет работа под названием «Воздухоплавание» (Воздухоплавание, 1911). В начале 1910-х гг. разные модели аэростатов были вытеснены широким распространением более динамичного вида воздушной техники – аэропланом. Что касается современной историографии, то, как правильно отметили в своем исследовании А.И. Каширин и другие, данная тема нашла отражение в контексте юбилейных дат со дня рождения авиаконструкторов, а также юбилеев военно-воздушных сил (Kashirin et al., 2018: 550). Кроме того, было некоторое количество работ, посвященных непосредственно становлению воздухоплавания. Среди таких авторов можно назвать Д. Алексеева (Алексеев, 1993), В.А. Обухович, С.П. Кульбака (Дирижабли, 2000). О разных вопросах применения аэропланов писали Ю.В. Кузьмин, В.Б. Каратаев и др. (Kuzmin, 2018; Karataev et al., 2017; Karataev et al., 2018). Конструкторским особенностям аэроплана Антуанет уделил внимание В.Л. Герасимов (Герасимов, 2007), в то же время аэроплан Сантос-Дюмон рассматривался в трудах де Барроса (de Barros, 2006), а моноплан Таубе – в трудах Р.М. Grosz и И.В. Гриценко (Grosz, 2004; Гриценко, 2009).

4. Результаты

К началу XX века в мире существовало несколько различных систем аэропланов, а именно бипланы и монопланы (Рис. 1). Биплан в качестве отличия имел два крыла, расположенных один над другим, в то время как моноплан имел только одну несущую поверхность – крыло. Ранее мы уже подробно рассматривали особенности развития бипланов в начале XX века (Karataev et al., 2019).

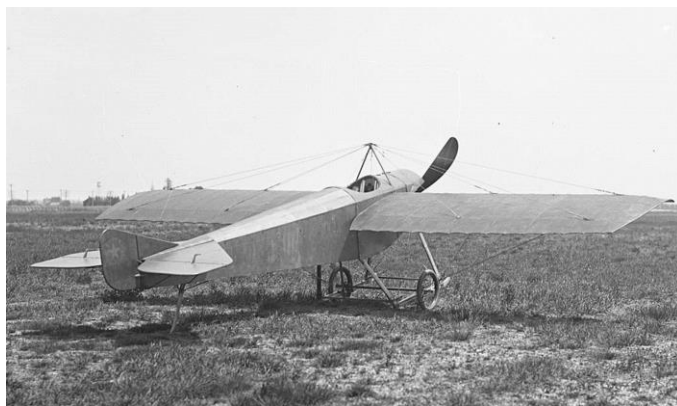
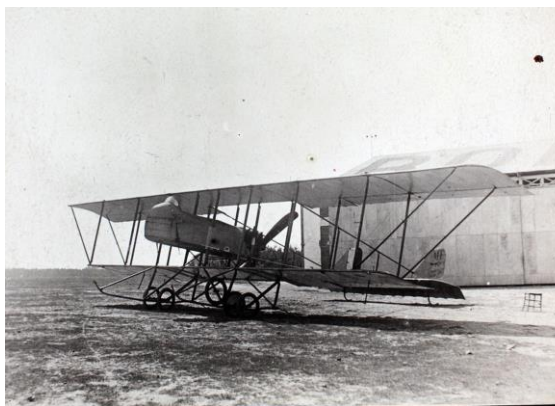

Рис. 1. Аэропланы: а – биплан; б – моноплан

Важно отметить, что устройством монопланов усиленно занимались во Франции. Среди конструкторов прежде всего необходимо назвать Луи Блерио. Его имя было связано в истории воздухоплавания с перелетом через пролив Ла-Манш, то есть с первым длительным перелетом над морем, который был совершен 12 июля 1909 года, преодоленное расстояние составляло 36 км. Полет состоялся рано утром в пятом часу. Миноносец, который должен был следовать за аэропланом, развил наибольшую скорость, но все же через две–три минуты уже потерял аэроплан из виду. Через 20 минут Блерио, который самостоятельно управлял аэропланом, увидел очертания берега. В тот день поднялся ветер, который сильно затруднил спуск; тем не менее ему удалось спуститься благополучно на луг. Путешествие над морем продолжалось всего 23 минуты, следовательно, он пролетал в 1 мин. около 1,5 км (Воздухоплавание, 1911: 44). Важно отметить, что полет осуществлялся в рамках состязания между тремя аэропланами на приз в 1 тыс. фунтов стерлингов от английской газеты «Daily Mail». Аэроплан Блерио в тот день прилетел первым.

Луи Блерио сначала производил опыты с бипланами, но успеха не имел. Тогда он обратился к монопланам. Первые два его моноплана вследствие технических проблем разбились. Третий моноплан совершил два полета протяженностью по 500 метров, однако и он разбился. Четвертая

модель была более успешной. Уже в октябре 1908 г. Блерио совершает полет на расстояние в 60 км с двумя остановками в пути. Продолжая совершенствовать свои аэропланы, Блерио создает несколько широко известных аэропланов: маленький «Блерио XI», большой «Блерио XII» и еще более увеличенный «Блерио XI» (bis).

Аэроплан «Блерио XI» (Blériot XI).

Несущие поверхности у «Блерио XI», состояли из двух крыльев, лежащих почти на одной прямой линии, с закругленными концами. Остов состоял из 12 ребер, нанизанных на двух прогонах, закрепленных у корпуса аэроплана. Для твердости оба крыла были стянуты сверху, в четырех местах каждое, металлическими струнами. Длина крыльев была равна 8,5 метров, а ширина $1\frac{3}{4}$ метра. Корпус аэроплана представлял собой деревянную балку, состоящую из решеток, длинной она доходила до 7 метров. К передней части балки, более широкой, прикреплялись оба крыла; под концом задней части, узкой, прикреплен хвост, имеющий назначение сохранять устойчивость аппарату (так называемый хвост устойчивости) ([Воздухоплавание, 1911: 45](#)).

Двигателем на «Блерио XI» служил мотор в 24 л.с., помещающийся в передней части корпуса. Мотор вращал 2-метровый деревянный винт, делая 1,4 тыс. оборотов в минуту.

Руль глубины состоял из двух небольших поверхностей, находящихся по обеим сторонам хвоста. Поворотный руль был укреплен в самом хвосте. Для достижения боковой устойчивости Блерио употреблял различные средства; при помощи перекашивания крыльев, как у «Райта». Все управление сосредотачивалось в одном рычаге, установленном перед сидением воздухоплателя. На «Блерио» и двигатель, и винт находились перед летчиком. При поворачивании рычага вправо поднималось правое крыло, влево – левое крыло. Следовательно, если бы во время полета аэроплан наклонился в какую-нибудь сторону, то летчик должен был повернуть рычаг в противоположную сторону наклону аппарата. Повороты моноплана производились посредством ножного рычага; для поворота вправо авиатор должен был нажать правой ногой, влево – левой.

В передней части аэроплана, над крыльями, находились два колеса велосипедного образца; третье колесо установлено сзади под корпусом в хвостовой части. Эти колеса служили для взлета и посадки; для предохранения от толчков при спуске были установлены особые приспособления около колес. Позднее вместо заднего колеса начали ставить деревянный полоз.

«Блерио XI» являлся небольшим аппаратом простого устройства, легко взлетающим в воздух и безопасно садящимся. Он хорошо поворачивался во время полетов и был достаточно устойчивым. Однако слабый мотор не позволял моноплану поднимать более одного человека и брать большой запас бензина. К тому же скорость его была сравнительно невелика – 65 км/ч. Из минусов было то, что моноплан мог быть пригоден только для непродолжительных полетов, из плюсов – этот моноплан был очень недорогим по сравнению с другими: стоил около 3 тыс. руб.

«Блерио XII» отличался от предыдущей модели своей величиной. Блерио задумал этот проект с целью увеличить скорость передвижения и грузоподъемную силу. Крылья «Блерио XII» имели в длину 10,5 метров, их ширина была около 2 метров. Длина моноплана составляла 11 метров. Сиденья для авиатора и пассажира находились под крыльями. Мотор в этом аэроплане был гораздо сильнее – 60 л.с.; винт $2\frac{3}{4}$ метра был изготовлен из дерева (сначала двухлопастной, а затем четырехлопастной). На этом аэроплане Блерио достиг скорости в 80 км/ч, но полетов почти не совершил, так как аэроплан его сторел от вспыхнувшего бензина ([Воздухоплавание, 1911: 47](#)).

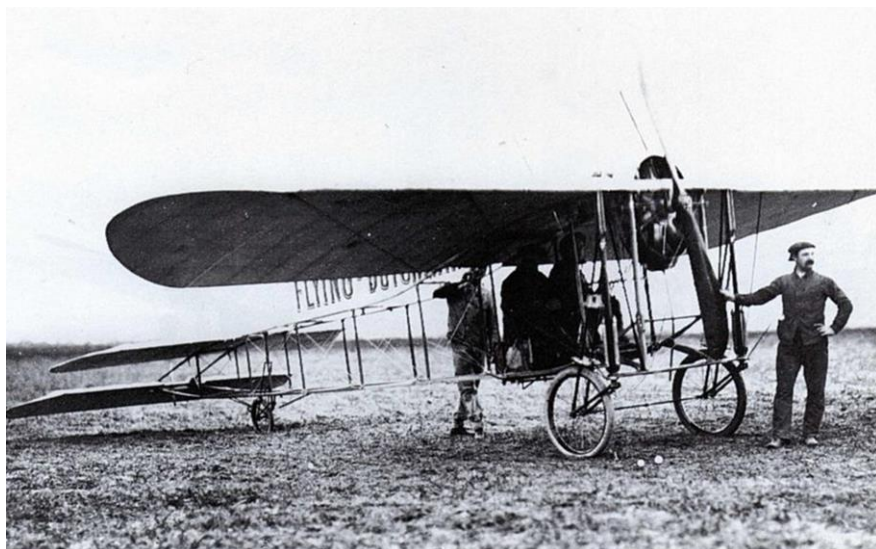

Рис. 2. Моноплан «Блерио XII»

Тем не менее Блерио все стремился увеличить скорость своего моноплана и поставить более сильный мотор. Для этого он поставил на «Блерио XI» вместо 24-сильного двигателя – 50-сильный. Этот мотор был недавно изобретен и назывался за свои небольшие размеры и вес «Гномом». Но, поставив вдвое более сильный мотор, Блерио не изменил устройства своего аппарата, который должен был испытывать и более сильное давление воздуха. Вследствие этого аэроплан потерпел крушение.

Тогда Блерио построил новый аэроплан по образцу «Блерио XI», который поэтому называет «Блерио XII bis». Этот аэроплан был немного уменьшен по сравнению с «Блерио XI», крылья несколько были приподняты вверх, над ними были устроены сиденья для авиатора и пассажира. Были также сделаны некоторые изменения в устройстве рулей и корпуса аэроплана. На следующих моделях начали ставить даже 100-сильные двигатели «Гном». Такие изменения резко увеличили тактико-технические характеристики аэроплана. Продолжительность полета теперь достигала 6 часов, высота полета – 2,7 тыс. метров, скорость – до 110 км. ([Воздухоплавание, 1911: 47](#)).

Из других монопланов можно отметить моноплан французского инженера Эсно Пельтри, который задался целью построить простой и надежный аэроплан. Его моноплан, получивший название «Реп», сделан был из стальных трубок и алюминия. Крылья были также сделаны из металла. Общее устройство моноплана было несложно, но сложность мотора и недостаточная устойчивость сильно препятствовали его распространению. Крупных полетов на этом моноплане не было, но небольших было совершено довольно много.

«Антуанет».

Моноплан «Антуанет» возник после того как успех Блерио стал историческим фактом. «Антуанет», несмотря на значительное количество общего с монопланом Блерио, имел ряд отличий и усовершенствований. Несущая поверхность у «Антуанет» имела четырехугольную форму, достигая 14 метров в длину и 2,5 метров в ширину. Крылья были сделаны тщательно, прочно, но в тоже время из легкого материала. Корпус моноплана имел вид лодки; сделан был из дерева и скреплен накладками из алюминия ([Герасимов, 2007: 46-49](#)). В первой части корпуса были укреплены крылья, а в задней – хвост (называемый хвостом устойчивости). Сиденье для воздухоплавателя находилось позади крыльев; винт и двигатель помещены впереди. Хвост устойчивости состоял из двух поверхностей треугольной формы (был очень похож на хвост ласточки).

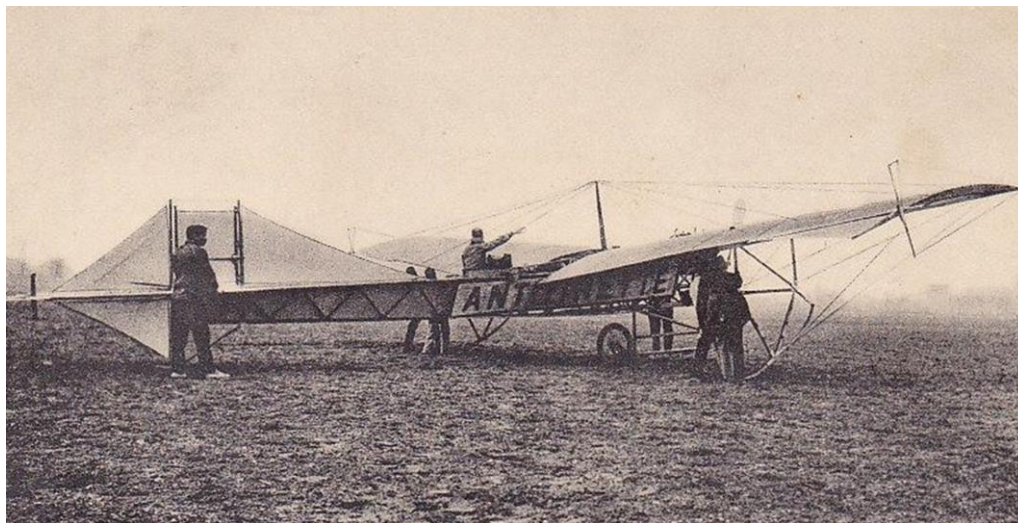

Рис. 3. Моноплан «Антуанет»

На «Антуанете» был установлен двигатель в 55 л.с., который приводил во вращение двухлопастной алюминиевый винт. Длина винта составляла 2 $\frac{1}{4}$ м ([Герасимов, 2007: 46-49](#)). Рули глубины и поворотный были расположены в хвосте аэроплана. Для обеспечения боковой устойчивости было применено перекашивание крыльев, как и у других аэропланов.

В средней части корпуса были укреплены два колеса, которые служили для разбега, а около хвоста укреплен был полоз. Особые приспособления около колес предохраняли аэроплан от толчков при спуске на землю.

«Антуанет» мог поднять только одного человека. К числу положительных качеств этих монопланов можно отнести хорошую устойчивость, скорость полета, высоту подъема над поверхностью земли и маневренность. Недостатками «Антуанет» были сложность устройства аэроплана, трудность управления во время полета и небольшая грузоподъемность. Помимо этого, мотор, установленный на «Антуанет», был недостаточно хорошим и часто приводил к поломкам.

В качестве примера отметим полет Латама, который еще до Блерио планировал перелететь Ла-Манш на «Антуанет». На середине пути мотор у Латама остановился и воздухоплаватель упал с аэропланом в море. Латама и его аппарат выловило судно, следившее за полетом ([Воздухоплавание, 1911: 49](#)). Важно отметить, что именно моноплан «Антуанет» в последующем начал использоваться Россией как морской аэроплан ([Герасимов, 2007: 46-49](#)).

Аэроплан «Демуазель».

Строительством аэропланов занимались также конструкторы дирижаблей. Таким, например, конструктором был Альберто Сантос-Дюмон. В начале XX века он построил много аэропланов, но его опыты не были значительными, так как аэропланы не летали на дистанцию более 250 метров. Тем не менее в 1908 г. Сантос-Дюмон спроектировал и построил аэроплан, который после нескольких улучшений дал удачные результаты.

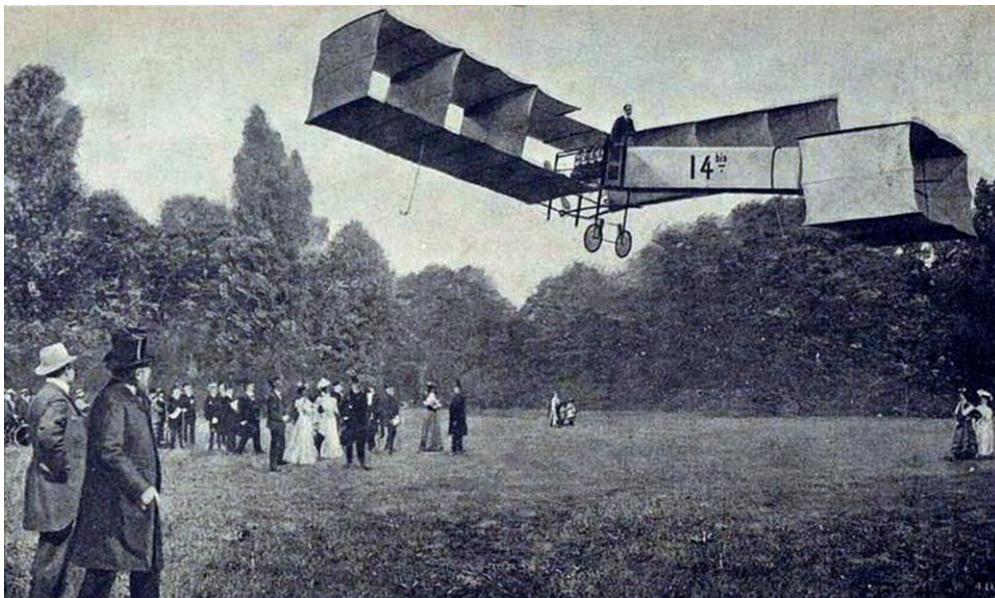

Рис. 4. Аэроплан Альберто Сантос-Дюмона

Моноплан получил название (в переводе на русский язык) «Стрекоза» из-за сходства с ней. Скорость моноплана достигала 90 км/ч, однако недостатком была продолжительность полета – всего 15 мин.

Крылья этого моноплана имели 5,5 м в длину, и 2 м в ширину ([Santos-Dumont, 1973](#)). Крылья состояли из нескольких немного изогнутых ребер, обтянутых с двух сторон материей. Решетчатый корпус был сделан из стальных трубок и сужался по направлению к хвосту. В движение моноплан приводился мотором в 24 л.с., который вращал деревянный двулопастной винт ([de Barros, 2006](#)). Двигатель был расположен над крыльями. Винт вращался до 1,5 тыс. оборотов в минуту. В конце корпуса располагались в виде крестообразного хвоста рули глубины и поворотный. Боковая устойчивость достигалась за счет перекашивания крыльев. Воздухоплаватель сидел на широком ремне, прикрепленном к нижним балкам корпуса; ноги его опирались на особую подножку. В передней части корпуса были расположены два колеса, третье – находилось в задней части моноплана. Предохранителей от толчков на аэроплане не было ввиду того, что вес аппарата был небольшим.

«Демуазель» обладал очень небольшими размерами и весом. Вес не превышал 128 кг. Отличаясь высокой скоростью, маневренностью и простотой управления, «Демуазель» имел недостатки в виде недостаточной устойчивости, короткого действия мотора, неудобного расположения винта – над головой воздухоплавателя, что затрудняло управление и делало полет утомительным ([Воздухоплавание, 1911: 51](#)).

Также можно отметить проекты «Граде» и «Таубе» Этриха. Немецкий конструктор Граде взял за основу своих аэропланов «Демуазель» Сантос-Дюмона. Произведя ряд изменений, Граде достиг того, что его моноплан начал поднимать в воздух двух пассажиров, то есть была увеличена грузоподъемность аппарата.

Австрийский инженер Игнац Этрих построил в 1910 г. моноплан, который получил название «Голубь» (Рис. 5). Моноплан совершил много полетов. Он легко взлетал, маневрировал, обладал скоростью в 75 км/ч и был устойчив в воздухе. Моноплан совершал полеты на дистанции в 80 км., при этом поднимаясь на высоту в 300 метров. Его крылья имели сходство с крыльями голубя. Их длина составляла 14 м, ширина – около 2 м ([Grosz, 2004; Гриценко, 2009](#)). Хвост начинался сразу

от крыльев, постепенно расширяясь к концу. Как крылья, так и хвост были спроектированы таким образом, что легко могли выгибаться, что придавало аэроплану хорошую устойчивость. Выгибание хвоста служило рулем глубины; в качестве поворотного руля использовались две поверхности, из которых одна была укреплена над хвостом, а другая – под ним. Впереди корпуса находился двигатель мощностью в 50 л.с. ([Воздухоплавание, 1911: 52](#)).

Рис. 5. Моноплан «Таубе» Игнаца Этриха

5. Заключение

Подводя итоги, важно отметить, что развитие монопланов в начале XX века в большинстве своем происходило в европейских странах. Первые опыты 1906 г. привели спустя 2–3 года к целой череде успехов, среди которых был первый перелет над Ла-Маншем и достижение скорости в 100 км/ч. При этом наблюдался повышенный интерес общества к воздухоплаванию, все это в целом создало необходимые условия для дальнейших улучшений монопланов. Уже к началу Первой мировой войны накопленный опыт оказался достаточным для того, чтобы эффективно применять аэропланы на полях сражений.

6. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- [Алексеев, 1993](#) – Алексеев Д. Конец эры воздушных гигантов // *Гражданская авиация*. 1993. № 7. С. 38-39.
- [Арие, 1986](#) – Арие М.Я. Дирижабли. Киев: Наук. думка, 1986.
- [Бойко, 1999](#) – Бойко Ю.С. Воздухоплавание в изобретениях. 1999. М.: Изд-во «Транспорт». 352 с.
- [Воздухоплавание, 1911](#) – Воздухоплавание. Санкт-Петербург, 1911.
- [Галли, 2005](#) – Галли Г.В. Биплан Фармана. Реконструктивное проектирование по российским первоисточникам, 1910–1918 гг. СПб., 2005.
- [Герасимов, 2007](#) – Герасимов В.Л. Отечественная морская авиация начиналась с аэроплана «Антуанет» // *военно-исторический журнал*. 2007. № 10. С. 46-49.
- [Грибоедов, 1900](#) – Грибоедов. Полевые воздухоплавательные отделения, их деятельность и организация // *Военный сборник*. 1900. № 8. С. 369-382.
- [Гриценко, 2009](#) – Гриценко И.В. История создания и службы аэропланов типа Taube. Запорожье, 2009.
- [Дирижабли, 2000](#) – Дирижабли на войне. Сост. В.А. Обухович, С.П. Кульбака. Мн.: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
- [К.В., 1912](#) – К.В. Четвертый род войск // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 65-72.
- [Коннова, Руднев, 2017](#) – Коннова Л.А., Руднев Е.А. Дирижабли – история развития и перспективы для спасательных работ в отдаленных и труднодоступных территориях страны // *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2017. 4 (37). С. 61-69.
- [Махров, 1914](#) – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 11. С. 45-60.

- Махров, 1914а – Махров П. Воздухоплавательные (летательные) аппараты, их свойства, военное назначение и организация // *Военный сборник*. 1914. № 12. С. 93-108.
- Мильчевский, 1912 – Мильчевский. Фотография на войне // *Военный сборник*. 1912. № 2. С. 115-124.
- Шумков, 1912 – Шумков Г. Психо-физическое состояние воздухоплавателей во время полета // *Военный сборник*. 1912. № 3. С. 67-78.
- de Barros, 2006 – *Henrique Lins de Barros*. Santos-Dumont and the Invention of the Airplane. Rio de Janeiro, 2006.
- Grosz, 2004 – *Grosz P.M.* The Taube at war. Berkhamsted, 2004.
- Karataev et al., 2017 – *Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S.* The Russian aviation in the first world war: The features of artillery fire correction // *Bylye Gody*. 2017. 43(1), pp. 301-308.
- Karataev et al., 2018 – *Karataev V.B., Grosheva P.Y., Shkvarya L.V.* From the history of the development of controlled aerostats (Airships) in the XIX – Early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 49(3), pp. 1159-1165.
- Karataev et al., 2019 – *Karataev V.B., Adinyaev S.I., Artemova S.F., Volkov A.N.* From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 406-412.
- Kashirin et al., 2018 – *Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V.* A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2018. 48(2): 549-557.
- Kuzmin, 2018 – *Kuzmin Y.V.* The numerical history of airplane manufacturing in XX century. 31st Congress of the International Council of the Aeronautical Sciences, ICAS 2018.
- Santos-Dumont, 1973 – *Santos-Dumont A.* My Airships. New York, 1973.

References

- Alekseev, 1993 – *Alekseev D.* (1993). Konets ery vozdushnykh gigantov [End of the era of air giants]. *Grazhdanskaya aviatsiya*, № 7, pp. 38-39. [in Russian]
- Arie, 1986 – *Arie M.Ya.* (1986). Dirizhabli [Airships]. Kiev: Nauk. dumka. [in Russian]
- Boiko, 1999 – *Boiko Yu.S.* (1999). Vozdukhoplavanie v izobreteniyakh [Aeronautics in inventions]. M.: Izd-vo «Transport». 352 p. [in Russian]
- de Barros, 2006 – *Henrique Lins de Barros* (2006). Santos-Dumont and the Invention of the Airplane. Rio de Janeiro.
- Dirizhabli, 2000 – *Dirizhabli na voine* [Dirigibles in the War]. Sost. V.A. Obukhovich, S.P. Kul'baka. Mn.: Kharvest; M.: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2000. [in Russian]
- Galli, 2005 – *Galli G.V.* (2005). Biplan Farmana. Rekonstruktivnoe proektirovanie po rossiiskim pervoistochnikam, 1910-1918 gg. [Farman's Biplane. Re-engineering according to russian sources, 1910-1918.]. SPb. [in Russian]
- Gerasimov, 2007 – *Gerasimov V.L.* (2007). Otechestvennaya morskaya aviatsiya nachinalas' s aeroplana "Antuanett" [National naval aviation began with the airplane "Antoinette"]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, № 10, pp. 46-49. [in Russian]
- Griboedov, 1900 – *Griboedov* (1900). Polevye vozdukhoplavatel'nye otdeleniya, ikh deyatel'nost' i organizatsiya [Field aeronautical offices, their activities and organization]. *Voенnyi sbornik*, № 8, pp. 369-382. [in Russian]
- Gritsenko, 2009 – *Gritsenko I.V.* (2009). Istoriya sozdaniya i sluzhby aeroplanov tipa Taube [History of creation and service of airplanes of Taube type]. Zaporozh'e. [in Russian]
- Grosz, 2004 – *Grosz P.M.* (2004). The Taube at war. Berkhamsted.
- K.V., 1912 – K.V. Chetvertyi rod voisk. *Voенnyi sbornik*, 1912, № 2, pp. 65-72. [in Russian]
- Karataev et al., 2017 – *Karataev V.B., Chursin A.A., Semenov A.S.* (2017). The Russian aviation in the first world war: The features of artillery fire correction. *Bylye Gody*, 43(1), pp. 301-308.
- Karataev et al., 2018 – *Karataev V.B., Grosheva P.Y., Shkvarya L.V.* (2018). From the history of the development of controlled aerostats (Airships) in the XIX – Early XX centuries. *Bylye Gody*, 49(3), pp. 1159-1165.
- Karataev et al., 2019 – *Karataev V.B., Adinyaev S.I., Artemova S.F., Volkov A.N.* (2019). From the History of the Dawn of Aviation: Biplanes of the early XX century. *Bylye Gody*. 51(1): 406-412.
- Kashirin et al., 2018 – *Kashirin A.I., Semenov A.S., Strenalyuk V.V.* (2018). A Historical Example of the Formation of Unique Technical Competencies in Military Affairs. The Establishment of Aeronautical Intelligence in the XIX – early XX centuries. *Bylye Gody*, 48(2): 549-557.
- Konnova, Rudnev, 2017 – *Konnova L.A., Rudnev E.A.* (2017). Dirizhabli – istoriya razvitiya i perspektivy dlya spasatel'nykh rabot v otdalennykh i trudnodostupnykh territoriyakh strany [Airships – the history of development and prospects for rescue work in remote and hard-to-reach areas of the country]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva*, 4(37). pp. 61-69. [in Russian]
- Kuzmin, 2018 – *Kuzmin, Y.V.* (2018). The numerical history of airplane manufacturing in XX century. 31st Congress of the International Council of the Aeronautical Sciences, ICAS 2018.

[Makhrov, 1914](#) – *Makhrov P.* (1914). *Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya* [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*, № 11. pp. 45-60. [in Russian]

[Makhrov, 1914a](#) – *Makhrov P.* (1914). *Vozdukhoplavatel'nye (letatel'nye) apparaty, ikh svoistva, voennoe naznachenie i organizatsiya* [Aeronautical (flying) apparatuses, their properties, military purpose and organization]. *Voennyi sbornik*, № 12. pp. 93-108. [in Russian]

[Mil'chevskii, 1912](#) – *Mil'chevskii* (1912). *Fotografiya na voine* [Photo in the war]. *Voennyi sbornik*, № 2, pp. 115-124. [in Russian]

[Santos-Dumont, 1973](#) – *Santos-Dumont A.* (1973). *My Airships*. New York.

[Shumkov, 1912](#) – *Shumkov G.* (1912). *Psikho-fizicheskoe sostoyanie vozdukhoplavatelei vo vremya poleta* [Psycho-physical state of aeronauts during the flight]. *Voennyi sbornik*, № 3, pp. 67-78. [in Russian]

[Vozdukhoplavanie, 1911](#) – *Vozdukhoplavanie* [Aeronautics]. Sankt-Peterburg, 1911. [in Russian]

Из истории зарождения авиации: монопланы начала XX века

Владимир Борисович Каратаев ^{a, b, *}, Семен Ирсылевич Адиньяев ^c, Светлана Федоровна Артемова ^d, Александр Николаевич Волков ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Сочинский государственный университет, Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается зарождение авиации в начале XX века до Первой мировой войны. Уделено внимание аэропланам типа моноплан, проанализированы разновидности аэропланов, особенности их конструкций.

В качестве материалов была привлечена специализированная литература, посвященная истории развития аэропланов, а также справочная и научная литература.

В исследовании использована совокупность научных методов: многофакторности и интегрированности, хронологии, типологизации, сравнения и пр., которые в совокупности обеспечивают надежность результатов по изучаемой проблеме. Так, например, изучая опыт развития мирового и отечественного воздухоплавания, мы обращали внимание на особенности их конструкций, которые в последующем позволяли использовать опытные образцы как в гражданских, так и в военных целях.

В заключении авторы отмечают, что развитие монопланов в начале XX века в большинстве своем происходило в европейских странах. Первые опыты 1906 г. привели спустя 2–3 года к целой череде успехов, среди которых был первый перелет над Ла-Маншем и достижение скорости в 100 км/ч. При этом наблюдался повышенный интерес общества к воздухоплаванию, все это в целом создало необходимые условия для дальнейших улучшений монопланов. Уже к началу Первой мировой войны накопленный опыт оказался достаточным для того, чтобы эффективно применять аэропланы на полях сражений.

Ключевые слова: аэропланы, монопланы, становление авиации, начало XX века, тактико-технические характеристики.

* Корреспондирующий автор

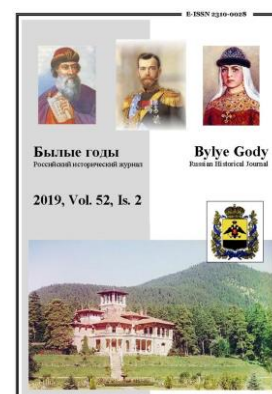
Адреса электронной почты: evr2010@rambler.ru (В.Б. Каратаев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 838-847. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.838
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Public Participation in Shaping the Tourist Attractiveness of Russian Territories at the turn of the XIX–XX centuries

Natalia V. Medvedeva ^{a, *}, Elena V. Frolova ^a, Olga V. Rogach ^a, Tatyana M. Ryabova ^a

^a Russian State Social University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of the role of the public in shaping the tourist attractiveness of Russian territories in the era of the entrepreneurial stage of tourism development (late XIX – early XX centuries). It is during this period that the tourist and excursion movement in Russia is activated. With the development of capitalism, the tourist market begins to take shape: the transport network is actively developing, hotels are being built, restaurants are opening, various tourist companies, clubs and societies are emerging that provide assistance in organizing tourist and excursion services. The main category of tourist tourists were schoolchildren and representatives of public institutions. It is concluded that the main directions of development of tourism in this period become mainly cognitive in nature, contribute to the formation of national identity. The authors summarize the territorial experience of tourist and excursion activities of Zemstvo institutions in pre-revolutionary Russia in the provinces of Central Russia. A retrospective analysis of the activities of zemstvos and tourist-oriented societies allowed them to reveal their active role in education, preservation of cultural heritage and the organization of museum business. Successful practices of integrating excursion into the school system are given. The development of publishing activity stands out as one of the most important conditions for the formation of the tourist attractiveness of Russian territories.

Keywords: tourist attraction, zemstvo, tourist companies, tour business, student excursions, museums, guidebooks.

1. Введение

Развитие туризма в России получило свое широкое распространение лишь в конце XIX – начале XX вв. Во многом это было обусловлено тем, что в результате революции 1905 года были отменены различные формальные ограничения на передвижения по стране. В результате в этот период наблюдается активная фаза развития как выездного, так и внутреннего туризма. Данные тенденции также были обусловлены общественными и культурными изменениями, прежде всего активным распространением информации (Michalski, 2004: 188). Институциональные и информационные инновации в туристической отрасли способствовали ее модернизации, повышению уровня доступности путешествий для различных слоев населения (Hjalager, 2015: 5). Социокультурные условия развития туристической отрасли связываются с новыми установками и практиками отдыха, в которых «мечты о путешествиях» играют ключевую роль для понимания истории организации туризма. На рубеже веков туризм становится одним из способов социализации личности, познания мира, который «нужно увидеть, почувствовать и интерпретировать в путешествии» (Franklin, 2004: 279).

В 1913 году число туристов, выезжающих за границу, в России составило более 12 миллионов человек. Однако, несмотря на очевидную привлекательность зарубежных стран для российских

* Corresponding author

E-mail addresses: MedvedevaNV@rgsu.net (N.V. Medvedeva), FrolovaEV@rgsu.net (E.V. Frolova), RogachOV@rgsu.net (O.V. Rogach), RjabovaTM@rgsu.net (T.M. Ryabova)

путешественников, начала формироваться и туристская инфраструктура отечественных курортов (преимущественно Крыма и Кавказа). К 1910 году на территории России располагалось 4685 гостиниц, не считая постоянных дворов и трактиров с номерами. Особенностью развития туристской инфраструктуры в данный период является то, что она носила преимущественно коммерческий характер. С развитием капитализма начинает формироваться и туристский рынок: активно развивается транспортная сеть, строятся гостиницы, открываются рестораны. Кроме того, именно в этот период возникают разнообразные туристические фирмы, клубы, общества, оказывающие помощь в организации туристско-экскурсионного обслуживания. Вовлеченность общественных организаций в развитие туризма оказала существенное влияние на формирование туристической привлекательности территории, при этом особое значение имела способность участников данных организаций действовать в направлении коллективных целей (Rodriguez-Giron, Vanneste, 2019: 32).

Самыми известными обществами туристской направленности были Крымский горный клуб, Кавказский горный клуб, Российское общество туристов и др. Популярность данных обществ с каждым годом росла, и уже к 1914 году в Российском обществе туристов состояло 5000 человек. Одним из важнейших направлений деятельности данных объединений была организация образовательных экскурсий для школьников по России. Повышенный интерес различных слоев населения к экскурсионному делу в данный период обусловил появление при обществах различных комитетов и экскурсионных комиссий, основными функциями которых было содействие гражданам при знакомстве их со столицами и губернскими городами.

Цель статьи заключается в исследовании влияния общественности на формирование туристической привлекательности российских территорий в конце XIX – начале XX вв.

2. Материалы и методы

Методология исследования основана на принципе историзма, который позволяет проанализировать эволюцию развития туристско-экскурсионной деятельности в России в контексте общенационального развития.

Также использовались сравнительный метод, с помощью которого были выделены особенности функционирования разнообразных объектов туристской инфраструктуры в начале XX века; хронологический метод, дающий возможность проследить этапы становления и дальнейшего развития общественных институтов в сфере туризма; метод ретроспективного анализа, позволивший выявить ключевые направления издательской и публикационной деятельности, направленной на формирование туристической привлекательности российских территорий; статистический метод, который позволил проанализировать количественные показатели туристической индустрии в начале XX века.

Источниковую базу исследования составили архивные документы Московской губернии, материалы периодической печати конца XIX – начала XX веков.

3. Обсуждение

Активное исследование проблем туристского потенциала и формирования туристической привлекательности территории преимущественно наблюдается с середины XX века. При этом данный вопрос, как правило, рассматривался в рамках экономической науки при изучении туристской инфраструктуры и ее роли в экономическом развитии территории (Sandru, 1966; Snak, 1976; Swizewski, Chiriac, 1978 и др.). Исследование туристического потенциала, рассматриваемого через призму туристической привлекательности территории, начали проводиться в зарубежных странах. В частности, С. Смитом, П.Е. Ловингвудом и Л.Е. Митчеллом были разработаны новые подходы и методы к анализу данного явления на основе изучения структуры туристических ресурсов (Smith, 1987; Lovingwood, Mitchell, 1989).

Однако исторические аспекты развития туризма не получили должного освещения в научной литературе. Только некоторые категории туристического опыта, такие как курортное дело и паломничество, представлены в публикациях по анализу истории развития туризма с акцентом на специфику стран Западной Европы (Ngaire, Norman, 1999).

Работы по истории отечественного туризма стали активно появляться лишь в конце XX века в результате демократических преобразований в стране. В советский период опыт туристской деятельности, существовавший в дореволюционной России, был не востребован. Во многом это было обусловлено тем, что в условиях партийной идеологии подобные исследования не представляли научного интереса.

Одной из первых работ, посвященных комплексному исследованию истории развития туризма в дореволюционной России и Советском Союзе, является монография Г.П. Долженко, датированная 1988 годом. Особый интерес в данной публикации представляет описание деятельности горных обществ, клубов и туристских организаций, существовавших в России до 1917 года.

В настоящее время практически отсутствуют работы, посвященные ретроспективному анализу формирования и развития туристической привлекательности российских территорий. Отдельные

труды посвящены различным аспектам экскурсионно-туристской деятельности. Формы и методы туристско-экскурсионной деятельности в Российской империи являются предметом изучения в работах Л.В. Баталовой, Г.В. Мерзляковой, М.В. Кузнецовой, А.Ф. Власова, И.Н. Нужнова. В рамках рассмотрения туристского потенциала следует отдельно выделить вопросы участия земских организаций в туристско-экскурсионной деятельности. В работах Ю.Г. Саловой, Е.А. Рычковой, И.Б. Сидоровой анализируется роль музеев наглядных пособий в земском образовании, кустарных музеев в деятельности земских учебных мастерских. Ю.Г. Саловой подчеркивается, что в условиях реформирования школы только при непосредственной помощи педагогических музеев было возможным учреждение новых методов обучения. В трудах А.Ю. Янковского и Т.И. Волковой исследуется организация обучения в земской школе, функционирование образовательного процесса в земских школах Московской губернии во второй половине XIX в., рассматривается деятельность земских органов в области народного просвещения Центральной России.

Отдельного внимания заслуживают материалы периодической печати конца XIX – начала XX веков, посвященные развитию экскурсионного дела и деятельности земств в развитии туризма. В общепедагогическом журнале «Русская школа» экскурсионное дело рассматривается как один из факторов воспитания и обучения. В журналах «Русский экскурсант», «Учитель и школа» обращается внимание на роль земств в становлении экскурсионного дела, приводятся данные о расходах земских учреждений на ученические экскурсии. Этапы становления туристической прессы описываются в работах Ю.В. Ростовской и Н.Г. Витковской. Учеными выявляется мультифакторная взаимосвязь процесса формирования туристической периодической печати с прогрессом развития мирового туризма и общества в целом.

Несмотря на довольно большое количество работ по истории развития туризма, по-прежнему остается недостаточно изученной роль общественности в формировании туристической привлекательности территории в эпоху предпринимательского этапа развития туризма (конец XIX – начала XX вв.). Именно в данный период происходит активизация туристско-экскурсионного движения в России.

4. Результаты

В конце XIX – начале XX вв. развитие туризма происходило в основном за счет активной деятельности различных общественных объединений. Одной из первых организаций, созданных для популяризации туризма, было «Российское общество туристов» (РОТ). Уже к началу XX века оно имело представительства как в России, так и за рубежом. Если в 1985 году в составе организации находилось всего 27 членов-учредителей и 14 комитетов, то уже к 1903 году членами Общества были 2061 человек, а количество комитетов возросло до 174. Кроме того, Общество осуществляло активную международную деятельность: к началу XX века были заключены договоры с подобными же организациями из Австрии, Бельгии, Германии, Италии, Кореи, США, Туниса, Японии и др.; были организованы представительства в таких крупных городах, как Брюссель, Вена, Лондон, Мюнхен, Париж и др. Одной из важнейших мер, предпринятых Обществом, стало заключение договоров с владельцами гостиниц с целью предоставления льгот при размещении членов Общества. Кроме того, с помощью деятельности Общества было издано более 20 дорожных карт и планов городов России.

Российское общество туристов развернуло широкую работу по пропаганде туризма. Оно организовывало путешествия паломников к святым местам, занималось экскурсионным, горным и другими видами туризма.

В начале XX века направления деятельности РОТ значительно расширяются. Одной из приоритетных задач становится просветительская работа. В 1907 году создается Комиссия «Образовательные экскурсии по России», предназначенная для организаций экскурсий в крупные города и регионы России.

При этом согласно утвержденным правилам Комиссии был определен статус экскурсанта: «Комиссия имеет в виду не обеспеченный материально контингент русской интеллигенции и главным образом – учащихся народной школы и служащих в общественных (земских и городских) и других учреждениях». Соответственно, основную категорию туристов-экскурсантов составляли школьники и представители общественных учреждений, которые сами не занимались организацией экскурсии.

Правилами Комиссии также были определены виды экскурсионных поездок. Экскурсии представляли собой как однодневные, так и многодневные поездки в зависимости от расстояния; выделялись также экскурсии исторические, географические, естественно-исторические. В связи с тем, что в практике организации экскурсий преобладали исторические, то особое внимание уделялось преподаванию истории и географии. Программы данных школьных дисциплин были ориентированы на «пробуждение интереса к историческому прошлому и укоренение в учащих живой и сознательной любви к отечественной истории...» (Салова, 2007: 479).

Важным аспектом деятельности Комиссии является также и кадровая политика. В частности, Комиссией были открыты специальные курсы, на которых проходили обучение будущие руководители экскурсий. Их подготовка в первую очередь заключалась в посещении лекций

общеобразовательного цикла и обучении специальным знаниям по маршрутам. Для подготовки учителей к преподаванию истории и географии по обновленной программе на учительских съездах и курсах стали читаться лекции по родооведению.

Все эти меры активизировали развитие экскурсионной деятельности в России, благодаря которой происходит привлечение внимания общественности к культурно-историческому наследию. К концу 1915 года экскурсионные бюро стали уже работать в Екатеринодаре, Харькове, Ярославле, Ростове, Вятке и активно включаться в образовательную и просветительскую деятельность. Экскурсионное бюро Г. Москвича, появившееся в 1912 году, становится достаточно популярным среди российских граждан. Так, к 1913 году его услугами воспользовались уже свыше 2900 туристов.

В целях координации экскурсионной деятельности была создана Центральная экскурсионная комиссия при Московском учебном округе, при которой был также организован музей и библиотека по экскурсионным вопросам. Центральной Комиссией подробно прорабатывались вопросы организации экскурсионной деятельности, были разработаны «правила для экскурсантов», введен статистический учет и сбор информации о поездках учащих, количестве и характере экскурсии и т.д.

Дополнительным импульсом развития туристско-экскурсионной деятельности для учащихся стало принятие в 1900 году министром народного просвещения циркуляра № 20.185, в котором организация оздоровительных прогулок, экскурсий и путешествий рекомендовалась в качестве основной формы каникулярной работы для школьников (Баталов, Мерзлякова, 2009: 84).

Значительное участие в туристско-экскурсионной деятельности в конце XIX – начале XX веков сыграли земские учреждения.

В 1910 году в смете уездных и губернских земств появилась специальная графа «ученические экскурсии». Для правильного планирования поездки издавались специальные руководства для учителей, в которых рекомендовалось организовывать ее в зависимости от возраста учеников (соответственно, отдельные поездки были для младших и старших классов) (Руководство для учителей, 1912).

Наиболее показателен опыт подобной деятельности у земства Московской губернии (Янковский, 2016). В 1914 году было выделено около 10 тысяч рублей на организацию школьных экскурсий. Финансирование ученических экскурсий в Московской губернии происходило неравномерно. Наибольшее количество средств, как правило, выделялось Московским губернским земством (в 1914 году – 5000 руб.). Кроме того, оно «обеспечивало для школьников оплату завтраков и ужинов (по 14 коп. на человека), осмотр учреждений, входивших в экскурсионный маршрут, проезд на пароходе по Москве-реке в размере 5 коп. на человека в день и половину стоимости проезда по железным дорогам экскурсантов из четырех наименее обеспеченных или отдаленных уездов: Верейского, Волоколамского, Можайского и Рузского» (Порядок приема..., 1914). Земскими уездными учреждениями также оказывалась поддержка ученических экскурсий в зависимости от финансовых возможностей. Например, в 1914 году было выделено земствами: Верейским и Серпуховским – по 300 руб.; Коломенским – 250 руб.; Звенигородским и Волоколамским – по 200 руб.

Таким образом, благодаря усилиям земств, в 1913 году были организованы ученические экскурсии для 152 школ Московского уезда (75 % от общего количества), в них приняло участие 6708 человек (40 % всех учеников) (Мезиер, 1915). А в 1914 году земские учреждения оказали помощь 393 школам Московской губернии, в результате около 14 тыс. школьников посетило Москву (Звягинцев, 1915).

Со стороны земств финансовая поддержка ученических экскурсий с каждым годом увеличивалась. Примером могут служить статистические данные Ростовского уезда. Если в 1912 году земствами была оказана помощь 23 школам (213 учащихся) в организации дальних экскурсий – было выделено 300 руб. (Русский экскурсант, 1914), в 1913 г. уже 36 школам (400 учащихся) – 400 руб., то в 1914 г. 40 школам (900 учащихся) – 500 руб. (Жаров, 1914).

В результате деятельности общественности ученические экскурсии несли важнейшую воспитательную функцию и обеспечивали «ознакомление молодого поколения с отечеством, с его святынями, с памятниками старины и с современной жизнью...» (Экскурсия..., 1904).

Развитие туристической привлекательности территории во многом зависит от развития инфраструктуры культурной сферы. В начале XX в. во многих уездах по инициативе земств создаются музеи. Как правило, это были музеи наглядных пособий в зданиях уездной земской управы или школы. Одной из их функций было ознакомление деятелей в области народного образования с необходимыми пособиями и учебниками, помощь в приобретении нужной литературы всем желающим (Галафре, 1913; Смирнов, 1915). Одним из примеров земского музея наглядных пособий был музей Можайского уезда Московской губернии, созданный в 1899 году. К 1905–1907 годам в музей уже обратились за литературой администрации 24 земских школ уезда (из существующих 27). Данная практика свидетельствует о широкой востребованности музеев подобного типа.

К 1917 г. численность земских музеев достигла 1 700. В 13 земствах были созданы краеведческие (они назывались естественно-историческими) музеи. Одним из первых краеведческих музеев в Московской губернии был Рузский, получавший финансовую поддержку не только от земства, но и от состоятельных людей уезда – князей Долгоруковых и Щербатовых. Кроме экскурсионной

деятельности, музеем также осуществлялась и исследовательская: на средства комитета трезвости были организованы экскурсии по сбору ботанических, зоологических и археологических коллекций в окрестностях Рузы; проведен ряд археологических раскопок, геологических изысканий, ботанических и гидробиологических исследований. В 1911 году при музее была построена «этнографическая изба». При этом в сборе экспонатов оказывали помощь местные жители. Подобный формат музея способствовал привлечению экскурсантов с целью ознакомления их с предметами быта местного крестьянства.

В начале XX века в 15 российских губерниях были созданы музеи кустарных промыслов. Основная их задача заключалась в обеспечении кустарей сырьем и расширении возможностей сбыта готовой продукции. В частности, Казанское губернское земство в 1905 организовало при сельскохозяйственном складе выставки образцов кустарных изделий. Вологодским губернским земством была создана выставка кустарных изделий торгового характера. Музей образцов кустарных изделий в Нижегородской губернии был сформирован на основе Всероссийской выставки 1896 года. Одним из самых посещаемых кустарных музеев был музей Московского губернского земства, целью которого являлось сохранение лучших образцов народного искусства (Сидоров, 2008: 14).

С конца XIX века значительную поддержку в организации музеев оказывали меценаты. Как правило, многие небольшие города имели своих покровителей среди купеческих семей. Это было обусловлено во многом тем, что русское купечество, способствуя созданию и распространению культурных и просветительских учреждений, укрепляло традиционные русские ценности.

На формирование туристической привлекательности российских городов оказывало большое влияние и развитие издательской деятельности. С конца XIX века начинают выходить в свет специализированные журналы, основной целью которых становится популяризация путешествий: «Русский турист», «Русский экскурсант», «Экскурсионный вестник», «Школьные экскурсии и школьный музей» и др. В одном из первых выпусков журнала «Русский турист» издателями отмечается культурно-просветительская роль туризма: «Развитие в России туризма поможет нам лучше познакомиться с нашей родиной, облегчит нам понимание ее нужд и даст нам средства удовлетворить эти нужды. Примемся же дружно за дело – на процветание нашего общества, на пользу туризма, на службу нашему отечеству...». Издательская деятельность данного журнала была очень активной. В 1899 г. появляется новая рубрика «О школьных путешествиях и образовательных прогулках», посвященная ученическим экскурсиям. Вопросы краеведения и истории находят отражение в новом отделе «Родные углы» журнала «Русский турист». В 1901 году в первом выпуске нового отдела редакторы журнала обосновывают необходимость введения новой рубрики: «Обширна наша Русь, велики ее разнообразные сокровища, богата событиями история, многочисленны живописные места, интересен и симпатичен народ. Знаем ли мы ее, нашу Родину, изучаем ли ее? Но мы не только не изучаем ее, мы даже не стараемся узнать подробнее те места, на которых живем» (Русский турист, 1901).

Первым провинциальным туристско-экскурсионным журналом стал «Русский экскурсант», целью которого было «содействие развитию в русской молодежи путем экскурсий любви к родине и знакомства с нею», с достопримечательностями страны, популярными экскурсионными маршрутами, памятными местами, связанными с жизнью и творчеством русских писателей (Русский экскурсант, 1914). Кроме того, многочисленные фотографии памятников истории и архитектуры, а также экспонатов музеев давали представление об объектах туристического показа. Также в журнале анализировались лучшие практики ведения экскурсионного дела по разным регионам России, представлялась информация методического характера.

Отдельным направлением публикационной деятельности в сфере туризма служит издание путеводителей, предназначенных для оказания помощи экскурсантам в осмотре достопримечательностей «при наименьшей затрате времени, средств и без помощи всевозможных гидов, проводников и т.п. лиц» (Филиппов, 1903: 8) и для граждан со «средними средствами» (Кареев, 1913: 5). Во многом это связано с тем, что если раньше путешествия осуществлялись преимущественно людьми состоятельными (и не ограниченными во времени), то в начале XX века туристами часто становились военные, служащие общественных учреждений, учителя, которые предпринимали свои поездки во время отпуска и пользовались определенными дотациями на их организацию (например, от земства). Соответственно, новая категория путешественников в условиях финансовой и временной экономии была вынуждена обращаться за помощью в специальные туристические бюро и пользоваться специальной литературой туристско-экскурсионной направленности (журналы и путеводители). Кроме того, жители большинства городов мало знали их историю. Например, по словам И. Забелина, «москвичи мало обращают внимание на дорогие памятники своего прошлого» (Забелин, 1884).

Одним из первых, предназначенных для массовой аудитории, был путеводитель по Крыму Г.Г. Москвича, изданный в 1888 году. При этом он содержал иллюстрации, карты и планы городов, расписание транспорта. К 1914 году 10 путеводителей выдержали 144 издания в количестве 550000 экземпляров, что свидетельствует о растущем интересе со стороны населения к туристическим поездкам в данный период. Были изданы путеводители по Москве, Санкт-Петербургу,

Одессе, Кавказу, Волге, Черноморскому побережью, Кавказским минеральным водам. Детальный их анализ дает представление о потенциале описываемой территории. Например, в путеводителе по Кавказу подробно описываются географические и климатические особенности территории, предлагаются примерные туристические маршруты, особенности передвижения и транспортного сообщения, приводятся подробные характеристики объектов городской инфраструктуры, необходимых путешественнику (гостиницы, санатории, почтово-телеграфные конторы, банки, библиотеки, кафе и рестораны). В нем представлено 17 карт, 12 планов города, 2 чертежа, 44 иллюстрации, а также расписание рейсов пароходов и др. (Москвич, 1914). Данный путеводитель дает представление о состоянии российских курортов Черноморского побережья и Кавказа начала XX века. В частности, из описания следует, что наиболее развитой туристической инфраструктурой обладали курорты района Кавказских минеральных вод.

В начале XX века получили распространение путеводители по отдельным губерниям. Например, путеводитель П.А. Критского 1907 года «Наш край. Ярославская губерния. Опыт родиноведения» повествует о городах и основных достопримечательностях данного региона и предназначается преимущественно для ученических экскурсий (Критский, 1907).

Особый интерес вызывает путеводитель по Москве 1908 года, так как он дает представление о многих объектах туристического показа, которые не сохранились до настоящего времени. В нем подробно дается описание Кремля и всех его достопримечательностей. В частности, в начале XX века на территории Кремля находились Вознесенский и Чудов монастыри, Малый Кремлевский (Николаевский) дворец, памятник императору Александру II (впоследствии были разрушены). Данные объекты культурно-исторического наследия представляли особое значение для развития туризма.

Кроме того, в путеводителе приводятся исторические сведения о Москве, характеристики ее районов, информация об объектах городской инфраструктуры. Отдельное внимание уделяется объектам туристской индустрии: пассажирские вокзалы (Николаевский, Брестский, Брянский, Нижегородский и др.), линии городских трамваев и конок (Преображенская, Грузинско-Семеновская, Стромьинско-Арбатская и др.); рестораны (Эрмитаж, Прага, Петергоф и др.), кафе и кухмистерские; почтовые отделения (в 1908 году функционировало 21), станции телеграфа (34 городские конторы); театры (Императорские Большой и Малый, Художественный, Корша, Аквариум и др.), клубы (Английский, Купеческое собрание, автомобилистов, велосипедистов и др.).

Объекты размещения в Москве начала XX века можно было разделить на 3 категории (Москвич, 1908):

1. Гостиницы (Метрополь, Националь, Славянский базар, Дрезден, Берлин и др.), во многих из которых уже были всевозможные удобства: лифт, электрическое освещение, телефон, читальный зал, почтово-телеграфная контора и др. (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристики гостиниц Москвы в 1908 году

Название гостиницы	Владелец	Количество номеров	Стоимость номера в сутки	Стоимость завтрака
Метрополь	Санкт-Петербургское страховое общество	250	от 2 до 30 руб.	1 руб. 50 коп.
Националь	Варваринское общество	170	от 2 руб. 50 коп. до 50 руб.	1 руб.
Славянский базар	Синодальная типография	130	от 1 руб. 75 коп. до 30 руб.	от 60 коп. до 1 руб. 50 коп.
Дрезден	Немчинов	90	от 1 руб. 50 коп. до 30 руб.	от 75 коп.
Альпийская Роза	кн. Туркестанова	38	от 2 руб. 25 коп. до 6 руб.	1 руб.
Билло	Соловьев	66	от 1 руб. 25 коп. до 15	75 коп.
Боярский двор	Московское страховое общество	150	от 1 руб. 50 коп. до 12 руб.	1 руб.

Анализ основных характеристик наиболее популярных гостиниц Москвы позволяет отметить, что стоимость номеров в сутки была достаточно высокой. Поэтому гостиницы были предназначены в первую очередь для элитарного туризма.

2. Меблированные комнаты с менее роскошной обстановкой, чем в гостиницах (насчитывалось более 200, самые известные – Мадрид и Лувр, Княжий двор, Железнодорожная и др.). Именно данные объекты размещения представляли наибольший интерес для массового туриста.

3. Подворья, представляющие собой более скромные апартаменты (было более 50, наиболее популярные – Биржевое, Купеческое, Мещеринское и др.).

В популяризации туристических объектов также имело значение издание открыток и почтовых карточек с различными достопримечательными местами. Это стало возможным в 1894 году после разрешения Почтовым ведомством России принимать для почтовых отправок открытые письма частного изготовления с художественным изображением. Именно тогда стали популярными открытки с видами русских городов. Анализ сюжетов видовых открыток позволяет разделить их на 4 группы: комплексы и отдельные архитектурные памятники культового и оборонного зодчества; улицы и площади городов; ландшафты и природа городов; виды промышленной архитектуры городов (мосты, инженерные сооружения).

Публикационная деятельность сыграла значительную роль в становлении экскурсионного дела в России, так как позволила обобщить опыт передовых зарубежных туристических обществ, ознакомиться с интересными туристическими маршрутами по России, объединить различные представительства российских путешественников.

5. Заключение

Анализ развития туристско-экскурсионной деятельности в начале XX века позволяет отметить, что роль общественности в формировании туристической привлекательности территории была значительной. Большинство объектов туристской инфраструктуры находилось в частной собственности (гостиницы, рестораны, театры), соответственно, именно от предпринимательского сектора во многом зависело создание условий для развития туризма. Это обусловлено тем, что государство в начале XX века не рассматривало туризм как приоритетное направление деятельности для органов власти. Благодаря этому в данный период активное развитие получают многочисленные общества и объединения, целью которых становится помощь в организации путешествий, а также культурно-просветительская деятельность. Ученические экскурсии и музейное дело выступают значимыми видами деятельности земских учреждений. Основные направления развития туризма в этот период приобретают преимущественно познавательный характер, способствуют просвещению и формированию национального самосознания. Широкое распространение получает экскурсионная работа и популяризация объектов культурного наследия. Об этом свидетельствуют статистические данные о росте числа туристов. Повышенный интерес граждан к путешествиям также был обусловлен и активной издательской деятельностью, так как с конца XIX века начинают выходить специализированные туристско-экскурсионные журналы и путеводители.

Опыт туристско-экскурсионной деятельности конца XIX – начала XX веков приобретает особую актуальность и в современных условиях, когда бюджетные средства большинства муниципальных образований ограничены и требуется поиск дополнительных финансовых ресурсов. В последние годы исследование и возрождение культурных объектов, представляющих ценность для местных сообществ, становится одним из факторов, оказывающих влияние на развитие туризма (Medvedeva, Shimanskaya, 2016). При этом во многом от степени зрелости гражданского общества и развитости общественных институтов зависит возможность установления партнерских отношений между бизнесом и властью с предоставлением предпринимательскому сектору больших возможностей участия в предоставлении социальных услуг населению (Фролова, Медведева, 2018). Только в результате взаимодействия органов власти, общественности и бизнеса, основанного на традициях прошлого, возможно создание необходимых условий для развития туристической привлекательности территории.

Литература

- Баталов, Мерзлякова, 2009 – Баталова Л.В., Мерзлякова Г.В. История развития дореволюционного отечественного туристско-экскурсионного дела // *Ученые записки Казанского государственного университета*. Т. 151. Кн. 2. Ч. 2. 2009. С. 83-91.
- Галафре, 1913 – Галафре Н. Земские кустарно-промышленные музеи и склады // *Вестник Всероссийского съезда по кустарной промышленности*. 1913. № 2.
- Жаров, 1914 – Жаров П. Земства и ученические экскурсии. // *Учитель и школа*. 1914. № 15.
- Забелин, 1884 – Забелин И. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1884. Ч. 1.
- Звягинцев, 1915 – Звягинцев Е.А. Полвека земской деятельности по народному образованию. М.: Задруга, 1915. 96 с.
- Кареев, 1913 – Кареев С. Москва в семь дней. Краткий путеводитель и описание достопримечательностей Первопрестольной. СПб., 1913. С. 5.
- Критский, 1907 – Критский П.А. Наш край: Опыт родиноведения. Ярославль, 1907.
- Мезиер, 1915 – Мезиер А. Экскурсионное дело и экскурсионная литература в 1914 г. // *Русская школа. Педагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию*. 1915. Петроград. № 4.
- Москвич, 1908 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Москве и окрестностям с приложением 10 планов, 32 иллюстраций, алфавита и проч. Одесса, 1908.

- Москвич, 1914 – Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Черноморскому побережью: с приложением расписания рейсов пароходов и проч. СПб., 1914.
- Руководство для учителей, 1912 – Первый опыт плана осмотра Москвы с учениками сельской школы. Руководство для учителей. М., 1912.
- Порядок приема..., 1914 – Порядок приема губернским земством экскурсий учащихся земских начальных школ Московской губернии в 1914 году. М.: Т-во Печатня С.П. Яковлева. 1914. 3 с.
- Русский турист, 1901 – Русский турист. Ежемесячный журнал [посвященный велосипедному и другим видам спорта]. 1901. № 1. Январь.
- Русский экскурсант, 1914 – Роль земств в деле организации экскурсий. // *Русский экскурсант*. 1914. № 1. С. 3-5.
- Салова, 2007 – Салова Ю.Г. Памятники истории и культуры в экскурсионной практике начала XX века (на примере деятельности Ярославской экскурсионной комиссии). Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 477-483.
- Сидорова, 2008 – Сидорова И.Б. Земство и музеи: казанский опыт взаимосвязи и взаимодействия. Филология и культура. 2008. № 3 (14). С. 11-17.
- Смирнов, 1915 – Смирнов А.И. Земский исторический музей. Опыт организации. Ярославль, 1915.
- Филиппов, 1903 – Филиппов С.Н. Западная Европа. Спутник туриста. М., 1903. С. 8.
- Фролова, Медведева, 2018 – Фролова Е.В., Медведева Н.В. Социальное партнерство бизнеса и власти: взаимные ожидания и тенденции развития в современных условиях // *Социологические исследования*. 2018. № 2. С. 146-151. DOI: 10.7868/S0132162518020150.
- Экскурсия..., 1904 – Экскурсия воспитанниц 2-го Киевского женского училища Духовного ведомства летом 1903 г.: (Из заметок и наблюдений сопровождавшего). Киев, 1904. С. 1.
- Янковский, 2016 – Янковский А.Ю. Организация обучения в земской начальной школе Московской губернии во второй половине XIX в. // *Вестник МГОУ*. 2016. № 3. С. 60-70.
- Franklin, 2004 – Franklin, A. Tourism as an ordering: Towards a new ontology of tourism. *Tourist Studies*. 2004. №4(3). pp. 277-301. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797604057328>
- Hjalager, 2015 – Hjalager, A.-M. 100 Innovations That Transformed Tourism. *Journal of Travel Research*. 2016. №54(1). pp. 3-21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047287513516390>
- Lovingwood, Mitchell, 1989 – Lovingwood P.E., Mitchell L.E. Regional analysis of South Carolina tourism. // *Annals of Tourism research*. 1989. Vol 16. pp. 301-317.
- Medvedeva, Shimanskaya, 2016 – Medvedeva N.V., Shimanskaya I.Y. Cultural heritage as a resource for socioeconomic development of territories. // *Actual Problems of Economics*. 2016. №6. pp. 253-259.
- Michalski, 2004 – Michalski, D. Portals to metropolis: 19th-century guidebooks and the assemblage of urban experience. *Tourist Studies*. 2004. №4(3). pp. 187-215. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797604057322>
- Ngaire Douglas, Norman Douglas, 1999 – Douglas Ngaire, Douglas Norman. Towards a history of tourism in Sarawak. // *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 1999. №4. pp. 77-86, DOI: 10.1080/10941669908722033
- Rodriguez-Giron, Vanneste, 2019 – Rodriguez-Giron, S., Vanneste, D. Social capital at the tourist destination level: Determining the dimensions to assess and improve collective action in tourism. // *Tourist Studies*. 2019. №19(1). pp23-42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797618790109>
- Sandru, 1966 – Sandru I. Problems in geography of tourism. // *Natura*. Vol. XVIII. Bucharest. 1966. №3.
- Smith, 1987 – Smith S.L.J. Regional Analysis of Tourism Resources. // *Annals of tourism research*. 1987. №14(2). pp. 254-273.
- Snak, 1976 – Snak O. Economy and organisation of tourism. Ed. Sport-Turism, Bucharest. 1976.
- Swizewski, Chiriac 1978 – Swizewski C., Chiriac D. FuncŃia turistică – factor de dezvoltare a unor asezări rurale din Moldova. in *Analele stiinŃifice ale UniversităŃii „Alexandru Ioan Cuza” din Iasi*. 1978. Vol. XXIV. pp. 135-136.

References

- Batalov, Merzlyakova, 2009 – Batalova L.V., Merzlyakova G.V. (2009). Istoriya razvitiya dorevolucionnogo otechestvennogo turistsko-ekskursionnogo dela. [The history of the development of the pre-revolutionary domestic tourist-excursion business]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 151(2). Part. 2. pp. 83-91. [in Russian]
- Ekskursiya..., 1904 – Ekskursiya vospitannic 2-go Kievskogo zhenskogo uchilishcha Duhovnogo vedomstva letom 1903 g.: (Iz zametok i nablyudenij soprovozhdavshego). Kiev, 1904. p.1. [in Russian]
- Filippov, 1903 – Filippov S.N. (1903). Zapadnaya Evropa. Sputnik turista [Western Europe. Tourist satellite]. М. p. 8. [in Russian]
- Franklin, 2004 – Franklin, A. (2004). Tourism as an ordering: Towards a new ontology of tourism. *Tourist Studies*. 4(3). pp. 277-301. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797604057328>

- Frolova, Medvedeva, 2018** – *Frolova E.V., Medvedeva N.V.* (2018). Social'noe partnerstvo biznesa i vlasti: vzaimnye ozhidaniya i tendencii razvitiya v sovremennyh usloviyah [Social partnership of business and government: mutual expectations and tendencies of development in modern conditions]. *Sociologicheskie issledovaniya*. №2. pp. 146-151. DOI: 10.7868/So132162518020150 [in Russian]
- Galafre, 1913** – *Galafre N.* (1913). Zemskie kustarno-promyshlennye muzei i sklady [Zemsky artisanal industrial museums and warehouses]. *Vestnik Vserossijskogo s"ezda po kustarnoj promyshlennosti*. №2. [in Russian]
- Hjalager, 2015** – *Hjalager, A.-M.* (2016). 100 Innovations That Transformed Tourism. *Journal of Travel Research*. 54(1). pp. 3-21. DOI: <https://doi.org/10.1177/0047287513516390>
- Kareev, 1913** – *Kareev S.* (1913). Moskva v sem' dnei [Moscow in seven days]. *Kratkij putevoditel' i opisaniye dostoprimechatel'nostej Pervoprestol'noj*. SPb. p. 5. [in Russian]
- Kritskij, 1907** – *Kritskij P.A.* (1907). Nash kraj: Opyt rodinovedeniya [Our region: experience of homeland studies]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Lovingwood, Mitchell, 1989** – *Lovingwood P.E., Mitchell L.E.* (1989). Regional analysis of South Carolina tourism. *Annals of Tourism research*. Vol 16. pp. 301-317.
- Medvedeva, Shimanskaya, 2016** – *Medvedeva N.V., Shimanskaya I.Y.* (2016). Cultural heritage as a resource for socioeconomic development of territories. *Actual Problems of Economics*. 6: 253-259.
- Mezier, 1915** – *Mezier A.* (1915). Ekskursionnoe delo i ekskursionnaya literatura v 1914 g. [Sightseeing and excursion literature in 1914]. *Russkaya shkola. Obshchepedagogicheskij zhurnal dlya uchitelej i deyatelej po narodnomu obrazovaniyu*. Petrograd. № 4. [in Russian]
- Michalski, 2004** – *Michalski, D.* (2004). Portals to metropolis: 19th-century guidebooks and the assemblage of urban experience. *Tourist Studies*. 4(3). pp. 187-215. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797604057322>
- Moskvich, 1908** – *Moskvich G.G.* (1908). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Moskve i okrestnostyam s prilozheniem 10 planov, 32 illyustracij, alfavita i proch. [Illustrated practical guide on Moscow and its environs with the annex 10 plans, 32 illustrations, the alphabet and so on.]. Odessa. [in Russian]
- Moskvich, 1914** – *Moskvich G.G.* (1914). Illyustrirovannyj prakticheskij putevoditel' po Chernomorskomu poberezh'yu: s prilozheniem raspisaniya rejsov parohodov i proch. [Illustrated practical guide on the Black Sea coast: with attachment of the schedule of flights of steamboats and so on.]. SPb. [in Russian]
- Ngair Douglas, Norman Douglas, 1999** – *Douglas Ngair, Douglas Norman* (1999). Towards a history of tourism in Sarawak. *Asia Pacific Journal of Tourism Research*. 4. pp. 77-86, DOI: 10.1080/10941669908722033
- Poryadok priema..., 1914** – Poryadok priema gubernskim zemstvom ekskursij uchashchihsya zemskih nachal'nyh shkol Moskovskoj gubernii v 1914 godu [The order of reception by the provincial zemstvos of excursions of students of zemstvo elementary schools of the Moscow province in 1914]. M: T-vo Pechatnya S.P. Yakovleva. 1914. 3 p. [in Russian]
- Rodriguez-Giron, Vanneste, 2019** – *Rodriguez-Giron, S., Vanneste, D.* (2019). Social capital at the tourist destination level: Determining the dimensions to assess and improve collective action in tourism. *Tourist Studies*. 19(1). pp. 23-42. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468797618790109>.
- Rukovodstvo dlya uchitelej, 1912** – Pervyj opyt plana osmotra Moskvy s uchenikami sel'skoj shkoly [The first experience of the plan of inspection of Moscow with pupils of rural school]. *Rukovodstvo dlya uchitelej*. M. 1912. [in Russian]
- Russkij ekskursant, 1914** – Rol' zemstv v dele organizacii ekskursij [The role of zemstvos in organizing excursions]. *Russkij ekskursant*. №1. 1914. pp. 3-5. [in Russian]
- Russkij turist, 1901** – Russkij turist. Ezhemesyachnyj zhurnal [posvyashchennyj velosipednomu i drugim vidam sporta]. 1901. №1. yanvar'. [in Russian]
- Salova, 2007** – *Salova YU.G.* (2007). Pamyatniki istorii i kul'tury v ekskursionnoj praktike nachala HKH veka (na primere deyatel'nosti Yaroslavskoj ekskursionnoj komissii). *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: Problemy izucheniya, sohraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Monuments of history and culture in the excursion practice of the early twentieth century (for example, the activities of the Yaroslavl Excursion Commission)]. Vologda. pp. 477-483. [in Russian]
- Sandru, 1966** – *Sandru I.* (1966). Problems in geography of tourism. *Natura*. Bucharest. 18 (3).
- Sidorov, 2008** – *Sidorova I.B.* (2008). Zemstvo i muzei: kazanskij opyt vzaimosvyazi i vzaimodejstviya [Zemstvo and museums: Kazan experience of interconnection and interaction]. *Filologiya i kul'tura*. №14, pp. 11-17. [in Russian]
- Smirnov, 1915** – *Smirnov A.I.* (1915). Zemskij istoricheskij muzej. Opyt organizacii [Zemsky historical museum. The experience of the organization]. Yaroslavl'. [in Russian]
- Smith, 1987** – *Smith S.L.J.* (1987). Regional Analysis of Tourism Resources. *Annals of tourism research*. 14(2). pp. 254-273.
- Snak, 1976** – *Snak O.* (1976). Economy and organisation of tourism. Ed. Sport-Turism, Bucharest.

Swizewski, Chiriac, 1978 – Swizewski C., Chiriac D. (1978). FuncŃia turistică – factor de dezvoltare a unor asezări rurale din Moldova. In *Analele stiinŃifice ale UniversităŃii „Alexandru Ioan Cuza” din Iasi*. 24. pp. 135-136.

Yankovskij, 2016 – Yankovskij A.YU. (2016). Organizaciya obucheniya v zemskoj nachal'noj shkole Moskovskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX v. [Organization of training in the Zemsky Primary School of Moscow Province in the second half of the nineteenth century]. *Vestnik MGOU*. №3. pp. 60-70. [in Russian]

Zabelin, 1884 – Zabelin I. (1884). Materialy dlya istorii, arheologii i statistiki goroda Mosky [Materials for history, archeology and statistics of the city of Moscow]. M. Part 1. [in Russian]

Zharov, 1914 – Zharov P. (1914). Zemstva i uchenicheskie ekskursii [Zemstvo and student excursions]. *Uchitel' i shkola*. №15. [in Russian]

Zvyaginцев, 1915 – Zvyaginцев E.A. (1915). Polveka zemskoj deyatel'nosti po narodnomu obrazovaniyu [Half a century of zemstvo activities in public education]. M.: Zadruga. 96 p. [in Russian]

Участие общественности в формировании туристической привлекательности российских территорий на рубеже XIX–XX вв.

Наталья Владимировна Медведева^{a, *}, Елена Викторовна Фролова^a,
Ольга Владимировна Рогач^a, Татьяна Михайловна Рябова^a

^a Российский государственный социальный университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли общественности в формировании туристической привлекательности российских территорий в эпоху предпринимательского этапа развития туризма (конец XIX – начало XX вв.). Именно в данный период происходит активизация туристско-экскурсионного движения в России. С развитием капитализма начинает формироваться туристский рынок: активно развивается транспортная сеть, строятся гостиницы, открываются рестораны, возникают разнообразные туристические фирмы, клубы, общества, оказывающие помощь в организации туристско-экскурсионного обслуживания. Основную категорию туристов-экскурсантов составляли школьники и представители общественных учреждений. Делается вывод, что основные направления развития туризма в этот период приобретают преимущественно познавательный характер, способствуют формированию национального самосознания. Авторами обобщается территориальный опыт туристско-экскурсионной деятельности земских учреждений до революции в губерниях Центральной России. Ретроспективный анализ деятельности земств и обществ туристской направленности позволил выявить их активную роль в просвещении, сохранении культурного наследия и организации музейного дела. Приводятся успешные практики интеграции экскурсионного дела в систему школьного образования. Развитие издательской деятельности выделяется как одно из важнейших условий формирования туристической привлекательности российских территорий.

Ключевые слова: туристическая привлекательность, земства, туристские общества, экскурсионное дело, ученические экскурсии, музеи, путеводители.

* Корреспондирующий автор

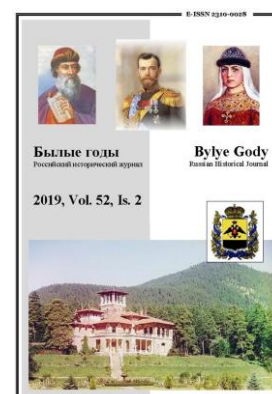
Адреса электронной почты: MedvedevaNV@rgsu.net (Н.В. Медведева),
FrolovaEV@rgsu.net (Е.В. Фролова), RogachOV@rgsu.net (О.В. Рогач),
RjabovaTM@rgsu.net (Т.М. Рябова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 848-872. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.848
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

On the Ratio of Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. Russian Battleships

Anvar M. Mamadaliev ^{a, b, *}, Andrey V. Venkov ^c, Natal'ya V. Miku ^d, Aude Médico ^e

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

^d Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russian Federation

^e University of Geneva, Geneva, Switzerland

Abstract

A series of articles is devoted to the analysis of the ratio of opposing linear (armoured) forces of the Russian 1st Pacific and Japanese squadrons during the Russian-Japanese war of 1904–1905 before the start of hostilities, coverage of tactical and technical characteristics of armoured ships and the strategy of their use by the naval leadership. In work an attempt is also made to assess the chances of a victory for the 1st Pacific Squadron, taking into account its combat capabilities on the eve of a war in terms of a general battle.

This article analyzes the tactical and technical elements of the main force of the fleet – battleships of the Russian fleet: the squadron battleships "Tsarevich", "Retvizan", type "Poltava". It also gives a brief analysis of the Borodino-type battleships, which, although were not in the 1st Pacific Squadron, were created specifically for the Far East and confrontation with the Japanese fleet. A few words are devoted to the squadron battleship "Knyaz' Potemkin-Tavrisheskii" – a ship that did not participate and was not planned to participate in the Russian-Japanese war, but served as a prototype of the battleship "Retvizan".

Keywords: Navy, "far Eastern question", Russian-Japanese war, 1st Pacific squadron, Russian fleet, Japanese fleet, Russian battleships, battleship, squadron battleship, linear forces of the fleet.

1. Введение

Исход морского сражения решают, как правило, «капитальные» корабли – суда, созданные непосредственно для плотного эскадренного боя в линии при тесном и продолжительном огневом контакте. Вплоть до середины XX века и Второй мировой войны количество и качество таких кораблей напрямую олицетворяли мощь и силу флота. В Русско-японской войне 1904-1905 гг. ключевую роль в исходе войны сыграл флот, поэтому описанию главных сил ВМФ Японии и России мы и уделим основное внимание.

Вне всякого сомнения для нас (в отличие от многих советских авторов) остается тот факт, что обе стороны четко понимали неизбежность войны и в меру возможностей готовились к ней. Однако подход микадо, который можно выразить фразой «все или ничего», прямо способствовал тому, что к началу войны перевес в мощи главных ударных морских сил был на стороне Японии (в то время как в 90-е годы XIX века русский флот значительно превосходил японский). С полным правом можно сказать, что какого-либо технического преимущества в этой войне у России не было.

Вместе с тем среди историков нет однозначного мнения о некоторых ключевых вопросах. В частности, был ли шанс силами 1-й Тихоокеанской эскадры получить преимущества на море? Насколько сильно уступали в техническом отношении (и уступали ли?) силы русского флота,

* Corresponding author

E-mail addresses: anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

сосредоточенные на Дальнем Востоке, японским военно-морским силам? И, наконец, следовало ли бросить все силы на строительство новых эскадренных броненосцев типа «Бородино» и переводить их поодиночке в Порт-Артур по мере завершения работ? Попробуем ответить на эти вопросы.

2. Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стала дореволюционная (Н. Кладо, В. Семенов, П. Худяков, М. Бубнов, В. Костенко, М. Римский-Корсаков и др.), советская (А. Степанов, А. Новиков-Прибой, В. Пикуль и др.) и новейшая историография (С. Балакин, Р. Мельников, А. Белов, В. Крестьянинов, П. Быков, С. Молодцов, В. Черкасов, И. Кокцинский, П. Быков, В. Кофман, С. Сулига, Н. Кэмпбелл, А. Лактионов и др.). Среди мемуарных работ использовались труды В. Семенова, П. Худякова, М. Бубнова, В. Костенко и др.

В работе используются традиционные методы исторического исследования, такие как историко-генетический, историко-системный, историко-типологический и др.

3. Обсуждение

Тактико-технические характеристики русских и японских линейных сил, тактику их использования и концепцию ведения морской войны в целом в разное время исследовало огромное количество авторов.

Безусловно, значительный интерес представляют первоисточники, а именно – статьи дореволюционных авторов – непосредственных участников событий: В. Семенова, П. Худякова, В. Костенко, М. Бубнова и др. Трехтомная работа В. Семенова (Семенов, 1906; 1907; 1910) является одним из главных информационных и идеологических «фундаментов», на котором базируется огромное количество не только отечественных, но и зарубежных работ; особенно это справедливо не только в отношении исторических, но прежде всего научно-популярных литературных трудов. Вместе с тем нельзя не отметить определенной претенциозности данных исследований. Подобное можно сказать и в отношении работ П. Худякова (Худяков, 1908) и В. Костенко (Костенко, 1955). Безусловно, русские морские офицеры очень болезненно переживали поражение в этой «маленькой победоносной войне» и всячески старались взвалить вину за него на государственных чиновников, адмиралов и офицеров, рангом ниже (в том числе – и за проявленное, по их мнению, малодушие), судостроителей и императора лично. Нельзя в этой связи не упомянуть и работу Н. Кладо (Klado, 1905); в России этот труд был фактически запрещен, так как критиковал ситуацию, сложившуюся на флоте, и прямо обвинял в этом военно-морское руководство.

Выпадает из этого ряда интересная и специфичная работа М. Римского-Корсакова, которая не имеет политического окраса, так как представляет своего рода практическое пособие по огневой подготовке для командиров орудийных расчетов броненосца «Пересвет»; она позволяет оценить материальную часть корабля и методические особенности подготовки командиров корабельной артиллерии и непосредственно комендоров.

В современных работах действия русского флота в морских сражениях Русско-японской войны достаточно подробно описаны в монографии И.М. Кокцинского (Кокцинский, 2002). Предвоенную ситуацию перед Русско-японской войной достаточно полно освещает О.Ю. Данилов, несмотря на то, что предметом изучения является Первая мировая (Данилов, 2010). Безусловно, предвоенной дипломатии и действиям флота очень много внимания уделено в комплексных трудах по Русско-японской войне – Н.А. Левицкого (Левицкий, 2003), П.Д. Быкова (Быков, 2003), О.Р. Айрапетова (Айрапетов, 2014), П.В. Мультиатули, К.А. Залесского (Мультиатули, Залесский, 2015), А.И. Сорокина (Сорокин, 1952) и др. Несомненный интерес представляет даже художественная литература, авторы которой (А.С. Новиков-Прибой, А.Н. Степанов, В.Н. Пикуль) стали классиками прозы по Русско-японской войне. Нельзя обойти вниманием и зарубежные труды, наиболее интересным из которых показалось исследование Н. Дж. М. Кэмпбелла (Campbell, 1978), посвященное Цусимской битве, но фактически затронувшее и многие другие аспекты русского и японского флотов.

И, наконец, особый интерес для нас представляют труды, непосредственно анализирующие материальную часть кораблей и их тактико-технические характеристики – «Цесаревича» (Мельников, 2000), «Ретвизана» (Балакин, 1999), типов «Пересвет» (Мельников, 2006), «Полтава» (Сулига, 1993) и др.

4. Результаты

В начале XX века безусловным лидером по количеству «капитальных» кораблей и полноправной «владычицей морей» была Великобритания, имея в строю к началу 1904 года (как году начала Русско-японской войны) двадцать современных эскадренных броненосцев (типов «Маджестик», «Формидейбл/Лондон», «Дункан») и шесть «облегченных» типа «Каноус» (не считая массы устаревших и устаревающих линейных кораблей, а также еще большего количества прекрасных современных быстроходных броненосных крейсеров). Россия на этот момент располагала лишь тремя «полноценными» современными линкорами («Цесаревич», «Ретвизан», «Император Александр III») и тремя «облегченными» «броненосцами-крейсерами» типа «Пересвет». Даже такое,

по нашему мнению, уместное при анализе русского и японского флотов, простое сравнение подчеркивает непоколебимость морского могущества Британской империи. Япония же, будучи, как и ее экономический и внешнеполитический «патрон», островным государством, всячески старалась не только подражать Англии, но и перенять ее доктрину и концепцию ведения морской войны. Поэтому говоря о соотношении линейных военно-морских сил России и Японии, несколько слов надо уделить концепции и стратегии ведения морской войны (подробнее об этом – в первой статье данной серии).

Говоря о подражании, вовсе нельзя иметь в виду «слепое» копирование. Японцы очень четко осознавали собственные цели и задачи. В частности, британские корабли проектировались с учетом растянутости морских коммуникаций и одним из главных требований даже к «капитальным» кораблям была автономность плавания. В частности, линкоры типа «Формидейбл» (по общему признанию – наиболее сильные корабли своего времени) имели дальность плавания 8000 миль. Наиболее сильный японский линкор – флагман «Микаса» – имел лишь 4600; тип «Сикисима» – 5000; «Асахи» и вовсе 4000. Таким образом, достаточно четко прослеживается ориентир на узкий театр военных действий, ограниченный омывающими Японию морями. Это позволило сместить баланс в сторону повышения огневой мощи и защиты. «Японцы» «традиционно» несли четырнадцать 6-дюймовок вместо двенадцати от «британского стандарта», а вес брони кораблей колебался в районе 30 % от веса корабля («Микаса», в частности, 28,5 %, тип «Сикисима» – ок. 30,5 %, «Асахи» – ок. 32 % (по Белов, 1998)), что также было больше, чем у «британцев».

Как было сказано выше, технического превосходства у русского флота в начале XX века не было.

Прекрасно понимая этот факт, русское правительство стало экстренно заказывать военные корабли в зарубежных странах. К сожалению, отечественная корабельная индустрия не была настолько развитой, чтобы иметь возможность строить «капитальные» корабли за 3–4 года. Советские писатели (Степанов, 1983; Новиков-Прибой, 1977; Пикуль, 1989 и др.), а вслед за ними и профессиональные историки флота (Балакин, 2013; Мельников, 2000; Мельников, 2006; Сулига, 1993b; Крестьянинов, Молодцов, 1998; Кокцинский, 2002 и др.) отчаянно критикуют «царский долгострой» и «косность марсоходного русского адмиралтейства». Не исключено, что подобное крайне пренебрежительное отношение к судостроительству николаевской эпохи советским исследователям «привили» сами современники и участники этой войны, глубоко переживавшие ее неудачи и всячески пытавшиеся «найти крайних» (см., например, Семенов, 1907; Семенов, 1906; Семенов, 1910; Худяков, 1908 и др.). Даже по прошествии более чем века со времени описываемых событий с большей частью обвинений нельзя не согласиться. Вместе с тем нельзя также не принять во внимание очень непростую как социальную (и особенно – демографическую!), так и экономическую ситуацию в стране, катастрофическое отставание аграрного сектора экономики от промышленного, неразвитость инфраструктуры в целом, и логистики в частности. И если правительство маленького восточного островного государства четко преследовало цель расширения «империи» и бросило все средства на создание мощнейшего Тэйкоку Кайгун¹ (даже ценой возможной революции, падения монархии и масштабного экономического кризиса), то российское руководство финансировало флот отнюдь не приоритетно: во главу угла ставились промышленные и инфраструктурные проекты. Следовательно, всецело возложить ответственность за «долгострой» на Адмиралтейство было бы несправедливо. Безусловно, сам император отнюдь не хуже того же Семенова или Кладо понимал проблемы судостроительной отрасли и, прежде всего, невозможность быстрого строительства «капитальных» кораблей на отечественных верфях. Это, собственно, и послужило причиной заказа за рубежом линейных кораблей, ставших в итоге «костяком» 1-й Тихоокеанской эскадры («Цесаревич» и «Ретвизан»). Однако Николай II рассчитывал оттянуть начало войны (и, надо полагать, явно не без помощи мирового сообщества), в том числе и с помощью общепринятых формализованных элементов, таких как дипломатические прения, процедура объявления войны, международный арбитраж и т.п. Мейдзи не дал ему такой возможности, вероломно, но эффективно «обставив» своего визави.

Говоря о зарубежных заказах и сроках строительства военных кораблей, следует иметь в виду еще один важный момент, который Николай II так или иначе вынужден был принимать в расчет – момент дипломатический, а именно – внешнеполитическую конъюнктуру. Если Страна восходящего солнца была на мировой арене еще «молодым» игроком, едва включившимся в «большую игру» за раздел сфер влияний, то Россия была подлинным «тяжеловесом» среди мировых «грандов» и одним из ведущих политических игроков с четко определенными дипломатическими ориентирами. Япония же вполне могла «позволить себе» заказывать корабли для Тэйкоку Кайгун у практически всех ведущих морских держав.

Так и произошло. Наибольшую долю линейных сил японцы (вполне логично) заказали у «владычицы морей», вместе с тем «перепробовав» понемногу «корабельного продукта» у всех крупных судостроительных стран. Броненосный крейсер «Адзума» был французской постройкой,

¹ Дай-Ниппон Тэйкоку Кайгун («Флот Великой Японской империи») – военно-морские силы Японии в 1869–1945 годах.

«Якумо» – германской, «аргентинские» «Ниссин» и «Кассуга» – итальянской корабельной школы. Однако США не стала поставщиком броненосных кораблей для микадо. Отчасти потому, что заказанные как однотипные прекрасного легкого крейсера «Такасаго» английского образца, «американские» «Касаги» и «Читосе» уступали кораблю британской постройки (особенно ощутимой для японцев оказалась «потеря» полутора узлов скорости: при проектных 22,5 уз. «англичанин» в реальной эксплуатации давал 23,5 уз., американцы же всего 22 уз.). Наверное, не будет преувеличением тезис о том, что японские адмиралы, исходя из полученного опыта с постройкой легких крейсеров, просто не рискнули строить в Америке «капитальные» корабли.

Российская империя такой возможности не имела. Великобритания, единственная в то время страна в мире, чья корабельная промышленность позволяла строить корабли линкор-класса как минимум в полтора раза быстрее любого из конкурентов, была злейшим внешнеполитическим врагом России. Только за последние четверть века «горячая» война между этими странами была дважды «на волоске» от «холодной» – после разгрома Османской империи в 1878 году и после «инцидента у Пандждеха» (бой при Кушке) в 1885 году. В первый раз от открытой войны спас дипломатический гений А.М. Горчакова, второй раз – «кулуарная» решительность Александра III, готового отдать «всю казну на войну» и сражаться «до последнего». Таким образом, заказывать первоклассные, передовые и наиболее «быстро строящиеся» английские броненосцы Россия не могла.

Оставались верфи Франции, Германии, США, Италии и Испании (страны расположены в порядке «убывания» судостроительных мощностей). Франция к концу XIX века стала ближайшим другом, кредитором и военным союзником России. Пожалуй, лучшими доказательствами служили «сердечное соглашение» между двумя странами и несколько буквально «сказочных» кредитов, предоставленных французами русскому императорскому двору, – отчасти благодаря этим финансовым вливаниям Россия смогла превратиться в передовое капиталистическое государство. Помимо прекрасных дипломатических отношений, в военно-морских кругах двух государств прослеживались похожие стратегические и тактические концепции ведения морской войны. И, конечно же, французские корабли, как и их русские коллеги, «болели» идеей «всемерной экономии» во флоте и боролись едва ли не буквально за каждую тонну водоизмещения. Можно даже сказать, что французская кораблестроительная школа была полной противоположностью английской. Французы (как, впрочем, итальянцы и немцы) не имели финансовой возможности строить многочисленный флот, поэтому в конце XIX века появилась тенденция проектировать линкоры «среднего» водоизмещения (в пределах 11–13 тыс. тонн), но вооруженных по «британскому стандарту» (четыре 12-дм и двенадцать 6-дм орудий) и адекватно защищенных. В числе важнейших требований была и высокая мореходность. Вторичные боевые качества, и прежде всего дальность плавания, отходили на последний план. С такой концепцией и выступил гениальный французский инженер Амабль Лагань с проектом шедеврального, на наш взгляд, броненосца, получившего впоследствии гордое название «Цесаревич». Проект сразу же понравился высшему руководству, да так, что было решено по эскизам Лаганя строить пять похожих кораблей на российских верфях. Платой за «бесплатный сыр» стала сложная форма корпуса и технология постройки, которая требовала квалифицированных инженеров, мастеров и, главное, времени, которого у российского руководства в преддверии войны с Японией как раз и не было. Но меркантильность все же взяла вверх: в 1898 году великий князь Александр Александрович не просто одобрил постройку корабля на верфи Лаганя «Форж э Шантье Медитерране» (причем в обход МТК¹), но и «дал добро» на разработку чертежей по эскизным рисункам «Цесаревича» для строительства собственных броненосцев, вошедших в историю как тип «Бородино». В итоге «Цесаревич» и его концептуальные преемники – линкоры типа «Бородино» (первоначально планировалось построить 10; построено 5) – стали фундаментом русского линейного флота. Попутно было решено заказать у Лаганя и экспериментальный броненосный крейсер, «бронированный разведчик при эскадре»; так появился знаменитый «Баян».

При всей экономической заинтересованности Франции в целом, и отдельных предприимчивых французов в частности, ее судостроительных мощностей явно не хватало для быстрой постройки. Во-первых, во Франции, как и в России, корабли строили весьма неспешно (6–7 лет для собственного флота); во-вторых, значительная часть сталелитейных производственных мощностей была задействована в строительстве для собственного флота линкора «Сюффрен» (1899) и перспективных линкоров типа «Републик» (1902), в которых, кстати, французы отошли от идеи «всемерной экономии» и пошли по «британскому» пути максимального водоизмещения, технологичности и скорости производства. Поэтому круг исполнителей для заказов Морского министерства французскими верфями не ограничивался.

¹ Морской технический комитет – контрольно-технический орган Морского министерства Российской империи, действовавший в 1867–1911 годах, в компетенцию которого входили технические вопросы военного кораблестроения и вооружения, в том числе – одобрение проектов закладываемых судов; состоял из наиболее авторитетных морских офицеров.

Сразу отметим, что страны с достаточно отсталым судостроением, такие как Испания и Австро-Венгрия, российским адмиралтейством в качестве партнеров не рассматривались. Испания сама закупала боевые корабли, а после поражения в войне с США в 1898 году, в ходе которой испанский флот был уничтожен, и вовсе перестала быть великой морской державой; скромные же производственные мощности Австро-Венгрии были заняты заказами для собственного флота. Поэтому в плане военно-морских заказов, помимо Франции, из европейских стран интерес для России представляли лишь Германия и Италия.

Италия славилась своими выдающимися корабельными традициями и творениями, но концепция главного итальянского корабеля Бенедетто Брина совершенно не вписывалась в российский взгляд на тип «капитальных» кораблей. Исключительно быстроходные и сильно вооруженные линкоры Брина имели очень слабую броневую защиту, достойную разве что посредственного броненосного крейсера. Его последнее творение – броненосец типа «Реджина Маргерита» (1898) – развивал невероятные по тем временам 20,3 уз. (что больше, чем у броненосных крейсеров типа «Россия» (1896), «Джузеппе Гарибальди» (1895) и многих других, менее современных); однако весьма посредственная мореходность, сравнимая с английскими линкорами, не позволяла держать этот ход в «свежую» погоду. Наиболее слабым местом была защита, состоявшая из узкого и тонкого (152 мм в центральной части) пояса, который оставался уязвим для 12-дм снарядов на большинстве боевых дистанций. Такой корабль никак не вписывался в концепцию линейных сил русского флота, ориентированную на плотный и бескомпромиссный ближний бой. И опять-таки ярко выраженной была проблема итальянского «долгостроя», которая легко могла дать «фору» отечественному; в частности, два корабля типа «Реджина Маргерита» строились 7 и 8 лет соответственно...

Германия как страна-исполнитель военно-морских заказов оказалась весьма противоречивым партнером. С одной стороны, немцы имели приличные производственные мощности, к тому же располагавшиеся поблизости – на Балтийском побережье, что в случае острой необходимости могло способствовать экстренной доставке сырья из России. С другой стороны, российско-германские отношения после Берлинского конгресса 1878 г. значительно «похолодели» и оставались натянутыми вплоть до Первой мировой войны, когда «холодная» война превратилась в «горячую». Еще один аргумент против – германская школа линейного кораблестроения, которую, пожалуй, можно назвать противоположностью итальянской. Мощно бронированные (на бумаге) корабли имели значительную недовооруженность (240-мм орудия главного калибра вместо 305-мм на броненосцах других флотов), что практически полностью нивелировало шансы на победу в бою на дальней дистанции (речь идет не о дальнбойности, а о весе и разрушительном действии боеприпаса), а отсутствие преимущества в скорости не позволяло им выйти на «пистолетную» дистанцию, где 240-мм орудия (которые, к слову, значительно уступали по скорострельности 305-мм британским орудиям Армстронга) со слабыми легкими 140-кг снарядами смогли бы проявить себя и имели бы хоть какой-то шанс поражать бронепояс противника. Масса (восемнадцать) скорострельных 150-мм орудий, составляющих главную силу линкора, были фактически бесполезны против современных броненосцев даже на коротких дистанциях; сражения в Желтом море и при Цусиме это подтвердили в полной мере. Да и система бронирования «французской школы» («Цесаревич», пожалуй, не в счет) у германских кораблей была, мягко говоря, противоречивой. Броненосцы типа «Кайзер Фридрих III» (пять единиц были спущены на воду в 1895–1898 гг.; вступили в строй значительно позже) имели толщину пояса 300 мм крупновской брони в центре (лидеры среди линкоров своего времени), но площадь бронирования была совсем невелика. При столкновении с английскими и японскими кораблями, не имевшими «полноценных» бронебойных снарядов, но боеприпасы которых были по максимуму начинены сильновзрывчатыми веществами на основе пикриновой кислоты для максимизации фугасного действия, участь «кайзеров» была бы предрешена. Последующая серия, линкоры типа «Виттельсбах» (1899–1904), получила значительно более скорострельные 240-мм орудия (немцы поменяли надежный, но очень тяжелый затвор на более легкий), схему бронирования, как у английского «Канопуса», но в бою на коротких дистанциях они по-прежнему имели мало шансов на победу против тех же «Формидейблов» или «Цесаревича»; причина – аналогичная «кайзерам» – слабая артиллерия главного калибра и бронезащита оконечностей. Видимо, именно различия во взглядах на тактику эскадренного боя, а не дипломатия определили исход дела, ибо другие типы военных судов (в частности, легкие крейсера «Аскольд», «Богатырь», «Новик»; эсминцы типа «Касатка» и др.) русский флот у Германии заказывал регулярно и об этих «продуктах» российские моряки отзывались весьма комплементарно.

И, наконец, США. Отношения двух государств с самого начала складывались весьма неплохо, а продажа Александром III богатой природными ресурсами Аляски лишь усилила взаимную дружбу. Однако судостроительная индустрия Америки оставляла желать лучшего. Это понимали как в Японии (убедившись в этом, как было сказано выше, после заказа «Касаги»), так и в России. Однако, как и в случае с А. Лаганем, в игру вступил предприимчивый хозяин верфи William Cramp & Sons

(«Вильям Крамп и сыновья», Филадельфия, США) – Чарльз Крамп¹, который не без помощи противозаконных методов, предусматривающих персональную экономическую заинтересованность соответствующих должностных лиц (так, по крайней мере, было принято считать многими современниками и последующими авторами; узнать истину вряд ли представляется возможным) смог «уговорить» окружение императора «отдать» его кампании заказ на постройку двух броненосцев, четырех крейсеров и трех десятков миноносцев. Лучшей рекламой этой верфи была победа трех ее кораблей над испанским флотом в битве при Сантьяго-де-Куба в 1898 году в ходе испано-американской войны (особенно отличился броненосный крейсер «Бруклин» (1895), великолепный для своего времени корабль и объективная судостроительная гордость Крампа). Вместе с тем трения с Крампом начались сразу после получения заказа. Американская промышленность была в то время далека от совершенства, что касалось не только строительства корпуса, но и котлов, машин, орудий, брони, вспомогательных механизмов и пр. Для удешевления работы исполнитель старался всячески локализовать производство, на что МТК всячески не соглашалось. Доходило до серьезных разбирательств. В итоге заказ был сделан лишь на один линкор (будущий «Ретвизан») и легкий (по тогдашней терминологии – бронепалубный) крейсер «Варяг». Даже после юридических формальностей в оформлении заказа препирательства между Крампом и адмиралтейством не прекращались: МТК настаивал на применении устройств, произведенных в России (которые были объективно лучше); судостроитель же, угрожая срывом сроков строительства, старался по максимуму реализовать продукцию своих контрагентов. Нельзя не отметить и ту неоценимую помощь, которую оказало ему Морское министерство, передав чертежи броненосца «Пересвет», крейсера «Диана» и перспективного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», что значительно ускорило процесс проектирования. Однако порой и МТК доставлял необоснованные трудности Крампу, когда с опозданием в несколько месяцев требовал внести изменения в конструкцию уже построенного элемента. «Масла в огонь» подлило и забастовочное движение в США в целом, и на верфи Филадельфии в частности, с которым Крамп боролся бескомпромиссно, и в итоге, несмотря на многотысячные увольнения, ни на день не остановил процесс строительства русских кораблей. Чтобы снизить «накал» в отношениях, было решено заменить председателя российской наблюдательной комиссии и назначить на эту должность более сговорчивого, как тогда казалось Крампу, капитана 1-го ранга Эдуарда Щенсновича. Но будущий командир «Ретвизана» оказался таким же требовательным и внимательным «контролером». Вместе с тем Крампу все же удалось «продать» некоторые не очень удобные для русского флота решения, в частности применение капризных и требовавших тщательного ухода и квалифицированного обслуживания котлов системы Никлосса. В конечном счете, к окончанию строительства разногласия сошли на нет и «Варяг» с «Ретвизаном», соответственно в 1901 и 1902 году, покинули Филадельфию и направились в Россию. В итоге срок строительства составил три года (правда, вместо запланированных 30 месяцев) – блестящий показатель, достойный «владычицы морей», а стоимость 8,6 млн. рублей для первоклассного корабля с отличными характеристиками была более чем небольшой (для сравнения, во Франции «Цесаревич» строился почти 4,5 года и обошелся казне в 14 млн. руб.!). Принимающая сторона, прекрасно это понимая, решила не вводить штрафные санкции за просрочку строительства. «Цесаревич» и «Ретвизан» стали главной ударной силой 1-й Тихоокеанской эскадры и наиболее эффективными русскими линкорами.

Итак, проанализировав концептуальные и судостроительные возможности внешнеполитических партнеров России, можно сделать несколько неутешительных выводов.

Во-первых, верфи других стран были не способны в кратчайшие сроки (2–3 года) предоставить корабль линкор-класса. Такие сроки могла выдерживать только Великобритания, у которой Россия – в силу внешнеполитической конъюнктуры – заказывать корабли априори не могла. Также нельзя не отметить и тот момент, что предприимчивые хозяева иностранных верфей, дабы не потерять экспортные заказы, «старались изо всех сил» сократить сроки проектирования и постройки (причем проект должен был соответствовать и специфике имеющихся производственных мощностей). Именно этим во многом объясняется скорость постройки «Цесаревича», и особенно «Ретвизана» (ну и, конечно же, имеющимся в распоряжении иностранных партнеров-конструкторов чертежам отечественных «Пересвета» и «Князя Потемкина-Таврического»). Корабли же для собственного флота зарубежные судостроители строили так же неприлично медленно, как и российские. Поэтому упреки как современников (Кладо, Семенов, Худяков), так и литераторов (Новиков-Прибой, Степанов) и военных историков (Балакин, Мельников и др.) про «отечественный долгострой» критики не выдерживают: это была общемировая практика. А «второй Англии», где можно было бы заказывать и быстро строить «неограниченным тиражом» «капитальные» корабли, не было. Другое дело, что Николай II вполне мог расставить приоритеты и, понимая неизбежность и скорое начало войны, все усилия бросить на строительство линкоров типа «Бородино», введя их в строй примерно

¹ Фамилию Крамп с точки зрения произношения верно было бы читать Крэмп, но еще с дореволюционных времен закрепилось произношение «Крамп», как его упоминали и в официальных документах, и других источниках.

на один год раньше (и это при самом оптимистичном раскладе). Но даже в этом случае корабли едва успели бы на Дальний Восток, так как основной костяк японских линейных сил уже был в строю и ничто не помешало бы Х. Того так же неожиданно напасть на несколько месяцев раньше и разбить русскую эскадру по частям (как это все равно в итоге и произошло). Поэтому вполне логично, что император счел эти сверхусилия, которые были бы за счет скорости и качества экономического развития государства, нецелесообразными.

Во-вторых, также несостоятельны, по нашему мнению, утверждения многих авторов (в частности Семенова, Новикова-Прибоя, Пикуля) и о том, что к войне надо было готовиться раньше. Вспомним, что «раньше» (т.е. во второй половине 90-х годов XIX в. (Mamadaliyev et al., 2019; Mamadaliyev et al., 2018)) Россия имела подавляющее превосходство в линейных и крейсерских силах на Дальнем Востоке, а в строй вот-вот должны были вступить еще и броненосцы типа «Полтава» и «Пересвет». Поэтому торопить события, причем за счет усугубления социальных и экономических проблем, было совершенно бессмысленно. Поэтому логично, что именно Мейдзи и Г. Ямамото решили сделать «первый шаг» и совершить революцию в военном японском флоте, практически полностью заказав линейные силы в Англии. Реакция российского руководства, в свою очередь, была незамедлительной и Морскому министерству было поручено подготовить адекватный ответ. И, несмотря на отдельные незначительные проволочки (куда уж без них), «противоядие» в виде линкоров «Бородино» и зарубежных «Цесаревича» с «Ретвизаном» было подготовлено. Но опередить Великобританию, повторим, в тот момент не было под силу никакому другому государству; и наиболее красноречиво этот факт доказало строительство «Дредноута», вступившего в строй в 1906 году через один год и один день после закладки. Таким образом, по нашему мнению, военное руководство и император лично в целом качественно сделали ту часть работы, которая была в их силах.

Другой возможный путь – покупать, причем по дорогой цене, уже построенные для флотов Франции, Германии, США и Италии корабли. Он нам также представляется несостоятельным.

Во-первых – дипломатические сложности. Мировое сообщество прекрасно понимало неизбежность и скорое начало Русско-японской войны и рисковать подрывом мирового авторитета, открыто оказывая военную поддержку одной из стран, отнюдь не жаждало. Даже всесильная Великобритания, с мнением которой считались все без исключения державы, не «опустилась» до такого. Когда Чили отказалась от доставки заказанных у нее облегченных быстроходных броненосцев типа «Свифтшюр» (1903) и выставила их на продажу (они были заказаны чилийцами для борьбы с аргентинскими броненосными крейсерами), Англия, чтобы не повторилась ситуация с «аргентинскими» «Кассугой» и «Ниссином», в ущерб себе купила эти корабли, лишь бы они не достались России или Японии (хотя они абсолютно не вписывались в британскую концепцию ведения морской войны). В отечественной литературе распространено мнение о том, что Британия купила оба «Свифтшюра» только потому, что их обладателем могла стать Россия (Балакин, 1995; Малов, 2000). Вряд ли это соответствует действительности, иначе что помешало бы «владычице морей» дать Японии очередной кредит на кабальных условиях, чтобы та с огромной радостью приобрела эти корабли? Мы находим только одну причину – подрыв своего международного авторитета.

Таким образом, купить готовые корабли накануне войны было попросту невозможно: ситуация с «аргентинскими» крейсерами стала исключением и Япония в ней оказалась куда более расторопной, чем Россия (по Кофман, 1995).

Во-вторых, разношерстные зарубежные линкоры были бы крайне неэффективны в составе эскадры. Разная скорость, калибр и дальнобойность вооружения, а также уровень защиты создавали бы колоссальные тактические и стратегические сложности. Опять же, генеральные морские сражения Русско-японской войны всецело подтвердили необходимость наличия однотипных (точнее было бы сказать – однородных) судов в составе эскадры. С этой разношерстностью столкнулась после войны Япония, которая имела в своем составе английские, русские, французские, германские, итальянские, американские, а также собственного производства корабли; соблюдать какую-либо «концепцию» в таких условиях просто невозможно, и сильный с виду флот имел весьма невысокую реальную боеспособность. Безусловно, это также было одной из причин не покупать готовые линкоры за рубежом.

Общий вывод из вышесказанного таков: кардинально изменить баланс главных военно-морских сил на Дальнем Востоке Россия не могла ни при каких обстоятельствах, ни заблаговременно, ни путем сверхусилий, которые повлекли бы значительное ухудшение социальной и экономической ситуации в стране. Поэтому русским адмиралам приходилось оперировать лишь теми силами, которые уже были введены в строй и находились непосредственно на дальневосточном театре военных действий.

Как было сказано выше, наиболее мощной линейной единицей русского флота периода Русско-японской войны абсолютное большинство исследователей считает эскадренный броненосец «Цесаревич».

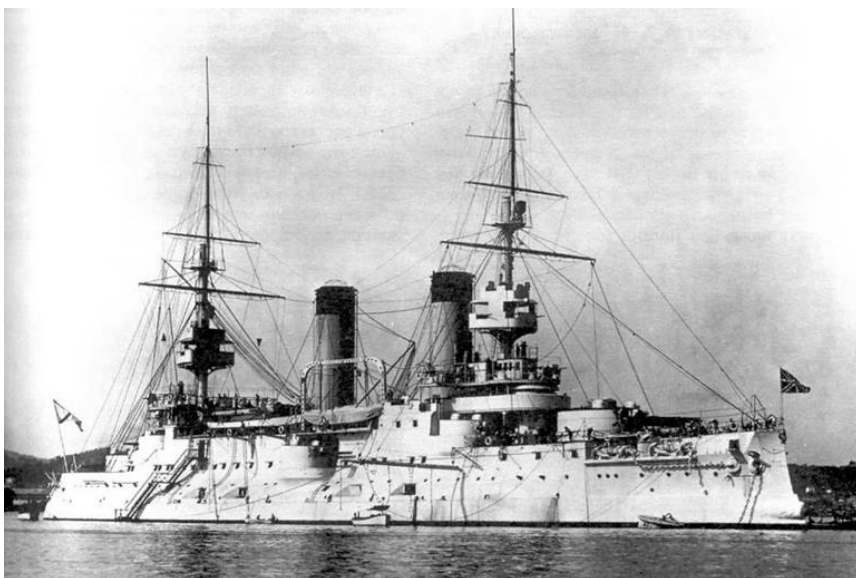

Рис. 1. Эскадренный броненосец «Цесаревич» (1901)

Тактико-технические характеристики корабля, названного величественным именем, широко представлены в открытых источниках. Водоизмещение: 13 380 тонн; длина 121 м; ширина 23,2 м; осадка 7,94 м. Бронирование (крупновская броня): главный пояс 250–140 мм, верхний пояс 200–120 мм, палубы 50 и 40 мм, башни главного калибра 254 мм, башни среднего калибра 150 мм, барбетты 229 и 150 мм, рубка 254 мм. Силовая установка: две вертикальные паровые машины тройного расширения, 20 котлов Бельвиля, мощность 16 700 л.с., 2 винта, скорость хода 18,78 узла, дальность плавания – 5500 морских миль на ходу 10 узлов. Вооружение: главный калибр – четыре 305-мм (в 40 калибров), размещенные спарено в двух башнях в носу и корме; среднекалиберная артиллерия – двенадцать спаренных 152-мм системы Канэ (в 45 калибров) в шести башнях (по три с каждого борта); основу противоминной артиллерии составляли двадцать одиночных 75-мм орудий системы Канэ, двенадцать из которых были расположены на батарейной палубе над броневым поясом, остальные – в носовой части корпуса и на мостиках. Дополняли противоминную артиллерию совершенно бесполезные двадцать 47-мм, одиннадцать 37-мм орудий и около десятка пулеметов, «разбросанных» по мостикам и массивным боевым марсам. Минно-торпедное вооружение включало четыре 457-мм торпедных аппарата (в носу, корме и побортно), а также 20 мин заграждения. Экипаж – 800 чел.

Незаурядный проект имел несколько революционных для своего времени моментов.

Начнем с формы корпуса. Она имела весьма сложный «французский» дизайн, крайне затруднявший и существенно замедлявший постройку корабля, причем не только в отечественной корабельной промышленности, но и в зарубежной. В этом плане прямые борта «Ретвизана» и японских броненосцев британской корабельной школы с точки зрения технологичности выгодно отличались (к тому же и производство было значительно дешевле!). Кроме того, отечественные адмиралы сомневались в достижении кораблем проектной скорости, но «Цесаревич» не только достиг, но и почти на узел превысил ее.

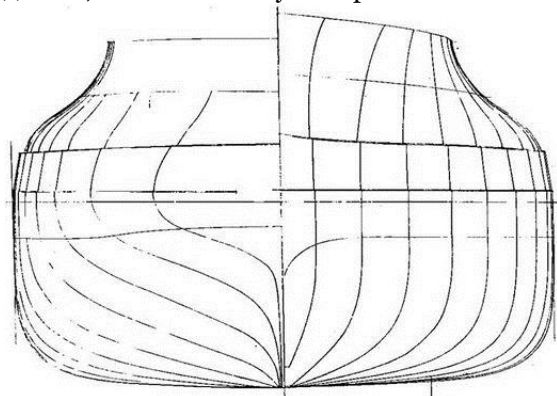

Рис. 2. Обводы «Цесаревича» и кораблей типа «Бородино»

Исторически дизайн французских корабелов, предусматривающий завал надводной части борта вовнутрь, нельзя назвать революционным: такая конструкция повсеместно использовалась на наиболее мощных парусных линкорах, получивших в британском флоте прозвище «мановар» (от англ. «man-of-war» – «человек войны»; жаргонизм, суть которого в русском языке можно смело передать трансформированным фразеологизмом «один в поле – воин!»). Но в конце XIX века она определенно была если не инновационным, то уж точно нестандартным решением. Такая конфигурация обводов дает кораблю некоторые неоспоримые преимущества. Например (применительно к «Цесаревичу»), в штормовом море набегающие волны задерживаются на откосе борта и нивелируют качку, что сложно переоценить в боевых условиях в «свежую» погоду. Помимо этого, подобная форма бортов не только увеличивает остойчивость, но и в теории значительно повышает непотопляемость корабля: чтобы пробойна вошла в воду, требуется больший градус крена, нежели у корпуса с традиционной «прямой» конструкцией борта.

Вместе с тем негативные стороны такого конструкторского решения в практической эксплуатации русских кораблей проявились более сильно, нежели положительные. Заложенный на год раньше «Ретвизана» «Цесаревич» строился почти в два раза дольше и обошелся казне более чем в полтора раза дороже; и это при том, что французская кораблестроительная промышленность как минимум ни в чем не уступала американской. С другой стороны, поведение корабля в открытом море и комфортность стрельбы высоко расположенных орудий главного и среднего калибров были выше всяческих похвал. Что касается остойчивости и непотопляемости, то этот вопрос весьма неоднозначен. Самой мощной «антирекламой» русского кораблестроения стала Цусимская битва, в которой три из четырех линкоров типа «Бородино», созданных «по образу и подобию» (эта фраза будет справедлива даже в буквальном смысле слова) «Цесаревича» были потоплены японцами совершенно безнаказанно, а крайне слабая остойчивость данного типа судов и вовсе стала «прищечей во языцех». Однако, практически все историки флота упрекают вовсе не обводы корпуса, а огрехи претворения проекта в жизнь (имеем в виду чудовищную строительную перегрузку), недостатки расположения противоминной артиллерии (близко расположенные к воде порты орудий), недостаточно эффективную подготовку экипажей по борьбе за живучесть корабля, в том числе – выравниванию крена путем контрзатоплений (кроме «Орла»), недальновидность командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала З.П. Рожественского (загрузившего углем сверх всякой меры и без того перегруженные броненосцы) и многие другие, как конструктивные, так и организационные просчеты. И с большей частью этих доводов сложно не согласиться. Вместе с тем, на наш взгляд, претензий к конструкции непосредственно завала бортов как новаторской идее, быть не должно. Это вполне может доказать состояние материальной части «Цесаревича» и «Орла» после сражений. Конечно, «Цесаревич» в Желтом море подвергался огневому воздействию противника не столь интенсивно (зафиксировано около 25 попаданий (Мельников, 2000), как корабли типа «Бородино» при Цусиме («Орел» – от 76 (Campbell, 1978) до 140 (Костенко, 1955) попаданий), однако вполне сохранял боеспособность (даже приняв более ста пятидесяти тонн воды) и к концу боя был куда в более лучшем состоянии, чем получивший меньшее количество попаданий японский флагман «Микаса». Тот же «Орел» (четвертый броненосец типа «Бородино» и четвертый корабль в кильватерном строю в сражении) до конца битвы сохранял плавучесть и смог добраться до Японии, имея (при прочих равных с тремя потопленными другими кораблями серии) прекрасную организацию работы трюмной команды. Поэтому конструкцию корпуса (вкуче с системой бронирования, о которой будет сказано ниже) с инженерной точки зрения следует признать удачной; уровень непотопляемости, на наш взгляд, вполне можно признать не просто выдающимся, а лучшим в мире на тот момент. Помимо указанных преимуществ, она также давала орудиям среднекалиберных башен великолепные углы обстрела. С другой стороны, сделай Адмиралтейство ставку на проект дешевого «Ретвизана» с его простотой, технологичностью и, соответственно, быстротой постройки, вполне возможно, что все пять кораблей (мы включили сюда и черноморский линкор «Слава»), строившихся в России по иностранному эскизному проекту, смогли бы попасть в Порт-Артур до конца января 1904 года; но, как говорится, «история не знает сослагательного наклонения»...

Следующее конструкторское «ноу-хау» «Цесаревича» можно смело назвать революционным. Речь идет о его броневой и противоминной (в современной терминологии – противоторпедной) защите, аналогов которой в мире не было. Идея Бертена, которую и скопировал Лагань, заключалась в том, чтобы создать в районе ватерлинии защищенную со всех сторон «коробку», обеспечивающую непотопляемость корабля.

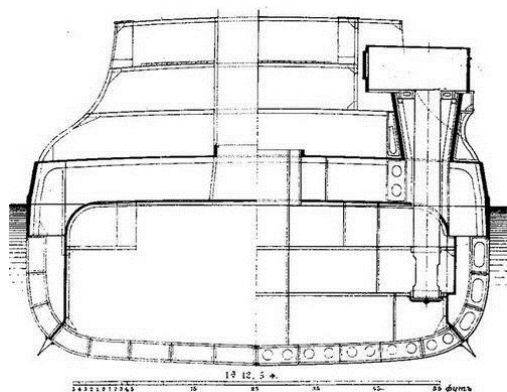

Рис. 3. Эскадренный броненосец «Цесаревич»: поперечный разрез

На [Рисунке 3](#) эта идея французской «линкорной» школы хорошо просматривается: толстый двойной бронепояс защищает ватерлинию (верхний толщиной в 200 мм в средней части и главный нижний толщиной в 250 мм в средней части), а сверху и снизу перекрывается соответственно верхней и нижней бронепалубой. Небольшое карапасное закругление нижней палубы стало попыткой воссоздать скос по примеру британских броненосцев; однако относительно высокая трудоемкость исполнения подобного решения в итоге сыграл «дурную службу» русскому правительству, которое находилось в состоянии цейтнота ввиду стремительно надвигавшейся Русско-японской войны и в итоге не успело ввести в строй серию броненосцев «Бородино» до начала боевых действий (хоть и несколько более упрощенную с технологической точки зрения на кораблях «Князь Суворов» и «Орел»: скос был сделан в «традиционной» английской манере, в результате чего он стал не просто более технологичным, но и более эффективным; см. [Рисунок 7](#)).

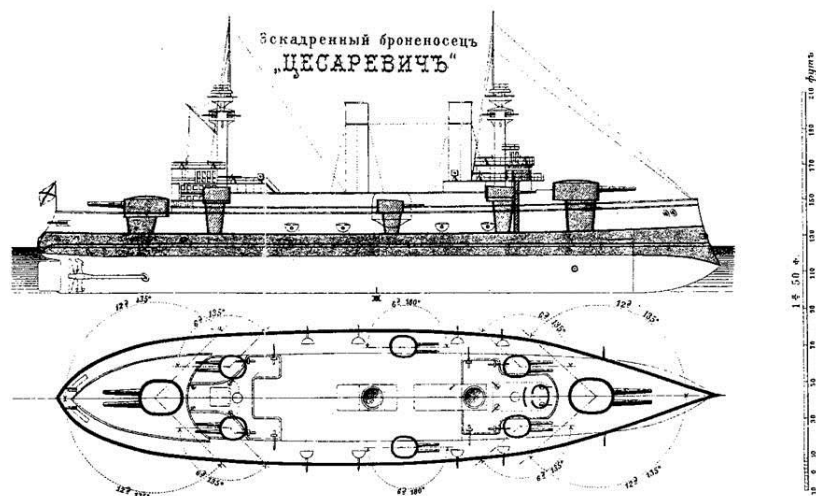

Рис. 4. Схема броневой защиты эскадренного броненосца «Цесаревич»

Из [Рисунка 4](#) хорошо видны как преимущества, так и недостатки схемы бронирования «Цесаревича». Безусловным плюсом является непревзойденная и лучшая в мире на момент Русско-японской войны защита ватерлинии. Не случайно командующий 1-й Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал В.К. Витгефт перед сражением в Желтом море в качестве флагмана выбрал именно «Цесаревича», а не с прекрасной площадью бронирования, но слабой защитой ватерлинии «Ретвизана». Подобная схема защиты позволила командующему сблизиться до весьма близких дистанций во второй половине боя, а самому линкору комфортно чувствовать себя под сосредоточенным огнем всей японской эскадры.

Недостатком защиты «Цесаревича» была очень небольшая (даже по меркам конца XIX века) площадь бронирования. Весь «запас» брони «ушел» на защиту броневых поясов, поэтому цитадели (защиты средней части корабля) попросту не было. И если непотопляемость (т.е. способность корабля быть на плаву) линкора была выше всяческих похвал, то живучесть (т.е. боеспособность – способность корабля наносить повреждения противнику и иметь ход) оставляла желать лучшего. Как известно, даже после 25 попаданий в бою в Желтом море, в том числе 12-дюймовыми фугасами, броненосец в конце боя не мог давать более 8 узлов хода, а перерасход угля с нормы в 80–120 тонн в сутки вырос до

600 (Мельников, 2000), чуть меньше, чем и его нормальный запас в 800 тонн (588 в трюме и 212 на нижней палубе), которого хватало на 5500 миль экономичным ходом. Собственно, такой перерасход и заставил командира корабля капитана 1 ранга Н.М. Иванова зайти в нейтральный германский порт Циндао, где корабль был интернирован (т.е. разоружен до конца войны) с неприглядного (если не преступного!), на наш взгляд, согласия отнюдь не равных в очередной бой раненых контр-адмирала Н.А. Матусевича и того же Иванова.

Недочеты в системе защиты корабля (как и трагическая случайность) привели практически к полному нарушению связи на «Цесаревиче» и выходу из строя рулевого управления, а повреждения дымовых труб – к фатальной потере в скорости. Напомним, что недавний флагман отстал от «бежавшего прытью» назад в Порт-Артур, вопреки приказу прорываться во Владивосток, командира «Ретвизана» капитана 1 ранга Э.Н. Щенсновича и только благодаря организаторским способностям старпома «Цесаревича» капитана 2 ранга Д.П. Шумова броненосец не постигла незавидная участь служить в японском флоте, которая была уготована большинству вернувшихся кораблей. При этом артиллерия и машины линкора были полностью исправны и, за исключением полной скорости хода и штатной системы маневрирования, корабль вполне сохранил боеспособность.

Значительным конструктивным недостатком оказалось и низкое побортное расположение восьми 3-дюймовых орудий (см. Рисунок 4). Низкое их расположение исключало возможность ведения огня в беспокойном море, а полное отсутствие бортовой брони выше верхнего пояса в условиях массированного огня фугасными боеприпасами (как, в частности, это было при Цусиме) привело бы к полному разрушению надводного борта. В результате небольшой крен приводил к «зачерпыванию» воды портами и потоплению корабля: пояс в миделе возвышался лишь на 2,17 м над водой. Также потопление грозило и в том случае, когда пояс целиком уходил под воду (например, в случае принятия воды вследствие подводных пробоин).

Французская идея сохранения плавучести корабля оказалась настолько заманчивой, что русское правительство решило строить собственные корабли, основываясь на эскизных проектах будущего «Цесаревича». Так появилась серия эскадренных броненосцев, получившая название «Бородино» и состоящая из пяти кораблей: «Император Александр III» (1901), «Бородино» (1901), «Орел» (1902), «Князь Суворов» (1902), «Слава» (1903). Первые три корабля были заложены в мае 1900 года и даже на этом этапе отличались друг от друга: первые два имели схему расположения броневых скоса аналогично «Цесаревичу», «Орел» и остальные имели улучшенную схему, заимствованную у английских линкоров «Маджестик» (см. Рисунок 7). В систему конструктивной защиты включались и бункера с запасами угля. «Слава» стал последним кораблем серии, и данные о его бронировании разнятся: в дореволюционных источниках и схемах толщина нижнего пояса приводится не 194 мм, а 203 мм, что большинство историков считает ошибочным (см. Рисунок 7).

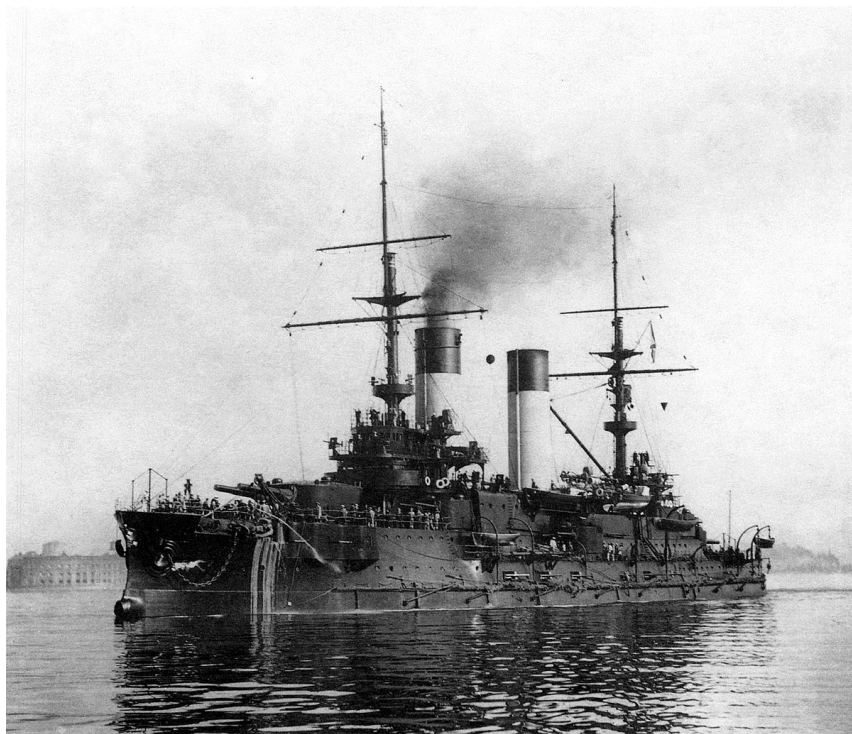

Рис. 5. Эскадренный броненосец «Орел» оказался единственным уцелевшим в Цусимском сражении кораблем типа «Бородино»

В целом при повторении схемы «Цесаревича» был устранен один из главных его недостатков без увеличения водоизмещения: увеличена площадь бронирования в средней части корабля – нечто похожее на цитадель у предыдущего поколения линкоров и одновременно защита противоминной артиллерии. Конечно, толщина брони в 76 мм не представляла серьезной защиты, но противодугасный эффект от среднекалиберных снарядов можно считать приемлемым. Толщина брони главного пояса уменьшилась с 250 мм до 194 мм – для ближнего боя весьма критичное снижение защиты, но, как известно, «бесплатного сыра» не бывает... «Пострадала» и толщина верхнего пояса с 200–120 (от миделя к оконечностям) на прототипе до 152–104 мм у отечественных кораблей.

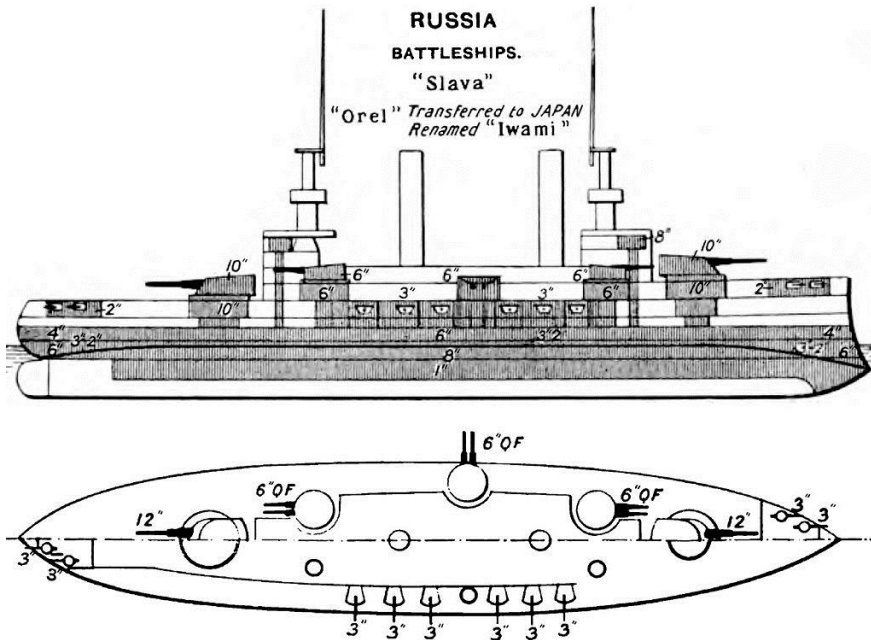

Рис. 6. Схема бронирования эскадренных броненосцев типа «Бородино»: на иллюстрации применительно к линкору «Слава» и «Орел» (рисунок из Brassey's Naval Annual, 1906 г.)

Однако, учитывая высокую фугасность и слабую в сравнении с русскими снарядами пробивную способность японских 12-дюймовых боеприпасов, поясную защиту можно признать удовлетворительной. Наличие же 3-дюймовой «цитадели» позволяло, во-первых, защитить противоминную артиллерию, во-вторых, уменьшить площадь небронированного борта в наиболее уязвимой средней части корабля. Применительно к конкретному противнику – Тейкоку Кайгун – схема защиты выглядит даже более предпочтительной, чем у «Цесаревича», но только на дальних и средних дистанциях (на которых по большей части и прошли два генеральных морских сражения Русско-японской войны); в ближнем бою в условиях бескомпромиссной «рубки» неоспоримое преимущество имел бы французский линкор.

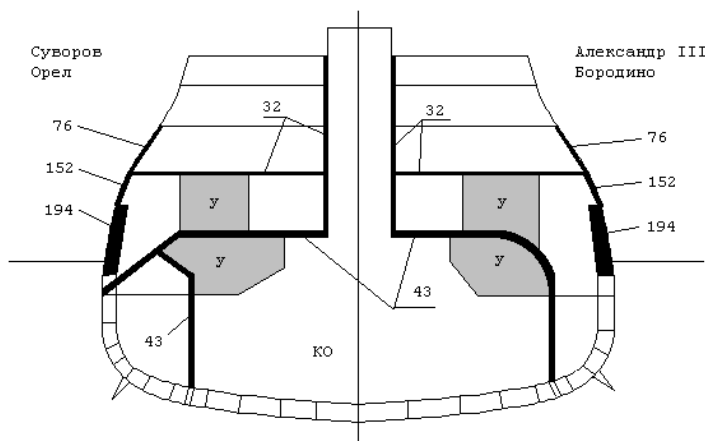

Рис. 7. Различия схемы бронирования кораблей в серии «Бородино»

Понимая недостаток конструкции броневого скоса и противоторпедной (по терминологии того времени – противоминной) переборки, отечественные корабельщики постарались улучшить ее, применив угловой, а не закругленный карапасный скос (см. [Рисунок 7](#)). Несмотря на усложнение самой противоторпедной переборки, конструкция в целом стала намного технологичной и простой в изготовлении, значительно повысилась сопротивляемость снарядам и, соответственно, защита машинно-котельного отделения.

В целом, изменения конструкции и схемы бронирования надо признать удачными в свете увеличения боевых дистанций. Более подробный анализ Цусимского сражения будет сделан в отдельной работе. Здесь скажем только, что «Орел», получивший как минимум более 50 попаданий 152–305 мм снарядами, сумел сохранить в целостности броневой пояс, который ни разу не был пробит. Однако неясными остаются повреждения погибших кораблей серии, а именно – «Александра III» и «Бородино» (так как «Суворов» погиб от торпед). Взрыв в районе правой кормовой башни 152-мм орудий, приведший к гибели «Бородино» после попадания 305-мм снаряда с «Фуджи», по мнению многих специалистов (см., напр., [Балакин, 2013](#); [Белов, 1998](#); [Сулига, 1993, b](#) и др.), является не чем иным, как детонацией боезапаса и в высокой степени вероятности мог быть вызван пробитием верхнего броневого пояса (другая основная версия – попадание горячего осколка в крыйт-камеру башни). Однако прямых подтверждений слабости (недостаточности бронирования) поясов на кораблях типа «Бородино» нет. Прояснить этот вопрос может только обнаружение и изучение потопленных судов, но до сегодняшнего дня такие исследования не проводились. И вновь отметим, что главной причиной их гибели стали вовсе не огрехи конструкции, а совершенно другие обстоятельства...

Помимо «Цесаревича», вторым кораблем, составлявшим наряду с «французом» главную силу и гордость 1-й Тихоокеанской эскадры, был «американец» «Ретвизан» (1900). Экзотичное шведское название, в переводе означающее «Справедливость», корабль получил в честь линкора, который будущий адмирал Р. Кроун захватил в 1790 г. в Выборгском сражении во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг., став пятым и последним кораблем в отечественном флоте с таким именем.

Рис. 8. Эскадренный броненосец «Ретвизан»

Как уже указывалось выше, созданный на основе эскизных чертежей русского эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический», «Ретвизан» получил меньше орудий среднего калибра, олицетворяя пресловутый «британский стандарт» в «обмен» на более высокую по сравнению с прототипом скорость в 18 узлов (вновь соответствуя тому же «стандарту»).

Открытые источники приводят следующие тактико-технические характеристики, которые взяты из технической документации корабля: водоизмещение: 13 106 тонн; длина 117,9 м; ширина 22 м; осадка 7,9 м. Бронирование (крупновесная броня): главный пояс 229 (в центральной части) – 51 (в оконечностях) мм, верхний пояс 152 мм, траверзы 178 мм, башни главного калибра 229 мм, казематы артиллерии среднего калибра 127 мм, барбетты 102–203, рубка 254 мм. Силовая установка: две вертикальные паровые машины тройного расширения, 24 котла Никлосса, мощность 17 600 л.с., 2 винта, скорость хода 17,99 узла, дальность плавания – 8000 морских миль ходом в 10 узлов. Вооружение: главный калибр – четыре 305-мм (в 40 калибров), размещенные спаренно в двух башнях в носу и корме; среднекалиберная артиллерия – двенадцать одиночных 152-мм системы Канэ (в 45 калибров), размещенные в индивидуальных казематах побортно (по шесть с каждого борта;

четыре орудия на главной палубе, два на верхней); противоминная артиллерия состояла из двадцати одиночных не защищенных какой-либо броней (кроме противоосколочных щитов) 75-мм орудий (50 калибров) системы Канэ, а также 30–32 (в разное время) все тех же бесполезных 47-мм и 37-мм пушек (24 и 6–8 соответственно). Столь же бесполезное для линкора минно-торпедное вооружение включало целых шесть 450-мм торпедных аппаратов (в некоторых источниках указывается калибр в 381 мм), по четыре 381-мм торпед и метательных мин для паровых катеров разного типа (56 и 40-футовых соответственно), а также 45 мин заграждения, которые также можно смело отнести к категории взрывоопасного балласта. Экипаж – 750 чел.

Несколько слов следует рассказать о торпедных аппаратах на русских «капитальных» кораблях. Безусловно, они были совершенно не нужны артиллерийским кораблям и были своего рода «запасным игроком»: теоретически, когда в результате «плотного» боя крупно- и среднекалиберные орудия корабля были небоеспособны, а мелкие противоминные пушки не представляли для броненосцев никакой опасности с любой дистанции, вступали в дело «минные» аппараты, хотя бы разовое попадание из которых гарантировало потопление практически любого линкора той эпохи (исключение составляли разве что некоторые французские образцы, а также отечественные «Цесаревич» и серия «Бородино», имевшие полноценную глухую противоминную 40 и 43-мм переборку соответственно). Это была своего рода традиция и, как тогда считали, совершеннейшая необходимость. Однако сложно недооценить ту опасность, которую представляли из себя заряженные надводные торпедные аппараты в артиллерийском бою, особенно с японским флотом, имевшим на вооружении мощнейшие фугасные снаряды. Одно удачное попадание или осколок, по сути, мог привести к огромным разрушениям, а в самом худшем случае даже пустить на дно самого «торпедоносителя». Поэтому (и совершенно обоснованно) в артиллерийском бою торпедные аппараты предпочитали разряжать, храня торпеды в безопасном месте. В результате чего, в случае необходимости, зарядка требовала длительного времени, нивелируя и без того ничтожную полезность данного вида оружия для линейного корабля. Некоторые кораблестроительные школы (в частности, немецкая и английская) предпочитали размещать торпедные аппараты значительно ниже уровня ватерлинии, однако точность стрельбы из размещенных таким образом агрегатов не выдерживала никакой критики, что также, в сущности, делало их бесполезным балластом, «съедающим» как водоизмещение, так и часть экипажа для обслуживания. Как бы то ни было, но ни в Русско-японской, ни в Первой, ни во Второй мировой войне ни один линкор не потопил другой линкор с помощью торпедного оружия.

Еще более бесполезным атавизмом был таран. В одной из статей авторитетный отечественный специалист по истории флота С.А. Балакин с юмором так описывал это оружие «самого ближнего» боя: «Примечательно, что английское слово "gam" в переводе означает не только "таран", но и "баран" – это произошло явно из-за традиции античных кораблестроителей украшать шпироны (античное название тарана на галере – *прим. авторов*) своих триер отлитым из бронзы наконечником в виде головы барана. Поэтому словосочетание "armoured gam" можно перевести и как "броненосный баран". Весьма символично: корабли-тараны нередко вели себя подобно этим животным» (Балакин, 1992; 51). И если во времена Лиссы (сражение 1866 г. в ходе австрийско-итальянской войны) таран был хорош как едва ли не единственный действенный способ пустить противника на дно, адмирал В. фон Тегетгофф деморализовал итальянцев, пустив на дно таранным ударом новейший броненосец «Ре д'Италия», то, начиная с 80-х годов XIX века, от непреднамеренных таранных ударов в результате неосторожного маневрирования больше страдали собственные корабли.

Применительно к Русско-японской и последующим войнам таран полностью изжил себя, так как подпустить к себе вражеский линкор на расстояние таранного удара с нынешним уровнем развития артиллерии было попросту невозможно. В частности, это доказал и сам «Ретвизан», проделав безуспешную попытку тарана (согласно рапорта его капитана Э. Щенсновича), но не доплыв около 17 кабельтовых (см., в частности, Балакин, 1999) до концевого «Ниссина», командир корабля получил тяжелое ранение, потерял на время управление кораблем и в конечном счете от идеи тарана отказался. Но даже теоретически 17 кбт (3,15 км) – слишком большое расстояние для того, чтобы немореходный и тихоходный по факту, но все же крейсер смог без труда вернуться от удара поврежденного броненосца, который из-за подводной пробойны не мог, по мнению того же Щенсновича, развивать больше 13 узлов; да и другие японские корабли вряд ли позволили бы этот таран...

Повторимся, что и торпедные аппараты, и наличие тарана были устоявшейся традицией и присутствовали на всех линейных кораблях того времени без исключения.

В других же аспектах «Ретвизан» без преувеличения можно назвать шедевром, и он по праву является предметом гордости его создателя Крампа.

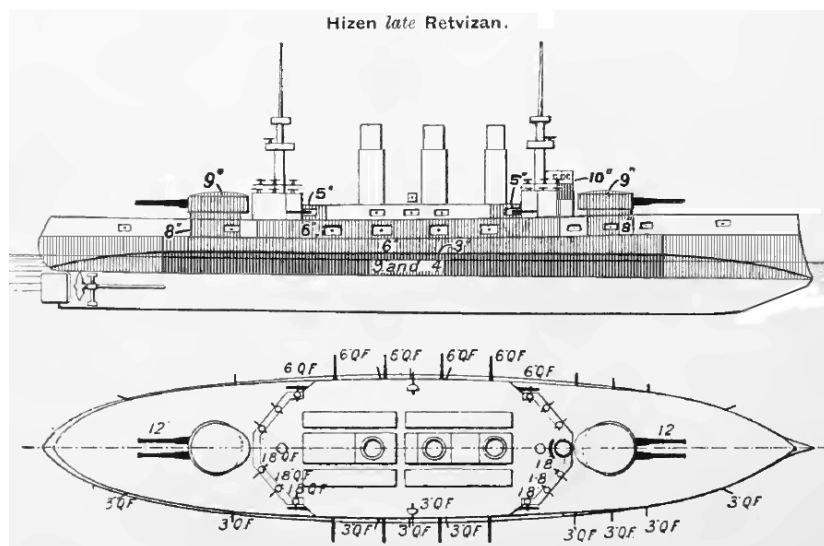

Рис. 9. Схема бронирования «Ретвизана»

Прежде всего, это великолепное соотношение «цена–качество». Как уже было сказано выше, корабль обошелся казне в полтора раза дешевле «Цесаревича» и был построен в полтора раза быстрее, при этом совершенно не уступая ему в боевых качествах. В этой связи нельзя не согласиться с мнением многих историков о том, что в качестве прототипа для будущей большой отечественной серии линкоров надо было брать именно «Ретвизана»; есть большая вероятность того, что в этом случае два–три корабля могли быть готовы до 1903 года и попасть в Порт-Артур одновременно со своим прототипом. Три–четыре «ретвизана» вместе с двумя облегченными «пересветами» даже без учета трех мощных, но устаревших тихоходных «полтав» обеспечили бы паритет с японскими линейными силами.

Другое несомненное достоинство «Ретвизана» – отличная площадь бронирования: по этому показателю он был не только лучшим отечественным кораблем, но и, пожалуй, лучшим в мире среди современных ему линкоров (см. [Рисунок 9](#)). Противофугасное (51 мм) бронирование оконечностей поднималось даже до батарейной палубы и надежно защищало от среднекалиберных фугасов. Несмотря на вырезанные в броне иллюминаторы кубрика, такая схема позволяла в определенной мере сохранить оконечности и, соответственно, скорость хода к концу боя. Соотношение веса брони к водоизмещению судна в 25,9 % было лучшим среди построенных до войны русских линкоров и вплотную приближалось к лучшим броненосцам «английской школы». Толщина брони главного пояса в среднем представляла собой «стандарт» и составляла 229 мм (на «Цесаревиче» – 250 мм), постепенно утончаясь ниже ватерлинии до 127 мм. Однако бортовую броню усиливали сделанные по образцу британских линкоров скосы броневой палубы в 63,5 мм, которые, с учетом невыгодного для снаряда угла встречи, добавляли к защите борта еще примерно 5 дюймов; таким образом, вся защита была эквивалентна 356 мм брони. Выше главного пояса располагался верхний толщиной в 152 мм. Цитадель перекрывалась 178-мм траверсами. Бортовое продолжение цитадели по примеру британских линкоров составляла 127-мм защита казематов 6-дм орудий (против 152-мм защиты башен на «Цесаревиче»), которая простиралась практически от носовой до кормовой рубки. Башни главного калибра защищались 229-мм броней (против 254 мм на «Цесаревиче»), боевая рубка 254 мм. Недостатком схемы бронирования «Ретвизана» стало очень легкое бронирование оконечностей в районе ватерлинии – всего 51 мм, что было недостаточно для защиты от крупнокалиберных 10–12-дм японских фугасов. Этот недостаток проявился в бою в Желтом море, когда японский снаряд пробил броню в носу корабля по правому борту недалеко от ватерлинии, в которую на высоком ходу захлестывалась вода. Но, повторимся, что подобной схемы бронирования придерживалось большинство кораблестроителей того времени; похожее бронирование оконечностей было и у японских броненосцев. Только «Цесаревич» и «Бородино» (равно как и их прототипы – французские броненосцы, построенные по идеям Бергена) не имели этого недочета.

При всех своих достоинствах в бронезащите «Ретвизан» имел достаточно высокий борт и неплохую для линейного корабля мореходность. По этому показателю среди современных русских эскадренных броненосцев он уступал только высокобортным «Цесаревичу», «Бородино» и, возможно, «Потемкину», который имел похожую высоту борта. Несмотря на недобор скорости в 0,1 узел на испытаниях, после поднятия японцами и капитального ремонта корабль развил 18,8 узлов, что было очень неплохим значением; отчасти, это тоже заслуга хороших обводов (даже несмотря на их самую большую в русском флоте полноту в коэф. 0,678) и высокобортности. Конечно, стрельба в шторм из 3-дм и 6-дм орудий, расположенных на главной (батарейной) палубе, вызывала бы

определенные сложности, но они не шли ни в какое сравнение с теми проблемами, которые испытывали японские броненосные крейсера, и отчасти эскадренные броненосцы. Орудия главного калибра и расположенные на уровне верхней палубы четыре 6-дюймовки могли вести огонь совершенно без проблем в любую погоду.

Вооружение корабля было стандартным; к недостаткам, как, впрочем, и на других кораблях, можно отнести армаду малоэффективных 47-мм и 37-мм пушек, без толку нагружающих верхнюю часть корабля и увеличивающих численность команды. В этой же связи нельзя обойти критикой и характерные большинству русских линкоров тяжелые боевые марсы и массивные мачты, ухудшающие остойчивость; хотя «Ретвизан» (в отличие от серии «Бородино») проблем с остойчивостью не имел, но все же повышение метацентрической высоты крайне полезно для любого судна.

Таким образом, эскадренный броненосец «Ретвизан» оказался идеальным соотношением цена/качество/скорость постройки в русском флоте. Применительно к конкретному противнику слабо бронированные оконечности не стали фатальной проблемой в бою. Вместе с тем, по несчастливой случайности либо недостаткам конструкции, броненосец к концу боя в Желтом море был в более тяжелом состоянии, нежели получивший больше попаданий «Цесаревич»: носовая башня не действовала и значительная часть 6-дм орудий вышла из строя (в том числе и по причине слабых подъемных шестерен и станков, не рассчитанных на высокий угол возвышения, чем «прославилась» применявшаяся в русском флоте не очень удачная французская орудийная система Канэ; британские орудия системы Армстронга, использовавшиеся в японском флоте, в этом плане были значительно более надежными).

В 1-й Тихоокеанской эскадре находились также и два броненосца типа «Пересвет». Как было указано выше, эти «броненосцы-крейсера» были отнесены нами к классу броненосных крейсеров в силу их первоочередной рейдерской составляющей и проанализированы в предыдущей статье, посвященной броненосным крейсерам Русско-японской войны. Поэтому в данной статье, посвященной «полноценным» «артурским» эскадренным броненосцам, исследовать их тактико-технические характеристики мы не будем.

Наконец, в Порт-Артуре к моменту начала войны находились еще три уже прилично морально устаревших броненосца, но с вполне «полноценной» артиллерией. Речь идет о трех кораблях типа «Полтава» (1894): головной корабль, а также несколько отличающихся бронированием «Петропавловск» (1894) и «Севастополь» (1895). В отличие от «пересветов» линкоры типа «Полтава» проектировались как самые «настоящие» эскадренные броненосцы, предназначенные для «плотного» боя в линии на небольших дистанциях. Из-за характерной формы эти тихоходные корабли, якобы с «легкой руки» С.О. Макарова, получили во флоте прозвище «утюгов».

В открытых источниках приводятся следующие тактико-технические характеристики, взятые из дореволюционной документации. Водоизмещение: 11 500 тонн; длина 112,5 м; ширина 21,3 м; осадка 8,6 м. Силовая установка: две вертикальные паровые машины тройного расширения, 14 котлов огнетрубных цилиндрических котлов, мощность машин: «Полтава» – 11 255 л.с., «Петропавловск» – 11 213 л.с., «Севастополь» – 9 368 л.с.; 2 винта. Скорость хода тоже различалась: «Полтава» и «Петропавловск», имевшие машины английского производства, показали на испытаниях среднюю скорость в 16,3 и 16,4 узла соответственно; «Севастополь», имевший машины отечественного производства, смог развить лишь 15,3 узла. Дальность плавания кораблей, вероятно, тоже различалась, так как данные о запасах угля сильно варьируются, но в среднем определяется историками в 3750 морских миль ходом в 10 узлов (см., напр., Сулига, 1993, а).

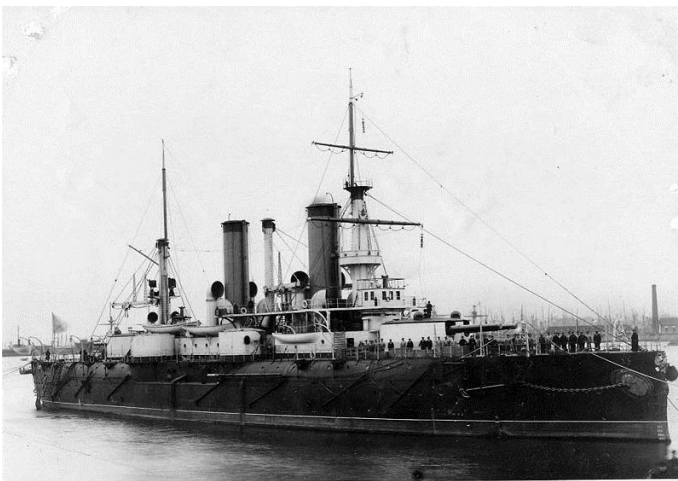

Рис. 10. Эскадренный броненосец «Полтава»

Информация о бронировании противоречива (схема приведена на рис. 11): во время строительства «полтав» произошли новшества в производстве броневой стали, поэтому с первоначально предусматриваемой проектом хромо-никелевой брони корабли оснастили броней, закаленной по способу Гарвея, а после вскоре появившегося способа закалки, изобретенной Круппом, более дешевого и более эффективного, и «крупшовской» броней. Поэтому на «полтавах» использовалась как «крупшовская», так и «гарвеированная» броня, причем толщина ее также варьировалась в зависимости от корабля. В частности, центральная часть пояса головной «Полтавы» имела «крупшовскую» броню в 368 мм, под водой утончавшуюся до 184 мм; далее к носу и корме шли более тонкие плиты в 254 мм в надводной и 127 мм в подводной части. Короткий верхний пояс состоял из сталеникелевой брони толщиной в 127 мм: для близких и средних дистанций против 10–12-дм снарядов «прозрачный», но дающий относительно неплохую защиту против среднекалиберных боеприпасов.

Пояс «Петропавловска» же был толще – 16 дм (406 мм), утончаясь к оконечностям до 12 дм (305 мм), а в подводной части, соответственно, 203 и 152 мм; однако тип брони не ясен. Есть данные о покупке на «Вифлеемском заводе» (Bethlehem Iron Company) в США 406-мм плит, закаленных по способу Гарвея; однако в испытаниях на Охтинском полигоне в 1895 году обстреливали 406-мм сталеникелевую плиту Ижорского завода, предназначенную для «Петропавловска»; одновременно с ней испытывали и 368-мм «гарвеированную» плиту для «Севастополя». Поэтому есть основания предполагать, что центральная часть «Петропавловска» могла иметь и американские «гарвеированные», и ижорские сталеникелевые плиты.

«Севастополь» имел толщину брони, аналогичную «Полтаве»: центральная часть защищалась более стойкой «гарвеированной» броней, плиты ближе к оконечностям были сталеникелевыми.

Рубка на всех кораблях была защищена 229-мм сталеникелевой броней, башни и барбеты орудий главного калибра 254-мм листами («Полтава» – броня Круша и Гарвея, «Петропавловск» и «Севастополь» – сталеникелевая), башни и барбеты 6-дм орудий – 127-мм листами сталеникелевой брони. Казематы 6-дм орудий первоначально не имели брони, однако с началом войны их зашили 76-мм железными листами.

Исходя из приведенного анализа, можно сделать вывод, что лучше всех был защищен головной корабль серии, построенный с применением наиболее прочной – крупшовской – брони. На «втором месте» был «Петропавловск» с наиболее толстой, но с более слабой «гарвеированной» броней (впережку со сталеникелевыми плитами); на последнем месте – последний корабль серии «Севастополь» с наиболее слабой сталеникелевой броней (в впережку с «гарвеированной»). Подробные данные о бронировании приводит известный отечественный историк флота (и титулованный судомоделист) С.В. Сулига (Сулига, 1993а).

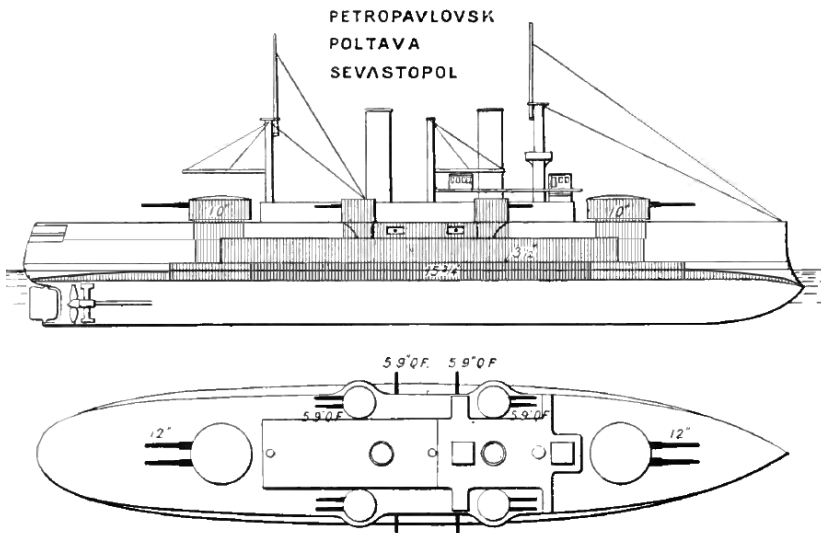

Рис. 11. Схема бронирования броненосцев типа «Полтава»

Прообразом «полтав» послужил русский линкор «Император Николай I» (также участник Русско-японской войны, доблестно сражавшийся в Цусимском сражении и по иронии судьбы нанеся из своих старых недалёкобойных «короткоствольных» орудий главного калибра наибольший урон противнику).

Однако многие перспективные, и весьма верные, решения «Николая I» на «полтавах» почему-то «забыли»; прежде всего, это касается полной защиты ватерлинии. В отличие от «Николая», броненосцы «Полтава» являлись «традиционным» типом «цитадельных» линкоров 1880-х годов.

Имея непробиваемую (в буквальном смысле слова!) так называемую «поясную цитадель» – среднюю часть, защищенную очень толстым слоем брони (как указывалось выше, от 368 мм на «Полтаве» и «Севастополе» до 406 мм на «Петропавловске»), – корабли не имели бортового бронирования в оконечностях. В середине второй половины XIX века это было оправданно: мощные и с огромным, вплоть до полуметра, калибром орудия делали в реальных условиях один выстрел в четыре–пять минут, поэтому попадания были редкими и весьма разрушительными. В этих условиях конструкторы старались по максимуму защитить лишь наиболее важные части корабля, позволяющие сохранить боеспособность – котлы, машины, боевую рубку и орудия главного калибра. К слову, подобная схема вернулась спустя полвека (к 30–40-м годам XX века), когда пробивная способность 16-дюймовых линкорных пушек значительно превзошла толщину поясной брони; также из 80-х годов XIX века вернулся конструкторский фразеологизм «все или ничего», обозначавший соответствующую «философию» защиты (классическим ее примером могут служить японские линейные корабли типа «Ямато» (1940). Однако с появлением в начале 90-х годов XIX в. скорострельной патронной артиллерии среднего калибра схема бронирования «все или ничего» разом устарела: град небольших снарядов разбивал небронированные оконечности линкора, что приводило к его потоплению, так как «цитадель» не обеспечивала непотопляемости корабля. Гипотетический бой одного из первых бронированных цитадельных «монстров» – итальянского броненосца типа «Кайо Дуилио» (1880) с рекордной толщиной цитадельной брони в 550 мм (у «Ямато» – 410 мм!) и орудиями главного калибра в 450 мм (лишь одно попадание которого в свое время могло отправить на дно любой корабль) – с построенным на десять лет позже японским легким крейсером типа «Чиода» (1890) с броней в 114 мм и скорострельными 120-мм орудиями могла закончиться плачевно именно для первого. Поэтому схема бронирования «Николая I», пусть с тонким в оконечностях (102-мм), но полным поясным бронированием в морской войне начала XX века выглядела куда более предпочтительно, нежели непробиваемая цитадельная, но с «голыми» оконечностями на «полтавах». И особенно справедливо это утверждение в отношении противостояния с будущим противником – японским флотом, так как бронебойные снаряды его орудий имели повышенную «сверх нормы» фугасность и, как следствие, весьма низкое бронепробитие (к сожалению, это выяснилось уже «на практике» – в ходе боевых действий). Бронирование башен главной артиллерии в 254 мм было хорошим, средней артиллерии в 127 мм – весьма посредственным. Рубка имела 229 мм броню, что было несколько хуже «британского» стандарта. 127-мм верхний пояс был скорее «противофугасным» и защищал лишь центральную часть корабля.

Артиллерия представляла созданный британцами «стандарт» и включала четыре 305-мм орудий главного калибра и двенадцать 152-мм орудий среднего калибра. Однако дизайн расположения среднекалиберной артиллерии был для русского флота революционным. Восемь из двенадцати пушек располагались попарно в четырех башнях, по две с каждого борта (см. [Рисунок 11](#)). Несмотря на более низкую скорострельность башенных орудий по сравнению с казематными, очевидным преимуществом стали огромные углы обстрела и «круговая» защищенность. Именно это обстоятельство и позволило двум концевым «полтавам» в завершающей стадии боя в Желтом море постоянно держать под огнем японский флагман, причинив ему к концу сражения весьма значительный урон; в частности, казематные орудия идущих перед «полтавами» «пересветов» такой возможности не имели. В том числе и это обстоятельство не дало возможности японскому адмиралу С. Дэва, командующему отрядом крейсеров, поставить отстающую «Полтаву» под перекрестный огонь. Практика и дальнейшая история судостроения всецело подтвердили верность башенной схемы расположения средней артиллерии: лучшие линейные корабли эпохи Второй мировой войны – венец развития мирового линкоростроения – имели исключительно башенное расположение среднекалиберных орудий.

Однако огромное количество малокалиберных пушек даже в конце 90-х годов XIX века выглядело явным атавизмом. Наиболее популярный в начале XX века трехдюймовый противоминный калибр (75 мм) на «полтавах» не использовался. Вместо него инженеры в носу и корме разместили множество (40 штук!) 47-мм и 37-мм орудий, удовлетворительно эффективных против 30–100-тонных миноносцев и миноносок, но совершенно бесполезных против новых 350–450-тонных эсминцев. Впрочем, такое решение можно оправдать тем, что проектировались корабли в самом начале 90-х годов XIX века, когда миноносцев более чем в 100 тонн и не было вовсе. Причем и зарубежные конструкторы в этом плане «недалеко ушли» от российских: например, на современных «полтавах» их японских визави «Фуджи» (1896) и «Яшима» (1896) мелких пушек было двадцать четыре (как 47-мм английских «трехфунтовок», так и 37-мм 2,5-фунтовых). Британские «Ройял Соверен» (1891) несли двенадцать 47-мм 3-фн и шестнадцать 57-мм 6-фн орудий. Осознание бесполезности мелких пушек против перспективных «дестройеров» у британцев пришло лишь с линкорами типа «Маджестик», на которых противоминный калибр был значительно увеличен до «стандарта» в 3-дм (16 орудий); однако при этом «бесполезных» 47-миллиметровок оставалось целых 12 штук! Поэтому упрек отечественным кораблям нельзя всецело назвать справедливым.

Пожалуй, схожая ситуация и с низкой скоростью «полтав». Развивая от 15,3 («Севастополь») до 16,5 («Полтава») узлов, корабли предназначались для «ломания» противника, а не «элегантного

маневрирования». Не будут упреком в адрес русских корабелов слова о том, что они в этом отношении следовали зарубежным тенденциям, прежде всего с оглядкой на «владычицу морей». Так, английские современники класса «главная сила флота» «Ройял Соверен» и «Маджестик» развивали соответственно около 15,5 и 16 уз. (заводские данные «Маджестика» – 17 узлов при форсированном дутье были в буквальном смысле слова «раздуты», так как получены в идеальных условиях и при значительном «недогрузе», а также могли привести к повреждению котлов, поэтому в реальной эксплуатации никогда не достигались). Вместе с тем первый «звоночек» прозвучал раньше закладки «полтав», но услышан русским Адмиралтейством, к сожалению, не был. Предшественники «Маджестиков», быстроходные броненосцы 2 класса типа «Центурион» (1892), имели проектный ход в 18 узлов; в недалеком будущем – очередной «британский стандарт», который продержался аж до 1906 года и знаменитого «Дредноута». Японцы, в свою очередь, этот «звонок» слышали: делая заказ практически однотипных «Фуджи» и «Яшимы» в 1894 году, они «настояли» на проектной скорости в 18 узлов.

И, пожалуй, есть определенная доля справедливости в тезисе о том, что именно низкая скорость «Севастополя» и «Полтавы» в бою в Желтом море привела к поражению и, соответственно, невыполнению главной боевой задачи – прорыва эскадры во Владивосток. Помноженная на очень посредственную мореходность вследствие низкобортности, тихоходность «полтав» привела к тому, что лишь во второй половине боя Витгефт дал приказ увеличить ход до 13 узлов, и то лишь после того, как Того «промахнулся» с маневром, «выпустил» русскую эскадру и появился шанс «выскользнуть». Очевидно, что далеко не только боязнь за продольную переборку «Ретвизана» была причиной низкого хода русской эскадры (корабль накануне сражения получил подводную пробоину, которую не успели заделать как следует, на большой скорости давление воды, свободно «гулявшей» в отсеке, могло «выдавить» переборку, даже несмотря на установленные металлические и деревянные подпорки; однако, по словам очевидцев, после гибели Витгефта командир «Ретвизана» удирал в Порт-Артур на «очень приличной скорости», невзирая ни на какие переборки...). В условиях спокойного моря даже 13 узлов давались «полтавам» с огромным трудом, и оба корабля начали отставать, вынуждая Витгефта снижать скорость эскадры, чтобы «старички» смогли догнать ее. Даже если бы они могли идти своим «паспортным» ходом в 15 узлов (к слову, наиболее мореходный из всей тройцы «Петропавловск» на испытаниях даже без форсировки котлов достиг максимальных 16,86 узлов), этого вполне должно было хватить для того, чтобы вырваться из «окружения» до наступления темноты.

На совещании офицеров перед прорывом командир «Севастополя» Н.О. Эссен активно продвигал идею о необходимости пожертвовать тихоходами для спасения эскадры. Предлагалось первоначально отправить их для демонстрации к Дальнему Востоку, а потом по возможности добираться или в нейтральные порты, или во Владивосток, «располовинив», таким образом, и без того небольшие линейные силы японцев. Многочисленные же японские броненосные крейсера для «полтав» не были слишком уж серьезной проблемой. Однако Витгефт, в лучших флотских традициях «своих не бросаю», на это не согласился, хотя и прекрасно понимал, что скорость эскадры определяется наиболее тихоходным ее кораблем. В итоге общая скорость эскадры упала с теоретических 16–17 до практических 12–13 узлов (причем еще до того, как случайный осколок во второй фазе боя повредил подшипник левого гребного вала «Полтавы», снизив ее скорость еще больше). В конечном счете эта нехватка 3–4 узлов тактически и определила исход сражения.

Даже с учетом некоторых концептуальных недостатков на момент закладки корабля типа «Полтава» были самыми сильными линкорами в мире. Но, строясь неприлично долго (8 лет: заложены в 1892 году, вступили в строй в 1900 году), они пополнили ряды флота уже морально устаревшими: с «неправильной» защитой, низкой скоростью и слабой, по меркам современных линкоров, мореходностью. Лишь вооружение было на уровне тогдашнего «стандарта» (за исключением бесполезной малокалиберной противоминной артиллерии). Несмотря на это, все корабли данного типа оказались очень эффективными и в этом плане могли поспорить даже с одним из лучших броненосцев тех лет – «Ретвизаном» (не говоря уже о серии линкоров «Бородино»). Даже «Петропавловск», погибший через два месяца после начала войны, 31 марта 1904 года, в бою 27 января 1904 г. у Порт-Артура активно пытался сблизиться с куда более сильными японскими судами во главе с «Микасой», выпустив 20 снарядов главного калибра и получив три попадания (два из которых – 12-дюймовыми снарядами). Вице-адмирал О. Старк явно пытался взять реванш за позорно проведенную предшествующую ночь, даже без лучших своих кораблей и значительно уступая японцам в силе. Тут и появились первые данные о слабом бронепробитии японских снарядов, обладавших повышенным номинальным количеством и без того очень сильного взрывчатого вещества («шимозе»): 305-мм боеприпас не смог пробить 127-мм сталеникелевую плиту барбета, защищавшую механизм правой носовой башни «шестидюймовок» «Петропавловска». Вместе с тем выяснилась и их чудовищная разрушительная сила против небронированных частей корабля и экипажа – второй 12-дюймовый снаряд попал в носовую часть левого борта, разворотив на огромной площади бортовую обшивку, убив одного и ранив четырех человек. С учетом той пользы, которую принесли корабли типа «Полтава» в бою 28 июля 1904 г. в Желтом море, остается только досадовать,

что «Петропавловск» бесславно погиб на минах и не смог поучаствовать в артиллерийском противостоянии в первой из двух генеральных морских битв этой войны; окажись такая возможность, и идущий концевым корабль с наиболее толстой из всех отечественных броненосцев броней и ведомый одним из лучших экипажей русского флота, он бы вполне мог изменить общий исход сражения. Что касается «Севастополя» с «Полтавой», то больше, чем они, в бою в Желтом море сделал разве что «Цесаревич». В «Полтаву» попало по меньшей мере десять 305-мм снарядов, однако корабль смог сохранить ход и боеспособность артиллерии главного калибра. «Севастополь» под командованием одного из лучших капитанов Русско-японской войны – капранга Николая Оттовича Эссена – также сохранил боеспособность, получив значительно меньше попаданий и, соответственно, повреждений. Между тем, по словам японских моряков, именно «Полтава» с «Севастополем» нанесли их кораблям наиболее серьезный урон, особенно головному «Микасе», которого Х. Того в завершающей стадии боя вынужденно заставил пройти под огнем всех броненосцев Витгефта. Представляется, что японцы не лукавили: по результатам довоенных тренировочных стрельб комендоры «полтав» были лучшими в русском флоте...

Говоря о русских броненосцах начала века, нельзя обойти вниманием один весьма незаурядный корабль, который хотя и не принимал участие в Русско-японской войне, но оказал прямое влияние на создание прекрасного «Ретвизана». Речь идет о черноморском эскадренном броненосце «Князь Потемкин-Таврический» (1900). Без преувеличения можно сказать, что его автор – полковник Корпуса корабельных инженеров Александр Эрнестович Шотт – создал шедевр; более того, помог создать другой шедевр Крампу. Не исключено, что вновь именно неприлично долгая 8-летняя постройка привела к тому, что и этот корабль не попал на Дальний Восток (хотя изначально этого и не планировалось: «Потемкин» создавался совершенно для другого театра боевых действий и имел отличную от других современных русских эскадренных броненосцев «философию»).

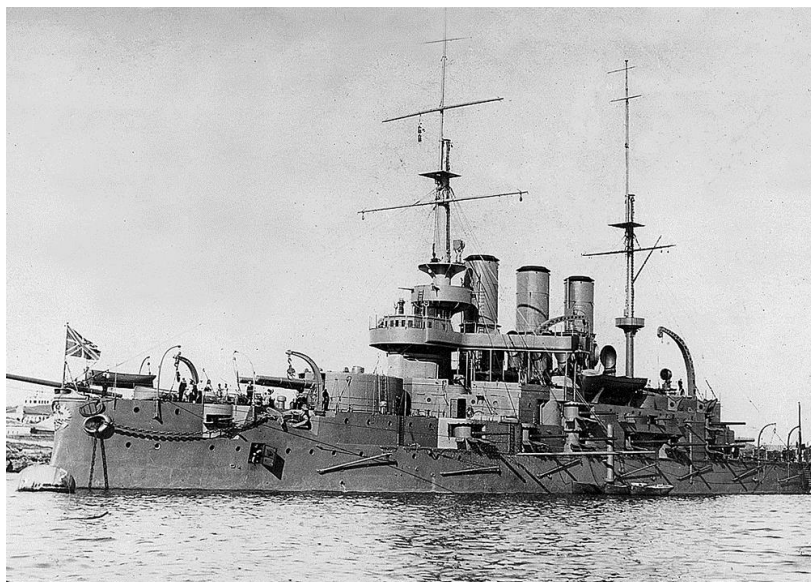

Рис. 12. Эскадренный броненосец «Князь Потемкин-Таврический»

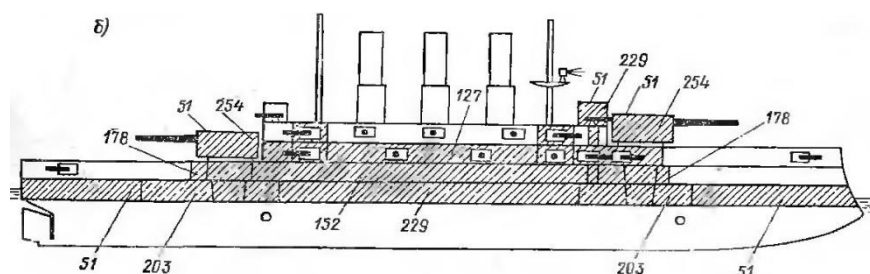

Рис. 13. Схема бронирования эскадренного броненосца «Князь Потемкин-Таврический»

Прежде всего корабль имел великолепное по площади бронирование, уступая в этом элементе разве что «Ретвизану» (см. [Рисунок 13](#)). Толщина «крупновской» брони представляла собой тогдашний «стандарт», ни в чем не уступала ни «Ретвизану», ни даже «Цесаревичу» и даже превосходила линкоры типа «Бородино». 6-дм орудия батарейной палубы располагались высоко над

водой, а их количеству – 16 штук – могли позавидовать даже японские корабли, имея в своем распоряжении лишь 14 орудий, 10 из которых были низко расположены к линии воды. Причем орудия располагались в казематах, а не башнях, что давало им превосходную практическую скорострельность. По весу залпа артиллерии главного и среднего калибров «Потемкин» был однозначным лидером среди всех русских линкоров, построенных до Русско-японской войны.

На разных исторических и околоисторических форумах, а также и в других солидных изданиях фигурирует мысль о том, что «Потемкин» при должной прозорливости Главного морского штаба и проворности чиновников военной судостроительной промышленности должен был непременно идти на Дальний Восток и участвовать в Русско-японской войне. Также говорится и о том, что с учетом того, что строительство корабля было начато на три (!) года раньше, чем серии «Бородино», необходимо было все ресурсы бросить на достройку «Потемкина», и тогда это позволило бы попасть ему в Порт-Артур никак не позднее «Цесаревича». В качестве доводов упоминается относительно высокая степень готовности корабля к началу 1903 года и его прекрасное вооружение и бронирование, которое «идеально» подходило к конкретному противнику – японскому флоту, не имеющему «пробивных» снарядов.

В этой же связи упоминается и мысль о том, что эскадренный броненосец «Александр III», введенный в строй осенью 1903 года, также вместе с отремонтированным «Ослябей», «Авророй» и рядом других судов, должен был отдельным отрядом идти на Дальний Восток.

Корни подобных идей уходят еще в дореволюционное прошлое, а именно – «послецусимскую» и «послепортсмутскую» истерию, когда только ленивый не обвинял Адмиралтейство, чиновничество и императора лично в поражении России.

И если с мыслью о необходимости экстренного ускорения строительства «Александра III», введения его в строй значительно ранее 12 октября 1903 года и отправки в Порт-Артур вместе с отрядом контр-адмирала А.А. Вирениуса мы частично согласны (и то лишь в очень небольшой степени – причины изложены выше), то ускорение строительства и отправка на Дальний Восток «Потемкина» выглядит, по нашему мнению, не более чем околоисторической фантазией писателей, совершенно незнакомых с материальной частью судна. «Потемкин» создавался исключительно для ограниченного театра военных действий, каковым является Черное море. Вследствие этого он имел малую автономность (14 суток) и отопление котлов нефтью, которую очень легко было доставить в Севастополь и крайне сложно – в Порт-Артур. Поэтому значительным препятствием для перехода стали бы прежде всего котлы с нефтяным отоплением: инфраструктура и необходимое количество танкеров отсутствовали. Еще сложнее дела с поставками нефти обстояли бы в Артуре: море японцы полностью контролировали, а доставлять нефть по суше, особенно в условиях блокады, было невозможно в принципе. Осознавая это, военно-морское руководство совершенно обоснованно, не торопясь, достраивало и не включило великолепный первоклассный корабль в список судов, отправлявшихся на Дальний Восток в составе второго (Черноморского) эшелона, который должен был присоединиться к кораблям первого (Балтийского) эшелона 3-й Тихоокеанской эскадры под командованием контр-адмирала Н.И. Небогатова, предпочтя «Потемкину» еще строящийся эскадренный броненосец «Слава» (тип «Бородино») и безнадежно устаревшие броненосец «Император Александр II», броненосный крейсер «Память Азова» и легкий крейсер «Адмирал Корнилов».

5. Заключение

Подытоживая сказанное, отметим ключевые моменты, обозначенные выше:

- 1-я Тихоокеанская эскадра и в тактическом отношении, и в материальной части незначительно, но уступала линейным силам Тейкоку Кайгун. Японские линкоры – «Макаса», «Асахи», «Шикишима», «Хатсусе», а также более ранние и уже несколько устаревшие «Фуджи» и «Яшима» – были значительно более единообразны (анализу японских эскадренных броненосцев будет посвящена отдельная статья) и, главное, как показала практика, могли поддерживать единый, достаточно высокий эскадренный ход. И если «Цесаревич» с «Ретвизаном» не уступали в чем-либо лучшим японским кораблям, то корабли типа «Пересвет» были облегченными броненосцами и в составе эскадры не могли на равных бороться даже с «Фуджи», чьи 12-дм орудия были более опасны для «пересветов», нежели 10-дм орудия наших кораблей указанным японским; в этом противостоянии вряд ли помогла бы даже броневая защита средней артиллерии у русских кораблей при отсутствии таковой на «Фуджи» и «Яшима».

Следовательно, на момент начала войны с учетом имеющихся в Порт-Артуре сил русскому адмиралтейству было невозможно выставить адекватный японскому линейному флоту тактический отряд: четыре быстроходных русских броненосца неизбежно проигрывали бы шести японским. Исходя из этого, включение в состав отряда трех тихоходных линкоров типа «Полтава» было совершеннейшей необходимостью для того, чтобы иметь шанс на победу в генеральном сражении (условия необходимости прорыва, которые сложились к концу июля 1904 года – бою в Желтом море), не являясь предметом исследования данной статьи и поэтому нами не рассматриваются).

2. Включение в один линейный отряд тихоходных «полтав» вместе с быстроходными броненосцами снижало его среднюю скорость с 16–17 узлов до 12–13 узлов, всецело отдавая инициативу Тейкоку Кайгун и создавая тактические условия, аналогичные сражению в Желтом море. Но в начале войны 20 двенадцатидюймовых, 8 десятидюймовых и 82 шестидюймовых (хотя можно смело указывать цифру 80 – «погонные» пушки «пересветов» в эскадренном бою были бы совершенно бесполезны) орудий русского отряда противостояли 24 двенадцатидюймовым и 76 шестидюймовым орудиям японского отряда, т.е. силы были практически равны. Учитывая результаты битвы 28 июля 1904 года (линейному отряду В. Витгефта в 15 двенадцатидюймовых, 8 десятидюймовых и 66 шестидюймовых орудий противостоял 1-й броненосный отряд Х. Того в 16 двенадцатидюймовых, 1 десятидюймовый, 6 восьмидюймовых и 80 шестидюймовых орудий; перевес, особенно в среднекалиберной артиллерии, имеет уже японская сторона), в которой материальная часть японского флота пострадала более значительно, чем русского, дает вполне осязаемые шансы на успех. Нельзя не отметить и тот факт, что в начале войны не было во то давлению, которое оказывала необходимость прорыва во Владивосток с сопутствующими запасами угля, воды, наличие «пожароопасных» шлюпок и пр.; запасы были бы лишь в расчете на один дневной бой, что крайне позитивно сказалось бы, прежде всего, на русских «пересветах».

Излишне говорить о том, какие преимущества получил бы флот, если бы не случилась оказия с броненосцем «Ослябя», который не попал в Порт-Артур по чистой случайности, и безмятежность русского адмиралтейства, которая привела к тому, что «Александр III» и теоретически, и практически мог бы оказаться на Дальнем Востоке задолго до января 1904 года. В этом случае сложно сомневаться в успехе генерального сражения с Тейкоку Кайгун и исходе всей войны.

Вместе с тем теоретические рассуждения русского командования полностью разбились о хитрость и вероломство японских адмиралов, которые мастерски устроили минную атаку в первую ночь необъявленной войны и вывели из строя два лучших российских корабля, в результате чего на период всей войны русский флот фактически утратил инициативу и находился в позиции «догоняющего», однако «догнать» упущенные возможности так и не сумел.

7. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда «Войны и население юга России в XVIII – начале XXI вв.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

- Балакин, 1992** – Балакин С.А. Оружие против своих. Морская коллекция // *Моделист-конструктор*. 1992. № 3. С. 51-53.
- Балакин, 1995** – Балакин С.А. ВМС Великобритании 1914–1918 гг. Москва: Моделист-конструктор, 1995.
- Балакин, 1999** – Балакин С.А. Броненосец «Ретвизан». СПб., 1999.
- Балакин, 2013** – Балакин С.А. Триумфаторы Цусимы: Броненосцы японского флота. М.: «Эксмо», 2013.
- Белов, 1998** – Белов А.А. Броненосцы Японии. М.: «Санкт-Петербург», 1998.
- Белов, 1998** – Белов А.А. Броненосцы Японии. М.: ООО «АНТТ-Принт», 1998.
- Брокгауз, Ефрон, 1890–1907** – Японско-русская война 1904–1905 г. // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- Бубнов, 1907** – Бубнов М.В. Порт-Артур. Воспоминания о деятельности 1-й Тихоокеанской эскадры и морских команд на берегу во время осады Порт-Артура в 1904 г. СПб., 1907. 292 с.
- Быков, 2003** – Быков П.Д. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. 2-е изд. М.: Эксмо, 2003. 672 с.
- Золотарев, Козлов, 2004** – Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX веков, глава Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: АСТ, 2004.
- Кокцинский, 2002** – Кокцинский И.М. Морские бои и сражения Русско-японской войны, или причина поражения: кризис управления. 2-е изд. Фонд Андрея Первозванного, 2002. 436 с.
- Костенко, 1955** – Костенко В.П. На «Орле» в Цусиме. Л.: Судпромгиз, 1955.
- Кофман, 1995** – Кофман В.Л. Броненосные крейсера типа «Гарибальди» / Морская коллекция // *Моделист-конструктор*. 1995. № 8.
- Крестьянинов, Молодцов, 1998** – Крестьянинов В.Я., Молодцов С.В. Броненосцы типа «Пересвет» // *Морская коллекция*. 1998. № 1 (19). Броненосцы типа "Пересвет". [Электронный ресурс]. URL: www.ozon.ru (дата обращения 29.10.2018).
- Лактионов, 2004** – Лактионов А. Русско-японская война. Осада и падение Порт-Артура. 2-е изд. М.: АСТ, 2004. 736 с.
- Макаров, 1943** – Макаров С.О. Рассуждения по вопросам морской тактики. М.: Военмориздат, 1943. С. 12. [Электронный ресурс]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_s001/index.html (дата обращения: 26.10.2018)

- Малов, 2000 – Малов А. «Свифтшур» и «Трайемф» // Наваль коллекция: Сборник. Москва, 2000. № 5 (1). С. 18-29.
- Мельников, 2000 – Мельников Р.М. «Цесаревич». Часть 1. Эскадренный броненосец 1899–1906. СПб., 2000.
- Мельников, 2006 – Мельников Р.М. Броненосцы типа «Пересвет». М.: ООО «Военная книга», 2006. 116 с.
- Мультиатули, Залесский, 2015 – Мультиатули П.В., Залесский К.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М.: Российский институт стратегических исследований, 2015. 816 с.
- Новиков-Прибой, 1977 – Новиков-Прибой А.С. Цусима. М.: «Просвещение», 1977.
- Пикуль, 1989 – Пикуль В.С. Крейсера. М.: «Просвещение», 1989.
- Римский-Корсаков, 1903 – Римский-Корсаков М.Н. Наставление командирам батарей, групп и plutонгов эскадренного броненосца «Пересвет». Порт-Артур, 1903. 158 с.
- Семенов, 1906 – Семенов В.И. Бой при Цусиме. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1906.
- Семенов, 1907 – Семенов В.И. Расплата. СПб.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1907.
- Семенов, 1910 – Семенов В.И. Цена крови. СПб. и М.: Тип. Т-ва М.О. Вольф, 1910.
- Семенов, 1911 – Семенов В.И. Флот и Морское ведомство до Цусимы и после. М.-СПб., 1911. 112 с.
- Советская историческая энциклопедия, 1962–1976 – Советская историческая энциклопедия. В 16 т. М.: «Советская энциклопедия», 1961–1976. Т. 1. С. 379.
- Степанов, 1983 – Степанов А.Н. Порт-Артур. М.: «Просвещение», 1983.
- Сулига, 1993b – Сулига С.В. Корабли Русско-японской войны. М.: Аскольд, 1993.
- Сулига, 1993a – Сулига С.В. Броненосцы типа «Полтава». 1-е изд. М.: Техника-молодежи, 1993.
- Худяков, 1908 – Худяков П.К. Путь к Цусиме. М., 1908.
- Черкасов, 2000 – Черкасов В.Н. Записки артиллерийского офицера броненосца «Пересвет». СПб.: Бахра, 2000. 150 с.
- Campbell, 1978 – Campbell N.J.M. The Battle of Tsu-Shima. Warship. № 5-8 (Prt. 1-4). 1978.
- Klado, 1905 – Klado N. The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell, 1905.
- Mamadaliyev et al., 2018 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905 // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mamadaliyev et al., 2019 – Mamadaliyev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A. On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 51. Is. 1: 380-394.

References

- Balakin, 1992 – Balakin S.A. (1992). Oruzhie protiv svoikh. Morskaya kolleksiya [Weapons against their own. Maritime collection]. *Modelist-konstruktor*. № 3. pp. 51-53. [in Russian]
- Balakin, 1995 – Balakin S.A. (1995). VMS Velikobritanii 1914–1918 gg. [British Navy of 1914–1918]. Moskva: Modelist-konstruktor.
- Balakin, 1999 – Balakin S.A. (1999). Bronenosets «Retvizan» [Battleship “Retvizan”]. SPb. [in Russian]
- Balakin, 2013 – Balakin S.A. (2013). Triumfatory Tsusimy: Bronenostsy yaponskogo flota [The victors of Tsushima: the battleships of the Japanese fleet]. М.: «Eksmo». [in Russian]
- Belov, 1998 – Belov A.A. (1998). Bronenostsy Yaponii [Battleships of Japan]. М.: «Sankt-Peterburg». [in Russian]
- Belov, 1998 – Belov A.A. (1998). Bronenostsy Yaponii [Battleships of Japan]. М.: ООО «АНТТ-Print». [in Russian]
- Brokgauz, Efron, 1890–1907 – Yaponsko-russkaya voina 1904–1905 g. [Japanese-russian war of 1904–1905]. Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona: v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890–1907. [in Russian]
- Bubnov, 1907 – Bubnov M.V. (1907). Port-Artur. Vospominaniya o deyatelnosti 1-i Tikhookeanskoi eskadry i morskikh komand na beregu vo vremya osady Port-Artura v 1904 g. [Port Arthur. Memories of the activities of the 1st Pacific squadron and naval teams on the shore during the siege of Port Arthur in 1904]. SPb. 292 p. [in Russian]
- Bykov, 2003 – Bykov P.D. (2003). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. Deistviya na more [The Russo-japanese War of 1904–1905. Actions at sea]. 2-e izd. М.: Eksmo. 672 p. [in Russian]
- Campbell, 1978 – Campbell N.J.M. (1978). The Battle of Tsu-Shima. Warship. № 5-8 (Prt. 1-4).
- Cherkasov, 2000 – Cherkasov V.N. (2000). Zapiski artilleriiskogo ofitsera bronenosca «Peresvet» [Notes of the artillery officer of the battleship]. SPb.: Bakhkra. 150 p. [in Russian]
- Khudyakov, 1908 – Khudyakov P.K. (1908). Put' k Tsusime [The path to Tsushima]. М. [in Russian]
- Klado, 1905 – Klado N. (1905). The Russian navy in the Russo-Japanese war. London: G. Bell. [in Russian]
- Kofman, 1995 – Kofman V.L. (1995). Bronenosnye kreisera tipa «Garibal'di» [Armored cruisers of "Garibaldi" type]. Morskaya kolleksiya. *Modelist-konstruktor*. № 8. [in Russian]

- Koktsinskii, 2002** – *Koktsinskii I.M.* (2002). Morskije boi i srazheniya Russko-yaponskoi voiny, ili prichina porazheniya: krizis upravleniya [Sea battles and battles of the Russo-japanese War, or the cause of defeat: a crisis of control]. 2-e izd. Fond Andreyeva Pervozvannogo. 436 p. [in Russian]
- Kostenko, 1955** – *Kostenko V.P.* (1955). Na «Orle» v Tsusime [On "Orle" in Tsushima]. L.: Sudpromgiz. [in Russian]
- Krest'yaninov, Molodtsov, 1998** – *Krest'yaninov V.Ya., Molodtsov S.V.* (1998). Bronenostsy tipa «Peresvet» [Battleships of the "Peresvet" type]. Morskaya kolleksiya. № 1 (19). [Elektronnyi resurs]. URL: www.ozon.ru (data obrashcheniya: 29.10.2018). [in Russian]
- Laktionov, 2004** – *Laktionov A.* (2004). Russko-yaponskaya voina. Osada i padenie Port-Artura [The Russian-japanese War. Siege and fall of Port Arthur]. 2-e izd. M.: AST. 736 p. [in Russian]
- Makarov, 1943** – *Makarov S.O.* (1943). Rassuzhdeniya po voprosam morskoi taktiki [Reasoning on naval tactics]. M.: Voenmorizdat. P. 12. [Elektronnyi resurs]. URL: http://militera.lib.ru/science/makarov_soo1/index.html (data obrashcheniya: 26.10.2018) [in Russian]
- Malov, 2000** – *Malov A.* (2000). «Swiftshur» i «Traiemf» ["Swiftshur" and "Triemf"]. *Naval kolleksiya: Sbornik*. Moskva. № 5 (1). pp. 18-29. [in Russian]
- Mamadaliev et al., 2018** – *Mamadaliev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A.* (2018). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 50. Is. 4: 1734-1743.
- Mamadaliev et al., 2019** – *Mamadaliev A.M., Venkov A.V., Miku N.V., Médico A.* (2019). On the Ratio of the Linear Forces of the Russian 1st Pacific and Japanese Squadrons during the Russian-Japanese War of 1904–1905. *Bylye Gody*. Vol. 51. Is. 1: 380-394.
- Mel'nikov, 2000** – *Mel'nikov R.M.* (2000). «Tsesarevich». Chast' 1. Eskadrennyi bronenosets 1899–1906 ["Tzarevich". Part 1. Squadron battleship 1899-1906]. SPb. [in Russian]
- Mel'nikov, 2006** – *Mel'nikov R.M.* (2006). Bronenostsy tipa «Peresvet» [Battleships type "Peresvet"]. M.: OOO «Voennaya kniga». 116 p. [in Russian]
- Mul'tatuli, Zalesskii, 2015** – *Mul'tatuli P.V., Zalesskii K.A.* (2015). Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [The Russo-japanese War of 1904–1905]. M.: Rossiiskii institut strategicheskikh issledovaniy. 816 p. [in Russian]
- Novikov-Priboi, 1977** – *Novikov-Priboi A.S.* (1977). Tsusima [Tsushima]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- Pikul', 1989** – *Pikul' V.S.* (1989). Kreisera [Cruisers]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- Rimskii-Korsakov, 1903** – *Rimskii-Korsakov M.N.* (1903). Nastavlenie komandiram batarei, grupp i plutongov eskadrennogo bronenosca «Peresvet» [Manual to commanders of batteries, groups and plutongs of the squadron battleship "Peresvet"]. Port-Artur. 158 p. [in Russian]
- Semenov, 1906** – *Semenov V.I.* (1906). Boi pri Tsusime [Fight at Tsushima]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Semenov, 1907** – *Semenov V.I.* (1907). Rasplata [Reckoning]. SPb.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Semenov, 1910** – *Semenov V.I.* (1910). Tsena krovi [The price of blood]. SPb. i M.: Tip. T-va M.O. Vol'f. [in Russian]
- Semenov, 1911** – *Semenov V.I.* (1911). Flot i Morskoe vedomstvo do Tsusimy i posle [Fleet and Navy before Tsushima and after]. M.-SPb. 112 p. [in Russian]
- Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya, 1962–1976** – *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya* [Soviet historical encyclopedia]. V 16 t. M.: «Sovetskaya entsiklopediya», 1961–1976. T. 1. P. 379. [in Russian]
- Stepanov, 1983** – *Stepanov A.N.* (1983). Port-Artur [Port Arthur]. M.: «Prosveshchenie». [in Russian]
- Suliga, 1993a** – *Suliga S.V.* (1993). Bronenostsy tipa «Poltava» [Battleships type "Poltava"]. 1-e izd. M.: Tekhnika-molodezhi. [in Russian]
- Suliga, 1993b** – *Suliga C.V.* (1993). Korabli Russko-yaponskoi voiny [Ships of the Russian-japanese war]. M.: Askol'd". [in Russian]
- Zolotarev, Kozlov, 2004** – *Zolotarev V.A., Kozlov I.A.* (2004). Tri stoletiya Rossiiskogo flota, XIX – nachalo XX vekov, glava Russko-yaponskaya voina 1904–1905 gg. [Three centuries of the Russian fleet, XIX – early XX centuries, the head of the Russian-japanese war of 1904–1905]. M.: AST. [in Russian]

О соотношении линейных сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. Русские броненосцы

Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{a, b, *}, Андрей Вадимович Венков ^c,
Наталья Валентиновна Мику ^d, Од Медико ^e

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Южный научный центр Российской академии наук, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Российская Федерация

^e Университет Женевы, Женева, Швейцария

Аннотация. Серия статей посвящена анализу соотношения противостоящих друг другу линейных (броненосных) сил русской 1-й Тихоокеанской и японской эскадр в период Русско-японской войны 1904–1905 годов перед началом боевых действий, освещению тактико-технических характеристик броненосных кораблей и стратегии их использования военно-морским руководством. Также в работе делается попытка оценить шансы на победу 1-й Тихоокеанской эскадры с учетом ее боевых возможностей накануне войны в условиях генерального сражения.

В данной статье анализируются тактико-технические элементы главной силы флота – линейных кораблей российского флота: эскадренных броненосцев «Цесаревич», «Ретвизан», типа «Полтава». Также вкратце дается анализ и линкоров типа «Бородино», которые хоть и не находились в 1-й Тихоокеанской эскадре, но создавались именно для Дальнего Востока и противостояния с японским флотом. Несколько слов посвящено эскадренному броненосцу «Князь Потемкин-Таврический» – кораблю, который не участвовал и не планировался для участия в Русско-японской войне, но послужил прообразом линкора «Ретвизан».

Ключевые слова: военно-морской флот, «дальневосточный вопрос», Русско-японская война, 1-я Тихоокеанская эскадра, русский флот, японский флот, русские броненосцы, линейный корабль, линкор, броненосец, эскадренный броненосец, линейные силы флота.

* Корреспондирующий автор

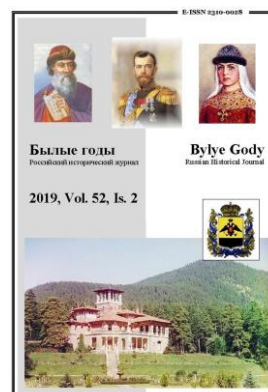
Адреса электронной почты: anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 873-879. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.873
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Activities of the Novorossiysk Committee of the Union of Railwaymen during the First Russian Revolution

Konstantin V. Taran ^{a, b, *}, Pavel A. Byshkov ^c

^a International Network Center for Fundamental and Applied Research, Washington, USA

^b Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

^c Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

Abstract

The article discusses the activities of the Novorossiysk Committee of the Union of railwaymen in the period of the First Russian revolution.

There were used as materials the archival documents of central and regional archives: the state archive of the Russian Federation, the Russian state archive of socio-political history, the State archive of the Krasnodar Krai, the Documentation center for modern history of the Krasnodar Krai, the Archive department of the Sochi city administration and the museum of the history of the resort city of Sochi.

In conclusion, the authors state that the committee (bureau) of the Union Railway, created in Novorossiysk in October 1905, was aimed at improving the socio-economic condition of railway workers. The social democrats and the socialist revolutionaries of Novorossiysk systematically tried to draw the railroad staff into the revolutionary process, because of this, the resolutions of the railway union committee took a political character, condemned the actions of the autocracy.

Keywords: First Russian revolution, Black Sea Governorate, Union of railwaymen, 1904–1905.

1. Введение

В конце XIX – начале XX вв. правительство Российской империи принимает курс на индустриализацию, при этом не был решен аграрный вопрос, нарастало рабочее движение и следовали поражения в войне против Японии. Одновременно с этим в стране увеличивался революционный террор, а расстрел демонстрации трудящихся 9 января 1905 г. в Санкт-Петербурге способствовал нарастанию революционных настроений. В сложной внутренней политической обстановке происходит активное создание и становление общественно-политических движений, различных политических направлений.

В апреле 1905 г. представители интеллигенции из числа железнодорожных служащих создали Всероссийский железнодорожный союз (далее – ВЖС), в котором преобладало влияние социалистов-революционеров и либералов. Созданию ВЖС способствовал циркуляр министра путей сообщения от 8 февраля 1905 г., который отменял все завоевания предыдущих железнодорожных забастовок (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 8). После публикации царского манифеста в октябре 1905 г. служащими и рабочими новороссийской железной дороги создается комитет (бюро) Союза железнодорожников.

В связи с тем, что эта тема нами уже рассматривалась (Taran, 2014; Taran, Kurbanov, 2018; Taran, 2014a; Taran, 2015; Taran et al., 2016; Taran et al., 2017), цель данной статьи более подробно раскрыть деятельность комитета (бюро) Союза новороссийских железнодорожников с момента образования и до прекращения деятельности (октябрь–декабрь 1905 г.).

* Corresponding author

E-mail addresses: taran.constantin@yandex.ru (K.V. Taran)

2. Материалы и методы

В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Краснодарского края (ГАКК), Центра документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК), Архивного отдела Администрации города Сочи (АОАГС) и музея истории города-курорта Сочи (МИГКС).

Методологическую основу составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, а также критическое отношение к источникам. Использован конкретно-исторический подход, позволяющий вписать конкретную принимающую модель местного армянского сообщества в контекст социальной истории XX века. Историко-антропологический подход позволил выявить способы и формы социальной деятельности армянских политических организаций.

3. Обсуждение и результаты

Царский манифест от 17 октября 1905 г. даровал населению страны политические преобразования, в которых провозглашались основные буржуазно-демократические свободы и была обещана парламентская монархия. Предлагалось создание законодательной думы, введение политических свобод и легализация деятельности политических партий (Урилов, 2005: 281).

Публикация царского манифеста способствовала созданию в Новороссийске комитета Союза железнодорожников, который предполагал решать социально-экономические интересы работников железной дороги. В то же время, после публикации манифеста, из тюрьмы Новороссийска были выпущены на свободу железнодорожники Антон Зелень и Михаил Верейский, а также революционно настроенные лица, которые принимали активное участие в блокировании железной дороги 19 июля 1905 года (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 48). Указанные лица создали новороссийский Союз железнодорожников, что сопровождалось структурированием и организацией секционных комитетов:

- секция по штату станции: составители вагонов, их помощники, стрелочники, сторожа, станционные служащие, товарные контролеры, телеграфисты, конторщики станции, кассиры (вагонные, товарные, билетные), телефонисты и т.д.;

- секция по штату депо: машинисты, их помощники, осмотрщики, тормозильщики, смазчики, кочегары, мастеровые, чернорабочие, сторожа конторы и прочие;

- секция по штату мастерских;

- секция по штату дистанции;

- секция по ремонту пристаней;

- секция элеватора, башен и централ.;

- секция коммерческого агентства;

- секция амбарной конторы;

- секция врачебной службы (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 33).

В них прошли выборы руководителей. Председателем секции на элеваторе был избран Адамович, товарищем председателя – Кравцов и секретарем – Брайшев (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 37). Председателем секции по ремонту пристаней избран Зелень, товарищем председателя – Полугаев и секретарем – Петрушевич (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 38).

20 октября 1905 г. в помещении 2-го общего собрания состоялось заседание организации комитета Союза железнодорожников (далее – Союз) (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 8). Кандидатский бюллетень членов Союза, предложенный секционными комиссиями кандидатов состоял из 101 человека, при этом некоторые кандидаты выдвигались на несколько общественных должностей. Из архивных источников известно, что на должность председателя комитета Союза предлагалось 5 кандидатур: Ф.С. Леонтович, Николаев (не член Союза, не железнодорожник), Тараканов, В. Полугаев, А. Зелень. На должность товарища председателя – 10 человек: И.А. Моржинский, Ф. Андреев, Н.В. Осташевский, Л. Замчинский, Попов (не член Союза, не железнодорожник), Николаев (не член Союза, не железнодорожник), Кравцов, Боржов (плотник), Н.И. Полушкин, В.А. Красовский. На должность первого секретаря: Якунчев, Фомин, Зинченко, Брайшев, Петрушевич, Красовский, Фомин, Рыбкин, Никулин. На должность второго секретаря: Каркунов, Кравцов, Олехнович, Вольнецевич, Никулин, Фомин, Полугаев, Петрушевич, Аркадьев. На должность казначея: Пржегальский, Мышак, Кнышев, З.М. Чурзин, С.С. Данилевич, Коренко, Филиппов (от маст. элев.), Кравцов, Сухий, Васильев (от мастерских), В.А. Красовский, Н.И. Рыбкин. На должность библиотекаря: А.М. Ковальский, Ф. Матери, Данилевич, Борисов (тех. рем. пристани), Свердлов, В.И. Хорошоженков, П.А. Мартыненко, М. Верейский, Мишенкин (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 70).

Выборы в комитет (бюро) Союза дали следующие результаты: председателем был избран редактор газеты «Черноморское побережье» Ф.С. Леонтович, товарищем И.А. Моржинский, первым секретарем – Ф.Д. Фомин, вторым секретарем – брат головы города В.А. Никулин, а С.С. Данилевич был избран делегатом для поездки в бюро забастовки в Ростове-на-Дону, где с 20 по 29 октября

1905 г. состоялся съезд служащих владикавказской железной дороги (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 8; РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 48).

После выборов Леонтович заявил, что долг умеренной интеллигенции противодействовать необдуманной и крайне радикальной политической позиции социал-демократов, т.е. деятельность Союза должна была помочь работникам железной дороги в политическом и общественном плане (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24196. Л. 60). Активный деятель Союза Пантелеймон Иосифович Бомбик подтверждал слова Леонтовича: «Союз новороссийских железнодорожников был создан с чисто экономическими целями» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 121).

Начальник железнодорожных мастерских инженер-технолог Издебский также положительно отзывался о создании профессионального Союза: «В последнее время служащие и рабочие предъявляют мне сообща цехами или через своих выборных так много просьб и ходатайств, касающихся нужд, что я не в силах их сразу пересмотреть и обдумать. Многие из них превосходят мои полномочия. Я рекомендую служащим и рабочим воспользоваться открытием теперь такого полезного и симпатичного учреждения, как союз служащих, а там лица компетентные, что можно, а что нет. Все зависящее от начальника мастерских он сделает своей властью, а какое не в силах, то Союз прямо от себя будет отправлять в бюро Союза в Ростов, где ваши просьбы могут быстрее удовлетворить. Служащие не будут терять время на переговоры о вопросах, которых я решить не вправе, а во-вторых, служащие будут знать, что их коллективными просьбами ходатайствуют облеченные их доверием в Союзе лица» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 60).

Необходимо обратить внимание на то, что представители социал-демократов из числа профессиональных революционеров, такие как Попов и Николаев, настойчиво пытались внедриться в комитет Союза, чтобы направить его деятельность на противодействие существующим властям, которые в свою очередь располагали информацией о последнем, что Николай Андреевич Николаев на самом деле есть некий Беренштейн (ГАКК. Ф. 584. Оп. 1. Д. 230. Л. 1).

Деятельность радикалов имела свои последствия, т.к. с 20-х чисел октября в Новороссийске среди железнодорожников отмечалось нарастание политической активности, происходили забастовки почтово-телеграфных рабочих, приказчиков, мастеровых, прислуги, извозчиков и т.д. Эти забастовки не имели экономических оснований, а носили политический характер, как средство борьбы революционных партий против существующих властей (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 79).

Во второй декаде ноября на руководство Союза оказывается давление со стороны социал-демократов и социалистов-революционеров. На собраниях Союза выступали Попов, Николаев, Рабинович-Лейбович и Краснов, а железнодорожник Зелень призывал примкнуть к социал-демократам (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 82).

Председатель секции по ремонту пристаней Зелень, работники железной дороги Полторацкий и Петрушевич вместе с социал-демократами Гольманом, Поповым и Бодянским 20 ноября в паровозном депо судили начальника депо Глебова-Кашанского, машинистов Вермана и Исаева. Глебова-Кашанского обвиняли в том, что во время забастовки 19 июля он доносил начальству о виновных, а Вермана – за подачу вагонов для транспортировки раненых и арестованных. Исаева обвиняли в выходе на работу во время июльской забастовки. Кроме этого, председательствовавший в суде социал-демократ Николаев обвинил начальника депо Глебова-Кашанского в следующем: 1) в жертвах, случившихся 19-го июля во время забастовки, 2) в выдаче властям лиц, прятавшихся во дворах жилых домов после разгона толпы войсками, 3) в использовании информаторов среди работников железной дороги, из-за чего некоторые из них были уволены. Николаев в заключительной речи предложил Глебова-Кашанского не считать единственным виновником в случившихся жертвах 19 июля (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 148-148об.).

Начальник депо Глебова-Кашанский ввиду оказанного на него давления раскаялся в содеянном и обратил внимание, что председательствующий в суде Николаев и прокурор Гольман не являются железнодорожниками. Было решено вызвать Глебова-Кашанского на собрание Союза, но т.к. на тот момент Союз еще не был организован и первые собрания были посвящены выборам этой организации, то суд над начальником депо не состоялся (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 148; РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 82).

23 ноября 1905 г. в секции служащих на элеваторе был организован суд над слесарем Иваном Деспакосом, которого обвинили в выходе на работу во время демонстрации, посвященной севастопольским событиям. Суд постановил удалить Деспакоса с работы сроком на два года. Кроме этого, судили слесаря В. Рагулина, которого обвинили в нанесении побоев ученикам слесаря Алешину, Лавриненко, Масичу и Черкасову, а также в несправедливом обвинении Рагулиным машинистов и смазчиков, подвергшихся за это штрафам. Было решено оштрафовать Рагулина на 10 р. Протоколы собраний и решения суда подписали председатель секции на элеваторе Адамович, товарищ председателя Кравцов и секретарь Брайшев (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 37; РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 71).

25 ноября в канцелярии губернатора состоялось совещание, следствием которого было признание профессионального союза портовых рабочих, но, несмотря на это, забастовка продолжалась (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 79 об.). Погрузочные работы прекратили с

26 ноября, возобновили с 28 декабря (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 49). 28 ноября на заседании по вопросу забастовки портовых грузчиков принимали участие хлебный приказчик Гольман и от железнодорожников Зелень (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24204. Л. 234).

29 ноября 1905 г. рабочими и служащими железной дороги был принят ряд резолюций политического характера, которые отражают суть происходящего в стране подъема революционного движения: *«Мы протестуем против бесчеловечных поступков издыхающего самодержавного правительства, протестуем против избиения голодных и обездоленных крестьян, против введения военного положения в Киевской губернии, Саратовской и др.; мы требуем снятия военного положения; мы требуем освобождения кронштадтских матросов, борцов за свободу; требуем полной амнистии самоотверженной женщине – гражданке, лишившей жизни крестьянского палача Сахарова.*

На этом же собрании решено помогать материально петербургским товарищам, выброшенным на улицу капиталистами и правительством за введение революционным путем 8-ми часового рабочего дня» (Черноморское побережье (Новороссийск), 1905).

Царские власти отреагировали на революционные настроения и 26 ноября 1905 г. арестовали председателя Петербургского совета рабочих депутатов Г.С. Хрусталева-Носаря. Лидер Совета социал-демократ Л.Д. Троцкий заявил о дальнейшей подготовке к вооруженному восстанию. На этот призыв власти ответили изданием «Временных правил о наказании наиболее опасных проявлений участия в забастовках». В свою очередь революционеры опубликовали «Финансовый манифест», который был составлен по предложению делегатов ноябрьского съезда Всероссийского крестьянского союза (*Первая революция в России..., 2005: 354-356*).

Политическое напряжение нарастало. 3 декабря 1905 г. царские власти арестовали членов исполкома и депутатов Совета рабочих депутатов в количестве 267 чел. После этого Петербургский совет рабочих депутатов, социал-демократы, социалисты-революционеры и Бунд обратились с воззванием «Ко всему народу», в котором призвали население страны к всероссийской стачке. Предлагалось начать забастовку с полудня 8 декабря. Это решение поддержал ВЖС и представители других рабочих профсоюзов (*Первая революция в России..., 2005: 358-359*).

3 декабря в Новороссийске вооруженная группа в количестве 15–20 человек, в основном грузин-грузчиков из числа сторонников социал-демократов, терроризируя владельца типографии «Труд» Казимира Янчевского, заставила его напечатать около 4000 экз. листовок с обращением «К солдатам и казакам» (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 33).

Известия о начале стачки до Черноморской губернии дошли 7 декабря 1905 г., т.к. из Ростова-на-Дону поступила телеграмма, в которой сообщалось, что Петербургский и Московский советы рабочих депутатов, организации 29 железных дорог и центральный комитет бюро железнодорожного Союза постановили начать всеобщую политическую забастовку с целью свержения самодержавия (*Невский, 1923: 26*). После этого известия новороссийские железнодорожники 8 декабря 1905 г. объявили забастовку, к которой 12 декабря присоединилось бюро Союза учителей и деятелей народного образования (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 33). В этот период в Новороссийске происходит создание Совета рабочих депутатов (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 1. Д. 856. Л. 31).

8 декабря на собрании железнодорожного комитета Полушкин предложил разоружить жандармов, служащих на железной дороге. Его поддержали Зелень и Петрушевич, но остальные железнодорожники отказались от этого предложения. Далее на собрании выступили Попов, Николаев и призвали железнодорожников присоединиться к социал-демократам, а Рабинович-Лейбович к социалистам-революционерам. Также на собрании выступили Владимир Сокольский и Георгий Мамулянец (он же Егоров), которые призвали изменить государственный строй и добиться созыва учредительного собрания (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 52).

В свою очередь машинист паровоза М. Верейский призывал к свержению самодержавия и учреждению демократической республики. Член железнодорожного союза Полторацкий был также настроен радикально: *«Нужно восстание, чтобы заменить правительственные учреждения собранием» (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 1. Д. 856. Л. 33-34).*

Несмотря на радикальные настроения отдельных представителей железнодорожников, нужно отметить, что в декабре 1905 г. забастовка работников железной дороги носила политический характер, тогда как экономические требования были удовлетворены Министерством путей сообщения (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 48). Для того чтобы уменьшить количество правительственных сил в Новороссийске, революционерами предпринимались различные мероприятия. В свою очередь Зелень договорился об отправке казацких сотен железнодорожным транспортом в Екатеринодар (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 1. Д. 856. Л. 35).

Машинист Верейский в своей записке на имя председателя комитета Союза Леонтовича 12 декабря сообщал, что 800 казаков-пластунов заявили о желании вернуться на Кубань, поэтому комиссия его секции решила составить поезд из 36 вагонов для отправки казаков домой. В другой записке Верейский просил Леонтовича содействовать ему в доставке сына в Новороссийск (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 41).

Социал-демократы из числа грузин-грузчиков распускали слухи, что пароход с казаками будет взорван, т.к. транспорт с войсками отправлялся в Батуми для умирения Гурии, поэтому грузины являлись заинтересованными лицами и противились отправке казаков в Грузию (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 381. Л. 12). В итоге транспорт с войсками в Грузию не был отправлен, а казаки на предоставленном комитетом Союза железнодорожных составах вернулись домой на Кубань.

Новороссийские социал-демократы через своих сторонников с железной дороги проводили решения в комитете Союза, направленные на поддержание забастовки. Постановлением бюро от 14 декабря предусматривался запрет прохода на территорию телеграфа начальствующих и посторонних лиц, кроме железнодорожников Чурзина и Бомбика. Работники телеграфа обязывались телеграммы особой важности передавать председателю комитета Союза или его товарищу. 19 декабря комитет Союза предписывал дежурному надсмотрщику телеграфа Бушу прекратить работу телефонной связи за исключением телефонов в депо (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 410б.).

Кроме этого, в связи с забастовкой была ограничена работа буфета на железнодорожной станции, ключи от которого хранились у члена Союза Коркунова (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 89). Члены Союза Коренко и Брайшев ввели ограничение в работе электрической станции с 8 по 13 декабря (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 51).

Социал-демократы и социалисты-революционеры проводили свои решения, касающиеся деятельности железной дороги, через Совет рабочих депутатов Новороссийска. Председатель комитета Союза Леонтович противился такой позиции, в связи с чем заявлял: «Железнодорожный союз не должен получать указания от совета рабочих депутатов и быть более самостоятельной организацией» (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24196. Л. 61).

19 декабря комитет Союза учредил комиссию для создания милиции – боевой дружины, в которую вошли члены Союза Гончук, Раимский, Денисович и Адамович. Комитет Союза сообщал руководителю боевой дружины Совета рабочих депутатов Ф. Дубровину (Черному), чтобы Совет железнодорожной милицией не распоряжался, а также настаивал на возврате оружия, изъятого у железнодорожника Чепурченко (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24184. Л. 87).

Вооруженная охрана на железной дороге была организована с целью защиты грузовых составов от посягательств воров (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24196. Л. 62). Поэтому в ходе следствия никто из боевой дружины железнодорожников по охране грузов в количестве 40 человек властями не был привлечен к суду (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24197. Л. 34-37; ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 37).

В декабре 1905 г. председатель секции по ремонту пристаней Зелена на бланках комитета (бюро) Союза новороссийских железнодорожников писал письма начальнику станции с требованием: «Билеты можно продавать лишь тем лицам, которые предъявят от Бюро разрешение на проезд. Лицам, не предъявившим разрешения от Бюро, билеты продаваемы быть не могут. Разрешения считать действительными, только написанные на бланках Бюро». Подписал председатель Антон Зелена и секретарь Иосиф Петрушевич (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 479. Л. 9). Со слов помощника начальника станции Антона Пржегальского известно, что начальник станции Боровский во время декабрьской забастовки отсутствовал, т.к. уехал за границу. На станции дежурили 2 помощника, которые продавали билеты пассажирам, а выручку сдавали в кассу железной дороги. При этом он отмечал, что никакой связи между железнодорожной станцией и Советом рабочих депутатов не было (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 41).

В самом Новороссийске перед городской управой 22 и 23 декабря 1905 г. происходили митинги рабочих и поденных грузчиков, недовольных политикой Совета рабочих депутатов, которые требовали денег, при этом митингующие заявляли: «Вы втянули нас в забастовку, а теперь хотите удрать, но это вам не удастся» (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24210. Л. 339).

Председатель секции по ремонту пристаней Зелена, на жизнь которого в декабре произошло покушение (Сокольский, 1963), систематически пытался втянуть железнодорожников в политическое противостояние существующим властям. 22 декабря Зелена зачитал воззвание Ростовского бюро железнодорожников о продолжении борьбы с правительством (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24194. Л. 119). Вместо этого железнодорожники постановили: «Доказав всю вредность вмешательства Совета рабочих депутатов в дела железнодорожного союза, большинство согласилось в принципе ничего общего с ним не иметь» (Скибицкий, 1969).

24 декабря Зелена был поднят вопрос о разоружении жандармов (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 123), и снова он не нашел поддержки среди железнодорожников. После этого Зелена скрылся из Новороссийска и был арестован властями в Армавире.

Начальник Новороссийского железнодорожного жандармского полицейского правления Мальдонато, узнав о намерениях Зелены, обратился к председателю комитета Союза Леонтовичу, предупредив его: «Если разоружите хоть одного жандарма, я вас всех отправлю на казенные квартиры». Леонтович ответил, что революционно настроенные члены Союза ушли с железнодорожной станции ввиду прибытия войск (ГАКК. Ф. 728. Оп. 1. Д. 18. Л. 137).

Следом за новороссийским Советом рабочих депутатов в декабре 1905 г. прекратил свою деятельность комитет (бюро) железнодорожного Союза, радикальные члены которого скрылись из города (ЦДНИКК. Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 26. Л. 1).

30 декабря 1905 г. в связи с арестом лидеров революционного движения рабочие и грузчики приступили к работе. Практически все предприятия Новороссийска работали в обычном режиме (РГВИА. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 24194. Л. 112). 2 января 1906 г. на квартире Иосифа Константиновича Петрушевича, который являлся секретарем секции по ремонту пристаней, а также председателем социал-демократического комитета (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 381. Л. 82), прошел обыск. Были изъяты протоколы собраний железнодорожников и др. Необходимо отметить, что Петрушевич также являлся осведомителем и постоянно информировал местные власти в лице ротмистра Давыдова о событиях внутри революционеров (ГАКК. Ф. 583. Оп. 1. Д. 480. Л. 1-2).

4. Заключение

Таким образом, созданный в Новороссийске в октябре 1905 г. комитет (бюро) железнодорожного Союза преследовал цели улучшения социально-экономического состояния рабочих железной дороги. Социал-демократы и социалисты-революционеры Новороссийска систематически пытались втянуть коллектив железной дороги в революционный процесс, из-за этого резолюции комитета железнодорожного Союза принимали политический характер, осуждались действия самодержавия.

В декабре 1905 г. комитет железнодорожного Союза поддержал и принял участие в забастовочном движении, но в связи с тем, что представители Совета рабочих депутатов из числа социал-демократов и социалистов-революционеров постоянно вторгались в деятельность железной дороги, железнодорожники дистанцировались от Совета, показывая свою независимость от каких-либо политических объединений.

5. Благодарности

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Литература

- ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.
 Невский, 1923 – Невский В.И. Новороссийская республика. *Пролетарская революция*. 1923. № 11(23). С. 26.
 Первая революция в России..., 2005 – Первая революция в России: Взгляд через столетие // Ответственные редакторы: Корелин А.П., Тютюкин С.В. М., 2005. С. 354-356.
 РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
 Скибицкий, 1969 – Скибицкий В.А. Торжество ленинской тактики: Большевики Кубани и Черноморья в борьбе за ленинскую тактику в первой русской революции. Краснодар, 1969. С. 171.
 Сокольский, 1963 – Сокольский В.Д. Новороссийская республика. Совет рабочих депутатов Новороссийска в 1905 г. М., 1963.
 Урилов, 2005 – Урилов И.Х. История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 3. М., 2005. С. 281.
 ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края
 Черноморское побережье (Новороссийск), 1905 – Черноморское побережье (Новороссийск). 1905. 1 дек.
 Taran, 2014 – Taran, K.V. The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905–1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 2014, 194 p.
 Taran, 2014a – Taran, K.V. The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909) // *Bylye Gody*. 2014. 34(4). pp. 582-585.
 Taran, 2015 – Taran, K.V. Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate) // *Bylye Gody*. 2015. 35(1). pp. 124-132.
 Taran et al., 2016 – Taran, K.V., Dyuzhov, A.V., Kocherga, S.A. The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province) // *Bylye Gody*. 2016. 39(1), pp. 229-236.
 Taran et al., 2017 – Taran, K.V., Dyuzhov, A.V., Rassolov, I.M. The activities of the Armenian parties dashnaksutyun and gnchak on the territory of the black sea province at the beginning of the XX century // *Bylye Gody*. 2017. 43(1). pp. 248-256.
 Taran, Kurbanov, 2018 – Taran, K., Kurbanov, R. The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum // *Brukenthal. Acta Musei*. 2018. 13(1), pp. 81-94.

References

- Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk), 1905 – Chernomorskoe poberezh'e (Novorossiisk) [The Black sea coast (Novorossiysk)]. 1905. 1 dek. [in Russian]
 ГАКК – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraia [State archive of the Krasnodar Krai].

- [Nevskii, 1923](#) – *Nevskii V.I.* (1923). Novorossiiskaya respublika [Novorossiysk Republic]. Proletarskaya revolyutsiya. № 11(23). P. 26. [in Russian]
- [Pervaya revolyutsiya v Rossii..., 2005](#) – Pervaya revolyutsiya v Rossii: Vzgl'yad cherez stoletie [The first revolution in Russia: a look through the century]. Otvetstvennye redaktory: Korelin A.P., Tyutyukin S.V. M. pp. 354-356. [in Russian]
- [RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian state military historical archive].
- [Skibitskii, 1969](#) – *Skibitskii V.A.* (1969). Torzhestvo leninskoi taktiki: Bol'sheviki Kubani i Chernomor'ya v bor'be za leninskuyu taktiku v pervoi russkoi revolyutsii [The triumph of leninist tactics: the Bolsheviks of the Kuban and the Black Sea in the struggle for leninist tactics in the first russian revolution]. Krasnodar, P. 171. [in Russian]
- [Sokol'skii, 1963](#) – *Sokol'skii V.D.* (1963). Novorossiiskaya respublika. Sovet rabochikh deputatov Novorossiiska v 1905 g. [Novorossiysk Republic. Council of Workers' Deputies of Novorossiysk in 1905]. M. [in Russian]
- [Taran, 2014](#) – *Taran, K.V.* (2014). The Public-Political Movement in the Black Sea Governorate during the First Russian Revolution (1905–1907): Monograph. Banská Bystrica: Matej Bel University, 194 p.
- [Taran, 2014a](#) – *Taran, K.V.* (2014). The everyday life of the mounted police guard force in the territory of the Black Sea Governorate (1901-1909). *Bylye Gody.* 34(4). pp. 582-585.
- [Taran, 2015](#) – *Taran, K.V.* (2015). Rural communities on the outskirts of the Russian Empire amid the First Russian Revolution (through the example of villages within the Black Sea Governorate). *Bylye Gody.* 35(1). pp. 124-132.
- [Taran et al., 2016](#) – *Taran, K.V., Dyuzhov, A.V., Kocherga, S.A.* (2016). The teaching staff of the public education system in the period of the First Russian Revolution (1905-1907 years) (on the materials of the Black Sea province). *Bylye Gody.* 39(1), pp. 229-236.
- [Taran et al., 2017](#) – *Taran, K.V., Dyuzhov, A.V., Rassolov, I.M.* (2017). The activities of the Armenian parties dashnaksutyun and gnochak on the territory of the black sea province at the beginning of the XX century. *Bylye Gody.* 43(1). pp. 248-256.
- [Taran, Kurbanov, 2018](#) – *Taran, K., Kurbanov, R.* (2018). The armed uprising in the Sochi district of the Black Sea governorate in the Russian Empire (1905-1906) and its interpretation in the exhibition of the regional museum. *Brukenenthal. Acta Musei.* 13(1), pp. 81-94.
- [TsDNIKK](#) – Tsentr dokumentatsii noveishei istorii Krasnodarskogo kraja [The documentation center for modern history of the Krasnodar Krai].
- [Urilov, 2005](#) – *Urilov I.Kh.* (2005). Istoriya Rossiiskoi sotsial-demokratii (men'shevizma) [History of the Russian social democracy (menshevism)]. Ch. 3. M. [in Russian]

Деятельность новороссийского комитета союза железнодорожников в годы Первой русской революции

Константин Викторович Таран ^{a, b, *}, Павел Анатольевич Бышков ^c

^a Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Вашингтон, США

^b Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

^c Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается деятельность новороссийского комитета Союза железнодорожников в период Первой русской революции. В качестве материалов были использованы архивные документы центральных и региональных архивохранилищ: государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Краснодарского края, Центра документации новейшей истории Краснодарского края, Архивного отдела Администрации города Сочи и музея истории города-курорта Сочи.

В заключении авторы отмечают, что созданный в Новороссийске в октябре 1905 г. комитет (бюро) железнодорожного Союза преследовал цели улучшения социально-экономического состояния рабочих железной дороги. Социал-демократы и социалисты-революционеры Новороссийска систематически пытались втянуть коллектив железной дороги в революционный процесс, из-за этого резолюции комитета железнодорожного Союза принимали политический характер, осуждали действия самодержавия.

Ключевые слова: Первая русская революция, Черноморская губерния, Союз железнодорожников, 1904–1905 гг.

* Корреспондирующий автор

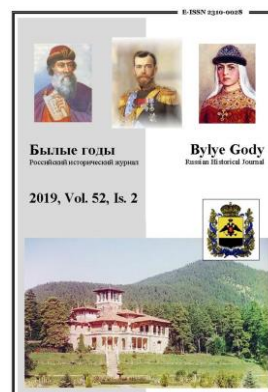
Адреса электронной почты: taran.constantin@yandex.ru (К.В. Таран)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 880-891. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.880
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

About Features of the Swedish Military Potential in Reports of the Russian Naval Agent A.K. Petrov in 1908–1911

Stanislav N. Sinegubov ^{a, *}, Sergei P. Shilov ^a

^aTyumen State University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the reports of the Russian naval agent A.K. Petrov from the governments of the Scandinavian countries to the General Marine Headquarters in 1908-1911 to assess Swedish military potential. The period was uneasy both in Europe and its Northern part. After the rupture of the Swedish-Norwegian union in 1905 and Petersburg's support for Oslo's striving for independence, the Russian leadership was not well-informed the foreign military policy of Sweden. This was crucial for Russian military-political strategy in the Baltic Region. The substantial part of A.K. Petrov' reports was not only about the fleet, but interesting details about the land army's training in winter, physical training for commanders and men, cultivating sports in the army, organizing the lives of officers and non-commissioned officers, state support for the militia etc. The article indicates that the messages of 1909 were full of information about the army of the Scandinavian state. In the reports of 1910 and early 1911 they were adjusted and supplemented. On the whole, the following picture was formed on their basis: the Swedish armed forces, to a greater degree, especially the fleet, were focused on defence, and land forces were given priority in their development.

Keywords: Russia, Sweden, Russian naval agent, reports of 1908-1911, the Swedish armed forces.

1. Введение

Балтийский регион, начиная с петровских времен, на протяжении всего XVIII и начала XX вв. рассматривался российскими властями в качестве сферы стратегически значимых интересов. Его статусность еще больше возросла в условиях начавшейся с 1906 г. открытой гонки морских вооружений между Великобританией и Германией и присоединения по существу Российской империи к Антанте после подписания в 1907 г. англо-русской конвенции о разграничении сфер влияния двух держав в Азии. Балтика в условиях разделения Европы на два противостоящих друг другу лагеря рассматривалась и в Берлине, и Лондоне, а тем более в Петербурге как потенциальный театр боевых действий. И даже «Секретный протокол между Россией и Германией по балтийскому вопросу», утвержденный 29 октября 1907 г. и предусматривавший поддержание status quo на Балтике абсолютно не гарантировал недопустимость развития событий по кризисному сценарию (Адамов, Козьменко, 1952: 395). Как впрочем, и Декларация и меморандум России, Германии, Дании и Швеции, подписанные государствами через год (Адамов, Козьменко, 1952: 401).

В этой связи, безусловно, важность приобретала информация о военных возможностях балтийских стран, формально занимавших нейтральное положение, но тяготеющих тем или образом к одному из военно-политических блоков.

Самым территориально большим балтийским государством, находящимся в начале XX в. на экономическом подъеме, являлась Швеция (Heckscher, 1954: 216). Рост численности населения в стране характеризовался более высокими темпами, чем в тех же Норвегии или Дании (Хобсбаум, 1999: 488). Поэтому объективная оценка ее вооруженных сил, несомненно, влияла на отработку

* Corresponding author

E-mail addresses: globus_75@inbox.ru (S.N. Sinegubov), sshilov@mail.ru (S.P. Shilov)

официальным Петербургом тактико-стратегических общеполитических и исключительно военных «шведских планов». Одним из важных каналов сбора необходимых сведений являлись послания представителей Морского генерального штаба России за рубежом. Вполне естественно, что в этом случае речь должна идти о донесениях военно-морского агента в Швеции, Норвегии и Дании. Им в рассматриваемый период, т.е. 1908–1911 гг. был старший лейтенант А.К. Петров.

Алексей Константинович Петров прошел многие ступени военно-морской службы. В 1897 г. закончил Морской кадетский корпус, получил чин мичмана, а в 1901 г. – лейтенанта (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 9. Д. 3172. Л. 1). В последующем занимал разные штабные и строевые должности. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Зарекомендовал себя как ответственный, исполнительный, дисциплинированный и хорошо образованный офицер, знающий не один европейский язык: французский, английский, немецкий, шведский, норвежский (РГАВМФ. Ф. 873. Оп. 15. Д. 130. Л. 4–20). В июне 1907 г. состоялось вначале его временное, а затем, вследствие приказов 4 и 31 декабря того же года по Главному морскому штабу и Морскому министерству, окончательное назначение военно-морским агентом при правительствах Швеции, Норвегии и Дании (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1 Д. 3921. Л. 4, 13 об.). Следует заметить, что по факту было создано новое ответвление в институте военно-морских агентов, начавшее действовать с 1908 г. До этого времени функции по сбору сведений по скандинавским странам выполнял представитель российского Главного морского штаба в Германии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3921. Л. 21). Однако в связи с произошедшими переменами в начале XX в. как на самом Скандинавском полуострове, так и в Европе в целом это было уже неэффективно, да и обременительно для одного человека, в обязанности которого входило отслеживать военно-технические и политические изменения сразу в четырех странах, тем более что балтийские государства являлись стратегически важными для России (Игнатьев, 1986: 22–36).

Цель исследования заключается в изучении донесений российского военно-морского агента А.К. Петрова в Морской генеральный штаб в 1908–1911 гг., т.е. времени, когда он занимал эту должность, относительно анализа имеющихся в них оценок и характеристик военного потенциала Швеции. Это в свою очередь является важным для понимания того, как выстраивался политико-военный авераж России в отношении Скандинавии вообще, а с учетом особой истории русско-шведских отношений – Швеции конкретно. Значимым является также выяснение того, насколько опасным виделось А.К. Петрову это государство для России, насколько реально оно могло стать союзником немцев. Ведь известно, например, что в штабе Петербургского военного округа плелись нешуточные интриги с целью создать так называемый новый «Северный фронт» и приравнять, по существу, округ к числу пограничных, что, как известно, давало особые преимущества по службе. А для этого надо было представлять Швецию в качестве внешнего врага, «чуть ли не заключившего тайный союзный договор с Германией» (Винокуров, 2017: 184).

2. Материалы и методы

При написании статьи в качестве основных источников использовались неизданные и изданные материалы отечественных и зарубежных архивов. Речь в первую очередь идет о документах Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и германского Военного архива во Фрайбурге (ВА-МА). Широко использовались также публикации российских и иностранных авторов, касающиеся проблем истории Швеции и скандинавских стран в целом на рубеже XIX и XX вв.

При анализе поставленной проблемы применялся целый комплекс научно-исследовательских методов. Для группирования и упорядочивания по содержанию различных донесений А.К. Петрова использовался историко-типологический метод. Масштабно применялся и идеографический метод. С его помощью через частные описания стало возможным формирование общего взгляда российского военно-морского агента на особенности шведского военного потенциала в 1908–1911 гг., который по большому счету принципиально не изменился вплоть до начала Первой мировой войны. Благодаря идеографическому методу стало возможным определить характеристики, которые давал наш представитель военно-морским силам Королевства Швеции, его народному ополчению, стрелковым добровольным структурам, организациям офицерского и унтер-офицерского сообществ и другим элементам, формировавшим и квалифицировавшим состояние военных ресурсов государства. В конце концов он показывает уровень полноты и объективности информации, которую А.К. Петров предоставлял Морскому генеральному штабу относительно тенденций развития шведской армии и флота и их опасности для России. Сравнительно-исторический метод дал возможность сопоставить суждения и оценки А.К. Петрова с научными данными, накопленными в отечественной и зарубежной историографии о шведском военном потенциале в период перед Первой мировой войны. Историко-генетический метод раскрыл причинно-следственные связи создания новой должности специального представителя Морского министерства Российской империи при правительствах Швеции, Норвегии и Дании и работы в ней А.К. Петрова с политикой официального Петербурга в балтийском регионе после знаковых изменений там в 1905–1908 гг., а также нарастанием общего противостояния Великобритании и Германии. Методы синхронизации и сравнения открыли возможность провести определенные параллели и сравнения между развитием добровольного стрелкового и спортивного

движений в Швеции и России в первом десятилетии XX столетия с тем, чтобы показать высокий уровень первых. Историко-ситуационный метод выявил связь сюжетов посланий А.К. Петрова из Стокгольма с текущей внутренней и внешней политико-военной ситуацией.

3. Обсуждение

В отечественной историографии заявленная тема исследования практически не рассматривалась. В обобщающих трудах по истории Скандинавии или же Швеции это невозможно в силу широты и объема рассматриваемых проблем. Однако и в специальных работах «петровский аспект» выпал из поля зрения историков. Деятельность А.К. Петрова очень небольшими штрихами была отмечена в воспоминаниях известного офицера российского Генерального штаба, военного дипломата А.А. Игнатьева. Речь идет о периоде его карьеры, когда он занимал должность военного агента в скандинавских государствах в 1908–1912 гг. (Игнатьев, 1986). Эти же оценки и суждения об А.К. Петрове встречаются в книге В.И. Винокурова, изданной в 2017 г. и посвященной жизненному пути и деятельности «рыцаря военной дипломатии» – А.А. Игнатьеву (Винокуров, 2017). В статье К.А. Табаровской, опубликованной в 2012 г. в журнале «Новая и новейшая история», идет речь в том числе и об оценках и планах российских военных и дипломатов в отношении Швеции в начале XX в. (Табаровская, 2012: 183-194). Однако автор в силу определенных причин не использовала донесения российского военно-морского агента, а потому они не получили должного понимания и оценки. Из сказанного вытекает, что имеющаяся лакуна в исторических знаниях требует заполнения.

4. Результаты

В начале XX столетия в Швеции, впрочем, как и в Норвегии, бытовало широко распространенное мнение о том, что Россия намеревается совершить военное нападение и захватить ряд гаваней с дальнейшим обустройством там своих военно-морских баз (Aselius, 1994). Несомненно, что были и другие настроения, но не они определяли, что называется, общий тренд (Чернышева, 2004). Одними из главных пропагандистов тезиса о «русской угрозе» были шведские морские офицеры, особенно в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. (ВА-МА. RM 5/1535. Kapitänleutnant Hippel. «Ansichten der swedischen Seeoffizieren über politischen Angelegenheiten». Bergen. 29.07.1904). Сейчас уже абсолютно точно доказано отечественными и признано скандинавскими исследователями, что у России в действительности не было захватнических планов (Мусаев, 2009: 193-203; Мусаев, 2019; Нильсен, 2009: 84-89). Выход Норвегии летом 1905 г. из шведско-норвежской унии, подержанный, кстати, дипломатией России, неоднозначно расценивался в милитарных кругах (Похлебкин, 1997: 48-61; Sjlöv, 2006: 80-113). С одной стороны, это однозначно расплыло военные силы некогда единого государства в Северной Европе и вроде как было выгодно России. С другой – в двух скандинавских странах стал активно дискутироваться вопрос о выборе внешнеполитической и военной ориентации на одну из «великих держав», и прежде всего Великобританию или Германию, пытавшихся взять их под «свое крыло» (Salmon, 1997; Новикова, 2012: 42-47). Если говорить о Швеции, то известно, что при Оскаре II, который занимал трон с 1872 по 1907 гг., немецкое государство воспринималось как «лучший друг» и его влияние проявлялось во всех сферах жизни общества, в том числе и во внешней политике (Игвар, 1951: 86). И, казалось бы, «немецкая заточенность» шведов являлась абсолютно очевидной. Однако именно Оскар II имел множество поклонников в Великобритании, поскольку он был одним из немногих правителей в Европе, кто поддерживал англичан в их войне против буров в 1899–1902 гг. (Оскар II, 2019). Поэтому «английский фактор», пусть в меньшей степени, но тем не менее тоже присутствовал в шведской политике. При новом короле Густаве V (правил с 1907 по 1950 гг.) поначалу пронемецкие настроения оставались сильными. По мнению исследователей, немалую роль в этом сыграло и влияние его жены Виктории, баденской принцессы (Кан, 1999: 178).

Другим фактором, вызывавшим определенную озабоченность в Петербурге, был так называемый «панскандинавский» вариант развития ситуации в Балтии. Идея создания «Панскандинавского союза» (Дания, Швеция, Норвегия) предусматривала при сохранении трех независимых государств формирование единых вооруженных сил (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 4-5). С учетом исторического опыта шведско-норвежского союза, и главным образом антироссийских положений, вытекавших из Канроберовского договора 1855 г. (англо-франко-шведско-норвежское соглашение о недопустимости каких-либо территориальных уступок России на Скандинавском полуострове вплоть до войны), перспективы такого объединения могли быть не очень радужными для России (Мелин и др., 2002: 190). Успокаивало лишь только то, что Дания все-таки была настроена «пророссийски» (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 1 об.-2).

Однако полагаться только на датский «благожелательный компонент», очевидно, было нельзя. Новая коалиция под боком российского государства вполне могла создать ненужные проблемы как сама по себе, так и «по наущению» со стороны Лондона или Берлина. Их влияние должно было сказаться обязательно, поскольку во многих отношениях Скандинавия находилась в тесных связях с первыми державами европейского континента. Как полагали в российском Генеральном штабе, в случае перехода «северян», скажем, на «политическую германскую траекторию» очень велика была

опасность того, что система датских проливов, и в первую очередь Большой Бельт, были бы перекрыты. В результате Россия лишалась бы тогда свободного выхода из Балтийского моря со всеми вытекающими отсюда неблагоприятными экономическими и военно-морскими последствиями (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 903. Л. 6). Поэтому думается, что о какой-то значимой политической самостоятельности «Панскандинавского союза» в реальных условиях того времени, когда очевидным образом начала обостряться борьба между двумя главными мировыми антагонистами – Великобританией и кайзеровской Германией, говорить особо не пришлось бы. Дилемма его внешней направленности никуда не исчезала. Единственная альтернатива могла заключаться только в позиции нейтралитета.

Однако абсолютной уверенности в реализации именно этого сценария развития событий в российских высших военных и военно-морских кругах не было. К тому же в шведском общественном мнении иногда слышались голоса о необходимости реванша за события 1905 г. К ним добавлялись высказывания по болезненной для шведов «финской теме» – о возможности вторжения Швеции в Финляндию. Известные издания, такие, например, как «Svenska Dagbladet опровергали их (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 66 об.). Однако в Петербурге, как говорится, все равно оставался осадок от подобных разговоров. К тому же заметный рост расходов шведскими властями на оборону с конца XIX в. (с 1/3 до 1/2 бюджета) поднимал вопросы, для чего и против кого усиленно развивается королевская армия (Касиян, 2008: 33). Все это в совокупности приводило к тому, что сбор и анализ информации о вооруженных силах, прежде всего Швеции, приобретал особое значение. И работа российского военно-морского агента в Скандинавии была, как никогда, просто необходимой.

Как отмечал А.К. Петров, в конце января 1909 г. для выполнения поручений, получаемых им из Морского генерального штаба, ему приходилось обращаться в Канцелярию шведского Морского ведомства, Штаб шланного командира, Морское училище. И во всех этих учреждениях он встречал предупредительность и готовность помочь в тех вопросах, которые, конечно, не носили секретного характера (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 5). Кстати, во многом такая благорасположенность была обусловлена личными качествами нашего агента, который «благодаря общительности своего характера и ряду небольших услуг вступил в дружественные отношения с большим числом офицеров» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 10 об.). Для поддержания установившихся отношений и для поощрения других офицеров, которые впоследствии могли оказаться полезными российскому военно-морскому агенту, он ходатайствовал перед руководством о награждении русскими орденами некоторых шведских офицеров. В частности, А.К. Петров хлопотал за бывшего начальника Морского училища, а затем ставшего Главным интендантом шведского флота капитана 2-го ранга Г.Ф. Линдберга, чтобы его наградили орденом Св. Анны 2-й степени, старшего адъютанта Штаба главного командира Стокгольма, командира яхты короля Густава V капитана 2-го ранга Р.А. Тардина – орденом Св. Анны 2-й степени, адъютанта Канцелярии Морского министерства старшего лейтенанта К.О. Хафштрема – орденом Св. Анны 2-й степени (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 5 об.).

Понятно, что в иерархии российских орденов указанные регалии стояли где-то в середине (орден Св. Анны 2-й степени) и даже в конце (орден Св. Анны 3-й степени), тем не менее все равно они относились к особым знакам отличия российского государства (Парадиз, Сычев, 2019). В действиях российского представителя не было ничего необычного. Военно-морские агенты других европейских государств поступали таким же образом. Доказательством является то, что представленные к русской гратификации шведские офицеры уже имели германские, английские, французские, нидерландские награды.

Сбор информации А.К. Петров осуществлял не только по причине благорасположенности шведских офицеров. В это время еще не действовали ужесточения относительно контроля допуска иностранцев к тренировкам, занятиям и маневрам шведских вооруженных сил, установленные несколькими годами позже – в апреле 1912 г. (РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3285. Л. 323). Кроме того, немало данных содержали местные и зарубежные печатные издания, находившиеся в свободном доступе. В феврале 1909 г. А.К. Петров представил список судов шведских королевских военно-морских сил, включив в него и пароходные лихтеры, поскольку они могли перевозить кавалерию. Кроме того, он в послании к Морскому генштабу отдельно выделил и моторные суда, могущие, по его словам, «также быть принятыми во внимание» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 8). По всей видимости, речь шла о плавсредствах небольшого водоизмещения. Однако и они в случае войны могли быть задействованы, а потому, как полагал А.К. Петров, должны быть учтены при оценке потенциала шведского боевого флота.

Говоря о новых постройках скандинавского государства на начало 1909 г., российский военно-морской агент писал: «С судостроением дело остановилось, в проекте 8-й истребитель (эскадренный миноносец – С.С., С.Ш) и дивизия миноносцев...Истребитель Хутин, 7-й проект, получит турбинный двигатель... На заводе Мотала строятся подводные лодки малого типа, проверить мне это пока не удалось. Во всяком случае, обе лодки, как и «Хайен», так и новая, будут участвовать в осенних упражнениях флота (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 9 об.-10)». Здесь необходимо подчеркнуть, что в шведских военно-морских силах в 1909 г. имелось две подлодки: одна была построена в Стокгольме, а другая, большего водоизмещения и более быстроходная, в Италии (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923.

Л. 22). Относительно эскадренных миноносцев у скандинавов наш представитель говорил, что они «считаются весьма хорошими», по сравнению с ближайшими ведущими морскими державами, и прежде всего Великобританией, Германией и Россией. Сопоставление шло по таким параметрам, как водоизмещение, скорость и вооружение. К числу надводных кораблей, пополнивших состав шведского флота в 1909 г., А.К. Петров относил миноносцы 1-го класса «Изис», «Тегис» и «Полукс». Первые два возвели на Гетеборгском механическом заводе, на стапелях которого находилось еще два корабля этого типа, а последний – на верфях Карлскроны (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 40).

Далее им была озвучена очень интересная и важная для российского Морского генштаба мысль о том, что в общественном мнении четко наметились два течения относительно военно-морской политики шведского государства. Первое борется за то, чтобы в основание плана обороны была положена автономная эскадра артиллерийского боя, маневрирующая по внутренним линиям за завесой минной и другого рода обороны. Как писал А.К. Петров, сторонники этого направления активно высказывались за оснащение этой эскадры в том числе и кораблями дредноутного типа. Однако относительно водоизмещения броненосца единого мнения пока не было достигнуто. Наиболее ярким и последовательным адептом данной линии являлся капитан 1-го ранга Врангель. Его российский представитель характеризует как «одного из выдающихся офицеров шведского флота, много работавшего по морским вопросам и вероятного начальника Штаба командующего морскими силами во время войны» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3916. Л. 10). Правительство даже сумело провести его в нижнюю палату парламента для отстаивания интересов флота.

Второе течение было представлено приверженцами идеи обороны страны исключительно силами минных судов разного типа и подводными лодками, т.е. возможностями так называемого «экономного», но эффективного флота, особенно в условиях шхер. Однако, исходя из имеющихся возможностей, как писал А.К. Петров, шведский флот в реалии отработывал действия, направленные исключительно на защиту собственного побережья. Это наглядно показали его учения в июле–августе 1909 г. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 51-51 об.).

К концу 1909 г. российский военно-морской атташе склонялся все больше к мысли, что Швеция выберет в итоге именно оборонную стратегию в развитии военно-морских сил и постарается придерживаться нейтральной позиции в соперничестве Великобритании и Германии. Об этом свидетельствовал ее морской бюджет на предстоящий год. В нем основное внимание было уделено строительству именно миноносцам, эсминцам и подводным лодкам (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 82 об.). Однако даже этот флот, по словам А.К. Петрова, считался неудовлетворительным для хорошей береговой обороны датских проливов и недопущения перехода их в руки одной из противостоящих держав (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 84 об.).

Особую ценность в донесениях А.К. Петрова имела информация о сухопутных силах Швеции и все, что их подпитывало со стороны общества. Причем он группировал эти сведения по разделам. Они касались комплектования, организации кавалерийских, пехотных полков, их дислокации, зимних занятий в казарменных и полевых условиях, спортивных состязаний военнослужащих, деятельности стрелковых союзов и обществ. Отдельно также рассматривались вопросы, связанные с путями сообщений и средств связи, обороной Стокгольма, характеристикой крепости Боден, ряда других укреплений и состоянием воздухоплавания.

Пристальное внимание А.К. Петров уделил шведскому народному ополчению как важному резерву армии. Обрисовывая его состояние, российский агент отмечал, что оно находилось на должной высоте и получало всестороннюю, в том числе и финансовую, поддержку от правительства, причем во все увеличивающихся размерах (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 96). И это было неудивительно, если учесть тот объем работ, которое оно выполняло в мирное время, готовясь к возможной войне. Например, в столице действовало «Общество организации сухопутной обороны Стокгольма», занимавшееся возведением в том числе временных укреплений на тактически важных направлениях. В этих сооружениях постоянно проводили свои занятия добровольные стрелковые общества (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 28-28 об.).

О последних структурах А.К. Петров говорил отдельно и немало. Он также высоко оценивал их деятельность и подчеркивал важность для поддержания высокой боеспособности шведской армии. В парламенте в этой связи даже рассматривался вопрос о сокращении сроков на треть службы для допризывной молодежи, прошедшей обучение в добровольных стрелковых обществах, поскольку там хорошо обучали важной составляющей военного дела – стрельбе (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 5). Кстати, призыв в шведскую армию осуществлялся с 18 лет. Однако если новобранец в течение первого года службы достигал требуемого возраста, то рекрутировать могли и в 17 лет.

О серьезности подготовки в стрелковых обществах говорит описание одного из соревнований, организованных Стокгольмским союзом, в котором приняло участие 246 человек. В их задачу входило поражение пяти разноплановых мишеней: фигуры во весь рост на расстоянии 320 метров; фигуры на высоте в 1/3 – 240 м.; движущейся фигуры в четверть роста, причем видимой только в течение 40 секунд – 70 м.; движущейся шагом фигуры во весь рост – 385 м.; движущейся слегка в разные стороны фигуры в половину роста – 350 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). При этом, как писал российский военно-морской агент, «условия стрельбы были очень трудными, так как

большая часть целей была движущаяся и каждая цель была видима лишь в течение не более одной минуты. В этот промежуток времени стрелок должен был зарядить ружье, приложиться и выстрелить» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10).

Примечательно, что кратко охарактеризованное состязание не являлось каким-то уникальным в силу его «столичности». Одновременно похожие турниры в полевой стрельбе проводились Катаринаским, Риндеским стрелковыми обществами и Доюргорденским спортивным обществом.

Следует заметить, что сложность указанных соревнований ничем не уступала, а иногда и превосходила то, что готовили и проводили, можно сказать, профессионально военные общества. В качестве примера можно сослаться на изложение А.К. Петровым первенства между стрелковым союзом Стокгольмской губернии и стрелковым обществом Военно-морского училища в феврале 1909 г. недалеко от Туреберга. В нем приняло участие 78 человек. Мишени состояли из фигур: в человеческий рост на расстоянии в 330 м.; в 1/3 роста на дистанции 180 м.; движущихся – в 1/4 роста – 130 м.; в 1/2 роста – 270 м.; в человеческий рост – 240 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10 об.). Более сложными, пожалуй, были только стрелковые турниры строевых офицеров, как, например, в 10-м Седерманладском полку: фигуру в 1/2 роста, исчезающую каждые 10–20 сек. нужно было поразить из ружья с расстояния 450 м., совершая короткие перебежки в 30–40 м. (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 27).

По замечанию А.К. Петрова, добровольные стрелковые организации, помимо военной подготовки, выполняли и другие важные государственные функции. Одной из главных являлось сплочение различных слоев населения, поддержание в народе чувства единства и патриотизма. С учетом того, что во всей Швеции насчитывалось 2300 добровольных стрелковых обществ, в которых было задействовано порядка 150000 человек, то, несомненно, следовало признать государственную значимость этих структур (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Не случайно власть стимулировала их развитие. И, как писал А.К. Петров, «за последние 10 лет число добровольных стрелков в Швеции увеличилось на 10000» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 29). Для сравнения с этими данными можно привести цифры, характеризующие не столько уровень стрелковой тренированности подданных России, сколько вообще спортивной подготовленности. Так, к началу 1915 г. в Российской империи было примерно 1266 спортивных организаций, разбросанных по 332 «городам и весям». Численность занимавшихся в них людей едва достигала 50000 человек. При этом, с учетом многонациональности России, в основе большей части спортивных обществ лежал национальный признак. Поэтому не удивительно, что в стране имелось более десятков исключительно польских, еврейских, грузинских и других тренировочных сообществ, причем стрельба в них занимала далеко не первое место (Деметр, 2019).

Среди шведских стрелковых обществ, число которых, как уже было указано, постоянно росло, и они даже проводили сессии собственного стрелкового риксдага, имелись и такие, которые действовали уже не один десяток лет. К ним относились Хельсингборское, Союз шведских офицеров, отметивших в 1909 г. соответственно 75 и 50-летие со дня своего основания (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Поэтому традиции стрелкового дела были укоренены не только в самой армии, что само по себе не удивительно для вооруженных сил любого государства, но и в шведском обществе в целом. В нем не считалось чем-то экстраординарным и не было диковинным явлением обладать навыками меткой стрельбы и среди гражданского населения.

Спорт в шведской армии занимал значимое место. Понятно, что он носил военно-прикладной характер, повышал навыки и мастерство, которые в первую очередь могли пригодиться в случае начала реальных боевых действий. Среди военно-спортивных дисциплин А.К. Петров обращал внимание на ориентирование. По нему часто проводили соревнования среди офицеров и унтер-офицеров. Причем традиционно они усложнялись специальными заданиями, а также непростыми погодными условиями. Ввиду долгой и снежной зимы в Швеции популярными и частыми в войсках были «мини-первенства» по ориентированию на лыжах. Так, в Эстерсунде 20 февраля 1909 г. такой турнир провели офицеры 6-й дивизии в количестве 21 человека. Расстояние от места старта до финиша составило 30 км. Между двумя этими точками был устроен контрольный пункт, на котором проверялась правильность прохождения дистанции. Первый из участников соревнований выступил в 8 часов утра, а за ним с промежутками в 5 мин. все остальные. Время победителя составило чуть более 4,5 часов (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 10). Для непрофессиональных спортсменов, а также с учетом всех особенностей, отличающих лыжное ориентирование от традиционной лыжной гонки, это был более чем достойный результат.

Кроме того, в шведской армии пользовались уважением конькобежные соревнования. Традиционно дистанция забегов составляла 1500 м. Популярными были также и конные скачки в любое время года. Достаточно большое внимание уделялось гимнастике. Определенное число офицеров каждой дивизии обязаны были проходить годовые курсы учителей гимнастики, чтобы в последующем квалифицированно проводить занятия с личным составом по месту службы (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 12). Гимнастическое мастерство шведских офицеров оценила и петербургская публика, когда они были с визитом в российской столице осенью 1909 г. и провели показательные выступления в Михайловском манеже (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 82).

С целью лучшей разработки плана и проведения спортивных соревнований в вооруженных силах в феврале 1909 г. в Стокгольме был учрежден «Шведский военный спортивный союз». В его состав вошли представители всех частей армии и флота и союзов народного ополчения. Председателем организации избрали крон-принца Густава-Адольфа, а вице-председателем – генерал-лейтенанта Варберга, начальника 4-й дивизии, расквартированной в Стокгольме и его окрестностях (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 11 об.). Создание «Шведского военного спортивного союза» под покровительством высокопоставленных чинов, вне всяких сомнений, свидетельствовало о поддержке государством спортивных начинаний в армии и переводе их на регулярную и плановую основу. Это являлось продолжением общей политики властей на стимулирование и развитие спорта в стране. Подтверждением тому стало объединение таких двух структур, как «Шведский государственный союз гимнастики и спортивных обществ» и «Шведское центральное общество для поощрения спорта», в «Союз главных спортивных союзов». Внутри эта новая организация была призвана стимулировать развитие спортивных занятий, а во вне в ее задачу входило представлять страну на Олимпийских играх (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 30).

Вообще определенная упорядоченность внеслужебного времени, по наблюдениям А.К. Петрова, являлась отличительной чертой шведской армии, что, безусловно, характеризовало культуру военного «сословия». Это наглядно было продемонстрировано им на примерах деятельности офицерских и унтер-офицерских обществ. Как писал российский военно-морской агент, «в корпусе офицеров нет какого-либо общего союза. Но имеется несколько более или менее многочисленных обществ, преследующих чисто военные и спортивные цели» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19). Такие собрания имели командиры разных званий, закончившие курсы Военной академии, артиллеристы, военные инженеры и другие. Во флотской среде также действовало специальное объединение под названием «Общество морских офицеров» с отделениями в Стокгольме и Карлскроне. В этих и им подобных организациях проводились лекции, устраивались диспуты по различным аспектам военной практики.

Однако было бы неправильно представлять, что даже за пределами казарм или боевых судов «отцы-командиры» только и думали о своих военно-специальных проблемах, и поэтому спланивались в своеобразные «профессиональные союзы». Их интересовали и другие вопросы, связанные с увлечениями, привязанностями. Помимо уже указанных спортивных сообществ, шведские офицеры, по словам А.К. Петрова, создавали общества трезвости, любителей словесности. Самым известным из последних было «Военное общество». Наш военно-морской представитель сравнивал его не больше и не меньше с российским «Вольным обществом любителей словесности, наук и художеств». В душе шведских офицеров этой организации порой «звуки муз» звучали громче приказов и распоряжений.

Такой же планомерностью и структурированностью жизни характеризовалось и унтер-офицерское сообщество. Оно стало принимать определенные формы еще в 1887 г. Именно тогда в Стокгольме было организовано «Унтер-офицерское общество». В программу его деятельности входило сближение нижних чинов командного состава всех родов войск, проведение образовательных лекционных занятий с последующим обсуждением и прениями, поддержание духа товарищества, «оказание материальной помощи при погребении скончавшихся членов и вспомоществование их вдовам и сиротам» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19 об.).

Однако самой крупной организацией в унтер-офицерской среде являлся «Шведский союз унтер-офицеров». Он был создан в 1907 г. с целью объединения всех унтер-офицеров страны для того, чтобы предоставить им полную возможность «удовлетворить запросы в отношении своего развития, как того требует польза родины и ее оборона» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 19 об.). Союз состоял из 11-ти структур, разбросанных по всей Швеции. В Карлскроне, Гетеборге, Эстерсунде и Умео, где были расположены части различных родов войск, были созданы особые унтер-офицерские общества с целью ознакомления друг с другом и «для устройства общих увеселений». Однако последнее все-таки не являлось главной целью их деятельности. Если требовали обстоятельства, то эти организации выступали в защиту прав нижних командирских чинов. Тот же «Шведский союз унтер-офицеров» в 1909 г. подал правительству жалобу на антисанитарное состояние жилых помещений унтер-офицеров в Карлсборгской крепости, Кунгсхольмском форте, крепости Боден и ходатайствовал о создании комиссии для проверки жалоб и исправления ситуации (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 21).

Особо отмечал А.К. Петров тренировки армии в зимнее время, что, впрочем, неудивительно, если учесть, в какой климатической зоне находится Швеция, и занятиям в этот период уделялось большое внимание. Если даже солдаты во время обучения оказывались в поле, вне казарм, то в таких непростых погодных условиях для ночевки шведы устраивали шалаши из земли, углубленные на 1–1,5 м. Вырытая яма устилалась хворостом, в качестве потолка использовался прочный брезент, на который еще сверху насыпался метровый слой земли. Жизнеспособность такого варианта «зимних квартир» продемонстрировали капральская и рекрутская школы, а также школа полевого телеграфного корпуса в конце февраля 1909 г., когда совершали походное движение в Сэдертерн. Температура наружного воздуха была минус 18 (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 6-6 об.).

Кратко характеризуя зимнее обмундирование солдат и офицеров шведской армии, А.К. Петров отмечал, что «форма зимой та же обыкновенная, что и летом, с той только разницей, что она теплее. Зимой шинель на подкладе. На случай же сильных морозов войска могут быть снабжены короткими полушубками образца 1905 года» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.). Однако они справедливо считались несколько тяжелыми для пехотинцев, поэтому для Норрландии (север страны, составляющий половину всей территории Швеции), где зима была особо суровой, разрабатывался некоторый облегченный вариант. Также особыми свойствами отличалась и обувь. Устав разрешал отходить от традиционных сапог, ботфортов и башмаков и использовать так называемые норрландские башмаки. Они наиболее подходили для непростых погодных условий, кроме того были наиболее удобны для бега на лыжах (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.).

Для рук употреблялись шерстяные рукавицы и верхние перчатки для одевания на рукавицы. При этом рукавицы пехотинцев имели свободными лишь большой палец и правый указательный, а у кавалеристов, артиллеристов, чинов инженерных войск и обоза и перчатки, и рукавицы были с пятью пальцами. На голове – меховая шапка с козырьком, который защищал верхнюю часть лица и спасал от так называемой «снежной слепоты». Шведы, по достоинству оценивая применяемый в русской армии башлык, закрывающий одновременно голову, шею и уши, все же отказались от его применения. Причина, по их мнению, как писал А.К. Петров, заключалась в имеющемся в этом виде одежды существенном недостатке: он мешал солдату поворачивать голову. Чтобы сделать это, требовалось разворачивать все туловище. Помимо неудобства как такового, с учетом всей зимней экипировки, подобное телодвижение было и более затратным по времени. Пусть это были секунды, но именно они в условиях боя могли обернуться потерей жизни или ранением. В шведской армии пошли по другому пути. Там вместо башлыка к шапке делали шерстяное прикрытие, закрывающее шею, затылок и не мешающее свободно поворачивать голову (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 20 об.).

Все тяготы зимней службы, наряду с солдатами, несли и офицеры. При их подготовке к будущей службе, даже если ее прохождение планировалось на юге Швеции, где холодный сезон по своей суровости все-таки отличался от северных районов, в обязательном порядке проводился курс обучения именно в Норрландии, в частности в крепости Боден и ее окрестностях. Это фортификационное сооружение стало возводиться в 1901 г. Цель – защита и прикрытие северных районов Швеции от нападений вероятного противника и железной дороги в Норвегию. Именно по ней осуществлялся вывоз железной руды, одного из главных экспортных товаров страны.

Крепость Боден, без всякого преувеличения, являлась уникальным военно-инженерным сооружением. Ее броневые форты были полностью вырублены из скальных пород. И она действительно имела стратегическое значение для обеспечения безопасности Швеции (Крепость Боден, 2019). В ней постоянно проводились учения и тренировки юнкеров, служа одновременно своеобразным достопримечательным местом, которое часто посещали военные с экскурсионными целями. Но даже во время этих ознакомительных поездок, как замечал А.К. Петров, не упускалась возможность проведения тактических занятий. Они осуществлялись при соответствующей экипировке и даже при температуре воздуха ниже 30°. Как писал российский военно-морской агент, «устраиваемым в Норрландии упражнениям вообще придается большое значение, так как война на северном театре считается шведами вполне возможной, и для ознакомления офицеров с особенностями этого театра не упускается ни один возможный случай» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 15 об.).

Большое внимание шведское правительство уделяло, по мнению А.К. Петрова, обеспечению качественной связи как для гражданско-коммерческих, так и для военных целей. Важным шагом в этом направлении стало открытие в 1909 г. в Гетеборге станции радиотелеграфа, предназначенной для сообщения с Англией. Подобные станции, соединяющие Швецию с Германией, к этому времени уже имелись в Карлскроне и Оскар-Фредриксберге. Гетеборгский пункт связи имел две мачты высотой 80 м. Далее А.К. Петров отмечал, что международный беспроволочный телеграф пользовался волнами 600 м., но в шведском флоте действовали иные правила, пока неизвестные русским. На одном из островов в центре Стокгольма, Шеппсхольмене, была сооружена и действовала особая станция радиотелеграфа для обучения матросов-сигнальщиков флота и «для опытов по усовершенствованию беспроволочного телеграфа, которые, по словам нашего агента, давали хорошие результаты» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 16).

Не осталось вне поля зрения А.К. Петрова и изобретение шведским майором фон Унге так называемой «воздушной торпеды», которую можно было использовать как в военных, так и мирных целях, например, для спасения людей с тонущего корабля. В газетах того времени, и в частности британских, писалось, что известная германская военно-промышленная компания Ф. Круппа желала приобрести право на производство торпед фон Унге для борьбы против управляемых аэростатов (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 17). Как показала дальнейшая история, действительно фирма Ф. Круппа в том же 1909 г. купила патент у фон Унге и имеющийся у него запас «воздушных торпед» в количестве 100 единиц. Немцы хотели довести боевой заряд снаряда до 50 кг. и обеспечить дальность его полета на 4–5 км. В течение 1910 г. велись опыты, которые в итоге закончились официальным заявлением об их прекращении ввиду того, что не удалось якобы добиться кучности огня. Многие

специалисты в военном деле не поверили этому сообщению хотя бы потому, что за несколько месяцев до этого германская компания подала заявку на патент изобретения «усиленной воздушной торпеды». Правда, в годы Первой мировой войны немцы не применяли этот вид оружия. По всей видимости, фирма Ф. Круппа действительно, не добившись нужного результата в деле переделке «воздушных торпед» фон Унге в тяжелую артиллерию с небольшой дальностью стрельбы, стала экспериментировать с другими средствами доставки боезарядов. Надо полагать, что столь же безуспешными оказались эксперименты и британского Адмиралтейства, которое тоже брало это «чудо-оружие» на проверку (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3923. Л. 34). Единственной страной, которая использовала изобретение шведского военного, была Франция (Лей, 1960: 22).

Большая часть сообщений А.К. Петрова в 1910 г. и начале 1911 г. были посвящены уточнениям и детализированием тем, поднятых и раскрытых им в 1909 г. Уже в апреле 1911 г. он встречал в Стокгольме и вводил в курс дела старшего лейтенанта П.Ф. Келлера, который должен был сменить его на посту военно-морского агента. Он делал это со свойственной ему тщательностью, благорасположенностью и учтивостью, чем вызвал нескрываемый восторг и воодушевление своего «сменщика» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 15 об.). Российская императорская миссия в Стокгольме выражала сожаление морскому министру И.К. Григоровичу в связи с намечаемой ротацией, поскольку в лице А.К. Петрова она имела «деятельного, отлично осведомленного и полезного сотрудника» (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 16). 9 мая 1911 г. П.Ф. Келлер приказом по Морскому ведомству был назначен военно-морским агентом в Швеции, Норвегии и Дании (РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3925. Л. 18-19).

5. Заключение

В 1912 г. российское военное руководство окончательно сформулировало цели и задачи в отношении Швеции. Определенный вклад в это дело внесли донесения военно-морского агента А.К. Петрова. За почти три с половиной года практической деятельности в скандинавских странах представитель Морского генерального штаба отправил большое количество сообщений. В значительной степени они были посвящены Швеции по причине значимости ее стратегического положения в Северной Европе, той роли, которую мог играть ее военный потенциал в гипотетически возможном «Панскандинавском союзе», а также в развернувшемся противостоянии Великобритании и Германии и блоками, возглавляемыми ими. Так получилось, что наиболее содержательными были послания 1909 г. В них рассматривались вопросы, касающиеся как морских, так и сухопутных сил Швеции. В целом российский агент оценивал невысоко военный потенциал флота, отмечал запутанность в организации и подготовке его личного состава. Несмотря на дискуссию в военно-политических верхах страны, ретранслируемую в общество относительно выбора пути военного кораблестроения – создание больших броненосно-линейных судов или, напротив, малого водоизмещения, типа эскадренных миноносцев, миноносцев, подводных лодок, верх брали именно сторонники второго направления. Таким образом, Морскому генеральному штабу было понятно, что шведский флот в значительной степени ориентирован на оборону в условиях шхер.

При характеристике сухопутных сил А.К. Петров обращал большое внимание на тренировки и учения в зимнее время и соответствующую экипировку солдат и офицеров, на нацеленность вооруженных сил вести боевые действия в непростых климатических условиях. Особо он отмечал физическую подготовку командного и рядового состава, культивирование в армии спорта. Не остались незамеченными организованность жизни офицеров и унтер-офицеров, что делало их службу более полноценной и интересной. Шведская армия стремилась внедрять последние военно-технические достижения, не исключая открытия и своих офицеров. Дополнительным и серьезным резервом вооруженных сил были многочисленные добровольные стрелковые общества. Они поддерживались государством, поскольку выполняли не только военные, но и объединительно-патриотические функции. Значимой для обороноспособности Швеции считал российский военно-морской агент и деятельность народного ополчения. В общем, исходя из совокупной информации, складывалось впечатление, что шведская сухопутная армия и население готовы были оказывать самое серьезное сопротивление любому противнику, вторгшемуся на территорию страны. Однако к каким-то наступательным действиям она специально не готовилась, что позволяло просматривать в будущей европейской войне нацеленность Швеции все-таки на нейтралитет.

Литература

Адамов, Козьменко, 1952 – Адамов А.А., Козьменко И.В. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 464 с.

Винокуров, 2017 – Винокуров В.И. Рыцарь военной дипломатии граф А.А. Игнатьев. М.: Русская панорама, 2017. 480 с.

Деметр, 2019 – Деметр Г.С. Очерки по истории отечественной физической культуры и олимпийского движения. [Электронный ресурс]. URL: <http://wikireading.ru/263721> (дата обращения: 03.01.2019).

Игвар, 1951 – Игвар А. История Швеции. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. 107 с.

- Игнатъев, 1986** – *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М.: Воениздат, 1986. 752 с.
- Игнатъев, 1986** – *Игнатъев А.В.* Балтийский вопрос во внешней политике России. 1905–1907 гг. // *Вопросы истории.* 1986. №3. С. 22–36.
- Кан, 1999** – *Кан А.С.* Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. М.: Российский гуманитарный университет, 1999. 359 с.
- Касиян, 2008** – *Касиян А.С.* «Русская угроза» Норвегии: происхождение, эволюция и интерпретация мифа // *Вестник Баренц-Центра МГПУ.* Мурманск, 2008. Вып. 7. С. 31–42.
- Крепость Буден (Боден), 2019** – Крепость Буден (Боден) [Электронный ресурс]. URL: <http://fortoved.ru/forum/index.php?rid=0&t=msg&th=1020> (дата обращения: 04.01.2019).
- Лей, 1960** – *Лей В.* Ракеты и полеты в космос. М.: 1-я тип. Мин-ва Обороны СССР, 1960. 71 с.
- Мелин и др., 2002** – *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции. М.: Весь мир, 2002. 400 с.
- Мусаев, 2009** – *Мусаев И.В.* Миф о русской угрозе в Скандинавии в XIX – начале XX вв. // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от Средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И.П. Шаскольского) / Сост. В.Е. Возгрин. СПб.: Изд-во «АИК», 2009. С. 193–203.
- Мусаев, 2019** – *Мусаев И.В.* Представление о «русской угрозе» в Северной Европе: история и современность. [Электронный ресурс]. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/17_1_2017/2017_17_1_Musaev_V_I_-_Predstavlenie_o_russkoj_ugroze_v (дата обращения: 15.01.2019).
- Нильсен, 2009** – *Нильсен Й.П.* «Русская угроза» на Севере Европы и Ноябрьский договор 1855 года // *Российская история.* 2009. №3. С. 84–89.
- Новикова, 2012** – *Новикова И.Н.* Швеция во внешней политике Германии накануне Первой мировой войны // *Клио.* 2012. №6. С. 42–47.
- Оскар II, 2019** – *Оскар II.* [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oskar2shwed.php (дата обращения: 15.01.2019).
- Парадиз, Сычев, 2019** – *Парадиз А., Сычев В.* Наградная система Российской империи. Ордена Российской империи [Электронный ресурс]. URL: <http://medalirus.ru/stati/paradiz-sychev-nagradnaja-sistema.php> (дата обращения: 01.01.2019).
- Похлебкин, 1997** – *Похлебкин В.В.* Россия первой признала норвежскую независимость (1905) // *Международная жизнь.* 1997. №5. С. 48–61.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГАВМФ** – Российский государственный архив военно-морского флота.
- Табаровская, 2012** – *Табаровская К.А.* Швеция в стратегических планах и оценках российских военных и дипломатов в начале XX века // *Новая и новейшая история.* 2012. №4. С. 183–194.
- Хобсбаум, 1999** – *Хобсбаум Э.* Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. 512 с.
- Чернышева, 2004** – *Чернышева О.В.* Шведы и русские: образ соседа. М.: Наука, 2004. 253 с.
- Aselius, 1994** – *Aselius G.* The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almquist&Wiksellintern, 1994. 455 p.
- BA-MA. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- Heckscher, 1954** – *Heckscher E.F.* An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1954. 308 p.
- Salmon, 1997** – *Salmon P.* Scandinavia and the Great Powers 1890–1940. Cambridge: Cambridge Academ, 1997. 448 p.
- Sjlov, 2006** – *Sjlov S.* «...en fullstendig uavhengig stat i hele dens territoriale utstrekning». Russland og fremveksten av det uavhengige Norge // *Hobson R., Holtmark S.G., Kristiansen T. Stormaktene Sveige og Norge 1905–1907.* Oslo: Cappelen Akademisk Forlag, 2006. pp. 80–113.

References

- Adamov, Koz'menko, 1952** – *Adamov A.A., Koz'menko I.V.* (1952). Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 [Collection of contracts of Russia with other states. 1856–1917]. М.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 464 p. [in Russian]
- Aselius, 1994** – *Aselius G.* (1994). The «Russian Menace» to Sweden. The Belief System of a Small Power Security Elite in the Age of Imperialism. Stockholm: Almquist&Wiksell intern. 455 p.
- BA-MA. RM** – Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg. BRD).
- Chernysheva, 2004** – *Chernysheva O.V.* (2004). Shvedy i russkie: obraz soseda [Swedes and Russians: image of the neighbor]. М.: Nauka, 253 p. [in Russian]
- Demetr, 2019** – *Demetr G.S.* (2019). Ocherki po istorii otechestvennoi fizicheskoi kultury i olimpiiskogo dvizheniya. [Sketches on stories of domestic physical culture and the Olympic Movement]. [Electronic resource]. URL: <http://wikireading.ru/263721> (date of the address: 03.01.2019). [in Russian]
- Heckscher, 1954** – *Heckscher E. F.* (1954). An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 308 p.
- Hobsbaum, 1999** – *Hobsbaum E.* (1999). Vek imperii. 1875–1914 [Century of the empire. 1875–1914]. Ростов-на-Дону: Феникс. 512 p. [in Russian]

- Ignat'ev, 1986** – *Ignat'ev A.A.* (1986). Pyat' desyat let v stroyu [Fifty years in a system]. M.: Voenizdat. 752 p. [in Russian]
- Ignat'ev, 1986** – *Ignat'ev A.V.* (1986). Baltijskij vopros vo vneshnej politike Rossii. 1905-1907 gg. [The Baltic question in foreign policy of Russia. 1905-1907]. *Voprosy istorii*. No. 3. pp. 22-36. [in Russian]
- Igvar, 1951** – *Igvar A.* (1951). Istoriya Shvecii [History of Sweden]. M.: Izd-vo inostrannoju literatury. 107 p. [in Russian]
- Kan, 1999** – *Kan A.S.* (1999). Shveciya i Rossiya – v proshlom i nastoyashhem [Sweden and Russia – in the past and the present]. M.: Rossijskij gumanitarnyj universitet. 359 p. [in Russian]
- Kasiyan, 2008** – *Kasiyan A.S.* (2008). «Russkaya ugroza» Norvegii: proisxozhdenie, e`volyuciya i interpretaciya mifa [“Russian threat” to Norway: origin, evolution and interpretation of the myth]. *Vestnik Barents-Tsentra MGPU*. Murmansk. No.7. pp. 31-42. [in Russian]
- Krepost` Buden (Boden), 2019** – *Krepost` Buden (Boden)* [Fortress Buden (Boden)]. [Electronic resource]. URL: <http://fortoved.ru/forum/index.php?rid=0&t=msg&th=1020> (date of the address: 04.01.2019). [in Russian]
- Lej, 1960** – *Lej V.* (1960). Rakety i polety v kosmos [Rockets and space flights.]. M.: 1-ya tip. Min-va Oborony` SSSR. 71 p. [in Russian]
- Melin et al., 2002** – *Melin Ya., Yuxansson A.V., Xedenborg S.* (2002). Istoriya Shvetsii [History of Sweden]. M.: Ves` mir. 400 p. [in Russian]
- Musaev, 2009** – *Musaev I.V.* (2009). Mif o russkoj ugroze v Skandinavii v XIX – nachale XX vv. [The myth about the Russian threat in Scandinavia in XIX – the beginning of the 20th centuries]. *Problemy istorii Rossii i stran Severnoi Evropy: ot Srednix vekov do nashixh dnei (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya I.P. Shaskol'skogo)*. Sost. V.E. Vozgrin. SPb.: izd-vo «AIK». pp. 193-203. [in Russian]
- Musaev, 2019** – *Musaev I.V.* (2019). Predstavlenie o «russkoj ugroze» v Severnoi Evrope: istoriya i sovremennost' [Idea of “the Russian threat” in Northern Europe: history and present]. [Electronic resource]. URL: http://novist.history.spbu.ru/trudy_kafedry/17_1_2017/2017_17_1_Musaev_V_I_-_Predstavlenie_o_russkoj_ugroze_v (date of the address: 15. 01. 2019). [in Russian]
- Nil`sen, 2009** – *Nil`sen J.P.* (2009) «Russkaya ugroza» na Severe Evropy` i Noyabr`skij dogovor 1855 goda [“The Russian threat” in the north of Europe and the November contract of 1855]. *Rossiiskaya istoriya*. No.3. pp. 84-89. [in Russian]
- Novikova, 2012** – *Novikova I.N.* (2012). Shvetsiya vo vneshnei politike Germanii nakanune Pervoi mirovoi voiny [Sweden in foreign policy of Germany on the eve of World War I]. *Clio*. No. 6. pp. 42-47. [in Russian]
- Oskar II, 2019** – *Oskar II.* [Electronic resource]. URL: http://www.hrono.ru/biograf/bio_o/oskar2shwed.php (date of the address: 15.01.2019). [in Russian]
- Paradiz, Sychev, 2019** – *Paradiz A., Sychev V.* Nagradnaya sistema Rossijskoj imperii. Ordena Rossijskoj imperii [Prize system of the Russian Empire. Awards of the Russian Empire] [Electronic resource]. URL: <http://medalirus.ru/stati/paradiz-sychev-nagradnaja-sistema.php> (date of the address: 01.01.2019). [in Russian]
- Pokhlebkina, 1997** – *Pokhlebkina V.V.* (1997). Rossiya pervoi priznala norvezhskuyu nezavisimost' (1905) [Russia the first recognized the Norwegian independence (1905)]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. pp. 48-61. [in Russian]
- RGAVMF** – Rossijskij gosudarstvenny`j arxiv voenno-morskogo flota [Russian state archive of naval].
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvenny`j voenno-istoricheskij arxiv [Russian state military and historical archive].
- Salmon, 1997** – *Salmon P.* (1997). Scandinavia and the Great Powers 1890-1940. Cambridge: Cambridge Academ. 448 p.
- Sjlov, 2006** – *Sjlov S.* (2006). «...enfullstendig uavhengig stat i hele dens territoriale utstrekning». Russland og fremveksten av det uavhengige Norge. *Hobson R., Holtsmark S.G., Kristiansen T. Stormaktene Sveige og Norge 1905-1907*. Oslo: Cappelen Akademisk Forlag. pp. 80-113. [in Norwegian]
- Tabarovskaya, 2012** – *Tabarovskaya K.A.* (2012). Shvetsiya v strategicheskikh planakh i otsenkakh rossiiskikh voennykh i diplomatov v nachale XX veka [Sweden in strategic plans and estimates of the Russian military and diplomats at the beginning of the 20th century]. *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 4. pp. 183-194. [in Russian]
- Vinokurov, 2017** – *Vinokurov V.I.* (2017). Rytsar' voennoi diplomatii graf A.A. Ignat'ev [Knight of military diplomacy of columns A.A. Ignatyev]. M.: Russkaya panorama, 480 p. [in Russian]

Об особенностях шведского военного потенциала в донесениях российского военно-морского агента А.К. Петрова в 1908–1911 гг.Станислав Николаевич Синегубов ^а, *; Сергей Павлович Шилов ^а^а Тюменский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются донесения российского военно-морского агента А.К. Петрова при правительствах скандинавских стран в Морской генеральный штаб в 1908–1911 гг. с точки зрения оценки шведского военного потенциала. Указанный временной отрезок был непростым в межгосударственных отношениях в Европе вообще, и ее Северной части в частности. В условиях после разрыва шведско-норвежской унии в 1905 г., когда официальный Петербург поддержал Осло в стремлении к независимости, военному и военно-морскому руководству Российской империи были не совсем ясны перспективы внешнеполитической ориентации и ее военной составляющей Королевства Швеции. В обстановке разделения ведущих держав мира на два противостоящих друг другу блока это являлось принципиально важным для выстраивания собственной военно-политической стратегии в балтийском регионе. Поэтому неудивительно, что содержательная часть донесений А.К. Петрова была насыщена информацией не только о флоте, но и сухопутной армии Швеции. Как показывают авторы, данные о последней отличались интересными деталями и подробностями. Это касалось тренировок и учений в зимнее время, физической подготовки командного и рядового состава, культивирования в армии спорта, организации жизни офицеров и унтер-офицеров, поддержки государством народного ополчения и др. В статье указывается, что особой наполненностью данными о вооруженных силах скандинавского государства отличались послания 1909 г. В донесениях 1910 и начала 1911 гг. осуществлялась их корректировка и дополнения. В целом на их основании формировалась определенная картина: шведские вооруженные силы в большей степени, особенно флот, были ориентированы на оборону, предпочтение в их развитии отдавалось сухопутным силам.

Ключевые слова: Россия, Швеция, российский военно-морской агент, донесения 1908–1911 гг., шведские вооруженные силы.

* Корреспондирующий автор

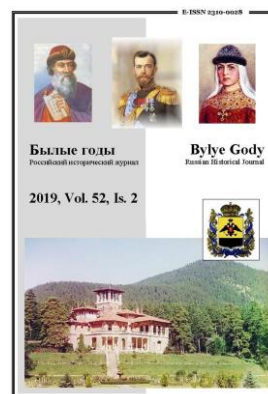
Адреса электронной почты: globus_75@inbox.ru (С.Н. Синегубов), sshilov@mail.ru (С.П. Шилов)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 892-900. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.892
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Problem of Organizing Care for the Wounded and Sick Soldiers During World War I

Gulzhaukhar K. Kokebayeva ^{a,*}, Ryskeldy S. Myrsabekova ^a,
Aigul M. Smanova ^b, Tolkyn N. Mukhazhanova ^a

^aAl-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^bKazakh State Women's Teacher Training University, Kazakhstan

Abstract

World War I was a global armed conflict of the industrial age. The armies of the warring parties used all achievements of science and technology: toxic gases, air raids, tanks. The use of powerful weapons, equipment and new methods of warfare led to destruction or injury of a huge number of people. The norms of international humanitarian law that provide for the treatment of the sick and wounded in armed conflicts reflect elementary considerations of humanity. According to the Geneva Conventions of 1864 and 1906, sanitary facilities should get the patronage and protection of belligerents. After each battle, the belligerent, which occupies the battlefield, must organize operations to find the wounded and provide them medical assistance. In all belligerent countries, all doctors, both conscripts and volunteers, began their military service, making them one of the largest groups of academically trained specialists engaged in hostilities. Doctors and nurses selflessly served humanistic ideals, they did not differentiate the wounded and sick soldiers based on their belonging to any nation or state.

Keywords: wounded and sick soldiers, first and second Geneva Conventions, military medical personnel, nurses, military medicine, sanitary facilities.

1. Введение

Первая мировая война сегодня рассматривается как определяющее событие XX века, в результате которого начался политический кризис в воюющих странах, распались крупные империи. Первая мировая война была глобальным вооруженным конфликтом индустриальной эпохи. Армии воюющих сторон использовали все достижения науки и техники: токсичные газы, воздушные налеты, танки. Использование мощного оружия, техники и новых методов ведения войны приводило к уничтожению или ранению огромного количества людей. Формирование военной медицины происходило в начальный период войны в тяжелейших условиях кровавых сражений, острой нехватки медперсонала, лазаретов, лекарств, оборудования и транспорта. Методы диагностики и лечения пациентов варьировались в зависимости от географических и климатических факторов, от тяжести ранения и заболевания, от численности воинов, нуждающихся в лечении, от уровня знаний и навыков медицинского персонала, от наличия транспорта, медикаментов и медицинского оборудования. Без всестороннего изучения вопросов организации медицинской помощи раненым и больным военнослужащим историография истории Первой мировой войны была бы неполной.

* Corresponding author

E-mail addresses: kokebayeva@mail.ru (G.K. Kokebayeva), myrsabekova_r@mail.ru (R.S. Myrsabekova), aigulsmanova@mail.ru (A.M. Smanova), tolkynm3010@gmail.com (T.N. Mukhazhanova)

2. Материалы и методы

Материалом для исследования послужили тексты первой и второй Женевских конвенций об улучшении положения больных и раненых в период международных вооруженных конфликтов (Женевская, 1914; *The Geneva*, 1916), указы и постановления правительственных органов стран Антанты об организации медицинской помощи раненым и больным военнослужащим, документы, отражающие участие медиков в Первой мировой войне (Авербах, 1915).

В статье использованы также материалы Политического архива МИД ФРГ об оказании медицинской помощи военнопленным. Статья посвящена изучению одной из важных проблем истории Первой мировой войны – соблюдению основных положений Женевских конвенций 1864 и 1906 гг. об обеспечении раненых и больных военнослужащих медицинским обслуживанием.

При проведении исследования использован нарративный метод, являющийся «измерением реального мира», которое используется, когда исследуются «проблемы реальной жизни». В базовом линейном подходе данный метод означает изучение опыта отдельного человека, охватывающего историю его жизни и оценку научной значимости этого индивидуального опыта.

3. Обсуждение

Среди исследований, посвященных анализу международных нормативных документов по организации помощи раненым и больным военнослужащим в период Первой мировой войны, можно выделить книгу Ф. Кальсховена и Л. Зегфельда (*Kalshoven, Zegveld*, 2011). Проблема соблюдения международных норм улучшения участи раненых и больных военнопленных рассматривалась в работе М. Драйера и О. Лембке (*Dreyer, Lembcke*, 1993).

Сложная работа медиков по спасению раненых и больных военнослужащих в период первой мировой войны исследована в книге В.У. Эккарта и Х. Градманна «Медицина и Первая мировая война» (*Eckart, Gradmann*, 2003). Во время Первой мировой войны врачи воюющих государств видели свою основную профессиональную и патриотическую миссию не только в обеспечении медицинской помощи военному и гражданскому населению. Война дала им огромный экспериментальный материал, и накопленный опыт лечения раненых и больных нуждался в научной и практической оценке. Этому аспекту деятельности военных медиков посвящена работа С. Михл, где автор дает сравнительный анализ деятельности французских и немецких врачей по выявлению причин вспышки некоторых видов болезней в условиях тотальной войны (*Michl*, 2007). В книге голландского военно-медицинского историка Л. Бергена анализируются физические и психические страдания людей, сражавшихся на фронтах Первой мировой войны (*Bergen*, 2009). Опираясь на английские, французские, немецкие, бельгийские и голландские источники, он показывает последствия кровопролитной войны для людей, вовлеченных в нее. Используя огромное количество статистических данных и медицинской информации, автор характеризует весь спектр медицинской помощи и практики лечения различных видов ран и болезней (*Bergen*, 2009).

Истории деятельности русских медиков в период Первой мировой войны посвящено множество статей, роль медицинских сестер по уходу за ранеными солдатами показана в книге А.В. Срибной (*Срибная*, 2015; *Гладких*, 2017; *Нурғалиева*, 2014).

4. Результаты

Нормы международного гуманитарного права, предусматривающие обращение с больными и ранеными в вооруженных конфликтах, отражают элементарные соображения гуманности. Идея о том, что к раненым и больным в период вооруженного конфликта следует относиться с уважением и защитой, была признана еще в древние времена, о чем свидетельствуют Кодекс Хаммурапи, индуистский Махабхарата, китайский Вэй Ляоцзы, приказы халифа Абу Бакра, также и рыцарские кодексы средневекового Запада (*Gasser*, 1993: 6-7; *Wilson*, 2017: 565). Однако до середины XIX века не было международных договоров, определяющих правила оказания помощи раненым и больным не только своей армии, но и неприятеля. Разработка такого международного документа начинается с появления Общества Красного Креста, созданного по инициативе Анри Дюнан. В 1859 году в Сольферино (Северная Италия) произошло ожесточенное сражение между австрийскими войсками и франко-итальянскими объединенными силами, в котором были ранены и погибли около 40 000 человек (*Miraglia*, 2011: 76). Санитарные службы воюющих стран не успевали оказывать помощь раненым. В маленьком городке Кастильон было 9 тыс. раненых, им оказывали помощь всего 6 военных врачей. А. Дюнан создал там отряд добровольцев для спасения раненых. «Мы все братья», – говорили они раненым и заботились о каждом из них вне зависимости от национальной принадлежности. Когда А. Дюнан узнал о том, что французы взяли в плен австрийских врачей, он разыскал французского командира и попросил его позволить австрийским врачам принять участие в миссии по оказанию помощи раненым на поле боя. Таким образом, здесь впервые был применен принцип нейтрального и милосердного отношения медицинского персонала к раненым военнослужащим. В 1863 году в книге «Воспоминания о битве при Сольферино» А. Дюнан сформулировал некоторые идеи защиты и оказания помощи раненым и больным военнослужащим воюющих сторон. Эти идеи А. Дюнана вошли в текст первой Женевской конвенции «Об облегчении

участи раненых и больных воинов во время сухопутной войны», подписанной 24 августа 1864 года на дипломатической конференции в Женеве. Это соглашение, названное впоследствии Женевской конвенцией 1864 года, заложило основу для современного гуманитарного права, кодифицировав правила ухода за больными и ранеными военнослужащими и обеспечив неприкосновенность медицинского персонала, транспорта и объектов. В конвенции указывалось, что врачебная помощь во время войны объявляется нейтральной и на воюющие стороны возлагается обязанность оказывать ее независимо от гражданства, в том числе лицам, принадлежащим неприятельской армии. Впоследствии большинство стран признали положения этой конвенции.

Первая Женевская конвенция 1864 года касалась облегчения участи раненых и больных солдат сухопутных войск. Круг подзащитных лиц был расширен второй Женевской конвенцией «Об улучшении состояния раненых, больных и потерпевших кораблекрушение военнослужащих в море», заключенной 6 июля 1906 года и подписанной 35 государствами. Во второй конвенции были учтены также проблемы обеспечения раненых питанием и медицинским обслуживанием. Статья 1 Конвенции гласит: «Офицеры и солдаты, а также другие лица, официально прикрепленные к армиям, если ранены или больны, то должны пользоваться, без различия национальности, покровительством и заботой властей воюющей стороны. Воюющая сторона, которая вынуждена бросить больных или раненых противнику, должна, насколько позволяют военные обстоятельства, оставить с ними часть своего медицинского персонала и снаряжения для содействия уходу за ними» (Женевская, 1914: 1; *The Geneva*, 1916: 5). В тексте Конвенции 1864 года иммунитет, которым пользовались медицинский персонал и сами раненые, выражался понятием «нейтралитет», достаточно ясно выражавшем мысль о том, что военнослужащий перестает быть врагом после того, как он был ранен, и поэтому безвреден, а также о том, что медицинский персонал находится вне конфликта. Однако это не соответствовало действительности, поскольку термин «нейтралитет» в основном относится к лицам, которые не принимают участия в вооруженном конфликте. Поэтому в Конвенции 1906 года было отмечено, что больные и раненые из армии, которые попадают под власть другой воюющей стороны, становятся военнопленными, и общие правила международного права относительно пленны, становятся применимыми к ним.

Конвенция обязывает воюющие стороны возвращать больных и раненых, если они не желают удерживать их как пленных, отправлять больных и раненых неприятеля в нейтральное государство с согласия последнего и при условии, что оно должно интернировать их до завершения военных действий. После каждого сражения воюющая сторона, занимающая поле сражения, должна организовать работу по поиску раненых, должна защищать их и мертвых от грабежа и дурного обращения с ними. При первой возможности каждая воюющая сторона должна отправить властям их страны или армии удостоверения личности, знаки отличия и другие документы, найденные на телах мертвых, также и поименные списки больных и раненых, подобранных на поле боя. Военные власти могут обращаться к местным жителям с призывом о милосердии, предлагая им под контролем военных властей подбирать раненых и больных, принадлежащих их армиям, и ухаживать за ними, при этом предоставляя лицам, отозвавшимся на призыв, особое покровительство и некоторые льготы.

Вторая глава Конвенции определяет правила обращения с санитарными учреждениями, сопровождающими армию или постоянными, которые должны пользоваться покровительством и охраной воюющих сторон. Санитарные учреждения не могут пользоваться покровительством в случае использования их во вред неприятелю. Но они не лишаются покровительства, если, во-первых, их персонал вооружен для самозащиты или защиты своих больных и раненых, ввиду отсутствия вооруженных сил врачебно-санитарного персонала; во-вторых, они охраняются пикетом или часовыми, снабженными надлежащими удостоверениями; в-третьих, у них находятся оружие и патроны, снятые с раненых и не сданные еще по принадлежности. Персонал, занимающийся исключительно сбором, транспортировкой и лечением раненых и больных, администрация медицинских подразделений и учреждений, а также капелланы, прикрепленные к армиям, должны защищаться при любых обстоятельствах. Если они попадают в руки врага, то не должны рассматриваться как военнопленные. Эти положения применяются также к охране медицинских подразделений и учреждений, имеющей надлежащие удостоверения (статья 8). Персонал обществ добровольной помощи, нанятый в медицинские подразделения и учреждения армий, находится под покровительством и защитой воюющих сторон на основе аналогичных принципов. Каждое государство должно уведомить другое либо в мирное время, либо в начале, либо в ходе военных действий, но в каждом случае до фактического их использования о названии тех обществ, которых оно под свою ответственность уполномочило оказывать содействие регулярной медицинской службе своих войск. Если мобильные медицинские подразделения попадают в руки противника, они должны оставить у себя медицинские оборудования и материалы. Тем не менее компетентный военный орган может свободно использовать эти материалы для лечения раненых и больных (Женевская, 1914: 2-5; *The Geneva*, 1916: 6-8).

В годы Первой мировой войны во всех воюющих странах врачи не только по призыву, но и добровольно в большом количестве приступили к военной службе, что сделало их одной из

крупнейших групп академически подготовленных специалистов, участвующих в военных действиях. Приоритетным направлением системы здравоохранения воюющих стран было обеспечение медицинского и социального наблюдения за ранеными и больными в период от их эвакуации до возвращения в армию или общество, и в результате должно было произойти профессиональное «восстановление» или, по словам того времени, физическое и умственное «возрождение» человеческого капитала. Во время войны число врачей и медсестер непрерывно росло, они заботились о миллионах больных и раненых, находящихся на больничных койках, на носилках, на одеялах на полу, внутри или за пределами полевых лазаретов.

В России было мобилизовано в вооруженные силы около 15,5 миллионов человек, это больше на одну треть всех мобилизованных в других странах Антанты (Россия и СССР, 2001: 88, 91). За период войны было госпитализировано 5 148 180 раненых и больных военнослужащих (Россия и СССР, 2001: 101). 16 июля 1914 года в Российской империи было издано «Положение о полевом управлении войск в военное время». В нем предписывалось призвать на действительную службу врачей и фармацевтов запаса армии и числящихся в первом разряде ополчения и получающих назначения в соответствии с мобилизационным расписанием 1910 года в части, управления, учреждения, заведения и флот (Авербах, 1915: 4). В течение двух недель было сформировано 225 лазаретов дивизии, 191 полевой запасный госпиталь, 60 крепостных госпиталей, всего – на 265 401 койку (Гладких, 2017: 7). 5 августа 1914 года был издан «Временное положение об эвакуации раненых и больных», по которому непосредственное руководство отправкой раненых и больных в тыловые районы фронта возлагалось на начальника эвакуационного отдела Управления санитарной части армии, во внутренние районы – на окружные штабы. Эвакуацией раненых военнослужащих и оказанием им медицинской помощи занимались многочисленные учреждения, подчиняющиеся к различным ведомствам. Таким образом, не была создана единая медицинская служба, координирующая работу по оказанию помощи раненым и больным бойцам на фронте и в тылу. 3 октября 1914 года указом императора Верховным начальником эвакуационной и санитарной части империи был назначен принц А.П. Ольденбургский (Cherkasov et al., 2016). Передача руководства этому строгому и ответственному человеку помогла устранить некоторые недостатки в работе эвакуационных и санитарных учреждений. В своих воспоминаниях великий князь Александр Михайлович отмечал: «Принц Александр Петрович был тем самым командиром Гвардейского корпуса, который вызывал во всех такой страх. Его строгость граничила с сумасбродством. Весть о его приближении во время инспекторских осмотров вызывала среди офицерского состава нервные припадки, а на солдат наводила панику. С этой маниакальной строгостью в видимом противоречии находилась его благоговейная преданность наукам. Он оказывал щедрую материальную поддержку всевозможным просветительным и благотворительным начинаниям, а также научным экспедициям и изысканиям. Он покровительствовал молодым, подающим надежду ученым, а они относились снисходительно к его неуравновешенности и чудачествам. Его назначение во время войны на пост Начальника санитарной и эвакуационной части заставило подтянуться весь русский медицинский мир, и на этот раз русская армия оценила благодетельную строгость принца Александра Петровича» (Великий князь, 1991: 127-128). Верховный начальник координировал все виды и этапы санитарной и эвакуационной деятельности на фронтах и во внутренних районах империи (Авербах, 1915: 302-303). Губернаторы должны были содействовать Верховному начальнику в выполнении его задач, а также и работе всех общественных, правительственных и частных организаций, занимавшихся оказанием помощи раненым и больным воинам. Члены императорской семьи активно участвовали в работе этих организаций. Забота о раненых бойцах, эвакуированных в юго-западные губернии России, была возложена на особый комитет, возглавляемый великой княгиней Анастасией Николаевной. Великая княгиня Ольга Александровна ухаживала за ранеными в госпитале, как все сестры милосердия. «Женщины с душевными качествами Великой Княгини Ольги представляют собою редкое явление. Всегда одетая, как простая сестра милосердия, и разделяя с другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась всю ночь подряд, когда надо было перевязать вновь прибывших раненых. Иногда солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрой Государя и дочерью Императора Александра III», – вспоминает великий князь Александр Михайлович (Великий князь, 1991: 216). Дочери царя также постоянно после уроков ходили в лазарет, делали перевязку, вносили свой посильный вклад в спасение раненых солдат, о чем свидетельствуют дневники великих княжон Ольги, Марии, Татьяны и Анастасии и их письма к отцу Николаю II (Августейшие, 2006: 12-241).

В результате ожесточенных боев на Западном фронте в первые пять месяцев общая численность раненых и больных достигла 1 133 619 человек (Marc, 2002: 412). В оказании помощи раненым и больным военнослужащим на Западном фронте большую роль играли Медицинский корпус королевской армии (Великобритания) и Военно-медицинская служба Министерства обороны Франции. В начале войны в Медицинском корпусе королевской армии насчитывалось 9 000 офицеров, а к 1918 году эта цифра выросла до 113 000. Медицинский корпус королевской армии управлял всеми медицинскими подразделениями британской армии и предоставлял медицинские отряды для пехотных, артиллерийских и других видов войск. В своей работе Корпусу оказывали

добровольную помощь Британский Красный Крест, Скорая помощь Святого Иоанна, Отряды добровольной помощи и сотни частных и благотворительных организаций. По данным Военно-медицинской службы, в 1915–1918 гг. были эвакуированы и госпитализированы более 15 миллионов раненых, больных и отравленных газом, 79 % из них были восстановлены военным командованием в 1916 году, 91 % – в 1918 году (Viet, 2015: 5). Раненым бойцам армии Антанты оказывали помощь также и медики Канады, Новой Зеландии и Австралии. Медицинский корпус канадской армии оказывал помощь раненым в битвах при Ипре и других крупных сражениях в Европе (Adami, 1918: 36-271), потом некоторые части были переброшены на средиземноморский фронт, чтобы поддержать британские силы, сражающиеся в Галлиполи, Салониках и Египте. Раненым в этих битвах британским военнослужащим оказывали помощь и служащие Медицинских корпусов Австралийской армии и Новой Зеландии. В начале войны Медицинская служба австралийской армии была небольшим специализированным дополнением к Медицинскому корпусу Британской королевской армии, а к 1918 году она стала самостоятельным подразделением. В некоторых регионах медики работали в тяжелых условиях. На Ближнем Востоке и Африке, также и на Балканах больницы были в ужасном состоянии; инфекционные заболевания, такие как малярия, песчаная лихорадка, тиф и дизентерия, бушевали среди пациентов и врачей. В Египте британских поставок не хватало, а солдаты подвергались серьезным угрозам из-за пыльных бурь, обилия скорпионов и мух. Медицинский персонал армий Антанты в Восточном Средиземноморье также служил в более сложных условиях, чем на Западном фронте (Harrison, 2010: 228-261).

Когда Соединенные Штаты вступили в войну в 1917 году, в армии еще не был создан медицинский корпус. В дальнейшем он был сформирован по аналогии с английской и французской медицинскими системами, которые уже имели опыт функционирования в условиях трех лет войны. К 30 июня 1917 года в армейском медицинском корпусе США служили 16 773 военных врачей, через несколько месяцев к ним присоединились еще 55 диспансерных врачей, анестезиологов и лаборантов. Конгресс выделил Медицинскому департаменту почти 30 миллионов долларов на расходные материалы и оборудование (Gillett, 2009: 22-32). К тому времени, когда американцы начали принимать участие в боевых действиях, корпус уже создал работоспособную медицинскую систему и фактически добился успехов в оказании помощи раненым и больным.

В Первой мировой войне были использованы новые технологии и методы ведения боевых действий: применение танков, огнеметов, пулеметов, мин и минометов, газовой и химической атак, траншейной войны, воздушных налетов – и все это поставило военных медиков лицом к лицу перед новыми проблемами. Большую роль в облегчении страданий раненых и больных сыграли медицинские сестры, которых называли «белыми ангелами». В России сестры милосердия служили в Российском обществе Красного Креста и в больницах различных религиозных общин. В 1916 г. на фронт были отправлены 17 436 сестер; они ухаживали за ранеными и больными бойцами в госпиталях, санитарных поездах, дезинфекционных подразделениях, рентгеновских и подвижных хирургических отрядах, на бактериологических станциях (Нурғалиева, 2014: 55).

Британские медицинские сестры состояли в составе Королевского военного сестринского корпуса королевы Александры, члены которого и его резервный состав были одними из первых, кто отправился во Францию в составе британских экспедиционных сил. В таких странах, как Франция, Индия, Восточная Африка, Италия, Палестина, Египет, Месопотамия и Россия, было около 10 000 регулярных и резервных отделений этой организации. За ними последовали медсестры британских доминионов – Канады, Австралии и Новой Зеландии, они прибыли в Европу к концу 1914 года. Кроме того, были созданы Отряды добровольной помощи, действующие под эгидой Британского общества Красного Креста и Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна (Hallet, 2016: 187). В период Первой мировой войны более 12 000 женщин служили в Королевском военном сестринском корпусе королевы Александры, более 90 000 – в Отрядах добровольной помощи и 8 140 – в составе Территориальной службы медсестер (Kitching, 2013: 35).

Во Франции в 1914 году существовало несколько категорий медсестер: профессиональные, временные – в военных больницах и добровольцы трех обществ Красного Креста – Ассоциации французских дам, Общества помощи раненым воинам и Союза французских женщин.

Американские женщины принимали участие в оказании помощи раненым и больным военнослужащим еще задолго до того, как США вступили в Первую мировую войну. Состоятельные и независимые женщины, которые могли позволить себе путешествовать, вступали в добровольческие отряды или работали в комитетах Французского и Бельгийского Красного Креста (Hallet, 2016: 175). Когда США вступили в войну в апреле 1917 г., в армейском корпусе медсестер насчитывалось около 403 женщин и около 170 медсестер в запасах. В течение месяца часть медсестер была отправлена в Европу, они должны были вместе с британским медицинским персоналом создавать базовые больницы. В октябре 1917 года численность медсестер значительно возросла, и к последнему году войны в армейском корпусе медсестер служили около 12 тыс. женщин. К 11 ноября 1918 года насчитывалось около 21 480 медсестер, из которых более 10 тыс. были размещены и служили за границей в таких странах, как Франция, Бельгия, Англия, Италия, Сербия, Гавайи, Пуэрто-Рико и Филиппины. В начале войны Корпус медсестер военно-морского флота также предоставил более

160 действующих медсестер; однако их количество росло медленно по сравнению с армией и достигло около 1 400 к концу войны. Большая часть помощи американским военнослужащим оказывалась со стороны Красного Креста, который служил резервом медсестер военно-морского флота и армии (Nursing, 2013).

Врачи и медицинские сестры самоотверженно служили гуманистическим идеалам: не разделяли раненых и больных военнослужащих по признакам принадлежности к какой-нибудь нации или государству. На балканском фронте в госпиталях работало много медиков из стран Антанты, оказывавших медицинскую помощь не только сербским военнослужащим, но и австро-венгерским военнопленным. К концу 1915 года в Сербии действовало более 20 британских медицинских миссий, больниц и команд (Lowenthal, 1961: 1635). Дж. Джонстон Абрахам, возглавлявший больницу в Скопле, вспоминает русского доктора Эстер Кадиш, которая работала там еще до приезда британской миссии и обслуживала огромное количество раненых и больных; она оказала неоценимую помощь также и британским врачам, владея русским, сербским, английским, французским и немецким языками (Abraham, 1922: 46-47, 68). Флоренс Фармборо, образованная женщина из Великобритании, работала в России гувернанткой. Когда началась война, она присоединилась к русской имперской армии в качестве медсестры Красного Креста, ухаживала за ранеными на галицком и румынском фронтах. Она была свидетельницей тяжелых сражений 1915 года, наступления армии Брусилова в 1916 году. В марте 1918 года, после заключения Брест-Литовского договора, положившего конец войне между Россией и странами Тройственного союза, Ф. Фармборо с группой английских граждан и других иностранцев пересекла Россию по Транссибирской магистрали до Владивостока. Там они сели на корабль, отправленный президентом США Вудро Вильсоном для перевозки союзных беженцев в Сан-Франциско, откуда Ф. Фармборо вернулась домой в Англию (Cook, 2006: 177-178). Дочь шведского посла в Петербурге Эльза Брендстрем во время Первой мировой войны была в России и ухаживала за ранеными русскими солдатами в городской больнице. Параллельно с работой в больнице она прошла медицинский курс и после завершения учебы стала работать в качестве военной сестры милосердия. В 1915 году Шведский Красный Крест направил ее в лагерь для военнопленных в Сибири, где она лечила военнопленных армий Тройственного Союза (PA-AA. R 60597a).

Медикам пришлось столкнуться и с разрушительными последствиями войны для психического здоровья воинов. Военнослужащие из Австралии, Канады, Южной Африки, США, Бельгии, Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльса с диагнозом психическое расстройство лечились в Национальном госпитале неврологии и нейрохирургии, расположенном в центре Лондона. В 1917 году в лечебно-профилактическом учреждении Вайссенау в Германии был создан резервный госпиталь для психически больных военнослужащих. В нем в 1920 году находились, наряду с другими, и 26 российских военнопленных (Kanis-Seyfried, 2016: 34). Советское государство в 1923 году перевело 900 млн. марок для их содержания (PA-AA. R 83820, Bd. 11).

В период Первой мировой войны были также нарушения основных правил Женевских конвенций об улучшении участи раненых и больных воинов. Так, Чрезвычайная следственная комиссия, созданная для расследования нарушений законов и обычаев войны австро-венгерскими и германскими войсками и войсками держав, действовавших в союзе с Германией и Австро-Венгрией, в своих отчетах отмечала неоднократные случаи оставления раненых русской армии на произвол судьбы (Обзор, 1916: 225-226). На основании претензий правительства России по поводу эпидемии сыпного тифа в Геттингенском лагере для военнопленных была создана комиссия из немецких специалистов – врачей и юристов. Член комиссии профессор Х. Якобсон, посетивший в мае 1916 года Геттингенский лагерь, в своем отчете отмечал, что комендатура лагеря предприняла все меры для быстрого изолирования эпицентра болезни, а русские военнопленные, которые находились в этом лагере в период эпидемии, не предъявили каких-либо жалоб относительно их содержания и лечения (Kriegsgefangene, 1921: 217).

5. Заключение

Первая мировая война была глобальным международным конфликтом, в результате которого погибли миллионы людей. Были также десятки миллионов раненых на поле боя, что потребовало создания огромного военно-медицинского аппарата в воюющих странах. В период Первой мировой войны значительное количество военнослужащих воюющих сторон получило тяжелые, опасные для жизни травмы: раневые инфекции, такие как газовая гангрена и столбняк, воздействие экстремальных температур, эмоциональные травмы и системные заболевания. Применение тяжелой артиллерии и пулеметов, а также использование химического оружия нанесли военнослужащим серьезные и опасные для жизни повреждения и раны. Наиболее частые причины смерти были связаны главным образом не с огнестрельными ранениями, а с переломами, столбняком и серьезными осложнениями инфекционных заболеваний. Несмотря на некоторые национальные различия, организация медицинской помощи раненым бойцам была в целом одинаковой во всех армиях: первая медицинская помощь на поле сражения, передовые пункты перевязки, за которыми следовали прифронтовые полевые госпитали. С первых же сражений войны медицинскому персоналу

стало ясно, что эта война, вероятно, приведет к незнакомым травмам и болезням, причем в таких масштабах, которые ранее невозможно было себе представить. Долгое время после войны тысячи врачей, медсестер и другой медицинский персонал (носильщики, работники Добровольного отделения помощи, ветеринары и сотрудники Красного Креста) продолжали работать, пытаясь спасти раненых и больных военнослужащих. Врачи часто были вынуждены экспериментировать, применяя неортодоксальные методы лечения, чтобы вылечить своих пациентов.

Литература

- [Августейшие, 2006](#) – Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Звеева. М., 2006.
- [Авербах, 1915](#) – *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914 года с Германией, Австро-Венгрией и Турцией. Вильно, 1915.
- [Великий князь, 1991](#) – Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. М., 1991.
- [Гладких, 2017](#) – *Гладких П.Ф.* Военная медицина императорской России в Первой мировой войне // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. №2. С. 5-24.
- [Женевская, 1914](#) – Женевская (1906 г.) и Гагская (1907 г.) конвенции. Пг., 1914.
- [Нурғалиева, 2014](#) – *Нурғалиева Е.Ю.* Общины сестер милосердия в период Первой мировой войны (1914–1918) // *Медицинская сестра*. 2014. №1. С. 54-55.
- [Обзор, 1916](#) – Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии с 29 апреля 1915 г. по 1 января 1916 г. Т. 1. Пг., 1916.
- [Россия, 2001](#) – Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М., 2001.
- [Срибная, 2015](#) – Срибная А.В. Сестры милосердия в годы Первой мировой войны. М., 2015.
- [Abraham, 1922](#) – *Abraham J.J.* My Balkan Log. New York, 1922.
- [Adami, 1918](#) – *Adami J.G.* War Story of the Canadian Army Medical Corps. 1861-1926. Vol.1. London, 1918.
- [Bergen, 2009](#) – *Bergen L.* Before My Helpless Sight : Suffering, Dying and Military Medicine on the Western Front, 1914-1918. Aldershot, 2009.
- [Cherkasov et al., 2016](#) – *Cherkasov, A.A., Metreveli, R.V., Smigel, M., Molchanova, V.S.* Characteristics of the Russian society of the red cross on the caucasus front (1914-1917) // *Terra Sebus*. 2016. 8: pp. 319-333.
- [Cook, 2006](#) – *Cook B.A.* (ed.). Women and War: A Historical Encyclopedia from Antiquity to the Present. Vol. 2. Santa-Barbara, 2006.
- [Dreyer, Lembcke, 1993](#) – *Dreyer M., Lembcke O.* Die deutsche Diskussion um die Kriegsschuldfrage 1918/19. Berlin, 1993.
- [Eckart, Gradmann, 2003](#) – *Eckart W.U., Gradmann Ch.* Die Medizin und der Erste Weltkrieg. Herbolzheim, 2003.
- [Gillett, 2009](#) – *Gillett M.C.* The Army Medical Department, 1917–1941. Washington, 2009.
- [Hallet, 2016](#) – *Hallet Ch.E.* Nurse Writers of the Great War. Oxford, 2016.
- [Harrison, 2010](#) – *Harrison M.* The medical War. British military Medicine in the First World War. Oxford, 2010.
- [Kalshoven, 2011](#) – *Kalshoven F., Zegveld, L.* Constraints on the Waging of War: An introduction to international humanitarian Law. New York, 2011.
- [Kanis-Seyfried, 2016](#) – *Kanis-Seyfried U.* Hurrageschrei“ und “Granatschock” *Südwürttembergische Heil-und Pflgeanstalten im Ersten Weltkrieg – Sichtweisen und Erfahrungen // Geschichte der Pflege*, 2016, 1: 29-47.
- [Kitching, 2013](#) – *Kitching P.* Four faces of nursing and the First World War // *The Historian*, 2013, 119: 30-35.
- [Kriegsgefangene, 1921](#) – *Kriegsgefangene Völker.* Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin, 1921.
- [Lowenthal, 1961](#) – *Lowenthal Z.* Anglo-Yugoslav medical Relations in Pace and War // *British medical journal*, 1961, Dec.16:1634-1637.
- [Marc, 2002](#) – *Marc B.* Les infirmières dans les premiers temps de la guerre de 1914-1918 // *Histoire des sciences medicales*, 2002, 36(4): 409-421.
- [Michl, 2007](#) – *Michl S.* Im Dienste des »Volkskörpers«: Deutsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2007.
- [Miraglia, 2011](#) – *Miraglia P.* Die Weltfamilie: Der Traum des Henry Dunant // *Menschen, die die Welt bewegten: eine Vortragsreihe im Haus der Stiftung.* Hrsg. H.-J. Lenz-Stiftung. Mainz: Books on Demand, 2011, pp. 71-92.
- [Nursing, 2013](#) – Nursing and Medicine During World War I. 31/12/2013. [Electronic resource]. URL: <https://ceufast.com/blog/nursing-and-medicine-during-world-war-i>
- [PA-AA](#) – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 60597a.
- [PA-AA](#) – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 83820, Bd. 11.

[The Geneva, 1916](#) – The Geneva convention of 1906 for the amelioration of the condition of the wounded in armies in the field. Washington, 1916.
[Viet, 2015](#) – Viet V. La Santé en guerre, 1914-1918. Paris, 2015.
[Wilson, 2017](#) – Wilson P. The myth of international humanitarian law // *International Affairs*, 2017, 93(3): 563-579.

References

- [Abraham, 1922](#) – Abraham J.J. (1922). My Balkan Log. New York.
[Adami, 1918](#) – Adami J.G. (1918). War Story of the Canadian Army Medical Corps. 1861-1926. Vol. 1. London.
[Averbakh, 1915](#) – Averbakh O.I. (1915). Zakonodatel'nye akty, vyzvannye voinoiu 1914 goda s Germaniei, Avstro-Vengriiei i Turtsiei [Legislative acts caused by the war of 1914 with Germany, Austria-Hungary and Turkey]. Vil'no. [in Russian]
[Avgusteishie, 2006](#) – Avgusteishie sestry miloserdia (2006) [August sisters of mercy]. Sost. N.K. Zvereva. Moskva. [in Russian]
[Bergen, 2009](#) – Bergen L. (2009). Before My Helpless Sight: Suffering, Dying and Military Medicine on the Western Front, 1914-1918. Aldershot.
[Cherkasov et al., 2016](#) – Cherkasov, A.A., Metreveli, R.V., Smigel, M., Molchanova, V.S. (2016). Characteristics of the Russian society of the red cross on the caucasus front (1914-1917). *Terra Sebus*. 8: pp. 319-333.
[Cook, 2006](#) – Cook B.A. (ed.). (2006). Women and War: A Historical Encyclopedia from Antiquity to the Present. Vol. 2. Santa-Barbara.
[Dreyer, Lembcke, 1993](#) – Dreyer M., Lembcke O. (1993). Die deutsche Diskussion um die Kriegsschuldfrage 1918/19. Berlin.
[Eckart, Gradmann, 2003](#) – Eckart W.U., Gradmann Ch. (2003). Die Medizin und der Erste Weltkrieg. Herbolzheim.
[Gillett, 2009](#) – Gillett M.C. (2009). The Army Medical Department, 1917-1941. Washington.
[Gladkikh, 2017](#) – Gladkikh P.F. (2017). Voennai meditsina impertorskoi Rossii v pervoi mirovoi voine [Military medicine of imperial Russia in the First World War]. *Mediko-biologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii problem bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiakh*, №2, pp. 5-24. [in Russian]
[Hallet, 2016](#) – Hallet Ch.E. (2016). Nurse Writers of the Great War. Oxford.
[Harrison, 2010](#) – Harrison M. (2010). The medical War. British military Medicine in the First World War. Oxford.
[Kalshoven, 2011](#) – Kalshoven F., Zegveld, L. (2011). Constraints on the Waging of War: An introduction to international humanitarian Law. New York.
[Kanis-Seyfried, 2016](#) – Kanis-Seyfried U. (2016). Hurrageschrei“ und “Granatschock” *Südwürttembergische Heil-und Pflgeanstalten im Ersten Weltkrieg – Sichtweisen und Erfahrungen. Geschichte der Pflege*, 1: 29-47.
[Kitching, 2013](#) – Kitching P. (2013). Four faces of nursing and the First World War. *The Historian*, 119: 30-35.
[Kriegsgefangene, 1921](#) – *Kriegsgefangene Völker* (1921). Der Kriegsgefangenen Haltung und Schicksal in Deutschland. Hrsg. W. Doegen. Berlin.
[Lowenthal, 1961](#) – Lowenthal Z. (1961). Anglo-Yugoslav medical Relations in Pace and War. *British medical journal*. 12: 1634-1637.
[Marc, 2002](#) – Marc B. (2002). Les infirmières dans les premiers temps de la guerre de 1914-1918. *Histoire des sciences médicales*. 36(4): 409-421.
[Michl, 2007](#) – Michl S. (2007). Im Dienste des »Volkskörpers«: Deu tsche und französische Ärzte im Ersten Weltkrieg. Göttingen.
[Miraglia, 2011](#) – Miraglia P. (2011). Die Weltfamilie: Der Traum des Henry Dunant. *Menschen, die die Welt bewegten: eine Vortragsreihe im Haus der Stiftung. Hrsg. H.-J. Lenz-Stiftung*. Mainz. pp. 71-92.
[Nurgalieva, 2014](#) – Nurgalieva E.Yu. (2014). Obshshiny sester miloserdia v period pervoi mirovoi voiny (1914-1918) [Sisters of Mercy during the First World War]. *Meditsinskaia sestra*, №1, pp. 54-55. [in Russian]
[Nursing, 2013](#) – Nursing and Medicine During World War I. 31/12/2013 [Electronic resource]. URL: <https://ceufast.com/blog/nursing-and-medicine-during-world-war-i>
[Obzor, 1916](#) – Obzor deistvii Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii s 29 apreliia 1915 g. po 1 ianvaria 1916 g. [Review of the actions of the Extraordinary Investigation Commission from April 29, 1915 to January 1, 1916.]. T.1. Peterburg, 1916. [in Russian]
[PA-AA](#) – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 60597a.
[PA-AA](#) – Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Berlin), R 83820, Bd. 11.
[Rossia, 2001](#) – Rossia i SSSR v voynakh XX veka: Statisticheskoe issledovanie [Russia and the USSR in the wars of the twentieth century: Statistical research]. Moskva, 2001 [in Russian]

- [Sribnaia, 2015](#) – *Sribmaia A.V.* (2015). *Sestry miloserdia v gody pervoi mirovoi voiny* [Sisters of Mercy during the First World War]. Moskva. [in Russian]
- [The Geneva, 1916](#) – The Geneva convention of 1906 for the amelioration of the condition of the wounded in armies in the field. Washington, 1916.
- [Velikii kniaz', 1991](#) – Velikii rniaz' Aleksandr Mikhailovich. *Kniga vspominanii* [Grand Duke Alexander Mikhailovich. Book of Memories]. Predsl. I comment. A. Vinogradova. Moskva, 1991. [in Russian]
- [Viet, 2015](#) – *Viet V.* (2015). *La Santé en guerre, 1914-1918*. Paris.
- [Wilson, 2017](#) – *Wilson P.* (2017). The myth of international humanitarian law. *International Affairs*. 93(3): 563-579.
- [Zhenevskaia, 1914](#) – Zhenevskaia (1906 g.) I Gaagskaia (1907 g.) konventsii (1914). [Geneva (1906) and Hague (1907) conventions]. Peterburg. [in Russian]

Проблема организации помощи раненым и больным военнослужащим в период Первой мировой войны

Гульжаухар Кокебаева ^{a, *}, Рыскелды Мырзабекова ^a,
Айгул Сманова ^b, Толкын Муажанова ^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^b Казахский женский педагогический университет, Казахстан

Аннотация. Первая мировая война была глобальным вооруженным конфликтом индустриальной эпохи. Армии воюющих сторон использовали все достижения науки и техники: токсичные газы, воздушные налеты, танки. Применение мощного оружия, техники и новых методов ведения войны приводило к уничтожению или ранению огромного количества людей. Нормы международного гуманитарного права, предусматривающие обращение с больными и ранеными в вооруженных конфликтах, отражают элементарные соображения гуманности. По Женевским конвенциям 1864 и 1906 гг. санитарные учреждения должны пользоваться покровительством и охраной воюющих сторон. После каждого сражения воюющая сторона, занимающая поле сражения, должна организовать работу по поиску раненых и оказывать им медицинскую помощь. Во всех воюющих странах врачи не только по призыву, но и добровольно в большом количестве приступили к военной службе, что сделало их одной из крупнейших групп академически подготовленных специалистов, участвующих в военных действиях. Врачи и медицинские сестры самоотверженно служили гуманистическим идеалам: не разделяли раненых и больных военнослужащих по признакам принадлежности к какой-либо нации или государству.

Ключевые слова: раненые и больные военнослужащие, первая и вторая Женевские конвенции, военные медики, медицинские сестры, военная медицина, санитарные учреждения.

* Корреспондирующий автор

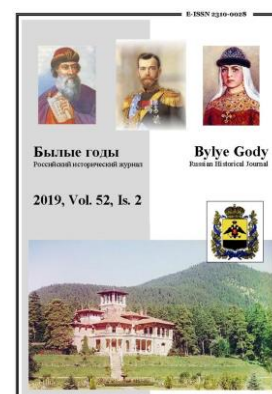
Адреса электронной почты: kokebayeva@mail.ru (Г.К. Кокебаева),
mysrabekova_r@mail.ru (Р.С. Мырзабекова)

Copyright © 2019 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 52. Is. 2. pp. 901-909. 2019
DOI: 10.13187/bg.2019.2.901
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Influence of the First World War on the Status of Women in the Russian Empire (on the Example of Governor-Generalship of the Steppe and Turkestan Territory)

Roza S. Zharkynbaeva ^{a, *}, Ardak Abdiraimova ^b, Akzhamal M. Urazbaeva ^a, Ainura T. Suinova ^a

^a al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

^b Kazakh Academy of Transport and Communications named after M. Tynyshpayev, Kazakhstan

Abstract

At present, the history of women during the First World War is of great interest, when they became an independent and strong part of society under the influence of the impending threat, able to bear all the hardships of wartime on their shoulders.

The article discusses the political and social consequences of the First World War, the impact on the status of women in the outskirts of the Russian Empire, in particular, in Governor-generalship of the Steppe and Turkestan territory. The main group of sources includes archival documents of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan (TsGA RK).

The object of the study is the features of the socio-economic status of women during the First World War. The subject of research is the socio-political activity and mass protests of women, motives, the results of the speeches, the harsh measures of the authorities against women.

Using the materials of the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan as an example, the role of such factors as women's performances as economic need, high cost, shortage of essential goods, the important role of rumors, men's participation are shown. The causes, course, specificity, consequences of women's performances, growth of women's consciousness are analyzed.

Keywords: World War I, Russian Empire, Kazakhstan, female soldiers, social conflicts, riots.

1. Введение

2018 г. – год столетия окончания Первой мировой войны, в постсоветской России ее также часто называют «Забытой войной», поскольку коллективная память о ней была вытеснена памятью о событиях революций, гражданской войны. В Казахстане истории Первой мировой войны также не придавали особого значения, так как на первом плане стояло исследование национально-освободительного движения 1916 г., поводом к которому послужил Указ от 25 июня 1916 г., согласно которому все «инородческое» мужское население в возрасте 18–43 лет должно было быть «реквизировано» для работ по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловые работы.

Традиционно история войн писалась как история военных сражений и операций, полководцев, иногда упоминались и рядовые солдаты, то есть история войн была мужской историей. Но в настоящее время, когда в мировых войнах XX в. женщины в полный голос заявили о себе, проблема «женщина и война» начала вызывать большой интерес. В годы Первой мировой войны женщины под

* Corresponding author

E-mail addresses: Roza.zharkynbayeva@gmail.com (Р.С. Жаркынбаева),
ardasha_69@mail.ru (А. Abdiraimova), ako-79@mail.ru (А.М. Urazbaeva),
suinova.a0808@gmail.com (А.Т. Suinova)

влиянием надвигающейся угрозы превратились в независимую и сильную часть общества, способную вынести все тяготы военного времени на своих плечах.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть политические и социальные последствия Первой мировой войны, влияние на положение женщин на окраинах Российской империи, в частности в Степном генерал-губернаторстве и Туркестанском крае.

2. Материалы и методы

В настоящей статье в качестве основной группы источников представлены архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Наибольшую важность для нас имеют фонд 76 «Прокурор Верненского окружного суда», содержащий в себе сведения, связанные с обвинениями женщин в выступлениях, и фонд 64 «Канцелярия Степного генерал-губернаторства», отражающий целостную социально-экономическую и политическую действительность рассматриваемого периода.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий рассмотрение особенностей социально-экономического положения женщин в годы Первой мировой войны в соответствии с конкретно-историческими условиями. Историки, применяя гендерный подход к периоду Первой мировой войны, могут показать, как женский опыт соотносился с мужским в экстремальной ситуации военного времени и в какой мере это взаимодействие формировало культурные стереотипы, нормы и идентичности. Без использования гендерного анализа невозможно адекватно оценить многие социокультурные, экономические и политические проблемы войны и ее последствия. Гендерный подход позволяет взглянуть на историю войн с другой позиции, с позиций не «услышанных» голосов отдельных исторических субъектов, в частности женщин.

При изучении данного вопроса были применены следующие методы исследования: аналитический, конкретно-исторический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, социально-психологические, а также гендерный подход.

3. Обсуждение

О Первой мировой войне написано значительное количество работ как российскими, так и зарубежными исследователями. XX век, когда в мировых войнах приняли участие большое количество женщин, предоставил зарубежным историкам широкое поле для применения гендерного анализа (Wingfield, Bucur, 2006).

В советской же историографии рассматривались лишь отдельные аспекты социально-экономического и политического положения женщин в первой четверти XX в., в частности участие женщин в батальоне смерти М. Бочкаревой, а также в Гражданской войне. Так, в 1987 г. вышла в свет статья А.С. Сенина, написанная на основе архивных документов, где с позиций классового подхода рассматривалась история создания женских команд в 1917 г. (Сенин, 1987: 176-182). Характерная особенность советской историографии состояла в том, что социально-политическая активность женщин в годы Первой мировой войны, а также их повседневная жизнь не выступали в качестве отдельного предмета исследования. Значительный пласт работ был посвящен героическим подвигам женщин в годы Второй мировой войны.

В постсоветский период происходит заметный рост интереса исследователей к Первой мировой войне как отдельной странице истории первой четверти XX века. История Первой мировой войны начинает рассматриваться не только как история военных действий, политических конфликтов, изменения расстановки сил в мире, но и как история культурных репрезентаций войны, создания национальных мифов, конструирования памяти о войне, изменения социальных отношений, включая гендерные.

В настоящее время женский вопрос начинает активно разрабатываться. В российской историографии можно выделить целый ряд исследований, посвященных влиянию Первой мировой войны на положение женщин, женским воинским формированиям и массовым женским выступлениям.

Проблема участия женщин в массовых выступлениях в России впервые была исследована в статье Ю.И. Кирьянова, где он выделяет ее как одну из форм социального протеста («продовольственные, базарные беспорядки», «голодные бунты», «погромы», «бабы бунты») (Кирьянов, 1993: 3-18).

Влияние военного фактора на повседневную жизнь русской женщины в XVIII – начале XX вв., воздействие Первой мировой войны на положение и самосознание женщин-солдаток и новые перспективы их профессионально-общественной деятельности рассмотрены в работах П.А. Щербинина (Щербинин, 2004а: 508; Щербинин, 2004b; Щербинин, 2004с).

Большой интерес вызывает статья Д.И. Фадеева, где исследуются социальные столкновения солдатских жен и матерей в Симбирской губернии (Фадеев, 2014).

Гендерный подход при изучении участия женщин в войнах в военной антропологии применяет Ю.Н. Иванова. Автор приходит к выводу, что причины феминизации вооруженных сил заключаются как в социально-общественной ситуации, так и в потребностях самого военного времени (Иванова, 2002: 346-356). И.В. Перельман анализирует основные причины трансформации гендерного порядка

в России периода Первой мировой войны, показывает факторы, обусловившие гендерные катаклизмы социального функционирования (Перельман, 2017).

В казахстанской историографии можно выделить работы М.К. Козыбаева (Козыбаев, 1996), К.К. Нурпеисова (Нурпеисов, 1997), К.Л. Есмагамбетова (Есмагамбетов, 2008), Ж.К. Касымбаева (Касымбаев, 2003), М.К. Койгельдиева (Койгельдиев, 2005), З.Г. Сактагановой (Сактаганова, 2016), где исследуются хозяйственно-экономическое и политическое положение страны в годы Первой мировой войны, проблемы истории национально-освободительного восстания 1916 г.

Необходимо отметить то, что в настоящее время в казахстанской историографии начинают подниматься проблемы, изучающие поведенческие стратегии женщин, особенности гендерной психологии, но следует подчеркнуть, что это работы, посвященные истории женщин в 1920–1930-е годы, в период Великой Отечественной войны. Положение женщин в годы Первой мировой войны не стало предметом специального научного рассмотрения.

Столетний юбилей окончания Первой мировой войны вновь актуализировал внимание научной общественности. Анализ и систематизация научной литературы показывают, что выступления женщин на территории Казахстана практически не рассмотрены ни в советской, ни в современной российской и казахстанской историографии.

4. Результаты

В годы Первой мировой войны женщины Российской империи не остались в стороне от охватившего страну массового патриотического подъема. В этот период возникает такой феномен, как женщина на войне, исследователи пишут о «феминизации» вооруженных сил. В Первой мировой войне женщины приняли участие в качестве сестер милосердия, фельдшерниц, санитарок в госпиталях, в том числе в прифронтовой зоне и на передовой.

Война до предела обострила все социально-экономические и политические проблемы Российской империи, привела к резкому упадку сельскохозяйственного и промышленного производства, значительному снижению жизненного уровня населения. Но, несмотря на все трудности военного времени, женщины Степного генерал-губернаторства старались оказать посильную помощь фронту. Так, с самого начала войны они стали активно заниматься благотворительностью. К примеру, 12 октября 1914 г. состоялся благотворительный спектакль и продажа цветов, организованные Зенковой, Черемсиновой, Бутариной и Суторминой, собранные средства были направлены Сибирскому полевому лазарету (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1279. Л. 103). М.К. Казанцевой для сбора средств для Петропавловского отдела Комитета Российского Красного Креста был организован любительский спектакль. Женщины с Атаманского хутора создали «Дамский кружок» для изыскания средств на удовлетворение нужд семей «запасных нижних чинов и ратников ополчения», призванных на войну (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1279. Л. 78). В начале ноября 1914 г. женщинами был устроен «кинематографический сеанс» в кинотеатре «Прогресс» в пользу общества попечения детей-сирот врачей (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1279. Л. 120).

Учительницы, ученицы и родители учениц Семипалатинской женской гимназии в 1914 г. отправили в действующую армию к Пасхе 6 дюжин белья, банные принадлежности, кисеты с табаком, чай, сахар, письменные принадлежности и другие гостинцы в 14 посылках. В Кавказскую действующую армию было направлено 30 пар теплых вещей в 3 посылках (ЦГА РК. Ф. 502. Оп. 1. Д. 18. Л. 28). В гимназии также выдавали пособия семьям, призванным на военную службу (ЦГА РК. Ф. 502. Оп. 1. Д. 21. Л. 10–11).

В военное время значительно ухудшилось и без того нелегкое положение населения, цены на товары первой необходимости выросли в 3–4 раза по сравнению с довоенным периодом. В этой связи усилились выступления крестьян-переселенцев, солдат и женщин против дороговизны, налогов и повинностей.

В марте 1915 г. в Верненском, Лепсинском и Пржевальском уездах Семиреченской области сельское население протестовало против политики цен царского правительства, согласно которой продукты сельского хозяйства крестьяне-переселенцы должны были продавать по фиксированным ценам, а покупать все необходимые мануфактурные, галантерейные изделия по спекулятивным ценам. В 1916 г. произошло выступление женщин в Зайсане, которое было подавлено с помощью военной силы, были арестованы 13 человек (Борьба трудящихся, 2014).

С началом Первой мировой войны царское правительство призвало в действующую армию только из Кокчетавского уезда Акмолинской области к декабрю 1915 года 39 % русскоязычного населения, занимавшегося сельским хозяйством. Такая же картина наблюдалась и в других регионах (История Казахстана, 2010). По разверстке Генштаба на тыловые работы планировалось набрать из Казахстана и Средней Азии 400 тысяч человек. Если учесть, что число казахских хозяйств в крае составляло немногим более 700 тыс., то каждое третье хозяйство теряло работника (Нурпеисов, 1997: 11). К февралю 1917 г. на тыловые работы отправились примерно 123 000 человек или половина от запланированного количества (Ганин, 2016).

Так, в ходе Первой мировой войны мобилизация мужчин в среде русских переселенцев привела к большой концентрации на селе стариков, женщин, детей. Солдатские жены и матери составили

определенную социальную общность. Так, женщины, оставшиеся без кормильцев, стали отстаивать свои экономические интересы, в том числе и радикальными мерами.

В Центральном государственном архиве Республики Казахстан отложился целый ряд документов, связанных с прокатившимися волной в 1916 г. выступлениями женщин-солдаток в ряде сел. В большинстве своем женские выступления проходили в крестьянской среде. К примеру, женщины-солдатки села Преображенского Пржевальского уезда, сел Осиповского, Николаевского, Андреевского, Глиновского, Гоншиковского Лепсинского уезда выступали против роста цен на товары. Лишь одно из выступлений женщин-солдаток в январе 1917 г. произошло в городе Верном.

Женские выступления были частью стихийных выступлений, пренебрежительно названных современниками «бабьими бунтами», которые проходили на большей части территории Российской империи в 1914–1918 гг. Разгромы магазинов, протесты против бесконтрольного роста цен, отказа в выплате пособий состоялись в Астраханской, Таврической, Тамбовской и других губерниях (Щербинин, 2004). В феврале 1916 г. в Ташкенте за участие в разгроме торговых лавок были арестованы жены рабочих железнодорожных мастерских (Кирьянов, 1993: 5).

В годы войны предписания относительно поведения, связанного с гендерными ролями, претерпели существенные трансформации. Призыв мужчин на войну для многих солдатских жен стал тяжелым жизненным испытанием, поскольку приводил к снижению уровня жизни, увеличению обязанностей женщин, вовлечению их в «мужские» сферы труда, ломал привычный семейный уклад. Но вместе с тем получение солдатками государственных пособий согласно Закону о призрении государством семей солдат, призванных на войну от 26 июня 1912 г., изменило жизнь женщин. Появление денег у женщин, которые теперь не зависели материально целиком и полностью от своих мужей, сделало их более самостоятельными как в экономическом аспекте, в плане расходования денег, так и в социально-политическом, в плане принятия решений.

Одна из солдаток призналась журналисту, что, «получив паек, я прежде всего иду в лавку «отрезать» себе кусок материи или купить обувь, чтобы не идти домой с деньгами, а то «старшие» отымут» (Щербинин, 2004).

Причем эта тенденция была характерна и для европейских стран. Современные исследования во Франции отмечали «фантастические» зарплаты и «сумасшедшие» траты женщин, работавших в оборонной промышленности. Одни на свои заработки покупали туфли и шелковые чулки, другие предпочитали апельсины и цыплят» (Тебо, 2015: 48).

Рассмотрим некоторые из дел, наиболее ярко отражающих сложившуюся ситуацию. Начнем с дела о выступлениях женщин-крестьянок села Преображенского Пржевальского уезда в связи с ростом цен на промышленные товары (1 апреля 1916 г. – 7 августа 1917 г.)

Благодаря архивным материалам представляется уникальная возможность реконструировать хронику выступления как на основании официальных документов, так и на основании «подлинных, живых голосов» участниц событий. Согласно архивным источникам, 28 марта 1916 г. в селе Преображенском Пржевальского уезда крестьянки селения, недовольные возрастающим с каждым днем повышением цен на товары со стороны местных торговцев, собравшись на базарной площади в селе толпой около 300 человек, потребовали от торговцев, чтобы они открыли свои лавки, которые еще накануне, 27 марта, были заперты торговцами из опасения их разгрома ввиду вызывающего в последние дни поведения крестьянок. Торговцы Талипов, Ярмухамедов, Исламбаев отправились к местному старосте Михаилу Суркову. Женщины требовали, чтобы он приказал им открыть свои лавки. Толпа начала кричать и упрекать старосту в том, что он защищает сартов-торговцев. Далее толпа направилась на базарную площадь к лавке торговца Муртазаева, разбила двери лавки, и затем началось хищение товаров (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 14). В телеграмме начальника Пржевальского уезда от 29 марта отмечалось: «Главное недовольство против сартов, что они не несут воинской повинности, и товары продают дорого» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 11).

Для женщин-солдаток эти торговцы представлялись трусами, которые не воют и не проливают свою кровь на фронте, как их мужья, да еще и наживаются на трудностях военного времени. Вместе с тем нужно отметить то, что царское правительство изначально решило использовать коренное население Средней Азии и Казахстана в возрасте 18–43 лет только для работ по созданию оборонительных сооружений в районе действующей армии и на тыловых работах. С одной стороны, многочисленные нерусские народы были ограничены не только в социально-экономических и политических правах, но и дискриминированы «освобождением» от несения военной службы. С другой стороны, как в вышеупомянутом случае, они были дискредитированы тем, что «не несут воинской повинности».

Впоследствии, когда женщины были арестованы, они пытались найти оправдание своим агрессивным действиям. В частности, они утверждали, что «староста ответил, убирайтесь от сюда сволочи-подлюки; между тем кричал злобными словами и площадной бранью, и лавочников затворил к себе в дом. Нас гнал от своего дома и грозил, если вы не уйдете, то я позову киргиз, чтобы они вас за ночь вырезали, этими словами он нас обозлил....» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 25). После они писали, что направились к сельскому правлению, к писарю К. Полукорову, чтобы он написал жалобу на старосту, но писарь отказался ввиду того, что не может писать на старосту (ЦГА

РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 26). Тут мы видим попытки женщин довести до властей то, что они стремились решить проблему в правовых рамках (жалоба).

Женщины также писали о субъективном подходе к ним со стороны старосты: «...Староста Сурков выписал нас, кто был раньше ему недругом из наших мужиков» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 26). В конце своего прошения арестантки писали: «В настоящее время наши хозяйства без хозяев остались, ...мы без мужьев останемся на зиму без многих продуктов, но наказывайте нас самих, а дети же невинны, и они находятся с нами, негде их бросить...» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 26-27).

Крестьянки были заключены в тюрьму по обвинению в преступлении, предусмотренном 259 ст. Уложения о наказаниях. Условия были настолько ужасающими, что начальник тюрьмы с участковым врачом Левиным телеграфировали Военному губернатору области: «... Доношу – 27 крестьянок, 41 ребенок заключены вчера. Освидетельствованием оказалось больных детей: трахомой – 6, коклюшем – 1, оспой – 1, чесоткой – 3; взрослых: конъюнктивитом – 13, беременных – 3. Всего заключенных с детьми 163 человека, кубическому содержанию вместимости 35, теснота невозможная, спали сидя...» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 14).

Обсудив ситуацию, тюремное руководство постановило перевести арестованных крестьянок для содержания под стражей в арестное помещение при полицейских, больных в городскую больницу и нанять за счет казны для них надзирателей (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 521. Л. 14).

Так, доведенные до отчаяния женщины в начале выступления достаточно агрессивно и радикально демонстрировали свое отношение к несправедливости, дороговизне, а во время заключения можно было увидеть их страх и сожаление.

Женщины села Глиновского Лепсинского уезда также выступали против роста цен. В рапорте глиновского волостного старшины от 4 апреля 1916 г. на имя лепинского уездного начальника значится: «4 апреля в 10 ч. утра жены мобилизованных нижних военных чинов собрались толпой и разбили две лавки с товарами у торговцев А. Богачева и Юсупова. Я и сельский староста попытались уговорить толпу прекратить действия, но разъяренная толпа не только не утихла, а напротив грозилась избить меня, в конце концов удалось уговорить толпу, которая разошлась. По истечении некоторого времени толпа вновь собралась и разбила еще одну лавку торговца Переливского, о чем доношу» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 505. Л. 5).

Эти женщины также были арестованы. Дело было прекращено и принятая против подсудимых мера пресечения отменена решением Окружного суда от 5 апреля 1917 г. на основании Указа об амнистии Временного правительства от 6 марта 1917 г. При этом постановление мирового судьи 5 уч. Лепсинского все еще оставалось в силе, и женщины находились под надзором полиции (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 505. Л. 8-9).

Как достаточно четко сформулировал российский исследователь Щербинин П.П., «...женское бунтарство являлось составной частью общероссийских тенденций радикализации настроений в обществе... Нередко, если это касалось деревенских выступлений, односельчане попросту использовали солдаток как щит или «таран», надеясь, что баб простят или войска не будут стрелять в безоружных женщин» (Щербинин, 2004).

Рассмотрим следующие случаи выступлений женщин.

28 марта 1916 г. в Лепсинском уезде женщины из селений Осиповское, Николаевское и Андреевское также устроили «беспорядки». Особенностью данных выступлений было то, что в них приняли участие и мужчины из первых двух селений. Согласно рапорту помощника лепсинского уездного начальника от 29 марта 1916 г. было разграблено товара по заявлению: из магазина бр. Айгистовых – на 32 000 руб., из лавки Сапы Разыбаева – на 9 тыс. Разгром начали женщины, они разбили дверь магазина Айгистовых. Руководителем женщин была солдатка селения Андреевское Зиновья Кобзеева. Причем в процессе дознания Кобзеева – «руководитель партии» – заявила, что в помощи мужчин они не нуждались, «а схватили палки и ими разбили дверь, заскочили в магазин и выбросили товар, а народ тащил» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 496. Л. 10).

Женщины прогнали старшину камнями и угрозами убить. Примечательно, что «трое подстрекателей-грабителей» было арестовано, это крестьянин села Осиповского В. Фролов, селения Николаевского – Е. Собянин и «киргиз Западно-Чинжилинской волости №10 аула Имангожа – Докамбулатов» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 496. Л. 9).

Как отмечал штаб-ротмистр Маслов, в процессе дознания «...в большой массе жителей села Андреевского видно подавленность». Показаниями многих было установлено, что агитировали упомянутые два крестьянина, В. Фролов и Е. Собянин, и крестьянин Илларион Коломийцев. А солдатки «проявили просто хулиганскую выходку на почве, как заявляют, дороговизны, которую допустить не могут» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 496. Л. 9-10).

После погрома в селе Андреевское были проведены обыски. В архивных документах приводится полный список изъятых у людей товаров, в основном это были куски материи, некоторые из них «были разорваны для шитья», куски коленкора, ведра, тарелки, чайники, в том числе и без крышки, железные банки, шкатулки, плитки кирпичного чая, небольшие скатерти, красные фартуки, пуговицы, цветные платки и другие мелочи (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 496. Л. 45-49). Перед страхом

понести наказание часть погромщиков стала добровольно возвращать товары, о чем свидетельствуют документы (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 496. Л. 40).

Особняком стоит выступление женщин-солдаток г. Верный. 23 января 1917 г. у здания Верненской городской управы собрались около 100 солдаток и стали просить власти увеличить паек. Ответ Городского головы об увеличении пайка с 1-го марта солдаток не устроил, и они направились к Управлению верненского уездного воинского начальника с той же просьбой. Там солдаткам разъяснили, что они должны ходатайствовать перед Военным губернатором области. Далее солдатки последовали к Областному правлению, где им было сообщено, что увеличение пайка будет не с 1 марта, а с 1 февраля. Несмотря на уговоры разойтись, солдатки не расходились и направились на Малый базар и остановилась у магазина Габулвалиева. Как отмечалось в рапорте и.д. полицмейстера коллежского асессора Хлыновского, «на неоднократные требования полиции разойтись «солдатки отвечали грубостью и насмешками по адресу чинов полиции и вызванных для поддержания порядка казаков». Возле солдаток «вращался нижний чин Антонов и не уходил, несмотря на неоднократные приказания», после того как он был арестован, около 20 солдаток во главе с матерью арестованного явились к квартире подполковника Карнаухова с требованием освобождения Антонова (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 634. Л. 14).

Следует отметить, что женщины в данной ситуации проявили незаурядность, решительность и настойчивость. В то же время на действия женщин большое влияние оказывали циркулировавшие слухи. В частности, 25 января у здания Городского управления собралась толпа в 200–300 человек (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 634. Л. 35). Женщины вновь стали требовать выдачу пайка и, получив тот же ответ, направились к Полицейскому управлению, говоря, что «надо освободить Голованеву», которая сидит под арестом. Между тем, согласно официальным данным, Голованева не задерживалась, а лишь в тот день утром была вызвана для допроса и после была отпущена домой. Женщинам ситуация с Голованевой была разъяснена, но они не расходились и настаивали на освобождении женщины. В вышеупомянутом документе далее сообщалось: «Чтобы рассеять толпу, я вынужден был приказать пожарной команде брызгать в толпу из бранд-машин. Как только началось обрызгивание, толпа отхлынула, но все-таки не разошлась по домам, а держалась небольшими группами неподалеку от Полицейского управления» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 634. Л. 17).

В случае выступлений женщин г. Верного можно увидеть как определенную растерянность властей, так и жестокость, проявившуюся в применении в январе месяце для разгона женщин бранд-машин.

Представляет интерес и вызывает улыбку и секретное донесение прокурору Верненского окружного суда, где описывается следующий случай. Три солдатки, Анисья Павлова, Марья Новикова и третья неизвестная, зашли в пельменную, съели пельменей, но ничего не заплатили. На требование денег «...они ответили, со смехом, что отдадут тогда, когда им дадут увеличенные пайки. При этом якобы в пельменнице присутствовали два околоточных надзирателя, которые на вопрос солдаток, как им поступить, одобрили их поведение... Солдатки уверены, что их обманули, что пайки за январь должны были быть выданы уже по новой форме» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 634. Л. 29).

Так, женщины доступными им способом, демонстрировали свое отношение к политике властей. Они также не оставались в стороне от бурных политических споров в стране. При этом в условиях военного времени разговоры, которые велись женщинами в приватной обстановке, переходили в плоскость общественную, и женщины часто подвергались за выражение собственной точки зрения судебным преследованиям и лишались свободы.

Заслуживает внимания дело по обвинению Каролины Амарцевой «в нанесении оскорблений в адрес царя». По всей видимости, его можно рассматривать в контексте всех дел, связанных с десакрализацией образа императора. Дело было заведено 2 марта 1915 г. и закрыто 4 марта 1917 г. Каролина Юрьевна Амарцева, жена ташкентского мещанина, 25 лет, обучалась у Липаревой русскому языку. Во время занятий был задан вопрос о том, что пишут в газетах о войне. Евдокия Липарева заявила: «Слава богу, чтобы этому Вильгельму пропасть со всеми его войсками». На что Амарцева сказала: «Нашему бы Государю подохнуть со всеми его войсками». На вопрос Липаревой: «А ты кто такая?» – был ответ, что она немка и «если вы немецкому императору того желаете, то пусть это случится с Вашим императором» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 451. Л. 4).

Этот случай показывает, как война вошла в повседневную жизнь женщин, и этнический фактор также играл большую роль в их самоидентификации. Примечательно то, как у Каролины Амарцевой идет большой разлад с идентификацией российского и германского императора: «свой» – «чужой», российский император в одном контексте – «наш», в другом – «ваш». Так, казалось бы, «безобидные» женские разговоры привели к заключению Амарцевой в крепость на три года. И только после Февральской буржуазной революции прокурором Верненского окружного суда, «согласно телеграфному распоряжению Министерства юстиции, названная Амарцева как осужденная за политическое преступление подлежит освобождению из-под стражи» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 451. Л. 33).

В военное время усилились и религиозные споры среди женщин. Представляет интерес и случай крестьянки П.Т. Сотниковой, в отношении которой был подогвлен обвинительный акт, в основу которого был положен разговор соседок, состоявшийся весной 1915 г. в селении Чистополье Лепсинского уезда, во дворе крестьянки П. Маланьевой. Соседки вели беседы о войне и о том, что нужно молиться о победе над врагами. П. Сотникова, причислявшая себя к «баптистской секте»,

сказала: «Что вы шунькам и мунькам молитесь, вы думаете они вас спасут?» Между женщинами происходит ссора, и они сообщают об этом старосте. Привлеченная к следствию в качестве обвиняемой П.Т. Сотникова виновной себя не признает, объяснив, что при разговоре об иконах она напомнила только первую и вторую заповеди, германцев братьями не называла, а говорила – все братья и сестры (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 594. Л. 20-21). Но несмотря на эти объяснения, П.Т. Сотникова подлежала суду Верненского окружного суда.

По постановлению мирового судьи 5 участка Лепсинского уезда от 21 августа 1915 г. она находилась под надзором полиции. В «Выписке» Верненского окружного суда было отмечено: «Признавая подсудимую Сотникову П., 25 лет, виновной по 2 ч. 73 ст. Уголовного уложения подвергнуть ее аресту сроком на два месяца и впоследствии избрать против Сотниковой особый надзор полиции» (ЦГА РК. Ф. 76. Оп. 1. Д. 594. Л. 25).

Вызывает интерес в этом контексте и жалоба казачки А.И. Бородихиной. Аграфена Ивановна Бородихина, 28 лет, как отмечалось в официальных документах, с 13-летнего возраста «имела желание перейти в магометанство». Дело было заведено 17 декабря 1912 г. и завершено 1 января 1918 г. Бородихина писала генерал-губернатору 17 декабря 1912 г.: «Мною возбуждено ходатайство перед губернатором, основание Высочайший указ 12 декабря 1904 года, 17 апреля 1905 года и Правила укрепления начал веротерпимости о причислении меня к мусульманской религии. Губернатор, не разрешая дела по существу, предписал Черноречскому обществу учредить надо мной опеку, отобрать детей, одному – второй год, девочке – два месяца. Полиция 16 декабря выполнила требование, детей в 20-градусный мороз отправили в Черноречк за 53 версты. Прошу отменить неправильные действия. Жалоба на губернатора подана Министерству внутренних дел и Сенат» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1265. Л. 9).

В данном деле мы можем увидеть личные попытки поиска своего пути, невзирая на все трудности и препятствия. На протяжении 6 лет Бородихина А.И. демонстрировала незаурядное упорство в отстаивании своей позиции. Естественно, что разрыв с верой влечет за собой изменение отношений с родственниками и близкими, но это ни П.Т. Сотникову, ни А.И. Бородихину не остановило. Эти случаи показывают, насколько серьезные изменения произошли в самосознании, религиозной жизни и жизненных установках женщин в военные годы.

5. Заключение

В годы Первой мировой войны гендерный порядок в Российской империи стремительно менялся. Женщины стали овладевать «мужскими» профессиями, стали сами зарабатывать деньги, получать пособия и расходовать деньги.

Можно отметить то, что в годы Первой мировой войны женщины стали более самостоятельными не только в экономической, но и в политической и духовной сферах жизни общества. Они стали субъектами политического процесса, осуществляющими действия, в том числе и противоправные. Женщины воевали, трудились, занимались благотворительностью, оказывали посильную помощь фронту. Вызывает интерес и то, что в ряде выступлений женщин приняли участие и мужчины что наблюдалось в Лепсинском уезде, в г. Верном.

Женские выступления были обусловлены не только недовольством солдаток своим положением, дороговизной, неопределенностью военного времени, но и тем, что они обрели относительную самостоятельность и решительность, что заложило основы для дальнейшей эмансипации женщин в годы революций, Гражданской войны, советской модернизации и Великой Отечественной войны.

6. Благодарности

Статья написана в рамках реализации научно-исследовательского проекта по гранту Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) №АР 05133556.

Литература

Борьба трудящихся, 2014 – Борьба трудящихся Казахстана в условиях нового революционного подъема и первой мировой войны. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/288>

Ганин, 2016 – Ганин А.В. События в Семиречье 1916 года по документам российских архивов. [Электронный ресурс]. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie>

Есмагамбетов, 2008 – Есмагамбетов К.Л. Тарих тандактары. В 2-х томах, Арыс, 2008.

Иванова, 2002 – Иванова Ю.Н. Женщины в войнах отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник. М., 2002. С. 346-356.

История Казахстана, 2010 – История Казахстана с древнейших времен до наших дней. В 5-ти томах. Алматы: Атамура, 2010. Т. 3. 765 с.

Касымбаев, 2003 – Касымбаев Ж.К. Проблемы истории национально-освободительных движений в Казахстане в XVIII – начале XX вв.: теоретико-методологические аспекты // *Отантарихы*. 2003. №1. С. 90-95.

- Кириянов, 1993** – Кириянов Ю.И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 гг.) // *Отечественная история*. 1993. №3. С. 3-18.
- Козыбаев, 1996** – Козыбаев М.К. Национально-освободительное движение в Казахстане и Средней Азии в 1916 году: характер, движущие силы, уроки. Алматы, 1996. 450 с.
- Койгельдиев, 2005** – Койгельдиев М.К. Алашқозғалысы. Алматы, 2005. Т. 2. 492 с.
- Нурпеисов, Григорьев 1997** – Нурпеисов К., Григорьев В.К. Турар Рыскулов и его время // Рыскулов Т.Р. Собрание сочинений в трех томах. Т. 1, А., 1997.
- Перельман, 2017** – Перельман И.В. Влияние Первой мировой войны на развитие российского гендерного порядка. Феномен Марии Бочкаревой // *Манускрипт*. 2017. №9 (83). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pervoy-mirovoy-voynu-na-razvitie-rossiyskogo-gendernogo-poryadka-fenomen-marii-bochkarevoy> (дата обращения: 07.09.2018).
- Сактаганова, 2016** – Сактаганова З.Г. К 100-летию национально-освободительного движения: о причинах восстания казахов 1916 года // *Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия»*. 2016. №4 (84). С. 96-103.
- Сенин, 1987** – Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 г. // *Вопросы истории*. 1987. №10. С. 176-182.
- Тебо, 2015** – История женщин на Западе: в 5 т. Т. V: Становление культурной идентичности в XX столетии / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; под ред. Ф. Тебо; науч. ред. перевода Н.Л. Пушкирева. СПб.: Алетейя, 2015. 624 с.: ил. (Гендерные исследования).
- Фадеев, 2014** – Фадеев Д.И. Солдатки Первой мировой войны в социальных конфликтах на примере Симбирской губернии 1914–1917 гг. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestarchive.ru/2014-1/2834-soldatki-pervoi-mirovoi-voiny-v-socialnyh-konfliktah-na-primere-simbirskoi-gubernii-1914--1917-g.html> (дата обращения: 27.08.2018).
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Щербинин, 2004** – Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX вв.: Монография. Юлис. 2004. 508 с.
- Щербинин, 2004** – Щербинин П.П. Женщины в русской армии в период Первой мировой войны 1914–1918 гг. // *Вестник ТГУ*. 2004. №3. С. 42-49.
- Щербинин, 2004** – Щербинин П.П. Как жилось российской солдатке в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // *Женщина в российском обществе*. 2004. №1–2. С. 51-64.
- Bucur, Wingfield 2006** – Gender and war in twentieth-century Eastern Europe / Ed. by Wingfield N., Bucur M. Bloomington: Indiana univ. press, 2006.

References

- Bor'ba trudyashchikhsya, 2014** – Bor'ba trudyashchikhsya Kazakhstana v usloviyakh novogo revolyutsionnogo pod'ema i pervoi mirovoi voiny [The struggle of workers of Kazakhstan in the conditions of a new revolutionary upsurge and the First World War]. 2014. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://e-history.kz/ru/contents/view/288> [in Russian]
- Bucur, Wingfield 2006** – Gender and war in twentieth-century Eastern Europe. Ed. by Wingfield N., Bucur M. Bloomington: Indiana univ. press, 2006.
- Ganin, 2016** – Ganin A.V. (2016). Sobytiya v semireche 1916 goda po dokumentam rossijskix arxivov. [Events in the Seven Rivers 1916 according to the documents of Russian archives]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://semirechye.rusarchives.ru/predislovie> [in Russian]
- Esmagambetov, 2008** – Esmagambetov K.L. (2008). Tarix tandaktary [Historical spots] v 2-x tomax, Arys. [in Kazakh]
- Saktaganova, 2016** – Saktaganova Z.G. (2016). K 100-letiyu nacionalno-osvoboditelnogo dvizheniya: o prichinax vosstaniya kazaxov 1916 goda [On the 100th anniversary of the national liberation movement: the reasons for the uprising of the Kazakhs in 1916]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya «Istoriya. filosofiya»*. № 4(84). pp. 96-103.[in Russian]
- Senin, 1987** – Senin A.S. (1987). Zhenskie batal'ony I voennye komandy v 1917 g. [Women's battalions and military teams in 1917]. *Voprosy istorii*. №10. pp. 176-182. [in Russian]
- Istoriya Kazaxstana, 2010** – Istoriya Kazaxstana s drevnejshix vremen do nashix dnei [History of Kazakhstan from ancient times to the present day]. V 5-ti tomax. Almaty, Atamura, 2010. T.3. 765 p. [in Russian]
- Ivanova, 2002** – Ivanova Yu.N. (2002). Zhenshchiny v voynakh otechestva [Women in the wars of the fatherland]. *Voенно-istoricheskaya antropologiya. Ezhegodnik*. M. pp. 346–356. [in Russian]
- Kir'yanov, 1993** – Kir'yanov Yu.I. (1993). Massovye vystupleniya napochve dorogovizny v Rossii (1914-fevral' 1917 g.) [Mass demonstrations on the basis of high prices in Russia (1914-February 1917)]. *Otechestvennaya istoriya*. № 3. pp. 3-18. [in Russian]
- Kasymbaev, 2003** – Kasymbaev Zh.K. (2003). Problemy istorii nacionalno-osvoboditelnyx dvizhenij v Kazaxstane v XVIII – nachale XX vv.: teoretiko-metodologicheskie aspekty [Problems of the history of national liberation movements in Kazakhstan in the XVIII – early XX centuries: theoretical and methodological aspects]. *Otan tarixy*. №1. pp. 90-95 [in Russian]

Kozybaev, 1996 – *Kozybaev M.K.* (1996). Natsional'no-osvoboditel'noe dvizhenie v Kazakhstane i Srednei Azii v 1916 godu: kharakter, dvizhushchie sily, uroki [The national liberation movement in Kazakhstan and Central Asia in 1916: the nature, the driving forces, the lessons]. Almaty. 450 p. [in Russian]

Kojgeldiev, 2005 – *Kojgeldiev M.K.* (2005). Alash kozgalysy [Alash movement]. Almaty. T. 2. 492 p. [in Kazakh]

Nurpeisov, Grigorev, 1997 – *Nurpeisov K., Grigorev V.K.* (1997). Turar Ryskulov i ego vremya [Turar Ryskulov and his time]. Ryskulov T.R. Sobranie sochinenij v trex tomakh. T.1, A. [in Russian]

Perel'man, 2017 – *Perel'man I.V.* (2017). Vliyanie Pervoi mirovoi voyny na razvitie rossiiskogo gendernogo poryadka. Fenomen Marii Bochkarevoi [The impact of the First World War on the development of the Russian gender order. Phenomen on Maria Bochkareva]. Manuscript. №9 (83). [Elektronnyi resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pervoy-mirovoy-voyny-na-razvitie-rossiyskogo-gendernogo-poryadka-fenomen-marii-bochkarevoy> (data obrashcheniya: 07.09.2018). [in Russian]

Tebo, 2015 – *Istoriya zhenshchin na Zapade: v 5 t. T. V: Stanovlenie kul'turnoi identichnosti v XX stoletii* [The history of women in the West: in 5 t. T. V: Formation of cultural and identity in the XX century]. Pod obshch. red. Zh. Dyubii M. Perro; pod red. F. Tebo; nauch. red. perevoda N. L. Pushkareva. SPb. Aleteiya. 2015. 624 p. :il. (Gendernye issledovaniya) P. 48 [in Russian]

Fadeev, 2014 – *Fadeev D.I.* (2014). Soldatki pervoj mirovoj vojny v socialnykh konfliktakh na primere sibirskoy gubernii 1914 – 1917 gg. 2014. [Soldiers of the First world war in social conflicts on the example of the Sybirsk province. 1914 – 1917]. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.vestarchive.ru/2014-1/2834-soldatki-pervoi-mirovoi-voyny-v-socialnykh-konfliktakh-na-primere-sibirskoi-gubernii-1914--1917-g.html> (data obrashcheniya: 27.08.2018). [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – *Shcherbinin P.P.* (2004). Voennyi faktor v povsednevnoi zhizni russkoi zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.: monografiya [The military factor in the daily life of a Russian woman in the XVIII-beginning of the XX century.]. Yulis. P. 508. [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – *Shcherbinin P.P.* (2004). Zhenshchiny v russkoi armii v period pervoi mirovoi voyny 1914-1918 gg [Women in the Russian army during the First World War 1914-1918]. *Vestnik TGU*. №3. pp. 42-49 [in Russian]

Shcherbinin, 2004 – *Shcherbinin P.P.* (2004). Kak zhilos' rossiiskoi soldatke v gody Pervoi mirovoi voyny (1914-1918 gg.) [How was the Russian soldier during the First World War (1914-1918)?]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*. №1-2. pp. 51-64. [in Russian]

Влияние Первой мировой войны на положение женщин в Российской империи (на примере Степного генерал-губернаторства и Туркестанского края)

Роза Жаркынбаева ^{a, *}, Ардак Абдирайымова ^b, Акжамал Уразбаева ^a, Айнура Суйнова ^a

^a Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

^b Казахская академия транспорта и коммуникаций им. М. Тынышпаева, Казахстан

Аннотация. В настоящее время большой интерес вызывает история женщин в годы Первой мировой войны, когда они под влиянием надвигающейся угрозы превратились в независимую и сильную часть общества, способную вынести все тяготы военного времени на своих плечах.

В статье рассматриваются политические и социальные последствия Первой мировой войны, влияние на положение женщин на окраинах Российской империи, в частности в Степном генерал-губернаторстве и Туркестанском крае. В качестве основной группы источников представлены архивные документы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК).

Объектом исследования являются особенности социально-экономического положения женщин в годы Первой мировой войны, предметом – их социально-политическая активность и массовые выступления, мотивы, результаты выступлений, жесткие меры властей в отношении женщин.

На примере материалов Центрального государственного архива Республики Казахстан показана роль таких факторов женских выступлений, как экономическая нужда, дороговизна, дефицит жизненно необходимых товаров, важная роль слухов, участие мужчин. Проанализированы причины, ход, специфика, последствия женских выступлений, рост женского самосознания.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Казахстан, женщины-солдатки, социальные конфликты, бунты.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Roza.zharkynbayeva@gmail.com (Р.С. Жаркынбаева), ardasha_69@mail.ru (А. Абдирайымова), ako-79@mail.ru (А. Уразбаева), suinova.a0808@gmail.com (А. Суйнова)